This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

4075
4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

2

C

ОЧЕРКИ
ИСТОРІИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

СОЧИНЕНІЕ

Г.
Ѳ. Караулова.

Томъ I.

(Литература древняго періода и новаго до Пушкина).

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Одесса.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. ФРАНЦОВА.

1870.

Slav 4075.4

Дозволено Цензурою. Одесса, 7-го іюля 1869 года.

ОЧЕРКИ

ИСТОРІИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ПОМОЩНИКУ ПОПЕЧИТЕЛЯ

ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА,

ІОСИФУ ГРИГОРЬЕВИЧУ

МИХНЕВИЧУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предисловіи къ первому изданію своей книги я сказалъ: «Цѣль издаваемыхъ мною *Очерковъ исторіи русской литературы* — быть популярной книгой для чтенія и служить пособіемъ при изученіи исторіи русской литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Я хотѣлъ прослѣдить судьбы русской литературы, съ древнѣйшихъ временъ, и представить, въ возможно полномъ очеркѣ, весь ходъ ея развитія — просто, наглядно, безъ всякихъ школьныхъ формъ и сухаго догматизма. Но въ то же время я смотрѣлъ на дѣло совершенно серьёзно и основывался въ своихъ заключеніяхъ на фактахъ и выводахъ, добытыхъ современной наукой и новѣйшими историко-литературными изслѣдованіями.

Въ какой мѣрѣ я достигъ предположенной цѣли, успѣшно или нѣтъ я выполнилъ свою задачу, — судить объ этомъ, конечно, не мнѣ самому».

Я не рѣшаюсь судить объ этомъ и теперь, при вторичномъ изданіи книги; потому что это значило бы быть судьею въ собственномъ дѣлѣ. Но то обстоятельство, что явилась потребность въ новомъ изданіи «Очерковъ» можетъ, кажется, служить доказательствомъ, что книга моя прошла не совсѣмъ безслѣдно и не была встрѣчена не сочувственно въ массѣ публики, читающей по-русски, и въ средѣ русскаго учащагося юношества.

При новомъ изданіи «Очерковъ» я преслѣдовалъ все ту же цѣль — сдѣлать ихъ общедоступной и занимательной книгой для чтенія, которая могла бы возбудить въ читающемъ интересъ

къ предмету и своимъ содержаніемъ и самымъ способомъ изложенія. Я старался устранить отъ своихъ «Очерковъ» характеръ сухой и непривлекательной школьной книги, какимъ отличаются по большей части изданія такого рода; старался излагать дѣло просто, ясно и доступно для пониманія каждаго, — безъ всякихъ отвлеченностей, безъ всякой сухой школьной систематики и формализма. Я твердо убѣжденъ въ томъ, что вся эта схоластическая обстановка вредитъ только интересу предмета и живости изложенія, дѣлаетъ по-напрасну изъ науки какое-то пугало, доступное для однихъ «посвященныхъ», обременяетъ безплодно голову читателя и не только не способствуетъ, но, напротивъ, всячески затрудняетъ его въ дѣлѣ пониманія и усвоенія прочитаннаго. Отъ этого и происходитъ то странное явленіе, что въ массѣ русскаго такъ называемаго образованнаго общества,—(изъ которой я не исключаю и учащагося юношества), — обращается запасъ самыхъ слабыхъ познаній, самыхъ невѣрныхъ и шаткихъ понятій о русской литературѣ, даже о тѣхъ не многихъ, но славныхъ дѣятеляхъ — а иногда и мученикахъ—русской мысли и русскаго слова, которыми по справедливости наша литература можетъ гордиться. Отъ этого происходитъ, что и въ школахъ исторія русской литературы, преподаваніе которой можетъ быть однимъ изъ самыхъ занимательныхъ, однимъ изъ самыхъ развивающихъ предметовъ для юношества, становится для него большею частію предметомъ скучнымъ, труднымъ и непривлекательнымъ. Всѣхъ насъ учили въ гимназіяхъ такъ называемой «русской словесности», всѣ мы готовились къ экзаменамъ и усердно зубрили извѣстные учебники, съ ихъ мертвящими схоластическими формами и отсталыми понятіями, — зубрили затѣмъ, что бы потомъ поскорѣе ихъ позабыть и вынести изъ школы какія-то смутныя и неопредѣленныя понятія,— сохранившіяся въ нашей памяти какъ-то невольно, механически, — о Словѣ о Полку Игоревѣ, о Симеонѣ Полоцкомъ и т. п.

При допущенномъ въ моихъ «Очеркахъ» способѣ и порядкѣ изложенія, казалось мнѣ, что для читателя или для учащагося достаточно прочесть о предметѣ одинъ разъ, чтобы въ его памяти и сознаніи сохранилось все главное, что ему необходимо знать о томъ или другомъ литературномъ дѣятелѣ, явленіи или эпохѣ. Я хотѣлъ не оставить ничего необъясненнымъ, недоска-

заннымъ, не опасаясь, что книга моя разрослась отъ того въ большой томъ; но я полагалъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ она выиграетъ въ ясности и простотѣ изложенія, въ полнотѣ и цѣльности своихъ очерковъ и характеристикъ.

Задавшись задачей — сдѣлать «Очерки и. р. л.» общепонятной, общедоступной и легкой по своему изложенію книгой, понятно само собою, что я тутъ менѣе всего думалъ о томъ, чтобы щеголять собственной ученостію, чтобы представить новыя изысканія, новыя историко-литературные изслѣдованія для обогащенія науки. Моя цѣль была несравненно скромнѣе. Я хотѣлъ только разъяснить уже добытое наукой и сдѣлать его общедоступнымъ, хотѣлъ представить наглядно и по возможности вѣрно послѣдніе выводы и результаты, добытые современной наукой. Я воспользовался всѣми наличными трудами и изслѣдованіями, относящимися къ предмету; но воспользовался по своему, а не слѣпо, не съ рабскимъ заимствованіемъ: данныя и факты, заимствованные мною прямо изъ источниковъ, пересказаны, освѣщены и сгруппированы у меня по моему плану и идеѣ; мысли и воззрѣнія другихъ авторовъ, — т. е. тѣ мысли и воззрѣнія, съ которыми я соглашался самъ, которыя я признаю за вѣрныя и справедливыя, — переработаны мною самостоятельно и такимъ образомъ, чтобы все проникнуто было однимъ общимъ взглядомъ, одной общей идеей, руководившей мною въ моемъ трудѣ.

Главная изъ перемѣнъ, сдѣланныхъ мною въ этомъ новомъ изданіи «Очерковъ», заключается въ томъ, что очеркъ *новаго* періода литературы я начинаю здѣсь съ эпохи преобразованія, а не съ Ломоносова, какъ было прежде, соглашаясь теперь вполнѣ съ основаніями, высказанными по этому вопросу г. Стоюнинымъ въ его превосходной книгѣ: «О преподаваніи русской литературы». (Стр. 207 — 210). Затѣмъ мною пересмотрѣна тщательно вся книга, сдѣланы многія поправки и нѣкоторыя существенныя добавленія; при чемъ я воспользовался вновь появившимися матеріалами и изслѣдованіями. Нѣкоторые очерки переработаны мною почти вновь. Укажу на очерки и характеристики: Ломоносова,

Сумарокова, классической трагедіи, комедіи, вообще драмы и театра прошлаго вѣка, заграничныхъ писемъ Фонъ-Визина, журналистики, Лабзина и мистицизма первой четверти XIX столѣтія, Радищева, кн. Щербатова, журнальной дѣятельности и «писемъ» Карамзина, и проч. Наконецъ я значительно увеличилъ библіографическія указанія на источники, которыми пользовался.

Г. К.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЯГО ПЕРІОДА

Устная народная словесность.

Стр.

Русскій народный эпосъ . . . . . 2 — 40

Былины, или пѣсни богатырскія 2
Содержаніе былинъ. Былины о богатыряхъ старшихъ 3
Былины періода историческаго 9
Былины новгородскія 14
Характеристика и историческое значеніе былинъ 16
Историческія пѣсни, или собственно историческія былины 18
Удалыя, или казачьи пѣсни 20
Частныя, или бытовыя пѣсни 22
Малороссійскія пѣсни 25
Народныя сказки 26
Пословицы 29
Духовные стихи 31

Обозрѣніе письменныхъ памятниковъ древне-русской литературы, писатели и литературная дѣятельность въ древней Руси.

ОТДѢЛЪ I.

СВѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Памятники поэтическіе и вообще литературные.

Памятники поэтическіе . . . . . 34 — 59

Слово о Полку Игоревѣ 35
Характеръ древней письменности и литературы. Общая характеристика письменныхъ и литературныхъ памятниковъ 42

Памятники чисто-литературные . . . . . 44 — 55

Поученіе Владиміра Мономаха дѣтямъ своимъ 44
Слово Даніила Заточника 55

Украшенныя историческія Сказанія или Повѣсти . . . 49 — 55

Повѣсть о великомъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ 49
Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ 51

Стр.

Легендарная литература. Легенды, апокрифы, древне-русская литературная повѣсть; ихъ исторія и значеніе . . . . . 55 — 82

Ученая разработка легендъ 55

Опредѣленіе и раздѣленіе легенды. Русская легендарная поэзія въ сравненіи съ восточной и западной легендой. 55

Апокрифы; ихъ происхожденіе и исторія 58

Причины популярности письменной духовной легенды и апокрифовъ въ древней Руси. Борьба народнаго творчества съ наплывомъ византійскихъ идей 61

Содержаніе и перечисленіе болѣе распространенныхъ русскихъ апокрифовъ и легендъ 63

Бесѣда трехъ Святителей въ связи со стихомъ о Голубиной книгѣ . . 65

Хожденіе Богородицы по мукамъ . . . , ... 68

Общая характеристика древне-русской легенды и легендарной повѣсти. 70

Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи 71

Повѣсть о Юліаніи Лазаревской . . , ... , . 74

Направленіе и духъ древне-русской легендарной повѣсти 76

Повѣсть: Горе-Злочастіе 76

Значеніе легендарной поэзіи въ древне-русской литературѣ и ея вліяніе на жизнь 80

Старинные литературные сборники.

I. Изборникъ Святославовъ. 82

II. Пчела 83

III. Хронографы, какъ памятники литературные 85

IV. Азбуковники 87

Поэтическая и литературная сторона въ старинныхъ народныхъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Травниковъ, Лечебниковъ и др. 89

Значеніе рукописн. сборниковъ въ древне-русской жизни и литературѣ. 92

Домострой 93

Памятники литературы исторической.

Лѣтописи; ихъ важность и значеніе; ихъ критическая разработка; первоначальное возникновеніе лѣтописной литературы: составъ нашихъ лѣтописей 96

Кто былъ составителемъ первоначальной лѣтописи. Несторъ. Сильвестръ 98

Внутреннее содержаніе и составъ первоначальной лѣтописи 100

Хронографы 106

Степенныя книги 106

Описанія старинныхъ путешествій.

I. Хожденіе паломника, игумена Даніила 107

II. Путешествіе Стефана Новгородца 109

III. Путешествіе митрополита Пимена 110

IV. Ксеносъ монаха Зосимы 112

V. Путешествіе митрополита Исидора 112

VI. Хожденіе за три моря тверитянина, Афанасія Никитина . . . , 113

VII. Путешествіе Трифона Коробейникова и Юрія Грекова 114

VIII. Путешествіе Родіона Котова . . . , ... 114

Стр.
IX. Путешествія: казака Петлина, Василія Гагары, Бориса Пазухина и Арсенія Суханова 115
Заключеніе о свѣтской литературѣ. Ея характеръ въ древней Руси . 116

ОТДѢЛЪ II.

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Вліяніе христіанства и грамотность 116
Переводъ книгъ св. писанія и начальная переводная литература. . . . . 117—129
Изобрѣтеніе славянскихъ письменъ 117
Жизнь и дѣятельность славянскихъ первоучителей, св. братьевъ Кирилла и Меѳодія 118
Переводъ книгъ св. писанія на славянскій языкъ братьевъ Кирила и Меѳодія. Внесеніе этого перевода въ Россію. Остромирово Евангеліе. 121
Возникновеніе и перенесеніе къ намъ славянской литературы, переводной съ греческаго 124
Списываніе книгъ въ монастыряхъ. Любовь къ книгамъ и книжному ученію. Князья — ревнители христіанскаго просвѣщенія . . . 125
Постепенное развитіе письменности и книжнаго образованія въ средѣ духовенства и безграмотность народа 127
Значеніе переводной греческой литературы въ исторіи древне русскаго просвѣщенія 129

Духовные писатели и церковно-литературные памятники XI, XII, XIII и XIV столѣтій.

1. Лука Жидята 130
2. Иларіонъ 130
3. Преподобный Ѳеодосій 131
4. Іаковъ 133
5. Преподобный Несторъ 133
Характеристика духовныхъ писателей XI вѣка 134
Писатели и памятники послѣдующихъ вѣковъ 134
1. Митрополитъ Никифоръ 135
2. Кириллъ Туровскій 135
3. Вопросы черноризца Кирика 138
4. Поученіе крестьянамъ 138
5. Слово нѣкоего христолюбца 138
6. Посланіе Симона 931
7. Печерскій Патерикъ и житія святыхъ вообще 140
8. Кириллъ I. 144
9. Серапіонъ 145
10. Митрополиты Руси—Петръ и Алексій. Сергій Радонежскій, Кириллъ Бѣлозерскій и Стефанъ Пермскій 146
11. Кипріанъ 146
12. Григорій Цамблакъ, или Самвлакъ 148
Характеристика духовныхъ писателей и памятниковъ церковно-славянской письменности XII, XIII и XIV столѣт. 148
Продолженіе переводовъ съ греческаго и составленіе духовныхъ сборниковъ 149

ОТДѢЛЪ III.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ НА РУСИ ВЪ XV, XVI И XVII СТОЛ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНІЕ, ПИСАТЕЛИ И ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ XV И XVI СТОЛѢТІЯХЪ.

Стр.

1. Фотій 151
2. Вассіанъ 152
3 Геннадій и его замѣчательная дѣятельность. Вопросъ о жидовской ереси. Схарія и еретики. Забота Геннадія о школахъ и образованіи духовенства 153
4. Іосифъ Волоцкій, какъ помощникъ Геннадія въ борьбѣ съ еретиками. Характеръ литературной дѣятельности Іосифа, его посланія и „Просвѣтитель". Ереси М. Бакшина и Ѳ. Косаго. Сочиненія Зиновія Отенскаго. Іосифъ въ монастырскомъ вопросѣ. Нападка на „Осифлянъ". Ниль Сорскій. Литературная форма и пріемы въ сочиненіяхъ Іосифа 159
5. Максимъ Грекъ, его жизнь и сочин.; ихъ значеніе и польза . . . 166
6. Митрополитъ Макарій; Четьи-Минеи и др. литературные труды его. 170
7. Посланіе къ царю Ивану IV и Сказаніе кн. А Курбскаго. Отвѣты Грознаго; историческая важность, характеръ и литературные качества тѣхъ и другихъ 171
Стоглавъ; его содержаніе и значеніе въ древне-русской жизни и литературѣ 176
Общая характеристика литературной дѣятельности на Руси въ XV — XVI стол. Начало книгопечатанія и проч. 180

ЛИТЕРАТУРА, ПИСАТЕЛИ И СТЕПЕНЬ РАЗВИТІЯ ОБРАЗОВАННОСТИ НА РУСИ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

Причины усилившейся литературной дѣятельности въ юго-западной и сѣверо-восточной Руси 183
Унія и ея вліяніе на образованность и литературу юго-западной Руси. 184
Кіевскій коллегіумъ, или академія. Образованіе кіевской схоластики и ея вліяніе на характеръ образованности и литературы . . . 189
Въ чемъ выразилось проявленіе кіевской школьной образованности . 191
Состояніе образованности въ Москвѣ и московская духовная академія. Вліяніе кіевской учености на Москву 193

Болѣе замѣчательные писатели юго-западной Руси.

1. Лаврентій Зизаній 198
2. Мелетій Смотрицкій 199
3. Петръ Могила 200
4. Лазарь Барановичъ 201
5. Прочіе писатели юго-западной Руси и ихъ общая характеристика . 203

Стр.

Обозрѣніе дѣятельности болѣе замѣчательныхъ писателей и дѣятелей на поприщѣ русскаго просвѣщенія въ сѣверо-восточной Руси . . . . . 204—210

1. Никонъ, его жизнь и дѣятельность; характеристика; значеніе дѣятельности Никона въ исторіи русской церкви и просвѣщенія. Собственные письменные труды Никона 204

Никоновское исправленіе книгъ и расколъ . . . . . 210—217

О значеніи раскола въ исторической и внутренней жизни русскаго народа и государства. Обзоръ исправленія церковныхъ книгъ. Взглядъ на происхожденіе раскола 210

Преслѣдованія раскола. Совершенное отдѣленіе раскольниковъ отъ господствующей церкви и образованіе отдѣльной религіозно-гражданской секты 217

Раскольничья литература 219

2. Симеонъ Полоцкій, представитель кіевской учености въ сѣверо-восточной Руси; характеристика сочиненій Полоцкаго; его духовныя драмы и ихъ значеніе 221

3. Епифаній Славинецкій 224

4. Сильвестръ Медвѣдевъ. 225

5. Св. Димитрій Ростовскій 228

6. Григорій Котошихинъ 231

7. Юрій Крижаничъ, Сербъ. Его жизнь и сочиненія; содержаніе послѣднихъ и характеристика. Славянофильство Крижанича. Значеніе его сочиненій для Россіи XVII столѣтія 234

Общая характеристика литературной дѣятельности на Руси въ XVII столѣтіи. Количественное увеличеніе письменныхъ произведеній, безъ измѣненія ихъ внутренняго характера. Вліяніе кіевской и византійской схоластики. Второстепенныя сочиненія по части исторіи, географіи, свѣдѣній о природѣ 240

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРЫ НОВАГО ПЕРІОДА.

ОТДѢЛЪ I.

ЭПОХА ПРЕОБРАЗОВАНІЙ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАННОСТИ, ЛИТЕРАТУРА И ПИСАТЕЛИ ОТЪ XVIII ВѢКА ДО ЛОМОНОСОВА.

Главнѣйшее отличіе литературы древняго періода отъ литературы, возникшей въ эпоху преобразованія, какъ со стороны внутренняго содержанія, такъ и со стороны внѣшней формы. Общая характеристика и значеніе литературы въ эпоху преобразованія . . . 243

Отношеніе и связь реформы Петра съ предыдущей эпохой. Первые признаки новаго въ старомъ обществѣ. Общій характеръ преобразовательной дѣятельности Петра 244

МѢРЫ ПЕТРА ОТНОСИТЕЛЬНО НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ. СОСТОЯНІЕ И ХАРАКТЕРЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ЕГО ЦАРСТВОВАНІЕ.

Мнѣніе Петра о древне-русской образованности 251

Вліяніе кіевской учености въ царствованіе Петра и связь духовнаго

Стр.
образованія въ его царствованіе съ духовнымъ образованіемъ прежняго времени 252
Мѣры относительно свѣтскаго образованія 255
Учрежденіе С. Петербургской академіи наукъ 258
Изданіе книгъ. Переводы 259
Заведеніе типографій. Гражданскій алфавитъ 261
Куранты до Петра. Печатаніе первыхъ «Русскихъ Вѣдомостей» при Петрѣ 262
Театральныя представленія 264
Писатели въ эпоху преобразованія . . . . . 269—270
1. Дѣятельность Ѳеофана Прокоповича 269
Біографія 269
Характеристика и сочиненія Ѳ. Прокоповича, какъ писателя реформы. Проповѣди; похвальное слово русскому флоту; сатирическій элементъ въ проповѣдяхъ Ѳ. Прокоповича. Духов. Регламентъ . 270
Послѣдователи Ѳ. Прокоповича 279
а) Гавріилъ Бужинскій 279
б) Ѳеофилъ Кроликъ 279
2. Стефанъ Яворскій. Его дѣятельность по сравненію съ дѣятельностію Ѳ. Прокоповича, какъ писателя въ эпоху преобразованія. Сочиненія Ст. Яворскаго. Ихъ общая характеристика 280
3. Посошковъ, его жизнь и сочиненія. Содержаніе и характеристика послѣднихъ 284
4. Татищевъ. Его жизнь, служебная дѣятельность. Его ученые труды . 289
Прочія историческія сочиненія въ эпоху преобразованія 295

СОБСТВЕННО ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ВЪ ЭПОХУ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ.

Значеніе дѣятельности Тредьяковскаго въ исторіи развитія новой литературы. Біографическія свѣдѣнія. Учено-литературные труды . 307
Сатирическая поэзія. Кантемиръ. Біографическія свѣдѣнія. Сатиры и другія сочиненія Кантемира 297

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРА И ПИСАТЕЛИ ДО ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ XIX СТОЛѢТІЯ.

ЛОМОНОСОВЪ И ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛИ.

Біографія Ломоносова 315
Сужденіе о трудахъ Ломоносова и значеніе его дѣятельности. Французскій псевдоклассицизмъ. Стихотвор. произведенія Ломоносова . 321
Сочиненія Ломоносова по теоріи языка и словесности. Созданный имъ русскій литературный языкъ въ его стихотворныхъ, ораторскихъ и прочихъ прозаическихъ произведеніяхъ 326
Ломоносовскій риторизмъ. Риторическое и сатирическое направленіе въ русской литературѣ. Ихъ значеніе. Литературныя заслуги Ломоносова и его значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще. 332
Заслуги и значеніе Ломоносова въ дѣлѣ русской науки. Его ученые труды и сочиненія. Ихъ форма и содержаніе. Мысли Ломоносова объ изученіи природы. Письмо о пользѣ стекла 338

Вопросы политическіе и общественные въ соч, Ломоносова. 343
Заключеніе. Общая характеристика 345
Ломоносовская школа . . . . . , ... 349—355
1. Поповскій 349
2. Херасковъ 350
3. Петровъ 355

ДЕРЖАВИНЪ И ЕГО ТОРЖЕРТВЕННАЯ ЛИРИКА.

Неподвижность русской литературы въ періодъ отъ Ломоносова до Державина. Общая характеристика екатерининскаго вѣка по отношенію къ литературѣ и образованности 356
Біографія Державина 357
Оды Державина; дѣленіе ихъ по ихъ содержанію на три разряда; разборъ каждаго изъ нихъ. Оды нравственнаго и духовнаго содержанія 361
Оды торжественныя 363
Общая оцѣнка и главныя элементы и мотивы поэзіи Державина; міросозерцаніе поэта; свойство его поэтическаго таланта; его гиперболизмъ 366
Взглядъ самого Державина и его времени на призваніе поэта. Внѣшняя форма и языкъ державинской поэзіи и значеніе ихъ въ литературѣ. Общее сужденіе 374

НАЧАЛО РУССКАГО ТЕАТРА. ПСЕВДОКЛАССИЧЕСКАЯ ТРАГЕДІЯ И КОМЕДІЯ НА РУССКОЙ СЦЕНѢ И ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. САТИРА ВТОРОЙ ПОЛОВ. XVIII СТОЛѢТІЯ.

Сумароковъ,—первый водворитель у насъ французской трагедіи и комедіи. Волковъ—основатель русскаго театра. Свѣдѣнія о жизни и театральной дѣятельности Волкова 377
Свѣдѣнія о жизни Сумарокова 383
Трагедіи Сумарокова 386
Комедіи, сатиры и прочія сочиненія Сумарокова. Свойство, характеръ и значеніе сумароковской сатиры. Вліяніе Сумарокова на современное общество и литературу 388

САТИРА ФОНЪ-ВИЗИНА.

Свѣдѣнія о жизни Фонъ-Визина; характеристика его времени и среды, его окружавшей 396
Оцѣнка таланта Фонъ-Визина. Характеръ и свойства его сатиры; связь ея съ предыдущей и съ просвѣтительною дѣятельностію правительства Екатерины II. Зависимость этой послѣдней дѣятельности отъ общаго умственнаго движенія въ Европѣ въ XVIII столѣтіи. Основныя начала и положенія этого движенія 401
Комедіи: Недоросль и Бригадиръ; ихъ художественное и современное значеніе 406
Прочія сочиненія Фонъ-Визина; ихъ характеристика. Вопросы Фонъ-Визина и отвѣты на нихъ Екатерины II. Заграничныя письма Фонъ-Визина 414

ПРОЧІЕ ДРАМАТИЧЕСКІЕ И САТИРИЧЕСКІЕ ПИСАТЕЛИ; ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВООБЩЕ ВЪ ПРОШЛОМЪ СТОЛѢТІИ.

Стр.
Княжнинъ. Свѣдѣнія о жизни 418
Трагедіи Княжнина. Такъ называемая «классическая трагедія вообще и ходъ дальнѣйшаго развитія ея у насъ послѣ Сумарокова . . . 221
Комедіи Княжнина 430
Непосредственное вліяніе Екатерины II на современную русскую литературу. Комедіи и сатирическія статьи Екатерины II . . . 436
Репертуаръ русскаго театра вообще и болѣе извѣстные, послѣ Сумарокова и Княжнина, русскіе драматурги прошлаго столѣтія. Характеристика и современное значеніе нашей старой комедіи. Комическая опера въ народномъ духѣ . . . . . 448—464
Театральный репертуаръ 448
Болѣе извѣстные, послѣ Сумарокова и Княжнина, драматическіе писатели прошлаго вѣка: значеніе нашей старой комедіи 449
1. Бибиковъ 449
2. Елчаниновъ 450
3. Лукинъ 450
Комедія-опера 455
М. Поповъ. 456
Аблесимовъ и прочія оперы 457

ЖУРНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА. САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ 1769 — 1774 ГОДОВЪ. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ НОВИКОВА. РАДИЩЕВЪ.

Первые литературные журналы 465
Причины появленія сатирическихъ листковъ, перечисленіе, ихъ цѣль . 470
Характеръ и форма Всякой Всячины и другихъ 475
Трутень 479
Живописецъ 482
Кошелекъ 483
Журнальная сатира послѣ 70-хъ годовъ 483
Свѣдѣнія о жизни Новикова 485
Учено-издательская дѣятельность Новикова 486
Дѣятельность Новикова на пользу народнаго образованія и русскаго просвѣщ. вообще въ связи съ масонствомъ. Профес. Шварцъ . . 488
Друж. учен. Общ. и проч. 491
Свѣдѣнія о жизни и дѣят. Лопухина 503
Мистическія сочиненія. Масонство на Западѣ и у насъ. Масонская литература 508
О значеніи и вліяніи русскаго мистицизма XVIII столѣтія на нравственное и умственное состояніе современнаго русск. общества . 518
Возрожденіе мистико-масонской литературы и русскіе мистики въ первой четверти XIX столѣтія 520
Лабзинъ, свѣдѣнія о его жизни и сочиненіяхъ. 523
Сужденіе. Мистицизмъ Лабзина по его сравненію съ мистицизмомъ Новикова. Характеристика 528
Русское. Библ. Общество; его дѣятельность; характеристика. Заключеніе о мистицизмѣ Лабзина. Невзоровъ. 535

Стр.
Вліяніе французской философіи XVIII вѣка. Радищевъ и его книга: черты жизни и характеристика сочиненій 543
Перемѣна во взглядахъ и дѣятельности Екатерины II. Славянофильство екатерининскихъ временъ. Князь Щербатовъ 551
Свѣдѣнія о жизни кн. Щербатова. Сочиненія. Характеристика. . . . 554

КАРАМЗИНЪ И ЕГО ШКОЛА.

Карамзинъ 558
Свѣдѣнія о жизни 559
Дѣятельность 566
Журнальная и собственно литературная дѣятельность Карамзина . . 567
Московск. журналъ. 568
Альманахи 570
Вѣстникъ Европы. Разборъ характеристическихъ журнальныхъ статей 571
Сантиментальное исправленіе въ европейской литературѣ 577
Начало сантиментализма у насъ 581
Бѣдная Лиза. Письма русскаго путешественника 583
Политическія мнѣнія К. Заключеніе о его журнальной и вообще литературной дѣятельности 586
Ученые труды К. „Исторія государства Россійскаго“ 594
Участіе и заслуги К. въ преобразованіи русскаго языка и слога . . . 600
Такъ называемое „славянофильство“ К. 603
Послѣдователи К. Дмитріевъ. Сантиментальная школа, ея общая характеристика. Озеровъ и его трагедіи 605
Жуковскій. Свѣдѣнія о жизни 612
Поэтическая дѣятельность Ж. Романтизмъ 615
Переводная поэзія Ж. его услуга русской литературѣ; переводъ Гомера; Гнѣдичъ; характеристика послѣднихъ сочиненій Ж.: „Агасверъ“, и проч. 619
Батюшковъ 627

Читатели благоволятъ исправить, при чтеніи, кромѣ опечатокъ, помѣщенныхъ въ концѣ тома, еще слѣдующія грубыя погрѣшности, недосмотрѣнныя корректоромъ и замѣченныя послѣ отпечатанія книги:

Въ *оглавленіи*, на стр. XI ошибочно показана 55 вмѣсто 45 стр.; на стр. XVII пропущено:

Оды сатирическаго направленія 364
Произведенія Державина, имѣющія историческое значеніе; ихъ достоинства; сторона нравственная въ стихотвореніяхъ Державина 370

Напечатано:			Должно читать:
стран.		строка	
31	сн.	2 аккъ	какъ
395 въ вын. въ 7-мъ стихѣ	св.	ему	уму
431	„	13 ошъ	отъ
445	„	16 оперъ	оперъ:
445	сн.	17 собственно, . .	собственно
449	„	14 занимались, . .	занимались
452	св.	11 мѣтко	метко
455	сн.	20 блесткамъ . .	блесткахъ
522 въ вын.	св.	13 Путешестіе . .	Путешествіе
554	„	12 Шербатовъ . .	Щербатовъ
555	„	14 законнымъ и тѣ .	законнымъ тѣ
623	„	16 въ этотъ . . .	въ этомъ
624	„	10 поэтичесоимъ .	поэтическимъ
624	„	14 саммъ . . .	самимъ
625	„	15 разнообрзный .	разнообразный

ОЧЕРКЪ

ДРЕВНЯГО ПЕРІОДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

УСТНАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Словесность письменная, *искуственная*, или собственно литература является у народовъ, уже достигшихъ извѣстной степени гражданскаго развитія и образованности. Но кромѣ словесности письменной, или *книжной* (какъ ее еще называютъ) у каждаго народа существуетъ еще другая, *безыскуственная*, самобытная словесность, — плодъ непосредственнаго творчества самаго народа, — которая, въ отличіе отъ словесности письменной, или литературы называется *устною*, или собственно *народною* словесностію. Произведенія устной словесности, зараждаясь въ средѣ самаго народа, какъ проявленіе поэтическаго начала, свойственнаго человѣческой натурѣ, передаются изъ устъ въ уста и переходятъ, такимъ образомъ, отъ одного поколѣнія къ другому. Къ произведеніямъ устной словесности принадлежатъ преимущественно народныя *пѣсни;* потомъ народные *миѳы*, *сказки*, *легенды*, *пословицы* и т. п. сказанія и преданія старины глубокой. Эти первобытныя произведенія поэтическаго творчества самаго народа принадлежатъ большею частію къ эпическому роду поэзіи и составляютъ то, что называютъ обыкновенно *народнымъ эпосомъ* *). Началомъ народной эпической поэзіи служатъ всегда темныя, до-историческія преданія народа; изъ нихъ онъ слагаетъ свои пѣсни, сказки и т. п. разсказы, которые живутъ сначала въ памяти народной и переходятъ изъ устъ въ уста; а потомъ они собираются въ отдѣльные сборники чьею-либо искусною рукою, обработываются, приводятся къ единству, и такимъ образомъ, переходятъ въ область литературы письменной, принимая видъ народныхъ эпическихъ поэмъ, въ которыхъ заключаются обыкновенно украшенные поэтическою фантазіею на-

---

*) Эпосъ происходитъ отъ греческаго слова *ἔπος*, которое вначалѣ означало — *рѣчь, слово*, а потомъ — *τὰ ἔπη* — *поэму, стихи*. Нѣмецкое — *Saga*, *Sage* значитъ то же самое. И у насъ — говоритъ г. Буслаевъ — въ древнѣйшую эпоху *слово* употреблялось въ значеніи греческаго *эпосъ* и нѣмецкаго *Sage*, что видно изъ самаго заглавія старинныхъ произведеній — *Слово* о Полку Игоревѣ. (О Словѣ о П. И говорится далѣе).

рода разсказы о подвигахъ и приключеніяхъ боговъ, полубоговъ, народныхъ героевъ и славныхъ мужей древности. Такова у народовъ скандинавскихъ ихъ поэтическая *старая Эдда*, или сборникъ старинныхъ пѣсень миѳологическаго и героическаго содержанія; такова у германскихъ народовъ поэма *Нибелунги*; такова финская поэма — *Калевала*, имѣющая почти то же содержаніе, что и Эдда скандинавская.

Русскій народный эпосъ.

Былины, или пѣсни богатырскія. Старинныя эпическія пѣсни русскаго народа, въ которыхъ онъ поетъ о древнихъ богатыряхъ русской земли, называются *былинами* т. е. *былями*, тѣмъ, что дѣйствительно *было*, что на самомъ дѣлѣ происходило нѣкогда, въ стародавнія времена. Ибо такъ смотритъ на эти пѣсни самъ народъ, и выражаетъ взглядъ свой на нихъ въ извѣстной русской поговоркѣ: *пѣсня — быль* *). Былины, или древнія эпическія пѣсни русскаго народа живутъ въ немъ повсемѣстно, до настоящаго времени. «Эти прекрасныя пѣсни, говоритъ профессоръ Буслаевъ, доселѣ оглашаютъ русскую землю по всѣмъ концамъ ея, воспѣвая миѳическихъ богатырей и историческихъ героевъ нашего отечества.» Содержаніе этихъ пѣсень составляютъ подвиги русскихъ витязей, или богатырей, которыхъ память народная пріурочиваетъ и связываетъ съ временемъ «ласкова князя Владиміра красна солнышка.»

Былины, пѣсни, и сказки и вообще произведенія устной словесности, съ давнихъ поръ, стали обращать на себя вниманіе русскихъ ученныхъ и литераторовъ. Но только въ послѣднее время произведенія эти объяснены болѣе или менѣе удовлетворительно трудами гг. Буслаева, Пыпина, Костомарова, К. Аксакова, Безсонова и другихъ, указавшихъ правильную точку зрѣнія на древній періодъ русской литературы. Нашему же времени принадлежитъ изданіе нѣсколькихъ замѣчательныхъ сборниковъ древнихъ пѣсень, сказокъ, легендъ и т. д.; такъ что ученая разработка предмета идетъ въ настоящее время объ-руку съ тщательнымъ собираніемъ фактовъ и изданіемъ памятниковъ древней литературы, съ которыми знакомятся теперь всѣ образованные люди и которые прежде составляли предметъ изслѣдованія однихъ только ученыхъ спеціалистовъ.

Первый сборникъ былинъ, или отдѣльныхъ историческихъ пѣсень, изданъ, по рукописи XVIII столѣтія, приписываемой обыкновенно казаку *Киршѣ Данилову*, котораго и считаютъ первымъ собирателемъ древнихъ пѣсень. Рукопись сборника Кирши Данилова, найденная г. Демидовымъ, издана была первый разъ не вполнѣ, въ 1804 году; потомъ рукопись перешла во владѣніе графа Н. П. Румянцова, по порученію котораго и издана вполнѣ Калайдовичемъ, въ 1816 году, подъ заглавіемъ: *Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ*, и проч.

---

*) Въ Словѣ о Полку Игоревѣ пѣвецъ говоритъ: „начати же ся той пѣсни по *былинамъ* сего времени“, т. е. „и начать мнѣ свою пѣснь по современнымъ *быльямъ*.“

Сборникъ Кирши Данилова долго служилъ единственнымъ источникомъ для знакомства съ старинными эпическими пѣснями русскаго народа. И только въ недавнее время русская литература обогатилась новыми сборниками древнихъ пѣсень, или былинъ. Къ болѣе полнымъ, хорошо изданнымъ и снабженнымъ многими *варіантами* (различіями въ текстѣ) и примѣчаніями, принадлежитъ два такихъ сборника: Пѣсни, собранныя *П. Н. Рыбниковымъ* и Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ*. Сборникъ г. Рыбникова заключаетъ въ себѣ много новыхъ и чрезвычайно важныхъ народныхъ былинъ, бывшихъ вовсе неизвѣстными прежде. Въ нихъ упоминается о *богатыряхъ старшихъ*, какъ бы предшествовавшихъ богатырямъ времени Владиміра; а эти послѣдніе богатыри въ пѣсняхъ, собранныхъ г. Рыбниковымъ, являются нынѣ съ болѣе ясной и опредѣленной характеристикой. Сборникъ же Кирѣевскаго отличается тѣмъ, что представляетъ систематическій и возможно полный сводъ былинъ, относящихся до приключеній и подвиговъ каждаго изъ богатырей Владимірова времени.

Содержаніе былинъ. Былины о богатыряхъ старшихъ, или былины миѳологическаго періода. Древность русскихъ народныхъ былинъ едва ли подлежитъ сомнѣнію. Въ нихъ видно сходство со многими лѣтописными сказаніями; напр. о пирахъ Владиміра и присутствіи на нихъ богатырей — говоритъ Несторъ; въ нихъ упоминаются только тѣ города, которые существовали при Владимірѣ. Но древность этихъ пѣсень подтверждается болѣе всего тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ явственными остались слѣды славянской миѳологіи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны нѣкоторыя изъ былинъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ г. Рыбникова. Таковы цѣлыя былины, въ которыхъ говорится о богатыряхъ до владиміровскихъ: *Святогоръ*, *Суханъ*, или *Сухманъ*, *Микулъ Селяниновичъ* и о двухъ братьяхъ *Ливикахъ*. Покойный К. Аксаковъ богатырей до-владиміровскихъ назвалъ *богатырями старшими* и первый изъ русскихъ ученыхъ опредѣлительно указалъ отличіе этихъ старшихъ или *титаническихъ* богатырей отъ младшихъ, человѣкоподобныхъ, къ которымъ относятся: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, Чурило Пленковичъ, Дюкъ Степановичъ и другіе. Аксаковъ назвалъ эпоху старшихъ богатырей «эпохой *титанической* или *космогонической*, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри-стихіи.»

Къ такимъ то *стихіямъ богатырямъ* относятъ во-первыхъ *Святогора*, этого богатыря силы непомѣрной, котораго и *земля не держитъ*. Былина говоритъ, что богатыръ выѣхалъ въ чисто поле, да не съ кѣмъ ему силой помѣряться.

А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.

Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Кабы я *тяги* нашелъ,
Такъ бы я всю землю поднялъ!»

Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи на маленькую сумочку переметную, беретъ погонялочку, пощупаетъ сумочку, — она не скрянется, двинетъ перстомъ ее — не сворохнется, хватитъ съ коня рукою — не подымется.

«Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ (говоритъ богатырь)
А эдакова чуда не наѣзживалъ,
Такова дива не видывалъ:
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подымется!»

Слѣзаетъ Святогоръ съ своего добраго коня, и какъ только хотѣлъ поднять сумочку обѣими руками, повыше колѣнъ, такъ самъ угрязъ въ землю по колѣно, —

«А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ.»

«Тумъ ему было и кончаніе» — заключаетъ былина. Онъ хотѣлъ поднять *тягу земную;* но и у него не достало для этого силы. Въ другомъ разсказѣ это столкновеніе стихійной богатырской силы *съ силою земли* является еще поразительнѣе. Ѣхалъ Святогоръ дорогою и по пути встрѣтилъ прохожаго; припустилъ коня своего богатырь; но никакъ не можетъ догнать прохожаго; поѣдетъ онъ во всю прыть — прохожій идетъ впереди, стуною поѣдетъ — прохожій все таки впереди идетъ; богатырь сталъ просить его: «Ай же ты, прохожій человѣкъ, пріостановись немножечко, не могу догнать тебя на добромъ конѣ.» Пріостановился прохожій, снялъ съ плечъ сумочку и положилъ ее на землю. — «Что у тебя въ сумочкѣ? спрашиваетъ богатырь. — А вотъ, подыми съ земли, такъ и увидишь.» Но и тутъ, при всѣхъ усиліяхъ, онъ не можетъ поднять сумочки и только «самъ по колѣно въ землю угрязъ.» — Что это у тебя въ сумочкѣ? говоритъ богатырь. Силы мнѣ не занимать стать, а я и сдвинуть сумочку не могу. — «Въ сумочкѣ у меня *тяга земная.*» Да ктоже ты есть и какъ тебя именемъ зовутъ, величаютъ какъ по изотчинѣ? — «Я есть *Микула Селяниновичъ.*» — Такимъ образомъ, представителемъ *силы* земли здѣсь является *селянинъ;* только ему, земледѣльцу, сыну *селянина*, покорна *тяга земная.* И въ какихъ поэтическихъ образахъ, съ какою любовію народная фантазія рисуетъ этого *Микулу Селяниновича!*

Молодой Вольга Святославговачъ,
Со всею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою (за данью).
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,

Сошка у ратая поскрипываетъ.
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ *).
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со всею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга́ еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще третій день
Третій день съ утра до побѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край борозды пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говоритъ Вольга таковы слова:
«Божья ти помочь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
Съ края въ край борозды пометывати,
Коренья, каменья вывертывати!»
Говорилъ оратай таковы слова:
— Поитко, Вольга Святославговичъ,
— Со своею со дружинушкой хороброю,
— Мнѣ-ко надобна Божья помочь крестьянствовати!
— Далеко-ль, Вольга, ѣдешь куда путь держишь
— Со своею со дружинушкой хороброю? —
«Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою:
Ко первому городу ко Гурчевцу,
Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
Ко третьему городу ко Крестьяновцу.»

---

*) Былина эта записана въ Олонецкой губерніи и въ ней поразительно вѣрно представлена мѣстная картина: въ Заонежьѣ и Подожскомъ уѣздѣ почва чрезвычайно каменистая и нивы буквально усѣяны камнями.

Вотъ въ какомъ простомъ, но высоко-художественномъ, поэтическомъ образѣ представляетъ себѣ народъ своего брата-пахаря, оратая, который у него служитъ представителемъ земли, котсрому одному далась и *тяга земная*! Тогда какъ съ нею, съ этою силою земли, не могъ справиться, какъ мы видѣли выше, одинъ изъ старшихъ богатырей, Святогоръ. Въ поэтическомъ образѣ Микулы Селяниновича народъ олицетворяетъ мысль прекрасную и глубокую, показывая, какое значеніе придаетъ онъ землѣ, труду земледѣльческому, силѣ земли.

Въ этой же самой былинѣ Микула говоритъ Вольгѣ, что онъ на бороздѣ оставилъ свою сошку, и проситъ послать кого-нибудь выдернуть сошку изъ земли и бросить за ракитовый кустъ. Вольга посылаетъ изъ своей дружины сначала пять могучихъ молодцовъ, потомъ десять, и наконецъ всю свою дружинушку *хоробрую;* но и вся его дружина ничего не можетъ сдѣлать съ сохой крестьянской, даже съ мѣста сдвинуть не можетъ. Но къ ней подъѣхалъ «ратай оратаюшко, одной рукой сошку съ земли повыдернулъ, изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ и бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.» Ясно изъ этого, какую силу народъ приписываетъ оратаю и какую вѣру онъ питаетъ въ него. Когда *Илья Муромецъ*, представитель богатырей младшихъ, получилъ свою силу богатырскую отъ *каликъ перехожихъ* (странниковъ), они ему завѣщали не биться «съ родомъ Микуловымъ,» потому что «его любитъ матушка сыра земля.» Дочери Микулы Селяниновича, старшая, жена богатыря боярина Ставра, Василиса Микулишна, и младшая, жена богатыря Добрыни Никитича, Настасья Микулишна, являются въ пѣсняхъ добродѣтельными и лучшими женскими образами, какіе только создавала русская народная поэзія: онѣ самыя любящія, честныя, вѣрныя и преданныя жены своихъ мужей. Тогда какъ другія женщины, выведенныя въ пѣсняхъ, вовсе не имѣютъ подобныхъ качествъ. Словомъ, гдѣ ни говорится въ былинахъ о Микулѣ или о его родѣ, вездѣ народное творчество относится къ нему съ особенною любовію и задушевною симпатіею.

Сколько неподдѣльной, живой поэзіи въ этихъ словахъ Микулы, которыми онъ обрисовываетъ свою личность и свою дѣятельность, когда Вольга спрашиваетъ его объ имени!

Говорилъ Вольга Святославговичъ:
«Ай же ты, ратаю ратаюшко!
Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отчеству?»
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— А я ржи напашу, да во скирды сложу,
— Во скирды складу, домой выволочу,
— Драни надеру, да и пива наварю,
— Пива наварю, да и мужичковъ напою.
— Станутъ мужички меня покликивати:
— «Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

Вольга, упоминаемый въ приведенномъ отрывкѣ, въ другихъ былинахъ слыветъ подъ именами *Волха Сеславича*, или *Всеславьевича* или *Вольги Буслаевича*, въ которомъ г. Безсоновъ видитъ князя Олега—что весьма вѣроятно. Въ лѣтописи Нестора говорится, что Олегъ на корабляхъ подъѣхалъ по суху къ Цареграду; народъ называлъ Олега *вѣщимъ*, т. е. всезнающимъ, мудрымъ, чародѣемъ. Такимъ точно фантазія народная олицетворяетъ его и въ своихъ поэтическихъ сказаніяхъ. Уже самое рожденіе его является сверхъ-естественнымъ. Онъ былъ сыномъ змія, а мать его была нѣкая княжна, Марфа Всеславьевна. Его появленіе на свѣтъ былина передаетъ въ весьма поэтическихъ образахъ, разсказывая про тотъ дивный переворотъ, который произошелъ на всей землѣ при появленіи на свѣтъ Волха Всеславьевича.

Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство индѣйское,
А и синее море сколебалося
Для ради рожденія богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича;
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.

Записанная въ сборникѣ г. Рыбникова старина, подъ названіемъ *Вольга Буслаевичъ*, показываетъ однако, что память о походѣ Олега въ Византію сохранилась въ народѣ и перешла въ чисто-баснословное сказаніе о томъ, какъ Олегъ *повернулся* птицей-пташецей, полетѣлъ по подоблачью во турецъ-землю, подслушалъ рѣчи Турецкаго царя (*турецъ-сантала* или *салтана*) съ царицею, потомъ повернулся *горностаюшкой*, потомъ добрымъ молодцомъ, вошелъ въ оружейную комнату турецъ-сантала и перепортилъ у него все оружіе:

И тугіе луки переломалъ,
И шелковые тетивочки перервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ и проч.

Былина эта начинается прекрасными стихами, въ которыхъ говорится также о сверхъ-естественныхъ чудесахъ, совершившихся при рожденіи Вольги Буслаевича.

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу:
Порождался Вольга сударь Буслаевичъ,
На матушкѣ святой Руси.
Росъ Вольга Буслаевичъ до пяти годковъ.

Пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ по сырой земли,
Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы подоблачью разлеталися
И рыбы по синю морю разметалися и проч.

Такимъ образомъ, Олегъ остался въ памяти народной богатыремъ-чародѣемъ, вѣдуномъ, *оборотнемъ* *), выучившимся всѣмъ хитростямъ и мудростямъ, и про него до сихъ поется, что онъ если «не силой возьметъ, такъ хитростію-мудростію.»

Какъ мы видимъ, былина о Вольгѣ Всеславьевичѣ легко можетъ напоминать намъ Вѣщаго Олега. Но съ другой стороны, кромѣ Вѣщаго Олега — какъ справедливо замѣчаетъ г. Рыбниковъ—есть (въ славянской миѳологіи) прототипъ —Вѣщій Волохъ, Волхъ Новгородскій: онъ (также какъ и Вольга) рождается отъ богини и змѣя, и впослѣдствіи мститъ змѣю-насильнику матери **). Тутъ, слѣдовательно, мы можемъ также легко допустить, что миѳическія воспоминанія объ атрибутахъ Волоха, или Волха превратились, съ теченіемъ времени, въ историческія представленія о подвигахъ Олега.

Не только въ представленныхъ примѣрахъ, но и во многихъ другихъ былинахъ, даже въ былинахъ, относящихся къ богатырямъ *младшимъ*, человѣкообразнымъ, явно видны остатки древняго миѳологическаго періода жизни русскаго народа. Многія изъ личностей, выводимыхъ въ пѣсняхъ, носятъ на себѣ слѣды миѳическаго происхожденія. Но народъ забылъ про своихъ миѳологическихъ боговъ; представленія его объ эпохѣ до-исторической, до-христіанской являются въ пѣсняхъ крайне смутными, неопредѣленными; онъ сохранилъ только въ своихъ пѣсняхъ воспоминаніе о существахъ сверхъ-естественныхъ и о богатыряхъ, обладавшихъ также сверхъестественною силою. Въ одной новгородской былинѣ о *Садкѣ* богатомъ купцѣ, упоминается впрочемъ существо, имѣющее всѣ свойства существа чисто-миѳологическаго, — это морской царь *Водяникъ*, съ женою *Водяницею*. Когда Садковъ корабль остановился однажды въ морѣ и не двигался съ мѣста, то чтобы умилостивить морскаго царя, нужно было принести ему въ жертву живаго человѣка, и жребій выпалъ Садкѣ быть брошеннымъ въ воду. Ему дали гусли, такъ какъ онъ игралъ на нихъ во время пировъ, и спустили по волнамъ на дубовой доскѣ. Садко, плывя такимъ образомъ, очутился въ палатахъ самаго морскаго царя, Водяника и его супруги Водяницы, у которыхъ шелъ въ это время свадебный пиръ: они выдавали замужъ свою любимую дочь

Во тыё во славно Окіянъ-море.

Такъ поэтически, — замѣчаетъ г. Буслаевъ, — народный эпосъ изображаетъ впаденіе рѣки въ море!

---

*) Рыбниковъ, извлеченіе изъ письма, т. II, стр. 1.

**) Оборотни составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ въ преданіяхъ и въ народной поэзіи всѣхъ славянскихъ народовъ.

Когда Садко заигралъ въ свои гусли *яровчаты*, и царь Водяникъ расплясался, то синее море всколебалося, рѣки выступили изъ береговъ и стали топить корабли и губить православныхъ людей. Но св. Никола Можайскій, патронъ новгородцевъ, смиряетъ морскаго царя. Такъ народъ смѣшиваетъ языческія представленія съ христіанскими вѣрованіями, и такое смѣшеніе понятій мы находимъ во многихъ былинахъ. Рѣзкаго разграниченія въ періодахъ развитія народной поэзіи нельзя найдти: всегда періодъ древнѣйшій кладетъ отпечатокъ и входитъ какъ элементъ, болѣе или менѣе существенный, въ поэзію позднѣйшаго образованія. «Эпосъ народный, — говоритъ г. Буслаевъ, — живя въ устахъ поколѣній, въ теченіи многихъ вѣковъ, доходитъ до насъ преисполненный самыми странными, другъ другу противорѣчащими анахронизмами и другими несообразностями. Иногда въ одномъ и томъ же лицѣ онъ смѣшиваетъ разновременныя и разнохарактерныя черты.... Забывая свою миѳологію, народъ даетъ большой просторъ своей фантазіи, и чтобъ имѣть точку опоры, переводитъ миѳологическія существа на историческую почву.» И такимъ образомъ, миѳы являются пріуроченными къ историческимъ лицамъ, событіямъ и мѣстностямъ, предметы древняго языческаго обожанія превращаются въ богатырей, въ историческихъ героевъ, даже въ христіанскихъ святыхъ, — какъ мы это увидимъ ниже, напримѣръ, при разборѣ стиха о *Егоріѣ Храбромъ* и друг.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что и русская народная поэзія слѣдовала по тому же естественному пути, въ своемъ образованіи, какъ и всякое народное творчество; она также имѣла свою миѳологическую эпоху, остатки которой мы замѣчаемъ еще и теперь, но которую опредѣлить, по этимъ остаткамъ, теперь весьма трудно; ясно только то, что русскія миѳологическія понятія и преданія имѣютъ связь съ преданіями прочихъ славянскихъ племенъ.

Былины періода историческаго. За миѳологіей слѣдуетъ обыкновенно исторія; и въ народной поэзіи, послѣ періода миѳологическаго, наступаетъ періодъ героическій, или историческій, которому, въ русскомъ народномъ, эпосѣ соотвѣтствуетъ періодъ богатырей *младшихъ*. По преданію народному, богатыри эти жили во времена Владиміра. Такова уже неизмѣнная эпическая форма древней русской былины о богатыряхъ кіевскаго періода, что она всѣхъ ихъ группируетъ вокругъ «ласкова князя Владиміра красна-солнышка», стольнаго князя кіевскаго. Даже и такихъ богатырей, которые явно принадлежатъ къ временамъ до-историческимъ, богатырей *старшихъ*, каковъ напр. *Суханъ* или *Сухманъ*, народное творчество заставляетъ быть современниками Владиміра или еще позднѣйшихъ эпохъ. Замѣтимъ здѣсь, что говоритъ г. Буслаевъ относительно названія *богатыри старшіе*. «Названіе это, по его словамъ, дано только по отношенію къ позднѣйшей эпохѣ, т. е. исходя отъ понятій о богатыряхъ цикла Владимірова. Народъ только хотѣлъ заявить, что эти существа предшествуютъ богатырямъ Владиміра красна-солнышка, но что они такое сами по себѣ, независимо отъ богатырей младшихъ, — неизвѣстно. Какъ существа ста-

раго порядка вещей, они должны быть вытѣснены потомками, которые заступять ихъ мѣсто».

Но богатыри позднѣйшаго періода, или собственно богатыри Владиміра, являются въ былинахъ постоянно вокругъ князя Владиміра, и потому можно вполнѣ согласиться съ К. Аксаковымъ, что вѣроятно пѣсни о нихъ были пѣты если не при самомъ Владимірѣ, то вскорѣ послѣ него. Сравненіе между собою разнообразныхъ видоизмѣненій, или *варіантовъ* одной и тойже пѣсни, показываетъ, что главные черты преданія о временахъ Владиміра переданы весьма вѣрно въ произведеніяхъ народнаго творчества, что и даетъ поводъ заключить, что преданіе дѣйствительно можетъ идти отъ самаго Владиміра. Такимъ образомъ, всѣ древнія пѣсни о богатыряхъ составляютъ какъ-бы отдѣльную эпопею Владиміра, живущаго въ памяти народа вотъ уже почти цѣлое тысячелѣтіе. О подвигахъ самаго Владиміра, правда, много не говорится въ пѣсняхъ; образъ его не является здѣсь ни особенно величавымъ, ни воинственнымъ; онъ не обладаетъ богатырской силой, ни даже храбростію; онъ только созываетъ на свои веселые пиры князей, бояръ, русскихъ могучихъ богатырей да богатыхъ гостей, и самъ любитъ на пирахъ «распотѣшиться», да

По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черны кудры расчесываетъ,

и вызываетъ изъ числа собравшихся къ нему богатырей охотниковъ «сослужить службу дальную, заочную». Главными же дѣйствующими лицами являются въ пѣсняхъ могучіе богатыри, или витязи русской земли. Но князь Владиміръ служитъ какъ-бы центромъ соединенія для всѣхъ ихъ богатырскихъ подвиговъ и, своею личностію и прикосновеніемъ къ этимъ подвигамъ, придаетъ характеръ единства всей народной эпопеѣ русской. Замѣтимъ притомъ, что пѣсни эти не дошли до насъ во всей полнотѣ. «Иная пѣсня, говоритъ К. Аксаковъ, очевидно представляетъ отрывокъ, иная намекаетъ на событія, неизвѣстныя намъ, и даетъ чувствовать, что была, можетъ быть, цѣлая эпопея, теперь утраченная въ своей цѣлости.»

Владиміръ князь является обыкновенно только въ былинахъ, относящихся до подвиговъ богатырей собственно кіевскихъ. Есть еще другой разрядъ былинъ, объ *удальцахъ новгородскихъ*, о *Василіѣ Буслаевичѣ*, о *Садкѣ*, богатомъ купцѣ, гдѣ, вмѣсто Кіева и стольнаго князя Владиміра, былины говорятъ о *государѣ Великомъ-Новгородѣ*, жившемъ, какъ извѣстно, самостоятельною и отдѣльною отъ Кіева политическою жизнію; и потому былина новгородская отличается существенно отъ былины кіевской.

И такъ, герой каждой пѣсни, или былины — могучій богатырь, обыкновенно обладающій непомѣрною силою. Онъ ѣдетъ въ Кіевъ; является ко двору велико-княжескому. У Владиміра красна-солнышка, (доступъ къ которому всегда открытъ), идетъ между тѣмъ безконечный пиръ; входитъ богатырь въ свѣтлую гридню княжескую; князь встрѣчаетъ его привѣтливо, спрашиваетъ, какъ его по имени зовутъ, по изотчеству; потомъ князь приказываетъ подать или самъ подаетъ богатырскую чару зелена вина въ полтора ведра и турій рогъ меду

сладкаго; богатырь выпиваетъ, садится на дубовую богатырскую скамью и принимаетъ участіе въ общемъ пирѣ. Тутъ Владиміръ князь начинаетъ вызывать охотниковъ на тотъ или другой богатырскій подвигъ. Вотъ мотивъ, общій, болѣе или менѣе, всѣмъ былинамъ кіевскимъ, которыя по большей части всегда начинаются такъ:

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова, сударь, князя Владиміра,
А и было пированье, почестный пиръ,
Было столованье, почестный столъ.
Много на пиру было князей, бояръ,
И русскихъ могучихъ богатырей;
А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкій столъ въ полустолѣ,
Владиміръ князь разпотѣшился
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черны кудры расчесываетъ;
Говоритъ онъ, сударь ласковой
Владиміръ князь, таковы слова.

Первое мѣсто между богатырями Владиміра занимаетъ *Илья Муромецъ*, любимый герой русской народной былины, которая отличаетъ его отъ всѣхъ прочихъ богатырей.

Онъ сиднемъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ, не двигаясь, не владѣя ни руками, ни ногами, потомъ разомъ всталъ на богатырскіе подвиги.

Въ славномъ городѣ во Муромѣ,
Въ селѣ было Карачаровѣ *)
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ.

Такъ начинается былина про Илью Муромца. И такъ, Илья былъ сынъ крестьянина; къ нему приходятъ однажды *калики перехожіе* **), и за то, что онъ ихъ пустилъ въ домъ, даритъ его богатырской силой и говорятъ:

Будешь ты, Илья, великій богатырь,
И смерть тебѣ на бою не писана.

Илья Муромецъ, какъ видно изъ пѣсень, сильнѣе всѣхъ богатырей; но онъ употреблялъ свою силу только «добрымъ на радость, злымъ на страхъ.» Илья — личность гуманная и вполнѣ человѣчная: онъ не любитъ «кровавить» по-напрасну рукъ, не хочетъ проливать даромъ ни чьей крови, даже «поганой

*) Оно и теперь еще находится близъ Мурома. Смотр. К. Аксакова: *Богатыри времени Велик. Кн. Владиміра.*

**) *Странники.* По объясненію Г. Безсонова, калики — олицетвореніе древняго кочеваго быта.

татарской;» онъ не любилъ хвастаться своею силою, подобно другимъ богатырямъ; онъ всегда благородно вступаетъ въ бой со врагомъ, становится съ нимъ «со бѣла лица.» Всѣ богатыри молоды и съ молодыхъ лѣтъ пускаются въ поѣздки богатырскія; одинъ Илья не молодъ. Онъ употреблялъ свою силу всегда сознательно, съ пользою, всегда для добраго дѣла. Пѣсни называютъ его иногда *старый казакъ*, Илья Муромецъ. Конечно слово *казакъ* — позднѣйшая вставка; но оно доказываетъ, что народное творчество смотритъ на Илью, какъ на оберегателя предѣловъ русскихъ, защитника Руси, *по окраинамъ* которой образовалось впослѣдствіи казачество, съ цѣлію охранять пограничные предѣлы русскіе. Вотъ главные подвиги Ильи Муромца: онъ взялъ въ плѣнъ и потомъ убилъ Соловья-разбойника, отъ котораго уже тридцать лѣтъ залегла дорога прямоѣзжая въ Кіевъ, и по той дорогѣ уже давно никто не ѣздилъ; потому что Соловей-разбойникъ засѣлъ тамъ на семи дубахъ и погубилъ уже множество народу. По пути въ Кіевъ, Илья избавляетъ городъ *Бекетовецъ* (по другимъ пѣснямъ, городъ *Кидажъ*) отъ *Татаръ* и *Литвы*, не смотря на то что далъ себѣ «заповѣдь крѣпкую: во пути во дороженькѣ, рукъ чтобы мнѣ не кровавити.»

«Всякій то, братцы, заповѣдь кладываетъ,
А не всякій заповѣдь исполняетъ,

говоритъ по этому случаю Илья и, не задумавшись, освобождаетъ русскій городъ отъ вражьей силы. На Кіевъ поднялся Калинъ царь Золотой Орды, съ несмѣтною ратію татарскою. Илья побиваетъ всѣхъ Татаръ и освобождаетъ Кіевъ. Тутъ конечно анахронизмъ, который въ пѣсняхъ постоянно встрѣчается: ко времени Владиміра отнесена эпоха татарская. Но подобныя анахронизмы легко объясняются; народное воображеніе замѣнило въ пѣсняхъ враговъ прежнихъ врагами новыми, — Печенѣговъ и Половцевъ или Хазаръ — Татарами, и вотъ Владиміръ посылаетъ дани-выплаты въ Золотую Орду. Весь ужасъ татарскаго нашествія на Россію съ особенною живостью передается въ слѣдующихъ стихахъ былины:

Да изъ Орды Золотой земли,
Изъ тоя магазеи богатыя,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ царь Калиновичъ,
Къ стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою поганою,
Не дошелъ онъ до Кіева за семъ верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра:
Собиралося съ нимъ силы на сто верстъ
Во всѣ тѣ четыре стороны!
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется,
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ коннаго,
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,

Не видать луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.

Другой герой пѣсень *Добрыня Никитичъ*, — также одинъ изъ могучихъ русскихъ богатырей. По лѣтописямъ, Добрыня — дядя князю Владиміру, а по пѣснямъ — онъ его племянникъ. Вотъ его подвиги. Онъ очищаетъ дороги приноѣзжія, вырубилъ Чудь бѣлоглазую, *перекратилъ* (укротилъ, уничтожилъ) Сорочину долгополую, Черкесовъ пятигорскихъ, «а и тѣхъ Калмыковъ съ Татарами, Чукчи всѣ и Алюторы» *). Добрыня сразилъ *Змѣище-Горынчище* о двѣнадцати хоботахъ, зашелъ въ его пещеры бѣлскаменныя, нашелъ много злата серебра, перебилъ его дѣтей, повыручилъ *полоны* русскіе, освободилъ княжну Запаву Путятичну, племянницу Владиміра. Всѣ чудовища, въ народныхъ былинахъ, всѣ эти *Тугарины Зміевичи*, *Змѣи Горыничи*, *Соловьи-разбойники*, *Идолища поганыя* и проч. имѣли, безъ сомнѣнія, вначалѣ значеніе миѳологическое; а впослѣдствіи народъ олицетворилъ, въ лицѣ этихъ чудовищъ, различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ родной земли.

Илья и Добрыня были прямые и честные богатыри; всегда вступали въ открытый бой съ врагами, безъ всякой хитрости и уловокъ и проливая кровь только въ необходимости. Добрыня съ грустнымъ чувствомъ говорятъ матери, зачѣмъ она при самомъ рожденіи не спустила его въ синее море. Тогда бы онъ не проливалъ крови неповинной,

Не слезилъ (бы) Добрыня отцовъ матерей,
Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,
Не пускалъ сиротить малыхъ дѣтушекъ.

Далеко не походилъ на двухъ названныхъ богатырей, *Алеша Поповичъ*, богатырь, который беретъ не столько силой, сколько хитростію и дерзкимъ, наглымъ обманомъ; онъ всегда готовъ на дурное дѣло. Этотъ характеръ остается за Алешой Поповичемъ неизмѣнно во всѣхъ пѣсняхъ, гдѣ только ни появляется Алеша. Единственный богатырскій подвигъ его, единственный о которомъ упоминаютъ пѣсни, это убіеніе чудовища Тугарина Зміевича. Да и тутъ Алеша отрубилъ ему голову обманомъ. — «Ты бился со мною о великій закладъ, — говоритъ онъ своему сопернику, — драться одинъ на одинъ, а за тобой теперь силы и смѣты нѣтъ на меня, на Алешу.» Тугаринъ оглянулся назадъ; въ то время Алеша подскочилъ и срубилъ ему голову.

Изъ другихъ лицъ въ пѣсняхъ упоминаются: *Чурило Пленковичъ*, народный красавецъ и щегаль; онъ богаче самаго князя Владиміра и содержитъ храбрую дружину; *Боярин Ставръ*; *Дунай Ивановичъ* — очевидно воспоминаніе о какой нибудь миѳической личности. Дунай изъ отчаянія, что убилъ по

*) Алюторы — названіе одного изъ сибирскихъ народовъ; Сарочина — Сарацины, магометане, по объясненію К. Аксакова.

неосторожности жену свою, закалываетъ себя самаго и бросается въ рѣку; пѣсня прибавляетъ:

Потому быстра рѣка Дунай слыветъ,
Своимъ устьемъ впала въ сине море.

Интересна очень и исполнена блестящей поэзіи пѣсня про заѣзжаго гостя, *Соловья Будиміровича*. Начинается она слѣдующимъ прекраснымъ припѣвомъ, которымъ впрочемъ начинаются и многія другія былины:

Высота ли высота поднебесная,
Глубота, глубота окіанъ-море;
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскія.

Эта пѣсня напоминаетъ о богатой торговлѣ русскихъ съ Греціей и о приходившихъ въ Кіевъ судахъ, съ греческими товарами:

Прибѣжали корабли подъ славный Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарныя пошлины платили.

Соловей приноситъ князю и княгинѣ подарки, между прочимъ: «дорогу камку, что не дорога камочка — узоръ хитеръ: хитрости были Царяграда» и проч.

Былины новгородскія. Былинъ собственно *новгородскихъ* къ намъ дошло очень немного; но недостатокъ этотъ вполнѣ выкупается ихъ прекрасными поэтическими достоинствами. Мы говорили уже о новгородской былинѣ про Садко, богатаго купца и представили изъ нея живую и весьма поэтическую картину, какъ отъ пляски морскаго царя само море всколебалося и быстры рѣки разливалися и стали топить корабли. Такое поэтическое олицетвореніе водяныхъ божествъ, покровительствовавшихъ торговлѣ Новгорода, запечатлѣно прекрасною мыслію и дышетъ неподдѣльной поэзіей. Про Садка существуетъ двѣ былины и въ обѣихъ героемъ является Садко и богатый Великій-Новгородъ. Въ нихъ мы находимъ поэтически олицетворенными и какъ бы живыми существами: рѣки, озера, моря, служившія проводниками для богатой торговли новгородцевъ. Тутъ и матушка Волга рѣка и Ильмень-озеро даютъ совѣты Садкѣ, какъ жить въ Новѣгородѣ; тутъ и сине море Хвалынское (Каспійское), тутъ и Волхъ-рѣка (Волховъ), и по ней бѣгутъ-побѣгутъ корабли къ Великому-Новгороду; тутъ и рыба красная превращается въ рукахъ Садка въ червонцы, — все это запечатлѣно идеей и полно живой поэзіи и одушевленія. Приведемъ для примѣра, отрывки изъ былинъ: «Садко купецъ» и «Василій Буслаевичь» *):

---

*) Рыбниковъ, т. I, стр. 374–375, 344–364.

....На свою безсчетну залоту казну
Построилъ Садке тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцатъ черленыихъ;
На тые на корабли черленые
Свалилъ товары новгородскіе,
Поѣхалъ Садке по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту Орду,
Продавалъ товары новгородскіе,
Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поѣхалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣхалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ;
А волной-то бьетъ, паруса рветъ
Ломаетъ кораблики черленые... и проч.

Жилъ Буславъ въ Новѣгородѣ,
Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Съ Новымъ-городомъ не спаривалъ,
Со Онсковымъ онъ не вздоривалъ,
А со матушкой Москвой не перечился.
Живучись Буславьюшка преставился.
Оставалось у Буславья чадо милое,
Молодой Васильюшка Буславьевичъ.
Будетъ Василій семи годовъ,
Сталъ онъ по городу похаживать,
На княженецкій дворъ онъ погуливать,
Сталъ шутить онъ, пошучивать
Шутить шуточки не добрые
Съ боярскими дѣтьми, со княженецкими:
Котораго дернетъ за руку, рука прочь,
Котораго за ногу, нога прочь
Двухъ-трехъ вмѣсто столкнетъ, безъ души лежатъ.
. . . . . .
Былъ Васильюшка Буславьевичъ
У князей новгородскіихъ на честномъ пиру,
Напился Василій Буславьевичъ до пьяна,
Напился Василій, перехвастался,

И ударилъ о великъ закладъ,
Со трема князьями новгородскими —
Выходить на мостикъ на волховскій
И биться Василію съ Новымъ-городомъ,
Побить всѣхъ мужиковъ до единаго.... и проч.

Новгородскія былины замѣчательны вообще не менѣе кіевскихъ. Василій Буслаевичь — это образецъ ничѣмъ неукротимаго молодечества, русской удали и избытка силъ, не направленныхъ къ полезной дѣятельности, и потому безплодныхъ. Былины новгородскія вообще рисуютъ вѣрную и поэтическую картину жизни торговаго и вольнаго населенія новгородцевъ и отличаются особенною силою выраженій и обиліемъ поэтическихъ образовъ.

Характеристика и историческое значеніе былинъ. Вотъ весь кругъ былинъ, или древнерусскихъ эпическихъ пѣсенъ, составляющихъ главную основу русскаго народнаго,—или *богатырскаго*,—эпоса,—какъ его назвалъ профессоръ Буслаевъ. Что хотѣло выразить народное творчество, создавая своихъ богатырей? — Скажемъ сначала, что богатырскія пѣсни вполнѣ соотвѣтствуютъ эпохѣ которую изображаютъ. Хотя послѣдующіе вѣка наложили на нихъ сильный отпечатокъ, тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть во всѣхъ пѣсняхъ кіевскаго и новгородскаго періода глубоко-древней основы. Во всѣхъ младенчествующихъ обществахъ матерьяльная, физическая сила является на первомъ планѣ, преобладаетъ надъ всѣмъ остальнымъ; и вотъ фантазія народная доводитъ эту силу въ нашихъ богатыряхъ до чудовищныхъ размѣровъ. Пиры Владиміра, которые онъ устраивалъ *по всей недѣли* и на которые собиралось множество людей разнаго званія, имѣютъ за себя несомнѣнное историческое свидѣтельство лѣтописи. Самые богатыри, упоминаемые въ пѣсняхъ, принадлежатъ къ разнымъ сословіямъ и сходятся ко двору княжескому съ разныхъ концовъ Руси.

Мы видимъ въ пѣсняхъ, кромѣ того, явные слѣды язычества — съ одной сторонѣ и вліяніе христіанства — съ другой. О миѳологическомъ характерѣ богатырскихъ былинъ мы имѣли случай упоминать нѣсколько разъ. Древнее язычество отражается въ особенности на женскихъ лицахъ пѣсенъ, между которыми встрѣчаются женщины-чародѣйки, *вѣщія*, женщины-*оборотни*, колдуньи, повѣрья о которыхъ живутъ въ народѣ и до сего дня, и которыя въ пѣсняхъ и сказкахъ превращаютъ людей въ звѣрей и животныхъ, собираютъ слѣды молодецкіе и бросаютъ ихъ въ огонь и т. п. Вообще вѣщія дѣвы и вѣщія женщины имѣютъ въ нашей эпической народной поэзіи большое значеніе. Такова *Марина*, съ которой вѣнчается Добрыня вокругъ ракитова куста (тоже языческій обычай), таковы *Нѣпра* и *Настасья Королевишны*, жены богатырей *Дона* и *Дуная*, — которые въ свою очередь напоминаютъ миѳологическо олицетвореніе рѣкъ; таковы и нѣкоторыя другія вѣщія дѣвы, упоминаемыя въ пѣсняхъ. Женщины, выводимыя въ богатырскихъ пѣсняхъ, являются большею частію, то воинственными героинями, достойными подругами богатырей, какъ

жена Дуная и боярина Ставра; то грубыми и чувственными, какъ жена самаго князя Владиміра, вымышленная княгиня *Опраксѣя*, или *Апраксѣевна*. О чародѣйской силѣ, которая дѣйствуетъ въ пѣсняхъ, упоминается не разъ въ лѣтописяхъ. Слѣды же христіанства явно отпечатлѣлись въ пѣсняхъ на характерѣ и подвигахъ самихъ богатырей: всѣ они—*православные* и сражаются съ врагами *пагаными и невѣрными*, защищаютъ вѣру православную, т. е. христіанскую и крещеныхъ людей. Алеша Поповичъ, передъ битвой съ Тугариномъ, молился всю ночь со слезами, чтобы Богъ послалъ ему въ помощь тучу грозную, съ дождемъ и градомъ, и «Алешины молитвы доходны до Христа», говорится въ пѣснѣ. Всѣ подвиги Ильи Муромца отличаются христіанскимъ смиреніемъ и благодушіемъ; онъ и силу-то свою богатырскую получилъ за свои добрыя качества, за гостепріимство, оказанное странникамъ.

Народная поэзія создала своихъ героевъ и одарила ихъ сверхъестественною силою, желая, вначалѣ, олицетворить въ нихъ торжество человѣка надъ враждебными силами природы; а впослѣдствіи народъ видѣлъ въ богатыряхъ защитниковъ русской земли отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ: «первыми являются, говоритъ профессоръ Соловьевъ, степные кочевники, приходившіе съ востока на русскую землю, на стольный городъ Владиміра, вторыми — разбойники.» И вотъ мы видимъ, что богатыри въ пѣсняхъ либо сражаются съ врагами, либо убиваютъ чудовища — Соловья-разбойника и другихъ. По свидѣтельству Нестора, подобные внутренніе враги такъ размножились при Владимірѣ, что на истребленіе ихъ посылались цѣлыя войска. Къ врагамъ внѣшнимъ принадлежали азіатскіе народы: Печенѣги, Половцы, Хазары, которые безпрестано тревожили Кіевъ и нападали, въ несмѣтныхъ силахъ, на русскія земли. Въ пѣсняхъ эти вражьи силы называются вообще силами *пагаными*, часто Татарами; но какъ этотъ, такъ и другіе анахронизмы былинъ легко объяснить, если вспомнимъ, что пѣсни и былины живутъ и теперь еще въ народѣ, который не учился исторіи и незнакомъ съ хронологіей, и перемѣшать не только эпохи, но и мѣста и лица — для него кажется естественнымъ. Такимъ образомъ, былины несомнѣнно имѣютъ историческую основу. Самые богатыри: Добрыня, Алеша Поповичъ, бояринъ Ставръ—упоминаются въ лѣтописяхъ, въ которыхъ, при описаніи битвъ, нерѣдко говорится о *богатыряхъ*. Касательно неестественности и преувеличенія въ народныхъ былинахъ слѣдуетъ замѣтить, что эти свойства русской народной поэзіи общи ей съ народною поэзіею почти всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Даже и въ знаменитыхъ разсказахъ о королѣ Артурѣ и Карлѣ Великомъ, напримѣръ, встрѣчается великанъ,—чрезвычайно страшный для христіанъ, по имени *Фенакутъ;* сила его равнялась силѣ сорока человѣкъ, лице у него было одинъ локоть въ длину, одинъ его палецъ равнялся величинѣ трехъ ладоней обыкновенныхъ людей. Въ Эддѣ и въ Нибелунгахъ развѣ мы не читаемъ также самыхъ фантастическихъ и поразительныхъ своею неестественностію разсказовъ? Поэтому, и на чудесное въ нашихъ пѣсняхъ нельзя смотрѣть, какъ на что-то дикое и грубое, какъ на произведеніе народной фантазіи, творившей безъ цѣли и смысла. Фантастическое и сверхъестественное свойственно не однимъ только русскимъ пѣснямъ и сказкамъ:

въ первобытной поэзіи каждаго народа полетъ фантазіи всегда беретъ верхъ надъ разсудкомъ.

Историческія пѣсни, или собственно историческія былины. Кругъ *собственно историческихъ* былинъ весьма ограниченъ, и въ нихъ уже нѣтъ той свѣжести и силы первобытной поэзіи, какими отличаются былины о богатыряхъ, относящіяся къ болѣе героической эпохѣ. Но за то историческія пѣсни гораздо важнѣе въ томъ отношеніи, что показываютъ, какія событія и какія личности останавливали на себѣ вниманіе и общее сочувствіе народа и возбуждали чувство народной любви или ненависти, въ послѣдующій періодъ исторической жизни русскаго народа.

Со времени темнаго владычества Татаръ историческія судьбы древней Руси не благопріятствовали развитію поэзіи; правильное развитіе народной жизни, сначала остановленное и подавленное, подъ гнётомъ дикихъ поработителей, приняло потомъ, въ эпоху уничтоженія удѣловъ и образованія единовластія Москвы, ложное направленіе, и поэтическая сторона народнаго духа, поэтическое творчество народа стали замѣтно ослабѣвать. Послѣ Владиміра и его богатырей память народная сохранила и увѣковѣчила въ своихъ пѣсняхъ весьма не много историческихъ именъ и событій. Отъ татарской эпохи до насъ дошло всего нѣсколько пѣсень, какова, напримѣръ: пѣсня о *Щелканѣ Дудентьевичѣ*, гдѣ подъ именемъ *Азвяка*, разумѣется татарскій ханъ Узбекъ, а подъ именемъ Щелкана Дудентьевича — Шевкалъ, сынъ Дюденя, родственникъ хана. Эта пѣсня замѣчательна потому, что въ ней выразился народный взглядъ на Татаръ и ханскихъ чиновниковъ, или *баскаковъ*, собиравшихъ дань и творившихъ судъ на Руси. Пѣсня эта находится въ сборникѣ Кирши Данилова и въ «Сказаніяхъ русскаго народа,» Сахарова. Мы привели выше примѣръ изъ одной былины, относящейся до временъ Владиміра, о Калинѣ царѣ, гдѣ живыми красками изображено нашествіе Татаръ на Россію. Въ пѣсняхъ, собранныхъ г. Якушкинымъ, напечатана одна, очень характерическая пѣсня, про *татарскій полонъ*, какъ русская дѣвушка, попавъ въ плѣнъ къ Татарамъ, сдѣлалась женою бусурмана, и какъ потомъ матери ея, тоже увезенной въ плѣнъ, пришлось убаюкивать внука татарченка.

Болѣе воспоминаній сохранилъ народъ о страшномъ царствованіи Ивана Васильевича Грознаго, и пѣсни о Грозномъ принадлежатъ безспорно къ лучшимъ историческимъ пѣснямъ русскаго народа Образъ «Грознаго царя» московскаго — съ его «потухшимъ, мутнымъ окомъ,» страшная память о немъ, его жестокія казни и палачи, опричники и убіеніе сына, — все это воскрешено въ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ со всею яркостію и живостію народнаго творчества.

«Ай же вы слуги мои вѣрные,
«Палачи мои немилосливые!

говоритъ царь въ пѣсни объ убіеніи сына, и велитъ отвести сына на лобное мѣсто и срубить ему буйную головушку. «Всѣ палачи испужалися, одинъ па-

лачь не пужается, одинъ злодѣй Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ» (Малюта Скуратовъ) и проч. Въ другой былинѣ говорится, какъ царь, на поминки по сынѣ, собралъ народъ поголовно и «повелѣлъ бояръ во медвѣжны вшивать, а поповъ приказалъ во кули зашивать, по Москвѣ-рѣкѣ пущать.» (Извѣстно, какъ царь Иванъ травилъ медвѣдями бояръ и топилъ въ рѣкѣ Новгородцевъ). Отъ времени Грознаго есть еще пѣсни, основанныя на нѣкоторыхъ, болѣе замѣчательныхъ событіяхъ его царствованія — взятіи Казани и Астрахани и покореніи Сибири Ермакомъ: да замѣчательна еще пѣсня, изображающая женидьбу Грознаго на *Марьѣ Темрюковнѣ* и плачь по умершей царицѣ, Софьѣ (собственно Настасьѣ) Романовнѣ.

Эпоха самозванцевъ и смутное въ Россіи время междуцарствія отразились въ двухъ народныхъ пѣсняхъ: о Гришкѣ Растрижкѣ и о князѣ Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, молодомъ и любимомъ народномъ вождѣ, скоропостижная смерть котораго дала поводъ думать, что онъ былъ отравленъ боярами изъ зависти, во время пира у князя Воротынскаго.

Существуетъ еще шесть старинныхъ русскихъ стихотвореній, весьма замѣчательныхъ, которыя записаны были для одного англичанина, бывшаго въ Россіи въ 1619 году, баккалавра оксфордскаго университета, *Ричарда Джемса.* Стихотворенія эти слывутъ подъ именемъ пѣсень Джемса и донынѣ хранятся въ подлинникѣ въ Оксфордѣ. Они имѣютъ содержаніемъ своимъ нѣкоторыя историческія событія того времени. Первая изъ пѣсень Джемса, извѣстная, впрочемъ и изъ сборника Кирши Данилова, относится къ смерти Скопина-Шуйскаго. Пѣсня эта заставляетъ говорить бояръ:

«Восоко соколъ поднялся,
И о сыру матеру землю ушибся.»

Вторая изъ пѣсень Джемса говоритъ о въѣздѣ патріарха Филарета въ Москву изъ литовскаго плѣна; двѣ пѣсни о горькой участи царевны Ксеніи Борисовны Годуновой; одна — о набѣгѣ крымскихъ Татаръ на Россію и одна пѣсня о «весновой службѣ».

По словамъ г. Буслаева, эта послѣдняя пѣсня, равно какъ и пѣсня царевны Ксеніи даютъ намъ понятіе о томъ, какъ на основѣ эпической, могла у насъ зараждаться народная лирическая поэзія. Въ ней излагается не событіе, а чувство, именно: чувство радости, при наступленіи весны:

Бережечекъ зиблетца,
Да песочекъ сиплетца,
Ледочикъ ломитца,
Добры кони тянутъ,
Молотцы томятца.
Ино Боже, Боже
Сотворилъ ты, Боже,
Да небо и землю,

Сотвори же, Боже,
Весновую службу *) и проч.

Пѣсни изъ сборника Джемса интересны особенно въ томъ отношеніи, что представляютъ образецъ древнихъ русскихъ стихотвореній, сохранившихся отъ времени самозванцевъ и царя Михаила Ѳеодоровича, безо всякихъ измѣненій, какимъ подверглись пѣсни, живущія и до настоящаго времени въ устахъ народа. Изъ изслѣдованія г. Буслаева объ историческихъ пѣсняхъ и вообще о народной поэзіи XVII столѣтія можно заключить, что русская литература той эпохи принимала новое направленіе и что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ ней развился бы преимущественно историческій родъ поэзіи **).

Изъ историческихъ пѣсень въ сборникѣ г. Рыбникова помѣщены еще пѣсни: «Царь Петръ,» «Объ удаломъ добромъ молодцѣ и казнѣ сорокъ тысячей» и другая «О царѣ Петрѣ,» «Графъ Румянцовъ» и «Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.» ***) Но въ пѣсняхъ этихъ мы не находимъ характеристическихъ чертъ, которыя обрисовывали бы названныя историческія личности или историческую эпоху, въ которую они дѣйствовали. Такъ напримѣръ: изъ пѣсень о Петрѣ мы ничего не узнаемъ ни о подвигахъ и дѣятельности, ни о личномъ характерѣ царя-преобразователя. Съ этой стороны, впрочемъ, рѣзкую характеристику преобразованій Петра представляютъ пѣсни *раскольничьи* (см. ниже).

Относительно *историческихъ пѣсень*, г. Рыбниковъ справедливо замѣчаетъ, что онѣ «въ пріемахъ, языкѣ, въ цѣлыхъ частяхъ своихъ представляютъ подражаніе прежнимъ образцамъ (былинамъ) или даже явную передѣлку ихъ, напр. пѣсня о графѣ Чернышевѣ просто передѣлка пѣсни о Разинѣ.» ****) Но важно то, что русскій народъ, въ своей эпической поэзіи, хотя и остановившейся на первой ступени развитія, т. е. на былинѣ, увѣковѣчилъ тѣмъ не менѣе, все, что прямо касалось его жизни, все, что было въ ней грустнаго и радостнаго для него: былины говорятъ о богатырской борьбѣ народа съ силами природы и потомъ о борьбѣ съ историческими врагами, особенно съ Татарами; а историческія пѣсни, какъ мы выдѣли, отмѣтили почти всѣ многознаменательныя личности и эпохи русской исторіи, вліявшія такъ или иначе на народную жизнь.

Удалыя или казачьи пѣсни. Пѣсню изъ сборника Джемса, о *весновой службѣ* можно, кажется, отнести къ разряду такъ называемыхъ *удалыхъ, казачьихъ*. Эти послѣднія пѣсни имѣютъ характеръ столько же эпической, сколько и лирической поэзіи. Многія изъ нихъ основаны болѣе или менѣе на историческихъ событіяхъ. Таковы пѣсни: о Ермакѣ, о Стенькѣ Разинѣ и о другихъ удальцахъ и разбойникахъ прежняго времени.

«Удалыя,» или *казачьи* и *разбойничьи* пѣсни зарождались въ понизовыхъ странахъ—по Волгѣ и по Дону, гдѣ развивалось казачество и образовы-

---

*) Истор. Очер. т I, стр. 540.
**) Ibid. т. I, стр. 511.
***) Рыбниковъ: ч. II, стр. 241—246.
****) Ibid. ч. III, стр. L.

вались разбойничьи шайки изъ бездомовной и безземельной вольницы. Эти казаки были оберегателями границъ русскихъ отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ, но въ тоже время грабили и разбивали и своихъ и чужихъ. Они обыкновенно плавали по Волгѣ, по Дону, по Яику, въ своихъ *косныхъ* разбойничьихъ лодочкахъ, или скрывались въ дремучихъ лѣсахъ. Буйная воля, бѣшеный разгулъ, жизнь, исполненная опасности и презрѣнія къ смерти, положили особый поэтическій отпечатокъ на пѣсни казацкія и разбойничьи; но поэзія этихъ пѣсень такъ же дика и груба, какъ и самая жизнь людей, посреди которыхъ онѣ зародились. Извѣстная пѣсня:

Не шуми, мати, зеленая дубровушка!
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати,

рисуетъ вѣрно картину жизни и судьбу этихъ удалыхъ молодцовъ. Она говоритъ, какъ «дѣтинушка, крестьянскій сынъ» пришелъ въ допросъ, предъ грознаго судью, самаго царя, какъ онъ говоритъ ему всю правду, всю истину, что у него были товарищи: темная ночь, булатный ножъ, добрый конь да тугой лукъ, а разсыльщики — калены стрѣлы; и какъ за такое умѣнье отвѣтъ держать царь *пожаловалъ* дѣтинушку

Среди поля хоромами высокими,
Что двумя-ли столбами съ перекладиной.

Какая злая, безпощадная иронія надъ собственной судьбой заключается въ этихъ послѣднихъ словахъ! Подобная иронія и иногда грубая сатира составляютъ, впрочемъ, характеристическую черту пѣсень удалыхъ.

Циклъ удалыхъ, или разбойничьихъ пѣсень весьма богатъ и долженъ быть причисленъ къ разряду пѣсень историческихъ. Всѣ разбойничьи пѣсни создались въ пору неустановившагося строя гражданской жизни древней Руси, въ понизовьяхъ Волги и Дона,—какъ мы уже сказали,—представлявшихъ широкое раздолье для подвиговъ удальства и молодечества. И потому, пѣсни эти дышатъ дикой поэзіей и удальствомъ, поэзіей людей, оторвавшихъ себя отъ общества. Въ этихъ пѣсняхъ съ особенною ясностію проявляются основные черты русскаго народнаго характера: раздумье, сила воли и энергія души. Особенно замѣчательны пѣсни про извѣстнаго *Стеньку Разина*. Вотъ одна изъ нихъ:

Ахъ, туманы вы, туманушки,
Вы туманы мои, непроглядные.
Какъ печаль, тоска ненавистные!
Изсушили, туманушки, молодцовъ,
Сокрушили удалыхъ до крайности!...
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Надъ горой взойди надъ высокою,
Надъ дубровушкой надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добраго молодца,
Что Степана-свѣтъ Тимофеевича,

По прозванью Стеньки Разина....
Ты взойди, взойди, красно солнышко!
Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныихъ;
Мы не воры и не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички:
Мы весломъ махнемъ — корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ — караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ — дѣвицу возьмемъ.

Частныя или бытовыя пѣсни. Внутренняя жизнь русскаго народа, со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, съ ея радостями и печалями, вылилась вполнѣ въ *частной*, или *бытовой* пѣснѣ. Русскій народъ чрезвычайно богатъ пѣснями этого рода. Пѣсни: обрядовыя, хороводныя, свадебныя и т. п. существуютъ у нашего народа съ самыхъ древнѣйшихъ временъ и напоминаетъ еще и теперь о нѣкоторыхъ языческихъ обрядахъ. Этотъ разрядъ пѣсень, вмѣстѣ съ загадками, заговорами и т. п. можно считать остаткомъ самой старинной, т. е. миѳологической и обрядовой, поэзіи русскаго народа. Но другой разрядъ русскихъ народныхъ пѣсень, именно пѣсень семейныхъ — дѣвичьихъ, женскихъ, молодецкихъ и проч. — принадлежитъ къ чисто-лирическому роду поэзіи; потому что пѣсни эти служатъ выраженіемъ внутренняго чувства человѣка, изліяніемъ горя или радости сердца.

Лучшимъ и болѣе полнымъ собраніемъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ пѣсень считается сборникъ г. *Сахарова*, изданный въ послѣдній разъ еще въ 1841 году.

Окружающая природа и внутренній народный бытъ — государственный, общественный и семейный, образовавшійся подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, придаютъ тотъ или другой характеръ народной поэзіи и преимущественно народной пѣснѣ. Народныя пѣсни имѣютъ самую тѣсную связь съ жизнію народа. «Народныя пѣсни — это народная исторія, — говоритъ Гоголь, — живая, яркая, исполненная красокъ истины, обнажающая всю жизнь народа.» Многія стороны и черты народной жизни, которыхъ мы не найдемъ въ сухихъ лѣтописныхъ разсказахъ, открываются только изъ семейной, женской или молодецкой, словомъ, изъ частной и бытовой пѣсни. Потому мы и разсмотримъ подробно собственно этотъ разрядъ нашихъ народныхъ пѣсень, богатыхъ чертами истинной, самобытной поэзіи русскаго народа.

Тонъ русской народной пѣсни — грустный, тоскливый до крайности; ея отличительный характеръ — или глубокая сердечная тоска, или отчаянное, неудержимое веселье, доходящее до самозабвенія. Такой характеръ нашей народной пѣснѣ придала — съ одной стороны — равнинная, по большей части, степная природа Россіи, невольно наводящая тоску и уныніе на душу своимъ ужасающимъ однообразіемъ. Припомнимъ наши обширныя, непроглядныя и малонаселенныя степи, наши дремучіе и до крайности однообразные лѣса; наши темныя, нескончаемыя осеннія ночи, наши долгія и суровыя зимы, — и намъ

не покажется удивительнымъ то грустное чувство, которое прорывается повсюду въ русской народной пѣснѣ. Съ другой стороны, жизненныя, историческія причины, вслѣдствіе которыхъ сложился русскій народный бытъ, съ его семейнымъ деспотизмомъ, съ подчиненіемъ женщины грубой деспотической власти мужчины, съ грубостію нравовъ вообще, съ неувѣренностію въ завтрешнемъ днѣ и въ своемъ семейномъ благополучіи, — все это наложило печать глубокой тоски на нашу народную пѣснь.

Пѣсни семейныя: женскія и мужескія, дѣвичьи, свадебныя и т. д. запечатлѣны особеннымъ тономъ тяжкой, безъисходной печали. Онѣ полны той глубокой, сокрушительной скорби, которая невольно васъ за сердце хватаетъ. Въ каждомъ словѣ ихъ слышны слезы *горючія*, которыя, какъ *рѣка льются*, какъ *ручей текутъ*.

«Не наполнишь ты синя моря слезами,»

говорится въ одно дѣвичьей пѣснѣ. Нѣкоторыя дѣвичьи пѣсни отличаются въ тоже время нѣжностію, а иногда и удивительною силою чувства, какою-то особенною, простодушною граціею и нѣжнымъ, поэтическимъ отношеніемъ къ природѣ. Вотъ какъ говоритъ дѣвушка въ пѣснѣ о вѣрности своему другу:

Я въ тѣ поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,
Засыплются глаза мои песками...

Участь оставленной дѣвушки пѣсня сравниваетъ съ участью горемычной кукушки, у которой залетный соколъ разорилъ гнѣздо и разогналъ дѣтушекъ. А какъ хороша пѣсня, гдѣ дѣвушка сравнивается съ «тонкою, бѣлою, кудреватою березою», которую ни солнышко, ни мѣсяцъ не грѣютъ, ни усыпаютъ частыя звѣзды, а поливаетъ только крупными дождями, да ломитъ буйнымъ вѣтромъ.»

Вообще чувство женщины выражается въ нѣкоторыхъ русскихъ пѣсняхъ съ рѣдкою поэтическою граціею и въ прекрасныхъ поэтическихъ выраженіяхъ, какъ напр. въ извѣстной пѣснѣ: «На горѣ стоитъ ёлочка,» съ этимъ граціознымъ припѣвомъ:

Я не йду и не слушаю;
Ночь темна и не мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.

Въ большой же части дѣвичьихъ, или женскихъ пѣсень высказывается горемычная доля дѣвушки, которую, не спросясь о ея желаніи, по-мимо ея свободнаго выбора, выдаютъ замужъ. Сколько безотрадной тоски и въ тоже время какая трогательная кротость и нѣжная любовь къ родителямъ слышатся обыкновенно въ словахъ этихъ пѣсень! Дѣвушка прощается съ своей дѣвичьей красою, съ своимъ садикомъ, съ цвѣтами, съ соловьемъ: «Завянутъ безъ меня

всѣ цвѣточки въ саду,» говоритъ она. «Пой, мой громкій соловей, во всю ночку, во всю мѣсячную! Ужъ не долго тебѣ меня тѣшити.» Она «горемыка горегорькая», съ кроткою мольбою и любовію, обращается къ своей «желанной» матушкѣ и проситъ не отдавать ее чужимъ отцу съ матерью, которые «безжалостливы уродилися.» Но свѣтелъ мѣсяцъ—родимый батюшка и красно солнышко—родима матушка запоручили ее, дѣвицу красную, за поруки крѣпкія, за замки вѣковѣчные, выдали ее на чужую сторону, которая, въ понятіяхъ дѣвушки, «горемъ горожена, а печалью усожена, слезами поливана, тоскою покрывана.» И здѣсь-то начинаются тѣ печальныя картины грубаго, суроваго семейнаго быта, которыя, съ такою безпощадною вѣрностію дѣйствительности, рисуются въ пѣсняхъ. Тутъ и «свекорь и свекровь лютые,» и «заловки смутливыя,» и «деверья пересмѣшливые;» тутъ всѣ съ нею не ласковы, всѣ ею понукаютъ; тутъ она должна учиться привыкать къ той страдательной покорности, про которую говорится въ пѣснѣ: «держи голову поклонную, а сердце покорное;» тутъ она свыкается съ мужниннымъ «умомъ-разумомъ и обычаемъ молодецкіимъ;» иначе ее ждутъ побои отъ мужа да *шелкова плетка*, которою— «первый разъ ударитъ, такъ семь рубцевъ, другой разъ — такъ четырнадцать,» говоритъ одна пѣсня. Жалоба женщины на ея печальное и тяжелое положеніе въ семейномъ быту — это мотивъ, общій почти всѣмъ женскимъ или дѣвичьимъ пѣснямъ. Жалоба эта высказывается по большей части съ кроткою грустію и не смѣло; но въ иныхъ пѣсняхъ, она раздается съ большою силою и рѣзкостію, какъ напр. въ пѣснѣ: «Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди, что на всѣ-ли на четыре стороны» *).

При такомъ устройствѣ общественнаго быта, при такомъ состояніи семейныхъ нравовъ, ясно, что не только женщина, но и мужчина, и самъ древній добрый молодецъ, долженъ былъ страдать. И вотъ въ пѣснѣ *злодѣй-тоска* падаетъ на сердце молодецкое, «какъ туманъ на синё море;» добрый молодецъ «во слезахъ родится, во слезахъ крестится, и всю жизнь, какъ былинушка въ чистомъ полѣ шатается его бѣдная головушка.» Добрый молодецъ допытывается у матери о своей судьбѣ и говоритъ:

Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государыни, моей матушки спрошуся:
Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила?
Ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила?

Но счастье-то молодцу не досталось въ удѣлъ: посѣдѣла его буйная головушка не отъ времени, не отъ лѣтъ, все отъ безвременья. И добрый молодецъ, чтобы подавить свою злодѣй-тоску, предается грубому разгулу, топитъ свое горе *въ зеленѣ винѣ* и говоритъ въ пѣснѣ:

Да спасибо-же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску-кручину....

---

*) Сахаровъ, т. I, стр. 33—44.

И такъ, вотъ гдѣ ищетъ исхода русскій добрый молодецъ своему горю: въ необузданномъ весельи, которое у него выражается всегда тривіально; въ гнусномъ пьянствѣ, которое было однимъ изъ господствующихъ пороковъ въ древней Руси, какъ и теперь, къ сожалѣнію, господствуетъ въ русскомъ народѣ. Такого исхода своему горю человѣкъ можетъ искать только въ обществѣ грубомъ, неразвитомъ; и исходъ этотъ, нѣтъ сомнѣнія, представляется крайне печальнымъ. Но та удаль, которую мы встрѣчаемъ въ мужскихъ пѣсняхъ, удаль, которой все ни по чемъ; злая насмѣшка надъ злодѣй-тоской и презрѣніе къ собственной долѣ; наконецъ горькія жалобы на горемычную долю, разлитыя въ пѣсняхъ женскихъ, — все это доказываетъ, съ одной стороны, что древнерусскій человѣкъ не хотѣлъ мириться съ темною стороною своей дѣйствительности; что онъ протестовалъ противъ нея и искалъ выхода изъ подъ тяжелаго гнёта обстоятельствъ; а съ другой — свидѣтельствуютъ о необыкновенной силѣ воли и энергіи народнаго духа, который не могла сокрушить никакая невзгода, никакія неблагопріятныя обстоятельства исторіи.

Малороссійскія пѣсни. Если смотрѣть на русскія народныя пѣсни съ исторической точки зрѣнія; то, говоря о пѣсняхъ великоруссовъ, мы не должны забывать о другомъ, весьма богатомъ отдѣлѣ пѣсень русскаго народа, именно о пѣсняхъ *малороссійскихъ*, зародившихся на югѣ Россіи, въ землѣ кіевской, гдѣ было нѣкогда начало и средоточіе славяно-русской народности. Земля кіевская, или нынѣшняя Украйна — это самая поэтическая сторона Россіи. Южнорусскій народъ развивался подъ болѣе счастливыми условіями, нежели великоруссы. Природа Украйны и гораздо роскошнѣе, и мягче и разнообразнѣе природы сѣверной части Россіи. А потомъ — въ исторической жизни нынѣшнихъ украинцевъ было болѣе свободы и движенія; семейный бытъ и отношенія одного пола къ другому образовались у нихъ въ болѣе благородныхъ и человѣчныхъ формахъ. Въ малороссійской семьѣ нѣтъ мѣста для семейнаго деспотизма; семьи тамъ дѣлятся и дробятся, и опека родителей надъ дѣтьми прекращается съ возрастомъ послѣднихъ. У южноруссовъ женщина никогда не находилась въ такомъ грубомъ подчиненіи мужчины, какъ у великоруссовъ; она всею душею сливалась, въ эпоху казачества, съ тревожною жизнію казака и сочувствовала его отважнымъ подвигамъ. Оттого малороссійская народная поэзія отличается гораздо большимъ одухотвореніемъ, большею глубиною и силою чувства, большею задушевностію и человѣчностію, большимъ богатствомъ и яркостію поэтическихъ красокъ и языка, нежели народная поэзія великоруссовъ. Пѣсни украинцевъ вполнѣ прекрасны и высоко художественны, какъ по формѣ и поэтическому содержанію, такъ и по удивительной прелести и оригинальности своего напѣва. *Казацкія думы*, въ которыхъ народъ воспѣваетъ своихъ героевъ, этихъ *рыцарей славнаго войска запорожскаго*, дышатъ духомъ богатырскаго удальства, полны страсти и движенія и отличаются рѣдкими красотами живой и роскошной поэзіи. Много прекрасныхъ историческихъ

думъ, или пѣсень существуетъ у южнорусскаго народа, напримѣръ, про *Морозе́нка*, о которомъ говоритъ пѣсня: «Де проїде Морозе́нко — кровавая річка,» про *Нечая*, *Самко Мушкета* и про другихъ славныхъ казаковъ, прославившихся въ борьбѣ съ Поляками за вѣру или въ удалыхъ походахъ противъ Турокъ и Татаръ Не менѣе прекрасны и всѣ семейныя малороссійскія пѣсни — женскія, *дівоцкія*, чумацкія, бурлацкія, игривыя и проч., отличающіяся чарующею прелестію слова и выраженія и какою-то особенною поэтическою мечтательностію. Мы не приводимъ здѣсь примѣровъ пѣсень; потому что не всѣмъ доступенъ малороссійскій языкъ, а русскій прозаическій переводъ не можетъ дать о нихъ яснаго понятія.

Народныя сказки. Сказки составляютъ обширный отдѣлъ эпической поэзіи русскаго народа и живутъ во множествѣ до сихъ поръ въ устахъ народныхъ. Русскія народныя сказки чрезвычайно сходны не только съ славянскими, но съ германскими и романскими. Профессоръ Буслаевъ *) ясно указалъ на главныя миѳологическія основанія взаимнаго сродства славянскихъ сказокъ; взаимное же сродство между собою сказокъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ, въ настоящее время, доказано неопровержимо. Г. Буслаевъ говоритъ, что всякая сказка имѣла значеніе былины вначалѣ; т. е. въ то время, когда человѣкъ наивно вѣрилъ въ таинственную силу явленій природы и внѣшняго міра, и вслѣдствіе того обоготворялъ эту силу. Но съ теченіемъ времени теряется смыслъ первоначальнаго миѳа, и сказка становится простою *складкою*, т. е. забавою для воображенія. Когда утрачивается миѳологическое значеніе сказки, она переходитъ къ изображенію житейской дѣйствительности, но все еще сохраняетъ свой старинный тонъ и форму и удерживаетъ своихъ героевъ въ зависимости отъ разныхъ чародѣевъ, волшебниковъ и другихъ сверхъестественныхъ существъ. Впослѣдствіи сказка получаетъ наставительный, или дидактическій характеръ и становится или сатирою, или, какъ говоритъ г. Буслаевъ, переходитъ въ *новеллу* и въ повѣсть. Съ подобнымъ характеромъ сказки являются у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ; тоже самое замѣчается и у насъ. И притомъ, сказки почти у всѣхъ европейскихъ народовъ болѣе или менѣе сходны и по своему содержанію — по крайней мѣрѣ — сходны въ главныхъ основаніяхъ своихъ. Это одинъ изъ признаковъ ихъ младенческаго происхожденія.

Нѣкоторыя изъ русскихъ сказокъ, по содержанію своему, близко примыкаютъ къ былинамъ князя Владиміра. Въ нихъ дѣйствуютъ тѣ же самые герои: Илья Муромецъ, Добрыня и другіе богатыри былинъ; но сказки объ этихъ богатыряхъ не отличаются тою поэтичностію и серьезностію тона и выраженія, какіе мы видимъ въ былинахъ. Хотя фантазія народная и внесла въ

---

*) Историч. Очерки Русск. Народн. Словесн. и Искуства, соч. Ѳ. Буслаева Смот. томъ I, стр. 12.

послѣднія, т. е. въ былины, нѣкоторыя черты изъ чисто-сказочнаго міра; но тѣмъ не менѣе тонъ былинъ, какъ такихъ пѣсень, которымъ самъ народъ придаетъ историческое значеніе, существенно отличается отъ тона сказокъ. Въ сказкахъ дѣйствуетъ, въ гораздо большей степени, нежели въ былинахъ, чародѣйская сила; тутъ являются олицетворенныя стихіи, вѣщія птицы и звѣри, крылатые кони, кони, которые говорятъ человѣческимъ голосомъ, чудовищная рыба-китъ, которая растянулась мостомъ чрезъ все море, чары и обряды, таинственныя загадки и т. п. Все это остатокъ отъ представленій языческаго міра. Потому всѣ изслѣдователи народной поэзіи и признаютъ, что сказка, по своему происхожденію, гораздо древнѣе того рода поэзіи, который пріурочивается уже къ извѣстнымъ историческимъ лицамъ или эпохамъ. У насъ, напримѣръ, сказки (или по край мѣрѣ то, что составляетъ содержаніе сказокъ) появились гораздо прежде былинъ. И миѳологическаго происхожденія и значенія многихъ сказокъ, безъ сомнѣнія, отрицать нельзя. Съ теченіемъ вѣковъ, сказки мѣнялись и постепенно утрачивали свой первоначальный видъ и характеръ, — какъ это вполнѣ удовлетворительно объяснено въ приведенныхъ выше словахъ г. Буслаева.

Важнѣйшее отличіе русскихъ сказокъ отъ былинъ заключается въ томъ, что былина имѣетъ форму пѣсенную, стихотворную, тогда какъ форма сказки — прозаическая: былина поется, а сказка сказывается.

Большою извѣстностію пользуются въ народѣ сказки: *Баба-Яга*, *Кощей Безсмертный*, *Семь Семеоновъ*, *Лиса*, *котъ и щука зубастая*, *Еруслань Лазаревичъ*, *Жаръ-птица и Иванъ царевичъ* и множество другихъ.

Въ большей части русскихъ сказокъ оригинальная личность *Иванушки-дурачка* является почти всегда главнымъ дѣйствующимъ лицомъ сказки. *Дуракъ*, всегда третій сынъ у отца, постоянно торжествуетъ въ сказкѣ надъ всѣми препятствіями, которыхъ не въ силахъ преодолѣть никакіе разумники-богатыри. Создавая личность *Иванушки-дурака*, народное творчество не хотѣло ли показать тѣмъ, что истинный умъ и сила, скрываясь нерѣдко подъ оболочкой простоты, прямодушія и добросердечія, обнаруживаются только въ дѣйствительно-важныхъ для человѣка случаяхъ жизни? Подъ конецъ сказки не дуракъ, а выведенные въ сказкѣ умники и богатыри остаются часто *въ дуракахъ*.

Существуетъ еще отдѣлъ сказокъ, гдѣ героями и дѣйствующими лицами являются звѣри, животныя и даже разныя неодушевленныя существа, надѣленныя всѣми человѣческими свойствами и качествами. Лиса, волкъ, медвѣдь и т. п. звѣри являются тутъ главными героями, и сохраняя всѣ качества своей звѣриной породы, они обладаютъ въ сказкѣ еще и качествами человѣческими, т. е. говорятъ, разсуждаютъ и т. д. Сказки этого рода называютъ сказками о звѣряхъ или «звѣринымъ,» «животнымъ эпосомъ.» Происхожденіе ихъ, какъ и вообще всѣхъ сказокъ, ученые возводятъ къ древнѣйшимъ, миѳическимъ временамъ, къ самой младенческой порѣ народовъ, на томъ основаніи, что животный эпосъ существовавалъ у всѣхъ народовъ, вышедшихъ, въ отдаленныя времена, изъ Азіи.

Русскія сказки чрезвычайно богаты отдѣломъ сказокъ о животныхъ.

Но весьма интересны народныя сказки сатирическаго содержанія. Въ нихъ ярко рисуется картина древнерусскаго народнаго быта, видѣнъ народный взглядъ на вещи и проглядываетъ меткая насмѣшка простодушно-лукаваго русскаго ума. Къ такимъ сказкамъ принадлежатъ: *Шемякинъ судъ*, *Чурилья Игуменья*, сказка о *Ершѣ Ершовѣ Щетинниковѣ* и множество другихъ. Между сказками этого послѣдняго рода заслуживаютъ особеннаго вниманія тѣ, въ которыхъ, подъ видомъ животныхъ и звѣрей, представлены людскія слабости, или въ которыхъ является сатира, направленная противъ различныхъ злоупотребленій. Въ этомъ отношеніи, весьма замѣчательна остроумная сказка о Ершѣ Ершовичѣ, интересная еще и потому, что представляетъ полную и вѣрную картину стариннаго русскаго судопроизводства, съ сохраненіемъ всѣхъ формъ стариннаго процесса и даже дѣловаго слога. Существуетъ нѣсколько варіантовъ, или видоизмѣненій, сказки о Ершѣ. Въ одной сказкѣ, въ жалобѣ на Ерша говорится: «Рыбамъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлой-рыбицѣ бьетъ челомъ ростовскаго озера *сынчишко боярскій*, Лещь съ товарищи. Жалоба, господа, вамъ на злаго человѣка Ерша Щетинникова и на ябедника» и и проч. Въ другой сказкѣ мелкія и крупныя рыбы выбираютъ себѣ судью праведнаго «рыбу Сомъ съ большимъ усомъ.» А вотъ начало еще одного, самаго интереснаго, варіанта сказки о Ершѣ:

«Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, уряженъ былъ судъ; а въ томъ судѣ судьями сидѣли: бояринъ Осетръ, да воевода Сомъ отъ моря Хвалынскаго; да тутъ же въ судѣ выборные мужики сидѣли: Судакъ да Щука, оба отъ земскихъ волостей, съ Волги рѣки да съ Дона. И къ тому суду пришли ростовскаго озера челобитчики, рыба Лещь съ товарищи, и были тѣ челобитчики, рыба Лещь съ товарищи, на судѣ на Ерша Ершова сына Щетинникова, да подали за руками челобитную; а въ той челобитной у рыбы Леща съ товарищи написано: «бьютъ челомъ и плачутся убогіе сироты, нищіе крестьяне ростовскаго озера, рыба Лещь съ товарищи» и проч.

Двѣ послѣднія сказки особенно важны по живо-сохранившемуся преданію о выборномъ началѣ, существовавшемъ въ старинныхъ судахъ русскихъ: въ судѣ сидѣли *выборные мужики* — Судакъ да Щука, по послѣдней сказкѣ; а изъ второй видно, что тяжущіеся сами избираютъ себѣ судью. Сказка о Ершѣ вообще замѣчательна по своему внутреннему смыслу и по множеству весьма меткихъ выраженій, свидѣтельствующихъ о гибкости и силѣ ума русскаго человѣка. Здѣсь Лещь названъ «боярскимъ сынчишкой;» Ершъ говоритъ, что «рыба Сигъ Лодуга — люди богатые, люди великіе» и что они хотятъ «Ершей, маломочныхъ людей, испродать напрасно;» рыба Окунь, посланный судомъ въ качествѣ пристава, обвиняется во взятіи отъ рыбы Налима «посулъ великихъ,» боярскій дворъ сравненъ здѣсь съ неводомъ: «войдти — ворота широки, выйдти — узки» и т. д.

Существуетъ еще много сказокъ въ томъ же сатирическомъ духѣ, гдѣ дѣйствующими лицами являются животныя, разные звѣри, насѣкомыя и т. п. Вотъ почему *басня* въ новой литературѣ русской такъ хорошо принялась и сдѣла-

лась народною въ басняхъ Крылова. Такъ интересна еще сказка про ворону, которую призвали на судъ къ сизому орлу за то, что она таскала яички у гусей-лебедей, и гдѣ ворона, оправдываясь противъ обвиненій, все повторяетъ: «напраслина, батюшка сизый орелъ, напраслина!» А вотъ еще отрывокъ изъ сказки про *Мизгиря* (паука), въ которой можно видѣть намекъ на казни, производившіяся нѣкогда въ поволжскихъ городахъ надъ понизовыми разбойниками, въ родѣ Стеньки Разина. Она начинается такъ: «Въ стары годы въ старопрежные, въ красну весну, въ теплое лѣто, сдѣлалась такая соромота (сиротство), въ мірѣ тягота: стали проявляться комары да мошки, людей кусать, горячую кровь пропускать; проявился *Мизгирь*, удалый добрый молодецъ, сталъ ножками трясти да мережки (сѣти) плести, ставить на пути на дорожки, куда летятъ комары да мошки.» Тутъ дѣйствуютъ: муха, тараканъ, сверчекъ и клопъ: клопъ распускаетъ про «Мизгиря-борца, добра-молодца, такую славу, что его въ-живѣ нѣтъ, что ему въ Казани отсѣкли голову на плахѣ и плаху раскололи» и проч. *).

Кромѣ *Русскихъ народныхъ сказокъ*, изданныхъ въ 1841 году г. Сахаровымъ, существуетъ еще два очень хорошихъ сборника народныхъ сказокъ, изданные гг. *Аѳанасьевымъ* и *Худяковымъ*.

Пословицы. Народныя пословицы, поговорки, равно какъ и загадки, заговоры и т. п., подобно пѣснямъ и сказкамъ, имѣютъ также немаловажное значеніе, при изученіи народнаго творчества и народной жизни вообще.

Русскій народъ весьма богатъ пословицами. Ученой разработкой и собраніемъ русскихъ пословицъ занимались: гг. Снѣгиревъ, Буслаевъ и Даль.

Русскія пословицы вѣрно рисуютъ народный бытъ, выражаютъ здравый народчый смыслъ и житейскіе и нравственные интересы народа, объясняютъ многія историческія черты въ народной жизни и отличаются притомъ удивительною меткостію, силою и красотою выраженія, т. е являются всегда облеченными въ краткую и складную рѣчь. Оттого существуетъ и пословица: «Голая рѣчь — не пословица». Профессоръ Буслаевъ, въ своей прекрасной статьѣ: «Русскій бытъ и пословицы,» изслѣдовалъ довольно подробно содержаніе нашихъ пословицъ и указалъ отношеніе ихъ къ народному быту, разсмотрѣвъ на сколько выразилось въ нихъ доисторическое время, бытъ звѣролововъ, пастуховъ, бытъ воинскій, а потомъ бытъ земледѣльческій и осѣдлый; при этомъ онъ указалъ на миѳическое **) и поэтическое значеніе русской пословицы вообще. Такъ г. Буслаевъ находитъ, что въ нѣкоторыхъ пословицахъ,

---

*) Народн. русск. сказки, А. Г. Аѳанасьева. Выпускъ I и II стр. 188. (Изданіе 3-е, 1863.)

**) „Пословица миѳическаго содержанія — говоритъ г. Буслаевъ — хотя и могла сохраниться въ употребленіи до позднѣйшаго времени, но утратила свое настоящее, собственное значеніе, удержавъ за собою только смыслъ переносный.“ (Истор. Очер. т. I, стр. 79).

старинныя демоническія существа, подъ вліяніемъ христіанства, превратились въ злыхъ духовъ. Въ пословицѣ: «Изъ пустаго дупла — либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана,» авторъ говоритъ, сохранилась память о поклоненіи рощамъ. Сюда же онъ относитъ пословицы: «Вѣнчались вкругъ ели, а черти пѣли;» «Горы да овраги — чертово житье.» Къ быту звѣролововъ онъ относитъ пословицы: «Шелъ журавль по болоту — носъ завязилъ, носъ вытащилъ — хвостъ завязилъ;» «Кобыла съ волкомъ тягалась, только хвостъ да грива у ней осталась;» «Курица пьетъ, а на небо глядитъ» (опасаясь ястреба) и друг. Впрочемъ подобныя пословицы могли образоваться и помимо быта звѣролововъ, такъ-какъ онѣ имѣютъ общій житейскій смыслъ. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить и о нѣкоторыхъ пословицахъ, которымъ придаютъ миѳологическое значеніе. Такъ напр. пословица: «Врагъ силенъ, валяетъ и въ синемъ» едва ли относится къ «синей молніи и перуну,» какъ объясняютъ, и едва-ли она не «намекаетъ просто, по замѣчанію г. Даля, на синій кафтанъ, какъ на признакъ достатка, богатства: лукавой-де разставляетъ сѣти на всякаго, попадаетъ и синь кафтанъ.» Потомъ г. Буслаевъ разбираетъ пословицы, относящіяся къ земледѣльческому быту, какъ: «Дорогой товаръ изъ земли ростетъ» и проч. Но жаль, что у него не изслѣдованы такимъ же образомъ пословицы, появившіяся въ послѣдующее время русской исторіи и сохранившія въ себѣ слѣды нѣкоторыхъ важныхъ моментовъ изъ народной жизни. Такъ пословица: «Вотъ тѣ бабушка Юрьевъ день» образовалась конечно въ то время, когда Борисъ Годуновъ воспретилъ т. н. *крестьянскіе выходы* *). Пословица: «Семеро пойдутъ, Сибирь возьмутъ,» появилась вѣроятно послѣ того, какъ Ермакъ, съ небольшой ватагой удальцовъ, завоевалъ Сибирь; пословица: «На Волгѣ жить, ворами слыть» намекаетъ на то, что въ поволжскихъ странахъ долго не переводились шайки разбойниковъ.

Приведемъ еще нѣсколько пословицъ, имѣющихъ общее житейское или нравственное значеніе: «Языкъ—стягъ (знамя),—дружину водитъ;» «Языкъ поитъ и кормитъ—и спину поритъ;» «Богатство—вода,—пришла и ушла;» «Богатство дметъ, а бѣдность гнетъ;» «Воля Божья, а судъ царевъ;» «Правда хоть груба, да Боту люба;» «Судья суди, да и за судьей гляди;» «Рѣчистъ, да на руку не чистъ;» «Сперва разсуди, а потомъ осуди;» «У всякаго Павла своя правда;» «Вздохни да охни, объ одномъ сохни, а какъ пораздумаешь, то и всѣхъ жаль;» «Друзей у богатыхъ, что мякины у зерна;» «На смерть, что на солнце, во всѣ глаза не взглянешь;» «Кинь хлѣбъ соль на лѣсъ — пойдешь, найдешь;» «Нищева ограбить, сумою пахнетъ;» «Изъ-за сиротъ и солнце сіяетъ;» «Худое дерево въ сукъ ростетъ;» «Люди мрутъ и намъ дорожку трутъ;» «Который палецъ не укуси, всѣмъ больно» (про дѣтей); «Всякому зерну своя борозда;» «У Бога всего много;» «Богъ то Богъ, да и самъ не будь плохъ;» «Одна голова не бѣдна, а и бѣдна да одна.»

---

*) До того въ Юрьевъ день, т. е. въ день св. Георгія, крестьяне были вольны оставить землю одного владѣльца и переходить къ другому, куда имъ вздумается.

Очень остроумны и чрезвычайно метко выражены всѣ пословицы, имѣющія насмѣшливый, сатирическій смыслъ и относящіяся либо къ характеристикѣ жителей извѣстной мѣстности, либо изображающія ту или другую нравственную черту въ характерѣ людей. Напримѣръ: «Хорошъ заяцъ, да тумакъ, хорошъ малый, да Тулякъ»; или поговорки про людей: что «На сосну лазили Москву смотрѣть», что «въ трехъ соснахъ заблудилися», что «Мѣшкомъ солнышко ловили» и проч. или пословицы — про выскочку: «Изъ молодыхъ да ранній, пѣтухомъ кричитъ»; про пройдоху; «Панкратъ скорохватъ, скоро къ Москвѣ пришелъ, скоро тетку нашелъ»; про человѣка ни то ни сё: «Непокрытая вода — тараканъ полакалъ, муравей полизалъ, муха падала»; про ханжу: «На небо посматриваетъ, а по землѣ-то ошариваетъ»; про охотника втираться въ знать: «Генеральской курицѣ племянникъ» и т. д.

На пословицы смотрятъ обыкновенно и толкуютъ ихъ такъ, что онѣ служатъ выраженіемъ наслѣдственной народной мудрости и многовѣковаго житейскаго опыта. Но слѣдуетъ замѣтить, что кругъ пословицъ, основанныхъ на вѣчныхъ и не измѣнныхъ истинахъ, вообще не великъ. Большая же часть пословицъ образуется исторически и создается нерѣдко подъ гнётомъ тяжелыхъ историческихъ обстоятельствъ жизни, съ измѣненіемъ которыхъ и самая пословица утрачиваетъ свой первоначальный смыслъ. Не смотря на то, народъ продолжаетъ примѣнять ее къ жизни, давая пословицѣ превратное толкованіе. Иныя же пословицы сами по себѣ дурны, такъ-какъ онѣ остаются въ обращеніи народа помимо своего нравственнаго смысла и значенія, нерѣдко вслѣдствіе одной лишь меткости выраженія. Слѣдственно, нельзя сказать про всѣ пословицы, что онѣ служатъ выраженіемъ народной мудрости или что всѣ онѣ основаны на разумныхъ и истинныхъ понятіяхъ. Нѣкоторыя изъ русскихъ пословицъ отличаются крайнею грубостію взгляда на жизнь, невѣжественностію, азіатизмомъ и превратными понятіями о нравственномъ долгѣ, о чести и т. п. Таковы, напримѣръ, всѣ пословицы, въ которыхъ говорится о женщинѣ: «Курица не птица, баба не человѣкъ;» «Бабу бей, что молотомъ, сдѣлаешь золотомъ;» «Бей жену къ обѣду, а къ ужину опять;» «Люби жену какъ душу, а тряси какъ грушу.» Всѣ подобныя пословицы показываютъ страшную грубость и дикость отношеній къ женщинѣ. Пословицы: «Хоть въ ордѣ, да въ добрѣ;» «Кряхти да гнись; упрешься — переломишься;» «На чьемъ возѣ сидишь, того и пѣсеньку пой;» «Всѣ люди неправдою живутъ, и намъ не лопнуть стать;» «Стыдъ не дымъ — глаза не выѣстъ;» «Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ» и мног. др. имѣютъ смыслъ не хорошій и никакъ не могутъ служить руководительными правилами въ жизни.

Духовные стихи. Духовные стихи принадлежатъ собственно къ разряду легендарной поэзіи, появившейся у насъ подъ вліяніемъ *письменной* византійской литературы. Отдѣльный очеркъ русской легендарной поэзіи я представляю ниже. Но такъ какъ духовные стихи, подобно былинамъ и пѣснямъ, живутъ въ устахъ народа или лучше въ устахъ народныхъ пѣвцовъ — и пере-

даются отъ поколѣнія къ поколѣнію; то я признаю нужнымъ представить обозрѣніе духовныхъ стиховъ въ отдѣлѣ «устной» народной поэзіи.

Вмѣстѣ съ введеніемъ и распространеніемъ въ древней Руси христіанства, въ народѣ стали ходить, наравнѣ съ старинными былинами и пѣснями, и такъ называемые *духовные стихи*, или духовныя легенды, т. е. разсказы о религіозныхъ предметахъ, въ стихотворной формѣ. Первоначальное происхожденіе *стиховъ* должно относиться къ первымъ вѣкамъ распространенія христіанства, и вѣроятно вначалѣ они были принесены къ намъ изъ Византіи, вмѣстѣ съ христіанской вѣрой. Первыми составителями этихъ стиховъ были, какъ полагаютъ, *калики-перехожіе* — странники, или пилигримы, предпринявшіе путешествія къ святымъ мѣстамъ. Русскіе богомольцы, или странники, стали ходить въ Палестину и вообще ко святымъ мѣстамъ очень рано; они упоминаются въ нашихъ историческихъ памятникахъ уже въ XI столѣтіи. Въ одной старинной былинѣ — *Сорокъ Каликъ со Каликою*, входящей въ кругъ былинъ о богатыряхъ князя Владиміра, разсказано подобное путешествіе русскихъ поклонниковъ въ Іерусалимъ. Здѣсь калики имѣютъ предводителя, *атамана*, и являются — съ одной стороны — обществомъ нищихъ богомольцевъ, выпрашивающихъ милостыню по дорогѣ: а съ другой — ватагою удалыхъ добрыхъ молодцовъ, которые, встрѣтивъ князя Владиміра,

Становилися во единный кругъ,
Клюки, посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили.
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ,
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали и т. д.

Такимъ образомъ, первоначальные странники-калики имѣютъ все еще характеръ богатырей. Это доказываетъ намъ, какъ древность паломничества на Руси, такъ и самую древность духовныхъ стиховъ, слагавшихся, какъ замѣчено, тѣми же каликами, или странниками, которые впослѣдствіи являются уже исключительно нищими, богомольцами и по большей части слѣпыми. Они ходили по всей Руси, повсюду встрѣчали радушный пріемъ и пѣли передъ народомъ стихи духовнаго содержанія, какъ они ихъ поютъ и теперь, особенно въ Малороссіи, (*) на ярманкахъ, на паперти церквей и по дорогамъ.

Духовные стихи имѣютъ исключительно христіанское содержаніе. Но, обращаясь постоянно въ народѣ, они почерпали изъ жизни дѣйствительной постороннія черты и смѣшивались порою съ мѣстными преданіями и разсказами. Это особенно замѣтно на стихахъ древнихъ, каковы напримѣръ: стихъ о

---

*) Нынѣшнихъ пѣвцовъ, большею частію слѣпыхъ нищихъ, въ Малороссіи народъ называетъ *лирниками*, потому что они сопровождаютъ свое пѣніе игрою на струнномъ инструментѣ, называемомъ *лирою*. Это — остатки старинныхъ *бандуристовъ*, которые помнятъ, по настоящее время, прекрасныя малороссійскія *думы* и поютъ ихъ наравнѣ съ духовными стихами.

Георгій, или *Егорій Храбромъ* и извѣстный стихъ о *Голубиной книгѣ*, въ которыхъ наши ученые изслѣдователи отыскали слѣды древнѣйшихъ миѳологическихъ преданій. Въ двухъ названныхъ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ духовныхъ стихахъ, по изслѣдованію г. Буслаева, понятія и преданія христіанскія тѣсно связаны съ языческими. Содержаніе стиховъ о *Голубиной книгѣ* и о *Егорій* касается чисто-народныхъ поэтическихъ представленій и вѣрованій о судьбѣ природы и человѣка. Въ такъ называемомъ стихѣ о *Голубиной книгѣ* (и самое названіе это довольно странно, оно очевидно миѳическое) заключаются вопросы, изложенные въ формѣ стиховъ, о происхожденіи міра и всего существующаго, въ родѣ слѣдующихъ: «Отчего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ? — Отчего у насъ солнце красное?» и т. д. Въ дошедшемъ до насъ стихѣ о Голубиной книгѣ (очевидно позднѣйшей переработки) отвѣты на эти вопросы составлены подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій, съ примѣсью, впрочемъ, какого-то языческаго міросозерцанія: «У насъ бѣлый вольный свѣтъ начался отъ суда Божьяго самаго Христа, царя небеснаго; младъ свѣтелъ мѣсяцъ—отъ грудей его; звѣзды частыя—отъ ризъ Божіихъ» и т. п. Въ стихѣ о Егоріѣ храбромъ, къ житію св. Георгія-побѣдоносца, приплетены разныя — также миѳологическія — сказанія о подвигахъ древнихъ богатырей. Такимъ же точно образомъ создались и нѣкоторые другіе духовные стихи, въ которыхъ старинные богатыри передѣлывались въ христіанскихъ святыхъ.

Главнымъ образомъ же стихи относятся либо къ житіямъ святыхъ, либо касаются другихъ религіозныхъ или религіозно-нравственныхъ предметовъ вообще; но чаще всего стихи бываютъ основаны на христіанскихъ преданіяхъ и повѣрьяхъ и на *апокрифахъ*, или такъ т. н. «отреченныхъ»—непризнаваемыхъ церковію — книгахъ. (Мы скажемъ о нихъ въ отдѣлѣ о памятникахъ литературы письменной). Слѣдственно духовные стихи заимствовали, по большей части, свое содержаніе изъ книгъ и встрѣчаются чаще въ церковной, чѣмъ въ народной обработкѣ. Такимъ образомъ существуютъ духовные стихи: *Христово рожденіе*, *Распятіе*, *Вознесеніе*, *Плачь Адама*, *Іосифъ Прекрасный*, *О страшномъ судѣ*, *О грѣшной душѣ*, *Сонъ Мати-Маріи*, *О Лазарѣ и о богатомъ*, *Объ Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ*, *О Лизаветѣ прекрасной*, *О Борисѣ и Глѣбѣ*, *О Царевичѣ Дмитріѣ* и множество другихъ. Болѣе распространенные въ народѣ стихи суть: *О Лазарѣ убогомъ*, *Объ Алексіѣ*, *Божьемъ человѣкѣ*, *О Царевичѣ Іосафѣ*, возлюбившемъ пустынножительство, да еще стихъ о *Страшномъ судѣ*. Это были любимые мотивы духовныхъ пѣсень народа, по словамъ г. Варенцова. «Невеселы были эти образы,—говоритъ г. Варенцовъ,—однообразны и тоскливы напѣвы; но въ нихъ отзывалась знакомая народу грусть, и въ образѣ Лазаря убогаго онъ узнавалъ себя самаго, оскорбленнаго, забытаго богатымъ; себя, убитаго нуждой, съ единственнымъ убѣжищемъ — могилой»....

Духовные стихи распространены въ особенности между раскольниками и, можетъ быть, между ними создались стихи, подобные стихамъ: о вѣчной мукѣ, о смертномъ часѣ, о прощаніи души съ тѣломъ и другіе, отличающіеся тяжелымъ аскетизмомъ, мрачнымъ взглядомъ на жизнь и суровою рѣчью. Въ нихъ

слышится фанатическая дикость сектъ, загнанныхъ, во время прежняго преслѣдованія, въ скиты и глухія захолустья лѣсовъ.

Духовные стихи далеко не отличаются вообще тѣми поэтическими достоинствами, какія мы видѣли въ былинахъ и въ пѣсняхъ. Книжная, искуственная церковно славянская форма большей части изъ нихъ даетъ поводъ думать, что не всѣ стихи были общимъ достояніемъ народа. Г Пыпинъ говоритъ, что «въ стихахъ надобно отличать два не похожіе разряда: одни по своему содержанію принадлежатъ, безъ сомнѣнія, къ очень древней эпохѣ, какъ стихъ о Голубиной книгѣ, и по языку совершенно народны; другіе—ясно принадлежатъ позднѣйшимъ книжникамъ и сложены на довольно нескладномъ языкѣ, съ тяжелыми книжными выраженіями.»

Народъ *слушалъ* вообще пѣніе стиховъ, какъ предметъ благочестиваго развлеченія, а не пѣлъ ихъ самъ; хранились же они, какъ и теперь хранятся, въ памяти нищихъ и слѣпыхъ пѣвцовъ; и тѣ изъ нихъ, которые были пограмотнѣе, какъ справедливо замѣчаетъ г. Пыпинъ, были вѣроятно и сочинителями стиховъ. Но тѣмъ не менѣе преданія и вѣрованія, послужившія основаніемъ для духовныхъ стиховъ, проникали въ жизнь народа и по большей части сохраняются въ немъ до настоящаго времени.

Духовные стихи изданы были въ первый разъ Кирѣевскимъ; а въ послѣднее время вышли два большихъ сборника духовныхъ стиховъ: *Калики-перехожіе*, г. Безсонова и *Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ*, г. Варенцова.

ОБОЗРѢНІЕ ГЛАВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ ДРЕВНЕРУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ПИСАТЕЛИ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

ОТДѢЛЪ I.

СВѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Обозрѣвъ произведенія устной, самобытной, или собственно народной словесности, мы приступаемъ теперь къ обозрѣнію письменной, или книжной литературы древней Руси и представимъ сначала очеркъ главнѣйшихъ *памятниковъ* старинной литературы, а потомъ сдѣлаемъ обозрѣніе литературной дѣятельности болѣе замѣчательныхъ писателей древности.

Памятники поэтическіе и вообще литературные.

Мы начнемъ съ памятниковъ *Поэтическихъ* или вообще съ памятниковъ, имѣющихъ болѣе или менѣе *литературный* характеръ; потомъ разсмотримъ памятники *Историческіе* и наконецъ *Путешествія*.

Первое мѣсто, какъ по времени, такъ и по своимъ достоинствамъ, между поэтическими памятниками нашей старинной литературы занимаетъ древнее стихотвореніе, извѣстное подъ названіемъ *Слова о Полку Игоревѣ*. Стихотвореніе это написано, какъ полагаютъ, не позже конца XII вѣка и заключаетъ въ себѣ поэтическій разсказъ о несчастномъ походѣ сѣверскихъ князей—Игоря Святославича съ братьею—противъ Половцевъ. Походъ удѣльнаго князя Игоря новгородъ-сѣверскаго съ братомъ Всеволодомъ, княземъ курскимъ и трубчевскимъ, и другими родственниками противъ Половцевъ записанъ въ лѣтописи подъ 1185 годомъ, и историческая часть Слова о Полку Игоревѣ вполнѣ вѣрна лѣтописному разсказу. Но неподдѣльныя поэтическія красоты Слова и то лирическое воодушевленіе, которое не оставляетъ пѣвца отъ начала до конца поэмы; наконецъ свѣжій, изобразительный и удивительно-поэтическій языкъ Слова ставятъ его на ряду съ самыми замѣчательными памятниками народной поэзіи.

Поэтъ, въ поэтическомъ приступѣ къ Слову, вспоминаетъ о какомъ-то пѣвцѣ *Баянѣ*, котораго онъ называетъ *вѣщимъ*, внукомъ *Велеса* *) и «соловьемъ стараго времени.» Пѣвецъ говоритъ: «Боянъ едва прикоснется своими вѣщими перстами къ живымъ струнамъ, — и они уже сами князьямъ славу зарокочутъ.» Но мы не знаемъ произведеній этого Бояна; пѣсни его не дошли до насъ.

«Начнемъ же, братіе, повѣсть сію (сказано далѣе) отъ стараго Владиміра **) до нынѣшняго Игоря, — который *истянулъ* умъ крѣпостію, изострилъ сердце мужествомъ, наполнился ратнаго духа, и повелъ свои храбрые полки на землю половецкую за землю русскую.» Но вмѣсто того, чтобы начать отъ Владиміра, рѣчь идетъ вслѣдъ за этимъ прямо объ Игорѣ и о его храброй дружинѣ. «Здѣсь съ перваго взгляда очевиденъ пропускъ,» говоритъ профессоръ Соловьевъ. Такихъ пропусковъ и непонятныхъ мѣстъ, къ сожалѣнію, встрѣчается еще нѣсколько въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Потомъ Игорь обращается съ мужественною, героическою рѣчью къ своей дружинѣ, ждетъ брата Всеволода, и они пускаются въ походъ. Мы приведемъ это мѣсто въ подлинникѣ, объясняя старинныя слова и выраженія. Игорь говоритъ:

„Братіе и дружино! лучежъ бы потяту быти, неже полонену быти (лучше быть убиту, нежели плѣнену). А всядемъ, братіе, на свои бръзые комони, (на своихъ борзыхъ коней), да позримъ синего Дону.“ „Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля половецкаго съ вами Русици (о самый конецъ поля, т. е. въ самыхъ дальнихъ предѣлахъ земли половецкой) ***); хощу главу свою приложити а любо испити шеломомъ Дону.“ (Хочу либо голову свою сложить, либо шлемомъ испить воды изъ Дону)

„Комони ржутъ за Сулою, звенитъ слава въ Кыевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ (Новгородо-Сѣверскѣ); стоять стязи (вѣютъ знамена) въ Путивлѣ.“

---

*) Велесъ, или Волосъ — языческое божество Славянъ.

**) Подъ именемъ Владиміра *стараго* пѣвецъ разумѣетъ Владиміра Мономаха и его побѣды надъ Половцами.

***) Объясненіе г. Буслаева.

Далѣе Игорь ждетъ своего милаго брата, *буй-туръ* *) Всеволода, который говоритъ: «Одинъ братъ ты у меня, одинъ *свѣтъ свѣтлый*, и оба мы Святославичи! Сѣдлай ты, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы для тебя и стоятъ осѣдланы у Курска. А мои куряне — извѣстные наѣздники, они повиты подъ бранными звуками трубъ, подъ *шеломами* взлелѣяны, концемъ копья вскормлены. Пути имъ вѣдомы, *яруги* (овраги?) имъ знаемы, луки у нихъ натянуты, *тули* (колчаны?) отворены, сабли изострены. Они сами скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы.» Игорь вступилъ *въ златое стремя* и поѣхалъ по чистому полю, ведя къ Дону своихъ храбрыхъ воиновъ.

Русичи пришли къ Дону, и по утру въ пятницу *потопташа поганыя плъкы половецкыя;* повлекли они за собою въ плѣнъ красныхъ дѣвъ половецкихъ, а съ ними — *злато*, и *паволоки* и *драгыя оксамиты* (дорогіе бархаты), такъ что разнымъ богатствомъ половецкимъ стали мосты мостить по болотамъ и *грязовымъ* мѣстамъ.

Упоенные побѣдой дремлютъ въ полѣ русскіе воины. Но ждетъ бѣда храбрые полки Игоревы: на нихъ «Половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря и отъ всѣхъ странъ». Начинается новая битва на Каялѣ-рѣкѣ **), у Дона великаго. «*Яръ-туръ* Всеволодъ,» — обращается къ нему пѣвецъ, — «стоишь ты на оборонѣ.»

Камо, туръ, поскочаше, своимъ златымъ шеломъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкія.

«Съ ранняго утра до вечера, съ вечера до свѣта летаютъ стрѣлы каленые, гремятъ сабли о шеломы, трещать копья *харалужныя* (булатныя?) въ полѣ незнаемомъ, посреди земли половецкой. Черная земля подъ копытами коней костьми была усѣяна и кровію полита; *тугою* (горемъ, печалью) взошли онѣ (кости) по русской землѣ. Что мнѣ звенитъ далече, рано предъ зарями? Игорь полки заварачиваетъ: жаль стало ему милаго брата Всеволода.» Но, не смотря на отчаянную храбрость *Русичей*, Половцы одолѣли, и на третій день битвы пали *стязи* (знамена) Игоровы «Тутъ братья разлучились (они попались въ плѣнъ)—говоритъ пѣвецъ—на берегу быстрой Каялы.»

„Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша, храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю русскую."

«Поникла трава отъ жалости, прибавляетъ поэтъ, — и дерево съ *тугою* къ землѣ приклонилось.»

Полонивъ Святославичей, *поганіи*, со всѣхъ странъ, рынулись на землю русскую. «Жены русскіе тутъ всплакались, говоря: уже намъ нашихъ милыхъ *ладъ* (мужей) ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очами сглядѣти, ни то, что золотомъ и серебромъ ***) мы будемъ теперь побрякивать.»

---

*) *Буй* — ярый, дикій; *туръ* — волъ.

**) Нынѣшняя рѣчка *Кагальникъ*, впадающая въ Донъ, по объясненію г. Гербеля.

***) Вѣроятно—золотомъ и серебромъ, набраннымъ ихъ мужьями у Половцевъ.

„А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми, тоска разліяся по русской земли, печаль жирна (великая, сильная) тече средъ земли рускы."

Далѣе поэтъ, въ воодушевленной лирической рѣчи, изливаетъ скорбь свою на усобицы и крамолы князей, накликавшихъ бѣдствія на русскую землю; вспоминаетъ и силѣ прежнихъ русскихъ князей, которые страшны были Половцамъ и не разъ громили землю половецкую; потомъ взываетъ къ современнымъ князьямъ, умоляя ихъ позабыть о своихъ междоусобицахъ и вооружиться на месть противъ общихъ враговъ, *за землю русскую*, *за раны Игоревы*, *буего* (храбраго) *Святославича*. Послѣ этого замѣчательнаго обращенія къ славнымъ, по своей храбрости, князьямъ русскимъ, слѣдуетъ плачъ Ярославны, жены Игоря. Мы приводимъ вполнѣ этотъ плачъ, исполненый живой и трогательной поэзіи.

«Полечу я, говоритъ она, *зегзицею* (кукушкою) *) по Дунаю, омочу рукавъ бобровый свой въ Каялѣ-рѣкѣ и утру князю кровавыя его раны на его *жестоцемъ* (мужественномъ) тѣлѣ.»

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ *на забралѣ* (на стѣнѣ) *аркучи* (говоря):

«О вѣтрѣ, вѣтрило! Зачѣмъ, господине, такъ сильно вѣешь? Зачѣмъ на своихъ легкихъ крыльяхъ мчишь ты ханскія стрѣлы на воиновъ моея *лады*? Или мало для тебя горъ, чтобы вѣять подъ облаками, *лелѣючи корабли на синѣ морѣ*? Чему, господине, ты мое веселье по ковыль-травѣ развѣялъ?

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, *аркучи:*

«О Днѣпре словотычю! (пресловутый, славный.) Ты пробилъ каменныя горы сквозь землю половецкую; ты лелѣялъ на себѣ ладьи Святослава до полка Кобякова *); взлелѣй же, господине, мою *ладу* ко мнѣ, чтобы я не слала къ нему по утрамъ слезъ моихъ на море.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, *аркучи:*

«Свѣтлое, преовѣтлое солнце! Для всѣхъ свѣтло и красно ты: зачѣмъ же, господине, ты простираешь горячій лучь свой на воиновъ моея *лады?* Зачѣмъ въ полѣ безводномъ ты жаждою изогнуло луки ихъ, *тугою* затянуло колчаны ихъ?»

Слово оканчивается спасеніемъ Игоря изъ плѣна. «Богъ путь ему кажетъ изъ земли половецкой на землю русскую, *къ отню злату столу*... Всѣ страны рады, всѣ города веселы,» говоритъ поэтъ: Игорь въ русской землѣ. «Поютъ дѣвицы на Дунаѣ **), *вьются голоса чрезъ море до Кіева.*» Пѣвецъ заключаетъ свою поэтическую пѣснь хвалою князьямъ и дружинѣ, поборавшимъ за *христьяны на поганыя полки.*

Слѣдуетъ допустить, что пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ былъ житель сѣверской страны и современникъ описаннаго имъ событія, имѣвшаго весьма

---

*) Тоскующая женщина въ русской народной поэзіи, по большей части, сравнивается съ кукушкою, какъ мы уже говорили выше.

**) Кобякъ, половецкій ханъ.

***) Дунай — поэтическая рѣка у всѣхъ Славянъ.

важное значеніе для всей югозападной Руси. Бѣлинскій ошибается, говоря, что историческое событіе, давшее содержаніе Слову о Полку Игоревѣ, «совершенно ничтожно само по себѣ» *). Походы Половцевъ составляли событіе не ничтожное, а были, напротивъ, великимъ народнымъ бѣдствіемъ для всей кіевской Руси. Мѣста въ лѣтописи, гдѣ говорится о походахъ Половцевъ, да и самое Слово о Полку Игоревѣ, свидѣтельствуютъ объ этомъ какъ нельзя яснѣе. Половцы, начиная со второй половины XI столѣтія и до самаго татарскаго погрома, производили страшныя опустошенія и терзали весь юго-западъ Россіи, служившій въ то время средоточіемъ русской жизни. Они грабили и жгли русскіе города и селенія; жителей убивали или массами уводили въ свои задонскія степи, отнимая дѣтей у родителей, женъ у мужей. Они не разъ брали и предавали опустошенію: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль и другіе города южной Руси. «Тогда много страдали христіане»... «*Много бо ти Половцы зла сотвориша русской земли*,» говоритъ лѣтописецъ. Понятны, послѣ этого, любовь и симпатія народа къ тѣмъ изъ князей, которые предпринимали походы противъ Половцевъ, для обороны русской земли. Таковъ былъ Игорь сѣверской, воспѣтый въ Словѣ; таковъ былъ до него Владиміръ Мономахъ, о которомъ упоминаетъ пѣвецъ Слова и который въ 1103 и въ 1110 годахъ соединилъ всѣхъ князей и составилъ чисто-народное ополченіе противъ Половцевъ. Ополченіе состояло не только изъ княжескихъ дружинъ, но и изъ простаго народа, *смердовъ*, взятыхъ отъ «рольи» (отъ плуга), ибо *дѣло было народное*, по словамъ г. Костомарова **).

Слѣдственно, вопреки мнѣнію Бѣлинскаго (имѣвшаго вообще односторонній взглядъ на древній періодъ русской исторіи) тутъ не было недостатка народнаго участія въ событіи: борьба Руси съ Половцами касалась, главнымъ образомъ, народа и имѣла для него жизненный интересъ. Ясно поэтому, что такое историческое событіе, какъ ожесточенная, вѣковая борьба двухъ иноплеменныхъ народовъ, смѣло могло служить содержаніемъ—и содержаніемъ не ничтожнымъ — для поэтическаго произведенія. Пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ говоритъ: «И Нѣмцы

---

*) Сочиненіе Бѣлинскаго, т. V, стр. 84.

**) *Черты южно русской исторіи* стр. 19 и 35. См. *Основа*, 1862, Іюнь. Тамъ же сказано: Когда дружинники возражали на совѣтѣ, что не слѣдуетъ отрывать весною смердовъ отъ рольи, Владиміръ отвѣчалъ имъ: „удивительно, какъ это жалѣете смердовъ и лошадей ихъ, а того не помышляете, что Половчинъ наѣдетъ весною, отниметъ у смерда коня, и самаго съ женою и дѣтьми повлечетъ въ неволю, и гумно зажжетъ.“ Чтобы придать ополченію этому религіозное значеніе, Владиміръ пригласилъ священниковъ съ образами: они шествовали предъ полкомъ и пѣли кондаки честному кресту и каконъ пресвятой Богородицѣ. Это имѣло нравственное вліяніе: Русскіе одержали побѣду надъ Половцами; городъ половецкій *Шарукань* сдался, а городъ *Сугровъ* сожженъ. На р. Сальницѣ Половцы претерпѣли сильное пораженіе.... Этотъ походъ *произвелъ сильное впечатлѣніе на народное чувство. Его-то, какъ видно, воспѣлъ вѣщій Боянъ*; его слава — говоритъ лѣтописецъ — разнеслась по странамъ дальнимъ „ко Грекамъ, и Уграмъ, и Лехамъ, и Чехамъ, *дондеже и до Рима пройде*!“

и Венеды, и Греки и Моравы поютъ славу Святослава и осуждаютъ Игоря, который силу русскую погрузилъ на дно Каялы-рѣки половецкой и русскимъ золотомъ ее засыпалъ.» Вотъ какую важность придавалъ самъ поэтъ избранному имъ сюжету для своей пѣсни. Потому поэма его богата не однимъ только «живымъ и теплымъ чувствомъ», какъ говоритъ Бѣлинскій. Она богата, кромѣ того, сознательною и глубокою скорбію пѣвца о страданіяхъ всей русской земли, страданіяхъ и печали народной. «Тогда по русской землѣ рѣдко раздавались крики *ратая*, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, часто говорили свою рѣчь галки, сбираясь летѣть на добычу», говоритъ поэтъ. Его сочувствующему сердцу близко было горе *ратая*, страданіе народа. Мы сказали выше, какъ описывая горе всей русской земли, при извѣстіи о пораженіи Игоря, онъ упоминаетъ о слезахъ русскихъ женъ и говоритъ: *встона бо, братіе, Кіевъ тугою, и Чернигов напастьми, тоска разліяся по русской земли.* Съ болью въ сердцѣ, но просто и трогательно, выражаетъ свою скорбь пѣвецъ; у него бьется сердце *за всю русскую землю, за русскихъ сыновъ:*

„На Немизѣ *) снопы стелютъ головами, молотятъ цепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхутъ посѣяны, посѣяны костьми русскихъ сыновъ

(На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпями *булатными*, на току жизнь кладутъ, душу изъ тѣла вывѣютъ. Кровавые берега Немизы не *бологомъ*-травою засѣяны, они засѣяны костьми русскихъ сыновъ).

Вамъ какъ-бы слышится, что словами поэта здѣсь говоритъ самъ народъ. Поэтъ скорбитъ о страданіяхъ народа, — и всѣ бѣдствія страны приписываетъ междоусобіямъ князей, накликавшихъ *поганыхъ* на землю русскую. Онъ смѣло и въ тоже время съ любовію укоряетъ князей, и прежнихъ и современныхъ, въ томъ, что они стали

„Сами на себѣ крамолу ковати: а поганіи со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на русскую землю.“

«При Олегѣ Гориславичѣ **), говоритъ цѣвецъ, сѣялись и росли усобицы;... въ княжихъ крамолахъ вѣка человѣческіе сокращались.» А потомъ, обращаясь къ другимъ князьямъ, начавшимъ междоусобія на Руси, онъ восклицаетъ: «Вы своими крамолами начали наводить поганныхъ на землю русскую. А до того развѣ было намъ какое-либо насиліе отъ земли половецкой?» — *Уже бо, братіе, невеселая год на встала!* «Уныли голоса, поникло веселье,» — прибавляетъ онъ далѣе и взываетъ къ князьямъ современнымъ, чтобы они, припомнивъ славу прежнихъ лѣтъ, вооружились и вступились *за обиду сего времени, за землю русскую*, которая во всей поэмѣ играетъ у него главную роль, вездѣ стоитъ на первомъ планѣ.

---

*) Немиза — притокъ р. Свислочъ, у Минска; другіе думаютъ, впрочемъ, что подъ Немизой пѣвецъ разумѣлъ р. Нѣманъ.

**) Олегъ Святославичъ, дѣдъ Игоря, главный виновникъ междоусобій своего времени.

Нельзя поэтому принять мнѣнія Бѣлинскаго, когда онъ говоритъ о Словѣ о Полку Игоревѣ, что «вся поэма — дѣтскій лепетъ, полный поэзіи, но скудный значеніемъ, лепетъ, котораго вся прелесть въ неопредѣленныхъ, мелодическихъ звукахъ, а не въ смыслѣ этихъ звуковъ» *). Изъ сказаннаго нами выше видно напротивъ, что простая, но высоко-поэтическая прелесть разсказа соединена въ Словѣ съ осмысленнымъ содержаніемъ, полнымъ жизненнаго, народнаго интереса. Бѣдствія родной земли и слава прежнихъ лѣтъ, — вотъ въ чемъ заключается главное содержаніе, главная мысль этой поэмы. И потому такое даровитое поэтическое произведеніе, какъ Слово о полку Игоревѣ, должно быть оцѣниваемо не по одной прелести поэтическихъ звуковъ; но и по своему внутреннему смыслу и значенію, которыхъ не лишена вовсе наша древнерусская поэма,—какъ мы это указали.

По духу и характеру Слова о Полку Игоревѣ, его можно назвать героическою пѣснію древней Руси, въ которой вполнѣ отразился воинственный періодъ русской исторіи. Мы видимъ въ Словѣ героевъ, исполненныхъ ратнаго духа, которые дышатъ страстію и вдохновеніемъ боя и помнятъ доблести предковъ и воинскую *дѣднюю славу*. Имъ нипочемъ *Волгу веслами раскропити, а Донъ шеломами выльяти*. Они ни отъ кого не потерпятъ обиды: *Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо.... далече залетѣло....* «Не родилось оно, говоритъ поэтъ, на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чорный воронъ, поганый Половчанинъ!» — Съ другой стороны отношенія между дѣйствующими лицами Слова отличаются какою-то человѣчностію, благородствомъ и теплотою истиннаго чувства. Это видно особенно въ тѣхъ мѣстахъ поэмы, гдѣ поэтъ говоритъ о женщинѣ или о семейныхъ отношеніяхъ вообще, какъ напримѣръ, въ плачѣ Ярославны, гдѣ съ такою нѣжностію и теплотою чувства и въ такихъ граціозно-поэтическихъ выраженіяхъ изображено горе супруги героя, котораго постигло несчастіе.

Г. Буслаевъ въ плачѣ Ярославны, въ ея обращеніи къ Днѣпру, къ солнцу и т. д. какъ къ существамъ одушевленнымъ, видитъ рядъ старинныхъ языческихъ причитаній, и подробно объясняетъ многія мѣста Слова о Полку Игоревѣ въ миѳологическомъ отношеніи **). Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ въ этой древней поэмѣ явные слѣды языческаго міросозерцанія. Такъ русскіе витязи называются здѣсь внуками *Дажь-бога*, Боянъ, вѣщій пѣвецъ — внукомъ *Велеса*, вѣтры — внуками *Стрибога*:

Вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые плъкы Игоревы.

Здѣсь сохранилось еще вѣрованіе *въ оборотней*, въ сны, въ предзнаменованія; упоминаются *дивы* ***) и т. п. Преданіе о стихійныхъ божествахъ на Руси,

---

*) Сочиненія Бѣлинскаго, т. V, стр. 87.

**) См. Истор. Очер. т. I, стр. 382 и д.

***) *Дажь-бог* — божество свѣта и огня у Славянъ, а *Стрибог* — божество погоды, и вѣтра; *дивы* — миѳологическія существа.

говоритъ г. Буслаевъ, жило еще во всей свѣжести въ эпоху слова о Полку Игоревѣ, т. е. въ XII вѣкѣ.

Мы разсмотрѣли Слово о Полку Игоревѣ со стороны его внутренняго содержанія и значенія. Теперь слѣдуетъ сказать, что со стороны внѣшней формы своей оно отличается неподдѣльными красотами языка и поэтическаго выраженія и какою-то свѣжею силою и выразительностію. Описанія битвъ, картины природы, всѣ поэтическія образы и сравненія Слова — необыкновенно-живописны, изобразительны и въ тоже время отличаются удивительною простотою и естественностію. Мы привели выше одно описаніе битвы и то необыкновенно-поэтическое мѣсто, гдѣ битва сравнивается съ свадебнымъ пиромъ. Такихъ мѣстъ, исполненныхъ высокой поэзіи, въ Словѣ о Полку Игоревѣ весьма много, какъ это можно видѣть и изъ приведенныхъ у насъ примѣровъ.

Г. Буслаевъ въ своихъ «Историческихъ Очеркахъ» указалъ на живое сходство поэтическихъ образовъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ съ образами малороссійской поэзіи. Дѣйствительно существуетъ разительное сходство эпическихъ формъ поэзіи, т. е. поэтическихъ образовъ, выраженій и сравненій въ Словѣ и въ малорусскихъ историческихъ думахъ. И въ Словѣ *орлы клектомъ на кости звѣрей зовутъ*, *лисицы брешутъ на червленые щиты* воиновъ, вороны каркаютъ, галки рѣчь свою говорятъ, Ярославна плачетъ кукушкою и проч.; и въ малороссійскихъ думахъ къ умирающему казаку налетаютъ сизые орлы, изо-лба очи выдираютъ, крячетъ воронъ, плачетъ кукушка, воютъ сѣрые волки, — «то они казацкіе похороны справляютъ» и проч. Впрочемъ, при описаніяхъ поля битвы, подобныя мрачныя картины встрѣчаются и въ великорусской поэзіи, и въ эпической поэзіи другихъ славянскихъ (напр. въ сербскихъ пѣсняхъ) и не-славянскихъ народовъ.

Языкъ, которымъ написано Слово о Полку Игоревѣ, очень древній, существовавшій въ предѣлахъ нынѣшней Россіи еще въ то время, когда всѣ нарѣчія славянскія были гораздо ближе другъ къ другу, нежели теперь. По изслѣдованію профессора Лавровскаго, древній русскій языкъ, до XIV столѣтія, рѣшительно не обнаруживалъ раздѣленія на два нарѣчія — великорусское и малорусское, которыя образовались впослѣдствіи и существуютъ въ настоящее время. Но такъ-какъ Слово о Полку Игоревѣ написано на югѣ Россіи, то языкъ его ближе къ малорусскому, нежели къ великорусскому нарѣчію — и по тождеству словъ и по грамматическимъ формамъ. Несомнѣнно, что эта историческая народная пѣснь написана была на языкѣ, въ то время народномъ, или близкомъ къ народному; но на немъ отразилось вліяніе и языка церковно-славянскаго, съ которымъ пѣвецъ Слова, какъ человѣкъ книжный, должно полагать, былъ хорошо знакомъ.

Слово о Полку Игоревѣ издавалось, объяснялось и переводилось нѣсколько разъ. Лучшими истолкователями Слова должно считать: гг. Максимовича и Буслаева. Изъ переводчиковъ Слова на новѣйшій стихотворный языкъ назовемъ: гг. *Деларю*, *Гербеля и Мея*.

Характеръ древней письменности и литературы. Общая характеристика письменныхъ и литературныхъ памятниковъ —Во всей массѣ древне-русской письменности, начиная съ XI и до XVII столѣтія, въ массѣ весьма значительной, если судить по количеству дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ, мы не встрѣчаемъ болѣе такого свѣжаго и прекраснаго поэтическаго произведенія, какъ «Слово о Полку Игоревѣ». Письменность принесена была въ древнюю Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ *) и служила вначалѣ почти исключительно орудіемъ для распространенія новой религіи между Славянами-язычниками. И потому строго-религіозный характеръ сталъ отпечатлѣваться на всемъ, что писали въ древности на Руси. Религіозность входила какъ начало существенное, даже въ такіе памятники древней письменности, которые должны быть отнесены, въ собственномъ смыслѣ, къ литературѣ свѣтской. Но литература свѣтская, до временъ Петра Великаго, была, можно сказать, поглощена литературою духовною. Первые учители христіанства на Руси были и первыми грамотниками, знакомившими народъ съ книжнымъ ученіемъ, на которое и само духовенство и князья, заводившія школы для обученія народа, смотрѣли единственно какъ на средство для распространенія въ народѣ христіанства и новыхъ религіозныхъ идей. Византія доставляла, въ первое время, книги исключительно религіознаго содержанія, переводомъ которыхъ первые занялись—наши учители вѣры. Книги эти составляли въ то время на Руси единственное чтеніе и, какъ видно, усердно читались всѣми грамотными людьми. Естественно поэтому, что при подобномъ направленіи народнаго образованія и вся первоначальная письменность является у насъ письменностію по преимуществу духовною. Таково было начало, таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, и дальнѣйшій ходъ древне-русскаго просвѣщенія и образованности, во весь длинный періодъ жизни русскаго народа отъ принятія христіанства и до конца XVII столѣтія. Потому преосвященный Филаретъ былъ въ правѣ сказать, что «русская литература, до новыхъ временъ, до 1720 года, была *вся* или *почти вся*, литературою духовною.... Въ старыя времена—говоритъ преосвященный Филаретъ — русскій человѣкъ жилъ, или по крайней мѣрѣ думалъ жить, преимущественно жизнію религіозною. Потому и тѣ, которые писали тогда, писали въ духѣ религіозномъ.» *). Замѣчаніе это вполнѣ справедливо и можетъ быть отнесено безразлично ко всей письменности и литературѣ древней Руси.

Тѣмъ не менѣе, однако, слѣдуетъ замѣтить, что въ первое время послѣ введенія на Руси христіанства, пока вліяніе Византіи не успѣло еще усилиться и подчинить себѣ безраздѣльно всѣ стороны духовной жизни народа,—въ древне-русской литературѣ, начавшейся подъ вліяніемъ христіанства и принесенныхъ изъ Византіи образцовъ, могли еще появляться писатели свѣтскіе и поэты. На это указываетъ во-первыхъ сочинитель поэмы объ Игорѣ сѣверскомъ, появившейся, какъ мы говорили, въ концѣ XII столѣтія и основанной на элементахъ

---

*) См. далѣе, — отдѣлъ о литературѣ духовной.

**) „Обзоръ русской духовной литературы.“ Книга I (862—1720 г.), стр. 4.

чисто народной славянской поэзіи, богатой еще въ то время языческими воспоминаніями. Во-вторыхъ пѣвецъ «Слова о Полку Игоревѣ» упоминаетъ о вѣщемъ Боянѣ, поэтѣ и пѣвцѣ, предшествовавшемъ ему на поприщѣ пѣснопѣній и также воспѣвавшемъ славу русскихъ князей. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ нашей первоначальной письменности, съ XI и до XIV столѣтія, мы замѣчаемъ нѣкоторыя литературныя явленія и признаки, дающіе поводъ предполагать, что въ этотъ періодъ времени, на ряду съ развитіемъ литературы духовной на Руси, начинались зачатки и свѣтской письменной литературы. Но дальнѣйшее развитіе свѣтской литературы, которая натурально должна была основываться на народной жизни, на самобытной поэзіи и старинныхъ вѣрованіяхъ народа, было подавлено совершенно массою письменности имѣвшей болѣе или менѣе духовный характеръ, сообщенный ей исключительнымъ преобладаніемъ византійскихъ идей.

Большая часть памятниковъ древне-русской письменности хранится и по настоящее время въ рукописяхъ, разбросанныхъ въ публичныхъ, монастырскихъ и частныхъ библіотекахъ и книгохранилищахъ. Многіе изъ нихъ, конечно, уже изданы и объяснены; но тѣмъ не менѣе дѣло изданія и ученой разработки памятниковъ старинной письменности и литературы у насъ едва только начато, и цѣлая масса ихъ еще ожидаетъ своихъ изслѣдователей.

Древнѣйшіе памятники нашей письменности по большей части принадлежатъ: либо къ произведеніямъ строго-религіознаго содержанія, какъ напр. духовныя поученія и посланія первыхъ пастырей церкви; либо заключаются въ памятникахъ свѣтскаго законодательства, какъ: занесенные въ лѣтопись *Договоры русскихъ князей* (Олега, Игоря и Святослава) *съ Греками*, *Ярославова судная грамота*, извѣстная подъ именемъ *Русской Правды*, *Номоканонъ*, или *Кормчая книга* и т д и лишь небольшое число памятниковъ можетъ быть причислено къ произведеніямъ собственно свѣтской литературы *). Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти памятники древней письменности имѣютъ неотъемлемую историческую важность и достоинство, и они уже изслѣдованы болѣе или менѣе и объяснены трудами нашихъ извѣстныхъ ученыхъ **). Но, говоря въ строгомъ смыслѣ, памятники духовнаго содержанія должны бы составлять предметъ изученія для исторіи собственно *духовной* литературы. Тѣмъ не менѣе однако объ этихъ памятникахъ слѣдуетъ упоминать и въ исторіи русской литературы вообще; потому, во-первыхъ, что не говорить о древне-русскихъ сочиненіяхъ религіозно церковнаго содержанія значило бы не говорить вовсе *о началѣ* русской литературы; а во-вторыхъ потому, что многія изъ духовныхъ поученій и другихъ произведеній старинной духовной литературы стояли въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ народной жизни, и потому отличались литературнымъ и даже поэтическимъ оттѣнкомъ; наконецъ о памятникахъ духовнаго содержанія должно упоминать еще и потому, что подъ вліяніемъ духовной ли-

*) Литературы свѣтской — въ томъ смыслѣ конечно, какъ мы это сказали выше.

**) О договорахъ Русскихъ съ Греками см. изслѣдованіе г. *Срезневскаго* и разсужденіе г. *М. Лавровскаго*: „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ“ и пр.

тературы у насъ образовалась обширная *легендарная* литература, весьма богатая элементами чисто-народной поэзіи.

Что-же касается до памятниковъ юридическихъ и дипломатическихъ, каковы: граммоты, договоры и т. п. акты государственной и законодательной дѣятельности; то, не смотря на то, что они по настоящее время входятъ во всѣ курсы исторіи русской литературы, намъ кажется, что подобные памятники здѣсь не должны имѣть мѣста: они прямо относятся либо къ исторіи права, для которой составляютъ предметъ спеціальнаго изученія, либо къ исторіи вообще, а не къ исторіи литературы.

Такимъ образомъ, мы займемся здѣсь разсмотрѣніемъ по порядку памятниковъ чисто-литературныхъ, или такихъ, которые могутъ быть причислены къ свѣткой литературѣ; а далѣе, въ особомъ отдѣлѣ — о литературѣ духовной — разсмотримъ памятники религіозно-церковнаго содержанія.

Памятники чисто-литературные.

Поученіе Владиміра Мономаха дѣтямъ своимъ.—Поученіе это—одинъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ нашей старинной письменности. Оно открыто въ одномъ изъ списковъ лѣтописи и относится къ 1096 году.

Князь Владиміръ Всеволодовичъ, прозванный *Мономахомъ*, т. е. единодержцемъ, — такъ-какъ онъ, въ смутное время удѣловъ и княжескихъ междоусобій, пытался установить единство Руси, — былъ главнымъ двигателемъ событій, душею вѣка, по словамъ г. Костомарова, и пользовался любовію народа, который долго сохранялъ его память. Поученіе Мономаха — рисуетъ вѣрную картину жизни древнихъ русскихъ князей, «жизни простой и глубоко благочестивой» *), и вполнѣ обрисовываетъ личный характеръ самаго Владиміра, какъ онъ описанъ въ лѣтописи, съ его неутомимою дѣятельностію, энергіей ума и сочувствіемъ къ народу. Мономахъ, въ поученіи своемъ, предлагаетъ дѣтямъ правила для жизни и говоритъ объ обязанностяхъ человѣка вообще и князя въ особенности — къ Богу, къ народу и къ собственной семьѣ; совѣтуетъ молиться и во всѣхъ случаяхъ жизни полагаться на Бога; учитъ, какъ управлять домомъ и почитать гостя; говоритъ далѣе о своихъ походахъ противъ Половцевъ и враждебныхъ князей, о своихъ охотахъ (охота была любимымъ занятіемъ русскихъ князей) и т. п. Въ сущности-же и что касается до религіозныхъ и нравственныхъ привилъ въ поученіи Мономаха, то правила эти совершенно сходны, почти тождественны, по духу и выраженію, съ тѣми наставленіями родителей своимъ дѣтямъ, которыя встрѣчаются постоянно во многихъ другихъ памятникахъ нашей старинной литературы, какъ напр. наставленіе дѣтямъ въ «Изборникѣ» Святославовомъ 1076 году, въ сборникѣ «Златая цѣпь», въ «Домостроѣ» (см. ниже) и друг. Такъ что поученія Мономаха служили какъ бы первообразомъ для всѣхъ позд-

---

*) Обзоръ русской духовной литературы. № 2, кн. I, стр. 40.

нѣйшихъ памятниковъ въ этомъ родѣ. Приведемъ для примѣра нѣкоторыя мѣста изъ поученія собственными словами Мономаха:

«*На войну вышедъ не лѣнитеся, не зрите на воеводы, ни питью, ни ѣденью не лакомите* (не предавайтесь), *ни спанью: и сторожъ сами наряживайте, и ночь отвсюда нарядивше около вои, тожь лязите*» (всѣмъ распорядившись на ночь около воиновъ, и сами ложитесь). «Но, прибавляетъ онъ — «вставайте рано, и оружія съ себя не снимайте: отъ лѣни человѣкъ внезапно погибаетъ». Самъ неутомимо дѣятельный, во всю свою жизнь, Владиміръ особенно возстаетъ противъ лѣни. «Да не застанетъ васъ солнце на постели», говоритъ онъ дѣтямъ.

Правила, которыя преподаетъ Мономахъ относительно обращенія съ народомъ, высоко гуманны и исполнены истинно-христіанскаго чувства.

«*Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ* (т. е. подавайте сиротѣ болѣе другихъ), *и вдовицю оправдите сами, а не давайте сильнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива* (виноватаго) *не убивайте, ни повелѣвайте убить его*»... «*Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не давайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чужимъ* (т. е. не позволяйте своимъ людямъ, чиновникамъ, обижать жителей), *ни въ селѣхъ, ни въ житьѣхъ* (на поляхъ), *да не кляти васъ начнутъ*»...

Перечисляя труды свои на войнѣ и на охотѣ, Мономахъ упоминаетъ, какъ онъ своими руками вязалъ дикихъ коней, какъ жизнь его бывала въ опасности не разъ, во время охоты и отъ тура, и отъ оленя, и отъ вепря, и отъ медвѣдя — и Богъ всегда сохранялъ его невредимымъ. «Не бойтеся смерти, дѣти мои, ни въ войнѣ, ни отъ звѣря, *но мужьское дѣло творити* (дѣло, свойственное мужу), *како вы Богъ подастъ*»...

Изъ поученія Мономахова мы узнаемъ еще о степени образованности и развитія русскихъ князей этого періода. Онъ упоминаетъ здѣсь о своемъ отцѣ, который «*дома сѣдя изумѣяше 5 языкъ: въ томъ бо честь есть отъ иныхъ земль*», прибавляетъ Владиміръ. Вообще въ это время русскіе князья не чуждались еще всего иноземнаго и не отличались тою національною нетерпимостію, которая доведена была, въ послѣдующее время, въ древней Руси, до крайнихъ предѣловъ. Знаніе пяти иностранныхъ языковъ отцомъ Мономаха указываетъ на частыя сношенія русскихъ князей съ иноземцами. «Между Русью и западной Европой — говоритъ г. Костомаровъ — не существовало еще той стѣны, которая возникла позже: Русь и западная Европа принадлежали еще къ одной семьѣ; сношенія были *близкія* и частыя.

Слово Даніила Заточника. — Основываясь на самомъ содержаніи *Слова*, или *Моленія* нѣкоего Даніила къ своему князю, — сочиненіе это относятъ обыкновенно къ XII столѣтію, къ эпохѣ великаго князя Юрія Владиміровича Долгорукаго. Кто былъ этотъ Даніилъ и за что онъ былъ заточенъ въ нынѣшнюю олонецкую губернію, на озеро *Лаче*, гдѣ и написалъ свое посланіе, — неизвѣстно. По нѣкоторымъ энергическимъ выходкамъ противъ княжескихъ совѣтниковъ и противъ

женщинъ, можно догадываться только, что сочинитель слова видѣлъ въ нихъ причину своего изгнанія.

Отрывки изъ слова Даніила Заточника первый разъ были напечатаны въ «Исторіи Государства Россійскаго», Карамзина; а вполнѣ оно издано, въ 1821 году, Калайдовичемъ, въ «Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка»; потомъ въ «Сказаніяхъ Русскаго Народа», Сахарова. Но въ 1861 году, извѣстный археологъ Ундольскій *) напечаталъ вовсе незнакомый дотолѣ нашимъ ученымъ списокъ Слова Даніила Заточника, открытый имъ въ одномъ изъ старинныхъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Пчелы* (мы говоримъ объ этихъ сборникахъ далѣе). Въ спискѣ Ундольскаго сочиненіе это названо не просто «Словомъ Даніила Заточника», а озаглавлено такъ: *Даніила Заточенника моленіе къ своему князю Ярославу Всеволодовичу*; и имя этого князя упоминается нѣсколько разъ въ самомъ текстѣ новаго списка.

При сравненіи прежняго списка Слова Даніила Заточника съ вновь изданнымъ спискомъ, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Ундольскаго, что послѣднее изъ нихъ есть передѣлка перваго и что сочинитель послѣдняго не находился въ заточеніи на Бѣлѣ-озерѣ или на Лачь-озерѣ, подобно Даніилу, а жилъ въ г. Переяславлѣ; но, подпавъ немилости своего князя, Ярослава Всеволодовича (княжившаго въ Переяславлѣ, въ первой половинѣ XIII столѣтія), онъ, принаровивъ извѣстное ему Даніилово слово къ своимъ обстоятельствамъ, послалъ его къ своему повелителю **). Такимъ образомъ Слово Даніила Заточника, изданное Калайдовичемъ и Моленіе, изданное Ундольскимъ, слѣдуетъ признать за произведенія двухъ различныхъ сочинителей, изъ которыхъ первый жилъ въ XII, а послѣдній въ XIII столѣтіи. Но такъ-какъ одно изъ этихъ сочиненій есть почти повтореніе другаго, только съ нѣкоторыми передѣлками, добавленіями или сокращеніями, то мы и разсмотримъ оба памятника вмѣстѣ.

Изъ содержанія Слова Даніила Заточника можно видѣть, что сочинитель былъ молодъ и хорошо образованъ,—въ духѣ своего времени,—обладалъ умомъ и книжными свѣдѣніями и отличался, какъ видно, въ искуствѣ писать тѣмъ напыщеннымъ слогомъ, украшеннымъ цвѣтами реторики, который такъ нравился въ старину. Моленіе его написано впрочемъ очень умно и мѣстами возвышается до истиннаго краснорѣчія. Главный предметъ этого посланія — жалоба на нищету и убожество свое и возваніе къ князю о помилованіи, у котораго, какъ видно, Даніилъ находился въ опалѣ. Но при этомъ авторъ безпрестанно пускается въ разныя сужденія, искусно пользуясь изрѣченіями и примѣрами изъ священнаго писанія, примѣрами изъ исторіи и народными пословицами, поговорками и *притчами*. Самый языкъ его представляетъ яркую смѣсь языка церковнаго съ народнымъ.

Выпишемъ для примѣра нѣкоторыя мѣста изъ посланія Даніилова:

«Азъ бо есмь, княже господине, яко трава блещанна, растущи за стѣнію, на ню же ни солнце сіяетъ, ни дождь идетъ; тако и азъ, княже господине,

---

*) См. Русск. Бесѣда 1856 г. II, стр. 90.

**) Ibid. стр. 99.

велми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомь грозы твоея, яко оплотомь твердымь. Но не возри на мя, княже господине, яко волкъ на ягня; но возри на мя, господине мой, аки мати на младенца. Возри, господине, на птицы небесныя, яко ти ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницу собираютъ, но уповаютъ на милость Божію; тако и мы, княже господине, желаемъ твоея милости: зане (потому что) господине, кому Боголюбово*), а мнѣ горе лютое; кому Бѣлоозеро, а мнѣ черные смолы; кому Лачь-озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, плачь горьки; кому ти есть Новгородъ, а мнѣ углы опали... Вопію къ тебѣ, княже мой, господине мой, одержимъ есмь нищетою: помилуй мя, сыне великаго царя Владимера! Да не восплачуся рыдая, яко Адамъ раю... Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенету, яко птицу отъ клѣпцы, яко утя отъ ногтей носимаго ястреба, яко овцу отъ устъ львовыхъ. Азъ бо есмь, княже господине, яко древо при пути: мнози посѣкаютъ его и на огнь вмещутъ... Аще кто человѣка въ печали призритъ, какъ студеною водою напоитъ во знойный день» и т. д,

Но любопытны очень сравненія, которыя дѣлаетъ Заточникъ между мудрымъ и глупымъ и то мѣсто, гдѣ онъ, не стѣсняясь излишнею скромностію, говоритъ объ *обиліи* собственнаго *разума:* «Княже господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богата разумна, несмысленна: нищъ бо мудръ, яко злато въ кальнѣ сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки поволочитое сголовье, соломы наткано. Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутреная: азъ бо одѣяніемъ есмь скуденъ, но *разумомъ обиленъ;* юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ,—*быхъ мыслію яко орелъ паряй по воздуху*»... И вездѣ авторъ, въ подтвержденіе своихъ сужденій, приводитъ то изрѣченія изъ св. писанія, то народныя поговорки, или *притчи*, въ родѣ слѣдующихъ: «безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся рожаютъ»; или: «глаголютъ бо въ мірскихъ притчахъ: не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрѣхъ ежь, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нотопырь, а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ». Приведенное мѣсто изъ посланія Заточника, равно какъ и то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ передъ этимъ о *лихихъ думцахъ* князя, т. е. о дурныхъ совѣтникахъ княжескихъ, заставляютъ предполагать, что онъ всѣ свои страданія приписываетъ навѣтамъ приближенныхъ князя и женщинамъ. Въ другомъ мѣстѣ, Даніилъ рѣзко жалуется на князей и въ особенности на княжескихъ чиновниковъ, отъ самовластія которыхъ вѣроятно не легко было народу въ его время. «Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора, — говоритъ онъ, — не держи села близъ княжа села; ибо *тіунъ* его, какъ огонь, а *рядовичи* его какъ искры, *аще отъ огня устережишися, но отъ искры не можеть устрещися. жженіе порть*» (платья)**).

Вотъ что говоритъ Заточникъ о дурныхъ совѣтникахъ князя:

«Княже мой, господине! не море топитъ корабли, но вѣтри; а не огнь

---

*) Въ другихъ спискахъ: *кому любовь*, вмѣсто Боголюбово.

**) Тіунъ и рядовичи — княжескіе чиновники.

творитъ ражженіе желѣзу, но надыманіе мѣшное: такоже и князь не самъ вводаетъ во многія въ вещи злыя, но *думцы* (совѣтники) вводятъ» и проч. И непосредственно за этимъ въ словѣ Даніила слѣдуютъ тѣ обычныя нападки на *злыхъ женъ*, которыми такъ изобилуютъ почти всѣ послѣдующія произведенія древне-русскихъ *книжниковъ*. «Что есть жена зла? мірскы мятежъ, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобы, поборница грѣху, засада спасенію» и т. п. восклицанія употребляетъ Заточникъ, говоря о *злыхъ женахъ*... Въ редакціи слова XIII столѣтія, по списку Ундольскаго, подобныхъ нападковъ на злыхъ женъ, впрочемъ, гораздо менѣе.

Послѣднее сочиненіе отличается отъ Слова XII столѣтія, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ немъ нигдѣ не говорится о заточеніи, и вмѣсто Бѣла-озера и озера Лачь упоминается г. Переяславль, въ которомъ, какъ видно, и жилъ самъ сочинитель. Мѣсто, которое мы привели о Лачь озерѣ и проч. онъ перефразируетъ такимъ образомъ: «Кому ти есть *Переславль*, а мнѣ *Гореславль*»... и т. д. Такъ-же точно передѣлываетъ онъ и нѣкоторыя другія мѣста первоначальнаго слова. Обращаясь къ князю съ своими моленіями, сочинитель проситъ, принять его къ себѣ на службу. Какъ видно, онъ находился прежде при самомъ князѣ; но впалъ въ опалу, по неизвѣстной причинѣ, и былъ удаленъ отъ него.

Въ словѣ XII столѣтія Заточникъ говоритъ о себѣ: «Азъ бо, княже господине, ни за море ходилъ, ни отъ философъ научился» и проч. А въ редакціи XIII вѣка этому мѣсту соотвѣтсвуетъ слѣдущее: «Азъ бо аще не во Афинехъ растохъ, ни у философъ учихся, но быхъ падая аки пчела по книгамъ, по различнымъ цвѣтомъ; оттуду избираю сладость словесную, совокупляя мудрость, яко мѣхъ въ воду морскую». Слова эти и то, что говоритъ сочинитель о себѣ въ другомъ мѣстѣ, что онъ не *ѳеофрастянинъ Терендь*, не *египетстіи мудрецы Нифиніи*, ни *Калимидіи афинїистіи хитреци*, — свидѣтельствуютъ, что книжные люди въ древней Руси сочувствовали просвѣщенію и не были чужды нѣкоторыхъ свѣдѣній по части классической литерáтуры, отрывки изъ которой мы встрѣчаемъ въ дошедшихъ до насъ старинныхъ сборникахъ различныхъ наименованій. Но изъ этого, конечно, нельзя еще заключить, что классическое образованіе развито было въ русскомъ народѣ въ XII и XIII столѣтіяхъ.

Во всѣхъ прежнихъ спискахъ Даніилова слова передъ самымъ окончаніемъ помѣщаются слѣдующія слова, которыя очевидно составляютъ позднѣйшую вставку: «Сіи словеса азъ Даніилъ писахъ въ заточеніе на Бѣлѣ-озерѣ, и запечатавъ въ воску, и пустихъ въ озеро, и вземъ рыба пожре, и ята бысть рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, нача ея пороти, и узрѣ князь сіе написаніе, и повелѣ Даніила освободити отъ горькаго заточенія». Но этого извѣстія о Даніилѣ, явно прибавленнаго позднѣе, нѣтъ въ редакціи слова Ундольскаго.

Слово Даніила Заточника пользовалось большою извѣстностью въ древней Руси и было любимымъ народнымъ чтеніемъ, какъ это видно изъ того, что оно дошло до насъ во многихъ спискахъ и помѣщалось, либо вполнѣ, либо

въ извлеченіяхъ—въ *Пчелахъ* *) и тому подобныхъ сборникахъ, весьма распространенныхъ въ старину между грамотными людьми. Популярности моленія Даніила конечно много способствовали, во-первыхъ — жалкая судьба автора, потомъ — его краснорѣчивый слогъ и высокопарный языкъ, служившій въ старину признакомъ учености и книжной мудрости; а наконецъ — народныя поговорки, пословицы или *притчи*, которыми наполнено его слово. Такимъ образомъ, слово Даніилово можетъ служить образцомъ господствовавшаго въ то время направленія свѣтской литературы, заключавшейся по-преимуществу въ такихъ произведеніяхъ, гдѣ духовное смѣшивалось, болѣе или менѣе, съ элементами народными. Оно написано вполнѣ въ духѣ своего времени и представляетъ многія черты современныхъ понятій, нравовъ и степень современной образованности.

Украшенныя историческія Сказанія, или Повѣсти.

Рядъ отдѣльныхъ историческихъ *сказаній*, или *повѣстей*, объ особенно-важныхъ событіяхъ изъ жизни народа, почему-либо поразившихъ воображеніе народное, или о знаменитыхъ подвигахъ извѣстнѣйшихъ историческихъ лицъ, сталъ появляться въ древне-русской литературѣ въ эпоху съ XIII и до XVI столѣтія. Основаніемъ для этихъ повѣстей конечно служили устные разсказы очевидцевъ событія и народныя преданія. Имена составителей почти всѣхъ, дошедшихъ до насъ историческихъ повѣстей, неизвѣстны. Самыя же повѣсти, по большей части, найдены въ нашихъ лѣтописяхъ, въ составъ которыхъ онѣ заносились лѣтописцами, въ видѣ отдѣльныхъ сказаній объ извѣстномъ событіи. Къ такимъ сказаніямъ принадлежатъ: повѣсть о князѣ Александрѣ Ярославичѣ (Невскомъ), *о нашествіи злочестиваго царя Батыя на русскую землю*, въ особенности же нѣсколько *сказаній* о знаменитой битвѣ князя Димитрія Донскаго съ Татарами, на Куликовомъ полѣ, или о *Мамаевомъ побоищѣ*, и другія. Мы разсмотримъ нѣкоторыя, болѣе примѣчательныя, изъ этихъ сказаній, или повѣстей.

Повѣсть о великомъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ. — Шведы и Ливонскіе рыцари, сосѣди Великаго Новгорода, гдѣ съ 1236 года княжилъ Александръ Ярославичъ, постоянно угрожали и дѣлали нападенія на владѣнія Новгородцевъ и Псковитянъ. Шведы, подстрекаемые папскими послами, предпри-

---

*) Необходимо замѣтить, что большую часть изрѣченій, текстовъ, сравненій, которыми переполнено Слово Даніила Заточника, авторъ заимствовалъ собственно изъ *Пчелы*, которая служила для нашихъ грамотниковъ стараго времени чѣмъ-то въ родѣ нынѣшнихъ *энциклопедій* и наполнялась различными изрѣченіями изъ священнаго писанія, изъ отцовъ церкви и изъ мудрецовъ древности. Подобныхъ заимствованій изъ *Пчелы* (частію конечно и изъ другихъ книгъ) мы находимъ болѣе въ редакціи „Слова“ XIII, чѣмъ въ спискѣ XII столѣтія, и вообще въ первомъ изъ этихъ сочиненій видѣнъ, въ большей мѣрѣ, книжный характеръ и вліяніе византійскихъ образцовъ.

няли, около этого времени, крестовый походъ противъ Руси. Но князь Александръ, съ небольшою дружиною, разбилъ ихъ на-голову, въ устьѣ р. Ижоры, — и за эту побѣду получилъ славное прозваніе «Невскаго». Такъ-какъ Шведы предприняли войну противъ Новгорода съ религіозною цѣлію, вслѣдствіе побужденій изъ Рима; то и побѣда Невскаго пріобрѣла важное религіозное значеніе для всей остальной Руси. И потому, въ составившемся особомъ сказаніи, или повѣсти о подвигахъ Александра, Шведы не называются иначе, какъ *Римлянами*, т. е. католиками, и вообще вся повѣсть отличается церковно-религіознымъ характеромъ. Сочинитель повѣсти хотѣлъ написать не болѣе, какъ похвальное слово своему герою. Онъ, какъ видно, былъ самъ Новгородецъ и приближенный человѣкъ къ князю, отъ котораго самаго и слышалъ разсказъ о битвѣ съ Шведами. «Си же вся, — говоритъ онъ, пересказывая о подробностяхъ сраженія, — слышахъ отъ господина своего князя Александра Ярославича и отъ иныхъ, иже обрѣтошася въ то время въ той сѣчи». Онъ начинаетъ свою повѣсть такъ: «О велицѣмъ князи нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, о умномъ и кроткомъ и смысленномъ, о храбромъ, тезоименитомъ царя Александра-Македонскаго, подобникѣ царю *Алевхысу* (Ахиллесу), крѣпкому и храброму» и проч. И въ продолженіи разсказа всячески восхваляетъ своего героя, сравнивая его и съ лицами изъ библейской исторіи, и съ римскимъ императоромъ Веспассіаномъ. Но, не смотря на то, побѣду Невскаго надъ Шведами онъ все же приписываетъ помощи свыше, святымъ Борису и Глѣбу, которые помогли одолѣть враговъ *сродничу своему*, *великому князю Александру Ярославичу*. Далѣе сочинитель разсказываетъ объ освобожденіи Пскова и о другой знаменитой побѣдѣ Александра надъ Нѣмцами и Чудью, на Псковскомъ озерѣ, которое было покрыто, въ ту пору, льдомъ, и говоритъ, что имя великаго князя Александра Ярославича прославилось «по всѣмъ странамъ, отъ моря Варяжскаго (Балтійскаго) и до моря Понтьскаго» (Чернаго) и проч.

Повѣсть объ Александрѣ Невскомъ не отличается литературными достоинствами. Она носитъ на себѣ исключительный отпечатокъ церковнаго происхожденія и написана сухимъ языкомъ лѣтописи, гдѣ безжизненность и нехудожественность разсказа ни мало не выкупаются преувеличенными сравненіями и мѣстами изъ библіи и псалмовъ Давида, — которыми переполнена эта повѣсть.

Въ такомъ же духѣ, какъ повѣсть объ Александрѣ Невскомъ, написана и большая часть повѣстей, или сказаній, относящихся до борьбы съ Татарами.

Нашествіе Татаръ на русскія земли, страшныя опустошенія, которымъ они предавали завоеванныя страны, и двухъ-вѣковой гнётъ монгольскаго ига, — это такія событія, въ исторической жизни русскаго народа, которыя не могли не отразиться и на внутренней, духовной сторонѣ народной жизни. Понятно поэтому, что и въ письменной древне-русской литературѣ появились украшенныя болѣе или менѣе воображеніемъ писателей сказанія о Татарахъ, и что отъ времени монгольскаго ига дошло до насъ нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій, имѣющихъ предметомъ описаніе подробностей татарскаго нашествія на Россію и изображеніе того ужаса, тѣхъ опустошеній и истязаній, которымъ подвергался народъ при каждомъ новомъ набѣгѣ Татаръ. Рядъ повѣстей о та-

тарскомъ погромѣ начался сказаніемъ о нашествіи Батыя на рязанскую землю; потомъ слѣдовали повѣсти: *О убіеніи князя Михаила тверскаго въ Ордѣ Озбяка* (хана Узбека), *О московскомъ взятіи отъ царя Тактамыша и о плѣненіи земли Русьскыя* и другія, вполнѣ сходныя по характеру съ повѣстью отъ Александрѣ Невскомъ и проникнутыя религіознымъ чувствомъ: въ нихъ приводятся вполнѣ молитвы, которыя произноситъ главное дѣйствующее лицо, помѣщены благочестивыя размышленія и восклицанія самаго писателя и проч. *)

Въ монгольскій періодъ на Руси, при одномъ имени татарскомъ, все приходило въ трепетъ, — отъ князя и до послѣдняго селянина. Вотъ почему начатая Димитріемъ Донскимъ открытая борьба съ Татарами и знаменитая *Куликовская* битва должны были поразить умы современниковъ въ столь сильной степени, что объ этихъ событіяхъ и о самомъ героѣ событій, великомъ князѣ московскомъ, Димитріѣ Ивановичѣ, составилось не одно, а нѣсколько полу-историческихъ, полу-поэтическихъ сказаній.

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ.—Кромѣ сказанія о Куликовской битвѣ, занесеннаго въ нѣкоторыя лѣтописи, подъ заглавіемъ: «*Побоище великаго князя Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ*,» которое также отличается чисто лѣтописнымъ и благочестиво-христіанскимъ характеромъ, до насъ дошло еще другое, *украшенное* описаніе битвы Донскаго съ Мамаемъ, въ двухъ отдѣльныхъ редакціяхъ. Это описаніе и есть собственно извѣстная *Повѣсть, или Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ*. Первая редакція сказанія, сохранившаяся во множествѣ списковъ, носитъ на себѣ тяжелый слѣдъ искуственнаго книжнаго языка, украшеннаго риторическими выраженіями и возгласами, и отличается исключительно религіознымъ характеромъ; но мѣстами въ немъ видно знакомство сочинителя съ Словомъ о Полку Игоревѣ и желаніе подражать ему. Вторая же редакція описанія Куликовской битвы, подъ заглавіемъ: *Слово о великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая* — отличается рабскимъ подражаніемъ не только въ ходѣ разсказа и расположеніи описанія, но и въ самыхъ выраженіяхъ Слову о Полку Игоревѣ; потому эта послѣдняя редакція болѣе близка къ складу народной рѣчи, хотя ни мало не отличается тѣми поэтическими красотами, которыя мы находили въ Словѣ.

Сказаніе о побоищѣ съ Мамаемъ, должно полагать, написано въ исходѣ XVI столѣтія. Сочиненіе это приписываютъ Рязанцу, іерею Софронію—на томъ основаніи, что на одномъ изъ списковъ сказанія первой редакціи значится имя этого іерея. Въ одной же лѣтописи авторъ сказанія названъ *Софоніемъ Рязанцемъ*, брянскимъ бояриномъ. Да и самъ сочинитель дошедшаго до насъ сказанія по второй редакціи, или «Слова» о Димитріѣ Донскомъ, въ приступѣ къ своему слову, упоминаетъ о *рязанцѣ Софоніѣ*, говоря: «Азъ-же помяну рязанца Со-

---

*) Исторія Россіи съ древн. врем., соч. С. Соловьева Т. IV, стр. 392 и 397.

фонія и восхвалю пѣснями, гусленными словесы, сего великаго князя Димитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича» и проч. Изъ этого можно заключить, что рязанцу Софронію или Софонію принадлежитъ собственно первая редакція сказанія, или же — что первоначальное сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ до насъ не дошло.

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ начинается такъ: «Се повѣдай, *Уранъ* (?) намъ повѣсть, како случися на Дону (брань) православнымъ христіаномъ съ безбожными Татары (въ другихъ спискахъ: съ безбожными *Агаряны*), какъ возвыси Господь родъ христіанской, а поганыхъ уничижи и осрами ихъ суровство, яко же иногда (нѣкогда) Гедеономъ Мадіама низложи и *православнымъ* (?) Моисеомъ Фараона» и проч. Что здѣсь значитъ этотъ языческій *Уранъ* и почему авторъ къ нему обращается, тогда какъ все сочиненіе его проникнуто строго-религіознымъ, христіанскимъ характеромъ? — не понятно. Далѣе разсказывается, какъ «попущеніемъ Божіимъ, отъ наученія діавола, воздвигся царь отъ восточныя страны, именемъ Мамай, Татаринъ сый родомъ, вѣрою *идоложрецъ*, *иконоборецъ* *) злый» — и какъ онъ пошелъ на Россію противъ Димитрія московскаго. «Но рука Божія высока,» — говоритъ отъ себя авторъ. Чтобы отклонить набѣгъ Мамая, князь Димитрій, по совѣту митрополита Кипріяна, (который, въ приведенной бесѣдѣ съ княземъ, между прочимъ совѣтуетъ ему *утолить* врага *четверицею сугубою* и говоритъ: «нынѣ, возьми, господине, злата, колико имаеши, и пошли къ нему, исправися ему»), — отправляетъ къ царю много золота изъ своей казны, съ смышленнымъ «юношей отъ двора своего,» Захаріемъ Тощковымъ и съ двумя толмачами при немъ, знающими татарскій языкъ. Но когда богатые дары не умилостивили Мамая, то великій князь рѣшается идти противъ него въ походъ и созываетъ другихъ князей и воеводъ своихъ. Предварительно онъ идетъ поклониться, съ *слезною молитвою*, церквамъ и монастырямъ, ракамъ св. угодниковъ и чудотворнымъ иконамъ, получаетъ благословеніе отъ преподобнаго Сергія, настоятеля Троицкой Лавры, который даетъ ему еще въ помощь двухъ братьевъ-монаховъ, *Пересвѣта* и *Осляба*, бывшихъ, до монашества, извѣстными ратниками, изъ брянскихъ бояръ. Великій князь выступаетъ съ своими полками въ походъ, «а солнце со всхода свѣтитъ въ путь его и вѣтрецъ тихъ и теплъ по нихъ вѣетъ.» Далѣе слѣдуетъ описаніе русскихъ воиновъ и ихъ вооруженій, плачъ великой княгини Евдокіи, съ иными княгинями и воеводскими женами и описаніе самой битвы на Куликовомъ полѣ, — какъ крайне слабыя и лишенныя поэзіи подражанія Слову о Полку Игоревѣ. Потомъ описывается побѣда русскихъ, которую они одержали *силою* св. духа и *при помощи* угодниковъ, Бориса и Глѣба, и бѣгство Татаръ и самаго Мамая, скрывшагося въ *Кафу*, гдѣ

---

*) Эти названія показываютъ, что уже въ XIV вѣкѣ на Руси господствовали во всей силѣ у книжныхъ людей понятія и убѣжденія, что всякій, кто не принадлежалъ къ православной вѣрѣ, былъ одинаково *невѣрный*, идоложрецъ, иконоборецъ и т п. Такой взглядъ у Русскихъ того времени образовался конечно отъ укорененія византійскихъ понятій.

онъ былъ узнанъ нѣкоимъ *гостемъ, купцемъ фряжскимъ* (франкскимъ, генуэзскимъ) и былъ убитъ. Въ заключеніе авторъ возноситъ хвалу Богу за дарованную Русскимъ знаменитую побѣду и говоритъ, что слава русская «превознесеся и пойдѣ по всѣмъ градамъ.»

Тяжелый книжный языкъ, изысканность выраженій и сухость разсказа, украшеннаго одними лишь благочестивыми размышленіями автора и изрѣченіями изъ св. писанія, и совершенное отсутствіе поэтическаго одушевленія, не смотря на громадную важность описаннаго событія и на явное подражаніе, во многихъ мѣстахъ, повѣсти Слову о Полку Игоревѣ, — вотъ главныя черты, которыми можетъ быть охарактеризовано *Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ*. Авторъ, отличаясь чувствами христіанскаго благочестія, не обладалъ, какъ видно, ни талантомъ поэтическимъ, ни способностями искуснаго повѣствователя.

Болѣе оживленія и простоты, и даже мѣстами поэзіи встрѣчается въ повѣсти о битвѣ съ Мамаемъ по второй редакціи, или въ «Словѣ о Димитріѣ Донскомъ.» Сочинитель этого слова, слѣпо подражая Слову о Полку Игоревѣ, по тому самому — и топомъ своего разсказа и языкомъ много приближается къ складу поэтической народной рѣчи. Разсказъ его довольно округленъ и не такъ тяжелъ, какъ разсказъ въ повѣсти по первой редакціи; но его «Слово» все же никакъ нельзя сравнивать, по прелести разсказа и поэтическимъ достоинствамъ, съ Словомъ о Полку Игоревѣ. Оно не болѣе, какъ грубая передѣлка послѣдняго, доходящая до рабскаго заимствованія и искаженія поэтическихъ выраженій Слова о Полку Игоревѣ. «Снидимся, братія и друзи и сынове Рускія, составимъ слово къ слову, возвеселимъ Рускую землю....» Такъ приступаетъ авторъ къ своему разсказу, готовится *повѣдати похвалу* великому князу Димитрію Ивановичу и брату его Владиміру Андреевичу и вспоминаетъ «по дѣломъ и по былинамъ первыхъ лѣтъ времена и *вещаннаго боярина*, — горазна гудца въ Кіевѣ.» Ясно, что сочинитель передѣлываетъ здѣсь начало Слова о Полку Игоревѣ, только вмѣсто *вѣщаго Бояна* онъ понялъ, что въ Кіевѣ былъ *бояринъ*, «горазный гудецъ,» который воспѣвалъ славу прежнихъ князей. И далѣе, въ подражаніе Слову о Полку Игоревѣ, авторъ восклицаетъ: «Оле! жаворонокъ, лѣтняя птица, красныхъ день утѣха, возлети подъ синее небеса, посмотри къ сильному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Димитрію Ивановичу и брату его князу Владиміру Андреевичу.» Или: «О! соловей, лѣтняя птица, чтобы ты, соловей, *пощекоталъ* славу великому князю» и проч. Какъ естественно и умѣстно пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ обращается къ своему предшественнику, пѣвцу Бояну, и называетъ его «соловьемъ стараго времени;» такъ здѣсь кажется страннымъ и неумѣстнымъ обращеніе сочинителя къ жаворонку и къ соловью, чтобы они воспѣли славу великому князю. Далѣе говорится о сборѣ войска, о князьяхъ и воеводахъ русскихъ и литовскихъ, описываются ихъ доспѣхи, упоминается о предзнаменованіяхъ великой битвы, — и вездѣ авторъ подражаетъ и беретъ выраженія изъ Слова о Полку Игоревѣ. Напримѣръ: «Быти стуку великому на рѣчкѣ Напрядѣ (Непрядвѣ), межи Дономъ и Нѣпромъ, пасти трупу человѣческому на полѣ Куликовомъ;» или: «Что шумитъ и что гремитъ рано передъ зарями? Князь

Владиміръ Андреевичъ полки перебираетъ и ведетъ къ великому Дону» и проч. Въ описаніи самой битвы авторъ слѣдовалъ буквально Слову о Полку Игоревѣ, — такъ же, какъ и въ изображеніи плача княгинь и бояринь и воеводскихъ женъ о *избіенныхъ*—онъ хотѣлъ подражать плачу Ярославны. Но сколько прекрасны эти изображенія въ Словѣ о полку Игоревѣ, столько они тяжелы и слабы, въ поэтическомъ отношеніи, въ словѣ и Димитріѣ Донскомъ. Здѣсь жены называютъ мужей своими *господами* и молятъ о томъ, чтобы: «поганые Татаровѣ къ намъ не ѣздили, а уже мужей нашихъ рать трудила.» (Какое сравненіе съ словами Ярославны, которая хочетъ летѣть по Дунаю, чтобы утереть кровавыя раны на мужественномъ тѣлѣ своего милаго *лады!*). Какъ на мѣсто въ повѣсти, отличающееся нѣкоторыми поэтическими достоинствами, можно указать на ея конецъ, гдѣ говорится, что великій князь съ братомъ и съ остальными воеводами стали «на костѣхъ, на полѣ Куликовомъ, на рѣкѣ Напрядѣ,» сочли своихъ убитыхъ, и великій князь обратился къ павшимъ въ сраженіи съ трогательною прощальною рѣчью.

Не смотря на желаніе автора восхвалить своего героя и возбудить *жалость* въ читателяхъ о кровавыхъ послѣдствіяхъ Куликовской битвы, которая получила столь важное значеніе въ исторіи Русскаго народа и гдѣ пало такъ много русскихъ князей и воеводъ, — его «Слово», по прочтеніи, не производитъ на насъ того впечатлѣнія, какое производитъ Слово о Полку Игоревѣ; его Димитрій Донской не возбуждаетъ нашего сочувствія. Хотя мы и встрѣчаемъ здѣсь мѣста, напоминающія складъ рѣчи народныхъ пѣсень, хотя сочинитель и употребляетъ народныя выраженія и вездѣ поддѣлывается подъ тонъ Слова о Полку Игоревѣ; но поддѣлка его большею частію выходитъ груба и непоэтична и даетъ чувствовать, что его «Слово» болѣе произведеніе книжное чѣмъ поэтическое. Ясно, что сочинитель не обладалъ талантомъ на столько, чтобы возвыситься до своего предмета. И потому въ его Словѣ преобладаетъ болѣе элементъ лѣтописный, чѣмъ поэтическій; а искаженный переписчиками церковно-славянскій языкъ, которымъ написана большая часть этого памятника, отнимаетъ у него всякую жизненность.

По духу и характеру своему «Слово» о Димитріѣ Донскомъ ни чѣмъ не разнится отъ сказанія о *Мамаевомъ побоищѣ*, по первой редакціи и отъ прочихъ украшенныхъ сказаній, или *умильныхъ* повѣстей (какъ ихъ еще называютъ), въ которыхъ главный и существенный характеръ сочиненія составляетъ религіозность, и которыя носятъ на себѣ отпечатокъ церковно литературнаго происхожденія *).

---

*) *Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ* и „слово" о великомъ князѣ Димитріѣ Донскомъ напечатаны: первое — въ сборникѣ *Сахарова* (т. I, кн. IV) а второе — во *Времен. Москов. Общ. Ист. и Древн.* (1862 г. кн. XIV); извлеченія изъ нихъ съ примѣчаніями: см. въ *Историч. Христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковѣ, Ѳ. Буслаева.*

Легендарная литература.

ЛЕГЕНДЫ, АПОКРИФЫ, ДРЕВНЕ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОВѢСТЬ, ИХЪ ИСТОРІЯ И ЗНАЧЕНІЕ.

Ученая разработка легендъ. — Ученая разработка древне-русской *легендарной* литературы едва только начата, и то весьма недавно. Только въ 1860 году первый разъ предпринято изданіе нѣкоторыхъ легендъ и старинныхъ русскихъ повѣстей и нѣкоторыхъ *апокрифическихъ* сочиненій *). Огромное же количество этихъ легендъ и повѣстей хранится и по настоящее время въ отдѣльныхъ рукописяхъ и въ различныхъ рукописныхъ сборникахъ, принадлежащихъ или общественнымъ библіотекамъ и книгохранилищамъ, или же частнымъ лицамъ, любителямъ и собирателямъ старины. Первый серьёзный историко-литературный трудъ, по изслѣдованію русской легенды и старинной повѣсти легендарнаго содержанія, представилъ профессоръ Буслаевъ въ своихъ «Очеркахъ». Хотя съ выводами и заключеніями г. Буслаева и съ его литературной оцѣнкой русской легенды и нельзя согласиться вполнѣ; тѣмъ не менѣе въ этомъ замѣчательномъ трудѣ своемъ почтенный профессоръ первый указалъ на достоинство и значеніе легенды, въ нашей древней словесности, и первый занялся правильнымъ научнымъ изученіемъ русской легендарной литературы. Затѣмъ, мы должны указать на разсужденіе г. Пыпина: *Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ* **), какъ на весьма хорошее и дѣльное пособіе при изученіи нашего предмета.

Руководствуясь названными источниками, но не придерживаясь во всемъ выводовъ и заключеній ихъ авторовъ, мы сдѣлаемъ, соотвѣтственно цѣли нашего курса, краткій очеркъ древне-русской легенды и старинной литературной повѣсти.

Опредѣленіе и раздѣленіе легенды. Русская легендарная поэзія въ сравненіи съ восточной и западной легендой.—*Легенды* ***) или вообще легендарныя повѣсти, сказанія и *апокрифы*, появившись на Руси весьма рано,

---

*) *Памятники старинной русской литературы*, подъ редакціею г. Костомарова, и *Ложныя и отреченныя книги русской старины*, — подъ редакціею г. Пыпина.

**) Напечатано въ Учен. Записк. II отдѣл. С.-Петербургск. Импер. Академіи Наукъ, кн. IV.

***) Слово *легенда* образовалось въ западно-европейскихъ литературахъ отъ латинскаго legenda — *что должно быть прочтено*, и первоначально означало ту часть духовнаго чтенія, псалмовъ и проч., которую слѣдовало непремѣнно прочесть во время *утреннихъ* служеній, по установленному, въ католическихъ монастыряхъ, порядку церковной службы. Впослѣдствіи же, подъ словомъ легенда разумѣлось собственно *житіе святаго и мученика*, ежедневно прочитываемое въ рефекторіяхъ духовныхъ общинъ и монастырей на западѣ. И это-то послѣднее значеніе, т. е. значеніе жизнеописанія святаго, осталось за легендой въ собственномъ смыслѣ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Но такъ-какъ слагатели легендъ (число которыхъ было чрезвычайно велико) легко допускали въ сказаніяхъ своихъ о жизни святаго народныя преданія и повѣрья и различные вымыслы, основываясь на не-

господствовали почти безраздѣльно въ древне-русской жизни, съ XV и по XVII столѣтіе включительно, и за исключеніемъ религіозно-церковныхъ произведеній, въ собственномъ смыслѣ, составляли, можно сказать, почти все богатство древне-русской литературы. Было время, что легендарная поэзія господствовала и въ литературахъ западно-европейскихъ народовъ. Первоначальная легенда составилась еще въ первыя вѣка христіанства и перешла въ Европу, точно такъ-же, какъ и намъ, черезъ Византію. Она распространялась на западѣ и устно и письменно, сначала въ плохой латинской прозѣ, а впослѣдствіи появилась и на національномъ языкѣ, въ стихотворной и поэтической формѣ, и размножилась до такой степени, что составляла большую часть всей средневѣковой литературы европейскихъ народовъ. Но, не смотря на весьма обширное развитіе легендарной литературы на западѣ, она не получила тамъ такого преобладающаго вліянія, какъ въ древней Руси, и вскорѣ вытѣснена была литературою свѣтской, которая развивалась въ Европѣ на почвѣ классическихъ воспоминаній и образованности и исходила изъ заявленій и требованій жизни дѣйствительной. У насъ же легендарная литература играла иную роль. Она достигла у насъ своего обширнаго развитія и распространенія гораздо позднѣе, чѣмъ въ Европѣ, и еще позднѣе греческая духовная легенда стала переходить у насъ въ литературную повѣсть легендарнаго содержанія. Г. Буслаевъ говоритъ: «Какъ на западѣ уже въ XII вѣкѣ изъ духовной легенды развивались религіозныя стихотворенія повѣствовательнаго и драматическаго характера, такъ и у насъ, *только въ эпоху гораздо позднѣйшую*, изъ тѣхъ же источниковъ

достовѣрныхъ и апокрифическихъ документахъ; то, съ одной стороны, почувствована была потребность — подвергнуть произведенія легендистовъ критической разработкѣ. И эта-то потребность произвела громадный трудъ *Болландистовъ*, которымъ славится католическая церковь, трудъ, начатый еще въ первой половинѣ XVII столѣтія іезуитомъ изъ Антверпена, *Жаномъ Болландомъ* (Bollandus) и напечатанный въ 1791 г. въ 53 томахъ in-fol. Это—*Acta Sanctorum* (дѣянія святыхъ) гдѣ собрано, приведено въ порядокъ и разработано критически безчисленное множество легендъ о житіяхъ святыхъ. Съ другой же стороны, слова: *легенда*, *легендарный*, вслѣдствіе множества вымысловъ и причудливыхъ, противуестественныхъ фактовъ, которые заключались въ легендахъ, обращавшихся въ народѣ, получили значеніе чего-то вымышленнаго, баснословнаго, недостовѣрнаго, и подъ словомъ легенда стали разумѣть не болѣе, какъ благочестивую басню или вымышленный, неправдоподобный разсказъ, сочиненный съ благочестивою цѣлью. Но, утративъ значеніе своей религіозной достовѣрности, легенда перешла въ область поэтическую и литературную, и изъ чисто церковнаго произведенія сдѣлалась произведеніемъ поэтическимъ. Легендой овладѣла поэтическая фантазія народа; она стала достояніемъ средневѣковыхъ поэтовъ и писателей, которые придавали ей стихотворную, поэтическую форму и подвергали литературной обработкѣ. Такъ переходила легенда либо въ литературную повѣсть, либо въ романъ и такъ образовалась въ Европѣ, во времена среднихъ вѣковъ, весьма богатая *легендарная* литература, имѣвшая свое самостоятельное и обширное развитіе.—Изъ сборниковъ легендъ на западѣ пользовался большою популярностію сборникъ, извѣстный подъ именемъ „Золотой Легенды“ (Legenda Aurea), составленный, на латинскомъ языкѣ, Яковомъ Ворагиномъ, епископомъ Генуи, въ XIII столѣтіи.

произошло не мало литературныхъ произведеній, въ которыхъ интересъ поэтическій беретъ верхъ надъ всѣми прочими» *). Но нужно замѣтить при этомъ, что духовныя легенды и созданная ими легендарная поэзія въ Европѣ, въ XIV и XV столѣтіи, уже завершаютъ кругъ своего развитія и распространенія и начинаютъ вымирать. А у насъ легендарная поэзія, съ XV и по XVII столѣтіе, только вступаетъ въ высшую пору своего литературнаго развитія. Иначе сказать: легендарныя представленія живутъ и развиваются въ древней русской литературѣ именно въ такое время, когда литературы европейскія уже находятся подъ вліяніемъ идей, провозглашенныхъ такими смѣлыми и великими мыслителями, каковы: Джордано Бруно, Галилей, Бэконъ, Декартъ!—И потомъ, легендарная поэзія, даже во время самаго широкаго своего развитія на западѣ, не властвовала такъ исключительно надъ умами грамотныхъ людей и не имѣла того безраздѣльнаго господства въ западныхъ литературахъ, какое имѣла въ литературѣ древне-русской. Ибо у насъ, въ древности, кромѣ церковной литературы и лѣтописей и кромѣ произведеній легендарной поэзіи, грамотному человѣку нечего было читать другаго. Вотъ почему міръ легендарныхъ представленій врывался у насъ въ самую жизнь народа: изъ литературы книжной переходилъ въ произведенія поэтической фантазіи самаго народа и создалъ то огромное количество апокрифическихъ сказаній и духовныхъ стиховъ, которые живутъ до сихъ поръ въ памяти народной.

Русская легенда, въ общихъ чертахъ, сходна съ легендою западною, т. е. съ легендою итальянскою, французскою и нѣмецкою; потому что какъ та, такъ и другая исходили изъ одного общаго источника — первобытной христіанской легенды, разошедшейся по всему христіанскому міру. Но на русской почвѣ удержалась преимущественно легенда греческая, которая переводилась у насъ во множествѣ, съ самой ранней эпохи, и послужила, въ свою очередь, образцомъ для составленія подобныхъ же русскихъ легендъ, сочинители которыхъ, обставляя легенду условіями русскаго быта, удерживали неизмѣнно и духъ, и внѣшнюю форму, и манеру изложенія легенды византійской.

Въ огромной массѣ русскихъ легендъ, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ мы можемъ различать собственно духовныя легенды отъ повѣстей легендарнаго содержанія — хотя и сходныхъ съ легендами по духу и направленію и выражающихъ тѣ-же религіозныя возрѣнія и тѣ-же благочестивыя размышленія своихъ сочинителей, но тѣмъ не менѣе отличающихся отъ послѣднихъ своимъ сюжетомъ. Духовная легенда говоритъ всегда либо о событіяхъ евангельскихъ и библейскихъ, либо пересказываетъ житіе мучениковъ или вообще святыхъ христіанской церкви. Предметомъ же повѣсти легендарнаго или духовнаго содержанія, бываетъ повѣствованіе о христіанскомъ сподвижничествѣ и благочестивой жизни людей обыкновенныхъ. Источникомъ для легенды служатъ историческія преданія христіанскаго міра, составившіяся еще въ первобытныя времена церкви; тогда какъ повѣсть беретъ свое содержаніе и изъ жизни обыкновенной, часто современной, но смотритъ на эту жизнь исключи-

**) Историческія Очерки, т. II, стр. 55.

тельно съ точки зрѣнія религіозной; и какъ въ легендѣ, такъ и въ повѣсти существенный элементъ повѣствованія составляютъ: чудеса, христіанскіе подвиги святыхъ мужей, явленіе бѣсовъ и т. п. Потому какъ тѣ, такъ и другія, принадлежа къ сферѣ литературы легендарной, могутъ безразлично называться легендами.

Апокрифы; ихъ происхожденіе и исторія.— Большая часть духовныхъ легендъ основана на *апокрифическихъ* сказаніяхъ, или на такъ называемыхъ *апокрифахъ* *), т. е. не-каноническихъ (не признаваемыхъ церковію) книгахъ, составившихся на Востокѣ, еще въ первыя времена христіанства, о нѣкоторыхъ событіяхъ и личностяхъ евангельской и библейской исторіи и о житіи и подвигахъ нѣкоторыхъ христіанскихъ святыхъ.

Поэтическая фантазія народовъ востока и первыхъ христіанъ весьма рано стала украшать и пополнять то, что казалось ей неполнымъ или недосказаннымъ въ священныхъ книгахъ и церковныхъ преданіяхъ о нѣкоторыхъ личностяхъ и событіяхъ священной исторіи. Древняя языческая образованность, а вмѣстѣ съ нею классическая литература и поэзія, находились, какъ извѣстно изъ исторіи, въ упадкѣ, при началѣ развитія новаго христіанскаго общества, въ которомъ начинала развиваться новая — христіанская поэзія и литература. И эта литература создавалась постепенно, съ первыхъ же вѣковъ христіанства, исходя изъ началъ новаго вѣроученія, которыя народъ, въ первое время, естественно смѣшивалъ съ старыми понятіями и представленіями и съ поэтическими вымыслами собственной фантазіи. Многіе факты изъ исторіи библейской и евангельской, многія историческія преданія и сказанія, зарожденныя на почвѣ палестинской, даже самые догматы новаго ученія представляли весьма богатое поле, на которомъ пламенное воображеніе восточныхъ народовъ могло насаждать свободно созидаемые имъ поэтическіе образы и представленія,— если не всегда согласные со смысломъ священныхъ книгъ и преданій, то удовлетворявшіе, вѣроятно, другой потребности первыхъ христіанъ, отвѣчавшіе, вѣроятно, поэтической сторонѣ народнаго духа и народной фантазіи. Такъ образовались еще у первыхъ христіанъ на востокѣ болѣе или менѣе поэтическія, болѣе или менѣе вымышленныя и фантастическія сказанія о многихъ лицахъ и событіяхъ священной исторіи и послужили потомъ основаніемъ для составленія цѣлыхъ книгъ, слывущихъ подъ именемъ апокрифовъ, и для образованія

---

*) *Апокрифъ*, отъ греческаго *апокрифосъ*, сокрытый, тайный (ἀπόκρυφος, отъ ἀποκρύπτω — утаивать, скрывать, потемнять). Апокрифическими называются книги или сочиненія — подложныя или такія, достовѣрность которыхъ сомнительна и не признана. Въ церковной же литературѣ признаются за апокрифы всѣ сочиненія, которыя не вошли въ списокъ книгъ *каноническихъ*, или признанныхъ за достовѣрныя соборными постановленіями церкви. Въ первые вѣка христіанства появилось безчисленное множество апокрифовъ, относящихся какъ къ древнему, такъ и къ новому завѣту, какъ напр. *Откровеніе Адама*, *Книги Авраама*, *Завѣтъ 12 патріарховъ* и др. и множество апокрифическихъ евангелій, дѣяній апостольскихъ, житій святыхъ, — недостовѣрныхъ, составленныхъ разными іересеіархами и т. п. и потому непризнаваемыхъ церковію.

обширнаго цикла легендарной литературы. Такимъ-то образомъ составились эти апокрифическія книги: о *Мелхиседекѣ*, объ *Адамѣ*, о *Сифѣ*, объ *Авраамѣ*, о *Моисеѣ*, о *двѣнадцати патріархахъ*, о *Соломонѣ* и множество другихъ, въ которыхъ истинныя библейскія событія перемѣшаны съ массою фантастическихъ разсказовъ и нелѣпыхъ апокрифическихъ сказаній. Еще съ большею любовію воображеніе народное останавливалось на исторіи жизни и отношеніяхъ Спасителя и Богоматери, на жизни апостоловъ и другихъ лицъ новаго завѣта, а наконецъ вполнѣ овладѣло житіями, подвигами христіанскихъ святыхъ и мучениковъ, украшая, дополняя и искажая историческіе факты и преданія разными фантастическими вымыслами и представленіями. Такъ произошли апокрифическія сказанія: о *дѣтствѣ Спасителя*, о *рожденіи* и о *преставленіи Маріи* и безчисленное множество другихъ, по поводу многихъ христіанскихъ событій, о которыхъ либо вовсе не упоминается въ священныхъ книгахъ, либо говорится очень кратко, но которыя явились въ апокрифахъ и въ духовныхъ легендахъ дополненными и разцвѣченными фантастическими подробностями и поэтическими вымыслами народнаго воображенія. Къ тому еще присоединились подложныя сочиненія разныхъ еретиковъ (Маркіона, Церинтія и др.), выдававшіяся подъ именемъ евангелій, апостольскихъ посланій и откровеній и наполненныя множествомъ баснословныхъ разсказовъ, вымысловъ и ложныхъ понятій.

Всѣ эти первобытныя поэтическія сказанія и вымыслы христіанскаго міра, расплодившіе тьму апокрифическихъ книгъ и сказаній, стали распространяться между всѣми христіанскими народами и послужили основаніемъ, на которомъ выростала и развивалась богатая христіанская поэзія и легендарная литература среднихъ вѣковъ. Есть неопровержимыя историческія свидѣтельства, что апокрифы и апокрифическія сказанія существовали въ древней Руси съ перваго времени принятія христіанства. По изслѣдованію г. Пыпина (см. предисловіе къ III вып. Пам. Стар. Рус. Лит.) старинные апокрифы перешли въ древнерусскую литературу изъ Византіи, при посредствѣ южныхъ славянъ, Болгаръ и др. Въ одной изъ древнѣйшихъ лѣтописей (*Якимовской*) упоминается, что болгарскій царь Симеонъ, отправляя въ Русь іереевъ *учительныхъ*, послалъ съ ними и «книги довольны», между которыми, должно полагать, были и апокрифы, такъ-какъ въ Болгаріи находились въ это время различные сектаторы (павликіяне, гностики, мессаліане и др.) а у нихъ обращались и даже имѣли догматическое значеніе многія изъ апокрифическихъ книгъ. Апокрифы могли доходить къ намъ не изъ одной только Болгаріи, но изъ другихъ южнославянскихъ земель, въ которыхъ ранѣе, нежели въ древней Руси распространилось христіанство и образовался книжный церковно-славянскій языкъ, скоро сдѣлавшійся общимъ почти для всѣхъ славянскихъ племенъ. И очень натурально, что соединенныя съ этимъ языкомъ образованность и литература отъ южныхъ славянъ перенесены были и къ намъ, вмѣстѣ съ первыми памятниками славянской письменности и переводомъ священныхъ книгъ *).

Но большая часть апокрифовъ приходила къ намъ непосредственно изъ

*) См. отдѣлъ о духовной литературѣ.

Византіи, съ которой древняя Русь, послѣ принятія христіанства, находилась въ болѣе близкихъ и частыхъ сношеніяхъ. Изъ изслѣдованія г. Сухомлинова о древней русской лѣтописи видно, что уже Несторъ былъ знакомъ съ апокрифическими сочиненіями, приписываемыми обыкновенно Меѳодію Патарскому *). Словомъ, вмѣстѣ съ истинными священными книгами, которыя переводились съ греческаго и списывались въ нашихъ монастыряхъ и нашими старинными грамотниками съ большимъ усердіемъ, къ намъ перешло, уже въ первые вѣка христіанства, и множество книгъ апокрифическихъ. Максимъ Грекъ, одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени и лучшій изъ русскихъ писателей XVI столѣтія, былъ изумленъ богатствомъ греческихъ рукописей, заключавшихся въ библіотекѣ Ивана III, и нашелъ между ними большое число *ложныхъ писаній*, на что и сдѣлалъ указанія въ составленномъ имъ, по порученію великаго кня я Василія IV, описаніи великокняжеской библіотеки. Но эти апокрифическія писанія зашли къ намъ гораздо ранѣе, именно съ первыхъ вѣковъ христіанства, какъ мы сказали выше, и назывались въ старину *ложными*, или *отреченными* книгами. Хотя Византія, доставившая намъ большую часть отреченныхъ книгъ, присылала въ то же время и предостереженія противъ нихъ, или такъ называемые *индексы*, т. е. указанія, или списокъ книгамъ запрещеннымъ; но тѣмъ не менѣе книги эти были въ большомъ употребленіи нетолько у всѣхъ грамотныхъ людей, но даже и у духовенства, — до такой степени, что, какъ говоритъ г. Тихонравовъ, — «и образованные представители нашего духовенства въ старину не всегда отличали ложную книгу отъ истинной» **). Переводныя отреченныя книги, распространяясь такимъ образомъ въ малограмотномъ и непросвѣщенномъ народѣ, какъ первые христіане на Руси, и смѣшиваясь весьма нерѣдко съ языческими представленіями русской старины, породили у насъ весьма обширную, собственно *русскую отреченную литературу*, произведенія которой проникали въ народныя массы, подвергались народной переработкѣ, слушались и читались съ жадностію всѣми, и имѣли поэтому немаловажное значеніе въ исторіи народнаго развитія до петровской Руси. О чемъ можно судить уже изъ тѣхъ немногихъ опытовъ изслѣдованія, которые посвящены русской отреченной литературѣ въ трудахъ гг. Буслаева, Пыпина и Тихонравова. «Въ религіозномъ сознаніи древняго русскаго человѣка», говоритъ проф. Тихонравовъ, господствовало тяжелое *двоевѣріе* ***); обрядовая сторона христіанства

---

*) Меѳодій *Патарскій*, епископъ въ Олимпѣ, а потомъ въ Тирѣ, въ началѣ IV столѣтія, по проискамъ аріанъ, претерпѣлъ гоненіе и мученичество въ царствованіе императоровъ Галерія и Максимина II. Ему приписываютъ нѣсколько сочиненій, которыя не дошли до насъ въ цѣлости; между прочимъ поэму въ 10 т. стиховъ противъ Порфирія, книги: *о свободѣ совѣсти*, *о воскресеніи тѣла* и др.

**) Русск. Вѣстн. № 1 за 1862 годъ. См. рецензію выпуска 3-го *Пам. Стар. Рус. Лит.* стр 416.

***) Проф. Буслаевъ очень характеристически называетъ древне-русскую поэзію, развившуюся въ періодъ послѣ упадка собственно народнаго, миѳическаго эпоса и произшедшую вслѣдствіе борьбы христіанскихъ понятій съ понятіями русской языческой старины, — поэзіею *двоевѣрною*. См. „Историч. Очерки", т. II, стр. 4 и друг.

подавлялась языческими суевѣріями. Въ отреченной литературѣ смѣшались языческія вѣрованія русской старины съ христіанскими догматами и сказаніями.... Ложныя книги русской старины до сихъ поръ живутъ еще въ «полномъ цвѣтѣ» во многихъ сельскихъ сборникахъ; у нихъ только другіе читатели. Они спустились, съ развитіемъ образованности большинства, въ народъ, который влечется къ нимъ всею силою своихъ симпатій, потому что находитъ въ нихъ рѣшеніе занимающихъ его вопросовъ, потому что видитъ въ нихъ свою религіозную и нравственную школу. Въ безднѣ народныхъ книгъ, тетрадокъ, лубочныхъ картинъ, старымъ отреченнымъ книгамъ принадлежитъ самое видное мѣсто. Русскіе *духовные стихи* представляютъ большею частію стихотворную обработку отреченныхъ книгъ; критическое изученіе послѣднихъ необходимо для вѣрнаго пониманія историческаго значенія нашихъ стиховъ; безъ него изслѣдователи нашей народной словесности будутъ впадать въ постоянные промахи».

Такимъ образомъ, старинныя отреченныя книги находятся въ тѣсной связи со всей легендарной литературой древней Руси. Онѣ то и послужили, главнымъ образомъ, источникомъ для составленія большей части нашихъ духовныхъ стиховъ и легендъ, создавшихъ, въ свою очередь, несчисленное множество повѣстей легендарнаго содержанія, повѣстей *умильныхъ*, повѣстей «ужаса преисполненныхъ», образцы которыхъ можно читать въ двухъ первыхъ выпускахъ *Памятниковъ старинной русской литературы*, изданныхъ подъ редакціей г. Костомарова. (О содержаніи и значеніи нѣкоторыхъ изъ сихъ повѣстей мы скажемъ далѣе).

Причины популярности письменной духовной легенды и апокрифовъ въ древней Руси.—Борьба народнаго творчества съ наплывомъ византійскихъ идей.—Не трудно понять, почему апокрифическія книги и духовныя легенды становились у насъ популярнымъ и любимымъ чтеніемъ грамотной части народа, любимымъ до такой степени, что наши старинные книжники начали сами сочинять, по образцу зашедшихъ къ намъ первоначально переводныхъ апокрифовъ и легендъ, такіе же апокрифы, легенды и повѣсти,—только пріурочивая ихъ иногда къ русской почвѣ и къ домашнимъ нравамъ.

Говоря о Словѣ о Полку Игоревѣ, мы сказали, что вся послѣдующая древне-русская литература не представляетъ болѣе произведенія, столь богатаго духомъ живой народной поэзіи, — не смотря на то, что памятникъ этотъ болѣе принадлежитъ къ словесности *книжной*, письменной, нежели народной. Разобравъ далѣе одинъ изъ главнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ XIV вѣка, *сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ*, мы увидѣли, въ самомъ дѣлѣ, что сказаніе это не болѣе, какъ сухая и безжизненная поддѣлка подъ Слово о Полку Игоревѣ, не болѣе, какъ тяжелое произведеніе книжника, которое не можетъ идти въ сравненіе съ поэтическимъ памятникомъ XII столѣтія — ни съ внѣшней, поэтической стороны, ни по своему духу и характеру. Слѣдуетъ ли изъ этого за-

---

Впрочемъ слово *двоевѣріе* употреблено еще въ одномъ старинномъ памятникѣ нашей духовной литературы, въ извѣстномъ „Словѣ христолюбца", гдѣ говорится о христіанахъ, живущихъ *двоевѣрно*.

ключить, что въ промежутокъ времени отъ появленія одного до другаго литературнаго памятника русская поэзія пришла въ упадокъ? Что на почвѣ русской сдѣлалось невозможнымъ болѣе появленіе чисто-поэтическихъ произведеній, проникнутыхъ живою струею народной поэзіи? Конечно не слѣдуетъ. Поэтическій даръ русскаго народа не умиралъ, не заглохнулъ. Онъ жилъ въ средѣ самаго народа, въ народной пѣснѣ и сказкѣ, въ произведеніяхъ собственно народнаго творчества, и могъ рѣдко и только случайно проявляться въ литературѣ письменной, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ жизни русскаго народа. Старинная книжная или письменная литература создалась у насъ подъ вліяніемъ христіанства и соединенной съ нимъ образованности, пересаженный къ намъ цѣликомъ изъ Византіи. Начала христіанской образованности рѣзко противорѣчили основамъ стариннаго русскаго быта; и неестественно предполагать, чтобы христіанство, введенное великимъ княземъ Владиміромъ, могло вдругъ измѣнить эти основы, могло вдругъ заставить народъ отстать отъ его старинныхъ вѣрованій и преданій. И мы видимъ изъ исторіи, что, начиная съ XI столѣтія, русское духовенство и свѣтская власть сильно вооружаются противъ языческихъ обрядовъ и суевѣрій въ народѣ и систематически преслѣдуютъ народныя пѣсни, музыку и пляски, называя ихъ *бѣсовскимъ пѣніемъ, гудѣніемъ и скаканіемъ*. Одинъ изъ первыхъ духовныхъ писателей русскихъ, св. Ѳеодосій печерскій, уже возстаетъ противъ *волхвованія и чародѣянія*, противъ *скоморошества, гуслей и сопели*, какъ противъ увеселеній, недостойныхъ христіанъ. Обличенія эти противъ *бѣсовскаго пѣнія и идольскихъ игрищъ* раздавались постоянно и въ послѣдующихъ поученіяхъ нашихъ пастырей церкви; они съ рѣзкостію высказываются еще въ XVI столѣтіи, въ знаменитомъ памятникѣ нашего церковнаго законодательства — *Стоглавѣ*; и даже въ XVII столѣтіи, духовенство и воеводы не перестаютъ подвергать преслѣдованію музыку, игры, пляски и проч. даже соколиную охоту (до царя Алексѣя Михайловича) и качанье на качеляхъ, какъ *дѣла бѣсовскія*, недостойныя христіанъ *). Такимъ образомъ, эти преслѣдованія показываютъ намъ во-первыхъ, что въ народѣ долго жила еще его старинная поэзія, съ которой онъ не легко разставался; а во-вторыхъ, что его старинныя вѣрованія и преданія (слѣдственно и старинная поэзія) вели борьбу съ новыми идеями, борьбу, болѣе или менѣе долговременную. И какъ слѣдствіе этой борьбы появляется у насъ, наконецъ, обширная легендарная литература, т. е. множество апокрифическихъ сказаній, легендъ, духовныхъ стиховъ и умильныхъ повѣстей, которые, въ большей или меньшей степени, начинаютъ замѣнять народу его прежнюю эпическую поэзію, — хотя онъ все еще не покидаетъ совершенно ни своихъ пѣсенъ, ни преданій любимой старины. Но, съ большимъ развитіемъ грамотности и книжной образованности, съ постояннымъ наплывомъ византійскихъ идей, легендарныя произведенія все болѣе и болѣе проникаютъ въ народныя массы. Встрѣчая въ большей части апокрифовъ и легендъ смѣшеніе христіанскихъ идей и преданій съ своими старинными вѣрованіями и находя въ нихъ эле-

*) См. „Историческіе Очерки", г. Буслаева, т. I. стр. 507, 511. 545 и др.

менты — повѣствовательный и поэтическій, народъ все болѣе и болѣе привязывался къ легендарной поэзіи. И отсюда-то происходитъ эта многочисленность легендарныхъ произведеній, сдѣлавшихся подъ конецъ единственнымъ и любимѣйшимъ чтеніемъ для грамотной части народа. «Грамотность, — по словамъ г. Буслаева, — вноситъ новые элементы въ народную поэзію, и частію производитъ въ эпическомъ вымыслѣ странную путаницу разными книжными намеками, то на средне-вѣковую Александрію, то на притчи о семи мудрецахъ, то на разные апокрифы, частію даетъ содержаніе цѣлымъ стихотворнымъ повѣстямъ, напримѣръ, о Соломонѣ и Китоврасѣ *), и наконецъ выражается въ обширномъ циклѣ *духовныхъ стиховъ*» **).

Всѣ легендарныя произведенія, какъ-то: апокрифы, легенды и повѣсти, хотя и принадлежатъ, по своему содержанію, къ литературѣ духовной; но они причислены нами къ отдѣлу литературы свѣтской, во-первыхъ на томъ основаніи, что заключающіеся въ нихъ вымыслы воображенія и двоевѣрныя понятія, несообразныя съ достоинствомъ истиннаго христіанскаго ученія, не даютъ имъ права быть разсматриваемыми, какъ произведенія чисто-церковной литературы; а во вторыхъ потому, что произведенія эти составляли въ старину то, что мы называемъ собственно *литературой*, въ нынѣшнемъ смыслѣ, то есть, — составляли любимое и единственное чтеніе массы народа.

Содержаніе и перечисленіе болѣе распространенныхъ русскихъ апокрифовъ и легендъ. — Представивъ, въ общихъ чертахъ, свѣдѣнія о появленіи и распространеніи у насъ легендарной литературы, разсмотримъ теперь содержаніе нѣкоторыхъ легендарныхъ произведеній въ отдѣльности и скажемъ нѣсколько словъ вообще о вліяніи и значеніи легендарной литературы.

Первоначально у насъ появились переводы съ греческаго апокрифовъ и легендъ; но впослѣдствіи, какъ уже сказано выше, эти переводныя и заимствованныя произведенія подвергались у насъ переработкѣ и являлись то въ стихотворной формѣ, въ видѣ духовныхъ стиховъ, то въ прозаической, въ видѣ духовныхъ легендъ и повѣстей. Трудно и едвали возможно теперь указать на первое время появленія въ древне русской литературѣ большей части легендарныхъ произведеній. Несомнѣнно только то, что многія изъ нихъ появились въ очень раннюю эпоху; а съ теченіемъ времени, въ особенности съ XIV и по XVII столѣтіе, число ихъ размножилось до такой степени, что они состав-

---

*) Сказочное преданіе о Соломонѣ и *Китоврасѣ*, гдѣ послѣдній представляется царемъ, братомъ и врагомъ Соломона, было очень распространено у насъ въ старину Соломонъ задаетъ Китоврасу разнаго рода хитрыя задачи и вопросы, и тотъ искусно ихъ разрѣшаетъ. Китоврасъ, вѣроятно, — испорченное отъ *Кентавръ*, *Кентаврось*. Романъ о Соломонѣ, равно какъ и повѣсть о семи мудрецахъ, въ загадкахъ и разгадкахъ, были весьма распространены и на западѣ, въ средніе вѣка

**) Русскій богатырскій эпосъ, ст. 3-я, стр. 564 см. Русск. Вѣстн. 1862 года, октябрь.

ляли единственную литературу грамотной части народа и наполняли собою почти исключительно всѣ рукописные сборники стараго времени. Первыми по времени, должно полагать, появились апокрифы и апокрифическія сказанія о мученикахъ и святыхъ, изъ которыхъ составились потомъ легенды и духовные стихи. Очень рано переведены у насъ, — или, можетъ быть, принесены къ намъ отъ южныхъ Славянъ уже въ готовыхъ переводахъ, вмѣстѣ съ другими памятниками церковно-славянской письменности, — греческіе сборники: *Хронографъ* и *Палея* (*старина* отъ греческаго παλαιός, старый). Сборники эти представляютъ, въ болѣе или менѣе связномъ повѣствованіи, священную и вообще древнюю исторію. Но къ повѣствованіямъ изъ священной исторіи присоединены здѣсь (особенно въ *Палеѣ*) *) многія вымышленныя подробности, украшенные разсказы и «отреченныя» книги, которыя впослѣдствіи и перешли въ легенды и духовные стихи, подвергнувшись либо книжной, либо народной переработкѣ. Профессоръ Буслаевъ, собственно въ Палеѣ и въ другихъ апокрифическихъ сочиненіяхъ, видитъ первый источникъ духовныхъ стиховъ, слѣдственно и легендъ.

Какъ въ Палеяхъ и въ другихъ подобныхъ сборникахъ, такъ равно и въ отдѣльныхъ статьяхъ, у насъ обращались *отреченныя книги: Адамъ, о Енохѣ*, «что былъ на пятомъ небеси и исписалъ 300 книгъ»; *Ламеховы книги, Патріархи, Сивова молитва*; апокрифъ объ *Авраамѣ*, гдѣ мы находимъ такія подробности о жизни и смерти этого патріарха, которыхъ вовсе нѣтъ въ библіи (какъ напримѣръ: архангелъ Михаилъ возноситъ Авраама на небо и даетъ ему видѣть, что дѣлаютъ на земли и проч.). Тоже самое встрѣчается и въ апокрифахъ о *Моисеѣ* (напримѣръ: «какъ Моисей въ *Индію* ходилъ»), о *Давидѣ*, о *Соломонѣ*, о *Соломоновыхъ судахъ* и проч. Изъ новозавѣтныхъ апокрифовъ, кромѣ почти всѣхъ извѣстныхъ апокрифическихъ евангелій, дѣяній и посланій апостольскихъ, (*евангеліе отъ Варнавы, отъ Ѳомы, Варнавино посланіе* и проч.) у насъ обращались: *Павлово видѣніе*, въ которомъ заключается разсказъ о хожденіи апостола Павла *по мукамъ* и по раю **); *Лаодикійское посланіе*, заключающее въ себѣ весьма смѣлыя еретическія мысли; переводъ этого посланія приписываютъ извѣстному еретику, дьяку Ѳедору Курицыну. Большою извѣстностію пользовались также апокрифическія сказанія о жизни и подвигахъ многихъ христіанскихъ святыхъ вообще и святыхъ отечественныхъ въ частности и множество иныхъ апокрифовъ, перечислять которые здѣсь излишне ***). Но мы должны сообщить болѣе подробностей о такихъ

---

*) Палея—сборникъ изъ статей священной исторіи, составленныхъ собственно съ цѣлію *обличенія на Жидовина*, т. е. составитель сборника имѣлъ въ виду опровергнуть вѣрованіе Евреевъ фактами изъ свящ. исторіи. Сборникъ этотъ постоянно и усердно переписывался, пополнялся разными отреченными статьями и находился въ большомъ уваженіи у нашихъ старинныхъ книжныхъ людей.

**) И на западѣ въ XIII вѣкѣ, была въ народномъ обращеніи поэма *La Vision de St Paul*, того же содержанія. См. стат. г Тихонравова, стр. 422.

***) Въ „Историч. Очерк." г. Буслаева (т. I, стр. 484 и др.) приведена статья объ *отреченныхъ книгахъ* изъ одного Соловецкаго Сборника XVII вѣка, „которая —

апокрифахъ, какъ *Бесѣда трехъ святителей*, *Хожденіе Богородицы по мукамъ* и *Сонъ Пресвятыя Богородицы*, которые были весьма распространены въ народѣ и послужили источникомъ для многихъ духовныхъ стиховъ.

Бесѣда трехъ святителей въ связи со стихомъ о Голубиной книгѣ. *Бесѣда трехъ святителей*, равно какъ и другое книжное произведеніе (не считавшееся, однакожъ, у насъ въ числѣ отреченныхъ статей)—*Бесѣда Іерусалимская*, или *Повѣсть града Іерусалима*, находятся въ весьма близкомъ соотношеніи съ народнымъ духовнымъ стихомъ о *Голубиной книгѣ* и заслуживаютъ особеннаго вниманія въ томъ отношеніи, что въ нихъ, какъ и въ народномъ стихѣ, выражается во всѣхъ подробностяхъ міросозерцаніе древне-русскаго человѣка, его взглядъ на природу и человѣка, его понятія о происхожденіи и о концѣ міра, о происхожденіи человѣка, объ искупленіи міра, о цѣли и назначеніи всего существующаго и т. п. «Бесѣда Іерусалимская» начинается такъ: «Бесѣда царя *Давида Иессеевича* с царемъ *Волотомъ Волотовичемъ*, на Синайстей горѣ, посторонь града Иерусалима.... Въ великую было субботу, сьеждялися (съѣзжалися) к церкви к литоргиі 42 царя; *большой у нихъ былъ царь Волотъ Волотовичъ*, второй у нихъ царь *Моисей Моисеевичь*, трети у нихъ былъ царь *Елисей Елисеетичъ*, четвертые у нихъ былъ царь *Давидъ пророкъ Иессеевичь*» и проч. Послѣ того, какъ всѣ цари отслушали литургію, *большой царь Волотъ Волотовичъ* проситъ ихъ разсказать какой кому видѣлся въ ту ночь сонъ. Цари собесѣдники ничего не отвѣчали на это приглашеніе; и тогда Волотъ начинаетъ разсказывать, въ видѣ загадки, свой собственный сонъ и проситъ разсудить о немъ *добромъ* и найдти разгадку его сна. Царь Давидъ разгадываетъ и объясняетъ сонъ Волота, и затѣмъ начинаетъ состязаніе въ задаваніи вопросовъ, касающихся важнѣйшихъ явленій природы и христіанскаго міра, въ родѣ слѣдующихъ: «отчего у насъ свѣтъ свѣтитца? і отчево сонце сияетъ? і отчево заря занимаетца? на чемъ у насъ небо ходитъ? на чемъ у насъ земля стоитъ?» Царь Волотъ въ свою очередь задаетъ такіе вопросы: «кой градъ градамъ мать и коя церковь церквамъ мать, коя трава травамъ мать, кое море морямъ мать?» и т. д. (См. *Пам. Стар. Рус. Лит.* вып. 2, стр. 307).

Мы видѣли (говоря о духовныхъ стихахъ), что тѣ же самые вопросы задаются и въ стихѣ о Голубиной книгѣ. Только здѣсь состязаніе вопросами и загадками происходитъ между премудрымъ царемъ *Давидомъ Евсеевичемъ* и княземъ *Володиміромъ Володиміровичемъ* (т. е. великимъ княземъ Владиміромъ святымъ)*). Г. Буслаевъ, въ Бесѣдѣ Іерусалимской, видитъ первообразъ

говоритъ г. Буслаевъ — въ наибольшей полнотѣ обнимаетъ всю нашу *апокрифическую* литературу". Въ статьѣ этой перечисляются и осуждаются почти всѣ распространенные у насъ апокрифы, какъ ветхо-завѣтные, такъ и ново-завѣтные. См. также интересную статью г. Н. Лавровскаго: „Обозрѣніе ветхо-завѣтныхъ апокрифовъ". Харьковъ, 1861.

*) Число загадокъ и вопросовъ въ Голубиной книгѣ гораздо многочисленнѣе, нежели въ Бесѣдѣ Іерусалимской; только въ Голубиной книгѣ вопросы облечены

стиха о Голубиной книгѣ и находитъ, что *Волотъ Волотовичъ* Бесѣды, преобразовавшійся, въ народномъ духовномъ стихѣ, въ князя Владиміра, есть лице миѳическое, великанъ, подобный великанамъ скандинавской миѳологіи, перешедшій въ разбираемое нами сочиненіе изъ русской языческой старины *). Согласимся ли мы или нѣтъ съ этимъ объясненіемъ Волота (что впрочемъ и не составляетъ главной сущности дѣла); но изслѣдованія почтеннаго профессора о Голубиной книгѣ, Іерусалимской Бесѣдѣ и объ апокрифической Бесѣдѣ трехъ святителей **) показываютъ до очевидности въ этихъ памятникахъ смѣшеніе христіанскихъ понятій и преданій съ языческими. Достаточно привести лишь нѣкоторые отвѣты на вопросы и загадки, которые въ нихъ предлагаются, чтобы видѣть до какой степени понятія, заимствованныя изъ Византіи и принесенныя христіанствомъ, проникнуты здѣсь миѳологическими вѣрованіями и преданіями. Вотъ нѣсколько этихъ отвѣтовъ: «свѣтъ у насъ свѣтится отъ очей Господнихъ; земля стоитъ на осьмидесяти китахъ рыбахъ меньшихъ, да на трехъ рыбахъ большихъ ***); (въ редакціи памятника, разбираемаго г. Буслаевымъ, передается преданіе, что земля основана на трехъ большихъ китахъ и на тридцати малыхъ, и что эти киты, находя райское благоуханіе, берутъ отъ него десятую часть и отъ того сыты бываютъ); всѣмъ рыбамъ мать—океанъ-

---

въ стихотворную форму и являются въ поэтической народной обработкѣ; но несомнѣнно, что книжное произведеніе послужило источникомъ для народнаго, а не наоборотъ. Воображеніе народное сумѣло украсить и распространить матеріалъ, почерпнутый изъ произведенія книжнаго, и дополнить его тѣми понятіями и вѣрованіями, которыя сохранились въ немъ самомъ отъ старины. Относительно названія *Голубиная книга*, кажется, всего проще допустить, что это испорченное слово вмѣсто *Глубинная книга*, которое, вѣроятно, давалось ей прежде; ибо понятіе глубины вполнѣ согласуется съ тѣми важными и *глубокими* вопросами, о которыхъ ведется бесѣда въ стихѣ. Въ числѣ старинныхъ отреченныхъ книгъ упоминается же въ рукописныхъ *Кормчихъ* и въ другихъ уставныхъ сборникахъ апокрифическое сочиненіе *Глубина*, — и вѣроятнѣе всего, что отсюда-то и произошло названіе *глубинной*, впослѣдствіи извращенное въ *голубиную* книгу. Хотя и мы сами допустили выше предположеніе о миѳическомъ значеніи названіи: „Голубиная книга", но намъ все же кажется большою натяжкою, для объясненія этого названія, прибѣгать къ миѳическому значенію голубя въ религіозныхъ вѣрованіяхъ разныхъ народовъ или предполагать языческое происхожденіе Голубиной книги, на томъ основаніи, что она могла считаться вначалѣ принесенною съ неба голубемъ, преобразившимся, во времена христіанства, въ символъ Святаго Духа и т. п. (См. Пѣсни Рыбникова, т. II, Замѣтка г. Безсонова и Истор. Очерки, Буслаева, т. II, стр. 119 и друг.)

*) Историч. Очерки. т. I, стр. 455.

**) Тамъ-же, см. т. II, стр. 16.

***) Въ Голубиной книгѣ говорится тоже:

„На трехъ рыбахъ, на рыбинахъ,
На тридцати было на малыихъ,
Основана на нихъ вся сыра земля,
И содержится вся подселенная, —
Потому китъ рыба надъ рыбамъ мать".

(*Варенцова: Сборн. рус. дух. стих.* стр. 26).

рыба великая, — какъ та рыба взыграется, и пойдетъ во глубину морскую, тогда будетъ свѣту преставленіе» и проч. Тутъ же упоминаются и *таврукъ*-птица, и *стратимъ*-птица, производящая бурю на морѣ, и звѣрь *единьрохъ*, и *индрикъ*-звѣрь (куда онъ ни пройдетъ, тамъ ключъ вдругъ закипитъ), и *плакунъ*-трава — всѣмъ травамъ мать, потому что когда «Жидове Христа распинали, и Богородица на ту траву уканула слезу» *) и т. п. (См. *Пам. Стар. Рус. Лит.* вып. 2, стр. 308 и *Голубин. книгу*, въ сборникѣ г. Варенцова).

Въ «Бесѣдѣ трехъ святителей», (которая, полагаютъ, занесена къ намъ изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ другими апокрифами, и была очень распространена, такъ что отрывки изъ нея перешли даже въ старинные сборники, въ первоначальныя азбуки для обученія грамотѣ) **), между тремя знаменитыми отцами церкви: Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ и Іоанномъ Златоустомъ происходитъ также состязаніе въ задаваніи другъ другу вопросовъ и даже загадокъ, относительно происхожденія всего существующаго и конечныхъ судебъ міра. Апокрифъ этотъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, вліяніе на Голубиную книгу и на Бесѣду Іерусалимскую, — и какъ тамъ, такъ и здѣсь мы находимъ, подъ прикрытіемъ христіанскихъ идей, миѳологическіе взгляды и понятія о многихъ предметахъ, хотя и получающихъ (особенно въ Бесѣдѣ трехъ святителей) большее или меньшее значеніе, смотря по мѣрѣ отношенія ихъ къ догматамъ и событіямъ христіанства. Вотъ для примѣра небольшое извлеченіе изъ Бесѣды трехъ святителей: *Воп.* «Что четыре орла одно яйцо снесли? *Отв.* Четыре евангелиста св. Евангеліе списаша. *Воп.* Отчего луна сотворена бысть? *Отв.* Отъ *аера* и отъ воздуха и отъ престола Господня. *Воп.* Отчего громъ и молнія сотворена бысть? *Отв.* Гласъ Господень въ колесницѣ огненной утвержденъ и ангелы громная приставлена. *Воп.* Отъ коликихъ частей сотворенъ бысть Адамъ? *Отв.* Отъ 8 частей: отъ земли — тѣло, отъ камня — кости, отъ Чермнаго моря — кровь, отъ солнца — очи, отъ облакъ — мысль, отъ востока дыханія — власы, отъ свѣта — духъ, самъ Господь вдунулъ ему душу», и т. д. (См. *Ложныя и отреченныя книги*, г. Пыпина, стр. 169).

---

*) Большая часть подобныхъ преданій, нѣтъ сомнѣнія, пришла къ намъ извнѣ, изъ апокрифовъ и первобытныхъ легендъ; но отчасти преданія эти могли конечно перейти въ произведенія книжниковъ и изъ уцѣлѣвшей у насъ миѳологической старины. Легенда же о плачѣ Богородицы и о слезахъ, пролитыхъ ею по Спасителѣ, которыя обращались потомъ въ вещественные предметы, — распространена на всемъ христіанскомъ востокѣ. Посѣщавшимъ Палестину и другія мѣста на востокѣ извѣстно, что туземцы и даже пришлые поклонники собираютъ въ долинѣ Іордана, говорятъ, — въ какой-то травѣ, — родъ мелкихъ, бѣловатыхъ камешковъ или ракушекъ, дѣлаютъ изъ нихъ чётки и потомъ продаютъ ихъ повсемѣстно на востокѣ, называя эти чётки — чётками изъ *слезъ* Богородицы. Ясно, что *плакунъ*-трав нашихъ словесныхъ памятниковъ имѣетъ связь съ упоминаемной легендой.

**) Истор. Очерки, Буслаева, т. II, статья 1: О народной поэзіи въ древнерусской литературѣ. *Бесѣда трехъ святителей* разсматривается здѣсь во всѣхъ подробностяхъ. См. стр. 16 и дал.

Хожденіе Богородицы по мукамъ.—Содержаніе другаго апокрифа: «Хожденіе Богородицы по мукамъ», (также очень распространеннаго въ народѣ и послужившаго источникомъ для множества разнообразныхъ духовныхъ стиховъ изъ жизни Спасителя и Богоматери), разсмотрѣно въ свою очередь весьма подробно у г. Буслаева («Очерки», т. I, стр. 493 и дал.). Оно заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что Богоматерь, возмущенная зрѣлищемъ мученій, которымъ подверглись грѣшники въ аду, и растроганная ихъ умоляющимъ голосомъ о пощадѣ и о заступничествѣ за нихъ передъ Спасителемъ, обращается съ мольбою къ своему божественному сыну о помилованіи грѣшниковъ. Христосъ, внявъ мольбамъ матери, даетъ грѣшникамъ временное облегченіе отъ мученій: «за многія слезы моей матери, — говоритъ онъ, — даю грѣшникамъ покой отъ великаго четверга до дня всѣхъ святыхъ» (тамъ-же, стр. 495). Преданіе о хожденіи *по мукамъ* и *по раю* обще, кажется, всему христіанскому міру. Оно послужило главной основой и для знаменитой поэмы Данта: «Божественная комедія». Къ намъ оно перешло конечно изъ Византіи, и было извѣстно изъ многихъ переводныхъ сочиненій: изъ легенды о хожденіи по раю *св. Агапія*, изъ легенды о *св. Макаріи*, не дошедшемъ до рая только на 20 *поприщъ*, изъ апокрифовъ: о *Трехъ мнихахъ*, *Видѣнія апостола Павла* и другихъ; въ особенности же изъ *Слова о мытарствахъ* и изъ житій нѣкоторыхъ святыхъ (напр. *св. Василія Новаго*, Очерки Буслаева, т. I, стр. 434), — вообще изъ пришедшихъ къ намъ изъ Византіи изображеній *страшнаго суда*. Но составитель апокрифа: «Хожденіе Богородицы по мукамъ», при изображеніи адскихъ мученій, очень удачно воспользовался отношеніями Богородицы къ Христу, отношеніями *матери* къ *сыну*, и сумѣлъ довольно поэтически изобразить чувства Богоматери, чувства женщины вообще, внушенныя ей страшнымъ зрѣлищемъ адскихъ мученій. За то мрачная картина ада и описаніе томящихся въ немъ грѣшниковъ и испытываемыхъ ими мученій, картина, занимающая большую половину всего сочиненія, ужасами своими превышаетъ все, что только можетъ создать самое дикое и необузданное воображеніе. Тутъ грѣшники преданы несказаннымъ, самымъ разнообразнымъ мукамъ, за одно лишь несоблюденіе внѣшняго благочестія; только за то, напримѣръ, что не вставали рано и не ходили къ заутренѣ, что не подымались съ мѣстъ, когда проходилъ священникъ въ церковь и т. д. За это ихъ жгутъ въ вѣчномъ пламени, на огненныхъ одрахъ и сѣдалищахъ, огненные зміи обвиваютъ ихъ тѣло и т. п. Слѣдуетъ вспомнить при этомъ, что «Хожденіе Богородицы по мукамъ» было очень распространено, какъ сказано выше, и извѣстно въ народѣ даже и теперь. Потому подобныя книжныя произведенія, явно сочинявшіяся за стѣнами монастыря, для устрашенія народа, не могли не дѣйствовать пагубно на народное развитіе: они запугивали народное воображеніе, дѣйствуя на него страхомъ суда, грозными образами вѣчно-карающихъ ангеловъ и страшными картинами огненныхъ рѣкъ, а за ними — вѣчныхъ, нескончаемыхъ адскихъ мученій! Народъ, подъ вліяніемъ подобныхъ представленій, не слыша слова любви и примиренія тамъ, гдѣ онъ долженъ былъ его слышать, лишался энергіи и утрачивалъ силы духа, необходимыя ему для борьбы съ жизнію. И все это вырази-

лось, къ сожалѣнію, въ томъ безчисленномъ множествѣ духовныхъ стиховъ: о страшномъ судѣ, о грѣшной душѣ, о вѣчной мукѣ, въ суровыхъ аскетическихъ стихахъ (какъ напримѣръ: стихъ о *Лазарѣ*, объ *Іосафѣ* и др.), на которыхъ, повидимому, съ особенною любовію, останавливалась память народныхъ пѣвцовъ, почерпавшихъ матеріалъ для своихъ религіозныхъ пѣсень изъ книжныхъ произведеній, подобныхъ разбираемому нами апокрифу. Во многихъ стихахъ воображеніе пѣвцовъ пошло еще дальше: оно уже не даетъ грѣшникамъ никакой пощады, никакого временнаго облегченія,—какъ въ апокрифѣ,—и съ ужасающими подробностями рисуетъ разнообразныя картины адскихъ мукъ. Такіе стихи записаны и у Кирѣевскаго (напр. стихъ № 25) и въ сборникѣ г. Варенцова. Вотъ отрывокъ изъ перваго изъ нихъ:

Вы въ церковь Божію не хаживали,
Заблудящимъ дороги не показывали,
И вы мертвыхъ въ гробахъ не провоживали,
За то-то сослалъ Богъ вамъ муку вѣчную,
Муку вѣчную, безконечную.

Въ стихѣ о страшномъ судѣ, записанномъ г. Варенцовымъ, (стр. 167—168) представляется картина осужденныхъ грѣшниковъ въ еще болѣе ужасномъ видѣ: Іисусъ Христосъ, возсѣдающій на престолѣ, какъ судья праведный, задернетъ грѣшниковъ

Землей, травой и муравой,
Чтобы отъ грѣшныхъ отъ рабовъ не слышати
Госпожѣ Владычицѣ и Богородицѣ
Ни писку, ни визку, ни взраду,
И ни зубнаго *крыданія*,
И ни слезнаго рыданія.

Сонъ Богородицы извѣстенъ въ народѣ почти всѣмъ грамотнымъ людямъ даже и теперь. Это одинъ изъ болѣе всего распространенныхъ у насъ апокрифовъ, до такой степени, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего отечества «Сонъ Богородицы» учатъ наизусть и читаютъ вмѣстѣ съ молитвами*). Содержаніе его составляютъ подробности страданій Спасителя, которыя Богоматерь видитъ заранѣе въ сновидѣніи: «Ложилась Владычица спать и почивать; Владычицѣ мало спалось и во снѣ много видѣлось; видѣла вельми сонъ страшенъ, и грозенъ, и чуденъ»... Спаситель объясняетъ ей, что ея сонъ *не ложенъ*, что все, видѣнное ею во снѣ, надъ нимъ сбудется и проч. (см. *Ложн. и отреч. книги*, г. Пыпина, стр 125—126). Произведеніе это не лишено нѣкоторыхъ поэтическихъ частностей, особенно въ изображеніи материнскихъ чувствъ Богородицы; но тѣмъ не менѣе оно,— по справедливому замѣчанію о. Кульчицкаго,— «произведеніе до крайности вычурное и суевѣрное» **).

---

*) Прибавленіе къ Херсонс. Епархіальнымъ Вѣдомост. № 7 1862 г. стр. 461.
**) Тамъ же.

Общая характеристика древне-русской легенды и легендарной повѣсти. — Подъ вліяніемъ апокрифовъ и подобныхъ имъ книжныхъ произведеній образовывались и всѣ наши литературныя, или *книжныя* легенды*) и умильныя повѣсти, которыми была наводнена, какъ уже мы упоминали не разъ, почти вся древне-русская литература.

Всѣ основныя черты легендарныхъ произведеній: чудесное, сверхъ-естественныя видѣнія, искушенія отъ бѣсовъ и борьба съ злыми духами, отреченіе отъ міра и суровый аскетизмъ, — какъ идеалъ жизни благочестивой, строгое уваженіе къ наружнымъ формамъ благочестія, — часто безъ проникновенія во внутренній смыслъ ученія христіанскаго, мрачный взглядъ на женщину, какъ на существо слабое, нравственно-несвободное и испорченное, какъ на источникъ грѣха и паденія для человѣка, — все это составляетъ главную характеристику древне-русской легендарной повѣсти. Въ нѣкоторыхъ же изъ нихъ, построенныхъ на древнихъ преданіяхъ русской эпической старины, является явное смѣшеніе старыхъ языческихъ понятій съ понятіями христіанскими. Мы это увидимъ яснѣе, разсмотрѣвъ содержаніе нѣхоторыхъ изъ книжныхъ легендъ и повѣстей.

Начало русской легендѣ и легендарной повѣсти положено было, какъ мы уже говорили, древне-византійскими переводными легендами, которыя стали появляться на Руси вмѣстѣ съ развитіемъ и распространеніемъ письменности, переходя къ намъ либо прямо изъ Византіи, либо отъ Сербовъ, Болгаръ и другихъ нашихъ славянскихъ соплеменниковъ. Масса греческихъ переводныхъ легендъ и повѣстей постоянно увеличивалась, съ постепеннымъ усиленіемъ въ древне русской литературѣ византійскаго вліянія. Въ XVI и XVII столѣтіи у насъ уже обращалось безчисленное множество какъ переводныхъ, такъ и составленныхъ по ихъ образцу оригинальныхъ русскихъ легендъ и повѣстей, составлявшихъ уже тогда преобладающій родъ литературы нашихъ предковъ. Но до того времени, когда византійское вліяніе было еще слабо, когда еще былъ возможенъ, по словамъ г. Пыпина, старый эпосъ, т. е. съ XI до XIII—XIV столѣтія, въ нашей письменности появились чужіе памятники поэтическаго содержанія, ходившіе тогда и въ западной Европѣ.... Литература южныхъ Славянъ доставила намъ романъ объ «Александрѣ» (Македонскомъ) **), «Троянскую исторію,» «Повѣсть о Соломонѣ,» «Исторію храбраго Девгенія» и т. д. Впослѣдствіи не продолжалась и эта свѣтская литература, къ ней не прибавилось уже ничего замѣчательнаго, когда новая литература легенды и двоевѣрія утвердилась, — господство ея было исключительное.

---

*) Кромѣ *книжной* легенды и духовныхъ стиховъ, въ народѣ обращается почти на тѣже мотивы и множество собственно *народныхъ* легендъ, въ формѣ прозаическихъ разсказовъ Небольшое число *Русскихъ народныхъ легендъ* собралъ и издалъ г. Афанасьевъ (Моск 1860).

**) Баснословная исторія объ Александрѣ Македонскомъ была очень распространена у насъ въ старину и обращалась во многихъ рукописяхъ, даже „въ лицахъ,“ т. е. съ рисунками. (См. снимки съ этихъ рисунковъ въ прилож. ко II т. „Очерковъ“ г. Буслаева).

Какъ внутреннее содержаніе и направленіе легендъ и древне-русскихъ повѣстей, такъ и ихъ внѣшняя, повѣствовательная сторона не представляютъ ни какого разнообразія: вездѣ одни и тѣ же мотивы, одинъ и тотъ же тонъ и манера разсказа и тотъ же испорченный церковно-славянскій языкъ. Исключеніе составляетъ, въ этомъ отношеніи, одна лишь повѣсть: «*Горе-Злочастіе*,» которая, по своему направленію и благочестивому разсказу, хотя и принадлежитъ къ общему разряду легендарныхъ произведеній, но въ то же время рѣзко отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ старинныхъ легендъ и повѣстей — и своимъ содержаніемъ и живымъ, народнымъ языкомъ. Мы разсмотримъ по этому повѣсть «Горе-Злочастіе» отдѣльно; а теперь скажемъ нѣсколько словъ о другихъ, по чему-либо примѣчательныхъ, легендахъ и повѣстяхъ.

Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи. — Послѣ «Горя Злочастія» и повѣсти «о Щилѣ, посадникѣ новгородскомъ» *), (замѣчательной развѣ по вѣроятной древности своего происхожденія), — въ первомъ выпускѣ *Памятн. старинной русск. литературѣ* помѣщена повѣсть: «О муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи.» Повѣсть эта основана на очень древнихъ народныхъ преданіяхъ; но она составлена явно уже въ позднѣйшее время, и благочестивый сочинитель смѣшалъ, въ своемъ произведеніи, безъ разбору истину о житіи историческихъ святыхъ съ вымыслами народной старины **).

Дѣйствіе происходитъ въ русской землѣ, въ городѣ Муромѣ, и начинается разсказомъ *о летящемъ змiѣ*, прилетавшемъ къ женѣ правителя Мурома, князя Павла. Въ глазахъ постороннихъ людей змій этотъ представлялся ея мужемъ. Герой повѣсти, младшій братъ муромскаго правителя, князь Петръ, по указанію *чудеснаго* явившагося ему юноши, находитъ богатырскій *Агриковъ* мечь (которымъ только и можетъ быть умерщвленъ змій) и, съ помощію молитвы, поражаетъ *нечистаго*, который, издыхая, въ предсмертномъ трепетаніи, окропилъ *блаженнаго князя Петра* своею кровію, и на тѣлѣ князя оказались отъ этого неизлѣчимыя раны.

---

*) Щилъ, богатый купецъ въ Новгородѣ, давалъ деньги въ ростъ, впрочемъ за небольшіе проценты; *отъ лихвеннаго собранія* онъ построилъ церковь, но архіепископъ не хотѣлъ освятить ее, узнавъ источникъ, изъ котораго построена церковь. Онъ приказалъ Щилу устроить въ стѣнѣ дома своего гробъ, надѣть саванъ и лечь въ гробъ; и когда надъ нимъ было совершено надгробное отпѣваніе, то гробъ вмѣстѣ съ Щиломъ исчезъ, и на томъ мѣстѣ образовалась пропасть. — Церковь безусловно охуждаетъ росты, и потому Щила и стигло наказаніе, въ самомъ способѣ котораго г. Костомаровъ видитъ подмѣсь къ церковнымъ понятіямъ какихъ-то самобытныхъ народныхъ. См. *Объясненіе*, стр. 25—26.

**) Профессоръ Костомаровъ говоритъ, что рукопись повѣсти о Петрѣ и Февроніи муромскихъ — *Четьиминея* (житія святыхъ) за мѣсяцъ Іюнь, одной редакціи съ Макарьевскою (см. отдѣлъ о духовн. литерат.)—принадлежитъ къ XVI столѣтію и заключаетъ въ себѣ картинки, изображающія нѣкоторыя событія изъ повѣсти (П. С. Л. Вып. 1-й., см. выноску, стр. 29.)

Никто изъ врачей не могъ излѣчить князя Петра отъ его болѣзни. Онъ отправился въ предѣлы рязанскіе, гдѣ, по слухамъ, находились искусные врачи. Одинъ юноша изъ его людей попалъ въ село *Ласково* и зашелъ въ одинъ домъ, гдѣ увидѣлъ *видѣніе чюдно*: дѣвицу, сидѣвшую за станкомъ (*ткаше красна*), а передъ нею скакалъ заяцъ. Дѣвица эта и была мудрая Февронія, дочь *древолазца*. Она встрѣтила юношу *странными* рѣчами: на его вопросы все отвѣчала загадками или *притчами*, въ родѣ слѣдующихъ: «не слѣдуетъ быть двору безъ ушей, а комнатѣ безъ очей» (*Не лѣпо есть быти дому безъ ушію, и храму безъ очію*). Что значило, по объясненію самой Февроніи юношѣ, не понявшему ея словъ, что еслибы въ ея домѣ были сабака и мальчикъ, то первая лаемъ, а мальчикъ словами извѣстили бы ее о приходѣ юноши, и онъ не засталъ бы ее сидящею, такъ, въ *простотѣ*, т. е. въ безпорядкѣ и неубранною. Это и есть дому *уши*, а храму *очи*. Юноша повѣдалъ Февроніи о болѣзни князя и отъ его имени обѣщалъ большую награду тому, кто его излѣчитъ. Февронія берется исцѣлить отъ болѣзни князя, но съ условіемъ, чтобы онъ женился на ней. Князь велитъ сказать ей, *обманомъ*, что женится, только пусть уврачуетъ его. И Февронія дѣйствительно излѣчиваетъ князя, оставивъ на его тѣлѣ не уврачеванною лишь одну язву. Но такъ-какъ онъ не хотѣлъ сначала жениться на ней, *отечества ея ради*, потому что она была дочь дровосѣка; то раны снова покрываютъ его тѣло. Тогда князь, увидѣвъ, что одна лишь Февронія въ состояніи исцѣлить его, съ твердостію даетъ слово на ней жениться. Исцѣлившись совершенно, князь беретъ ее, въ самомъ дѣлѣ, себѣ въ супруги. И такимъ образомъ, стала Февронія княгинею. «И пришли они въ отчину свою, въ градъ Муромъ, и жили во всякомъ благочестіи, *ни что же отъ Божіихъ заповѣдей оставляюще*» и т. д. (См. Истор. Очерки, Буслаева, т. I, стр. 288 294, гдѣ передана вполнѣ повѣсть о Февроніи). Послѣ смерти брата, князь Петръ сдѣлался владѣтелемъ Мурома, но бояре муромскіе возненавидѣли Февронію, *женъ своихъ ради*, за то, что она была не боярскаго роду. Князь и княгиня, вслѣдствіе козней бояръ, согласились оставить городъ; но жители упросили ихъ возвратиться снова на княженіе. Подъ конецъ жизни, они оба облеклись въ монашескія ризы и умерли въ одинъ и тотъ же день и часъ. Люди не хотѣли положить ихъ въ одинъ гробъ, какъ они того желали при жизни и заранѣе изготовили для себя гробъ въ *единомъ камени*; но, противъ воли людей, сама невидимая сила соединила ихъ въ этомъ гробѣ.

Вотъ въ чемъ заключается, главнымъ образомъ, содержаніе повѣсти о Петрѣ и Февроніи муромскихъ, которую г. Буслаевъ называетъ «прекраснымъ памятникомъ нашей народной поэзіи» и находитъ въ ней столько поэтическихъ достоинствъ, что сравниваетъ съ пѣснею древней Эдды о битвѣ *Зигурда* (знаменитаго героя скандинавскаго сѣвера) съ зміемъ и о его союзѣ съ *вѣщею дѣвою*. Но съ подобной оцѣнкой муромской легенды весьма трудно согласиться. Повѣсть эту нельзя причислить къ памятникамъ нашей собственно «народной словесности»—уже по одному ея изложенію. Народнаго въ ней только и есть

что преданія, загадки и пословицы, которыми очень плохо и неудачно воспользовался человѣкъ книжный, составитель повѣсти, увлекавшійся въ исторіи Петра и Февроніи одною лишь благочестивою стороною ихъ жизни и не обращавшій никакого вниманія на поэтическій элементъ народнаго преданія. И притомъ, такимъ тяжелымъ книжнымъ языкомъ, какъ напримѣръ: *Мыслю, жено, и не доумѣюся что сотворити непріязни тому;* или: *Радуйся, Петре, яко дана бысть отъ Бога власть убити иже лѣтящаго свирѣпаго змія! Радуйся, Февронія, яко въ женстей главѣ святыхъ мужъ мудрость имѣла еси!* и проч. — такимъ языкомъ, повторяемъ мы, не говоритъ ни одинъ изъ памятниковъ нашей собственно народной словесности. Тоже самое мы можемъ сказать и относительно сродства нашей легенды съ пѣснями Эдды. Кромѣ одного лишь *общаго* сходства въ народномъ преданіи, положеннаго въ основу и пѣсень Эдды и нашей легенды, — послѣдняя не имѣетъ ничего сходнаго, въ своемъ разсказѣ, ни съ блистательными подвигами великаго сѣвернаго героя, Зигурда, ни съ прекрасными и высоко-поэтическими пѣснями Эдды объ этихъ подвигахъ, — если судить о нихъ даже по тому небольшому числу пѣсень, переводъ которыхъ приведенъ у самаго г. Буслаева. Что же касается до общаго сходства народнаго преданія и въ нашемъ и въ иноземныхъ словесныхъ памятникахъ, то оно доказано у г. Буслаева весьма осязательно. Но этимъ однимъ все и ограничивается. Съ какимъ эпизодомъ въ нашей повѣсти можно сравнить, напримѣръ, хотя вѣщія мечтанія Зигурда, выражающіяся такъ поэтически въ формѣ голосовъ орлицъ? Или что общаго имѣетъ наша повѣсть съ миѳическимъ воззваніемъ дѣвы Валькиріи, когда она предложила герою Зигурду привѣтственный кубокъ, и говоритъ: «Слава дню и вамъ, сыны дня! Слава тебѣ, ночь, и твоей дочери! Незлобивыми очами взгляните на насъ, и даруйте намъ, здѣсь сидящимъ, побѣду!» и проч. Или, наконецъ, со всею этою прекрасною, поэтическою бесѣдою вѣщей дѣвы съ Зигурдомъ? Мы не говоримъ уже о тяжеломъ и до крайности нескладномъ, искуственномъ изложеніи и книжномъ языкѣ нашей легенды, который не имѣетъ ни малѣйшихъ признаковъ языка древне-славянскаго, и лишенъ той силы и выразительности, которыми отличается языкъ церковно-славянскихъ книгъ. Тогда какъ, въ героическихъ пѣсняхъ о Зигурдѣ, вездѣ раздается «энергическій и звонкій стихъ,»—по словамъ самаго же г. Буслаева.

Но тѣмъ не менѣе муромская легенда, помимо своихъ поэтическихъ достоинствъ, представляетъ очень интересный памятникъ нашей старинной литературы. Она заключаетъ въ себѣ, говоритъ г. Костомаровъ, «драгоцѣнный матерьялъ, какъ для изученія древнихъ вѣрованій и понятій, такъ равно и для древняго быта.» Это одна изъ немногихъ книжныхъ легендъ, которыя основаны на чисто народныхъ русскихъ преданіяхъ и представляютъ нѣкоторыя черты древне-русскаго народнаго быта, гражданскаго устройства и домашней жизни. Таковъ, напримѣръ, разсказъ о смутахъ бояръ и недовольствѣ боярынь, что ими управляетъ дочь древолазца, разсказъ о неурядицѣ въ городѣ и объ усобицахъ бояръ, послѣ отъѣзда князя. Г. Костомаровъ считаетъ эти мѣста въ

повѣсти чертами весьма древняго времени и важнымъ указаніемъ на общественное устройство старинныхъ городовъ и на понятіе о княжеской власти. (См. П. С. Р. Л. вып. I, примѣчаніе, стр. 51 — 52).

Повѣсть о Юліаніи Лазаревской.—Въ «Очеркахъ» г. Буслаева, въ статьѣ: «Идеальные женскіе характеры древней Руси» *) приведена другая старинная повѣсть, заключающая въ себѣ жизнеописаніе одной благочестивой женщины изъ древне-боярской семьи, *Юліаніи Лазаревской*. Житіе это написано сыномъ Юліаніи, и въ рукописи озаглавлена такъ: «Мѣсяца Генваря во 2 й день преставленія святыя и праведныя матере Іуліаніи Лазаревскія. Списано сыномъ ея, *Каллистратомъ*, по реклу (по прозванію) *Дружиною Осорьинымъ*». Особенный интересъ этой повѣсти, по словамъ г. Буслаева, состоитъ въ томъ, что она переноситъ насъ въ семейную жизнь боярскую XVI вѣка,—такъ мало намъ извѣстную.

Дѣйствіе повѣсти относится къ времени царствованія Ивана Васильевича Грознаго; но здѣсь лишь только случайно передаются нѣкоторыя черты и событія этой мрачной эпохи въ исторіи древней Руси. Главная же цѣль составителя повѣсти заключалась въ развитіи мысли о святости и великихъ заслугахъ благочестивой жизни, которой всецѣло предалась героиня повѣсти, блаженная Юліанія. Она, съ самой ранней юности, *прилежала* молитвѣ и посту, не взирая на то, что ей ежедневно говорили, зачѣмъ она въ такой молодости изнуряетъ свое тѣло и губитъ свою дѣвственную красоту; удалялась отъ всякихъ игръ и пѣсень *пустошныхъ*, къ которымъ принуждали ее не разъ ея сверстницы въ домѣ, гдѣ она воспитывалась. Вышедши замужъ, 16-ти лѣтъ, Юліанія продолжала тотъ же строго-благочестивый образъ жизни: много молилась (творила по сту и больше поклоновъ каждый вечеръ), заботилась о сиротахъ и вдовахъ, о нищихъ и убогихъ, ухаживала за немощными и больными, и весьма милостиво и человѣчно обращалась съ *рабами* и съ *рабынями*, т. е. съ домашнею *челядью (холопьями)* которыхъ въ дому ея было *множество:* она была заступницею за нихъ передъ родными, не смотря на лѣность и нерадѣніе, на распри и драки, происходившія между ними. Мрачныя видѣнія тревожили не разъ покой этой благочестивой и кроткой души: бѣсы являлись мучить ее, сначала во снѣ, а потомъ и на яву, и ихъ разгонялъ отъ нея являвшійся ей св. Николай. Подъ конецъ жизни Юліанія обнаружила суровый аскетизмъ: спала безъ постели, подкладывая подъ себя дрова вострою стороною къ тѣлу и подъ голову, а подъ ребра — желѣзные ключи; въ сапоги вмѣсто стелекъ, клала орѣховыя скорлупы и вострые черепки; когда одинъ

---

*) См. т. II, стр. 252 Въ Памятн. С. Р. Л. вып. I-й (стр 63) жизнеописаніе это напечатано подъ заглавіемъ: „Повѣсть объ Ульяніи муромской", по списку рукописи, не заключающей въ себѣ нѣкоторыхъ подробностей, разсказанныхъ у г. Буслаева.

изъ рабовъ убилъ ея старшаго сына, а другаго сына гдѣ-то на царской службѣ убили, — она *вмаль скорбѣла, но о душахъ ихъ, а не о смерти* *).

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе повѣсти о Юліаніи Лазаревской. Такова невзрачная и печальная жизнь этой кроткой и чистой праведницы. Лучшей оцѣнки жизнеописанію Юліаніи нельзя сдѣлать, какъ слѣдующими словами г. Буслаева: «Сколь ни умилительна нѣжная, благочестивая личность самой героини, все же нельзя не сознаться, что житье-бытье и вся внѣшняя обстановка накидываютъ печальный колоритъ на весь разсказъ, даже не смотря на то, что онъ согрѣтъ непритворною любовью автора. Кругомъ все печально и сумрачно, какъ сѣрое, непривѣтливое небо, висящее надъ темными лѣсами и пустынями муромскаго края. Не зацѣпили скромной жизни Юліаніи ни погромы татарскіе, ни смуты бояръ, ни опала и гроза царя Ивана Васильевича. Все же досталось на ея долю много невзгоды и бѣдствій, которыми такъ много казнилась и искушалась древняя Русь.» — Повѣсть разсказываетъ, какъ, въ теченіе жизни Юліаніи, былъ великій голодъ, отъ котораго много людей помирало; былъ сильный моръ на людей, — и опять многія умирали отъ болѣзни прозванной *пострѣломъ*; была такая студенная зима, что земля разсѣдалась отъ мороза; наконецъ, уже въ царствованіе Бориса Годунова, до котораго дожила Юліанія, былъ столь великій голодъ по всей русской землѣ, что многіе ѣли всякое скверное мясо и человѣчью плоть. И тутъ-то, посреди этихъ великихъ бѣдствій, сіяютъ, во всей красотѣ, высокія добродѣтели Юліаніи. Она кормила толпы нищихъ и убогихъ и отдавала имъ послѣднюю копѣйку, послѣдній кусокъ хлѣба; она, безъ малѣйшаго опасенія за собственную жизнь, ходила за больными, во время моровой язвы, обмывала ихъ трупы, хоронила ихъ на свой счетъ и провожала до могилы. Слѣдуетъ вспомнить при этомъ, что Юліанія лишена была даже той образованности, которою можно было воспользоваться въ ея время: она вовсе не знала грамотѣ и, до выхода въ замужество, не была ни разу въ церкви, не слышала ни разу божественной службы, и никто не позаботился сказать ей или научить ее слову спасенія. Вся заслуга, слѣдовательно, ея чистой и высокой жизни принадлежитъ собственно ей, ея личному характеру, ея любящему сердцу. Темная дѣйствительность и нерадостная семейная жизнь тогдашняго времени могли только укрѣпить этотъ характеръ и внушить ему стремленія отъ земли къ небу и ту аскетическую суровость, которую обнаружила Юліанія подъ старость.

Сочинитель легенды, или повѣсти объ Юліаніи Лазаревской, имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, изобразить, что благочестивые нравы возможны не только въ монашествѣ, но и въ *мірѣ*, — и съ сыновнею любовію пересказалъ о подвигахъ благочестія своей матери. Въ этомъ заключаются основная мысль и главная цѣль его повѣствованія, не отличающагося, впрочемъ, отъ общаго направленія древне русской литературы, сообщеннаго ей византійскимъ вліяніемъ. Характеръ Юліаніи не представляется *идеальнымъ женскимъ характеромъ* лишь

*) Пам. С. Р. Л. вып. I, стр. 65.

одной древней Руси; это идеалъ характера, вытекавшаго изъ религіозныхъ воззрѣній, которыя, въ извѣстные періоды исторіи, были общи и одинаковы у всѣхъ христіанскихъ народовъ.

Направленіе и духъ древне-русской легендарной повѣсти.—Двѣ разсмотрѣнныя нами легенды, или древне-русскія повѣсти, достаточно объясняютъ духъ и направленіе всѣхъ подобныхъ произведеній нашей старинной литературы. Точно такой характеръ имѣютъ почти всѣ, какъ переводныя съ греческаго, такъ и оригинальныя русскія легенды и старинныя повѣсти; только послѣднія заключаютъ въ себѣ иногда тѣ или другія народныя повѣрья и преданья, ту или другую историческую черту изъ жизни русскаго народа. Такъ напримѣръ: подробно разобранныя въ «Очеркахъ» г. Буслаева (т. II, статья V) смоленская легенда о св. *Меркуріи* и ростовская — о *Петрѣ, царевичѣ Ордынскомъ* основаны на народныхъ сказаніяхъ, которыя, по выводу г. Буслаева, принадлежатъ къ татарской эпохѣ. Нѣсколько такихъ же легендъ и повѣстей приведено и у г. Костомарова: легенда *О построеніи варяжской божницы въ Новгородѣ*, сказаніе *О пльнномъ Половчанинѣ*, повѣсти: *О водвореніи христіанства въ Муромѣ и въ Ростовѣ, О побѣдѣ Новгородцевъ надъ Суздальцами* и другія. Изъ легендъ и повѣстей переводныхъ у него приведены: повѣсть *О премудромъ царѣ Акирѣ*, объ *Иверской* (грузинской) *царевнѣ Динарѣ, О прекрасномъ Девгеніи, О градѣ Вавилонѣ, О мультянскомъ воеводѣ Дракулѣ* и друг.

Легенда смотритъ на жизнь и на житейскія отношенія исключительно съ религіозной, церковной точки зрѣнія, всегда имѣетъ благочестивый и поучительный тонъ, сообразно съ тѣмъ характеромъ религіозности и благочестія, который господствовалъ между грамотными людьми древней Руси. Все различіе, какое представляютъ наши легенды и старинныя повѣсти, замѣчается лишь въ томъ, что въ однѣхъ болѣе, а въ другихъ менѣе преобладаетъ та или другая сторона общихъ легендарныхъ понятій и представленій, т. е. въ однѣхъ проявляется въ большей степени, напримѣръ, осужденіе мірскихъ удовольствій, нападки на женщину и болѣе или менѣе суровый аскетизмъ, въ другихъ — видѣнія и вообще чудесное; въ третьихъ наконецъ, — борьба съ бѣсовской силой, вліянію которой приписывались всѣ соблазны и всѣ бѣдствія и невзгоды, постигавшія человѣка. И потому явленіе бѣсовъ и нечистая сила вообще играютъ столь значительную роль почти во всѣхъ легендарныхъ произведеніяхъ.

Повѣсть: Горе-Злочастіе. — Къ разряду произведеній легендарной литературы должна быть причислена, какъ сказано выше, и открытая недавно повѣсть, *Горе-Злочастіе*. Религіозно-нравственное направленіе и благочестивый тонъ разсказа — вотъ общая черта, которая связываетъ эту повѣсть съ прочими легендами и старинными повѣстями. Но съ другой стороны, содержаніе повѣсти, взятое изъ простой дѣйствительной жизни и представляющее живую

картину современныхъ нравовъ, стройность изложенія, стихотворная форма и прекрасный народный языкъ — рѣзко отличаютъ повѣсть «Горе-Злочастіе» отъ упомянутыхъ легендарныхъ произведеній и даютъ намъ право причислить это, совершенно оригинальное, въ своемъ родѣ, явленіе въ нашей старинной литературѣ—къ чисто свѣтской поэзіи.

Повѣсть «Горе-Злочастіе» отыскана г. Пыпинымъ въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ XVII вѣка, гдѣ она была записана подъ заглавіемъ: «Повѣсть о Горѣ и Злочастіе, какъ Горе-Злочастіе довело молодца во иноческій чинъ.» Издана была эта повѣсть первый разъ въ «Современникѣ» 1856 года; подробную оцѣнку и объясненіе ей представили гг. Костомаровъ и Буслаевъ.

Повѣсть о «Горѣ-Злочастіи» начинается приступомъ, заключающимъ въ себѣ благочестивыя размышленія, въ которыхъ высказывается мысль о грѣхопаденіи человѣка. Потомъ слѣдуютъ наставленія родителей доброму молодцу, въ предостереженіе его отъ господствовавшихъ у насъ въ старину пороковъ, пьянства и т. п. и вообще отъ дурной жизни. Но добрый молодецъ былъ еще «не совршенъ разумомъ,»

Своему отцу стыдно покоритися,
А матери поклонитися,
А хотѣлъ жити, какъ ему любо!

Отсюда все повѣствованіе заключается въ изображеніи бѣдствій, которыя постигли добраго молодца за неуваженіе къ родительскимъ нравоученіямъ.

Тутъ и все содержаніе повѣсти, содержаніе, весьма простое и не хитрое; но подробности и самый тонъ разсказа о несчастіяхъ добраго молодца, о его мыканьи по бѣлу-свѣту, исполнены неподдѣльныхъ поэтическихъ красотъ.

Молодецъ наживаетъ пятьдесятъ рублей, и у него является пятьдесятъ друзей; его «милъ-надёженъ другъ, братецъ названный» зазываетъ его на *кабацкій дворъ*, гдѣ они бражничаютъ, — и молодецъ, послѣ пьянства, просыпается совершенно ограбленнымъ, въ такомъ видѣ, что ему *стало срамно* явиться къ своему отцу и матери. Онъ пошелъ на чужую сторону, *дальну незнаему*. Здѣсь добрый молодецъ началъ жить *умѣючи*, нажилъ себѣ состояніе, присмотрѣлъ невѣсту и захотѣлъ жениться. Но вотъ приступаетъ къ нему *Горе-Злочастіе*, и какъ злой демонъ, не покидаетъ его ни на минуту, до той поры, пока онъ не простился навсегда съ жизнію въ свѣтѣ и не похоронилъ себя за-живо за монастырскими стѣнами.

Сыро Горе-горинское, — какъ оно представлено въ повѣсти, — сила страшная, фаталистическая, отъ которой не можетъ спасти человѣка ничто въ мірѣ, никакая мудрость! Оно заставляетъ молодца отказаться отъ невѣсты и пропить все, добромъ нажитое, богатство *въ царевомъ кабакѣ*. Покорился молодецъ злому Горю, пошелъ онъ опять, — весь въ лохмотьяхъ, — на чужую сторону, и думаетъ съ отчаянія утопиться въ рѣкѣ.

Ино кинусь я, молодецъ, въ быстру рѣку:
Полощи мое тѣло, быстра рѣка!
Ино ѣжте, рыбы, мое тѣло бѣлое!

Но Горе вдругъ выскочило *изъ-за камени*, —

Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано.

«Стой, говоритъ оно молодцу, отъ меня, Горя не уйдешь никуда! Кто добраго ученія родительскаго не слушаетъ, того выучу я, Горе Злочастіе. Покорись мнѣ, Горю нечистому.» Горе требуетъ отъ молодца, чтобы онъ покорно, весело сносилъ свою участь: «не будь въ горѣ кручиноватъ»—говорило оно: «въ горѣ жить — не кручинну быть.» И добрый молодецъ покоряется. Веселъ и некручиноватъ

Пошелъ, поскочилъ добрый молодецъ
По круту, по красну бережку,
По желтому песочику...

И запѣлъ онъ *хорошую напѣвочку*:

«Безпечальна мать меня породила,
Гребешкомъ кудерцы расчесывала,
Драгими пóрты *) меня одѣяла.»
И отшедъ подъ ручку посмотрила;
«Хорошо-ли мое чадо въ драгихъ пóртахъ?
А въ драгихъ пóртахъ чаду и пѣны нѣтъ!» и проч.

Услышавъ эту *молодецкую напѣвочку*, перевозчики перевезли его даромъ черезъ рѣку, и молодецъ уже пошелъ было на свою сторону, къ отцу и къ матери; а злое Горе встрѣтило его опять въ полѣ, забѣжало къ нему напередъ, «учало надъ молодцомъ граяти, что злая ворона надъ соколомъ.» Не уйдешь ты отъ меня, говоритъ, и до самой смерти:

Хотя кинься во птицы воздушныя,
Хотя въ сине море ты пойдешь рыбою, —
А я съ тобою подъ руку подъ правую.

Нѣтъ выхода для молодца, нигдѣ нѣтъ ему спасенія отъ Горя! Тогда-то онъ вспомнилъ про *спасенный путь*, — и пошелъ въ монастырь постричься,

А Горе у святыхъ воротъ оставается.

Въ этомъ послѣднемъ стихѣ заключается главный нравственный смыслъ повѣсти о Горѣ-Злочастіи, ея поучительный характеръ, по которому она примыкаетъ къ прочимъ произведеніямъ нашей старинной книжной литературы того же духа и направленія.

Молодецъ не послушалъ наставленій родительскихъ, покинулъ родную сторону, не взявъ родительскаго благословенія; онъ понадѣялся на свои собственныя силы, и за это строго наказывается, — по понятіямъ вѣка, — нака-

*) Одеждами.

зывается бѣдствіями и несчастіями всей остальной жизни! Не взирая на то, что онъ впослѣдствіи исправился, зажилъ честно, на чужой сторонѣ, пріобрѣлъ богатство, рвался на родину, — его все-же постигаетъ кара за то, что онъ ушелъ изъ дому, оставилъ родину, безъ соизволенія родительскаго. Надъ нимъ тяготѣетъ какая-то неумолимая судьба, въ олицетвореніи Горя-Злочастія, и подъ ея гнетущими, фаталистическими ударами, добрый молодецъ падаетъ наконецъ обезсиленный и находитъ убѣжище лишь подъ сѣнію монастырскаго храма.

Г. Буслаевъ вѣрно замѣчаетъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ добраго молодца видно что-то вялое, тупое; онъ несчастная жертва со своимъ кроткимъ пьянствомъ, уступчивостію, безхарактерностію, и ничего не возбуждаетъ, кромѣ жалости. (Очерки, т. I, стр. 611). Но изъ этого ни мало не слѣдуетъ, какъ заключаетъ далѣе г. Буслаевъ, что рѣшимость добраго молодца искупить свои заблужденія иноческими трудами должна озарить особеннымъ свѣтомъ его нравственный образъ. Можно сказать скорѣе напротивъ, что одинъ лишь недостатокъ воли и слабость характера, образовавшіеся подъ условіемъ невзрачной дѣйствительности древней Руси, побуждаютъ его вспомнить о «спасенномъ пути» и искать убѣжища за стѣнами монастыря, вмѣсто того, чтобы открыто вступить въ борьбу съ своимъ злымъ геніемъ, *сѣрымъ Горе-горенскимъ*.

Трудно рѣшить, когда написана замѣчательная повѣсть о «Горѣ-Злочастіи.» «Во всякомъ случаѣ, по словамъ г. Костомарова, сюжетъ повѣсти очень древній: вѣрованіе въ олицетвореніе горя и его похожденія принадлежатъ далекой древности.» Но, судя по языку и по легендарному тону, можно думать, что самое сочиненіе повѣсти или передѣлка стариннаго мотива о Горѣ-Злочастіи изъ народной поэзіи *) относится къ XVII столѣтію, — какъ думаетъ и г. Буслаевъ. «Она кажется, — говоритъ г. Буслаевъ — поэтическимъ переложеніемъ благочестивыхъ повѣтствованій, которыя въ томъ столѣтіи ходили въ устахъ народа и записывались въ житейники между сказаніями о чудесахъ.» (Истор. Очер. т. I, стр. 554). О значеніи этой повѣсти вообще въ нашей старинной литературѣ г. Костомаровъ говоритъ, что «это произведеніе чисто русское, самобытное по содержанію, духу и языку,» что въ немъ «живыми и вѣрными красками рисуется и жизнь, и философія нашихъ предковъ, и ихъ вѣрованія, и ихъ нравы, и ихъ образъ выраженія;» что наконецъ «прекрасный народный языкъ, съ неподдѣльными красотами оборотовъ юной, народной неизсушенной школою рѣчи, ставятъ эту *повѣсть* на первое мѣсто между старинными нашими поэтическими произведеніями подобной формы. По содержанію, это произведеніе «единственное до сихъ поръ, и не можетъ быть ни съ чѣмъ сравниваемо.» (См. II. С. Р. Л. вып. I, объяснительная статья редактора, стр. 9 - 11). Тутъ же авторъ говоритъ подробно объ упоминаемыхъ въ повѣсти и господствовавшихъ въ древней Руси порокахъ и нѣкоторыхъ обычаяхъ, какъ-то: о пьянствѣ, отъ игрѣ въ *зернь* (въ кости), о пирахъ и братчинахъ и т. д.

---

*) Народная пѣснь о *Горѣ*, гдѣ оно олицетворено и изображено точно также, какъ въ разбираемой нами повѣсти, помѣщена въ сборникѣ г. Рыбникова (см. II, стр. 137.

Значеніе легендарной поэзіи въ древне-русской литературѣ и ея вліяніе на жизнь. — Мы обозрѣли, по возможности, всѣ роды извѣстныхъ у насъ доселѣ легендарныхъ произведеній, и достаточно объяснили ихъ общій характеръ и направленіе. Что произведенія эти были сильно распространены въ старину и занимали видное мѣсто въ нашей старинной литературѣ, въ этомъ убѣждаютъ насъ многочисленные списки легендъ и повѣстей, находимые теперь въ старыхъ рукописяхъ и въ рукописныхъ сборникахъ всѣхъ родовъ, которые по большей части наполнены подобными произведеніями. Старинные наши книжники и *списатели* были по большей части лица духовныя, и считали дѣломъ благочестивымъ, душеспасительнымъ списываніе какой-либо благочестивой легенды или повѣсти. Этимъ объясняется, какъ самое размноженіе у насъ подобныхъ произведеній, такъ и то обстоятельство, что произведенія чисто свѣтской литературы, подобныя Слову о Полку Игоревѣ или даже повѣсти о «Горе-Злочастіи», не находили много списывателей. И потому, вѣроятно, эти послѣднія отыскиваются теперь въ столь ограниченномъ количествѣ списковъ. Съ возрастаніемъ византійскаго вліянія въ нашей старинной литературѣ, лучшіе люди своего времени, т. е. люди образованные или просто грамотные, питали даже нѣкотораго рода презрѣніе къ памятникамъ свѣтской литературы. Такъ г. Буслаевъ въ своихъ «Очеркахъ» приводитъ одно мѣсто изъ описанія житія святаго Михаила Клопскаго, гдѣ одинъ изъ благочестивыхъ нашихъ грамотниковъ XVI вѣка, и при томъ не духовнаго, а свѣтскаго званія, описывая чудеса святаго, между прочимъ говоритъ: «Слышалъ я нѣкогда, какъ читали книгу о плѣненіи Трои. Въ этой книгѣ плетены многія похвалы Еллинамъ, отъ *Омира* и *Овидія*. Только единой ради буйственной храбрости такой похвалы сподобились, что память о нихъ не изгладилась, въ теченіи многихъ лѣтъ. Но хотя *Еркулъ* (Геркулесъ) и храбръ, однако въ глубину нечестія погружался, и тварь паче Творца почиталъ. Также и *Ахиллъ* и троянскаго царя Пріама сыновья были Еллины, и отъ Еллинъ похваляемые, сподобились такой прелестной славы (*прелестной*, въ дурномъ смыслѣ, т. е. *соблазнительной*). Кольми паче мы должны похвалять и почитать святыхъ и преблаженныхъ и великихъ нашихъ чудодѣлателей, которые такую побѣду надъ врагами одержали и такую отъ Бога благодать пріяли, что не только человѣки, но и самые ангелы ихъ почитаютъ и славятъ. Мы ли же не будемъ о чудесахъ ихъ проповѣдать?» *).

Сильное распространеніе старинной легендарной повѣсти доказываетъ въ тоже время, что она имѣла многочисленныхъ читателей, что въ ней была потребность и что, слѣдовательно, она проникала въ народъ и имѣла на него вліяніе. При недостаткѣ образованности и литературнаго развитія вообще, народъ могъ, такимъ образомъ, почерпать большую часть своихъ понятій и свѣдѣній изъ чтенія легендарныхъ произведеній. И нельзя не замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ вліяніе этихъ произведеній не могло быть благотворно для народнаго развитія. Сами составители легендъ и повѣстей, отличаясь религіознымъ благочестіемъ, стояли большею частію на весьма невысокой степени обра-

*) См. т. II: Идеальные женскіе характеры и проч.

зованности. Представляя въ своихъ произведеніяхъ примѣры христіанскаго благочестія, они въ тоже время наполняли ихъ массою суевѣрныхъ понятій и предразсудковъ, сообщали имъ односторонній взглядъ на вещи, взглядъ,— нерѣдко мрачный и тяжелый. Подобными понятіями и взглядами отличается огромное большинство легендарныхъ произведеній; въ чемъ легко убѣдиться изъ простаго пересмотра большей части легендъ и повѣстей, изданныхъ теперь г. Костомаровымъ. Если такія произведенія, какъ повѣсти, легенды, сказанія и притчи: *О грѣшной матери*, *Видѣніе мукъ грѣшницы въ адѣ*, *О бѣсноватой женѣ Соломоніи*, *О кровосмѣсителѣ*, *О происхожденіи табака*, *О женской злобѣ* и многія другія проникали въ народъ, то, заключая въ себѣ до крайности отвратительные образы, извращенныя представленія и всевозможные ужасы, они могли лишь наполнять воображеніе народное этими отвратительными картинами, вносили въ жизнь народа массу мрачныхъ, безотрадныхъ понятій и суевѣрій,— и не могли, поэтому, не дѣйствовать вредно на нравственную сторону человѣка, запугивая его воображеніе, лишая его нравственной силы и дѣлая его какимъ-то фаталистомъ, нравственнымъ старикомъ. При сильно развитой религіозности древней Руси, въ особенности между грамотными людьми, и при бѣдности образованія въ народѣ, — легендарныя представленія получали еще большее значеніе въ жизни древне-русскаго человѣка.

Такимъ образомъ, съ усиленіемъ одностороннихъ понятій въ древне-русской литературѣ, подъ вліяніемъ византизма, — понятія эти изъ литературы переходили въ жизнь и были одною изъ немаловажныхъ причинъ въ развитіи той ограниченности взгляда и той религіозной и національной нетерпимости, которыми такъ рѣзко отличалась древняя Русь. Національная замкнутость, нетерпимость, презрѣніе къ чужимъ вѣрамъ и народностямъ и высокомѣрное мнѣніе о себѣ доходили у насъ въ старину до невѣроятной степени. Всѣ иностранцы, посѣщавшіе тогдашнюю Русь, по словамъ г. Костомарова, едино гласно говорятъ, что Москвитяне презираютъ чужія вѣры и народности; сами цари, которые въ этомъ отношеніи стояли впереди массы, омывали свои руки послѣ прикосновенія иноземныхъ пословъ христіанскихъ исповѣданій *). Такое презрѣніе ко всему иноземному и иновѣрному, это высокомѣріе невѣжества свойственны, безъ сомнѣнія, лишь грубымъ народамъ и племенамъ востока, отсталымъ отъ идей образованнаго міра. Г. Костомаровъ полагаетъ, что образованію подобнаго взгляда неизбѣжно способствовало татарское порабощеніе. Но скорѣе слѣдуетъ допустить, что взглядъ этотъ былъ занесенъ къ намъ изъ Византіи, гдѣ, послѣ раздѣленія церквей, образовалась сильная непріязнь къ западу, перешедшая и къ намъ вмѣстѣ съ греческимъ духовенствомъ и византійской литературой. И эта-то первоначальная непріязнь къ *латинамъ* перенесена впослѣдствіи была у насъ на *люторовъ*, *цесарцевъ* и т. п., словомъ на всѣхъ иноземцевъ. Вначалѣ же, до усиленія византійскаго вліянія,

*) *Основа*, мартъ, 1861 г., стр. 60. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что такою нетерпимостію ко всему иноземному и иновѣрному отличались въ старину болѣе высшіе классы, духовенство и люди книжные, нежели самъ народъ.

какъ мы уже замѣтили (на стр. 45), на Руси вовсе не существовало подобной нетерпимости относительно общенія съ иностранцами. Строй подобныхъ понятій и взглядовъ образовался гораздо позднѣе и, — нѣтъ сомнѣнія, — что литература легендарная имѣла тутъ свою долю вліянія. Потому-то изученіе нашей легендарной литературы весьма важно и необходимо для полнаго уразумѣнія внутренней, духовной жизни русскаго народа. Отсюда могутъ выясниться для насъ многія черты народнаго характера, народныхъ нравовъ и степень развитія народа. Изученіе это важно тѣмъ болѣе, что, кромѣ своего историко-литераз значенія, оно имѣетъ еще и современный интересъ, потому что вѣрованія, понятія и воззрѣнія, внесенныя въ народную жизнь легендарными представленіями, живутъ до сихъ поръ неизмѣнно въ огромномъ большинствѣ русскаго народа и составляютъ его религіозное и нравственное міросозерцаніе, его взглядъ на жизнь и на свой частный и общественный бытъ *).

СТАРИННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СБОРНИКИ.

Съ развитіемъ христіанства въ древней Руси развивалась и грамотность, а съ нею все болѣе и болѣе усиливалась любовь къ чтенію и къ *писанію* или къ *списанію*, т. е. къ списыванію книгъ. Списывались вначалѣ, безъ сомнѣнія, книги и статьи собственно духовнаго содержанія: житія святыхъ, поученія, толкованія священныхъ книгъ и подобныя имъ поучительныя и догматическія сочиненія. Изъ такихъ статей люди книжные составляли огромные сборники, которые усердно переписывались и обращались между читателями подъ разными названіями: *Прологовъ*, *Синоксарей*, *Торжественниковъ*, *Златоструевъ*, и проч. **). Но, кромѣ сборниковъ *чисто-духовнаго содержанія*, у насъ появились очень рано и сборники, въ которыхъ, рядомъ съ духовными сочиненіями, помѣщались и *произведенія свѣтской литературы*: статьи по части исторіи, этнографіи, статьи риторическія, философскіе отрывки и т. п. Мы разсмотримъ здѣсь эти послѣдніе сборники, служившіе однимъ изъ важныхъ источниковъ образованія для древней Руси.

I. Изборникъ Святославовъ. — Къ древнѣйшимъ памятникамъ русской письменности относятся два сборника, или *Изборника*, дошедшіе до насъ въ подлинникѣ и написанные для великаго князя Святослава Черниговскаго, въ 1073 и 1076 годахъ. *Изборникъ Святославовъ* (какъ его еще называютъ) переведенъ съ греческаго, первоначально—для царя болгарскаго Симеона, и по-

*) См. слова г. Тихонравова объ апокрифахъ, приведенныя выше.

**) Православн. Собесѣдн. 1858 г., II, статья: *О чтеніи книгъ въ древней Руси*. См. у насъ далѣе отдѣлъ: *Духовная литература*.

томъ переписанъ для князя Святослава *). Онъ заключаетъ въ себѣ множество статей не только духовнаго, богословскаго, но и свѣтскаго содержанія; именно статьи философскаго, риторическаго, описательнаго и частію историческаго содержанія, — преимущественно изъ сочиненій отцевъ церкви: Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Іустина Философа и др. Кромѣ того, здѣсь находятся статьи, сообщающія разнаго рода свѣдѣнія: географическія и этнографическія, свѣдѣнія о нѣкоторыхъ явленіяхъ природы, о свойствахъ растеній и т. п., какъ напримѣръ: мѣста изъ сочиненій Епифанія Кипрскаго по поводу нѣкоторыхъ явленій природы, о происхожденіи дождя, грома, молніи, о двѣнадцати камняхъ самоцвѣтныхъ, съ объясненіемъ символическаго значенія послѣднихъ; при чемъ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о добываніи этихъ камней, равно какъ и суевѣрныя понятія о таинственной силѣ, которая въ нихъ заключается. Здѣсь же помѣщена первая русская риторика, составленная *Георгіемъ Хуровскимъ*, именно статья: *О образѣхъ* (т. е. о тропахъ и и фигурахъ позднѣйшихъ риторикъ). По объясненію г. Буслаева, — это переводъ сочиненія *Георгія Херобоска* (Georgii Cherobosci de figuris). Риторическая терминологія переведена здѣсь съ греческаго на славянскій съ большими натяжками; напримѣръ: *инословніе* — аллегорія, *прѣводъ* — метафора и проч.

Языкъ статей Изборника, по грамматическимъ и лексикографическимъ формамъ, болѣе близокъ къ церковно-славянскому, нежели къ старому русскому народному языку. Г. Буслаевъ составилъ грамматику и словарь къ Святославову Изборнику. Онъ говоритъ, что правописаніе Изборника, въ основѣ своей, болгарское, подверглось значительнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ южно-русскаго писца. Въ приложеніи къ своимъ «Очеркамъ» г. Буслаевъ представилъ снимки съ рисунковъ, находящихся въ Изборникѣ и представляющихъ князя Святослава и его семейство. — Другой *Изборникъ Святославовъ*, 1706 г. также переписанный дьякономъ Іоанномъ—почти того же содержанія, что и первый,—только съ преобладаніемъ статей богословскихъ и религіозно и нравственно-поучительныхъ. Такое содержаніе Изборника 1076 г. дѣлало его доступнѣе для читателей того времени, нежели философскія статьи Изборника 1073 г. каковы напримѣръ: философское опредѣленіе *существеннаго* и *случайнаго*, *рода* и *вида*, *о естествѣ*, *о собьствѣ* и т. п. Вообще, должно замѣтить — говоритъ г. Буслаевъ, что этотъ второй Изборникъ оказалъ замѣтное вліяніе на нашу старинную литературу. («Ист. Христ.» стр. 299). Здѣсь находятся статьи: «О чтеніи книгъ,» «наказаніе богатымъ,» «поученіе въ правой вѣрѣ» и друг.

II. **Пчела**.—Пчела—весьма важный греческій сборникъ, переведенный у насъ въ очень раннюю эпоху **). Пчелы были распространены въ старину на Руси

*) К. Калайдовича: *Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій* и статья: „О заслугахъ Болгаръ для русскаго просвѣщенія" въ газ. *День*, № 14, 1862 г.

**) Г. Сухомлиновъ (ст. о Пчелахъ, въ *Извѣстіяхъ* И. А. Н., 2 отд., т. II) предполагаетъ, что Пчелы были извѣстны у насъ уже въ XII столѣтіи; съ XIV же по XVII стол. мы встрѣчаетъ весьма значительное распространеніе Пчелъ на Руси.

во множествѣ списковъ, и люди грамотные знакомились изъ нихъ съ многими предметами. Это родъ древне-русскихъ энциклопедій или антологій, которыя сначала переводились, а потомъ составлялись у насъ по извѣстнымъ греческимъ антологіямъ Максима Исповѣдника и Антонія Мелиссы (мелисса — пчела) *). Древнѣйшій списокъ Пчелы дошелъ до насъ отъ XIV столѣтія. Пчелы же собственно русскаго состава, а не переводные съ греческаго, были распространены у насъ позднѣе, особенно въ XVII столѣтіи.

Пчела — сборникъ весьма разнообразный и замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Вотъ заглавіе одного списка *Пчелы*, приводимое г. Ундольскимъ: «Книга *Пчела*, рѣчи отъ евангелія, отъ апостолъ и отъ святыхъ мужъ, разумъ внѣшнихъ философъ. Слово 1: о житейской добродѣтели и злобѣ,» **) и проч. Это заглавіе указываетъ, нѣкоторымъ образомъ, на самое содержаніе сборниковъ. Они раздѣлены на отдѣльные главы, или *слова*: о богатствѣ и убожествѣ, о трудолюбіи, о мудрости, о правдѣ, о житейской добродѣтели и о злобѣ, о царѣ и о власти и обыкновенно начинаются выписками объ извѣстномъ предметѣ изъ священнаго писанія и твореній св. отцевъ, а вслѣдъ за тѣмъ идутъ изрѣченія и отрывки изъ классическихъ писателей: Аристотеля, Діогена, Димокрита, Демосѳена, Исократа, Еврипида, Ксенофонта, Пиѳагора, Платона, Сократа, Софокла и др. Свѣтская часть Пчелы, по словамъ г. Буслаева, способствовала къ распространенію между нашими грамотными предками изрѣченій классическихъ писателей, древнихъ анекдотовъ и даже миѳологическихъ свѣдѣній; знакомила ихъ съ именами греческихъ философовъ, поэтовъ, ораторовъ. Напримѣръ: «Платонъ мудрый, увидѣвъ, какъ благородный юноша, промотавшій имѣніе отца своего, сидѣлъ предъ чужими дверями и ѣлъ хлѣбъ съ маслинами и водою, сказалъ ему: еслибы ты ѣлъ по своей волѣ, то не такъ бы вечерялъ.» Или: «Какъ Актеонъ былъ растерзанъ собственными собаками, которыхъ онъ самъ вскормилъ, такъ и льстецы своего питателя съѣдаютъ.»

Въ Пчелахъ собственно русскаго состава, кромѣ философскихъ изрѣченій, заключаются еще русскія народныя *притчи* и пословицы, выписки изъ русскихъ лѣтописей или изъ житій нѣкоторыхъ святыхъ. Такимъ образомъ, Пчелы являются сборниками всякаго рода статей и изрѣченій, изъ которыхъ могли быть почерпаемы въ старину многоразличныя свѣдѣнія. Г. Буслаевъ считаетъ Пчелы особенно важными памятниками въ нашей древней письменности для исторіи перехода духовной литературы къ свѣтской. «Нельзя усомниться, — говоритъ онъ, — въ народности нашихъ старинныхъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пчелъ. Происхожденіе ихъ чужеземное; но они были усвоены нашими грамотными предками, дополнены и передѣланы на русской почвѣ. Они вполнѣ удовлетворяли вкусу читателей и если были замѣнены впослѣдствіи, то такими

---

*) Соловьевъ: Ист. Рос., т. IV, стр. 386. См. тоже: Лекціи Шевырева по ист. рус. словесн., ч. III стр. 235.

**) Русск. Бесѣда, 1858 г., т. II, стр. 93—94. Рукопись принадлежитъ, по свидѣтельству г. Ундольскаго, къ исходу XV столѣтія, писана скорописью, весьма тщательно и красиво.

сборниками, которые по содержанію своему и изложенію сходствовали съ ними.» *) Г. Буслаевъ полагаетъ также, что наша старина соединяла съ сборникомъ Пчелы личность Даніила Заточника, «Слово» котораго «помѣщается въ этихъ сборникахъ русской редакціи, или вполнѣ, или отрывками.» Но сколько извѣстно до сихъ поръ, лишь одинъ списокъ Даніилова слова, принадлежащій г. Ундольскому, помѣщенъ въ Пчелѣ. Нѣкоторые изслѣдователи русской старины допускаютъ дѣйствительно, что Даніилъ пользовался Пчелою и многое заимствовалъ изъ нея; но вообще мнѣніе о томъ, Даніилъ-ли заимствовалъ изъ Пчелы, или Пчела у Даніила,—несходны. Въ сущности же здѣсь важно лишь то, что сходство между нѣкоторыми мѣстами Даніилова слова и изрѣченіями Пчелы не подлежитъ сомнѣнію. Напримѣръ: сравненія Даніила о богатомъ и бѣдномъ, о мудромъ и безумномъ и т. п. встрѣчаются и въ Пчелѣ. Но аналогія между этими двумя памятниками болѣе всего видна въ томъ печальномъ взглядѣ на женщину, «какъ на поборницу грѣха, начальницу всякой злобѣ» и проч., который былъ столь распространенъ въ нашей старинной литературѣ и не мало способствовалъ тому угнетенному и презрительному положенію, въ которомъ находилась русская женщина въ старину. Почти во всѣхъ спискахъ Пчелы (равно какъ и въ другихъ сборникахъ) встрѣчается «Поученіе о злыхъ женахъ.» Поученіе это было, какъ видно, въ большомъ уваженіи у нашихъ старинныхъ книжниковъ. Съ его содержаніемъ можно познакомиться изъ помѣщенной г. Костомаровымъ въ *Памятникахъ С. Р. Л.* **) «Притчи о женской злобѣ,» — произведеніи, до крайности уродливомъ и нелѣпомъ, гдѣ женщина представлена едва ли не отвратительнѣе и злѣе всякаго животнаго. А между тѣмъ, въ заглавіи этой притчи, сказано, что это «бесѣда премудра и чадолюбива отца, сказаніе и поученіе сыну.» Нельзя не задать себѣ вопроса: какое же уваженіе могъ питать сынъ, прочтя подобное поученіе отца, къ собственной матери, къ своимъ сестрамъ и къ женщинѣ вообще?

Въ родѣ Пчелъ, существовали и другіе сборники, подъ названіемъ: *Апофеегматъ* ***), *Избранныхъ словецъ* и сборниковъ просто безъ названій. *Апофеегматы* заключаютъ въ себѣ изрѣченія великихъ мужей, краткія свѣдѣнія о ихъ жизни и нѣкоторые анекдоты; но вообще во всѣхъ такихъ сборникахъ, рядомъ съ полезными свѣдѣніями и мудрыми изрѣченіями, нерѣдко помѣщались и крайне нелѣпыя вещи.

III. Хронографы, какъ памятники литературные.—Мы уже упоминали о сборникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ: *Хронографы* и *Палеи*. О первомъ изъ нихъ, какъ о памятникѣ литературы болѣе или менѣе свѣтской, мы должны сказать еще нѣсколько словъ. Хронографы—сборники, по преимуществу историческіе, изъ которыхъ предки наши почерпали свѣдѣнія по части всеобщей исторіи. Они дошли до насъ въ большомъ числѣ и въ разнообразныхъ спис-

---

*) Ист. Очерки, т. II, статья 2, стр. 92.

**) Выпускъ II, стр. 361.

***) Апофеегма — изрѣченіе, нравственная сентенція, надпись.

нахъ; изъ чего можно заключить, что Хронографы имѣли въ старину многочисленныхъ читателей*). Изъ самаго названія Хронографовъ ясно, что они византійскаго происхожденія, и приходили къ намъ, какъ отъ Грековъ, такъ и отъ южныхъ Славянъ. Переводы греческихъ Хронографовъ начались, вѣроятно, вмѣстѣ съ первыми попытками славяно-русской письменности. Въ историческихъ хронографахъ, по замѣчанію г. Пыпина, заключался переходъ къ произведеніямъ чисто-литературнаго характера, какія перешли къ намъ впослѣдствіи такъ же изъ византійскаго источника**). Но старѣйшіе списки Хронографовъ, дошедшихъ до нашего времени, не восходятъ далѣе XV столѣтія. Впрочемъ многочисленные списки Хронографовъ, равно какъ и самое содержаніе статей, въ нихъ заключающихся, не изслѣдованы еще удовлетворительнымъ образомъ. По тому, что извѣстно о Хронографахъ, слѣдуетъ однако заключить, что сборники эти были первымъ началомъ свѣтской литературы въ нашей старинной письменности.

Въ разсмотрѣнныхъ спискахъ Хронографовъ замѣчаютъ обыкновенно двѣ редакціи: одна редакція излагаетъ историческія событія отъ сотворенія міра и оканчивается паденіемъ византійской имперіи; составлены Хронографы этой редакціи по библіи и по византійскимъ источникамъ; другая же, древнѣйшая редакція, оканчивается царствованіемъ Михаила Θеодоровича и пополняетъ собою свѣдѣнія Хронографовъ первой редакціи, на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ латинскихъ космографій или изъ польскихъ лѣтописцевъ. Одинъ изъ Хронографовъ русской редакціи, составленный по библіи и по византійскимъ источникамъ, называется: *Лѣтописецъ эллинскій и римскій.* Въ соотвѣтственныхъ по времени мѣстахъ, между повѣствованіями изъ всеобщей исторіи, размѣщены разсказы о событіяхъ отечественныхъ. Переписчики постоянно увеличивали объемъ Хронографовъ новыми вставками и добавленіями о современныхъ имъ событіяхъ. По мнѣнію изслѣдователей, разсказы о нѣкоторыхъ событіяхъ и фактахъ русской исторіи изложены въ Хронографахъ подробнѣе, а иногда и гораздо яснѣе, нежели въ лѣтописяхъ. Такимъ образомъ, Хронографы представляются сборниками, составленными изъ статей переводныхъ и оригинальныхъ русскихъ. Содержаніе статей имѣетъ преимущественно историческій характеръ, но при этомъ сообщаются свѣдѣнія географическія, миѳологическія, литературныя и другія; помѣщены довольно подробныя статьи о разныхъ странахъ и народахъ, ихъ религіи, нравахъ, разныя отдѣльныя легенды и сказанія и т. п. Напримѣръ, въ Хронографахъ встрѣчаются: повѣсти о Китоврасѣ, о судахъ Соломона, о царицѣ Савстей, объ Александрѣ Великомъ, о Болгарскомъ царствѣ и проч. находятся подробныя описанія библейскихъ мѣстъ: Виѳлеема, горы Θаворъ и т. д. миѳологическіе разсказы о Сивиллахъ, о Прометеѣ, свѣдѣнія о Гомерѣ и т. п., такъ что Хронографы, для грамотнаго древне-русскаго

---

*) Изъ изслѣдованій о Хронографахъ извѣстны: „Изслѣдованіе", проф. Иванова въ „Учен. зап. казанск. универс.", 1843 т., ч. II и III. Другое, весьма интересное изслѣдованіе о Хронографахъ, появившееся недавно: „Обзоръ Хронографовъ русской редакціи", А. Попова.

**) Очеркъ лит. истор. повѣст. и сказ. стр. 23.

человѣка, могли служить источникомъ многихъ полезныхъ свѣдѣній. Хотя отсюда же онъ почерпалъ иногда и крайне наивныя и суевѣрныя понятія о многихъ предметахъ, какъ напр. разсказы о *нечистыхъ человѣкахъ*, заклепанныхъ въ горы Александромъ Македонскимъ, басни объ амазонкахъ, или о чудесномъ зеркалѣ, которымъ владѣлъ греческій царь Михаилъ и въ которое онъ могъ видѣть, во всякую минуту, изъ своего дворца все, что происходитъ во всѣхъ концахъ его обширной имперіи и т. п. Всѣ подобнаго рода разсказы переводились въ старину безъ малѣйшей критики.

IV. Азбуковники.—Кромѣ поименованныхъ сборниковъ, до-петровская Русь завѣщала намъ еще одинъ родъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Азбуковниковъ*. До появленія, — уже подъ вліяніемъ западной науки, — печатныхъ славяно-русскихъ лексиконовъ, напримѣръ: *Лаврентія Зизанія* и *Памвы Беринды*, рукописные Азбуковники служили для древней Руси не только *толковыми*, или объяснительными словарями словъ и рѣченій, но въ тоже время и источникомъ энциклопедическихъ свѣдѣній разнаго рода, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ. «Къ объясненіямъ, собственно грамматическимъ, говоритъ г. Буслаевъ *), въ нашихъ старинныхъ Азбуковникахъ присоединено множество любопытныхъ подробностей историческаго, поэтическаго и вообще археологическаго содержанія. Это — въ высшей степени любопытная, краткая энциклопедія нашихъ предковъ, для удобства читателей расположенная по алфавиту». Многія историческія и археологическія объясненія, по словамъ автора, вошли въ наши Азууковники изъ византійскихъ хронографовъ и космографій. Потому г. Буслаевъ справедливо смотритъ на Азбуковники не какъ на простые словари, но какъ на сборники литературные. Такой взглядъ на Азбуковники тѣмъ болѣе основателенъ, во-первыхъ потому, что помѣщаемыя въ нихъ объясненія составляютъ нерѣдко цѣлыя литературныя статьи объ извѣстномъ предметѣ; а во вторыхъ потому, что въ нихъ попадаются иногда вполнѣ отдѣльныя повѣсти, притчи, сказанія и т. п. старинныя литературныя произведенія. Разсмотрѣнная нами выше повѣсть о Горѣ-Злочастіи найдена была въ одномъ изъ Азбуковниковъ. Здѣсь же встрѣчаются: «Сказаніе о роскошномъ житіи и веселіи», «Притча о бражникѣ» и т. п.**).

Одинъ родъ Азбуковниковъ, составившійся, кажется, преимущественно въ XVII столѣтіи, служилъ собственно учебникомъ для нашихъ старинныхъ школъ. Но онъ вмѣщалъ въ себѣ не одинъ, а нѣсколько различныхъ учебниковъ и, по своему разнообразному содержанію, имѣетъ не только педагогическій, но и литературный интересъ***). Г. Мордовцевъ замѣчаетъ, что подъ именемъ Азбуковниковъ разумѣлись не букварь, не азбуки, не алфавиты, замѣнявшіе словари,—какъ

---

*) Истор. Очер. въ ст. X, о Зигурдѣ и муромской легендѣ.

**) См. у г. Буслаева, т. I, стр. 575, и въ Памят. С. Р. Л., вып. 2-й, стр. 457 и 477.

***) См. въ Чтен. москов. Общ. ист. и древн. (кн. 4-я. 1861 г.) статью г. Мордовцева: „О русскихъ школьныхъ книгахъ", стр. 11, 13, 27, 31 и друг.

можно было ожидать по названію, но подъ этимъ именемъ въ старину понимали, кажется, высшій учебникъ, всякое руководство для обученія юношества. Послѣ исторіи славянскихъ письменъ и азбуки, здѣсь излагались грамматическія правила: объ удареніяхъ, о правописаніи и проч. По поводу правописанія въ Азбуковникѣ, разбираемомъ г. Мордовцевымъ, сказано: »Сіе бо вельми зазорно и укорно еже *ять* вмѣсто *ести* глаголати, тоже и *есть* вмѣсто *яти*. Отъ сего бываетъ веліе несмысльство ученію». Послѣ очень краткаго изложенія грамматическихъ правилъ, излагались столь же краткія понятія изъ діалектики, риторики — «сирѣчь хитрорѣчія источникъ», — ариѳметики — «русскимъ языкомъ — числительница», геометрія — «землемѣріе», т. е. нѣкоторыя географическія и космографическія свѣдѣнія» и проч. Все это вмѣстѣ составляло понятіе «о семи мудростяхъ», и все это излагалось довольно спутанно и въ высшей степени высокопарно. Тутъ же излагались объясненія дней недѣли, календаря, лѣтосчисленія и проч.

Къ особеннаго рода Азбуковникамъ или извлеченіямъ изъ нихъ можно причислить и довольно подробныя объясненія и статьи о разныхъ предметахъ, прилагавшіяся обыкновенно къ стариннымъ *Подлинникамъ* **), или письменнымъ руководствамъ для иконописцевъ. Находя въ Подлинникахъ замѣчательныя прибавленія литературнаго свойства, г. Буслаевъ, въ нѣсколькихъ лекціяхъ своихъ: «о русскихъ Подлинникахъ въ литературномъ отношеніи», представляетъ многіе, весьма интересные факты старинной литературы, заключающіеся въ этихъ старинныхъ руководствахъ для русскихъ иконописцевъ. Кромѣ толкованій и объясненій предметовъ и словъ, необходимыхъ для живописца, во многихъ Подлинникахъ встрѣчаются любопытныя вставки и добавленія, состоящія: 1) изъ историческихъ извѣстій объ изображаемыхъ лицахъ и событіяхъ или свѣдѣній о жизни святаго, о происхожденіи и значеніи праздника и т. п. 2) изъ подробныхъ описаній нѣкоторыхъ священныхъ лицъ и описаній, переданныхъ въ церковныхъ преданіяхъ и 3) изъ свѣдѣній и толкованій о нѣкоторыхъ предметахъ религіозно-нравственнаго содержанія, входящихъ въ кругъ храмоваго искуства, или имѣвшихъ съ ними какую либо связь. «Расширяя свое содержаніе болѣе и болѣе, — говоритъ г. Буслаевъ, — нашъ Подлинникъ принималъ въ свой составъ различныя повѣствованія, основанныя на средневѣковыхъ преданіяхъ, частію историческаго, частію поэтическаго характера». Свѣдѣнія свои Подлинникъ почерпалъ изъ хронографовъ, космографій и разныхъ сборниковъ энциклопедическаго содержанія. Представимъ нѣкоторые примѣры, литературнаго свойства, приведенные у г. Буслаева изъ разсмотрѣнныхъ имъ рукописей Подлинника.

Въ одной рукописи, въ связи съ статьею о почитаніи иконъ, находятся

**) Г. Буслаевъ говоритъ, что рукописные *Подлинники* наши, которые должно отличать отъ *лицевыхъ*, или сборниковъ рисунковъ, содержатъ въ себѣ толкованія объясненія и наставленія живописцамъ, какъ изображать священныя лица и событія. Они въ общихъ чертахъ сходны съ Подлинникомъ византійскимъ черноризца Діонисія. Рукописи нашихъ Подлинниковъ не восходятъ далѣе XVI столѣтія.

подробныя легенды объ *Авгарѣ* *) и о *Лентулѣ* **) помѣщена подробная статья о *Сивиллахъ*, подъ заглавіемъ: *Сказаніе о двунадесяти Сивиллахъ, сирѣчь пророчицахъ*, и свѣдѣнія о языческихъ философахъ, будто-бы пророчившихъ о Мессіи. Кромѣ того, въ Подлинникахъ помѣщались довольно обширныя символическія статьи и объясненія аллегорій, символическихъ знаковъ и словъ, суевѣрныя свѣдѣнія о животныхъ и вообще о чудесахъ природы, напр. о крокодилѣ, саламандрѣ, водяномъ конѣ и проч. Сюда же присоединены свѣдѣнія о дикихъ людяхъ, чудовищахъ и вообще о народахъ. Напримѣръ: о *дикихъ людяхъ*: «Люди, зовомые *Исотары* (сатиры), живутъ въ лѣсахъ и по горамъ, хожденіемъ скоры, никто ихъ не догонитъ, а ходятъ нагіе, живутъ со звѣрями, обросли шерстью и рѣчи не имѣютъ, только кричатъ. А у иныхъ людей уши по плечамъ висятъ, а у иныхъ до пятъ висятъ». Вотъ любопытная характеристика браминовъ: «*Врахмани* суть, иже живутъ близъ рая, въ дрязгу древесъ, нази пребываютъ; и ни что же свѣта сего имуще» и проч.

Помѣщеніе всѣхъ подобныхъ статей въ русскомъ Подлинникѣ, по мнѣнію г. Буслаева, тѣсно сближаетъ его съ Азбуковниками, т. е. съ старинными словарями, содержавшими въ себѣ не только грамматическія объясненія, но и историческія, и богословскія и всякія другія.

Поэтическая и литературная сторона въ старинныхъ народныхъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Травниковъ, Лѣчебниковъ и друг.— Разсмотрѣнные нами сборники могутъ быть причислены къ сборникамъ, соб-

---

*) Преданіе объ изображеніи Спасителя и объ апокрифическомъ письмѣ, посланномъ будто Спасителемъ къ правителю Едессы, Авгарю, было у насъ въ старину очень распространено.

**) *К. К. Лентулъ*, римскій консулъ въ 26 году по Р. Х. и писатель. Светоній упоминаетъ объ одномъ изъ его историческихъ сочиненій, которое утрачено. Существуетъ преданіе о письмѣ Лентула въ римскій сенатъ, гдѣ онъ говоритъ подробно о Спасителѣ; оно, однако, почитается апокрифическимъ. Вотъ переводъ этого письма, заключающійся въ Подлинникѣ, разсматриваемомъ у г. Буслаева: „Въ нынѣшная наша времена явился и еще есть человѣкъ великія силы, ему же имя Іисусъ Христосъ, иже нареченъ есть отъ людей пророкъ правды. Ученики же его нарицаютъ его Сыномъ Божіимъ; умершихъ воскрешаетъ, немощныхъ уздравляетъ; человѣкъ есть возраста высокаго, краснаго и учтиваго, образъ имѣетъ должный чести, яко иже на него зрятъ, имѣютъ его любити и боятися: власы имѣетъ цвѣта орѣха лѣснаго созрѣлаго, гладки, едва даже не до ушесъ, а отъ ушесъ надоль кудрявы, малю нѣчто желтѣйши и яснѣйши, въ плечахъ разсыпаются, предѣлъ имѣюще посредѣ главы, по обычаю Назареовъ. Чело гладкое, тѣло свѣтлое; лице такожде несморщенное: носъ и уста весьма ни единаго имѣютъ укоренія; браду имать густу, изрядну, не долгу, цвѣтомъ власамъ подобну, посреди же раздвоенну. Зреніе имѣетъ простое и постоянное, очи имѣетъ честныя, желтыя, различно же свѣтлы бывающія. Въ наказаніи грозный, во увѣщаніи ласковый, любовный, пріемный и веселый, сохраняющь поважнось; его же никто же когда видя смеющеся, плачющаго часто“ и проч.

ственно литературнымъ. Какъ плодъ книжнаго образованія, они принадлежатъ къ произведеніямъ литературы книжной, образованной. Но русская старина завѣщала намъ еще особый отдѣлъ сборниковъ, которые должны быть причислены къ произведеніямъ чисто народной литературы. Сюда относятся въ особенности старинные *Лѣчебники* и *Травники*, которые г. Буслаевъ разсматриваетъ, какъ произведенія собственно народнаго творчества *), наравнѣ съ другими памятниками эпической старины.

Травники и Лѣчебники трактуютъ не объ однихъ лишь врачебныхъ средствахъ и пособіяхъ. Это такіе народные сборники, которые заключаютъ въ себѣ совѣты и наставленія, относящіеся къ многоразличнымъ обстоятельствамъ народнаго быта, и обнимаютъ, можно сказать, всѣ стороны жизни древне-русскаго человѣка. Съ этой точки зрѣнія изученіе старинныхъ Лѣчебниковъ и Травниковъ представляетъ, нѣтъ сомнѣнія, весьма значительный интересъ. Въ «Очеркахъ» г. Буслаева разсмотрѣнъ очень подробно одинъ изъ Лѣчебниковъ и представлены изъ него многія выписки. Здѣсь мы находимъ разнаго рода суевѣрныя свѣдѣнія, какъ напримѣръ: сказаніе о *трясавицахъ* (лихорадкахъ), толкованіе различныхъ *примѣтъ*, игравшихъ такую важную роль въ жизни суевѣрнаго народа, различные заговоры — отъ порѣзовъ, отъ *московскаго* и *сельскаго кнутья*, отъ вражьей стрѣлы, отъ уроковъ и порчи, отъ супротивника въ судѣ, отъ лихаго суцьи и т. д. Часть же собственно врачебная этихъ сборниковъ наполнена описаніемъ многихъ народно-врачебныхъ средствъ и лѣченій, многихъ травъ, зелій и кореній; при чемъ излагаются не только ихъ лѣкарственныя свойства, но и ихъ волшебная, или *чарующая* сила. Г. Буслаевъ находитъ въ Лѣчебникахъ или Травникахъ много поэтическаго; въ особенности же въ описаніи травъ и растеній, ихъ вида, цвѣта и мѣстъ ихъ нахожденія, онъ видитъ поэтическое изображеніе русской природы и неподдѣльную свѣжесть воззрѣній русскаго человѣка на природу. Въ подтвержденіе такого мнѣнія, онъ приводитъ много примѣровъ изъ Лѣчебника, въ родѣ слѣдующихъ: «Трава вездѣ растетъ по пажнямъ, и по лижникамъ, и по потокамъ, листье растилается по землѣ, кругомъ листковъ рубежки, а изъ нея на серединѣ стволикъ, тощій, прокрасенъ, а цвѣтъ у него желтъ, и какъ отцвѣтетъ, то пухъ станетъ шапочкою, а какъ пухъ сойдетъ со стволиковъ, то станутъ плѣшки, а въ корнѣ, и въ листу, и въ стволикѣ, какъ сорвешь, въ нихъ бѣленько». Или: «Въ травахъ царь есть — *симтаримъ*-трава, о шести листахъ: первый синь, другой червленъ, третій жолтъ, четвертый багровъ, а брать вечеромъ на *Ивановъ день*» и проч.**). Или вотъ еще примѣры изъ другаго Лѣчебника о какихъ-то травахъ, обладающихъ чарующей силой: «Есть трава, именемъ *одоленъ*, растетъ при рѣкахъ и при камени черномъ, собою голуба. Кто тебя не любитъ, то дай пить — не можетъ отъ тебя до смерти отстать». Или: «Есть трава *измодинъ*, растетъ по старымъ росчистямъ, ро-

*) См. Ист. Очер., т. II, стр. 33—51.
**) Тамъ-же, стр. 37—38.

стомъ въ пяду, собою мохната. Кто тое траву ѣстъ, и тотъ человѣкъ живучи никакой скорби не узритъ тѣлу и сердцу» и проч.*).

Трудно согласиться съ г. Буслаевымъ и находить «необыкновенно поэтическими» всѣ подобные факты, приводимые имъ изъ Травниковъ и Лѣчебниковъ. Какъ въ самомъ составленіи, такъ и въ привязанности своей къ этимъ сборникамъ народъ ни мало не руководствовался поэтическимъ чувствомъ; онъ искалъ въ нихъ лишь практической примѣнимости, искалъ совѣтовъ и наставленій, которые были бы ему полезны въ жизни дѣйствительной. И конечно, при своей малоразвитости и необразованности, довольствовался тѣми суевѣрными наставленіями, которыя находилъ въ Лѣчебникахъ и Травникахъ. Наставленія эти удовлетворяли вполнѣ его ограниченнымъ требованіямъ, питая, такимъ образомъ, и поддерживая въ немъ массу суевѣрныхъ понятій, сказаній, примѣтъ, различныхъ заговоровъ и заклятій.

Во всѣхъ этихъ заговорахъ, въ родѣ напр. заговора о 77 бѣсахъ съ сатаницею: «куда вы идете, 77 бѣсовъ съ сатаницею? Идемъ мы на сине море — сине море колебать, горючь камень зажигать», и проч.**) или въ родѣ повѣсти о *трясавицахъ* (лихорадкахъ), олицетворяемыхъ въ видѣ 12 родныхъ сестеръ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое названіе и соотвѣтствуетъ извѣстному роду болѣзни, и которыя ходятъ по свѣту и мучатъ родъ человѣческій (онѣ говорятъ о себѣ: «мы трясавицы — дщери Ирода» и мучатъ только того, кто предается грѣху, т. е. «кто заутреню просыпаетъ, Богу не молится, праздникъ не чтитъ, и вставая, пьетъ и ѣстъ рано: тотъ нашъ угодникъ») или, наконецъ, въ подобныхъ примѣтахъ Лѣчебниковъ: «который человѣкъ плюетъ въ окно, у того человѣка звѣрь ловитъ животину: — той примѣты берегись, не плюй въ окно»; — во всемъ этомъ, говоримъ мы, скорѣе должна насъ поражать масса темнаго суевѣрія, которое и до сихъ поръ живетъ въ народѣ, нежели тѣ поэтическіе элементы, изъ которыхъ, можетъ быть, суевѣріе это возникло. Конечно, народное суевѣріе, какъ напримѣръ, нѣкоторые народные заговоры и заклятія, принадлежитъ къ остаткамъ эпической старины и носитъ на себѣ слѣды поэтическаго происхожденія, какъ это весьма убѣдительно доказываетъ г. Буслаевъ***). Но когда суевѣріе переходитъ въ дѣйствительность, когда суевѣрные взгляды и понятія становятся для народа руководительными правилами въ жизни; тогда народное суевѣріе уже утрачиваетъ свое поэтическое очарованіе и служитъ лишь помѣхой уму, извращаетъ воображеніе, и поэтому вредно дѣйствуетъ на народное развитіе.

Кромѣ Лѣчебниковъ, въ народѣ обращалось еще много другихъ подобныхъ сборниковъ, подъ названіемъ: *Зелейниковъ*, *Волховниковъ*, *Громниковъ*, *Колядниковъ* и разныхъ гадательныхъ книгъ, въ которыхъ помѣщались предска-

---

*) См. Лѣчебникъ, напечатанный въ *Лѣтописяхъ русск. лит.*, издав. г. Тихонравовымъ, т. I.

**) Тамъ-же.

***) Очерки, т. II, стр. 31.

занія о томъ, когда удобно вступать въ бракъ, когда хорошо сѣять или садить, когда полезно или вредно ѣсть ту или другую пищу и т. п., и которыя заключали въ себѣ не малую массу суевѣрій.

Значеніе рукописныхъ сборниковъ въ древне-русской жизни и литературѣ. — Многочисленность разнаго рода рукописныхъ сборниковъ, дошедшихъ до насъ отъ до-петровской Руси, говоритъ, безъ сомнѣнія, въ пользу того, что древняя Русь не чуждалась знанія, что тогдашніе грамотные люди питали сочувствіе къ образованію и и не были чужды даже нѣкоторыхъ свѣдѣній по части классической литературы (греческой и римской), съ которой они хотя, по отрывкамъ, но все же знакомились изъ сборниковъ и другихъ сочиненій. Старинные сборники, ихъ многочисленность и сильное распространенія въ народѣ показываютъ яснѣе всего, что мы не можемъ отказать древне-русскому человѣку въ любознательности, въ стремленіи и любви къ наукѣ и знанію. Но односторонность направленія и вообще внутреннее содержаніе большей части статей въ нашихъ старинныхъ сборникахъ доказываютъ, съ другой стороны, что образованность и литература древней Руси стояли на весьма невысокой степени развитія. Мы видѣли, что наряду съ полезными свѣдѣніями и болѣе или менѣе литературными и наукообразными статьями въ сборникахъ, болѣе всего распространенныхъ, какъ-то: въ Пчелахъ, Хронографахъ, Избранныхъ Словцахъ и т. д. помѣщались и статьи весьма нелѣпыя, содержащія въ себѣ много невѣжественнаго и суевѣрнаго, въ родѣ, напримѣръ, статей о *нечистыхъ народахъ*, которые ѣли всякую скверну, и которыхъ Александръ Македонскій загналъ въ пустынныя страны, въ горы высокія; въ родѣ апокрифическихъ объясненій различныхъ явленій природы, напримѣръ, книги: О *всей твари чтеніе*, гдѣ говорится, что «триста ангеловъ солнце воротятъ;» или въ родѣ статей о таинственной силѣ драгоцѣнныхъ камней и нѣкоторыхъ растеній и т. п. или, наконецъ, въ родѣ всѣхъ легендъ и повѣстей—*зѣло чудныхъ и ужаса преисполненныхъ*, встрѣчающихся почти во всѣхъ старинныхъ сборникахъ. А между тѣмъ, подобныя произведенія, какъ сказано выше, наиболѣе удовлетворяли ограниченнымъ требованіямъ малоразвитаго и малограмотнаго русскаго народа. И хотя лучшіе, т. е. болѣе образованные люди своего времени, строго вооружались противъ всѣхъ *отреченныхъ* и еретическихъ сочиненій, обращавшихся въ народѣ, но вооружались и преслѣдовали ихъ исключительно съ точки зрѣнія религіозной, какъ *прелесть бѣсовскую*, и въ преслѣдованіяхъ своихъ доходили до того, что запрещали народу заниматься *остронуміемъ* и *звѣздочетьемъ*, объясненіемъ солнечнаго и луннаго затмѣнія, даже землемѣріемъ *), — занятіями, отъ которыхъ народъ могъ перейти къ точ-

---

*) Очерки, т. II, стр. 69. Въ 41 главѣ *Стоглава*, между прочимъ, запрещаются: „Острономій, Зодій, Альманахъ, Звѣздочетьи, Аристотелевы Врата (т. е. Тайна Тайныхъ Аристотеля) и иные составы и мудрости и коби бѣсовскія, которыя прелести отъ Бога отлучаютъ,“ и проч.

ному знанію и къ естественному пониманію многихъ явленій природы, и которыя, слѣдовательно, могли благотворно дѣйствовать на народное образованіе и развитіе. Преслѣдованіе же подобныхъ занятій, въ глазахъ массы народа, подрывало авторитетъ всякаго свѣтскаго знанія, свѣтской науки, представляя ее дѣломъ недобрымъ, чѣмъ-то опаснымъ и вовсе ненужнымъ.

Домострой. — Къ разряду старинныхъ сборниковъ мы находимъ удобнымъ причислить и одно древне-русское сочиненіе XVI столѣтія, извѣстное подъ именемъ *Домостроя*, т. е. собраніе наставленій и правилъ, какъ *устроить* свой *домъ*, какъ жить и какъ вести себя въ своей частной жизни, въ отношеніи къ своимъ христіанскимъ обязанностямъ, въ отношеніи къ властямъ, къ подчиненнымъ, къ своимъ домочадцамъ и проч. Сочиненіе Домостроя приписываютъ священнику Благовѣщенскаго собора, *Сильвестру*, бывшему одно время наставникомъ и руководителемъ царя Ивана Васильевича Грознаго. Но въ Домостроѣ Сильвестру принадлежитъ, безспорно, лишь послѣдняя глава или наставленіе сыну, начинающееся такъ: «Благословеніе отъ благовѣщенскаго попа, Сильвестра, возлюбленному моему сыну Анонму» **). «Это поученіе сыну, говоритъ г. Соловьевъ, подкрѣпленное собственнымъ примѣромъ, очень напоминающее поученіе Мономаха, легко можетъ быть принято за совершенно отдѣльное сочиненіе, не имѣющее никакой связи съ собственно такъ называемымъ Домостроемъ, и приложенное къ послѣднему позднѣйшимъ составителемъ или переписчикомъ, по сходству содержанія.» Вообще, въ поученіи Мономаха дѣтямъ, профессоръ Соловьевъ видитъ первообразъ *домостроевъ*, появившихся въ послѣдующихъ вѣкахъ **). Въ старинной литературѣ нашей существуютъ еще и другіе сборники, извѣстные подъ именемъ *Вождя по жизни*, которые сходны, по своему содержанію и изложенію, съ Домостроемъ.

Домострой Сильвестровъ, или поученіе сыну называется еще *малымъ* Домостроемъ, въ отличіе отъ собственно такъ называемаго, пространнаго *Домостроя*, на который можно смотрѣть, какъ на общее собраніе ходячихъ правилъ житейской мудрости и наставленій, относительно обязанностей человѣка — религіозныхъ, семейныхъ и общественныхъ. Такимъ образомъ, Домострой представляетъ какъ бы идеалъ жизни древне-русскаго человѣка, заключая въ себѣ основныя нравственныя понятія вѣка и руководительныя правила житейской мудрости и домашняго благочинія.

Домострой дѣлится на нѣсколько главъ; въ первыхъ главахъ говорится о болѣе серьёзныхъ,—религіозныхъ и нравственныхъ обязанностяхъ, а въ большей части послѣдующихъ главъ излагаются совѣты и наставленія, какъ управлять домомъ и вести хозяйство. Названіе большей части главъ прямо указываетъ на ихъ со-

---

*) Ист. Рос.. С. Соловьева, т. VII, 223 и дал. Домострой изданъ г. Голохвостовымъ, напечатанъ во Времен. Москов. Общ. Истор. и Древн. 1848 года, книга 1-я.

**) Ист. Рос., т. III, стр. 101.

держаніе. Напримѣръ: Глава 7-я: *Какъ царя и князя чтити и повиноватися во всемъ, и всякому властелину покорятися, и правдою служити имъ во всемъ, къ болшимъ и къ меншимъ, и къ скорбнымъ и маломощнымъ, ко всякому человѣку какову быти и себѣ о семъ внимати.* Глава 15: *Какъ дѣтей своихъ воспитати во всякомъ наказаніи и страхѣ Божіи.* Глава 30: *Добрыя жены рукодѣлные плоды и береженье всему, и что скроить, и остатки и обрески беречи.* Глава 38: *Какъ избная парядня устроити хорошо и чисто*, и т. п. Домострой входитъ во всѣ мельчайшія подробности домохозяйства и учитъ, напримѣръ, какъ стряпать кушанья, кроить платья, припрягывать обрѣзки и лоскутки, какъ покупать что дешево, и какъ угощать пріѣзжаго человѣка, когда что выгодно у него купишь и проч. Напримѣръ:... «а яству мясную и рыбную, и всякіе пироги, и всякіе блины и всякіе каши и кисели, и всякіе приспѣхи печи и варити, все бы сама государыня (хозяйка дома) умѣла;... а коли хлѣбы пекутъ, тогда платя моютъ: ино содного сьтрепня и дровамъ неубыточно»... и проч. (Глава 29). Или:... А рубашки то все самой кроити (женѣ) и всякіе остатки и обрески все бы было прибрано: мѣлкое въ мѣшочкахъ, а остатки сверчено и связано; а все разбрано, по числу и упрятано, и какъ чево подѣлать вѣтшана, или у новаго не достало: а то все есть въ запасе, въ торгу того не ищешь, далъ Богъ: у добраго промысла у совершенаго разума, все ся лучило дома.» (Глава 30).

Обязанности религіозныя, предписываемыя Домостроемъ, «общи всѣмъ временамъ, но насъ останавливаютъ и особенныя, — говоритъ г. Соловьевъ; «напримѣръ: св. крестъ, образа, цѣловать перекрестясь, духъ въ себѣ удержавъ, губъ не разѣвая» и проч. (И. Р. т. VII, стр. 229). Соблюденіе внѣшняго благочестія и строгая набожность составляютъ вообще главную характеристику всѣхъ предписаній Домостроя.

Относительно воспитанія дѣтей предписывается родителямъ «учити ихъ страху Божію и вѣжеству и всякому благочинію,» и при этомъ наказывать не ослабѣвая: «не ослабѣвай, бія младенца; если жезломъ бьешь его, не умретъ, но здоровъ будетъ.» Тоже самое предписывается и относительно обращенія съ слугами и домочадцами; предписывается, напримѣръ: «слугъ наказывать и раны возлагать, смотря по винѣ, наказавъ пожаловать, а хозяйкѣ за слугъ печаловаться,» и проч.

Обязанности, которыя предписываетъ Домострой замужней женщинѣ, ограничиваются одними лишь мелочными хозяйственными занятіями, матеріальными заботами и полнымъ подчиненіемъ власти мужа. Домострой какъ бы узакониваетъ и возводитъ въ правило тотъ негуманный взглядъ на женщину, который заключается въ большей части произведеній нашихъ старинныхъ книжниковъ, который видитъ въ женщинѣ ничего болѣе, какъ существо вѣчно-несовершеннолѣтнее и начальницу всякому злу. Потому, Домострой предписываетъ мужу *учить* жену и, не обинуясь, даетъ такіе совѣты, что за большое ослушаніе, мужъ можетъ свою жену, также какъ сына или дочь, «постегать плеткою бережно и вѣжливенько, за руки держа» и проч. По словамъ г. Соловьева, мы не имѣемъ никакого права упрекать Домострой въ жестокости къ женщинѣ и въ томъ, что

здѣсь предписывается ей отдавать все свое время однимъ лишь мелочнымъ заботамъ и разговорамъ о хозяйствѣ; ибо другаго приличнаго занятія, другаго приличнаго разговора для нея въ то время не было; если она не будетъ говорить о хозяйствѣ, то станетъ пересмѣхать, переговаривать, вести пустыя и пересмѣшныя рѣчи со слугами, съ торговками, съ бездѣльными жонками и волхвами (которыхъ Домострой всячески запрещаетъ пускать къ женщинамъ), или, что и того хуже, — вздумаетъ хмѣлемъ развеселить себя *). 36-я глава Домостроя: «Женамъ наказъ о пьянствѣ и пьяномъ питіи, и слугамъ такоже.. » и проч. предписываетъ женщинамъ: «А у жены бы никакъ, ни которыми дѣлы, піяное питье не было: ни вино, ни медъ, ни пиво... Пила бы безхмѣлную брагу и квасъ, и дома и въ людяхъ.» Это запрещеніе показываетъ, что излишніе употребленіе хмѣльныхъ напитковъ было распространено въ старину не только между мущинами, но и между женщинами. Относительно женщины слѣдуетъ замѣтить вообще, что правила Домостроя ставятъ женщину, какъ существо нравственно разумное, чрезвычайно низко.

Совѣты и наставленія, предписываемые въ маломъ, или Сильвестровомъ Домостроѣ, и по направленію своему и по самому изложенію, ничѣмъ не отличаются отъ предписаній пространнаго Домостроя. Они только изложены гораздо кратче и предлагаются въ видѣ наставленій сыну отъ отца, который подкрѣпляетъ свои религіозные, нравственные и житейскіе уроки сыну примѣрами изъ собственной жизни.

Домострой представляется явленіемъ замѣчательнымъ въ древне-русской жизни и въ нашей старинной письменности. Онъ указываетъ на то, что правила книжной мудрости въ XVI столѣтіи уже успѣли проникнуть и во внутреннюю, семейную жизнь народа и стали примѣняться ко всѣмъ житейскимъ отношеніямъ. Мелочный формализмъ Домостроя, опредѣленіемъ каждаго дѣйствія и движенія въ жизни, могъ вредно дѣйствовать на развитіе народа въ томъ отношеніи, что отучалъ его отъ свободнаго мышленія и дѣйствованія и все его вниманіе останавливалъ на соблюденіи однихъ лишь мелочей и обрядовъ. Во всякомъ случаѣ, Домострой имѣетъ большую важность, какъ очеркъ современныхъ нравовъ, понятій и обычаевъ.

Какъ литературное произведеніе, Домострой отличается исключительно догматическимъ и поучительнымъ тономъ и крайнею сухостію своей рѣчи, приближающейся мѣстами болѣе къ простому народному языку, нежели къ риторической и витіеватой рѣчи современныхъ книжниковъ, — по той причинѣ, вѣроятно, что Домострой имѣлъ исключительно практическую цѣль и предназначался прямо для жизни. Нѣкоторые выраженія Домостроя имѣютъ видъ пословицъ и поговорокъ, или скорѣе, видъ книжныхъ изрѣченій, отъ частаго употребленія перешедшихъ въ пословицы; напримѣръ: «въ добрыхъ людяхъ хлѣбъ-соль — заемное дѣло;» «казни сына своего отъ юности, и будетъ покоить тебя на старости, и т. п.

---

*) Ист. Рос. т. VII, стр. 233.

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ.

Лѣтописи; ихъ важность и значеніе: ихъ критическая разработка; первоначальное возникновеніе лѣтописной литературы: составъ нашихъ лѣтописей. — Составленіе «Лѣтописей», т. е. записываніе событій, происходившихъ на русской землѣ, по *лѣтамъ*, изъ года въ годъ, по мѣрѣ ихъ совершенія, получило въ древней Руси весьма широкое развитіе и началось въ очень раннюю эпоху. Русскія лѣтописи важны не только, какъ главный историческій источникъ для узнанія прошедшихъ судебъ и политическаго состоянія Россіи въ прежнее время; онѣ не менѣе важны (особенно лѣтопись первоначальная, древнѣйшая) и какъ первые памятники русской письменности, въ которыхъ выразилась и заговорила о себѣ впервые русская жизнь; онѣ представляютъ драгоцѣнный источникъ для исторіи народной жизни, изъ котораго мы можемъ почерпать свѣдѣнія о старинномъ бытѣ, о нравахъ и обычаяхъ, о степени образованности и нравственномъ и умственномъ развитіи нашихъ предковъ.

Критическимъ изслѣдованіемъ русскихъ лѣтописей, въ томъ видѣ, какъ онѣ дошли до насъ, занимались многіе изъ нашихъ ученыхъ. Въ особенности же вопросъ о первоначальной, или такъ называемой «Несторовой лѣтописи», послужилъ предметомъ нѣсколькихъ особыхъ сочиненій. Первое строго-наукообразное изслѣдованіе о Несторовой лѣтописи написалъ *Шлецеръ*, на нѣмецкомъ языкѣ *). Послѣ него спеціальнымъ изученіемъ русскихъ лѣтописей занимались: Ивановъ, Полѣновъ, В. Перевощиковъ, Бутковъ, Погодинъ, Бѣляевъ, Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи»**) и другіе. Въ историко-литературномъ отношеніи первоначальная лѣтопись разсмотрѣна въ прекрасномъ сочиненіи г. Сухомлинова: «О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ». Но нигдѣ вопросъ о русскихъ лѣтописяхъ не разработанъ съ такою полнотою и съ такимъ талантомъ, какъ въ изданныхъ недавно лекціяхъ г. Костомарова о русской исторіи ***).

Мы сказали, что лѣтописи появились рано, а именно: уже въ XI столѣтіи, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, мы замѣчаемъ появленіе лѣтописей. Но начальная, южная, или *кіевская* лѣтопись едва ли не древнѣе сѣверной, или *новгородской*, или, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ допустить, что какъ та, такъ и другая появились единовременно, т. е. въ первой половинѣ XI столѣтія ****). До насъ, однако, древнія лѣтописи, кіевская и новгородская, дошли не въ ихъ первоначальномъ видѣ, но во множествѣ позднѣйшихъ списковъ, изъ которыхъ самый древній не восходитъ ранѣе XIV вѣка.

---

*) Сочиненіе Шлецера перевелъ съ нѣмецкаго и издалъ *Языковъ*, подъ заглавіемъ: „Несторъ. Русскія лѣтописи, сличенныя, переведенныя и объясненныя". С.-Пб. 1816 года.

**) См. особенно т. III, стр. 115—149 и т. IV, стр. 400—413.

***) Лекціи по русской исторіи Н. И. Костомарова. Издалъ П. Гайдебуровъ. *Вступительная лекція и Лѣтописи* С.-Пб. 1862 г.

****) Ист. Гос. Соловьева, т. III, стр. 118.

Рѣшительное вліяніе на возникновеніе русской лѣтописной литературы имѣли, должно полагать, славянскіе переводы византійскихъ хроникъ и космографій, принесенные къ намъ изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ переводами св. книгъ и другихъ сочиненій, такъ-что Византія послужила намъ образцомъ и здѣсь, какъ почти во всей древне-русской письменности, — и русскія лѣтописи являются въ формѣ византійскихъ хроникъ.

Г. Костомаровъ, разбирая составъ нашихъ лѣтописей, находитъ, что онѣ прошли три главныя редакціи. Первоначальныя формы лѣтописей, совершенно несходныя и даже противоположныя между собою, были: Записки и Сказанія. Записки были чрезвычайно краткія извѣстія, имѣвшія практическое примѣненіе въ церковномъ обиходѣ, какъ-то: свѣдѣнія о кончинѣ лицъ, съ цѣлію ихъ поминовенія, о постройкѣ церквей, о другихъ происшествіяхъ монастырскихъ или церковныхъ, о небесныхъ знаменіяхъ, объ общественныхъ бѣдствіяхъ, съ благочестивою цѣлію — слѣдить за движеніемъ промысла и гнѣва Божія. Сказанія же, напротивъ, были подробныя, связныя повѣствованія, «съ оттѣнкомъ поэзіи или притязаніемъ на краснорѣчіе».

«Изъ записокъ и сказаній, подъ вліяніемъ византійскихъ примѣровъ, начали составлять Лѣтописи, именно: собирать сказанія, разбивать ихъ на годы и дополнять записками. Когда форма эта усвоилась, тогда является третій способъ передачи событій, черезъ соединеніе формы сказанія съ формою записокъ, или, такъ сказать, распространенная записка. Это собственно то, что можетъ назваться лѣтописнымъ разсказомъ.

«Послѣдняя редакція нашей лѣтописной литературы состоитъ изъ Сборниковъ и Списковъ, уже прежде составленныхъ, предъидущимъ способомъ, лѣтописей, со включеніемъ разныхъ отдѣльныхъ сочиненій. Это уже скорѣе сборники, чѣмъ лѣтописи»*). При этомъ большая часть древнихъ лѣтописей повторяется въ позднѣйшихъ спискахъ точными словами или съ подновленіемъ слога, безъ нарушенія, однакожъ, основы текстовъ тѣхъ Временниковъ, изъ которыхъ они заимствованы **).

Эти-то послѣдніе списки лѣтописей, или отдѣльные *временники* и лѣтописные сборники собственно и дошли до насъ ***).

---

*) Лекціи по рус. ист. стр. 97—100.

**) Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. I Предисловіе, V.

***) Вотъ главнѣйшіе изъ этихъ списковъ: 1) Лаврентьевскій, названный такъ по имени *списателя*, монаха Лаврентія. Въ особой припискѣ, или „послѣсловіи" къ лѣтописи, этотъ монахъ Лаврентій говоритъ о себѣ: *Радуется купець прикупъ створивъ, и кормчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечество свое пришедъ; такоже радуется и* книжный писатель, *дошедъ конца книгамъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій,* Лаврентей мнихъ... *И нынѣ, господа отци и братія, иже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите исправляя Бога дѣля, и не клените*, и проч. (П. С. Р. Л. т. I, стр. 209). Списокъ этотъ — древнѣйшій, писанъ въ XIV столѣтіи (оконченъ въ 1377 году); онъ начинается первоначальною, такъ-называемою „Несторовою" лѣтописью и оканчивается событіями 1305 года. 2) Ипатьевскій (названъ по имени монастыря, которому при-

«Изо всѣхъ этихъ списковъ, — говоритъ г. Соловьевъ, — нѣтъ ни одного, въ которомъ бы не было замѣтно явныхъ вставокъ, а слѣдовательно всѣ списки лѣтописей, древніе и позднѣйшіе, представляются намъ въ видѣ сборниковъ. При разсматриваніи этихъ списковъ, мы замѣчаемъ, что въ нихъ *начальная лѣтопись о русской землѣ*, *сохраняя явственно одну общую основу*, разнится не только по языку, что легко объясняется временемъ составленія того или другаго списка или сборника, но также разнится въ подробностяхъ событій, и въ однихъ спискахъ не достаетъ, подъ извѣстными годами, такихъ событій, какія находимъ въ другихъ» *).

Кто былъ составителемъ первоначальной лѣтописи. Несторъ. Сильвестръ. — Кто же былъ составителемъ первоначальной русской лѣтописи, продолжавшейся и пополнявшейся въ послѣдующія времена и дошедшей до насъ во множествѣ списковъ?

Отцемъ русскаго бытописанія считается обыкновенно *преподобный Несторъ*, инокъ Кіевопечерскаго монастыря, жившій во второй половинѣ XI и въ началѣ XII столѣтія. Мнѣніе это основано главнымъ образомъ на томъ, что есть преданіе, которое приписываетъ составленіе древней кіевской лѣтописи преподобному Нестору и что въ *Патерикѣ Печерскомъ* (описаніе житій кіевопечерскихъ

надлежалъ) составленъ въ XV столѣтіи; но, по древности языка и изложенія, считается однимъ изъ важнѣйшихъ лѣтописныхъ списковъ и продолженіемъ Несторовой лѣтописи. Ипатьевская лѣтопись есть собственно лѣтопись Кіевская; она повѣствуетъ преимущественно о событіяхъ южной и юго-западной Руси. 3) Новгородскія лѣтописи—повѣствуютъ преимущественно о событіяхъ Великаго Новгорода; къ нимъ примыкаютъ лѣтописи Псковскія и проч. 4) Софійскій Временникъ, Воскресенская лѣтопись и Никоновскій списокъ, составленный патріархомъ Никономъ въ XVII столѣтіи. Это уже настоящіе сборники или полный сводъ русскихъ лѣтописей. Существуетъ еще одинъ списокъ лѣтописи, достовѣрность которой долго не признавалась. Это такъ называемая Якимовская лѣтопись, замѣчательная потому, что въ ней находятся такія извѣстія, которыхъ нѣтъ ни въ одной изъ другихъ лѣтописей. По мнѣнію г. Соловьева, составитель Якимовской лѣтописи пользовался начальной новгородскою лѣтописью, не дошедшею до насъ, составленіе которой авторъ Якимовской лѣтописи приписываетъ почему-то первому новгородскому епископу, *Якиму Корсунянину* (Ист. Рос. т III, стр. 140).

Болѣе полное и до сихъ поръ лучшее изданіе русскихъ лѣтописей принадлежитъ трудамъ *Археографической Коммиссіи*, учрежденной въ 1837 году, по распоряженію правительства, собственно для изданія въ свѣтъ полнаго собранія отечественныхъ лѣтописей. Первый томъ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей*, издаваемыхъ Коммиссіею, появился въ 1846 году; изданіе еще продолжается. Изъ множества дошедшихъ до насъ текстовъ начальной лѣтописи, Археографическая Коммиссія принимаетъ нѣкоторые за основные. Въ I т. ея изданія помѣщенъ текстъ по лаврентьевскому списку, какъ древнѣйшему; ипатьевская, или собственно кіевская лѣтопись помѣщена во II т. и т. д. Но еще далеко неконченъ трудъ *полнаго* изданія и критической разработки русскихъ лѣтописей.

*) Истор. Рос. т. III, стр. 116.

святыхъ) упоминается въ одномъ мѣстѣ, что Несторъ трудился въ составленіи лѣтописей.

На этомъ основаніи, то мѣсто въ лѣтописи, подъ 1057 годомъ, гдѣ лѣтописецъ первый разъ упоминаетъ о себѣ, какъ объ инокѣ Кіевопечерскаго монастыря и современникѣ описываемыхъ событій, относятъ обыкновенно къ преподобному Нестору. Лѣтописецъ разсказываетъ здѣсь о началѣ монастыря и о времени, когда имъ управлялъ св. Ѳеодосій, который принималъ въ число братіи всѣхъ, кто приходилъ къ нему. О себѣ лѣтописецъ говоритъ такъ: *Къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ рожденья моего. Се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти монастырь и что ради зоветься Печерьскій; а о Ѳеодосовѣ житьи пакы скажемъ* *). Вслѣдъ за этимъ, въ первоначальной лѣтописи, лѣтописецъ еще нѣсколько разъ упоминаетъ о себѣ, какъ объ инокѣ Кіевопечерскаго монастыря; и наконецъ, послѣ 1110 года, встрѣчается слѣдующая замѣчательная приписка: *Игуменъ Селивестръ святаго Михаила написахъ книгы си лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Володимери, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сіи, то буди ми въ молитвахъ* **).

Названный здѣсь *Сильвестръ* былъ игуменомъ *Выдубецкаго* монастыря, близъ Кіева; слѣдственно, мѣста въ лѣтописи, гдѣ упоминается о личности лѣтописца, какъ объ инокѣ Кіевопечерскомъ, не могутъ быть отнесены къ Сильвестру. Для соглашенія этихъ противорѣчивыхъ извѣстій, предполагали, что Сильвестръ былъ переписчикомъ или продолжателемъ Несторовой лѣтописи, такъ-какъ старинные писатели наши по большей части не заботились о сохраненіи своихъ именъ, а, напротивъ, переписчики, или *списатели* весьма часто писали свои имена на списываемомъ. Но г. Костомаровъ, въ указанныхъ нами выше лекціяхъ своихъ по русской исторіи, изложивъ съ ясностію и разобравъ подробно исторію составленія такъ называемой Несторовой лѣтописи, весьма убѣдительно доказалъ, что окончательная редакція этой лѣтописи принадлежитъ Сильвестру Выдубецкому, который расположилъ ее по годамъ. Несторъ же, по мнѣнію г. Костомарова, былъ составителемъ монастырскихъ записокъ, вошедшихъ въ лѣтопись, какъ матеріалъ; ему въ первоначальной лѣтописи можетъ принадлежать собственно то, что относится къ Кіевопечерскому монастырю. При этомъ г. Костомаровъ доказываетъ неопровержимо, что первоначальная лѣтопись писалась не однимъ, а нѣсколькими лицами, и что первые составители лѣтописи не всѣ были монахи и люди духовные, но между ними находились и лица свѣтскаго званія ***). Потому-то на первыхъ страницахъ такъ называемой Несторовой лѣтописи мы встрѣчаемъ оживленныя и часто поэтическія сказанія о русской языческой старинѣ (напр. сказанія объ Олегѣ, о воинствен-

*) П. С. Р. Л. т. I, стр. 69.
**) Ibid, стр. 123.
***) Лекціи по русск. ист. См. стр. 20, 29—31.

номъ Святославѣ и проч.) тогда какъ лѣтописцы-иноки и лица духовныя (которымъ все же принадлежитъ первенство въ дѣлѣ составленія русскихъ лѣтописей), какъ ревностные борцы противъ всего языческаго, всегда относятся къ языческому періоду русской исторіи болѣе или менѣе недружелюбно и съ словомъ осужденія.

Что касается до слѣдующаго заглавія, которое придавалось обыкновенно всей Нестеровой лѣтописи: *Се повѣсти временьныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Киевѣ нача перве княжити, и откуду Русская земля стала есть*; то это заглавіе, по словамъ г. Костомарова, удобнѣе примѣняется не къ цѣлой лѣтописи, а къ одной изъ составныхъ частей ея, именно, къ ея началу; но въ имѣющихся у насъ спискахъ лѣтописи эта начальная повѣсть перебита различными вставками. «Возстановить эту древнюю повѣсть, — говоритъ г. Костомаровъ, — было бы возможно до нѣкоторой степени; но это было бы дѣло скорѣе художественное, чѣмъ ученое... Она оканчивается за нѣсколько лѣтъ до смерти Ярослава, можетъ быть 1043 годомъ, послѣднимъ походомъ Русскихъ на Грецію, потому что впослѣдствіи тонъ разсказа значительно измѣняется, прежняя простота исчезаетъ и становится ощутительнымъ господство риторики»*).

Тѣмъ не менѣе, первоначальная лѣтопись наша, или такъ называемый «временникъ Нестора», современный византійскому лѣтописцу Зонарѣ и Пражскому — Космѣ, составляетъ первоначальный памятникъ отечественнаго бытописанія, по справедливости пользующійся всемірною извѣстностію. Онъ проливаетъ свѣтъ на глубокій сѣверъ IX, X и XI столѣтій, увѣковѣчиваетъ бытіе Руси непреложностію сказаній о ея происхожденіи и сообщаетъ свѣдѣнія о дѣяніяхъ прежнихъ князей, на пространствѣ вѣковъ, непосредственно слѣдовавшихъ за эпохою русскаго государственнаго возрожденія**).

Внутреннее содержаніе и составъ первоначальной лѣтописи. — Разсказавъ, какъ было положено у насъ основаніе лѣтописной литературы и передавъ исторію составленія первоначальной лѣтописи, обратимся теперь къ ея внутреннему содержанію и составу.

»Се начнемъ повѣсть сию». Такъ приступаетъ лѣтописецъ къ своему разсказу и, по примѣру лѣтописи византійской, говоритъ о разселеніи народовъ, послѣ столпотворенія вавилонскаго, и исчисляетъ страны, доставшіяся въ удѣлъ потомству трехъ сыновей Ноевыхъ. Свѣдѣнія эти лѣтописецъ беретъ то изъ библейскихъ книгъ, то изъ византійской *хроники* (лѣтописи) IX вѣка, *Георгія Амартола* (на котораго въ одномъ мѣстѣ и ссылается), извѣстной ему, вѣроятно, въ славянскомъ переводѣ, принесенномъ изъ Болгаріи. Изъ этой же хроники или вообще изъ византійскихъ источниковъ лѣтописецъ почерпаетъ далѣе свои извѣстія и разсказы о нравахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ.

---

*) Лекціи по русск. ист. 31, 34—35.
**) П. С. Р. Л. т. I. Предисл. XIX.

Такъ, помѣщенный въ лѣтописи разсказъ о счастливой жизни народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Врахмановъ* (браминовъ) взятъ изъ хроники Георгія Амартола; а разсказъ о *нечистыхъ человѣкахъ*, которые ѣдятъ всякую скверну и которыхъ Александръ Македонскій заключилъ въ горахъ и проч. (мы говорили объ этомъ выше) взятъ изъ сочиненія Меѳодія Патарскаго, на котораго нашъ лѣтописецъ также ссылается.

Послѣ перечисленія различныхъ народовъ, у русскаго лѣтописца слѣдуютъ извѣстія о Славянахъ и о ихъ первоначальномъ жилищѣ на Дунаѣ; потомъ о движеніи ихъ на сѣверъ и на сѣверо-востокъ, о разселеніи по разнымъ странамъ и по рѣкамъ, отъ которыхъ они и получаютъ свои названія, а наконецъ, о поселеніи славянскихъ племенъ въ нынѣшней Россіи. «Тако разидеся,—говоритъ лѣтописецъ,—словѣньскии языкъ, тѣмже и грамота прозвася словѣньская».

Потомъ онъ передаетъ довольно подробно легенду о проповѣди апостола Андрея по берегамъ Чернаго моря (называя его — *Понетьское* море, *еже море словеть Руское*) *) и по Днѣпру. Апостолъ Андрей, по словамъ лѣтописца, пришедъ по Днѣпру къ горамъ кіевскимъ, предвѣщалъ, что на этомъ мѣстѣ возсіяетъ благодать и будетъ воздвигнутъ *градъ великъ*. Благословивъ эти горы и поставивъ на нихъ крестъ, онъ пошелъ далѣе *въ Словени, идеже нынѣ Новгородъ*.

Затѣмъ, у русскаго лѣтописца слѣдуетъ описаніе нравовъ, обычаевъ и образа жизни: Полянъ, Древлянъ, Вятичей и прочихъ славянскихъ племенъ, поселившихся въ нынѣшней Россіи. Здѣсь ему служатъ источникомъ народныя сказанія и преданія, и не только преданія, но и самые остатки описываемыхъ имъ вѣрованій и обычаевъ; ибо о нѣкоторыхъ изъ славянскихъ племенъ онъ прямо говоритъ, что они и въ его время сохранили старинные обычаи. Даже народныя пословицы послужили источникомъ для лѣтописца; такъ, изъ пословицы — *погибоша аки Обрѣ* — онъ заключаетъ, что жилъ какой-то народъ — Обри, который погибъ безслѣдно, не оставивъ послѣ себя ни роду, ни племени.

Лѣтописецъ ведетъ такимъ образомъ сплошной разсказъ до 852 года по Р. Х., съ котораго собственно и начинаетъ *русскую лѣтопись*, т. е. свой *лѣтописный разсказъ* о событіяхъ въ Русской землѣ. Съ этого времени онъ ведетъ свое повѣствованіе погодно, и начинаетъ выставлять годы съ царствованія греческаго императора Михаила, когда, по его словамъ, впервые является названіе *Русской земли*. «Объ этомъ мы узнали потому, что при царѣ Михаилѣ приходили Русскіе на Царьградъ, какъ пишется въ лѣтописцѣ греческомъ; поэтому-то отсюда начнемъ и числа положимъ», говоритъ нашъ лѣтописецъ **).

Такъ, со второй половины IX вѣка, древняя лѣтопись начинаетъ собственно исторію Руси и говоритъ о призваніи изъ-за моря варяго-русскихъ кня-

---

*) Т. е. *Понтское* море, или *Понтъ. Русскимъ* названо здѣсь Черное море потому, что выше въ лѣтописи говорится о пути изъ *Варягъ въ Греки*, т. е. что по Черному морю Руссы ходили въ Царьградъ.

**) Ист. Рос. т. III, стр. 124. Лѣтосчисленіе нашъ лѣтописецъ ведетъ отъ сотворенія міра, и начало года считаетъ съ марта мѣсяца.

зей, о первыхъ князьяхъ и ихъ княженіи, о ихъ походахъ на Царьградъ, передаетъ цѣликомъ извѣстные договоры русскихъ князей съ Греками, живо рисуетъ образъ жизни князей-язычниковъ, ихъ личный характеръ, воинственный духъ и т. п. Потомъ, лѣтописецъ, съ большимъ восторгомъ и съ особенными подробностями, разсказываетъ о великомъ для всей Руси событіи, — крещеніи св. Владиміра и о введеніи христіанства въ нашемъ отечествѣ.

Съ христіанскаго періода русской исторіи, въ особенности, проявляется общее религіозное настроеніе и религіозно-нравственное значеніе, которое лѣтописцы придаютъ обыкновенно своимъ лѣтописнымъ трудамъ и которое составляетъ существенную, характеристическую черту русскихъ лѣтописей вообще, какъ и всей остальной древне-русской литературы.

Лѣтописцы, образовавшись сами на чтеніи св. книгъ и вообще на чтеніи церковно-литературныхъ произведеній, переполняютъ постоянно свои лѣтописныя произведенія церковными текстами и изрѣченіями, собственными благочестивыми размышленіями и религіозно-нравственными поученіями, находя къ тому поводъ въ томъ или другомъ пересказываемомъ событіи.

Языческій же періодъ исторіи Руси, какъ мы уже замѣтили, пересказанъ въ первоначальной лѣтописи на основаніи народныхъ сказаній, которыя, по всей вѣроятности, еще живо сохранялись во времена древняго лѣтописца въ устахъ русскаго народа. И надо удивляться, въ самомъ дѣлѣ, той человѣчности чувства, безпристрастію и той наивной простотѣ повѣствованія, чуждой всякаго притязанія на византійское краснорѣчіе, которыя мы находимъ въ разсказахъ древней лѣтописи о жизни и подвигахъ языческихъ князей. Такое безпристрастіе въ разсказѣ о язычникахъ г. Костомаровъ объясняетъ тѣмъ, что многія мѣста въ лѣтописи, особенно вначалѣ, писаны мірянами; «потому что монахъ XII вѣка никакъ не могъ выразить сочувствія къ язычнику Святославу въ войнѣ его съ Греками. Такой тонъ едва ли могъ придать монахъ, сердцу котораго православная Греція была ближе, чѣмъ языческая Русь»*).

Сказанія древней лѣтописи о княгинѣ Ольгѣ, объ Олегѣ, о его походахъ на Константинополь, къ воротамъ котораго онъ прибиваетъ свой побѣдоносный щитъ, сказаніе о чудесной кончинѣ этого князя, которая была ему предсказана волхвами и послѣдовала отъ его любимаго коня, въ особенности же, сказаніе о героѣ-Святославѣ, который «ходилъ легко какъ барсъ» (*легко ходя аки пардусъ*), который никогда не нападалъ на чужія страны, не сказавъ напередъ: «*хощю на вы ити*», который, въ неравномъ бою съ Цимисхіемъ, говорилъ своимъ воинамъ: *да не посрамимъ землѣ Рускіе, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ*, и проч., — всѣ эти и подобные имъ разсказы нашей начальной лѣтописи исполнены живаго интереса, отличаются простотою выраженія и естественностію разсказа, не чуждаго началъ первобытной народной поэзіи.

Не менѣе увлекательно разсказана у лѣтописца повѣсть о *Святополкѣ Окаянномъ* и о его трагической кончинѣ. Святополкъ, послѣ убіенія братьевъ,

*) Лекціи по русск. ист., стр. 29. См. также 34—35.

св. Бориса и Глѣба, и послѣ сраженія съ Ярославомъ, преслѣдуемый наказаніемъ Божіимъ и гонимый бѣсами, подобно братоубійцѣ Каину, бѣжитъ изъ страны въ страну, нигдѣ не находя покоя, и гибнетъ наконецъ гдѣ-то въ далекой пустынѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что на внутренній составъ и содержаніе древней русской лѣтописи, главнымъ образомъ, имѣли вліяніе, во-первыхъ: *византійскія хроники* и другія произведенія византійской литературы, во-вторыхъ: собственно русскія народныя *сказанія* и *преданія*, и наконецъ, въ-третьихъ: *священныя книги*.

Мы уже сказали, что, послѣ 1051 года, лѣтописецъ разсказываетъ нерѣдко, какъ современникъ описываемыхъ событій. Тутъ въ лѣтописяхъ появляются пространныя вводныя статьи, не состоящіе въ связи съ изложеніемъ событій, какъ напримѣръ: сказанія и разсказы объ отдѣльныхъ историческихъ событіяхъ, житія святыхъ, повѣсти, церковно-поучительные отрывки и проч. Въ позднѣйшихъ спискахъ лѣтопоси, напримѣръ, встрѣчаются распространенныя сказанія, въ духѣ церковно-литературномъ, объ убіеніи св. князей Бориса и Глѣба и мног. друг. Изъ такихъ вставочныхъ разсказовъ, особенно замѣчателенъ въ первоначальной лѣтописи, подъ 1097 годомъ, драматическій разсказъ, составленный какимъ-то священникомъ *Василіемъ*, объ ослѣпленіи князя Василька Теребовльскаго. Слогъ этого разсказа явственно отличается отъ слога цѣлой лѣтописи, и нѣкоторыя выраженія его, подобныя, напримѣръ, слѣдующимъ: *и сбиша Угры* (Венгровъ) *аки въ мячь, яко и соколъ сбываетъ въ гаиицѣ*, — какъ бы просятся въ Слово о Полку Игоревѣ. По мнѣнію г. Соловьева, разсказъ этотъ занесенъ въ общую лѣтопись изъ отдѣльной лѣтописи *волынской* *).

Лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Несторовой, въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, есть лѣтопись *всероссійская*, какъ говоритъ г. Соловьевъ, т.е. лѣтопись *общая*, повѣствующая о событіяхъ во всей Русской землѣ. До XII столѣтія, именно до 1110 года, всѣ лѣтописныя сказанія составляютъ одно цѣлое, образуютъ одну общую лѣтопись; но съ XII вѣка лѣтописное повѣствованіе теряетъ свое единство, образуются частныя лѣтописи, повѣствующія о событіяхъ *русскихъ земель* и присоединяются къ главной, первоначальной лѣтописи. Съ раздробленіемъ Руси, эта первоначальная или общая лѣтопись разбивается еще болѣе на многія лѣтописи *мѣстныя* **), которыя касаются исключительно событій извѣстнаго края, извѣстной мѣстности, хотя все же мѣстные лѣтописцы всегда начинаютъ свои лѣтописанія съ списыванія лѣтописи первоначальной, обще-русской, и къ ней уже присоединяютъ современныя мѣстныя извѣстія.

Такъ мы видѣли, что существовала отдѣльная лѣтопись *волынская*; есть извѣстіе, что существовала такая же лѣтопись *ростовская*. Въ лѣтописи

---

*) Истор. Рос. т. III, стр. 131.

**) См подробнѣе *о мѣстныхъ* лѣтописяхъ въ лекціяхъ по русской исторіи Н. И. Костомарова.

южной, или кіевской уже замѣчаютъ явныя вставки изъ лѣтописей: *черниговской*, *полоцкой*, *волынской* и другихъ. Изъ сѣверныхъ лѣтописей, кромѣ *новгородскихъ*, существовали еще лѣтописи: *суздальская*, *владимірская* и друг., а потомъ *московская*.

Вслѣдствіе вліянія мѣстности и характера народонаселенія, къ которому принадлежитъ самъ лѣтописецъ, лѣтописи получаютъ тотъ или другой тонъ и характеръ разсказа. Такъ новгородская лѣтопись отличается краткостію и сухостію разсказа; разсказъ же южнаго лѣтописца, на-оборотъ, изобилуетъ подробностями, живостію, образностію, даже художественностію; преимущественно волынская лѣтопись отличается особеннымъ поэтическимъ складомъ рѣчи. Складъ волынской, или *галицко-волынской* лѣтописи, какъ ее называетъ г. Костомаровъ, — по его словамъ, — «блещетъ поэзіей, но не той поэзіей простоты разсказа, какъ въ первой повѣсти, служившей основою Сильвестрову своду, а цвѣтистой, удалой, раскидистой поэзіей, напоминающей пѣснь о Полку Игоревѣ; напримѣръ: «пришедшимъ орломъ, многимъ воронамъ, яко облаку велику играющимъ же птицамъ, орломъ клекъшущимъ и плавающимъ крылома своима и воспрометающимся на воздусѣ;» или напримѣръ: «щитъ ихъ, яко зоря бѣ, шеломъ же ихъ, яко солнцу восходящу.» *)

Разсказъ въ первоначальнымъ лѣтописяхъ ведется весьма часто въ оживленной, драматической формѣ разговоровъ.

Составленіе лѣтописей продолжалось, можно сказать, безъ перерыва въ теченіе всего древняго періода русской исторіи. Лѣтописи списывались, пополнялись и продолжались постоянно, посредствомъ записыванія новыхъ извѣстій. Лѣтописецъ заносилъ въ свою хронику все, что видѣлъ самъ, что слышалъ отъ другихъ о происшествіяхъ, совершавшихся въ его время. Но въ послѣдующее время, особенно, когда остаются однѣ лишь сѣверныя лѣтописи, и преимущественно *московская*, оживленная драматическая форма повѣствованія исчезаетъ почти совершенно изъ нашихъ лѣтописей, **) и лѣтописный разсказъ отличается сухостію рѣчи и напыщенною риторикою; характеристики описываемыхъ лицъ и событій отличаются безцвѣтными, скромными сентенціями на одинъ складъ. Уже съ XIII и XIV столѣтія лѣтописи по преимуществу наполняются разсказами о княжескихъ междоусобіяхъ, объ отношеніяхъ князей между собою, мельчайшими подробностями о построеніи церквей, о поставленіи владыкъ и о другихъ событіяхъ церковныхъ. И самъ лѣтописецъ явно становится сторонникомъ того, либо другаго князя. Тутъ уже мы встрѣчаемъ гораздо менѣе подробностей и извѣстій о внутренней жизни самого народа. Лѣтописецъ отмѣтитъ иногда, подъ извѣстнымъ годомъ, о какомъ либо народномъ бѣдствіи, о набѣгѣ Татаръ или Литвы, о повальной болѣзни, о всеобщемъ голодѣ и т. п., и всегда приписываетъ такія невзгоды гнѣву Божію; рѣдко говоритъ о естественныхъ причинахъ и послѣдствіяхъ подобныхъ явленій. Онъ наполняетъ

---

*) Лекціи, стр. 48.

**) Ист. Рос., Соловьева, т. IV, стр. 400.

свою лѣтопись текстами изъ священныхъ книгъ и собственными благочестивыми размышленіями и, вмѣсто живой драматической формы выраженія начальныхъ лѣтописей, заставляетъ своихъ героевъ говорить длинныя, риторическія рѣчи, несвойственныя ни характеру лицъ, ни тому положенію, въ которомъ они находятся. Онъ старается болѣе всего о томъ, чтобы сказать о событіи или объ извѣстной личности какъ можно витіеватѣе и красивѣе, подражая образцамъ византійскаго краснорѣчія, и потому владаетъ въ напыщенный и риторическій тонъ разсказа.

Существуютъ указанія, что составленіе лѣтописей имѣло у насъ правительственный характеръ: онѣ составлялись нерѣдко правительственными лицами, подъ высшимъ надзоромъ *).

Изъ изслѣдованія г. Костомарова видно, что лѣтописи въ старину имѣли офиціальный характеръ и, — въ нѣкотыхъ случаяхъ, — юридическое значеніе: князья приказывали занести въ лѣтописи то или другое событіе, а иногда ссылались на нихъ, какъ на акты юридическіе **).

Офиціальное значеніе, какое лѣтописи имѣли въ древности, и современность лѣтописателей описываемымъ событіямъ, составляютъ, по словамъ г. Костомарова, важное достоинство ихъ достовѣрности ***). Но неоспоримо, однако, что лѣтописи составлялись также и частными людьми, независимо отъ правительственнаго вліянія. Потому, встрѣчая, напримѣръ, въ лѣтописяхъ московскихъ неблагосклонные отзывы о Новгородѣ и Псковѣ (при чемъ лѣтописецъ называетъ жителей этихъ городовъ *вѣчниками*, *крамольниками* и т. п.) мы находимъ въ тоже время, что лѣтописцы новгородскіе или псковскіе говорятъ въ свою очередь дурно о Москвѣ и москвичахъ, сильно вооружаются противъ московскихъ распоряженій и т. д.

Иногда, въ какомъ либо рѣдкомъ физическомъ явленіи, въ появленіи кометы, либо въ солнечномъ или лунномъ затмѣніи, лѣтописецъ видитъ *знаменія*, и согласно съ понятіями времени или собственнымъ внутреннимъ настроеніемъ, объясняетъ ихъ то карою свыше, посланною Богомъ въ наказаніе за грѣхи людей, то добрымъ предзнаменованіемъ. Вообще, относительно научныхъ свѣдѣній и взгляда на вещи, наши лѣтописи ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ книжныхъ произведеній старинной литературы.

Таково вообще содержаніе и внутренній составъ русскихъ лѣтописей, таковъ ихъ общій характеръ и направленіе. Представленное нами краткое обозрѣніе лѣтописной литературы уже даетъ ясное понятіе о томъ, что наши лѣтописи составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ русской старинной литературы

---

*) Ист. Рос., Соловьева VII, стр. 237.

**) Лекціи по русск. ист. См. ста. 21 - 22.

***) Замѣтимъ здѣсь кстати, что *Каченовскій* (бывшій профессоръ московскаго университета) подвергнулъ было сомнѣнію древность и подлинность первоначальной русской лѣтописи. Но несомнѣнную подлинность ея доказалъ уже Шлецеръ, а скептическіе доводы школы Каченовскаго блистательно опровергнуты гг. Погодинымъ и Бутковымъ.

и заключаютъ въ себѣ весьма много интереснаго и драгоцѣннаго для изученія древне-русской жизни.

Лѣтописи писаны книжнымъ, церковно-славянскимъ языкомъ, который, въ большей или меньшей степени, подвергся вліянію народной рѣчи.

Хронографы. — Къ памятникамъ исторической литературы, послѣ лѣтописей, должны быть причислены *Хронографы;* но объ нихъ мы уже говорили выше, въ главѣ о сборникахъ.

Степенныя книги. — Къ историческимъ памятникамъ позднѣйшаго времени, имѣющимъ правительственный характеръ, принадлежатъ *Степенныя Книги Царскаго Родословія*, или такъ называемыя *Царственныя книги.* Степенныя книги составлены въ XVI столѣтіи, въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго, подъ руководствомъ митрополита Макарія; источникомъ для ихъ составленія служили, конечно, лѣтописи или отдѣльные временники.

Степенныя книги заключаютъ въ себѣ «изложеніе церковныхъ и гражданскихъ событій русской исторіи, съ религіозной точки зрѣнія» *). *Степенными* онѣ названы потому, что повѣствованіе въ нихъ расположено по *степенямъ*, или по порядку царствованія великихъ князей и царей русскихъ. Церковныя и монастырскія событія излагаются здѣсь съ мельчайшими подробностами и занимаютъ самое видное мѣсто въ Степенныхъ книгахъ, представляющихъ вообще образецъ того напыщеннаго и высокопарнаго слога, который въ то время считался красивымъ. Напримѣръ, въ похвалу великому князю Василію, тамъ говорится: «Поистинѣ убо царь нарицашеся, иже царствуяй надъ страстьми и сластемъ одолѣвати могій, иже цѣломудрія вѣнцомъ вѣнчанный и порфирою правды облеченный. Таковъ убо бысть сей: истовый велеумный правитель, вседоблій *наказатель*, истинный коричій, изящный предстатель» и проч. **).

Нѣкоторыя степенныя или царственныя книги украшены многими миніатюрными изображеніями, какъ напримѣръ, книга, содержащая въ себѣ повѣствованіе о послѣднихъ дняхъ царствованія Василія Ивановича и первой половинѣ царствованія Грознаго. Снимки съ этихъ миніатюръ находятся въ приложеніи къ «Очеркамъ» г. Буслаева.

Кромѣ названныхъ нами памятниковъ старинной исторической литературы, въ позднѣйшее время, особенно въ XVI и XVII столѣтіяхъ, начали появляться отдѣльныя историческія записки, повѣствованія, сказанія и тому подобныя сочиненія историческаго содержанія; но такъ какъ сочинители этихъ позднѣйшихъ произведеній болѣе или менѣе извѣстны, то мы будемъ говорить о нихъ въ отдѣлѣ о писателяхъ.

---

*) Ист. Рос т. VII, стр. 236.
**) Тамъ-же.

ОПИСАНІЯ СТАРИННЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ.

Мы уже имѣли случай замѣтить (въ статьѣ о духовныхъ стихахъ), что на Руси, вскорѣ послѣ введенія христіанства, сильно развилась любовь къ странствованіямъ по святымъ мѣстамъ, въ особенности — къ путешествіямъ въ Палестину, на поклоненіе гробу Господню. Страсть къ пилигримству и къ путешествіямъ въ Палестину была сильна, какъ извѣстно, въ средніе вѣка не только у насъ, но и на западѣ. Многіе предпринимали путешествія къ святымъ мѣстамъ не изъ одного религіознаго усердія, а просто изъ любви къ бродячей жизни *). Но были, конечно, и такіе странники, которые покидали свои дома, имущества, отправлялись во св. землю изъ одного лишь теплаго религіознаго усердія, «съ вѣрою и любовію,» какъ говоритъ первый русскій *паломникъ* **), и смотрѣли на свои странствованія, какъ на подвигъ душеспасительный.

Нѣкоторые изъ подобныхъ странниковъ, болѣе другихъ грамотные, составляли описаніе путешествій, или *хожденій*, по святымъ мѣстамъ, въ назиданіе соотечественниковъ. До насъ дошло нѣсколько такихъ путешествій, представляющихъ, нѣтъ сомнѣнія, одинъ изъ интересныхъ отдѣловъ древне-русской литературы во многихъ отношеніяхъ.

I. Хожденіе Паломника, игумена Даніила. — Первый изъ русскихъ путешественниковъ въ Іерусалимъ, составившій описаніе своего путешествія, которое дошло до насъ отъ начала XII столѣтія, былъ черниговскій игуменъ *Даніилъ*. Описаніе это называется *Паломникъ* или *Хожденіе Даніила, русскія земли игумена*, иногда также — «Странникъ.» Даніилъ совершилъ свое путешествіе между 1113 и 1115 годами. «Ходилъ есми тамо, — говоритъ онъ, — во княженье Русское великаго князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Владиміровича кіевскаго »

Слѣдственно, Даніилъ посѣтилъ св. землю въ весьма интересную историческую эпоху, именно: когда, послѣ перваго крестоваго похода, Іерусалимъ перешелъ въ руки христіанъ и находился подъ властію графа Балдуина. Но нашъ путешественникъ ни слова не говоритъ ни о крестовомъ походѣ, ни

---

*) Въ одномъ церковномъ сочиненіи XII вѣка (въ „Вопросахъ чернорнаца Кирика,» см. отдѣлъ духовн. лит.) на вопросъ: не грѣхъ ли воспрещать странствованія въ Іерусалимъ? Нифонтъ, епископъ новгородскій, отвѣчаетъ, что не только не грѣхъ, но напротивъ, слѣдуетъ удерживать такихъ странниковъ, которые даютъ обѣты идти въ Іерусалимъ лишь изъ любви къ *праздности* и за тѣмъ, чтобы въ въ путешествіи только *пить* и *ѣсть*. Такіе обѣты, по словамъ Нифонта, „губятъ нашу землю.“

**) Странники въ Іерусалимъ назывались у насъ въ старину *паломниками*, отъ обычая возвращаться домой съ *пальмовыми вѣтвями*, приносившимися на память посѣщенія гроба Господня.

о недавнемъ завоеваніи Іерусалима христіанами-латинянами. О Балдуинѣ, котораго онъ называетъ *княземъ Балдвиномъ*, у него упоминается лишь потому, что тотъ далъ ему дозволеніе поставить на гробѣ Господнемъ свое *кандило* (лампу): «Бога дѣля (для, ради) и князей дѣля русскихъ,» отъ имени «всея Русскія земли.» Игуменъ Даніилъ все время свое, все свое вниманіе исключительно посвящаетъ посѣщенію и описанію святыхъ мѣстъ, и описываетъ ихъ съ чувствомъ истиннаго христіанина и духовнаго лица, съ теплою вѣрою и любовію. Съ полною обстоятельностію разсказываетъ онъ обо всѣхъ святыняхъ іерусалимскимъ, о гробѣ Господнемъ, о водоосвященіи на Іорданѣ, и т. д. и подробно описываетъ церковное служеніе при гробѣ Господнемъ, въ великую заутреню. «Все это я видѣлъ очами своими грѣшными, и какъ видѣлъ, такъ поистинѣ и написалъ,» говоритъ Даніилъ. Все же остальное, что не относится къ святынямъ, не занимаетъ нашего паломника. О Балдуинѣ, къ которому онъ пришелъ просить позволенія *о кандилѣ*, — «и поклонихся ему до земли,» — Даніилъ отзывается весьма дружелюбно; говоритъ, что онъ былъ «мужъ благъ, и смиренъ вельми и не гордится ни мало.» Въ его словахъ о іерусалимскомъ королѣ-католикѣ не слышно еще того духа нетерпимости къ латинамъ, который Византія навязала древней Руси. Хотя и онъ далѣе не упустилъ замѣтить о *фряжкихъ* *) *кандилахъ*, что они не зажглись отъ свѣта, низшедшаго на гробъ Господній, тогда какъ греческія кандила и русское *возгорѣлись* отъ этого свѣта. О католическомъ же служеніи въ церкви при гробѣ Господнемъ Даніилъ выразился такъ: «Латыне же въ велицемъ олтарѣ *верещати* начаша *свойскы*.»

Описывая Іорданъ, Даніилъ паломникъ сравниваетъ его съ русской рѣкой *Сосновой*: **) «Всѣмъ есть подобенъ Іорданъ Сосновѣ рѣцѣ, и въ ширину, и въ глубину, лукаво же вельми и быстро течетъ, такожъ яко Соснова рѣка» и проч.

Свѣдѣнія свои и преданія о святыхъ мѣстахъ, какъ видно, Даніилъ нерѣдко почерпалъ отъ другихъ страниковъ или отъ *вожа* и *языка* (провожатаго и переводчика). Все слышанное онъ принималъ за истину, и съ большимъ простодушіемъ заносилъ въ свой «Паломникъ.» Такъ напримѣръ: онъ передаетъ съ полнымъ убѣжденіемъ, какъ факты дѣйствительные, легенды о томъ, что въ церкви Воскресенія Христова, подлѣ стѣны, за алтаремъ, находится *пупъ земной* и тамъ же подъ камнемъ *лежитъ глава Адама перваго* и т. д.

Въ послѣсловіи своего *хожденія* Даніилъ прибавляетъ: «Богъ тому послухъ и святый гробъ Господень, яко во всѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыхъ не забылъ именъ князей, и княгинь ихъ и дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ, ни коли же не забылъ есть, но вездѣ поминалъ есть.» Въ заключеніе онъ смиренно проситъ

---

*) *Фряжами* назывались въ старину на Руси, кажется, всѣ европейцы, безъ различія, преимущественно же, Итальянцы и Французы.

**) Р. *Соснова* находилась въ Черниговской области; по этому ученые заключаютъ, что и самъ Даніилъ былъ родомъ изъ Черниговской страны.

своихъ читателей не попрекнуть его *худоумiемъ* и *грубостiю* и читать *писанiе* его съ вѣрою и любовiю.

Данiилъ упоминаетъ, что въ то время, когда онъ посѣтилъ Iерусалимъ, тамъ находилось много другихъ русскихъ паломниковъ, — новгородцевъ и кiевлянъ.

«Паломникъ» Данiила напечатанъ во 2 т. «Сказанiй русскаго народа», Сахарова, гдѣ помѣщена и большая часть остальныхъ старинныхъ русскихъ путешествiй. Въ 1865 г. путешествiе Данiила издано Археограф. ком. подъ редакцiей А. Е. Норова, съ его объяснительными и критическими примѣчанiями.

II. Путешествiе Стефана Новгородца. — Другой русскiй паломникъ, описанiе путешествiя котораго въ Царьградъ дошло до насъ, былъ *Стефанъ Новгородецъ*. Стефанъ былъ инокъ преклонныхъ лѣтъ и путешествовалъ въ половинѣ XIV столѣтiя, именно около 1350 года, какъ можно заключить изъ того, что онъ находился въ Константинополѣ во время патрiаршества Исидора.

Стефанъ пустился въ путь изъ Новгорода, вмѣстѣ съ осмью други поклонниками, которыхъ онъ называетъ своими друзьями. Они намѣривались посѣтить собственно святыя мѣста Палестины; но въ «Странникѣ» Стефана Новгородца описаны однѣ лишь святыни и достопримѣчательности Царяграда.

Описанiе Константинополя въ то время, когда его посѣтилъ Стефанъ, т. е. еще при византiйскихъ императорахъ, могло бы имѣть большую важность но, къ сожалѣнiю, нашъ паломникъ сообщаетъ очень немного подробностей о достопримѣчательностяхъ столицы византiйской имперiи. Его повѣствованiе ограничивается большею частiю указанiемъ церквей и монастырей, которые онъ посѣщалъ усердно съ своими товарищами, и иконъ и мощей, которымъ они поклонялись.

Обширность и многолюдство Царяграда производятъ, однако, сильное впечатлѣнiе на русскихъ путешественниковъ, привыкшихъ къ своимъ незначительнымъ и малонаселеннымъ городамъ.

По словамъ Стефана: «Въ Царьградъ войти, все равно, что въ лѣсъ *(аки въ дубраву внити)*, и безъ хорошаго провожатаго *(безъ добра вожа)*, да кто скупъ или убогъ, то ничего не можетъ *видѣти, ни цѣловати единаго святаго.*»

Величественный храмъ св. Софiи поражаетъ нашихъ Новгородцевъ до такой степени, что Стефанъ говоритъ: «О святой Софiи, премудрости Божiей, умъ человѣческiй не можетъ ни сказать, ни перечесть, какъ она велика и прекрасна.»

Сдѣлавъ такую оговорку, Стефанъ сообщаетъ мало подробностей объ устройствѣ и о тогдашнемъ состоянiи этого замѣчательнаго храма. Только по нѣкоторымъ замѣчанiямъ его можно судить о громадности зданiя и его о расположенiи; напримѣръ, онъ говоритъ, что св. Софiя имѣетъ 365 дверей и столько же престоловъ, что въ ней устроено въ стѣнахъ и между стѣнъ множество колодезей (вѣроятно, систернъ и фонтановъ) съ вкусною водою, и проч.

Чудеса искуства, собранныя въ византійской столицѣ, и вѣковая прочность мраморныхъ сооруженій столь же сильно поражаютъ русскихъ путешественниковъ, привыкшихъ къ своимъ бѣднымъ и непрочнымъ зданіямъ. О Юстиніановой колоннѣ и конной статуѣ этого императора, стоявшей на обширной площади, передъ храмомъ св. Софіи, Стефанъ говоритъ: «И видѣхомъ ту стоитъ столпъ чуденъ вельми,... и на верху его сидитъ Юстиніанъ великій на конѣ, вельми чуденъ, аки живъ, въ доспѣсѣ *срацинскомъ* одѣянъ, грозно видѣти его,» и проч. По поводу этой статуи, Стефанъ упоминаетъ о колоннахъ, стоявшихъ на знаменитой площади Ипподрома: «Суть же много и иніихъ столповъ по граду стоятъ, отъ камени мрамора, много же на нихъ писанія отъ верха до долу, писано *рытію великою* (т. е. буквы были высѣчены въ мраморѣ) и словеси всѣ позлощены быша, а иніи черны.» Много, — продолжаетъ Стефанъ, — надо дивиться, и умъ не можетъ сказать: какъ столько лѣтъ *камни того ничто не иметь*.

Говоря о *Студійскомъ* монастырѣ, Стефанъ упоминаетъ, что отсюда въ Русь посылалось много книгъ, тріодей, уставовъ и другихъ. И въ его время тамъ жили два Новгородца, *Иванъ* и *Добрила*, занимаясь списываніемъ книгъ, потому что они, какъ пишетъ Стефанъ, «искусни зѣло книжному писанію».

III. Путешествіе митрополита Пимена.—Большой интересъ представляетъ другое путешествіе въ Константинополь извѣстнаго въ русской исторіи XIV столѣтія митрополита *Пимена*. Путешествіе это описано діакономъ *Игнатіемъ*, который находился въ числѣ лицъ, составлявшихъ свиту митрополита. Пименъ и его спутники выѣхали изъ Москвы въ 1389 году, и Игнатій съ самаго выѣзда изъ столицы ведетъ путевыя записки обо всемъ, что съ ними случилось примѣчательнаго. Онъ подробно описываетъ мѣста, которыми они проходили, и вообще ведетъ записки обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ замѣчательнаго во время путешествія.

Въ путевыхъ запискахъ діакона Игнатія заключаются нѣкоторыя историческія извѣстія, вполнѣ достойныя вниманія изслѣдователей старины. Онъ сообщаетъ нѣкоторыя очень интересныя свѣдѣнія о состояніи, въ концѣ XIV столѣтія, тѣхъ мѣстностей Россіи, которыми они ѣхали на пути къ Дону. Когда Пименъ выѣхалъ изъ Переяславля (рязанскаго) отъ рязанскаго князя Олега, извѣстнаго противника Димитрія Донскаго, Олегъ, для сопровожденія митрополита и его свиты до рѣки Дона, послалъ съ ними одного изъ своихъ бояръ, съ большою дружиною, по причинѣ разбоевъ, производившихся на этомъ пути. Изъ Переяславля же отправлены были три большіе *струга* (судна), поставленные на колеса, для дальнѣйшаго путешествія Пимена и его свиты по Дону. Извѣстіе о многочисленной свитѣ изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, сопровождавшихъ митрополита, также не лишено интереса, какъ характеристическая черта времени. Вообще содержаніе путевыхъ записокъ Игнатія состоитъ изъ подробнаго описанія пути отъ Москвы до самаго Константинополя.

Они плыли по Дону, и путь ихъ былъ весьма печальный и грустный,

говоритъ Игнатій: кругомъ лежала пустыня, не было видно нигдѣ ни городовъ, ни селеній; человѣка нигдѣ не увидишь, — замѣчаетъ онъ. Наконецъ, плывя далѣе, они увидѣли здѣсь въ первый разъ Татаръ. По одну и по другую сторону Дона, ихъ было множество, по словамъ Игнатія, — такъ много, «какъ песку, какъ листу на деревьяхъ»; но ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ имъ никакого зла, даже, напротивъ, давали имъ молока.

Въ Азовѣ русскіе путешественники наняли корабль, чтобы плыть далѣе моремъ; но здѣсь иностранные купцы, *Фряги* и *Нѣмцы*, арестовали Пимена и нѣкоторыхъ лицъ изъ его свиты за долгъ, который митрополитъ сдѣлалъ у нихъ во время прежней своей поѣздки въ Константинополь. Пименъ далъ, однако, иноземнымъ купцамъ значительный выкупъ, и скоро былъ освобожденъ.

Послѣ этой задержки, русскіе странники снова пустились въ путь. Они вышли въ открытое море при благопріятномъ вѣтрѣ, но скоро испытали сильную бурю, однако успѣли благополучно выйти изъ Азовскаго моря въ Черное. Здѣсь наши путешественники обогнули весь юго-восточный берегъ Крыма: «И проидохомъ устие Азовскаго моря (Керченскій проливъ) и взыдохомъ на великое море (Черное); въ шестыижъ день, въ субботу, минухомъ Каеинскій лименъ и Сурожъ,» *) — говоритъ Игнатій.

Новая буря опять задерживаетъ въ пути нашихъ путешественниковъ. Они попали въ Синопъ, потомъ въ Австравію, гдѣ снова пріостановились изъ опасенія, чтобы не попасться въ плѣнъ Туркамъ, во владѣніяхъ которыхъ они теперь находились. Турки вели въ это время войну съ Сербами, и Игнатій пересказываетъ по этому случаю любопытную повѣсть: «о царѣ Амуратѣ,» которую ему «повѣдали жители города Австравіи». Въ этой повѣсти, Игнатій говоритъ о происхожденіи турецкаго султана Амурата I, о его войнѣ съ Сербами, и передаетъ нѣкоторыя подробности о знаменитой битвѣ на Коссовомъ полѣ, послѣ которой пала самостоятельность сербскаго народа, сдѣлавшагося данникомъ Турокъ, и гдѣ погибъ самъ Амуратъ. «Была сія битва,—говоритъ Игнатій,—въ 1389 году. Такъ намъ повѣдали о ней граждане города Австравіи; и былъ большой мятежъ и великое смущеніе въ странѣ той».

Описаніе Константинополя и св. мѣстъ Палестины не отличается у Игнатія такою полнотою и обстоятельностію, какъ у игумена Даніила и Стефана Новгородца, и послѣ нихъ, онъ не сообщаетъ ничего новаго. Но за то, Игнатій имѣлъ случай быть въ Константинополѣ именно въ то время, когда тамъ происходило вѣнчаніе на царство императора Еммануила (Палеолога) и его супруги. И онъ описалъ подробно торжественный обрядъ коронованія греческаго императора, происходившій въ Софійскомъ соборѣ 11 февраля 1390 года, и занесъ это описаніе въ свои путевыя записки, въ видѣ отдѣльной повѣсти «о вѣнчаніи на царство императора Мануила», равно какъ и повѣсть «о царѣ Амуратѣ».

---

*) Т. е. они прошли мимо *Кафы* (нынѣшній Ѳеодосіи) и *Судака*, слывущаго въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *Суража*. *Каѳинскій лименъ*,—вѣроятно, нынѣшній ѳеодосійскій заливъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что описаніе путешествія діакона Игнатія не лишено интереса и занимальности и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя довольно важныя историческія извѣстія.

Путешествіе Игнатія, какъ важный историческій памятникъ, занесено цѣликомъ въ русскую лѣтопись, по Никоновскому списку.

IV. Ксеносъ монаха Зосимы. — Въ началѣ XV столѣтія странствовалъ по святымъ мѣстамъ троицко-сергіевскій монахъ *Зосима*, и оставилъ также очень подробное описаніе своего путешествія, которое назвалъ по гречески: *Ксеносъ*, *сирѣчь Странникъ*.

Зосима былъ истинный паломникъ. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ странствованіяхъ отъ одного святаго мѣста до другаго, и смотрѣлъ на свои благочестивыя странствованія, какъ на душеспасительный подвигъ.

Зосима началъ свои странствованія съ Кіева. Изъ Кіева онъ отправился сухимъ путемъ до рѣки Днѣстра; оттуда, на кораблѣ, онъ вышелъ въ море и прибылъ въ Константинополь, въ 1425 году, т. е. только за тридцать лѣтъ до взятія византійской столицы Турками.

Изъ Константинополя Зосима поѣхалъ моремъ въ Палестину, и на пути посѣтилъ Афонскую гору, Солунь (Салоники), гдѣ «поклонился гробу святаго Димитрія мироточиваго» и острова Патмосъ и Хіосъ. А на обратномъ пути изъ Палестины, Зосима былъ на островахъ Кипрѣ и Родосѣ, въ то время, когда на послѣднемъ еще находились рыцари св. Іоанна Іерусалимскаго. Зосима видѣлъ ихъ великаго магистра. Онъ говоритъ: «Тутъ находится отъ папы римскаго *мистрь* (магистръ) великій; всѣ люди у него крестоносцы, носятъ кресты, нашитые на платьяхъ, на лѣвомъ плечѣ».

«Паломникъ» Даніила послужилъ во многомъ образцемъ іеродіакону Зосимѣ, при составленіи его «Хожденія до Царяграда и до Іерусалима».

V. Путешествіе митрополита Исидора. — Отъ XV же столѣтія дошло до насъ одно описаніе путешествія, совершеннаго русскимъ человѣкомъ въ западную Европу. Описаніе это составилъ одинъ изъ спутниковъ митрополита *Исидора*, ѣздившаго, по вопросу объ уніи, на Флорентійскій соборъ. Западные города, ихъ строенія, западная природа, и особенно природа Италіи, — все это производитъ живое впечатлѣніе на русскаго путешественника. Въ Любекѣ, Нюренбергѣ и особенно во Флоренціи и Венеціи онъ замѣчаетъ все интересное, и говоритъ обо всемъ съ наивнымъ удивленіемъ; какъ напримѣръ: о палатахъ чудныхъ, о прекрасныхъ садахъ, о томъ, что вода вездѣ проведена, и течетъ по трубамъ, по всѣмъ улицамъ города и проч. Въ иныхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Нюренбергѣ, ему все казалось такъ хитро, что и «сказать нельзя и недомысленно».

Во Флоренціи русскаго путешественника заняло преимущественно промышленное производство — выдѣлка бархата (*аксамита*), краснаго сукна и проч.,

и масличные сады, гдѣ дѣлаютъ деревянное масло. Не менѣе поражаетъ его видъ Венеціи, и онъ говоритъ о ея лагунахъ, т. е. о томъ, что по всѣмъ улицамъ вода и ѣздятъ на баркахъ.

VI. Хожденіе за три моря Тверитянина, Аѳанасія Никитина. — Одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ старинной русской литературы, по части путешествій, представляетъ, безъ сомнѣнія, Хожденіе за три моря (Каспійское, Индійское и Черное) тверскаго купца *Аѳанасія Никитина*. Г. Срезневскій, въ ученомъ изслѣдованіи *) о *Хожденіи* Никитина, доказываетъ, что описаніе путешествія нашего предпріимчиваго Тверитянина, посѣтившаго восточную Индію, прежде открытія туда пути Португальцами, имѣетъ европейскую важность и дополняетъ тѣ скудныя извѣстія объ Индіи, которыя распространены были въ Европѣ Португальцами не прежде XVI столѣтія. Васко-де-Гама открылъ морской путь въ Индію въ 1498 году; слѣдственно А. Никитинъ, почти за полвѣка раньше, самъ познакомился и познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ Индіей.

Такимъ образомъ, Аѳ. Никитинъ, послѣ извѣстнаго *Марко Поло*, едва ли не одинъ изъ первыхъ европейскихъ людей, совершившій, около 1468 года, путешествіе въ глубину Азіи. Подобно Марко Поло, и нашъ Никитинъ составилъ весьма интересныя записки о странахъ отдаленнаго Востока, куда завелъ его духъ торговой предпріимчивости и о которыхъ, въ то время, въ Европѣ имѣли очень неопредѣленныя свѣдѣнія.

Никитинъ не паломникъ; онъ странствовалъ исключительно съ торговою цѣлью. Съ грузомъ товаровъ своихъ онъ отправился изъ Нижняго Новгорода, вмѣстѣ съ ширванскими послами; но въ устьяхъ Волги былъ ограбленъ астраханскими Татарами, которые отняли у него товары, деньги и даже книги. Не имѣя съ чѣмъ возвратиться въ Русь, такъ какъ у него не осталось ничего изъ товаровъ, Никитинъ съ горя рѣшился пробраться въ Индію, съ дорогимъ жеребцомъ, котораго надѣялся выгодно продать тамъ и, накупивши надобныхъ на Руси товаровъ, возвратиться въ отечество. Но случилось вовсе не такъ: въ Индіи онъ не нашелъ товаровъ, годныхъ для Русской земли. «Налгали мнѣ, — говоритъ онъ, — *псы* бусурманы, наговорили, что всякаго *нашего* товару тамъ много, а вышло, что нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ *бѣлый*, на бусурманскую землю, перецъ да краски, — это дешево, но за то пошлины большія, да на морѣ разбойниковъ много.» Да къ тому еще, въ *Чунерѣ*, ханъ отнялъ у него жеребца и принуждалъ обратиться въ магометанскую вѣру; отъ этой бѣды спасъ Никитина какой-то Магметъ Хоросанецъ.

Никитинъ познакомился въ Индостанѣ съ многими туземцами, и когда объявилъ имъ, что онъ не бусурманинъ, а христіанинъ, то они не стали отъ

---

*) Учен. Записки Акад. Н. по II Отд., кн. 2-я. Г. Срезневскій издалъ при этомъ и самый текстъ путешествія Никитина, снабдивъ его учеными примѣчаніями.

него ничего скрывать, ни о ѣдѣ своей, ни о торговлѣ, ни о молитвахъ. Онъ вступалъ съ ними въ разговоры о ихъ вѣрѣ, и увѣряетъ, что вѣръ въ Индіи *восемдесятъ четыре*, что всѣ вѣруютъ въ *Бута* (Буду), но вѣра съ вѣрою ни ѣстъ, ни пьетъ, ни женится; Буда же, — какъ объясняли туземцы Никитину, — это Адамъ и родъ его весь.

Конечно, слова Никитина о 84 вѣрахъ въ Индіи относятся къ дѣленію индійскаго народа на многочисленныя *касты*, строго воздерживающіяся, какъ извѣстно, отъ всякаго между собою общенія.

Свѣдѣнія о религіи Индійцевъ, которыя сообщаетъ Никитинъ, были совершенною новостію въ XV столѣтіи не только для Руси, но и для западной Европы.

Никитинъ описываетъ растительность, птицъ, звѣрей и вообще богатство роскошной природы Индостана. Но при этомъ разсказываетъ иногда странныя (вѣроятно, мѣстныя) повѣрья, переданныя ему туземцами. Онъ говоритъ, напримѣръ, что въ Индіи есть какая-то птица *гугукъ*, у которой, когда ее убивали, то изо рта выходило пламя и т. п.

Не менѣе любопытны сообщаемыя Никитинымъ свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ жителей Индостана, о богатствѣ и пышности индійскихъ владѣльцевъ и вельможъ и о бѣдности народа; онъ описываетъ ихъ жилища, одежду, легкіе нравы и т. д.

Но, какъ благовѣрный русскій, Никитинъ встосковался на чужбинѣ, посреди чужихъ вѣръ и народностей. «Мнѣ, рабу Божію, Аѳанасію, сгрустнулось по вѣрѣ,— говоритъ онъ: — уже прошло четыре великихъ поста, четыре свѣтлыхъ воскресенія, а я грѣшный, не знаю, когда свѣтлое воскресеніе, когда постъ, когда рождество Христово и другіе праздники, не знаю ни середы, ни пятницы.... Пути не знаю, какъ выйти изъ Индостона, вездѣ война;» и проч.

Наконецъ Никитинъ выбралъ путь изъ Индіи черезъ Персію и Азіатскую Турцію; по Черному морю онъ прибылъ въ *Кафу* (Ѳеодосію), а оттуда уѣхалъ на родину.

VII. Путешествіе Трифона Корабейникова и Юрія Грекова. — Московскіе купцы, *Трифонъ Корабейниковъ* и *Юрій Грековъ*, въ 1583 году, посланы были Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ ко святымъ мѣстамъ, для совершенія поминовеній и раздачи милостыни по душѣ сына царскаго, Іоанна. Корабейниковъ и Грековъ посѣтили Константинополь, Іерусалимъ и другія мѣста, и составили подробное описаніе своего путешествія, подъ именемъ *Хожденія ко святымъ мѣстамъ*, которое, по характеру и содержанію своему; сходно съ прежними *хожденіями* ко святымъ мѣстамъ, разсмотрѣнными нами выше.

VIII. Путешествіе Родіона Котова. — Отъ XVII столѣтія къ намъ дошло замѣчательное описаніе путешествія въ Персію, составленное московскимъ «купчиною» *Родіономъ Котовымъ* и извѣстное подъ именемъ *Хода въ Персидское Царство.*

Радіонъ Котовъ, сколько видно изъ историческихъ свѣдѣній о немъ, былъ смѣлая и предпріимчивая личность изъ тогдашняго московскаго купечества. Когда, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, Англичане добивались, чтобы имъ дали дорогу въ Персію по Волгѣ, то царь приказалъ объявить о томъ московскимъ гостямъ и торговымъ людямъ и спросить ихъ мнѣнія: дать ли дорогу Англичанамъ въ Персію или нѣтъ? — Почти всѣ собранныя по этому случаю и спрошенные по одиночкѣ московскіе купцы были противъ дозволенія, опасаясь, чтобы не произошло *помѣшки* и *оскудѣнья* русскимъ людямъ, торговавшимъ съ Персіей, когда тамъ станутъ торговать одни Англичане. Одинъ только Родіонъ Котовъ отвѣчалъ: «Боятся наша братья того: только Англичанамъ дать дорогу въ Персію, и ихъ промыслы станутъ; но этого не угадать, всякому своя часть.... Иные Персіяне станутъ съ Англичанами торговать въ Персіи, а другіе поѣдутъ въ Астрахань; однимъ Англичанамъ своими товарами какъ Персію затворить? Много въ Персіи охочихъ торговыхъ людей, — поѣдутъ за русскими товарами.»*)

Изъ этихъ словъ Котова видно, что ему хорошо было знакомо состояніе персидской торговли. Потому-то онъ, въ 1623 году, отправился за море, въ персидскую землю, съ осьмью другими товарищами, *въ купчинахъ*, съ государевою казною, и оставилъ намъ довольно обстоятельное и интересное описаніе своего путешествія.

Котовъ описываетъ подробно дорогу въ Персію — моремъ, отъ Астрахани, и — сухимъ путемъ, степью, отъ Терека на Тарки и Дербентъ; говоритъ объ опасностяхъ этого пути отъ Лезгинъ, грабившихъ по дорогамъ и разбивавшихъ купеческіе караваны; разсказываетъ, гдѣ живутъ и какъ управляются Лезгины, и проч. Потомъ представляетъ подробное описаніе персидскихъ городовъ, черезъ которые онъ проходилъ.

IX. Путешествія: казака Петлина, Василія Гагары Бориса Пазухина и Арсенія Сухапова. — Перечислимъ еще имена нѣкоторыхъ другихъ, болѣе извѣстныхъ, путешественниковъ нашихъ XVII столѣтія, оставившихъ описанія своихъ отдаленныхъ странствованій:

Петлинъ, сибирскій казакъ, описалъ путешествіе, совершенное имъ въ 1620 году, по порученію правительства, отъ Томска до Камчатки.

Купецъ *Василій Гагара* ходилъ изъ Казани, черезъ Астрахань и грузинскую землю, въ Іерусалимъ, и оттуда пробрался въ Египетъ: «Въ Египтѣ за Ниломъ рѣкою, говоритъ онъ, подѣланы палаты большія, какъ горы (пирамиды); дѣлалъ ихъ царь Фараонъ, ругаясь надъ Израильтянами; ставилъ ихъ потому, что писано Египту отъ водъ потоплену быть.»

Борисъ Пазухинъ былъ отправленъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Бухару, Хиву и Балкъ посланникомъ, для извѣданія пути въ Индію. Па-

---

*) Ист. Рос., Соловьева, т. IX, стр. 188—189.

зухинъ возвратился въ 1673 г. и составилъ донесеніе о пути, которымъ должны были слѣдовать караваны, назначавшіеся въ Индію; центромъ, куда ихъ слѣдовало направлять, по донесенію Пазухина, долженъ былъ служить *Джанабадъ*, индійская столица.

Арсеній Сухановъ, іеромонахъ, путешествовалъ два раза на Востокъ, по св. мѣстамъ, съ 1649 г. и по 1659 г. по волѣ царя Алексѣя Михайловича и патріарховъ: Іосифа и Никона; посѣтилъ греческіе острова, Іерусалимъ и вернулся черезъ Грузію и Кавказъ. Описаніе своего путешествія онъ назвалъ *Проскинитарій*, т. е. поклонникъ.

Заключеніе о свѣтской литературѣ. Ея характеръ въ древней Руси.— Обозрѣвъ роды словесныхъ произведеній, болѣе другихъ выдающіеся въ нашей старинной литературѣ, т, е. памятники поэтическіе или вообще литературные, памятники историческіе и путешествія, причисленные у насъ къ литературѣ свѣтской, — мы видѣли, что и въ этихъ памятникахъ (кромѣ одного Слова о Полку Игоревѣ) отражается болѣе или менѣе церковно-религіозный или нравственно-поучительный характеръ. Явное слѣдствіе того, что литературное развитіе древней Руси и вся ея образованность (литература есть всегда необходимая спутница образованности) возникли у насъ и получили первое возбужденіе подъ вліяніемъ христіанства и церкви, и слѣдственно, подъ вліяніемъ религіозно-церковной, или чисто духовной литературы, которая должна была появиться на Руси первою по времени и удовлетворить первымъ литературнымъ потребностямъ русскаго народа. Намъ, такимъ образомъ, согласно предположенному плану, и слѣдуетъ теперь приступить къ обозрѣнію собственно духовной литературы древней Руси.

ОТДѢЛЪ II.

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Вліяніе христіанства и грамотность. — Христіанство имѣло могущественное и всестороннее вліяніе на древнюю Русь. Вліяніе это обнаружилось вскорѣ послѣ введенія новаго ученія, какъ въ общественной и политической, такъ и въ нравственной и умственной жизни древней Руси. Не слѣдуетъ думать, однако, что христіанство принялось у насъ сразу и быстро распространилось по Русской землѣ, по одному лишь желанію и по повелѣнію князя Владиміра, — какъ это представляютъ иные. Лѣтописи и другіе памятники старинной письменности сохранили извѣстія, что вначалѣ христіанство вводилось не безъ борьбы и сопротивленія со стороны народа, не безъ крутыхъ мѣръ со стороны властей, духовной и свѣтской *). Языческая почва древней Руси, дикая и не

---

*) Ист. Рос., т. 2, стр. 171, 255, т. 3 см. со стр. 59 и далѣе.

обработанная, не была еще готова для воспринятія божественнаго ученія Христова, и потому новая вѣра распространялась въ народѣ шагъ за шагомъ и постепенно, скорѣе впрочемъ на югѣ, въ Кіевѣ, гдѣ уже находились христіане и до Владиміра, чѣмъ на сѣверѣ Руси. Самымъ могущественнымъ средствомъ для торжества новой вѣры послужила грамотность, которою воспользовались Владиміръ святой, потомъ сынъ его, Ярославъ и всѣ первые учители церкви. Лѣтописецъ разсказываетъ, что Владиміръ, немедленно послѣ всенароднаго крещенія въ Кіевѣ, началъ ставить церкви по городамъ и селамъ и вездѣ поставлять священниковъ, и въ тоже время рѣшился дѣйствовать на молодое поколѣніе посредствомъ грамотности. *Пославъ*, говоритъ лѣтописецъ, *нача поимати у нарочитое чади* (у лучшихъ гражданъ) *дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матери же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахуся.* Дѣтей роздали учиться по церквамъ, къ священникамъ. Тоже самое сдѣлалъ преемникъ Владиміра, Ярославъ, въ Новгородѣ: онъ велѣлъ собирать дѣтей у священниковъ и старостъ и, собравъ ихъ 300 человѣкъ, отдалъ въ ученіе книжное.

Такимъ образомъ, новое ученіе, озаривъ умы язычниковъ истинами святой вѣры, положило и начало грамотности на Руси, внесло къ намъ письменность, безъ которой евангельское ученіе не водворялось ни въ одной странѣ.

Переводъ книгъ св. писанія и начальная переводная литература.

Изобрѣтеніе славянскихъ письменъ. — По древнѣйшему сказанію черноризца *Храбра* *), Славяне, до принятія христіанства, не имѣли письменъ и употребляли какія-то начертанія: «Прежде Славяне, говоритъ Храбръ, не имѣли книгъ, *но чертами и рѣзами писали и гадали* **); были они въ то время *погани* (язычники), крестившись же, стали писать римскими и греческими письменами. Потомъ, человѣколюбивый Богъ, помиловалъ родъ славянскій, послалъ къ нему святаго *Константина философа*, нарицаемаго *Кирилломъ*, который и создалъ для нихъ письмена, *тридесять и осмь* (т. е. числомъ 38 буквъ) — *ова* (однѣ) *убо по чину гречьскихъ писменъ, ова же* (а другія) *по словеньстѣй рѣчи.*» Это свидѣтельство черноризца Храбра, подтверждаемое преданіями всѣхъ славянскихъ народовъ, доказано неопровержимо всѣми

---

*) Черноризецъ Храбръ жилъ въ концѣ IX или въ началѣ X столѣтія и оставилъ сочиненіе: „О письменехъ.“ См. О времени происхожденіи славянскихъ письменъ, соч. О. Бодянскаго, М. 1855 г.

**) „Подъ чертами и нарѣзами должно разумѣть, вѣроятно, нѣчто въ родѣ нѣмецкихъ Руническихъ письменъ. Какъ у древне-нѣмецкихъ племенъ *рупа* есть не только письмо, но и пѣсня, и загадка, и ворожба, такъ и Славяне язычники гадали (*гатааху*) своими нарѣзами“. (Историч. Христом. церковно-славянск. и древнерусск. языковъ, Ѳ. Буслаева, стр. 425).

учеными изысканіями позднѣйшихъ изслѣдователей славянской старины *), и признано несомнѣннымъ, что два ученые Грека, уроженцы города Солуня (Салоники, или Ѳессаланики) *Константинъ*, въ монашествѣ названный *Кирилломъ*, и *Меѳодій*, приступивъ, въ половинѣ IX столѣтія, къ переводу св. писанія на славянскій языкъ, нашли необходимымъ составить славянскую азбуку. Тогда же одинъ изъ братьевъ, Кириллъ изобрѣлъ азбуку для Славянъ, которая, по его имени, называется *кирилловскою* или, *кириллицею*, въ отличіе отъ другой, также очень древней, славянской азбуки, извѣстной подъ именомъ *глаголитской*, *глагольской*, или просто *глаголицы* **). Св. Кириллъ, при изобрѣтеніи славянскихъ буквъ, взялъ въ основаніе буквы греческаго алфавита, приноровивъ къ нимъ звуки славянскаго языка; а для прочихъ славянскихъ звуковъ, которыхъ въ греческой азбукѣ не имѣется, онъ принялъ частію начертанія изъ другихъ алфавитовъ, частію изобрѣлъ новыя.

Жизнь и дѣятельность славянскихъ первоучителей, св. братьевъ Кирилла и Меѳодія. — Кириллъ и Меѳодій родились и воспитывались въ странѣ, населенной Славянами, и обстоятельство это играло, конечно, важную роль въ ихъ высокой миссіи просвѣтителей славянскихъ народовъ. Отецъ ихъ, по имени Левъ, происходилъ изъ знатной фамиліи, былъ богатъ и занималъ важную должность въ Солуни, главномъ городѣ Македоніи, которая была тогда преимущественно страною славянскою (и въ настоящее время большинство населенія Македоніи составляютъ Славяне, т. е. македонскіе Болгары). Старшій изъ братьевъ, Меѳодій, занималъ должность, еще болѣе важную, чѣмъ отецъ, будучи гражданскимъ правителемъ и военачальникомъ въ одной части Македоніи, именно въ той части, которая, по своему исключительно-славянскому населенію, называлась у византійцевъ *Славиніей* ***). Младшій же братъ, Константинъ, (въ монашествѣ Кириллъ) еще въ молодости взятъ былъ въ Константинополь ко двору, воспитывался вмѣстѣ съ императоромъ Михаиломъ и получилъ блестящее и основательное, какъ свѣтское, такъ и духовное образованіе, какое только возможно было получить въ то время въ Византіи. Его наставникомъ,

---

*) Между ними болѣе замѣчательны изслѣдованія: у западныхъ Славянъ — *Шаффарика* и аббата *Добровскаго*, а у насъ — *К. Калайдовича*, *Востокова*, преосв. *Филарета* (спископа рижскаго), *Горскаго*, *Срезневскаго*, *Билярскаго* и *Бодянскаго*.

**) Глаголица называется еще *Іеронимовскою* азбукою и *букевицею*. Нѣкоторые ученые утверждаютъ, что начертанія глагольскихъ буквъ примѣтно взяты изъ кириллицы и только переиначены умышленно. Этого мнѣнія долго держался и знаменитый славянистъ Шаффарикъ; но въ послѣднемъ сочиненіи своемъ (Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Ppag. 1858) онъ рѣшительно утверждаетъ, что Кириллъ изобрѣлъ собственно *глагольскія* письмена, а что греко-славянская азбука, извѣстная подъ именемъ *кириллицы*, принадлежитъ св. Клименту болгарскому, одному изъ учениковъ Кирилла, бывшему архіепископомъ въ Болгаріи, въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка.

***) См. газ. „День,“ № 25, 1861 г.

а потомъ другомъ, былъ знаменитый Фотій ***) (впослѣдствіи патріархъ). Кириллъ отличался рѣдкими способности, знаніемъ многихъ языковъ и необыкновенною ученостію, рано поступилъ въ монашество и посвятилъ всю свою жизнь на проповѣдываніе евангельскаго ученія между язычниками. Подъ вліяніемъ младшаго брата, и старшій, Меѳодій, бросилъ свѣтское званіе и вступилъ въ монашество, промѣнявъ власть правителя области и военачальника на отшельничество въ монастырѣ, на горѣ Олимпѣ, гдѣ онъ предался прилежному изученію книгъ, и такимъ образомъ, приготовилъ себя для высокой дѣятельности вмѣстѣ съ братомъ, на поприщѣ христіанскаго миссіонерства.

Первую миссію, подробности которой извѣстны, Кириллъ совершилъ, по порученію императора, въ *Казарію* (нынѣшній Крымъ и сопредѣльныя съ нимъ страны), въ сообществѣ съ братомъ Меѳодіемъ, котораго онъ упросилъ сопутствовать ему къ Казарамъ, *зане* (потому что) *умѣяши языкъ словеньскъ*, какъ сказано въ одномъ краткомъ житіи (прологѣ) св. Кирилла. Нѣтъ сомнѣнія, что и самъ Кириллъ владѣлъ языкомъ славянскимъ, какъ своимъ роднымъ, и г. Гильфердингъ справедливо полагаетъ, что при своей миссіи въ Казарію, братья имѣли въ виду именно проповѣдь между Славянами, населившими страны нынѣшней южной Россіи *). Одна часть этихъ Славянъ, какъ извѣстно изъ Несторовой лѣтописи, платила дань Казарамъ. Такимъ образомъ, есть поводъ допустить, что непосредственная проповѣдь знаменитыхъ славянскихъ апостоловъ коснулась и южныхъ предѣловъ нашего отечества, и можетъ быть, Славяне, обитавшіе въ при-черноморскихъ и въ при-азовскихъ странахъ, еще задолго до крещенія Руси при Владимірѣ, какъ думаетъ г. Гильфердингъ, получили отъ нихъ первые начатки грамотности и христіанства. На пути изъ Константинополя въ Крымъ (Кириллъ пробылъ въ *Херсонѣ*, или *Херсонисѣ*, нѣкоторое время, и готовился здѣсь къ казарской миссіи), а оттуда къ ставкѣ казарскаго хана, солунскіе братья должны были встрѣтить значительныя славянскія поселенія, которымъ, вѣроятно, проповѣдывали евангеліе на славянскомъ языкѣ, такъ хорошо имъ знакомомъ.

Непосредственно за путешествіемъ Кирилла и Меѳодія къ Казарамъ, послѣдовала миссія обоихъ братьевъ въ Болгарію, гдѣ они крестили болгарскаго царя Богориса, или Бориса (въ крещеніи Михаила) и распространили христіанство во всей подвластной ему державѣ.

Наконецъ миссіей къ западнымъ Славянамъ, въ Моравію, послѣдовавшей

---

*) Патріархъ Фотій извѣстенъ въ исторіи тѣмъ, что при немъ начался разрывъ между Византіей и Римомъ, который вскорѣ привелъ къ раздѣленію церкви на восточную и западную. Фотій былъ человѣкъ рѣдкаго ума, обладалъ обширною ученостію и замѣчательнымъ даромъ краснорѣчія. Онъ возведенъ былъ на патріаршій престолъ прямо изъ свѣтскаго званія, а до того состоялъ въ должности перваго государственнаго секратаря при императорѣ Михаилѣ и былъ посылаемъ въ Персію съ дипломатическимъ порученіемъ отъ византійскаго двора.

**) Г. Гильфердингъ говоритъ, что, по соображенію всѣхъ данныхъ, путешествіе Кирилла и Меѳодія въ Казарію должно относиться къ 858 году.

въ 862 году, завершаются подвиги миссіонерства Кирилла и Меѳодія между славянскими народами. Дѣятельность солунскихъ братьевъ въ Моравіи была весьма обширна и продолжительна. Ихъ ревность въ распространеніи слова Божія между язычниками, ихъ стремленіе къ передачѣ истинъ евангельскихъ народамъ славянскимъ, на ихъ родномъ языкѣ, и къ распространенію между ними просвѣщенія, наконецъ ихъ борьба съ латинскимъ духовенствомъ и гоненія, которымъ они подверглись со стороны Рима, — все это ярко рисуетъ возвышенный характеръ и высоко-христіанское направленіе дѣятельности первоучителей славянскихъ и указываетъ на тѣ безсмертныя заслуги, которыя они оказали всему славянскому міру.

Разсказъ о призваніи Кирилла и Меѳодія въ Моравію помѣщенъ и въ нашей первоначальной, или Несторовой, лѣтописи. Лѣтописецъ почерпнулъ этотъ разсказъ, полагаютъ, изъ житія св. Кирилла и Меѳодія, приписываемаго Клименту болгарскому, ученику Кирилла. Въ лѣтописи говорится, что Славяне, жившіе подъ властію князей (моравскихъ) Ростислава, Святополка и Коцела, хотя и были крещены, но нуждались въ учителѣ, который бы *поучалъ* ихъ и *протолковалъ* имъ святыя книги; потому названные князья обратились къ греческому императору Михаилу съ просьбою прислать имъ такого учителя. Выборъ императора палъ на солунскихъ братьевъ, такъ какъ они *разумѣли* славянскій языкъ и были очень учены*), и онъ упросилъ ихъ отправиться къ Славянамъ. Событіе это относятъ къ 862 году.

Прибывъ въ Моравію, Кириллъ и Меѳодій ревностно предались дѣлу проповѣдыванія евангелія между Славянами, вводили у нихъ вездѣ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, по обряду греческой церкви, и распространяли славянскій переводъ священныхъ книгъ. Такъ какъ раздѣленія церквей еще не послѣдовало, то папа Адріанъ II не препятствовалъ введенію у Славянъ богослуженія на ихъ родномъ языкѣ и распространенію между ними славянскаго перевода св. книгъ, сдѣланнаго братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Онъ, напротивъ, поощрилъ ихъ дѣятельность, и старшего изъ братьевъ возвелъ въ санъ архіепископа, а меньшаго сдѣлалъ епископомъ. Но первый вскорѣ умеръ, воспріявъ передъ смертію схиму и имя Кирилла, а Меѳодій, въ званіи епископа Паннонія (Венгріи) и Моравіи, правилъ паствою, послѣ смерти брата, еще около десяти лѣтъ, усердно распространяя между Славянами переводъ св. книгъ

---

*) *Философы*, т. е. ученые, которыхъ, по словамъ нашего лѣтописца, императоръ Михаилъ призвалъ на совѣтъ по поводу посольства моравскихъ князей, сказали императору: „есть мужъ въ Селуни, именемъ Левъ, суть у него сынове, разумиви языку словѣньску, хитра (т. е. мудрые) два сына у него философа". Житія и древнія сказанія прямо свидѣтельствуютъ о большой учености св. Кирилла и о томъ, что онъ зналъ много языковъ. Въ одномъ *прологѣ* сказано про него: „четырьми языки и философіи научися: Еллински, Римски, Сирски и Жидовски". А по Панон. житію, Кириллъ, находясь въ Корсунѣ, изучилъ языки: еврейскій и самаританскій. (*Невоструевъ*: „Записка о переводѣ евангелія на славянскій языкъ, сдѣланномъ Кирилломъ и Меѳодіемъ". См. „Кирилло-Меѳод. Сборн.", издан. М. Погодинымъ. М. 1865. стр. 225).

и богослуженіе на ихъ отечественномъ языкѣ. Это и было главною причиною тѣхъ безпрестанныхъ гоненій и преслѣдованій и той борьбы, которую Кириллъ и Меѳодій вели,—въ теченіе всей многотрудной жизни между Славянами,—на Западѣ съ латинскимъ духовенствомъ. Даже въ житіи святыхъ первоучителей, составленномъ у западныхъ Славянъ (въ такъ называемыхъ *Панонскихъ житіяхъ*) говорится, что они смѣло отвергали *ересь триязычниковъ*, т. е. ученіе, усвоенное римскою церковію, что чтеніе св. писанія и богослуженіе должны происходить на трехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ. Не смотря, однако, на гоненія, Меѳодій неутомимо продолжалъ свою миссіонерскую дѣятельность. Около 871 года онъ крестилъ Боривая, правителя Чехіи, и при немъ послѣдовало окончательное введеніе христіанства въ этой странѣ. Непосредственная проповѣдь Меѳодія коснулась Силезіи и Польши, какъ принимаетъ знаменитый историкъ польскій, Іоахимъ Лелевель. Меѳодій повсюду вводилъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, по обрядамъ восточной церкви; отчего любовь къ нему Славянъ и вліяніе его ученія между ними постоянно возрастали.

Но въ продолжительной борьбѣ съ латинствомъ изнемогъ наконецъ и Меѳодій, и окончилъ свою труженическую жизнь въ *Велеградскомъ* монастырѣ, въ Моравіи, близъ *Градища*, не далеко отъ венгерской границы, гдѣ въ IX вѣкѣ была столица великихъ князей моравскихъ и архіепископская каѳедра самого Меѳодія.

Такова была жизнь и таковъ былъ характеръ дѣятельности знаменитыхъ солунскихъ братьевъ, посвятившихъ себя всецѣло, отдавшихъ всѣ свои силы и знанія на развитіе духовной самостоятельности славянскаго народа. Они всю жизнь боролись и ратовали за то великое начало, что книжное ученіе и пониманіе вѣры и ея обрядовъ назначено для *всего* народа, а не должно быть достояніемъ лишь немногихъ.

Вотъ почему всѣ Славяне, и восточные и западные, благоговѣйно чтутъ память своихъ великихъ и святыхъ первоучителей. Кириллъ и Меѳодій—учители всеславянскіе, положившіе начало христіанскому просвѣщенію и литературѣ во всемъ славянскомъ мірѣ.

Переводъ книгъ св. писанія на славянскій языкъ братьевъ Кирилла и Меѳодія. Внесеніе этого перевода въ Россію. Остромирово Евангеліе.— Но великое дѣло Кирилла и Меѳодія, т. е. изобрѣтенныя ими славянскія письмена и переводъ св. книгъ, на Западѣ погибло, вскорѣ послѣ ихъ смерти. Уже въ началѣ X вѣка славянское богослуженіе, введенное ими, было осуждено и воспрещено у западныхъ Славянъ, по повелѣніямъ папскаго престола. Ихъ ученики были изгнаны изъ Моравіи латинскимъ духовенствомъ, а всѣ ихъ труды, предпринятые для просвѣщенія Славянъ, осуждены, какъ ересь и искоренены совершенно въ тѣхъ земляхъ, которыя такъ долго оглашались ихъ апостольскимъ словомъ. Славянская азбука, изобрѣтенная Кирилломъ, и сдѣланный солунскими братьями переводъ священнаго писанія, нынѣ остались только у Славянъ восточныхъ, т. е. у Болгаръ, у Сербовъ и у Русскихъ.

Вопросы о томъ, въ какое время и гдѣ изобрѣтена была Кирилломъ славянская азбука, или другими словами, — для какихъ Славянъ первоначально и на которое изъ славянскихъ нарѣчій перевели Кириллъ и Меѳодій св. писаніе, — вопросы эти подали поводъ къ различнымъ мнѣніямъ и заключеніямъ, и до сихъ поръ считаются нерѣшенными окончательно въ ученомъ мірѣ.

Еще недавно почти всѣ извѣстные славянисты, и самъ Шафарикъ *), полагали, что изобрѣтеніе славянскихъ письменъ, называемыхъ кириловскими, и предпринятый Кирилломъ и Меѳодіемъ переводъ св. книгъ съ греческаго на *церковно-славянскій* языкъ, были совершены ими въ Македоніи, для тамошнихъ Славянъ, языкъ которыхъ, по своимъ діалектическимъ особенностямъ, стоитъ ближе всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій къ языку церковно-славянскому, въ его древнѣйшихъ памятникахъ. На этомъ основаніи, и самую эпоху изобрѣтенія Кирилломъ славянскихъ письменъ относили къ 855 году, который показанъ и въ названномъ выше сочиненіи черноризца Храбра. Такимъ образомъ, къ числу странъ, на которыя простиралась непосредственно апостольская дѣятельность Кирилла и Меѳодія относили не однѣ только земли западныхъ Славянъ: Моравію, Паннонію, Чехію и часть Польши, но и Македонію и Болгарію, и при томъ — Македонія почиталась родиною изобрѣтенія славянскихъ письменъ и перевода св. писанія. Въ послѣднее же время нѣкоторые славянскіе писатели на Западѣ и у насъ стали утверждать, что Кириллу принадлежитъ изобрѣтеніе не тѣхъ письменъ, которыя приписываютъ ему всѣ восточные Славяне (т. е. кириллицы), но что имъ изобрѣтена *глаголица*, которая, равно какъ и славянскій переводъ св. книгъ (писанный глаголицей), по увѣренію этихъ писателелей, совершены трудами солунскихъ братьевъ уже по прибытіи ихъ въ Моравію, въ 862 году, собственно для западныхъ Славянъ. На сторону этого мнѣнія сталъ въ послѣднемъ сочиненіи своемъ и Шафарикъ **). Вообще же вопросъ этотъ остается и до настоящаго времени спорнымъ, какъ мы замѣтили. Нельзя однако же при этомъ не упомянуть, что древнѣйшіе памятники славянской письменности, находимые теперь, принадлежатъ также и къ памятникамъ глаголитскимъ.

Что же касается до перевода книгъ св. писанія и книгъ богослужебныхъ, то естественнѣе всего принимать, что Кириллъ и Меѳодій перевели ихъ на языкъ тѣхъ Славянъ, посреди которыхъ они родились, жили и дѣйствовали, въ первую эпоху своей миссіонерской дѣятельности, т. е. посреди Славянъ Македоніи, языкъ которыхъ имъ былъ какъ родной. Въ житіи св. Меѳодія, императоръ Михаилъ, отправляя братьевъ въ Моравію, говоритъ имъ: «Вы бо еста Селунянина, да Селуняне все чисто словеньскы бесѣдуютъ» ***). По словамъ

---

*) См. Славянскія древности. И. І. Шафарика, пер. съ чешскаго *Бодянскимъ*. Изд. 2, 5 ч. м. 1348 г. см. ч. 2, стр. 293, 310 и друг.

**) У насъ, преосвящ. Макарій и Филаретъ, г. Бодянскій и друг., также соглашаются съ Шафарикомъ въ томъ, что славянскія письмена (кирилловскія) изобрѣтены не ранѣе 862 г., слѣдственно составлены Кирилломъ по прибытіи въ Моравію.

***) Кирилло-Меѳод. Сборн. 19, 232.

г. Невоструева, мнѣніе въ пользу *болгарскаго* нарѣчія (или нарѣчія Славянъ Македоніи, что почти одно и тоже), принятое многими знаменитыми филологами (Добровскимъ, Востоковымъ, Шафарикомъ и друг.), подтверждается и самыми *формами* и *нѣкоторыми словами*, встрѣчающимися въ древнихъ болгарскихъ переводахъ*). Этотъ, уже готовый переводъ свой, они конечно могли принести потомъ въ собственную Болгарію, при обращеніи въ христіанство жителей этой страны, а наконецъ, и къ западнымъ Славянамъ. Между нарѣчіями славянскими въ то время не существовало еще значительной разницы, и языкъ перевода св. книгъ, сдѣланнаго Кирилломъ и Меѳодіемъ, былъ понятенъ для всѣхъ Славянъ и сдѣлался, такимъ образомъ, общеславянскимъ богослужебнымъ языкомъ. Сохранившись до настоящаго времени въ богослужебныхъ книгахъ, языкъ этотъ получилъ названіе *церковно-славянскаго*.

Неизвѣстно съ точностію, какія изъ книгъ св. писанія переведены были первоначально Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въ Несторовой лѣтописи говорится, что они *переложили апостолъ* и *евангеліе*, а потомъ *псалтирь*, *октоихъ* «и прочая книги». Далѣе затѣмъ въ лѣтописи сказано, что Меѳодій «посади два попа скорописца зѣло, *и приложи вся книги исполнь* (сполна) отъ гречьска языка въ словенескъ *6-ю мѣсяць*», и проч. (Весь этотъ трудъ, по сказанію лѣтописи, братья совершили уже, прибывъ въ Моравію). Но изъ этого извѣстія лѣтописи скорѣе слѣдуетъ заключить, что здѣсь дѣло идетъ о *перепискѣ* перевода св. книгъ, сдѣланнаго Меѳодіемъ, а не о самомъ переводѣ; ибо такой трудъ, какъ переводъ *всѣхъ сполна* св. книгъ Меѳодій не могъ совершить въ теченіе шести мѣсяцевъ, какъ передаетъ нашъ лѣтописецъ. Славянскій переводъ св. писанія и церковныхъ книгъ, совершенный Кирилломъ и Меѳодіемъ, внесенъ былъ и къ намъ, вмѣстѣ съ христіанской вѣрой, и внесенъ, вѣроятно, еще при появленіи первыхъ христіанъ на Руси, задолго до всеобщаго крещенія Руси при св. Владимірѣ. Подлинныхъ рукописей св. писанія, писанныхъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, къ намъ не дошло; но у насъ сохранились очень древніе списки. Важнѣйшимъ изъ нихъ почитается такъ называемое Остромирово Евангеліе, переписанное въ Новгородѣ, діакономъ Григоріемъ въ 1056—1057 г. для новгородскаго посадника *Остромира*. Евангеліе это принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ церковно-славянской письменности вообще и содержитъ въ себѣ евангельскія чтенія, расположенныя понедѣльно, какъ они читаются при богослуженіяхъ. «Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ проф. Невоструевъ,—что сіи древніе списки (Остромировъ и друг.) представляютъ *первоначальный* славянскій переводъ Евангелія, какъ онъ вышелъ изъ рукъ, св. Кирилла и Меѳодія, хотя въ частностяхъ того и другаго встрѣчаются и исправленія»**). Избранныя чтенія изъ Евангелія и Апостола, расположенныя по недѣлямъ, для церковнаго употребленія, назывались Евангеліями и Апостолами «изборными». Основываясь на свидѣтельствѣ Іоанна, екзарха Болгарскаго, который говоритъ, что св. Кириллъ съ братомъ Меѳодіемъ «отъ Евангелія и Апостола преложили

*) Кирилло-Меѳод. Сборн., стр. 233:

**) Ibid. стр. 212.

изборъ», допускаютъ, что славянскіе первоучители собственно и перевели «изборные» Евангеліе и Апостолъ *).

Относительно достоинствъ перевода св. братьевъ Кирилла и Меѳодія, профес. Невеструевъ говоритъ: «Можно сказать, что едва ли еще найдется другой переводъ, котораго языкъ, по составу своему, столько бы приближался къ подлиннику греческому, и по достоинству и пріятности, соотвѣтствовалъ возвышенности, величію и сладости словесъ Христовыхъ, какъ славянскій первоначальный: такъ вообще мѣрна, стройна и благозвучна рѣчь его, такъ величественны, изящны, правильны и разнообразны формы его,— достоинства, по замѣчанію филологовъ, вообще отличающія древніе языки отъ новѣйшихъ... Мудрыми переводчиками формы и обороты славянскаго языка частію заимствованы и развиты изъ его собственнаго элемента, частію же внесены съ греческаго, во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго языка»...**).

Возникновеніе и перенесеніе къ намъ славянской литературы, переводной съ греческаго. — Съ священными и богослужебными книгами проникали къ намъ въ одно время и дѣлались у насъ извѣстными и другія произведенія византійской литературы, преимущественно духовнаго содержанія, какъ-то: творенія святыхъ отцевъ, толкованія на св. писаніе и т. д., переводы которыхъ сдѣланы были у Болгаръ и другихъ Славянъ, ранѣе обращенія Руси въ христіанство. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ къ намъ перешла уже цѣлая славянская литература (почти исключительно духовнаго содержанія), переводная съ греческаго. Эта занесенная къ намъ, готовая литература имѣла, безъ сомнѣнія, большое значеніе при развитіи на Руси христіанской образованности и послужила родоначальницей той переводной и оригинальной духовной литературы, которая мало по малу начала развиваться и на Руси съ X и XI столѣтія. Потому, мы назовемъ нѣкоторые изъ церковно-славянскихъ литературныхъ памятниковъ, хотя и не принадлежащихъ собственно къ *русской* литературѣ, но перешедшихъ къ намъ въ готовыхъ славянскихъ переводахъ еще въ первую эпоху христіанства и имѣвшихъ большое вліяніе на развитіе нашей собственной духовной литературы.

Къ важнѣйшимъ изъ нихъ принадлежатъ: 1) *Изборники* Святослава, о которыхъ мы говорили выше. 2) Произведенія *Іоанна, экзарха болгарскаго:* а) *Шестодневъ*, или разсужденіе о сотвореніи міра, написанное въ подражаніе Василію Великому и другимъ отцамъ церкви. Въ сочиненіи этомъ заключаются многія свѣдѣнія о природѣ и ея явленіяхъ и изложены ихъ объясненія, конечно, съ христіанской точки зрѣнія, но при этомъ приведены и нѣкоторыя мнѣнія о природѣ: Пиѳагора, Платона и другихъ языческихъ философовъ. Шестодневъ былъ весьма распространенъ у насъ въ старину, о чемъ свидѣтель-

---

*) Кирилло-Меѳод. Сборн. стр. 209.
**) Тамъ-же, стр. 231—233.

ствуютъ многіе списки и выписки изъ него, сохранившіеся въ разныхъ библіотекахъ и старинныхъ сборникахъ. б) Переводъ богословія Іоанна Дамаскина. в) Переводъ его же діалектики и грамматики, примѣненной къ свойствамъ славянскаго языка, и друг. 3) Сборникъ подъ именемъ *Златоструй*, заключающій въ себѣ переводъ избранныхъ словъ Іоанна Златоуста и нѣкоторыя другія духовныя сочиненія. 4) Переводъ сочиненій св. Григорія Назіанзина. 5) Поученія и слова, приписываемыя Кириллу, Меѳодію и Клименту болгарскому, и проч. Вообще число перешедшихъ къ намъ отъ южныхъ Славянъ переводовъ, должно полагать, было довольно значительно уже въ концѣ IX и въ X столѣтіи. Мы упоминали выше, что въ это время, или не позже XI вѣка, былъ извѣстенъ у насъ греческій сборникъ *Палея*, изъ котораго уже первый лѣтописецъ нашъ заимствовалъ нѣкоторые изъ своихъ разсказовъ.

Списываніе книгъ въ монастыряхъ. Любовь къ книгамъ и къ книжному ученію. Князья — ревнители христіанскаго просвѣщенія. — Книги у насъ усердно списывались и распространялись, въ особенности послѣ основанія Кіевопечерскаго и другихъ монастырей, ставшихъ главными центрами, откуда исходило христіанское просвѣщеніе на всю новообращенную Русь. Въ монастыряхъ, кромѣ усерднаго списыванія церковно-литературныхъ произведеній съ готовыхъ переводовъ, предприняты были въ тоже время и собственно русскіе переводы съ греческаго, — и скоро переводная духовная литература наша становится весьма обширною. Житія святыхъ, или *Патерики*, поученія знаменитыхъ отцевъ церкви, толкованія св. писанія, богослужебныя книги, номакононы, или церковные уставы, словомъ все, что только ни было принесено къ намъ изъ Болгаріи и отъ другихъ Славянъ, въ готовыхъ славянскихъ переводахъ, дѣятельно переводилось у насъ въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ — духовными, а отчасти и свѣтскими людьми, къ которымъ принадлежали и князья. Въ монастыряхъ же любовь къ книгамъ и къ *ученію книжному*, была развита въ значительной степени. На это мы имѣемъ прямыя свидѣтельства начальнато лѣтописца. Онъ говоритъ, что преподобный Ѳеодосій день и ночь писалъ книги въ своей кельѣ и самъ прялъ нитки, нужныя для переплета книгъ, а Никонъ великій сшивалъ и переплеталъ ихъ, занимаясь въ тоже время переписскою книгъ; другой черноризецъ, Илларіонъ, былъ весьма искусенъ въ списываніи книгъ, а преподобный Григорій чудотворецъ ничего у себя не имѣлъ, кромѣ книгъ. Самъ лѣтописецъ нашъ вотъ какъ говоритъ о книгахъ: «Велика бо бываетъ польза отъ ученья книжнаго, книгами бо кажеми и учеми есмы покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержаніе отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напояющи вселеную, се суть исходища (источники) мудрости; книгамъ бо есть несчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанію». Такою же любовію къ книгамъ, по сказанію лѣтописца, отличались и многіе изъ первыхъ князей русскихъ. О Владимірѣ онъ говоритъ, что онъ любилъ слушать «словеса книжныя», хота и не былъ грамотенъ самъ. Особенною же любовію къ чтенію и распространенію книгъ изъ

сыновей Владиміра отличались: Борисъ и Ярославъ. О послѣднемъ лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что онъ весьма любилъ книги, прилежно читалъ ихъ днемъ и ночью, собралъ много переписчиковъ, велѣлъ переводить книги съ греческаго на славянскій языкъ: «онъ засѣялъ — говоритъ лѣтописецъ — словами книжными сердца вѣрующихъ.» Любя книги и собравъ ихъ множество, Ярославъ положилъ ихъ на храненіе въ кіевскомъ храмѣ св. Софіи. Изъ другихъ князей, ревнителей христіанскаго просвѣщенія на Руси, упоминаются въ лѣтописяхъ: Святославъ черниговскій, любившій церковныя книги и хранившій ихъ у себя «въ клѣтѣхъ;» Всеволодъ Ярославичъ, который говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ, какъ мы знаемъ изъ сочиненій сына его, Владиміра Мономаха, отличавшагося въ свою очередь большою религіозною начитанностію; св. Евфросинія, княжна полоцкая, которая трудилась день и ночь надъ списываніемъ церковныхъ книгъ; Святославъ Давидовичъ, прозванный *Святошей*, который собиралъ книги и подарилъ ихъ Кіевопечерскому монастырю; Константинъ Всеволодовичъ, который часто и прилежно читалъ книги, имѣлъ очень много старинныхъ греческихъ книгъ и заставлялъ переводить ихъ на русскій языкъ, — и другіе. — Но по этимъ фактамъ, равно какъ и потому, что Владиміръ и Ярославъ брали отроковъ у бояръ и священниковъ и отдавали ихъ въ ученіе книжное, едва ли можно заключить, по примѣру преосв. Макарія и другихъ, «что книжное образованіе и письменность были у насъ тогда (т. е. въ XI и XII столѣтіи) довольно распространены.» *) Христіанская образованность и письменность развивались у насъ, въ первое время, преимущественно въ монастыряхъ (Кіевопечерскомъ и другихъ), между духовенствомъ и отчасти въ семействахъ княжескихъ, но крайне слабо проникали въ народъ: масса народа не только въ первое время, но и надолго еще оставалась неграмотною. Письменность и образованіе развивались вообще въ средѣ самаго народа чрезвычайно медленно. Наряду съ приведенными выше, отрадными фактами о любви къ книгамъ и о стремленіи къ просвѣщенію духовенства и князей, мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и противоположныя извѣстія о невѣжествѣ и безграмотности народа, и даже высшихъ классовъ его, бояръ и самыхъ князей. Если еще въ XIV столѣтіи встрѣчаются князья не книжные и не грамотные, какими, напримѣръ, были, по свидѣтельству памятниковъ: знаменитѣйшій изъ русскихъ князей того времени, Димитрій Донской и Василій Темный **), то тѣмъ болѣе подобные факты малаго развитія грамотности во всѣхъ классахъ народа, за исключеніемъ духовенства и нѣкоторыхъ князей, должны были встрѣчаться въ XI — XII столѣтіи. Вообще, школамъ, которыя заводили первые русскіе князья и тѣмъ, можно сказать, изолированнымъ фактамъ о любви къ книгамъ и о стремленіи нѣкоторыхъ князей къ распространенію грамотности, нѣкоторые

---

*) Исторія русск. церкви II, 170..

**) См. Ист. Рос., Соловьева, т. III, стр. 386, и т. IV, стр. 376. Въ житіи Димит. Дон. сказано: „аще и книгамъ неученъ бѣаше (былъ) добрѣ, но духовныя книги въ сердцѣ своемъ имяше.“ О Василіѣ Темномъ говорится прямо, что онъ былъ не книженъ и не грамотенъ.

историки русской литературы и русской церкви до сихъ поръ придавали слишкомъ большое значеніе. Первыя школы заводились почти исключительно для приготовленія будущихъ членовъ русскаго духовенства. Мы имѣемъ на это прямыя указанія письменныхъ памятниковъ того времени. Смоленскій князь, Романъ Ростиславичъ, сказано въ одной лѣтописи, устраивалъ на свой счетъ училища и принуждалъ многихъ людей къ ученію *затѣмъ, что не хотѣлъ имѣть у себя священниковъ неученыхъ* *). Грамотѣ учили преимущественно тѣхъ, кого готовили въ священники; число послѣднихъ, въ первое время, естественно не могло быть велико: первые іерархи русской церкви и первые священники были Греки и частію Славяне, присланные изъ Греціи и изъ Болгаріи; но, по всей вѣроятности, ихъ все же было недостаточно, и потому при церквахъ, монастыряхъ и при дворахъ епископскихъ учреждались школы, гдѣ учили грамотѣ пришлые священники, и обучившіеся, такимъ образомъ, русскіе юноши въ свою очередь дѣлались священниками и учителями.

Постепенное развитіе письменности и книжнаго образованія въ средѣ духовенства и безграмотность народа. — Письменность и книжное образованіе, съ теченіемъ времени, конечно усиливались и развивались на Руси, но развивались постепенно и болѣе всего въ средѣ духовенства, рано сознавшаго необходимость образованія для своего сословія. Въ народѣ же число грамотниковъ въ первое время было весьма не велико. Самыя книги, которыя переводились съ греческаго на славянскій языкъ, какъ произведенія развитой византійской духовной литературы, были вначалѣ мало понятны для народа по своему внутреннему содержанію. Священники наставляли народъ въ вѣрѣ изустно, читали въ церквахъ поученія и проповѣди, объясняющія св. писаніе. Потому, первыя переводныя книги, послѣ книгъ св. писанія, да и самыя св. книги, — вѣтхозавѣтныя — псалтирь и друг., а изъ новозавѣтныхъ — апостолъ — были наиболѣе распространены въ спискахъ *толковыхъ*, то есть съ вышеупомянутыми толкованіями и объясненіями на текстъ. Толкованія эти читались въ первое время въ русскихъ церквахъ народу. Такъ съ XI вѣка читалось въ церквахъ толкованіе св. Епифанія Кипрскаго (одинъ изъ отцевъ церкви и греческій духовный писатель IV вѣка) на книгу бытія**). Но и въ этихъ толкованіяхъ и поученіяхъ церковныхъ не все могло быть доступно новообращенному и малограмотному или вовсе безграмотному народу: » настроенный къ миѳической персонификаціи (олицетворенію, — вслѣдствіе своихъ старинныхъ языческихъ вѣрованій) народъ — говоритъ авторъ указанной статьи — легко могъ понимать буквально всѣ образныя выраженія церковныхъ книгъ и при-

---

*) Тамъ же, III, стр. 88.

**) Журн. Мин. Нар. Просв., январь 1863 г. Статья: „Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія,“ стр. 5.

нимать ихъ за физическую дѣйствительность.» *) Но съ умноженіемъ монастырей и числа собственно русскаго духовенства, духовенства, выходившаго изъ народа, грамотность и христіанское просвѣщеніе все болѣе и болѣе проникали въ народныя массы. Русское духовенство неутомимо трудилось надъ религіознымъ образованіемъ народа; оно старалось о распространеніи грамотности, съ цѣлію знакомить народъ съ письменными произведеніями, въ которыхъ излагались основныя истины христіанства, въ которыхъ объяснялось и раскрывалось вѣроученіе христіанское, во всей его полнотѣ. Развитая и обработанная духовная литература Византіи представляла въ этомъ отношеніи нашему духовенству всѣ необходимые источники и средства для его просвѣтительной дѣятельности Здѣсь было нужно одно лишь знаніе греческаго языка, и намъ извѣстно, что знаніемъ этимъ отличались не только многіе изъ членовъ перваго русскаго духовенства, но и люди свѣтскіе и князья. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, во первыхъ довольно значительное распространеніе греческихъ книгъ и рукописей на Руси (которыя, значитъ, находили себѣ читателей), а во вторыхъ то, что, по всей вѣроятности, въ первыхъ заведенныхъ школахъ учили греческому языку: упомянутый нами выше смоленскій князь, Романъ Ростиславичъ, содержалъ въ устроенномъ имъ училищѣ на свой счетъ учителей греческаго языка. Тоже, должно предполагать, существовало и въ другихъ училищахъ. Преосвящ. Филаретъ приводитъ извѣстіе, что въ первой половинѣ XIII столѣтія, въ Ростовѣ, во время службы въ церкви св. Богородицы, лѣвый клиросъ пѣлъ погречески, а правый порусски (*Обзоръ русской духов. литер.*, ч. 1, № 51). Слѣдственно, знаніе греческаго языка не представлялось въ древней Руси рѣдкимъ исключеніемъ, и было довольно распространено, въ особенности между духовенствомъ. Знаніе это употребляли на переводы духовныхъ произведеній греческой литературы, и дѣятельность русскаго духовенства древней эпохи была въ этомъ отношеніи столь значительна, что къ XV и къ началу XVI столѣтія почти вся церковная литература Византіи сдѣлалась извѣстна на Руси въ переводахъ. Конечно, часть изъ этихъ переводовъ, какъ мы говорили, принесена была къ намъ изъ славянскихъ земель, прежде насъ принявшихъ христіанство; нѣкоторые переводы сдѣланы были внѣ Россіи, на Аѳонѣ, въ существовавшихъ тамъ, еще во времена Ярослава, — русскомъ монастырѣ и въ монастыряхъ сербскомъ и болгарскомъ; но несомнѣнно, что много переводовъ съ греческаго предпринято и совершено и собственно въ Россіи, съ первыхъ же вѣковъ христіанства. Такъ у насъ существуетъ переводъ съ греческаго посланія *Льва*, римскаго папы, къ архіепископу константинопольскому Флавіану, сдѣланный въ XI столѣтіи инокомъ Ѳеодосіемъ, по побужденію князя Святотлава Давидовича (Святоши) *).

**) Какъ напримѣръ, слѣдующія выраженія нѣкоторыхъ церковныхъ каноновъ и поученій: *Возгремѣвый Илія на колесницѣ*, *Илія огненосный*, *Илія тученосный облакъ*, и проч. Тамъ-же, стр. 14—15 и друг,

*) Въ посланіи этомъ рѣчь идетъ о ересяхъ Евтихія и друг. и упоминается объ *Омирьскихъ* (Гомеровыхъ) и *риторскихъ* книгахъ.

Значеніе переводной греческой литературы въ исторіи древнерусскаго просвѣщенія. — Число переводовъ съ греческаго увеличивалось изъ вѣка въ вѣкъ. Многочисленность дошедшихъ до насъ рукописей первоначальныхъ переводовъ доказываетъ ихъ значительную распространенность не только между духовенствомъ, но и въ народѣ *). Слѣдуетъ допустить, что вліяніе греческихъ переводовъ, вносившихъ въ жизнь русскаго народа новыя идеи и новыя понятія, было весьма велико, если вся Русь скоро отреклась отъ имени языческаго и сдѣлалась христіанскою, если вся образованность древней Руси является въ тѣсной связи съ христіанскимъ вѣроученіемъ, въ томъ неизмѣнномъ видѣ, какъ оно передано было намъ отъ Византіи, духовная связь съ которой стала у христіанской Руси самою тѣсною и дружественною. Русскіе паломники, ища духовнаго просвѣщенія, отправлялись въ Грецію и на Востокъ; греческіе ученые мужи приходили въ Русь, и какъ тѣ, такъ и другіе приносили съ собою много славянскихъ и греческихъ рукописей и книгъ: у брата Мономахова, Константина Всеволодовича, было, напримѣръ, болѣе тысячи однихъ греческихъ книгъ, которыя онъ частію самъ купилъ, частію получилъ въ даръ отъ патріарховъ. (Ист. Рос. Соловьева, т. III, стр. 89).

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго ясно, что переводная духовная литература должна была подчинить неминуемо своему вліянію умы и сердца новообращенныхъ христіанъ на Руси, искавшихъ христіанскаго просвѣщенія. И она дѣйствительно имѣетъ большую важность и значеніе въ исторіи просвѣщенія русскаго народа. Главнѣйшее же вліяніе ея и значеніе заключается въ томъ, что она создала собственно русскую духовную литературу, которая возникла и развилась подъ исключительнымъ вліяніемъ греческихъ образцовъ: по примѣру греческихъ духовно-литературныхъ произведеній, и у насъ стали писать житія русскихъ святыхъ, стали составлять поученія и проповѣди и говорить ихъ передъ народомъ, начали писать духовныя посланія, сочинять каноны и церковныя пѣснопѣнія и т. п. И при этомъ, наши писатели подражали греческимъ произведеніямъ не только съ внутренней, но и съ внѣшней стороны, т. е. употребляли тѣ же самые литературные формы и пріемы, какіе находили у писателей греческихъ. Нѣкоторые же изъ первыхъ духовныхъ писателей Руси (которыми были первые іерархи русской церкви), Греки по происхожденію и незнакомые съ русскимъ языкомъ, даже писали погречески, какъ напримѣръ: митрополиты кіевскіе XI вѣка — Леонъ († 1007) и XII — Іоаннъ, Никифоръ и другіе. Но въ тоже время и русскіе люди начали испытывать свои силы въ собственныхъ сочиненіяхъ духовнаго содержанія, и съ начала XI вѣка появляется уже рядъ собственно русскихъ духовныхъ писателей, число которыхъ постоянно увеличивалось.

Сочиненія многихъ изъ этихъ писателей дошли до насъ отъ древнѣйшихъ временъ, и мы теперь приступимъ къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ изъ нихъ.

---

*) На нѣкоторыхъ рукописяхъ встрѣчаются надписи, что онѣ принадлежали свѣтскимъ людямъ, крестьянамъ и другимъ лицамъ низшаго класса народа.

ДУХОВНЫЕ ПИСАТЕЛИ И ЦЕРКОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XI, XII, XIII И XIV СТОЛѢТІЙ.

---

1. Лука Жидята († 1069), епископъ въ Новгородѣ, выбранный изъ Русскихъ. Первый же епископъ новгородскій былъ, какъ извѣстно изъ исторіи, Грекъ,— Якимъ Корсунянинъ. Отъ Луки Жидяты до насъ дошло одно «слово» къ новгородской паствѣ, или *Поученіе архіепископа Луки къ братіи*, какъ его называютъ. Поученіе Луки Жидяты отличается особенною простотою, краткостію, сжатостію рѣчи и совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ украшеній. Вотъ, для примѣра, отрывки изъ этого поученія: «Се, братіе, первѣе всего сію заповѣдь извѣстно (несомнѣнно) должни есмы вси крестиянѣ (христіане) держати: вѣровати въ единъ Богъ, въ Троици славимъ, въ Отца и Сына и Святаго Духа, яко же научили апостоли, святіи отци утвердиша.... Вѣруйте же кресенію (воскресенію), и жизни вѣчнѣй, и муцѣ грѣшнымъ вѣчнѣй. Не лениться къ церкви ходити, и на заутреню, и на обѣдню, и на вечерню, и въ своей клети (въ домѣ) хотя спати, Богу поклонився, толи (тогда) на постели лязи.... Любовь имѣите со всяцѣмъ человѣкомъ.... Не вздайте зла за зло.... Мзды не емлите, въ лихву не дайте» (не берите взятокъ, не отдавайте денегъ въ ростъ) и проч. Простота и безъискуственность поученія Луки Жидяты, состоящаго исключительно изъ самыхъ обыкновенныхъ религіозныхъ наставленій, вполнѣ характеризуютъ то общество, къ которому оно было обращено, и показываютъ, что новгородская паства, во время архіепископства Луки, стояла еще на низкой степени христіанскаго просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи слово Луки Жидяты и заслуживаетъ вниманія историка. Съ другой стороны, въ поученіи Луки Жидяты, по мнѣнію г. Соловьева, выражается общій духъ новгородскаго народонаселенія, какой замѣчаемъ постоянно въ новгородскихъ памятникахъ: какъ въ лѣтописи новгородской, такъ и здѣсь замѣчаемъ одинакую простоту, краткость, сжатость, отсутствіе всякихъ украшеній (Ист. Рос., т. III, стр. 96). Замѣтимъ еще, что поученіе Луки Жидяты отличается весьма древними формами языка и письменнаго выраженія.

---

2. Иларіонъ, первый кіевскій митрополитъ изъ Русскихъ. Онъ былъ избранъ, по желанію великаго кн. Ярослава, изъ священниковъ въ митрополиты соборомъ русскихъ епископовъ, независимо отъ Константинополя. (Извѣстно, что первые кіевскіе митрополиты и епископы долгое время все были Греки и поставлялись константинопольскимъ патріархомъ). Отъ Иларіона, такъ же какъ и отъ Луки Жидяты, до насъ дошло только одно поученіе, рѣзко отличающееся, впрочемъ, и по внутреннему содержанію своему и по внѣшнему изложенію отъ поученія новгородскаго архіепископа. Видно, слово Иларіона обращено было къ слушателямъ или къ читателямъ, уже хорошо знакомымъ съ истинами христіанскаго вѣроученія; да и самъ авторъ говоритъ: *не къ невѣдущимъ бо пишемъ, но преизлиха насыщемся* (съ избыткомъ насытившимся) *сладости*

книжныя. Должно думать поэтому, что слово Иларіона было обращено не ко всему народу, а къ извѣстному кругу людей, уже вполнѣ ознакомившихся изъ книгъ съ основными истинами христіанства. Г. Соловьевъ допускаетъ догадку, что, быть можетъ, слово это есть посланіе митрополита къ великому князю Ярославу, который отличался, какъ мы знаемъ, большою охотою къ чтенію книгъ. Въ словѣ Иларіона не заключается тѣхъ религіозныхъ и нравственныхъ наставленій, какія мы видѣли въ поученіи Луки Жидяты. Главное содержаніе его слова заключается въ разсужденіи о превосходствѣ христіанства передъ іудействомъ, или о превосходствѣ *благодати* и *истины*, пришедшихъ въ міръ черезъ *Іисуса Христа*, передъ *закономъ*, *даннымъ Моисею*.

Обращаясь же собственно къ своимъ слушателямъ, къ Русскимъ, Иларіонъ представляетъ имъ высокое превосходство новой, христіанской, вѣры надъ старою, языческою: «уже не идолослужителями, говоритъ онъ, именуемся мы, но создаемъ церкви Христовы.... Пуста была земля наша и изсохла, зной идолослуженія изсушилъ ее, но внезапно потекъ источникъ Евангелія и напоилъ всю землю нашу,» и проч. Затѣмъ проповѣдникъ естественно переходитъ къ прославленію того князя, которому суждено было быть апостоломъ Руси, и обращается съ восторженными похвалами къ св. Владиміру; а далѣе прославляетъ сына его, Георгія (Ярослава), который не нарушилъ, не измѣнилъ уставовъ и дѣлъ отца своего, но доканчиваетъ что тотъ не успѣлъ докончить, который созидаетъ и украшаетъ церкви Божія, на удивленіе всѣмъ окрестнымъ странамъ, который славный городъ Владиміровъ, Кіевъ, *величествомъ яко вѣнцемъ обложилъ*, и проч. Заключаетъ свое слово Иларіонъ обширною молитвою къ Богу отъ лица всей земли Русской.

Слово Иларіона явно написано подъ вліяніемъ греческихъ образцовъ и отличается всѣми свойствами духовнаго краснорѣчія, принесеннаго къ намъ изъ Византіи: цвѣтистымъ языкомъ, тонкими умозаключеніями и искуствомъ въ расположеніи рѣчи; а во второй половинѣ слова, въ воззваніи къ Владиміру и въ молитвѣ за Русскую землю, рѣчь Иларіона становится истинно вдохновенною и отличается силою и теплотою религіознаго чувства *).

---

3. Преподобный Ѳеодосій († 1174), третій изъ древнѣйшихъ духовныхъ писателей русскихъ. Подробное жизнеописаніе Ѳеодосія составилъ другой

---

*) Вотъ полное заглавіе слова Иларіона: „Слово о законѣ, Моисеомъ даннѣмъ, и о благодати и истинѣ, Исусъ Христомъ бывшимъ; благодать же и истина всю землю исполни и вѣра во вся языки (т. е. народы) простреся и до нашего языка русскаго; и похвала *кагану* нашему Владиміру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ вся земли нашеа.“ Трудно объяснить исторически, почему здѣсь, въ русскомъ духовномъ сочиненіи, св. Владиміру придано названіе *кагана*, титулъ, которымъ назывались обыкновенно государи *Казаръ*, исповѣдовавшихъ магометанство? — Слово Иларіона обнародовано первый разъ въ 1844 году г. Горскимъ, въ *Твор. Св. Отцевъ*.

русскій писатель XI вѣка, извѣстный намъ Несторъ. Преподобный Ѳеодосій, послѣ Антонія Печерскаго, основателя Кіево-печерской обители, является на Руси однимъ изъ первыхъ подвижниковъ и представителей отшельнической жизни, влеченіе къ которой онъ почувствовалъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ сталъ «каждый день ходить въ церковь Божію, со всѣмъ вниманіемъ слушая божественныя книги, постоянно размышляя лишь о томъ, какъ и какимъ образомъ ему спастися?» — говоритъ его біографъ. Не смотря на сопротивленіе матери, женщины богатой, Ѳеодосій успѣлъ поступить въ обитель Антонія, постригся тамъ, и впослѣдствіи сталъ строителемъ и игуменомъ Кіево-печерскаго монастыря. — До насъ дошло отъ него 12 поученій, изъ коихъ два собственно — о *казняхъ Божіихъ* и о *пьянствѣ* — обращены были къ народу, а десять другихъ, къ инокамъ; но большая половина этихъ поученій сохранилась не въ цѣлости, а лишь въ отрывкахъ. Два первыя поученія Ѳеодосія важны по указаніямъ на нравы, обычаи и на нѣкоторыя, господствовавшіе въ русскомъ обществѣ, во время Ѳеодосія, пороки и суевѣрія, какъ напримѣръ: пьянство, противъ котораго онъ сильно вооружается, равно какъ и противъ вѣры въ волхвованія, чародѣянія, и т. п., такъ какъ это были остатки язычества. Но особенно преп. Ѳеодосій возстаетъ противъ пьянства, о которомъ говоритъ въ обоихъ поученіяхъ своихъ къ народу, и говоритъ такъ же противъ скоморошества, гусли, сопели и другихъ народныхъ игръ, которыя, вѣроятно, соединялись съ какими либо старинными языческими обычаями. Всѣ пороки и зло въ человѣкѣ Ѳеодосій приписываетъ навожденію дьявола. «Страну, которая согрѣшаетъ, Богъ казнитъ смертію, по его словамъ, или бездождіемъ или иными различными казнями.» Сущность всѣхъ поученій Ѳеодосія заключается, главнымъ образомъ, въ простомъ изложеніи ученія о вѣрѣ, проникнутомъ ревностнымъ религіознымъ чувствомъ, и въ предостереженіяхъ противъ пороковъ и дѣйствій, недостойныхъ христіанъ. Вездѣ проявляется у него любовь къ отшельничеству, аскетизму и монашеской жизни, посвященной труду, физическому и моральному, и добровольнымъ лишеніямъ, — жизни, которую преподобный отшельникъ хочетъ представить, какъ идеалъ для жизни христіанина вообще. — Кромѣ поученій Ѳеодосія, извѣстны еще два *посланія* его къ велик. кн. Изяславу. Одно изъ нихъ написано по поводу ученія католиковъ и отличается крайнею нетерпимостію, которую Ѳеодосій простираетъ до того, что запрещаетъ не только браки съ католиками, но даже ѣсть и пить съ ними за однимъ столомъ. Въ этомъ видна уже та ненависть къ латинамъ, къ католицизму вообще, которая передана древней Руси отъ Византіи. Предметъ другаго посланія Ѳеодосія къ Изяславу составляютъ исключительно обрядовые вопросы: «можно ли въ праздники готовить пищу? можно ли по средамъ и пятницамъ ѣсть мясо?» и т. п. *).

---

*) Сочиненіе препод. Ѳеодосія изданы преосв. Макаріемъ; подробно о нихъ можно читать въ его Ист. Р. Ц.. т. II, стр. 101—103.

4. Іаковъ «Мниxъ,» или чернориздъ Печерскаго монастыря. О его жизни извѣстно только, что онъ былъ духовникомъ вел. кн. Изяслава и жилъ во время Ѳеодосія. Изъ сочиненій Іакова чернориздa мы знаемъ, вопервыхъ—одно духовное посланіе къ великому князю Изяславу *), а потомъ—ему приписываютъ два религіозно-историческихъ сочиненія XI вѣка, изъ которыхъ первое есть *Сказаніе о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ*, а второе: *Житіе и похвалу Владиміру*, какъ апостолу и просвѣтителю Руси христіанствомъ.

Насильственная, мученическая смерть Бориса и Глѣба, которые, между всѣми сыновьями Владиміра, отличались въ особенности мягкостію нравовъ и христіанскою кротостію, сдѣлалась, скоро послѣ совершенія самаго событія, предметомъ нѣсколькихъ письменныхъ сочиненій, народныхъ сказаній и духовныхъ стиховъ. Сказаніе объ этомъ событіи всегда входило въ составъ древней русской лѣтописи, въ видѣ отдѣльнаго разсказа или повѣсти объ убіеніи Бориса и Глѣба. — Сочиненіе чернориздa Іакова о Борисѣ и Глѣбѣ, ставшихъ такимъ образомъ, любимыми русскими святыми, отличается религіозно-поэтическимъ характеромъ и состоитъ изъ разсказа о страдальческой смерти и о чудесахъ, которыя совершали эти святые мученики послѣ своей кончины. — Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ передѣлывалось, дополнялось и распространялось въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, — доказательство того, что оно имѣло въ старину многихъ читателей.

---

5. Преподобный Несторъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей русскихъ конца XI вѣка. Къ тому, что уже сказано нами о Несторѣ, какъ лѣтописцѣ, прибавимъ, что изъ обстоятельствъ его жизни и воспитанія намъ неизвѣстно никакихъ подробностей. Полагаютъ, что онъ родился между 1055 и 1057 годомъ и скончался въ 1114 г.; пришелъ же въ Кіево-печерскій монастырь не задолго до смерти св. Ѳеодосія и присутствовалъ при открытіи и перенесеніи мощей послѣдняго.

Несторъ, кромѣ составленія лѣтописи, оставилъ еще два другихъ сочиненія: *Житіе препод. Ѳеодосія Печерскаго* и *Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ*. Житіе св. Ѳеодосія считается однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей духовной литературы, въ которомъ Несторъ съ большою простотою и искуствомъ изображаетъ дѣтство Ѳеодосія и характеръ его матери, которая была, по его словамъ, «здорова и сильна какъ мужчина;» преслѣдуя сына за рано родившееся въ немъ желаніе удалиться отъ свѣта, желаніе, которое было ей непонятно, она не рѣдко била, мучила и связывала *блаженнаго*, «какъ какого либо злодѣя.» Далѣе Несторъ описываетъ благочестивую, отшельническую жизнь Ѳеодосія въ обители св. Антонія, жизнь, полную трудовъ и добровольныхъ лишеній, которую наши первоначальные духовные писатели любили

---

*) Напечатано въ Ист. Р. Ц. Макарія, т. II, прим. 284. См. также стр. 121—122. II. О сочиненіяхъ Іакова Мниха писали еще: Погодинъ, Срезневскій—въ „Извѣст." Акад. Н. по II Отд.

всегда изображать такими яркими и сочувственными красками. Какъ замѣчательную черту высокаго характера преподобнаго отшельника, Несторъ приводитъ здѣсь смѣлый отвѣтъ Ѳеодосія посланному отъ князя Святослава *), приглашавшаго его къ княжескому столу: „*Не имамъ яти на трапезу Езавелину и причаститися братьна того, исполнь убо крови, убійства. И ина же многа укоризна глаголавъ*,“ — прибавляетъ авторъ житія преподобнаго Ѳеодосія и говоритъ, что онъ не велѣлъ даже поминать на ектеніи князя Святослава въ своемъ монастырѣ.

Другое сочиненіе преп. Нестора: «Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ» написано въ томъ же духѣ, какъ и сочиненіе того же имени черноризца Іакова. Оно отличается отъ послѣдняго лишь пространнымъ вступленіемъ, въ которомъ говорится о распространеніи христіанства по всей землѣ и о крещеніи Руси Владиміромъ, отъ котораго сочинитель переходитъ къ разсказу о житіи Бориса и Глѣба и объ ихъ мученической кончинѣ, и при описаніи послѣдней слѣдуетъ во всемъ сказанію Іакова.

Характеристика духовныхъ писателей XI вѣка. — Вотъ всѣ замѣчательные духовные писатели русскіе XI вѣка, сочиненія которыхъ дошли до насъ. Какъ и слѣдовало ожидать отъ христіанскихъ писателей того времени, главная сущность ихъ сочиненій заключается, какъ мы видѣли, въ разъясненіи, въ толкованіи народу вопросовъ новой вѣры и въ изложеніи общихъ и главнѣйшихъ истинъ ученія христіанскаго. При этомъ мы замѣчаемъ такъ же, что почти всѣ названные нами духовные писатели обращаютъ большое вниманіе на внѣшнюю, обрядовую сторону религіи, и какъ вѣроучители, такъ и сами новообращенные вѣрующіе придаютъ обрядовымъ вопросамъ весьма важное значеніе. Какъ для самихъ князей, такъ и для народа были неясны вопросы: когда и что можно ѣсть? Можно ли въ праздники готовить пищу? Сколько молитвъ слѣдуетъ прочесть за трапезой и сколько дозволяется спѣть *тропарей* **) (т. е. сколько можно выпить чашъ вина, сопровождавшихся обыкновенно пѣніемъ тропарей)? Для чего установлена кутья, можно ли на нее класть яйца и приставлять воду? и т. д.—И учители вѣры подробно объясняютъ и толкуютъ всѣ эти вопросы въ своихъ поученіяхъ народу и въ духовныхъ посланіяхъ къ князьямъ.

Писатели и памятники послѣдующихъ вѣковъ. — Рядъ духовныхъ писателей съ каждымъ вѣкомъ постоянно возрасталъ; но духъ и характеръ нашей духовной литературы, установленный писателями первыхъ вѣковъ,

---

*) Послѣ того, какъ Святославъ отнялъ у старшаго брата, Изяслава, престолъ кіевскій.

**) *Тропари* — церковныя пѣснопѣнія.

повторяется почти неизмѣнно въ сочиненіяхъ всѣхъ послѣдующихъ писателей. Почти всѣ высшіе іерархи русской церкви и вообще извѣстнѣйшія духовныя лица своего времени были и главнѣйшими духовными писателями, какъ въ XI, такъ и въ послѣдующихъ вѣкахъ.

Къ извѣстнѣйшимъ изъ писателей и памятниковъ русской духовной литературы описываемаго періода времени принадлежатъ:

1. Митрополитъ Никифоръ (1104—1121), Грекъ по происхожденію, какъ и большая часть лицъ, стоявшихъ въ это время во главѣ русской церкви. Намъ извѣстны для посланія м. Никифора къ вел. кн. Владиміру Мономаху: одно, написанное по случаю великаго поста, а другое по вопросу о латинской вѣрѣ («О постѣ и воздержаніи чувствъ» и «О латинѣхъ, како отвержены быша отъ восточныя церкви»). Въ сочинителѣ этихъ посланій виденъ человѣкъ, образовавшійся въ Византіи и старающійся проводить въ сочиненіяхъ своихъ чисто византійскія воззрѣнія. Въ первомъ посланіи къ Мономаху, (котораго, по мнѣнію Никифора, нельзя упрекнуть въ несоблюденіи какого-либо изъ перечисляемыхъ имъ здѣсь же требованій христіанской жизни), мотрополитъ говоритъ, великому князю: «вмѣсто поученія о постѣ, мы изложимъ твоему благовѣрію нѣчто иное, мы скажемъ о самомъ источникѣ, изъ котораго происходитъ въ человѣкѣ всякое добро и всякое зло;» и затѣмъ пускается въ чисто философское разсужденіе о способностяхъ и силахъ души, проявляющихъ свою дѣятельность посредствомъ пяти внѣшнихъ чувствъ. «Какъ ты, князь, говоритъ Никифоръ, сидя на своемъ престолѣ, дѣйствуешь посредствомъ воеводъ и слугъ своихъ по всей странѣ, такъ и душа дѣйствуетъ чрезъ пять *слугъ* своихъ, т. е. чрезъ пять чувствъ,» и проч. А выше передъ этимъ, восхваляя добродѣтели Мономаха, онъ выражается о немъ между прочимъ такъ: «Богъ издалека проразумѣ и предповелѣ, его же изъ утробы освяти и помазавъ, отъ *царское* *) и княжеское крови смѣсивъ.» Подобные взгляды и понятія не были свойственны, конечно, русской жизни тогдашняго времени; они мало были знакомы не только народу русскому, но и самимъ князьямъ, которые могли почерпать ихъ лишь изъ византійскихъ источниковъ. — Извѣстно еще одно поученіе митрополита Никофора, сказанное народу въ недѣлю сыропустную; но изъ поученія этого должно заключить, что митроп. Никифоръ писалъ по гречески и что его писанія уже переводились другими на славянскій языкъ и читались въ церкви **).

---

2. Кириллъ Туровскій, одинъ изъ замѣчательныхъ духовныхъ писателей и краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ русской церкви въ XII столѣтіи. Кириллъ родился въ Туровѣ и былъ сынъ богатыхъ родителей, но отказался

---

*) Отецъ Маномаха былъ женатъ на греческой царевнѣ.

**) Ист. Русск. Церкви, пр. Макарія, т. II, стр. 161.

отъ богатаго наслѣдства и съ юныхъ лѣтъ вступилъ въ монашество. Въ монашествѣ Кириллъ отличался самою строгою отшельническою жизнію, наконецъ заключилъ себя въ столпѣ, пребывая въ постоянной молитвѣ и постѣ. Эта строгая святость жизни доставила Кириллу большую славу, такъ что и граждане Турова и самъ князь упросили его занять въ ихъ городѣ свободную въ то время каѳедру епископа туровскаго. Изъ лѣтописи и изъ житія Кирилла не видно съ точностію, въ которомъ году онъ былъ призванъ къ епископству, но это случилось во время княженія Андрея Боголюбскаго.

Отъ Кирилла Туровскаго до насъ дошло; 12 *Поученій*, *Покаянный канонъ* и *Молитва* на седьмицу. Изъ поученій, 10 сказаны въ 10 воскресныхъ дней, отъ недѣли Ваій до Троицына дня, и одно поученіе изложено въ видѣ *Притчи о слѣпцѣ и хромцѣ*. Кромѣ того извѣстно, что Кириллъ Туровскій писалъ житія святыхъ, посланія къ Андрею Боголюбскому и обличенія противъ извѣстнаго въ исторіи русской церкви ростовскаго епископа Ѳеодора, или *Ѳедорца*, (какъ его называетъ лѣтописецъ), который, послѣ того, какъ митрополитъ запретилъ паствѣ признавать его епископомъ, заперъ всѣ церкви во Владимірѣ (Залѣсскомъ), не пускалъ въ нихъ народъ и, по словамъ лѣтописца, сталъ съ варварскою жестокостію обращаться съ духовенствомъ и съ народомъ *). Но обличенія противъ Ѳедорца, равно какъ и посланія къ Андрею Боголюбскому, которыя писалъ Кириллъ Туровскій, до насъ не дошли. — Кириллу Туровскому приписываютъ еще *Слово о мытарствахъ*, или поученіе о состояніи души послѣ разлученія съ тѣломъ. **)

Слова и проповѣди Кирилла Туровскаго рѣзко отличаются отъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами доселѣ сочиненій русскихъ проповѣдниковъ. На нихъ явнымъ образомъ и весьма сильно отпечатлѣвается вліяніе чтенія сочиненій лучшихъ проповѣдниковъ и отцевъ церкви и потомъ — вліяніе поэтическихъ церковныхъ пѣснопѣній, съ которыми слова краснорѣчиваго проповѣдника ту-

---

*) Князь Андрей Боголюбскій приказалъ Ѳеодору идти ставиться къ митрополиту въ Кіевъ, но тотъ не захотѣлъ подчиниться митрополиту, на томъ основаніи, что онъ поставился въ епископы въ Константинополѣ отъ самаго патріарха, затворилъ церкви во Владимірѣ и церковные ключи взялъ къ себѣ. „Много пострадали отъ него люди — говоритъ лѣтописецъ: — однимъ головы рубилъ и бороды рѣзалъ, другимъ глаза выжигалъ и языкъ разрѣзывалъ,“ и проч. За то, когда князь Андрей силою отправилъ его въ Кіевъ, то и митрополитъ (Константинъ II, Грекъ) поступилъ съ Ѳеодоромъ не менѣе жестоко: „велѣлъ отвести на Песій Островъ, гдѣ ему отрѣзали языкъ, какъ злодѣю еретику, руку правую отсѣкли и глаза выкололи.“ См. Ист. Рос., Соловьева, т. III, стр. 69—66. Въ разсказѣ лѣтописца о преступленіяхъ Ѳеодора, главнымъ образомъ, проглядываетъ обвиненіе за то, что онъ не хотѣлъ покориться митрополиту, который обвинилъ его „всѣми винами,“ по словамъ лѣтописца. Быть можетъ, и самыя вины Ѳеодора были преувеличены.

**) „Слово о мытарствахъ“ приписываютъ Кириллу Туровскому: К. Калайдовичъ, издавшій первый разъ его сочиненія въ „Памятникахъ русской словесности XII вѣка,“ и г. Сухомлиновъ, напечатавшій недавно проповѣди К. Т. по рукописямъ графа Уварова. А г. Шевыревъ (И. Р. С. Лекціи, ч. III, стр. 12 пред., и стр. 88) приписываетъ это слово то Авраамію Смоленскому, то Кириллу Философу.

ровскаго находится въ большомъ сродствѣ и отъ которыхъ онъ заимствуетъ не рѣдко не только форму, но и самыя выраженія.

Обиліе поэтическихъ образовъ и сравненій, особенное стремленіе и любовь къ притчамъ, иносказаніямъ и символическимъ картинамъ, — картинамъ,— «воодушевленнымъ и смѣло набрасываемымъ нашимъ древне-русскимъ ораторомъ», по выраженію г. Буслаева, наконецъ оживленный и краснорѣчивый разсказъ о событіи дня или праздника, въ который говорится слово, и о его христіанскомъ значеніи, — вотъ главныя характеристическія черты всѣхъ проповѣдей Кирилла Туровскаго, которыя смѣло могутъ быть причислены къ лучшимъ образцамъ нашего стариннаго церковнаго краснорѣчія.

Изъ проповѣдей Кирилла особенно замѣчательны слова: въ недѣлю *Ваій*, въ *Новую недѣлю по Пасцѣ* (на Ѳомино воскресеніе), въ недѣлю *Мироносицкую*, на *Вознесеніе* и въ недѣлю *О разслабленномъ*. Большая часть изъ нихъ, по своему способу изложенія, рѣшительно напоминаетъ церковныя пѣснопѣнія, которыя поются и читаются въ тѣ же дни въ церкви, и составляетъ какъ бы распространеніе и разъясненіе этихъ пѣснопѣній. Но нѣкоторыя мѣста въ этихъ проповѣдяхъ, по длинротѣ иносказаній и по искуственности и излишеству символическихъ образовъ, представляются слишкомъ утомительными и натянутыми.

Заключительныя слова первой проповѣди Кирилла, въ недѣлю Ваій, уже ясно указываютъ на главную цѣль всѣхъ проповѣдей его, заключающуюся, главнымъ образомъ, въ изображеніи и въ краснорѣчивомъ прославленіи событія, празднуемаго церковію въ тотъ день, когда говорится проповѣдь. Вотъ это заключеніе: «сокративши слово, — говоритъ проповѣдникъ, — пѣснями, какъ *цвѣтами*, святую церковь увѣнчаемъ и праздникъ украсимъ, и Богу славословіе вознесемъ, и Христа Спасителя нашего возвеличимъ».

Для ознакомленія съ языкомъ и образомъ изложенія Кирилла приведемъ отрывки изъ проповѣди на Ѳомино воскресеніе: «Въ минувшую бо недѣлю святыя Пасхи удивленіе бѣ небеси и устрашеніе преисподнимъ, обновленіе твари и избавленіе міру, разрушеніе адово и попраніе смерти.... Днесь весна красуеться, оживляющи земное естество; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзуютъ (подаютъ, приносятъ) и земля сѣмена питающе, зеленую траву ращаетъ. Весна убо красна — вѣра есть Христова», и проч.

Лучшій образецъ слога и манеры изложенія Кирилла представляетъ его слово въ недѣлю о разслабленномъ.

Молитвы Кирилла Туровскаго на всю седьмицу и покаянный канонъ отличаются тѣмъ же цвѣтистымъ, поэтическимъ языкомъ и полнотою религіознаго чувства. — Замѣтимъ еще, что въ церковно-славянскомъ языкѣ, которымъ писаны произведенія туровскаго оратора, встрѣчаются южно-русскіе обороты и слова; самое обиліе украшеній въ проповѣдяхъ Кирилла можетъ быть отчасти объяснено тѣмъ, что онѣ родились въ югозападномъ краѣ Россіи и предназначались для народонаселенія, всегда отличавшагося поэтическимъ характеромъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, трудно сказать, въ какой степени символизмъ этихъ проповѣдей, всѣ ихъ образныя представленія и приводимыя ораторомъ понятія и

воззрѣнія были доступны массѣ его слушателей? — Проповѣди Кирилла, должно полагать, представлялись тѣмъ болѣе трудными для пониманія неграмотныхъ и еще мало ознакомившихся съ истинами христіанскими слушателей XII вѣка, что въ нихъ не заключается прямаго изложенія правилъ и наставленій христіанской нравственности, какъ напримѣръ, въ поученіяхъ Луки Жидяты или Ѳеодосія; но весь ихъ поучительный смыслъ заключается собственно въ символахъ и иносказаніяхъ, которыми переполнены слова Кирилла, и для пониманія которыхъ необходима уже извѣстная степень развитости.

Къ періоду времени отъ XI до XIV столѣтія принадлежитъ рядъ духовныхъ поученій, посланій и другихъ сочиненій церковнаго содержанія (какъ извѣстныхъ, такъ и неизвѣстныхъ авторовъ), которыя, заключая въ себѣ обыкновенныя наставленія въ вѣрѣ и христіанской нравственности, равно какъ и нѣкоторыя, весьма интересныя, указанія на обычаи и нравы эпохи, собственно въ литературномъ отношеніи не представляютъ ничего примѣчательнаго; потому мы сдѣлаемъ лишь краткое обозрѣніе этихъ памятниковъ нашей церковной письменности.

---

3. **Вопросы черноризца Кирика**, съ отвѣтами на нихъ новгородскаго епископа *Нифонта* и нѣкоторыхъ другихъ духовныхъ лицъ. (Памятникъ XII столѣтія). Вопросы эти касаются различныхъ церковныхъ дѣлъ, указываютъ на существованіе въ народѣ многихъ языческихъ суевѣрій, возстаютъ противъ *займа съ ростомъ* (т. е. противъ большихъ процентовъ) и проч.

---

4. **Поученіе крестьяномъ** (христіанамъ), которое иные относятъ къ XI — XII в., а иные приписываютъ митрополиту Кириллу († 1233). Поученіе это особенно замѣчательно по отношенію къ современнымъ политическимъ и общественнымъ вопросамъ: въ немъ запрещается, напримѣръ, отъѣзжать отъ *своего* князя къ *иному: князю земли вашея покоряйтеся*; повелѣвается *челядь* свою и *сиротъ* домашнихъ (прислугу, рабовъ) кормить до сыта, одѣвать, не обижать и миловать, учить ихъ на спасеніе и покаяніе, а старыхъ на свободу отпускать. Но въ тоже время позволяется, въ случаѣ ослушанія рабовъ, *не щадить на нихъ лозы*, и проч.

---

5. **Слово нѣкоего христолюбца**,— памятникъ XIII столѣтія, въ которомъ говорится о христіанахъ, живущихъ *двоевѣрно*, т. е. придерживающихся языческихъ обычаевъ, которые вѣровали еще въ *Перуна*, въ *Хорса*, въ *Мокошь*.... «огнѣвѣ (огню) молятся, зовуще его *Сварожичемъ*» *), и т. д. Авторъ поученія вооружается вообще противъ сохранившихся въ народѣ многихъ языче-

---

*) Перунъ, Хорсъ, Мокошь, Сварожичъ,— все языческія славянскія божества.

сихъ обычаевъ и обрядовъ; при чемъ замѣчательны слова христолюбца, что «тако творятъ» (т. е. живутъ двоевѣрно) *не токмо невѣжи, но и бѣлци, попове и книжницы.*

---

6. **Посланіе Симона**, епископа владимірскаго и суздальскаго, къ печерскому черноризцу *Поликарпу*, — церковно-литературный памятникъ XIII столѣтія (Симонъ поставленъ въ епископы въ 1215 году). Въ посланіи этомъ епископъ Симонъ старается, главнымъ образомъ, обличить нравственные недостатки и пороки, лично принадлежащіе Поликарпу, которые, по мнѣнію Симона, вовсе несвойственны монаху; потому, онъ учитъ Поликарпа иноческому послушанію и смиренію. Такимъ образомъ, памятникъ этотъ имѣетъ болѣе характеръ частнаго письма, нежели литературнаго произведенія. Тѣмъ не менѣе онъ не лишенъ интереса и въ историко-литературномъ отношеніи, во-первыхъ потому, что написанъ съ силою и убѣдительностію и мѣстами довольно краснорѣчиво, а во-вторыхъ потому, что находится въ связи съ другими духовно-литературными трудами Симона и самаго Поликарпа, положившими начало *Печерскому Патерику* (см. далѣе) или житіямъ кіево-печерскихъ святыхъ. Кромѣ того, посланіе это заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя важныя историческія указанія: изъ него видно, напримѣръ, что русскія церкви уже въ это время получали большіе доходы и владѣли слободами и селами, и что русскіе князья и княгини принимали дѣятельное участіе въ назначеніи и поставленіи епископовъ. Симонъ такъ начинаетъ свое посланіе: «Брате, — говоритъ онъ Поликарпу, — сѣди въ безмолвіи, собери умъ свой и рци къ себѣ: человѣче! нѣси ли міра оставилъ еси и по плоти родитель, ащеже и здѣ пришедъ на спасеніе, а не духовная творишь? Что ради въ черническое имя облекся еси? А не избавятъ тебе муки (т. е. отъ муки) черныя ризы», и проч. Затѣмъ онъ укоряетъ Поликарпа въ гордости, въ томъ, что онъ не хотѣлъ служить «святу мужеви, своему *господину*, а нашему брату архимандриту Анкидину, игумену печерскому. Печерскій монастырь — море, прибавляетъ Симонъ: — не держитъ въ себѣ гнилаго, но измещетъ вонъ»; укоряетъ въ честолюбіи, въ томъ, что Поликарпъ хотѣлъ самъ сдѣлаться игуменомъ и даже искалъ сана епископскаго, и т. п. Словомъ, все посланіе заключается въ порицаніи поведенія Поликарпа и въ наставленіяхъ, какъ онъ долженъ былъ поступать при томъ или другомъ случаѣ. Подъ конецъ, Симонъ приводитъ, въ примѣръ смиренія Поликарпу, преданія Печерскаго монастыря о бывшихъ въ немъ нѣкоторыхъ святыхъ, пересказывая довольно подробно ихъ жизнеописанія. Эта-то часть посланія Симонова и послужила основаніемъ Патерику.

Симону принадлежитъ еще, кромѣ посланія къ Поликарпу, *Сказаніе о построеніи Печерской церкви*, въ которомъ, въ числѣ другихъ чудесъ, пересказывается преданіе о вѣнцѣ Христовомъ и о золотомъ поясѣ, принесенныхъ *Шимономъ* въ Кіевъ, изъ варяжской земли. Шимонъ, сынъ одного варяжскаго князя, по примѣру своихъ соотечественниковъ, отправляясь въ Русь, съ намѣреніемъ стать на службу у котораго либо изъ русскихъ князей, и покидая

родительский домъ, снялъ вѣнецъ и золотой поясъ съ Распятія, принадлежавшаго его отцу, и при этомъ услышалъ голосъ, исходившій отъ иконы, который повелѣвалъ ему не возлагать на себя этихъ вещей, но отнести ихъ на предназначенное для нихъ мѣсто, гдѣ будетъ основана церковь Богоматери. Когда Шимонъ пустился въ Русскую землю и плылъ по морю, то ему представилась, въ дивномъ видѣніи, посреди неба, превеликая церковь. Впослѣдствіи, находясь уже на Руси и участвуя вмѣстѣ съ княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ въ сраженіи съ Половцами, на р. Альтѣ, Шимонъ былъ раненъ и лежалъ на полѣ, посреди другихъ раненыхъ и убитыхъ русскихъ воиновъ, и взглянувъ на небо, онъ вдругъ увидѣлъ тоже самое дивное видѣніе о церкви, которое представилось ему, когда онъ плылъ въ Русь. Онъ сталъ молиться, и нѣкая сила спасла его отъ ранъ, отъ которыхъ онъ изнемогалъ. Возвратившись, послѣ сраженія, въ Кіевъ, Шимонъ пришелъ къ преп. Антонію и пересказалъ ему о своемъ видѣніи; ибо когда русскіе князья, и съ ними Шимонъ, отправлялись въ походъ и пришли къ Антонію просить его молитвъ и благословенія, преподобный старецъ предсказалъ имъ, что они будутъ разбиты и многіе изъ нихъ погибнутъ, но что Варягъ Шимонъ, принесшій въ Русь поясъ и вѣнецъ Спасителя, будетъ спасенъ и, послѣ своей смерти, положенъ будетъ въ церкви Богоматери, которая воздвигнется на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась обитель, или пещера преподобнаго отшельника.

Преданіе о вѣнцѣ Христовомъ и о поясѣ, по мнѣнію Буслаева, имѣетъ историческое значеніе: оно составилось въ интересахъ дома Мономаховичей и княжескаго рода Всеволода Ярославича переяславскаго, которому отецъ его, Ярославъ, отдалъ Шимона, —*да будетъ старѣй у него* (т. е. старшимъ изъ княжескихъ слугъ, чиновниковъ) какъ говорится въ сказаніи Симона, который тутъ же упоминаетъ, что Шимонъ пріобрѣлъ *велику власть отъ Всеволода*.

---

7. Печерскій Патерикъ и житія святыхъ вообще.—Отъ чернориза *Поликарпа* (впослѣдствіи архимандрита Кіевопечерскаго монастыря) къ которому еп. Симонъ писалъ посланіе свое, до насъ дошло также одно *посланіе* къ печерскому архимандриту, *Анкидину*. Посланіе Поликарпа, написанное по внушенію Анкидина и предназначавшееся для чтенія кіево-печерскихъ иноковъ, содержитъ въ себѣ, также какъ и посланіе Симона, повѣствованія о жизни и подвигахъ нѣкоторыхъ печерскихъ святыхъ угодниковъ. Эти-то описанія житій печерскихъ подвижниковъ, составленныя трудами Симона и Поликарпа и заключающіяся въ ихъ посланіяхъ, и послужили основаніемъ *Печерскому Патерику* *), въ составъ котораго, въ его первоначальномъ видѣ, вошли однако

---

*) *Патерикъ* (отъ греческаго πατὴρ) или *Отечникъ*, т. е. сборникъ, въ которомъ представлены повѣствованія о житіяхъ св. *отцевъ* церкви. Печерскій Патерикъ, съ теченіемъ времени, постоянно распространялся и измѣнялся въ своемъ составѣ; первый разъ онъ былъ напечатанъ въ Кіевѣ, въ 1661 году, Инокентіемъ

жизнеописанія не только кіево-печерскихъ, но и другихъ христіанскихъ подвижниковъ Русской земли: въ этомъ собраніи житій мы встрѣчаемъ, напримѣръ, и житіе св. Ѳеодосія, написанное Несторомъ, и его сказаніе о князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ, и сверхъ того, извѣстія изъ первоначальной лѣтописи о нѣкоторыхъ другихъ святыхъ подвижникахъ на Руси.

Такимъ образомъ, Печерскій Патерикъ есть сборникъ житій, составленный изъ трудовъ многихъ лицъ, а не одного. Это вообще одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ русской духовной литературы XI — XIII вѣка, который имѣетъ большое значеніе для исторіи развитія христіанства на Руси и для изученія нѣкоторыхъ сторонъ внутренней жизни тогдашняго русскаго общества.

Житія святыхъ, какъ отдѣльныя, такъ и собранныя въ разнаго рода патерикахъ, житейникахъ и т. п. начали появляться на Руси, въ переводахъ съ греческаго на славянскій языкъ, очень рано, — въ XI столѣтіи, а быть можетъ, еще ранѣе, и были у насъ сильно распространены въ старину. Какъ повѣствовательный родъ литературы, житія эти пользовались большимъ успѣхомъ между всѣми грамотными людьми древней Руси; почему мы должны говорить о нихъ нѣсколько подробнѣе.

Первые вѣка христіанства на Руси представляютъ намъ рядъ людей, прославившихся строгою святостію жизни, высокимъ христіанскимъ подвижничествомъ и мученичествомъ за вѣру. Такими ревнителями новаго ученія славился въ то время въ особенности Кіево-печерскій монастырь. Кромѣ первыхъ устроителей монастыря, святыхъ Антонія и Ѳеодосія, изъ кіево-печерскихъ монаховъ прославили себя, въ первые вѣка христіанства, подвигами мученичества и высокой святости: св. Кукша, ревностный проповѣдникъ христіанства у Вятичей, во второй половинѣ XI вѣка, который и скончался у нихъ мученическою смертію; св. Леонтій, третій епископъ ростовскій *), замученный язычниками посреди своей паствы, состоявшей преимущественно изъ дѣтей, которыхъ Леонтій, видя невозможность обратить въ христіанство взрослыхъ, сталъ привлекать къ себѣ ласкою и училъ новой вѣрѣ; св. Евстратій и Никонъ, мучимые въ плѣну у Половцевъ и обратившіе въ христіанство своихъ мучителей, и многіе другіе.

Естественно, что о житіи и подвигахъ этихъ угодниковъ образовались преданія,—монастырскія и народныя,—на основаніи которыхъ и по примѣру принесенныхъ къ намъ греческихъ житій стали, такимъ образомъ, составляться и у насъ жизнеописанія русскихъ людей, прославившихся, подобно святымъ греческой церкви, подвижническою жизнію или претерпѣвшихъ мученичество за вѣру. Изъ собранія же этихъ жизнеописаній стали составлять патерики, или сборники житій собственно русскихъ святыхъ. Первымъ изъ русскихъ патери-

---

Гизелемъ. Эта послѣдняя редакція Печ. Патерика считается лучшею. Болѣе подробныя историческія изслѣдованія о Патерикѣ представили: Кубаревъ (въ Журн. мин. народн. просвѣщ. 1838 — 1840) и преосв. Макарій (въ Изв. 2 отд. Акад. Наукъ).

*) Первые епископы ростовскіе, Ѳедоръ и Иларіонъ, принуждены были бѣжать изъ своей епархіи отъ ярости язычниковъ.

новъ и былъ *Патерикъ Печерскій*, состоявшій вначалѣ, какъ мы сказали, изъ трудовъ Нестора, Симона и Поликарпа.

Кромѣ названныхъ писателей, и многія другія лица изъ русскаго духовенства, въ описываемое нами время, занимались составленіемъ жизнеописаній святыхъ, какъ напримѣръ: Кириллъ Туровскій, митрополитъ Кипріанъ, инокъ Варлаамъ, Епифаній Премудрый и друг., — и этотъ родъ русской духовной литературы скоро сдѣлался у насъ самымъ обширнымъ и болѣе всего распространеннымъ.

Такимъ образомъ, русскія описанія житій, въ особенности Патерикъ Печерскій, какъ памятникъ древнѣйшій въ этомъ родѣ, получаютъ большую важность, при изученіи старинной русской литературы. Описанія эти замѣчательны, во-первыхъ — въ религіозномъ отношеніи; потому что они служили предметомъ поучительнаго чтенія для народа и назиданія въ вѣрѣ, и изъ нихъ, слѣдовательно, мы можемъ видѣть степень религіозной образованности и пониманія вѣры въ старину; а во-вторыхъ — житія представляютъ не меньшій интересъ и какъ памятники литературные и историческіе. Житія святыхъ, или патерики, которые переводились съ греческаго и распространялись на Руси уже съ XI вѣка, отличаются высокой поэзіей, по мнѣнію г. Буслаева; они имѣли громадный успѣхъ у древне-русскихъ читателей, проникали въ самую жизнь нашего народа и входили въ составъ описаній собственно русскихъ житій; потому греческіе патерики не могли не имѣть рѣшительнаго вліянія на Патерикъ Печерскій. И это греческое, или лучше, византійское вліяніе на нашу старинную литературу и на древне-русскую жизнь г. Буслаевъ признаетъ благотворнымъ въ томъ отношеніи, что оно знакомило нашихъ предковъ съ высокими идеалами христіанства и способствовало къ воспроизведенію этихъ идеаловъ на русской почвѣ; примѣры этихъ идеаловъ стали появляться на Руси не только въ средѣ монастырской жизни, жизни, отрѣшенной отъ міра, но и посреди массы вѣрующаго народа, въ средѣ жизни свѣтской. (Ист. Оч. т. 2 стр. 52—54). Не касаясь въ житіяхъ собственно догматической и церковно-исторической стороны, которая имѣетъ священное значеніе для вѣрующаго, мы должны замѣтить однако относительно вышеприведеннаго мнѣнія г. Буслаева, что поэзія патериковъ и отдѣльныхъ житій, какъ переводныхъ, такъ и собственно русскихъ, отличается характеромъ и всѣми свойствами поэзіи легендарной, о которыхъ у насъ было говорено выше.

Наконецъ, въ историческомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи къ современной жизни, Патерикъ Печерскій и вообще житія русскихъ святыхъ во многихъ случаяхъ имѣютъ весьма важное значеніе, объясняя многія обстоятельства и стороны внутренней жизни русскаго народа, и этимъ восполняя сухія и краткія извѣстія лѣтописей о современной народной жизни. Но эта сторона русскихъ житій, сторона болѣе всего интересная, къ сожалѣнію, еще весьма мало у насъ разработана. Г. Буслаевъ въ своихъ *Истор. Очерк.* представляетъ, на основаніи житій, нѣсколько весьма любопытныхъ историческихъ фактовъ изъ древне-русской жизни. Такъ напримѣръ: прославленіе князей Бориса и Глѣба и происхожденіе извѣстнаго намъ пространнаго и витіеватаго житія ихъ имѣло,

между прочимъ, и свою историческую причину. Сторону Бориса и Глѣба приняла сѣверозападная Русь, въ лицѣ новгородскаго князя Ярослава, и сверхъ того при помощи Варяговъ, изъ которыхъ были первые мученики христіане еще въ языческой Руси. Между тѣмъ, Святополкъ оскорбилъ русское духовенство тѣмъ, что ввелъ въ Кіевъ Поляковъ съ Болеславомъ. Какъ врагъ православію и варяжской дружинѣ, Святополкъ заклеймёнъ именемъ *окаяннаго*; онъ и умеръ гдѣ-то въ латинской землѣ, между *Чехи* и *Лехи*. Поэтому то въ *Прологахъ*, или краткихъ житейникахъ, память о Борисѣ и Глѣбѣ всегда соединена съ восхваленіемъ Ярослава, который *попы любяше по велику, излиха же черноризцѣ* (наиболѣе же монаховъ). — Въ описаніи житія *Антонія Римлянина* (написанномъ ученикомъ его, игуменомъ Андреемъ, во второй половинѣ XII вѣка) обнаруживается вліяніе Нѣмцевъ на Новгородъ, въ XII столѣтіи. Антоній привезъ съ собою изъ Рима священные сосуды и церковную утварь западной работы, съ латинскими надписями. Чтобы объяснить себѣ употребленіе этихъ вещей въ православныхъ церквахъ, при существовавшей ненависти къ Риму (повѣсть объ Антоніѣ Римлянинѣ вся проникнута чувствомъ крайней нетерпимости къ латинамъ: *Римъ*, — говорится здѣсь между прочимъ, — *отпаде веры христіанъскыя и преложися в латыни*») составилось сказаніе, что Антоній прибылъ изъ отпавшаго отъ православія Рима въ православный Новгородъ, по морю, на камнѣ, и вывезъ съ собою оттуда св. сосуды. — Изъ житія св. Леонтія и Авраамія ростовскихъ мы узнаемъ объ обычаѣ размежеванія земель въ старину: епископъ посылалъ священника съ крестомъ на разводъ; священникъ становился на межѣ и бралъ клятву отъ спорившихъ сторонъ и отъ свидѣтелей. — Изъ житія св. Авраамія Смоленскаго (написаннаго въ XIII стол. ученикомъ его Ефремомъ) видно, во первыхъ, что въ Смоленскѣ, вслѣдствіе сношеній его жителей съ Ригою и *Готскымъ берегомъ* (прибалтійскими странами) образованность была развита гораздо болѣе, нежели въ другихъ городахъ русскихъ; а во-вторыхъ, здѣсь передается одинъ замѣчательный фактъ изъ жизни самаго Авраамія, свидѣтельствующій о степени развитія русскаго духовенства въ ту эпоху. Авраамій былъ краснорѣчивый ораторъ, человѣкъ замѣчательно начитанный и умѣлъ ясно и понятно для каждаго возраста и разумѣнія объяснить слова св. писанія, и потому пользовался общею любовію всѣхъ классовъ народа. Противъ него возстали за это всѣ священники и монахи въ Смоленскѣ и взвели на него различныя обвиненія, въ особенности же обвиняли его въ ереси. *Се уже весь градъ къ себѣ обратилъ есть*, говорили они съ ужасомъ: «вотъ онъ уже и всѣхъ дѣтей нашихъ обратилъ». Но на сторонѣ Авраамія былъ весь народъ, всѣ вельможи, или бояре, и самъ князь; игумены же и іереи преслѣдовали его и призвали къ суду: *безчиннымъ попомъ, яко воломъ рыкающимъ, князю же и вельможамъ необрѣтающимъ силы*, — говоритъ по этому случаю біографъ св. Авраамія. Изъ духовныхъ лицъ на сторонѣ Авраамія былъ одинъ только Лука Прусинъ (Истор. Очерки т. II, стр. 115 — 118).

Изъ остальныхъ духовныхъ писателей XIII и писателей XIV стол. заслуживаютъ вниманія слѣдующіе:

8. **Кириллъ I, митрополитъ кіевскій** († 1233), **который**, по свидѣтельству лѣтописи, былъ *философъ велій, учителенъ зѣло и хитръ ученью божественныхъ книгъ*. Митрополитъ Кириллъ былъ Грекъ по происхожденію, но онъ принималъ дѣятельное участіе въ судьбахъ Русской земли и былъ не разъ примирителемъ безпрерывно враждовавшихъ между собою русскихъ князей, за что лѣтописецъ называетъ его преблаженнымъ и святымъ. Кириллу I приписываютъ одинъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ нашей духовной литературы: *Слово на соборъ Архистратига Христова Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ небесныхъ* *). Главное содержаніе этого слова заключается въ мысли о загробной жизни, въ изображеніи 20 мытарствъ, черезъ которыя должна пройти душа человѣка, послѣ его смерти, и въ изображеніи страшнаго суда. Мысль о скорой кончинѣ міра и о второмъ пришествіи Христовомъ была въ то время очень распространена не только у насъ, но и на Западѣ, и повторялась въ сочиненіяхъ многихъ духовныхъ писателей нашихъ. «Уже видимо, — говоритъ Кириллъ, — кончина міра приблизилась, и урокъ житію нашему приспѣлъ, и лѣта сокращаются, сбылось уже все сказанное Господомъ: возстанетъ бо языкъ на языкъ. Говорятъ, что по прошествіи семи тысячъ лѣтъ, пришествіе Христово будетъ» и проч. И затѣмъ проповѣдникъ призываетъ вѣрующихъ къ покаянію. Изображеніе мытарствъ и кончины міра, картина страшнаго суда и мученій грѣшниковъ, все это изложено въ «словѣ на соборъ Архистратига Михаила» съ большою живостію и изобразительностію и не могло не производить сильнаго впечатлѣнія на воображеніе слушателей. Вообще разбираемое нами слово можетъ служить образцомъ духовной поэзіи XIII стол. по заключающимся въ немъ поэтическимъ картинамъ, каковы, напримѣръ: картина

---

*) Относительно настоящаго автора этого слова (или можетъ быть, если и другаго слова, то совершенно сходнаго съ нимъ по содержанію и извѣстнаго еще подъ заглавіемъ: „слова о мытарствахъ“ или „слова о небесныхъ силахъ, и чего ради созданъ бысть человѣкъ“) ученые изслѣдователи нашей старины не согласны между собою. Его приписываютъ то Кириллу Туровскому, то Кириллу Философу (съ именемъ котораго оно было встрѣчено однажды) то митрополиту Кириллу II, и проч.; а г. Шевыревъ, какъ мы уже замѣтили, слово это приписалъ Авраамію Смоленскому, который, будучи извѣстнымъ проповѣдникомъ, занимался еще духовною живописью и написалъ двѣ иконы: „Страшный судъ“ и „Испытаніе воздушныхъ мытарствъ». — Въ русской литературѣ прежняго времени существуетъ много другихъ памятниковъ, о которыхъ трудно сказать, кѣмъ и когда они написаны; потому что не рѣдко одно и тоже слово или поученіе (какъ переведенное изъ греческаго, такъ и оригинальное) являлось у насъ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, только съ различными сокращеніями, добавленіями и передѣлками; и при этомъ передѣлыватели мало заботились о сохраненіи имени первоначальнаго автора или объ означеніи времени, когда было написано сочиненіе впервые. Вотъ почему имена сочинителей и время появленія многихъ памятниковъ нашей старинной литературы могутъ быть опредѣлены только послѣ многочисленныхъ и трудныхъ ученыхъ изысканій.

явленія ангеловъ и смерти къ одру умирающаго, картина смерти грѣшниковъ и претерпѣваемыхъ ими мученій, изображеніе странствованія души по мытарствамъ, свѣтопредставленія и т. д. Смерть приходитъ къ умирающему, по словамъ проповѣдника, и приноситъ съ собою всякое орудіе: *мечи*, *и пилы*, *и сѣчива*, *и рожны*, она разнимаетъ по суставамъ всѣ члены человѣческаго тѣла и отсѣкаетъ голову, потомъ даетъ пить изъ чаши горести; и тогда душа вылетаетъ изъ тѣла и глядитъ на него, какъ на *ризу* (платье), которой она облекалась. Душу праведника, послѣ того какъ она пройдетъ чрезъ всѣ 20 мытарствъ, берутъ ангелы, приносятъ къ престолу Вседержителя и отводятъ въ рай; а душу нераскаявшагося грѣшника берутъ бѣсы, бьютъ ее, не даютъ ей пройти и перваго мытарства и бросаютъ въ адъ, и проч.

Подобныя картины ужаса и вѣчныя усилія дѣйствовать на народъ страхомъ, усилія, перешедшія въ произведенія нашихъ духовныхъ писателей изъ византійскихъ источниковъ, конечно, не могли дѣйствовать благотворно на нравственное развитіе народа. Этими усиліями только запугивалось воображеніе народное; а вѣчный страхъ наказаній и будущихъ мученій за гробомъ отнималъ у народа нравственную энергію и лишалъ его способности относиться свободно, съ теплою вѣрою и любовію къ высокимъ истинамъ ученія христіанскаго. Религія имѣла на него одно лишь устрашительное дѣйствіе. А что понятія и представленія, заключающіяся въ словѣ «на соборъ Архистратига Михаила» и въ подобныхъ ему произведеніяхъ, проникали въ народъ и производили на него ужасающее впечатлѣніе, — тому служитъ доказательствомъ существованіе множества народныхъ духовныхъ стиховъ о страшномъ судѣ, которые образовались, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ этого слова и другихъ книжныхъ произведеній этого рода, принесенныхъ къ намъ изъ Византіи. Вотъ почему мы сочли нужнымъ говорить подробнѣе обыкновеннаго о «словѣ на соборъ Архистратига Михаила».

---

9. Серапіонъ, епископъ владимірскій, современникъ митрополита Кирилла II (поставленный имъ въ епископы изъ кіево-печерскихъ монаховъ въ 1274 году), мужъ *учительный* и *сильный* въ знаніи книгъ божественнаго писанія, по словамъ лѣтописи. Отъ Серапіона до насъ дошло *пять словъ*, или поученій, гдѣ онъ, подобно митрополиту Кириллу, призываетъ своихъ слушателей къ покаянію, указывая на страшныя бѣдствія, тяготѣющія надъ Русью и возвѣщающія послѣднее время. Замѣчательно, что въ словахъ Серапіона встрѣчаются укоризны слушателямъ по поводу суевѣрныхъ языческихъ понятій, приписывать народныя бѣдствія (неурожаи и проч.) вѣдьмамъ, и губить ихъ за это. «Вы все еще держитесь, — говоритъ проповѣдникъ, — *поганскаго* (языческаго) *обычая*, волхованію вѣруете и сожигаете невинныхъ людей», и проч.

---

10. Митрополиты Руси — Петръ и Алексій. Сергій Радонежскій, Кириллъ Бѣлозерскій и Стефанъ Пермскій. — Въ эту же эпоху дѣйствовали словомъ и поученіемъ знаменитые митрополиты Руси, *Петръ* и *Алексѣй*, болѣе замѣчательные, впрочемъ, въ русской исторіи по своему политическому значенію и по своей государственной дѣятельности, въ періодъ возвышенія Москвы, чему въ особенности сильно содѣйствовалъ св. Алексѣй, помогая московскимъ князьямъ въ утвержденіи ихъ власти надъ прочими удѣльными князьями. До насъ дошли: отъ митрополита Петра — поученіе игуменамъ, священникамъ и дьяконамъ, гдѣ онъ увѣщеваетъ ихъ служить примѣромъ для мірянъ, а отъ митрополита Алексѣя «Поученіе отъ апостольскихъ дѣяній къ христолюбивымъ христіанамъ». Да кромѣ того, извѣстенъ еще *списокъ новаго завѣта*, по преданію, написанный собственною рукою св. Алексѣя. Списокъ этотъ разнится отъ предшествовавшихъ славянскихъ списковъ Евангелія тѣмъ, что въ немъ видно желаніе передать смыслъ священнаго текста въ болѣе ясныхъ, даже простонародныхъ оборотахъ русской рѣчи. Это доказываетъ, что уже митрополитъ Алексѣй видѣлъ потребность сличенія славянскаго перевода св. книгъ съ греческимъ текстомъ; и нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи наши приписываютъ ему мысль заняться вновь переложеніемъ съ греческаго всѣхъ новозавѣтныхъ книгъ, въ полномъ ихъ видѣ. Г. Шевыревъ замѣчаетъ по этому случаю, что «наши святые пастыри чтили духъ писанія, а не мертвую букву, и издревле рачительно заботясь объ исправленіи славянскаго текста, тѣмъ благословляли и впредь подобные труды». (Исторія Рус. Слов. Лекція ч. III).

Къ духовнымъ дѣятелямъ описываемой нами эпохи должны быть отнесены и два святые пустынножителя: *Сергій Радонежскій* и *Кириллъ Бѣлозерскій*, равно какъ и просвѣтитель Зырянъ, *Стефанъ Пермскій* *), дѣйствовавшіе духовнымъ словомъ, устно и письменно, и имѣвшіе (т. е. первые два) большое нравственное вліяніе на современное общество. Но изъ нихъ отъ одного только Кирилла Бѣлозерскаго до насъ дошло нѣсколько духовно поучительныхъ посланій къ нѣкоторымъ изъ современныхъ князей. Въ одномъ изъ этихъ посланій, — къ великому князю Василію Дмитріевичу, — св. Кириллъ, увѣщевая его быть внимательнымъ къ себѣ и ко всему княженію своему, говоритъ: «Если въ кораблѣ гребецъ ошибется, то малый вредъ причинитъ плавающимъ, если же ошибется кормчій, то всему кораблю причиняетъ пагубу: такъ, если кто отъ бояръ согрѣшитъ, повредитъ этимъ единому себѣ, если же самъ князь, то причиняетъ вредъ всѣмъ людямъ», и проч.

По своей собственно литературной дѣятельности, какъ духовные писатели XIV столѣтія, болѣе примѣчательны:

11. Кипріанъ, митрополитъ кіевскій и всея Руси († 1406), родомъ Сербъ,

---

*) Св. Стефанъ изучилъ греческій языкъ, потомъ выучился зырянскому, изобрѣлъ азбуку для Зырянъ или Пермяковъ и перевелъ на ихъ языкъ всѣ необходимыя богослужебныя книги.

поставленный въ митрополиты въ Константинополѣ, по просьбѣ югозападныхъ русскихъ князей, именно въ то время, когда сѣверъ Руси (и преимущественно Москва) началъ усиливаться на счетъ юга и сдѣлался наконецъ средоточіемъ русской жизни. Не смотря однако на просьбу князей, Кипріанъ былъ посвященъ въ митрополиты константинопольскимъ патріархомъ лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы, по смерти московскаго митрополита Алексѣя, онъ былъ сдѣланъ митрополитомъ всея Руси.

Кипріанъ Сербъ принадлежитъ къ числу извѣстнѣйшихъ духовныхъ дѣятелей древней Руси. Онъ привезъ съ собою большое число славянскихъ переводовъ различныхъ церковныхъ книгъ, самъ много занимался на Руси переводами съ греческаго на русскій языкъ и ревностно хлопоталъ о распространеніи духовныхъ книгъ въ нашемъ отечествѣ. Этимъ онъ болѣе всего извѣстенъ къ исторіи русской словесности. Вообще, какъ свидѣтельствуютъ современныя извѣстія, Кипріанъ былъ *мужъ книжный* и много трудился на пользу книжнаго дѣла. У него была, по словамъ лѣтописи, *опришная* (особенная) церковь, куда онъ пріѣзжалъ часто и пребывалъ въ дѣлѣ книжнаго писанія. Онъ заботился о снабженіи церквей правильными богослужебными книгами и уставами; въ одномъ изъ своихъ посланій онъ писалъ, что толстые сельскіе сборники содержатъ въ себѣ много ложнаго, посѣяннаго еретиками на соблазнъ невѣждамъ, какъ напримѣръ, *молитвы о трясавицахъ*.

Изъ оригинальныхъ сочиненій Кипріана извѣстны: нѣсколько посланій его, между прочими: посланія къ св. Сергію и Ѳеодору; въ одномъ изъ нихъ Кипріанъ рѣзко жалуется на обращеніе съ нимъ великаго князя и его людей. Обращаясь къ названнымъ святымъ мужамъ, онъ говоритъ: «И аще миряне блюдутся князя, занеже у нихъ жены и дѣти, стяжанія и богатства, и того не хотятъ погубити: выже иже міра отреклися есте и иже въ мирѣ, живете единому Богу, како, толику злобу видѣвъ, умолчали есте»? *Житіе св. митрополита Петра*, написанное Кипріаномъ, заключается въ восхваленіи святаго и, по манерѣ разсказа, по витіеватому слогу и языку, ничѣмъ не отличается отъ другихъ подобныхъ житій. Болѣе замѣчательна дошедшая до насъ *Прощальная грамота* Кипріана, которую онъ написалъ за четыре дня до своей смерти и завѣщалъ прочесть всенародно, когда тѣло его будутъ класть въ гробъ, что и было исполнено. Въ этой грамотѣ митрополитъ Кипріанъ прощается со всѣми, всѣхъ благословляетъ и проситъ себѣ отъ всѣхъ прощенія и благословленія. Изъ сдѣланныхъ Кипріаномъ переводовъ болѣе извѣстны: переводъ *Лѣстницы* св. Іоанна и толкованія на нее *) и переводъ греческаго *Служебника*.

---

*) По другимъ извѣстіямъ, митрополитъ Кипріанъ не самъ перевелъ, а только переписалъ собственноручно, въ 1387 году, славянскій переводъ „*Лѣстницы*“ св. Іоанна, — сочиненія чисто аскетическаго. Св. Іоаннъ *Лѣствичникъ*, одинъ изъ греческихъ отцевъ церкви VI стол., посвятилъ себя съ юности жизни анахорета и провелъ 59 лѣтъ въ пустынѣ, на Синайской горѣ. Главное сочиненіе его—*Климаксъ*, или *Лѣстница къ Небу*, по которому онъ и названъ „лѣствичникомъ“.

12. Григорій Цамблакъ, или Самвлакъ († 1419), кіевскій митрополитъ, родомъ Болгаринъ. Григорій поставленъ былъ въ кіевскіе митрополиты соборомъ восьми русскихъ епископовъ, по требованію Витовта, вел. князя литовскаго, которому принадлежала въ то время югозападная Русь. Но московскій митрополитъ *Фотій* (родомъ Грекъ), поставленный въ Константинополѣ и именовавшійся митрополитомъ всея Руси, издалъ противъ митрополита Григорія окружное посланіе къ православному южно-русскому населенію, въ которомъ, въ самыхъ рѣзкихъ и сильныхъ выраженіяхъ, порицалъ Григорія и епископовъ, его поставившихъ, называя перваго *мятежникомъ церковнымъ*, а не митрополитомъ, и говоря, что онъ поставленъ неправильнымъ сборищемъ, по волѣ мірской власти и по своему хотѣнію. — Изъ обстоятельствъ жизни Григорія замѣчательно то, что онъ отправился вмѣстѣ съ посольствомъ Витовта на Констанцкій соборъ, куда прибыли и послы греческаго императора Иманунла, имѣвшіе порученіе начать переговоры съ папою о соединеніи церквей; но переговоры объ этомъ, какъ извѣстно, и не начинались на Констанцкомъ соборѣ. Послѣ смерти Григорія, въ 1419 году, Фотій снова получилъ въ управленіе южно-русскую церковь и сдѣлался опять на дѣлѣ митрополитомъ всея Руси.

По словамъ лѣтописей, Григорій Цамблакъ былъ изученъ всякой книжной мудрости (*книженъ зѣло и искусенъ въ словѣ*). Онъ пользовался славою краснорѣчиваго оратора между современниками и оставилъ послѣ себѣ много писаній. До насъ дошло довольно значительное число (именно 27) написанныхъ имъ духовныхъ *поученій* и *похвальныхъ словъ* въ честь нѣкоторыхъ святыхъ мужей; изъ послѣднихъ болѣе извѣстны похвальное слово Кипріану и житіе св. Стефана, сербскаго царя. — Сочиненія Цамблака, по духу и характеру своему, ничѣмъ не отличаются отъ большей части сочиненій современныхъ ему русскихъ проповѣдниковъ: въ его поученіяхъ излагаются общія правила христіанской жизни съ точки зрѣнія современныхъ учителей церкви, а въ похвальныхъ словахъ и въ житіяхъ восхваленіе святаго обыкновенно украшается всѣми цвѣтами византійскаго краснорѣчія, изъ-за котораго ни мало не выступаютъ ни личность восхваляемаго святаго, ни личность самаго проповѣдника, ни наконецъ та или другая характеристическая черта времени, въ которое они дѣйствовали.

Характеристика духовныхъ писателей и памятниковъ церковно-славянской письменности XII, XIII и XIV стол. — Мы обозрѣли труды почти всѣхъ, болѣе примѣчательныхъ, духовныхъ писателей нашихъ XII, XIII и XIV стол. Число ихъ было очень не велико, и то скудное количество произведеній, которое дошло до насъ отъ этихъ писателей, отличается вообще большимъ однообразіемъ и представляетъ по большей части ни что иное, какъ плохія подражанія византійскимъ образцамъ. Въ поученіяхъ и пастырскихъ посланіяхъ заключаются вообще либо объясненія догматовъ вѣры, либо обыкновенныя религіозныя и нравственныя наставленія; но какъ тѣ, такъ и другія излагаются

безъ системы, какъ-то отрывочно и преимущественно состоятъ изъ множества текстовъ и примѣровъ изъ св. книгъ, которые приводятся кстати и не кстати.

Таковы произведенія эти со стороны внѣшней формы своей и содержанія; а съ внутренней стороны, т. е. со стороны духа и направленія, мы замѣчаемъ слѣдующія характеристическія черты почти во всѣхъ поученіяхъ, посланіяхъ, житіяхъ и т. п. сочиненіяхъ нашихъ духовныхъ писателей XIII и XIV стол.: во-первыхъ — нетерпимость ко всему, что не входило въ область православнаго вѣрованія; во вторыхъ — вѣра въ разнаго рода *знаменія* и *прещенія*, которыя, по ученію проповѣдниковъ того времени, предшествовали обыкновенно казнямъ Божіимъ за наши грѣхи, и слѣпая вѣра въ преданія; и наконецъ въ третьихъ — привязанность къ буквѣ, а не къ духу писанія и строгое соблюденіе внѣшней, обрядовой стороны религіи, часто безъ сознательнаго проникновенія во внутренній смыслъ христіанскаго ученія. Впрочемъ, въ первыя времена христіанства, у народа не просвѣщеннаго, произведенія духовныхъ писателей и не могли быть иными. Да и сами писатели эти стояли вообще на весьма не высокой степени образованности, которая не шла у нихъ далѣе начитанности церковныхъ книгъ. Даже вѣкомъ позже, въ XV столѣтіи, извѣстный митрополитъ Исидоръ отзывался о русскихъ епископахъ, что они не книжны. Смутныя обстоятельства тогдашняго времени, татарскіе и литовскіе набѣги и нескончаемые раздоры и усобицы князей и не могли конечно способствовать развитію на Руси образованности въ эту эпоху; а византійское вліяніе, которому наши духовные писатели подчинялись безгранично, вносило въ произведенія ихъ по большей части лишь аскетическій взглядъ на жизнь и несвойственные русской жизни взгляды и понятія.

Продолженіе переводовъ съ греческаго и составленіе духовныхъ сборниковъ. — Русское духовенство, при всемъ незначительномъ развитіи у насъ образованности въ XI — XIV стол. сохраняло, однако, и въ это время, въ лучшей средѣ своей, грамотность и любовь къ книгамъ, находя въ нихъ главный источникъ для пріобрѣтенія религіозныхъ познаній и главное средство какъ для собственнаго религіознаго совершенствованія, такъ и для проповѣдованія религіи въ народѣ. Но такъ какъ для духовенства были важны и имѣли значеніе лишь тѣ книги, которыя приходили изъ Византіи; то переводы произведеній греческой духовной литературы усердно продолжались на Руси и теперь. Такъ мы говорили о переводныхъ трудахъ митрополита Кипріана; вѣроятно и многія другія духовныя лица занимались переводами съ греческаго: потому что большая часть греческихъ сочиненій отцевъ церкви, какъ напримѣръ: сочиненія Андрея Критскаго, Исаака Сирина, Максима Исповѣдника, преподобнаго Нила, Меѳодія Патарскаго и проч. распространились у насъ болѣе всего именно между XII — XV стол. Переводные же греческіе патерики и нѣкоторыя произведенія знаменитыхъ учителей церкви: Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова появились на Руси въ славянскихъ переводахъ, какъ мы уже говорили, еще въ XI стол. и ранѣе; но большая

часть изъ этихъ послѣднихъ переводовъ была совершена внѣ Россіи. Въ описываемое нами время переводились даже сочиненія многихъ незамѣчательныхъ писателей. Такъ, подъ 1384 годомъ, упоминается въ лѣтописи, что въ томъ году переведено было «слово святаго и премудраго *Георгія Писида* — похвала къ Богу о сотвореніи всея твари». Слово это есть — *Гексамеронъ* (Шестодневъ) одного плодовитаго византійскаго писателя VII в. Георгія Писида, — родъ религіозно-зоологической поэмы, заключающей въ себѣ изложенную въ стихахъ исторію творенія *). Переводчикомъ этой поэмы былъ нѣкто *Димитрій Зографъ*.

Всѣ переводимыя съ греческаго поученія, слова и другаго рода сочиненія отцевъ церкви усердно списывались иноками нашихъ монастырей, и изъ нихъ-то составлялись тѣ огромные, толстые сборники, которые извѣстны подъ разными названіями: Златыхъ цѣпей, Златоустовъ, Златоструевъ, Измарагдовъ, Маргаритовъ, Торжественниковъ, и т. п. Всѣ подобные сборники заключаютъ въ себѣ почти исключительно поученія отцевъ церкви; они обращались во множествѣ между старинными русскими читателями, о чемъ можно заключать изъ того, что множество рукописей этихъ сборниковъ сохранилось до нашего времени **). Къ подобнаго же рода сборникамъ, весьма сильно распространеннымъ въ старину, принадлежали и *Прологи*, или сборники, заключающіе въ себѣ краткія повѣствованія о житіи святыхъ, расположенныя по днямъ, извлеченія изъ поученій, бесѣдъ и т. п. произведеній знаменитыхъ проповѣдниковъ и учителей церкви По мнѣнію г. Буслаева, Прологи имѣли большое вліяніе на нашу старинную духовную литературу; они какъ бы служили руководствомъ духовнымъ писателямъ нашимъ при составленіи житій русскихъ святыхъ, при сочиненіи проповѣдей и т. п. Поэтому то, при изученіи духовно-литературныхъ произведеній древней Руси, всѣ названные сборники поученій не должны быть оставляемы безъ вниманія.

---

*) Греческія сочиненія о сотвореніи всякаго рода животныхъ и звѣрей, каковы, напр. *Шестодневъ* Василія Великаго и Іоанна Дамаскина и написанная по ихъ образцу поэма Григорія Писида были въ старину очень распространены на Руси; изъ нихъ у насъ составлялись особые *зѣринные* сборники, или *бестіаріи*, въ которыхъ болѣе всего расказывается о сверхъестественныхъ и фантастическихъ звѣряхъ, производившихъ ужасающее дѣйствіе на читателей. (См. ст. г. Буслаева о духовныхъ стихахъ, въ газ. „Русская Рѣчь“ 1861 г., № 23).

**) Подробности о каждомъ изъ этихъ сборниковъ можно читать въ *Православн. Собесѣдн.* 1858 г., статья: *О чтеніи книгъ въ древней Руси.*

ОТДѢЛЪ III

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ НА РУСИ ВЪ XV, XVI И XVII СТОЛ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНІЕ, ПИСАТЕЛИ И ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ XV И XVI СТОЛѢТІИ.

Литература XV — XVI столѣтія, какъ и литература предшествовавшихъ вѣковъ, продолжаетъ быть почти исключительно литературою церковною и заключается преимущественно въ пастырскихъ поученіяхъ и посланіяхъ высшихъ іерарховъ церкви и другихъ членовъ русскаго духовенства. Но въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка особенныя обстоятельства русской церкви, именно появленіе ересей, произведшихъ сильное броженіе умовъ въ средѣ современнаго русскаго общества, придали церковной литературѣ нашей этого періода необыкновенное движеніе и жизненность и вызвали на литературное поприще замѣчательныхъ духовныхъ дѣятелей древней Руси, каковы были, напримѣръ: новгородскій владыка, Геннадій и Іосифъ Волоцкой, которыми по справедливости можетъ гордиться наша старинная церковная литература. Характеръ указаннаго нами литературнаго движенія, равно какъ и причины, его произведшія, опредѣлятся яснѣе всего при обозрѣніи дѣятельности Геннадія и Іосифа. Здѣсь уже появляются замѣчательные писатели и не духовные, каковъ, напримѣръ, князь Курбскій и друг., но предварительно переименуемъ нѣкоторыхъ болѣе извѣстныхъ духовныхъ писателей XV и XVI стол.

1. **Фотій** († 1431), митрополитъ московскій, Грекъ по происхожденію, и какъ видно, не хорошо знакомый съ русскимъ языкомъ, потому что даже на духовномъ завѣщаніи велик. князя Василія Дмитріевича и на договорной грамотѣ Василія Васильевича митрополитъ Фотій подписался по гречески. Тѣмъ не менѣе Фотій былъ одинъ изъ весьма дѣятельныхъ іерарховъ русской церкви и оставилъ послѣ себя нѣсколько пастырскихъ посланій: къ южно-русскому народу (о которомъ мы говорили), къ Псковичамъ и друг. Посланія свои, по всей вѣроятности, Фотій писалъ по-гречески, подобно другимъ русскимъ митрополитамъ изъ Грековъ *), и потомъ уже, вѣроятно, они переводились на русскій

*) Послѣ Фотія, послѣднимъ русскимъ митрополитомъ изъ Грековъ былъ извѣстный Исидоръ, принявшій участіе въ соборѣ, созванномъ во Флоренціи, по поводу соединенія церквей. Древняя Русь, сознавая неудобство имѣть у себя митрополита изъ Грековъ, со временъ Ярослава, дѣлала нѣсколько разъ попытки къ освобожденію русской церкви изъ подъ зависимаго положенія отъ Византіи и къ постановленію митрополитовъ на Руси не только изъ русскихъ, но и независимо отъ константинопольскаго патріарха. Василій Темный, въ одной грамотѣ къ патріарху Митрофану, испрашивая русскимъ епископамъ право избирать и поставлять

часть изъ этихъ послѣднихъ переводовъ была совершен[illegible] шла до насъ-
сываемое нами время переводились даже сочиненія [illegible] піріана.
писателей. Такъ, подъ 1384 годомъ, упоминает[illegible]
году переведено было «слово святаго и п[illegible]
къ Богу о сотвореніи всея твари». С[illegible] — Вассіанъ знаменитъ
дневъ) одного плодовитаго византи[illegible] III на Угру и по краткой
родъ религіозно-зоологической по[illegible] насъ въ лѣтописяхъ. Талантъ
стихахъ исторію творенія *). [illegible] Вассіана и патріотическое одушевленіе,
митрій Зоографъ.

Всѣ переводимыя съ [illegible] духовныхъ дѣятелей и пропо-
отцевъ церкви усердно с[illegible] Вассіана къ Ивану Васильевичу,
то составлялись тѣ ог[illegible] Великій князь, оставивъ войско свое
ными названіями: Зл[illegible] Орды, Ахмата, и не вступая въ бой
довъ, Маргарит[illegible] бояръ, прискакалъ въ Москву, откуда
заключаютъ въ [illegible] жену свою, вмѣстѣ съ казною, далеко на
щались во мно[illegible] лѣтописца, встрѣтилъ великаго князя въ Кремлѣ,
заключать и[illegible] убѣжавшимъ) и укорялъ въ слѣдующихъ энергическихъ
до нашего [illegible] «Вся кровь на тебя падетъ хрестьянская, что ты, выдавъ ихъ
пространн[illegible] (христіанъ), бѣжишь прочь, а бои не постави съ Татары и не бився съ ними.
чающіе [illegible] чему боишся смерти? Не безсмертенъ еси человѣкъ, — смертенъ. И безъ
днямъ [illegible] рату—смерти нѣту ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю. А дай семо вои въ руку
про[illegible] войско, увидишь, уклоню ли я, старикъ, лице противъ Татаръ» (т. е. дай мнѣ въ руки
бо[illegible] Иванъ III выѣхалъ наконецъ изъ Москвы, по убѣжденію Вассіана, съ обѣща-
[illegible] идти противъ Татаръ, все стоявшихъ на р. Угрѣ, началъ здѣсь снова
колебаться и повелъ съ Ахматомъ переговоры о мирѣ; тогда-то Вассіанъ на-
писалъ свое знаменитое посланіе на Угру, въ которомъ убѣждаетъ великаго
князя не унывать, не слушать *льстецовъ лжеименитыхъ*, которые совѣтуютъ
ему не биться съ Татарами и побросать щиты, а умоляетъ его, напротивъ,—
стать крѣпко на защиту христіанства и отечества противъ *безбожнаго языка*
сарацинскаго; приводитъ въ примѣръ подвиги его прародителей, великихъ кня-
зей: Игоря, Святослава, Владиміра, «бравшихъ дань на царяхъ греческихъ,»

митрополитовъ въ Русь, между прочими побудительными причинами къ тому вы-
ставлялъ и слѣдующую: „намъ надобно сноситься съ митрополитомъ о важныхъ
дѣлахъ, а когда митрополитъ Грекъ, то мы должны разговаривать съ нимъ черезъ
переводчиковъ, людей незначительныхъ, которые такимъ образомъ прежде другихъ
будутъ знать важныя тайны.“ Но наконецъ Флорентійскій соборъ, бѣгство изъ
Москвы Исидора (котораго великій князь, за намѣреніе ввести въ русскую церковь
латинскія *новины*, называетъ *латинскимъ еретикомъ прелестникомъ, волкомъ*) и смутныя
обстоятельства греческой церкви представили Василію Темному возможность по-
ставить въ митрополиты рязанскаго епископа Іону, соборомъ русскихъ епископовъ,
помимо вліянія византійскаго императора и патріарха; а потомъ, послѣ взятія
Турками Константинополя, въ 1453 году, самостоятельность русской церкви въ
іерархическомъ отношеніи утвердилась навсегда.

міра Мономаха, Димитрія Донскаго и проч. Это посланіе Вассіана замѣ-
вообще по исторической важности своего содержанія и по благород-
тву патріотическаго одушевленія. Въ немъ выражается прямое отно-
чзни и какъ бы слышенъ общественный голосъ русскаго народа,
змъ въ весьма немногихъ пастырскихъ посланіяхъ того времени.
осталось еще нѣсколько поученій и написанное имъ житіе учи-
ъв. Пафнутія Боровскаго.

---

3. Геннадій и его замѣчательная дѣятельность. Вопросъ о жидовской ереси. Схарія и еретики. Забота Геннадія о школахъ и образованіи духовенства. — Геннадій († 1506), архіепископъ новгородскій, возведенъ на каѳедру святителей Новгорода Великаго изъ архимандритовъ Чудова монастыря въ Москвѣ, въ 1485 году. Геннадій принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ и ученѣйшихъ людей своего времени. Онъ прославился въ русской исторіи, во первыхъ, какъ энергическій и суровый преслѣдователь новгородскихъ еретиковъ, или такъ называем. «жидовствующихъ;» а во вторыхъ, какъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ ревнителей древне-русскаго просвѣщенія, которому оказалъ незабвенныя услуги.

Геннадій — первый изъ духовныхъ дѣятелей древней Руси подалъ голосъ о необходимости завести училища для духовныхъ; съ безпощадною рѣзкостью онъ обличалъ малограмотность и невѣжество современнаго русскаго духовенства и вступилъ въ открытую вражду съ невѣжествомъ своего времени. Кромѣ того, имя Геннадія знаменито въ исторіи русскаго просвѣщенія еще тѣмъ, что оно тѣсно связано съ судьбами св. писанія на Руси: Геннадій былъ составителемъ *полнаго списка библейскихъ книгъ*, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были переведены вновь, по его порученію. Полный списокъ Генадіевской библіи дошелъ до насъ отъ 1499 года и хранится въ Московской синодальной библіотекѣ.

Главная часть литературныхъ трудовъ Геннадія (заключающаяся въ *извѣщательныхъ грамотахъ* и въ *посланіяхъ его о ереси*: къ великому князю, къ тремъ русскимъ митрополитамъ и къ нѣкоторымъ епископамъ) была вызвана тою ожесточенною борьбою, которая завязалась у Геннадія съ новгородскими еретиками. Схаріева, или такъ называемая, ересь «жидовствующихъ» — явленіе крайне важное и до сихъ поръ не вполнѣ объясненное въ исторической жизни древней Руси. Эта ересь произвела сильное смущеніе въ средѣ православнаго русскаго народа и болѣе тридцати лѣтъ волновала спокойствіе русской церкви. И потому Геннадій имѣлъ право смотрѣть на поднятую имъ борьбу съ еретиками, какъ на свой великій жизненный подвигъ. Оттого и на всѣхъ посланіяхъ его о новгородской ереси лежитъ яркій отпечатокъ времени и рѣзко выступаетъ личность самаго Геннадія, какъ суроваго гонителя еретиковъ и ревностнаго поборника православія. Но, для вѣрной оцѣнки литературной дѣятельности Геннадія, въ вопросѣ о новгородской ереси, мы должны сказать нѣсколько

сковъ о развитіи самой ереси и объ отношеніи ея къ тогдашней общественной жизни русскаго народа.

Еще во второй половинѣ XIV вѣка, въ Псковѣ и Новгородѣ. появилось общество еретиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *стригольниковъ*. Ученіе стригольниковъ началось съ недовольства противъ власти духовенства, и въ началѣ направлено было главнымъ образомъ противъ власти духовной іерархіи. Еретики выставляли на видъ нѣвоторыя частныя злоупотребленія и безпорядки, встрѣчавшіеся въ церковной іерархіи, а отъ этого перешли къ отрицанію необходимости духовенства, самой церкви и проч. Изъ Пскова стригольническая ересь перешла въ Новгородъ и распространилось какъ тамъ, такъ и здѣсь тѣмъ свободнѣе, что въ Новгородѣ давно тяготились зависимостью отъ митрополита всея Руси; Псковичи же, въ свою очередь, давно возставали противъ суда владыки новгородскаго, противъ его поборовъ и частыхъ посѣщеній Пскова. Ересеначальники у стригольниковъ были видимо люди ученные, и отличались внѣшнею строгостію нравовъ; они прельщали народъ своимъ безкорыстіемъ, примѣрною нравственностію, умѣньемъ говорить отъ св. писанія; указывая на нихъ, говорили: «вотъ эти не грабятъ имѣнія, не собираютъ.» (Исторія Россіи, С. Соловьева, т. IV, стр. 339). Этимъ они конечно, привлекали, къ себѣ многихъ, и число послѣдователей ихъ увеличилось. Такимъ образомъ, при существованіи недовольныхъ духовною властію въ средѣ народа непросвѣщеннаго, еретикамъ было не трудно образовать такое ученіе, которое отвергало вовсе священство и церковную іерархію, отвергало наконецъ существованіе самой церкви, таинствъ, обрядовъ и проч. Имъ было не трудно, конечно, встрѣтить въ народѣ сочувствіе этому ученію и найти себѣ многихъ послѣдователей.

Противъ стригольниковъ были приняты строгія мѣры. Московскій митрополитъ Фотій писалъ противъ нихъ нѣсколько посланій къ Псковичамъ, и послѣднее изъ нихъ еще въ 1427 году; значитъ, стригольническая ересь не была искоренена окончательно еще и въ XV вѣкѣ. Она была подавлена въ Псковѣ и въ Новгородѣ, но многіе изъ еретиковъ разбѣжались по разнымъ мѣстамъ и вѣроятно продолжали пропагандировать свое ученіе.

Въ семидесятыхъ годахъ XV столѣтія. т. е. вскорѣ послѣ стригольниковъ и недалеко отъ того мѣста, гдѣ зародилось ихъ ученіе, именно въ Новгородѣ, является ересь *Схаріи*. Схарія пріѣхалъ въ Новгородъ въ 1471, вмѣстѣ съ братомъ кіевскаго князя Семена, Михаиломъ Олельковичемъ, котораго Новгородцы выпросили себѣ въ намѣстники у польскаго короля, Казиміра, надѣясь этимъ отстоять вольность Новгорода Великаго, которой суждено было скоро пасть окончательно передъ единовластіемъ Москвы. Схарія былъ Жидъ хорошо образованный, даже ученый, знакомый хорошо съ св. писаніемъ, съ современной духовной литературой вообще, и обладалъ, вѣроятно, даромъ слова и силою убѣжденія, — какъ это можно заключить изъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о немъ, сообщаемыхъ Іосифомъ Волоцкимъ. Все это доставило Схаріи вѣсъ и значеніе въ Новгородѣ, тѣмъ болѣе еще, что онъ пріѣхалъ сюда вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ, съ которымъ былъ хорошо знакомъ еще въ Кіевѣ, Затѣмъ-ли пріѣхалъ Схарія въ Новгородъ, чтобы распространять

свое ученіе или по торговымъ дѣламъ, и былъ-ли онъ главою или членомъ общества еретиковъ въ Кіевѣ, говоритъ проф. Соловьевъ (И. Р. т. VI стр. 260) — хорошо неизвѣстно; извѣстно только, что Схарія, по прибытіи въ Новгородъ, сблизился съ новгородскимъ духовенствомъ, и съ помощью пятерыхъ сообщниковъ, также Жидовъ, сталъ распространять свое лжеученіе.

Еретики отвергали божество Спасителя, св. Троицу, таинства, воскресеніе мертвыхъ, нападали на новый завѣтъ, на писанія св. отцевъ, на поклоненіе иконамъ, на монашество и т. д. Словомъ, всѣ основные догматы, всѣ церковныя установленія и обряды христіанской вѣры подверглись рѣзкому отрицанію и осужденію еретиковъ. Но собственное ихъ ученіе никакъ не заключало однако въ себѣ чистаго іудейство; ибо невѣроятно, чтобы вѣроученіе іудейское могло такъ сильно распространиться на Руси, какъ была распространена у насъ въ XV—XVI стол. новгородская ересь, называемая жидовскою; невѣроятно уже потому, что древняя Русь, какъ мы знаемъ, отличалась большою нетерпимостію, что въ ней чужія вѣры: латинская, армянская, тѣмъ болѣе жидовская, считались проклятыми *). Изъ современныхъ памятниковъ, которые дошли до насъ о новгородской ереси, слѣдуетъ заключить скорѣе, что т. н. ересь «жидовствующихъ» была какая-то смѣсь разныхъ ученій и толковъ, толковъ раціоналистическихъ и даже матеріалистическихъ **), не чуждыхъ въ тоже время и нѣкоторыхъ началъ іудейства и христіанства. Это не было отдѣльное, систематическое ученіе о той или другой вѣрѣ, а скорѣе какое-то религіозное броженіе, начавшееся со временъ стригольниковъ и состоявшее главнымъ образомъ въ стремленіи подвергнуть критикѣ догматы вѣры и устройство церкви. Отсутствіе просвѣщенія, недостатки внутренней жизни русскаго народа, въ религіозно-нравственномъ отношеніи, и современныя политическія и церковныя обстоятельства, конечно, болѣе всего способствовали къ распространенію въ массѣ народа разнаго рода кривыхъ толковъ и вѣроученій; тѣмъ болѣе, что почти всѣ начальники ереси были люди *книжные* и имѣли такія книги, какихъ не было у православнаго духовенства ***).

И новгородская ересь, вслѣдствіе всѣхъ исчисленныхъ причинъ, разрасталась быстро и страшно! Болѣе десяти лѣтъ, до самаго возведенія

---

*) См. статью г. Костомарова: „Двѣ русскія народности.“ — Новгородская ересь названа жидовскою, должно полагать, или потому, что первые распространители ея были Жиды, или же, можетъ быть, затѣмъ, чтобы внушить презрѣніе къ этому еретическому ученію.

**) *Раціонализмъ*—философско-богословское ученіе, допускающее, какъ средство познаванія, одинъ только разумъ (ratio) и отвергающее откровеніе; а *матеріализмъ* — ученіе, которое признаетъ одно лишь вещество, *матерію*, и слѣдственно отвергаетъ Бога, душу въ человѣкѣ и все духовное. — Одинъ изъ главныхъ сектаторовъ, митр. Зосима, проповѣдывалъ, напр., и словомъ, и образомъ собственной жизни самый грубый матеріализмъ. Іосифъ Волоцкой, въ своемъ „Просвѣтителѣ“ (см. ниже) упоминаетъ, что Зосима съ такимъ цинизмомъ выражался о второмъ пришествіи Спасителя и о воскресеніи мертвыхъ: „нѣтъ де и втораго пришествія Христова, нѣтъ де и царства небеснаго святымъ, умеръ де — инъ умеръ, не та мѣста и былъ.“

***) Ист. Рос., С. Соловьева, т. V. стр. 260.

Геннадія въ архіепископы новгородскіе, она спокойно развивалась въ Новгородѣ, и уже тогда считала въ числѣ своихъ послѣдователей лучшихъ членовъ новгородскаго духовенства, какъ напримѣръ: иоповъ Діонисія и Алексѣя, протопопа Софійскаго собора (лице очень важное въ Новгородѣ)—Гавріила, которые, въ свою очередь, стали ересеначальниками и увлекали въ ересь многихъ иоповъ, діаконовъ, причетниковъ, изъ лицъ недуховныхъ, — многихъ именитыхъ гражданъ и чиновниковъ въ Новгородѣ и много простаго народа.

Ересь переходитъ изъ Новгорода въ Москву и имѣетъ здѣсь во главѣ своей, кромѣ священниковъ Алексѣя и Діонисія (переведенныхъ въ Москву), симоновскаго архимандрита (впослѣдствіи митрополита) Зосиму, извѣстнаго своею ученостью и талантами, приближеннаго къ царю дьяка, Ѳеодора Курицына и друг. Вообще ересь пользуеття въ Москвѣ большимъ сочувствіемъ многихъ значительныхъ людей. Она проникаетъ наконецъ въ царскій дворецъ: ее принимаетъ невѣстка великаго князя, Елена; самъ Иванъ Васильевичъ знаетъ о ней, знаетъ, что протопопъ Алексѣй и дьякъ Курицынъ — еретики, и между тѣмъ, по ихъ ходатайству, дѣлаетъ митрополитомъ всея Руси одного изъ главнѣйшихъ еретиковъ, архимандрита *Зосиму*. Ересь широко и повсемѣстно распространилась на Руси особенно въ то время, когда Иванъ III, послѣ паденія Новгорода, выселилъ оттуда и разселилъ въ разныхъ мѣстахъ мятежныхъ Новгородцевъ. Религіозное «смущеніе» было велико и сильно между православными христіанами, по словамъ Іосифа Волоцкаго. Такого смущенія, говоритъ онъ, никогда прежде не бывало. «Прежде, говоритъ тотъ же писатель въ своемъ посланіи къ Нифонту, епископу суздальскому, — «прежде никогда и слуху не было о такой ереси, съ тѣхъ поръ какъ солнце православія возсіяло въ нашей землѣ; *нынѣ и въ домѣхъ, и на путехъ, и на торжищахъ* (на рынкахъ) *иноцы и мирстіи, и вси сомнятся, вси о вѣрѣ пытаютъ, и не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ св. отецъ, но отъ еретиковъ и отступниковъ Христовыхъ..... и съ ними дружатся, и піютъ и ядятъ, и учатся отъ нихъ жидовству..... По истинѣ*, прибавляетъ Іосифъ, *пріиде отступленіе. Отступиша бо человѣцы отъ истины и отъ православія*...

Вотъ какъ широко раскинула свои сѣти новгородская ересь! Опасность для церкви была, слѣдственно, велика! И тутъ-то неумолимымъ гонителемъ еретиковъ и ревностнымъ поборникомъ православія является Геннадій. Онъ открываетъ ересь и первый посылаетъ извѣщательныя грамоты къ великому князю и къ митрополиту Геронтію, прося ихъ принять мѣры къ искорененію зла; обращается съ такими же просьбами къ нѣкоторымъ епископамъ, упрекаетъ ихъ, что въ дѣлѣ такой великой важности для церкви, они не принимаютъ должнаго участія и убѣждаетъ къ ревностному содѣйствію себѣ. Не смотря на всѣ препятствія, не смотря на то, что еретики успѣли пріобрѣсти повсюду большое вліяніе, Геннадій мужественно и неутомимо, съ непоколебимою твердостію идетъ къ своей цѣли, т. е. къ искорененію ереси. Другой знаменитый врагъ еретиковъ и помощникъ Геннадія въ дѣлѣ преслѣдованія ереси, Іосифъ Волоцкой, называетъ его «свѣтильникомъ на свѣщницѣ» и «львомъ на злодѣйственныя еретики. ... *устреми бо ся яко отъ чаща боже-*

ственныхъ писаній, и яко отъ высокихъ и красивыхъ горъ пророческихъ и апостольскихъ ученій, иже ногти своими растерзая тѣхъ скверныя утробы, напоившаяся яда жидовскаго, зубы же своими сокрушая и разтерзая и о камень разбивая.» Въ этихъ словахъ Іосифа рѣзко отзывается духъ и характеръ эпохи, отличавшейся суровой нетерпимостію, и ясно видѣнъ въ тоже время личный характеръ Геннадія и характеръ его дѣятельности.

Посланія Геннадія о ереси: къ архіепископу ростовскому, Іосафу, къ епископу сарскому, Прохору и друг., примѣчательны, какъ важныя документы для исторіи новгородской ереси и какъ памятники, сохранившіе въ себѣ многія характеристическія черты времени. Въ письмѣ къ Іосафу, говоря о томъ, что онъ преслѣдовалъ еретиковъ при помощи гражданской власти, Геннадій между прочимъ выражается: «Ино какже ихъ (еретиковъ) мощно было *доити*, аще бы великій князь не приказалъ своимъ боярамъ со мною, своимъ богомольцемъ, того обыскати? И молитвами пречистыя Богоматери и его государевою *грозою*, съ его бояры—того есьмя обыскали на ирѣпко.» — Но изъ всѣхъ посланій Геннадія по дѣлу о еретикахъ особенно замѣчательно и крайне любопытно его посланіе къ митрополиту Зосимѣ, который, какъ членъ еретическаго общества, былъ естественнымъ врагомъ Геннадія и не могъ не питать къ нему ненависти. Геннадій обращается къ Зосимѣ съ должною почтительностію къ его митрополичьему сану, но въ тоже время говоритъ съ свойственною ему твердостію, съ сознаніемъ собственной правоты и рѣзко высказываетъ свои жалобы на то, что его постоянно старались отстранять отъ составлявшихся въ Москвѣ, по нѣкоторымъ случаямъ, соборовъ, а главное, — что на дѣйствія его въ важномъ дѣлѣ о еретикахъ до сихъ поръ весьма мало обращали вниманія въ Москвѣ, и что еретики и теперь еще живутъ тамъ *въ ослабѣ*, недостойно служатъ въ православныхъ церквахъ, произносятъ хулу на Христа, и проч. Въ этихъ словахъ Геннадія о послабленіи, какое дѣлается еретикамъ въ Москвѣ, какъ бы слышится злая иронія и намекъ на еретичество самаго митрополита. Но характеръ самаго Геннадія, равно какъ и духъ времени, въ которое онъ жилъ, яснѣе всего высказываются изъ тѣхъ словъ разбираемаго нами посланія, гдѣ Геннадій, говоря, что великій князь долженъ казнить еретиковъ и очистить Русскую землю отъ этой *срамоты*, указываетъ на то, какимъ образомъ испанскій король очистилъ свою землю отъ еретиковъ (т. е. посредствомъ инквизиціи). «Смотри, — говоритъ новгородскій владыка, — Франки по своей вѣрѣ какую крѣпость держатъ: сказывалъ мнѣ цесарскій посолъ про испанскаго короля, какъ онъ свою землю очистилъ, и я съ его рѣчи послалъ тебѣ списокъ.»

Не смотря на то, что Зосима долженъ былъ наконецъ созвать соборъ по дѣлу о еретикахъ, получившему слишкомъ большую гласность (еретиковъ проклятіи на соборѣ, нѣкоторыхъ сослали въ заточеніе и проч.) ересь все еще сильно поддерживалась. Рѣшительныя мѣры противъ еретиковъ приняты были уже впослѣдствіи, по настоянію Іосифа Волоцкаго; а послѣ собора при Зосимѣ, они еще встрѣчали себѣ сочувствіе вездѣ и явную поддержку у властей, духовной и свѣтской. Ихъ происками, кажется, должно приписать и то, что злѣйшій врагъ ереси, Геннадій, былъ противъ воли сведенъ съ архіепископ-

ской каѳедры и помѣщенъ въ Чудовѣ монастырѣ. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сохранилось извѣстіе, что Геннадій началъ брать *мзду* съ священниковъ за *ставленіе*, по совѣту любимца своего, дьяка Михаила Гостинника, и будто за это былъ лишенъ каѳедры. Но такое обвиненіе несправедливо. Во первыхъ, невѣроятно, чтобы Геннадій, передъ самимъ паденіемъ своимъ принимавшій дѣятельное участіе на московскомъ соборѣ 1503 года, по вопросу объ улучшеніи нравственности духовенства, и гдѣ было именно постановлено, что архіереи не должны брать ничего съ духовныхъ лицъ за ихъ поставленіе; невѣроятно, говоримъ мы, чтобы Геннадій, вернувшись съ этого собора въ Новгородъ, первый нарушилъ одно изъ важнѣйшихъ соборныхъ постановленій. И притомъ, такое поведеніе противорѣчило бы всей предшествовавшей дѣятельности новгородскаго владыки, всю свою жизнь боровшагося съ неправдой. А во вторыхъ, извѣстіе о мздоимствѣ Геннадія вовсе не встрѣчается въ новгородскихъ лѣтописяхъ при разсказѣ о его паденіи. Правдоподобнѣе всегда допустить, что причиною паденія Геннадія были его враги, которыхъ у него было множество, какъ въ рядахъ еретиковъ, такъ и въ средѣ православнаго духовенства; ибо Геннадій самъ писалъ въ замѣчательномъ *посланіи* своемъ о *необходимости духовныхъ училищъ*, что на него поднимаютъ ропотъ и бранятъ его тѣ изъ претендентовъ на церковныя мѣста, которыхъ онъ не хотѣлъ и не могъ поставлять, по причинѣ ихъ невѣжества. Естественно, что такая строгая требовательность владыки, при выборѣ людей въ духовныя должности, вооружала противъ Геннадія весьма многихъ.

Посланіе Геннадія, о которомъ мы упомянули, такъ интересно по важности своего содержанія и по рѣзкости тона, что необходимо привести изъ него хотя нѣкоторыя, болѣе характеристическія мѣста. *) «Да былъ есьми челомъ государю, великому князю (пишетъ Геннадій къ митрополиту Симону), чтобы велѣлъ училища учинить..... А се приведутъ ко мнѣ мужика (т. е для поставленія въ священники или дьяконы) и язъ велю ему апостолъ дати чести, и онъ не умѣетъ ни *ступити*, и язъ велю ему псалтыри дати, и онъ и по тому *едва бредетъ*, и язъ ему откажу, и они извѣтъ творятъ (жалуются): «земля, господине, такова, не можетъ добыти, что бы гораздъ грамотѣ.» Ино де всю землю излаялъ, что нѣтъ человѣка въ землѣ, кого бы избрать въ поповство,» и проч. Въ заключеніе Геннадій говоритъ о необходимости устроить училища для ставленниковъ и проситъ митрополита, чтобы онъ похлопоталъ о томъ у великаго князя: «его разумомъ и *грозою*, а твоимъ благословеніемъ, — говоритъ Геннадій, — это дѣло исправится.» Въ приведенномъ посланіи Геннадій является однимъ изъ заботливѣйшихъ ревнителей просвѣщенія, и потому оно должно занимать важное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія; а съ другой стороны, посланіе это принадлежитъ къ самимъ характеристическимъ памятникамъ древне-русской письменности, ярко рисующимъ картину невѣжества того времени.

---

*) Оно напечатано въ „Актахъ Истор.“ издан. Археограф. Ком. т. I, № 114.

Таковъ былъ Геннадій. Суровый и безпощадный преслѣдователь ереиковъ, который съ удовольствіемъ говоритъ о томъ, какъ испанскій король очистилъ свою землю отъ еретиковъ, и въ тоже время ревностно хлопочетъ о развитіи просвѣщенія въ своемъ отечествѣ, требуетъ учрежденія училищъ для духовныхъ, рѣзко обличаетъ ихъ невѣжество, составляетъ полный списокъ библіи и всю жизнь свою проводитъ въ трудахъ и попеченіяхъ о русской церкви.

Ожесточенная борьба съ еретиками наложила особый отпечатокъ на слогъ и языкъ посланій Геннадія, отличающихся вообще какою-то рѣзкою простотою, отрывочностію и мѣстами неясностію выраженій.

Кромѣ поименованныхъ нами посланій, Геннадій написалъ еще слово, заключающее въ себѣ опроверженіе разныхъ мнѣній и толковъ о *кончинѣ міра* съ исходомъ 1492 года, т. е. 7000 лѣтъ отъ с. м., такъ какъ мысль о свѣтопреставленіи, весьма сильно распространенная въ то время и тревожившая не только народъ, но и многихъ писателей духовныхъ, давала поводъ еретикамъ къ злымъ нападкамъ на церковь и ея писателей, Потому Геннадій составилъ, по порученію собора, новую пасхалію на 70 лѣтъ восьмой тысячи, сопровождая ее названнымъ нами словомъ, въ которомъ доказывалъ невѣрность различныхъ толковъ о кончинѣ міра.

Геннадій умеръ въ Чудовѣ монастырѣ, въ 1506 году, 14 декабря.

---

4. Іосифъ Волоцкой, какъ помощникъ Геннадія въ борьбѣ съ еретиками. Характеръ литературной дѣятельности Іосифа, его посланія и «Просвѣтитель». Ереси М. Бакшина и Ѳ. Косаго. Сочиненія Зиновія Отенскаго. Іосифъ въ монастырскомъ вопросѣ. Нападки на «Осифлянъ». Нилъ Сорскій. Литературная форма и пріемы въ сочиненіяхъ Іосифа. — Іосифъ Волоцкой, или *Волоколамскій* († 1516) первый игуменъ основаннаго имъ Волоколамскаго монастыря. Іосифъ В (въ свѣтскомъ званіи *Иванъ Санинъ*, сынъ московскаго служилаго человѣка, потомокъ выходца изъ западной Руси) съ самыхъ юныхъ лѣтъ увлекался высокими образцами христіанскаго подвижничества и стремился къ строгой иноческой жизни. Еще очень молодымъ человѣкомъ пришелъ онъ въ Боровскій монастырь, основанный на югѣ отъ Москвы знаменитымъ старцемъ, св. Пафнутіемъ Боровскимъ, и славившійся крайнею строгостію своихъ монастырскихъ правилъ. Пафнутій принялъ Іосифа въ число братіи и подвергнулъ его строгому искусу и неутомимымъ трудамъ. По смерти Пафнутія, братія избрала Іосифа игуменомъ Боровскаго монастыря, Онъ хотѣлъ ввести здѣсь уставъ еще болѣе строгой монастырской жизни, но большинство братіи не согласилось на это, и Іосифъ оставилъ Боровскій монастырь, посѣтилъ другія обители, присматриваясь къ уставамъ и выбирая какой изъ нихъ былъ построже, наконецъ рѣшился основать собственный монастырь, въ Волоколамскихъ лѣсахъ, съ самымъ строгимъ общежительнымъ уставомъ.

Въ то время, когда Геннадій возсталъ противъ новгородской ереси, Іосифъ

Волоцкой уже былъ знаменитъ подвигами высокой иноческой жизни, прославилъ себя и словомъ и дѣломъ и имѣлъ большое нравственное значеніе въ современномъ обществѣ. Потому Геннадій вызвалъ къ себѣ, на помощь для борьбы съ ересью, волоколамскаго игумена. Лучшаго выбора онъ и не могъ сдѣлать. Іосифъ скоро является неутомимымъ борцомъ противъ ереси и безпощаднымъ преслѣдователемъ общества еретиковъ. Іосифъ началъ свои дѣйствія противъ еретиковъ, возставъ вмѣстѣ съ Геннадіемъ противъ злѣйшаго еретика и врага православія, возсѣдавшаго на митрополичьемъ престолѣ. Онъ сталъ писать посланія къ архіереямъ противъ митрополита Зосимы и вообще противъ ереси, объясняя всю опасность, какой она угрожала православію, и побуждая ихъ дѣйствовать для ея истребленія совокупными силами. Въ особенности замѣчательно въ этомъ отношеніи *посланіе* Іосифа къ *епископу суздальскому Нифонту*, — безспорно лучшее изъ многихъ посланій Іосифа В. о ереси. Мы привели выше одно мѣсто изъ этого посланія, ярко обрисовывающее состояніе умовъ въ современномъ русскомъ обществѣ и то могущественное вліяніе, какое производила на него новгородская ересь. О Зосимѣ въ этомъ посланіи Іосифъ говоритъ: «аще не искоренится той второй Іуда, помалѣ укрѣпится и во вся человѣки внидетъ отступленіе». Зосиму свели съ митрополіи въ 1494 году за участіе въ ереси и безнравственную жизнь, какъ говорятъ лѣтописи. Но его паденіе ни мало не ослабило значенія еретиковъ въ Москвѣ; потому что главный начальникъ еретическаго общества, Курицынъ, былъ все еще въ большой силѣ у великаго князя, и самъ Иванъ III, не смотря на сдѣланное Іосифу обѣщаніе дѣйствовать противъ еретиковъ, не принималъ противъ нихъ ничего рѣшительнаго.

Преслѣдуя ересь и вооружая противъ еретиковъ власти духовныя и свѣтскія, Іосифъ признавалъ нужнымъ дѣйствовать въ то же время противъ нихъ и письменнымъ словомъ, т. е. разоблачать ихъ ученіе и обличать его въ неправдѣ. Плодомъ этой литературной дѣятельности Іосифа В. явился его знаменитый Просвѣтитель, состоящій изъ 16 обличительныхъ словъ противъ еретическаго ученія. Это сочиненіе — богословско-полемическое, въ которомъ авторъ опровергаетъ, пунктъ за пунктомъ, все ученіе еретиковъ и всѣ хулы ихъ на православіе и на церковь. Іосифъ споритъ съ еретиками, основываясь на св. писаніи и на писаніяхъ почти всѣхъ извѣстныхъ отцевъ и учителей церкви, и даже приводитъ свидѣтельства нѣкоторыхъ не замѣчательныхъ писателей греческихъ. Тутъ видна обширная начитанность и замѣчательный полемическій талантъ Іосифа,

«Просвѣтитель» Іосифа Волоцкаго принадлежитъ вообще къ замѣчательнымъ памятникамъ нашей старинной литературы, и кромѣ своего богословско-полемическаго значенія, имѣетъ еще другія, весьма важныя, достоинства въ историко-литературномъ отношеніи. Это во первыхъ одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ, при изслѣдованіи ереси «жидовствующихъ», въ которомъ изложена почти полная исторія ея; а во-вторыхъ «Просвѣтитель», болѣе чѣмъ всѣ другіе современные памятники русской духовной литературы, сохранилъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ своего времени.

Ревность Іосифа къ искорененію еретиковъ доставила ему много враговъ, и навлекла на него ненависть нѣкоторыхъ сильныхъ людей, даже ненависть нѣкоторыхъ монаховъ и старцевъ, въ особенности изъ сѣверныхъ монастырей. Но ревность Іосифа отъ того ни мало не уменьшилась: онъ продолжалъ требовать осужденія и казни еретиковъ. Любопытно, какъ защищались еретики противъ Іосифа, и доказывали, что ихъ не должно осуждать. Іосифъ приводитъ въ своемъ «Просвѣтителѣ» ихъ слова: еретики, говоритъ онъ, «глаголаху, яко не подобаетъ осуждати ни еретика, ниже отступника; на свидѣтельство же приносяще Господни глаголы, еже рече: не осуждайте, да не осуждены будете, и св. Іоанна Златоустаго, еже глаголетъ: яко не достоитъ никого же ненавидѣти, ни осуждати, ниже невѣрнаго, ниже еретика, и не убо достоитъ убивати еретика; *аще ли же и судити подобаетъ еретика или отступника, отъ царскихъ и градскихъ законъ судится, а не отъ иноковъ, ниже отъ мірскихъ человѣкъ, кроме не присѣдящимъ судищнымъ дворомъ*» (т. е. осуждать могутъ лишь установленные судьи, въ засѣданіи судилища). Іосифъ отвергаетъ такое мнѣніе еретиковъ, на основаніи апостольскихъ и учительскихъ писаній, соборныхъ постановленій и многихъ примѣровъ изъ церковной исторіи.

Дѣйствуя противъ еретиковъ и словомъ, и дѣломъ, Іосифъ не успокоивался, не смотря на невниманіе къ его требованіямъ и на нерѣшительность великаго князя. Онъ все же продолжалъ настаивать, и требовалъ осужденія и казни еретиковъ; вошелъ въ переписку съ духовникомъ великаго князя, архимандритомъ Митрофаномъ, и просилъ его дѣйствовать на Ивана III. Усилія Іосифа, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ. Въ концѣ 1504 или въ началѣ 1505 года, въ Москвѣ, на еретиковъ созванъ былъ соборъ, на которомъ присутствовалъ самъ Иванъ III и сынъ его Василій. Еретики отважно и дерзко защищали свою ересь на соборѣ; но обличителемъ ихъ здѣсь былъ самъ Іосифъ. Еретики были осуждены и, по настоянію Іосифа Волоцкаго, преданы казни. «И повелѣ тогда державный, — говоритъ Іосифъ, — иже Христа отвергшихся и жидовская мудрствующихъ, овѣхъ огню предати, овѣхъ же языки изрѣзывати, и инѣми казньми казнити.» Многіе изъ еретиковъ раскаялись передъ казнію; но Іосифъ не вѣрилъ въ искренность ихъ раскаянія и говорилъ, что они только изъ страха огня и жестокой смерти изъявляютъ притворное раскаяніе. «Все равно, пишетъ Іосифъ,—руками или молитвою убить еретика... Каялись ли еретики до сего времени, въ продолженіе тридцати четырехъ лѣтъ? Ни одинъ не каялся; а если которые и каялись, то при первомъ удобномъ случаѣ обманывали. Не искренно каются они и теперь, и если кто изъ нихъ хочетъ покаяться искренно, можетъ сдѣлать это и въ темницѣ: въ скорбѣхъ бо и въ бѣдахъ паче Богъ слышетъ кающихся.» Такимъ образомъ главнѣйшіе изъ еретиковъ подверглись жестокимъ казнямъ: многіе были сожжены, какъ напримѣръ: Волкъ Курицынъ, Некрасъ Рукавой, которому сперва отрѣзали языкъ, а потомъ сожгли, и многіе другіе; иныхъ сослали въ заточеніе, другихъ по монастырямъ.

При сынѣ Ивана III, Василіѣ Ивановичѣ, враги Іосифа снова возстали на

него за мнѣніе о необходимости суровыхъ мѣръ противъ кающихся еретиковъ, и требовали выпустить ихъ изъ заточенія. Іосифъ, однако, стоялъ крѣпко на своемъ, былъ неумолимъ къ еретикамъ, выставлялъ примѣры строгости къ виновнымъ изъ ветхаго и новаго завѣта и писалъ великому князю: «молимъ тебя, государь, чтобъ ты своимъ царскимъ судомъ искоренилъ тотъ злой плевелъ еретическій въ конецъ.» — Мнѣніе Іосифа, какъ замѣтили мы, встрѣтило себѣ сильныхъ противниковъ между старцами знаменитаго Кириллова Бѣлозерскаго монастыря и во всѣхъ монастыряхъ вологодскихъ. Старцы эти написали колкое опроверженіе *) на мнѣніе Іосифа, гдѣ особенно вооружаются противъ мысли Іосифа о томъ: «еже убивати грѣшника или еретика руками или молитвами — едино есть,» и упрекаютъ волоколамскаго игумена въ томъ, что онъ *повелѣваетъ брату брата согрѣшившаго убить.* «Петръ апостолъ, — говорятъ старцы, — Симона волхва молитвою разбилъ — и ты, господинъ Іосифъ, сотвори молитву, чтобы земля побирала недостойныхъ еретиковъ или грѣшника.»

«Жидовская» ересь, послѣ того какъ были казнены главные еретики, все еще проявлялась изрѣдка и при Василіѣ Ивановичѣ и Иванѣ Грозномъ. Открытыя же въ началѣ второй половины XVI вѣка новыя еретическія ученія, извѣстныя въ нашей церковной исторіи подъ именемъ ересей *Матвѣя Бакшина* и *Ѳеодосія Косаго*, имѣли видимую связь съ ересью жидовствующихъ. Связь эта видна, во-первыхъ, изъ того, что новые еретики жестоко нападали на Іосифа Волоцкаго, ревностнаго обличителя жидовствующихъ, и вооружались противъ его «Просвѣтителя»;» а во-вторыхъ, сродство ереси новгородской съ новыми ересями XVI вѣка явствуетъ изъ того, что послѣднія были распространены почти въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ сильнѣе всего держалась ересь жидовствующихъ, т. е. въ странахъ заволжскихъ и на Бѣломъ-Озерѣ. По словамъ г. Костомарова, «непосредственная связь этой такъ называемой ереси (ереси Матвѣя Бакшина) съ жидовствующею и стригольническою заключается въ *преемственномъ броженіи религіозныхъ мнѣній*, продолжающемся отъ XIV вѣка.» **) Ереси Бакшина и Косаго произвели также немалое безпокойство русской церкви въ XVI вѣкѣ.

Важный источникъ для изученія ереси Ѳеодосія Косаго представляетъ одно замѣчательное современное сочиненіе, богословско-полемическаго содержанія. Авторъ этого сочиненія монахъ, *Зиновій Отенскій*, былъ ученикъ одного изъ ученѣйшихъ русскихъ писателей XVI вѣка, Максима Грека, и подвергся одинаковой участи съ своимъ учителемъ: онъ былъ сосланъ въ Отенскій монастырь (близъ Новгорода) на заточеніе, и тамъ написалъ свое сочиненіе, которое носитъ слѣдующее заглавіе: «Истинное показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи.» Ученіемъ *новымъ* названа здѣсь ересь Ѳеодосія Косаго, заклю-

---

*) По словамъ проф. Соловьева, церковные историки догадываются, что опроверженіе это написано инокомъ Вассіаномъ Косымъ (Ист. Рос., т. V, стр. 376).

**) О ересяхъ Бакшина и Косаго см. весьма интересную статью г. Костомарова: „Великорусскіе религіозные вольнодумцы,“ От. Зап. 1862 г. октябрь.

чающаяся въ рѣшительномъ отрицаніи всего, что составляетъ существенность православія. Сочиненіе Зиновія представлено въ формѣ разговоровъ между тремя *крылошанами* Спасова Хутынскаго монастыря, послѣдователями ереси Косаго, излагающими его ученіе, и авторомъ, который опровергаетъ это ученіе съ точки зрѣнія православія.

Литературная дѣятельность Іосифа Волоцкаго не ограничивается одною полемикою съ ученіемъ еретиковъ; отъ него до насъ дошли и другія сочиненія; такъ напримѣръ: «Сказаніе о святыхъ отцахъ монастырей русскихъ,» въ которомъ Іосифъ, какъ ревностный послѣдователь строгости монастырской жизни, представляетъ примѣры изъ жизни и дѣятельности св. Сергія, Кирилла Бѣлозерскаго и другихъ русскихъ отшельниковъ, и говоритъ объ упадкѣ въ его время строгости иноческой жизни, для поддержанія которой онъ считаетъ необходимымъ употребленіе строгихъ мѣръ. При другомъ случаѣ, однако, Іосифъ высказываетъ чисто практическій взглядъ на значеніе монастырей. На Руси, еще до времени Іосифа Волоцкаго, возникалъ нѣсколько разъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть селами и деревнями? На соборѣ при Иванѣ III былъ поднятъ этотъ вопросъ знаменитымъ отшельникомъ, *Нилом Сорскимъ*, который требовалъ, чтобы монастыри не владѣли селами, и чтобы монахи жили по пустынямъ и питались отъ собственныхъ трудовъ. Нилъ Сорскій — личность весьма замѣчательная въ исторіи русскаго монашества; онъ можетъ считаться у насъ представителемъ того строго-аскетическаго и созерцательнаго направленія въ иноческой жизни, которое развилось на Востокѣ, въ первые вѣка христіанства, и которое не легко прививалось къ монастырямъ русскимъ, въ особенности сѣвернымъ, не смотря на все вліяніе аскетическихъ византійскихъ сочиненій на русское духовенство и вообще на нашихъ книжныхъ людей. Дошедшее до насъ: «Преданіе Нила Сорскаго ученикамъ» отличается требованіями самаго суроваго аскетизма. Нилъ постоянно подкрѣпляетъ свои наставленія ученикамъ примѣрами изъ жизни и сочиненій св. отцевъ-пустынниковъ на Востокѣ, которыя, какъ видно, онъ тщательно изучалъ, проведя нѣсколько лѣтъ на Аѳонской горѣ и въ другихъ православныхъ монастыряхъ внѣ Руси. Образъ жизни и направленіе современнаго русскаго монашества казались Нилу слишкомъ мірскими, слишкомъ практическими, и потому не свойственными инокамъ, отъ которыхъ онъ требовалъ совершеннаго удаленія отъ мірскихъ дѣлъ и отъ всякихъ столкновеній съ міромъ. Съ этою цѣлію Нилъ старался ввести между русскими иноками свой уставъ, составленный въ духѣ чисто-аскетическомъ. Понятно, что при такомъ взглядѣ на монашескую жизнь, Нилъ Сорскій долженъ былъ явиться противникомъ монастырскихъ имѣній. Но Іосифъ Волоцкій, ратуя также за строгость монастырской жизни, видѣлъ сверхъ того въ монастырѣ разсадникъ, откуда должны были выходить высшія духовныя власти, и для того считалъ необходимымъ, чтобы монастыри были вполнѣ обезпечены съ матеріальной стороны. «Если у монастырей селъ не будетъ, говорилъ Іосифъ, въ опроверженіе мнѣнія Нила, то какъ честному и благородному человѣку постричься? Если не будетъ честныхъ старцевъ, то откуда взять на митрополію или архіепископа, или

епископа? Если не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, то вѣра поколеблется.» И въ этихъ словахъ, какъ во всей дѣятельности Іосифа Волоцкаго, видѣнъ его личный характеръ, его практическій взглядъ даже и въ дѣлахъ вѣры: по его словамъ, самая вѣра можетъ поколебаться безъ честныхъ и благородныхъ старцевъ, т. е. безъ строгой организаціи церковныхъ властей. Такимъ образомъ, въ средѣ русскаго духовенства образовалось два враждебныхъ мнѣнія по вопросу о монастырскихъ имѣніяхъ. Нилъ Сорскій и его послѣдователи ратовали въ этомъ дѣлѣ противъ слишкомъ практическаго направленія современнаго русскаго иночества, и ученики Нила всегда относились непріязненно къ послѣдователямъ Іосифа Волоцкаго, слывшимъ у нихъ подъ именемъ *Осифлянъ*, и подвергавшимся упреку въ томъ, что они «люты, безчеловѣчны и лукавы зѣло, и властей и имѣній желатели.»

Тѣмъ не менѣе, въ вопросѣ о монастырскихъ имѣніяхъ и о значеніи монастырей, мысль Іосифа Волоцкаго восторжествовала и оставалась всегда господствующею въ русской церкви.

Въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ сочиненій Іосифа, именно въ посланіи къ какому-то вельможѣ: «О милованіи рабовъ,» волоколамскій игуменъ является заступникомъ за человѣческія права *рабовъ* и *сиротъ домашнихъ*. Но онъ дѣлаетъ свое увѣщаніе вельможѣ съ большими оговорками, повторяя неоднократно, что высказываемыя имъ мысли — не его, а взяты изъ божественнаго писанія, которое повелѣваетъ рабовъ, какъ братій, миловать. «Слухъ ми, господине, — говоритъ Іосифъ, — приходитъ про твое *благородство*, что будто де немилосердіе твое и нежалованіе велико къ твоимъ рабамъ и сиротамъ домашнимъ, тѣснота и скудость велика имъ телѣсныхъ потребъ, пищею и одеждей не токмо довольны, но и гладомъ таютъ и наготою страждутъ,» и проч. Въ концѣ посланія Іосифъ говоритъ, что онъ пишетъ къ вельможѣ, немилосердно обращавшемуся съ рабами, какъ по слухамъ, такъ и потому, что онъ *самъ видѣлъ нужду* его рабовъ; и не смотря на то, все же предлагаетъ этому вельможѣ свои увѣщанія о милованіи рабовъ, съ большою осторожностію, упоминаетъ, что онъ дерзнулъ ему писать ради его *великаго жалованья* къ себѣ, говоритъ ему: «Богъ на тебѣ свою милость показалъ, и государь тебя, великій князь, пожаловалъ; такъ и тебѣ слѣдуетъ своихъ слугъ пожаловать,» — проситъ прощенія въ *дерзости*, что рѣшился писать къ нему, и проч. Это посланіе Іосифа весьма важно для характеристики времени, какъ памятникъ, показывающій, въ какомъ незавидномъ положеніи могли держать въ то время богатые и сильные міра сего своихъ рабовъ и слугъ. И потому мы не можемъ не смотрѣть съ большимъ уваженіемъ на этотъ голосъ Іосифа Волоцкаго, какъ онъ ни скромно выраженъ, въ защиту угнетенныхъ и простаго народа, тѣмъ болѣе, что подобный голосъ такъ рѣдко слышится въ произведеніяхъ нашихъ старинныхъ писателей.

Изъ представленнаго очерка литературной дѣятельности Іосифа Волоцкаго ясно видны его направленіе, духъ и характеръ его сочиненій. Главнѣйшее изъ нихъ, «Просвѣтитель,» и съ внутренней, и съ внѣшней стороны своей показываетъ, что современное литературное развитіе на Руси сдѣлало замѣтный

шагъ впередъ. Въ обличительныхъ словахъ, изъ которыхъ составленъ «Просвѣтитель,» мы уже не встрѣчаемъ той наивности, простоты и отрывочности въ изложеніи, которыми отличались произведенія духовныхъ писателей первыхъ вѣковъ; здѣсь уже видны болѣе смѣлые литературные пріемы, видна система и искуство въ изложеніи, въ подборѣ доказательствъ противъ еретиковъ, и проч.; такъ что «Просвѣтитель» и по внѣшней формѣ своей, и по внутреннему содержанію можетъ считаться смѣло однимъ изъ лучшихъ теолого-полемическихъ сочиненій въ нашей духовной литературѣ до-петровскаго періода. Обширная память и замѣчательная начитанность автора «Просвѣтителя,» знакомаго почти со всей извѣстной въ то время византійской духовной литературой, приводящаго мѣста и ссылающагося на многихъ авторовъ греческихъ, придаютъ этому сочиненію еще большее значеніе въ исторіи русской литературы *).

О «Просвѣтителѣ» Іосифа Волоцкаго слѣдуетъ замѣтить вообще, что произведеніе это и своимъ обличительнымъ содержаніемъ, и своими правилами и наставленіями прямо отвѣчало потребностямъ времени и находилось въ тѣсномъ соотношеніи съ явленіями внутренней жизни современнаго русскаго общества. Потому мы встрѣчаемъ здѣсь многія весьма характеристическія черты и понятія того времени. Въ седьмомъ словѣ «Просвѣтителя,» написанномъ не въ обличеніе еретиковъ, а для назиданія вѣрующихъ, въ словѣ, которое, какъ говоритъ самъ Іосифъ, «всякому христіанину потребно, паче не имѣющимъ многихъ книгъ или невѣдущимъ божественной силы писаній,» заключаются между прочимъ слѣдующія характеристическія наставленія, совершенно сходныя съ правилами «Домостроя»: «Ступаніе имѣй кроткое, гласъ умѣренъ, слово благочинно, пищу и питіе не мятежно; при старѣйшихъ молчи, премудрѣйшихъ послушай, къ преимущимъ имѣй повиновеніе, къ равнымъ себѣ и меньшимъ любовь нелицемѣрну; отъ злыхъ и плотскихъ и любопытныхъ отлучайся; мало вѣщай, множайша же разумѣй и не продерзай словомъ, не излишествуй бесѣдою, не дерзокъ будь на смѣхъ, стыдѣніемъ украшайся,» и проч. Относительно нравственныхъ и научныхъ понятій Іосифа Волоцкаго слѣдуетъ сказать вообще, что онъ не опередилъ своего времени, котораго можетъ считаться полнымъ представителемъ. Онъ не былъ чуждъ, напримѣръ, мрачнаго предразсудка своихъ современниковъ о кончинѣ міра съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ, т. е. 1492 года, предразсудка, столь сильно тревожившаго нашихъ предковъ въ концѣ XV вѣка, который перешелъ въ сочиненія русскихъ духовныхъ писателей изъ византійской письменности, и былъ принятъ у насъ на вѣру.

---

*) Іосифъ Волоцкій не зналъ по-гречески, и знакомство его со всѣми замѣчательными произведеніями греческой духовной литературы доказываетъ, что въ его время уже всѣ эти произведенія были переведены на русскій языкъ. — „Просвѣтитель“ Іосифа Волоцкаго напечатанъ первый разъ только въ новѣйшее время въ Казани, въ издающемся тамъ духовномъ журналѣ: „Православный Собесѣдникъ,“ 1855—1857 г.

5. **Максимъ Грекъ, его жизнь и сочиненія; ихъ значеніе и польза.**— Максимъ Грекъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей XVI вѣка, знаменитый въ исторіи русскаго просвѣщенія, какъ по своей глубокой учености, рѣдкой въ то время на Руси, такъ и по той незавидной участи, которая могла постигнуть у насъ въ старину каждаго, кто, по образованію и по умственному развитію своему, стоялъ выше современныхъ понятій.

Въ 1515 году великій князь Василій Ивановичъ отправилъ грамоту къ настоятелямъ монастырей Аѳонской горы, въ которой просилъ прислать на время въ Москву, Ватопедскаго монастыря, старца Савву, книжнаго переводчика. Игуменъ Ватопедскаго монастыря отвѣчалъ, что старость и болѣзнь не позволяютъ Саввѣ ѣхать въ Москву, а вмѣсто его онъ посылаетъ другаго инока, Максима, искуснаго и годнаго къ толкованію и переводу всякихъ книгъ церковныхъ и *эллинскихъ* (языческихъ). Максимъ, албанскій Грекъ, изъ города Арты, до монашества путешествовалъ по Европѣ, учился въ Парижѣ, во Флоренціи и въ Венеціи. По пріѣздѣ въ Москву, Максиму поручили разборъ богатаго собранія греческихъ рукописей, хранившихся въ великокняжеской библіотекѣ и лежавшихъ безъ употребленія, потому что въ Москвѣ не находили людей, съ достаточными научными свѣдѣніями, чтобы разобрать ихъ. Библіотека великокняжеская поразила Максима Грека своими книжными сокровищами; онъ говорилъ, что нигдѣ въ мірѣ нельзя найти подобнаго богатаго собранія греческихъ рукописей. Не менѣе богато было и собраніе рукописей славянскихъ. Максимъ сдѣлалъ подробное описаніе великокняжеской библіотеки, и представилъ списокъ книгамъ, которыя не были переведены на славянскій языкъ. Максимъ Грекъ, владѣя основательно языками греческимъ и латинскимъ, не былъ знакомъ въ той же степени съ языкомъ славянскимъ, которымъ сталъ заниматься уже по отправленіи въ Москву, и потомупервый, ему порученный, переводъ — толкованій на псалтырь (*Псалтырь седьми толкованій*) онъ сдѣлалъ съ греческаго на латинскій языкъ, а двое русскихъ толмачей уже съ латинскаго перевели на славянскій языкъ. Впослѣдствіи же Максимъ Грекъ перевелъ псалтырь прямо съ греческаго на русскій языкъ.

Максимъ Грекъ, вскорѣ послѣ описанія дворцовой библіотеки, хотѣлъ возвратиться на Аѳонскую гору; но великій князь Василій IV удержалъ его, и поручилъ ему новое, весьма важное, дѣло: исправленіе богослужебныхъ книгъ и церковныхъ рукописей, которыя, вслѣдствіе невѣжества переписчиковъ, были наполнены грубыми ошибками. Девять лѣтъ ученый греческій монахъ трудился надъ исправленіемъ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ, и нашелъ въ нихъ большія неправильности и ошибки. Независимо отъ этихъ трудовъ, Максимъ продолжалъ заниматься переводами съ греческаго на русскій языкъ: перевелъ *Бесѣды Златоуста на евангеліе Матѳея и Іоанна* и другія толкованія на нѣкоторыя изъ священныхъ книгъ. Занимаясь описаніемъ великокняжескихъ рукописей, Максимъ Грекъ отмѣтилъ въ нихъ много апокрифическихъ сочиненій, и видя, что многіе изъ апокрифовъ были распространены между русскими грамотниками, неумѣвшими отличить, при недостаткѣ просвѣщенія, истинной книги отъ ложной, написалъ нѣсколько сочиненій въ опроверженіе болѣе распростра-

менныхъ апокрифовъ. Такимъ образомъ, онъ обличилъ многія апокрифическія сочиненія, обращавшіяся на Руси, и даже указалъ нѣкоторыя правила, какъ отличать истинную книгу отъ ложной. Сверхъ того онъ вооружился противъ нѣкоторыхъ суевѣрій и предразсудковъ, господствовавшихъ въ то время въ русскомъ обществѣ, и писалъ противъ вѣры въ судьбу, противъ астрологіи, или ученія о томъ, что теченіе звѣздъ имѣетъ вліяніе на жизнь человѣка. Ученіе это, какъ видно изъ многихъ современныхъ письменныхъ памятниковъ, было довольно распространено у насъ въ старину въ высшемъ и грамотномъ классѣ народа. Въ одномъ сочиненіи: «Посланіе къ нѣкоему мужу на обѣты нѣкоего латынянина мудреца», Максимъ Грекъ нападаетъ, съ православной точки зрѣнія, на *Луцидаріусъ*, религіозно-космологическое сочиненіе, перешедшее къ намъ съ запада, и переведенное по-русски какимъ-то Георгіемъ. Луцидаріусъ, написанный въ вопросахъ и отвѣтахъ между ученикомъ и учителемъ, заключалъ въ себѣ какую-то пеструю смѣсь ученій древнихъ философовъ съ восточно-библейскими сказаніями и воззрѣніями на вселенную. Книга эта была, какъ видно, сильно распространена между русскими грамотниками въ старину, не смотря на то, что подобно другимъ сочиненіямъ, переходившимъ къ намъ съ Запада, она причислялась къ книгамъ отреченнымъ. — Въ другомъ словѣ своемъ, Максимъ Грекъ вооружается противъ ложныхъ вѣрованій, что во всю свѣтлую недѣлю не заходитъ солнце, и проч, До насъ дошло еще много другихъ его сочиненій въ обличительномъ родѣ. Обличая ложныя вѣрованія и предразсудки, Максимъ Грекъ объясняетъ въ тоже время многія религіозныя и нравственныя понятія, бесѣдуетъ съ своими читателями о философіи, о словесныхъ наукахъ и т. д. Въ этомъ родѣ до насъ дошло его «Разсужденіе о пользѣ грамматики, риторики и философіи».

Въ вопросѣ о монастырскихъ имѣніяхъ, раздѣлявшемъ современное русское духовенство, Максимъ Грекъ, какъ инокъ Аѳонской горы, сталъ на сторону учениковъ Нила Сорскаго, и въ двухъ сочиненіяхъ своихъ: «Повѣсть страшна и достопамятна» и «Бесѣда Актимона съ Филоктимономъ» (нестяжательнаго съ любостяжательнымъ) проводилъ мысль о томъ, что инокамъ не прилично владѣть селами. Этимъ естественно онъ нажилъ себѣ враговъ между духовенствомъ, державшимся противнаго мнѣнія, т. е. мнѣнія Іосифа Волоцкаго. И когда Максимъ Грекъ лишился расположенія великаго князя, выразивъ, какъ полагаютъ, вмѣстѣ съ другими лицами, сопротивленіе на разводъ его съ первою супругою, Соломоніею, по причинѣ ея безплодія; то враги Максима Грека, и главный между ними—митрополитъ Даніилъ, обвинили его въ церковныхъ преступленіяхъ, признали въ его переводахъ какія-то невѣрности, обвиняли въ томъ, что онъ укорялъ русскіе монастыри за владѣніе селами, и т. п. Судили его на соборѣ, гдѣ главнымъ обвинителемъ Максима былъ митрополитъ Даніилъ. Не смотря на всѣ мольбы Максима о помилованіи, на его просьбы простить ему ошибки, которыя могли невольно вкрасться въ его переводы *),

*) Впослѣдствіе Максимъ Грекъ писалъ въ посланіи къ митроп. Даніилу „Аки хульника и св. писаній тлителя осудисте мя, *нѣкіихъ ради малыхъ описей*,

онъ все же былъ осужденъ, какъ еретикъ, растлѣвающій боговдохновенныя книги, сосланъ на заточеніе въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, въ которомъ терпѣлъ большую нужду; а потомъ, въ 1525 году, переведенъ былъ въ Тверской Отрочь-монастырь. Всѣ книги, всѣ сочиненія и бумаги Максима Грека были отобраны у него; но въ послѣднемъ мѣстѣ заточенія ему, по крайней мѣрѣ, дана была возможность снова имѣть греческія книги и писать. При Иванѣ Грозномъ, Максимъ Грекъ все оставался въ заточеніи, только подъ конецъ былъ переведенъ изъ Твери въ Троицко-Сергіевскій монастырь, гдѣ и умеръ, въ 1556 году. Такимъ образомъ, болѣе 25 лѣтъ Максимъ Грекъ находился въ заточеніи. Онъ томился въ своемъ заключеніи и нѣсколько разъ писалъ и къ царю, и къ митрополиту, прося о возвращеніи на Аѳонъ. «Если я правъ, писалъ онъ митрополиту Макарію, то покажите мнѣ милость, избавьте отъ страданій, которыя терплю столько лѣтъ, если же неправъ, то отпустите меня на Святую Гору». Патріархи константинопольскій и александрійскій тоже просили царя объ освобожденіи Максима Грека. Но всѣ просьбы были напрасны: Максима Грека не освобождали и не пускали на Аѳонскую гору.

Максимъ Грекъ не оставался однако безъ дѣла и въ заточеніи, съ тѣхъ поръ, какъ ему позволили писать. Большая часть его сочиненій и переводовъ, состоящихъ изъ размышленій о разныхъ предметахъ — религіозныхъ, нравственныхъ, философскихъ и даже филологическихъ, написана Максимомъ во время заточенія. Здѣсь же онъ писалъ нѣкоторыя изъ своихъ поученій и посланій къ разнымъ лицамъ, въ которыхъ раздавались его смѣлыя обличенія, иногда направленныя противъ самаго царя и митрополита. Но многочисленныя обличенія Максима, главнымъ образомъ, касаются ложныхъ вѣрованій и безчисленныхъ предразсудковъ, господствовавшихъ въ его время въ русскомъ народѣ.

Слѣдуетъ замѣтить только, что обличая предразсудки и суевѣрія народные, вооружаясь противъ нѣкоторыхъ уклоненій отъ православнаго вѣроученія, господствовавшихъ въ русскомъ обществѣ, Максимъ Грекъ мало бралъ во вниманіе степень развитости и образованности этого общества. Въ своей «Повѣсти о совершенномъ иноческомъ жительствѣ» онъ, напримѣръ, приводитъ въ образецъ русскимъ монахамъ жизнь и дѣятельность знаменитаго итальянскаго монаха-проповѣдника, Саванаролы, и указываетъ на его обличительныя проповѣди, направленныя противъ излишняго пристрастія итальянскаго общества XV вѣка къ древне-классической образованности, противъ излишняго благоговѣнія передъ Платономъ и Аристотелемъ и т. д. Но подобнаго пристрастія къ языческой мудрости не могло существовать въ русскомъ обществѣ XV и XVI столѣтій между самыми образованными, т. е. болѣе грамотными и

обрѣтенныхъ въ бывшемъ отъ меня переводѣ, о нихъ же тогда отвѣщахъ вашему священному собору, яко ниже по ереси, ниже по лукавству нѣкоему сицево (такое) что дерануто бысть мною — Богъ свидѣтель, но по нѣкоему всяко случаю, или по забвенію или по скорби"... И при этомъ Максимъ упоминаетъ, что онъ не только отвѣчалъ удовлетворительно на соборѣ, но три раза падалъ ницъ и просилъ прощенія.

начитанными людьми, большинству которыхъ Платонъ и Аристотель едва ли извѣстны были и по имени. Суевѣрія и предразсудки произошли въ средѣ русскаго общества не отъ излишней, а отъ отсутствія всякой образованности, отъ невѣжества. — За то полнаго уваженія заслуживаютъ другія обличительныя сочиненія Максима Грека, какъ напримѣръ: Слово о Промыслѣ Божіемъ» или «Слова о нестроеніяхъ и безчиніяхъ царей и властителей вѣка сего», въ которыхъ авторъ съ изумительною рѣзкостію обличаетъ неправосудіе, взяточничество, угнетеніе бѣдныхъ и невинныхъ, сребролюбіе, роскошь и другіе пороки, господствовавшіе въ лицахъ начальствующихъ и вельможныхъ его времени.

Имя Максима Грека, во всякомъ случаѣ, одно изъ весьма почтенныхъ именъ въ исторіи древне-русскаго просвѣщенія, которому онъ оказалъ несомнѣнныя услуги, какъ это доказываютъ его обширная литературная дѣятельность и многочисленные ученые и литературные труды, большая часть которыхъ хранится въ рукописяхъ и по настоящее время *). Сочиненія Максима обличаютъ въ немъ человѣка систематически-образованнаго и вполнѣ усвоившаго себѣ плоды современнаго европейскаго просвѣщенія, хотя и не чуждаго въ тоже время узкихъ воззрѣній и понятій, свойственныхъ византійскому духовенству. Напримѣръ: его «Слово на общую прелесть и богомерзкую мудрствующихъ» и проч. и нѣкоторыя другія произведенія дышатъ всею ненавистію къ латинамъ и вообще къ неправославнымъ, какою отличались въ то время византійцы, а за ними и наши старинные грамотники. Но въ другомъ сочиненіи своемъ: «Повѣсть страшна и достопамятна«, Максимъ Грекъ, вооружаясь противъ монастырскихъ имѣній, не нашелъ неприличнымъ привести, въ примѣръ нестяжательности, латинскихъ монаховъ Картузіанскаго ордена, и за это заслужилъ даже упреки одного изъ учениковъ своихъ, Зиновія Отенскаго, который въ названномъ нами выше сочиненіи о ереси Ѳ. Косого говоритъ: «хотя и высоко любомудрствовалъ о нестяжаніи добрый Максимъ, однако, неприлично ему было латинской области и ереси монастырь предъ русскими монастырями возвышать». Какъ бы то ни было, но довольно разнообразная литературная дѣятельность Максима Грека, въ которую онъ вносилъ результаты своей глубокой учености и многоразличныя свѣдѣнія, не могла не дѣйствовать благотворно на расширеніе взгляда и понятій древне-русскихъ грамотниковъ, и слѣдственно — на большее развитіе между ними образованности. Вліяніе учености Максима отразилось на многихъ изъ его учениковъ, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, князь Курбскій и Зиновій Отенскій, сдѣлались извѣстными русскими писателями. Первый изъ нихъ такъ отзывается о своемъ учителѣ: «Максимъ преподобный, мужъ очень мудрый, и не только въ ритор-

---

*) По словамъ Карамзина, рукописныя сочиненія Максима Грека, хранящіяся въ библіотекѣ Троицкой Лавры, простираются числомъ до 134; между прочими у Карамзина поименованы: *Слово на Николая Нѣмчина* (астролога, поддерживавшаго ученіе о скорой кончинѣ міра), *Слово отвѣтное Николаю Латинину*; *Слово на Люцеры, о Сивиллахъ, колико ихъ было*, и мн. др. (См. И. Г. Р. т. VII, примѣч. 329).

скомъ искуствѣ сильный, но и философъ искусный, старостію умащенный терпѣніемъ исповѣдническимъ украшенный».

---

6. Митрополитъ Макарій; Четьи-Минеи и другіе литературные труды его. — Макарій († 1562), митрополитъ московскій, въ 1542 году изъ епископовъ новгородскихъ, по желанію Ивана Грознаго, возведенъ былъ на митрополію. Макарій пользуется заслуженною славою въ исторіи русской церковной литературы, какъ составитель знаменитаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ *Четій Миней* *), т. е. сборника житій святыхъ.

Въ предисловіи къ этому громадному сборнику, состоящему изъ 12 большихъ томовъ, Макарій говоритъ, что онъ составленъ имъ въ Новгородѣ, и что надъ составленіемъ его онъ трудился 12 лѣтъ, употребивъ для этого много различныхъ писарей, и не щадя серебра и всякихъ почестей. «Особенно много трудовъ и подвиговъ — говоритъ Макарій — подъялъ отъ исправленія иностранныхъ **) и древнихъ реченій, переводя ихъ на русскую рѣчь, и сколько намъ Богъ даровалъ уразумѣть, столько и смогъ я исправить».

Такимъ образомъ, «Четьи Минеи» не есть собственно сочиненіе, принадлежащее перу Макарія. Это — полнѣйшій сборникъ всѣхъ, болѣе извѣстныхъ въ то время на Руси, духовныхъ произведеній, собранныхъ въ одно трудами и подъ непосредственной редакціей Макарія. Макарій, безъ сомнѣнія, оказалъ этимъ важную услугу русской церковной литературѣ; потому что, безъ его сборника, многія изъ произведеній нашей старинной литературы, съ теченіемъ времени, могли бы утратиться. Въ какой степени онъ принималъ участіе въ «Четіяхъ Минеяхъ» собственнымъ письменнымъ трудомъ, — видно изъ приведенныхъ нами словъ его предисловія. Макарій призналъ нужнымъ заняться исправленіемъ слога и языка въ статьяхъ, вошедшихъ въ его сборникъ. Есть извѣстіе въ лѣтописи (приведенное у проф. Соловьева, Ист. Рос. VII, 238—236), что Макарій находилъ грамотѣевъ и поручалъ имъ написаніе житій святыхъ для своего сборника даже и въ такомъ случаѣ, когда существовали житія древнія тѣхъ же святыхъ: онъ не былъ доволенъ, напримѣръ, древнимъ житіемъ св. Михаила Клопскаго и поручилъ пріѣхавшему въ Новгородъ храброму воину, боярскому сыну, Василію Тучкову, который изъ дѣтства навыкъ св. писанію, написать новое житіе Михаила Клопскаго.

«Четьи Минеи» митрополита Макарія не заключаютъ въ себѣ, однако, собранія однихъ только житій; въ нихъ, по словамъ того же предисловія, написаннаго самимъ Макаріемъ, «собраны и написаны всѣ святыя книги, которыя въ русской землѣ находятся». Потому сюда внесены и четыре евангелиста толковыхъ, и прочія св. книги новаго завѣта съ толкованіями, и три псалтири

---

*) „Четьи Минеи" — *мѣсячныя чтенія*, отъ словъ — *честь* читать, чтеніе и греческ. μὴν — мѣсяцъ).

**) Т. е. греческихъ и южно-славянскихъ, которыя заключались въ древнихъ славянскихъ переводахъ.

разныхъ толковниковъ, и извѣстнѣйшія произведенія болѣе значительныхъ отцевъ церкви, какъ-то: Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова и другихъ, и наконецъ уже — житія святыхъ, какъ отдѣльныя, такъ и всѣ извѣстные патерики, въ которыхъ собраны жизнеописанія святыхъ, особенно чтимыхъ русскою или вообще православною церковію.

Общую характеристику житій и патериковъ мы представили выше; тоже самое слѣдуетъ сказать и о жизнеописаніяхъ святыхъ, собранныхъ въ Четіяхъ Минеяхъ Макарія. Только всѣ, вновь составленныя житія, во время Макарія писаны болѣе витіеватымъ, украшеннымъ языкомъ, которымъ тогда любили писать; между тѣмъ, какъ житія древнія писались съ гораздо большею простотою. Четьи Минеи, составленныя Макаріемъ, извѣстны подъ именемъ *великихъ* и хранятся до настоящаго времени въ рукописи въ Московской синодальной библіотекѣ; а другой, существующій въ нашей церковной литературѣ сборникъ житій, написанный позднѣе Димитріемъ Ростовскимъ, въ отличіе отъ сборника макарьевскаго, называется *малыми* Четіями Минеями.

Митрополитъ Макарій принадлежитъ вообще къ числу просвѣщенныхъ архипастырей древней Руси. Онъ заботился о духовномъ просвѣщеніи народа, объ училищахъ, о переводахъ церковныхъ книгъ на русскій языкъ, и замѣчателенъ еще потому, что способствовалъ къ устройству первой типографіи въ Москвѣ. Изъ литературныхъ трудовъ Макарія, кромѣ Четій Миней, извѣстны: *Рѣчь къ собору*, бывшему въ 1551 году, на которомъ составленъ *Стоглавъ* (редакція котораго принадлежитъ также перу самого Макарія), *Рѣчь къ Ивану* IV, по возвращеніи изъ казанскаго похода, прощальная грамота и проч. Подъ руководствомъ Макарія составлена (какъ мы упоминали) извѣстная *Степенная книга*.

---

7. Посланія къ царю Ивану IV и „Сказаніе“ кн. А. Курбскаго. Отвѣты Грознаго; историческая важность, характеръ и литературныя качества тѣхъ и другихъ. — Политическая и литературная дѣятельность князя Курбскаго тѣсно связана съ мрачной эпохой царствованія Ивана Грознаго, жизнь и дѣянія котораго Курбскій описалъ въ своихъ сочиненіяхъ съ такою безпощадною рѣзкостію, — хотя и не всегда безпристрастно. Курбскій — человѣкъ знатной породы; онъ происходилъ отъ княжеской вѣтви Мономахова дома, и былъ потомокъ удѣльныхъ князей ярославскихъ и смоленскихъ. Въ самые юные годы князь Андрей Курбскій былъ уже ратнымъ воеводою, любимымъ бояриномъ и другомъ царя Ивана Грознаго. Онъ участвовалъ со славою въ казанскомъ походѣ, воевалъ съ Крымцами, съ Литвою и съ Ливонскими рыцарями, и находился въ числѣ самыхъ приближенныхъ совѣтниковъ Сильвестра и Адашева, въ то время, когда тѣ владѣли полною довѣренностію Ивана IV. Но, съ удаленіемъ Сильвестра и Адашева, всѣ близкіе къ нимъ люди подверглись опаламъ и казнямъ; опасность слѣдственно грозила и Курбскому, и онъ бѣжалъ въ Литву, подобно многимъ другимъ русскимъ *отъѣзжикамъ*, убѣжавшимъ въ чужія земли, спасаясь отъ жестокостей

Грознаго. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, впрочемъ, Курбскій отъѣхалъ въ Литву, опасаясь гнѣва царскаго, послѣ потери сраженія съ Литовцами подъ Невлемъ. О чемъ ему дали знать изъ Москвы. въ такомъ смыслѣ, что ему угрожала смерть. Курбскій, какъ и другіе отъѣзжики, рѣшился бѣжать въ Литву, воспользовавшись стариннымъ правомъ русскихъ бояръ *отъѣзжать* отъ одного князя къ другому, правомъ, которое старался уничтожить еще Иванъ III. Польскій король, Сигизмундъ Августъ принялъ Курбскаго съ честію и обѣщалъ ему свои милости; такъ что Курбскій, получивъ отъ короля богатыя помѣстья въ Литвѣ, изъ мести къ Грозному, принималъ участіе въ походахъ Сигизмунда и Стефана Баторія противъ Ивана IV. Курбскій и умеръ въ изгнаніи, въ 1587 году.

Мы уже знаемъ, что князь Андрей Курбскій былъ ученикъ Максима Грека, вліянію котораго, вѣроятно, обязанъ своею любовію къ знаніямъ, къ словесному или риторскому искусству и вообще своимъ стремленіемъ къ просвѣщенію, которымъ отличался во всю жизнь. Курбскій принадлежитъ поистинѣ къ числу образованнѣйшихъ и ученѣйшихъ людей своего времени. Онъ отличался большою начитанностію св. писанія и произведеній духовныхъ писателей; на старости лѣтъ выучился по-латыни, прочелъ Аристотеля, Цицерона и, по его собственнымъ словамъ, «изучалъ разумы древнихъ высочайшихъ мужей» и «не мало лѣтъ потратилъ, обучаясь наукамъ грамматическимъ, діалектическимъ и прочимъ».

Въ изгнаніи Курбскій сдѣлался писателемъ. Находясь еще подъ вліяніемъ гнѣва, подъ вліяніемъ горькаго чувства разлуки съ родиной, Курбскій, скоро послѣ прибытія въ Литву, написалъ къ Грозному свое знаменитое посланіе, доставленное царю, какъ извѣстно, вѣрнымъ рабомъ Курбскаго, Василіемъ Шибановымъ, который смѣло передъ царемъ и передъ народомъ хвалилъ своего господина, и стоялъ спокойно передъ Грознымъ въ то время, когда тотъ острымъ костылемъ своимъ пригвоздилъ къ полу его ногу, и облокотясь на костыль, слушалъ чтеніе письма Курбскаго. Посланіе Курбскаго дышало ненавистію, гнѣвомъ, вопіяло о мщеніи, и отъ начала до конца наполнено было безпощадными и горькими укоризнами царю въ его жестокостяхъ, въ избіеніи столькихъ знаменитыхъ бояръ и воеводъ, — столькихъ *сильныхъ во Израилѣ*, — какъ говоритъ Курбскій, въ заточеніи и въ разогнаніи изъ отечества другихъ.

Царь выслушалъ чтеніе письма, и велѣлъ пытать вѣрнаго *Ваську Шибанова;* но тотъ и подъ пыткой ничего не показалъ на своего господина.

Чувство гнѣва, а быть можетъ, страхъ и внутреннія угрызенія совѣсти возбужденные письмомъ Курбскаго, побудили Грознаго немедленно отвѣчать ему. Отвѣтъ царя былъ весьма пространный, составлялъ «цѣлую книгу», по выраженію г. Устралова *). И такимъ образомъ между этими двумя замѣчательными личностями эпохи завязалась *Переписка,* весьма важная для исторіи и

*) „Сказанія кн. Курбскаго" Изданіе третье, стр. XVI.

для собственной характеристики ихъ обоихъ. Изъ «переписки» дошло до насъ *четыре* письма Курбскаго и *два* отвѣта Грознаго, всего шесть писемъ.

Въ перепискѣ Курбскаго съ Иваномъ Грознымъ замѣчательно то обстоятельство, что оба противника признаютъ важнымъ оружіемъ для борьбы — оружіе слова. Такимъ образомъ, книжное, письменное слово теперь становится орудіемъ и для защиты частныхъ и общественныхъ интересовъ, а не для однихъ только религіозныхъ и правительственныхъ цѣлей, какъ до того было въ древней Руси вообще. Хотя Курбскій защищаетъ въ своихъ сочиненіяхъ исключительно интересы своей касты, при каждомъ удобномъ случаѣ упоминаетъ о знатности своего рода, о знатной породѣ другихъ слугъ Грознаго, подвергавшихся его гоненіямъ; и хотя Иванъ IV, въ свою очередь, защищаетъ права царской власти, и старается доказать, что и знатныя слуги царскіе, какъ и всѣ подданные, должны терпѣливо переносить его жестокости; тѣмъ не менѣе тотъ фактъ, что оба противника, для защиты своихъ интересовъ, прибѣгли къ письменному слову, къ словесной борьбѣ, имѣетъ значеніе, какъ важная характеристическая черта времени, свидѣтельствующая о современномъ взглядѣ на письменное слово.

Историческая важность писемъ Курбскаго и отвѣтовъ Грознаго,— объясняющихъ многія явленія современной жизни личный характеръ и отношенія противниковъ, — ясна сама по себѣ.

Приведемъ нѣкоторые отрывки изъ писемъ Курбскаго.

«*Царю* (писалъ Курбскій въ первомъ письмѣ своемъ) *отъ Бога препрославленному, паче же въ православіи пресвѣтлу явившуся, нынѣ же, грѣхъ нашихъ ради, сопротивъ симъ обрѣтшемуся* *), прокаженному въ совѣсти, тирану безпримѣрному между самыми невѣрными владыками земли! Внимай!... Зачѣмъ, о царь! ты побилъ сильныхъ во Израилѣ, и воеводъ, отъ Бога тебѣ данныхъ, различнымъ смертямъ предалъ, и побѣдоносную и святую кровь ихъ въ церквахъ Божіихъ и на торжествахъ владычныхъ пролилъ, и мученическою кровью ихъ праги церковные обагрилъ! На доброхотовъ твоихъ, душу за тебя полагающихъ, неслыханныя мученія, гоненія и смерти умыслилъ, измѣнами, чародѣйствами и другими неподобными поступками облыгая православныхъ, стараясь усердно свѣтъ въ тьму преложить, и сладкое прозвать горькимъ?.. Какого зла и гоненія отъ тебя я не претерпѣлъ? Какихъ бѣдъ и напастей. ты на меня не подвигнулъ? Какихъ лжесплетеній презлыхъ ты на меня не взвелъ? Приключившіяся мнѣ отъ тебя различныя бѣды по порядку, за множествомъ ихъ, не могу теперь перечислить: потому что объятъ еще горестію души моей. Но скажу все вмѣстѣ: всего я лишенъ и отъ земли Божіей понапрасну отогнанъ?... Мы разстались съ тобою на вѣки; не увидишь лица моего до дня суда страшнаго. Но слезы невинныхъ жертвъ готовятъ казнь мучителю. Бойся и мертвыхъ: убитые тобою живы для Всевышняго: они у престола его требуютъ мести!»

---

*) Далѣе мы приводимъ мѣста изъ перваго письма Курбскаго, частію въ переложеніи Карамзина, частію — г. Соловьева.

Иванъ Грозный, натура неудержимо страстная, живо поддававшаяся неистовому гнѣву, не могъ перенести спокойно обиды отъ недавняго подданнаго своего, и будучи не въ состояніи казнить его казнію, захотѣлъ, какъ мы сказали, сразиться съ нимъ словомъ, въ которомъ былъ почти столько же искусенъ, сколько и его противникъ. Потому онъ и отвѣчалъ немедленно на письмо Курбскаго. Въ отвѣтѣ своемъ Иванъ IV еще менѣе Курбскаго удерживается отъ рѣзкихъ и укорительныхъ выраженій, отъ *глаголовъ нечистыхъ и кусательныхъ*, какъ говоритъ Курбскій.

Царь Иванъ Васильевичъ IV, если и не образовалъ себя систематически, подобно князю Курбскому, то тѣмъ не менѣе онъ былъ большой грамотѣй и книжникъ, по тогдашнему времени, напитавшійся чтеніемъ свящ. книгъ, сочиненій отцевъ церкви, русскихъ лѣтописей и хронографовъ, изъ которыхъ приводитъ въ письмѣ къ Курбскому множество историческихъ примѣровъ и свидѣтельствъ. Онъ съ большою ловкостію пользуется своими средствами, искусно располагая доводами, почерпаемыми изъ всѣхъ извѣстныхъ ему книгъ, для того, чтобы вполнѣ обвинить Курбскаго и его бѣгство къ Сигизмунду, и вполнѣ оправдать себя и свое поведеніе. Царь переполняетъ свой отвѣтъ Курбскому изреченіями изъ ветхаго и новаго завѣта, богословскими толкованіями (онъ два раза обвиняетъ Курбскаго въ ереси) свидѣтельствами и примѣрами изъ исторіи, — и все это перемѣшано у него съ грубою бранью (напр. ты, *собака*, и того не разсудишь», и проч.) и ѣдкими сарказмами. Потому Курбскій, въ отвѣтѣ своемъ на это письмо, укоряетъ Грознаго въ неприличіи его рѣчи, унижающемъ его достоинство, и называетъ его письмо «широковѣщательнымъ» и «многошумящимъ». «Особенно въ немъ (въ письмѣ) — говоритъ Курбскій, — много изъ священныхъ писаній нахватано, и приведены эти слова съ премногою яростію и лютостію, не строками и не стихами, какъ обычай искуснымъ и ученымъ, которые въ краткихъ словахъ многій разумъ замыкаютъ, но сверхъ всякой мѣры и перепутано, цѣлыми книгами, и переміями и посланіями. Тутъ же говорится и о постеляхъ, и о тѣлогрѣяхъ, и о всякой всячинѣ, точно басни бабъ неистовыхъ», и проч. Письма Курбскаго дѣйствительно отличаются отъ писемъ Грознаго, не смотря на свой язвительный тонъ, и большимъ спокойствіемъ, и стройностію, и благородствомъ, даже изяществомъ рѣчи. Глубокое чувство тоски по Руси, которую Курбскій и въ старости все называлъ своимъ *любимымъ отечествомъ*, и положеніе изгнанника умѣряли гнѣвный тонъ его писемъ, и мѣстами возвышали его рѣчь до истиннаго краснорѣчія. Курбскій свободно и съ искуствомъ владѣетъ словомъ; его письма обличаютъ въ немъ человѣка вполнѣ просвѣщеннаго, который систематически изучалъ формы языка, на которомъ писалъ, и знакомъ былъ со всѣми словесными и риторическими пріемами своего времени, искусенъ былъ, по его собственнымъ словамъ, «не только въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ». Только то обстоятельство, что онъ сталъ писать въ нынѣшнемъ западно-русскомъ краѣ имѣло вліяніе на языкъ и на способъ изложенія въ сочиненіяхъ Курбскаго. У него встрѣчаются постоянно слова и обороты, свойственныя бѣлорусской или малорусской рѣчи

и даже взятые съ латинскаго, такъ какъ въ Литвѣ, во время Курбскаго, уже преобладала схоластическая латинская ученость. Напримѣръ: «языкъ *маю* (имѣю) отеческій»..... «лучше разсудихъ здѣ въ молчаніи пребыти и тамо глаголати предъ *маестатомъ* (величествомъ) Христа моего»,... «недостойнѣ нашемъ *рыцарьскимъ сваритися*» (браниться) и проч. Курбскій постоянно употребляетъ въ своихъ сочиненіяхъ нерусскія слова, какъ: *барбарія*, *стулмація* и т. п.

Курбскій не ограничился одними письмами къ царю Ивану IV. Капитальнымъ сочиненіемъ его о дѣяніяхъ Грознаго и о современныхъ событіяхъ почитается, написанная имъ въ изгнаніи же: *Исторія князя великаго московскаго, яже слышахомъ у достовѣрнѣхъ мужей и яже видѣхомъ очами нашима*. Сочиненіе это извѣстно подъ именемъ «Сказанія князя Курбскаго» *). Оно имѣетъ такое же значеніе для исторіи, какъ и переписка Курбскаго съ царемъ. Въ немъ заключается, главнымъ образомъ, изложеніе событій царствованія Ивана IV. Курбскій начинаетъ свою «Исторію» съ самаго дѣтства Ивана, и повѣтствуетъ, какъ современникъ, принимавшій прямое участіе въ большей части описываемыхъ имъ событій. Онъ описываетъ воспитаніе царя, время Сильвестра и Адашева, завоеваніе Казани, Астрахани, Ливонскую войну; наконецъ, повѣствуетъ о жестокостяхъ и мучительствахъ Грознаго, и съ подробностію перечисляетъ число его жертвъ,—что собственно и составляетъ главный предметъ и главную цѣль сочиненія. Такимъ образомъ «Исторія кн. вел. московскаго» есть сочиненіе, написанное съ предвзятою цѣлію, въ которомъ Курбскійстарается обвинить, во что бы то ни стало, Грознаго и оправдать себя и ту партію, къ которой онъ принадлежалъ, т. е. партію Сильвестра и Адашева. Потому это сочиненіе Курбскаго не чуждо пристрастія, и историческая критика совѣтуетъ пользоваться имъ съ осторожностію. Тѣмъ не менѣе «Исторія князя великаго московскаго» — явленіе замѣчательное въ русской литературѣ того времени. Оно читалось съ жадностію въ старину, списывалось и хранилось, по словамъ Карамзина, не только въ частныхъ, но и въ казенныхъ библіотекахъ. «Исторія» Курбскаго уже явно написана подъ вліяніемъ западной образованности, и отличается стройностію, полнотою и единствомъ разсказа о своемъ предметѣ. Авторъ вездѣ старается объяснить причины явленій и указать на значеніе описываемыхъ имъ историческихъ событій. Въ этомъ отношеніи «Исторія» Курбскаго рѣзко отличается отъ всѣхъ лѣтописныхъ и вообще историческихъ сочиненій, писавшихся до того времени на Руси. Съ другой стороны, Курбскій, какъ человѣкъ образованный, высказываетъ тотъ взглядъ на исторію, который былъ распространенъ въ его время между просвѣщенными людьми въ Европѣ. Описавъ въ своемъ сочиненіи жестокости Грознаго, онъ мститъ ему судомъ исторіи, гласностію.

Курбскій, подъ старость, много занимался переводами на славянскій языкъ

---

*) „Сказанія князя Курбскаго“ первый разъ изданы г. Устряловымъ въ 1833 году; 2-е изданіе его же, 1842 г.; изданіе третье тоже — 1868 г.

сочиненій замѣчательныхъ отцевъ и учителей церкви и былъ ревностнымъ поборникомъ православія на западѣ Руси, которому уже въ то время начинали угрожать съ одной стороны іезуиты и предверіе уніи, а съ другой — возникавшій протестантизмъ. Курбскій велъ дѣятельную переписку въ защиту православія съ извѣстнымъ княземъ К. Острожскимъ и другими лицами и указывалъ на существованіе въ то время въ Литвѣ разныхъ ересей. Въ предисловіи къ своему переводу бесѣдъ Іоанна Златоуста, Курбскій жалуется на свое положеніе, на изгнаніе безъ правды, на пребываніе между людьми негостепріимными, «при томъ въ ересяхъ различныхъ развращенными, — тогда какъ въ отечествѣ *огонь мучительства прелютый горитъ*,» говоритъ онъ. Потому онъ находилъ для себя одно утѣшеніе «въ книжныхъ дѣлахъ, изучая разумы древнѣйшихъ людей.» Въ это же время Курбскій, изучая латинскій языкъ, занимался переводами изъ Цицерона.

Стоглавъ; его содержаніе и значеніе въ древне-русской жизни и литературѣ. — *Стоглавъ*, или *Стоглавникъ* есть *Соборная Книга*, заключающая въ себѣ изложеніе дѣйствій и постановленій бывшаго въ Москвѣ, въ 1551 году, церковнаго собора, созваннаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ IV. «Стоглавъ,» по своему происхожденію, имѣетъ значеніе юридическое, какъ одинъ изъ памятниковъ русскаго каноническаго, или церковнаго права. Тѣмъ не менѣе, по своему внутреннему составу и значенію, равно какъ и по внѣшней формѣ своей, т. е. по способу изложенія, языку и слогу, не похожему на дѣловой слогъ обыкновенныхъ юридическихъ актовъ того времени, — Стоглавъ долженъ быть причисленъ къ памятникамъ русской словесности XVI вѣка, и при томъ — къ самымъ замѣчательнымъ памятникамъ, въ которомъ представлена яркая и вѣрная картина вѣка, и обрисованы многія явленія современной русской жизни съ удивительною живостію и полнотою.

Содержаніе «Стоглава» составляютъ: во-первыхъ: Рѣчь царя Ивана Васильевича IV, сказанная имъ при открытіи собора и обличившая въ молодомъ царѣ *) замѣчательную силу ума и краснорѣчія; во-вторыхъ: письменные Вопросы царя, или списокъ разнымъ *нестроеніямъ* церковнымъ, т. е. безпорядкамъ, которые царь предложилъ на разсмотрѣніе собора и требовалъ подвергнуть строгому ихъ обсужденію, и все, что слѣдуетъ,—исправить и порѣшить; наконецъ въ-третьихъ: *Отвѣты* собора на предложенныя царемъ вопросы, въ которыхъ члены собора разсматриваютъ подробно и обсуждаютъ всѣ предметы, заключающіеся въ царскихъ вопросахъ, и о каждомъ постановляютъ соборныя опредѣленія. Первоначальное заглавіе составившейся такимъ образомъ

---

*) Царю Ивану Васильевичу было въ это время не болѣе 20 лѣтъ. Царская рѣчь, сказанная при глубокомъ молчаніи, въ то время, когда очи всѣхъ были устремлены на юнаго царя, по описанію современниковъ, поразила и растрогала присутствовавшихъ на соборѣ.

Соборной Книги, или *Соборнаго Уложенія* было: Царскіе вопросы и соборные отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ *). Но такъ-какъ всѣ содержащіяся въ этомъ памятникѣ статьи, т. е. вопросы царя и отвѣты святителей, съ прочими дополнительными къ нимъ и объяснительными статьями, при общей редакціи Соборной Книги, раздѣлены были на *сто главъ;* то и самый памятникъ названъ былъ впослѣдствіи Стоглавомъ, или *Стоглавникомъ*: соборъ, — говорится въ лѣтописяхъ XVI вѣка, — *изложилъ книгу, глаголемую Стоглавъ*. По той же причинѣ и самый соборъ 1551 года, результатомъ дѣятельности котораго была книга «Стоглавъ», сталъ называться позднѣе «Стоглавнымъ.»

Такимъ образомъ главная сущность «Стоглава» заключается въ царскихъ вопросахъ и въ отвѣтахъ на нихъ святителей, предсѣдавшихъ на соборѣ. — Иванъ IV, въ замѣчательной рѣчи своей, которою начинается «Стоглавъ,» описавъ весьма краснорѣчиво бѣдственное состояніе Россіи, въ дни своего сиротства и юности, сказавъ съ большою искренностію о собственной испорченности и приписавъ все это дурному управленію и вліянію на себя бояръ и вельможъ, выразилъ искреннее раскаяніе въ прошедшемъ и твердое желаніе все исправить; и потому умолялъ соборъ, всѣ сословія народныя, — весь православный народъ, — *потрудиться* вмѣстѣ съ нимъ и *поспособствовать* ему, *всѣмъ единодушно, къ исправленію вѣры, церковнаго благочинія, царскаго благозаконія и всякаго земскаго строенія*. Затѣмъ, послѣ окончанія рѣчи, царь предложилъ собору свои знаменитые вопросы, въ которыхъ съ большою энергіей и рѣзкостію передаетъ свои жалобы на темныя стороны современной дѣйствительности и перечисляетъ одно за другимъ тѣ *нестроенія*, т. е. беспорядки, зло и пороки, которые онъ находилъ въ современной русской жизни. Вопросы царя касаются преимущественно дѣлъ церковныхъ и предметовъ религіи и нравственности и имѣютъ рѣзко обличительный характеръ. Иванъ IV возстаетъ въ нихъ противъ разнаго рода отступленій и уклоненій отъ церковныхъ правилъ и уставовъ, противъ неправильной жизни русскаго монашества и духовенства вообще, противъ малограмотности и невѣжества послѣдняго, противъ всеобщей порчи нравовъ, отклоненія отъ древняго благочестія, противъ сохраненія въ народѣ многихъ языческихъ обычаевъ и т. п. Всѣхъ вопросовъ царь предложилъ собору 32. Вопросы эти вмѣстѣ съ отвѣтами на нихъ собора составляютъ особый отдѣлъ въ «Соборной Книгѣ,» подъ заглавіемъ: «О тридесяти и двухъ царскихъ вопросахъ и соборные отвѣты по главамъ на томъ же соборѣ». Приведемъ, для примѣра, въ подлинникѣ, нѣкоторые изъ царскихъ вопросовъ:

Вопросъ 2-й «Да дѣти боярскіе, и люди боярскіе и всякіе бражники *зернью* (въ кости) играютъ, и пропиваются, ни службы служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло чинится, крадутъ и разбиваютъ, души губятъ, — и то зло искоренити,» — говоритъ царь.

---

*) Истор. Госуд. Рос. т. 8, примѣч. 178.

Вопросъ 21-й: «Да по погостемъ и по селомъ, и по волостемъ ходятъ лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и роспусти: трясутся и разбиваются» и проч. Царь указываетъ, что все это соблазняетъ міръ и должно быть уничтожено.

Такимъ образомъ въ вопросахъ царя находятъ себѣ грозное обличеніе: ханжество, грубые нравы, развратъ, невѣжество и другіе пороки, господствовавшіе на Руси въ XVI столѣтіи. Соборъ въ *отвѣтахъ* своихъ, отвѣчая прямо на вопросы царя, обличая и упрекая вмѣстѣ съ нимъ то зло и пороки, на которые онъ указываетъ, въ то же время наставляетъ и увѣщеваетъ, указываетъ на уставы и правила, предписываетъ о ихъ строгомъ соблюденіи, многое объясняетъ въ царскихъ вопросахъ и указываетъ на причины многихъ явленій, подвергшихся осужденію царя и съиздавна коренившихся во внутренней жизни Руси. На всѣ вопросы соборъ даетъ прямыя рѣшенія. Такъ напримѣръ: 1. Царь жалуется въ своихъ вопросахъ, что божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ и, написавъ, не исправляютъ ихъ. Соборъ предписываетъ по этому вопросу всѣмъ главнымъ духовнымъ лицамъ въ каждомъ городѣ, чтобы они «дозирали».... священныхъ книгъ, святыхъ евангелій и апостолъ, и прочихъ святыхъ книгъ, ихъ же соборная церковь пріемлетъ; а которыя будутъ святыя книги, евангелія, апостолы, псалтыри и прочая книги, въ коеждо суть церкви обрящете, не исправлены и описливы, и вы бъ тѣ святыя всѣ книги з добрыхъ переводовъ исправили соборне, занежь священная правила о томъ запрещаютъ и не повелѣваютъ неправленныхъ книгъ въ церковь вносити, нижь по нихъ пѣти,» и проч. (*Стоил.* гл. 27) 2. На обличеніе царя въ малограмотности тогдашняго духовенства, и что ученики плохо учились грамотѣ, соборъ въ своемъ отвѣтѣ объясняетъ, что святители, когда приведутъ къ нимъ ставленниковъ, допрашиваютъ ихъ, почему они мало умѣютъ грамотѣ, и тѣ отвѣчаютъ, что они учатся у своихъ отцовъ или *мастеровъ* (учителей), а больше имъ учиться негдѣ; отцы же и мастера сами малограмотны; «а прежде сего, — замѣчаютъ при этомъ отцы собора, — въ россійскомъ царствіи, на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и по инымъ городамъ, многія училища бывали; грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести учили, и потому тогда грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести гораздыхъ много было».... Чтобы помочь дѣлу соборъ, «по цареву совѣту,» уложилъ: избрать въ каждомъ городѣ по волостямъ и по селамъ «добрыхъ и благочестивыхъ священниковъ и діаконовъ, которые сами грамотѣ, и чести и писати горазди, и въ ихъ домахъ учинить училища, въ которыя священники и діаконы и всѣ православные христіане отдавали бы своихъ дѣтей «на ученіе грамотѣ, и на ученіе книжнаго письма и церковнаго пѣнія.... И тѣ бъ священники, діаконы и дьяки, избранныя по училищамъ, учили бы своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести, со всякимъ духовнымъ наказаніемъ.... чтобъ имъ,... пришедъ въ возрастъ, достойнымъ быти священническому сану и чину;... а учили бы своихъ учениковъ грамотѣ довольно, *колько сами умѣютъ, и силу бы имъ въ писаніи сказывали*, по данному имъ отъ Бога таланту, ничто же скрывающе» и проч. (*Стоил.* гл. 25—26).

Такимъ точно образомъ разсмотрѣны и опредѣлены въ «Стоглавѣ,» до мельчайшихъ подробностей, и другіе многочисленные вопросы, касающіеся устройства церкви, религіи, нравственности, общественнаго и частнаго быта народа.

Вопросы и отвѣты въ «Стоглавѣ» составляютъ какъ бы живую бесѣду между молодымъ царемъ и святителями собора о внутреннемъ состояніи тогдашняго русскаго общества. И потому «Стоглавъ,» какъ представитель религіозныхъ и нравственныхъ интересовъ нашихъ предковъ XVI вѣка, принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ и самыхъ интересныхъ памятниковъ древней Руси, въ которомъ представлена яркая и безпристрастная картина вѣка, съ его религіозными понятіями, нравами и обычаями, съ его грубымъ невѣжествомъ и предразсудками, съ его грубѣйшими пороками и жалкой степенью тогдашней образованности. Все это, слѣдуетъ сознаться, обрисовано въ «Стоглавѣ» самыми темными чертами и — вѣрно дѣйствительности.

Отцы Стоглавнаго собора вооружаются и гремятъ проклятіями противъ чародѣйства и гаданій, противъ *альманаховъ*, *звѣздочетья* (астрологіи) и проч., какъ противъ *прелестей бѣсовскихъ*, которыя отъ Бога отлучаютъ; они возстаютъ противъ разныхъ языческихъ позорищъ и игръ, сохранившихся въ средѣ русскаго народа въ XVI столѣтіи, называя эти народныя увеселенія и обряды *эллеиськими* (т. е. языческими) *бѣснованіями*. Но вмѣстѣ съ этимъ Стоглавъ преслѣдуетъ и всякія пѣсни, пляски и обряды народные, какъ-то: пѣсни и танцы хороводные, различныя празднества, свадебные и похоронные обычаи, и проч.; преслѣдуетъ музыку: *гудѣніе*, гусли, *смыки* (скрипку) и т. д.

«Стоглавъ», постановляя опредѣленія о дѣйствительно-важныхъ религіозныхъ предметахъ, въ тоже время строго вооружается противъ ничтожныхъ мелочей и придаетъ имъ противурелигіозное значеніе, какъ напр. обычаю брить бороду и подстригать усы, модѣ носить тафьи, или шапочки на головѣ: «занеже чюже есть православнымъ носити безбожнаго Бахмета (т. е Магомета) преданіе;» или же, напримѣръ, грозитъ отлученіемъ отъ церкви за употребленіе неуставной пищи, къ которой относятся затравленная дичь, *колбаса* изъ крови *(кровояденіе и удавленина)* и т. п. Во многихъ предписаніяхъ и запретахъ «Стоглава» вообще обрядовая, внѣшняя сторона вопроса играетъ важнѣйшую роль; главная же сущность предмета, внутренній духъ или смыслъ обряда или ученія остаются безъ объясненія.

Мы могли представить здѣсь лишь весьма краткое обозрѣніе «Стоглава;» но, какъ мы уже сказали выше, это одинъ изъ памятниковъ русской старины, который имѣетъ большую важность и значеніе и большой интересъ, при изученіи древней Руси. До сихъ поръ у насъ существуетъ весьма немного изслѣдованій о «Стоглавѣ», съ точки зрѣнія современной науки. Чтеніе «Стоглава» можетъ быть крайне любопытно и занимательно даже и теперь и не для однихъ спеціально-ученыхъ; тѣмъ болѣе, что онъ написанъ языкомъ, совершенно понятнымъ для каждаго; слогъ «Стоглава,» по справедливому замѣчанію Карамзина, «достоинъ удивленія своею чистотою и ясностію.»

До насъ дошли двѣ редакціи рукописей Стоглава: древнѣйшія — полныя

и позднѣйшія — сокращенныя. Въ полномъ видѣ «Стоглавъ» напечатанъ только недавно въ Казани, подъ редакціей профессора Казан. духовн. акад. Добротворова, съ предисловіемъ и объясненіями.

Общая характеристика литературной дѣятельности на Руси въ XV—XVI стол. въ сравненіи съ литературой предыдущихъ вѣковъ. Начало книгопечатанія; его значеніе въ древней Руси и на Западѣ въ это время. — Мы обозрѣли дѣятельность главнѣйшихъ писателей нашихъ XV и XVI вѣковъ и указали на всѣ болѣе или менѣе замѣчательные памятники русской словесности этой эпохи. Изъ сдѣланнаго нами обозрѣнія становится очевиднымъ, что хотя характеръ и направленіе книжной литературы нашей, въ описываемый періодъ времени, въ главныхъ чертахъ, оставались тѣ же, что и въ предыдущіе вѣка, хотя большинство писателей русскихъ продолжало преслѣдовать преимущественно церковныя и религіозныя цѣли; но что тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть, что литературная дѣятельность на Руси въ это время замѣтно усилилась. Кругъ людей книжныхъ, грамотныхъ, интересовавшихся письменнымъ дѣломъ, теперь замѣтно расширился, и вслѣдствіе этого расширилось содержаніе самой письменности. Потому мы видимъ, что масса письменныхъ памятниковъ и число писателей значительно возрастаютъ, особенно въ эпоху ересей и со второй половины XVI столѣтія. Въ произведеніяхъ лучшихъ писателей, каковы: Геннадій, Іосифъ Волоцкій, Максимъ Грекъ, Курбскій и въ болѣе примѣчательныхъ словесныхъ памятникахъ эпохи, какъ напримѣръ: «Стоглавѣ,» «Домостроѣ,» уже не преобладаетъ исключительно та отвлеченность и безжизненность, какими отличались словесные памятники XIII — XV столѣтій. Здѣсь, напротивъ, явленія современной дѣйствительности играютъ видную роль и, въ связи съ вопросами религіи и церкви, разсматриваются не только явленія политической и общественной, но и частной, семейной жизни. Большая часть литературныхъ произведеній XV и XVI стол. и вызвана собственно живыми, насущными вопросами жизни, какъ мы это могли видѣть изъ сочиненій Геннадія и Іосифа Волоцкаго, изъ «Сказаній» князя Курбскаго и другихъ. Борьба Москвы съ старыми началами русской жизни независимо-областнаго и вѣчеваго порядка, паденіе Новгорода и Пскова, окончательное торжество единовластія Москвы и московской централизаціи при Грозномъ, борьба церкви съ опасными религіозными заблужденіями и полное торжество ея надъ ересями, и наконецъ мрачныя событія страшнаго царствованія Грознаго, — все это, рѣзко отразилось на внутренней жизни русскаго народа, и все это съ большею или меньшею силою выразилось и въ словесныхъ памятникахъ эпохи. Потому-то большинство этихъ памятниковъ представляетъ такую живую и яркую картину своего времени.

Такимъ образомъ, съ усиленіемъ литературной дѣятельности въ XV и XVI столѣтіяхъ, кругъ дѣйствія литературы становится шире и расширяется нѣкоторымъ образомъ кругъ тѣхъ понятій и интересовъ, которые литература беретъ подъ свою защиту. Переписка Ивана IV съ кн. Курбскимъ предста-

вляетъ въ этомъ отношеніи, какъ мы уже говорили, замѣчательное явленіе. Оба противника прибѣгаютъ къ письменному слогу, т. е. къ литературѣ, для выраженія своихъ личныхъ взглядовъ и мнѣній, для защиты своихъ личныхъ интересовъ. Значитъ, письменное слово признается уже важнымъ оружіемъ и для защиты мнѣній и интересовъ частныхъ, а не для однѣхъ только церковныхъ и правительственныхъ цѣлей, какъ было до сего. Князь Курбскій защищаетъ, правда, лишь интересы своего сословія, интересы бояръ и сановниковъ; но въ нѣкоторыхъ современныхъ письменныхъ памятникахъ мы встрѣчаемъ заявленія и объ интересахъ и нуждахъ народа вообще, заявленія, сдѣланныя съ положительной, народной точки зрѣнія. Напримѣръ: отцы Стоглавнаго собора однимъ изъ своихъ опредѣленій постановили, относительно выкупа русскихъ плѣнныхъ изъ рукъ бусурманъ, чтобы деньги, которые разойдутся на этотъ предметъ изъ царской казны, потомъ «раскинуть на сохи по всей землѣ.» Когда же «вся писанія царскихъ вопросовъ и святительскихъ отвѣтовъ» посланы были въ Троицко-Сергіевскій монастырь на разсмотрѣніе бывшаго митрополита Іосафа, то онъ, сдѣлавъ противъ нѣкоторыхъ статей возраженія и замѣчанія (которыя вошли въ текстъ Стоглава) по поводу вышесказаннаго опредѣленія о выкупѣ плѣнныхъ, написалъ: «окупъ брать не съ сохъ, а съ архіереевъ и монастырей. Крестьянамъ, царь государь, и такъ много тягости; въ своихъ податяхъ, государь, покажи имъ милость.» (Ист. Рос. Соловьева, т. VII, 102).

Нельзя не признать, слѣдовательно, бо́льшаго литературнаго развитія на Руси въ XV и XVI столѣт., въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Односторонне подражаніе византійскимъ образцамъ, сообщенное нашей книжной литературѣ, при самомъ началѣ ея, продолжается, безъ сомнѣнія, и теперь; но переводы съ греческаго, въ описываемое нами время, замѣтно уменьшаются, особенно со второй половины XVI стол., когда, можно сказать, почти всѣ лучшія произведенія греческой духовной литературы были уже извѣстны на Руси. Въ замѣнъ переводовъ съ греческаго замѣтно появленіе переводовъ съ латинскаго и другихъ западныхъ языковъ. Потому-то теперь является потребность собрать всѣ старые переводы въ одно и заняться исправленіемъ вкравшихся въ нихъ ошибокъ, вслѣдствіе невѣжества переписчиковъ. И вотъ Геннадій находитъ нужнымъ составить полный списокъ библіи; а затѣмъ появляется знаменитый сборникъ митрополита Макарія — Четьи-Минеи. Весьма обширная у насъ литература *житій* именно въ это время достигаетъ своего высшаго развитія, и создаетъ въ свою очередь столь же обширную литературу русской повѣсти и легенды, характеристику которой мы представили выше.

Желаніе имѣть исправныя священныя и церковныя книги и не употреблять, при богослуженіи, невѣрныхъ рукописей привело къ заведенію *первой типографіи* на Руси. Къ устройству особаго дома для книгопечатанія въ Москвѣ приступлено было, по мысли Грознаго и по одобренію митрополита Макарія, еще съ 1553 года. Но эта первая русская типографія, — въ которой работали тогда два *печатныхъ мастера* изъ Русскихъ: дьяконъ церкви св. Николы Гастунскаго, *Иванъ Ѳедоровъ*, да *Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ*, — начала пе-

чатаніе книгъ съ 1563 года, и лишь въ мартѣ 1564 года успѣла отпечатать первую книгу — *Дѣяній и посланій апостольскихъ* *). Такимъ образомъ великое изобрѣтеніе Гуттенберга введено было у насъ почти цѣлымъ столѣтіемъ послѣ того, какъ оно повсемѣстно распространилось въ Европѣ; и введено было притомъ не съ мыслію, что это одинъ изъ могучихъ рычаговъ просвѣщенія вообще, а лишь единственно съ желаніемъ остановить порчу священныхъ книгъ. Книгопечатное дѣло и тутъ, однако, вкоренялось весьма медленно на Руси, и въ первое время встрѣтило даже себѣ явное сопротивленіе со стороны невѣжества и суевѣрія современнаго русскаго общества. Первые мастера печатнаго дѣла, дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и Мстиславецъ, напечатавъ въ 1565 г. вторую книгу, *Часовникъ*, принуждены были бѣжать изъ Москвы за границу, такъ-какъ новостію своего дѣла они возбудили противъ себя многихъ современныхъ грамотниковъ, и обвинены были въ ереси и волшебствѣ. Они убѣжали въ Литву, гдѣ уже существовали славянскія типографіи; а потомъ Иванъ Ѳедоровъ перешелъ на Волынь, къ князю Константину Острожскому, у котораго и начечаталъ, въ 1581 году, первую полную славянскую библію, извѣстную подъ именемъ *Острожской*.

Ясно, такимъ образомъ, что книгопечатаніе, имѣвшее такое изумительное дѣйствіе на распространеніе просвѣщенія на западѣ Европы, гдѣ уже во множествѣ городовъ работали неустанно типографіи, — не могло имѣть — и не имѣло очень долго — того же значенія у насъ.

Мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что, не смотря на усилившуюся литературную дѣятельность и, слѣдовательно, на большое распространеніе грамотности, просвѣщеніе на Руси и народная образованность не сдѣлали большихъ успѣховъ и теперь, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Это ясно изъ приведеннаго нами выше мѣста изъ «Стоглава» объ учрежденіи училищъ: здѣсь по прежнему грамотность и книжное ученіе считаются необходимыми лишь для тѣхъ, кого готовятъ въ священники. Въ другомъ памятникѣ современной литературы, въ «Домостроѣ», дающемъ пространныя наставленія обо всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, при изложеніи обязанностей родителей по воспитанію дѣтей, вовсе не говорится о томъ, чтобы родители учили дѣтей своихъ грамотѣ. Однимъ изъ поразительныхъ доказательствъ отсутствія просвѣщенія въ это время служитъ то, по словамъ профес. Соловьева, что издатели напечатаннаго въ Москвѣ текста новаго завѣта называютъ его текстомъ 70 толковниковъ *). Люди грамотные, книжные, начитанные, какъ видно, уважались въ современномъ русскомъ обществѣ; но сознанія въ потребности, въ необходимости, — не говоримъ просвѣщенія, но и простой грамотности, — не было даже въ

---

*) Внѣшность этой первой книги, напечатанной на Руси, судя по времени, очень удовлетворительна. „Сія книга рѣдка, — говоритъ Карамзинъ: — я ее видѣлъ въ Москов. типографіи (т. е. синодальной). Форматъ въ малый листъ; бумага плотная (голландская), чистая; заглавныя буквы напечатаны киноварью; правописаніе худо (И. Г. Р. т. IX примѣч. 86).

**) Ист. Рос. т. VII, 245.

высшихъ членахъ этого общества, занимавшихъ первыя мѣста въ государствѣ: не мало находилось въ это время на Руси царедворцевъ, вельможъ, князей и дѣтей боярскихъ, которые вовсе не знали грамотѣ *), и не умѣли подписать своего имени. На большее развитіе просвѣщенія на Руси не имѣло замѣтнаго вліянія даже и то, что къ намъ стали проникать, особенно со второй половины XVI вѣка, нѣкоторыя западно-европейскія сочиненія, и начинались переводы съ латинскаго, нѣмецкаго и т. п. Сочиненія эти не могли благотворно дѣйствовать на развитіе народа и на распространеніе на Руси полезныхъ научныхъ свѣдѣній, потому во-первыхъ, что, — какъ говоритъ авторъ «Историческихъ очерковъ народнаго міросозерцанія и суевѣрія», — «и тутъ высказались во всей ясности главные недостатки нашихъ предковъ: крайне-ограниченный умственный кругозоръ, невѣжество и безтактность въ выборѣ книгъ» **). Книги эти заключались по большей части въ разныхъ *луцидаріусахъ*, *альманахахъ*, *звѣздочетьяхъ* и т. п. А во-вторыхъ: хотя эти книги, какъ видно, усердно читались грамотными людьми, даже монахами въ монастыряхъ; но, какъ произведенія латинскаго запада, онѣ причислялись у насъ къ книгамъ *отреченнымъ*, и строго преслѣдовались церковными писателями, даже лучшими изъ нихъ, каковы были, напримѣръ, Максимъ Грекъ и другіе. Слѣды западной образованности и науки обнаружились на Руси уже гораздо явственнѣе лишь въ XVII столѣтіи.

Литература, писатели и степень развитія образованности на Руси въ XVII столѣтіи.

Причины усилившейся литературной дѣятельности въ юго-западной и сѣверо-восточной Руси. — Конецъ XVI и XVII вѣкъ ознаменовались великими событіями въ исторической жизни древней Руси. На юго-западѣ Руси: такъ называемая церковная *унія*, возбудившая необыкновенное религіозное движеніе во всѣхъ классахъ православнаго западно-русскаго и южно-русскаго населенія, приведшая къ ожесточенной борьбѣ и словомъ, и дѣломъ, между католицизмомъ и русскимъ православіемъ, ознаменовавшаяся возстаніемъ и жестокими войнами малороссійскихъ казаковъ съ Поляками и наконецъ присоединеніемъ Малой Руси къ московскому государству. Въ сѣверо-восточной Руси: «смутное время», возстаніе всего народа въ 1612 году на защиту вѣры и народности и во имя спасенія русскаго государства, болѣе близкое столкновеніе, — въ особенности чрезъ Польшу и юго-западную Русь, — съ образованностію западной Европы, а наконецъ никоновское исправленіе церковныхъ книгъ, приведшее къ горячимъ спорамъ и давшее поводъ къ образованію русскаго *раскола*, богатаго столь важными послѣдствіями, — вотъ тѣ крупныя явленія въ политической, религіозной и умственной жизни Руси конца XVI и

---

*) Тамъ же. См. примѣры на стр. 242.

**) Жур. минист народн. просв. Іюнь, 1863 г. отд. IV, стр. 57.

XVII столѣтій, которыми явственно опредѣляется историческій характеръ описываемой нами эпохи, и которыя естественно не могли не имѣть болѣе или менѣе сильнаго вліянія на нравственное состояніе современнаго русскаго общества и русскаго народа вообще, равно какъ и на памятники слова и произведенія современныхъ русскихъ писателей. Потому мы должны сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ поименованныхъ историческихъ явленій.

Унія и ея вліяніе на образованность и литературу юго-западной Руси. — Подъ словомъ *унія* слѣдуетъ разумѣть *не соединеніе* (отъ лат.-*unio*) греческой церкви съ римской, а *раздѣленіе* русской православной церкви на юго западѣ Руси на православную и *уніатскую*; послѣдняя, въ лицѣ нѣсколькихъ русскихъ епископовъ и нѣкоторыхъ членовъ ополячившейся западно-русской аристократіи, въ 1596 году, присоединилась къ Риму признаніемъ главенства папы, но съ сохраненіемъ прежнихъ церковныхъ обрядовъ, обычаевъ и русскаго языка при богослуженіи. Католическая же пропаганда и попытки къ преслѣдованіямъ и гоненіямъ за вѣру русскаго православнаго населенія западной и юго-западной Руси (т. е. Бѣлой и Малой Руси), въ видахъ обращенія его въ католичество, начались еще задолго до открытаго введенія уніи въ Литвѣ, въ 1596 году.

Юго-западная Русь, входя въ составъ великаго княжества литовскаго (которое, какъ извѣстно изъ исторіи, при первомъ Ягеллонѣ слилось политически съ польскимъ королевствомъ) была присоединена окончательно къ Польшѣ, вмѣстѣ съ Литвою и Бѣлоруссіей, лишь въ началѣ второй половины XVI столѣтія, при королѣ Сигизмундѣ Августѣ, который первый открылъ доступъ въ свои владѣнія ордену іезуитовъ.

Въ Польшѣ, съ первыхъ же дней присоединенія Литвы, возникла мысль о совершенномъ слитіи западнаго и юго-западнаго края Руси съ Рѣчью Посполитой. Съ того времени всѣ усилія польской политики направлены были къ постепенному уничтоженію въ этомъ краѣ русской вѣры, русскаго языка и русской народности. Народъ энергически протестовалъ и словомъ и, дѣломъ противъ этихъ стремленій Польши. Но польское правительство не переставало хлопотать о распространеніи католичества между православнымъ населеніемъ бѣлорусскаго и малорусскаго края, дѣлало предпочтеніе своимъ католическимъ подданнымъ передъ православными, издавало нѣкоторыя постановленія къ стѣсненію свободы греческой вѣры, и т. п. Однако, въ началѣ оно все же дѣйствовало осторожно и нерѣшительно на этомъ пути, опасаясь насильственными мѣрами раздражить русскій народъ. Оно не хотѣло вооружить противъ себя, во-первыхъ, богатые и знатные роды русскихъ вельможъ, которые, въ первое время присоединенія къ Польшѣ, не успѣли еще ополячиться и строго придерживались вѣры отцовъ; а во-вторыхъ, оно опасалось раздраженія южно-русскихъ казаковъ, считавшихъ себя стражами русской вѣры и народности.

Но іезуиты, это могущественное орудіе католицизма, водворившись въ Польшѣ, и успѣвъ въ короткое время овладѣть и польскимъ правительствомъ,

и унами польской аристократіи, успѣвъ возбудить фанатизмъ въ католическомъ населеніи страны, скоро принялись, съ свойственною имъ ловкостію и рѣшительностію, за католическую пропаганду въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Поддерживаемые правительствомъ, они стали преслѣдовать и смѣло нападать на ученіе православной церкви. Главнымъ орудіемъ дѣйствій іезуитовъ въ этомъ отношеніи служило воспитаніе дѣтей, которое во всемъ польскомъ королевствѣ, какъ и во всей католической Европѣ того времени, перешло въ ихъ руки. Открытые въ Вильнѣ, въ Полоцкѣ, на Волыни и въ Кіевѣ іезуитскіе *коллеціумы* скоро наполнились дѣтьми русскихъ аристократовъ. Кромѣ того, многіе изъ молодыхъ аристократовъ юго-западной Руси получали образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ самой Польши или въ католическихъ университетахъ и академіяхъ западной Европы, значитъ, воспитывались тоже у іезуитовъ. Система воспитанія въ этихъ іезуитскихъ школахъ, — какъ только въ нихъ появлялись православные русскіе, — клонилась настойчиво къ постепенному обращенію русскаго юношества въ католичество и къ внушенію ему презрѣнія къ его старооческой вѣрѣ.

Въ тоже время іезуиты дѣйствовали и другимъ могущественнымъ орудіемъ, — словомъ, т. е. посредствомъ литературы и проповѣди: во множествѣ сочиненій, появившихся въ это время въ Литвѣ, они жестоко нападали на ученіе православной церкви. А для простаго, необразованнаго класса народа и для людей, упорныхъ въ своей старой вѣрѣ, они придумали *унію;* т. е. оставляя народу его богослужебные обряды и богослужебный языкъ и присоединяя его, во всѣхъ главныхъ догматахъ вѣры, къ римско-католическому исповѣданію, они считали унію лишь ступенью къ полному переходу впослѣдствіи всего русскаго народа въ католичество.

Польское правительство дѣйствовало въ духѣ и по внушеніямъ іезуитовъ, допускало въ Литвѣ и въ юго-западномъ краѣ Руси всевозможныя неистовства и насилія, въ отношенія къ своимъ русскимъ подданнымъ, и скоро само подняло преслѣдованія и гоненія за греческую вѣру, принявъ задуманную іезуитами унію подъ свое покровительство. Такое посягательство Польши и іезуитовъ на вѣру народную вызвало, однако, сильный отпоръ во всѣхъ классахъ русскаго населенія, — и повсюду въ русскихъ областяхъ Польши скоро завязалась упорная, ожесточенная и продолжительная борьба между православіемъ и католицизмомъ. Въ Бѣлой Руси эта религіозная борьба велась преимущественно посредствомъ слова, литературы; а Русь Малая — вся встала мужественно на борьбу, подняла свое знаменитое казачество, вслѣдъ за которымъ вставало повсемѣстно русское крестьянство, — и ознаменовала борьбу за народную вѣру рядомъ кровавыхъ битвъ съ Поляками.

Введеніе уніи встрѣтило, такимъ образомъ, повсемѣстно сильныя препятствія въ народѣ. Въ первое время даже нѣкоторые изъ важнѣйшихъ членовъ русской аристократіи явились главными защитниками православія и противниками уніи. Мы упоминали, что уже кн. Курбскій, поселившись въ Литвѣ, ратовалъ здѣсь противъ іезуитовъ и противъ ихъ обольщеній, посредствомъ которыхъ они увлекали русскихъ аристократовъ въ католичество. Другимъ рев-

ностнымъ поборникомъ староотеческой вѣры является на юго-западѣ Руси знаменитый князь Константинъ Константиновичъ *Острожскій*. Какъ Курбскій, такъ и Острожскій, для охраны православія и для отпора католичеству, признали необходимымъ большее развитіе просвѣщенія и образованности между своими единовѣрцами. Курбскій самъ переводилъ сочиненія знаменитыхъ отцовъ восточной церкви, ревностно заботился о распространеніи между православными духовныхъ книгъ и, въ своей обширной перепискѣ съ западно-русскими аристократами, всячески предостерегалъ ихъ отъ дѣйствій іезуитовъ. Кн. Острожскій устраивалъ училища и типографіи, входилъ въ сношенія съ патріархами на Востокѣ, собиралъ, печаталъ и издавалъ различныя священныя книги и велъ энергическую и дѣятельную переписку въ защиту православія со многими духовными и свѣтскими лицами.

Но въ молодомъ поколѣніи русскихъ аристократовъ, въ сыновьяхъ и внукахъ этихъ знаменитыхъ защитниковъ православія, русская церковь уже не находила для себя такой сильной помощи. Многіе изъ нихъ сдѣлались даже ея врагами, получивъ воспитаніе у іезуитовъ и обратившись въ католичество, какъ напримѣръ: сынъ кн. Курбскаго и сынъ кн. Острожскаго. А черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ введенія уніи, можно сказать, что почти все высшее дворянство русскихъ областей Польши, воспитанное іезуитами, отступилось отъ староотеческой вѣры и отъ русской народности, и прямо слилось съ польскимъ шляхетскимъ сословіемъ, съ которымъ его связывала, сверхъ того, общность политическихъ и гражданскихъ интересовъ.

Но если русская церковь лишилась помощи высшей аристократіи, то враги русской вѣры и русской народности встрѣтили тѣмъ большую силу отпора въ прочихъ классахъ народа: въ городскомъ сословіи, въ низшемъ духовенствѣ и наконецъ въ крестьянствѣ, т. е. почти во всей въ главной массѣ населенія страны. И если и успѣли водворить, наконецъ, въ этомъ населеніи «унію», то тѣмъ не менѣе, — какъ вѣрно замѣчаетъ графъ А. Д. Толстой, — «два вѣка ухищреній Римскаго двора, преслѣдованій польскаго правительства, гнета польскихъ пановъ и изувѣрства латинскаго духовенства все же не могли привести эту унію къ латинству» *).

Городское сословіе, т. е. ремесленники, купцы и мѣщане западно-русскихъ городовъ, въ борьбѣ съ католицизмомъ, во время уніи, играетъ важную роль. Оно выставило для борьбы свои знаменитыя *братства*, или *братчины* **).

---

*) „Іосифъ, митрополитъ Литовскій, и возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію въ 1839 г.“ стр. 80. См. Журн. мин. народн. просвѣщ. 1869 г. Іюль.

**) *Братства*, или *Братчины* — древнее русское учрежденіе, существовавшее не только въ юго-западной, но и въ сѣверо-восточной Руси; но *братства* или *братскіе* союзы могли получить значеніе и силу лишь тамъ, гдѣ существовало самостоятельное развитіе городовой жизни, какъ напр.: въ сѣверо-восточной Руси — въ Новгородѣ и Псковѣ; или же: въ городахъ западной Руси, пользовавшихся, какъ извѣстно, т. н. *магдебургскимъ правомъ*, которое развило здѣсь цеховое устройство. Цехи ремесленниковъ и купцовъ, группируясь около извѣстной церкви или монастыря и принимая ихъ подъ свое покровительство, составляли отдѣльныя об-

Братства эти, или братскіе союзы, устраивавшіеся съ благотворительными цѣлями, въ періодъ введенія уніи, пріобрѣли весьма важное значеніе, сдѣлавшись самыми могущественными средствами для защиты русской вѣры и народности и для борьбы съ іезуитами.

Главная сила іезуитовъ заключалась въ ихъ образованности; а потому братства, чтобы бороться съ врагомъ одинаковымъ оружіемъ, первѣе всего обратили вниманіе на распространеніе духовнаго просвѣщенія между своими единовѣрцами; и съ этою цѣлію стали устраивать, гдѣ только было возможно, училища и заводить типографіи. Такъ возникли братскія училища и типографіи: въ Львовѣ, въ Вильнѣ, въ Луцкѣ, въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ. Въ школахъ, устроенныхъ братствами, учили уже не только грамотѣ и письму, — какъ было прежде въ русскихъ школахъ, — но и языкамъ: русскому, греческому, латинскому и польскому. Братства обязывались, для *школьной науки*, содержать ученыхъ людей и печатать книги — не только церковныя и богословскія, но и иныя, нужныя для училищъ, именно: грамматику, піитику, риторику и философію.

До того времени народное просвѣщеніе, какъ въ Литвѣ, такъ и въ юго-западной Руси, находилось почти въ такомъ же жалкомъ состояніи, какъ и въ сѣверо-восточной Руси. Хотя вліяніе Польши, близкое сосѣдство съ Европой и то обстоятельство, что нѣкоторые изъ богатыхъ русскихъ вельможъ воспитывались за границей и путешествовали по Европѣ, казалось, должны бы были способствовать развитію просвѣщенія въ Литвѣ и юго-западной Руси, — и здѣсь дѣйствительно встрѣчалось болѣе людей, знакомыхъ съ европейскою образованностію, нежели въ Руси сѣверо-восточной; — но тѣмъ не менѣе дѣло собственно народнаго просвѣщенія, устройство школъ и т. п., по отзыву всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ, до временъ іезуитовъ и уніи, находилось и здѣсь почти въ столь же незавидномъ положеніи, какъ и въ сѣверо-восточной Руси. Опасность, грозившая русской вѣрѣ и народности со стороны іезуитовъ и уніи, вызвала, однако, въ народѣ напряженіе духовныхъ силъ, и произвела усиленную умственную дѣятельность и усиленное литературное движеніе. Тутъ-то, сначала вельможи, а потомъ братства стали заводить школы, типографіи, стали печатать для народа буквари, катехизисы, даже грамматики и словари, и

щины, или *братства*, съ своимъ особымъ уставомъ, утверждавшимся обыкновенно властями духовными и свѣтскими, съ собственнымъ судомъ и управленіемъ. Къ нимъ примыкали люди и изъ другихъ сословій — изъ шляхты, духовенства и поселянъ, — твердо-державшихся православія. Такіе союзы, или общины, стройно организованныя и крѣпкія, пріобрѣтали естественно большую силу, въ случаѣ необходимости защищать свои общинные интересы. И эту силу имѣли дѣйствительно, во время уніи, братства Литвы и юго-западной Руси, при борьбѣ съ католицизмомъ. Они пріобрѣли важное значеніе не только для своей мѣстности, но и для цѣлаго края, для всей русской церкви; ибо всѣ пожертвованія членовъ общины, или *братчиковъ*, шли на поддержку общаго дѣла: на нихъ устраивались училища, заводились типографіи, распространялись книги въ народѣ и т. д.

вслѣдствіе религіозныхъ споровъ съ іезуитами, появилась обширная богословско-полемическая литература, въ духѣ схоластическомъ.

Духовная борьба съ латинствомъ, явившимся въ русскихъ областяхъ Польши во всеоружіи своей католической образованности, естественно, требовала отъ защитниковъ русскаго православія совершенно равнаго оружія, одинакой образованности, тѣхъ же самыхъ знаній, тѣхъ же пріемовъ въ наукѣ и литературѣ. Защитники русскаго православія въ западной и юго-западной Руси старались тѣмъ болѣе поставить своихъ единовѣрцевъ въ одинаковыя условія съ іезуитами, относительно школьной образованности, что, для понятій большинства образованныхъ людей того времени, ученость іезуитовъ считалась предѣломъ человѣческой мудрости и науки. Потому неудивительно, что когда они рѣшились заводить новыя православныя училища, то ничего лучшаго не придумали, какъ, при устройствѣ ихъ, подражать во всемъ іезуитскимъ школамъ. И такъ-какъ сами устроители училищъ и первые преподаватели въ нихъ были, по большей части, воспитанниками либо польскихъ, либо заграничныхъ католическихъ университетовъ и академій; то они легко вносили во вновь устраиваемыя заведенія внутреннее и внѣшнее устройство тѣхъ заведеній, въ которыхъ учились сами. Православныя училища на западѣ и на юго-западѣ Руси отличались отъ польскихъ, или іезуитскихъ лишь своимъ духомъ и направленіемъ, — естественно враждебнымъ католическому вѣроученію, и тѣмъ, что въ нихъ преподавались догматы вѣры по ученію греко-восточной церкви.

Іезуиты были большіе приверженцы средне-вѣковой «схоластики» *), и схоластическій способъ преподаванія наукъ господствовалъ во всей силѣ въ ихъ коллегіумахъ, — какъ въ Польшѣ, такъ и въ западной Европѣ. Схоластизмъ, или схоластическая система ученія, вращался преимущественно на богословско-философскихъ вопросахъ и положеніяхъ, которые признавала и допускала католическая церковь. Но при этомъ онъ обращалъ вниманіе болѣе на мелочные школьные формы и пріемы, на кругъ напередъ придуманныхъ доказательствъ, опредѣленій, подраздѣленій и т. п. нежели на самый духъ и живую сущность вопроса, болѣе на форму, на способъ изложенія, чѣмъ на содержаніе; потому схоластизмъ внесъ въ средне-вѣковое преподаваніе наукъ сухую и безжизненную формалистику, мелочность, узкость воззрѣнія, рабское

---

*) „Схоластика“ (отъ латин schola — школа), „схоластическая“ ученость и преимущественно „схоластическая“ философія, — развилась въ средне-вѣковыхъ европейскихъ университетахъ и господствовала въ нихъ съ XI по XVI стол. Она заключалась собственно въ стремленіи соединить философію Аристотеля съ богословіемъ, по ученію католической церкви. Образовавшись въ строгую систему, схоластика составляла въ умственномъ отношеніи твердый оплотъ католицизма. Но подъ конецъ схоластическая философія обратилась въ пустую и безжизненную *діалектику* (отъ *dialego*—спорить, опровергать) въ искуство спорить, опровергать мнѣнія противника, на основаніи строго-ограниченныхъ и заранѣе опредѣленныхъ школьныхъ пріемовъ и доказательствъ. Главнымъ центромъ схоластической учености былъ парижскій университетъ, куда стекались тысячи студентовъ со всѣхъ концовъ Европы.

поклоненіе однажды признаннымъ авторитетамъ; потому-то онъ чаще всего отличался одною пустою и безсодержательною діалектикою. Въ XVI столѣтіи, въ эпоху такъ называемаго «возрожденія» наукъ на Западѣ, когда обратились къ болѣе живому изученію классической философіи и литературы, когда появились ученія Бэкона и Декарта; тогда схоластическая ученость встрѣтила себѣ сильное противудѣйствіе. Пустота и безжизненность схоластики ясно обнаружились, и она утратила всякій авторитетъ. Но католицизмъ всегда смотрѣлъ на науку не какъ на стремленіе ума къ узнанію истины, а видѣлъ въ ней одно лишь средство къ достиженію своихъ извѣстныхъ цѣлей; потому онъ и не допускалъ въ наукѣ никакой живой и новой мысли, потому онъ и сжился съ схоластикой. Когда религіозно-народное движеніе въ XV—XVI стол. охватило всю Европу и произвело реформацію; то іезуиты, въ діалектическихъ тонкостяхъ схоластической философіи, увидѣли для себя весьма пригодное орудіе для борьбы съ новыми реформаціонными идеями. Завладѣвъ повсемѣстно въ Европѣ воспитаніемъ юношества, они вездѣ стали держаться строго схоластической методы преподаванія наукъ.

Появившись въ Польшѣ, іезуиты принесли и сюда свою школьную образованность, которая утвердилась въ ихъ коллегіумахъ. Коллегіумы же эти послужили образцомъ, какъ мы сказали, для устройства православныхъ братскихъ училищъ въ западной и юго-западной Руси. Особенно близко подходило къ іезуитскимъ коллегіумамъ училище кіевское, которому суждено было играть очень важную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Кіевскій Коллегіумъ, или Академія. Образованіе Кіевской схоластики и ея вліяніе на характеръ русской образованности и литературы. — Въ Кіевѣ, при братствѣ Богоявленской церкви, съ 1594 года существовала школа, называвшаяся «школою эллино-славянскаго и латино-польскаго письма». Средства школы, какъ видно, были весьма скудны. Въ 1625 году поступилъ въ монахи Кіево-печерской Лавры сынъ молдавскаго воеводы, *Петръ Могила*, а въ 1628 г. онъ сдѣланъ былъ архимандритомъ Лавры. П. Могила получилъ образованіе за границей, учился въ Парижѣ, служилъ въ Польшѣ въ военной службѣ, и потому могъ ясно видѣть недостатокъ просвѣщенія между православными. Онъ отправилъ на свой счетъ нѣсколько молодыхъ людей изъ монаховъ и мірянъ въ римскую и другія заграничныя академіи; и когда они возвратились, по окончаніи образованія, Могила намѣревался открыть, при лаврскомъ больничномъ монастырѣ, училище. Но богоявленское братство упросило его не открывать новаго училища, а присоединить свои средства къ братскому училищу, которое, такимъ образомъ, перешло въ управленіе Могилы и получило названіе «Кіево-могилянской коллегіи». Въ началѣ же XVIII столѣтія, при Петрѣ В., эта коллегія переименована была въ «Кіевскую Академію», имѣвшую столь важное значеніе въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія и литературы.

Петръ Могила, съ помощію молодыхъ наставниковъ, возвратившихся изъ-заграницы, устроилъ свою коллегію совершенно по образцу польскихъ и за-

граничныхъ іезуитскихъ коллегіумовъ. Въ ней существовало почти тоже самое устройство, — какъ внѣшнее, такъ и внутреннее. Курсъ ученія, или классы въ кіевской коллегіи раздѣлены были на два отдѣленія: низшее, состоявшее изъ 6 классовъ, и высшее, въ которомъ было два класса: философіи и богословія. Такое же точно раздѣленіе классовъ на два отдѣла: studia inferiora и studia superiora — существовало и въ училищахъ іезуитскихъ. Но главное сходство кіевской коллегіи съ іезуитскими школами, сходство, имѣвшее большое вліяніе на характеръ образованности и на русскую литературу не только XVII, но и XVIII столѣтія, заключалось въ качествѣ преподаваемыхъ наукъ и въ строго-схоластической методѣ преподаванія. Въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ, также какъ и въ коллегіумахъ іезуитскихъ, господство схоластики, во всей ея силѣ, обнаруживалось въ преподаваніи всѣхъ предметовъ, въ особенности же въ преподаваніи философіи и богословія. Въ философіи единственнымъ и непогрѣшимымъ авторитетомъ и руководителемъ былъ Аристотель. И притомъ философію Аристотеля толковали здѣсь весьма узко и ограниченно,— какъ она толковалась обыкновенно въ католическихъ школахъ. Главное вниманіе, въ методѣ преподаванія философіи, обращено было на діалектику и на діалектическія тонкости, посредствомъ которыхъ опровергались или поддерживались извѣстные философскіе вопросы и положенія, — а не на самое существо этихъ вопросовъ и положеній. Въ такомъ же схоластическомъ духѣ преподавалось и богословіе, обратившееся въ систему жаркой полемики. Для упражненія воспитанниковъ въ философской и богословской діалектикѣ, по примѣру католическихъ школъ, учреждены были такъ называемые *диспуты*, или споры на заданныя темы изъ богословія или философіи. При этихъ диспутахъ, также какъ и въ преподаваніи самыхъ наукъ, споры касались не самой сущности вопроса, а однихъ только словъ, одной внѣшней формы, и ограничивались, по большей части, лишь пустыми, безсодержательными словопреніями.

Въ низшихъ классахъ коллегіума преподавали грамматику, «поэзію» (т. е. піитику) и риторику; въ преподаваніи послѣдней руководствовались правилами, извлеченными изъ сочиненій Аристотеля, Цицерона и Квинтильяна, и учили сочинять, по установленному плану и по извѣстной мѣркѣ, разнаго рода привѣтственныя, поздравительныя и т. п. рѣчи; «поэзія» же заключалась собственно въ изученіи латинской версификаціи, или стихосложенія.

Изъ языковъ учили: славянскому, который сильно терпѣлъ отъ вліянія польской и малорусской рѣчи; греческому, преподаваніе котораго шло тихо, и латинскому. На преподаваніе латинскаго языка здѣсь было обращено преимущественное вниманіе, во-первыхъ, по примѣру западныхъ школъ, а во-вторыхъ, потому, что для русскихъ, ведшихъ войну съ католиками и находившихся подъ властію Польши, знаніе латинскаго языка представлялось, въ то время, дѣйствительно крайне-необходимымъ. На латинскомъ языкѣ преподавались въ кіевской академіи всѣ предметы (кромѣ катехизиса и славянской грамматики) на немъ велись ученые диспуты и писались сочиненія воспитанниковъ, для которыхъ, сверхъ того, этотъ языкъ былъ обязательнымъ разговорнымъ языкомъ, какъ въ классахъ, такъ и внѣ классовъ.

И такъ, плоды западно-европейской схоластической образованности, посредствомъ братскихъ школъ и въ особенности посредствомъ кіевской академіи, сдѣлались извѣстны въ юго-западной Руси, которая, такимъ образомъ, вслѣдствіе религіозной борьбы съ іезуитами и съ уніей, опередила сѣверовосточную Русь въ сближеніи съ европейской цивилизаціей. Скоро воспитанники кіевской академіи являются представителями русской образованности и главными литературными дѣятелями XVII и даже XVIII столѣт. Кіевъ становится центромъ, изъ котораго схоластическая ученость расходится не только въ югозападной, но и въ сѣверовосточной Руси. Кіевская академія служитъ образцомъ для устройства такой же духовной академіи въ-Москвѣ, гдѣ, со времени Алексѣя Михайловича, постоянно появляются кіевскіе ученые, особенно послѣ окончанія войнъ съ Польшею и послѣ присоединенія Малороссіи.

Въ чемъ выразилось проявленіе кіевской школьной образованности. — Вліяніе кіевской школьной образованности выразилось первѣе всего въ книжной литературѣ XVII столѣтія, — какъ духовной, такъ и свѣтской, — и въ обширной ученой и литературной дѣятельности современныхъ русскихъ писателей, большинство которыхъ было обязано своимъ образованіемъ коллегіуму Петра Могилы. Бо̀льшее развитіе образованности привело естественно и къ усиленному развитію литературной дѣятельности. Дѣятельность эта обнаружилась главнымъ образомъ:

1) Во множествѣ богословско-полемическихъ сочиненій, написанныхъ въ защиту русскаго православія.

2) Въ появленіи книгъ, объяснявшихъ догматы вѣры, какъ-то: катехизисовъ, исповѣданій православной вѣры, курсовъ богословія и различныхъ школьныхъ богословскихъ трактатовъ.

3) Во множествѣ духовныхъ проповѣдей.

4) Въ появленіи книгъ ученаго и учебнаго содержанія, въ переводахъ съ иностраннаго — преимущественно съ польскаго и латинскаго — по разнымъ отраслямъ наукъ, въ изложеніи теорій и правилъ и вообще въ учебныхъ руководствахъ по всѣмъ наукамъ и языкамъ, которые преподавались въ школахъ и преимущественно въ кіевскомъ коллегіумѣ.

5) Въ безчисленномъ множествѣ стихотвореній, писанныхъ риѳмованными силлабическими стихами, или виршами *), и заключавшихся въ разнаго рода: *кантахъ*, *псальмахъ*, *поэматахъ*, *одахъ*, *элегіяхъ*, *эпистоліяхъ*, *акростишіяхъ* и т. д., — какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго содержанія.

---

*) Силлабическое стихосложіе, основанное на количествѣ слоговъ, съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, заимствовано учеными югозападной Руси изъ польской литературы. Самое слово—*вирша*—стихъ (отъ испорченнаго латинскаго versus) взято также съ польскаго.

И наконецъ 6) въ драматическихъ пьесахъ духовнаго содержанія, или такъ называемыхъ *мистеріяхъ*.

Все это писалось особеннымъ литературнымъ языкомъ, — образовавшимся на югозападѣ Руси изъ смѣси языковъ церковно-славянскаго съ польскимъ и малорусскимъ, — и печаталось въ братскихъ типографіяхъ. Со стороны языка всѣ названные учено-литературные труды югозападныхъ русскихъ писателей, въ особенности отличались обиліемъ полонизмовъ, вслѣдствіе вліянія на нихъ польской образованности и литературы. Многіе изъ нихъ даже писали по-польски и печатали свои книги на этомъ языкѣ. Со стороны же своего внутренняго содержанія и литературной формы всѣ эти произведенія отличались строго схоластическимъ характеромъ и всѣми свойствами школьной учености, на которыя мы указали выше. Но во всякомъ случаѣ эта схоластическая ученость представляется рѣшительнымъ прогрессомъ, въ дѣлѣ умственнаго развитія и образованности югозападной Руси, и имѣетъ важное значеніе въ исторіи развитія русской образованности вообще: схоластика, перешедшая къ намъ черезъ Польшу, познакомила Русь съ западно-европейской наукой; а изученіе латинскаго языка привело къ знакомству съ древне-классической литературой.

Такимъ образомъ вліяніе Запада и западно-европейскихъ образцовъ отразилось на всѣхъ учено-литературныхъ произведеніяхъ юго-западной Руси. Не только полемическія и другія богословскія сочиненія и вообще книги духовнаго содержанія, но и самыя проповѣди стали сочиняться по образцу западныхъ произведеній того же рода. Духовная литература юго-западной Руси уже не чуждалась свѣтской науки и литературы и не рѣдко подкрѣпляла свои истины и положенія примѣрами и доводами, почерпаемыми изъ философіи, исторіи, даже изъ языческой древности и изъ наукъ о природѣ. Ученыя сочиненія, касавшіяся разныхъ отраслей наукъ, систематическія изложенія богословія, философіи, теорія краснорѣчія и т. д. и вообще учебники по разнымъ наукамъ были, большею частію, — переводы книгъ, употреблявшихся въ польскихъ или западныхъ школахъ. Самое писаніе виршъ, господствовавшее въ столь сильной степени между юго-западными учеными, что безъ виршъ у нихъ не писалась почти никакая книга, обязано своимъ происхожденіемъ польской литературѣ. Таже страсть къ писанію стиховъ, по поводу разныхъ случаевъ, существовала, какъ извѣстно, и въ западно-европейскихъ литературахъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Потому и наши юго-западные писатели писали стихи по поводу разныхъ случаевъ и событій, сочиняли виршами посвященія, прологи, эпилоги къ издаваемымъ ими книгамъ, — какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго содержанія. Чаще всего вирши писались о предметахъ самыхъ сухихъ, совершенно чуждыхъ поэзіи, лишь только потому, что стихотворный языкъ считался высокимъ родомъ рѣчи, и что писать стихи было въ обычаѣ школьной образованности. Иногда, впрочемъ, схоластика смотрѣла на риѳмованную стихотворную рѣчь, какъ на средство съ большою легкостію удержать въ памяти изучаемый предметъ; потому мы видимъ, что наши старинные буквари, грамматики, даже ариѳметики наполнялись тяжелыми и нелѣпыми силлабами. Симеонъ Полоцкій,

одна изъ знаменитостей между нашими учеными XVII столѣтія, переложилъ на вирши даже весь мѣсяцесловъ. — Старинныя сценическія представленія, которыя разыгривались на вакаціяхъ студентами кіевской академіи, и драмматическія пьесы, сочинявшіяся юго-западными писателями, прямо взяты изъ Польши и сходны во многомъ съ сценическими представленіями и такъ называваемыми «мистеріями» средневѣковой Европы.

Вліяніе запада и печать западноевропейской школьной учености легли, такимъ образомъ, въ основу всей образованности и литературной дѣятельности на югозападѣ Руси, съ конца XVI и въ теченіе XVII столѣтія. Правда, плоды западноевропейской науки перешли сюда въ узкихъ схоластическихъ формахъ. Правда и то, что западная схоластика переходила въ Русь въ то время, когда она утрачивала свое значеніе для европейской жизни, сдѣлалась принадлежностію школы и держалась въ однихъ лишь католическихъ коллегіумахъ и академіяхъ. Русь всегда запаздывала съ своими заимствованіями изъ западной Европы. Г. Буслаевъ замѣтилъ вѣрно, что XVI и XVII вѣка древней Руси соотвѣтствуютъ болѣе отдаленной эпохѣ въ образованіи западной Европы, именно XVI, XIII и даже XII вѣку. «Позднѣйшія литературныя и художественныя данныя, — говоритъ далѣе г. Буслаевъ, — входившія къ намъ изъ Европы чрезъ Польшу въ XVII вѣкѣ, довольно органически принимались русскою жизнію, и вслѣдствіе того какъ бы опускались нѣсколькими столѣтіями въ средневѣковую даль» *) Но тѣмъ не менѣе, какъ бы ни былъ ограниченъ горизонтъ схоластической учености, она благотворно дѣйствовала на развитіе образованности въ югозападной Руси уже тѣмъ, что систематически знакомила съ знаніями, съ наукой, вносила съ собою массу книгъ и массу новыхъ научныхъ свѣдѣній; а главное—она научила обращаться за наукой и за просвѣщеніемъ въ Европу, т. е. именно туда, гдѣ наука и просвѣщеніе дѣйствительно существовали. Югозападные ученые отправляются, обыкновенно, для окончательнаго образованія себя, въ европейскіе университеты и академіи, и такимъ образомъ знакомятся непосредственно съ западной наукой и знакомятъ съ нею своихъ соотечественниковъ.

И такъ, унія, возбудивъ усиленное умственное движеніе въ населеніи русскихъ областей Польши, имѣла весьма важныя послѣдствія для югозападной Руси: она послужила поводомъ къ распространенію здѣсь западной школьной образованности, и сѣверовосточная Русь должна была заимствовать позднѣе все свое школьное образованіе у Руси югозападной. Хотя дѣятельность этой школьной учености, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, ограничивается преимущественно религіозно-богословскими преніями и защитою вѣры; но тѣмъ не менѣе она вводитъ Русь въ сношеніе съ западной Европой и знакомитъ ее съ европейской наукой.

Состояніе образованности въ Москвѣ и московская духовная академія. Вліяніе кіевской учености на Москву. — Но въ то время, когда юго-

*) См. статью: „Русскіе Подлинники въ литературномъ отношеніи."

западная Русь знакомилась, такимъ образомъ, съ европейской цивилизаціей, когда школьная образованность, основанная на началахъ западной схоластической науки, была уже здѣсь довольно распространена, Русь сѣверовосточная, т. е. Москва, ревниво отстаивая древнія преданія, занесенныя къ ней изъ Византіи, чуждалась сближенія съ Западомъ и въ особенности остерегалась всякаго знанія и науки, приходившихъ изъ латинскаго Запада. Въ Москвѣ, до учрежденія патріархомъ Филаретомъ, около половины XVII вѣка, греко-латинской школы, не существовало въ собственномъ смыслѣ школъ, въ которыхъ преподавались бы какія либо науки.

Въ училищахъ же, заведенныхъ, какъ мы видѣли при обозрѣніи «Стоглава», преимущественно для духовенства, обучали лишь чтенію, письму да церковному пѣнію. Весь кругъ ученія ограничивался обыкновенно чтеніемъ псалтири и часослова; только немногіе приступали къ чтенію апостола и всѣхъ книгъ новаго завѣта; но этимъ и оканчивался обыкновенно полный курсъ ученія. Мысль о недостаточности подобнаго образованія сознавалась немногими лучшими людьми древней Руси; мысль эта смутно бродила и въ сознаніи самаго народа, и въ сознаніи правительства, которое, съ давняго времени, призывало, для своихъ цѣлей, изъ Европы людей, свѣдущихъ въ томъ или другомъ искуствѣ или наукѣ, какъ напримѣръ иноземныхъ военныхъ офицеровъ, врачей и т. п. Слѣдственно оно признало на дѣлѣ превосходство европейскаго просвѣщенія, европейской науки; слѣдственно оно чувствовало необходимость этого просвѣщенія и для Руси. Уже Иванъ Грозный посылалъ Русскихъ учиться въ Европу; а Борисъ Годуновъ снарядилъ и послалъ въ Европу многихъ молодыхъ людей для наученія (они, какъ извѣстно, не возвратились въ отечество) даже думалъ, говорятъ, открыть на Руси нѣчто въ родѣ университета, и для того призывалъ ученыхъ людей изъ Германіи, Франціи, Италіи и Англіи. Борьба съ Польшею, въ смутное время самозванцевъ и междуцарствія, привела Русь въ болѣе близкое столкновеніе съ Западомъ и ясно указала на то, что отсутствіе просвѣщенія можетъ сдѣлаться опаснымъ для государства и для церкви, и что, слѣдственно, нужно торопиться съ распространеніемъ просвѣщенія въ народѣ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ число иноземцевъ разнаго рода, какъ-то: ратныхъ и торговыхъ людей, различныхъ мастеровъ и заводчиковъ, было уже въ Москвѣ весьма значительно. Въ 1639 году Михаилъ призвалъ даже въ Россію извѣстнаго ученаго голштинца, Адама Олеарія, и въ грамотѣ, посланной Олеарію, для проѣзда въ Москву, царь писалъ: «Вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ *астрономіи*, и *географуси*, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію и инымъ многимъ *надобнымъ мастерствамъ* и *мудростямъ*, а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ». По свидѣтельству этого же Олеарія, въ его время, въ Москвѣ жило около 1000 протестантскихъ семействъ. Иноземные начала и обычаи, хотя строго преслѣдуемые властями духовною и свѣтскою, со времени самозванцевъ, начинали постепенно вторгаться въ русскую жизнь, что стало замѣтно въ особенности при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Сама жизнь настойчиво указывала на насущную потребность въ знаніи и наукѣ и на несостоятельность однихъ византійскихъ началъ,

которыми руководствовались представители древней Руси, для дальнѣйшаго развитія силъ государственныхъ и народныхъ. Западная образованность далеко опередила образованность византійскую. Лучшіе изъ византійскихъ ученыхъ, съ половины XV вѣка и ранѣе, сами обыкновенно отправлялись, для дальнѣйшаго образованія себя, въ западныя школы. Становилось яснымъ, что, для распространенія просвѣщенія на Руси, необходимо было общеніе съ западной Европой, откуда только и могли прійти къ намъ знанія и науки. Но этого-то сближенія съ Европой всего болѣе и боялись представители древней Руси. Все, что шло съ Запада, было, по ихъ понятіямъ, еретическимъ и опаснымъ для русской православной вѣры. По словамъ Карамзина, Борисъ Годуновъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія учредить въ Россіи университетъ съ иноземными профессорами, потому что «духовенство представило ему, что Россія благоденствуетъ въ мирѣ единствомъ закона (т. е. вѣры) и языка: что разность языковъ, можетъ произвести и разность въ мысляхъ, опасную для церкви» *). Цари московскіе, видя необходимость, для государственныхъ цѣлей Россіи, въ европейскихъ знаніяхъ и наукѣ, думали удовлетворить этой необходимости приглашеніемъ въ Россію иностранцевъ, свѣдущихъ въ томъ или другомъ искуствѣ или наукѣ. Но, безъ насажденія началъ европейскаго просвѣщенія, при полномъ отчужденіи, даже презрѣніи, грамотниковъ тогдашней Руси ко всему иноземному, наплывъ разнаго рода мастеровъ и художниковъ изъ Нѣмцевъ не могъ принести — и дѣйствительно не принесъ — никакой пользы Россіи, и тѣмъ болѣе былъ безполезенъ для образованія народнаго. А между тѣмъ, отсутствіе знаній и невѣжество народное становились вредными не только для государственной, но и для религіозной жизни древней Руси. Сама церковь нуждалась въ наукѣ, для охраненія чистоты своего ученія. Невѣжественная привязанность къ буквѣ и къ обряду и непониманіе духа вѣры и смысла писаній господствовали не только въ грубомъ, неграмотномъ народѣ, но и въ средѣ самаго духовенства. Грубыя ошибки, вносимыя безграмотными переписчиками въ церковныя и богослужебныя книги, время отъ времени, все увеличивались и, вслѣдствіе долговременнаго употребленія, узаконялись и дѣлались неприкосновенной святыней для строгихъ ревнителей старины, слѣпо-привязанныхъ къ буквѣ. Такъ что всякая попытка къ исправленію сказанныхъ ошибокъ служила поводомъ къ религіознымъ смутамъ и толкамъ, главная причина которыхъ всегда заключалась въ общей безграмотности и невѣжествѣ въ вопросахъ вѣры. Ученый монахъ, *Арсеній Глухой* **), которому въ 1616 году царь Михаилъ повелѣлъ, вмѣстѣ съ архимандритомъ Діонисіемъ и другими лицами, заняться исправленіемъ церковныхъ книгъ, подготовлявшихся къ печатанію, работалъ надъ этимъ дѣломъ полтора года, — и потомъ обвиненъ былъ, вмѣстѣ

---

*) Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 53.

**) Арсеній Глухой зналъ языки греческій и латинскій, грамматику, риторику и философію. Оправдавшись, послѣ многихъ истязаній и содержанія въ оковахъ, отъ обвиненія въ ереси, Арсеній занимался потомъ много лѣтъ на печатномъ дворѣ въ качествѣ *справщика* книгъ.

съ товарищами своихъ трудовъ, въ неправославіи и въ ереси. Оправдываясь отъ обвиненія, Арсеній Глухой, въ своей челобитной, поданной боярину Салтыкову, говоритъ, что ихъ обвинители «сами едва азбуку умѣютъ, не знаютъ какія въ ней письмена гласныя, согласныя и двоегласныя, а чтобы 8 частей слова разумѣть и къ симъ предстоящая, сирѣчь роды, и числа, и времена, званія и залоги, то имъ ниже на разумъ вхаживало; а священная философія и въ рукахъ не бывала,.... не знаютъ *ни православія, ни кривославія, точно на едину строку зрятъ, божественнаго писанія по чернилу проходятъ, разума же сихъ не нудятся свѣдѣти.*»

Устранить подобное невѣжество въ дѣлѣ религіи возможно было только посредствомъ знаній и просвѣщенія, и вотъ въ Москвѣ возникла мысль объ учрежденіи высшей школы. Школу эту учредилъ, передъ 1633 годомъ, патріархъ Филаретъ, при Чудовомъ монастырѣ. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ этой школѣ, называвшейся тоже патріаршею и греко-латинскою школою. Одинъ Олеарій говоритъ только, что, за нѣсколько лѣтъ до его пріѣзда въ Москву, тамъ учреждена была греко-латинская школа, въ которой училъ греческому и латинскому языку Грекъ Арсеній *). Но *Арсеній Грекъ*, знаменитый въ исторіи исправленія книгъ, во времена патріарха Никона (см. ниже) прибылъ въ Россію, съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, лишь въ 1649 году; по всей вѣроятности, извѣстіе Олеарія относится къ Арсенію Глухому, который, зная хорошо языки греческій и латинскій, могъ быть наставникомъ въ чудовской школѣ. Затѣмъ, уже въ 1649 году, постельничій и любимецъ царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ основалъ другое училище, св. Андрея, въ Преображенскомъ монастырѣ, и вызвалъ туда изъ кіевской лавры нѣсколькихъ ученыхъ монаховъ, «изящныхъ (т. е. свѣдущихъ) — по современному свидѣтельству, — во ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи — хотящимъ тому ученію внимати.» Монахи эти впрочемъ занимались въ Москвѣ болѣе переводами св. книгъ, нежели обученіемъ юношества. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, узнавъ изъ разсказовъ одного странника по Востоку о жалкомъ состояніи наукъ у Грековъ, пожелалъ завести въ Москвѣ греческое училище, которое сдѣлалось бы мѣстомъ для образованія, какъ Грековъ, такъ и Русскихъ. Училище это открыто было въ 1679 году; въ него собрали 30 учениковъ, а учителями назначили двухъ Грековъ: Эммануила Левандатова и іеромонаха Іоанна. Царь вскорѣ пожелалъ расширить основанное имъ греческое училище и сдѣлать изъ него академію. Бывшій наставникъ царя, Симеонъ Полоцкій, воспитанникъ юго-западныхъ школъ, написавъ уставъ новой академіи, скопировалъ его съ устава академіи кіевской. Но за учителями, для задуманной московской академіи, все

*) Олеарій первый разъ пріѣзжалъ въ Россію въ 1635 году, а во второй — въ 1636 году, и оставилъ очень интересное описаніе своихъ обоихъ путешествій въ Россію. — Арсеній Грекъ былъ дѣйствительно главнымъ учителемъ греческаго и латинскаго языковъ въ чудовской и въ другихъ московскихъ школахъ, но уже при патріархѣ Никонѣ, именно съ 1652.

же обратились съ просьбою къ константинопольскому патріарху, который предложилъ ѣхать въ Москву двухъ ученымъ братьямъ: *Іоанникію* и *Софронію Лихудамъ*. Лихуды прибыли въ Москву только въ 1685 году, и *Московская духовная академія* была открыта уже послѣ смерти царя Ѳедора, во время правленія царевны Софьи. Зданіе для московской академіи построено было въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, потому и сама академія называлась *заиконоспасскими*, или *спасскими школами*.

Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ московской академіи, начинается обнаруживаться въ Москвѣ вліяніе югозападной учености, одинъ изъ представителей которой, Симеонъ Полоцкій, при составленіи устава московской академіи, взялъ за образецъ устройство академіи кіевской. Но въ Москвѣ было еще весьма сильно византійское вліяніе: московскіе книжники смотрѣли съ недоброжелательствомъ на ученыхъ югозападной Руси и, по внушеніямъ греческихъ патріарховъ, заподозрѣвали ихъ въ латинскомъ еретичествѣ. Въ Москвѣ все еще считали, что, въ дѣлѣ просвѣщенія, наставниками для православныхъ могутъ быть только Греки, — хотя почти всѣ ученые Греки того времени, пріѣзжавшіе въ Россію, въ качествѣ учителей, сами получали образованіе въ западныхъ школахъ. Сами Лихуды, съ прибытіемъ которыхъ въ Москву начинается дѣятельность московской академіи, учились въ Венеціи и въ падуанской академіи. Метода преподаванія, равно какъ и кругъ наукъ, введенныхъ ими въ московскую академію, были пропитаны западнымъ схоластицизмомъ и вполнѣ согласовались съ преподаваніемъ кіевской академіи, — съ тою лишь разницею что Лихуды больше обращали вниманія, чѣмъ въ Кіевѣ, на преподаваніе греческаго языка. Въ преподаваніи же другихъ наукъ, какъ-то: грамматики, піитики, риторики и философіи (т. е. логики, или лучше — правилъ діалектики, и физики Аристотеля) они слѣдовали строго-схоластической методѣ, руководствуясь, главнымъ образомъ, въ преподаваніи почти всѣхъ наукъ, однимъ Аристотелемъ. Той же системѣ преподаванія слѣдовали и ученики Лихудовъ, стоявшіе послѣ нихъ во главѣ московской академіи: Николай Семеновъ, Ѳедоръ Поликарповъ и *Палладій Роговъ*, или *Роговскій*, изъ которыхъ послѣдній, для довершенія своего образованія, ѣздилъ также въ Европу, подобно своимъ учителямъ, братьямъ Лихудамъ.

Обнаруживъ однажды стремленіе къ просвѣщенію, Москва постоянно чувствовала потребность въ людяхъ образованныхъ и знакомыхъ съ науками, и при всемъ недоброжелательствѣ и недовѣрчивости московскаго духовенства и книжниковъ къ югозападнымъ ученымъ, Москва, однако, не могла безъ нихъ обойтись, въ особенности послѣ основанія академіи. Число югозападныхъ ученыхъ начинаетъ увеличиваться въ Москвѣ, особенно послѣ присоединенія Малороссіи. Представителемъ югозападной образованности является здѣсь Симеонъ Полоцкій, прибывшій въ Москву въ 1664 г. и вскорѣ сдѣланный наставникомъ царевича Ѳедора Алексѣевича. Со времени Полоцкаго, плоды кіевской учености начинаютъ появляться довольно послѣдовательно и въ сѣверовосточной Руси. Такъ что югозападная русская образованность скоро обнаруживаетъ рѣшительное вліяніе на ученую и литературную дѣятельность Москвы. И здѣсь,

какъ и въ Кіевѣ, скоро появляются тѣ же школьные богословскіе трактаты и богословско-полемическіе сочиненія, тѣ же духовныя проповѣди, сочинявшіяся по образцу западныхъ проповѣдей, тѣ же силлабическія вирши и духовныя сценическія представленія.

Вліяніе кіевской академіи на образованіе въ Великороссіи обнаружилось сильнѣе всего въ началѣ XVIII столѣтія, когда въ Москвѣ находилось уже значительное число выходцевъ изъ югозападной Руси. Они занимали, въ то время, почти всѣ епископскія каѳедры въ восточной Россіи и всѣ учительскія мѣста — не только въ московской академіи, преобразованной Стефаномъ Яворскимъ совершенно по образцу кіевской, но и во всѣхъ вновь заводившихся духовныхъ училищахъ. Византійское вліяніе, которое удерживалось еще въ московскихъ школахъ, со времени Стефана Яворскаго, уступило мѣсто вліянію западно-схоластическому, которое господствовало въ кіевской академіи, вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ, на которомъ стали преподавать всѣ предметы и въ московскихъ духовныхъ школахъ. Вліяніе югозападной схоластики замѣтно еще и въ настоящее время на нашихъ духовныхъ училищахъ. Главными дѣятелями въ русской литературѣ, со второй половины XVII и въ началѣ XVIII столѣт. и главными исполнителями и распространителями мыслей Петра Великаго въ дѣлѣ русскаго образованія являются также воспитанники кіевской академіи.

Таково было, въ главныхъ чертахъ, состояніе образованности, таковы были средства къ образованію, какъ въ юго-западной, такъ и въ сѣверо-восточной Руси, съ конца XVI и до начала XVIII столѣтія. Посмотримъ теперь, въ какой степени результаты этой образованности выразились въ дѣятельности современныхъ русскихъ писателей.

Болѣе замѣчательные писатели въ юго-западной Руси были:

Лаврентій Зизаній. — *Лаврентій Зизаній Тустановскій*, протоіерей Корецкій, извѣстный до сихъ поръ во всѣхъ курсахъ исторіи русской литературы по своей славянской грамматикѣ, изданной въ 1596 году, и по краткому славянскому лексикону. Но Зизаній болѣе примѣчателенъ по составленной имъ книгѣ, «Оглашеніе», родъ православнаго *катехизиса*, съ которымъ онъ пріхалъ въ 1627 году въ Москву и обратился съ просьбою къ патріарху Филарету объ его исправленіи. Патріархъ началъ исправленіе съ заглавія книги: вмѣсто «Оглашенія« онъ назвалъ се «Бесѣдословіе», на томъ основаніи, что подъ именемъ оглашенія уже извѣстна книга Кирилла Іерусалимскаго, — «а подъ однимъ именемъ многимъ книгамъ быть нелѣпо». О другихъ статьяхъ, которыя найдены въ книгѣ Зизанія несходными съ греческими переводами, патріархъ велѣлъ ему поговорить съ богоявленскимъ игуменомъ Ильею и съ Григоріемъ, справщикомъ типографіи («съ Гришкой отъ книжныя справки»). Въ этомъ разговорѣ (описанномъ Григоріемъ справщикомъ) или преніи Зизанія о его книгѣ съ московскими грамотѣями ясно высказались степень образованности, понятія и взгляды на науку юго-западныхъ ученыхъ и представителей учености въ Москвѣ, въ XVII столѣтіи. «У тебя въ книгѣ, — говорили Зи-

занію его московскіе оппоненты, — написано о кругахъ небесныхъ, о планетахъ, зодіяхъ, о затмѣніи солнца, о громѣ и молніи, о тресновеніи, о перунѣ, о кометахъ и о прочихъ звѣздахъ: но эти статьи взяты изъ книги «Астрологія», а эта книга «Астрологія» взята отъ волхвовъ эллинскихъ и отъ идолослужителей, и потому къ нашему правовѣрію несходна». Зизаній оправдывался, что онъ не говоритъ въ своей книгѣ, какъ учатъ астрологи, т. е. что звѣзды управляютъ нашею жизнію, что онъ все это написалъ для знанія только («вѣдомости ради») пусть человѣкъ знаетъ, что все это тварь Божія. «Да зачѣмъ ты писалъ для знанія»? возражали Зизанію Илья и Григорій. «А развѣ это правда, говоришь: облака, надувшись, сходятся и ударяются, и отъ того бываетъ громъ и огонь, какъ отъ камня и желѣза? Огонь и звѣзды, что на тверди небесной, называешь животными и звѣрями»! — «Да какъ же по вашему писать о звѣздахъ»? спрашивалъ Зизаній. — «Мы пишемъ и вѣруемъ, какъ Мойсей написалъ: и сотвори Богъ два свѣтила великія и звѣзды, и постави ихъ на тверди небесной свѣтити по земли и владѣти днемъ и нощію, и разлучати между свѣтомъ и нощію. А животными звѣрями ихъ не называлъ Мойсей». — Но какъ же эти свѣтила движутся и обращаются? говоритъ опять Зизаній. — «По повелѣнію Божію, ангелы служатъ, тварь водя», отвѣчали ему московскіе книжники».

Приведенный разговоръ показываетъ, что московскимъ грамотникамъ XVII столѣтія не были извѣстны даже знаки зодіака; они не умѣли согласить названія этихъ знаковъ съ тѣмъ способомъ буквальнаго пониманія словъ библіи, къ которому они привыкли. Научныя истины и ученые пріемы, считавшіеся у юго-западныхъ русскихъ ученыхъ дѣломъ обыкновеннымъ, ни мало не противорѣчившимъ истинамъ религіи, пугали московскихъ грамотѣевъ и казались имъ ученіемъ еретическимъ, «зѣло дерзостнымъ и смѣлымъ»; потому что они не встрѣчали подобныхъ научныхъ свѣдѣній въ своихъ старыхъ книгахъ и переводахъ съ греческаго; а другимъ книгамъ они не вѣрили.

Грамматика Л. Зизанія была второю славянскою грамматикою, послѣ грамматики «эллинославянской», изданной въ 1591 году въ Львовѣ, въ пользу обучавшихся греческому языку, студентами тамошняго братскаго училища. Грамматика Зизанія построена по системѣ греческихъ грамматикъ, въ приложеніи къ славянскому языку. Въ ней изложены также и правила славянскаго стихосложенія, — совершенно по образцу греческой метрической системы. — Къ грамматикѣ Зизаній присоединилъ и свой краткій лексиконъ, подъ заглавіемъ: «Лексисъ, сирѣчь реченія вкратцѣ собранныя и изъ славянскаго языка на простой русскій діалектъ истолкованныя».

---

2. **Мелетій Смотрицкій.** — *Мелетій Смотрицкій*, полоцкій архіепископъ († 1633) — одинъ изъ знаменитыхъ полемическихъ писателей и ратоборцевъ за восточную церковь, въ началѣ уніи, — хотя онъ болѣе извѣстенъ въ нашей литературѣ также по своей славянской грамматикѣ. Въ 1610 году Смотрицкій напечаталъ, подъ псевдонимомъ «Теофила Ортолога», сочиненіе: «Ѳри-

носъ (плачъ) восточной церкви», въ которомъ, съ жаромъ и съ большою силою, описывалъ страданія греческой церкви на западѣ Руси. Сочиненіе это вызвало нѣсколько опроверженій, со стороны іезуитовъ и католиковъ; между прочимъ, противъ него писалъ опроверженіе знаменитый іезуитъ Скарга. Посвященный греческимъ патріархомъ Θеофаномъ въ православные епископы Полоцка, Мелетій Смотрицкій привлекъ всѣхъ жителей на свою сторону и вооружилъ противъ себя извѣстнаго фанатика, уніатскаго епископа Полоцка, Іосафата Кунцевича, который, за свои насильственныя дѣйствія противъ православныхъ, былъ умерщвленъ жителями Витебска въ 1623 году. Смотрицкій написалъ еще нѣсколько сочиненій въ защиту восточной церкви, и послѣ убіенія Кунцевича, — въ чемъ католики обвиняли его, какъ участника и поджигателя народа, — отправился на Востокъ, — для точнѣйшаго изученія, — какъ онъ говорилъ, — восточной вѣры и церкви. Но, возвратившись въ отечество, Смотрицкій измѣнилъ свои убѣжденія и въ новомъ сочиненіи: «Апологія (защита) путешествія на Востокъ», доказывалъ что греческая церковь заражена протестантизмомъ; потому совѣтовалъ русскимъ православнымъ принять унію. На соборѣ въ Кіевѣ онъ отрекся отъ этихъ мнѣній и просилъ прощенія; но потомъ опять къ нимъ возвратился, и умеръ въ уніи, сдѣлавшись, такимъ образомъ, изъ жаркаго и даровитѣйшаго защитника православія однимъ изъ его враговъ.

Богословско-полемическія сочиненія М. Смотрицкого (большая часть которыхъ написана попольски) свидѣтельствуютъ объ обширныхъ свѣдѣніяхъ автора и о его искуствѣ пользоваться правилами схоластической науки и прилагать ихъ къ спорамъ съ противниками. — Сочиненія Смотрицкаго, равно какъ и другихъ юго-западныхъ русскихъ писателей, писавшихъ въ защиту православія, имѣютъ не одинъ только богословскій интересъ: сочиненія эти вызваны были самымъ живымъ современнымъ вопросомъ для юго-западной Руси, — уніей, и потому изъ нихъ мы ясно видимъ современное настроеніе умовъ, характеръ и послѣдствія тѣхъ волненій, которыя происходили въ борьбѣ православныхъ съ католиками.

Славянская грамматика М. Смотрицкаго употреблялась во всѣхъ русскихъ, — какъ юго-западныхъ, такъ и сѣверо-восточныхъ — школахъ, до появленія грамматики Ломоносова. Она полнѣе грамматики Л. Зизанія, — хотя тоже составлена по образцу грамматикъ греческихъ. Грамматика Смотрицкаго, съ нѣкоторыми измѣненіями и выписками изъ сочиненія Максима Грека о пользѣ и значеніи грамматики, была перепечатана въ Москвѣ въ 1647 году.

---

3. Петръ Могила. — *Петръ Могила*, митрополитъ кіевскій († 1646), оказавшій столь важныя услуги русскому посвѣщенію. Мы уже говорили, что Петръ Могила преобразовалъ братское кіевское училище въ коллегіумъ, названный по его имени «Могилянскимъ» и заботился о немъ въ теченіи всей своей жизни. Онъ помогалъ этому заведенію не только совѣтами и надзоромъ, но и значительными матеріальными пособіями. Какъ писатель, Петръ Могила

извѣстенъ своимъ «Православнымъ исповѣданіемъ вѣры» *), краткимъ катехизисомъ (подъ заглавіемъ «Малый катехизисъ»), который онъ издалъ на бѣлорусскомъ и польскомъ языкахъ, и наконецъ «Требникомъ». Малый катехизисъ Могилы, съ небольшими перемѣнами, перепечатанъ былъ въ Москвѣ, при патріархѣ Іосифѣ. Кромѣ того, П. Могила первый сталъ писать драматическія сочиненія духовнаго содержанія, которыя разыгривались студентами кіевскаго коллегіума; но эти духовныя драммы намъ неизвѣстны; онъ сочинялъ также, подобно всѣмъ почти юго-западнымъ русскимъ писателямъ, силлабическія стихотворенія.

---

4. **Лазарь Барановичъ.** — *Лазарь Барановичъ*, архіепископъ черниговскій († 1694). Св. Димитрій Ростовскій называетъ Барановича «великимъ столпомъ церковнымъ», за его полемическія сочиненія въ защиту православной церкви противъ іезуитовъ. По таланту краснорѣчиваго проповѣдника и по силѣ слова, Л. Барановичъ дѣйствительно занимаетъ первое мѣсто между всѣми духовными писателями и проповѣдниками юго-западной Руси, во второй половинѣ XVII столѣтія. Л. Барановичъ жилъ и дѣйствовалъ въ смутное время войнъ малороссійскихъ казаковъ съ Польшею и въ эпоху присоединенія Украйны къ московскому государству, и лично принималъ дѣятельное участіе въ политическихъ дѣлахъ своей родины. Потому въ его проповѣдяхъ постоянно встрѣчаются упоминанія и указанія на современныя политическія событія. Самыя названія, которыя Барановичъ придалъ двумъ сборникамъ своихъ проповѣдей, первому — «Мечъ духовный», а второму — «Труба словесъ проповѣдныхъ», — онъ объясняетъ современнымъ состояніемъ православнаго общества и православной церкви на юго-западѣ Россіи. Объясненіе этихъ названій Л. Барановичъ дѣлаетъ въ предисловіи къ сборникамъ своихъ проповѣдей. «Въ сіи, полныя брани времена, — говоритъ онъ въ предисловіи къ первому сборнику, — всего полезнѣе мечъ. Самъ Христосъ возвѣстилъ его потребность, сказавъ ученикамъ: «иже не имать, да продастъ ризу свою и купитъ мечъ» (Лук. XXII, 36). Далѣе, какъ въ предисловіи, такъ и въ текстѣ проповѣдей, проповѣдникъ доказываетъ, какъ въ это бурное время, для борьбы съ врагами русской вѣры и русской народности, необходимъ для вѣрующихъ и для церкви «мечъ духовный, еже есть глаголъ Божій на помощь церкви воюющей, изъ устъ Христовыхъ подданный». Эту мысль проводитъ Барановичъ въ цѣломъ рядѣ проповѣдей. А въ предисловіи къ «Трубѣ словесъ» онъ говоритъ: «чтобы сыны восточной воюющей церкви служили ей «мечемъ духовнымъ», издалъ я «трубный гласъ» на праздники; ибо, какъ въ битвахъ воинскій жаръ возбуждается трубами, такъ и для возбужденія жара въ брани духовной мы трубимъ трубою въ нарочитые праздники». Въ этомъ послѣднемъ сборникѣ заключаются болѣе слова на прославленіе извѣстныхъ праздниковъ, въ духѣ

---

*) „Правосл. исп. вѣры“ было одобрено восточными патріархами и перепечатано въ Москвѣ въ 1696 г. при патріархѣ Адріанѣ.

церковныхъ пѣснопѣній, и мѣстами проповѣдь Барановича переходитъ въ молитву, излагаемую даже силлабическими стихами. — Появленіе и содержаніе проповѣдей Л. Барановича связано, такимъ образомъ, съ историческими событіями времени: онѣ имѣютъ не только религіозно-наставительный и догматическій характеръ, но и все значеніе богословско-полемическихъ сочиненій. — Относительно построенія и внѣшняго изложенія проповѣдей Л. Барановича, слѣдуетъ сказать, что онѣ, подобно проповѣдямъ прочихъ проповѣдниковъ юго-западной Руси, составлены по извѣстной схоластической системѣ, правила которой преподавались въ школахъ и излагались въ особыхъ учебникахъ, для составленія проповѣдей, какъ напр, въ книгѣ Іоанникія Голятовскаго: «Ключъ разумѣнія«, которая содержитъ въ себѣ: «Науку, албо (или) способъ сложенія казаній» (поученій). Но Л. Барановичъ, какъ человѣкъ высокаго ума и высокихъ дарованій, менѣе другихъ юго-западныхъ проповѣдниковъ загромождалъ свои произведенія всѣми схоластическими принадлежностями, т. е. свѣдѣніями изъ разныхъ наукъ, опредѣленіями, подраздѣленіями и т. п. хотя, повторяемъ, и на его проповѣдяхъ лежитъ рѣзкая печать схоластицизма.

Мы упомянули, что Л. Барановичъ дѣйствовалъ не только на поприщѣ проповѣднаго слова и литературы, но и на поприщѣ политическомъ.

Митрополитъ Евгеній, въ «Историч. слов. русск. писат. духов. чина», сказалъ, что Л. Барановичъ въ 1669 году «увѣщаніями своими убѣдилъ войско запорожское покориться царю Алексѣю Михайловичу», — и эти слова повторялись почти во всѣхъ курсахъ нашей литературы. Но это было не совсѣмъ такъ.

Послѣ измѣны московскому царю (вмѣстѣ съ гетманомъ Выговскимъ) кіевскаго митрополита Діонисія Балабана и послѣ его удаленія изъ Кіева, временнымъ правителемъ и блюстителемъ кіевской митрополіи былъ назначенъ черниговскій епископъ, Л. Барановичъ. Но этотъ архіерей также не пользовался большимъ довѣріемъ въ Москвѣ *). Барановичъ, какъ почти все высшее духовенство Малороссіи, во время присоединенія послѣдней къ московскому государству, склонялся на сторону той партіи изъ старшины казацкой, которая стремилась къ удержанію за Украйной сколь возможно большей самостоятельности въ отношеніи къ Москвѣ. Малороссійскіе архіереи въ этой самостоятельности видѣли свой собственный интересъ: кіевская митрополія считалась въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха; но такая зависимость была лишь номинальною. Съ подчиненіемъ же Малороссіи власти московскаго царя, архіереи должны были подчиниться дѣйствительной власти московскаго патріарха, — на что они не соглашались охотно. Въ Москвѣ имѣли, такимъ образомъ, основаніе не довѣрять Л. Барановичу, и онъ принужденъ былъ сойти на нѣкоторое время съ политической сцены. Но въ 1689 году Барановичъ снова принимаетъ участіе въ политическихъ дѣлахъ, и пишетъ грамоту къ царю Алексѣю Михайловичу, прося прощенія взбунтовавшимся казакамъ, подъ предводительствомъ Дорошенка и Многогрѣшнаго; потомъ присутствуетъ въ

*) Ист. Рос. С. Соловьева, т. IX стр. 141.

Глуховѣ на переговорахъ казаковъ съ царскимъ бояриномъ, кн. Ромодановскимъ, и говоритъ въ пользу желанія казаковъ, относительно вывода изъ нѣкоторыхъ малороссійскихъ городовъ московскихъ воеводъ и ратныхъ людей. Барановичъ настаивалъ на томъ же и въ упомянутомъ письмѣ къ царю, въ которомъ между прочимъ писалъ: «Свободою убо, ею же Христосъ насъ свободи, помазанниче Божій, пресвѣтлый царю, ихъ (казаковъ) свободи, да стоятъ на свободѣ, ихъ укрѣпи, да истинно тебѣ поработаютъ и отъ варваръ отлучатся всяко»... Но въ Москвѣ не внимали такимъ увѣщаніямъ черниговскаго владыки.

---

5. Прочіе писатели юго-западной Руси и ихъ общая характеристика. — Изъ прочихъ юго-западныхъ писателей болѣе извѣстны:

Іоанникій Голятовскій, ректоръ кіевской академіи, отличавшійся обширною схоластическою ученостію и написавшій цѣлые томы полемическихъ, догматическихъ и другихъ сочиненій, которыя могутъ смѣло служить образцомъ юго-западной схоластики. Изъ сочиненій Голятовскаго болѣе извѣстны: изданныя имъ риторическія руководства какъ сочинять проповѣди, надгробныя и другія слова и его полемическія сочиненія — не только противъ католиковъ, какъ напр.: «Бѣлоцерковская бесѣда», въ которой изложено преніе о вѣрѣ, происходившее въ Бѣлой-Церкви между Голятовскимъ и іезуитомъ Пекарскимъ, — но и противъ не-христіанъ, какъ-то: противъ Евреевъ — «Мессія правдивый», противъ магометанъ — «Алкоранъ Магометовъ» и противъ язычниковъ — «Боги паганскіе». Въ этихъ сочиненіяхъ высказывается вся обширная средневѣковая эрудиція Голятовскаго. Онъ приводитъ въ нихъ множество примѣровъ, басень, объясненій, сравненій и т. д. заимствованныхъ не только изъ средне-вѣковыхъ книгъ, но и изъ произведеній древне-греческихъ и латинскихъ авторовъ.

Схоластическая манера сочиненій и всѣ свойства схоластической учености (о которыхъ мы говорили выше) отразились болѣе всего въ теоретико-догматическихъ, проповѣдныхъ и полемическихъ сочиненіяхъ Голятовскаго.

Къ тоту же разряду юго-западныхъ писателей принадлежатъ: *Антоній Радивиловскій*, *Кириллъ Транквилліонъ*, *Иннокентій Гизель* и мног. друг. И. Гизель (архимандритъ кіево-печерской лавры) извѣстенъ въ нашей литературѣ, какъ издатель печерскаго патерика и сочинитель *Синопсиса*, или краткаго обозрѣнія русской исторіи, которое служило учебникомъ во всѣхъ русскихъ школахъ до изданія учебника Ломоносова. Синопсисъ Гизеля наполненъ множествомъ историческихъ ошибокъ и несообразностей.

Схоластическія произведенія почти всѣхъ поименованныхъ нами писателей, — сухія и безжизненныя, исполненныя риторики и составленныя искуственно, по извѣстной мѣркѣ, — не заслуживаютъ подробнаго разбора. Для насъ они имѣютъ одно лишь историческое значеніе. Въ той степени, въ какой сочиненія эти были доступны для народа, они, конечно, были явленіями полезными для своего времени, потому что знакомили своихъ читателей съ науками и сооб-

щали имъ множество энциклопедическихъ свѣдѣній изъ исторіи, географіи, физики, философіи и т. п.

Языкъ, который употребляли юго-западные писатели въ своихъ сочиненіяхъ, составлялъ какую-то смѣсь изъ языковъ церковно-славянскаго, малорусскаго или бѣло-русскаго и польскаго. А большая часть полемическихъ сочиненій противъ іезуитовъ написана ими либо по-польски, либо по-латыни.

Обозрѣніе дѣятельности болѣе замѣчательныхъ писателей и дѣятелей на поприщѣ русскаго просвѣщенія въ сѣверо-восточной Руси.

Никонъ, его жизнь и дѣятельность; характеристика; значеніе дѣятельности Никона въ исторіи русской церкви и просвѣщенія. Собственные письменные труды Никона. — *Никонъ*, шестой «патріархъ московскій и всея Руссіи». Никонъ родился въ 1605 г., въ селѣ Вельдемановѣ (нижег. губ. книгинин. у.) и былъ сынъ крестьянина Мордвина, по имени Мины.

Патріархъ Никонъ, — одинъ изъ сильныхъ и великихъ характеровъ въ исторіи русской церковной іерархіи, — принадлежитъ безспорно къ числу замѣчательнѣйшихъ духовныхъ дѣятелей до-петровской Россіи. Патріаршество Никона оставило широкій слѣдъ въ нашей исторіи и отозвалось крайне-важными послѣдствіями во внутренней жизни русскаго народа. Самыя обстоятельства, которыми сопровождалась историческая дѣятельность Никона, и обстоятельства его жизни исполнены живаго, драматическаго интереса.

Случай доставилъ молодому Никитѣ (имя Никона до монашества) выучиться грамотѣ. Вѣроятно, въ самые молодые годы уже рѣзко обозначились умъ и таланты Никиты; потому что и христіанскіе монахи и мордовскіе колдуны пророчили ему дивную судьбу — либо царство, либо патріаршество. Такія предсказанія, естественно, еще болѣе воспламеняли и безъ того пылкое воображеніе молодаго человѣка. Въ то время, для избранныхъ и талантливыхъ натуръ изъ народа, былъ единственный путь выйти на широкое поле дѣятельности — монашество. Къ монашеству, сверхъ того, влеклись такія натуры и вслѣдствіе начитанности духовныхъ книгъ, составлявшихъ почти исключительное чтеніе, какъ мы знаемъ, тогдашнихъ грамотныхъ людей, — и Никита пошелъ въ монастырь. Родственники успѣли, однако, вызвать его снова въ міръ и убѣдили жениться. Знаніе свящ. книгъ и начитанность доставили ему мѣсто священника, на 20 году отъ рожденія. По уму и способностямъ, молодой священникъ рѣзко выдавался впередъ между своими товарищами; онъ не могъ остаться незамѣченнымъ, и скоро, по приглашенію московскихъ купцовъ, перешелъ въ Москву и получилъ приходъ. Но тѣсный кругъ обязанностей приходскаго священника не могъ удовлетворить честолюбивымъ стремленіямъ Никиты, жаждавшаго высшей, болѣе широкой дѣятельности. Онъ рѣшился снова идти въ мо-

нахи, и уговорился съ женою разойтись, такъ-какъ, послѣ потери трехъ малютокъ, у нихъ не было дѣтей: она постриглась въ одномъ изъ женскихъ монастырей въ Москвѣ, а онъ ушелъ на Бѣлое море и поступилъ въ одинъ изъ скитовъ, близъ Соловецкаго монастыря, перемѣнивъ имя Никиты на имя Никона. Ревность къ обличенію не дала ему, однако, ужиться долго въ этомъ скитѣ съ остальною братіею: онъ перешелъ въ Кожеезерскій монастырь (новгород. епархіи) и здѣсь вскорѣ избранъ былъ въ игумены. Слава о подвижнической жизни, о ревности къ вѣрѣ и о талантахъ игумена Никона скоро стала расходиться въ народѣ и достигла Москвы. Во время пребыванія въ столицѣ, въ 1646 году, по дѣламъ монастыря, Никонъ былъ замѣченъ государемъ и произвелъ сильное впечатлѣніе на молодаго и строго-религіознаго Алексѣя Михайловича. Никонъ остался въ Москвѣ, былъ посвященъ въ архимандриты Новоспасскаго монастыря и, по желанію царя, каждую пятницу долженъ былъ являться въ придворную церковь къ заутрени, послѣ которой вступалъ съ царемъ въ назидательную бесѣду. Впечатлительный и религіозный молодой царь скоро подчинился вліянію Никона. Онъ поручилъ ему, какъ особую должность «печалованіе» (т. е. ходатайство) за утѣсненныхъ, вдовъ и сиротъ, и потому всѣ челобитчики шли прямо къ Никону и подавали ему свои просьбы. Чрезъ два года, Никонъ былъ посвященъ въ важный санъ митрополита Новгорода-Великаго и уѣхалъ изъ Москвы.

Вскорѣ послѣ прибытія новаго владыки къ своей паствѣ, — сначала въ Псковѣ, а потомъ въ Новгородѣ, — вспыхнули мятежи. Никонъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ подавленіи этихъ мятежей. Не смотря на то, что онъ лично пострадалъ во время мятежа въ Новгородѣ, и претерпѣлъ оскорбленія отъ мятежниковъ, онъ умоляетъ царя о дарованіи всепрощенія новгородскимъ мятежникамъ, находя въ этомъ лучшее средство прекратить войну и разореніе края, происходившія отъ мятежей. Въ письмахъ къ псковскому архіепископу Макарію царь указывалъ потомъ на Никона, и говорилъ, что «его митрополичьимъ радѣніемъ новгородцы въ познаніе пришли». Но Никонъ ходатайствовалъ также о помилованіи главныхъ мятежниковъ и въ Псковѣ. Царь послушался новгородскаго митрополита, псковичи повинились и имъ даровано было всепрощеніе.

Послѣ усмиренія мятежей въ Новгородѣ и въ Псковѣ, Никонъ пріѣхалъ въ Москву и успѣлъ снова пріобрѣсть могущественное вліяніе на Алексѣя Михайловича. Онъ уговорилъ царя перенести изъ Соловецкаго монастыря въ Успенскій соборъ мощи московскаго митрополита Филиппа, низвергнутаго Грознымъ, за смѣлое обличеніе его злодѣйствъ, и умерщвленнаго опричникомъ Малютою Скуратовымъ. Для перенесенія мощей отправился въ Соловки самъ Никонъ, въ сопровожденіи боярина, князя Хованскаго и Отяева. Торжество это, по словамъ проф. Соловьева, имѣло не одно религіозное значеніе: «Филиппъ погибъ вслѣдствіе столкновенія власти свѣтской съ церковною. Богъ прославилъ мученика святостію; но свѣтская власть не принесла еще торжественнаго покаянія въ грѣхѣ своемъ. Никонъ, пользуясь религіозностію и мягкостію молодаго царя, заставилъ свѣтскую власть принести это торжествен-

ное покаяніе. Онъ отыскалъ примѣръ въ преданіяхъ византійскихъ, какъ императоръ Θеодосій, посылая за мощами Іоанна Златоуста, писалъ молитвенную грамоту къ оскорбленному его матерью святому, и Никонъ повезъ въ Соловки грамоту царя Алексѣя къ св. Филиппу» *), въ которой государь смиренно приносилъ покаяніе въ прегрѣшеніи одного изъ своихъ царственныхъ предшественниковъ, въ томъ, что тотъ не послушался увѣщаній святительскихъ.

Въ 1652 году, во время отсутствія Никона изъ Москвы, умеръ патріархъ Іосифъ. Царь собственноручнымъ письмомъ (во многихъ отношеніяхъ примѣчательномъ) извѣщаетъ Никона о смерти патріарха. Какъ это письмо, такъ и вообще всѣ письма Алексѣя Михайловича къ Никону яснѣе всего показываютъ ихъ взаимныя отношенія, отличавшіяся въ то время, со стороны государя, самой преданной, восторженной дружбой къ Никону. Любовь и довѣріе къ нему царя, какъ видно изъ этихъ писемъ, были безграничны. Царь величаетъ новгородскаго владыку «великимъ солнцемъ сіяющимъ», «свѣтлосіяющимъ во архіереяхъ» и проч. и называетъ его своимъ возлюбленнымъ, *собиннымъ* (особеннымъ) другомъ. Онъ какъ бы считаетъ своимъ долгомъ извѣщать его не только о духовныхъ, но и обо всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ своихъ и проситъ Никона поскорѣе возвратиться, для избранія патріарха. «Возвращайся, Господа ради, поскорѣе къ намъ, — говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, — выбирать на патріаршество, именемъ Θеогноста, *а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся*». Названіемъ — «Θеогностъ» (извѣстный Богу) государь прямо намекалъ на Никона, и намекъ этотъ хорошо понималъ митрополитъ новгородскій.

Изъ этого письма Алексѣя Михайловича уже ясно обнаруживается жесткій характеръ, крутой нравъ и властелинскія притязанія Никона, возбудившіе противъ него ропотъ въ боярахъ и сдѣлавшіеся впослѣдствіи причиною его паденія. Царь писалъ Никону, что приближенные бояре при дворѣ говорятъ: «никогда такого безчестія не было, государь выдалъ насъ митрополитамъ»; а кн. Хованскій и Отяевъ, отправившіеся вмѣстѣ съ Никономъ за мощами св. Филиппа, жаловались въ грамоткахъ къ друзьямъ своимъ на жестокое обращеніе съ ними новгородскаго владыки. Отяевъ даже писалъ: «лучше бы намъ на Новой Землѣ, за Сибирью, нежели съ новгородскимъ митрополитомъ быть» и проч. Но, не смотря на все нерасположеніе къ Никону бояръ и приближенныхъ, любовь царя къ новгородскому митрополиту была непоколебима, и онъ непремѣнно желалъ видѣть Никона патріархомъ.

Никонъ возвратился въ Москву въ Іюлѣ 1662 года, былъ избранъ въ патріархи, и отрекся — для того (говоритъ г. Соловьевъ), «чтобы быть выбраннымъ на всей своей волѣ». Избраніе происходило въ Успенскомъ соборѣ. Царь и всѣ окружавшіе, проливая слезы, уколяли Никона не отрекаться. Обратившись къ боярамъ и къ народу, Никонъ спросилъ: «Будутъ ли почи-

---

*) Ист. Рос. т. X стр. 204 — 205. Считаю нужнымъ замѣтить, что въ составленіи характеристики Никона я большею частію слѣдовалъ сочиненію прое. Соловьева.

тать его, какъ архипастыря и отца, и дадутъ ли ему устроить церковь»? Всѣ клялись, что будутъ и дадутъ; Никонъ согласился, и 25 Іюля былъ посвященъ въ «патріархи московскіе и всея Руссіи».

Сдѣлавшись патріархомъ, надѣвъ патріаршескую мантію съ золотыми «источниками» и бѣлый клобукъ съ жемчужными херувимами, Никонъ не замедлилъ выказать обширные замыслы — ума твердаго и рѣшительнаго, и явился однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и замѣчательныхъ организаторовъ русской церкви.

Богатство нравственныхъ силъ, которыми природа одарила Никона — сильный умъ, непреклонная воля, неутомимая энергія и стремленіе къ высшей дѣятельности, — наконецъ санъ патріарха, столь высоко почитавшійся въ древней Руси, и полное довѣріе царя, — все, казалось, обусловливало успѣхъ предпринятыхъ Никономъ преобразованій церковныхъ. Чувства государя къ Никону поставили его такъ высоко, «какъ не стоялъ ни одинъ патріархъ, ни одинъ митрополитъ ни при одномъ царѣ и великомъ князѣ,» — говоритъ г. Соловьевъ. Патріархъ былъ особеннымъ другомъ и главнымъ совѣтникомъ молодаго царя во всѣхъ дѣлахъ, и принималъ живое участіе во всѣхъ его политическимъ и гражданскихъ предпріятіяхъ. Во время отсутствія государя, занятаго войною въ Литвѣ, Никонъ безгранично управлялъ государствомъ изъ Москвы; въ своихъ грамотахъ онъ писался, по желанію самаго царя, «великимъ государемъ» и «Божію милостію патріархомъ.» И тутъ-то іерархическія притязанія Никона, не хотѣвшаго знать предѣла своей власти, возросли до небывалыхъ въ русской исторіи примѣровъ. Притязанія эти выражались у Никона тѣмъ болѣе рѣзко, что его суровая и жесткая природа, не сдерживаемая образованіемъ, — котораго ему тогда негдѣ было получить, — доводила его нерѣдко до крайности въ пользованіи своею обширною властію.

При такомъ образѣ дѣйствій и съ такимъ характеромъ, понятно, что Никонъ успѣлъ нажить себѣ много враговъ. Негодовали на него не только вельможи, — какъ мы видѣли это изъ письма царя еще въ то время, когда Никонъ былъ новгородскимъ митрополитомъ, — но къ нему питали негодованіе и многія значительныя духовныя лица, «оскорбленныя властелинствомъ, крутостію нрава Никона и жестокостію наказаній, которымъ онъ подвергалъ виновныхъ.» *) Въ первые годы своего патріаршества, мы сказали, Никонъ былъ могущественнѣйшимъ лицомъ въ государствѣ: передъ нимъ, сыномъ вельдемановскаго мужика, съ благоговѣніемъ преклонялись заслуженные, самые близкіе бояре къ царю; боярская дума ничего не рѣшала безъ совѣтовъ Никона; вездѣ въ управленіи свѣтскомъ творилась его воля. Высокомѣрные, породистые бояре московскіе не могли этимъ не оскорбляться, и становились явными и тайными врагами Никона. Сама царица, Марья Ильинична, и всѣ близкіе родственники царскіе, — Милославскіе, Хованскіе и Стрѣшневы, всѣ были на сторонѣ враговъ патріарха. Но Никона не могли смутить, — уже по его личному

*) Ист. Рос. т. XI, стр. 274,

характеру и по тому взгляду, какой онъ имѣлъ на значеніе власти высшаго святителя на Руси, — ни высокое общественное положеніе, ни многочисленность его враговъ. Наконецъ — главнѣйшее дѣло Никона — исправленіе церковныхъ книгъ (см. ниже) послужило поводомъ къ возбужденію противъ него новаго и весьма сильнаго негодованія во множествѣ людей, преимущественно въ лицахъ, заинтересованныхъ этимъ дѣломъ. — Челобитныя и жалобы на церковныя преобразованія и на самовластительство Никона доходили до царя со всѣхъ сторонъ. Часть духовенства, недовольная его нововведеніями, въ длинной жалобѣ, поданной государю, вооружается противъ Никона — не какъ противъ нововводителя только, но перечисляетъ разныя неправды, происходившія въ патріаршескомъ управленіи, и обвиняетъ самого патріарха, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ окружилъ себя недоступнымъ величіемъ: «возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко,» какъ выражаются жалобщики. И подлѣ царя было много людей, которые твердили ему, что царской власти уже не слыхать, что великій государь—патріархъ не довольствуется равенствомъ власти съ великимъ государемъ — царемъ, но стремится превысить его, что онъ вступается во всякія царскія дѣла и въ градскіе суды и т. п. *) Подобныя внушенія, слышанныя государемъ со всѣхъ сторонъ, подѣйствовали наконецъ на Алексѣя Михайловича: царь сталъ удаляться отъ своего «особеннаго» друга, — и прежнія отношенія между ними прекратились. Не въ характерѣ Никона было спокойно перенести такую перемѣну въ чувствахъ царя къ себѣ. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней (1658 г.) патріархъ, въ Успенскомъ соборѣ, послѣ литургіи, объявилъ торжественно съ амвона, посреди плакавшаго народа, что онъ не желаетъ болѣе оставаться на патріаршествѣ, — и не смотря на мольбы народныя, удалился изъ собора и скоро уѣхалъ въ построенный имъ Воскресенскій Новоіерусалимскій монастырь.

Вначалѣ, казалось, Никонъ дѣйствительно принялъ твердое намѣреніе не возвращаться на патріаршій престолъ. Но потомъ, когда онъ увидѣлъ, что заговорили объ избраніи ему преемника, что прежнее довѣріе государя къ нему не возвращается, и что ему слѣдуетъ проститься навсегда съ обширной и видной дѣятельностію, къ которой онъ привыкъ; тогда Никону становится тяжело растаться съ этою дѣятельностію и сопряженнымъ съ нею высокимъ положеніемъ. Онъ начинаетъ говорить, что онъ удалился въ уединеніе, но не оставлялъ патріаршества, что онъ ушелъ изъ Москвы не по своей волѣ, а вслѣдствіе неправеднаго противъ него гоненія, вслѣдствіе царскаго гнѣва и безчинія народнаго; пишетъ къ государю письма, полныя укоризнъ и, съ свойственною ему рѣзкостію рѣчи, заявляетъ свои прежнія іерархическія притязанія. Но то время, когда царь Алексѣй Михайловичъ смиренно выслушивалъ рѣчи любимца-патріарха — миновалось! А между тѣмъ враги Никона не дремали, и старались убѣдить государя, что онъ дѣйствительно виновенъ.

Около восьми лѣтъ длилась распря государя съ патріархомъ, и наконецъ

*) Ист. Рос. XI, стр. 293.

дѣло Никона окончилось на соборѣ, созванномъ для суда надъ нимъ въ 1667 г., подъ предсѣдательствомъ двухъ, прибывшихъ въ Москву, восточныхъ патріарховъ: антіохійскаго — Макарія и александрійскаго — Паисія, имѣвшихъ полномочіе и отъ остальныхъ двухъ восточныхъ патріарховъ — константинопольскаго и іерусалимскаго. Соборъ низвергъ Никона съ патріаршества, и онъ, въ званіи простаго инока, сосланъ былъ на заточеніе въ Ѳеропонтовъ бѣлозерскій монастырь.

Все, что говорилъ и писалъ Никонъ, по поводу взведенныхъ на него обвиненій, въ періодъ распри съ царемъ, равно какъ и отвѣты его на соборѣ во время производства суда надъ нимъ, — все это ярко рисуетъ эту замѣчательнѣйшую личность своего времени и исполнено живаго интереса *).

Никонъ томился въ заточеніи, жаловался, былъ безпокоенъ и раздражителенъ пуще прежняго, писалъ къ государю — то съ угрозами, то съ просьбою объ освобожденіи или хотя о переводѣ въ Воскресенскій монастырь. Но позволеніе возвратиться въ свой любимый монастырь онъ получилъ только послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича, при его сынѣ, Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. Но, возвращаясь изъ ссылки, Никонъ умеръ на пути, въ Ярославлѣ, въ 1681 г., не доѣхавъ до Воскресенскаго монастыря.

Изъ собственныхъ письменныхъ трудовъ Никона слѣдуетъ замѣтить, во-первыхъ: всю его переписку съ царемъ и съ греческими патріархами и особенно его *возраженія* на вопросы боярина Стрѣшнева о поведеніи патріарха, съ отзывами на нихъ греческаго митрополита Паисія Лигарида, — вполнѣ его осуждавшими. Никону доставили вопросы и отвѣты, и онъ, съ свойственнымъ ему пылкомъ, написалъ на нихъ большую тетрадь возраженій, въ которыхъ особенно замѣчателенъ взглядъ Никона на отношенія царской власти къ патріаршеской, взглядъ, который никакъ не сходился съ преданіями восточной церкви, утвержденными въ Россіи исторіею **). Во-вторыхъ: имя Никона связано съ полнѣйшимъ сводомъ, или сборникомъ русскихъ лѣтописей *(Никоновскій списокъ)*, составленнымъ, вѣроятно, подъ его надзоромъ и при его заботливости. Онъ оканчивается обозрѣніемъ событій 1630 года. Составитель сборника смотритъ на событія и представляетъ имъ оцѣнку съ точки зрѣнія офиціальныхъ московскихъ лѣтописей. Въ «Никоновскій списокъ» лѣтописей вошли во множествѣ разныя статьи и извѣстія изъ греческихъ хронографовъ, которые, по порученію Никона, вмѣстѣ съ другими книгами, переводились на славянскій языкъ Арсеніемъ Грекомъ, Епифаніемъ Славинецкимъ и другими.

Соборы 1666 и 1667 гг., осудивъ самого Никона — собственно за его высокомѣрныя іерархическія притязанія и распрю съ государемъ, одобрили, однако, и утвердили во всемъ одно изъ важнѣйшихъ его дѣлъ, — т. е. предпринятыя имъ мѣры, относительно устройства внѣшняго порядка и обрядовъ церкви и относительно исправленія церковныхъ книгъ.

---

*) Ист. Рос. т. XI, стр. 300—373.
**) Ibid. стр. 320—321.

Никоновское исправленіе книгъ и расколъ.

О значеніи раскола въ исторической и внутренней жизни русскаго народа и государства. Обзоръ исправленія церковныхъ книгъ. Взглядъ на происхожденіе раскола. — Русскій расколъ, приписываемый обыкновенно исправленію церковно-богослужебныхъ книгъ, сдѣланному во время патріаршества Никона, имѣетъ не только церковное, но и обще-государственное значеніе, отразившееся во всѣхъ сферахъ жизни русскаго народа и государства. Потому, дабы составить себѣ истинное понятіе о столь важномъ историческомъ явленіи, мы должны представить по возможности удовлетворительный историческій очеркъ раскола.

Мы сказали въ своемъ мѣстѣ, что еще въ XIV столѣтіи кіевскій митрополитъ Кипріанъ (Сербъ) заботился о снабженіи всѣхъ русскихъ церквей правильными богослужебными книгами, замѣтивъ, что въ иныхъ церквахъ находились церковно-богослужебныя книги съ большими погрѣшностями и заблужденіями. Съ тѣхъ поръ, мы не разъ встрѣчаемъ въ исторіи русской церкви жалобы на употребленіе неправильныхъ богослужебныхъ книгъ и стремленія — исправить эти книги отъ тѣхъ погрѣшностей и ошибокъ, которыми онѣ наполнялись, вслѣдствіе невѣжеста и малограмотности. Мы видѣли, что дѣло исправленія книгъ поручалось Максиму Греку. Далѣе, въ «Стоглавѣ» мы опять встрѣчали заботу объ исправленіи книгъ *неправленныхъ* и *описливыхъ*. Царь Иванъ Грозный и митрополитъ Макарій рѣшаются даже завести типографію собственно съ тѣмъ, чтобы остановить порчу церковныхъ книгъ. При царѣ Михаилѣ и патріархѣ Филаретѣ снова поручаютъ архимандриту Діонисію и Арсенію Глухому исправленіе книгъ, — уже печатныхъ, которыя также оказались неправильными. Печатаніе и исправленіе книгъ, продолжавшееся со временъ Михаила Ѳедоровича, при патріархѣ Іосифѣ довѣрено было людямъ неученымъ и ревностнымъ поборникамъ старины, питавшимъ суевѣрное благоговѣніе къ одной лишь буквѣ писаній. Эти «справщики» временъ патріарха Іосифа всякое исправленіе въ церковныхъ книгахъ признавали дѣломъ недобрымъ, еретическимъ, на томъ основаніи, что «единымъ азбучнымъ словомъ ересь вносится,» и потому они издавали и перепечатывали прежнія книги не только съ накопившимися отъ времени вопіющими ошибками, но и заносили во всѣ церковно-богослужебныя книги такія мнѣнія и правила, которыя — хотя и утвердились у насъ съиздавна и въ XVI столѣтіи были занесены даже въ «Стоглавъ,» но которыя, тѣмъ не менѣе, были не согласны съ правилами и обрядами греко-восточной церкви. Таковы были, напримѣръ: двуперстное сложеніе для знаменія креста и другія обрядовыя ученія, сдѣлавшіяся господствующими въ московскомъ государствѣ.

Издателями и справщиками книгъ при патріархѣ Іосифѣ были слѣдующія лица: протопопъ *Аввакумъ*, дьяконъ Благовѣщенскаго собора, *Ѳедоръ*, священникъ романовскій *Лазарь*, суздальскій священникъ *Никита*, а также — важныя въ то время лица изъ московскаго бѣлаго духовенства — благовѣщенскій протопопъ и царскій духовникъ, Степанъ *Вонифатьевъ* и ключарь Успенскаго

собора, Иванъ *Неронов* и другіе, сдѣлавшіеся впослѣдствіи главнѣйшими расколоучителями и жестокими врагами Никона. Вотъ этимъ-то лицамъ патр. Іоасафъ предоставилъ полный произволъ, при изданіи книгъ, — и они успѣли напечатать и распространить, до времени патріаршества Никона, 6000 богослужебныхъ книгъ, наполненныхъ различными искаженіями. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что искаженія въ книгамъ дѣлались названными справщиками не умышленно, а вслѣдствіе невѣжества и суевѣрнаго благоговѣнія къ буквѣ писаній.

Пріѣзжавшіе въ Москву греческіе патріархи и другія лица изъ греческаго духовенства, равно какъ и старцы Аѳонской горы (гдѣ сохранились древнехристіанскіе обряды во всей ихъ чистотѣ) указывали не разъ на различіе между обрядами греческими и русскими, и на разныя искаженія въ книгахъ московской печати. Тоже самое указывалъ и *Епифаній Славинецкій*, глава ученыхъ кіевскихъ монаховъ, призванныхъ Ртищевымъ. Руководствуясь этими указаніями и собственнымъ изслѣдованіемъ, Никонъ убѣдился, что печатныя русскія книги дѣйствительно не согласны съ греческими и съ древними рукописями славянскими, и потому принялъ твердое намѣреніе — исправить книги и вновь напечатанными и исправленными книгами замѣнить повсемѣстно книги старопечатныя, изъявъ ихъ вовсе изъ употребленія.

Никонъ приступилъ къ дѣлу съ возможнымъ благоразуміемъ и осторожностію. Въ концѣ 1653 или въ началѣ 1654 г., во дворцѣ, въ присутствіи царя, онъ держалъ соборъ, указалъ разности въ печатныхъ русскихъ книгахъ съ греческими и съ древними рукописями славянскими и предложилъ вопросъ: «слѣдовать-ли новымъ нашимъ печатнымъ служебникамъ или греческимъ и нашимъ старымъ?» Большинство присутствовавшихъ согласилось съ тѣмъ, что наши новыя книги слѣдуетъ править по греческимъ и по старымъ славянскимъ рукописямъ. Но такое опредѣленіе собора отказались подписать и прямо протестовали противъ него: Павелъ, епископъ коломенскій, прежніе издатели и справщики книгъ и нѣкоторыя другія духовныя лица. Епископъ Павелъ подъ соборнымъ опредѣленіемъ написалъ даже: «аще кто отъ обычныхъ преданій святыя каѳолическія церкви отыметъ или приложитъ, или инако развратитъ, анаѳема да будетъ.» Понятно, почему противъ мнѣнія соборнаго большинства возстали и прежніе исправители книгъ: такое мнѣніе было оскорбительно для ихъ самолюбія, и потому неудивительно, что они выказали сильное упорство, отстаивая дѣло своихъ рукъ, — тѣмъ болѣе еще, что они встрѣтили сильную поддержку въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ членахъ собора, какъ напримѣръ, въ епископѣ Павлѣ и въ другихъ. Но упорство ихъ и противорѣчія могли только раздражить Никона: онъ осудилъ коломенскаго епископа Павла, безъ собора низвергъ его съ каѳедры и сослалъ въ заточеніе. Также точно поступилъ Никонъ съ Нероновымъ, съ протопопомъ Аввакумомъ и съ другими, сопротивлявшимися исправленію книгъ.

Для того, чтобы сообщить рѣшенію московскаго собора большій авторитетъ, Никонъ позаботился получить подтвержденіе этому рѣшенію отъ патріарха и собора архіереевъ константинопольскихъ,—и немедленно приступилъ къ дѣлу.

Онъ удалилъ изъ типографіи всѣхъ справщиковъ патріарха Іосифа, и ввѣрилъ главное исправленіе книгъ Епифанію Славинецкому (см. ниже), назначивъ ему въ помощники ученаго греческаго монаха *Арсенія Грека* *), который, находясь два года въ ссылкѣ въ Соловецкомъ монастырѣ, выучился славянскому языку.

Въ Москву присланы были изъ разныхъ русскихъ монастырей, по приказанію Никона, древнія греческія и славянскія рукописи, и кромѣ того, для пріобрѣтенія древнѣйшихъ греческихъ рукописей, по совѣту Арсенія Грека и Епифанія Славинецкаго, отправленъ былъ на Аѳонъ и въ другія мѣста извѣстный намъ монахъ, Арсеній Сухановъ. Изъ «Проскинитарія» Суханова видно, что онъ держался самыхъ старовѣрческихъ понятій; но, не смотря на то, Сухановъ способствовалъ предпринятому Никономъ книжному исправленію и устройству церковныхъ обрядовъ, доставивъ въ Москву изъ своего путешествія болѣе 500 очень цѣнныхъ греческихъ рукописей, послужившихъ важнымъ пособіемъ для занимавшихся дѣломъ исправленія книгъ.

Въ 1655 году былъ исправленъ и напечатанъ новый *Служебникъ*, въ которомъ измѣнялись или вовсе отмѣнялись нѣкоторые обряды прежняго служебника, изданнаго при патріархѣ Іосифѣ. По опредѣленію собора русскихъ архіереевъ, созваннаго Никономъ въ 1656 г., въ присутствіи царя, исправленный служебникъ былъ одобренъ. Въ то же время была разсмотрѣна и одобрена переведенная Арсеніемъ Грекомъ, по указанію Никона, книга *Скрыжаль* (соч. греческаго инока Наѳанаила), въ которой заключалось объясненіе сущности греко-восточнаго христіанскаго богослуженія и обрядовъ. Соборъ 1626 года, утвердивъ и одобривъ исправленныя книги и установлявшіеся въ нихъ обряды, опредѣлилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ: замѣнить повсемѣстно старопечатныя книги книгами новаго исправленія. Никонъ распорядился разослать новыя книги по

---

*) Арсеній Грекъ путешествовалъ по Европѣ и долго учился въ разныхъ западныхъ училищахъ, между прочимъ, находился въ римской коллегіи, устроенной папой Григоріемъ XIII собственно для Грековъ. Чтобы получить доступъ въ эту коллегію, онъ принялъ римско-католическую вѣру; но, возвратившись на родину, Арсеній опять принялъ православіе, былъ сдѣланъ священникомъ и скоро поступилъ въ монахи Аѳонской горы, откуда съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ уѣхалъ въ Москву, въ 1649 году. Путешествія и пребываніе во многихъ западныхъ училищахъ обогатили Арсенія обширными познаніями и дали ему возможность хорошо изучить многіе языки. Въ Москвѣ нуждались въ людяхъ ученыхъ, и Алексѣй Михайловичъ убѣдилъ патріарха Паисія оставить Арсенія въ Россіи, — „яко многимъ языкамъ искуснаго.“ Но приверженцы старины, и преимущественно патріархъ Іосифъ, стали смотрѣть подозрительно на греческаго іеромонаха, и патріархъ Іосифъ сослалъ его въ Соловецкій монастырь. Никонъ, въ 1652 г., освободилъ Арсенія, сдѣлалъ учителемъ греческаго и латинскаго язык. въ московскихъ школахъ, а потомъ поручилъ ему исправленіе книгъ. Арсеній, кромѣ того, занимался въ патріаршемъ домѣ переводами книгъ на славянскій языкъ по указанію Никона, который при этомъ и самъ руководился знаніями и совѣтами ученаго Грека. Раскольническіе писатели страшно порицаютъ Арсенія Грека, и считаютъ его причиною отпаденія самаго Никона „отъ древняго православія;“ въ трехъ именахъ: Алексѣя, Никона и Арсенія они находятъ апокалипсическое „число звѣрино“—666

всѣмъ церквамъ, монастырямъ и приходамъ московскаго государства и отобрать книги старыя, — строго приказавъ вездѣ отправлять церковную службу по новымъ книгамъ.

Торжественность этого отобранія старыхъ книгъ, — которое не обошлось, въ случаяхъ сопротивленія, безъ насильственныхъ и крутыхъ мѣръ, — замѣна прежнихъ обрядовъ новыми, непокорность и отказъ многихъ поповъ и монаховъ принимать новоисправленныя книги, продолженіе службы во многихъ приходскихъ церквахъ и монастыряхъ по старымъ Іосифовскимъ книгамъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ церковная служба совершалась по книгамъ исправленнымъ, наконецъ жестокія наказанія (заключавшіяся въ денежныхъ пеняхъ, въ сажаніи на цѣпь, въ битьи батогами, въ ссылкѣ и т. п.) которымъ подвергались ослушники воли патріаршей, — все это вмѣстѣ не могло не произвести волненія въ средѣ русскаго народа, жившаго, какъ мы знаемъ, въ религіозномъ отношеніи, съ самаго принятія христіанства, — преимущественно церковно-обрядовою жизнію. И потому, для нашихъ предковъ временъ Никона, нарушеніе прежнихъ церковно-богослужебныхъ обрядовъ могло казаться равносильнымъ нарушенію самой вѣры. Народъ тѣмъ скорѣе могъ прійти къ такому заключенію, что враги Никона (а у него ихъ было такъ много, особенно въ числѣ духовенства и въ высшихъ классахъ!) и фанатическіе поборники старины всячески старались укрѣпить народъ въ мысли, что Никонъ нарушилъ старую вѣру, и что вводимыя имъ перемѣны, или «новшества», онъ заимствовалъ отъ «римскаго костёла», и приравнялъ, такимъ образомъ, русскую православную вѣру къ «еретической вѣрѣ латинской», которая по понятіямъ тогдашнихъ русскихъ грамотниковъ и людей религіозныхъ была «сквернѣйшая и лютѣйшая изъ всѣхъ еретическихъ вѣръ», какъ говорится въ «Соборномъ изложеніи» патріарха Филарета.

Мы видѣли, что уже на соборѣ 1654 года предложеніе Никона встрѣтило сильную оппозицію въ нѣкоторыхъ значительныхъ духовныхъ лицахъ, выказавшихъ упорную привязанность къ тѣмъ старовѣрческимъ понятіямъ, которыя составили впослѣдствіи основу русскаго раскола. Хотя патріархъ болѣе упорныхъ ослушниковъ его воли сослалъ въ заточеніе; но они и изъ ссылки не переставали проповѣдывать противъ Никона и противъ вводимыхъ имъ «новшествъ», разсылали повсюду свои грамотки, писали челобытныя царю, въ которыхъ называли Никона врагомъ Божіимъ, еретикомъ, отступникомъ отъ древняго православія и т. п.; и этимъ, естественно, подрывали довѣріе народное къ патріарху и производили смуту и волненія въ народѣ, въ средѣ котораго уже явно начинали возникать раскольническія понятія. Распря Никона съ государемъ способствовала еще болѣе къ развитію раскола, потому что, во время удаленія патріарха отъ дѣлъ, враги его при дворѣ возвратили изъ ссылки протопопа-Аввакума и другихъ главныхъ поборниковъ старовѣрческихъ понятій и личныхъ враговъ Никона, которые въ Москвѣ и почти повсемѣстно въ государствѣ стали открыто разносить свою раскольническую проповѣдь, увѣщевая народъ стоять крѣпко за древнее православіе, нарушенное будто церковными нововведеніями Никона. Расколоучители старались дѣйствовать

въ особенности на царя Алексѣя Михайловича, вооружая его противъ вводимыхъ Никономъ «латинскихъ ересей», и требуя собора, который отмѣнилъ бы никоновскія нововведенія и утвердилъ «старую» вѣру. Когда же соборы 1666 и 1667 гг., при участіи двухъ греческихъ патріарховъ, осудивъ самого Никона, одобрили между тѣмъ и утвердили все, сдѣланное имъ по исправленію книгъ и обрядовъ, и опредѣлили: упорныхъ приверженцевъ старыхъ мнѣній подвергать наказаніямъ не только церковнымъ, но и гражданскимъ; тогда произошелъ окончательный разрывъ людей, мыслившихъ по раскольничьи, съ господствующею церковью, и тогда-то образовался окончательно русскій *расколъ*, извѣсный подъ именемъ *старообрядства*. И замѣчательно то, что съ этого времени рѣзко обозначился гражданскій характеръ раскола: расколъ сталъ во враждебныя отношенія не только къ господствующей церкви, но и къ господствующему гражданскому и государственному порядку, противъ котораго такъ же, какъ и противъ порядка церковнаго, расколоучители открыли теперь свою смѣлую проповѣдь, — и увлекли за собою массы послѣдователей. Этимъ противогражданскимъ, или противогосударственнымъ характеромъ русскій расколъ рѣзко отличается отъ всѣхъ, извѣстныхъ въ исторіи другихъ народовъ, религіозныхъ расколовъ и ересей, и представляется явленіемъ крайне-сложнымъ, котораго никакъ нельзя объяснить однимъ никоновскимъ исправленіемъ церковныхъ книгъ.

Г. Щаповъ, авторъ лучшаго до сихъ поръ сочиненія о расколѣ *), говоритъ: «Нѣкоторые русскіе писатели XVIII и XIX столѣт., говоря объ исправленіи церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ, выражаютъ мысль будто это самое исправленіе книгъ было причиною раскола. Раскольническіе писатели признаютъ также патріарха Никона единственнымъ виновникомъ раскола въ русской церкви. Оба эти обвиненія, при внимательномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, среди которыхъ появился расколъ, оказываются несправедливыми. Исправленіе церковныхъ книгъ было не болѣе, какъ только *внѣшнимъ поводомъ къ открытію раскола*. А главный, первоначальный источникъ раскола, при самомъ появленіи принявшаго характеръ не просто церковный, но церковно-гражданскій, кроется глубже и восходитъ гораздо далѣе временъ патріарха Никона. Русскій расколъ ясно сложился изъ двухъ началъ: во-первыхъ, изъ начала собственно церковнаго, какъ секта церковнообрядовая, несогласная съ православною церковію въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядахъ; во-вторыхъ, изъ начала гражданскаго, или противогосударственнаго, какъ секта, возстающая противъ новшествъ не только церковныхъ, но и гражданскихъ. Потому и источника раскола прежде всего надобно искать *въ духѣ и направленіи церковной и гражданской жизни русскаго народа* въ тотъ періодъ времени, когда расколъ зачался, развился и распространился.»

Такой взглядъ на происхожденіе раскола, достаточно уясненный въ по-

---

*) Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка. Соч. А. Щапова. Казань. 1859 г. См. стр. 12.

слѣднее время въ нашей литературѣ, дѣйствительно справедливѣе мнѣнія, приписывающаго образованіе раскола одному никоновскому исправленію книгъ. Ибо иначе, еслибы расколъ возникъ вслѣдствіе одного преобразованія церковныхъ обрядовъ и касался только церкви, то смута и волненія произошли бы въ одной лишь сферѣ церковныхъ дѣлъ, и все ограничилось бы одними волненіями церковными. Тогда какъ мы видимъ, что расколъ сопровождался сильными волненіями гражданскими и, при самомъ началѣ своемъ, пріобрѣлъ характеръ противогосударственный.

Извѣстно, что у насъ еще въ XV столѣтіи возникли большіе споры и несогласія по поводу церковныхъ обрядовъ; но несогласія эти устранялись помѣстными соборами, и не произвели раскола. Мы знаемъ также, что хотя Максимъ Грекъ и былъ осужденъ, какъ «тлитель св. писаній,» но исправленныя имъ книги были введены въ употребленіе, безо всякихъ волненій народныхъ. «Стоглавъ» (составляющій для раскольниковъ самую авторитетную книгу и до настоящаго времени) ни мало не придавая исправленію церковныхъ книгъ какого-либо догматическаго значенія, дозволяетъ главнымъ священникамъ по городамъ, по волостямъ и по селамъ: всѣ, какія они найдутъ «святыя» книги «неисправленными» и «описливыми» — просто исправлять самимъ, «съ добрыхъ переводовъ.» Наконецъ патріархъ Филаретъ не только ввелъ въ употребленіе служебникъ, исправленный Діонисіемъ и Арсеніемъ Глухимъ (которыхъ цѣлый соборъ русскихъ святителей осудилъ, какъ еретиковъ), но и отобралъ повсемѣстно, и торжественно сжегъ прежніе служебники, — и не было ни волненій народныхъ, ни раскола. Между тѣмъ, послѣ исправленія книгъ, сдѣланнаго патріархомъ Никономъ и утвержденнаго всѣми вселенскими патріархами, — произошелъ расколъ! — Замѣтимъ еще, что народъ собственно не питалъ ненависти къ Никону и не слишкомъ вѣрилъ вначалѣ возгласамъ протопопа Аввакума и другихъ начальниковъ раскола о неблагочестіи патріарха. Это доказываетъ, между прочимъ, сцена, происшедшая въ Успенскомъ соборѣ, въ день оставленія Никономъ патріаршества: когда Никонъ съ амвона объявилъ народу, что онъ не будетъ болѣе ему патріархомъ и сталъ разоблачаться, — въ церкви послышались рыданія и голоса: «кому ты насъ сирыхъ оставляешь?» Когда принесли простое монашеское платье, которое Никонъ хотѣлъ надѣть, толпа двинулась, и отняла мѣшокъ съ платьемъ; народъ съ плачемъ бросался къ дверямъ, и не пускалъ патріарха изъ собора, и проч. Это произошло въ 1658 году, когда уже давно были введены Никономъ новые обряды и повсемѣстно отобраны старыя книги. Еслибы народъ питалъ за это ненависть къ Никону, то онъ не выражалъ бы такой любви и преданности своему патріарху.

Не ясно ли, послѣ этого, что причины отпаденія въ XVII столѣт. огромной массы русскаго народа въ расколъ, и причины происшедшихъ оттуда волненій и возстаній народныхъ противъ властей духовной и свѣтской, — кроются не въ однихъ «новшествахъ» Никона, не въ одной перемѣнѣ обряда, которую онъ произвелъ?

Происхожденіе раскола можетъ сдѣлаться для насъ вполнѣ понятнымъ

лишь въ такомъ случаѣ, когда мы будемъ его разсматривать не только въ связи съ религіознымъ, нравственнымъ и умственнымъ состояніемъ русскаго народа; но и въ связи съ его общественнымъ и гражданскимъ бытомъ, и не только въ эпоху появленія раскола, но и въ теченіе всего предшествующаго періода русской исторіи.

Народная образованность, какъ мы знаемъ, находилась тогда въ жалкомъ состояніи; религія понималась обрядно; умственное развитіе задерживалось массою мрачнаго суевѣрія, допускавшаго, напримѣръ, вѣру въ народившагося антихриста и въ близкое наступленіе кончины міра. (Мысль о наступившемъ антихристовомъ царствѣ и о близкой кончинѣ міра — была господствующею мыслію раскольниковъ, при ихъ отпаденіи отъ православной церкви). Таково было религіозное и умственное состояніе русскаго народа въ эпоху возникновенія раскола. Въ то же время общественный, гражданскій бытъ народа далекъ былъ отъ благоденствія. Безпорядки гражданскаго и церковнаго управленія въ царствованіе одного изъ добродушнѣйшихъ царей русскихъ, Алексѣя Михайловича, исполненнаго любовію къ благу своихъ подданныхъ, — доходили до высшихъ предѣловъ и ложились тяжелымъ бременемъ на народную жизнь. «Народъ томился, по словамъ проф. Соловьева *), подъ тяжестью налоговъ»; тяглові (платящіе подати) и торговые люди жаловались на крайнее обѣдненіе и разореніе; народный трудъ, промыслы и торговля страдали отъ произвола правившихъ вельможъ и приказныхъ, отъ господства безчисленныхъ льготъ и монополій и отъ дурнаго состоянія правосудія. На всѣхъ ступеняхъ управленія и суда господствовало вообще тягостное самовластіе и лихоимство правительственныхъ лицъ. Недовольство и ропотъ слышались повсемѣстно. Наконецъ глухое негодованіе народа, доведеннаго до крайности, разразилось открытыми возстаніями и нѣсколькими послѣдовательными гражданскими бунтами — въ Москвѣ, въ Псковѣ, въ Новгородѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Недовольство и броженіе въ народѣ еще продолжались, когда происходили соборы по поводу исправленія книгъ и обрядовъ. Около этого же времени произведены были важныя гражданскія перемѣны, клонившіяся, безъ сомнѣнія, къ благу народному, но затрогивавшія старые интересы нѣкоторыхъ лицъ и сословій, какъ напримѣръ, изданіе «Уложенія» **), учрежденіе «монастырскаго приказа» и друг.

При такомъ положеніи вещей, расколоучителямъ, людямъ твердымъ, фанатически преданнымъ своимъ убѣжденіямъ, не трудно было увлечь за собою массы недовольныхъ въ народѣ, — и вотъ они, укоряя Никона и всю церковную іерархію въ неблагочестіи и въ отступленіи отъ древняго православія,

---

*) Ист. Рос. т. X, 143-156 и т. XI, 267-273.

**) Замѣчательнѣе всего, что противъ нѣкоторыхъ нововведеній выражали одинаковое неудовольствіе, какъ раскольники, такъ и не раскольники. Раскольники называли „Уложеніе“ царя Алексѣя Михайловича „богопротивною, антихристовою книгою“, и Никонъ писалъ, что книга эта (уложеніе) противна во всемъ св. писанію, и что въ ней весьма много беззаконій, называлъ уложеніе „проклятою“ книгою и проч.

открыли въ тоже время смѣлую проповѣдь и противъ существующаго государственнаго и гражданскаго порядка, вооруживъ, такимъ образомъ, массы своихъ послѣдователей и противъ церкви, и противъ правительства. «Во время се нѣсть ни царя, ни святителя»! пишетъ одинъ изъ главныхъ вождей и писателей раскольничьихъ (дьяконъ Ѳедоръ) вскорѣ послѣ собора 1667 года. О духовенствѣ тотъ же дьяконъ Ѳедоръ говоритъ: «Злые архіереи поставляются славы ради и чести и богатства міра сего . . . Попы и дьяконы не священны суть по правиламъ; вси они отступницы и еретицы глупіи . . .»

Скоро послѣ собора, осудившаго раскольниковъ, начались новыя гражданскія волненія, стоявшія уже въ открытой и тѣсной связи съ расколомъ (какъ напримѣръ, мятежъ стрѣльцовъ, Никиты Пустосвята) и поводомъ къ возстаніямъ выставлялись «новшества», какъ церковныя, такъ и гражданскія, и иноземные обычаи. Но въ существѣ возстанія происходили противъ управленія вельможъ, угнетавшихъ народъ «данями многими», и противъ такихъ нововведеній, которыя, по мнѣнію раскольниковъ, стѣсняли свободное развитіе народной жизни.

Преслѣдованія раскола. Совершенное отдѣленіе раскольниковъ отъ господствующей церкви и образованіе отдѣльной религіозно-гражданской секты. — Возстанія были скоро усмирены, — но раскольники совершенно отдѣлились отъ господствующей церкви, образовали изъ себя отдѣльную религіозно-гражданскую секту, и, такимъ образомъ, «раздѣлили Россію, по выраженію г. Устрялова, на двѣ, хотя и неравныя части,—одна другой непріязненныя» *). Непріязненность еще болѣе усилилась, когда, тотчасъ послѣ собора 1667 года, начались постоянныя преслѣдованія и кровавыя гоненія на раскольниковъ: ихъ жгли живыми въ срубахъ, рѣзали языки, били кнутомъ, разоряли ихъ жилища, конфисковали имущества, — и все это за двуперстіе, за вѣру въ антихриста и т. п. Въ назначеніи казней раскольникамъ русскіе законодатели брали въ примѣръ жестокія постановленія, изданныя противъ еретиковъ византійскими императорами: Ѳеодосіемъ, Юстиніаномъ, императрицею Ѳеодорою и другими. Гоненія на раскольниковъ были у насъ особенно страшны во время патріарха Іоакима, жестоко преслѣдовавшаго расколъ.

Преслѣдованія не прекращались и при Петрѣ Великомъ и при его пріемникахъ. Раскольники, еще со времени царя Алексѣя Михайловича, стали уходить отъ преслѣдованій въ пустынныя и дикія мѣста, на окраины государства, — и скоро далекій сѣверъ (Поморье и Сибирь) и юго-востокъ Россіи наполнились раскольничьими поселеніями. Раскольники селились въ дремучихъ лѣсахъ, въ тундрахъ и въ пустыняхъ сѣвера и по Дону, по Волгѣ и по Яику, — гдѣ почти все казачество перешло въ расколъ. А многіе раскольники, во избѣжаніе гоненій, бросились за рубежъ — въ Литву, въ Польшу, въ Швецію,

---

*) „Исторія царствованія Петра Великаго“, Н. Устрялова. Спб. 1858. Т. I. См. стат. „Начало раскола“.

въ Пруссію, въ Австрію, въ Турцію, — и въ этихъ мѣстахъ и нынѣ существуютъ многочисленныя раскольничьи поселенія.

Гоненія лишь ожесточали раскольниковъ и еще сильнѣе укрѣпляли ихъ въ ихъ заблужденіяхъ и въ отчужденіи отъ православной церкви и отъ правительства, — не смотря на то, что первоначальный «расколъ старообрядства» разбился, съ теченіемъ времени, на многочисленныя и разнообразныя секты. Раскольники не рѣдко предпочитали мученическую смерть — и добровольно, массами, погибали въ пламени, не желая покориться своимъ противникамъ. «Которая вѣра гонима, та вѣра спасима», — говорили имъ фанатическіе предводители раскола, посвящавшіе обыкновенно всю свою жизнь, всѣ свои средства, умственныя и матеріальныя, на пользу раскола. Въ этомъ и заключается тайна той глубокой преданности и того довѣрія, которое раскольники питали всегда къ своимъ учителямъ.

Но какъ только гоненія ослабѣвали, какъ только распоряженія и мѣры, относительно раскольниковъ, становились болѣе кроткими и гуманными, раскольники усердно принимались за внутреннее устройство и организацію своихъ общинъ, въ которыхъ начали процвѣтать трудъ, промыслы и торговля, и которыя почти вездѣ достигали до высокаго благосостоянія. Старая враждебность ихъ къ государству вмѣстѣ въ этимъ совершенно затихала. Даже въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ, относительно православной церкви, раскольники становились, въ такихъ случаяхъ, всегда гораздо снисходительнѣе, и ихъ фанатическое отчужденіе отъ «никоніанъ» (православныхъ) всегда умѣрялось въ значительной степени. Раскольники дѣлались просто мирными и трудолюбивыми гражданами государства, исправно несли, наравнѣ съ прочими подданными, всѣ государственныя и гражданскія тягости и не разъ доказывали, что они вѣрные подданные русскаго государя и усердные, преданные сыны своего отечества. Извѣстно, что во время полтавскаго похода Петра Великаго противъ Шведовъ, при вторженіи въ Малороссію Карла XII, зарубежные раскольники на *Вѣтки* (въ нынѣш. могилев. губ.) и раскольники стародубовскіе (въ черниг. губ.) добровольно вооружились противъ враговъ русской земли, вели съ Шведами партизанскую войну, и захватываемыхъ плѣнныхъ представляли лично государю.

Раскольничьи общины, какъ въ Россіи, такъ и за границей, составляли совершенно отдѣльный міръ, построенный, по мнѣнію раскольниковъ, на старинныхъ народно-русскихъ началахъ областнаго и іерархическаго управленія. Общины эти назывались *согласіями*, *общежительными братствами*, *скитами* и *монастырями*. Раскольничьи общины управлялись самостоятельно, посредствомъ своихъ выборныхъ людей. Всѣ дѣла общины, и не только дѣла общиннаго управленія и хозяйства, но и дѣла религіозныя, дѣла церковнаго управленія, рѣшались у раскольниковъ на общемъ совѣтѣ, или на «соборѣ», гдѣ каждый членъ общины имѣлъ право подавать свой голосъ.

На столь же самобытныхъ началахъ, какъ дѣятельность общественнаго и церковнаго управленія, развивалась у раскольниковъ и дѣятельность умственная, выразившаяся въ своеобразной, — совершенно въ духѣ древней Руси, — раскольничьей образованности и письменности.

Раскольники завели у себя повсемѣстно школы для обученія грамотѣ; грамотность сдѣлалась у нихъ почти всеобщею; не только между мужчинами, но и между женщинами у раскольниковъ было очень много грамотныхъ; они открыли особыя школы искусныхъ писцовъ для списыванія книгъ и раскольничьихъ сочиненій; завели школы пѣвцовъ для обученія старинному пѣнію и для снабженія пѣвцами своихъ часовень и молелень; устроили школы и мастерскія стариннаго иконописанія для писанія иконъ по стариннымъ образцамъ. Гдѣ только было возможно, какъ напр. на Вѣткѣ и въ австрійскихъ раскольничьихъ поселеніяхъ, раскольники устраивали типографіи. На Вѣткѣ существовало нѣсколько типографій, и иныя раскольничьи книги имѣли до десяти изданій. Такимъ образомъ, письменное дѣло развилось у раскольниковъ весьма широко, и у нихъ образовалась обширная, многотомная раскольничья литература. Раскольничья письменность такъ умножилась, что раскольники стали заводить свои библіотеки и образовали свою, довольно обширную, книжную торговлю. Уже царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, на духовномъ соборѣ въ Москвѣ, въ 1681 году, указалъ на продажу и на распространеніе въ народѣ раскольничьихъ сочиненій, какъ на одно изъ главныхъ орудій раскольничьей пропаганды.

Раскольничья литература. — Начало литературной дѣятельности раскольниковъ слѣдуетъ считать со времени подачи ими первыхъ челобитныхъ, которыми они заявляли протестъ противъ нововведеній Никона. Сочинителями этихъ челобитныхъ были, по большей части, прежніе справщики московской типографіи; они же сдѣлались, какъ мы знаемъ, главными расколо-учителями, какъ-то: протопопъ Аввакумъ, дьяконъ-Ѳедоръ, Никита, Лазарь и друг. Между этими, первыми по времени, раскольничьими писателями главнымъ считается *Аввакумъ Петровичъ*, протопопъ Юрьевца-Поволжскаго. Извѣстны 31 сочиненіе Аввакума — почти исключительно полемико-догматическаго содержанія. Болѣе интересное между ними — его собственная автобіографія, написанная имъ въ заточеніи, въ Пустозерскомъ острогѣ. Всѣ сочиненія Аввакума рѣзко рисуютъ оригинальную и даровитую личность главнаго предводителя раскола, отличавшагося вообще большимъ знаніемъ древне-церковной литературы и начитанностію св. книгъ. Писалъ Аввакумъ языкомъ народнымъ, употребляя рѣзкія выраженія и бранныя слова, и въ тоже время пересыпая свои сочиненія текстами изъ церковныхъ книгъ. Въ своей автобіографіи Аввакумъ выражается объ увѣщаніяхъ, которыя дѣлались ему духовными властями, между прочимъ такъ: «Тоже да тоже говорятъ, долго ли тебѣ насъ мучить? соединись съ нами. А я отрицаюсь, что отъ бѣсовъ, а они въ глаза пуще лезутъ, и сказку (т. е. отвѣтъ, показаніе) имъ тутъ же написалъ съ большою *укоризною* и *бранью*» и проч.

Большинство сочиненій раскольниковъ, — особенно сочиненій раннихъ, явившихся, при первомъ развитіи раскола, — заключается по преимуществу въ обличеніи и въ опроверженіи направленныхъ противъ нихъ книгъ и мнѣній православныхъ писателей и въ защитѣ ихъ собственнаго ученія. Не смотря

на односторонность, на неосновательность и даже странность догматическихъ раскольничьихъ произведеній, — слѣдуетъ однако сказать, что нѣкоторые изъ писателей-раскольниковъ отличаются замѣчательнымъ умомъ и способностями, большою искренностію и силою убѣжденій. Начитанность же ихъ и большое знаніе церковныхъ книгъ и уставовъ, знаніе исторіи Россіи, а въ особенности исторіи раскола — не подлежатъ сомнѣнію. По всѣмъ предметамъ, касающимся религіи, церкви, богослуженія и обрядовъ, раскольники владѣютъ своей, очень обширной, литературой. Въ многочисленныхъ раскольничьихъ сборникахъ заключаются всѣхъ родовъ духовныя сочиненія, соотвѣтственныя подобнымъ же произведеніямъ православной церковной литературы, какъ-то: житія святыхъ, слова и пастырскія поученія и посланія, разнаго рода догматическія и богословскія сочиненія, церковныя службы и уставы и т. д.

Позднѣе, т. е. съ конца XVII и въ XVIII стол. въ раскольничьей литературѣ появляются историческіе разсказы, записки, лѣтописи и т. п. историческія сочиненія, въ которыхъ излагается либо исторія раскола вообще, либо исторія отдѣльныхъ раскольничьихъ общинъ и болѣе замѣчательныхъ личностей и событій въ расколѣ. Извѣстна, напримѣръ, «Исторія стрѣлецкаго бунта», раскольника *Саввы Романова*, исторія раскольничьей «Выговской общины», *Ивана Филиппова* и друг. Сочиненіе С. Романова весьма интересно для историка по тѣмъ важнымъ подробностямъ, которыя заключаются въ немъ о стрѣлецкомъ бунтѣ, въ связи съ раскольничьимъ волненіемъ, произведеннымъ Никитою Пустосвятомъ и его товарищами. Оно не чуждо, конечно, нѣкоторыхъ произвольныхъ разсужденій автора и, быть можетъ, — невѣрныхъ показаній; но тѣмъ не менѣе сочиненіе Романова представляетъ весьма любопытный памятникъ, при изученіи описываемаго имъ событія.

Изъ писателей раскольниковъ XVIII стол. особенно замѣчательны братья *Денисовы*, Андрей и Семенъ, устроители *Поморскихъ* раскольничьихъ общинъ на Выгѣ (олонец. губ.) и въ другихъ мѣстахъ. Андрей Денисовъ едва ли не лучшій изъ всѣхъ раскольничьихъ писателей. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ и довѣріемъ почти между всѣми раскольничьими сектами, и сочиненія Денисова имѣли на нихъ большое вліяніе. По словамъ раскольниковъ, Андрей Денисовъ «хитръ и сладостенъ словомъ, домъ былъ премудрости, жилище философіи, подобно Златоусту». Отъ Андрея Денисова осталось больше ста сочиненій, между которыми болѣе извѣстны его знаменитые «Поморскіе отвѣты» на предложенныя раскольникамъ 106 вопросовъ о вѣрѣ. «Поморскіе отвѣты» составляютъ по настоящее время главный кодексъ ученія раскольниковъ.

Изъ обстоятельствъ жизни и дѣятельности Андрея Денисова видно, что это былъ человѣкъ рѣдкаго ума и примѣрной честности, и притомъ обладалъ большими способностями администратора — церковнаго и гражданскаго; о чемъ мы можемъ судить по письменнымъ наставленіямъ, которыя составилъ Денисовъ и далъ въ руководство поморскимъ раскольникамъ, касательно внутренняго устройства ихъ общинъ.

Большая часть раскольничьихъ сочиненій написана простымъ, доступнымъ для понятій массы, народнымъ велико-русскимъ языкомъ. У нѣкоторыхъ писа-

тель раскольниковъ, какъ напр. у Андрея Денисова, народный языкъ является въ замѣчательной литературной выработкѣ и чистотѣ, — хотя и его слогъ не лишенъ изысканной витіеватости, что составляетъ вообще слабую сторону почти всей извѣстной раскольничьей литературы.

Большинство раскольничьихъ сочиненій хранится въ рукописяхъ; изданы въ свѣтъ, и то лишь недавно, очень не многія изъ нихъ.

---

2. Симеонъ Полоцкій, представитель кіевской учености въ сѣверо-восточной Руси; характеристика сочиненій Полоцкаго; его духовныя драмы и ихъ значеніе. — Симеонъ Полоцкій (1628 — 1682) іеромонахъ, родился въ Полоцкѣ, гдѣ и поступилъ въ монахи; образованіе получилъ въ польскихъ школахъ и въ кіевской академіи. Послѣ присоединенія Смоленска, Полоцкій, вмѣстѣ съ другими западно-русскими монахами, прибылъ въ Москву изъ Кіева (между 1660 и 1670 гг.). И такъ-какъ царь Алексѣй Михайловичъ зналъ этого ученаго монаха еще въ Полоцкѣ, то и назначилъ его, въ 1672 году, наставникомъ своего сына, царевича Ѳедора.

Полоцкій былъ главнымъ представителемъ юго-западной учености въ Москвѣ и имѣлъ вліяніе, какъ мы видѣли, на учрежденіе московской академіи по образцу кіевской. Ученость Полоцкаго и его обширная литературная дѣятельность доставили ему большую извѣстность въ Москвѣ, и въ тоже время возбудили къ нему непріязнь въ приверженцахъ старины и, главнымъ образомъ, въ патріархѣ Іоакимѣ, который осудилъ нѣкоторыя сочиненія Полоцкаго, какъ еретическія, и вообще былъ не расположенъ къ появлявшимся въ Москвѣ ученымъ выходцамъ изъ Бѣлоруссіи и Малоруссіи, подозрѣвая въ нихъ іезуитскихъ воспитанниковъ, зараженныхъ западными ересями. Однако, Полоцкій, пользуясь положеніемъ своимъ при дворѣ и довѣріемъ царя Ѳедора Алексѣевича, какъ его наставникъ, устроилъ особую типографію въ царскомъ дворцѣ (подъ названіемъ *верхней*, т. е. дворцовой типографіи) и печаталъ въ ней свои сочиненія. Такимъ образомъ, Полоцкій — первый утвердилъ въ Москвѣ плоды юго-западной русской образованности, посредствомъ распространенія своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ сочиненій, — совершенно сходныхъ и по формѣ, и по содержанію съ произведеніями кіевскихъ духовныхъ писателей, какъ напримѣръ, Лазаря Барановича и друг.

Симеонъ Полоцкій писалъ проповѣди, полемическія и богословскія сочиненія и духовныя драмы и написалъ безчисленное множество силлабическихъ виршъ, на разные случаи.

Обычай живой, устной проповѣди въ церкви былъ возобновленъ въ Москвѣ *) кіевскими иноками ученаго братства, основаннаго Ртищевымъ. Во

---

*) Проповѣдываніе въ церкви прекратилось въ сѣверовосточной Руси еще въ XV стол. изъ опасенія, чтобы священники не могли сообщить народу въ поученіяхъ своего сочиненія какихъ либо неправильныхъ толкованій вѣры; а вмѣсто проповѣдей священники обязаны были читать въ церквахъ извѣстныя, указанныя имъ, поученія св. отцевъ, какъ напр. Ефрема Сирянина и друг.

главѣ этого братства стоялъ ученый монахъ, Епифаній Славинецкій, который получилъ отъ патріарха Никона дозволеніе говорить въ московскихъ церквахъ поученія народу своего собственнаго сочиненія. Хотя противъ такого обычая, давно прекратившагося и давно не слыханнаго въ Москвѣ, сильно возставали ревнители старины; но С. Полоцкій, опираясь на царское довѣріе къ себѣ, успѣлъ утвердить его снова и окончательно въ Великороссіи, начавъ произносить въ московскихъ церквахъ свои проповѣди въ воскресные и праздничные дни. Противъ проповѣдей Полоцкаго (собраніе которыхъ онъ издалъ потомъ въ особыхъ книгахъ) собственно и возсталъ патріархъ Іоакимъ, осудивъ ихъ на соборѣ.

Два сборника проповѣдей своихъ Полоцкій напечаталъ подъ слѣдующими метафорическими заглавіями: «Обѣдъ душевный» и «Вечеря душевная», — разумѣя подъ этими названіями, что поученія его, служащія толкованіемъ на слово Божіе, должны составлять какъ бы *духовную* пищу для вѣрующихъ. Такія риторическія названія, или заглавія книгъ вполнѣ согласовались съ духомъ схоластической учености. Въ томъ же схоластическомъ тонѣ и такимъ же риторическимъ языкомъ Полоцкій учитъ читателя (въ предисловіи къ своему сборнику), какъ онъ долженъ пользоваться его «обѣдомъ душевнымъ»; «ядь, — говоритъ онъ, — обѣдъ, взимая *руками* ума твоего, прежуй *зубами* разсужденія и поглощай въ *стомахъ* (желудокъ) памяти твоея». Это намъ показываетъ, что проповѣди Полоцкаго написаны по всѣмъ правиламъ схоластической науки и по образцамъ проповѣдей нашихъ юго-западныхъ проповѣдниковъ. Въ нихъ замѣтны тѣ же школьные пріемы и та же самая проповѣдническая манера — прибѣгать къ искуственнымъ построеніямъ, къ метафорамъ и т. п. риторическимъ украшеніямъ. Хотя самъ авторъ и говоритъ въ томъ же предисловіи къ своему «обѣду душевному», что въ немъ нѣтъ «иностранныхъ приправъ», т. е. «витійскихъ хитростей»; но и у него причины и доказательства придумываются искуственно и приводятся счетомъ, части слова располагаются по извѣстной системѣ, одна и та же мысль повторяется нѣсколько разъ и т. п. Такъ что проповѣди Полоцкаго имѣютъ характеръ сухихъ схоластическихъ разсужденій на извѣстную тему, — совершенно искуственно придуманныхъ и расположенныхъ». Поэтому трудно допустить, чтобы поученія подобнаго рода могли имѣть большое вліяніе на велико-русскихъ слушателей, незнакомыхъ съ схоластическими тонкостями, тѣмъ болѣе еще, что въ поученіяхъ Полоцкаго не видно вообще ни большаго ораторскаго искуства, ни истиннаго краснорѣчія.

Но съ другой стороны, проповѣди Полоцкаго имѣютъ то историческое достоинство, что проповѣдникъ говоритъ въ нихъ о предметахъ, которые прямо касались современнаго русскаго общества, какъ-то: о необходимости ученія, о пользѣ науки и просвѣщенія, о господствовавшихъ въ его время, въ средѣ русскаго народа, суевѣріяхъ и предразсудкахъ и наконецъ о расколѣ.

Проповѣдникъ, напримѣръ, умоляетъ царя, чтобы онъ старался объ устройствѣ и объ умноженіи училищъ — «греческихъ, славянскихъ и иныхъ», о привлеченіи и о взысканіи своими милостями ученыхъ *(студеовъ)* и учителей,

говоритъ о томъ, что учиться должны не только *духовные*, но и *міряне*, что чтеніе божественнаго писанія полезно не только *мужчинамъ*, но и *женщинамъ*. Здѣсь проповѣдникъ является передовымъ человѣкомъ, образованнымъ представителемъ нуждъ и потребностей своего времени. Особенно любопытны тѣ поученія Полоцкаго, въ которыхъ онъ обличаетъ народныя суевѣрія и предразсудки. И замѣчательнѣе всего, что проповѣдникъ XVII вѣка нападаетъ на такія суевѣрія и предразсудки, противъ которыхъ ратовали еще духовныя учители наши XIII и XIV столѣтій, какъ напримѣръ, противъ различныхъ гаданій и волхвованій, противъ «богомерзкихъ обычаевъ: скаканій, плясаній и играній», и т. п. Странно только то, что проповѣдникъ къ такимъ же «богомерзкимъ обычаямъ» причисляетъ и невинную народную забаву — качели, называя ихъ «кѣкіими висѣльницами, простѣе именуемыя рѣлями».

Относительно языка проповѣдей С. Полоцкаго слѣдуетъ замѣтить, что хотя и его рѣчь не свободна отъ полонизмовъ, отъ не русскихъ словъ и оборотовъ; но она болѣе приближается къ языку церковно-славянскому, нежели у другихъ писателей, получившихъ образованіе въ западно-русскихъ школахъ.

Изъ полемическихъ сочиненій Полоцкаго болѣе извѣстенъ его «Жезлъ Правленія», книга, написанная противъ раскольниковъ, собственно — въ опроверженіе поданныхъ Алексѣю Михайловичу челобитныхъ Никиты и Лазаря. Она была одобрена къ напечатанію на соборѣ 1667 года. Писатели-раскольники сильно ратовали противъ «Жезла» Полоцкаго (названнаго такъ отъ заглавной виньетки, изображающей архіерейскій жезлъ), называя его книгою «сатаниною», которая «бурю нечестія и претыканія и соблазны на царство и на непостижимую церковь Христову наведе», — какъ писалъ одинъ изъ раскольниковъ, Авраамій, ученикъ Аввакума. Къ разряду полемическихъ сочиненій Полоцкаго слѣдуетъ отнести и его проповѣди противъ раскольниковъ.

Къ догматическимъ сочиненіямъ С. Полоцкаго принадлежитъ его книга «Вѣнецъ вѣры», въ которой заключается систематическое изложеніе ученія греко-восточной церкви, заимствованное авторомъ изъ разныхъ сочиненій.

Духовныя драмы С. Полоцкаго и представленіе ихъ при дворѣ были новостію, только что введенною въ Москвѣ, гдѣ театральныя зрѣлища, особенно любимыя царевною Софьею, началъ устраивать бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. При его заботливости, представлена была въ Москвѣ, въ присутствіи царя и бояръ, первый разъ въ 1672 году, комедія «Юдиѳь и Олоѳернъ». Въ современномъ извѣстіи объ этомъ первомъ сценическомъ представленіи въ Москвѣ замѣчено, что царь «указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учинить комедію, и на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Есѳирь». Потомъ, подобныя сценическія зрѣлища изъ библейской и евангельской исторіи повторялись неоднократно въ Москвѣ.

Комедія-притча С. Полоцкаго: «О блудномъ сынѣ» и трагедія «О царѣ Навуходоносорѣ, тельцѣ златомъ и о трехъ отрокахъ въ пещи» представлены были въ царскихъ палатахъ, въ комнатахъ царевны Софьи, при ея дѣятельномъ участіи. Содержаніе этихъ духовныхъ драмъ Полоцкаго явствуетъ изъ самаго ихъ названія. Онѣ написаны силлабическими виршами, и хотя заклю-

чаютъ въ себѣ нѣкоторые намеки на понятія и нравы времени, но вообще отличаются рабскимъ подражаніемъ польскимъ образцамъ въ этомъ родѣ, заимствованнымъ, въ свою очередь, изъ средне-вѣковой европейской литературы, изъ т. н. духовныхъ *мистерій*. — Драматическія сочиненія Полоцкаго, равно какъ другихъ писателей юго-западнаго схоластическаго направленія, дѣйствовавшихъ въ литературѣ сѣверо-восточной Россіи, — чуждыя велико-русскому быту и народнымъ обычаямъ, — не привились въ Москвѣ и не сдѣлались достояніемъ народа. И потому, имъ нельзя приписывать никакого образовательнаго дѣйствія или вліянія на развитіе понятій и эстетическаго вкуса въ народѣ, — котораго, впрочемъ, онѣ не могли имѣть и по самой сущности своей и по тяжелой, неизящной формѣ. Сценическія представленія этого рода держались нѣкоторое время только при дворѣ; а потомъ происходили исключительно въ однихъ лишь духовныхъ училищахъ и архіерейскихъ подворьяхъ. Самый языкъ ихъ, усѣянный множествомъ полонизмовъ, и ихъ тяжелыя силлабическія вирши, ни мало не свойственныя велико-русскому народному языку, мѣшали имъ сдѣлаться любимыми въ современной русской публикѣ. Потому всѣ духовныя сценическія представленія и остались достояніемъ одной лишь схоластической литературы.

Тоже самое мы должны замѣтить и о множествѣ силлабическихъ стихотвореній, о цѣломъ потопѣ виршъ, написанныхъ Симеономъ Полоцкимъ — «о всякихъ разныхъ дѣлахъ», т. е. по поводу разныхъ случаевъ и по большей части, — случаевъ, — совершенно чуждыхъ поэзіи, какъ напримѣръ: размышленія въ стихотворной формѣ на различныя религіозно-нравственныя темы и т. п. Мы замѣтили, что онъ переложилъ въ стихи даже весь мѣсяцесловъ. Силлабическія стихотворенія свои С. Полоцкій собралъ и напечаталъ въ двухъ сборникахъ: въ «Вертоградѣ многоцвѣтномъ» и «Риѳмологіонѣ». Въ послѣднемъ сборникѣ, между прочимъ, помѣщено большое силлабическое стихотвореніе, въ нѣсколько сотъ виршъ, заключающее въ себѣ похвальное слово царю Алексѣю Михайловичу, подъ заглавіемъ: «Орелъ россійскій, въ солнцѣ представленный». Кромѣ того Полоцкій переложилъ въ риѳмованные силлабическіе стихи псалтирь Давида и нѣкоторыя церковныя пѣсни и молитвы, напечатавъ при нихъ и ноты для пѣнія. Примѣромъ для этихъ переложеній Полоцкому служили польскіе образцы въ этомъ родѣ. Но и его переложеніе псалмовъ и духовныхъ пѣсенъ, сильно напоминающее малорусскія и бѣлорусскія *псальмы* и *канты* (тоже польскаго происхожденія, — какъ мы замѣтили выше) не вошло въ народное употребленіе въ Великороссіи.

---

3. Епифаній Славинецкій († 1676) іеромонахъ, получившій образованіе въ кіевской академіи и въ заграничныхъ училищахъ, глава братства ученыхъ малорусскихъ монаховъ, основаннаго бояриномъ Ртищевымъ. Мы знаемъ, что патріархъ Никонъ сдѣлалъ Славинецкаго главнымъ справщикомъ книгъ московской типографіи; а потомъ онъ былъ назначенъ начальникомъ «патріаршаго» училища, въ Чудовѣ монастырѣ.

Епифаній Славинецкій обладалъ основательнымъ знаніемъ древне-греческаго языка и, по выраженію современниковъ, былъ мужъ «искуснѣйшій, многоученый и мудрый». Вся дѣятельность Славинецкаго протекла въ строго ученыхъ трудахъ: въ порученномъ ему исправленіи книгъ, въ повѣркѣ ихъ съ греческими текстами и въ переводахъ съ греческаго и съ другихъ языковъ. Повѣряя съ греческимъ текстомъ славянскую библію (первый разъ изданную въ Москвѣ, въ 1663 году, по тексту библіи *Острожской*) Славинецкій призналъ полезнымъ перевести вновь всю библію на славянскій языкъ, и принялся за этотъ громадный трудъ, вмѣстѣ съ другими монахами, работавшими подъ его надзоромъ; но смерть не дала Славинецкому довести трудъ свой до конца: онъ успѣлъ подготовить къ печати только переводы новаго завѣта и пятикнижія Моисея.

Кромѣ перевода св. писанія, Славинецкій, вмѣстѣ съ своими помощниками, перевелъ произведенія многихъ отцевъ церкви и нѣкоторыя другія — не духовныя сочиненія, какъ напр. «О гражданскихъ законахъ» изъ греч. историка Ѳукидида, «О убіеніи короля англійскаго» (Карла I), часть всеобщей «Космографіи» (географіи) и проч. Кромѣ того Славинецкій составилъ два лексикона: «Полный греко-славяно-латинскій лексиконъ» и «Филологическій лексиконъ», который заключаетъ въ себѣ сводъ разныхъ мѣстъ изъ сочиненій отцевъ церкви, объясняющихъ смыслъ словъ св. писанія *).

Изъ сдѣланнаго нами краткаго перечисленія трудовъ Епифанія Славинецкаго уже видно, что его скромная, труженическая дѣятельность не могла не принести существенной пользы древне-русской учености. И она дѣйствительно не осталась безслѣдною въ нашей старинной — церковной, ученой и учебной литературѣ. Услуги, оказанныя Славинецкимъ русскому духовному просвѣщенію, особенно важны въ дѣлѣ исправленія и перевода книгъ св. писанія.

---

4. **Сильвестръ Медвѣдевъ**, строитель и настоятель Заиконоспасскаго монастыря, въ которомъ находилась московская духовная академія, въ 1685 году по его плану преобразованная и названная «Славяно-греко-латинскою академіею».

Сильвестръ Медвѣдевъ былъ ученикъ Симеона Полоцкаго, пользовался его покровительствомъ и слѣдовалъ направленію своего учителя и вообще юго-западнымъ русскимъ ученымъ въ своей литературной и ученой дѣятельности и въ нѣкоторыхъ религіозныхъ мнѣніяхъ и вопросахъ. За что, подобно С. Полоцкому, навлекъ на себя гнѣвъ патріарха Іоакима и долженъ былъ торжественно, на соборѣ, отречься отъ своихъ мнѣній и принести покаяніе.

Сильвестръ Медвѣдевъ былъ человѣкъ даровитый, умный и значительно

---

*) Въ XVII же столѣтіи напечатанъ въ Кіевѣ еще одинъ славянскій лексиконъ, который былъ составленъ ученымъ іеромонахомъ (родомъ изъ Молдавіи) *Памвою Берындою*, и изданъ подъ заглавіемъ: „Лексиконъ славяно-россійскій именъ толкованіе“.

образованный для своего времени. Онъ зналъ языки латинскій и польскій, и былъ хорошо знакомъ со всѣми произведеніями отечественной письменности и литературы. Онъ былъ однимъ изъ сторонниковъ и изъ болѣе вліятельныхъ лицъ въ партіи царевны Софьи, которая покровительствовала ему и хотѣла, какъ говорятъ нѣкоторыя извѣстія, возвести его на патріаршій престолъ. Обвиненный въ соучастіи и въ замыслахъ царевны Софьи и ея сообщниковъ, Медвѣдевъ былъ казненъ въ 1691 г.

Сильвестръ Медвѣдевъ извѣстенъ въ русской литературѣ по своимъ силлабическимъ стихотвореніямъ и по историческимъ запискамъ: «О стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 года.» Изъ стихотвореній Медвѣдева мы назовемъ его большое элегическое произведеніе: «Плачъ и утѣшеніе о кончинѣ царя Ѳедора Алексѣевича», раздѣленное на 22 вирши, или пѣсни, по числу лѣтъ жизни умершаго государя. Медвѣдевъ явно подражаетъ здѣсь своему учителю, С. Полоцкому, который также сочинилъ драматическую элегію, или *двѣнадцать плачей* на смерть царя Алексѣя Михайловича. Медвѣдевъ сначала изображаетъ въ своей элегіи плачъ русскаго войска, или плачъ «Сугубоглаваго царскаго орла, преславнаго клейнода россійскаго.» Затѣмъ онъ представляетъ плачъ царицы, родственниковъ царскихъ и т. д. и наконецъ аллегорически изображаетъ плачъ Великой, Малой и Бѣлой Россіи.

Вирши С. Медвѣдева могутъ служить смѣло образцомъ схоластической поэзіи, принесенной въ Москву юго-западными выходцами и скоро усвоенной московскими писателями. Поэтическое творчество, истинное чувство, изящество формы, — необходимыя свойства всякаго поэтическаго произведенія, — замѣнялись въ этихъ стихотвореніяхъ однѣми лишь надутыми, риторическими фразами (въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ стиховъ Медвѣдева, которыми скончавшійся царь Ѳедоръ Алексѣевичъ утѣшаетъ плачущую Россію:

«Тѣмъ же преставши плача, Россіе, твоего,
Отъ прешествія въ небо радуйся моего»)

варварскимъ языкомъ и нелѣпыми виршами. Всѣ подобныя стихотворенія являлись на свѣтъ вслѣдствіе требованій современной школьной образованности. Въ школьномъ преподаваніи, — на «поэзію», т. е. на искуственное сочиненіе стиховъ, которые считались высокимъ родомъ сочиненій, — обращалось особенное вниманіе. И потому дань этому школьному обычаю — писать стихи на разные предметы—платилъ почти каждый ученый, каждый писатель того времени. Они слагали свои вирши, ни мало не заботясь о томъ, обладаютъ они или нѣтъ даромъ поэтическаго творчества? Облекали въ стихотворную форму самые разнообразные предметы, — чаще всего предметы, совершенно чуждые поэзіи, — и къ тому еще насиловали русскій и церковно-славянскій языкъ имъ не свойственнымъ, силлабическимъ размѣромъ стиховъ. Оттого всѣ произведенія нашихъ виршеслагателей XVII и частію XVIII стол. являются такими тяжелыми и грубыми, лишенными всякаго вкуса и поэзіи, до крайности утомительными и скучными.

Точно такими качествами отличаются и многочисленныя вирши С. Медвѣ-

дева. А между тѣмъ, въ своихъ нестихотворныхъ сочиненіяхъ, особенно въ «Запискахъ о стрѣлецкомъ бунтѣ», онъ является человѣкомъ не дюженнымъ, человѣкомъ, съ замѣчательнымъ умомъ и дарованіями. Это видно даже и изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его напыщенныхъ стихотвореній, — тамъ, напримѣръ, гдѣ онъ просто излагаетъ мысли умнаго и образованнаго человѣка. Таково въ особенности его посланіе въ виршахъ («Врученіе») къ царевнѣ Софьѣ объ открытіи московской академіи. Въ немъ Медвѣдевъ превозноситъ царевну за любовь къ наукамъ и просвѣщенію, за то, что она прогоняла «темность невѣжества изъ Москвы».

У насъ существуетъ, кромѣ записокъ о стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 года Медвѣдева, еще другое описаніе перваго стрѣлецкаго мятежа, написанное позднѣе, графомъ Матвѣевымъ, сыномъ извѣстнаго боярина А. С. Матвѣева, убитаго стрѣльцами *). Оба эти писатели, въ своихъ взглядахъ на причины, на дѣйствующихъ лицъ и на нѣкоторые эпизоды описываемаго ими событія — рѣзко противорѣчатъ другъ другу. Причина такого противорѣчія понятна: Медвѣдевъ былъ ревностнымъ сторонникомъ царевны Софьи, а графъ Матвѣевъ принадлежалъ къ числу людей *новыхъ*, созданныхъ Петромъ В. и всецѣло преданныхъ дѣлу его преобразованій. Притомъ же, какъ мы знаемъ, — отецъ Матвѣева сдѣлался одной изъ жертвъ мятежныхъ стрѣльцовъ. Отсюда и происходитъ несогласіе во взглядахъ на лица и событія у обоихъ писателей. Не смотря, однако, на явное сочувствіе и, быть можетъ, — пристрастіе, — выражающіяся въ разсказѣ Медвѣдева къ царевнѣ Софьѣ и ея приверженцамъ, «Записки» послѣдняго, въ историческомъ отношеніи, имѣютъ тѣмъ не менѣе то существенное преимущество передъ записками Матвѣева, что онъ разсказываетъ весьма подробно и отчетливо о началѣ и обо всѣхъ главныхъ эпизодахъ мятежа. Тогда какъ Матвѣевъ говоритъ объ этомъ очень кратко и неясно, а обо многихъ обстоятельствахъ дѣла не упоминаетъ вовсе. Медвѣдевъ пересказываетъ, напримѣръ, подробно о жалобахъ стрѣльцовъ, о содержаніи поданныхъ ими челобитныхъ царямъ на своихъ полковниковъ, которые держали ихъ, по ихъ словамъ, «въ несправедливомъ порабощеніи и въ немилостивомъ мучительствѣ.» Говоря, что начальство стрѣльцовъ думало удерживать ихъ однимъ лишь страхомъ наказаній, Медвѣдевъ называетъ такой образъ дѣйствій «неразумнымъ и бѣдственнымъ», замѣчая при этомъ: «яко неправеднымъ

---

*) О третьемъ, раскольничьемъ, описаніи стрѣлецкаго бунта, *Саввы Романова*, мы говорили выше. Для характеристики эпохи, весьма любопытно сопоставить эти описанія одного и того же событія конца XVII стол. Медвѣдевъ и Матвѣевъ, какъ люди образованные, не могли не осудить безумнаго и страшнаго буйства стрѣльцовъ, — какъ оно того заслуживало; а Савва Романовъ, — который и назвалъ собственно свое сочиненіе: „Исторія о вѣрѣ и челобитни о стрѣльцахъ“, — хочетъ преступному возмущенію стрѣльцовъ придать характеръ религіознаго волненія, возникшаго будто вслѣдствіе нарушенія „старой“ вѣры. Потому, онъ обращаетъ преимущественное вниманіе на религіозную сторону вопроса, и въ этомъ отношеніи, какъ свидѣтель и ближайшій участникъ описываемаго событія, передаетъ много весьма интересныхъ частностей.

паче хощутъ народъ удержати страхомъ, нежели праведною любовію.» Матвѣевъ же о началѣ мятежа упоминаетъ вскользь, называя жалобы стрѣльцовъ ложными, и приписывая причину возмущенія стрѣльцовъ однѣмъ лишь интригамъ царевны Софьи и боярина Ивана Мих. Милославскаго. Въ отчетливой передачѣ всѣхъ подробностей событія заключается неоспоримая историческая важность записокъ Медвѣдева. По его отношеніямъ къ царевнѣ Софьѣ, ему были хорошо извѣстны всѣ подробности дѣла, и притомъ онъ могъ пользоваться, при составленіи своего разсказа, такими источниками, которые не могли быть въ распоряженіи другихъ.

Медвѣдевъ писалъ о событіи, ему современномъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ всѣхъ ужасовъ совершавшагося передъ его глазами мятежа, — и это обстоятельство, равно какъ выраженіе его личныхъ взглядовъ и сочувствій придаютъ его запискамъ большой литературный интересъ. Самый способъ изложенія отличается у Медвѣдева простотою и безъискуственностію разсказа, — чѣмъ также его записки берутъ верхъ надъ искуственнымъ, риторическимъ разсказомъ графа Матвѣева, который старается выказать вездѣ взглядъ человѣка, европейски-образованнаго.

Медвѣдевъ, кромѣ названныхъ сочиненій, писалъ еще богословскіе трактаты и составилъ довольно подробное библіографическое описаніе извѣстныхъ въ его время русскихъ и славянскихъ книгъ и рукописей, подъ заглавіемъ «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ», — трудъ весьма полезный не только для современниковъ, но и для нашего времени, какъ пособіе для людей, занимающихся изученіемъ русской старины.

---

5. **Св. Димитрій Ростовскій** (1651 — 1709), обширная духовно-литтратурная дѣятельность котораго въ Великороссіи принадлежитъ къ первымъ годамъ царствованія Петра В.; но по своему началу въ Малороссіи, въ особенности же по своему характеру, — проповѣдническая и литературная дѣятельность св. Димитрія Ростовскаго принадлежитъ вполнѣ XVII стол.

Св. Димитрій Ростовскій получилъ образованіе въ кіевской академіи *). До перехода въ Великороссію и до возведенія въ санъ митрополита ростовскаго и ярославскаго, въ 1702 году, онъ прославился, какъ мужъ святой жизни и какъ знаменитый проповѣдникъ, — въ Кіевѣ, Черниговѣ и въ другихъ городахъ Малороссіи. Во время управленія своего ростовской епархіей, онъ основалъ въ Ростовѣ семинарію, самъ преподавалъ въ ней и дѣятельно о ней заботился.

Духовно-литературные труды св. Димитрія Ростовскаго очень многочисленны и разнообразны. Болѣе извѣстны изъ нихъ:

Четьи Минеи (житія святыхъ) называемыя «малыми», въ отличіе отъ «великихъ», составленныхъ митр. Макаріемъ. На составленіе этого обширнаго

---

*) Онъ родился близъ Кіева и поступилъ въ монахи 18 лѣтъ отъ роду; его отецъ, по имени Савва Туптало, былъ сотникомъ малороссійскаго казачьяго войска.

труда, т. е. на разработку источниковъ, заключавшихся въ разныхъ византійскихъ и западныхъ сборникахъ житій святыхъ, въ сборникахъ отечественныхъ (трудахъ митроп. Макарія и другихъ), на переводы съ иностраннаго и на литературную отдѣлку своего труда — св. Димитрій Ростовскій употребилъ около двадцати лѣтъ своей жизни. Церковно-славянскій языкъ, которымъ написаны Четьи Минеи св. Димитрія, признается образцовымъ.

Другое произведеніе св. Димитрія Ростовскаго, пользующееся большою извѣстностію: *Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ*. Это сочиненіе полемико-историческое, занимающееся изслѣдованіемъ и опроверженіемъ ученія раскольниковъ, утвердившихся въ *Брынскихъ* (т. е. Керженскихъ) *) лѣсахъ и распространявшихъ расколъ въ предѣлахъ епархіи св. Димитрія.

Авторъ «Розыска», обличая религіозныя заблужденія раскольниковъ и доказывая, что ученіе ихъ и дѣла ихъ противорѣчатъ ученію евангельскому, представляетъ въ тоже время историческія свѣдѣнія о расколѣ и о различныхъ образовавшихся въ немъ сектахъ, — съ опроверженіемъ ученія каждой изъ нихъ. Но историческими извѣстіями «Розыска», относительно раскольничьихъ сектъ, должно пользоваться осторожно; потому что «Розыскъ», въ историческомъ отношеніи, есть не болѣе, какъ сборъ свѣдѣній, доставленныхъ разными лицами автору, который приложилъ къ нимъ свои разсужденія; но, по случаю кончины, не успѣлъ привести все сочиненіе въ надлежащій порядокъ и подвергнуть критикѣ **). Самъ св. Димитрій въ одномъ мѣстѣ своей книги говоритъ «Дѣла раскольническая *не отъ себя* предложимъ; азъ бо, смиренный ни въ сихъ мѣстахъ рожденъ и воспитанъ, ниже слышахъ когда о расколахъ, въ сторонѣ сей обрѣтающихъ, ни о лѣсахъ Брынскихъ, ни о скитахъ, ни о разнствіи вѣръ ихъ, ни о дѣлахъ ихъ».

На проповѣдяхъ и поученіяхъ св. Димитрія Ростовскаго отразилось вліяніе кіевской школьной науки, впрочемъ, — гораздо менѣе въ тѣхъ проповѣдяхъ, которыя были написаны имъ во время пребыванія въ Великороссіи. По нѣкоторымъ изъ проповѣдей своихъ этого періода, св. Димитрій Ростовскій примыкаетъ къ разряду проповѣдниковъ Петрова времени, — рѣзко отличавшихся не только отъ нашихъ древнихъ учителей церкви, но и отъ проповѣдниковъ XVII вѣка, нѣкоторыми характеристическими, исключительно имъ свойственными, чертами проповѣднаго слова. Проповѣдники эпохи Петра В. давали, напримѣръ, значительное мѣсто съ своихъ проповѣдяхъ разнаго рода указаніямъ и намекамъ на современныя явленія общественной и политической жизни, подъ видомъ аллегоріи или шутки высказывали рѣзкія истины, допускали даже сатирическія выходки и т. п. (см. ниже). Тоже самое мы встрѣчаемъ въ

---

*) По р. Керженцу (впадаетъ въ Волгу), въ дремучихъ лѣсахъ нижегородской и смежныхъ губерній, находилось множество раскольничьихъ скитовъ, монастырей и поселеній, отчасти существующихъ и теперь. Во время св. Димитрія Р. почти все сельское населеніе этой мѣстности состояло въ расколѣ.

**) Энциклопед. словарь, сост. русск. учен. и литерат. т. I, стр. 271 — 272, подъ слов. „Авраамовщина".

нѣкоторыхъ проповѣдяхъ св. Димитрія Ростовскаго. Такъ, въ одной проповѣди (на обрѣзаніе) подъ видомъ аллегоріи и шутки онъ обличаетъ лихоимство сенаторовъ и буйство военныхъ. Судъ и рѣшенія сенаторовъ, — говоритъ св. Димитрій, — должны быть, чисты какъ серебро, и серебро, — седьмерицею очищенное.... Но едва я сказалъ эти слова, — продолжаетъ проповѣдникъ,— какъ вдругъ представился мнѣ ликъ пророка, плачущаго о томъ, что измѣнилось доброе серебро. Отчего же измѣнилось оно? Не отъ примѣси ли мѣди? Нѣтъ не мѣди, а золота и серебра, которое судящіеся даютъ судьямъ, и рѣшенія послѣднихъ портятся отъ этой примѣси: судьи, погубивъ свою прежнюю чистоту, творятъ судъ неправый». Чтобы сдѣлать намекъ свой на современныхъ сенаторовъ и судей еще болѣе понятнымъ, ораторъ вслѣдъ за тѣмъ прибавилъ: «Не думаю, чтобы такое серебро (т. е. взятки) водилось въ нашемъ сенатѣ и магистратѣ».

Поведеніе военныхъ св. Димитрій рисуетъ такими чертами: Моисей, говоритъ онъ, въ минуту негодованія на свой народъ, разбилъ принятыя имъ отъ Бога скрижали десяти заповѣдей; скрижали разбились на двѣ половины и такимъ образомъ, что на одной половинѣ остались одни лишь отрицанія — *не*, а на другой слова: *убій*, *укради прелюбодѣйствуй* и т. д. Вотъ этой послѣдней скрижали, говоритъ ораторъ, и придерживаются теперь военные: они убиваютъ, крадутъ, прелюбодѣйствуютъ и всячески обижаютъ ближнихъ.

Самый языкъ проповѣдей св. Димитрія, написанныхъ въ Великороссіи, является чистымъ церковно-славянскимъ языкомъ, свободнымъ отъ малоруссизмовъ и полонизмовъ. Такимъ же языкомъ написаны и всѣ лучшія молитвы, духовныя пѣсни и молитвенные стихи св. Димитрія, проникнутые высокимъ и теплымъ религіознымъ чувствомъ.

По примѣру прочихъ русскихъ духовныхъ писателей, получившихъ образованіе въ кіевскихъ школахъ, св. Димитрій Ростовскій сочинялъ также духовныя драмы, или *мистеріи*. Извѣстно названіе шести его драматическихъ духовныхъ пьесъ. По свидѣтельству Штелина, пьесы св. Димитрія были играны въ Ростовѣ, въ митрополичьемъ домѣ, учениками ростовской семинаріи. Г. Пекарскій, разбирая одну изъ этихъ пьесъ *), — которой содержаніе составляетъ исторія рождества Спасителя, — находитъ, что въ ней, судя по обстановкѣ, вводнымъ сценамъ и вообще по изложенію и языку, болѣе чѣмъ въ предшествовавшихъ сочиненіяхъ въ этомъ родѣ отразилась современная автору жизнь, и что выведенные въ пьесѣ виѳлеемскіе пастухи «сильно напоминаютъ соотечественниковъ св. Димитрія Ростовскаго, жителей Украйны». Съ такимъ мнѣніемъ нельзя согласиться ни мало. Въ одномъ стараніи автора поддѣлаться подъ простонародную рѣчь и въ томъ, что «виѳлеемскіе пастухи» его заходятъ въ «кружало», забираютъ съ собою «калачи и вино» и хотятъ «украситься въ *чулки*, лапти новые», нельзя еще видѣть черты изъ дѣйстви-

---

*) „Рождество Христово“. См. стат. „Мистеріи и старинный театръ въ Россіи“.

тельной или народной жизни *). Пьеса святителя ростовскаго, какъ и всѣ подобныя произведенія, полна отвлеченностей; въ числѣ дѣйствующихъ лицъ выведены въ ней аллегорическія лица: Натура людская, Надежда, Золотой вѣкъ, Кротость, Незлобіе, Радость, Зависть и проч. Такого рода пьесы, не отвѣчая ни нравамъ, ни быту русскаго народа, не могли заключать въ себѣ никакихъ элементовъ народной или дѣйствительной жизни.

---

6. Григорій Котошихинъ. — *Григорій Кошихинъ, или Котошихинъ*, подъячій «посольскаго приказа», въ царствованіе Алексѣя Михайловича, оставилъ послѣ себя весьма замѣчательное сочиненіе о древней Россіи, сочиненіе, — равнаго которому, по полнотѣ и по его внутреннимъ достоинствамъ, не представляетъ наша старинная литература.

Кошихинъ, служа въ посольскомъ приказѣ, занимался письмоводствомъ по дипломатическимъ дѣламъ, и былъ посылаемъ гонцомъ въ Швецію. Въ польскую войну, 1660 года, онъ находился на службѣ при воеводѣ, князѣ Юріѣ Алексѣевичѣ Долгорукомъ, который домогался, чтобы онъ сдѣлалъ ложный доносъ на бывшихъ до него воеводъ, князей Трубецкаго и Прозоровскаго. Кошихинъ не захотѣлъ быть ложнымъ доносчикомъ. Зная однако, что сильный воевода, его начальникъ, могъ отомстить ему за отказъ участвовать въ его низкомъ намѣреніи, и опасаясь преслѣдованій Долгорукаго, онъ убѣжалъ изъ подъ Смоленска въ Польшу, гдѣ скрывался нѣкоторое время, подъ именемъ Ивана Селицкаго, потомъ странствовалъ въ Пруссіи, былъ въ Любекѣ и наконецъ переѣхалъ въ Швецію, получивъ позволеніе поселиться въ Стокгольмѣ. Здѣсь Кошихинъ окончилъ (1666 — 1667) свое сочиненіе о Россіи (начатое имъ вскорѣ послѣ побѣга) по желанію шведскаго государственнаго канцлера, графа Магнуса Делагарди, который ему покровительствовалъ. Сочиненіе Кошихина переведено было на шведскій языкъ, и переводчикъ, сообщая въ предисловіи къ своему труду краткія свѣдѣнія о жизни автора, говоритъ о немъ какъ о весьма умномъ и способномъ человѣкѣ.

Сочиненіе Кошихина стало извѣстнымъ въ Россіи лишь недавно. Подлин-

---

*) Самая поддѣлка подъ простонародную рѣчь въ пьесѣ „Рождество Христово“ крайне плоха; напр.

Аврамъ.

Что, братъ, гдѣ же гетакъ (этакъ?) поютъ хорошенько?
Еще я такъ не слыхавъ, ты слышишь, Аѳонька? и проч.

Замѣтимъ еще, что здѣсь скорѣе видно желаніе поддѣлаться подъ великорусскую, а не подъ малорусскую (какъ думаетъ г. Пекарскій) народную рѣчь, которая Димитрію Ростовскому, какъ природному малороссу, разумѣется, была хорошо знакома. „Аѳоня“ и „Борисъ“ — „вифлеемскіе пастухи“ въ пьесѣ — ни мало не напоминаютъ „жителей Украины“ не только своею рѣчью, но даже и своими именами, неупотребительными на Украинѣ; слова: „кружало“, „лапти“ и проч., выраженія: „а што?“ „птицы-то залетѣли“ и проч. — вовсе не малорусскія и въ малорусскомъ языкѣ не употребляются.

ная рукопись Кошихина хранится въ библіотекѣ Упсальскаго университета, гдѣ отыскалъ ее г. А. Соловьевъ, профессоръ Гельсингфорскаго университета, во время поѣздки своей въ Швецію въ 1837 году. Затѣмъ, сочиненіе Кошихина было издано Археографическою коммисіею, подъ заглавіемъ: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Современное сочиненіе Григорія Кошихина» (С.-Петербургъ 1840 г.).

Сочиненіе Кошихина написано съ цѣлью представить полную и вѣрную картину Россіи XVII вѣка, во всѣхъ отношеніяхъ ея общественной и частной жизни. И авторъ вполнѣ достигъ предположенной цѣли. Онъ разсматриваетъ послѣдовательно почти всѣ стороны русской государственной и народной жизни; говоритъ подробно обо всѣхъ отрасляхъ государственнаго и гражданскаго управленія: о законахъ, о боярской думѣ, о приказахъ, о судопроизводствѣ, о придворныхъ обрядахъ, о царской семейной жизни, о сословіяхъ народныхъ, ихъ занятіяхъ, нравахъ и обычаяхъ, о состояніи народной нравственности, о воспитаніи и т. п.

Разсказъ Кошихина вездѣ очень простъ, кратокъ и ясенъ; сужденія отличаются дѣльностію и основательностію; истина его показаній и пересказываемыхъ имъ фактовъ не подлежитъ сомнѣнію, потому что подтверждается другими историческими свидѣтельствами, — какъ русскими, такъ и иностранными. Онъ говоритъ безпристрастно, судитъ зрѣло и обдуманно, — и въ словахъ его слышно сожалѣніе о тѣхъ порокахъ и недостаткахъ, которыми страдала современная ему Россія. То обстоятельство, что Кошихинъ писалъ внѣ Россіи, дало ему возможность выражать свои сужденія открыто и смѣло; а знакомство съ учрежденіями и нравами европейскихъ народовъ помогло ему яснѣе видѣть темныя стороны русской жизни и указать на причины, отъ которыхъ онѣ происходятъ.

Кошихинъ высказываетъ свѣтлый и гуманный взглядъ на вещи, взглядъ человѣка, не чуждаго образованныхъ европейскихъ понятій; и въ тоже время онъ является, въ своемъ разсказѣ, полнымъ выразителемъ русскихъ народныхъ воззрѣній и представителемъ интересовъ низшихъ классовъ народа, подавленныхъ боярствомъ. Описанію боярскаго сословія, его спесивости и мѣстническимъ спорамъ, его невѣжеству, обманамъ въ администраціи, казнокрадству и взяточничеству — Кошихинъ посвящаетъ большую часть своей книги. Такъ онъ увѣряетъ, что во время посольствъ, послы нерѣдко записываютъ въ своихъ статейныхъ спискахъ вовсе не тѣ рѣчи, которыя ими дѣйствительно были говорены на посольствѣ, а другія, присочиненныя — «выславляючи (такою ложью) — говоритъ Кошихинъ — свой разумъ на обманство, чрезъ чтобъ достать у царя себѣ честь и жалованье большое; и не срамляются — прибавляетъ онъ — того творити, понеже *царю о томъ, кто на нихъ можетъ о такомъ дѣлѣ объявить?* — «Для чего такъ творятъ?» — спрашиваетъ авторъ — и отвѣчаетъ: «Для того: российскаго государства люди породою своей спесивы и не обычайные (неспособны, непривычны) ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ поученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ кромѣ спесивства,» и проч. Далѣе

Кошихинъ говоритъ, что они «для науки и обычая (т. е. для пріобрѣтенія опытности) въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ,» и что вообще выѣздъ московскимъ людямъ заграницу былъ затрудненъ, даже по торговымъ дѣламъ. Потому высшіе классы московскіе, отличаясь спесивостью и славясь только своими богатствами и породою, коснѣютъ въ грубомъ невѣжествѣ, и многіе изъ самыхъ породистыхъ бояръ, засѣдавшихъ въ государственной думѣ, — по словамъ автора — сидѣли въ царскомъ совѣтѣ, «брады своя уставя и ничего не отвѣщая, понеже царь жаловалъ многихъ бояръ не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные».

Въ старинныхъ судахъ русскихъ свирѣпствовало сильное взяточничество, по увѣренію Кошихина, не смотря на то, что было положено за то наказаніе и что судьи «чинили крестное цѣлованье (присягали) съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ (взятокъ) не имати и дѣлать все по правдѣ и по закону; но — прибавляетъ Кошихинъ — *ни вочто ихъ вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся* отъ прелести (отъ соблазна) очей своихъ и мысли содержати не могутъ, и руки свои ко взятію скоро допущаютъ»....

Съ неменьшею рѣзкостію и сожалѣніемъ говоритъ Кошихинъ о жестокости пытокъ и уголовныхъ наказаній, о многочисленности случаевъ, за которые подвергались тогда смертной казни и мужчины, и женщины, о затворничествѣ женщинъ, начиная съ царскихъ сестеръ и дочерей, которыя, по словамъ Кошихина, «живутъ яко пустынницы, мало зряху людей, и ихъ люди;» о несчастныхъ бракахъ, происходившихъ вслѣдствіе обмановъ при выдачѣ дѣвушекъ замужъ: «а такого у нихъ обычая не повелось — говоритъ авторъ — какъ въ иныхъ государствахъ, смотрѣти и уговариватися временемъ съ невѣстою самому;» о совершенномъ невѣжествѣ женщинъ: «московскаго государства женскій полъ неученъ и не обычай тому есть» — говоритъ онъ. Перасказывая подобныя факты и сужденія, Кошихинъ повторяетъ неоднократно: «благоразумный читателю! чтучи (читая) сего писанія, не удивляйся, — правда есть тому всему»....

Приведенныя нами краткія выписки изъ Кошихина показываютъ ясно, что его записки о Россіи XVII столѣт. исполнены живаго интереса и любопытныхъ указаній о нравахъ и обычаяхъ, объ общественной жизни нашихъ предковъ.

Главная мысль, которую онъ высказываетъ повсюду въ своемъ сочиненіи, заключается въ томъ, что невѣжество, отсутствіе науки и недостатокъ просвѣщенія древней Руси, происходящіе вслѣдствіе ея отчужденія отъ «иныхъ государствъ,» т. е. отъ Европы, — служатъ главнѣйшею причиною всѣхъ бѣдствій русскаго народа и правительства.

Записки Кошихина написаны простымъ языкомъ, весьма близкимъ къ разговорной народной рѣчи. Подобный-же языкъ, какъ языкъ письменный, употреблялся въ то время въ Россіи почти для всей офиціальной переписки.

7. Юрій Крижаничъ, сербъ. Его жизнь и сочиненія; содержаніе послѣднихъ и характеристика. Славянофильство Крижанича. Значеніе его сочиненій для Россіи XVII столѣтія. — Обозрѣніе наше литературной дѣятельности на Руси въ XVII столѣтіи будетъ не полно, если мы не упомянемъ объ одномъ замѣчательномъ писателѣ этой эпохи, — хотя и не русскомъ по происхожденію и даже по вѣрѣ, хотя и писавшемъ только на-половину порусски, но который прибылъ въ Россію и избралъ ее своимъ вторымъ отечествомъ, съ полною готовностію посвятить русскому народу всѣ свои задушевныя мысли и свои труды, который писалъ исключительно для Русскихъ, и въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, — въ высшей степени любопытныхъ и замѣчательныхъ, — представилъ обширное и добросовѣстное изслѣдованіе о состояніи Россіи въ XVII столѣтіи.

Писатель этотъ, родомъ хорватскій Сербъ, католическій священникъ *Юрій Крижаничъ*.

Крижаничъ родился (1617 г.) въ австрійскихъ владѣніяхъ, въ землѣ Хорватовъ, или Кроатовъ (между рѣками Купой и Уной, къ далматской границѣ) образованіе получилъ въ Европѣ, гдѣ собственно — не знаемъ; но званіе католическаго священника, полученное имъ еще въ молодые годы, и совершенное знаніе латинскаго языка (которымъ онъ владѣлъ, какъ своимъ роднымъ, и на которомъ написана большая половина его сочиненій) показываютъ, что Крижаничъ былъ вполнѣ знакомъ съ схоластической ученостію тогдашнихъ католическихъ училищъ въ Европѣ. А содержаніе его сочиненій свидѣтельствуетъ, съ другой стороны, что онъ обладалъ обширною и весьма разнообразною начитанностію и большими лингвистическими свѣдѣніями, т. е. знаніемъ многихъ древнихъ и новыхъ языковъ и почти всѣхъ славянскихъ нарѣчій.

Повидимому, Крижаничъ много путешествовалъ и имѣлъ столкновенія съ различными національностями въ Европѣ, особенно съ Нѣмцами и Греками, которыхъ онъ считаетъ врагами славянскаго племени.

Онъ прибылъ въ Москву въ царствованіе Алексѣя Михайловича (около 1645 г., какъ полагаютъ) съ цѣлію—служить Россіи и быть ей полезнымъ своими познаніями и трудами, такъ-какъ онъ считалъ русскую страну и русскій народъ себѣ родными, соплеменными и такъ-какъ одна Росссія, въ его время, во всемъ славянскомъ мірѣ, представлялась великою и свободною славянскою державою. Самъ Крижаничъ, въ одномъ своемъ сочиненіи («о Промыслѣ»), писанномъ большею частію тогдашнимъ латинскимъ языкомъ, говоритъ объ этомъ такъ: «Меня прозвали скитальцемъ, бродягой, волокитой (vagum, *wolokitum*) несправедливо. Я пришелъ къ тому царю, который одинъ въ мірѣ былъ царемъ моего рода и языка; я пришелъ къ націи своей, къ народу своему собственному. Я пришелъ туда, гдѣ единственно мои произведенія и труды могутъ найти употребленіе, могутъ принесть плодъ; туда, гдѣ единственно могутъ быть въ цѣнѣ и оборотѣ мои товары, — я разумѣю грамматику, словари и другіе переводы книгъ на славянскій языкъ».

Эти слова Крижаничъ написалъ, находясь уже въ ссылкѣ, въ Тобольскѣ, куда онъ былъ сосланъ около 1660 года, — въ точности неизвѣстно за какую

вину, равно какъ неизвѣстно и то, поручено ли было ему какое-либо дѣло, по его прибытіи въ Москву, и въ чемъ собственно заключались его занятія здѣсь до времени его ссылки въ Сибирь.

Въ Сибири Крижаничъ написалъ свои важнѣйшія сочиненія, касающіяся Россіи. Но онъ томился и страдалъ отъ бездѣйствія въ своемъ тяжелóмъ изгнаніи. Онъ находился въ Сибири еще въ 1675 году, когда написалъ «Обличеніе соловецкой челобитной» — (полемическое сочиненіе противъ раскольниковъ, возмутившихъ знаменитую Соловецкую обитель). Былъ ли возвращенъ Крижаничъ изъ ссылки, и гдѣ онъ окончилъ послѣдніе годы своей жизни — неизвѣстно.

Изъ сочиненій Крижанича, нынѣ намъ извѣстныхъ, болѣе замѣчательны: 1) «Русское государство», 2) «о Промыслѣ» и 3) «Грамматика» *). Сочиненія эти написаны только отчасти по-русски, и то русскій языкъ Крижанича перемѣшанъ съ словами и оборотами другихъ славянскихъ языковъ, какъ напр. сербо-хорватскаго, природнаго языка Крижанича, на которомъ написана также одна часть его сочиненій; большая же ихъ половина (не включая грамматики и нѣсколькихъ богословскихъ сочиненій) писана, какъ замѣчено выше, полатыни.

Особенный интересъ и большую историческую важность, для насъ Русскихъ, имѣетъ первое изъ этихъ сочиненій: «Русское государство во второй половинѣ XVII вѣка», — такъ озаглавленное издателемъ, г. Безсоновымъ; у самаго же автора, въ рукописи, оно носитъ заглавіе: «*Разговоры объ владательству*», — (серб. слово, означаетъ—правленіе). Сочиненіе это, изложенное то въ формѣ діалоговъ, то въ видѣ отдѣльныхъ разсужденій, имѣетъ почти исключительно политическій характеръ. Главное содержаніе его заключается въ разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ автора о внутреннемъ устройствѣ и о внѣшней политикѣ государства вообще и русскаго государства въ особенности. Въ тѣсной связи съ сочиненіемъ «Русское государство» находится и книга Крижанича «о Промыслѣ», въ которой онъ полнѣе излагаетъ свои государственныя теоріи, свой взглядъ на исторію и свои понятія о внутренней и внѣшней жизни народовъ. Въ книгѣ же «о Государствѣ» авторъ прилагаетъ свои любимыя теоріи и взгляды собственно къ Россіи, къ ея государственной и народной жизни и представляетъ полное обозрѣніе почти всѣхъ главнѣйшихъ сторонъ политической и внутренней жизни русскаго народа, дѣлаетъ имъ смѣ-

---

*) „Грамматика“ Крижанича была извѣстна въ рукописи еще Калайдовичу; напечатана она первый разъ г Бодянскимъ въ Чтен. моск. общ. истор. и древност. (1848 и 1849 г.) подъ заглавіемъ: „Изысканія о славянской грамматикѣ“. Сочиненія же: „о Русскомъ государствѣ“ и „о Промыслѣ“ стали общеизвѣстными въ ученомъ мірѣ лишь послѣ напечатанія ихъ г. Безсоновымъ (сначала въ „Русской Бесѣдѣ“ 1859 г., а потомъ отдѣльными изданіями въ 1860 г.) съ свѣдѣніями объ авторѣ и его рукописяхъ, хранившихся въ Москов. синод. библ. До того не только сочиненія, но и самое имя Юрія Крижанича были знакомы лишь немногимъ, занимавшимся изысканіями по части нашей старинной литературы. (Прекрасный разборъ двухъ послѣднихъ сочиненій Ю. Крижанича см. въ „Современникѣ“ 1860 г. № VIII, августъ).

лую и подробную критику, указываетъ на главныя причины тѣхъ нестроеній и несовершенствъ, которыя онъ находилъ въ древней Руси и наконецъ предлагаетъ практическіе совѣты и средства, которые, по его мнѣнію, должны были привести русское государство къ необходимымъ улучшеніямъ и полезнымъ преобразованіямъ.

Государственная теорія Крижанича, изложенная въ книгѣ «о Промыслѣ», отличается богословскимъ взглядомъ. Въ исторической жизни народовъ, въ устройствѣ ихъ обществъ и государствъ, дѣйствуетъ, по его ученію, «божественный Промыселъ», который даетъ счастіе или несчастіе народамъ, соотвѣтственно ихъ заслугамъ и грѣхамъ. По этому самому и книга его, въ подлинной рукописи, озаглавлена такъ: «о Промыслѣ Божіемъ, или о причинѣ побѣдъ и пораженій, т. е., о счастливомъ или бѣдственномъ состояніи государствъ. «Грѣхами» онъ называетъ всѣ нестройныя явленія въ жизни народовъ и государствъ, и занимается подробнымъ перечисленіемъ этихъ «грѣховъ», ихъ подраздѣленіемъ и объясненіями, какъ за тотъ или за другой «грѣхъ» постигаютъ извѣстный народъ различныя бѣдствія и несчастія. Все это авторъ подтверждаетъ множествомъ библейскихъ и другихъ историческихъ примѣровъ. При разборѣ явленій русской государственной и народной жизни въ книгѣ о «Русскомъ государствѣ», Крижаничъ постоянно имѣетъ въ виду свою теорію и прилагаетъ ее къ явленіямъ русской жизни.

Вначалѣ авторъ разсуждаетъ здѣсь о государственномъ, или народномъ богатствѣ, потомъ — о силѣ государства, и особенно о силѣ военной, и потомъ — о *мудрости*, т. е. объ образованности, и преимущественно о мудрости политической и самопознаніи.

Относительно богатства государственнаго Крижаничъ представляетъ нѣсколько зрѣлыхъ экономическихъ понятій. Онъ, напримѣръ, говоритъ, что богатство страны заключается въ многочисленности ея населенія и въ трудѣ, и что особенно богаты тѣ страны, гдѣ люди домыслевы, имѣютъ средства для торговли и хорошіе законы и управленіе. Разсматривая и объясняя подробно причины дурнаго состоянія русской торговли, ремеслъ и земледѣлія, онъ предлагаетъ средства и наставленія, какъ ихъ улучшить.

Говоря о силѣ государства, Крижаничъ учитъ, что она заключается не только въ хорошихъ матеріальныхъ вооруженіяхъ, но и въ болѣе надежныхъ твердыняхъ нравственныхъ, какъ напримѣръ: въ довольствѣ подданныхъ, въ народномъ согласіи, и проч. При совѣтахъ, относительно устройства войска, онъ особенно настаиваетъ на томъ, чтобы начальники, или воеводы, были туземцы, а не иностранцы.

Указывая на насущную потребность для Россіи въ образованіи, Крижаничъ сильно вооружается на людей противящихся просвѣщенію, и называетъ ихъ *мудроборцами*. «Не знаю, — говоритъ онъ, — кто первый посѣялъ на Руси такой ошибочный предразсудокъ, или *ересь мудроборства*, по которому говорятъ: богословіе, философія, изученіе языковъ — ничто иное, какъ ересь. Не такъ, однако, учатъ св. писаніе и отцы».

Далѣе, книга Крижанича исключительно занимается изображеніемъ вну-

тренняго быта современной ему Россіи и объясняетъ его недостатки и преимущества, относя къ первымъ, между прочимъ малое населеніе страны, происходящее отъ дурнаго управленія. Между преимуществами Россіи, онъ считаетъ главнѣйшимъ неограниченную монархическую власть, которая лучше всего можетъ производить въ государствѣ всѣ необходимыя усовершенствованія и преобразованія. «Это Моисеевъ жезлъ, — говоритъ онъ, — которымъ царь можетъ дѣлать всякія потребныя чудеса...»

Затѣмъ Крижаничъ говоритъ пространно о томъ вредѣ и несчастіяхъ, которые, по его мнѣнію, происходятъ не только въ Россіи, но почти во всѣхъ славянскихъ странахъ, отъ того, что онъ называетъ *чужебѣсіемъ*, или *ксеномаліей*, т. е. отъ крайняго пристрастія Славянъ къ иностранцамъ и ко всему иноземному, — чему онъ приписываетъ весьма важное значеніе и почти всѣ бѣдствія и несчастія славянскаго племени. Здѣсь-то Крижаничъ говоритъ о гибельномъ вліяніи, по его мнѣнію, на древнюю Русь Нѣмцевъ и Грековъ, и разсказываетъ, какъ они постоянно обманываютъ и позорятъ Русскихъ. Въ то же время авторъ подвергаетъ подробному и тщательному анализу многія темныя стороны, существовавшія въ старинныхъ нравахъ и обычаяхъ русскихъ. Но онъ особенно распространяется и приводитъ много примѣровъ тому, какъ Нѣмцы и Греки обманываютъ, по его словамъ, насъ, Русскихъ, ненавидятъ всѣхъ Славянъ и постоянно позорятъ ихъ. Нѣмцы, говоритъ онъ, берутъ дань съ русской земли (разумѣя подъ этимъ многія торговыя монополіи Нѣмцемъ въ древней Руси), а Греки обманываютъ насъ «подъ сѣнію благочестія». «Кто добръ изъ нихъ — продолжаетъ авторъ, говоря о Грекахъ, — тѣ приносятъ къ намъ добрыя поученія, напоминаютъ намъ о добрѣ и не ищутъ нашего имѣнія; тѣ же же, которые алчны, безъ нужды таскаются по нашимъ землямъ... Всякія священныя вещи обращаютъ въ товаръ, и хотятъ намъ тысячу разъ продать Христа, котораго Іуда продалъ только одинъ разъ». Нѣмцы, по словамъ Крижанича, сулятъ намъ науку и подъ ея именемъ хотятъ намъ дать такіе демонскіе фокусы: алхимію, физіогномику, астрологію, магію; Греки же осуждаютъ всякую науку и внушаютъ намъ невѣжество, которое, конечно, не родитъ добра; Нѣмцы проповѣдуютъ распущенность плоти; а Греки не только говорятъ объ истинно-христіанскомъ умерщвленіи плоти, но и кромѣ того, вводятъ фарисейское благочестіе.

Потому мы, Русскіе, по ученію Крижанича, посреди «искушеній съ противоположенныхъ сторонъ», должны одинаково остерегаться этихъ обоихъ гибельныхъ вліяній и держаться между ними средняго, безопаснаго пути, который есть путь разума. Главнымъ же средствомъ къ достиженію этого пути Крижаничъ считаетъ — устраненіе того церковнаго раздора, который произвелъ раздѣленіе церквей на православную и католическую, раздора, который онъ называетъ (въ книгѣ «о Промыслѣ») чудовищемъ, величайшимъ грѣхомъ, нарушившимъ главнѣйшую заповѣдь о взаимной любви. Авторъ увлекается этимъ вопросомъ, въ чемъ видно вліяніе католическаго воспитанія; но, кромѣ церковныхъ побужденій, это увлеченіе объясняется и чисто-политическими цѣлями, которыя онъ имѣлъ въ виду, т. е. дружественный, племенный союзъ

между Россіею и Польшею, необходимый, по мнѣнію Крижанича, для блага какъ одной, такъ и другой изъ этихъ странъ.

Затѣмъ Крижаничъ представляетъ подробное изслѣдованіе слабыхъ сторонъ стариннаго русскаго управленія и излагаетъ свой проэктъ преобразованій и реформъ, которыя по его мнѣнію, необходимо произвести для счастливаго существованія русскаго государства и народа. Главное средство къ искорененію существовавшихъ въ этомъ отношеніи недостатковъ заключается, по словамъ Крижанича, въ предоставленіи сословіямъ народнымъ извѣстныхъ «слободинъ», т. е. въ дарованіи извѣстныхъ правъ и привиллегій каждому сословію въ государствѣ.

Эти послѣднія разсужденія свои Крижаничъ связываетъ съ вопросомъ обо всемъ славянскомъ мірѣ, обо всѣхъ Славянахъ, которые утратили свою политическую самостоятельность. Имъ тоже нужно возвратить ихъ «слободины». И обязаноость этого освобожденія славянскихъ народовъ лежитъ на русскомъ, царѣ. «Нигдѣ нѣтъ больше, кромѣ Россіи, славянскихъ властителей, и на тебя, великій царь, — (говоритъ Крижаничъ, обращаясь къ Алексѣю Махайловичу), — упала теперь забота о всемъ славянскомъ народѣ. Теперь ты, какъ отецъ, имѣй попеченіе и думай о разсыпанныхъ дѣтяхъ, чтобы тебѣ собрать ихъ... Ты одинъ царь, говорю я, данъ отъ Бога, чтобы пособить и Задунайцамъ (южнымъ и западнымъ Славянамъ) и Ляхамъ, и Чехамъ, чтобы они начали узнавать свое угнетеніе и свой позоръ, думать о просвѣщеніи народа и сбрасывать нѣмецкое иго». Крижаничъ далѣе убѣждаетъ царя: если онъ не можетъ, по тогдашнему трудному положенію Россіи, способствовать совершенному освобожденію Славянъ; то онъ долженъ открыть имъ умственные ихъ глаза *пригодными*, *разумными книгами;* потому что Славяне впали въ окаянство, т. е. подчинились чужеземному рабству, которому покорились не только Задунайцы, но и Чехи, и Ляхи. И здѣсь весьма любопытны слова Крижанича о тогдашнемъ польскомъ королевствѣ: «Хотя Ляхи — говоритъ онъ — и хвастаютъ своимъ обманчивымъ царствомъ и своей распущенной свободой, однако, всему міру извѣстно, что Ляхи никакъ не могутъ сами помочь своей бѣдѣ и позору *), и нуждаются въ посторонней помощи».

Такимъ образомъ, Крижаничъ, своими идеями о всеславянскомъ братствѣ, своими стремленіями къ соединенію всѣхъ славянскихъ народовъ въ одно цѣлое, подъ покровомъ русскаго царства, обнаруживаетъ то политическое направленіе, которое извѣстно въ наше время подъ именемъ «панславизма»

---

*) Подъ этими словами Крижаничъ разумѣетъ *чужебѣсіе*, развившееся, по его мнѣнію, у Поляковъ въ высшей степени: они добровольно подчиняли себя чужеземному рабству, избирали въ короли иноземцевъ, и проч., а „чужевластіе - по словамъ Крижанича — безобразитъ народъ, какъ лишай на прекрасномъ лицѣ.“ „У Ляховъ — говоритъ онъ — такое множество этихъ плевелъ (т. е. чужебѣсія), что уже нельзя сказать, что иноземцы живутъ между Ляхами, а скорѣе, что Ляхи живутъ между иноземцами. Ляхи, прибавляетъ Крижаничъ, достойны многихъ казней, потому что всегда сами добровольно искали себѣ чужихъ королей“.

(всеславянства). Въ этомъ отношеніи, Крижаничъ служилъ какъ бы предшественникомъ литературнаго направленія, образовавшагося въ нашей новѣйшей литературѣ, и называемаго «славянофильскимъ».

Славянофильское направленіе идей Крижаничъ выразилъ и въ своей грамматикѣ, надъ составленіемъ которой, по его собственному отзыву, онъ трудился около двадцати лѣтъ. Еще Калайдовичъ удивлялся достоинствамъ грамматики Крижанича; а г. Бодянскій, издавая этотъ трудъ его въ свѣтъ, называлъ автора «отцомъ сравнительной славянской филологіи».

Крижаничъ излагаетъ въ своей грамматикѣ правила языка общеславянскаго, языка, который былъ бы понятенъ всѣмъ Славянамъ, — хотя онъ называетъ этотъ языкъ и грамматику *русскими*. Онъ оправдываетъ такое названіе, во первыхъ — исторіею славянскихъ племенъ, а во-вторыхъ, — свойствами русскаго языка. Русское племя, по мнѣнію Крижанича, было центральнымъ славянскимъ племенемъ, отъ котораго вышли и образовались прочіе славянскіе народы; потому, имя «русскихъ» должно служить общимъ именемъ для всѣхъ славянскихъ племенъ. Названіе русскаго прилично, по мнѣнію Крижанича, общеславянскому языку еще и потому, что прочіе Славяне, покоренные другими народами, потеряли, одни — цѣлую треть, другіе — даже половину своего языка; а въ Россіи, оставшейся свободною, первоначальный славянскій языкъ сохранился неиспорченнымъ, такъ-какъ онъ находился всегда во всеобщемъ употребленіи народа, и употреблялся въ государственныхъ дѣлахъ, оттого удержалъ все свое первоначальное богатство и построеніе. Языкъ древняго славянскаго перевода св. писанія, по мнѣнію Крижанича, всего ближе подходитъ къ языку русскому.

Изъ сдѣланнаго нами очерка сочиненій Крижанича можно судить о важности ихъ содержанія, о характерѣ дѣятельности и о цѣляхъ, къ которымъ стремился ихъ авторъ. Въ нашей старинной литературѣ сочиненія эти представляютъ небывалое, исключительное явленіе. Они не суть плодъ русской почвы; они написаны человѣкомъ не русскаго воспитанія, — хотя искренно преданнымъ благу Россіи. Крижаничъ, помимо своихъ природныхъ талантовъ и помимо воодушевлявшихъ его высокихъ стремленій на пользу Россіи, одолженъ своимъ развитіемъ европейскому вліянію и европейской образованности, а не Россіи, гдѣ онъ не могъ получить ни такого развитія, ни образованія: и потому его произведенія могутъ считаться русскими лишь потому, что они появились въ Россіи и написаны для Русскихъ; но они собственно плодъ идей, выросшихъ на чужеземной почвѣ. Обширное чтеніе политическихъ писателей (какъ напр. Макіавелли и другихъ, которые въ XVII вѣкѣ не были вовсе извѣстны у насъ на Руси), практическое изученіе экономическихъ и административныхъ предметовъ и народной жизни вообще, наконецъ путешествія и знаніе многихъ языковъ значительно расширили взглядъ Крижанича на вещи, о которыхъ онъ писалъ, — и мы видимъ въ немъ одну изъ свѣтлыхъ головъ своего времени, не смотря на его католическія тенденціи и богословское воспитаніе (католицизмъ, впрочемъ, не былъ силенъ въ Крижаничѣ и не имѣлъ ничего фанатическаго).

Но достигъ ли Крижаничъ цѣлей, къ которымъ стремился? Принесли ли сочиненія его ту пользу русскому государству, которой онъ отъ нихъ ожидалъ? На такой вопросъ мы должны дать отвѣтъ вполнѣ отрицательный. Сочиненія Крижанича не имѣли никакого вліянія на современную ему Россію: они прошли въ ней не замѣтными и не достигли даже до тѣхъ, для кого предназначалъ ихъ авторъ, т. е. до русскаго царя. А если бы и достигли, то ихъ направленіе и выраженныя въ нихъ идеи, судя по состоянію русской образованности въ XVII столѣтіи, едва ли были бы поняты и оцѣнены по достоинству. Скорѣе можно допустить, что убѣжденія Крижанича и направленіе его идей собственно и послужило поводомъ къ постигшей его, тяжелой судьбѣ.

Общая характеристика литературной дѣятельности на Руси въ XVII столѣтіи. Количественное увеличеніе письменныхъ произведеній, безъ измѣненія ихъ внутренняго характера. Вліяніе кіевской и византійской схоластики. Второстепенныя сочиненія—по части исторіи, географіи, свѣдѣній о природѣ. — Представленный нами очеркъ дѣятельности болѣе замѣчательныхъ русскихъ писателей XVII стол. показываетъ, что книжная литература на Руси, съ теченіемъ времени, постепенно увеличивала свои размѣры и возрастала въ количествѣ письменныхъ произведеній, — не измѣняя однако ни мало ни своего прежняго догматическаго и поучительнаго характера (сочиненіе Кошихина, Крижанича и немногія другія составляютъ исключеніе), ни своего внутренняго содержанія. Кіевская схоластика хотя и перенесена была въ Москву, но здѣсь она весьма плохо принималась и могла имѣть дѣйствительное вліяніе на однѣ лишь духовныя школы, да на нѣкоторыя отдѣльныя личности, не оказавъ почти никакого образовательнаго дѣйствія на народныя массы, для которыхъ едва ли и могли быть понятны произведенія схоластической литературы. Мы видѣли, что вліяніе юго-западной схоластики отразилось дѣйствительно въ книжныхъ произведеніяхъ большей части писателей XVII столѣтія, за исключеніемъ, однако, сочиненій писателей раскольничьихъ, которые твердо держались старинныхъ московско-византійскихъ началъ.

Но какъ старинная византійская схоластика, утвердившаяся въ Москвѣ подъ вліяніемъ занесенныхъ къ намъ образцовъ византійской литературы и отличавшаяся весьма ограниченнымъ кругомъ понятій, мертвой обрядностію и буквализмомъ, такъ и схоластика кіевская, — узкостію своихъ воззрѣній, бездушностію и формализмомъ, — не могли способствовать свободному развитію мысли и умственной самодѣятельности въ народѣ. Старинныя формы жизни и литературы какъ бы одеревенѣли,—народъ не двигался въ своемъ развитіи. XVII вѣкъ въ Россіи служитъ въ этомъ отношеніи самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ: начала современной дѣйствительности никого не удовлетворяли — ни со стороны умственной жизни, ни со стороны порядка жизни общественной и религіозно-нравственной. Лучшіе люди времени (какъ напр. С. Полоцкій, Кошихинъ, Медвѣдевъ, св. Димитрій Ростовскій) постоянно сѣтовали на общее невѣжество и на отсутствіе всякой образованности въ народѣ и въ

духовенствѣ — и находили въ этомъ корень всему злу. Но схоластическая литература тутъ весьма мало помогала дѣлу. Она не заключала въ себѣ живыхъ, образовательныхъ началъ, которыя могли бы быть свободно восприняты народомъ и послужили бы къ его умственному развитію.

Для полноты обозрѣнія литературной и ученой дѣятельности XVII вѣка, мы сдѣлаемъ краткій очеркъ второстепенныхъ писателей и памятниковъ, не поименованныхъ нами выше.

Въ нашей старинной исторической литературѣ, кромѣ лѣтописей, еще съ XVI столѣтія, стали появляться, какъ мы видѣли изъ сочиненія Курбскаго, попытки къ систематическимъ описаніямъ и разсказамъ объ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ. Такъ изъ историческихъ сочиненій XVI стол., кромѣ «Исторіи» кн. Курбскаго, извѣстна еще исторія, или «Повѣсть о казанскомъ царствѣ», написанная священ. I. *Глазатымъ*, который находился въ плѣну у казанскихъ Татаръ и, послѣ взятія Казани, описалъ велерѣчивымъ слогомъ это важное событіе царствованія Грознаго. Но особенно въ XVII стол., когда составленіе лѣтописей сдѣлалось почти исключительно дѣломъ оффиціальнымъ, правительственнымъ, появляются отдѣльныя историческія сочиненія: «повѣсти», «сказанія», «исторіи» и историческія «записки». Въ самомъ началѣ XVII стол. появляется много сказаній о смутномъ времени, о убіеніи царевича Димитрія, о Борисѣ Годуновѣ, о самозванцахъ, вообще о войнахъ и мятежахъ этого времени и о возстаніи народа, подъ предводительствомъ Минина и Пожарскаго. Между этими сказаніями большою извѣстностію пользуется: «Сказаніе объ осадѣ Троицко-Сергіева монастыря отъ Поляковъ и Литвы и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ», — сочиненіе Авраамія Палицына, келаря Троицко-Сергіева монастыря, въ осадѣ котораго онъ принималъ личное участіе. «Сказаніе» Палицына можетъ служить образцомъ византійской фразеологіи, гдѣ кудреватый слогъ и цвѣты современнаго краснорѣчія предпочитаются простому и истинному изложенію дѣла. Сочиненіе Палицина, какъ современника, принимавшаго важное участіе въ большей части описываемыхъ имъ событій, не можетъ, конечно, не заключать въ себѣ нѣкоторыхъ интересныхъ подробностей и важныхъ историческихъ указаній на современное положеніе Россіи; но разсказъ его страдаетъ невѣрною передачею нѣкоторыхъ фактовъ и событій, и уже современники Палицына заподозрили его «сказаніе» въ недостовѣрности. Онъ, напримѣръ, оставляетъ, въ своемъ разсказѣ, совершенно въ тѣни великій патріотическій подвигъ Кузьмы Захарьича Минина и при каждомъ случаѣ любитъ поговорить о самомъ себѣ. Знаменитый келарь Троицкой Лавры постоянно прибѣгаетъ въ своемъ сказаніи къ тону пастырскихъ поученій, сѣтуетъ на упадокъ вѣры и нравственности, и этому приписываетъ главную причину бѣдствій, постигшихъ Россію въ смутное время. «Всякъ — говоритъ онъ — отъ своего чину выше начаша восходити; раби убо господіе хотя быти и *невольніи къ свободѣ прескачуще*».

Перечислимъ прочіе историческіе труды XVII столѣтія:

а) Думный дьякъ, *Ѳедоръ Грибоѣдовъ* (извѣстный по участію въ составленіи «Уложенія» царя Алексѣя Михайловича) составилъ «Краткое повѣство-

ваніе», — родъ систематическаго разсказа о событіяхъ русской исторіи до времени царствованія Ѳедора Алексѣевича. — б) Подобное же сочиненіе написалъ боярскій сынъ *Сергѣй Кубасовъ* подъ заглавіемъ: «Лѣтописецъ славянскаго языка и русскаго рода». — в) *Князь Семенъ Шаховской*, плодовитый писатель царствованія Михаила Ѳеодоровича, писалъ лѣтописи, посланія, сочинялъ вирши и проч. и составилъ свои «Записки», лишенныя, впрочемъ, всякаго интереса, и отличающіяся кудрявымъ слогомъ и витіеватой фразеологіей. — г) Клирикъ *Иванъ Шушера* написалъ «Житіе патріарха Никона», въ которомъ изложилъ исторію Никона и его дѣла, — съ явнымъ пристрастіемъ къ Никону. — е) Кромѣ трудовъ по отечественной исторіи, встрѣчаются нѣкоторыя сочиненія, особенно у писателей юго-западной Руси, относящіяся и до исторіи всеобщей. Такова, напр. «Скиѳская Исторія», смоленскаго священника *Андрея Лызлова*, свидѣтельствующая о знакомствѣ автора съ Діодоромъ Сицилійскимъ и другими греческими и римскими писателями, у которыхъ онъ почерпнулъ много баснословнаго, относительно исторіи Скиѳовъ.

Литература XVII вѣка была не бѣдна количествомъ схоластическихъ сочиненій, особенно переводныхъ, и по нѣкоторымъ другимъ отраслямъ знаній. Такъ географическія свѣдѣнія сообщались въ переводныхъ съ латинскаго и съ нѣмецкаго средне-вѣковыхъ «космографіяхъ» *). Одна изъ нихъ переведена еще при царѣ Михаилѣ, переводчиками Лыковымъ и Дурновымъ. Мы упомянули, что переводомъ космографіи занимался и Е. Славинецкій.

По части свѣдѣній о природѣ, послѣ византійскихъ «шестодневовъ» и хронографовъ, служившихъ источникомъ естествознанія для нашихъ старинныхъ грамотниковъ, въ XVII стол. стали появляться у насъ переводы съ нѣмецкаго и съ польскаго средне-вѣковыхъ сочиненій о природѣ, въ родѣ «люцидаріусовъ» и произведеній средне-вѣковыхъ философовъ: Альберта Великаго, Реймонда Люлли и т. п. Древняя Русь довольствовалась такими мистическими книгами о природѣ въ то время, когда въ Европѣ уже были извѣстны открытія Коперника, Ньютона, Кеплера. Безъ сомнѣнія, эти средне-вѣковыя книги давали столь же мало положительнаго знанія и столь же мало способствовали къ умственному развитію читателей, какъ и сочиненія византійскія въ этомъ родѣ.

---

*) По части географіи Россіи существовала составленная еще по повелѣнію Б. Годунова карта московскаго государства, извѣстная подъ именемъ „Большой чертежъ земли русской". При царѣ Михаилѣ карта эта была дополнена и возобновлена, и къ ней написано объясненіе, или „книга Большой чертежъ", — интересное въ археологическомъ отношеніи.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ОТДѢЛЪ I.

ЭПОХА ПРЕОБРАЗОВАНІЙ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАННОСТИ, ЛИТЕРАТУРА И ПИСАТЕЛИ ОТЪ НАЧАЛА XVIII ВѢКА ДО ЛОМОНОСОВА.

Главнѣйшее отличіе литературы древняго періода отъ литературы, возникшей въ эпоху преобразованія, какъ со стороны внутренняго содержанія, такъ и со стороны внѣшней формы. Общая характеристика и значеніе литературы въ эпоху преобразованія. — Литература, возникшая изъ реформы и основанная на ея началахъ, рѣзко отличалась, въ самыхъ существенныхъ чертахъ своихъ, отъ прежней, до-петровской литературы. Главнѣйшее же отличіе тутъ заключалось въ томъ, что со временъ петровской реформы у насъ начинается образованіе литературы *свѣтской*, въ собственномъ значеніи этого слова, и совершенное отдѣленіе ея отъ литературы духовной, поглощавшей, въ древній періодъ нашей исторіи, почти всѣ отрасли письменныхъ произведеній, изъ которыхъ обыкновенно слагается литература свѣтская. Въ усиленномъ движеніи русской письменности и литературы, начавшемся съ реформы, и въ образовавшемся, подъ ея вліяніемъ, новомъ литературномъ развитіи уже обнаруживается преобладаніе не интересовъ религіозно-церковныхъ, какъ было почти во всей книжной литературѣ нашей до Петра, — а интересовъ собственно-литературныхъ и научныхъ, въ ихъ безусловномъ отрѣшеніи отъ церковнаго характера, т. е. интересовъ науки и литературы не по ихъ связи съ вопросами вѣры и дѣлами церкви, а по ихъ отношенію къ жизни дѣйствительной. Такъ что со времени Петра русская духовная литература не заключаетъ уже въ себѣ всего умственнаго и научнаго достоянія русскаго народа, выразившагося въ письменномъ словѣ; она не стоитъ уже во главѣ всей книжно-литературной производительности на Руси, какъ было прежде, и не опредѣляетъ собою ея характера. Появившаяся вмѣстѣ съ реформой свѣтская литература заступаетъ вполнѣ ея мѣсто, въ качествѣ руко-

водительницы общества и представительницы его умственныхъ и литературныхъ интересовъ; а литература духовная съ этого времени начинаетъ ограничивать кругъ своей дѣятельности и своего вліянія одними вопросами вѣры и дѣлами церкви, не распространяясь, какъ прежде, на всѣ книжно-литературныя явленія. Ибо мы видѣли, что почти всѣ книжныя произведенія прежняго времени,—относились ли они къ области чисто-литературной, или поэтической или къ области научныхъ знаній, — являлись не иначе, какъ съ характеромъ церковнымъ, не иначе, какъ въ одеждѣ церковно-религіозной. Со времени же Петра такая односторонность литературной дѣятельности у насъ прекращается: русская литература, возникшая изъ реформы, стремится принять широкое, многостороннее развитіе, хочетъ слѣдовать свободному, ничѣмъ не стѣсняемому и близкому къ жизни, направленію, — и тѣ отрасли литературы, изъ которыхъ обыкновенно слагается литература свѣтская, начинаютъ развиваться самостоятельно и независимо отъ церковной письменности — какъ и со стороны своего внутренняго содержанія и характера, такъ и со стороны внѣшней формы, отказавшись отъ употребленія книжнаго церковно-славянскаго языка и стараясь создать для себя новый литературный языкъ, близкій къ языку разговорному.

Изъ этого главнаго отличія, т. е. изъ строгаго разграниченія двухъ различныхъ литературныхъ сферъ, — церковной и свѣтской, — вытекаютъ и всѣ другія существенныя отличія старой литературы отъ литературы послѣ-петровскаго времени.

При обозрѣніи литературной дѣятельности XVII вѣка, мы сказали, что старая схоластическая литература (какъ московско-византійская, такъ и кіевская), не заключала въ себѣ живыхъ, образовательныхъ началъ, которыя могли бы способствовать умственному развитію народа. При своей исключительной односторонности, при ограниченномъ кругѣ идей и понятій и при положительной бѣдности знанія, старая литература не могла отвѣчать на многосторонніе требованія и запросы народной мысли и народной пытливости, не могла удовлетворять насущной и законной любознательности народа. Она относилась враждебно во всякому свѣтскому знанію и наукѣ, въ особенности къ наукѣ, идущей съ Запада, почитая ее дѣломъ грѣховнымъ и опаснымъ для чистоты вѣры. Кіевская ученость была, правда, менѣе враждебна самостоятельной наукѣ и въ свою очередь возбуждала недовѣріе въ Москвѣ; но, по своей привязанности къ узкой схоластической почвѣ, она столь же мало могла служить къ развитію русской мысли и русскаго слова, какъ и старая литература московская.

Совершенно иной характеръ имѣетъ литература, возникшая у насъ послѣ реформы Петра. Всѣ усилія ея клонились къ тому, чтобы сблизить русскій народъ и русское государство съ европейскимъ просвѣщеніемъ, съ развитой цивилизаціей Запада. Она принялась за пересаживаніе на русскую почву плодовъ западной науки и литературы и за распространеніе въ русскомъ обществѣ полезныхъ и необходимыхъ знаній, отсутствіе которыхъ такъ живо чувствовалось въ странѣ. Новая литература шла въ этомъ стремленіи своемъ по пятамъ правительства, была выраженіемъ его воли и намѣреній и какъ бы пособіемъ въ его преобразовательной дѣятельности. Такое согласіе современной литературы

съ дѣйствіями правительства прямо указываетъ на то, что преобразовательная дѣятельность власти вполнѣ согласовалась съ желаніями лучшей, образованнѣйшей части современнаго общества. Безъ сомнѣнія, первые опыты подражанія европейскому просвѣщенію были слабы и неудачны въ нашей новой литературѣ. Но тѣмъ не менѣе они расширили кругъ литературныхъ идей и понятій, пробудили русскую мысль отъ долговременнаго застоя и вызвали ее къ усиленной дѣятельности. А главное, — они измѣнили и расширили взглядъ людей московскаго государства на образованіе, призывали къ образованію всѣ классы народа и открыли въ Россію свободный доступъ самостоятельной наукѣ Запада, признавъ, такимъ образомъ, за русскою жизнію право на развитіе и движеніе впередъ, — право, котораго не признавалъ за нею духъ старой, до-петровской литературы. Потому, какъ бы ни было слабо и незначительно въ первое время образовательное вліяніе новой литературы, но оно необходимо должно было въ будущемъ пробудить русское общество и призвать его къ новой жизни.

Русское общество, потрясенное реформой, представляло въ эпоху преобразованія пеструю смѣсь стараго съ новымъ, картину столкновенія и борьбы новыхъ идей и понятій и новыхъ формъ жизни съ старыми. Этотъ порядокъ вещей, существовавшій въ жизни общества, въ администраціи и повсюду, вполнѣ выразился и въ современномъ языкѣ, и въ литературѣ: въ языкъ входили новыя, чужеземныя слова и реченія, литература провозглашала новыя начала жизни и вела ожесточенную борьбу съ строемъ понятій и идей стараго времени, пока наконецъ новый порядокъ вещей не взялъ верхъ и не восторжествовалъ окончательно надъ стариною. И потому, русская литература, въ эпоху преобразованія, не принадлежа вполнѣ ни къ новому, ни къ старому времени, можетъ быть названа литературою «переходною», какъ выраженіе того переходнаго состоянія русскаго общества, въ которомъ оно находилось при переходѣ отъ стараго порядка вещей къ новому, подъ вліяніемъ всеобщаго государственнаго переворота, произведеннаго реформою Петра.

Но для того, чтобы уразумѣть, какимъ путемъ и вслѣдствіе какихъ причинъ произошелъ этотъ переворотъ въ русской литературѣ, мы должны узнать предварительно, въ чемъ собственно заключались сущность и характеръ реформы Петра, каково было ея отношеніе къ предыдущему времени, какъ она возникла и какія мѣры употреблены были великимъ преобразователемъ для приведенія ея въ дѣйствіе?

Отношеніе и связь реформы Петра съ предыдущей эпохой. Первые признаки новаго въ старомъ обществѣ: Общій характеръ преобразовательной дѣятельности Петра. — Развитіе образованности и литературная дѣятельность въ Россіи, передъ эпохой Петра Великаго, какъ мы показали въ предыдущихъ очеркахъ, шли путемъ медленнымъ и тяжелымъ. Народное просвѣщеніе, и послѣ открытія московской академіи и другихъ духовныхъ училищъ, не сдѣлало замѣтныхъ успѣховъ въ Великороссіи: возможное, при

тогдашнихъ обстоятельствахъ, образованіе или совсѣмъ не проникало или проникало весьма слабо въ народныя массы; оно попрежнему держалось въ тѣсномъ кругѣ духовенства и едва касалось сословій высшаго и средняго.

Но важно то, что въ XVII столѣтіи, особенно со времени Алексѣя Михайловича, въ средѣ современнаго русскаго общества, явно образуется цѣлая партія людей, признающихъ открыто необходимость новыхъ началъ для дальнѣйшаго развитія русской жизни, открыто требующихъ бо̀льшаго развитія просвѣщенія на Руси, — и просвѣщенія — не на старый, а на новый ладъ, т. е. просвѣщенія европейскаго; словомъ, образуется партія, которая, своими дѣйствіями и стремленіями явно осуждаетъ старинный застой древне-русской жизни, явно требуетъ движенія впередъ и указываетъ, что для Россіи необходимо болѣе близкое и болѣе тѣсное общеніе съ образованною жизнію Европы.

Мы говорили выше, что это стремленіе къ новизнѣ и къ заимствованію европейскихъ знаній и обычаетъ уже давно обнаружилось въ московскомъ государствѣ; но въ XVII столѣтіи партія новизны, партія людей, стремящихся впередъ, обозначилась болѣе очевидно, болѣе рѣзко. Вліянію и стремленіямъ этой партіи слѣдуетъ приписать всѣ тѣ явленія въ общественной и частной жизни Руси XVII столѣтія, которыя находились въ явномъ противорѣчіи съ началами и съ общимъ строемъ жизни древней Руси, которыя тогда же встрѣтили сопротивленіе въ поборникахъ старыхъ началъ.

По степени развитія тогдашней Руси, первыя стремленія къ заимствованіямъ и къ подражанію Европѣ въ русскихъ людяхъ того времени обнаруживались преимущественно съ чисто внѣшней стороны; потому что внѣшность европейской цивилизаціи, внѣшнія выгоды и удобства образованной жизни первѣе всего имъ бросались въ глаза; а для пониманія истинной образованности, выработанной въ Европѣ вѣками, и для усвоенія себѣ ея существенныхъ плодовъ — необходима была извѣстная степень развитости, которой не могло существовать въ древней Руси. Потому Русскіе и заимствовали сначала одѣ лишь внѣшнія формы европейской жизни, между которыми мы замѣтимъ: *театральныя представленія*, *устройство домовъ на европейскій ладъ* и особенно — *бритье бороды и ношеніе нѣмецкаго платья*, — два обычая, болѣе всего противорѣчившіе стариннымъ русскимъ понятіямъ. Обычай брить бороду и одѣваться въ польское и нѣмецкое платье начался со времени самозванцевъ и особенно распространился въ XVII столѣтіи, такъ что противъ этого не разъ вооружались власти духовныя и свѣтскія. Изъ жизни протопопа-Аввакума извѣстенъ случай, когда онъ не хотѣлъ дать своего благословенія и разбранилъ сына казанскаго воеводы, боярина В. П. Шереметева, Матвѣя Шереметева за то, что тотъ брилъ бороду; но и самъ Аввакумъ едва не поплатился жизнію за свою излишнюю ревность: отецъ Матвѣя Шереметева велѣлъ сбросить его въ Волгу, не давъ однако ему утонуть и протолкавъ къ берегу. Противъ бритья бороды издавали запрещенія патріархи: Филаретъ, Іоаннъ и Адріанъ, съ угрозами и увѣщаніями, которыя помѣщены и въ «Стоглавѣ», именно: что надъ тѣми, кто брѣетъ бороду, «не подобаетъ быти ни христіанскому погребенію, ни въ церковныхъ молитвахъ поминовенію». Такія же

запрещенія издавала и власть свѣтская противъ заимствованія иноземныхъ обычаевъ и ношенія нѣмецкаго платья. Существуетъ указъ Алексѣя Михайловича, который доказываетъ, между прочимъ, что иностранные обычаи въ XVII столѣтіи уже проникли и въ средній классъ московскаго населенія, и въ которомъ, подъ опасеніемъ царской опалы и пониженія по службѣ, предписывалось стольникамъ, стряпчимъ, московскимъ дворянамъ и жильцамъ: «иноземскихъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимать, волосовъ у себя на головѣ не постригать, также и платья, кафтановъ и шапокъ съ иноземныхъ образцовъ не носить» И не смотря на то, иноземные обычаи все болѣе и болѣе распространялись у насъ въ XVII столѣтіи.

Но въ XVII столѣтіи мы видимъ, кромѣ того, весьма важныя измѣненія въ понятіяхъ и въ самомъ взглядѣ на нѣкоторыя существенные, коренные установленія и обычаи старины. Къ такимъ измѣненіямъ въ старорусскихъ понятіяхъ мы относимъ:

Во-первыхъ: учрежденіе высшаго училища въ Москвѣ, или академіи, на манеръ академіи кіевской, которая была устроена, какъ извѣстно, по образцу заграничныхъ іезуитскихъ школъ.

Во-вторыхъ: появленіе въ Москвѣ многихъ югозападныхъ русскихъ ученыхъ, которые, не смотря на свое западное образованіе и на нерасположеніе къ нимъ московскаго духовенства, допускались въ нѣкоторые московскіе дома въ качествѣ наставниковъ и учителей. Изъ разговора Петра Великаго съ патр. Адріаномъ (см. далѣе) видно, что въ концѣ XVII столѣтія въ Москвѣ многіе хотѣли «учить своихъ дѣтей свободнымъ наукамъ», и для этого отдавали дѣтей «иноземцамъ». Число ученыхъ выходцевъ изъ югозападной Руси было въ это время уже довольно значительно въ Великороссіи. (Любопытныя извѣстія объ одномъ изъ нихъ, молодомъ человѣкѣ, Григоріѣ Скибинскомъ, помѣщены были въ духовномъ журналѣ: «Православное Обозрѣніе» *). Этотъ Скибинскій воспитывался заграницей и, подобно другимъ молодымъ людямъ грековосточной вѣры, учился въ устроенномъ для нихъ коллегіумѣ. Въ концѣ XVII столѣтія онъ пріѣхалъ въ Москву, съ намѣреніемъ занять мѣсто учителя въ академіи, и въ поданномъ патріарху Адріану прошеніи называлъ себя «докторомъ философіи и другихъ свободныхъ художествъ и учителемъ богословія». Живя въ Москвѣ и не получая мѣста, Скибинскій занимался *обученіемъ въ частныхъ домахъ*. Значитъ, потребность воспитанія здѣсь чувствовалась все болѣ и болѣе, и потребности этой удовлетворяли въ то время ученые югозападныхъ школъ).

Въ началѣ же XVIII вѣка югозападные ученые, какъ было сказано выше, уже занимаютъ почти всѣ епископскія каѳедры и всѣ учительскія мѣста въ Великороссіи.

Въ-третьихъ: однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ перемѣны старыхъ понятій служитъ появленіе при московскомъ дворѣ Симеона Полоцкаго, ученаго и писателя, какіе до того времени въ Москвѣ вовсе не появлялись.

---

*) См. кн. ноябрь, 1862 г.

Благодаря Полоцкому, сыновья (Алексѣй и Ѳедоръ) и даже дочери царя Алексѣя Михайловича получаютъ образованіе, которое, по своему объему и характеру, противорѣчило старинному образованію русскихъ царевичей и царевенъ. Подъ вліяніемъ этого-то образованія царь Ѳедоръ Алексѣевичъ могъ рѣшиться уничтожить мѣстничество и торжественно сжечь *разрядныя книги* и могъ рѣшиться носить самъ и одѣть своихъ придворныхъ въ польское платье.

Въ-четвертыхъ: наконецъ, жизнь и дѣятельность царевны Софьи, представляющей небывалый примѣръ во всей древней исторіи нашей участія женщины въ общественныхъ дѣлахъ, замѣтное ослабленіе заключенія женщинъ въ терему, появленіе въ русскомъ обществѣ личностей, въ родѣ дипломата Ордина-Нащокина, Н. И. Романова, А. С. Матвѣева *), — людей, рѣшительно осуждавшихъ старый порядокъ вещей, знакомыхъ съ западною образованностію и уже успѣвшихъ усвоить себѣ многіе обычаи европейской жизни, — все это такія явленія, которыя ясно говорятъ о стремленіи къ новому, о новыхъ потребностяхъ для Россіи, сознаніе которыхъ живо пробудилось въ извѣстной части русскаго общества XVII столѣтія.

Такимъ образомъ, какъ ни чуждались представители древней Руси, руководившіе народнымъ большинствомъ, сближенія съ западной цивилизаціей, какъ они старательно ни охраняли старыя, византійскія начала, сдѣлавшіяся неспособными къ дальнѣйшему развитію, какъ ни вооружались противъ вторженія въ народную жизнь западныхъ знаній и иноземныхъ обычаевъ; но — эти знанія и эти обычаи, помимо ихъ воли и желанія, вопреки запретамъ и предостереженіямъ, мало-по-малу появлялись въ народѣ — вслѣдствіе требованій самой жизни, вслѣдствіе естественной силы вещей и историческаго хода событій **). Отсюда намъ становится понятнымъ и явленіе Петра, и смыслъ произведенныхъ имъ государственныхъ преобразованій. Главный, существенный характеръ реформы Петра Великаго заключается въ волѣ преобразователя —

---

*) Ординъ-Нащокинъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на Европу, постоянно охуждалъ московскіе порядки и постоянно говорилъ, что въ другихъ государствахъ все дѣлается иначе и лучше. О дядѣ царя Алексѣя Михайловича, боярині Н. И. Романовѣ, сохранился разсказъ, что онъ самъ и вся дворня одѣвались въ нѣмецкое платье и что патріархъ Никонъ отобралъ и сжегъ это платье. А Матвѣевъ, какъ извѣстно, воспитывалъ сына на европейскій ладъ, вопреки старымъ обычаямъ, — не держалъ въ затворничествѣ ни жены, ни воспитанницы (Нат. Кир. Нарышкиной, матери Петра), — ихъ могли видѣть даже иностранцы, устроилъ у себя въ домѣ театръ и проч. Къ извѣстнымъ лицамъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, не чуждавшимся европейскихъ обычаевъ, принадлежатъ еще: Морозовъ, Ртищевъ и друг.

**) О необходимости и естественности переворота и Петровскихъ преобразованій см. *Соловьева*: „Исторія Россіи въ эпоху преобразованія". М. 1863. Т. I, глава 1 и начало 2-й. Г. Соловьевъ между прочимъ говоритъ здѣсь: „Русская земля всколебалась и замутилась, Русскій народъ послѣ осьмивѣковаго движенія на Востокъ, круто началъ поворачивать на Западъ; поворота, новаго пути для народной жизни требовало банкротство экономическое и нравственное". (Стр. 226)

сблизить Россію съ жизнію просвѣщенныхъ западно-европейскихъ государства. А приведенные нами факты довольно ясно указываютъ, что это сближеніе уже давно началось въ древней Руси, — и хотя происходило медленно и непослѣдовательно, но тѣмъ не менѣе въ половинѣ XVII вѣка, передъ появленіемъ Петра Великаго, уже явно образовалась въ русскомъ обществѣ сторона, недовольная прежнимъ порядкомъ вещей и стремившаяся къ иноземнымъ заимствованіямъ, къ перемѣнамъ и преобразованіямъ. Мысль о преобразованіяхъ, совершенныхъ Петромъ, не была слѣдственно чужда современному русскому обществу: она естественно вытекала изъ стремленій народныхъ и изъ дѣйствительныхъ потребностей времени, — хотя смутно и хотя еще не всѣми сознаваемыхъ. И потому несправедливъ тотъ взглядъ на реформу Петра, который нерѣдко повторялся въ нашей литературѣ, со времени извѣстной записки Карамзина: «О старой и новой Россіи» (см. ниже). Карамзинъ въ этой запискѣ не одобряетъ вообще реформы Петра, говоритъ, что Россія и до него сближалась съ Европой, «и хотя медленно, но твердымъ шагомъ подвигалась къ той цѣли, къ которой такъ *насильственно* увлекъ ее Петръ, не пощадивъ ни нравовъ, ни обычаевъ, ни основныхъ началъ народности».

Такимъ образомъ, Карамзинъ, упрекая реформу Петра въ насильственномъ ускореніи того сближенія съ Европой, которому, по его словамъ, Россія слѣдовала и прежде, — ставитъ всю преобразовательную дѣятельность Петра въ разрывъ съ стремленіями и характеромъ современнаго ему русскаго общества и во всѣхъ преобразованіяхъ и нововведеніяхъ Петра видитъ рѣзкій перерывъ стараго съ новымъ. Но въ дѣйствительности такого рѣзкаго разрыва старины съ новымъ временемъ не было, да и не могло быть; ибо въ историческомъ развитіи человѣческихъ обществъ, совершающемся по общимъ, неизмѣннымъ законамъ, не бываетъ, ни перерыва, ни внезапныхъ скачковъ: всегда движеніе послѣдующее прямо вытекаетъ изъ движенія предыдущаго. То же самое открывается, при внимательномъ разсмотрѣніи фактовъ, и въ реформѣ Петра Великаго. Многія изъ его преобразованій и нововведеній, естественно, вытекали изъ хода историческихъ событій древней Руси и отвѣчали насущнымъ потребностямъ времени и стремленіямъ русскаго общества XVII столѣтія: идеи, осуществленныя реформой, уже жили въ этомъ обществѣ, въ немъ уже существовала партія, осуждавшая прежній порядокъ вещей и стремившаяся къ сближенію съ Европой; подъ вліяніемъ этой партіи неоднократно находилось и само правительство въ теченіе XVII вѣка. Естественно поэтому, что Петръ, появившись въ нашей исторіи во время начавшагося сближенія Россіи съ Европой, принявъ въ свои руки судьбы отечества и ставъ во главѣ партіи движенія, партіи, стремившейся впередъ, — ускоряетъ это сближеніе Россіи съ Европой, ни мало не противорѣча въ этомъ случаѣ естественному ходу историческаго развитія русскаго народа, а напротивъ — разрѣшая одинъ изъ великихъ вопросовъ времени, заданныхъ Россіи самою жизнію народною.

Заимствованія изъ Европы дѣлались до Петра какъ-то урывками и какъ бы случайно; стремленія къ нововведеніямъ, не смотря на явное сознаніе въ ихъ необходимости, выражались какъ-то робко и нерѣшительно. Петръ, какъ

натура высшая, геніальная, ясно увидѣлъ, что мертвый застой, въ которомъ старая рутина держала Россію столько вѣковъ, становится наконецъ гибельнымъ для самаго государственнаго организма Россіи. Онъ ясно понималъ, что для дальнѣйшаго существованія и успѣховъ Россіи, — какъ державы великой, посреди другихъ державъ европейскихъ, — необходимо полное и всестороннее развитіе ея государственныхъ и народныхъ силъ. Сознаніе этой необходимости и внушало Петру мысль: вмѣсто прежнихъ робкихъ и случайныхъ нововведеній и полумѣръ, произвести обширное, всеобщее преобразованіе своего государства. Мысль о преобразованіи государственнаго устройства Россіи родилась у него за границей, и онъ началъ приводить ее въ исполненіе, по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, производя реформы въ русскомъ общественномъ и частномъ бытѣ постепенно, въ теченіе всей своей жизни, такъ что важнѣйшія изъ преобразованій Петра (какъ напримѣръ изданіе «Духовнаго Регламента», учрежденіе академіи наукъ) совершились только въ концѣ его царствованія.

И такъ, государственная реформа, предпринятая Петромъ Великимъ, была явленіемъ современнымъ, необходимымъ, вытекавшимъ естественно изъ хода событій древней Руси и отвѣчавшимъ настоятельнымъ потребностямъ русскаго государства и стремленіямъ народнымъ. Но, къ сожалѣнію, нельзя сказать того же самаго о мѣрахъ и пріемахъ, посредствомъ которыхъ Петръ вводилъ въ русскій народъ свои нововведенія. На этихъ мѣрахъ и пріемахъ петровской реформы лежитъ не рѣдко рѣзкая печать бурнаго, деспотическаго и часто жестокаго характера самаго преобразователя. Сознавъ однажды необходимость извѣстнаго преобразованія, Петръ, съ свойственною ему нетерпѣливостію, хотѣлъ видѣть немедленно его дѣйствія и плоды, — и со всѣмъ могуществомъ своего порывистаго, желѣзнаго характера, съ непоколебимою силою воли принимался перестраивать старое и насаждать новое. И тутъ-то Петръ употреблялъ нерѣдко безпощадно крутыя, насильственныя мѣры, для скорѣйшаго введенія въ дѣйствіе своихъ преобразованій, перестраивалъ и ломалъ старое съ тою быстротою и порывистостію, которою запечатлѣны почти всѣ его дѣйствія, — не обращая вниманія ни на состояніе умовъ, ни на положеніе современнаго русскаго общества, ни на народныя чувства и понятія; противниковъ же и ослушниковъ своей воли жестоко каралъ и преслѣдовалъ. Оттого многія изъ его нововведеній были такъ ненавистны народу и такъ порицались приверженцами стараго порядка вещей. Но всѣ крутыя и жестокія мѣры Петра, — если не оправдываемыя, то легко объясняемыя современными обстоятельствами и положеніемъ Россіи и современнымъ взглядомъ на народъ, — ни мало не могутъ уменьшить великаго значенія реформы, предпринятой Петромъ для возвеличенія и для блага Россіи, которое онъ видѣлъ въ просвѣщеніи русскаго народа и въ его сближеніи съ Европой, — въ просвѣщеніи, о насажденіи котораго въ Россіи онъ такъ искренно, съ такой неслыханной энергіей и дѣятельностію заботился въ теченіе всей своей жизни.

Мѣры Петра относительно народнаго образованія. Состояніе и характеръ литературной дѣятельности въ его царствованіе.

Мнѣніе Петра о древне-русской образованности. — Если для всѣхъ мыслящихъ людей XVII столѣтія были очевидны отсутствіе знаній и науки и недостатокъ просвѣщенія на Руси; то тѣмъ ощутительнѣе этотъ недостатокъ долженъ былъ представиться Петру, который, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ своего дѣтства, какъ извѣстно, получилъ очень ограниченное воспитаніе. Но образованіе, которое Петръ могъ получить въ тогдашней Россіи и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не могло бы, конечно, удовлетворить пылкимъ и всеобъемлющимъ стремленіямъ его геніальной натуры. Образованіе, какое было потребно для Петра, онъ могъ получить въ то время только въ просвѣщенныхъ странахъ Европы. Хотя первое заграничное путешествіе Петра не было предпринято имъ съ цѣлію образованія, хотя въ этомъ случаѣ имъ руководила одна лишь тогдашняя страсть къ морскому дѣлу и къ изученію кораблестроенія, но тѣмъ не менѣе посѣщеніе Европы играетъ важнѣйшую роль въ собственномъ развитіи Петра и во всѣхъ совершенныхъ имъ преобразованіяхъ. Вскорѣ послѣ поѣздки за границу, онъ рѣзко высказалъ свое мнѣніе о недостаткѣ просвѣщенія въ Россіи въ извѣстномъ разговорѣ съ патріархомъ Адріаномъ, въ концѣ 1698 или въ началѣ 1699 года. Петръ, посѣтивъ больнаго патріарха, и въ разговорѣ съ нимъ коснувшись русскаго просвѣщенія, сказалъ: «у насъ ставятся священники малограмотные, св. таинствъ неразумѣющіе. Надобно ихъ учить, чтобы они могли вразумлять православный народъ въ истинахъ христіанскихъ и просвѣщать зловѣрцевъ: Татаръ, Мордву, Черемису. Потому, хотя бы въ Кіевъ послать нѣсколько десятковъ человѣкъ для обученія въ тамошнія школы, которыя могли бы ихъ къ тому приготовить. Благодатію Божіею, — продолжалъ царь, — и въ Москвѣ у насъ есть школа, и тому дѣлу порадѣть бы можно, но мало кто въ ней учится, потому что никто, какъ подобаетъ, не назираетъ за школой. А изъ школы могли бы *во всякія потребы люди, учась благоразумно, происходить: въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовать, знать строеніе и докторское врачевское искуство*. Здѣсь многіе желаютъ дѣтей своихъ учить *свободнымъ наукамъ* и отдаютъ ихъ для этого *иноземцамъ;* иные и *въ домахъ своихъ держатъ учителей иноземцевъ*, которые нашего славянскаго языка не знаютъ и не могутъ правильно говорить, и къ тому же, — они иныхъ вѣръ» *).

Изъ этихъ словъ Петра ясно, что онъ ставилъ кіевскія школы выше московскихъ и что въ послѣднихъ (т. е. собственно въ московской академіи) онъ хотѣлъ видѣть болѣе реальнаго, жизненнаго направленія, хотѣлъ, чтобы московская академія была чѣмъ-то въ родѣ университета, который могъ бы дать ему образованныхъ молодыхъ людей для всѣхъ родовъ государственной

*) Ibid. т. 3, стр. 99.

службы. По складу своего ума, по характеру своихъ желаній и стремленій,— этотъ реальный взглядъ на знанія и на науку былъ господствующимъ взглядомъ Петра. Главная цѣль всѣхъ его преобразованій заключалась въ томъ, чтобы доставить Россіи могущество политическое, въ которомъ онъ видѣлъ существенную основу для ея благоденствія; и потому, торопясь съ преобразованіями, онъ требовалъ отъ науки прямаго служенія своимъ государственнымъ цѣлямъ, смотрѣлъ на просвѣщеніе, какъ на надежнѣйшее средство къ осуществленію своихъ видовъ и намѣреній, относительно реформы государственнаго устройства Россіи. Этотъ практическій взглядъ самого Петра на знанія и науку отразился на всѣхъ мѣрахъ и учрежденіяхъ, предпринятыхъ имъ для просвѣщенія народа, умственной дѣятельности котораго онъ старался сообщить строго-реальное направленіе, соотвѣтствовавшее его политическимъ цѣлямъ. Вотъ отчего между государственной реформой Петра и наукой и литературой его времени существуетъ *самая тѣсная связь*, какъ мы это увидимъ, при обозрѣніи главнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ и литературной дѣятельности писателей реформы.

Вліяніе кіевской учености въ царствованіе Петра и связь духовнаго образованія въ его царствованіе съ духовнымъ образованіемъ прежняго времени. — Заведеніе *свѣтскихъ училищъ* и *изданіе книгъ* — преимущественно спеціальнаго содержанія — были главнѣйшими мѣрами Петра по части образованія народнаго. Это дѣло, т. е. свѣтскія училища и распространеніе спеціальныхъ знаній въ народѣ, посредствомъ изданія книгъ, заимствованныхъ у Европы, было совершенно новымъ для Руси, вытекавшимъ прямо изъ потребностей реформы. Но въ тоже время прежнія духовныя училища, т. е. двѣ академіи — кіевская и московская — не потерпѣли измѣненія отъ реформы ни въ своемъ назначеніи, ни въ характерѣ и направленіи преподаваемыхъ въ нихъ наукъ. Мы привели выше свидѣтельство, что Петръ былъ хорошаго мнѣнія о кіевской учености. Для кіевскаго коллегіума время Петра было даже самою цвѣтущею эпохою. Онъ пожаловалъ (1701) этому заведенію грамоту, которою подтверждались всѣ прежнія его привиллегіи, какъ отдѣльной и независимой ученой корпораціи, и въ которой кіевскій коллегіумъ въ первый разъ названъ былъ *академіей*. Петру, для осуществленія его обширныхъ и разнообразныхъ плановъ, нужны были люди образованные, знакомые хотя въ нѣкоторой степени съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Между Русскими онъ могъ встрѣтить такихъ людей только въ числѣ духовныхъ лицъ, воспитывавшихся въ кіевской академіи. И потому, въ его царствованіе и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, воспитанники кіевской академіи являются почти исключительными и главнѣйшими дѣятелями: въ сферѣ духовнаго управленія и религіознаго просвѣщенія, въ сферѣ образованія и обученія народнаго и наконецъ — на поприщѣ литературномъ. Естественно, что люди эти, въ какой бы сферѣ ни вращалась ихъ дѣятельность, вездѣ слѣдовали тому направленію, которое сообщила имъ школа и родъ полученнаго имъ образованія. Такимъ образомъ,

вліяніе кіевской учености въ духовномъ образованіи Великороссіи не только не уменьшилось во время реформы, но еще значительно усилились, особенно съ 1701 года, когда протекторомъ московской академіи былъ сдѣланъ митроп. Стефанъ Яворскій, — одна изъ духовныхъ знаменитостей царствованія Петра. Государь былъ отвлеченъ, какъ видно, дѣломъ реформы отъ мысли, высказанной имъ въ разговорѣ съ патр. Адріаномъ, — преобразовать московскую славяно-греко-латинскую академію въ родъ университета. Чрезъ два года послѣ этого разговора, вскорѣ послѣ смерти Адріана, назначивъ Стефана Яворскаго *блюстителемъ* московскаго патріаршаго престола, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ его протекторомъ академіи и поручилъ ему заботу объ учрежденіи духовныхъ училищъ въ Россіи. Яворскій получилъ образованіе въ кіевскомъ коллегіумѣ и въ заграничныхъ польскихъ училищахъ и самъ былъ долгое время преподавателемъ кіевскаго коллегіума. Поэтому понятно, что онъ старался ввести въ московскія школы тотъ родъ образованія, съ которымъ самъ былъ хорошо знакомъ, т. е. образованія кіевскаго, или *ученіе латинское*, какъ говорили тогда. Лучшаго духовнаго образованія, какъ кіевское, — которое было снимкомъ съ западнаго схоластическаго образованія, — при тогдашнихъ обстоятельствахъ, Яворскій и не могъ ввести; во-первыхъ потому, что ученыхъ преподавателей, которые знали бы русскій языкъ, онъ могъ найти только въ Кіевѣ; а во-вторыхъ, — онъ долженъ былъ предпочесть кіевское образованіе прежнему московско-византійскому (которое, при послѣднихъ патріархахъ, Іоакимѣ и Адріанѣ, еще удерживалось въ московской академіи) потому, что кіевскіе ученые не относились такъ враждебно къ западной наукѣ и не считали ее, подобно московскимъ книжникамъ, опасною для православія. Потому С. Яворскій прямо представилъ государю, что лучшимъ образцомъ для устройства московской академіи можетъ служить устройство академіи кіевской, — и Петръ, особымъ указомъ 1701 года, повелѣлъ завести въ московской академіи *ученія латинская*. Затѣмъ Яворскій вызвалъ изъ Кіева ученыхъ преподавателей, ввелъ въ Москвѣ всѣ кіевскіе школьные порядки и пріемы, какъ со стороны внѣшняго устройства училища, такъ и со стороны внутренняго содержанія и направленія преподаваемыхъ наукъ, и сдѣлалъ латинскій языкъ господствующимъ языкомъ школьнаго преподаванія. Такимъ образомъ, славяно-греко-латинская академія въ Москвѣ, въ началѣ XVIII стол., сдѣлалась точною копіею академіи кіевской и долго сохраняла съ нею тѣсную связь, тѣмъ особенно, что съ этого времени сдѣлалось почти правиломъ давать мѣста преподавателей въ московскихъ духовныхъ школахъ, равно какъ и высшія духовныя должности въ Великороссіи, преимущественно воспитанникамъ кіевской академіи. Преобразованіе московской академіи по образцу кіевской особенно важно въ томъ отношеніи, что оно имѣло вліяніе на организацію всѣхъ духовныхъ училищъ въ Великороссіи, учреждавшихся впослѣдствіи: духовное образованіе московской академіи, вмѣстѣ со всѣми ея школьными порядками, было перенесено цѣликомъ во всѣ областныя семинаріи и духовныя школы, въ которыя начальники и учители назначались обыкновенно изъ московской академіи.

И такъ, духовное образованіе времени Петра, расширивъ свои предѣлы, не подверглось, однако, какому либо коренному измѣненію, относительно своего существеннаго характера и своего внутренняго достоинства. Западная схоластика, которая въ концѣ XVI столѣтія перешла въ Кіевъ, перенесена была теперь и въ великороссійскія духовныя училища. Реформа Петра, коснувшись всѣхъ сторонъ русской жизни, на образованіе духовное не могла имѣть того же вліянія, какое она имѣла въ другихъ сферахъ умственной дѣятельности народа. Напротивъ: такъ-какъ первыми и главными пособниками Петра въ дѣлѣ образованія были воспитанники схоластическихъ училищъ, то они невольно проводили въ жизнь и въ кругъ своей дѣятельности тѣ или другія понятія, сообщенныя имъ воспитаніемъ.

Связь духовнаго образованія при Петрѣ съ духовнымъ образованіемъ предшествовавшаго времени видна яснѣе всего изъ современныхъ учебныхъ руководствъ, которыя были совершенно одинаковы, какъ въ кіевской, такъ и въ московской академіи, и которыя вели свое начало отъ Іоанникія Голятовскаго, Кирилла Транквилліона и другихъ кіевскихъ ученыхъ; и наконецъ изъ книгъ, — сочиненій и переводовъ, — которые издавались наставниками академій или лицами, находившимися подъ вліяніемъ образованія, получаемаго въ обѣихъ академіяхъ. Эти учебники и книги заключались по большей части въ перепечатаніи прежнихъ схоластическихъ сочиненій или же въ изданіи новыхъ, — но въ томъ же духѣ и направленіи. Литературная дѣятельность московской академіи, въ подражаніе академіи кіевской, выражалась при Петрѣ въ изобильномъ сочиненіи разнаго рода виршей, какъ-то: кантовъ, стихотворныхъ панегириковъ и хвалебныхъ стиховъ — либо въ честь царственныхъ особъ или кого либо изъ высоко поставленныхъ лицъ, либо по случаю военныхъ побѣдъ Петра и разнаго рода празднествъ и торжествъ. Обычай сочинять духовныя драмы, или мистеріи, былъ тоже перенесенъ изъ Кіева въ славяно-греко-латинскую академію, воспитанники которой разыгривали ихъ въ рекреаціонное время.

Вліяніе московской академіи ограничивалось преимущественно сферою духовнаго образованія. Хотя Петръ и поручалъ вначалѣ преподавателямъ академіи переводить нѣкоторыя, имъ самимъ указанныя, не духовныя сочиненія, и хотя въ академію поступали (впрочемъ въ небольшомъ числѣ) лица и не изъ недуховнаго званія; но это скоро прекратилось, и послѣ учрежденія свѣтскихъ училищъ, московская академія удержала вполнѣ свой прежній характеръ и, согласно своему назначенію, осталась заведеніемъ чисто-духовнымъ.

Такимъ образомъ, эпоха преобразованій, можно сказать, не внесла почти ничего новаго въ русское духовное образованіе: оно осталось почти тѣмъ же, что и было въ XVII столѣтіи: только кіевская схоластика, пріобрѣтя права гражданства въ Москвѣ, постоянно вытѣсняла господствовавшее здѣсь прежде византійское вліяніе. Но въ сферѣ образованія общаго, или *свѣтскаго*, образованія, незнакомаго древней Руси и насажденнаго въ Россіи Петромъ, образованія европейскаго, представителемъ котораго былъ самъ царь, которое отвѣчало и прямо вытекало изъ предпринятаго имъ государственнаго преобра-

зованія Россіи, — въ этой сферѣ дѣятельность преобразователя произвела коренныя измѣненія и внесла въ русскую жизнь тѣ начала и понятія, которыя должны были пробудить Россію отъ стариннаго коснѣнія и многовѣковаго застоя и заставить ее идти путемъ безостановочнаго прогресивнаго движенія впередъ; ибо только такое движеніе составляетъ залогъ благоденствія и величія народовъ и государствъ; тогда какъ, напротивъ, застой и мертвая неподвижность влекутъ за собою отупѣніе народа, разслабленіе народныхъ силъ и распаденіе государственныхъ организмовъ. Петръ это ясно сознавалъ, и всѣ усилія употреблялъ къ тому, чтобы сообщить русской политической и народной жизни живое, поступательное движеніе, — котораго ей не доставало, — и чтобы сблизить русскій народъ съ жизнію образованныхъ европейскихъ народовъ.

Мѣры относительно свѣтскаго образованія. — Мѣры и учрежденія Петра по части образованія и распространенія просвѣщенія въ народѣ и предметы образованія, на которые онъ обратилъ преимущественное вниманіе, заключалось, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ:

1) въ учрежденіи *свѣтскихъ* училищъ для всѣхъ сословій въ государствѣ, а не для одного духовенства, какъ было прежде;

2) въ изданіи *спеціальныхъ книгъ* по части морскаго дѣла, военныхъ наукъ, кораблестроенія, архитектуры и т. п.;

3) въ *переводахъ нѣкоторыхъ классическихъ въ то время и современныхъ въ Европѣ сочиненій* по части наукъ политическихъ, юридическихъ, историческихъ и другихъ;

4) въ изданіи *книгъ для первоначальнаго обученія* въ школахъ, какъ-то: букварей, катехизисовъ и т. п. которые, по своему характеру, рѣзко отличались отъ старинныхъ книгъ этого рода;

5) въ учрежденіи *типографій* и введеніи въ употребленіе *гражданскихъ* литтеръ, или *гражданскаго алфавита*, которымъ стали печататься всѣ не духовныя книги и сочиненія и всѣ распоряженія правительства: указы, уставы, регламенты и т. п. расходившіеся изъ Петербурга по всей Россіи;

6) въ печатаніи „*Русскихъ Вѣдомостей*", на манеръ европейскихъ періодическихъ изданій;

7) въ учрежденіи *С.-Петербургской Академіи Наукъ*,

и наконецъ 8) въ сообщеніи болѣе свѣтскаго характера прежнимъ «мистеріямъ», «интермедіямъ», и вообще *драматическимъ представленіямъ*.

Важнѣйшими изъ всѣхъ поименованныхъ нами явленій реформы, относившихся до просвѣщенія народнаго, были конечно *школы* и *книги*.

Свѣтскія школы. — Въ первомъ учрежденіи свѣтскихъ школъ прямо высказались государственныя цѣли Петра: учрежденныя имъ вначалѣ учебныя заведенія были училища спеціальныя, — преимущественно для образованія военнаго. Въ 1700 году Петръ завелъ въ Москвѣ школы *Математическую* и *Навигацкую* (она называлась еще «штюрманскою»), въ которыхъ учителями

были три англичанина*); а чрезъ 15 лѣтъ основалъ въ Петербургѣ «морскую академію», въ которой уже преподавались высшія науки, относившіяся до военнаго дѣла, — морскаго и сухопутнаго, — такъ-какъ для послѣдняго не существовало еще особаго спеціальнаго заведенія; но впослѣдствіи учреждены были въ Петербургѣ же школы инженерная и артиллерійская. Въ связи съ спеціальными военными заведеніями стояло и заведеніе при военномъ госпиталѣ въ Москвѣ, — родъ хирургической школы, — въ которой нѣсколько молодыхъ людей, знавшихъ латинскій языкъ, подъ руководствомъ иностранныхъ медиковъ, занимались изученіемъ анатоміи и хирургіи.

Школы для общаго народнаго обученія при Петрѣ учреждались какъ-то по сословіямъ: существовали особыя гарнизонныя школы для солдатскихъ дѣтей, особыя школы для дѣтей подъячихъ, *греческія* и *латинскія* школы, семинаріи и другихъ названій училища, — для дѣтей духовнаго званія. При архіерейскихъ же домахъ и монастыряхъ во всѣхъ провинціяхъ учреждены были первоначальныя, или т. н. *цыфирныя* школы, для дѣтей купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ; въ этихъ школахъ, кромѣ обученія русской грамотѣ, учили *цыфири* (ариѳметикѣ) и геометріи.

Реформа хотѣла коснуться даже и духовныхъ школъ и устроить ихъ на новыхъ началахъ. Но такая школа была открыта лишь одна, въ Петербургѣ, при Александро-Невскомъ монастырѣ, подъ именемъ «словенской школы». Эта школа была открыта вслѣдъ за изданіемъ «Духовнаго Регламента» (см. ниже: Ѳ. Прокоповичъ) и учрежденіемъ синода (1721 г.) произведшихъ коренное измѣненіе въ русскомъ духовномъ управленіи. Петръ еще въ 1701 году, назначая Ст. Яворскаго мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, повелѣлъ, чтобы онъ «не жалѣя имѣнія и доходовъ дому патріаршаго, училища учредилъ и о наученіи закона Божія крайне прилѣжалъ» и чтобы «по прошествіи малаго времени, не наученныхъ по крайней мѣрѣ катехизма и 10 заповѣдей, не свидѣтельствовавъ самъ, во священники не ставилъ». Но во всѣхъ, учреждавшихся при Яворскомъ и послѣ него, духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ господствовало прежнее кіевское вліяніе: начальниками и учителями въ нихъ были монахи, ученики поступали исключительно изъ дѣтей священно- и церковно-служителей, и при обученіи употреблялись прежнія учебныя руководства. «Словенская» же школа въ Петербургѣ, въ первое время своего учрежденія, рѣзко отличалась отъ духовныхъ училищъ въ другихъ городахъ Россіи. Школѣ этой хотѣли придать то практическое направленіе, которое такъ нравилось Петру. Въ ней учителями были не только монахи и духовные, но и люди свѣтскіе, а въ числѣ учениковъ — изъ духовнаго званія находилось не много, — болѣе же изъ разночинцевъ, т. е. изъ дѣтей мастеровыхъ, подъячихъ и т. д. были даже дѣти крѣпостныхъ различныхъ господъ; учить же здѣсь стали по руководствамъ, составленнымъ на основаніи новыхъ началъ, какъ

*) Тамъ же стр. 99—101. О петровскихъ школахъ см. тамъ же: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, *П. Пекарскаго* С.-Пб. 1862 г. т. 1, стр. 122 — 131.

напримѣръ, по книгѣ Ѳеофана Прокоповича: «Первое ученіе отрокомъ», напечатанной въ Петербургѣ въ 1720 году. Содержаніе нашихъ старинныхъ букварей ограничивалось обыкновенно азбукой и складами, за которыми прямо слѣдовало, безъ всякихъ объясненій, изложеніе псалмовъ и молитвъ, которые поэтому и заучивались дѣтьми механически; въ букваряхъ позднѣйшихъ, составленныхъ подъ вліяніемъ кіевской науки, къ этому присоединялись иногда разныя нравственныя наставленія, излагавшіяся большею частію нелѣпыми виршами, въ которыхъ прославлялась розга, какъ весьма полезное и необходимое орудіе при воспитаніи дѣтей. Ѳ. Прокоповичъ, въ своей книгѣ для первоначальнаго обученія, рѣзко отступилъ отъ этой старой методы. Въ «Первомъ ученіи отрокомъ», послѣ азбуки, онъ помѣстилъ толкованіе и объясненія десяти заповѣдей, молитвы господней, символа вѣры и блаженствъ евангельскихъ. Да кромѣ того, въ предисловіи къ книгѣ, сильно напалъ на старинныхъ книжниковъ и на прежній способъ обученія: «Воспитаніе въ Россіи, — сказано здѣсь, — кто не видитъ, какъ скудно! . . . Все богопочтеніе полагаютъ во внѣшнихъ обрядахъ и тѣлесныхъ (т. е. механическихъ) обученіяхъ, никѣ помышляюще о самомъ основательномъ благочестіи». Потому авторъ вооружается противъ мнимо-грамотныхъ, изучавшихъ въ книгахъ одну лишь букву, а не смыслъ читаемаго, и возстаетъ противъ такихъ *чтецовъ книгъ*, которые не знаютъ ни заповѣдей Божіихъ, ни символа вѣры, ни силы молитвъ. Такіе грамотники, говоритъ Прокоповичъ, гораздо хуже и злѣе людей неграмотныхъ. Книгу Ѳ. Прокоповича повелѣно было не только принять въ руководство во всѣхъ училищахъ, но и читать, въ извѣстные дни, въ церквахъ, вмѣсто книгъ Ефрема Сирянина. Это обстоятельство, новость толкованія въ учебникѣ религіозныхъ догматовъ и особенно — рѣзкость предисловія книги не понравились старинным книжникамъ — не только московскимъ, но въ особенности кіевскимъ, которые въ духовномъ и въ учебномъ мірѣ пользовались въ то время въ Россіи исключительнымъ авторитетомъ. Они вооружились противъ книги Ѳ. Прокоповича и обвиняли автора въ неправославіи; но тѣмъ не менѣе, при жизни Петра, «Первое ученіе отрокомъ» введено въ употребленіе въ училищахъ.

Говоря о заведеніи училищъ при Петрѣ, мы должны однако упомянуть, что всѣ школы какъ свѣтскія, такъ и духовныя, учрежденныя въ его время, не пользовались любовію въ народѣ. Правительство писало неоднократно подтвердительные указы и приказывало: «которые въ ученіи быть не хотятъ, тѣхъ имать въ школы и неволею». Въ первое свѣтское училище Петра, въ «навигацкую школу» тоже набирали учениковъ «добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ». Изъ многихъ указовъ Петра и другихъ современныхъ памятниковъ видно, что и въ «цыфирныя» школы и даже въ духовныя семинаріи родители отдавали своихъ дѣтей неохотно и лишь по принужденію. Особенно строгъ былъ указъ 1708 года (который потомъ нѣсколько разъ повторялся) относительно дѣтей духовнаго званія: тѣ изъ нихъ, которые не были записаны въ *греческія* и *латинскія* школы, не ставились ни въ священники, ни въ дьяконы, и ихъ велѣно было брать въ солдаты.

Понятно, что, при такомъ порядкѣ вещей, школы, заведенныя Петромъ, шли весьма туго и не могли процвѣтать, и что успѣхи учениковъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ его времени были крайне не велики. Нелюбовь къ петровскимъ школамъ нельзя однако объяснять несочувствіемъ русскаго народа къ образованію вообще. Русскій народъ и въ старину не чуждался грамоты и ученія, тѣмъ менѣе онъ могъ чуждаться грамоты въ XVIII столѣтіи. Но во-первыхъ: организація Петровскихъ школъ не соотвѣтствовала ни нравамъ и обычаямъ, ни понятіямъ и вѣрованіямъ народнымъ, и потому народъ не любилъ правительственныхъ школъ и не питалъ къ нимъ довѣрія; а во-вторыхъ: экономическій и общественный бытъ русскаго народа, глубоко потрясенный безпорядками XVII столѣтія и подавленный, въ эпоху Петра, всею тяжестію его государственной реформы, — былъ весьма далекъ отъ благоденствія. Эпоха Петра была однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ временъ для русскаго народа. Продолжительная сѣверная война, устройство флота, новыя учрежденія — все это требовало большихъ пожертвованій, и все это русскій народъ выносилъ на своихъ плечахъ. Тутъ конечно ему некогда было думать о грамотности и объ образованіи. Образованность бываетъ всегда плодомъ народнаго досуга и матеріальнаго довольства, безъ которыхъ не мыслимо вообще никакое образованіе. Тѣмъ не менѣе великъ подвигъ Петра и святы его заботы и усилія о заведеніи и распространеніи въ Россіи училищъ. Началу, положенному имъ, и его энергическимъ мѣрамъ и стараніямъ о народномъ образованіи, Россія обязана тѣмъ, что, черезъ 40 — 50 лѣтъ послѣ его царствованія, сдѣлалось *возможнымъ*, сдѣлалось *потребностію* для Россіи открытіе университетовъ, гимназій и народныхъ училищъ, — что, при прежнемъ, до-петровскомъ порядкѣ вещей, не могло совершиться въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ.

Учрежденіе С.-Петербургской академіи наукъ. — Кругъ дѣятельности Петра Великаго по предмету учрежденій для распространенія наукъ и знаній въ Россіи заканчивается основаніемъ «С.-Петербургской академіи наукъ».

Въ Январѣ 1724 года онъ издалъ указъ «о академіи, въ которой бы языкамъ учились, также прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ *) и переводились книги, назначить мѣсто для сего и доходъ». Планъ и основная мысль составленнаго для академіи устава принадлежатъ самому Петру, хотя основать академію совѣтовалъ ему извѣстный философъ Лейбницъ. Первоначальный уставъ С.-Петербургской академіи доказываетъ, что Петръ ясно сознавалъ современныя потребности Россіи. Онъ понималъ, что основать въ Россіи учрежденіе, подобное академіямъ наукъ, существовавшимъ въ государствахъ европейскихъ, было бы явленіемъ несвоевременнымъ. Потому въ уставѣ Петра объ академіи говорилось: «возращеніе наукъ и художествъ въ Россіи должно быть учинено не по чуждымъ образцамъ, а надлежитъ смотрѣть на состояніе

---

*) Подъ „художествами“ Петръ разумѣлъ науки: механику, математику, физику, анатомію и другія, особенно въ ихъ приложеніи къ практикѣ.

государства, какъ въ разсужденіи обучающихъ, такъ и обучающихся, и такое зданіе (т. е. учрежденіе) учинить, чрезъ которое бы не токмо слава сего государства, для размноженія наукъ нынѣшнимъ временемъ распространилась, но и чрезъ обученіе и расположеніе оныхъ польза народа впереди была». На этомъ основаніи, по проэкту Петра, С.-Петербургская академія должна была состоять: 1) изъ собственно *академіи*, или общества ученыхъ, которые должны были самостоятельно разрабатывать науку, 2) изъ *университета*, въ которомъ были бы профессорами и читали лекціи члены академіи, и наконецъ 3) изъ *гимназіи*, въ которой адъюнкты академіи должны были преподавать молодымъ людямъ «первые рудименты» (основанія) наукъ и готовить ихъ въ университетъ. Кромѣ того, академія должна была переводить на русскій языкъ замѣчательныя иностранныя сочиненія и академикамъ было поставлено въ обязанность составленіе, для русской учащейся молодежи, учебныхъ руководствъ по разнымъ наукамъ; т. е. каждый изъ нихъ, — какъ сказано въ уставѣ, — долженъ былъ изготовить «систему или курсъ въ наукѣ своей къ пользѣ учащихся молодыхъ людей». Ясно изъ этого, что Петръ, учреждая академію, имѣлъ въ виду преимущественно образовательныя и педагогическія цѣли.

Послѣ утвержденія академическаго устава, назначена была сумма на содержаніе академіи, и государь самъ выбралъ для нея помѣщеніе, заботясь при томъ особенно о квартирахъ «академическимъ учителямъ, также и для обученія студентовъ». Затѣмъ сдѣланъ былъ вызовъ и приглашены ученые изъ Европы занять мѣста академиковъ въ новой академіи. Тогдашнихъ знаменитыхъ ученыхъ, Вольфа и Лейбница, Петръ самъ приглашалъ въ Россію, но они не согласились покинуть отечество. Такимъ образомъ, все было готово къ открытію академіи, но въ началѣ слѣдующаго, 1725 года, скончался Петръ, и открытіе академіи послѣдовало чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти, при императрицѣ Екатеринѣ I.

Изданіе книгъ. Переводы. — Другимъ главнѣйшимъ явленіемъ реформы по части образованія народнаго, какъ мы сказали, были *книги*.

Петръ смотрѣлъ на книги, съ одной стороны, какъ на необходимое орудіе для предпринятой имъ государственной реформы, а съ другой — какъ на одно изъ главнѣйшихъ средствъ для распространенія въ народѣ здравыхъ понятій и образованности. Потому онъ самъ заботился о переводахъ и составленіи книгъ, самъ дѣлалъ выборъ и указанія для переводовъ, самъ назначалъ переводчиковъ и составителей книгъ и хлопоталъ о печатаніи и распространеніи книгъ въ народѣ. Вся книжная производительность Петрова времени была, можно сказать, выраженіемъ его личной воли, его плановъ и идей и находилась въ тѣсной связи со всей его преобразовательною дѣятельностію. Исключеніе составляли книги духовнаго содержанія или вообще книги, писавшіяся въ направленіи схоластической учености, подъ вліяніемъ двухъ академій, кіевской и московской. Печатаніе этихъ послѣднихъ книгъ также значительно усилилось въ эпоху Петра, вслѣдствіе увеличенія числа типографій. Но всѣ

книги, появлявшіяся по желанію Петра, всегда прямо относились къ предметамъ реформы и назначались либо для распространенія въ народѣ новыхъ свѣдѣній и понятій, либо для оправданія, для объясненія и истолкованія дѣйствій и распоряженій правительства.

Петръ особенно заботился о переводахъ европейскихъ книгъ на русскій языкъ. Мы видѣли, что и самая мысль объ учрежденіи академіи была у него связана съ мыслію о переводѣ книгъ. Онъ хлопоталъ о томъ, напримѣръ, чтобы посредствомъ ученыхъ западныхъ Славянъ перевести для Русскихъ заграничные энциклопедическіе словари, а также «книгу юриспруденціи». Въ 1718 году на представленной ему иностранцомъ Фикомъ запискѣ объ обученіи русскихъ молодыхъ людей, онъ написалъ резолюцію: «сдѣлать академію, также *начать переводить книги юриспруденціи и прочія*». Мысль о переводѣ на русскій языкъ замѣчательныхъ и полезныхъ европейскихъ сочиненій занимала Петра въ теченіе всего его царствованія. Онъ всегда самъ просматривалъ переведенныя, по его порученію, книги, дѣлалъ свои замѣчанія, отдавалъ книги въ печать и хлопоталъ о томъ, чтобы ихъ читали. Узнавъ, что въ европейской литературѣ, по части права и исторіи народовъ въ то время считались лучшими сочиненія Самуила Пуфендорфа, Петръ приказалъ перевести на русскій языкъ изъ сочиненій его: «Введеніе въ исторію европейскихъ народовъ», «О должностяхъ человѣка и гражданина» и «О законахъ естества и народовъ» (De jure naturæ et gentium). Это послѣднее сочиненіе Пуфендорфа, — какъ и нѣкоторые другіе переводы Петрова времени, — осталось въ рукописи и не было напечатано. Сочиненія Пуфендорфа переводилъ Гавріилъ Бужинскій (см. ниже) и первое изъ нихъ: «Введеніе въ исторію» — снабдилъ предисловіемъ, въ которомъ упомянулъ, что въ русскомъ переводѣ сохранены всѣ мнѣнія и отзывы автора и что онъ сдѣланъ безъ пропусковъ. Бужинскій сначала выпустилъ было въ рукописи своего перевода рѣзкіе отзывы Пуфендорфа о грубости и невѣжествѣ русскаго народа и русскаго духовенства; но Петръ разсматривая переводъ и замѣтивъ выпуски, назвалъ переводчика за это глупцомъ и велѣлъ вставить въ переводъ выпущенныя, неблагосклонныя мнѣнія Пуфендорфа о Русскихъ. Вотъ одно изъ этихъ мнѣній, въ переводѣ Бужинскаго: «Въ письменахъ же столь не искусны суть (Россіяне), яко въ писаніи и въ прочтеніи книгъ совершенство ученія полагаютъ. Паче же и самые священницы суть грубы и всякаго ученія не причастны . . . Рабскій народъ, рабски смирятися и жестокостью власти воздержатся въ повиновеніи любятъ», и проч. Достойно замѣчанія, что послѣ Петра, именно при императрицѣ Аннѣ, «Введеніе въ исторію» Пуфендорфа подверглось запрещенію и велѣно было изъять эту книгу изъ обращенія. Такой же участи подверглось, при императрицѣ Елисаветѣ, и другое сочиненіе, переводъ котораго сдѣланъ былъ тѣмъ же Бужинскимъ: «Ѳеатронъ историческій» (Theatrum historicum, протестантскаго епископа Стратемана).

При Петрѣ же были переведены на русскій языкъ сочиненія знаменитыхъ въ свое время политическихъ писателей: Гуго Гроція — «О законахъ брани и мира» (De jure belli et pacis) Юста Липсія — «Увѣщанія и приклады

(примѣры) политическіе» (Monita et exempla politica) и многія другія книги по части географіи, исторіи, миѳологіи, и проч. Большая часть этихъ переводовъ дѣлалась всегда по желанію и часто по указанію самаго царя.

Въ 1717 году была переведена и напечатана въ Петербургѣ: «Книга мірозрѣнія», — сочиненіе извѣстнаго современнаго ученаго, *Гюйгенса*. Переводъ этой книги замѣчателенъ потому, что это *первое* печатное на русскомъ языкѣ сочиненіе, въ которомъ была принята система Коперника.

Русскія переводчики книгъ Петрова времени снабжали свои переводы подробными и тщательными предисловіями и объясненіями, въ которыхъ излагались: содержаніе и значеніе сдѣланнаго перевода, побудительныя причины къ переводу сочиненія на русскій языкъ, свѣдѣнія историческія, біографическія объ авторахъ и другія, въ которыхъ могли нуждаться русскіе читатели.

Изъ оригинальныхъ русскихъ сочиненій, появившихся при Петрѣ, по его мысли и желанію, слѣдуетъ упомянуть о книгѣ, написанной извѣстнымъ Шафировымъ, и напечатанной въ 1717 году, подъ заглавіемъ: «Разсужденіе, какія законныя причины его царское величество къ начатію войны противъ Карола 12 шведскаго въ 1700 г. имѣлъ». Книга эта во многихъ мѣстахъ исправлена и передѣлана самимъ Петромъ. Она написана съ цѣлію — оправдать русское правительство въ начатіи и въ способѣ веденія шведской войны. Изъ «Разсужденія» мы узнаемъ, что Петра осуждали въ начатіи шведской войны не только иностранцы, но и русскіе, обремененные ея тягостями. Книга опровергаетъ мнѣнія, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, и важнѣйшія мѣста опроверженія писаны, — какъ указалъ г. Устряловъ, — самимъ царемъ.

Такъ каждое замѣчательное событіе царствованія Петрова, каждое новое распоряженіе или дѣйствіе правительства всегда находило себѣ объясненіе или оправданіе въ произведеніяхъ современной письменности. Петръ не довольствовался тѣмъ, что силою своей царской власти могъ произвести въ государствѣ ту или другую реформу, могъ издать указъ о приведеніи въ исполненіе той или другой мѣры. Онъ хотѣлъ, кромѣ того, дѣйствовать на убѣжденіе народа посредствомъ книгъ, въ которыхъ объяснялись и оправдывались мѣры правительства, въ которыхъ доказывалась разумность или необходимость принятія этихъ мѣръ. Доказательствомъ этому служатъ почти всѣ регламенты, уставы, указы и другіе акты законодательной дѣятельности Петрова времени, въ которыхъ всегда занимали видное мѣсто пространныя объясненія и изложеніе мотивовъ, почему предпринимается то или другое учрежденіе или почему приводится въ исполненіе та или другая правительственная мѣра.

Заведеніе типографій. Гражданскій алфавитъ. — Всѣ письменныя произведенія Петрова времени предавались тисненію и распространялись въ народѣ, для чего царь дѣятельно заботился о распространеніи въ Россіи типографскаго дѣла и объ увеличеніи числа типографій. До Петра, Москва довольствовалась одною типографіею, которая печатала однѣ лишь церковныя книги и работала вообще довольно медленно. Послѣ возвращенія государя изъ

заграницы, московская типографія должна была усилить свою дѣятельность, не ограничиваясь печатаніемъ однѣхъ лишь книгъ духовнаго содержанія, какъ было прежде. Да кромѣ того, находясь въ Голландіи, царь далъ привиллегію на печатаніе русскихъ книгъ амстердамскому типографщику, Тессингу, который завелъ у себя русскіе шрифты и началъ печатать русскія книги, при помощи Ильи Копіевича, реформатскаго пастора изъ Бѣлоруссіи. Русскія книги печатались въ Амстердамѣ и отсылались въ Россію въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, до 1711 года, когда была открыта первая петербургская типографія, послѣ которой устроено было въ Петербургѣ, во время Петра, еще три типографіи: при Александровскомъ монастырѣ, при сенатѣ и при морской академіи.

Въ Амстердамѣ же отлиты были въ первый разъ русскія буквы такъ называемой *гражданской* азбуки, изобрѣтеніе которой приписывается самому Петру. Азбука эта, — отличавшаяся отъ церковно-славянской, или «кириллицы», исключеніемъ нѣсколькихъ излишнихъ буквъ послѣдней и уничтоженіемъ удареній, —въ начертаніи буквъ болѣе приближалась къ латинскому алфавиту. Буквы *гражданской печати* стали употребляться для всего, что писалось на собственно-русскомъ языкѣ, и для печатанія всѣхъ произведеній свѣтской письменности; а употребленіе кириллицы было оставлено исключительно для книгъ духовнаго содержанія, печатавшихся на языкѣ церковно-славянскомъ. Такимъ образомъ русскій языкъ, со временъ Петра, отдѣлился отъ церковно-славянскаго и по внѣшнему начертанію буквъ, и сдѣлался исключительнымъ орудіемъ собственно *свѣтской* письменности и литературы. Гражданскій шрифтъ введенъ во всеобщее употребленіе около 1708 года; изъ первыхъ книгъ, напечатанныхъ этимъ шрифтомъ, извѣстна книга: «Приклады (примѣры) како пишутся комплименты разные» *).

Куранты до Петра. Печатаніе первыхъ „Русскихъ Вѣдомостей“ при Петрѣ. — Съ 1703 года начали издаваться въ Москвѣ, по повелѣнію Петра, первыя печатныя «русскія вѣдомости».

Періодическія изданія, заключавшія въ себѣ политическія и другія извѣстія, или вообще журнальная литература, на западѣ Европы, въ XVI стол., уже достигла значительнаго развитія и играла доволно важную роль въ политической и умственной жизни европейскихъ народовъ. У насъ же скудныя заграничныя извѣстія о томъ, «что нынѣ въ нѣмецкихъ государствахъ дѣлается» почерпались изъ посольскихъ донесеній и изъ статейныхъ списковъ нашихъ пословъ къ иностраннымъ дворамъ. Со времени Михаила Ѳеодоровича вошло въ непремѣнный обычай, при отправленіи пословъ, всегда наказывать имъ, чтобы они доносили царю обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ въ чужихъ земляхъ, а также присылали бы выписки изъ выходившихъ тамъ газетъ. Правильное же полученіе иностранныхъ газетъ въ Москвѣ (преимущественно

---

*) О книгахъ, переводахъ и типографіяхъ при Петрѣ, см. подробности въ названномъ сочиненіи академика Пекарскаго, т. II.

гамбургскихъ и голландскихъ) которыя доставлялись въ «Посольскій приказъ», началось лишь въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

На обязанности посольскаго приказа было — изъ донесеній и статейныхъ списковъ русскихъ пословъ дѣлать извлеченія и подносить ихъ для прочтенія царю. Эти извлеченія назывались «курантами» (отъ латин. currens — бѣгущій, текущій — вѣроятно по примѣру Голландіи, гдѣ и теперь еще всѣ періодическія листки называются курантами). Русскіе куранты, кромѣ извѣстій изъ посольскихъ донесеній, заключали въ себѣ иногда и переводы нѣкоторыхъ статей изъ иностранныхъ газетъ, считавшихся почему-либо интересными для того времени. Куранты отъ царя переходили для прочтенія лишь немногимъ, приближеннымъ къ нему, лицамъ, а для народа оставались государственною тайною. Самый древній столбецъ курантовъ относится къ 1621 году.

Въ 1701 году закончилось составленіе рукописныхъ курантовъ. Въ концѣ слѣдующаго 1702 года, Петръ особымъ указомъ повелѣлъ *печатать куранты*, собирая для нихъ изо всѣхъ «приказовъ» извѣстія, или «вѣдомости о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ». Вслѣдствіе этого указа, 2 Генваря 1703 года, вышелъ первый листъ печатныхъ «Русскихъ Вѣдомостей».

Петръ сознавалъ всю важность и значеніе изданія въ Россіи періодическихъ листковъ, изъ которыхъ народъ могъ почерпать вѣрныя свѣдѣнія о современныхъ событіяхъ, совершавшихся въ отечествѣ и заграницей. Пребываніе въ Европѣ указало ему, что газеты играли серьезную роль въ европейской публикѣ и имѣли немаловажное значеніе въ мірѣ политическомъ и умственномъ. Московскіе куранты представили ему удобный случай для того, чтобы обратить ихъ въ русское періодическое изданіе, или газету въ европейскомъ смыслѣ. Петръ такъ и сдѣлалъ. И вмѣсто рукописныхъ курантовъ, составлявшихъ до него государственную тайну, стали выходить въ Москвѣ печатныя «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ» *). Печатались вѣдомости въ количествѣ 1000 экземпляровъ, и дѣло изданія первыхъ русскихъ вѣдомостей было до такой степени близко Петру, что онъ самъ назначалъ карандашемъ, для перевода и помѣщенія въ нихъ, мѣста изъ голландскихъ газетъ и даже самъ правилъ корректуру нѣкоторыхъ нумеровъ, которые и теперь хранятся въ москов. синод. библіотекѣ съ его корректурными замѣтками **).

Въ первыхъ нумерахъ петровскихъ вѣдомостей 1703 года впереди шли русскія извѣстія, излагавшіяся вообще довольно хорошо и безпристрастно; иныя изъ нихъ не лишены интереса и въ настоящее время. Такъ напримѣръ: въ нумерѣ 2 генваря помѣщено слѣдующее извѣстіе о московскихъ школахъ,

---

*) „Первыя русскія вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 году". (Новое тисненіе) С.-Пб. 1855 года.

**) Тамъ же, стр. 10—11, предисловіе.

доказывающее, между прочимъ, что школы составляли для Петра предметъ большой заботливости:

«Повелѣніемъ его величества московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію, и уже діалектику окончили.

«Въ математической штюрманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся, и добрѣ науку пріемлютъ».

Тутъ же находится, напр. такое любопытное извѣстіе:

«Изъ Сибири пишутъ: Въ китайскомъ государствѣ іезуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены» *).

За русскими извѣстіями шли извѣстія заграничныя, почерпавшіяся изъ европейскихъ газетъ и изъ оффиціальной переписки русскихъ дипломатическихъ чиновниковъ; потому заграничныя извѣстія начинались чаще всего выраженіемъ: «Изо Львова, изъ Стекольны (Штокгольма), изъ Парижа, изъ Персиды и т. п. — пишутъ».

Вначалѣ вѣдомости выходили въ неопредѣленные сроки, — вѣроятно по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, — и печатались церковно-славянскимъ шрифтомъ, а впослѣдствіи — то церковнымъ, то гражданскимъ. Съ 1711 года вѣдомости стали печататься и въ Петербургѣ; первый до-нынѣ извѣстный листокъ *петербургскихъ* вѣдомостей появился 11 мая 1711 года» **). Петербургскія вѣдомости сначала выходили тоже въ неопредѣленные сроки; правильное изданіе ихъ началось съ 1728 года, когда редакція вѣдомостей поступила въ завѣдываніе академіи наукъ.

Политическія извѣстія въ первыхъ петровскихъ вѣдомостяхъ составлялись довольно искусно. Неизвѣстно, кто занимался ихъ редакціей; нѣкоторые думаютъ, что главнымъ редакторомъ вѣдомостей былъ графъ Ѳ. А. Головинъ, — по отзывамъ современниковъ, — человѣкъ замѣчательно умный. Языкъ, которымъ писались вѣдомости, — какъ можно видѣть изъ приведеннаго выше примѣра, — довольно правильный и близкій къ разговорному языку того времени.

Такимъ образомъ Петръ положилъ основаніе русской журнальной литературѣ; при немъ начаты двѣ первыя политическія русскія газеты: «Московскія» и «С.-Петербургскія» вѣдомости, изданіе которыхъ продолжается и до настоящаго времени.

Театральныя представленія. — Такъ преобразовательная дѣятельность Петра, внося новыя начала въ сферу общаго образованія, сообщивъ движеніе

---

*) Тамъ же, л. 1 — 2.

**) Нѣкоторыя нумера петерб. вѣдом. 1711 года украшены довольно грубой работы виньеткою, на которой изображены: Петропавловская крѣпость, Нева, покрытая судами и парящій надъ нею меркурій съ кадуцеемъ и трубою. — Въ этихъ вѣдомостяхъ, кромѣ политическихъ, военныхъ и другихъ извѣстій, иногда помѣщались фельетонныя описанія бывавшихъ въ Петербургѣ празднествъ, торжествъ иллюминацій и т. п.

умственной дѣятельности той части русскаго общества, которая волей или неволей пошла за реформой, — сопровождалась необходимо и новыми явленіями въ современной письменности и литературѣ. Даже старыя литературныя явленія, удержавшіяся въ эпоху преобразованія отъ XVII столѣтія, подъ вліяніемъ реформы, должны были измѣнить нѣсколько свой прежній характеръ. Духовныя драмы, напримѣръ, или мистеріи, представленіе которыхъ продолжалось въ началѣ XVIII столѣтія, какъ при дворѣ и въ духовныхъ училищахъ, такъ и въ сооруженныхъ, на счетъ правительства, театрахъ, — утрачиваютъ при Петрѣ свой строго-религіозный характеръ. Въ нихъ часто къ предметамъ религіознымъ приплетались предметы политическаго содержанія и дѣлались намеки на современныя событія; нѣкоторыя драмы даже писались по поводу того или другаго явленія въ политическомъ мірѣ. Въ пьесѣ: «Страшное изображеніе втораго пришествія Господня на землю» (была представлена 1702 г. въ Москвѣ, въ славяно-греко-латинской академіи) основанной на апокалипсисѣ, вмѣстѣ съ религіознымъ предметомъ, выведены на сцену современныя политическія событія, а именно: несогласія и безпорядки польскаго сейма, не хотѣвшаго, по желанію короля Августа и въ угоду Петру, начать войну противъ Карла XII. Сеймъ представленъ здѣсь подъ видомъ «Самоволія» и «Гордыни»; въ сенатъ приходитъ «Геніушъ (геній) польскій» и склоняетъ сенаторовъ согласиться съ желаніемъ короля, но его не слушаютъ; «Фортуна» и «Побѣда» все же однако доставляютъ торжество и «трофеумъ» Петру, который является въ пьесѣ подъ именемъ «Марса роксоланскаго». Въ другой пьесѣ: «Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе» изображается пораженіе Шведовъ подъ Полтавой, измѣна Мазепы и бѣгство Карла XII; но это политическое событіе перепутано съ исторіею Саула, Давида и Голіаѳа; на сценѣ является хромой левъ съ надписью: «хромъ, но лютъ». Швеція также изображена хромою, — все это насмѣшки и намеки на Карла XII, получившаго въ сраженіи рану въ ногу.

Извѣстно содержаніе нѣсколько подобныхъ пьесъ Петрова времени; большая часть изъ нихъ утратилась и сохранились однѣ только программы представленій.

По внѣшней формѣ своей — по языку и построенію пьесы, по множеству аллегорій и т. п. драмы времени Петра ничѣмъ не отличались отъ прежнихъ духовныхъ драмъ, С. Полоцкаго и другихъ югозападныхъ писателей. Разница заключалась только въ томъ, что въ пьесахъ послѣдняго времени допускались эпизоды политическаго содержанія и что религіозный сюжетъ не игралъ въ нихъ главной роли. Все отношеніе этихъ пьесъ къ современной дѣйствительности ограничивалось изображеніемъ подвиговъ и прославленіемъ побѣдъ государя, представленіемъ униженія его враговъ, торжества надъ непокорными и т. д.

Болѣе прямымъ отношеніемъ къ дѣйствительной жизни и къ современнымъ явленіямъ петровской эпохи отличались «интермедіи», или «интерлюдіи», —забавныя сцены, или фарсы, разыгрывавшіеся въ антрактахъ между большими пьесами. Въ нихъ собственно нѣтъ никакой завязки, но выведено нѣсколько лицъ, ведущихъ между собою разговоры. Въ сохранившихся до насъ

нѣсколькихъ рукописныхъ интермедіяхъ выведены на сцену: *раскольщикъ*, или раскольникъ, который оплакиваетъ гибель «старой вѣры», говоритъ, что настали послѣднія времена, времена антихриста, и проч.; *ставленникъ* и *дьячокъ*, котораго обманываютъ *подьячіе* и берутъ взятки; наконецъ: жидъ, цыганъ, лѣкарь-нѣмецъ, и его слуга, маркитантъ, мошенники и т. д. Изъ этого переименованія дѣйствующихъ лицъ пьесы видно, что существенный характеръ сценическихъ представленій, называвшихся «интермедіями», заключался въ элементѣ комическомъ. Раскольникъ, ставленникъ, дьячекъ и т. д. — живыя лица, живые историческіе типы петровской эпохи, — выбраны очень метко и удачно, и выведены на сцену за тѣмъ, чтобы подвергнуть посмѣянію ихъ заблужденія и упорное старовѣрство. Сочинители интермедій дѣйствовали въ этомъ случаѣ въ угоду правительству и въ его намѣреніяхъ: извѣстны строгіе указы Петра о бритьѣ бородъ и усовъ, о ношеніи нѣмецкаго платья и о томъ, чтобы ставить въ священники только учившихся въ латинскихъ и греческихъ школахъ. Петръ и здѣсь не довольствовался, однако, одною строгостію своихъ указовъ: сочинители интермедій, стараясь дѣйствовать на убѣжденіе народа, въ духѣ реформы и по мысли царя, прибѣгали къ фарсамъ и къ насмѣшкѣ, чтобы представить передъ зрителями всю безвыходность и комизмъ положенія противниковъ воли правительства. Сатирическій элементъ какъ мы увидимъ далѣе, составлялъ вообще одну изъ существенныхъ характеристическихъ чертъ произведеній писателей реформы.

«Интермедіи» петровской эпохи, не смотря, на указанную нами искуственность своего происхожденія, интересны въ томъ отношеніи, что выводятъ на сцену живыя лица современной дѣйствительности и довольно ярко рисуютъ главныя характеристическія черты этихъ лицъ, ихъ современные интересы и ихъ положеніе. Сатира и насмѣшка интермедій, правда, очень груба, тривіальна, иногда до крайности беззастѣнчива, — что свидѣтельствуетъ о совершенной грубости вкуса и неразвитости эстетическаго чувства зрителей, передъ которыми давались интермедіи; — но тѣмъ не менѣе въ нихъ видѣнъ, мѣстами, неподдѣльный юморъ русскаго народа и способность подмѣтить смѣшную сторону предмета. Для примѣра приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ интермедіи, въ которой выведены названныя нами выше дѣйствующія лица.

Раскольникъ, въ длинномъ монологѣ, жалуется, что «никоновщики проклятые нашу старую вѣру попрали, свою же нѣкую нову, незнаемо откуду взяли».

Далѣе онъ говоритъ:

«И не токмо вѣру нашу стару
Попрали, но и платіе долгое уже премѣнили:
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьи, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы...
Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняютъ, —
Свои брады наголо желѣзомъ обриваютъ, и проч.

Потомъ, встрѣтивъ жида и узнавъ, что онъ человѣкъ *стараго закона*,

раскольникъ принимаетъ его за своего собрата. Въ этомъ заключается комизмъ положенія, въ которое авторъ хотѣлъ поставить раскольника.

Выведенный въ интермедіи «маркитантъ», продающій пироги, съ своими прибаутками и зазываніемъ покупщиковъ, съ простою народною рѣчью, — лице очень живое въ пьесѣ и вѣрное дѣйствительности до настоящаго времени. Онъ такъ расхваливаетъ свой товаръ:

Кто тутъ спрашиватъ подовыхъ, господа честные,
Вотъ у меня куды хорошіе какіе.
То, здѣсь пироги горячи,
Ѣдятъ годные подъячи.
Вотъ у меня съ лучкомъ, съ перцомъ,
Съ свѣжимъ, говяжимъ сердцомъ, и проч.

Далѣе являются: ставленникъ, мошенники, дьячекъ, подьячіе и т. д. Мошенникъ, узнавъ отъ ставленника, что онъ пришелъ въ Москву ставиться въ священники и взялъ съ собою лишь немного денегъ на дорогу, говоритъ:

«Какъ же ты идешь ставиться съ простыми руками,
Вѣдь и къ секретарямъ надо идти съ дарами»?
Мошенники крадутъ у него деньги.

Подъячій приходитъ къ дьячку, чтобы взятъ его дѣтей въ семинарію дьячекъ отмаливается, проситъ избавить его дѣтей отъ семинаріи; подъячій требуетъ за это денегъ и говоритъ:

«Ну давай, скоро, *дьячишко*, *могильная муха*,
Смотри, чтобы я тебѣ не скромлъ треуха».

Дьячекъ, оплакивая участь своихъ дѣтей, восклицаетъ:

«Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ
И въ *проклятую серимарію на муку* отбираютъ.
О мои дѣтушки сердечныя!

Кромѣ мистерій и интермедій, на театрахъ, устроенныхъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, въ Петрово время, давались и пьесы, переведенныя изъ современныхъ иностранныхъ произведеній (французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ). Есть свѣдѣніе, что въ посольскомъ приказѣ хранилось тринадцать подобныхъ пьесъ. Но изъ нихъ до нашего времени дошли лишь немногія. Болѣе извѣстны: 1) «Докторъ, принужденный» (Le médecin malgré lui, Мольера) который былъ игранъ, говорятъ, первый разъ на домашнемъ театрѣ царевны Софьи. *)

*) Царевна Софья очень любила театръ и сама сочиняла драматическія пьесы. Карамзинъ читалъ въ рукописи ея драму въ стихахъ: „Екатерина мученица“, и отзывался о ней съ похвалою; но эта драма царевны теперь утратилась. Существуетъ еще извѣстіе (мекленбургскаго посланника Вебера) что другая дочь царя Алексѣя Михайловича, — любимая сестра Петра, — Наталья Алексѣевна, также сочиняла трагедіи и комедіи, и что въ одной драмѣ ея сочиненія выведено на сцену возстаніе стрѣльцовъ.

2) «Принцъ Никель Гярингъ, или Жоделетъ — комедія, *Самый свой тюремщикъ* (Le geôlier de soi-même, Корнеля де-Лиля). 3) Переводъ 5-го дѣйствія Донъ-Жуана, подъ именемъ — *Донъ-Яна;* переводъ этотъ сдѣланъ, кажется, съ польскаго и 4) Комедія Мольера: Les prècieuses ridicules, русскій переводъ которой найденъ между бумагами Петра, подъ названіемъ: «Драгія смѣяныя».

Выборъ этой послѣдней пьесы для перевода и для представленія передъ русской публикой начала XVIII столѣтія кажется особенно страннымъ. Въ комедіи Мольера: Les prècieuses ridicules выведенъ на сцену и подвергнутъ насмѣшкѣ типъ женщинъ во Франціи, въ половинѣ XVII столѣтія, слывшихъ подъ именемъ *précieuses*, старавшихся выражаться на письмѣ и въ разговорахъ съ особенною чистотою и щегольствомъ рѣчи. Впослѣдствіи, въ извѣстной части современнаго французскаго общества, это доведено до смѣшнаго и перешло въ крайнюю аффектацію и въ излишнюю чопорность, — въ такъ называемый пуризмъ въ манерахъ и особенно въ разговорахъ. Вотъ противъ подобныхъ чопорныхъ пуристокъ, подъ чопорностію скрывавшихъ иногда вовсе непохвальные нравы, и была направлена комедія Мольера. Потому она наполнена намеками на современные французскіе нравы, множествомъ каламбуровъ, изысканныхъ фразъ и тонкостей рѣчи, которыми такъ богатъ разговорный французскій языкъ и которые составлены Мольеромъ въ насмѣшку надъ излишнею чопорностію. Но легко себѣ представить, — если мы возьмемъ во вниманіе степень развитія литературнаго вкуса въ современномъ русскомъ обществѣ, — что всѣ эти вещи всего менѣе могли быть понятны для русской публики начала XVIII столѣтія. Оттого въ русскомъ переводѣ названной комедіи Мольера многое вышло темно и безтолково, и можетъ быть понято только при сравненіи съ подлинникомъ, котораго, какъ видно, переводчикъ и самъ не понималъ, и болѣе старался о передачѣ словъ, нежели смысла переводимаго.

О театральныхъ представленіяхъ во времена Петра сохранилось мало извѣстій, — особенно русскихъ. Изъ иностранцевъ, находившихся тогда въ Россіи, сообщаютъ нѣкоторыя извѣстія о русскомъ театрѣ въ Москвѣ и въ Петербургѣ: австрійскій посланникъ Бассевичъ, въ своихъ запискахъ и камеръ-юнкеръ Берхольцъ, состоявшій при герцогѣ голштинскомъ, въ своемъ дневникѣ. Первый говоритъ, что русскій театръ въ Москвѣ былъ «варварскій, а потому посѣщался только чернью». Драмы, представленіе которыхъ шло на этомъ театрѣ, по словамъ Бассевича, дѣлились на дюжину дѣйствій и давались въ теченіе цѣлой недѣли, а въ антрактахъ представлялись «шутовскія интермедіи при пособіи кнута и палочныхъ ударовъ». Отзывы о русскомъ театрѣ въ дневникѣ камеръ-юнкера Берхгольца тоже очень не благосклонны для театральныхъ представленій Петрова времени *).

---

*) Берхольцъ присутствовалъ на спектакляхъ, устроенныхъ въ Измайловскомъ дворцѣ вдовствующей царицы Прасковьи, ея дочерью, герцогинею мекленбургскою, Екатериною Ивановною. Театръ, по словамъ Берхгольца, былъ устроенъ изящно, но игра актеровъ, ихъ костюмы и игравшаяся комедія были очень плохи,

Безъ сомнѣнія, первыя попытки къ развитію въ Россіи театральнаго искуства не могли быть успѣшны. Древне-русская жизнь не представляла элементовъ, на основаніи которыхъ могъ бы развиться національный русскій театръ и самобытная драматическая поэзія; и потому, какъ духовныя мистеріи и безобразные переводы иностранныхъ пьесъ, такъ и самыя интермедіи временъ Петра Великаго, явившись плодомъ искуственнымъ на русской почвѣ, плохо принимались на ней. *)

Писатели въ эпоху преобразованія.

Сдѣлавъ общее обозрѣніе мѣръ, какія предприняты были Петромъ для созданія русскаго просвѣщенія на новыхъ началахъ, и представивъ общій очеркъ ученой и литературной дѣятельности, подъ вліяніемъ реформы, мы перейдемъ теперь къ обозрѣнію въ частности дѣятельности болѣе замѣчательныхъ русскихъ писателей Петрова царствованія.

1. Дѣятельность Ѳеофана Прокоповича. — Мы уже говорили, что большинство писателей въ эпоху Петровыхъ преобразованій состояло изъ лицъ духовныхъ, и объяснили причину такого явленія. Между духовными писателями этой эпохи и вообще между писателями реформы первое мѣсто занимаетъ, безспорно, новгородскій и псковскій архіепископъ, *Ѳеофанъ Прокоповичъ* († 1736 г.)

Біографія.—Прокоповичъ родился въ Кіевѣ и былъ сынъ бѣдныхъ людей. Въ юности онъ попалъ въ кіевскую академію, гдѣ среди всѣхъ товарищей своихъ отличался необыкновенными способностями и прилежаніемъ. Познанія, пріобрѣтенныя въ Кіевѣ, не удовлетворили Прокоповича, и онъ уѣхалъ учиться за границу. Въ тогдашней Польшѣ онъ учился въ уніатскихъ и католическихъ школахъ, какъ напримѣръ: въ львовской и краковской академіяхъ. Но страсть къ пріобрѣтенію познаній влекла Прокоповича далѣе. Посѣтивъ Вѣну, славянскія земли, Тироль и болѣе замѣчательные въ то время университетскіе города Италіи, онъ прибылъ наконецъ въ Римъ и вступилъ здѣсь въ коллегіумъ св. Афанасія, учрежденный папою Григоріемъ XIII собственно для Грековъ и Славянъ. По словамъ одного біографа Прокоповича, читавшіяся въ этомъ коллегіумѣ лекціи философіи и богословія не нравились молодому Прокоповичу.

— на сколько содержаніе послѣдней могъ понимать Берхгольцъ, какъ иностранецъ. Другое театральное представленіе въ Москвѣ, описанное въ дневникѣ Берхгольца, происходило въ узкомъ и невзрачномъ сараѣ, въ московскомъ госпиталѣ. Играли здѣсь какую-то пьесу (сюжетъ которой заключался въ исторіи Александра Македонскаго и Дарія) молодые люди, учившіеся при госпиталѣ хирургіи и анатоміи; пьеса состояла изъ 18 актовъ, а въ антрактахъ шли забавныя интермедіи, — очень плохія, по словамъ автора, „и оканчивавшіяся всегда потасовкой“.

*) Подробности о „мистеріяхъ“ и театральныхъ представленіяхъ при Петрѣ у г. Пекарскаго, т. I, стр. 380—478. См. также въ „Лѣтописяхъ“, г. Тихонравова (1859, III): „Русскія интерлюдіи первой половины XVIII вѣка“.

Но такъ-какъ онъ, своею любовію къ наукамъ, своимъ умомъ и способностями, обратилъ на себя особенное вниманіе іезуитовъ, которые управляли коллегіумомъ св. Афанасія, и пріобрѣлъ ихъ расположеніе; то для него были открыты всѣ ихъ библіотеки, которыми онъ и съумѣлъ воспользоваться, посвятивъ все время ученія своего въ Римѣ преимущественно чтенію и изученію произведеній отцевъ церкви и классической (греческой и римской) литературы, обозрѣнію древнихъ памятниковъ Рима и внимательнымъ наблюденіямъ надъ его современнымъ состояніемъ и надъ состояніемъ католичества вообще, подъ духовнымъ и свѣтскимъ правленіемъ папы. Эти наблюденія, сдѣланныя Θеофаномъ Прокоповичемъ въ самой столицѣ католическаго міра, помогли ему впослѣдствіи при составленіи сочиненій противъ католичества, или его нападеній на «папежскій духъ», какъ онъ выражался.

Возвращаясь въ отечество, Прокоповичъ посѣтилъ Швейцарію, всходилъ на Сенъ-Готардъ и терпѣлъ много лишеній въ пути, пробираясь землями, подвергшимися въ то время опустошенію французскихъ и австрійскихъ войскъ, вслѣдствіе войны за наслѣство испанскимъ престоломъ. Скоро послѣ пріѣзда въ Кіевъ, Θ. Прокоповичъ постригся въ монахи и получилъ мѣсто преподавателя богословія и философіи въ тамошней академіи, а впослѣдствіи былъ избранъ въ ректоры академіи.

Прокоповичъ сдѣлался извѣстенъ Петру въ Кіевѣ съ 1706 года, сказавъ ему умно и ловко составленное привѣтственное слово. Съ того времени царь видимо отличалъ Θ. Прокоповича и благоволилъ къ нему, и въ 1716 году вызвалъ его въ Петербургъ. Петръ, послѣ смерти патріарха Адріана, не назначалъ ему преемника, задумавъ уничтожить въ Россіи патріаршество и учредить иной порядокъ церковнаго управленія. Полагая, что Θ. Прокоповичъ, по своему уму и учености, способенъ осуществить его мысли и желанія въ этомъ отношеніи, царь поручилъ ему составить уставъ новаго управленія церковными дѣлами. Уставъ этотъ, надъ составленіемъ котораго Прокоповичъ трудился нѣсколько лѣтъ, былъ напечатанъ первый разъ, подъ названіемъ «Духовнаго Регламента», въ 1721 году. При введеніи въ дѣйствіе новаго устава и учрежденіи святѣйшаго синода, Θеофанъ былъ назначенъ его вице-президентомъ (онъ еще до того, по повелѣнію Петра, былъ посвященъ въ епископы), пользовался постояннымъ расположеніемъ государя и имѣлъ большое вліяніе въ дѣлахъ управленія русской церкви не только во время Петра, но и при его наслѣдникахъ, особенно при императрицѣ Аннѣ, въ царствованіе которой и скончался.

Характеристика и сочиненія Θ. Прокоповича, какъ писателя реформы. Проповѣди; похвальное слово русскому флоту; сатирическій элементъ въ проповѣдяхъ Θ. Прокоповича. Духовный Регламентъ.—Отзывы о Θ. Прокоповичѣ какъ его почитателей, такъ равно и враговъ (которыхъ онъ имѣлъ очень много) одинаково согласны въ томъ, что Прокоповичъ рѣзко отличался отъ всѣхъ югозападныхъ русскихъ ученыхъ, дѣйствовавшихъ въ Великороссіи, въ эпоху Петра, своими замѣчательными дарованіями, оригинальнымъ умомъ и своей классической и обширной ученостію. Одинъ современный германскій ученый (Фонъ-Гавенъ), бывшій въ Петербургѣ

и познакомившійся съ Ѳеофаномъ, говоритъ, что «по знаніямъ своимъ, у него мало или почти нѣтъ никого равныхъ, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословія и философіи, у него глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанная охота къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ говоритъ на двухъ, хотя въ Россіи не хочетъ употреблять никакого, кромѣ русскаго, и только въ крайнихъ случаяхъ объясняется на латинскомъ, въ которомъ не уступитъ лучшему академику. Языки греческій и еврейскій онъ также понимаетъ хорошо и въ самой глубокой старости занимается ими» *). Самъ Прокоповичъ, относительно любви къ знаніямъ, говоритъ въ духовномъ регламентѣ: «просвѣщенный человѣкъ никогда *сытости* не имѣетъ въ познаніи своемъ, не престанетъ никогда учитися, хотя бы онъ и Маѳусаиловъ вѣкъ пережилъ».

Петръ не ошибся, полагая, что онъ найдетъ въ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ вѣрнаго помощника своему дѣлу, человѣка, искренно преданнаго реформѣ, искренно убѣжденнаго въ ея необходимости для Россіи. Такимъ, дѣйствительно, является Прокоповичъ въ своей ораторской дѣятельности и во всѣхъ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ. Еще не будучи призваннымъ къ осуществленію намѣреній Петра въ дѣлѣ его преобразованій, Прокоповичъ рѣзко осуждалъ схоластику кіевскихъ и московскихъ школъ и смѣялся надъ невѣжествомъ, прикрытымъ внѣшнимъ видомъ учености и глубокомыслія. Лекціи философіи и богословія, которыя онъ читалъ въ кіевской академіи, до такой степени отличались отъ существовавшаго здѣсь до него способа преподаванія этихъ наукъ, что враги Прокоповича называли эти лекціи «ученіемъ новымъ» и требовали довести о нихъ до свѣдѣнія царя, доказывая, что ученіе Прокоповича, не согласное будто съ ученіемъ церкви, служитъ препятствіемъ къ возведенію его въ санъ архіерея. О схоластикѣ тогдашнихъ духовныхъ школъ въ Россіи Прокоповичъ говорилъ, что она занимаетъ только учениковъ пустыми спорами и поселяетъ въ нихъ ложную увѣренность въ пріобрѣтеніи мудрости; тогда какъ науку слѣдуетъ преподовать самостоятельно, не дѣлая изъ нея комедіи. Посѣтивъ, проѣздомъ въ Петербургъ, московскую академію, онъ отзывался о ней неодобрительно и смѣялся надъ господствовавшею тамъ страстью къ виршамъ. **)

Переселившись въ Петербургъ подъ покровительство царя, съ которымъ онъ сходился во взглядахъ и въ томъ убѣжденіи, что повсемѣстныя реформы, необходимы, что старые предразсудки, суевѣрія и всеобщее невѣжество задерживаютъ государственное развитіе Россіи, Ѳеофанъ выступилъ здѣсь на поприще духовнаго оратора съ цѣлымъ рядомъ обличительныхъ проповѣдей, въ которыхъ рѣзко и смѣло нападалъ на рутинныя идеи, понятія и вѣрованія старины. Въ этихъ проповѣдяхъ, равно какъ въ другихъ сочиненіяхъ Ѳеофана, писанныхъ въ обличительномъ тонѣ, мы встрѣчаемъ нападки на праздность и невѣжество духовенства (особенно монашества) и современной русской знати,

---

*) Пекарскій, т. I, стр. 488.

**) Ibid. 481.

на религіозныя заблужденія раскольниковъ, происходившія, по мнѣнію проповѣдника, тоже вслѣдствіе невѣжества, на ханжество, на излишнюю преданность обрядности и наружному выполненію церковныхъ правилъ и установленій, какъ напр. чрезмѣрнымъ постамъ, обоготворенію иконъ и т. п. и на множество другихъ суевѣрныхъ взглядовъ и понятій, завѣщанныхъ отъ старины. Въ тоже время почти всѣ слова и проповѣди Ѳеофана клонились къ тому, чтобы оправдать въ глазахъ народа, чтобы объяснить и указать ему на видимую пользу и вопіющую необходимость вводимыхъ или приготовлявшихся Петромъ преобразованій, — и этимъ возбудить къ нимъ сочувствіе въ народныхъ массахъ. Искренно убѣжденный въ важности и полезности реформы, понимавшій лучше всѣхъ другихъ передовыхъ дѣятелей той эпохи государственную дѣятельность Петра и во многомъ ей сочувствовавшій, онъ тѣмъ съ большею силою слова и убѣжденія старался доказывать, что мѣры и распоряженія правительства не только не вредны для государства и для народа и не только невраждебны духу вѣры и св. писанію — какъ утверждали противники реформы — но, что они именно и предприняты правительствомъ для пользы церкви, для пользы и славы государства и народа вообще и для частной пользы каждаго гражданина въ отдѣльности. Такъ онъ старается объяснить и растолковать народу въ своихъ проповѣдяхъ всѣ важнѣйшія реформы и нововведенія Петра. Царь вводитъ новое лѣтосчисленіе и велитъ начинать новый годъ съ генваря, а не съ сентября, ведя счетъ годамъ съ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра, какъ было прежде; — мѣра возбудившая въ то время ропотъ въ старовѣрахъ, принявшихъ ее за «ересь великую и погубленіе лѣтъ Божіихъ», — Ѳ. Прокоповичъ старается оправдать новую мѣру и доказываетъ, что въ ней не заключается никакой ереси, что счетъ годамъ отъ сотворенія міра не есть учрежденіе древне-христіанское, и что христіанамъ всего приличнѣе вести счетъ лѣтъ отъ пришествія Христа. Предпринимаетъ ли Петръ путешествія за границу, — Ѳеофанъ говоритъ двѣ проповѣди о пользѣ путешествій для каждаго человѣка вообще и для государя въ особенности, доказывая, что «перегринація, или странствованіе, дивно объясняетъ разумъ къ правительству, и есть смѣло реку, есть тая (та) лучшая, *живая* честная (т. е. разумной) политики школа», — и при этомъ разсказываетъ о заграничныхъ путешествіяхъ Петра. Особенно интересно слово Ѳеофана о необходимости флота для Россіи, необходимости, которая теперь для насъ очевидна, но которая при Петрѣ сознавалась очень немногими: большинство признавало заведеніе флота совершенно излишнимъ и безполезнымъ нововведеніемъ. Ѳ. Прокоповичъ, въ своемъ похвальномъ словѣ русскому флоту, сказанномъ послѣ морской побѣды надъ Шведами, въ 1720 г., съ удивительною логичностію и послѣдовательностію доводовъ, развиваетъ и уясняетъ мысль о необходимости флота для Россіи, приводя въ подтвержденіе своей мысли примѣры изъ исторіи европейскихъ народовъ и указывая на географическое положеніе Россіи, какъ приморской державы. «Пусть разсудитъ всякій, къ чему Богъ создалъ эти пространныя водныя поля, моря и безмѣрный океанъ?» — говоритъ проповѣдникъ и доказываетъ, что воды земнаго шара должны служить для взаимныхъ сношеній

между людьми, для сообщенія между различными странами, возможнаго лишь при помощи морскаго флота. «Не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, которая, надъ рѣкою или озеромъ положена, не имѣла бы лодокъ; а толь славной и сильной монархіи, полуденная и полунощная моря обдержащей, не имѣть кораблей, хотя бы ни единой къ тому не было нужды, — однакоже было бы то безчестно и укорительно. Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и уходятъ, а сами того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стихотворскихъ фабулахъ (басняхъ, вымыслахъ) нѣкій Танталъ стоитъ въ водѣ, да жаждетъ. И потому, и наше море — не наше»... Еслибы — продолжаетъ Ѳеофанъ — къ намъ ѣхали моремъ добрые гости, не возвѣстивъ о себѣ, то узрѣвши ихъ, мы бы не успѣли приготовить для нихъ «трактаментъ» (угощеніе). Какъ же бы мы могли на-скоро устроить необходимую оборону противъ нечаянно и быстро напавшаго на насъ непріятеля? — «Едина конфузія, единъ ужасъ, трепетъ и мятежъ». А хотя бы насъ и возвѣстилъ кто о походѣ непріятеля, то какъ еще знать, на который берегъ онъ выйдетъ, на какой городъ нападетъ?... Если же иногда морской непріятель и не достигнетъ того, чего желаетъ, то все же, настращавъ и поругався надъ нами, отступитъ безъ урона съ своей стороны. «Приходящаго его не начаешься, отходящаго — нельзя догоняти. Кратко рещи: поморію, флотомъ невооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріятелемъ, какъ трудно связанному человѣку дратися съ свободнымъ или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животномъ обходиться съ крокодиломъ». Справедливо замѣтилъ профессоръ Сухомлиновъ, по поводу приведеннаго нами отрывка изъ слова Ѳ. Прокоповича о флотѣ, что въ немъ «есть мѣста, невольно напоминающія нѣкоторые эпизоды изъ послѣдней нашей войны» съ западными союзниками *).

Такое же точно оправданіе и истолкованіе встрѣчали себѣ въ произведеніяхъ Ѳеофана всѣ главнѣйшія дѣйствія и мѣры Петра по части реформы, всѣ замѣчательныя событія его царствованія. Потому большая часть проповѣдей Ѳеофана находится въ прямомъ соотношеніи съ преобразовательною дѣятельностію Петра, въ живой связи съ современною дѣйствительностію, — и въ этомъ заключается ихъ преимущественное достоинство для современниковъ и ихъ историческое значеніе для нашего времени. Ѳ. Прокоповичъ является истиннымъ проповѣдникомъ и писателемъ петровской реформы, ея ревностнымъ поборникомъ и истолкователемъ.

Почти всѣ другіе писатели реформы, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, считали обязанностію безъ разбора восхищаться и хвалить все, что дѣлалъ Петръ и рѣзко осуждать тѣхъ, кто не былъ согласенъ съ его преобразованіями и нововведеніями. Это были безразборчивые панегиристы и оффиціальные хвалители царя, величавшіе его русскимъ Соломономъ, Давидомъ, вторымъ Іисусомъ Навиномъ и т. п. Ѳеофанъ же Прокоповичъ, какъ человѣкъ замѣчательно-умный и даровитый и при томъ искренно убѣжденный и преданный

*) „О литературѣ пероходнаго времени—конца XVII и начала XVIII вѣка“ Журн. Мин. Нар. Пр. 1762. IV, стр. 58.

дѣлу реформы, не просто восхищается, не просто хвалитъ Петра, но подробно разбираетъ его дѣйствія, разъясняетъ ихъ и приводитъ на все убѣдительные доводы и разумныя причины, — какъ мы видѣли въ примѣрѣ о необходимости флота.

Проповѣди Ѳеофана, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ проповѣдниковъ петровской эпохи, входя въ столь близкое соприкосновеніе съ дѣйствительностію и касаясь вопросовъ общественной и политической жизни современной Россіи, вносятъ въ исторію русскаго проповѣднаго слова совершенно новый элементъ, именно — элементъ *гражданскій* или *политическій*. Никогда, ни прежде, ни впослѣдствіи, русскіе проповѣдники не занимались въ такой степени и не трактовали столь обширно въ своихъ проповѣдяхъ о вопросахъ гражданскихъ и политическихъ.

Причина такого явленія заключалась въ духѣ времени, въ свойствѣ самой реформы Петра, въ его требованіяхъ отъ проповѣдниковъ — объяснять и оправдывать тѣ изъ нововведеній и распоряженій правительства, которыя вызывали недовольство въ народѣ. Допуская въ своихъ проповѣдяхъ свѣтскій элементъ, проповѣдники петровской эпохи обязаны были невольно отступить отъ прежняго, строго-религіознаго и догматическаго характера, которымъ отличались произведенія духовныхъ пастырей до-петровской Руси. Ставъ, по убѣжденію или вслѣдствіе требованій власти, защитниками и панегиристами реформы, указывая и разъясняя значеніе и практическую пользу нововведеній, они въ тоже время обязаны были подвергать критикѣ и обличенію старый порядокъ вещей, и для болѣе успѣшнаго дѣйствія на слушателей прибѣгали въ своихъ обличеніяхъ къ *насмѣшкѣ*, къ *сатирѣ*, къ полушутливому, полусерьезному тону рѣчи и поученія. Борьба стараго съ новымъ въ эпоху Петра, которая велась въ жизни, на самомъ дѣлѣ, ярко отразилась и въ современной письменности и литературѣ и дала мѣсто въ послѣдней *юмору* и *сатирическому направленію*, образовавшемуся въ нашей литературѣ именно съ эпохи Петра. Писатели реформы, вооружаясь противъ приверженцевъ старины, поражали ихъ силою сатиры и насмѣшки. Ту же задачу, ту же цѣль обязаны были преслѣдовать и проповѣдники, и потому прибѣгали не рѣдко къ тому же оружію. Вслѣдствіе этого, сатирическій элементъ сталъ проявляться и въ произведеніяхъ лучшихъ проповѣдниковъ петровской эпохи, особенно въ произведеніяхъ Ѳеофана, отличавшагося по преимуществу умомъ саркатическимъ и насмѣшливымъ. Сатирическія выходки противъ невѣждъ, мнимыхъ ученыхъ, противъ ханжей, людей суевѣрныхъ и т. п. и насмѣшливые намеки на нѣкоторыя современныя лица и явленія встрѣчаются у него, какъ въ проповѣдяхъ, такъ и въ другихъ серьезныхъ сочиненіяхъ, даже въ составленныхъ имъ, по повелѣнію царя, постановленіяхъ и указахъ, какъ напримѣръ: въ «Духовномъ Регламентѣ» и друг.

Въ одной проповѣди Ѳеофана говорилось о тогдашнихъ вельможахъ и придворныхъ: «Когда слухъ пройдетъ, что государь кому особливую свою являетъ любовь, вси къ тому на дворъ, вси поздравляти, дарити, поклонами почитати, и умирати за него будто бы готовы, и тотъ службы его исчисляетъ,

которыхъ не бывало; тотъ красоту тѣла описуетъ, — хотя прямая харя; тотъ выводитъ рода древность изъ-за тысячи лѣтъ, хотя бы былъ харчевникъ или пирожникъ *). Найдетъ какъ бы похвалити и кашель господскій. Услышитъ о болѣзни господину, тотчасъ свои ломы и шумы повѣствуетъ, каковъ въ исторіяхъ хитрецъ Клеонъ, который, увѣдавъ, что Дарій себѣ ногу повредилъ, тотчасъ хромати началъ съ великимъ стенаніемъ».

«Духовный Регламентъ», о которомъ мы упоминали нѣсколько разъ, заключая въ себѣ собственно постановленія и правила относительно новаго устройства церковнаго управленія въ Россіи, на началѣ коллегіальномъ, переполненъ рѣзкими сатирическими выходками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ порицаетъ старый порядокъ вещей и нападаетъ на невѣжество, суевѣрія, ханжество и обрядность. Духовный Регламентъ, не смотря на оффиціальное значеніе акта законодательнаго **), написанъ въ полемическомъ духѣ и, направленіемъ своимъ, вполнѣ выражаетъ характеръ петровской реформы: постановляя новое и указывая на его пользу и достоинства, онъ въ тоже время отвергаетъ, порицаетъ и подвергаетъ посмѣянію старое. Напримѣръ: здѣсь высказано много рѣзкаго объ архіерейскомъ управленіи, объ архіерейскихъ слугахъ и т. п. Въ главѣ объ ученіи говорится, какъ вслѣдствіе ученія, заведеннаго Петромъ, улучшились всѣ части государственнаго правительства въ Россіи, начиная съ образованія войска; тѣмъ болѣе, говоритъ далѣе Регламентъ, необходимо ученіе для управленія дѣлами церкви: «когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкви поведенію, и нельзя не быть нестроенію и многимъ, смѣха достойнымъ, суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ». О суевѣріи и легковѣріи, какъ спутникахъ невѣжества, и о разнаго рода повѣрьяхъ русскаго народа упоминается очень подробно въ Регламентѣ и постоянно — въ рѣзко-порицательномъ тонѣ и насмѣшливыхъ выраженіяхъ. Суевѣрія, по словамъ автора Регламента, это — снѣжные сугробы, препятствующіе идти путемъ истины, это отрава, которую даютъ людямъ вмѣсто здоровой духовной пищи. Не менѣе рѣзкіе отзывы встрѣчаются въ

---

*) Намекъ на Меншикова.

**) Вотъ полное заглавіе „Духовнаго Регламента", который, послѣ разсмотрѣнія и собственноручныхъ замѣчаній Петра, былъ имъ утвержденъ въ 1720 году: „Регламентъ, или уставъ духовныя коллегіи, по которому оная знать долженства своя и всѣхъ духовныхъ чиновъ, поелику оныя управленію духовному подлежатъ, и при томъ въ отправленіи дѣлъ своихъ поступать имѣютъ". Регламентъ раздѣленъ на 3 части: *первая* излагаетъ причины учрежденія коллегіальнаго управленія и его превосходство передъ управленіемъ *единоличнымъ* (т. е. прежнимъ патріаршескимъ); *вторая* — предметы вѣдомства духовныхъ коллегій, и наконецъ, *третья* — обязанности духовныхъ правительственныхъ лицъ. — Обо всѣхъ прочихъ сочиненіяхъ Ѳ. Пр. см. въ „Обзорѣ рус. дух. лит." (т. II, стр. 11—24) преосв. Филарета, — относящагося вообще очень неблагосклонно и къ личности, и къ дѣятельности славнаго архипастыря и главнаго представителя въ литературѣ эпохи Петра. О Прокоповичѣ, его жизни и характерѣ дѣятельности, равно какъ и обо всей книжной производительности въ царствованіе Петра — см. въ особенности цитированное выше сочиненіе академика Пекарскаго.

Регламентѣ о мнимо-ученыхъ или объ ученыхъ схоластическаго направленія, къ которымъ должны относится намеки: о «нашихъ латинистахъ» и о «казнодѣйшкахъ *) легкомысленныхъ, каковы наипаче польскіе бываютъ.» При чемъ Регламентъ совѣтуетъ русскимъ проповѣдникамъ остерегаться послѣднихъ и прилежнѣе читать книги Златоуста. Вообще Регламентъ осуждаетъ какъ содержаніе и форму, такъ и самую манеру произнесенія проповѣдей, образовавшіяся у нашихъ проповѣдниковъ XVII и начала XVIII вѣка, подъ вліяніемъ западной схоластической науки, какъ напримѣръ: всякую неестественность и натянутость въ развитіи текста, взятаго для проповѣди, театральное декламаторство и жестикуляціи, при ея произнесеніи, и т. п. Въ Регламентѣ и въ отдѣльномъ сочиненіи: «Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдати долженъ», Ѳеофанъ предписываетъ русскому проповѣднику стараться познавать внутренній смыслъ и силу слова Божія и только о томъ говорить въ своихъ проповѣдяхъ,—и въ тоже время указываетъ на предметы, противъ которыхъ долженъ вооружаться каждый проповѣдникъ, относя къ послѣднимъ: суевѣрія народныя, вымышленныя чудеса, видѣнія и т. п. а также учитъ порицать развившуюся въ русскимъ людяхъ, подъ вліяніемъ византизма, ненависть къ иноземцамъ, основанную единственно на томъ, что они иноземцы.

Здѣсь Ѳеофанъ, подобно самому Петру, является рѣшительнымъ реформаторомъ въ своей сферѣ дѣятельности и прямымъ представителемъ тѣхъ идей и понятій петровской реформы, которыя рѣзко противорѣчили общему строю понятій древне-русской жизни. Какъ мы видимъ, Ѳеофанъ высказываетъ идеи въ духѣ реформы не только въ проповѣдяхъ и другихъ сочиненіяхъ своихъ, но и въ оффиціальныхъ актахъ, въ различныхъ указахъ и распоряженіяхъ синода, какъ напримѣръ: въ указахъ (въ подлинникѣ исправленныхъ рукою Петра и Ѳеофана) противъ праздныхъ монаховъ, отъ которыхъ, по словамъ указа, «произошло столько расколовъ и возмутителей». Возражая усердному защитнику монашества, доказывавшему трудолюбіе монаховъ тѣмъ, что иные муку сѣютъ или хлѣбъ пекутъ, другіе варятъ, и проч. Ѳеофанъ говоритъ: «удивляюсь, что не придалъ, что и ножомъ рѣжутъ и ложками ѣдятъ и ковшиками испиваютъ. Вотчины даны монастырямъ будто бы для того, чтобы монахи помогали нуждающимся; да такъ ли полно дѣлается? Такъ можно говорить не русскимъ людямъ, а развѣ индійцамъ и американцамъ, которые отъ монастырей нашихъ весьма далеки». Противника своего Ѳеофанъ называлъ: «головка весьма неученая, тупая, пустая да еще шаленая».

Соглашаясь съ реформой, оправдывая и защищая преобразованія и нововведенія Петра, Ѳеофанъ вполнѣ соглашался и долженъ былъ оправдывать и тѣ крутыя и насильственныя мѣры, тѣ пріемы, посредствомъ которыхъ производились преобразованія Петровы. Подобно самому царю, онъ смотрѣлъ на Россію исключительно съ государственной точки зрѣнія: государство было для

---

*) Пекарскій, т. I, стр. 481. „Казнодѣй" — проповѣдникъ, отъ „казанье" — проповѣдь.

нихъ идеаломъ; для достиженія государственныхъ цѣлей они почитали всемощнымъ и необходимымъ приносить въ жертву всѣ остальные элементы общественной и народной жизни. И потому ни самъ Петръ, ни Θеофанъ, какъ полный представитель идей реформы, не обращали вниманія на то, такъ тягостны были для народа всѣ принудительныя и насильственныя дѣйствія при выполненіи реформы, не видѣли несообразности съ русскою жизнію нѣкоторыхъ поспѣшныхъ реформъ, туго или вовсе непринимавшихся въ народѣ и вызывавшихъ глухой, а иногда и открытый протестъ противъ преобразовательной дѣятельности правительства. Многія изъ нововведеній Петра были тяжелы, ненавистны и непонятны для народа. А между тѣмъ Θеофанъ защищалъ и оправдывалъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, и изъ угодничества или изъ усердія къ Петру становился защитникомъ всѣхъ его дѣлъ и поступковъ. Въ сочиненіи: «Правда воли монаршей» Θеофанъ, со всѣми хитростями казуистики и схоластическими натяжками, старался доказать справедливость царя въ устраненіи старшаго сына, царевича Алексѣя, отъ престола и въ назначеніи ему преемника; а въ словѣ своемъ: «О власти и чести царской», произнесенномъ во время суда надъ царевичемъ, онъ дѣлаетъ намеки и сильныя выходки противъ нѣкоторыхъ лицъ изъ высшаго духовенства, сочувствовавшихъ царевичу.

Понятно поэтому, что Θеофанъ, проводя въ своихъ сочиненіяхъ идеи реформы и съ безпощадною рѣзкостію вооружаясь противъ старины, нажилъ себѣ много враговъ въ средѣ современнаго духовенства и между приверженцами старины, въ мнѣніяхъ которой онъ слылъ подъ именемъ «ересіарха». Почти каждое изъ его сочиненій встрѣчалось враждебно и подвергалось нападеніямъ; противъ многихъ изъ нихъ писались опроверженія и подавались доносы. Покровительствуемый и поощряемый Петромъ въ своей дѣятельности, Θеофанъ могъ не обращать вниманія на враговъ при его жизни; но, лишившись со смертію Петра его царственной защиты — Θеофанъ долженъ былъ одинъ бороться съ своими врагами. И тутъ, въ этой борьбѣ, выказалась темная сторона личнаго характера и общественной дѣятельности Θеофана. Онъ не задумывался представлять, въ глазахъ правительства, своихъ личныхъ враговъ — тайными врагами государства, людьми, склонными къ «мятежамъ» и «бунтамъ»; пользуясь доносами и мелкими интригами, обвинялъ ихъ въ государственныхъ преступленіяхъ и привлекъ многихъ въ страшную — особенно во времена *бироновщины* — «тайную канцелярію». Большая часть изъ враговъ Θеофана сдѣлалась ея жертвами. Между врагами Θеофана были такія лица, какъ извѣстный намъ Стефанъ Яворскій и *Θеофилактъ Лопатинскій* († 1741) *)

---

*) Θ. Лопатинскій находился вначалѣ въ должности учителя московской академіи, для которой и былъ вызванъ изъ Кіева С. Яворскимъ. По свидѣтельству современниковъ, Лопатинскій отличался ученостію, умомъ и особенно — честностію и прямотою своего нравственнаго характера. За сочиненіе: „На ереси лютеранскія и кальвинскія“ и за разрѣшеніе къ изданію книги Яворскаго: „Камень вѣры“, заключавшей въ себѣ исчисленіе „винъ“ лютеранства, Лопатинскій былъ ненавистенъ

тверской архіепископъ и второй вице-президентъ синода. По проискамъ Θеофана, Лопатинскій подвергся суду тайной канцеляріи, былъ лишенъ архіерейскаго сана, разстриженъ и заточенъ въ крѣпость.

Главнымъ же вождемъ недовольныхъ противъ Θеофана былъ извѣстный архимандритъ Маркеллъ Родышевскій (товарищъ Θеофана по академіи), обличавшій его сочиненія и преслѣдовавшій его съ фанатическою настойчивостію. Онъ доносилъ, что книги Прокоповича «преисполнены странныхъ ученій, паче же самыхъ прямыхъ кальвинскихъ и лютерскихъ». Букварь Θеофана: «Первое ученіе отрокомъ» онъ называлъ книгою неправильною и еретическою. Противъ этой книги и особенно противъ Духовнаго Регламента и составленныхъ Θеофаномъ правилъ и сочиненій о монашествѣ писалъ еще директоръ первой петербургской типографіи, *Аврамовъ* *). Такая упорная и систематическая оппозиція сочиненіямъ и дѣятельности Θ. Прокоповича заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что она составляетъ какъ бы открытый протестъ со стороны многочисленной партіи, которая была недовольна петровской реформой и въ особенности реформой церковнаго управленія, основаннаго на Регламентѣ. А такъ-какъ въ дѣятельности Θ. Прокоповича вполнѣ выразился характеръ реформы Петра и ея отношеніе къ современной эпохѣ, то враги реформы и нападали преимущественно на его сочиненія.

Мы познакомились достаточно съ содержаніемъ и направленіемъ сочиненій Θеофана и видѣли въ ихъ авторѣ передоваго дѣятеля своего времени, замѣчательно-даровитаго, умнаго и образованнаго оратора, — хотя не вполнѣ безупречнаго пастыря церкви и человѣка. Относительно внѣшней формы сочиненій Прокоповича, т. е. относительно ихъ построенія, плана, ораторскихъ пріемовъ, замѣтимъ, что хотя они во многомъ и рѣзко отличаются отъ сочиненій прочихъ духовныхъ писателей петровской эпохи; но также не чужды нѣкоторыхъ свойствъ схоластической науки, подъ вліяніемъ которой Θеофанъ получилъ свое образованіе Напримѣръ: въ извѣстномъ словѣ его: «На погребеніе Петра Великаго (которое начинается: «Что се есть? что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!» и проч.) Θеофанъ называетъ Петра русскимъ Самсономъ, Мойсеемъ, Соломономъ и т. п. и какъ здѣсь, такъ и въ другихъ проповѣдяхъ своихъ не чуждъ отъ употребленія натянутыхъ фигуръ, сравненій и т. п. риторическихъ украшеній слова, свойственныхъ юго-западнымъ проповѣдникамъ.

Слогъ и способъ изложенія мысли въ сочиненіяхъ Θеофана отличаются гораздо большею простотою и естественностію, нежели въ произведеніяхъ всѣхъ прочихъ писателей юго-западной школы; но русскій языкъ его также страждетъ множествомъ варваризмовъ, полонизмовъ и употребленіемъ иностранныхъ словъ.

для правительства Анны Ивановны, въ эпоху Бирона и господства нѣмецкой партіи при русскомъ дворѣ; потому Θеофанъ, обвиняемый въ свою очередь въ склонности къ лютеранскимъ мнѣніямъ, тѣмъ легче могъ притянуть Лопатинскаго къ суду тайной канцеляріи.

*) Пекарскій, т. I, стр. 498 и дал.

Слѣдуя общепринятому обычаю, Ѳеофанъ писалъ также силлабическія стихи, или вирши, и сочинилъ одну *трагекомедію:* «Владиміръ», представленную студентами кіевской академіи, кажется, въ честь пребыванія царя въ Кіевѣ.

Въ драмѣ Прокоповича замѣчательно особенно то, что сюжетъ ея взятъ не изъ библіи, какъ въ то время дѣлалось обыкновенно, а изъ отечественной исторіи. Въ ней уже замѣтны слѣды сатирическаго направленія, обнаруживавшагося впослѣдствіи въ талантѣ Прокоповича. Языческіе жрецы въ «трагикомедіи» Ѳ. Прокоповича называются: *Жировалъ* и *Куроѣдъ*, и обрисованы съ большою свободою и веселымъ комизмомъ, особенно въ сценахъ, гдѣ представлено, какъ жрецы, всегда лакомые до жертвъ, любятъ поживляться на счетъ простодушныхъ мірянъ. Вообще авторъ заставляетъ говорить выведенныхъ на сцену языческихъ жрецовъ много рѣзкаго и комическаго. Трагическая же сторона въ пьесѣ Прокоповича несравненно слабѣе *).

Послѣдователи Ѳ. Прокоповича. — Ѳеофанъ почти не имѣлъ послѣдователей: ни современные ему, ни послѣдующіе русскіе духовные писатели не держались его направленія и, болѣе слѣдовали въ своихъ сочиненіяхъ и проповѣдяхъ ученію старой, кіевской школы. Изъ немногихъ лицъ тогдашняго образованнаго духовенства, соглашавшихся съ направленіемъ Ѳеофана, болѣе извѣстны:

а) *Гавріилъ Бужинскій* († 1731) вначалѣ оберъ-іеромонахъ на флотѣ, а впослѣдствіи епископъ рязанскій. Бужинскій болѣе примѣчателенъ, какъ переводчикъ иностранныхъ сочиненій на русскій языкъ. Въ предисловіяхъ къ этимъ переводамъ онъ всегда старался проводить идеи реформы, говорилъ о пользѣ просвѣщенія, чтенія иностранныхъ книгъ и т. п. и дѣлалъ намеки на тогдашнихъ русскихъ ученыхъ (конечно духовныхъ лицъ), которые въ своихъ сочиненіяхъ руководствовались преимущественно трудами католическихъ писателей, — хотя и самъ Бужинскій въ своей проповѣднической дѣятельности является прямымъ послѣдователемъ духовныхъ проповѣдниковъ юго-западной школы — и по стилю, и по содержанію своихъ проповѣдей. Слова и проповѣди Бужинскаго заключались, по большей части, въ прославленіи побѣдъ и дѣлъ Петровыхъ, и представляютъ не болѣе, какъ панегирики и благоговѣйную лесть государю.

б) *Ѳеофилъ Кроликъ*, новоспасскій архимандритъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Онъ былъ посланъ въ 1716 году за границу и жилъ долгое время въ Прагѣ для перевода на русскій языкъ нѣмецкаго лексикона Буддея и другихъ книгъ.

---

*) Объ этой „трагикомедіи“ Ѳ. Пр. см. „Библ. Запис.“ 1859 года, стр. 623; также у г. *Пекарскаго*, т. I, стр. 416 — 421. Здѣсь передано содержаніе и приведены многія мѣста изъ пьесы Прокоповича.

и в) *Симонъ Кохановскій*, іеромонахъ, переводчикъ названнаго нами выше сочиненія Юста Липсія. Извѣстна одна изъ его проповѣдей, написанная въ рѣзко-полемическомъ духѣ и въ направленіи Ѳ. Прокоповича *).

---

2. Стефанъ Яворскій. Его дѣятельность по сравненію съ дѣятельностію Ѳ. Прокоповича, какъ писателя преобразованій Петровыхъ. Сочиненія Ст. Яворскаго. Ихъ общая характеристика. — Стефанъ Яворскій былъ († 1722) рязанскимъ митрополитомъ и первымъ президентомъ св. синода **).

Проповѣди и другія сочиненія Яворскаго, по духу и направленію своему, ни мало не сходны съ проповѣдями и сочиненіями Ѳ. Прокоповича и рѣзко отличаются отъ послѣднихъ даже по своему внѣшнему построенію и вообще по формѣ. Ѳ. Прокоповичъ — проповѣдникъ и писатель петровской реформы, идеи которой даютъ главное содержаніе и жизнь его произведеніямъ. Онъ вполнѣ сочувствуетъ реформѣ и преимущественно ратуетъ за нее и съ каѳедры духовнаго оратора, и въ своихъ сочиненіяхъ. А Стефанъ Яворскій является, напротивъ, въ своихъ проповѣдяхъ исключительно наставникомъ вѣры и ораторомъ духовнымъ — въ собственномъ смыслѣ этого слова. Содержаніе его проповѣдямъ даютъ не вопросы общественные и политическіе, какъ у Прокоповича, а преимущественно догматы вѣры и истины общехристіанскія, съ точки зрѣнія которыхъ ораторъ исключительно смотритъ и на всѣ современныя явленія жизни общественной и государственной, — когда онъ касается ихъ въ своихъ проповѣдяхъ. Какъ изъ его собственныхъ сочиненій, такъ и изъ другихъ современныхъ свидѣтельствъ видно, что Яворскій былъ не безусловнымъ сторонникомъ реформы, не безусловнымъ почитателемъ преобразованій и дѣлъ Петровыхъ. Скорѣе можно заключить, что симпатіи нашего проповѣдника находились на сторонѣ противниковъ реформы, иныя изъ явленій которой встрѣтили себѣ рѣзкое и смѣлое обличеніе въ его проповѣдяхъ. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени замѣчательно сказанное С. Яворскимъ во вторую недѣлю поста «Слово о храненіи заповѣдей Господнихъ». Проповѣдникъ подвергъ здѣсь рѣзкому осужденію учрежденіе «фискаловъ» и рѣшился открыто заявить свое горячее сочувствіе и полную приверженность къ царевичу Алексѣю, находившемуся въ то время за границей, противъ воли царя. Обязанность фискаловъ, по указу о нихъ Петра, заключалась въ томъ, чтобы слѣдить за производствомъ дѣлъ въ судахъ и въ другихъ правительственныхъ мѣстахъ и въ тоже время наблюдать за поведеніемъ, образомъ жизни и поступками

---

*) *Пекарскій*, т. I, стр. 218 — 219 и 492. Здѣсь приведено извлеченіе изъ проповѣди Ѳ. К.

**) Стефанъ Яворскій (въ мірѣ Симеонъ) не окончивъ ученія въ Кіевѣ—по словамъ преосв. Филарета -(„Обзоръ", ч. I, № 260) —посланъ былъ во Львовъ и потомъ учился въ Познани у іезуитовъ, у которыхъ выслушалъ курсъ философіи и богословія. См. здѣсь обо всѣхъ напечатанныхъ и остающихся въ рукописи сочиненіяхъ Яворскаго. Между послѣдними есть слово объ „Игѣ неудобоносимомъ" Прокоповича.

гражданъ вообще, и о томъ, что будетъ признано ими вреднымъ для государства, доносить правительству. На доносы фискаловъ не было ни суда, ни расправы. Учрежденіе фискаловъ было встрѣчено большимъ недовольствомъ и ропотомъ въ обществѣ и въ народѣ. И вотъ Яворскій явился открытымъ обличителемъ этого учрежденія съ духовной каѳедры и обвинилъ самаго учредителя въ нарушеніи священныхъ правъ закона. «Законъ Господень — говоритъ проповѣдникъ — непороченъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны. Какой ми (мнѣ) то законъ, напримѣръ, поставити назирателя надъ судами, и дати ему волю кого хочетъ обличити, да обличитъ, кого хочетъ обезчестити, да обезчеститъ. Поклепъ сложити на ближняго судію — вольно то ему. А хотя того не доведетъ (не докажетъ), о чемъ на ближняго своего клевещетъ, то ему за вину не ставить, о томъ ему и слова не говорить, вольно то ему. Не тако подобаетъ симъ быти. Искалъ онъ моей главы, поклепъ на меня вложилъ, а не довелъ, — пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ, — пусть самъ ввязнетъ въ оную; ровъ мнѣ ископалъ, — пусть самъ впадетъ въ онь . . . А то никакого слова ему не говорити, — запинаетъ за безчестіе. А какой же законъ онъ — порочень или непороченъ? разсуждайте вы», — обращаясь къ слушателямъ, сказалъ проповѣдникъ, и далѣе прибавилъ: «Море свирѣпое — человѣкъ, преступающій законъ; берегъ есть — любити Бога и ближняго, берегъ — не творить обиды, берегъ — хранить посты, почитать иконы. Ты же, свирѣпое море, человѣче своевольный, берега тыя (тѣ) преступаеши, ломиши, сокрушаеши . . . Но будетъ время, будетъ; грядетъ часъ на тебе, своевольное море, егда волны твоя о песокъ гробный, смертный, розбіются; въ то время отихнутъ всѣ твои шумы, исчезнутъ всѣ твои взыграніе, и которыя нынѣ волны твоя восходятъ до небесъ, въ то время до безднъ преисподнихъ снидутъ». Въ этой наглядной аллегоріи о свирѣпомъ морѣ, которое выступаетъ изъ береговъ, ломитъ, сокрушаетъ—конечно—Яворскій изображаетъ насильственныя дѣйствія реформы, которая именно въ такомъ образѣ представлялась ея противникамъ. Въ заключеніе слова о фискалахъ С. Яворскій обращается съ теплымъ сочувствіемъ къ отсутствующему царевичу Алексѣю, называетъ его «особеннымъ заповѣдей Божіихъ хранителемъ», «нашею *единою надеждою*» и т. д.

Эта проповѣдь Стефана произвела сильное впечатлѣніе на современниковъ и причинила много хлопотъ самому проповѣднику. Вельможи Петровы обвинили Яворскаго за его проповѣдь въ зломъ умыслѣ, въ возбужденіи народа къ бунту и т. п. Извѣстный князь Яковъ Долгорукій, игравшій двусмысленную роль въ отношеніи къ партіи царевича, счелъ нужнымъ, по поводу дѣла царевича, увѣрять царя особымъ письмомъ въ преданности ему всего рода Долгорукихъ; и въ доказательство своей преданности выставлялъ, что когда «недавно, въ прошедшее время, *въ поученіи нѣкоемъ* (т. е. въ словѣ Яворскаго) явились непристойныя слова, которыя я услышалъ, — не устрашася и не разсуждая лица сильнаго, обличилъ и явно запретилъ, о чемъ и вашему величеству извѣстно». Вообще вельможи сильно напугали Стефана за эту проповѣдь, и самъ Петръ былъ недоволенъ Яворскимъ.

Въ петровской литературѣ мы не встрѣчаемъ обличеній реформы, болѣе грозныхъ и рѣзкихъ, чѣмъ проповѣдь Яворскаго, сказанная противъ учрежденія фискаловъ и какъ бы въ оправданіе поведенія царевича Алексѣя. И конечно, эта проповѣдь тѣмъ достойнѣе вниманія и гораздо важнѣе при изученіи эпохи Петра, чѣмъ постоянно раздававшійся въ литературѣ реформы голосъ панегиристовъ и льстецовъ царя.

Въ большей же части прочихъ проповѣдей своихъ С. Яворскій не выходитъ изъ сферы строго-религіозныхъ вопросовъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда говоритъ о явленіяхъ современныхъ. Въ сочиненіи своихъ проповѣдей, т. е. въ ихъ построеніи, ораторскихъ пріемахъ и въ способѣ изложенія, онъ вполнѣ слѣдовалъ схоластической теоріи духовнаго краснорѣчія и держался ученія и правилъ юго-западной школы. Потому, почти всѣ слова и рѣчи Яворскаго отличаются чаще всего неестественностію, изысканностію, преувеличеніями, натянутыми сравненіями и уподобленіями, аллегоризмомъ и т. п. Такъ напримѣръ: въ «Словѣ о побѣдѣ подъ Полтавой» онъ уподобляетъ Карла XII лютому звѣрю — льву, Голіаѳу, морскому звѣрю апокалипсиса, дубу, который видѣлъ во снѣ Навуходоносоръ, и который теперь «посѣченъ» силою Божіею и побѣдоноснымъ оружіемъ православнаго монарха: «Обиты вѣтви его (продолжаетъ сравненіе ораторъ), то есть *генералы* и *полководцы*; обрушены побиты *листвія*, то есть *оружницы*» (воины) и т. д.

Проповѣдямъ Яворскаго не чуждо также и юмористическое направленіе, встрѣчающееся нерѣдко въ произведеніяхъ проповѣдниковъ южно-русской школы. Юмористическое направленіе, шутливый тонъ и разнаго рода выходки и рѣзкости перешли къ нашимъ проповѣдникамъ второй половины XVII и начала XVIII столѣтія отъ западныхъ образцовъ, которымъ они подражали, и которые не считались несообразными съ серьезнымъ тономъ проповѣдного слова. Оттого и въ произведеніяхъ лучшихъ проповѣдниковъ петровской эпохи, каковы были Ѳ. Прокоповичъ *) и С. Яворскій, мы встрѣчаемъ разнаго рода шутки, насмѣшки и т. п. У Яворскаго, напримѣръ, въ одной проповѣди, къ которой онъ объяснялъ притчу о трехъ званныхъ, отказавшихся отъ пира — одинъ потому, что купилъ село, другой — что купилъ воловъ, а третій — потому что женился, — встрѣчается слѣдующая выходка: «Первый и другій отрицается, но политичнѣ, и если бы ихъ прилежнѣе звали, они можетъ и пошли бы. А третій — безъ всякой политики, грубо: жену пояхъ и сего ради не могу пріити? О неучтивая грубость! Да, грубый мужикъ, варваръ, могдавъ неоскробанный! Жену пояхъ, не могу пріити! И съ женою ступай! Или ногъ не имѣешь? Только тотъ не можетъ, у кого подагра».

Такой вульгарный тонъ рѣчи и нерѣдко тривіальность выраженій, грубыя шутки и насмѣшки — не почитались въ то время неумѣстными въ поученіяхъ къ народу съ духовныхъ каѳедръ.

Изъ прочихъ, не проповѣдныхъ, сочиненій С. Яворскаго большою извѣст-

---

*) Другая причина появленія сатирическаго элемента въ сочиненіяхъ Ѳ. Прокоповича объяснена выше.

ностію пользуется его книга (о которой мы упомянули выше) — подъ заглавіемъ: «Камень вѣры православнымъ церкви святыя сыномъ на утвержденіе и духовное созиданіе, претыкающимся же о камень претыканія и соблазна на возстаніе и исправленіе» *). Это длинное заглавіе книги указываетъ нѣкоторымъ образомъ на двоякую цѣль автора: религіозно-поучительную и полемическую. «Камень вѣры» написанъ по поводу появленія между Русскими того времени небольшаго числа послѣдователей протестантскаго ученія, противъ котораго собственно и направлена полемика автора. Онъ здѣсь продостерегаетъ православныхъ отъ главнѣйшихъ ересей, считая опаснѣйшими между ними ученіе Кальвина и особенно Лютера. Иностранцы, привлеченные въ Россію реформами Петра и готовно принимавшіеся царемъ на русскую службу, были по большей части протестантскаго исповѣданія. Близкія сношенія съ протестантами имѣли вліяніе на религіозныя убѣжденія нѣкоторыхъ русскихъ людей, начинавшихъ подвергать сомнѣнію и возраженіямъ иныя изъ установленій нашей церкви, несходныя съ ученіемъ протестантскимъ, какъ напр. соблюденіе постовъ, почитаніе святыхъ и иконъ и друг. Вотъ противъ подобныхъ сомнѣній и возраженій и написанъ былъ С. Яворскимъ «Камень Вѣры». Но, помимо своего полемико-догматическаго значенія, книга Яворскаго имѣетъ, кажется, еще другое современное значеніе, составляя какъ бы косвенный протестъ противъ извѣстной привязанности самого царя и всѣхъ послѣдователей его реформы (особенно Ѳ. Прокоповича, антагониста Яворскаго) къ иноземцамъ и ко всему иноземному, привязанности, которая, въ мнѣніи русскихъ ревнителей старины, была вредна для чистоты православія. На такое значеніе книги Яворскаго указываетъ во-первыхъ, ея направленіе, а во-вторыхъ, — симпатіи самого автора къ партіи противниковъ реформы, ясно высказанныя имъ въ «Словѣ о храненіи заповѣдей Господнихъ», въ тѣхъ сочувственныхъ словахъ къ царевичу Алексѣю, гдѣ онъ называетъ царевича «истинныхъ рабомъ Христовымъ, особеннымъ заповѣдей Божіихъ хранителемъ», и т. п. Съ этою цѣлью, вѣроятно, Стефанъ выбралъ и слѣдующій эпиграфъ къ своей книгѣ: «Смѣсишася во языцѣхъ и навыкоша дѣломъ ихъ».

«Камень Вѣры» С. Яворскаго вызвалъ жаркую религіозно-литературную полемику, происходившую особенно въ царствованіе императрицъ Анны и Елисаветы. Въ полемикѣ приняли участіе какъ заграничные, — протестантскіе и католическіе, — такъ и наши духовные писатели. Но сюда замѣшались личности, частные интересы спорившихъ и разнаго рода интриги и обстоятельства, вовсе не относившіяся къ вопросамъ о вѣрѣ, такъ что, по чьему-то остроумному выраженію, споръ шелъ не о «Камнѣ Вѣры», а около «Камня Вѣры». Это ясно и изъ дѣла о печальной участи послѣдователя Яворскаго, тверскаго архіерея, Ѳеофилакта Лопатинскаго, одобрившаго къ изданію «Камень Вѣры», и въ защиту книги Яворскаго написавшаго въ свою очередь сочиненіе: «На ереси лютеранскія и кальвинскія».

---

*) „Камень Вѣры" былъ изданъ первый разъ послѣ смерти С. Яворскаго, въ 1728 году.

Книга Яворовскаго была запрещена при Бирунѣ. Съ устраненіемъ же вліянія нѣмецкой партіи при дворѣ, т. е. съ паденіемъ Бирона, Остермана и Миниха и съ восшествіемъ на престолъ императрицы Елисаветы, запрещеніе было снято, и проповѣдники того времени превозносили за это похвалами государыню.

Слѣдуетъ упомянуть еще о другомъ полемическомъ сочиненіи Стефана Яворскаго: «Знаменія пришествія антихристова», которое относится къ одному изъ важныхъ жизненныхъ явленій современной эпохи, именно къ расколу. Раскольники, — у которыхъ съ первыхъ же дней образованія раскола распространились мнѣнія о близкомъ пришествіи антихриста и о кончинѣ міра, — въ нѣкоторыхъ преобразованіяхъ Петра: въ учрежденіи императорства, въ перенесеніи празднованія новаго года на первое января, въ установленіи ревизіи и подушной подати и друг. увидѣли какъ бы подтвержденіе своихъ мнѣній объ антихристѣ. Въ Россіи говорили они—«воцарился антихристъ отъ лѣтъ царя Алексѣя Михайловича, а наипаче отъ лѣтъ сына его Петра I». Въ раскольничьемъ сочиненіи: «Сказаніе объ антихристѣ, еже есть Петръ I», по поводу установленія ревизіи и подушной подати, между прочимъ, говорится: «до лѣтъ Петровыхъ не было описанія народа россійскаго, — а сей *гордый князь міра, антихристъ властный* и одушевленъ образъ самаго сатаны, по образу Августа-кесаря, учинилъ народное описаніе, и по записаніи въ своя пагубныя книги, требуя *дани душевныя*, сирѣчь *съ душъ человѣческихъ*». Подобныя нелѣпыя мнѣнія сердили Петра, и онъ повелѣлъ С. Яворскому написать трактатъ объ антихристѣ. Стефанъ, въ составленіи своего «Знаменія о пришествіи антихриста», руководствовался сочиненіемъ о томъ же предметѣ католическаго писателя, доминиканца Мальвенды, и Гавріилъ Бужинскій, въ предисловіи къ своему переводу «Θеатрона историческаго» сдѣлалъ на это намекъ, говоря, что иные изъ нашихъ ученыхъ присваиваютъ себѣ чужіе труды и пользуются чужою славою.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что сочиненія С. Яворскаго отличаются отъ сочиненій Θ. Прокоповича не только по содержанію и по внѣшней формѣ, но и по своему характеру и направленію. Онъ не былъ поборникомъ идей реформы, не старался проводить ихъ ни въ проповѣдяхъ своихъ, ни въ другихъ сочиненіяхъ и не ратовалъ противъ старины. Оттого, въ то время, когда обличительныя проповѣди Θеофана и даже проповѣди Гавріила Бужинскаго, въ которыхъ онъ преимущественно прославлялъ побѣды и подвиги Петра, — быстро предавались тисненію въ Петербургѣ, — ни одна изъ проповѣдей Стефана, не смотря на его высокій санъ и на всеобщее къ нему уваженіе въ народѣ, не была напечатана при его жизни.

---

3. Посошковъ, его жизнь и сочиненія. Содержаніе и характеристика послѣднихъ. — Посошковъ, Иванъ Тихоновичъ († 1726), крестьянинъ подмосковнаго села Покровскаго. Въ массѣ письменныхъ произведеній, появившихся въ Петрово время и навѣянныхъ духомъ реформы, сочиненія крестьянина Посошкова занимаютъ самое видное мѣсто. Сочиненія эти служатъ, во-первыхъ,

новымъ доказательствомъ того, что идеи реформы и потребность въ преобразованіяхъ вовсе не были чужды массѣ русскаго народа и ясно сознавались его лучшими умами; а во-вторыхъ, появленіе этихъ замѣчательныхъ произведеній простого русскаго ума, во время реформы Петра, заслуживаетъ вниманія потому, что они не написаны какъ бы на заданныя темы, въ восхваленіе или для разъясненія преобразовательныхъ дѣйствій правительства, подобно тому какъ писались почти всѣ сочиненія, появлявшіяся въ свѣтъ по идеямъ и указаніямъ Петра. Посошковъ писалъ, напротивъ, свои проэкты и книги по доброй волѣ, изъ одной любви къ правдѣ: «любитель есмь правды» — говоритъ онъ о себѣ, и «видя правду отверженну», онъ захотѣлъ писать о ея возстановленіи, и наконецъ — изъ «презельной любви къ отечеству». Посошковъ былъ человѣкъ независимый и обезпеченный; своимъ трудолюбіемъ, предпріимчивостію и изобрѣтательностію онъ съумѣлъ составить себѣ хорошее состояніе, такъ что былъ въ состояніи назначить сыну своему, отправленному для образованія за границу, по 100 ефимковъ, или по 90 тогдашнихъ рублей въ мѣсяцъ, что составляло въ то время значительныя деньги. Слѣдственно ему можно повѣрить, что, посреди собственныхъ промышленыхъ дѣлъ и занятій, онъ посвящалъ свое время на сочиненіе различныхъ проэктовъ и книгъ, руководствуясь единственно любовію къ народу и къ пользѣ общественной, имѣя въ виду единственно «нужную нужду народную», какъ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ проэктовъ.

Сочиненія Посошкова представляютъ несомнѣнную важность и большой интересъ по отношенію къ характеристикѣ времени и положенію русскаго народа въ эпоху реформы: авторъ нѣкоторыми мѣткими и рѣзкими чертами ярко рисуетъ здѣсь картину народнаго быта, состояніе духовенства, современнаго суда, администраціи и т. п. Не менѣе замѣчательны эти сочиненія и относительно своего внутренняго значенія и достоинства, — особенно для своего времени. Посошковъ выражаетъ въ своихъ сочиненіяхъ живое участіе ко всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ своего времени и трактуетъ самоучкой о главнѣйшихъ вопросахъ внутренней политики русскаго государства, трактуетъ — съ удивительною ясностію взгляда, съ совершеннымъ пониманіемъ современныхъ потребностей. Руководствуясь однимъ лишь природнымъ умомъ и здравымъ смысломъ, онъ писалъ и представлялъ правительству свои проэкты и планы, — нерѣдко замѣчательные по вѣрности взгляда, по своей дѣльности и практичности, — и высказывалъ въ нихъ мысли и соображенія, которыя приводятся въ исполненіе частію лишь въ наше время, а частію еще ожидаютъ исполненія. Таковы, напримѣръ, его соображенія о крестьянахъ и о необходимости опредѣлить ихъ отношенія къ помѣщикамъ и къ землѣ, о *единомъ* и равномъ для всѣхъ сословій судѣ, о составленіи новаго уложенія, съ участіемъ выборныхъ отъ всего народа, и друг.

Посошковъ, по времени своего рожденія *) принадлежитъ къ періоду

*) М. П. Погодинъ полагаетъ, что Посошковъ родился около 1670 года, а можетъ быть и ранѣе. Г. Погодинъ первый открылъ замѣчательное сочиненіе Посош-

древней Руси; онъ не получилъ никакого образованія, былъ только грамотенъ, начитанъ церковныхъ книгъ и отличался любовію къ просвѣщенію. Посошковъ говоритъ о себѣ, что онъ «простецъ» и «книжной премудрости не ученъ», что онъ «въ разумѣ младенецъ, въ художествѣ (въ знаніяхъ) младенецъ, въ чинѣ земледѣлецъ». Потому всѣмъ своимъ мыслямъ и планамъ онъ одолженъ собственному уму, своей, богато одаренной, натурѣ, а не образованію и наукѣ, отсутствіе которыхъ, впрочемъ, живо чувствуется въ его сочиненіяхъ, составляя ихъ слабую сторону: мы въ нихъ замѣчаемъ иногда узкія идеи монополизма, духъ нетерпимости, требованія различныхъ правительственныхъ регламентацій и другыхъ насильственныхъ мѣръ, смѣшеніе одного предмета съ другимъ, грубость выраженій и т. п. Но всѣ эти недостатки легко объяснить духомъ времени и характеромъ преобразованій Петровыхъ, которыя не могли не имѣть вліянія на образъ мыслей Посошкова. Въ одной запискѣ своей («о ратномъ поведеніи») Посошковъ говоритъ: «Много Нѣмцы насъ ушлѣе (т. е. ушли дальше нашего) науками, а наши остротою, по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно» *). Слова эти могутъ быть отнесены вполнѣ къ самому Посошкову. Нельзя не удивляться въ самомъ дѣлѣ, въ простомъ русскомъ крестьянинѣ того времени, лишенномъ всякаго научнаго образованія, этой «остротѣ» взгляда, — какъ онъ говоритъ, — этому свѣтлому и ясному пониманію вещей.

Изъ сохранившихся сочиненій Посошкова болѣе извѣстны: 1) записка «О ратномъ поведеніи», поданная въ 1700 году боярину Головину; 2) «Доношеніе» блюстителю патріаршаго престола, Стефану Яворскому «о духовныхъ дѣлахъ», т. е. о положеніи духовенства и о состояніи въ немъ и въ народѣ религіозно-нравственнаго образованія; 3) «Отеческое завѣщательное поученіе», сыну и 4) «Книга скудости и богатства», надъ сочиненіемъ которой Посошковъ трудился, по его словамъ, три года, «утаенно отъ зрѣнія людскаго», и окончивъ свой трудъ, въ 1724 году, представилъ его Петру. Это самое замѣчательное сочиненіе Посошкова, въ которомъ заключается главная сущность всѣхъ его мыслей и плановъ, относительно внутренняго быта и устройства русскаго народа и государства.

Въ прошеніи, при которомъ представилъ или намѣренъ былъ представить царю свое сочиненіе, Посошковъ говоритъ, что онъ назвалъ его *Книгою скудости и богатства*, потому, что оно заключаетъ въ себѣ «изъясненіе отчего содѣвается напрасная скудость, и отчего умножитеся можетъ изобильное богат-

---

кова: „О скудости и богатствѣ“, и первый издалъ его вмѣстѣ съ другими извѣстными до того сочиненіями Посошкова, въ 1842 году. А въ 1863 году онъ же издалъ вторую часть „Сочиненій Посошкова“, въ которой заключается обличительное сочиненіе Посошкова противъ раскольниковъ, подъ заглавіемъ: „Зерцало безыменнаго творца на раскольниковъ обличеніе“. Первая, равно какъ и вторая часть снабжены предисловіями издателя и заключаютъ въ себѣ изслѣдованіе и любопытныя біографическія свѣдѣнія о Посошковѣ.

*) Сочин. Посошкова, ч. I, стр. 273.

ство». Тутъ же онъ говоритъ, что предложилъ въ своей книгѣ мнѣніе, «какъ-бы истребить изъ народа неправду и водрузить прямую правду и безпечное житіе народное».

Въ самой книгѣ, состоящей изъ девяти главъ, Посошковъ разсуждаетъ: 1) *о духовенствѣ*, 2) *о военныхъ дѣлахъ*, 3) *о правосудіи*, 4) *о купечествѣ*, 5) *о художествахъ* (т. е. о промышленныхъ и техническихъ знаніяхъ и занятіяхъ), 6) *о разбойникахъ съ бѣлецами*, (объ уголовныхъ дѣлахъ), 7) *о крестьянствѣ*, 8) *о дворянахъ* (объ ихъ отношеоіи къ крестьянамъ и къ землѣ (о «земляныхъ дѣлахъ») и наконецъ 9) *о царскомъ интересѣ*. Каждому изъ названныхъ предметовъ Посошковъ посвящаетъ отдѣльную главу и говоритъ о ихъ «неисправѣ» и «поправѣ», т. е. представляетъ картину ихъ современнаго состоянія, ихъ недостатки и злоупотребленія и излагаетъ затѣмъ свои соображенія и планы, касательно устраненія этихъ недастатковъ и злоупотребленій, касательно усовершенствованія и новаго устройства каждой изъ названныхъ частей.

Въ началѣ книги: «О скудости и богатствѣ» Посошковъ излагаетъ свое понятіе о государственномъ, или, — какъ онъ говоритъ, — «о царственномъ» богатствѣ, понятіе, — совершенно зрѣлое и вѣрное, вполнѣ согласное съ ученіемъ объ этомъ предметѣ политической экономіи, которая, во время Посошкова, и не существовала еще, какъ наука самостоятельная. Царственное богатство — говоритъ Посошковъ — заключается не въ томъ, когда въ царской казнѣ лежитъ «казны (денегъ) много» и не въ томъ, когда окружающіе царя ходятъ въ златотканныхъ одеждахъ; «но то самое царственное богатство — ежелибъ *весь народъ*, по мѣрностямъ своимъ, *богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы*». Но безъ насажденія правды, — прибавляетъ далѣе Посошковъ, — безъ истребленія обидниковъ и воровъ и разбойниковъ и всякихъ явныхъ и потаенныхъ грабителей никоими мѣрами народу всесовершенно обогатиться не возможно» *).

Говоря о современномъ (особенно о сельскомъ) духовенствѣ, авторъ яркими красками рисуетъ его невѣжество и происходящее отъ того религіозное невѣжество народа. Весьма подробно и рѣзко говоритъ Посошковъ о томъ же предметѣ и въ доношеніи своемъ Стефану Яворскому. Въ Новгородѣ, разсказываетъ онъ, я видѣлъ діакона, который на литургіи не могъ прочесть одной страницы въ евангеліи, безъ того, чтобы «разовъ пяти-шести не помѣшатися **). У насъ въ Россіи, — продолжаетъ авторъ, — сельскіе попы питаются своею работою и ничѣмъ отъ мужиковъ неотмѣнны (не отличаются): мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ». Для устраненія этихъ недостатковъ, Посошковъ предлагаетъ: учредить вездѣ по епархіямъ *училища* («во всѣхъ епархіяхъ построить бы школы пространныя») для приготовленія священнослужителей и обезпечить содержаніе послѣднихъ *жалованьемъ отъ казны*. Въ

*) Ibid. стр. 3.
**) Ibid. стр. 24.

невѣжествѣ духовенства Посошковъ видитъ и причину распространенія русскаго раскола. Въ главѣ о воинскихъ дѣлахъ замѣчательны слова Посошкова о военномъ судѣ: «Военный судъ, — говоритъ онъ, — аще и жестокъ учиненъ, да и жестоко доступать его... И ради общежительства любовнаго аще великій государь нашъ монархъ повелитъ судъ устроить *единъ, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, таковъ и солдату, такожъ и офицеру, ничѣмъ же отмѣненъ и полковнику и генералу*... Сей же судъ, мнѣ мнится, не весьма правъ, еже простолюдину о обидѣ своей на солдата у солдата же милости просить, а на офицера у офицера же. Старая пословица есть: еже воронъ ворону глаза не выклюетъ» *).

Въ главѣ о правосудіи Посошковъ рѣзкими чертами рисуетъ господство неправды въ современныхъ русскихъ судахъ и отсутствіе правосудія. «И у бусурманъ — говоритъ онъ — чинятъ судъ праведный... А у насъ, вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуды не годная... А что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидитъ, а Божія правды ни слѣда нѣтъ». Потому, надлежитъ стараться о правомъ судѣ; ибо «всему добру основаніе — нелицепріятный судъ». «Если, — говоритъ далѣе Посошковъ, — «ради установленія правды, правителей судебныхъ и много падетъ, — быть уже такъ»: иначе, по его словамъ, нельзя установить праваго суда, если «сто другое судей не падетъ» (т. е. не будетъ удалено), потому что *у насъ на Руси неправда вельми застарѣла*».

Для того, чтобы устранить старую неправду и прежніе порядки необходимо составить новое уложеніе, или новую судебную книгу, при участіи выборныхъ отъ всѣхъ сословій народныхъ, не исключая и крестьянъ. «Я видалъ, — говоритъ Посошковъ, — что и въ Мордвѣ разумные люди есть; то какъ въ крестьянахъ не быть людямъ разумнымъ»? Такое собраніе выборныхъ, для сочиненія новой судебной книги, Посошковъ называетъ «многосовѣтіемъ», или «общесовѣтіемъ». Выборные должны «освидѣтельствовать» новую книгу, послѣ ея составленія, «самымъ вольнымъ голосомъ, а не по принужденію». Далѣе Посошковъ объясняетъ и пространно доказываетъ совершенную необходимость подобной мѣры. «Правосудіе, — говоритъ онъ, — есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроити, чтобы оно *ни отъ какою чина незыблемо было*. И того ради, *безъ многосовѣтія* и *безъ вольнаго голоса*, никоими дѣлы не возможно; понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овомужъ менѣе» **).

Также обстоятельно разсуждаетъ Посошковъ и о прочихъ предметахъ общественнаго и государственнаго быта современной Россіи, подвергая постоянной критикѣ существующій порядокъ вещей и предлагая свои планы и соображенія о необходимыхъ, по его мнѣнію, преобразованіяхъ. Онъ требуетъ, напримѣръ, грамотности для крестьянъ, — хотя по духу своего времени, на-

---

*) Ibid. стр. 42 — 43.
**) Ibid. стр. 76 — 77.

ходитъ, что «не худо бъ и поневолить» крестьянъ, чтобы они отдавали дѣтей своихъ въ ученіе. Скудное житье крестьянъ, по мнѣнію Посошкова, происходитъ отъ ихъ лѣности, «а потомъ отъ *неразсмотрѣнія правителей и отъ помѣщичья насилія*». И потому необходимо позаботиться о крестьянахъ и устроить ихъ судьбу. Тутъ же Посошковъ предлагаетъ замѣнить подушную подать *поземельною* и произвести всеобщее размежеваніе земель. О дворянахъ Посошковъ упоминаетъ, что многіе изъ нихъ вѣки свои проживаютъ праздно по деревнямъ, бѣгаютъ службы и разоряютъ своихъ сосѣдей. «Въ алексинскомъ уѣздѣ, говоритъ онъ, видѣлъ я такого дворянина, именемъ Ивана Васильева сына Золоторева. Дома сосѣдямъ своимъ страшенъ, яко левъ, а на службѣ хуже козы».

О дѣятельности самого царя и о препятствіяхъ, которыя онъ встрѣчалъ, при совершеніи своихъ преобразованій, мы находимъ у Посошкова слѣдующее замѣчательное сужденіе: «Видимъ мы вси, какъ великій нашъ монархъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ; потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; то какое дѣло его споро будетъ»?

Сочиненія Посошкова даютъ ему полное право стоять въ ряду замѣчательныхъ русскихъ людей и даровитыхъ народныхъ политиковъ и писателей Петрова времени. Посошковъ былъ честный гражданинъ русской земли, ревностно желавшій блага своему народу и своей странѣ. Но онъ остался неизвѣстнымъ; его мысли, его труды не были поняты и оцѣнены современниками, — кажется даже, — сдѣлались причиною его гибели. Представляя царю свою книгу о скудости и богатствѣ, Посошковъ просилъ только объ одномъ: «дабы имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было, паче же отъ не любящихъ правды». Но «сильныя лица, не любящія правды», которымъ не могла нравиться книга Посошкова, вѣроятно, провѣдали объ имени ея сочинителя. Въ годъ смерти Петра, Посошковъ былъ взятъ въ «тайную канцелярію» и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость «по важной криминальной винѣ», — какъ сказано въ найденныхъ по настоящее время дѣлахъ канцеляріи, хотя изъ нихъ и невидно, по какой собственно винѣ былъ арестованъ сочинитель книги о скудости и богатствѣ. Судя же потому, что черезъ нѣсколько дней послѣ арестованія Посошкова, одному изъ допрашиваемыхъ въ тайной канцеляріи лицъ сдѣлали вопросъ: «не имѣлъ ли онъ у себя книгу Ивана Посошкова, зовомую «Скудость съ богатствомъ»? — судя по этому вопросу, — можно подозрѣвать, что Посошковъ попалъ въ тайную канцелярію именно за свое сочиненіе.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ арестованія (въ февралѣ 1726 года) несчастный Посошковъ умеръ въ Петропавловской крѣпости, въ цѣпяхъ колодника, и погребенъ, по распоряженію тайной канцеляріи, у церкви Самсона Страннопріимца *).

---

4. Татищевъ. Его жизнь и служебная дѣятельность. Его ученые труды. — Татищевъ, Василій Никитичъ (1689 — 1740). Петръ Великій

*) См. у Погодина.

смотрѣлъ на просвѣщеніе, какъ на вспомогательное средство при выполненіи своихъ обширныхъ замысловъ: для всѣхъ родовъ государственной службы ему необходимы были новые дѣятели, въ духѣ реформы, дѣятели просвѣщенные, знакомые съ европейской наукой и съ европейскимъ государственнымъ и общественнымъ устройствомъ. Но старанія царя въ этомъ отношеніи трудно осуществлялись при его жизни. Почти всѣ важнѣйшіе дѣятели Петрова времени. — «сіи птенцы гнѣзда Петрова,» — по выраженію Пушкина, большею частію были (кромѣ Прокоповича и немногихъ духовныхъ лицъ) люди или стараго образованія или вовсе необразованные, какъ напр. Меншиковъ, который едва былъ грамотенъ. Эпоха преобразованія не только при Петрѣ, но и послѣ него представляетъ вообще очень не много просвѣщенныхъ дѣятелей на служебномъ поприщѣ. Къ числу этихъ не многихъ принадлежитъ В. Н. Татищевъ, одинъ изъ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ за границу для образованія. Татищевъ возвратился въ отечество съ любовію къ просвѣщенію, съ готовностію къ труду. Онъ умѣлъ пріобрѣсть замѣчательное для своего времени образованіе и обладалъ большою начитанностію, отличаясь притомъ чисто практическимъ, наблюдательнымъ умомъ. Почти всю свою жизнь Татищевъ провелъ на службѣ и въ ученыхъ занятіяхъ, и какъ на одномъ, такъ и на другомъ поприщѣ отличился дѣльными, вполнѣ заслуживающими уваженія, трудами.

Послѣ возвращенія изъ-за границы, Татищевъ служилъ въ артиллеріи, потомъ былъ сдѣланъ управляющимъ горными заводами, совѣтникомъ берг-коллегіи, получилъ рангъ тайнаго совѣтника и подъ конецъ своей службы былъ астраханскимъ губернаторомъ. Татищевъ скоро сдѣлался извѣстенъ лично царю. Въ своей «Духовной» сыну (см. ниже) онъ упоминаетъ, что вначалѣ его «оклеветали злодѣи» передъ Петромъ, и что онъ подвергся гнѣву царя (Татищевъ былъ обвиненъ во взяточничествѣ); но что впослѣдствіи онъ отъ Петра «не только доволное награжденіе, но и высокую милость чрезъ то оклеветаніе получилъ». Какъ бы то ни было, но извѣстно, что передъ своей поѣздкой въ Сибирь (1720 г.), Татищевъ говорилъ съ Петромъ о своемъ планѣ, касательно сочиненія русской географіи и о необходимости размежевать и снять на планъ всѣ земли Россіи. Двѣ поѣздки въ Сибирь по горнымъ дѣламъ, поѣздка въ Швецію по разнымъ порученіямъ правительства (1720 и 1726 гг.) и вообще многочисленность служебныхъ занятій лишили однако Татищева возможности составить полную русскую географію. Въ духовной сыну, говоря о томъ, что русскую географію необходимо знать «шляхетству» (дворянству) русскому, онъ прибавляетъ: «ее (географію) никто не сочинилъ, и я хотя много о томъ трудился, но окончать не надѣюсь».

Собирая матеріалы для сочиненія подробной русской географіи, Татищевъ пришелъ къ мысли о необходимости предварительно изучить подробно исторію Россіи. Въ дѣлѣ русской исторіи, какъ мы знаемъ, до Татищева, существовали однѣ лишь лѣтописи, отдѣльные лѣтописные разсказы, записки и т. п. историческіе матеріалы, не собранные въ одно цѣлое, не приведенные въ порядокъ и не разработанные критически; а безъ подобной предварительной переработки историческихъ матеріаловъ знакомство съ истинной

русской исторіей было невозможно. И потому Татищевъ принялся самъ за собираніе и изслѣдованіе матеріаловъ по русской исторіи. Плодомъ этихъ историческихъ занятій былъ трудъ Татищева, извѣстный подъ именемъ «Исторіи Россійской», надъ сочиненіемъ которой авторъ трудился тридцать лѣтъ.

Трудъ Татищева не есть въ собственномъ смыслѣ исторія, да и самъ авторъ не имѣлъ въ виду написать русскую исторію. Онъ хотѣлъ только показать, въ чемъ собственно заключается русская исторія и какіе существуютъ источники для ея изученія. «Исторія» Татищева собственно представляетъ сводъ русскихъ лѣтописей, снабженный критическими примѣчаніями автора, и выписки изъ иностранныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ историческія извѣстія и свѣдѣнія о Россіи *). Какъ сводъ лѣтописей и критика историческихъ фактовъ, трудъ Татищева и теперь не утратилъ своего значенія. Татищевъ по справедливости можетъ быть названъ первымъ русскимъ историкомъ въ томъ отношеніи, что онъ первый представилъ опытъ наукообразной разработки источниковъ русской исторіи, первый указалъ на ихъ важность и значеніе не только для русской, но и для всеобщей исторіи. Свой взглядъ на исторію вообще и на русскую исторію въ особенности и свои научныя, нравственно-религіозныя и политическія идеи и понятія Татищевъ высказываетъ въ обширномъ предисловіи и въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ къ «Исторіи Россійской». Изъ послѣднихъ особенно видны какъ обширная начитанность Татищева и его знакомство съ сочиненіями Гоббеса, Беля, Маккіавелли и другихъ европейскихъ философовъ и политиковъ, такъ равно и его критическій талантъ. Подвергая критикѣ, доказывая достовѣрность или недостовѣрность извѣстнаго историческаго факта или явленія, стараясь объяснить ихъ внутренній смыслъ и значеніе, Татищевъ въ тоже время бросаетъ критическій взглядъ на аналогическія явленія современной ему русской жизни. И при этомъ высказываются его собственные, политическіе и религіозные взгляды и сужденія. Разсуждая, напримѣръ, о древнемъ правительствѣ русскомъ, и показавъ разницу между формами правленія: монархическою, аристократическою и демократическою, Татищевъ доказываетъ, что для русскаго государства «потребно единовластительство», т. е. необходимо правленіе самодержавное. Разбирая и объясняя лѣтописныя извѣстія о древнихъ языческихъ вѣрованіяхъ на Руси, авторъ въ тоже время нападаетъ на современное ему невѣжество, на нелюбовь къ наукамъ, на суе-

---

*) „Исторія Россійская, чрезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная", Татищева была издана уже послѣ смерти автора и состоитъ изъ 5 книгъ; изъ нихъ 3 книги были напечатаны академикомъ Миллеромъ, по повелѣнію Екатерины II (1768—1774), четвертая напечатана въ 1784 г., а пятая, открытая г. Погодинымъ, напечатана въ новѣйшее время. Въ напечатанныхъ книгахъ содержатся: извѣстіе о русскихъ лѣтописяхъ и извлеченія изъ иностранныхъ книгъ о первобытныхъ народахъ, населявшихъ Россію: Скиѳахъ, Сарматахъ, Славянахъ и друг и наконецъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій, съ 860 года до царя Ѳедора Ивановича. Разработанъ критически лишь первоначальный періодъ, до нашествія Татаръ. Кромѣ того, остались неизданными записки Татищева о времени царствованія остальныхъ царей русскихъ, — включительно до Алексѣя Михайловича.

вѣрія и религіозное лицемѣріе, на старовѣровъ, или — по его выраженію — «пустовѣровъ», на суевѣрныя «бабьи басни», на «враки ханжей и пустосвятовъ» и т. п. Въ выраженіи подобныхъ взглядовъ и понятій Татищевъ является рѣшительнымъ послѣдователемъ и писателемъ реформы: онъ, подобно Ѳ. Прокоповичу и другимъ, нерѣдко дѣлаетъ намеки на современныхъ учителей вѣры, которые вмѣсто поученій народу объ «истинахъ вѣры Христовой и о благонравіи, преподаютъ ему преданія и узаконенія человѣческія, для своихъ лакомствъ вымышленныя». Такія рѣзкія сужденія Татищева, противорѣчившія мнѣнію современнаго большинства, были причиною, что его «Исторія» не встрѣтила сочувствія и заслуженной оцѣнки у современниковъ и была издана только чрезъ 30—40 лѣтъ послѣ своего сочиненія. Самъ Татищевъ говоритъ въ духовной сыну, что за вышеприведенныя мнѣнія свои онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ вольнодумствѣ и даже въ безбожіи; тогда какъ его наставленія сыну, выраженныя въ той же духовной, представляютъ намъ Татищева, какъ человѣка истинно-религіознаго.

Занимаясь разработкой источниковъ по русской исторіи, Татищевъ первый открылъ «Русскую правду» и «Судебникъ» Ивана IV и составилъ къ нимъ историческія и юридическія примѣчанія. Изъ прочихъ историко-политическихъ сочиненій Татищева особенно интересна напечатанная недавно записка его, подъ заглавіемъ: «Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ». Это «разсужденіе» написано Татищевымъ по поводу олигархическихъ стремленій и незаконныхъ дѣйствій «верховнаго тайнаго суда» (или «верховниковъ», какъ ихъ тогда называли) *). Верховники, какъ извѣстно, предложили русскій престолъ, послѣ смерти Петра II, дочери царя Ивана Алексѣевича, герцогинѣ курляндской, Аннѣ, подъ условіемъ ограниченія императорской власти властію «верховнаго тайнаго совѣта». Вотъ противъ этого-то намѣренія верховниковъ и была написана Татищевымъ названная выше записка, какъ выраженіе желаній большинства тогдашняго русскаго «шляхетства», или дворянства, представленное отъ его имени императрицѣ Аннѣ, во время ея коронаціи въ Москвѣ, съ просьбою о принятіи самодержавія, по примѣру ея предшественниковъ, и объ уничтоженіи верховнаго тайнаго совѣта. Императрица согласилась и разорвала условія, предписанныя ей верховниками.

Въ «Разсужденіи о правленіи государственномъ» Татищевъ, основываясь на понятіяхъ о государственномъ правѣ и на исторіи, доказываетъ незаконность и преступность дѣйствій тѣхъ изъ русскихъ вельможъ, которые «дерзнули собою» (т. е. собственною властію, безъ воли всего народа, или безъ «общенароднаго соизволенія», какъ говоритъ авторъ) «единовластительство отставить, а ввести аристократію». Развивая далѣе свои доказательства, Татищевъ разсуждаетъ подробно о трехъ формахъ правленія: о демократіи, ари-

---

*) Главными дѣйствующими лицами въ „верховномъ совѣтѣ" были князья: Д. М. Голицынъ и В. Л. Долгорукій и ихъ родственники.

стократіи и монархіи, приводитъ примѣры разныхъ государствъ, обращается къ примѣрамъ изъ русской исторіи и приходитъ къ тому заключенію, что для Россіи необходимо и полезно лишь «единовластіе», въ такомъ видѣ, какъ оно установлено Петромъ Великимъ. Въ своихъ воззрѣніяхъ на политическія событія, Татищевъ обнаруживаетъ здѣсь замѣчательную широту взгляда, а въ его выводахъ и въ доказательствахъ главной мысли сочиненія видна стройная, логическая послѣдовательность.

Мы упоминали выше о «Духовной» Татищева. Она написана авторомъ въ 1733 году (издана въ 1773) и принадлежитъ къ самымъ характеристическимъ письменнымъ памятникамъ своего времени. Въ совѣтахъ, которые Татищевъ даетъ сыну, относительно воспитанія, службы, семейной жизни, управленія хозяйствомъ и т. д. довольно ярко высказываются какъ личный характеръ самого автора, съ его осторожнымъ, практическимъ умомъ и житейскою опытностію, съ его взглядами на науку и на жизнь, такъ равно и многія характеристическія черты современныхъ нравовъ и понятій.

Наставленія сыну касательно образованія Татищевъ начинаетъ съ вѣры. «Главнѣйшее есть вѣра — говоритъ онъ: надлежитъ отъ самой юности даже до старости поучатися въ законѣ Божіи, день и нощь», и совѣтуетъ читать книги св. писанія, отцевъ церкви, особенно Златоуста, равно катехизическія и нравоучительныя книги, «печатанныя въ нынѣшнія времена». За тѣмъ Татищевъ переходитъ къ наставленіямъ объ изученіи свѣтскихъ наукъ: «Весьма нужно тебѣ — говоритъ онъ сыну — поучатися и въ свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее — право (т. е. правильно) и складно писать; затѣмъ ариѳметика, геометрія, артиллерія и фортификація и прочія части математики, такожде нѣмецкій языкъ, что тебѣ необходимо нужно для извѣстія о состояніи нашего государства *), исторія русская, которую ты хотя не въ совершенномъ порядкѣ, однакожь довольную въ моихъ письмахъ найдешь, и къ оной примѣчанія и дополненія, изъ чужестранныхъ книгъ выписанныя, на разныхъ бумагахъ; естьли охота будетъ, можешь въ порядокъ собрать и какъ себѣ, такъ и всему отечеству въ пользу употребить». Далѣе Татищевъ совѣтуетъ сыну изучить русскую географію и гражданскіе и воинскіе законы отечества. Вообще на образованіе, на изученіе свѣтскихъ наукъ и языковъ Татищевъ смотритъ съ утилитарной точки зрѣнія, со стороны ихъ пользы и практическаго примѣненія въ частной и общественной жизни.

При исчисленіи семейныхъ обязанностей, Татищевъ указываетъ сыну на почтеніе къ родителямъ, какъ на важнѣйшую изъ человѣческихъ обязанностей, подкрѣпляя свои наставленія многими изрѣченіями изъ св. писанія. «Духовная» Татищева, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по своимъ пріемамъ и по излагаемымъ въ ней наставленіямъ житейской мудрости, иногда напоминаетъ «Домострой»,

---

*) Получавшіяся у насъ, со времени Петра, заграничныя газеты и вѣдомости, въ которыхъ писалось нерѣдко о русскихъ дѣлахъ, были преимущественно нѣмецкія, и вообще нѣмецкій языкъ имѣлъ въ Россіи, въ описываемое время, тоже значеніе, какое впослѣдствіи получилъ французскій.

съ тою, конечно, разницею, что она написана не въ XVI, а около половины XVIII столѣтія и рускимъ человѣкомъ, хорошо знакомымъ съ европейской наукой и понятіями. Напримѣръ: относительно женидьбы въ духовной говорится, что главныя достоинства жены должны заключаться: въ хорошемъ состояніи, въ разумѣ и въ здоровьи; но духовная тутъ же прибавляетъ, что жена не раба мужу, а помощница, — «однакожь стыдно мужу и находиться подъ властію жены; такихъ примѣровъ нынѣ уже довольно видимъ». Затѣмъ Татищевъ сильно вооружается противъ «новыхъ, глупыхъ» женъ, которыхъ, по его словамъ, всегда окружаетъ ватага ханжей, бродягъ и тому подобныхъ «потаскушъ и вѣстоношей».

Въ высшей степени любопытны наставленія духовной Татищева относительно всѣхъ родовъ службы. Здѣсь въ особенности высказывается житейская опытность и практическій умъ автора. Общіе совѣты Татищева сыну касательно службы заключаются въ томъ, чтобы онъ служилъ государю и государству вѣрно и прилежно во всякомъ возложенномъ на него дѣлѣ. А главное: «ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не напрашивайся». Далѣе Татищевъ говоритъ сыну: «не предавай немощнаго въ руки сильнаго, хранися гордости, весьма хранися предстателей, совѣтниковъ и льстецовъ, чтобы не впасть въ неправосудіе... Мнѣ часто случалось видѣть, что жены, сродники, холопы, блюдолизы *много судейскими душами торговали*... Но паче же всего хранись секретарей и подьячихъ, подчиненныхъ тебѣ». Служа долгое время въ гражданской службѣ, Татищевъ былъ хорошо знакомъ съ русской бюрократіей. Дурное мнѣніе, которое онъ имѣлъ о поименованномъ классѣ чиновничества, простиралось у него до того, что онъ внушаетъ сыну полное недовѣріе ко всѣмъ дѣйствіямъ и даже къ совѣтамъ секретарей и подьячихъ. Школа житейской мудрости, которую прошелъ самъ Татищевъ, заставляетъ его давать сыну иногда такіе, — нѣсколько іезуитскіе, — совѣты: «хотя иногда видишь, что онъ (секретарь) дѣльно говоритъ, оставь въ молчаніи и спроси другихъ, постороннихъ, или *тоже самое только инымъ порядковъ сдѣлай*, или вели что *пополнить — да пристойное, дабы не думали того, что ничего отъ себя не умѣешь сдѣлать* и правду съ ложью распознать», и проч. Далѣе Татищевъ учитъ сына довѣрять кому либо изъ своихъ подчиненныхъ только въ томъ случаѣ, когда онъ замѣтитъ, что это человѣкъ добродѣтельный, не алчный и справедливый; но при этомъ находитъ нужнымъ прибавить: «хотя сіе *и рѣдко случается, однакожь иногда быть можетъ*». Съ вопросомъ о службѣ, особенно о службѣ гражданской, тѣсно связанъ вопросъ о взяточничествѣ, въ которомъ, какъ упомянуто выше, былъ уличаемъ и самъ Татищевъ. Потому онъ затронулъ этотъ вопросъ и въ своей духовной, изложивъ здѣсь тѣже самыя понятія о взяткахъ, какія онъ высказалъ въ личномъ объясненіи съ Петромъ по этому вопросу. Въ своихъ понятіяхъ о взяточничествѣ Татищевъ дѣлаетъ различіе между «лихоимствомъ» и «законною мздою за рѣшеніе дѣла» (т. е. тѣмъ, что на языкѣ новаго чиновничества называется «благодарностію»). Лихоимство есть не право взятое, по словамъ Татищева, а мзда принадлежитъ дѣлающему по

должности: если я ничего не взявъ, противу закона сдѣлаю — повиненъ; если ради мзды присоединится къ законопреступленію лихоимство — долженъ (т. е. заслуживаю) сугубаго наказанія; когда же право и порядочно сдѣлалъ и отъ праваго въ *возблагодареніе* пріиму, — ничѣмъ осужденъ быть не могу». «Возблагодареніе», о которомъ говоритъ здѣсь Татищевъ, будетъ всегда «неправымъ»; потому что судья или чиновникъ, по долгу своему, обязанъ рѣшать дѣла «право и порядочно»; а вознагражденіе за свою службу обществу онъ долженъ получать только отъ власти, его постановившей.

При изложеніи совѣтовъ относительно деревенскаго хозяйства, въ духовной Татищева подробно говорится объ отношеніяхъ между помѣщикомъ и крестьянами. Хотя Татищевъ, какъ членъ современнаго русскаго «шляхетства», не думаетъ отрицать законности крѣпостнаго права, не говоритъ, напримѣръ, подобно Посошкову, что «крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы»; тѣмъ не менѣе взглядъ Татищева на отношенія помѣщика къ крестьянамъ отличается рѣдкою для его времени гуманностію и понятіями истинно-просвѣщеннаго человѣка. Онъ совѣтуетъ сыну заботиться о духовномъ и нравственномъ образованіи крестьянъ, поручивъ это дѣло хорошему, ученому священнику, который долженъ быть свободенъ отъ всякихъ сельско-хозяйственныхъ занятій и содержимъ на жалованьи. Въ этомъ требованіи, относительно положенія сельскаго духовенства, равно какъ и во взглядѣ на жалкое состояніе и малообразованность послѣдняго, Татищевъ сходится съ Посошковымъ. Далѣе духовная Татищева требуетъ для крестьянъ: грамотности, медиковъ, заведенія аптекъ, — идеалъ, до котораго жизнь крестьянская еще не достигла и въ наши дни.

Мы указали лишь на важнѣйшія сочиненія Татищева, которыя или характеризуютъ эпоху, или выражаютъ направленіе и отличительныя свойства самого сочинителя. Но онъ оставилъ послѣ себя довольно еще и другихъ ученыхъ и дѣловыхъ трудовъ, не лишенныхъ важности и значенія для своего времени и интересныхъ для насъ въ историческомъ отношеніи, какъ знакъ разумной дѣятельности, любознательности и обширности взглядовъ Татищева. Къ такимъ трудамъ его принадлежатъ: атласъ Сибири, донесенія о минеральныхъ богатствахъ и о торговыхъ путяхъ послѣдней, собранныя имъ географическія свѣдѣнія о Россіи, «Лексиконъ россійскій, историческій, географическій, политическій и гражданскій» (доведенъ до буквы Л. и изданъ въ 1779 г.) и друг. *).

Прочія историческія сочиненія въ эпоху преобразованія. — Кромѣ историческихъ трудовъ Татищева, въ эпоху преобразованія, появились и другія сочиненія историческаго содержанія, не представляющія, впрочемъ, особенной важности. Изъ нихъ болѣе извѣстны:

---

*) О Татищевѣ и обо всѣхъ его сочиненіяхъ, см. подробности въ монографіи *Н. Попова*: „В. Н. Татищевъ и его время“ и проч. М. 1861.

а) «Ядро Исторіи Россійской», — многотомное сочиненіе, которое содержитъ въ себѣ изложеніе историческихъ событій отечества отъ древнѣйшихъ временъ до смерти царя Ивана Алексѣевича. За исключеніемъ древняго періода, всѣ остальныя событія переданы здѣсь довольно вѣрно, почти безошибочно, въ простомъ и безъискуственномъ разсказѣ. «Ядро Исторіи Россійской» долго служило учебникомъ по русской исторіи въ школахъ. Этотъ историческій трудъ принадлежитъ *Манкѣеву*, секретарю или переводчику при русскомъ резидентѣ въ Швеціи, кн. Хилковѣ, вмѣстѣ съ которымъ Манкѣевъ провелъ 18 лѣтъ въ плѣну въ Швеціи, находясь все это время подъ стражею въ г. Вестерасѣ, гдѣ и написалъ свое сочиненіе. По слѣдамъ Миллера, издавшаго трудъ Манкѣева въ 1770 году, сочиненіе это долго приписывалось кн. Хилкову. Трудъ свой Манкѣевъ посвятилъ Петру I.

б) Записки *Желябужскаго* (1682 — 1709) начинаются со смерти царя Ѳедора Алексѣевича и оканчиваются извѣстіемъ о полтавской битвѣ. Желябужскій былъ окольничимъ и черниговскимъ воеводой. Его записки и по содержанію, и по формѣ напоминаютъ разсказы лѣтописцевъ: авторъ ведетъ разсказъ изъ года въ годъ, почти изо дня въ день, представляя одну лишь сухую и безстрастную перечень событій. Желябужскій разсказываетъ о первомъ стрѣлецкомъ возмущеніи 1682 года, подробно говоритъ о бунтѣ стрѣльцовъ 1698 года и о другихъ важныхъ происшествіяхъ своего времени, но всегда записываетъ одни лишь сухіе факты, какъ они совершались передъ его глазами, не высказывая о нихъ никакого сужденія. Напримѣръ: «Князю Петру Кропоткину чинено наказанье, битъ кнутомъ за то, что онъ въ дѣлѣ своровалъ — выскребъ и приписалъ своею рукою». Или: «Въ томъ же году князь Яковъ Ивановъ сынъ Лобановъ-Ростовскій да Иванъ Андреевъ сынъ Микулинъ ѣздили на разбой по Троицкой дорогѣ, къ красной соснѣ, разбивать государевыхъ мужиковъ съ ихъ великихъ государей казною, и тѣхъ мужиковъ они разбили, и казну взяли себѣ, и двухъ человѣкъ мужиковъ убили до смерти», и проч. Или: «И того числа стрѣляли изъ пушекъ про государское здоровье . . . Были розыски великіе и пытки срѣльцамъ жестокія . . . А на Москву въ тѣхъ же числахъ пришли изъ разныхъ государствъ Нѣмцы, гусары и онженеры (инженеры), всего ихъ пришло 700 человѣкъ», и проч. Въ такомъ сухомъ и безстрастномъ тонѣ разсказываетъ Желябужскій какъ о важнѣйшихъ, такъ и о незначительныхъ событіяхъ своего времени, не выражая ни личнаго своего о нихъ мнѣнія, ни тѣхъ чувствъ и впечатлѣній, которыя возбуждались ими въ современникахъ. Тѣмъ не менѣе записки Желябужскаго представляютъ драгоцѣнный матеріалъ при изученіи нравовъ и понятій времени — именно вслѣдствіе своей наивности и безъискуственности разсказа и вслѣдствіе вѣрной передачи многихъ современныхъ фактовъ и явленій.

в) «Исторія стрѣлецкаго бунта 1682 года», *Матвѣева* *), о которой мы

*) Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, во время Петра, былъ русскимъ посланникомъ въ Голландіи, а потомъ при австрійскомъ дворѣ; въ 1715 году онъ возведенъ въ графство римской имперіи. Кромѣ исторіи стрѣлецкаго бунта, послѣ

говорили выше. Записки Матвѣева о стрѣлецкомъ бунтѣ представляютъ совершенную противоположность запискамъ Желябужскаго въ томъ отношеніи, что онѣ писаны съ преднамѣренною цѣлію и отличаются тяжелымъ, искуственнымъ языкомъ и витіеватостію изложенія. Авторъ вездѣ старается выяснить мотивы, указать на послѣдствія извѣстныхъ событій и украшаетъ свой разсказъ разнаго рода нравственными сентенціями и примѣрами. Приводимъ для примѣра небольшой отрывокъ изъ записокъ Матвѣева: «Какъ подобно мудраго изъ старыхъ философа Езопа притчѣ, всегда нижеименованный Милославскій вельми хитрымъ своимъ пронырствомъ во всемъ сходно то учинилъ, и по сущему его Езопову примѣру, когда обезьяна пожелала каштана, то есть нѣкотораго плода съ древесъ, меньше грецкаго орѣха, вкусомъ гороховымъ, испекши, изъ горячихъ углей выбрать и въ снѣдь свою употребить; тогда, поймавъ та обезьяна кошку и взявъ лапы ея кошечьи въ свои руки, скоро оной плодъ выбравъ, въ желаемую себѣ сладость получила и ими удовольствовалася. Такъ точно съ тѣмъ же дѣйствіемъ онъ, господинъ Милославскій людей тѣхъ, безразсудливыхъ Хованскихъ князей, равно какъ обезьяна, въ свои лукавыя руки, яко кошекъ, помкнулъ и сдѣлалъ участниками гнусныхъ тѣхъ прежде бывшихъ своихъ дѣлъ».

Собственно литературныя произведенія въ эпоху преобразованія.

Сатирическая поэзія. Кантемиръ. Біографическія свѣдѣнія. Сатиры и другія сочиненія Кантемира. — Въ сочиненіяхъ писателей реформы, разсмотрѣнныхъ нами выше, мы не встрѣчали до сихъ поръ собственно *литературныхъ* произведеній, т. е. произведеній такъ называемой «изящной» словесности, или произведеній поэтическихъ. Литература реформы преслѣдовала исключительно утилитарныя цѣли, была, такъ сказать, литературою по преимуществу дѣловою и оффиціальною. Первыми «литературными» произведеніями въ томъ значеніи этого слова, какъ мы его понимаемъ теперь, являются, въ эпоху преобразованія, сатиры *Кантемира* (князя Антіоха Дмитріевича, 1708 — 1744). Потому не совсѣмъ безъ основанія новый періодъ русской литературы начинаютъ обыкновенно съ Кантемира: въ той искуственной литературѣ, которая должна была развиться у насъ, какъ плодъ подражанія литературамъ западнымъ и какъ слѣдствіе реформы Петра, Кантемиръ первый полагаетъ основаніе русской сатирической поэзіи и первый представляетъ намъ образцы русской стихотворной сатиры, какъ отдѣльнаго рода лирической поэзіи, существовавшаго въ европейскихъ литературахъ. По духу и характеру, сатиры

Матвѣева остались записки о современныхъ политическихъ происшествіяхъ, а также дневникъ, веденный имъ во время поѣздки изъ Гаги въ Парижъ для заключенія торговаго трактата съ Франціей. Какъ записки, такъ и дневникъ Матвѣева имѣютъ характеръ оффиціальныхъ бумагъ и не представляютъ интереса ни въ историческомъ, ни въ литературномъ отношеніи.

Кантемира находятся въ тѣсной связи со всѣми главными литературными явленіями реформы и рисуютъ вѣрную картину современнаго русскаго общества, картину нравовъ и обычаевъ разныхъ слоевъ его. А по внѣшней формѣ своей, т. е. по конструкціи стиховъ (сатиры Кантемира написаны силлабическимъ размѣромъ), по языку и слогу, онѣ примыкаютъ къ стихотворнымъ произведеніямъ схоластической школы — съ тою, конечно, существенною разницею, что сатиры Кантемира рѣзко отличаются отъ какихъ-нибудь виршей Симеона Полоцкаго или Сильвестра Медвѣдева и своимъ живымъ, жизненнымъ содержаніемъ, и своимъ направленіемъ, и наконецъ выраженными въ нихъ новыми идеями и понятіями.

Кантемиръ родился въ Константинополѣ и былъ сынъ молдавскаго господаря, Димитрія Кантемира, соединившагося съ Петромъ въ турецкую войну, которая окончилась неудачнымъ прутскимъ миромъ. Не смотря на необходимость мира, Петръ однако рѣшительно отвергъ требованіе Турціи, относительно выдачи отложившагося отъ нея молдавскаго господаря. Кантемиръ принялъ русское подданство и съ семействомъ своимъ переѣхалъ на житье въ Россію, когда его сынъ Антіохъ былъ еще ребенкомъ. Кантемиръ-отецъ, человѣкъ замѣчательно образованный, лингвистъ и авторъ нѣсколькихъ ученыхъ сочиненій, отличался особенною любовію къ наукамъ и просвѣщенію. Естественно, что эту любовь и уваженіе къ наукамъ онъ внушилъ и своимъ дѣтямъ, особенно Антіоху, въ которомъ рано замѣтилъ отличныя способности, будучи самъ его первымъ воспитателемъ и наставникомъ. Другими учителями Антіоха Кантемира были извѣстные ученые и знатоки многихъ языковъ, греческіе монахи: Анастасій Кондоиди и Евѳимій Колети. Кромѣ того, Кантемиръ въ Москвѣ учился въ заиконоспасской академіи, а послѣ учрежденія въ Петербургѣ академіи наукъ, слушалъ тамъ лекціи математики, физики и философіи у академическихъ профессоровъ. Будучи уже офицеромъ гвардіи, въ 1729 году, Кантемиръ написалъ свою первую сатиру: «На хулящихъ ученіе», которая привела въ восторгъ современниковъ, въ особенности просвѣщеннѣйшихъ изъ нихъ,— какъ напримѣръ, Ѳеофана Прокоповича и Ѳеофила Кролика, горячо привѣтствовавшихъ молодаго сатирика и перваго русскаго свѣтскаго поэта. Ѳ. Прокоповичъ, не зная имени сочинителя сатиры, написалъ къ нему восторженное посланіе въ стихахъ, которое начиналось извѣстнымъ стихомъ: «Не знаю, кто ты, пророче рогатый» *), и въ которомъ просвѣщенный архипастырь говоритъ поэту:

«Перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ *ученой дружины*,
И разрушай всякъ обычай злонравный,
Желая доброй въ людяхъ перемѣны» **).

Архимандритъ Ѳ. Кроликъ написалъ такое же привѣтствіе Кантемиру

---

*) *Corniger vates.* Латин. vates значитъ пророкъ и поэтъ.

**) „Наука и литература при П. В.“, Пекарскаго, т. I, стр. 490. См. здѣсь объ отношеніяхъ Ѳ. Прокоповича къ Кантемиру.

латинскими стихами, переведенными потомъ по-русски, гдѣ называетъ сатиру Кантемира «рогатыми, бодливыми стихами» (cornutum carmen). Въ 1734 году Кантемиръ былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонѣ, имѣя не болѣе 25 лѣтъ отъ роду; а потомъ, за успѣшное окончаніе возложеннаго на него порученія, облеченъ былъ значеніемъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра. Кантемиръ провелъ въ Лондонѣ шесть лѣтъ, пользуясь славою отличнаго ученаго и политика и находясь въ сношеніяхъ съ современными политическими и учеными знаменитостями Англіи, которую онъ признавалъ просвѣщеннѣйшею страною въ мірѣ.

Плохое состояніе здоровья, разстраиваемое еще болѣе усиленными кабинетными занятіями, заставило Кантемира ѣхать въ Парижъ лечиться. Вскорѣ затѣмъ онъ и совсѣмъ поселился въ Парижѣ, занявъ постъ нашего полномочнаго министра и чрезвычайнаго посланника при французскомъ дворѣ. Ведя въ Парижѣ скромную жизнь и предавшись исключительно ученымъ трудамъ и занятіямъ литературой, Кантемиръ сблизился здѣсь съ нѣкоторыми изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ и литераторовъ, какъ напримѣръ, съ знаменитымъ Монтескьё, съ пьемонтскимъ ученымъ, аббатомъ Гуаско и съ математикомъ и астрономомъ Мопертюи, — что, между прочимъ, подало поводъ поэту Батюшкову написать извѣстную статью: «Вечеръ у Кантемира», въ которой русскій сатирикъ первой половины XVIII столѣтія представленъ въ ученой бесѣдѣ съ Монтескье, аббатомъ В. и аббатомъ Гуаско.

Частыя болѣзни, и при томъ чрезмѣрная любовь къ чтенію и къ ученымъ трудамъ, заставлявшая Кантемира говорить, что онъ «тогда только не чувствуетъ болѣзни, когда трудится», — ускорили его смерть: онъ умеръ въ Парижѣ, отъ водяной болѣзни въ груди, на 36 году отъ роду, оставивъ въ друзьяхъ своихъ память о себѣ, какъ о человѣкѣ благородномъ, правдивомъ, отличавшемся высокими качествами ума и сердца и гуманнымъ обращеніемъ со всѣми *).

Изъ сочиненій Кантемира намъ извѣстны теперь: девять сатиръ, небольшое число другихъ стихотвореній, нѣсколько переводовъ въ стихахъ и въ прозѣ, и нѣсколько оригинальныхъ ученыхъ сочиненій **). Для насъ имѣютъ особенную важность и по своему историческому значенію, и по своимъ достоин-

---

*) О пребываніи Кантемира въ Англіи, его дипломатической дѣятельности, о сношеніяхъ съ современными европейскими знаменитостями, см. ст. В. *Стоюнина*: „Князь Антіохъ Кантемиръ въ Лондонѣ, въ журн. „Вѣстн. Европы", 1867 года т. I и II. См. также въ сочиненіи того же автора: „О преподаваніи русской литературы", о Кантемирѣ стр. 210 — 224.

**) Восемь сатиръ, съ примѣчаніями самого Кантемира и нѣкоторыми мелкими стихотвореніями, изданы были первый разъ въ 1762 году, по исправленному самимъ авторомъ и присланному изъ-за границы списку еще въ 1743 году. Но такъ какъ первыя пять сатиръ Кантемиръ сочинялъ, находясь еще въ Россіи, въ самые молодые годы (первую сатиру Кантемиръ написалъ, когда ему было не болѣе 20 лѣтъ) и такъ какъ онѣ тогда же разошлись по рукамъ во многихъ рукописныхъ спискахъ; то теперь существуетъ двѣ редакціи этихъ первыхъ пяти са-

ствамъ однѣ лишь сатиры Кантемира, доставившія автору заслуженную извѣстность у современниковъ и почетное мѣсто въ исторіи русской литературы.

Главная сущность сатиръ Кантемира заключается, во-первыхъ: въ выраженіи негодованія сатирика противъ враговъ просвѣщенія, противъ «хулящихъ ученіе», число которыхъ было весьма велико въ Россіи, современной Кантемиру; а во-вторыхъ: въ осмѣяніи пустоты, слабостей и пороковъ не только слѣпыхъ приверженцевъ старины и враговъ науки, но также и тѣхъ послѣдователей петровской реформы, которые, подражая обычаямъ и жизни образованныхъ народовъ Европы, не пошли далѣе усвоенія однѣхъ лишь внѣшнихъ формъ и отличій европейской цивилизаціи, а въ самой сущности остались при своихъ прежнихъ взглядахъ и понятіяхъ на частную и общественную жизнь и при своей прежней невѣжественности.

Первая сатира Кантемира, какъ показываетъ и данное ей вначалѣ названіе: «На хулящихъ ученіе», — преимущественно направлена противъ невѣждъ и враговъ науки, преслѣдовавшихъ всякое новое знаніе не только своими невѣжественными порицаніями, но и своими дѣйствіями. Сатира эта долго до своего изданія ходила въ рукописи. Въ исправленномъ видѣ Кантемиръ назвалъ эту сатиру: «Къ уму своему», на томъ основаніи, что старикъ обращается, въ началѣ сатиры, къ уму своему, говоря:

«Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не побуждай къ перу мои руки» . . .

Далѣе сатирикъ увѣряетъ, что и безъ авторства можно достигнуть славы, къ которой ведутъ нынче многіе не трудные пути, гдѣ «не запнутся смѣлыя ноги»; а путь къ славѣ, который «босы проклали девять сестръ» (т. е. музы) — самый трудный и непріятный путь. Въ заключеніе сатиры, поэтъ снова совѣтуетъ своему уму, не распространяться безплодно въ объясненіяхъ о пользѣ наукъ и знать это лишь про себя.

Послѣ такого вступленія, сатирикъ изображаетъ типы невѣждъ того времени, т. е. типы: ханжи и дворянина-скупца, типъ гуляки и пьяницы: Критона, Сильвана, Луки и Медора. Сатирикъ заставляетъ каждое изъ этихъ лицъ, сообразно съ его личными вкусами и наклонностями, говорить противъ просвѣщенія и вооружаться противъ распространенія въ обществѣ новыхъ знаній и наукъ. Такъ

«Критонъ, съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ
«И проситъ, *свята душа*, съ горькими слезами,

тиръ: первоначальная, — рукописная и позднѣйшая, — печатная, разнящаяся отъ первой большими измѣненіями и передѣлками, сдѣланными авторомъ, измѣнившимъ и самыя названія первыхъ пяти сатиръ. Такъ первая сатира: „На хулящихъ ученіе“ въ печатной редакціи названа: „Къ уму своему“ и т. д. Объ изданіяхъ сатиръ Кантемира см. примѣчанія въ „Историч. Христом.“ А. Галахова, т. I, стр. 148; а также см ст. г. Тихонравова въ „Библіогр. Записк.“ 1858 г. стр. 592, 593 и д.

посмотрѣть на то, какой вредъ уже успѣло принести «сѣмя наукъ», и какъ вслѣдствіе наукъ распространились ереси и расколы, и увѣряетъ, что приходитъ въ безбожіе всякъ, «кто надъ книгой таетъ», что вмѣсто прежняго благочестиваго обычая — «слушать со страхомъ» то, чего не знаешь:

Теперь, *къ церкви соблазну, библію честь стали,*
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину.

Словомъ, Критонъ, подъ видомъ религіознаго благочестія, вооружается противъ всякаго живаго знанія и приводитъ всѣ тѣ доводы противъ наукъ, съ которыми обыкновенно партія обскурантизма всегда и вездѣ вооружалась противъ просвѣщенія и противъ всякаго живаго движенія человѣческой мысли. Сильванъ, съ своей стороны, проповѣдуетъ о безполезности ученія, потому что оно не ведетъ къ прямому обогащенію; весельчакъ Лука говоритъ, что науки и книги только мѣшаютъ людямъ жить весело, а франту Медору вовсе не до книгъ: онъ все свое время и всѣ заботы обращаетъ на то, чтобы слѣдить за модами; онъ презираетъ ученость и ученыхъ, и своего портнаго и парикмахера ставитъ выше всякаго Сенеки, Цицерона и Виргилія, которые, въ его глазахъ, не стоятъ и «одного фунта пудры».

Рисуя такимъ образомъ портреты современныхъ ненавистниковъ просвѣщенія, сатирикъ подвергаетъ злой и чрезвычайно мѣткой насмѣшкѣ ихъ слабости и пороки и представляетъ намъ живую и яркую картину нравовъ современнаго русскаго общества, какъ оно сложилось подъ вліяніемъ реформы Петра, при столкновеніи стараго порядка вещей съ новыми идеями, выдвинутыми впередъ реформой.

Этотъ ханжа Критонъ, напримѣръ, съ такой злой ироніей, названный сатирикомъ «свята душа», соболѣзнуя объ испорченности молодаго поколѣнія, потерявшаго благочестивые нравы старины, говоритъ, что «дѣти наши»

Потеряли добрый нравъ, *забыли пить квасу,*
Не прибьешь ихъ палкою къ *соленому мясу.*

Не менѣе смѣшонъ и гадокъ и не менѣе вѣренъ дѣйствительности и «румяный Лука», который «трожды (трижды) рыгнувъ, подпѣваетъ» Сильвану о вредѣ наукъ для «человѣческаго содружества» и говоритъ, что онъ тогда примется за книги,

Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу;
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.

Вообще первая сатира Кантемира, безспорно, — одна изъ лучшихъ его сатиръ, — представляетъ многія яркія черты времени и замѣчательна по ѣдкости ироніи и по благородному негодованію сатирика противъ современныхъ невѣждъ и «непріятелей» науки, которой онъ является защитникомъ. «Въ первой сатирѣ моей, — говоритъ самъ Кантемиръ, — я защищалъ науку отъ невѣждъ и непріятелей ея, да не отъ такихъ невѣждъ, которые ничего не знаютъ, но

которые ничего знать не хотятъ, и для того всякое знаніе хулятъ, проповѣдуя, что оно не только не полезно, но и вредно народу».

Вторая сатира носитъ названіе: «На зависть и гордость злонравныхъ дворянъ», или «Филаретъ и Евгеній», — по печатной редакціи. Здѣсь, въ формѣ діалога, или разговора между двумя названными лицами сатирикъ осмѣиваетъ дворянскую спѣсь, или остатки стараго мѣстничества. Эта сатира утомительна и скучна при чтеніи по своему исключительно дидактическому характеру и сухой морали; но тѣмъ не менѣе она заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя замѣчательныя частности, какъ напримѣръ: портретъ современнаго щеголя, или фата, который совершилъ путешествіе по Европѣ и возвратился домой тѣмъ же грубымъ и празднымъ невѣждой, хорошо изучивъ за границей одно лишь умѣнье одѣваться по модѣ, который, — по словамъ сатирика, — послѣ «долголѣтняго пути въ странахъ чужестранныхъ», понялъ лишь то,

. . . . . что фалды должны быть тверды, а не жидки *),
Въ полъ-аршина глубоки и ситомъ подшиты,
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и проч.

Описаніе жизни и привычекъ этого пустаго и празднаго щеголя, изображенныхъ въ сатирѣ, въ противоположность полезной и дѣятельной жизни его предковъ, вообще сдѣлано мастерски и весьма забавно. Сатирикъ говоритъ:

Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои; а ты, подъ парчою,
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душою,
Грозно сопешь, и проч.

И затѣмъ сатира изображаетъ картину, какъ лѣниво встаетъ съ постели этотъ щеголь, какъ онъ нѣжится, одѣвается: «деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу», — говоритъ при этомъ сатирикъ, и проч.

Третья сатира: «О различіи страстей человѣческихъ», написана въ видѣ «посланія къ Ѳеофану, епископу новгородскому». Разбирая вначалѣ вопросъ о существованіи различныхъ страстей въ людяхъ, — по видимому организованныхъ одинаково и со стороны тѣла, и со стороны души, — сатира представляетъ портреты людей, преданныхъ разнообразнымъ страстямъ: сребролюбію, мотовству, лицемѣрному ханжеству, самолюбію и проч. Осмѣивая эти пороки, свойственные людямъ вообще, Кантемиръ и въ этой сатирѣ умѣлъ подмѣтить и живо изобразить нѣкоторыя черты современной ему русской дѣятельности. Говоря напримѣръ, о томъ, что люди бываютъ вообще недовольны своимъ

---

*) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту сатиры (примѣчанія къ сатирамъ Кантемира, писанныя имъ самимъ, интересны по нѣкоторымъ историческимъ и характеристическимъ чертамъ времени) говорится: „Когда писана сатира сія, мода была, чтобъ фалды торчали тверды, а не висѣли по ногамъ, какъ прежде сего бывало.“

положеніемъ и передавая жалобы пахаря, который сѣтуетъ на судьбу и предпочитаетъ свое положеніе положенію солдата, сатирикъ заставляетъ его говорить слѣдующее:

«За что-де меня Творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?
Не ходилъ бы въ серякѣ, а въ платьѣ богатомъ,
Зналъ бы лишь одно свое ружье да капрала,
На правежѣ бы нога моя не стояла,
Для меня бы свинья моя только поросилась,
Съ коровы бъ мнѣ молоко, мнѣ бъ куря носилось.
А то все прикащицѣ, стряпчицѣ, княгинѣ,
Понеси въ поклонъ, а самъ *жирѣй на мякинѣ*.

Четвертая сатира: «Къ музѣ своей». Здѣсь сатирикъ спрашиваетъ у своей музы, не долженъ ли онъ прекратить сочиненіе сатиръ, такъ-какъ онѣ «многимъ не любы» и грозятъ опасностію самому сатирику? «Смѣло хулишь ты (говоритъ онъ своей музѣ) да и говоришь внятно, а я вижу, что въ чужомъ пиру мнѣ похмѣлье». Потому сатирикъ думаетъ, не начать ли ему лучше «писать хвалы» на дурные нравы? Но, находя, что на этомъ новомъ поприщѣ его стихи выходятъ крайне плохи:

(Сколько ногти не грызу и тру лобъ вспотѣлый,
Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы, —)

онъ видитъ, что сила его таланта заключается именно въ сатирѣ, и въ заключеніе говоритъ, что сатиры его могутъ быть противны однимъ лишь негодяямъ и дуракамъ, которыхъ «нечего щадить».

Пятая сатира: »Сатиръ и Періергъ» написана въ разговорной формѣ, «на человѣческія злонравія вообще» и также изысканна въ цѣломъ и утомительна при чтеніи, какъ и сатира вторая; но замѣчательна потому, что заключаетъ въ себѣ намеки на нѣкоторыя современныя лица и на сильныхъ временщиковъ той эпохи (Долгорукаго, Остермана и друг.) портреты которыхъ не трудно узнать въ изображеніяхъ сатирика и подъ вымышленными именами.

Шестая сатира: «О истинномъ блаженствѣ» интересна въ отношеніи личнаго взгляда и понятій самого сатирика объ истинномъ счастіи, которое, по его мнѣнію, заключается въ золотой серединѣ («aurea mediocritas» Горація), въ жизни мирной, честной и полезной себѣ и другимъ и въ бесѣдѣ съ музами.

Седьмая сатира есть «Посланіе къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому», въ которомъ Кантемиръ излагаетъ свои мысли и понятія «о воспитаніи», мысли, — чрезвычайно здравыя и гуманныя, которыя не устарѣли и въ наше время, но которыя составляли рѣзкую противоположность съ понятіями о воспитаніи, господствовавшими въ современномъ русскомъ обществѣ.

Восьмая сатира: «На безстыдну нахальчивость» излагаетъ мнѣнія автора о людяхъ скромныхъ по природѣ и недовѣрчивыхъ къ себѣ, которые отъ этого нерѣдко теряютъ въ обществѣ, не смотря на свои достоинства; тогда

какъ люди безстыдно-нахальные всегда успѣваютъ въ мнѣніи общества.

Девятая сатира: «На состояніе свѣта сего», или «Къ солнцу» направлена преимущественно противъ раскола и подвергаетъ осмѣянію всѣ связанныя съ раскольничьими мнѣніями невѣжественныя суевѣрія и предразсудки, какъ напр.: филиппики раскольниковъ противъ брадобритія, париковъ, нѣмецкаго платья, противъ разрѣшенія мірскимъ людямъ читать библію и т. п. *).

Прочія стихотворенія Кантемира, какъ то: переводъ «Десяти писемъ Горація» и переводъ «Анакреоновыхъ пѣсень» (послѣдній не былъ напечатанъ) мелкія стихотворенія — пѣсни, басни, эпиграммы, и наконецъ начало эпической поэмы: «Петрида», въ которой авторъ хотѣлъ воспѣть подвиги Петра В. — заслуживаютъ вниманія развѣ какъ первые опыты русскаго свѣтскаго стихотворства; но въ нихъ нѣтъ поэзіи.

Кантемиръ не обладалъ поэтическимъ талантомъ; онъ не былъ поэтомъ-художникомъ, одареннымъ отъ природы творческою силою создавать высокопоэтическіе образы. И самыя сатиры Кантемира лишены элементовъ истинной поэзіи. Въ нихъ сатирикъ нашъ не является грознымъ обличителемъ и карателемъ людскихъ страстей и пороковъ; его сатиры не караютъ, не бичуютъ порокъ могучимъ и энергическимъ стихомъ, не гремятъ проклятіями противъ зла и недуговъ общественныхъ, подобно, напримѣръ, сатирамъ Ювенала или Персея или, подобно «Ямбамъ и сатирамъ» Барбье, одного изъ замѣчательныхъ поэтовъ новѣйшей французской литературы. Сатиры Кантемира ближе подходятъ къ произведеніямъ Буало и вообще къ сатирамъ французской школы минувшаго столѣтія. Поучительный тонъ, иронія и насмѣшка — вотъ орудія, съ которыми Кантемиръ возставалъ противъ заблужденій и пороковъ современнаго ему русскаго общества. Потому сатиры Кантемира, отличаясь болѣе дидактическимъ, нежели поэтическимъ направленіемъ, должны быть причислены къ разряду стихотворныхъ произведеній благородно-мыслящаго и высокообразованнаго человѣка, который, по своимъ взглядамъ и понятіямъ, стоялъ далеко выше своихъ современниковъ и съ талантомъ описывалъ нравы своего вре-

---

*) Три послѣднія сатиры Кантемира (6, 7 и 8-я) написаны въ Лондонѣ и въ Парижѣ, а девятая открыта недавно (1858 г.) г. Тихонравовымъ, и гдѣ была написана — неизвѣстно, но она не вошла въ изданіе сочиненій Кантемира 1762 года, „Библ. Зап.“ стр. 593. Посылая эти 3 сатиры при письмѣ къ Ѳ. Прокоповичу, Кантемиръ говоритъ, что всѣ прочія сатиры онъ передѣлалъ; онъ посылаетъ при этомъ также и нѣсколько написанныхъ имъ „пѣсней, басенъ и другихъ малыхъ твореній“.

Изъ переводовъ и сочиненій Кантемира въ прозѣ болѣе извѣстны: 1) Переводъ Фонтенеловыхъ: „Разговоровъ о множествѣ міровъ“; изданъ первый разъ въ 1740 году, замѣчателенъ потому, что противъ него возставалъ извѣстный намъ Аврамовъ, называя переводъ Кантемира и нѣкоторыя другія современныя книги „атеистическими, богопротивными книжищами“; 2) переводъ „Персидскихъ писемъ“, Монтескье, 3) переводъ „Корнелія Непота“, 4) Руководство къ алгебрѣ, 5) письма о философскихъ и нравственныхъ предметахъ, 6) письмо къ пріятелю и проч. См. у г. *Стоюнина* о содержаніи этихъ писемъ, представляющихъ большой интересъ. Многія изъ названныхъ сочиненій К. не были изданы.

мени, изображая смѣшными чертами и съ большимъ остроуміемъ все, что замѣчалъ въ этихъ нравахъ дурнаго, грубаго, неблагороднаго и невѣжественнаго. Отсюда у Кантемира живые портреты невѣжественныхъ духовныхъ лицъ, ставленниковъ, ханжей, лѣнивыхъ, праздныхъ и спесивыхъ дворянъ-помѣщиковъ, старовѣровъ и современныхъ фатовъ, судей-взяточниковъ, подъячихъ, словомъ всѣхъ современныхъ враговъ свѣта и науки.

Въ своихъ нападкахъ на враговъ науки и на отсталыя, раскольничьи понятія Кантемиръ сходится со всѣми писателями реформы, являясь, такимъ образомъ, однимъ изъ главныхъ и даровитѣйшихъ защитниковъ преобразованій Петровыхъ и защищая идеи реформы не по обязанности или приказанію, а какъ писатель-вельможа, по влеченію собственнаго сердца, по своимъ личнымъ понятіямъ и убѣжденіямъ.

Кантемиръ выступилъ съ своими сатирами, когда реформа уже оказала свое дѣйствіе и положила основаніе для новаго литературнаго развитія. Въ духѣ этого развитія онъ писалъ свои сатиры, осмѣивая и негодуя на противниковъ реформы. Но и Кантемиръ, подобно Ѳ. Прокоповичу и другимъ писателямъ реформы, рѣдко обращалъ вниманіе на существенныя причины неудачи большей части изъ предпринятыхъ или совершенныхъ преобразованій въ духѣ петровской реформы. Онъ, напримѣръ, вооружается противъ невѣжественности духовенства и не обращаетъ вниманія на тогдашнее устройство духовныхъ училищъ, которое при строго схоластической и безжизненной методѣ преподаванія, при школьныхъ порядкахъ, извѣстныхъ своею крайнею суровостію и жестокостію, могло дѣйствительно внушить тотъ ужасъ и отвращеніе къ школамъ, которые выказалъ дьячекъ въ одной изъ приведенныхъ нами выше интермедій Петрова времени. Кантемиръ ратуетъ противъ раскола и старовѣрческихъ понятій, но не видитъ, что народъ бѣжалъ массами въ расколъ, спасаясь отъ рекрутчины, отъ тягостныхъ налоговъ, отъ крѣпостнаго права, отъ самоуправства администраціи и отъ непонятныхъ для него новыхъ порядковъ, созданныхъ пересаженною на русскую почву нѣмецкою бюрократіею. Нашъ сатирикъ нападаетъ на дворянскую спесь и на остатки стариннаго мѣстничества, но не замѣчаетъ того, что установленная Петромъ «табель о рангахъ» узаконяетъ какъ бы новое, чиновническое, мѣстничество.

Въ обличеніяхъ первыхъ писателей реформы мы не встрѣчаемъ только портретовъ щеголей и пустыхъ подражателей европейскимъ модамъ и обычаямъ, которыхъ Кантемиръ изображаетъ такими мѣткими и забавными чертами. Эти новые типы, со времени Кантемира постоянно осмѣиваемые въ нашей литературѣ, появились въ русской жизни вслѣдствіе реформы и неглубокаго, поверхностнаго пониманія европейской образованности. Кантемиръ, далеко опередившій своихъ современниковъ въ пониманіи истиннаго европейскаго просвѣщенія, и, по свойству своего ума, склонный къ насмѣшкѣ и къ ироніи, не могъ не изображать въ своихъ сатирахъ смѣшными чертами того уродливаго смѣшенія европейскихъ понятій и обычаевъ съ обычаями и понятіями старорусскаго быта, которое онъ замѣчалъ въ современномъ ему русскомъ обществѣ.

Таковы сатиры Кантемира со стороны ихъ внутренняго содержанія, ко-

торое доставили автору живыя явленія современной русской дѣйствительности и по которому Кантемиръ долженъ быть причисленъ къ писателямъ петровской реформы, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ представителей ея идей и направленія.

Со стороны внѣшней формы, т. е. со стороны стихотворныхъ пріемовъ, плана и расположенія своихъ сатиръ, Кантемиръ является подражателемъ латинскихъ и въ особенности — французскихъ сатириковъ XVIII вѣка, изъ которыхъ нерѣдко онъ заимствуетъ мысли, выраженія и даже переводитъ цѣлые стихи. Изъ римскихъ сатириковъ Кантемиръ бралъ себѣ въ образецъ болѣе всего сатиры Горація, хотя иногда заимствовалъ отдѣльные мысли, стихи и выраженія у Ювенала и Персея; изъ французскихъ — онъ подражалъ Буало. Но подражательность Кантемира ограничивается внѣшней стороной дѣла, и его сатиры — произведенія въ высшей степени самобытныя, русскія; потому что заимствованія свои у западныхъ образцовъ онъ облекалъ въ чисто-русскія формы, рисуя передъ нами яркую картину современнаго русскаго общества, его нравы и понятія. Самъ Кантемиръ, въ предисловіи ко второй сатирѣ, говоритъ, что онъ слѣдуетъ Горацію и Буало и многое у нихъ «занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ». О первой сатирѣ своей Кантемиръ замѣчаетъ: «Можно сказать, что сатира сія ни изъ чего не *имитирована*, но есть выдумка нашего автора, понеже изъ всѣхъ сатириковъ никто особливую сатиру на хулящихъ ученіе не издалъ».

Много говорятъ обыкновенно о тяжеломъ языкѣ, о вялости и растянутости сатиръ Кантемира. Дѣйствительно, силлабическій размѣръ стиховъ, столь несвойственный духу русскаго языка, совершенно произвольная разстановка словъ и перестановка удареній, равно какъ и нѣкоторыя устарѣлыя слова дѣлаютъ сатиры Кантемира утомительными для чтенія. Во всякомъ случаѣ, однако, мнѣніе о вялости и неудобочитаемости сатиръ Кантемира слишкомъ преувеличено. Не должно забывать при этомъ, что Кантемиру приходилось создавать языкъ для своихъ сатиръ, съ появленія которыхъ собственно и начинается образованіе новаго литературнаго русскаго языка *). «Честь усилія — найдти на русскомъ языкѣ выраженія для идей, понятій и предметовъ совершенно новой сферы, сферы европейской, принадлежитъ прямѣе всѣхъ Кантемиру», говоритъ Бѣлинскій. И не смотря на всѣ эти усилія и трудности, въ Кантемировыхъ сатирахъ встрѣчается много отдѣльныхъ мѣстъ и стиховъ, свидѣтельствующихъ о мастерствѣ автора владѣть языкомъ, и замѣчательныхъ по мѣткости выраженій и по чисто-русскому складу рѣчи. Каждая изъ сатиръ Кантемира можетъ представить нѣсколько образцовъ такого рода. Напримѣръ:

Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Мразна, нага, голодна, безъ помощи бродитъ.

---

*) Во второй передѣланной редакціи сатиръ Кантемира стихъ глаже и лучше и основанъ не только на числѣ слоговъ, но и на ударенія. *Стоюнинъ*, стр 213 — 214.

Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять довлѣетъ
Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками,
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Или помнятъ моръ въ Москвѣ, и какъ сего года,
Дѣла чигиринскаго сказуютъ похода.

А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.

Въ Златоустѣ не запнусь, — хоть не разумѣю.

Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны,
Съ прадѣдова прадѣда, — чтобъ начать поближе, —
Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже.

Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу.

Ябеда и ея другъ дьякъ или подъячій.

..... Безъ всякой украсы
Болтнешь, что не дѣлаютъ черица однѣ рясы.

Сегодня одинъ изъ тѣхъ дней святъ Николаю,
Для чего весь городъ пьянъ отъ края до краю.

Эти стихи равно, какъ и примѣры, приведенные нами выше, ясно свидѣтельствуютъ, что сатиры Кантемира читаются безъ особенныхъ усилій и напряженія. Внутреннія же достоинства сатирическихъ произведеній нашего перваго сатирика никогда не дадутъ умереть имени Кантемира въ исторіи русскаго просвѣщенія, указывая намъ на него, какъ на одного изъ благороднѣйшихъ и даровитыхъ дѣятелей русской мысли и русскаго слова, смѣло вступившаго въ борьбу съ фанатическимъ невѣжествомъ, которое препятствовало прогрессивному развитію русской жизни.

Значеніе дѣятельности Тредьяковскаго въ исторіи развитія новой литературы. Біографическія свѣдѣнія. Учено-литературные труды. — Имя *Василія Кирилловича Тредьяковскаго* (1703 — 1769), вслѣдствіе одно-

сторонняго взгляда на его ученую и литературную дѣятельность долгое время служило и едва ли не служитъ еще и теперь синонимомъ всякой ограниченной бездарности, педантизма и безплоднаго труженичества. Такой суровый приговоръ своему изумительному трудолюбію на поприщѣ едва возникавшей свѣтской литературы русской, Тредьяковскій встрѣтилъ не только у своихъ современниковъ, но и у потомства. Современники смѣялись надъ первымъ русскимъ «профессоромъ элоквенціи» и въ жизни, и въ литературѣ, выводили его на сцену въ комедіяхъ, въ качествѣ смѣшнаго педанта, и называли въ разныхъ эпиграммахъ бездарнымъ «риѳмачемъ», «стихоткачемъ» и т. п.

Столь же неснисходительно было къ Тредьяковскому и потомство. Карамзинъ, напримѣръ, говоритъ о немъ: «Тредьяковскій учился во Франціи у славнаго Ролленя *), зналъ древніе и новые языки, читалъ всѣхъ лучшихъ авторовъ, и написалъ множество томовъ — въ доказательство, что онъ не имѣлъ способности писать».

Какова бы ни была способность Тредьяковскаго «писать», но слѣдуетъ сказать, что многіе томы его сочиненій и переводовъ по теоріи словесныхъ наукъ, по отечественной филологіи, по исторіи и т. д. вносили въ оборотъ современнаго русскаго общества много новыхъ свѣдѣній и положительнаго знанія, и слѣдственно принесли свою долю пользы и не могли остаться безъ значенія для своего времени. Потому ученое труженичество Тредьяковскаго заслуживаетъ болѣе справедливой оцѣнки и болѣе уважительнаго отзыва. Впрочемъ уже Пушкинъ отнесся съ уваженіемъ къ ученой дѣятельности Тредьяковскаго, сказавъ, что онъ *одинъ* среди современныхъ писателей *понималъ свое дѣло*, что филологическія и грамматическія изъясненія его очень замѣчательны и что «вообще изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей».

Невыгодное мнѣніе, образовавшееся въ нашей литературѣ о дѣятельности

---

*) Ролленъ (Rollin), ректоръ парижскаго университета, одинъ изъ даровитыхъ профессоровъ и извѣстнѣйшихъ французскихъ ученыхъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. Ролленъ замѣчателенъ, какъ преобразователь университетскаго преподаванія во Франціи и противникъ средне-вѣковой схоластики; онъ требовалъ, чтобы въ образованіи юношества, — дѣло, которому Ролленъ былъ горячо преданъ, — первое мѣсто занимали отечественный языкъ и отечественная исторія, а языки греческій и латинскій служили бы только пособіемъ къ развитію гуманистическаго образованія во французскомъ юношествѣ. Сочиненіе Роллена: „Traité des études“, пользующееся до настоящаго времени авторитетомъ во французской ученой литературѣ, — по словамъ Виллмена, — одна изъ лучшихъ книгъ, написанныхъ на французскомъ языкѣ и памятникъ замѣчательнаго ума и изящнаго вкуса автора. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ изложеніе методы преподаванія и изученія изящныхъ наукъ (belles-lettres), какъ-то: поэзіи, краснорѣчія, риторики, языковъ, исторіи, философіи и проч. Тредьяковскій, въ своихъ разсужденіяхъ по части изящныхъ наукъ, въ оцѣнкѣ классическихъ произведеній древности и т. п. какъ видно, во многомъ слѣдовалъ сочиненіямъ Роллена. Подражаніе Роллену и выборъ для перевода нѣкоторыхъ изъ его сочиненій на русскій языкъ, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ честь уму и знаніямъ Тредьяковскаго. Всѣ сочиненія Роллена, въ 30 т., въ послѣдній разъ (1821—1827) издалъ Гизо.

Тредьяковскаго, произошло оттого, что цѣнители Тредьяковскаго обращали исключительное вниманіе на его стихотворенія и на тяжелый и крайне неуклюжій языкъ и стиль его сочиненій. Если судить о Тредьяковскомъ по однимъ стихотвореніямъ, то дѣйствительно о немъ нельзя говорить иначе, какъ о бездарномъ стихотворцѣ, лишенномъ всякихъ творческихъ способностей, не обладавшемъ и искрой поэтическаго таланта. Но совершенно въ другомъ свѣтѣ является Тредьяковскій въ своихъ ученыхъ разсужденіяхъ, какъ писатель, владѣвшій обширными и основательными свѣдѣніями о своемъ предметѣ, какъ переводчикъ многихъ полезныхъ иностранныхъ сочиненій и наконецъ, какъ первый профессоръ «россійской элоквенціи», 18 лѣтъ читавшій студентамъ академіи наукъ лекціи по теоріи краснорѣчія и стихотворства.

Тредьяковскій учился сначала на своей родинѣ, въ Астрахани, потомъ, изъ любви къ ученію, покинулъ родину и пришелъ въ Москву, поступивъ въ заиконоспасскія школы, или въ московскую духовную академію. Опасаясь наказанія за какую-то провинность, Тредьяковскій долженъ былъ бѣжать изъ академіи, и, перебравшись за границу, дошелъ до Парижа — «съ крайнимъ претерпѣніемъ бѣдности и пѣшкомъ до Антверпена», — какъ онъ говоритъ. Въ Парижѣ онъ нашелъ себѣ покровителя въ русскомъ посланникѣ, князѣ Куракинѣ, и провелъ въ столицѣ Франціи три года, о которыхъ всегда вспоминалъ съ восторгомъ. Здѣсь онъ слушалъ лекціи у извѣстныхъ профессоровъ парижскаго университета, между прочимъ — лекціи краснорѣчія и поэзіи знаменитаго Роллена, которому, вѣроятно, обязанъ тою основательностію и обширностію своихъ свѣдѣній въ теоріи словесныхъ наукъ и классической литературѣ, которыя мы встрѣчаемъ въ его собственныхъ разсужденіяхъ объ этихъ предметахъ. Сочиненія Тредьяковскаго свидѣтельствуютъ, что онъ былъ хорошо знакомъ съ древними языками (греческимъ и латинскимъ), а изъ новыхъ — владѣлъ въ совершенствѣ языкомъ французскимъ, на которомъ писалъ гладкіе и хорошіе стихи, и зналъ языкъ итальянскій. Возвратившись въ Россію, Тредьяковскій былъ опредѣленъ переводчикомъ при С.-Петербургской академіи наукъ, а потомъ сдѣланъ секретаремъ академіи и профессоромъ «латинской и русской элоквенціи» въ академическомъ университетѣ.

Учено-литературные труды Тредьяковскаго заключаются: 1) въ оригинальныхъ разсужденіяхъ его о литературныхъ предметахъ, преимущественно о поэзіи и стихотворствѣ, 2) въ изслѣдованіяхъ по части русскаго языка и русской исторіи, 3) въ переводахъ историческихъ, словесныхъ и другихъ иностранныхъ сочиненій и наконецъ 4) въ многочисленныхъ стихотворныхъ произведеніяхъ разнаго рода.

Между самостоятельными изслѣдованіями Тредьяковскаго о литературныхъ предметахъ заслуживаютъ особеннаго вниманія: «Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ» и «Разсужденіе о древнемъ, среднемъ и новомъ россійскомъ стихотвореніи». Въ двухъ этихъ сочиненіяхъ Тредьяковскій излагаетъ основанія и правила открытаго имъ, при разборѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ, *тоническаго* способа сложенія русскихъ стиховъ. Основываясь на складѣ нашихъ народныхъ пѣсенъ, онъ съ убѣдительностію и очевидною ясностію до-

казываетъ здѣсь, что устройство русскихъ стиховъ должно быть основано на *тонѣ*, т. е. на ударенiи, или на «тоническихъ стопахъ», и что ни *силлабическiй* размѣръ стиховъ, перешедшiй къ намъ изъ Польши, ни *метрическiй*, основанный на правилахъ греческой и римской версификацiи, нимало не свойственны духу русскаго языка. Уже то обстоятельство, что, желая разгадать тайну русскаго стиха, Тредьяковскiй обратился (по его словамъ) къ «нашей природной наидревнѣйшей простыхъ людей поэзiи», т. е. къ народнымъ пѣснямъ, — много говоритъ въ пользу ума и вкуса и въ пользу сообразительности Тредьяковскаго; тѣмъ болѣе, что современная европейская образованность, въ понятiяхъ которой былъ воспитанъ и онъ самъ, не признавала никакихъ, даже внѣшнихъ, достоинствъ за народной поэзiей. Оттого-то и самъ Тредьяковскiй, не смотря на то, что русскiя народныя пѣсни навели его на мысль о тоническомъ стихосложенiи, называетъ ихъ «мужицкими и подлыми» (въ смыслѣ простонародныхъ и низкихъ). Сочиненiемъ правилъ и введенiемъ у насъ тоническаго размѣра стиховъ, Тредьяковскiй оказалъ важную услугу русской литературѣ. Пушкинъ, великiй мастеръ русскаго стиха, отдаетъ ему въ этомъ случаѣ полную справедливость, говоря, что Тредьяковскiй «имѣлъ о русскомъ стихосложенiи обширнѣйшiя понятiя, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ» *), не взирая на то, что новѣйшiй русскiй стихъ, можно сказать, созданъ Ломоносовымъ.

Во второмъ изъ названныхъ нами разсужденiй Тредьяковскiй представляетъ историческое обозрѣнiе трехъ перiодовъ русскаго стихосложенiя: пѣсеннаго, виршеваго и наконецъ тоническаго, которое имъ было изобрѣтено и введено у насъ.

Въ трактатѣ о героическомъ эпосѣ: «Предъизъясненiе объ героической пiимѣ», помѣщенномъ передъ «Тилемахидой» (см. ниже), Тредьяковскiй тоже говоритъ о свойствахъ славяно-русскаго языка по отношенiю къ стихотворству и доказываетъ, что величавый стихъ древнихъ — гексаметръ — столь же свойственъ русскому языку, какъ и языкамъ греческому и латинскому.

Не менѣе интересно сочиненiе Тредьяковскаго о началѣ поэзiи, или его: «Мнѣнiе о происхожденiи поэзiи и стиховъ вообще». Авторъ разсматриваетъ здѣсь исторически различныя мнѣнiя о происхожденiи поэзiи, говоритъ какъ первоначально возникли между людьми поэзiя и стихотворство и затѣмъ представляетъ дѣленiе поэзiи на разные роды и виды, которыхъ онъ насчитываетъ, согласно современному взгляду на этотъ предметъ, до 23. Понятiя, высказанныя здѣсь авторомъ о значенiи поэзiи, о поэтическомъ творчествѣ, о различiи поэзiи отъ стихотворства, отличаются здравыми сужденiями, которыхъ не отвергаетъ и современное намъ ученiе о поэзiи. Тредьяковскiй говоритъ: «Нѣкто Эризiй Петуанскiй написалъ основательно: иное быть пiитомъ, а иное стихи слагать». Но многiе, по словамъ автора, говоря о происхожденiи поэзiи, «иногда сливали поэзiю съ стихами. Нашъ языкъ, замѣчаетъ онъ, весьма сему подверженъ, когда *поэзiю* называетъ *стихотворенiемъ*, хотя впрочемъ прямое понятiе о поэзiи есть

*) Что, замѣтимъ, не совсѣмъ вѣрно. См. ниже при обозрѣнiи теорiи русскаго стихотворства Ломоносова.

не то, чтобъ стихи составлять, но чтобъ *творить, вымышлять и подражать*». Однакожъ изъ этого не слѣдуетъ, по ученію Тредьяковскаго, чтобы поэзія была ложь: «пiитическое вымышленіе бываетъ по *разуму*, т. е. какъ вещь *могла* быть или *долженствовала*», — прибавляетъ онъ. Такія мысли о поэзіи, сдѣлавшіяся въ настоящее время элементарными, ходячими понятіями, были новостію для русскаго общества временъ Тредьяковского, и безъ сомнѣнія, за нимъ остается заслуга, что онъ первый заговорилъ объ этомъ предметѣ въ русской литературѣ.

Прочія разсужденія Тредьяковскаго по теоріи словесности, какъ напримѣръ: отдѣльные трактаты «о комедіи», «объ одѣ» — отличаются такою же основательностію сужденія и соотвѣтствіемъ взгляду современной науки, и обличаютъ большую начитанность автора. Относительно переводовъ Тредьяковскаго по теоріи словесности слѣдуетъ упомянуть, что онъ перевелъ стихами дидактическую поэму Буало: L'art poëtique («Стихотворческая наука Буало») и «Эпистолу о стихотворствѣ» Горація.

Во времена Тредьяковскаго французская литературная школа, или такъ называемая «ложно-классическая» французская литература, для которой Буало былъ непогрѣшимымъ законодателемъ въ дѣлѣ литературныхъ взглядовъ и понятій, господствовала почти во всѣхъ европейскихъ литературахъ. И потому неудивительно, что Тредьяковскій старался переводить на русскій языкъ сочиненія извѣстныхъ писателей Франціи и бралъ ихъ въ образецъ для собственныхъ разсужденій объ учено-литературныхъ предметахъ.

Мнѣніе и замѣчанія Тредьяковскаго о свойствѣ славянскаго и русскаго языковъ и о русской исторіи изложены, главнымъ образомъ, въ двухъ сочиненіяхъ его: въ «Разговорѣ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ орѳографіи» и въ «Трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ: a) О первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ, b) О первоначаліи Россовъ и c) О Варягахъ Руссахъ славянскаго званія, рода и языка». Въ первомъ разсужденіи представлены нѣкоторыя, — весьма дѣльныя, — соображенія и основательныя грамматическія замѣчанія о свойствахъ русскаго языка. Авторъ доказываетъ здѣсь, что нѣкоторыя буквы принятаго у насъ алфавита совершенно излишни для русскаго языка. Русскую орѳографію, или правописаніе, Тредьяковскій думалъ основать на выговорѣ, т. е. училъ изображать слова на письмѣ такъ, какъ они произносятся въ каждомъ языкѣ. Свой способъ правописанія онъ называлъ «новымъ» и, стараясь ввести его въ употребленіе, горячо, съ упорствомъ, отстаивалъ свои ученыя убѣжденія.

Названныя нами разсужденія Тредьяковскаго по русской исторіи написаны съ предвзятымъ намѣреніемъ — доказать первенство русскаго языка и народа. Въ этихъ разсужденіяхъ мы находимъ также свидѣтельство того, что ихъ авторъ обладалъ большимъ запасомъ ученыхъ свѣдѣній и обширной начитанностію: онъ подкрѣпляетъ свои выводы и замѣчанія ссылками на многихъ древнихъ и новыхъ писателей.

Тредьяковскій первый высказываетъ здѣсь мнѣніе о славянскомъ происхожденіи варяжскихъ князей, доказывая, что Варяги Русь были поморскіе

(при-балтійскіе) Славяне, и что Рюрикъ вышелъ съ острова Рюгена. Вопросъ, о происхожденіи Руси нѣсколько разъ возникалъ послѣ Тредьяковскаго въ нашей исторической литературѣ, но и до настоящаго времени не рѣшенъ окончательно, на основаніи строгой исторической критики. Въ своемъ увлеченіи показать древность русскаго языка и находить повсюду слѣды первобытнаго пребыванія Славянъ, Тредьяковскій силится, между прочимъ, доказать свои предположенія разными филологическими сближеніями и натяжками, доходящими до смѣшнаго. Такъ, напримѣръ, онъ производитъ многія иностранныя имена и названія отъ русскихъ словъ: «Варяги» — Предварятели, отъ слова *варяю* — предваряю, «Скиѳы» — Скиты, отъ *скитаться*, «Парижъ», отъ *парить*, «Мадритъ», отъ *мудрить*, и т. п.

Переводные историческіе труды Тредьяковскаго заслуживаютъ гораздо большаго вниманія, нежели названныя нами выше его оригинальныя историческія статьи. Переводы такихъ капитальныхъ и многотомныхъ сочиненій, какъ «Древняя исторія Роллена», (13 т.), его же и Кревье: «Римская исторія» и «Исторія римскихъ императоровъ», одного Кревье (оба сочин. 16 т.) *) доставили Тредьяковскому полное право на признательность современной русской публики. Кромѣ того, онъ перевелъ: «Военное состояніе Оттоманской имперіи, графа Марсильи», «Житіе Бакона, съ сокращеніемъ его философіи» и множество другихъ книгъ. Новиковъ (см. ниже) въ «Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», говоритъ: «Тредьяковскій много сочинилъ книгъ, а перевелъ и того больше, да и столь много, что кажется невозможнымъ, чтобъ одного человѣка достало къ тому столько силъ; ибо одну древнюю Ролленеву исторію перевелъ два раза».

Такимъ образомъ, въ ученой дѣятельности Тредьяковскаго мы замѣчаемъ и основательный умъ, и обширность познаній, и любовь къ наукѣ, и безпримѣрное трудолюбіе, которымъ онъ принесъ свою долю пользы начинавшемуся въ Россіи просвѣщенію на европейскій ладъ. Но всѣхъ этихъ качествъ, безъ сомнѣнія, было не достаточно для того, чтобы стать поэтомъ: для этого нужно было поэтическое дарованіе, которымъ Тредьяковскій вовсе не обладалъ. И, несмотря на то, вопреки своей натурѣ и природной неспособности къ поэзіи, онъ хотѣлъ сдѣлаться поэтомъ, при помощи одного усидчиваго труда и пріобрѣтенныхъ познаній въ искуствѣ стихотворства. Удивительнѣе всего то, что Тредьяковскій, понимая силу и гармонію стихотворной рѣчи (какъ это видно

---

*) Ролленъ издалъ при жизни 5 т. римской исторіи, изъ остальныхъ приготовилъ къ печати 4 т. которые издалъ уже послѣ него и продолжалъ его трудъ, — до битвы при Акціумѣ,—ученикъ его, Кревье, написавшій отдѣльно: „Исторію римскихъ императоровъ до Константина". Историческіе труды Роллена, глубокаго знатока древности, переведенные Тредьяковскимъ, безъ сомнѣнія, составляли важное пріобрѣтеніе возникавшей у насъ свѣтской литературы и служили полезнымъ и занимательнымъ чтеніемъ для современныхъ русскихъ читателей. Древняя исторія Роллена хотя и страдаетъ недостаткомъ критики, но интересна особенно въ томъ отношеніи, что въ ней заключаются обширные и хорошо сдѣланные переводы многихъ мѣстъ изъ лучшихъ историковъ и писателей древности.

изъ его ученыхъ трактатовъ о поэзіи и стихотворствѣ) имѣя вѣрныя понятія о поэзіи и ясно отличая значеніе истиннаго поэта отъ обыкновеннаго стихотворца, — не могъ, между тѣмъ, понять, что самъ онъ не былъ рожденъ поэтомъ и что его собственныя стихотворныя произведенія переполнены, вмѣсто поэзіи, одними безобразными представленіями и картинами и написаны грубыми, тяжелыми стихами. Страсть къ писанію стиховъ въ Тредьяковскомъ только и можно объяснить духомъ времени и схоластическимъ взглядомъ на поэзію, или лучше на сочиненіе виршей, какъ на дѣло, обязательное для каждаго, кто хотѣлъ прослыть человѣкомъ образованнымъ или ученымъ.

Тредьяковскій оставилъ множество стихотвореній, принадлежащихъ почти ко всѣмъ родамъ и видамъ поэзіи. Онъ писалъ торжественныя и хвалебныя оды, духовныя стихотворенія, эпистолы, идилліи, пѣсни, басни, сатиры и т. п. переложилъ въ стихи Фенелонова «Телемака», передѣлавъ его «съ французскія нестихословныя рѣчи» въ «ироіческую піиму», которую назвалъ «Тилемахидой». Эта эпическая поэма, стоившая Тредьяковскому десятилѣтнихъ трудовъ, написана гексаметрами и состоитъ изъ 24 книгъ, или пѣсенъ. Такъ же точно онъ перевелъ съ латинскаго и передѣлалъ въ эпическую поэму, подъ именемъ «Агенды», извѣстный въ свое время аллегорическій романъ: *Argenis*, англійскаго писателя XVII вѣка Барклея (Barclay). Кромѣ того онъ сочинилъ трагедію «Деидамія», которая была напечатана послѣ его смерти, переложилъ стихами псалтирь, и написалъ поэму, въ шести эпистолахъ: «Ѳеоптія, или богозрѣніе», которая, равно какъ и переложеніе псалмовъ, осталась въ рукописи и не была напечатана. «Ѳеоптія встрѣтила препятствіе къ напечатанію, между прочимъ и потому, что авторъ принимаетъ систему Коперника.

Вся эта бездна стихотворныхъ произведеній Тредьяковскаго отличается отсутствіемъ всякой поэзіи, большимъ безвкусіемъ и крайне тяжелыми, неуклюжими стихами, свидѣтельствуя о полнѣйшей неспособности Тредьяковскаго создавать поэтическіе образы и картины и облекать ихъ въ изящную стихотворную форму. Вотъ, для примѣра, нѣсколько стиховъ изъ его «Оды на сдачу города Гданска» (Данцига):

Какое странное піянство
Къ пѣнью мой гласъ бодритъ.
Вы, парнасское убранство,
Музы! умъ не васъ ли зритъ?
Струны ваши сладкогласны,
Мѣру, лики слышу красны,
Пламень въ мысляхъ возстаетъ,
О народы! всѣ внемлите!
Бурны вѣтры не шумите!
Анну *) стихъ мой воспоетъ.

*) Императрицу Анну Ивановну.

А вотъ примѣръ гексаметровъ Тредьяковскаго изъ «Тилемахиды», гдѣ представлено изображеніе смерти, стоявшей у престола адскаго бога, Плутона:

Тамъ, на низу, при престолѣ стояла смерть цвѣтоблѣдна,
Дивище мозгло, мослисто, и глухо, и нѣмо, и слѣпо;
Тамъ въ рукахъ имѣла свою преострую косу,
Кою еще изощряла осѐлкомъ всю непрестанно.
Окрестъ летали черны и мрачны Печали, и проч.

Много перенесъ Тредьяковскій насмѣшекъ и глумленій за свои стихи, — какъ мы уже замѣтили, — и при жизни, отъ своихъ современниковъ, и впослѣдствіи, отъ потомства *). Не признавая за стихотвореніями Тредьяковскаго никакихъ поэтическихъ достоинствъ, нельзя однакоже не признать, что онъ оказалъ услугу русской литературѣ даже и своими стихами, представивъ ихъ какъ примѣры въ подкрѣпленіе составленной имъ, на основаніи народныхъ пѣсенъ, и введенной у насъ теоріи тоническаго стихосложенія **).

ОТДѢЛЪ II.

Литература и писатели до двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія.

Ломоносовъ и его послѣдователи.

Ломоносовъ (1711—1765), знаменитый и многосторонній русскій ученый и писатель, оказалъ безсмертныя услуги русскому просвѣщенію и развитію, русской наукѣ и литературѣ. Важныя заслуги Ломоносова по отношенію къ литературѣ заключаются въ установленіи литературныхъ формъ, литературнаго языка и стиха. Онъ утвердилъ у насъ господствовавшія въ его время въ Европѣ идеи и понятія о наукѣ и литературѣ, внесъ къ намъ съ Запада всѣ

---

*) Сумароковъ, подъ именемъ „русскаго незнающаго педанта", вывелъ Тредьяковскаго въ комедіи „Трессотиніусъ", смѣялся надъ нимъ въ своихъ эпистолахъ, басняхъ, и проч. Извѣстно, что императрица Екатерина II назначала своимъ придворнымъ, въ видѣ шуточнаго наказанія, прочесть страницу или выучить нѣсколько стиховъ изъ „Тилемахиды". Извѣстно также, что Волынскій и Биронъ подвергали Тредьяковскаго посмѣянію, различнымъ униженіямъ и даже побоямъ, — что, безъ сомнѣнія, скорѣе ложится пятномъ на память этихъ временщиковъ, нежели унижаетъ несчастнаго труженика русскаго просвѣщенія, и свидѣтельствуетъ съ другой стороны о варварствѣ современныхъ нравовъ и о томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ находился тогда русскій писатель, посреди грубаго и невѣжественнаго общества.

**) Обо всѣхъ сочиненіяхъ Тредьяковскаго, ихъ изданіяхъ и проч.—подробности см. „Исторія русской Словесности", *А. Галахова*, т. I, стр. 337. См. и въ его же „Историч. Христом.".

главнѣйшія литературныя теоріи, и, какъ человѣкъ по истинѣ геніальный, обладающій обширными и разнообразными дарованіями, онъ представилъ превосходные образцы во всѣхъ литературныхъ родахъ, которыми обаятельно подѣйствовалъ на современниковъ и увлекъ за собою на долго почти всѣхъ русскихъ литературныхъ дѣятелей. Ломоносовъ заслужилъ, такимъ образомъ, у современниковъ и у потомства названіе «отца русской поэзіи» и «родоначальника» новой русской литературы. Потому мы обязаны разсмотрѣть въ возможной для насъ подробности въ высшей степени любопытную и исполненную живаго интереса жизнь Ломоносова и его замѣчательную дѣятельность.

Біографія. — *Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ* родился въ Куростровской волости (на островѣ Двины) въ дер. Денисовкѣ, близъ Холмогоръ. Онъ былъ сынъ крестьянина — рыбака и, съ ранняго дѣтства до 16 лѣтняго возраста, принималъ участіе въ промыслѣ отца и въ его плаваніяхъ по Бѣлому морю и Ледовитому океану; ѣздилъ въ Соловецкій монастырь, въ Колу и далѣе, бывалъ въ Архангельскѣ, въ Пустозерскѣ и на соловарняхъ Бѣлаго моря. Не подлежитъ сомнѣнію, что мѣсто рожденія и обстоятельства первыхъ годовъ жизни Ломоносова имѣли большое вліяніе на его послѣдующее развитіе и на характеръ его дѣятельности.

«Поморскій», или двинской край, родина Ломоносова, населенъ народомъ даровитымъ, смѣлымъ, предпріимчивымъ и, говоря сравнительно, довольно развитымъ, съиздавна предававшимся морскимъ промысламъ и торговлѣ. По словамъ г. Рыбникова, близко познакомившагося съ населеніемъ сѣверныхъ губерній, онъ тамъ и теперь встрѣчалъ «населеніе живое, воспріимчивое, съ поэтическимъ даромъ слова». Почти всѣ ученые путешественники съ уваженіемъ отзываются о смѣлости и независимости характера поморскихъ крестьянъ, изъ среды которыхъ вышелъ Ломоносовъ. Поморцы съиздавна торговали у норвежскихъ береговъ; къ нимъ, какъ извѣстно, съиздавна приходили для торговли Англичане. И можетъ быть, норвежскіе и англійскіе миссіонеры *) имѣли свою долю вліянія на поморянъ, въ числѣ которыхъ находится, какъ извѣстно, и по настоящее время много различныхъ раскольничьихъ сектъ.

Вотъ обстановка, посреди которой протекли юные годы Ломоносова, и которая, внѣ всякаго сомнѣнія, послужила не мало къ раннему возбужденію въ нашемъ геніальномъ поморѣ умственной самодѣятельности. Трудовая жизнь, полныя опасности плаванія съ отцомъ по океану, сношенія съ торговымъ и промышленнымъ населеніемъ и наконецъ суровая и вмѣстѣ величественная природа сѣвера должны были рано пробудить въ немъ ту энергію души и ту силу воли, которыя онъ выказывалъ неразъ въ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни, и должны были много способствовать къ развитію его вообра-

---

*) Для распространенія лютеранства между русскими, жившими въ Ингерманландіи, былъ напечатанъ въ Стокгольмѣ, по приказанію Густава Адольфа, лютеранскій катихизисъ на русскомъ языкѣ. Подобно этому катихизису и другія книги легко могли проникать въ поморье и распространяться въ народѣ вслѣдствіе его торговыхъ связей съ Скандинавіей.

женія, дара наблюдательности и поэтическаго чувства природы, которые мы замѣчаемъ постоянно и въ его стихахъ, и въ его ученыхъ разсужденіяхъ.

Ломонесовъ рано выучился грамотѣ по церковнымъ книгамъ, благодаря своей матери (дочери дьячка изъ сел. Матигоры), — которая была его первою учительницею, — и пристрастился къ чтенію. Онъ самъ называлъ впослѣдствіи стихотворную псалтирь С. Полоцкаго, грамматику М. Смотрицкаго и ариѳметику Магницкаго «вратами своей учености». По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Ломоносовъ, въ самые юные годы, былъ увлеченъ въ расколъ и находился одно время подъ вліяніемъ раскольниковъ безпоповщинской секты, которая была тогда очень распространена въ сѣверномъ поморьѣ. Раскольничьи толки о религіозныхъ предметахъ должны были, конечно, живо заинтересовать юношу-Ломоносова, съ страстью предававшагося чтенію священныхъ книгъ и одареннаго отъ природы необычайною пытливостію ума. Но дѣятельный отъ природы и крѣпкій умъ его и сильная страсть къ знанію спасли его отъ узкихъ, старовѣрческихъ понятій раскольничьей среды, которая его окружала въ молодости.

Чтеніе однѣхъ священныхъ книгъ не удовлетворяло однако пытливости молодаго Ломоносова. Онъ хотѣлъ читать и знать болѣе, хотѣлъ учиться. Отъ своего учителя и отъ людей бывалыхъ онъ узналъ, что болѣе книгъ можно читать на латинскомъ языкѣ, а что языку этому можно выучиться только въ Москвѣ. Побуждаемый неодолимою страстію къ ученію и невозможностію удовлетворить этой страсти на родинѣ, и желая притомъ избавиться отъ преслѣдованій злой и завистливой мачихи, которая по словамъ Ломоносова. «всячески старалась произвести гнѣвъ въ его отцѣ, представляя, что онъ всегда сидитъ *по пустому* за книгами», — Ломоносовъ задумалъ бѣжать изъ дома, — и кое какъ добрался до Москвы, будучи 18 лѣтъ отъ роду. Благодаря какой-то случайности, онъ былъ принятъ здѣсь въ духовную академію, или въ «спасскія школы». Бѣгство молодаго Ломоносова въ Москву уже выказываетъ замѣчательную черту его нравственнаго характера и его необыкновенное стремленіе къ ученію.

Въ заиконоспасскомъ училищѣ Ломоносовъ началъ ученіе съ самаго нисшаго класса и, — по словамъ Штелина, — при своемъ удивительномъ прилеженіи, въ одинъ годъ прошелъ три класса. Пять лѣтъ оставался Ломоносовъ въ спасскихъ школахъ, все также усердно занимаясь ученіемъ, не смотря на то, что онъ терпѣлъ здѣсь «несказанную бѣдность» — по его словамъ — и подвергался постояннымъ насмѣшкамъ молодыхъ школьныхъ товарищей. «Съ одной стороны — говоритъ Ломоносовъ — несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ (три копѣйки) въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды.... Съ другой стороны — «школьники, малые ребята, кричатъ и перстами указываютъ: смотрите, какой болванъ — лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться.» Но ничто, никакіе тяжкіе лишенія и труды, ни жалобы старика-отца, который сѣтовалъ, что сынъ его оставилъ, ни насмѣшки школьниковъ не могли подавить въ немъ охоты къ ученію.

Въ московскихъ школахъ Ломоносовъ успѣлъ вполнѣ познакомиться съ схоластическою ученостію и выучился языкамъ греческому и латинскому. Слушая курсъ академическаго ученія, онъ въ тоже время усердно читалъ книги и рукописи, находившіяся въ академической библіотекѣ, какъ-то: сочиненія отцевъ церкви, русскія лѣдописи, хронографы, старинные сборники и т. п. Здѣсь же ему попались нѣкоторыя сочиненія по части физики и математики, и чтеніе ихъ возбудило въ немъ сильнѣйшій интересъ къ естествознанію. Съ намѣреніемъ заняться изученіемъ естественныхъ наукъ и философіи, онъ, по совѣту своихъ учителей, — большею частію учениковъ кіевской академіи, — уѣхалъ въ Кіевъ. Но тамошняя академія не удовлетворила его ожиданіямъ; онъ скоро воротился въ Москву и съ новымъ жаромъ предался ученію. По нѣкоторымъ извѣстіямъ его уже готовили сдѣлать священникомъ и послать въ Карелу, какъ отъ Ст.-Петербургской академіи наукъ прислано было къ московскому епископу требованіе о высылкѣ въ академію для слушанія профессорскихъ лекцій двѣнадцати лучшихъ семинаристовъ. Въ числѣ этихъ 12-ти семинаристовъ находился и Ломоносовъ. Попавъ такимъ образомъ въ Петербургъ и занимаясь въ тамошней академіи изученіемъ металлургіи, физики и математики, Ломоносовъ вскорѣ отосланъ былъ за границу, для обученія горному дѣлу, вмѣстѣ съ двумя другими товарищами: Виноградовымъ и Рейзеромъ. Эти три молодые студента отправлены были для предварительнаго образованія въ Марбургъ, въ августѣ 1736 г.; съ тѣмъ, чтобы, по выслушаніи надлежащихъ курсовъ въ тамошнемъ университетѣ, продолжать свои занятія въ Фрейбергѣ, подъ руководствомъ опытнаго въ горномъ дѣлѣ саксонскаго ученаго, Генкеля, по совѣту котораго тогдашній президентъ академіи, баронъ Корфъ собственно и рѣшился отправить за границу трехъ русскихъ молодыхъ людей для изученія горнаго дѣла. Послѣ занятій въ Фрейбергѣ, Ломоносовъ и его товарищи, по предположенію, должны были сдѣлать ученое путешествіе по Франціи, Англіи и Голландіи, «куда имъ необходимо ѣхать должно для смотрѣнія славнѣйшихъ тамъ лобараторій химическихъ», — сказано было объ этомъ въ докладѣ академіи *).

Въ Марбургѣ три названные русскіе студенты поручены были надзору знаменитаго профессора тамошняго университета, Христіана Вольфа. Вольфъ пользовался въ XVIII столѣтіи большою славою и вмѣстѣ съ Лейбницомъ считался корифеемъ и представителемъ современной науки. Имя Вольфа, какъ замѣчательнаго мыслителеля вѣка, было извѣстно во всей Европѣ. Къ слушанію его лекцій стекались студенты со всѣхъ странъ, такъ что по словамъ Ломоносова, лекціями и подарками Вольфъ нажилъ себѣ больше пятисотъ тысячъ и сверхъ того баронство.

Ломоносовъ и его товарищи записаны были въ число студентовъ марбургскаго университета, подъ названіемъ «петербургскихъ Руссовъ», въ 1736 г. **).

---

*) „Матеріалы для біографіи Ломоносова". Собраны экстраорд. акад. *Билярскимъ*, СПб. 1868, стр. 2. № 1-й.

**) „Ломоносовъ студентъ Марбургскаго университета", г. *Сухомлинова*. См. Русск. Вѣстн. 1861 г. № 1.

Въ это время Вольфъ читалъ здѣсь, на философскомъ факультетѣ, лекціи по многимъ предметамъ. До слушанія университетскихъ лекцій, русскіе молодые люди упражнялись, подъ руководствомъ Вольфа, въ первыхъ основаніяхъ математическихъ наукъ и занимались прилежно нѣмецкимъ языкомъ. Затѣмъ Ломоносовъ и его товарищи стали посѣщать лекціи въ университетѣ и преимущественно математеческій курсъ.

Письма Вольфа къ президенту петербургской академіи заключаютъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о пребываніи Ломоносова и его товарищей въ Марбургѣ и о занятіяхъ ихъ въ университетѣ. По свидѣтельству Вольфа, Ломоносовъ слушалъ у него лекціи математики, физики и философіи, и проходилъ курсъ этихъ наукъ съ удивительною любовію и съ особенною основательностію.

Кромѣ лекцій философскаго факультета, Ломоносовъ посѣщалъ еще лекціи медицинскія, особенно лекціи химіи, что видно изъ выданнаго ему деканомъ медицискаго факультетства, профессоромъ Дунсингомъ свидѣтельства (въ которомъ говорится: «благороднѣйшій и даровитѣйшій юноша, Михаилъ Ломоносовъ, почитатель философіи, посѣщалъ читавшіяся мною въ 1737 году лекціи химіи, — съ неутомимымъ прилежаніемъ и большимъ успѣхомъ», и проч.) и наконецъ изъ того, что Ломоносовъ пріобрѣлъ званіе «кандидата медицины», которымъ онъ названъ въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ актахъ. — Однако жь, какъ видно изъ писемъ Вольфа, надзоръ за тремя русскими студентами доставлялъ ученому философу не малую заботу. Принявъ ихъ подъ свое руководство и чувствуя себя обязаннымъ передъ русскимъ правительствомъ, Вольфъ, какъ добросовѣстный ученый нѣмецъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы выполнить въ точности возложенное на него порученіе. Онъ почасту сообщаетъ президенту академіи о занятіяхъ Ломоносова и его товарищей, пишетъ, что русскіе студенты вошли въ долги, что у нихъ нѣтъ ни гроша, что они промотали привезенныя съ собою деньги и начали жить въ долгъ; обвиняетъ ихъ въ неумѣніи распоряжаться деньгами, въ распущенности и въ страсти предаваться разгулу студенческой жизни. Но въ тоже время онъ съ удовольствіемъ говоритъ о Ломоносовѣ и съ большою похвалою отзывается о его талантахъ и занятіяхъ. Онъ рѣзко отличаетъ Ломоносова отъ двухъ другихъ русскихъ студентовъ и по его блестящимъ способностямъ и по его стремленію къ наукамъ. Вольфъ называетъ его свѣтлою головою и выражаетъ твердую увѣренность въ его успѣхахъ, въ томъ, что деньги на него потрачены не даромъ и что, по возвращеніи на родину, онъ будетъ однимъ изъ полезнѣйшихъ ея дѣятелей.

Изъ Марбурга Ломоносовъ ѣздилъ въ Саксонію, гдѣ пробылъ довольно долго въ Фрейбергѣ, занимаясь изученіемъ практической металлургіи, подъ руководствомъ саксонскаго горнаго совѣтника, Генкеля. Здѣсь онъ между прочимъ помогалъ въ занятіяхъ академику петербургской академіи Юнкеру, посланному Минихомъ въ Германію для осмотра соляныхъ заводовъ. Во время пребыванія своего въ Саксоніи, онъ провелъ одно лѣто въ горахъ, въ Гесселѣ и на Гарцѣ, для практическихъ занятій по горному дѣлу.

Изъ Фрейберга Ломоносовъ прислалъ, въ 1739 году, въ Петербургъ свою

извѣстную оду: «На взятіе Хотина». Ода эта, присланная Ломоносовымъ къ президенту академіи, барону Корфу при «Письмѣ о правилахъ россійскаго стихотворства», надѣлала въ Петербургѣ много шуму. Но первое стихотвореніе свое, написанное тоническимъ размѣромъ, онъ прислалъ еще ранѣе (1738) изъ Марбурга. Это — переводъ одной французской оды Фенелона: «О уединеніи». Петербургская академія въ инструкціи, данной Ломоносову, Райзеру и Виноградову, при отправленіи ихъ за границу, предписывала имъ, кромѣ наукъ, заниматься изученіемъ языковъ: латинскаго, нѣмецкаго и французскаго, не оставляя впрочемъ и русскаго. Вотъ почему Ломоносовъ прислалъ, въ 1738 году, донесеніе въ академію о ходѣ своихъ занятій въ марбургскомъ университетѣ — на нѣмецкомъ языкѣ, ученое разсужденіе по предмету физики — на латинскомъ и русскій переводъ названной выше оды Фенелона.

Въ 1740 году, будучи еще студентомъ, Ломоносовъ женился въ Марбургѣ на дѣвицѣ Цильхъ, дочери портнаго, бывшаго членомъ городской думы и церковнымъ старшиною. Вольфъ жаловался неоднократно въ своихъ письмахъ, что деньги на содержаніе трехъ русскихъ студентовъ получались въ Марбургѣ очень неисправно. Не получая своего скуднаго жалованья, Ломоносовъ, какъ женатый человѣкъ, и при томъ увлекавшійся нерѣдко студентскими кутежами, надѣлалъ долговъ и вынужденъ былъ бѣжать отъ своихъ кредиторовъ, оставивъ въ Марбургѣ жену и дочь, и думая пробраться въ Голландію, чтобы оттуда уѣхать моремъ въ Россію, и затѣмъ вызвать къ себѣ жену. Но въ Голландіи архангельскіе купцы не совѣтовали Ломоносову возвращаться въ Петербургъ безъ особаго на то разрѣшенія, представивъ ему, что этимъ онъ можетъ подвергнуть себя большимъ опасностямъ и несчастію. Ломоносовъ долженъ былъ опять вернуться въ Германію. Въ одномъ письмѣ своемъ, по поводу этого обратнаго путешествія изъ Голландіи въ Марбургъ, Ломоносовъ говоритъ: «Какія опасности, какую нужду претерпѣлъ я на пути, мнѣ самому страшно вспомнить». Вѣроятно, къ этому времени относится разсказываемый обыкновенно изъ жизни Ломоносова случай, что на дорогѣ, близъ Дюссельдорфа, онъ встрѣтился съ вербовщиками прусскаго короля, Фридриха I, извѣстнаго своею страстію къ великорослымъ солдатамъ. Для удовлетворенія этой страсти, король Фридрихъ истратилъ не одинъ милліонъ талеровъ; его вербовщики, разъѣзжая по всѣмъ дорогамъ, хватали и записывали въ солдаты всякаго попадавшагося имъ высокорослаго путешественника. Вотъ въ руки къ такимъ-то вербовщикамъ попалъ и Ломоносовъ. Они напоили его пьянымъ, записали въ солдаты прусскаго короля и отвели въ крѣпость Везель. Случай помогъ Ломоносову спастись отъ опасности посредствомъ бѣгства: онъ убѣжалъ, говорятъ, изъ прусской крѣпости, въ платьѣ рудокопа. Добравшись до Марбурга, Ломоносовъ послалъ письмо къ начальнику академической канцеляріи, Шумахеру, и скоро получилъ приказъ изъ академіи возвратиться въ Петербургъ.

Прибылъ въ Петербургъ Ломоносовъ въ іюлѣ 1741 года, и здѣсь долго не давали ему никакого мѣста въ академіи и не отпускали никаго содержанія. Вслѣдствіе чего Ломоносовъ подалъ въ Январѣ 1742 года прошеніе на имя

государыни Елисаветы, въ которомъ говоритъ, что его отправили учиться въ Германію «съ такимъ обнадеженіемъ, что ежели я мнѣ указанныя науки приму, то опредѣлить меня здѣсь экстраординарнымъ профессоромъ, такожде и впредь по достоинству производить». Далѣе Ломоносовъ пишетъ, что онъ не только изучилъ за границей указанныя ему науки, но что въ физикѣ, химіи и «натуральной гисторіи горныхъ дѣлъ» онъ до такой степени успѣлъ, что онымъ, какъ онъ говоритъ: «другихъ учить и къ тому принадлежащія полезныя книги съ *новыми инвенціями* могу писать, въ чемъ я академіи наукъ *специменты* моего сочиненія и притомъ отъ тамошнихъ профессоровъ свидѣтельства въ іюлѣ мѣсяцѣ прошедшаго 1741 года съ докладомъ подалъ. И хотя я академію наукъ многократно объ опредѣленіи моемъ просилъ, однако оная на мое прошеніе никакого рѣшенія не учинила и я, въ такомъ оставленіи будучи, принужденъ быть въ печали и огорченіи».

Въ резолюціи на это прошеніе Ломоносова, подписанной Шумахеромъ, сказано, что такъ-какъ «студентъ Михайло Ломоносовъ» представилъ сочиненіе (специменъ) опробованное всѣми профессорами академической конференціи; «къ тому же — сказано въ этой резолюціи — покойный профессоръ *Амманъ* его Ломоносова канцеляріи рекомендовалъ; къ тому же онъ Ломоносовъ въ переводахъ съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ на россійскій языкъ довольно трудился, а жалованья и мѣста ему не опредѣлено; то — быть ему Ломоносовому *адъюнктомъ физическаго класса*. А жалованья ему опредѣляется, съ 1 января 1742 года, по 360 рублевъ на годъ, считая въ то число квартиру, дрова и свѣчи» *).

Только черезъ два года, при ограниченномъ адъюнктскомъ содержаніи, Ломоносовъ былъ въ состояніи вызвать къ себѣ жену съ ребенкомъ. Когда жена его, не получая долго извѣстій отъ мужа, обратилась съ письмомъ къ русскому посланнику въ Голландіи и просила извѣстить ее о мѣстопребываніи мужа, и когда переписка объ этомъ дошла до свѣдѣнія Ломоносова, онъ сказалъ: «правда, правда, Боже мой! Я ее никогда не покидалъ и никогда не покину». Онъ послалъ ей денегъ, и по его вызову, она пріѣхала въ Петербургъ.

Въ 1746 г. Ломоносовъ былъ сдѣланъ профессоромъ химіи, — и профессорская дѣятельность его, проведенная до самой смерти въ многочисленныхъ ученыхъ и литературныхъ занятіяхъ, въ трудахъ по преподаванію и въ вѣчной борьбѣ съ завистію и съ невѣжествомъ, представляетъ очень замѣчательную и любопытную страницу въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Ломоносовъ умеръ рано, — на 54 году отъ рода, — на святой недѣлѣ 1765 года. По словамъ его товарища, проф. Штелина, онъ встрѣтилъ смерть съ духомъ истиннаго философа; его предсмертныя слова были: «На смерть гляжу равнодушно, но сожалѣю, что не могъ довершить того, что началъ для пользы отечества, для приращенія наукъ и для чести академіи. Вижу, что всѣ благія намѣренія мои исчезнутъ вмѣстѣ со мною».

---

*) Билярскій: „Матеріалы", стр. 7—8.

Сужденіе о трудахъ Ломоносова и о значеніи его дѣятельности. Французскій псевдоклассицизмъ. Стихотворныя произведенія Ломоносова. — При сужденіи о дѣятельности Ломоносова въ исторіи русской литературы нельзя брать во вниманіе однихъ лишь его стихотвореній или же его похвальныхъ словъ и рѣчей. Ломоносовъ великъ не какъ поэтъ или ораторъ; онъ великъ, какъ мощный двигатель русскаго просвѣщенія, какъ первый русскій ученый, стремившійся безкорыстно, всю свою жизнь, всѣми силами своей души къ водворенію наукъ и общечеловѣческаго образованія въ своемъ отечествѣ. Вотъ въ чемъ заключается истинная заслуга Ломоносова русскому обществу, заслуга, которая даетъ ему полное право на безсмертіе. Онъ возвратился изъ-за границы во всеоружіи европейской науки и считалъ своимъ назначеніемъ водворить эту науку въ своемъ отечествѣ. Занятія же стихотворствомъ и вообще литературой были для него второстепеннымъ дѣломъ. Ломоносовъ самъ, по словамъ Пушкина, не дорожилъ своей поэзіей, и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о своихъ одахъ. Потому онъ въ своихъ стихотворныхъ произведеніяхъ и началъ съ прямаго подражанія образцамъ, какіе нашелъ въ западныхъ литературахъ.

На Западѣ же, особенно во Франціи (которая въ дѣлѣ литературнаго вкуса и литературныхъ теорій была въ XVIII стол. рѣшительною законодательницею для всей Европы), господствовала во время Ломоносова такъ называемая *классическая*, или лучше сказать, ложно-классическая поэзія. Ложно-классическая литература возникла въ Европѣ со времени эпохи «возрожденія», когда изученіе древне-классическихъ литературъ и подражаніе имъ замѣнило собою прежнюю схоластическую науку и литературу среднихъ вѣковъ. Возникшая на такомъ основаніи литература явилась естественно подражательною. А такъ какъ не глубокое и одностороннее изученіе древняго міра вело къ неправильному пониманію жизни и литературы древнихъ; то такой ложный взглядъ на древность и ложное пониманіе античнаго міра и выразились вполнѣ въ подражательной европейской литературѣ, создавъ т. н. «ложный или французскій классицизмъ» въ поэзіи, который развился преимущественно во Франціи, при Людовикѣ XIV. Буало былъ въ это время полнѣйшимъ представителемъ этой «псевдоклассической» поэзіи, и его дидактическая поэма: *L'art poëtique* служила непогрѣшимымъ кодексомъ и руководствомъ для сочиненія всякаго рода поэтическихъ произведеній — не только во французской, но и во всѣхъ европейскихъ литературахъ.

Главный характеръ и существенныя черты этой ложно-классической поэзіи заключались въ рабскомъ подражаніи однѣмъ лишь внѣшнимъ формамъ поэзіи древнихъ Грековъ и Римлянъ: въ постоянныхъ обращеніяхъ къ ихъ языческимъ богамъ, — что не имѣло рѣшительно никакого смысла въ литературахъ народовъ христіанскихъ, — въ воззваніяхъ къ музамъ, въ употребленіи слова «пою», въ заимствованіи сюжетовъ, именъ и названій изъ древней жизни и т. п. Эпическая поэзія, напримѣръ, по ученію псевдоклассиковъ, должна была «воспѣвать», въ напыщенныхъ фразахъ, непремѣнно какое-либо важное историческое событіе, по примѣру «Иліады» Гомера или «Энеиды» Виргилія; въ

трагедіи допускалось выводить только царей и героевъ съ ихъ наперсниками, строго соблюдались знаменитыя единства времени, мѣста и т. д. Словомъ, вся подражательность и всѣ заимствованія изъ древнихъ литературъ сводились къ одной внѣшности, безъ проникновенія во внутреннее, общечеловѣческое значеніе древняго міра.

Вотъ этотъ-то псевдоклассицизмъ, или французскій классицизмъ, былъ перенесенъ къ намъ Ломоносовымъ. Онъ познакомился за границей съ произведеніями современныхъ французскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ, и плодомъ этого знакомства были присланныя имъ оттуда двѣ оды: «О уединеніи» (1738), которая переведена имъ изъ Фенелона, и ода «На взятіе Хотина» (1739), гдѣ онъ подражаетъ одѣ Буало: «На взятіе Людовикомъ XIV Намюра». Со времени этихъ одъ и ведетъ свое начало наша новѣйшая поэзія.

Стихотворныя произведенія Ломоносова заключаются главнымъ образомъ въ его одахъ — торжественныхъ и хвалебныхъ — и въ его духовныхъ стихотвореніяхъ. Правила школьной піитики, царствовавшія безгранично въ западныхъ литературахъ, служившихъ для Ломоносова образцомъ, отразились вполнѣ въ построеніи его хвалебныхъ и торжественныхъ одъ.

Стихотворство во время Ломоносова составляло по большей части своего рода ремесло, оффиціальное занятіе, и за сочиненіе хвалебныхъ стиховъ королямъ и знатнымъ лицамъ выдавались даже награды по установленной таксѣ, опредѣленной особымъ уставомъ. Отъ стиховъ не требовалось ни искренности чувства, ни поэтическаго воодушевленія: холодные риторическіе возгласы, звучныя фразы, безъ внутренняго значенія и смысла, — вотъ чѣмъ ограничивались, вотъ чего искали и поэты, и публика прошлаго столѣтія. И притомъ, — писать торжественныя оды, похвальныя рѣчи, стихи королямъ и знатнымъ особамъ — было общимъ, непремѣннымъ обычаемъ того времени. Ломоносовъ въ своей стихотворной дѣятельности шелъ наравнѣ съ понятіями вѣка: по примѣру нѣмецкихъ и французскихъ стихотворцевъ, служившихъ ему образцомъ, онъ привыкъ смотрѣть на торжественную лирику, какъ на «должностное упражненіе», по выраженію Пушкина, какъ на оффиціальную обязанность. Въ одномъ письмѣ къ Шувалову онъ говоритъ: «Кто *по своей профессіи* читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и *внѣ оной* (т. е. внѣ своей профессіи, своего главнаго дѣла) *сочиняетъ разные стихи и проэкты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости*, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще *на срокъ поставить*, — отъ того я ничего требовать не имѣю». Ясно, что сочиненіе «разныхъ стиховъ» Ломоносовъ не считалъ своей профессіей. Не высокое мнѣніе его о стихотворныхъ занятіяхъ вообще видно и изъ его презрительнаго отзыва о Сумароковѣ (см. ниже), о которомъ Ломоносовъ сказалъ, что онъ «бѣдное свое *риѳмичество* выше всего человѣческаго знанія ставитъ». Не призваніе, а случай сдѣлалъ Ломоносова поэтомъ, по справедливому замѣчанію Гоголя. Главнымъ дѣломъ его, его призваніемъ было не стихотворство, а ученые труды, которымъ онъ предавался съ страстнымъ увлеченіемъ.

Понятно, что при подобномъ взглядѣ на поэзію и при господствѣ въ его время во всѣхъ европейскихъ литературахъ французскаго классицизма, Ломоносовъ, принявшись сочинять «разные русскіе стихи», взялъ себѣ въ руководство тѣ стихотворныя теоріи и формы, которыя были общи всей образованной Европѣ, съ которыми его познакомило заграничное образованіе. Потому въ его торжественной лирикѣ нечего искать ни поэтическаго творчества, ни оригинальной самостоятельности. Всѣ торжественныя и похвальныя оды его написаны по указанной мѣркѣ, по всѣмъ правиламъ школьной піитики, (которая подробно учила, какъ должны быть сочиняемы оды, чѣмъ ихъ начинать, чѣмъ оканчивать и т. д.) и большею частію въ подражаніе западнымъ образцамъ этого рода. Отличительныя свойства этихъ ломоносовскихъ одъ — заказной восторгъ, высокопарность, громкія фразы и напыщенное декламаторство, словомъ всѣ тѣ свойства, которыя характеризуютъ риторическую поэзію вообще.

Но Ломоносовъ былъ великое дарованіе, которое не могло не проявить себя даже и въ ложныхъ формахъ риторической поэзіи. Приговоръ Пушкина, что «въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія» — слишкомъ рѣшителенъ и несправедливъ. Въ тѣхъ его одахъ, въ которыхъ онъ говоритъ о природѣ и ея явленіяхъ, гдѣ онъ изображаетъ величіе и премудрость Создателя и стройную гармонію вселенной или гдѣ онъ касается «любезныхъ» ему наукъ и говоритъ о водвореніи ихъ въ Россіи, — встрѣчаются мѣста истинно-поэтическія, запечатлѣнныя, — если не «пламенными порывами чувства и воображенія» (въ которыхъ Пушкинъ отказываетъ Ломоносову), то истиною, глубиною чувства и силою воображенія. Тѣмъ не менѣе Пушкинъ все таки справедливъ, утверждая, что Ломоносовъ не былъ рожденъ поэтомъ. По его прекрасному и вѣрному опредѣленію значенія поэта: «поэзія бываетъ исключительною страстію немногихъ, *родившихся* поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ *всѣ* наблюденія, *всѣ* усилія, *всѣ* впечатлѣнія ихъ жизни». И конечно только эти «немногіе» могутъ быть названы истинными поэтами. Тогда какъ всѣ интересы Ломоносова, всѣ наблюденія, всѣ усилія и впечатлѣнія его жизни были поглощены наукой, учеными изслѣдованіями природы, и онъ изъ ученаго переходитъ въ поэта только тамъ, гдѣ его поэтическое слово касается величественныхъ явленій и тайнъ природы, — предмета его ученыхъ изслѣваній, какъ напримѣръ, при описаніи сѣвернаго сіянія въ одномъ изъ лучшихъ его стихотвореній: «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ». Ломоносовъ имѣлъ вообще поэтическое воззрѣніе на міръ и живо сочувствовалъ красотамъ природы. То и другое онъ умѣлъ выражать съ силою одушевленія и въ изящной формѣ — не только въ нѣкоторыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ, но и въ своихъ ученыхъ разсужденіяхъ, гдѣ нерѣдко, увлекаясь своимъ предмеметомъ и допуская поэтическія отступленія, изъ ученаго натуралиста переходилъ въ поэта. И на оборотъ: судя по нѣкоторымъ лучшимъ мѣстамъ его стихотвореній, — въ стихотворцѣ видѣнъ ученый естествоиспытатель. «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія» и другія стихотворенія Ломоносова, въ которыхъ онъ описываетъ

явленія природы и вообще касается предмета своихъ ученыхъ изслѣдованій, доказываютъ, что онъ обладалъ живымъ чувствомъ природы и сильною впечатлительностію. Природа не была для него только мертвою книгою, предметомъ сухихъ изслѣдованій ученаго. Онъ душею слышалъ, онъ глубоко понималъ поэзію природы, называлъ природу своею матерью и «слагалъ гимны матери-природѣ», — по его собственнымъ словамъ. «Испытаніе природы трудно, однако пріятно, полезно, свято» (говоритъ Ломоносовъ въ «Словѣ о происхожденіи свѣта»). «Чѣмъ больше таинства ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вящшее увеселеніе чувствуетъ сердце».

Въ духовныхъ стихотвореніяхъ Ломоносова встрѣчается болѣе поэтическихъ частностей, нежели въ его торжественныхъ и хвалебныхъ одахъ, и именно въ тѣхъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ онъ изображаетъ мудрость Создателя или красоту и величіе дѣлъ творенія. Таковы его: «Утреннее» и «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ», «Ода изъ книги Іова» и переложеніе нѣкоторыхъ псалмовъ, особенно переложеніе псалма сто-третьяго, представляющее, въ высоко-поэтическихъ образахъ, картину вселенной и величіе Создателя и отличающееся прекрасными стихами. Напримѣръ:

«Одѣянъ чудной красотой,
Зарей божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ безъ счета,
Шатру подобно предъ собой.

«Ты землю твердо основалъ,
. . . . . .

«Ты бездною ее облекъ,
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходить, сгущаяся надъ нами,
Гдѣ дождь рождается и снѣгъ», и проч.

Стихотворная дѣятельность Ломоносова не ограничивается одними образцами въ лирическомъ родѣ, къ которымъ принадлежатъ, кромѣ духовныхъ и хвалебныхъ одъ, еще нѣкоторыя другія пьесы: надписи, переводы изъ Анакреона и т. д. Онъ задумалъ еще написать героическую поэму «Петръ Великій»; но, написавъ двѣ пѣсни, оставилъ ее неоконченною. Кромѣ того, онъ сочинилъ двѣ трагедіи: «Демофонтъ» и «Тамира и Селимъ». Эти двѣ пѣсни эпической поэмы и трагедіи Ломоносова, — произведенія въ высшей степени риторическія и напыщенныя, — служатъ новымъ доказательствомъ того, что призваніе Ломоносова не заключалось въ поэтической дѣятельности. Его эпическая поэма есть не болѣе, какъ подражаніе Виргиліевой «Энеидѣ», а въ его трагедіяхъ нѣтъ ни дѣйствія, ни страстей, ни характеровъ. Существуетъ еще одно стихотвореніе Ломоносова: «Посланіе къ Шувалову о пользѣ стекла».

Но въ немъ, кромѣ стихотворной формы, ничего нѣтъ поэтическаго. По своему содержанію оно принадлежитъ скорѣе къ разряду ученыхъ разсужденій, въ которомъ авторъ излагаетъ свои понятія и свой взглядъ на естествознаніе, и потому мы еще займемся этимъ стихотвореніемъ, говоря объ ученыхъ сочиненіяхъ Ломоносова.

Тѣмъ же риторическимъ характеромъ, который мы видѣли въ хвалебныхъ стихахъ Ломоносова, отличаются и его ораторскія произведенія, т. е. два похвальныхъ слова: Елисаветѣ и Петру I, которыхъ онъ воспѣвалъ постоянно и превозносилъ похвалами въ своей торжественной лирикѣ, какъ возстановителей просвѣщенія въ Россіи и рачителей наукъ. Оба похвальныхъ слова Ломоносова суть панегирики Елисаветѣ и Петру, перечисляющіе ихъ добродѣтели и благія дѣла на пользу просвѣщенія и наукъ. Скованныя условными формами ученія объ ораторскомъ искуствѣ и построенныя по всѣмъ правиламъ схоластической риторики, слова эти болѣе отличаются духомъ сухаго декламаторства, нежели силою живаго и истиннаго краснорѣчія.

И такъ, мы не видимъ въ Ломоносовѣ, въ настоящее время, поэта съ самобытнымъ творческимъ талантомъ. Его стихотворенія — это плодъ подражанія образцамъ французской ложно-классической поэзіи, которую онъ пересадилъ на русскую почву; его торжественныя и хвалебныя оды — это длинныя и до крайности утомительныя стихотворенія, лишенныя всякой естественности и оригинальности. Но почему же долгое время въ Ломоносовѣ видѣли болѣе поэта, нежели ученаго? Почему торжественная лирика его производила столь сильное впечатлѣніе на его современниковъ и ближайшее потомство? Почему, въ ихъ мнѣніи, онъ былъ великимъ «россійскимъ лирикомъ», россійскимъ Пиндаромъ», «орломъ, ширяющимъ въ облакахъ», — какъ о немъ выражался еще Мерзляковъ, — одинъ изъ лучшихъ критиковъ первой четверти нашего столѣтія? — Потому, во-первыхъ, что въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ его дѣйствительно слышатся — какъ мы уже замѣтили выше — истинное и высокое поэтическое воодушевленіе и поэтическія мысли, какъ плодъ его пламеннаго, могучаго духа и возвышенныхъ стремленій, которыми надѣлила его природа. А во-вторыхъ и главнымъ образомъ потому, что стихи Ломоносова и его версификаціи составляли явленіе необыкновенное для своего времени. Ученикъ Ломоносова, *Поповскій*, упоминаетъ о впечатлѣніи, которое произвела въ Петербургѣ первая ода Ломоносова, присланная имъ изъ-за границы: всѣ нашли новый языкъ, новыя слова, новые звуки, всѣ чувствовали, что они имъ родные и удивлялись, почему ихъ прежде не знали. Стихъ Ломоносова, дѣйствительно, исполненъ блеска и силы, и если сравнить его съ силлабическими виршами прежняго времени или со стихами Сумарокова и Тредьяковскаго, то намъ сдѣлается понятнымъ восторгъ, въ который приходили современники Ломоносова отъ его стиховъ. Онъ первый заговорилъ на русскомъ языкѣ звучными и сильными стихами—и современники, любуясь неслыханнымъ дотолѣ сочетаніемъ звуковъ роднаго слова, признали его поэтомъ. Въ наше время не трудно писать звучные и хорошіе стихи, и достоинства хорошей версификаціи не даютъ еще права на названіе поэта; но во время Ломоносова было со-

всѣмъ иное: тогда не существовало еще приличнаго языка для представленія поэтическихъ понятій и картинъ. Ломоносовъ первый создаетъ русскій *литературный* языкъ, создаетъ языкъ и стихъ для *новой* русской *поэзіи*, показавъ при этомъ необыкновенную силу дарованія и глубокое знаніе духа русскаго и церковно-славянскаго языковъ. И, нѣтъ сомнѣнія, что онъ оказалъ въ этомъ отношеніи величайшія услуги русской поэзіи, русской литературѣ и русскому языку не только своими литературными примѣрами и образцами, но и своими сочиненіями по теоріи языка и словесности, разсмотрѣніемъ которыхъ мы теперь и займемся.

Сочиненія Ломоносова по теоріи языка и словесности. Созданный имъ русскій литературный языкъ. Собственный языкъ Ломоносова въ его стихотворныхъ, ораторскихъ и прочихъ прозаическихъ произведеніяхъ. — Къ сочиненіямъ Ломоносова по части теоріи языка и литературы принадлежатъ: 1) «Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства», 2) «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ», 3) «Россійская грамматика» и наконецъ 4) «Краткое руководство къ краснорѣчію» (риторика).

Мы говорили уже, что «Письмо о правилахъ стихотворства» Ломоносовъ прислалъ изъ Марбурга, вмѣстѣ съ одой своей «На взятіе Хотина». Знакомство съ нѣмецкой современной поэзіей, особенно съ стихотвореніями молодаго поэта Гюнтера *), внушило ему мысль о сочиненіи русскихъ стиховъ на основаніи размѣровъ, введенныхъ у Нѣмцевъ, и какъ первый опытъ, онъ написалъ названную выше оду въ *гюнтеровскомъ* размѣрѣ. Ода привела всѣхъ въ восторгъ, и *тоническій* размѣръ стиховъ, основанный на удареніи въ словахъ, былъ такимъ образомъ введенъ Ломоносовымъ въ наше стихотворство и держится въ немъ до настоящаго времени, почти безъ измѣненія, вмѣстѣ съ введеннымъ Ломоносовымъ же греческимъ названіемъ стопъ, изъ которыхъ главными Ломоносовъ считаетъ въ своемъ «Письмѣ»: ямбъ, хорей, дактиль и анапестъ и стопы смѣшанныя — ямба съ анапестомъ и дактиля съ хореемъ.

Мы замѣтили выше, что уже Тредьяковскій въ своемъ «новомъ способѣ о сложеніи россійскихъ стиховъ» набрелъ на вѣрную мысль, что русскому языку свойственъ гораздо болѣе тоническій размѣръ стиховъ, основанный на музыкальныхъ *тонахъ* или тактахъ въ человѣческомъ словѣ, на извѣстномъ повышеніи или пониженіи голоса, нежели размѣръ силлабическій, внесенный къ намъ изъ Польши и основанный на числѣ слоговъ. Но Тредьяковскій, какъ стихотворная бездарность, во-первыхъ, не былъ въ состояніи представить такихъ образцовыхъ стихотвореній, писанныхъ тоническимъ размѣромъ, какія представилъ Ломоносовъ; а во-вторыхъ, Тредьяковскій все еще не покидаетъ въ своемъ разсужденіи стараго, т. е. силлабическаго способа сложенія стиховъ,

---

*) Штелинъ, въ запискѣ о русскихъ писателяхъ, говоритъ, что Л. находясь въ Германіи и выучившись по-нѣмецки, зналъ почти наизусть стихотворенія Гюнтера.

утверждая, напримѣръ, что русскимъ стихамъ свойственно преимущественно употребленіе, на концѣ стиха, словъ — съ удареніемъ на *предпослѣднемъ* слогѣ, какъ въ стихахъ французскихъ или польскихъ, т. е. болѣе свойственно употребленіе однѣхъ *женскихъ* риѳмъ, нежели риѳмъ *мужескихъ* или смѣшанныхъ — мужескихъ съ женскими. «Сочетаніе мужескихъ и женскихъ стиховъ— говоритъ Тредьяковскій — также бы гнусно и мерзко было, когда бы кто наипокланяемую, наинѣжную и самыхъ цвѣтовъ младости сіяющую Европскую красавицу выдалъ за дряхлаго, чернаго и 90 лѣтъ имѣющаго Арапа». Ломоносовъ же совершенно изгоняетъ въ своемъ разсужденіи изъ русскихъ стиховъ старую систему стопосложенія. Онъ говоритъ: «*Долгіе* и *краткіе* слоги, т. е. съ удареніемъ и безъ ударенія, *должно располагать въ свойственныя нашему языку стопы*». И здѣсь же зло смѣется надъ выходкой Тредьяковскаго, о несвойственномъ русскому языку «сочетаніи мужскихъ и женскихъ стиховъ», опровергаетъ его мнѣніе объ употребленіи въ русскихъ стихахъ однѣхъ женскихъ риѳмъ и доказываетъ, напротивъ, что языку нашему равно свойственны какъ мужескіе, такъ и женскіе стихи.

«Въ Разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ» Ломоносовъ говоритъ: «Старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славенскаго языка съ россійскимъ отвратятся дикія и странныя слова, нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ греческаго, и то еще черезъ латинскій». Съ XVII столѣтія, дѣйствительно, въ нашъ книжный, или литературный языкъ (который вначалѣ былъ не болѣе какъ нарѣчіемъ языка церковно-славянскаго), стали входить иностранные слова и обороты и разныя «дикія нелѣпости», о которыхъ говоритъ Ломоносовъ. Сочиненія С. Полоцкаго, С. Медвѣдева и вообще писателей кіевской школы написаны и въ правду ужаснымъ языкомъ: какою-то смѣсью церковно-славянскаго съ польскимъ, малорусскимъ и великорусскимъ. Эти писатели уже начали вводить въ русскій письменный языкъ много иностранныхъ словъ: латинскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ. При Петрѣ вторженіе въ русскій языкъ иностранныхъ словъ и варваризмовъ разнаго рода увеличилось вслѣдствіе непосредственныхъ сношеній нашихъ и сближенія съ европейскими народами, ихъ литературой и цивилизаціей. Всѣ понятія и названія вещей, внесенныя въ русскую жизнь реформой, обозначались иностранными словами. Напримѣръ: «*Генералъ-адмиралъ*, или *аншефъ*, командующій есть *репрезентація* своего государя, которому должны быть всѣ послушны.... съ достойнымъ *респектомъ* его *персоны*.... Ему подобаетъ быть храбру и добраго *кандуіта* (сирѣчь всякой годности) котораго бы *квалитеты* (или качества) съ добродѣяніемъ были связаны», и проч. («Морской Уставъ»). Ломоносовъ, знакомый основательно и съ языкомъ церковно-славянскимъ, и съ живою народною рѣчью — вслѣдствіе обстоятельствъ своего дѣтства и воспитанія — въ названномъ «Разсужденіи» подаетъ совѣтъ прибѣгнуть къ помощи языка церковныхъ книгъ и, посредствомъ осторожнаго и разсудительнаго употребленія церковно-славянскихъ словъ съ словами русскаго языка, избѣгнуть наплыва въ русскую рѣчь иностранныхъ словъ и реченій. Къ такому сочетанію русскаго языка съ сроднымъ ему церковно-славянскимъ

онъ предлагаетъ приступить слѣдующимъ образомъ: по мѣрѣ важности «матерій» (предметовъ), изображаемыхъ человѣческимъ словомъ, русскій языкъ, чрезъ употребленіе церковныхъ книгъ, имѣетъ три степени, или три рода реченій, приличныхъ для изображенія этихъ предметовъ: *высшій*, *посредственный* и *низкій*. Къ первому роду принадлежатъ: реченія, общеупотребительныя какъ въ древнеславянскомъ языкѣ, такъ и въ нынѣшнемъ русскомъ; напримѣръ: Богъ, слава, рука, нами, почитай; ко второму — реченія церковнославянскія хотя и мало употребительныя, особенно въ разговорѣ, но вразумительныя для всѣхъ грамотныхъ людей; напр.: отверзаю, Господень, насажденный, взываю; къ третьему — реченія собственно-русскія, которыхъ нѣтъ въ церковныхъ книгахъ; напр.: говорю, ручей, который, пока, лишь». Отъ разсудительнаго употребленія и разбора сихъ трехъ родовъ реченій — говоритъ Ломоносовъ — раждаются три *штиля* (слога) «высокій, посредственный и низкій», и учитъ далѣе, какъ употреблять славянскія реченія вмѣстѣ съ русскими для каждаго изъ этихъ слоговъ и какимъ изъ нихъ писать различныя стихотворныя и прозаическія сочиненія»: «высокимъ штилемъ», составляющимся изъ реченій славяно-русскихъ и такихъ славянскихъ, которыя вразумительны всѣмъ русскимъ грамотнымъ людямъ, должны сочиняться: «героическія поэмы, оды и прозаическія рѣчи о важныхъ матеріяхъ»; «средній штиль» долженъ состоять изъ реченій русскихъ, съ допущеніемъ нѣкоторыхъ славянскихъ, «однако съ великою осторожностію — замѣчаетъ авторъ — чтобы слогъ не казался *надутымъ*». Этимъ слогомъ онъ совѣтуетъ писать «всѣ театральныя сочиненія, стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги и элегіи», а въ прозѣ — «описанія достопамятныхъ дѣлъ и ученій благородныхъ». Наконецъ «низкимъ штилемъ», состоящимъ изъ реченій собственно русскихъ, которыхъ нѣтъ въ славянскомъ языкѣ, съ допущеніемъ словъ средняго слога, могутъ быть сочиняемы «подлыя» (въ смыслѣ народныхъ, или простонародныхъ) комедіи, увеселительныя эпиграммы и пѣсни», а въ прозѣ «дружескія письма и описаніе обыкновенныхъ дѣлъ».

Такимъ образомъ, по ученію Ломоносова, языкъ церковныхъ книгъ можетъ сообщить русской рѣчи особенное великолѣпіе и богатство «къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ», и въ тоже время прилежное чтеніе церковныхъ книгъ устранитъ «неприличности», которыя «искажаютъ собственную красоту нашего языка», т. е. вторженіе въ него «дикихъ иностранныхъ словъ» изъ чужихъ языковъ. Потому онъ совѣтуетъ всѣмъ любителямъ отечественнаго слова, «дабы они съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги».

Конечно, предлагая въ своемъ разсужденіи это обветшалое ученіе о «штилѣ», — о высокомъ и низкомъ слогѣ, Ломоносовъ слѣдуетъ господствовавшимъ въ его время въ наукѣ о словесности понятіямъ схоластической риторики; но совѣты его объ изученіи церковно-славянскаго языка съ большою пользою для языка русскаго вытекаютъ изъ вѣрной мысли и изъ глубокаго постиженія духа обоихъ языковъ. А что онъ зналъ основательно языки книжный славянскій и народный русскій и удивительно умѣлъ пользоваться своимъ знаніемъ — это доказываетъ языкъ его собственныхъ стихотворныхъ и про-

заическихъ сочиненій, всегда чистый ибл агородный, всегда точный и сильный, съ которымъ не можетъ сравниться языкъ ни одного изъ современныхъ ему писателей или даже изъ позднѣйшихъ послѣдователей его школы, какъ напр. неправильный языкъ Державина.

«Россійская грамматика» Ломоносова была первымъ опытомъ собственно-русской грамматики, въ которой въ первый разъ разсматривались научнымъ образомъ законы, правила и формы собственно русскаго языка, въ строгомъ разграниченіи его отъ языка церковно-славянскаго, для котораго исключительно писались всѣ наши прежнія грамматики. И слѣдуетъ замѣтить, что грамматика Ломоносова, не смотря на то, что она была первымъ опытомъ русской грамматики, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, не утратила значенія и для настоящато времени и имѣетъ рѣшительное превосходство передъ многими позднѣйшими русскими грамматиками.

Грамматика Ломоносова заключаетъ въ себѣ два главныхъ отдѣла: первый содержитъ «вступленіе въ россійскую грамматику», въ которомъ сочинитель излагаетъ общія понятія о человѣческомъ словѣ, а второй — этимологическія и синтаксическія свойства, или собственно грамматическія правила и формы русскаго языка. Ломоносовъ не предлагаетъ только въ своей грамматикѣ сухія грамматическія правила для выучиванія на память, но смотритъ на языкъ съ философской точки зрѣнія, разсуждаетъ о человѣческомъ «голосѣ», о звукахъ и выражающихъ ихъ буквахъ, о произношеніи буквъ, старается выяснить духъ и существенныя свойства языка, беретъ во вниманіе его исторію, сравниваетъ грамматическія формы русскаго языка съ формами другихъ языковъ и въ особенности съ формами церковно-славянскими.

Своей граматикой и «разсужденіемъ о пользѣ книгъ церковныхъ» Ломоносовъ первый отдѣлилъ русскій языкъ отъ языка церковно-славянскаго, указавъ на существенныя отличія между ними и на ихъ взаимное соотношеніе и рѣзко обозначилъ границы обоихъ языковъ. Въ этомъ заключается главная сущность преобразованія, сдѣланнаго Ломоносовымъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, который до него представлялъ какую-то пеструю смѣсь языка, составленнаго изъ словъ и грамматическихъ оборотовъ какъ церковно-славянскихъ, такъ и русскихъ. Хотя и самъ Ломоносовъ подчиняетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, русскій языкъ церковно-славянскому, предлагая, для образованія «высокаго и средняго слога», употреблять церковно-славянскіе слова и обороты; но во-первыхъ, онъ ставитъ рѣзкіе предѣлы такому употребленію, совѣтуетъ дѣлать это «съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ» и во всякомъ случаѣ — соблюдать «ровность слога, по достоинству предлагаемой матеріи;» а во-вторыхъ, онъ въ тоже время признаетъ необходимость введенія въ литературный, или книжный языкъ стихіи живаго *народнаго* языка, и при составленіи своей грамматики пользуется словами и оборотами народной рѣчи, видоизмѣняемой по мѣстнымъ говорамъ. Такое нововведеніе подверглось осужденію современныхъ писателей, какъ ученая ересь. Сумароковъ видѣлъ въ грамматикѣ Ломоносова перчу языка, и за усвоеніе имъ русской книжной рѣчи нѣкоторыхъ народныхъ словъ и выраженій назы-

валъ его холмогорскимъ мужикомъ и говорилъ, что это произошло въ языкѣ Ломоносова «отъ привычки худаго и простонароднаго употребленія». Съ другой стороны, Тредьяковскій осуждалъ въ языкѣ Ломоносова славянскіе слова и обороты и совѣтовалъ ему перенимать «легкость и щеголеватость реченій изрядной компаніи».

Въ найденной послѣ Ломоносова запискѣ, которая напечатана въ собраніи его сочиненій *) подъ именемъ «Плана для филологическихъ изслѣдованій», перечислены предметы изслѣдованія, которые должны были войти въ составъ русской грамматики, по взгляду на нее Ломоносова. Здѣсь между прочимъ перечислены статьи: «о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ» **), «о сродныхъ языкахъ россійскому», «о словесномъ церковномъ языкѣ», «о простонародныхъ словахъ», «о новыхъ россійскихъ реченіяхъ» и т. д. Такіе широкіе размѣры, назначенные Ломоносовымъ для своихъ филологическихъ изслѣдованій къ дополненію его грамматики, доказываютъ, что онъ смотрѣлъ на предметъ изученія роднаго слова глазами глубокаго мыслителя и филолога и хотѣлъ создать стройную систему науки о русскомъ языкѣ. Какъ писатель, обладавшій глубокою ученостію, обширнымъ и свѣтлымъ взглядомъ на предметъ, онъ, конечно, ясно сознавалъ, что русскій литературный языкъ можетъ много выиграть отъ сближенія съ живою народною рѣчью — съ одной стороны и съ языкомъ славянскимъ — съ другой, и конечно Сумароковъ и Тредьяковскій, не надѣленные ни геніальностію, ни ученостію Ломоносова, не могли этого видѣть. Вышедши изъ народа и познакомившись въ ранней молодости съ духовными книгами, онъ глубоко постигалъ духъ и свойства роднаго слова, и всегда съ любовью и съ увлеченіемъ говорилъ о красотахъ и богатствѣ русскаго языка. Въ посвященіи своей грамматики великому князю Павлу Петровичу онъ, между прочимъ, такъ выражается объ этомъ предметѣ: «Карлъ V, римскій императоръ, говаривалъ, что испанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе испанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка».

«Риторика» ***) Ломоносова если и позабыта теперь, то не потому, чтобы

---

*) Смирдинское изданіе 1847 г. т. I, стр. 739.

**) Въ рапортѣ о своихъ ученыхъ трудахъ, подъ 1755 годомъ, Ломоносовъ упоминаетъ, что онъ „сочинилъ письмо о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ“. Но существуетъ ли оно теперь или нѣтъ, — неизвѣстно.

***) Вотъ ея полное заглавіе: „Краткое руководство къ краснорѣчію. Книга первая, въ которой содержится *Риторика*, показывающая правила *обоего краснорѣчія*, т. е. *Ораторія* и *Поэзіи*“. Двѣ другія части этого руководства — „ораторія“ и „поэзія“, были также написаны Ломоносовымъ, но гдѣ нынѣ находятся, неизвѣстно.

у насъ появились послѣ нея риторики лучшихъ достоинствъ, а потому, что въ безполезности всевозможныхъ риторикъ нынче мало кто сомнѣвается. Не такъ думали, однако, во времена Ломоносова, когда знанію правилъ схоластической риторики придавали большую важность и признавали его необходимымъ для употребленія въ литературной практикѣ. И вотъ Ломоносовъ, желая дать правила для русскаго краснорѣчія и слѣдуя въ этомъ случаѣ современному воззрѣнію на науку о словесности, составляетъ свою риторику по примѣру извѣстныхъ схоластическихъ риторикъ, господствовавшихъ въ его время въ западныхъ литературахъ. Онъ дѣлитъ ее, по обыкновенію, на три части: изобрѣтеніе, украшеніе и расположеніе, и въ каждой излагаетъ соотвѣтственныя риторическія правила, т. е. трактуетъ объ общихъ мѣстахъ, о періодахъ и силлогизмахъ, о тропахъ и фигурахъ, о хріяхъ и т. д. На всѣ правила въ риторикѣ приведено много примѣровъ, которые онъ бралъ изъ извѣстныхъ классическихъ писателей (изъ поэтовъ: Гомера, Виргилія, Овидія, Марціала, Ювенала и другихъ, изъ ораторовъ — Демосѳена, Цицерона, изъ отцевъ церкви — Іоанна Златоуста, и даже изъ европейскихъ писателей новаго времени — Комоэнса, Эразма Ротердамскаго, и проч.) и переводилъ ихъ на русскій языкъ, прозой и стихами, или же заимствовалъ примѣры изъ своихъ собственныхъ сочиненій. Это послѣднее заимствованіе Ломоносовымъ примѣровъ для риторики изъ своихъ собственныхъ литературныхъ произведеній объясняетъ намъ риторическій характеръ послѣднихъ, т. е. указываетъ на то, что Ломоносовъ, при сочиненіи своихъ торжественныхъ и хвалебныхъ одъ и своихъ похвальныхъ словъ, руководствовался тѣми же основаніями и располагалъ ихъ по тѣмъ же правиламъ, которыя изложены въ его риторикѣ. Потому она имѣетъ для насъ интересъ въ историко-литературномъ отношеніи, какъ ключъ къ объясненію тѣхъ риторическихъ пріемовъ и формъ, которыя мы видимъ въ его собственныхъ одахъ и въ двухъ похвальныхъ словахъ.

Названными сочиненіями по теоріи языка и словесности Ломоносовъ совершенно преобразовываетъ или, лучше сказать, *создаетъ* русскій *литературный языкъ*, тотъ языкъ, которымъ наша литература пользуется и до настоящаго времени, и дальнѣйшее развитіе котораго послѣ Ломоносова совершалось именно на началахъ и основаніяхъ, имъ положенныхъ. Такимъ образомъ, преобразованіе языка совершено Ломоносовымъ теоретически — посредствомъ указанныхъ имъ законовъ и формъ для русской литературной рѣчи, и практически, — посредствомъ образцовыхъ примѣровъ, въ стихахъ и въ прозѣ, которые онъ представилъ на преобразованномъ имъ литературномъ языкѣ.

Мы уже говорили о внѣшнемъ, стилистическомъ достоинствѣ стиховъ Ломоносова, изъ которыхъ многіе хороши еще и теперь, не смотря на нѣкоторые устарѣлые слова и обороты рѣчи. Вообще его языкъ въ стихахъ лучше и свободнѣе, нежели въ прозѣ, особенно въ витіеватой прозѣ его похвальныхъ словъ Петру и Елисаветѣ. Здѣсь мы вполнѣ должны согласиться съ мнѣніемъ Пушкина, — великаго художника и знатока русскаго слова, — который говоритъ, что «однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои Ломоносовъ отливалъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый». Это справе-

дливо, — но справедливо только до нѣкоторой степени, именно въ отношеніи ораторской прозы Ломоносова, которая отличается, дѣйствительно, большою искуственностію и не русскимъ складомъ рѣчи: она состоитъ изъ длинныхъ періодовъ и предложеній, построенныхъ и расположенныхъ по латинской конструкціи и по всѣмъ правиламъ риторики. Въ другихъ же прозаическихъ сочиненіяхъ Ломоносова, какъ напримѣръ: въ ученыхъ трактатахъ его или въ письмахъ, гдѣ онъ не старался быть витіеватымъ, его проза проста и естественна и слѣдуетъ словорасположенію, болѣе свойственному духу нашего языка.

Ломоносовскій риторизмъ. Риторическое и сатирическое направленіе въ русской литературѣ. Ихъ значеніе. Литературныя заслуги Ломоносова и его значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще. — Ломоносовъ, какъ личность геніальная, увлекъ за собою толпу подражателей и почитается у насъ родоначальникомъ такъ называемой «классической», или, лучше сказать, «риторической» школы, которая долго держалась въ русской литературѣ. Въ сообщеніи нашей новой литературѣ этого риторическаго направленія строго упрекали Ломоносова.

Но при этихъ упрекахъ не брали во вниманіе во-первыхъ, того обстоятельства, что всякая начинающаяся искуственная словесность почти всегда начинается съ риторизма; исторія почти всѣхъ искуственныхъ литературъ въ Европѣ: нѣмецкой, французской, англійской можетъ служить подтвержденіемъ этого положенія; а во-вторыхъ, того, что Ломоносовъ, при его взглядѣ на литературу, при общемъ господствѣ на Западѣ французскаго классицизма и наконецъ, при томъ состояніи образованности, въ которомъ находилась Россія въ его время, могъ создать русскую литературу только подражая литературамъ образованныхъ народовъ Запада, и слѣдственно, — сообщить ей риторическое направленіе, которое господствовало въ послѣднихъ. Въ образованіи въ нашей литературѣ риторической школы виноваты время и обстоятельства, при которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Ломоносовъ. Его же личной дѣятельности и трудамъ русская литература обязана тѣмъ, что онъ создалъ новый литературный языкъ для выраженія выработанныхъ въ Европѣ цивилизаціею цѣлаго ряда вѣковъ и поколѣній общечеловѣческихъ идей и понятій, поэтическихъ чувствъ и представленій. И при томъ мы должны повторить снова, что ложныя, риторическія формы Ломоносова не могутъ исключать истинныхъ достоинствъ, заключающихся въ его произведеніяхъ, даже и въ такихъ изъ нихъ, какъ ораторскія слова и стихотворныя и хвалебныя оды. Въ похвальныхъ словахъ Петру и Елисаветѣ и въ нѣкоторыхъ одахъ всякій разъ, когда Ломоносовъ касается вопроса о распространеніи просвѣщенія въ Россіи, объ «утвержденіи наукъ въ отечествѣ», что составляло, какъ мы знаемъ, его пламеннѣйшее желаніе, чему онъ отдалъ всецѣло всю свою жизнь, всю свою дѣятельность, всякій разъ рѣчь Ломоносова въ этихъ мѣстахъ его ораторскихъ словъ и стихотвореній дышетъ воодушевленіемъ, искренностію, силою и энергіею чувства, — и тутъ нельзя видѣть одинъ только риторизмъ.

Со времени критики Бѣлинскаго, по словамъ котораго — Кантемиръ «по какому-то счастливому инстинкту, первый на Руси свелъ поэзію съ жизнію тогда какъ самъ Ломоносовъ только развелъ ихъ на долго», — у насъ вошло въ обыкновеніе литературной дѣятельности Ломоносова противопоставлять дѣятельность Кантемира, называя риторическое направленіе перваго *подражательнымъ* и безплоднымъ, а сатирическое направленіе втораго *самобытнымъ* и благотворнымъ для просвѣщенія и развитія русскаго общества. На это слѣдуетъ возразить, во-первыхъ, что сатиры Кантемира въ такой же степени произведенія продражательныя, какъ и торжественныя и хвалебныя оды Ломоносова: онѣ не имѣли для себя основанія въ нашей стариной книжной литературѣ, ихъ юморъ и насмѣшка —плодъ западныхъ идей и западнаго просвѣщенія въ той же мѣрѣ, какъ и торжественная лирика Ломоносова; одно только содержаніе ихъ взято изъ русской жизни и относится къ обрисовкѣ современнаго русскаго общества, — въ этомъ заключается все значеніе сатиръ Кантемира, и въ этомъ только смыслѣ мы ихъ назвали выше произведеніями «въ высшей степени самобытными, русскими»; но онѣ навѣяны автору духомъ западной науки и западныхъ литературныхъ теорій, и потому — подражательны и по идеямъ, и по формѣ. А во-вторыхъ, нашу новую литературу никакъ нельзя раздѣлить, какъ дѣлятъ иные, на риторическую и сатирическую; потому что сатира не исключаетъ собою риторики и встрѣчается у однихъ и тѣхъ же писателей ломоносовскаго періода и нерѣдко — въ однихъ и тѣхъ же произведеніяхъ. Мы видѣли, что у Кантемира, тѣ мѣста его сатиръ, гдѣ онъ вооружается противъ общихъ человѣческихъ пороковъ и страстей, подражая латинскимъ и французскимъ сатирикамъ, сильно отзываются риторической амплификаціей и наполнены одною сухою моралью и дидактикой. Точно также — въ произведеніяхъ иныхъ писателей риторическаго направленія встрѣчаются слѣды сатиры или даже примѣры цѣлыхъ сатирическихъ піесъ. У самаго Ломоносова, напримѣръ, какъ въ его стихотворныхъ, такъ и въ произаическихъ сочиненіяхъ, мы находимъ черты злой обличительной сатиры и остроумныя насмѣшки надъ иными личностями и явленіями современной дѣйствительности, Весьма замѣчательны въ этомъ отношеніи его: «Письмо о пользѣ стекла». частныя письма къ разнымъ лицамъ, «Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа» (см. ниже), шуточное стихотвореніе «Гимнъ бородѣ» *) и

---

*) Оно напечатано только недавно. Авторъ, въ шутливомъ тонѣ, такъ взываетъ къ бородѣ:

О прикраса золотая
О прикраса дорогая,
Мать дородства и умовъ.
Мать достатка и чиновъ,
Корень дѣйствій невозможныхъ!
О завѣса мнѣній ложныхъ!

Къ этому же роду сочиненій принадлежатъ сатирическіе стихи Ломоносова: „Къ Пахомію“ и нѣсколько пародій, эпиграммъ и т. п. на тогдашнихъ литераторовъ: Тредьяковскаго, Сумарокова и Елагина, нападавшихъ на Ломоносова и вынуждавшихъ его вступать съ ними въ литературную полемику, которая, по духу того времени, болѣе отличалась раздражительностію, мелкимъ авторскимъ тщеславіемъ и грубою бранью, нежели серьозными спорами о литературныхъ или ученыхъ пред-

завязавшаяся по поводу этой піесы стихотворная полемика Ломоносова съ митр. *Димитріемъ Сѣченовымъ* и другими поборниками старины. Рѣзкія обличенія, остроумныя выходки противъ защитниковъ суевѣрной старины и застоя встрѣчаются особенно въ ученыхъ сочиненіяхъ Ломоносова, и мы скажемъ о нихъ далѣе.

Что касается вопроса о сравнительномъ значеніи и важности для общества элементовъ сатирическаго и риторическаго, развившихся одновременно въ нашей новой литературѣ; то, нѣтъ сомнѣнія, что русская сатира, со времени Кантемира, вооружаясь противъ зла и пороковъ общественныхъ, и усиливаясь придать литературѣ серьезное, общественное значеніе, играетъ весьма замѣтную роль въ исторіи нашего развитія и тѣсно связана со всѣми важнѣйшими моментами прогрессивнаго движенія русскаго общества. Сатира не можетъ и не должна быть сравниваема въ этомъ отношеніи съ торжественной лирикой или съ другими произведеніями риторической школы, родоначальникомъ которой считаютъ Ломоносова. Послѣдняя имѣла свое, чисто-литературное значеніе. И при томъ, риторическая ложь, изысканная напыщеность языка и отстраненіе литературы отъ живой дѣйствительности — эти характеристическія качества произведеній риторической школы — были замѣчены еще при Ломоносовѣ, подвергались порицанію и насмѣшкѣ даже современной критики и, доведенныя до крайности, скоро вызвали противъ себя рѣшительную реакцію. Справедливо поэтому признать, что французскій классицизмъ, водворенный въ русской литературѣ Ломоносовымъ, во всякомъ случаѣ, составляетъ шагъ впередъ въ исторіи ея развитія: риторическими произведеніями Ломоносова положено основаніе новому литературному языку, который образовался подъ вліяніемъ европейской науки и литературы и сдѣлалъ возможнымъ перенести къ намъ, вмѣстѣ съ ложными литературными формами, и тѣ идеи, понятія и взгляды, которые выработала современная цивилизація на Западѣ. Ломоносовъ оказалъ здѣсь великую услугу не только русской литературѣ, но дѣлу русскаго просвѣщенія вообще: онъ расширилъ, окрилилъ русскую мысль, давъ ей просторъ образованной человѣческой рѣчи. И здѣсь положительные заслуги и труды Ломоносова на пользу развитія русской мысли и русскаго слова стоятъ неизмѣримо выше заслугъ, которыя могли принести русской литературѣ и современному русскому обществу сатиры Кантемира. Академическая дѣятельность Ломоносова, его старанія и труды по устройству двухъ первыхъ университетовъ и гимна-

---

метахъ. Ломоносовъ всегда презрительно отзывался о своихъ литературныхъ противникахъ и неохотно вступалъ съ ними въ критическіе споры. Какъ образецъ его критическихъ мнѣній и пріемовъ, очень любопытно письмо его (неизвѣстно кому писанное) по поводу сатиры Елагина: „На питиметровъ“, которая была посвящена авторомъ Сумарокову и въ которой онъ величаетъ этого русскаго драматурга „наперсникомъ Буало, россійскимъ Расиномъ, защитникомъ истины“ и т. п. Въ письмѣ Ломоносова заключается много остроумныхъ критическихъ замѣтокъ по поводу подобныхъ похвалъ Сумарокову. Извѣстна также его сатира на Сумарокова: „Свинья въ лисьей кожѣ“, написанная въ отвѣтъ на притчу послѣдняго: „Оселъ въ львиной кожѣ“, „Эпиграмма на стихотворца Шишкина“, и друг.

зій, и наконецъ его ученыя сочиненія доказываютъ намъ это самымъ нагляднымъ образомъ.

Историческая роль Ломоносова въ нашемъ просвѣщеніи вообще очень важна. Онъ, по справедливости, можетъ быть названъ просвѣтителемъ современнаго ему русскаго общества и однимъ изъ смѣлыхъ и могучихъ вождей русскаго просвѣщенія. Когда онъ былъ назначенъ адъюнктомъ академіи, въ ней господствовали исключительно нѣмцы-ученые и даже неученые, какъ напримѣръ, Шумахеръ и Таубертъ, чиновники академической канцеляріи. Желаніе Петра, при учрежденіи академіи наукъ, заключалось, какъ мы знаемъ, въ томъ, чтобы первое поколѣніе нѣмцевъ-академиковъ смѣнилось русскими учеными. Но нѣмецкій элементъ почти совершенно вытѣснилъ изъ академіи Русскихъ: всѣ вновь открывавшіяся вакансіи академія замѣщала учеными, выписываемыми изъ Германіи. Нѣмцы академики мало заботились о подготовкѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ для занятія мѣстъ въ академіи и объ изданіи полезныхъ книгъ и учебниковъ, — какъ это было выражено въ регламентѣ, данномъ академіи Петромъ I. Они даже вовсе не обучали русскихъ студентовъ, уклонялись отъ лекцій и довели до совершеннаго упадка академическіе университетъ и гимназію. Ломоносовъ, съ первыхъ же дней вступленія своего въ академію, начинаетъ ожесточенную борьбу съ нѣмецкими членами академіи, о необходимости увеличить гимназію и университетъ, хлопочетъ о томъ, чтобы выписать въ нихъ молодыхъ людей изъ семинарій и предпринять изданіе переводовъ; онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ основаніи московскаго университета, который основывается по составленному имъ плану; онъ принимаетъ участіе и въ основаніи академіи художествъ и хлопочетъ изо всѣхъ силъ объ открытіи настоящаго университета въ Петербургѣ, такъ какъ академическій университетъ и гимназія существовали только по имени. Ломоносову было поручено уже составленіе грамоты, или привиллегій, для петербургскаго университета; грамота эта уже была имъ написана и подписана канцлеромъ графомъ Воронцовымъ; Ломоносовъ уже изготовлялъ рѣчь къ открытію университета и намѣренъ былъ говорить въ ней о необходимости основать университетъ также и въ Кіевѣ; но послѣдовавшая вскорѣ смерть императрицы Елисаветы, а потомъ и смерть самого Ломоносова, остановили надолго выполненіе плановъ этого замѣчательнаго поборника русскаго просвѣщенія.

Исторія задуманнаго Ломоносовымъ открытія въ С.-Петербургѣ университета такъ ярко рисуетъ замѣчательную и грандіозную личность этого великаго поборника русскаго просвѣщенія, что мы должны разсказать подробнѣе эту исторію, пользуясь опубликованными въ недавнее время новыми документами объ этомъ предметѣ *).

Составленная Ломоносовымъ грамота объ «инавгураціи» университета тре-

---

*) Именно: напечатаными въ „Чтеніяхъ Императ. Общ. Ист. и Древн. Рос. при Моск. Универ". 1865 года, книга первая: *Ломоносовъ и Петербургская академія наукъ.* Матеріалы къ столѣтней памяти его: 1765 — 1865, апрѣля 4-го. Сообщ. В. И. *Ламанскій.* Смѣсь, стран. 37 — 192.

бовала только подписи Елисаветы. Въ бумагахъ Ломоносова нашли черновую рѣчь его: «Слово благодарственное императрицѣ Елисаветѣ на торжественной инавгураціи С.-Петербургскаго университета, говоренное 1760 года».

Шувалову Ломоносовъ подалъ въ тоже время записку *о необходимости учредить гимназіи въ разныхъ губернскихъ городахъ*; а 17 апрѣля 1760 г. онъ къ нему писалъ: «Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделенное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы». И за тѣмъ проситъ о Высочайшемъ подписаніи грамоты о Петербургскомъ университетѣ. «Сіе будетъ большее всѣхъ *благодѣяніе*, которое Ваше Высокопревосходительство *мнѣ въ жизнь сдѣлали*. По окончаніи сего только хочу искать способа и мѣста, гдѣ бы чѣмъ рѣже, тѣмъ лучше видѣть было персонъ Высокородныхъ, которые мнѣ низкою моею породою попрекаютъ, видя меня, какъ бѣльмо на глазу, поданнымъ мнѣ отъ Бога талантомъ». 15 февраля 1761 года Ломоносовъ писалъ вице-канцлеру М. И. Воронцову, жалуясь на медленный ходъ дѣлъ, приносящій ему *чувствительное уныніе*. «Сверхъ того оно мнѣ наводитъ не малое ослабленіе въ моихъ трудахъ, а особливо, что мои недоброхоты всегда мое доброе предпріятіе осмѣхаютъ и худыми прореканіями отнимаютъ охоту у тѣхъ, кои таковою Монаршею милостію давно себя ласкали, и оною пользуясь, большую пользу Отечеству произвести уповали. Того ради Васъ, Милостивый Государь, всеуниженно прошу именемъ всея академіи, употребить высокое предстательство къ исполненію законнаго нашего прошенія, къ подлинной пользѣ Отечества». Ломоносовъ написалъ и приложилъ къ этому письму просительные стихи императрицѣ о подписаніи грамоты или «привилегій» университета. Стихи эти исполнены живаго и искренняго чувства:

«Въ Россіи древности, въ натуры тайны вникнемъ,
И тьмами устъ Твои достоинства воскликнемъ:
Коль счастливъ оный день, коль счастливъ буду я,
Когда, среди Россійскихъ Музъ стоя,
Благодѣяніе Твое представлю ново,
Великостью его и какъ возвышу слово»!

Затѣмъ указавъ на силу мысли, вліяніе науки и просвѣщенія, Ломоносовъ такъ закончилъ свою мольбу императрицѣ:

«Сіе исполнится *немногими чертами* *),
Когда *рука Твоя ущедрится надъ нами*;
Для славы Твоея, для общаго плода,
Не могутъ милости быть рано никогда».

Ломоносовъ нѣсколько разъ ѣздилъ самъ въ Петербургъ съ своею грамотою, чтобы поднести ее лично для подписанія императрицѣ. Но всѣ его хлопоты и усилія оставались безплодными. Императрица Елисавета не подписывала гра-

*) Т. е. „немногими чертами“ Высочайшаго подписанія.

могы, по словамъ г. Ламанскаго, вовсе не изъ желанія не имѣть въ Петербургѣ университета, а просто изъ совершеннаго равнодушія къ такимъ вещамъ *). Что чувствовала, какъ страдала «свободная душа помора», утомленная безплодностію всѣхъ своихъ усилій, борьбы и хлопотъ, — это высказалось въ извѣстномъ его стихотвореніи: «Кузнечикъ», родъ экспромта, вылившагося у Ломоносова въ одну изъ упомянутыхъ поѣздокъ его въ Петергофъ.

«Кузнечикъ дорогой! Коль много ты блаженъ!
Коль больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ!
Препровождаешь жизнь межъ мелкою травою,
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь,
Но въ самой истинѣ ты передъ нами царь;
Ты Ангелъ во плоти, иль лучше, ты безплотенъ,
Что видишь — все твое, вездѣ въ своемъ дому,
Не просишь не о чемъ, не долженъ никому».

Какою глубокою грустію отзывается эта поэтическая жалоба Ломоносова. Мы видимъ изъ этихъ стиховъ, какъ тяжело было его гордой и свободной душѣ «просить» и «быть должну» (одолжаться») кому бы то ни было! И замѣтимъ, онъ проситъ здѣсь вовсе не для себя, хлопочетъ вовсе не о себѣ, а о любезныхъ ему «сынахъ россійскихъ», о распространеніи между ними наукъ и просвѣщенія. Это для него великое и главное дѣло всей его жизни, для котораго онъ готовъ принести всевозможныя жертвы, которое «дороже ему *всего* въ жизни» (см. ниже).

Такъ не удавались широкіе планы Ломоносова. Но болѣе всего тормозило ихъ выполненіе и препятствовало его благимъ намѣреніямъ тогдашнее управленіе академіи наукъ. Шумахеръ, Таубертъ, адъюнктъ академіи Тепловъ (который имѣлъ вліяніе на гр. Разумовскаго, президента академіи) и большая часть нѣмцевъ-академиковъ пользовались всякимъ случаемъ, чтобы вредить Ломоносову и систематически противодѣйствовали всѣмъ его предпріятіямъ. Часто одно только покровительство графа Воронцова и Шувалова спасало Ломоносова отъ дурныхъ послѣдствій ихъ ненависти и благопріятствовало болѣе или менѣе выполненію нѣкоторыхъ изъ его полезныхъ предпріятій. Изъ частныхъ писемъ его къ этимъ вельможамъ и въ особенности изъ письма къ адъюнкту Теплову на Украйну, (писаннаго въ 1761 г. по поводу «исправленія застарѣлыхъ непорядковъ» въ академіи), видно яснѣе всего, съ какимъ жаромъ и стойкостію онъ предавался попеченію и заботамъ объ «успѣхахъ въ наукахъ сыновъ россійскихъ» и съ какимъ самоотверженіемъ ратовалъ противъ «недоброхотовъ приращенія наукъ въ Россіи и учащагося россійскаго юношества». Въ этомъ письмѣ Ломоносовъ говоритъ, послѣ изложенія своей жалобы на невниманіе къ его представленію самаго Теплова: «Повѣрьте, Ваше Высокородіе, я пишу не изъ запальчивости; но принуждаетъ меня изъ мно-

*) Ibid. стр. 145.

гихъ лѣтъ извѣданное слезными опытами академическое несчастіе. Я спрашивалъ и испыталъ свою совѣсть, она мнѣ ни въ чемъ не зазритъ сказать вамъ нынѣ всю истинную правду. Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія къ ученію и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и *благородную упрямку* и *смѣлость* къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, *что мнѣ всего въ жизни моей дороже*». — «За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не ставлю», — говоритъ онъ тутъ же, — и въ заключеніе прибавляетъ: «Что же до меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ съ молода, — на старость не покину» *).

Заслуги и значеніе Ломоносова въ дѣлѣ русской науки. Его ученые труды и сочиненія. Ихъ форма и содержаніе. Мысли Ломоносова объ изученіи природы. „Письмо о пользѣ стекла“. — Положивъ основаніе новой русской литературѣ, Ломоносовъ первый начинаетъ и дѣло русской науки. И слѣдуетъ замѣтить, что дѣло науки было собственно главнымъ и существеннымъ *дѣломъ* для Ломоносова, къ которому его влекли его призваніе и живѣйшія симпатіи.

Г. Н. Лавровскій, обозрѣвъ важнѣйшія сочиненія Ломоносова по литературѣ и языку, превосходно замѣтилъ, «что, при оцѣнкѣ этихъ произведеній, необходимо имѣть постоянно въ виду, что Ломоносовъ былъ прежде всего *академикомъ по предметамъ физики и химіи*, что онъ прослылъ поэтомъ и ораторомъ главнымъ образомъ потому, что ученые труды по его спеціальности были недоступны и неизвѣстны тогдашнему обществу, а его оды и похвальныя слова общество могло читать и даже восхищаться ими, что физика и химія постоянно поглощали собою наибольшую часть его времени, что къ нимъ были обращены самыя задушевныя его думы и сильнѣйшія симпатіи ученаго, безпредѣльно преданнаго своему дѣлу, что собственно литературные труды его выходили изъ обычнаго круга его задушевныхъ думъ и симпатій, являлись болѣе или менѣе случайно, или по вызову внѣшнихъ обстоятельствъ, служебныхъ обязанностей, по внушеніямъ отдѣльныхъ лицъ, по увлеченію господствовавшимъ тогда энциклопедизмомъ занятій, или, что конечно важнѣе, по сознанію крайней потребности въ томъ или другомъ трудѣ для успѣховъ отечественнаго просвѣщенія; въ этомъ послѣднемъ случаѣ затрогивалась самая чувствительная струна Ломоносова» **).

Ученыя сочиненія Ломоносова, относятся къ области естествовѣденія, а

---

*) „Матер“ Билярскаго, стр. 500 и 502, № 209.

**) См. „Памяти Ломоносова“. (Харьковъ. 1855) ст. „Нѣсколько словъ о Ломоносовѣ“, Н. *Лавровскаго*, стр. 10—11.

въ частности — къ предметамъ физики и химіи. Большая часть изъ нихъ изложена въ литературной формѣ, въ видѣ академическихъ рѣчей. Ломоносовъ, какъ мыслитель и просвѣтитель современнаго русскаго общества, вѣрно угадывавшій его нужды и потребности и стремившійся удовлетворить имъ, обнаруживается собственно въ этихъ ученыхъ сочиненіяхъ своихъ, гдѣ изложены его понятія и его взглядъ на науку вообще и его религіозныя и философскія воззрѣнія. Потому, не смотря на то, что ученыя сочиненія Ломоносова, по спеціальности своего содержанія, чужды литературѣ, исторія литературы тѣмъ не менѣе обязана говорить о нихъ. По отзыву спеціалистовъ, Ломоносовъ, какъ естествоиспытатель, стоитъ на ряду съ первоклассными учеными своего времени. Знаменитый математикъ Эйлеръ такъ отзывался о его ученыхъ открытіяхъ по физикѣ и химіи, когда Шумахеръ отправилъ къ нему на разсмотрѣніе записки Ломоносова по части физики и химіи: «Всѣ записки Ломоносова не только хороши, но превосходны, ибо онъ производитъ изслѣдованія надъ самыми интересными физическими и химическими явленіями, которыя до сихъ поръ были совершенно неизвѣстны и казались необъяснимыми для величайшихъ геніевъ науки, и притомъ, — съ такою основательностію, что я вполнѣ убѣжденъ въ истинности его выводовъ и заключеній; по этому случаю я долженъ отдать справедливость господину Ломоносову, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ талантомъ, для совершенія новыхъ открытій въ области физики и химіи; и было бы желательно, чтобы всѣ прочія академіи были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, какія сдѣлалъ г. Ломоносовъ» *).

Мы тѣмъ болѣе обязаны говорить о сочиненіяхъ Ломоносова по части естественныхъ наукъ, что онъ является въ нихъ не сухимъ ученымъ изслѣдователемъ природы: онъ глазами глубокаго мыслителя смотритъ на объясненіе ея явленій и превосходно доказываетъ практическую пользу естественныхъ наукъ, — всегда излагая свои мысли просто, доступно и увлекательно.

Наука, особенно наука о природѣ, свобода научнаго изслѣдованія, самостоятельность знанія — были для тогдашней Руси дѣломъ новымъ, основаніе которому положилъ первый, какъ мы сказали, Ломоносовъ. Изслѣдованіе физическихъ и химическихъ явленій, которыми онъ занимался, казалось современному русскому обществу чѣмъ-то неслыханнымъ, дерзкимъ нарушеніемъ тайнъ Предвѣчнаго и законовъ вѣры, и, какъ дѣло грѣховное и противное вѣрѣ, подвергалось осужденію не только со стороны массы необразованнаго общества, но и со стороны грамотниковъ, или «чтецовъ писанія и ревнителей

---

*) Mémoires de Monsieur Lomonosoff. „Toutes ses pièces sont non seulement bonnes mais très excelentes, car il traite les matières de la phisique et de chimie les plus interessantes, et qui sont tout-à-fait inconnues et inexplicables aux plus grandes génies, avec tant de solidité, que je suis tout-à-fait convaincu de la justesse des ses explications. A cette occasion je dois faire justice à Monsieur Lomonosoff qu'il possede le plus heureux génie pour decouvrir les phenomènes de la physique et de la chimie; et il serait à souhafter que toutes les autres académies fussent en état de produire des découvertes semblables à celles que Monsieur Lomonosoff vient de faire". *Билярскій*: „Матер." стр. 77.

къ православію, кое святое дѣло само собою похвально, если бы иногда не препятствовало излишествомъ высокихъ наукъ приращенію», — какъ говоритъ Ломоносовъ. Вотъ почему въ ученыхъ сочиненіяхъ его о предметахъ естествознанія мы встрѣчаемъ многія мѣста и обращенія къ публикѣ, гдѣ онъ, съ свойственною ему энергіею слова и убѣжденія, ратуетъ за право науки и разума человѣческаго — производить свободно испытаніе законовъ и силъ природы, возстаетъ противъ невѣжественныхъ и мнимыхъ защитниковъ вѣры и старается доказать, что наука и религія не только не находятся во враждебномъ другъ къ другу отношеніи — какъ увѣряютъ поборники старины и мрака, — но что, напротивъ, между ними существуетъ тѣсная, родственная связь. Мы уже видѣли, что по убѣжденію и по словамъ Ломоносова, «испытаніе натуры свято». О святости изслѣдованія законовъ и творческихъ силъ природы, о безгрѣшности и о видимой пользѣ объясненій, путемъ науки, всѣхъ разнообразныхъ явленій природы онъ говоритъ почти во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ по части естествознанія: въ «Словѣ о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющемъ», въ «Словѣ о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ», въ «Словѣ о рожденіи металловъ отъ трясенія земли», въ «Прибавленіи второмъ къ металлургіи» и въ друг. Но съ особенною подробностію распространяется Ломоносовъ о томъ, что естественныя науки не противорѣчатъ религіи въ «Прибавленіи» къ описанію астрономическаго наблюденія надъ «явленіемъ Венеры на солнцѣ», т. е. надъ ея прохожденіемъ передъ солнцемъ, въ 1761 году. Наблюденіе было производимо членами Петербургской академіи. Это рѣдкое небесное явленіе, какъ видно изъ «Прибавленія», возбуждало въ суевѣрныхъ современникахъ Ломоносова «всякія неосновательныя сомнительства и страхи» и неблагопріятныя толки для астрономической науки. Чтобы разсѣять эти «страхи» и доказать, что научныя наблюденія явленій природы вѣрѣ не вредны, а напротивъ, — служатъ къ большему прославленію премудрости и дѣлъ Божіихъ, онъ и написалъ свое «Прибавленіе». «Создатель, по словамъ Ломоносова, далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величество, въ другой свою волю. Первая книга — видимый міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на его огромность, красоту и стройность призналъ божественное всемогущество; а вторая — священное писаніе, въ которомъ показано благословеніе Создателя къ нашему спасенію». Изъяснители и истолкователи пророческихъ и апостольскихъ боговдохновенныхъ книгъ суть великіе церковные учители; а истолкователи въ «книгѣ сложенія видимаго міра сего» — физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ дѣйствій, обнаруживающихся въ природѣ. Природа, по ученію Ломоносова, есть «евангеліе, благовѣствующее Творческую силу, премудрость и величество». Ссылаясь на Василія Великаго, Дамаскина и другихъ «великихъ свѣтильниковъ» церкви, которые «познаніе натуры съ вѣрою содружить старались», онъ говоритъ, что физическія разсужденія о строеніи міра служатъ къ прославленію Божію и вѣрѣ не вредны», что «правда (т. е. наука, изслѣдующая «правду» — истину) и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя»; но «не здраво разсуди-

теленъ — прибавляетъ Ломоносовъ — математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ; таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по псалтири научиться можно астрономіи или химіи».

Такъ Ломоносовъ старался уяснить вопросъ объ отношеніи науки къ религіи и доказать, во-первыхъ, что изслѣдованіе творческихъ силъ и явленій природы должно быть производимо свободно и самостоятельно; а во-вторыхъ, что такое самостоятельное положеніе науки о природѣ ни мало не вредитъ вѣрѣ и не противорѣчитъ истинамъ религіи; потому что наука и религія, по ученію Ломоносова, равно удостовѣряютъ насъ не только въ бытіи Божіи, но и въ несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ», и потому «грѣхъ всевать между ними плевелы и раздоры». Онъ грозно ополчается противъ старавшихся поселить распрю и «мнимое междоусобіе» между наукой и вѣрой и рѣзко возстаетъ противъ тѣхъ «умниковъ», которымъ легко быть философами, выучивъ наизусть три слова: *Богъ такъ сотворилъ* и давая ихъ въ отвѣтъ на всѣ вопросы о причинахъ существующаго. По словамъ Ломоносова тѣ, кто «осмѣхаетъ науки», а особенно «новыя откровенія въ натурѣ», увѣряя, что они «противны закону» (т. е. вѣрѣ христіанской) и кто называетъ соблазномъ для вѣры все то, чего самъ не понимаетъ, тѣ по истинѣ своимъ «мнимымъ защищеніемъ» закона только его поносятъ. «Но вѣдай всякъ изъ таковыхъ — восклицаетъ Ломоносовъ — что онъ *ссорщикъ*, потому что старается произвести вражду между Божіею дщерію — натурою и между невѣстою Христовою — церковію».

Въ «Письмѣ о пользѣ стекла» такихъ «ссорщиковъ» науки съ вѣрою Ломоносовъ называетъ «полкомъ свирѣпыхъ невѣждъ», которые, въ озлобленіи своемъ противъ науки, готовы подвергнуть ученыхъ испытателей природы казни Прометея *). «Письмо о пользѣ стекла», принадлежащее по стихотворной формѣ своей къ такъ называемой «дидактической», или поучительной поэзіи **),

*) Ломоносовъ, объясняя здѣсь древній миѳъ о Прометеѣ, допускаетъ предположеніе, что, быть можетъ, наука Прометея „ввергла въ пагубу", что не наблюдалъ ли онъ тогда звѣзды посредствомъ телескопа и не умѣлъ-ли сводить огонь съ небесъ при помощи зажигательныхъ стеколъ? А завистливые невѣжды, которые, „скрывъ себя подъ покровомъ святости", воюютъ отъ самой глубокой древности со свѣтомъ науки, обнесли его за это чародѣемъ и предали на жестокую казнь.

**) Существуетъ извѣстіе, что поводомъ къ сочиненію „Письма о пользѣ стекла" послужило слѣдующее обстоятельство. Ломоносовъ пришелъ на обѣдъ къ Шувалому во французскомъ кафтанѣ съ стеклянными пуговицами, и какой-то изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ современныхъ модниковъ замѣтилъ, что стеклянныя пуговицы давно вышли изъ моды. Ломоносовъ, съ свойственною ему горячностію, сталъ возражать и доказывать превосходство стеклянныхъ пуговицъ передъ металлическими и началъ развивать мысль о пользѣ, какую приноситъ стекло человѣческимъ обществамъ. Шувалову понравилось возраженіе Ломоносова и онъ попросилъ его изложить свои мысли о пользѣ стекла въ стихахъ. Вслѣдствіе чего и появилось въ свѣтъ названное стихотворное письмо Ломоносова къ Шувалову — родъ дидактическаго стихотворенія, которыя въ свое время были въ большомъ ходу въ европейскихъ литературахъ и перенесены были въ нашу литературу XVIII вѣка, какъ одинъ изъ продуктовъ французскаго классицизма и современной риторической теоріи.

очень замѣчательно по своему духу и характеру. Содержаніе письма касается предметовъ науки, собственно — предметовъ естествознанія, и вполнѣ выражаетъ взглядъ Ломоносова на науку вообще, на ея отношеніи къ религіи и къ обществу и его понятія о пользѣ, которую естественныя науки приносятъ людямъ. Мысли свои онъ высказываетъ здѣсь смѣло и рѣзко, мѣстами — въ юмористически-веселомъ тонѣ и очень остроумно. Лицемѣры — говоритъ онъ — вели всегдашнюю брань съ наукой, отчего много знаній въ мірѣ погибло невозвратно. Такъ еще въ языческія времена Аристархъ, который училъ, что земля движется, былъ обвиненъ завистливымъ Клеантомъ въ богохульствѣ и непочтеніи къ богамъ, въ томъ, что онъ дерзнулъ «всю землю отъ тверди потрясти» и заставилъ богиню неподвижной земли, Весту, Нептуна, Діану, Плутона и всѣхъ боговъ безпрерывно вертѣться вокругъ, отъ чего

. . . . . боги
Терпятъ великій трудъ всегдашнія дороги.

Подъ видомъ такого «ложнаго почтенія» къ богамъ лицемѣрные піетисты и жрецы древности, главнымъ образомъ, заботились о себѣ. Они опасались, чтобы наука, открывъ величіе небесъ, не показала всѣмъ, что міръ сей сотворила непостижимая сила Единаго Творца и

Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сонмище боговъ,
Не стоятъ тучныхъ жертвъ, *нижѐ подъ жертву дровъ;*
Что агнцовъ и воловъ жрецы ѣдятъ напрасно:

«Это, и только это одно имъ казалось опаснымъ», говоритъ Ломоносовъ.

Вспоминая далѣе о грозовомъ электричествѣ, честь открытія котораго принадлежитъ столько же Ломоносову, сколько и Франклину, и говоря, что при страшныхъ ударахъ грома и при блескахъ молніи, «слабый умъ» обыкновенно мятется и не знаетъ гдѣ укрыться отъ гнѣвнаго часа, но изслѣдовать причины грома и молніи страшится, — Ломоносовъ прибавляетъ:

Дабы истолковать, что молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
На бичь, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ нашъ яростію своею.
Но какъ Онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
То грѣхъ-ли то сказать, что вѣтромъ Онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился? и проч.

Эту же мысль Ломоносовъ высказываетъ и въ рѣчи своей: «О явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ», доказывая подробно, что защищаться «удобными способами» отъ смертоносныхъ громовыхъ ударовъ никакъ не составляетъ «продерзостнаго усилованія гнѣву Божію» — какъ утверждали люди преданія, — но что это, напротивъ, въ такой же мѣрѣ согласно съ волею Божіею и въ такой же степени разумно, какъ и «обороняться

лѣкарствами отъ моровой язвы, плотинами отъ наводненій, постройкою крѣпкихъ зданій отъ землетрясенія и бури».

Приведенныя нами мѣста и мысли изъ сочиненій Ломоносова ясно свидѣтельствуютъ о его религіозныхъ и философскихъ убѣжденіяхъ, которыя онъ старался проводить въ своей ученой и литературной дѣятельности. Онъ признавалъ за религіею право высшаго духовно-просвѣтительнаго начала для сердецъ человѣческихъ; но въ тоже время училъ, что наука должна быть самостоятельнымъ знаніемъ, отрѣшеннымъ отъ зависимости и отъ служенія религіи. Дѣйствующимъ началомъ во вселенной онъ признавалъ законы и творческія силы природы, и въ познаніи и объясненіи этихъ законовъ и силъ природы видѣлъ торжество человѣческаго разума. Требуя для науки свободы изслѣдованія и самостоятельнаго мышленія, онъ доказывалъ, что свобода научныхъ изслѣдованій, изыскивающихъ истину, не только не враждебна и не опасна для вѣры, но что наука и вѣра пребываютъ между собою въ тѣсномъ союзѣ; потому что, не взирая на различныя сферы и способы дѣйствія, обѣ онѣ стремятся къ одной цѣли — къ раскрытію истины, т. е. къ познанію величія, мудрости и благости Создателя. Признавъ науку самостоятельнымъ знаніемъ, Ломоносовъ провозгласилъ въ средѣ русскаго общества, гдѣ господствовало преданіе и масса суевѣрій, совершенно новое начало, неизвѣстное прежде. И съ этого то признанія *самостоятельности науки* собственно начинается у насъ *новое движеніе въ умственномъ и научномъ отношеніи, которымъ опредѣляется характеръ новаго времени.*

Мы не говорили о внутреннемъ содержаніи сочиненій Ломоносова по части естествовѣденія, такъ какъ это не касается нашего предмета. Но по мнѣнію спеціалистовъ, Ломоносовъ въ своихъ объясненіяхъ многихъ физическихъ, химическихъ и геологическихъ явленій опередилъ на цѣлое столѣтіе своихъ современниковъ. Профес. Бекетовъ, напримѣръ, говоритъ: «читая статью Ломоносова *о причинѣ тепла и холода*, невольно переносимся въ наше время и думаемъ, что читаемъ не старинный мемуаръ первой половины XVIII столѣтія, а сочиненіе какого нибудь *Грове*, *Клаузіуса* или *Тандаля*» *).

Вопросы политическіе и общественные въ сочиненіяхъ Ломоносова. — Писательской дѣятельности Ломоносова не была чужда и сфера вопросовъ политическихъ и общественныхъ. Онъ занимался обсужденіемъ важнѣйшихъ изъ нихъ, касавшихся Россіи, и изложилъ въ особыхъ запискахъ свои мысли и мнѣнія по нѣкоторымъ насущнымъ предметамъ русской государственной и народной жизни его времени. Намъ извѣстны, къ сожалѣнію, только двѣ изъ такихъ записокъ Ломоносова: «Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа» (въ письмѣ къ Шувалову) и краткая записка о нашемъ духо-

*) Тамъ же: „О трудахъ Ломоносова по физикѣ“, ст. Н. *Бекетова*, стр. 62.

венствѣ *); прочія же записки или погибли или неизвѣстно, гдѣ хранятся. Сохранившіяся двѣ записки Ломоносова политическаго содержанія представляютъ намъ его какъ просвѣщеннаго публициста, обладавшаго здравымъ политическимъ взглядомъ, практически знакомаго съ дѣломъ и замѣчательнаго особенно потому, что онъ обратилъ преимущественное вниманіе на улучшеніе быта и жизни собственно массы народа — явленіе въ то время рѣдкое не только въ русской, но и въ западно-европейскихъ литеаатурахъ. Цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду, при изложеніи своихъ политическихъ мыслей, заключалась — какъ онъ пишетъ Шувалову — въ «приращеніи общей пользы». Наука для жизни, польза и просвѣщеніе общества, угадываніе его нуждъ и потребностей какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ — въ этомъ заключается главная характеристика ученой, преподавательской и литературной дѣятельности Ломоносова.

Ничего полезнаго для общества онъ не хотѣлъ «оставить подъ спудомъ» — говоритъ онъ Шувалову, — разсуждая «о сохраненіи и размноженіи россійскаго народа». Вопросъ о народонаселеніи онъ называетъ «самымъ главнымъ дѣломъ, въ чемъ состоитъ величіе, могущество и богатство государства, а не въ тщетной обширности безъ обитателей». За тѣмъ, выражая полное сочувствіе къ уничтоженію смертной казни, онъ перечисляетъ причины, отъ которыхъ, по его мнѣнію происходило уменьшеніе народонаселенія въ Россіи, какъ-то: браки между лицами несоотвѣтственныхъ лѣтъ и браки насильственные, отъ чего, по словамъ Ломоносова, не только уменьшается населеніе, но порождается много «пороковъ, унижающихъ человѣческое достоинство»; насильственное постриженіе вдовыхъ молодыхъ поповъ и дьяконовъ и вообще очень молодыхъ людей въ монахи, — что онъ называетъ «смѣшною неосторожностію»; смертность дѣтей въ нѣжномъ возрастѣ отъ жалкаго состоянія акушерскаго и врачебнаго искуства; обычай крестить младенцевъ зимою въ самой холодной водѣ; смертность взрослыхъ, происходящая вслѣдствіе вкоренившихся у насъ въ Россіи обыкновеній, «имѣющихъ видъ нѣкоторой святости», т. е. отъ излишняго воздержанія или отъ чрезмѣрнаго невоздержанія во время извѣстныхъ постовъ и праздниковъ. Здѣсь Ломоносовъ высказываетъ свое мнѣніе о постахъ, какъ объ установленіи, которое должно состоять въ зависимости отъ условій извѣстной мѣстности и климата и совѣтуетъ вообще во время постовъ «говѣть больше духомъ, нежели брюхомъ»; потому что «Богу пріятнѣе, когда мы имѣемъ въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цынготную рыбу; посты учреждены не для самоубійства вредными пищами, но для воздержанія отъ излишества» — говоритъ онъ.

Перечисляя далѣе естественныя и насильственныя причины, отъ которыхъ

---

*) Послѣдняя напечатана лишь недавно въ „Лѣт. рус. лит. и древ.", издан. г. Тихонравовымъ (кн. 2 1859 г.) А вотъ названія прочихъ записокъ: о истребленіи праздности, о исправленіи нравовъ и большемъ просвѣщеніи народа, о исправленіи земледѣлія, о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ, о лучшихъ пользахъ купечества, о лучшей государственной экономіи, о сохраненіи военнаго искуства во время долговременнаго мира.

происходитъ «потеря россійскаго народа», и предлагая вездѣ просвѣщенныя мѣры къ ихъ устраненію, онъ упоминаетъ о народѣ, убѣгавшемъ за границу, или «о живыхъ покойникахъ» — по его выраженію, — которыхъ лишалось русское государство. «Съ пограничныхъ мѣстъ — говоритъ онъ — уходятъ люди въ чужія государства, а особливо въ Польшу». Силою этого нельзя остановить совершенно; потому «лучше поступать съ кротостію». «Побѣги бываютъ, по словамъ Ломоносова, болѣе отъ помѣщичьихъ отягощеній крестьянамъ и отъ солдатскихъ наборовъ»; потому онъ совѣтуетъ облегчить пограничныхъ жителей податьми и освободить отъ наборовъ. Онъ полагаетъ, что предлагаемыя имъ мѣры могутъ увеличить населеніе Россіи, по крайней мѣрѣ, до полумилліона душъ ежегодно, и притомъ — не будутъ ничѣмъ отяготительны для народа. Вообще сочувствіе Ломоносова къ нуждамъ народа, къ общественнымъ вопросамъ, составляетъ одну изъ свѣтлыхъ сторонъ его дѣятельности и выражается повсюду въ его сочиненіяхъ. Взглядъ его на дѣло всегда отличался яснымъ пониманіемъ его сущности и прямою и смѣлою постановкою вопроса.

Общая оцѣнка дѣятельности и личнаго нравственнаго характера Ломоносова.—Перечислимъ теперь всѣ вмѣстѣ изданные Ломоносовымъ литературные и ученые труды, чтобы представить наглядно, какъ обширна и многостороння была дѣятельность этого поистинѣ удивительнаго человѣка, не смотря на то еще, что она началась такъ поздно (въ 1748 г., когда Ломоносовъ издалъ свою риторику, ему было уже 37 лѣтъ) и что онъ умеръ такъ рано.

I. *Сочиненія литературныя и по теоріи языка и словесности:* 1) около 80 духовныхъ и похвальныхъ одъ и разнаго рода другихъ стихотвореній, 2) три ораторскихъ слова: Слово похвальное императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, Слово похвальное Петру Великому и Слово благодарственное императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ на торжественной инавгураціи С.-Петербургскаго университета, 3) Петръ Великій, героическая поэма, 4) двѣ трагедіи: Тамира и Селимъ и Дамофонтъ, 5) Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства, 6) Краткое руководство къ краснорѣчію (риторика), 7) Россійская грамматика, 8) О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ, 9) филологическія замѣтки.

II. *Сочиненія историческія и политическія:* 1) Краткій Россійскій лѣтописецъ съ родословіемъ, 2) Древняя россійская исторія, 3) Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа, 4) Записка объ обязанности духовенства.

III. *Сочиненія по части естествознанія:* 1) О пользѣ химіи, 2) О явленіяхъ воздушныхъ отъ электрической силы происходящихъ, 3) Слово о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющее, 4) О рожденіи металловъ отъ трясенія земли, 5) Разсужденіе о большей точности морскаго пути, 6) Явленіе Венеры на солнцѣ, 7) Первыя основанія металлургіи, 2 ч. и два Прибавленія; да кромѣ того, нѣсколько другихъ статей въ мемуарахъ академіи, въ письмахъ, какъ напр. письмо «о пользѣ стекла» и проч.

Примѣчаніе. Изъ перечисленныхъ сочиненій Л. мы не говорили въ этомъ очеркѣ объ его историческихъ трудахъ и трагедіяхъ, такъ какъ по плану нашего изданія мы говоримъ о нихъ въ другомъ мѣстѣ.

Обозрѣвъ, такимъ образомъ, дѣятельность и труды Ломоносова, мы въ правѣ сказать, что ни одна почти область человѣческаго вѣдѣнія не была чужда ему и что во всѣхъ сферахъ своей дѣятельности онъ оставляетъ слѣдъ своего оригинальнаго и высокаго ума, слѣдъ своихъ блестящихъ способностей, глубокой учености и обширныхъ свѣдѣній. Идеи его отличаются особенною жизненностію, выраженіе этихъ идей, — въ оригинальной, ему принадлежащей формѣ, — особенною энергіею и силою. Шлецеръ, личный врагъ Ломоносова, называя его пьянымъ дикаремъ, не могъ не сознаться, однако, что это былъ истинный геній. Ломоносовъ самъ сознавалъ свои силы и надѣялся на нихъ. Въ одномъ письмѣ къ Шувалову, говоря о мелкихъ завистникахъ своихъ, онъ выражается такъ: «Пусть они своимъ аршиномъ чужихъ силъ не мѣряютъ; музы... кого хотятъ, того и полюбятъ. Къ тому же Шувалову, по поводу своихъ многочисленныхъ трудовъ и разнообразныхъ занятій, Ломоносовъ пишетъ (см. письмо 31 мая 1757 г.): «Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проэкты къ торжественнымъ ихъ явленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ, и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось».

Нравственный характеръ Ломоносова отличался прямотою, благородствомъ и стойкостію, или «благородной упрямкой», по его собственному выраженію. И. И. Шуваловъ, могущественный вельможа елисаветинскихъ временъ, былъ покровителемъ Ломоносова и во многихъ случаяхъ единственнымъ защитникомъ отъ многочисленныхъ враговъ, которыхъ Ломоносовъ, надо сознаться, умѣлъ себѣ наживать излишнею горячностію и пылкостію своего нрава и своими рѣзкими и жесткими выходками, напримѣръ, противъ Миллера, Шлецера, Сумарокова и друг. Но и въ отношеніи къ Шувалову Ломоносовъ держалъ себя съ благородною гордостію и съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Онъ умѣлъ — по словамъ Пушкина — постоять за себя и не дорожилъ ни покровительствомъ знатныхъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести или о торжествѣ его любимыхъ идей. Вотъ что однажды онъ писалъ своему знатному патрону, когда тотъ захотѣлъ мирить его съ Сумароковымъ: «Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самаго Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, — пока развѣ отниметъ». Слѣдующій анекдотъ, приводимый Пушкинымъ, не менѣе ярко рисуетъ нравственный характеръ Ломоносова. Заспоривъ о чемъ-то съ Шуваловымъ, Ломоносовъ такъ его разсердилъ, что тотъ сказалъ: «Я тебя отставлю отъ академіи». — «Нѣтъ, возразилъ гордо Ломоносовъ, развѣ академію отъ меня отставятъ». Но, не смотря на свой крутой нравъ, Ломоносовъ обладалъ доброю, чувствительною душею. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть письмо его къ Шувалову о смерти профессора Рихмана, убитаго молніей при производствѣ электрическихъ опытовъ. Ломоносовъ пишетъ, что бѣдный Рихманъ умеръ «прекрасною смертію», исполняя свой долгъ и что па-

мять о немъ «никогда не умолкнетъ», но бѣдная вдова, теща и трое малолѣтнихъ дѣтей, «какъ о немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ». И Ломоносовъ «въ слезахъ» умоляетъ Шувалова о помощи бѣдному семейству погибшаго профессора.

Заключимъ нашъ очеркъ о жизни и дѣятельности Ломоносова слѣдующей прекрасной характеристикой Ломоносова, сдѣланной однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ, по поводу изданныхъ академикомъ Билярскимъ (цитированнымъ нами выше) «Матеріаловъ для біографіи Ломоносова».

«Въ Ломоносовѣ мы видимъ русскаго человѣка, единственно собственнымъ трудомъ, съ многочисленными лишеніями, по какому-то высшему наитію выбравшагося изъ простаго народа, изъ крестьянскаго быта, въ сферу науки и общественной дѣятельности, одареннаго могущественнымъ дарованіемъ, глубоко и разносторонне развитымъ современною ему европейскою наукою, столь же глубоко проникнутаго сознаніемъ собственнаго достоинства и своего призванія къ насажденію просвѣщенія въ Россіи, горячаго, вспыльчиваго, пожалуй, заносчиваго и властолюбиваго. Обстоятельнѣе и подробнѣе познакомившись съ его служебной академическою дѣятельностію, мы можемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ упрекать его въ нетерпѣливости, запальчивости, придирчивости, но не имѣемъ рѣшительно никакого права заподозривать искренность его широкихъ патріотическихъ стремленій. Если Ломоносовъ самъ часто указываетъ на свои достоинства и заслуги академіи и наукѣ — это ни сколько ни странно, потому что справедливо, и, конечно, Ломоносовъ живѣе, чѣмъ кто-либо, сознавалъ свои достоинства и свои заслуги, особенно въ виду непрерывныхъ попытокъ унизить его и подчинить себѣ. Если есть доля преувеличенія въ его доношеніяхъ о непорядкахъ въ академіи и ихъ виновныхъ, то это преувеличеніе также совершенно понятно и объясняется тѣмъ разгаромъ страстей, среди котораго эти доношенія писаны, и впечатлѣніемъ тѣхъ многочисленныхъ и нерѣдко мелочныхъ оскорбленій, на которыя, разумѣется, не скупились его противники, вымещая свои собственныя оскорбленія. Если же онъ утверждаетъ, что въ основаніи всѣхъ его доношеній искреннее и пламенное желаніе пользы отечеству, процвѣтанію въ немъ наукъ, «чтобы академія изъ сыновъ россійскихъ состояла, чтобы гимназія и университетъ приведены были въ вожделеннее теченіе, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы», то мы не можемъ не вѣрить искренности этихъ увѣреній, потому что они оправдываются всею службою, всею дѣятельностію его, потому что это не одни громкія слова, потому что за этими словами длинный рядъ капитальныхъ трудовъ по разнымъ областямъ знаній, трудовъ, значеніе которыхъ признавали и современники, не отвергнетъ и самое отдаленное потомство. Ломоносовъ чтилъ своихъ меценатовъ и дорожилъ ими, потому что видѣлъ въ нихъ прежде всего защиту и поддержку своихъ плановъ; отношенія его къ нимъ основаны были на взаимномъ уваженіи и даже привязанности; относительно ихъ онъ держалъ себя съ величайшимъ достоинствомъ и независимостью и никогда не доходилъ до униженія и ласкательства. Изданные теперь матеріалы представляютъ не мало новыхъ неопровержимыхъ тому доказательствъ. Оправдываясь однажды передъ Шува-

ловымъ отъ упрека въ ласкательствѣ, замѣченномъ въ какомъ-то письмѣ его къ императрицѣ, онъ говоритъ, что «въ немъ (въ ласкательствѣ) сама природа ему совсѣмъ почти отказала, и ежели гдѣ нѣкоторое подобіе окажется, то, конечно, не его вымыслы, *но только какъ нибудь обстоятельствъ внезапная буря вынуждаетъ*».... Въ 1760 г. онъ пишетъ тому-же Шувалову: «по окончаніи сего (т. е. по утвержденіи привилегіи С.-Петербургскому университету — о чемъ какъ мы видѣли выше, Ломоносовъ такъ страстно хлопоталъ) только хочу искать способа и мѣста, гдѣ бы чѣмъ рѣже, тѣмъ лучше видѣть было персонъ высокородныхъ, которые мнѣ низкою моею природою попрекаютъ, видя меня, какъ бѣльмо на глазу».... Въ 1764 г. домогаясь слѣдствія надъ Таубертомъ, Ломоносовъ пишетъ президенту (академіи наукъ, графу Разумовскому): «Ежели ваше высокографское сіятельство не соблаговолите сей важной моей долговременной жалобы уважить и привести въ дѣйствіе въ скоромъ времени *то принужденъ буду принять законную смѣлость непремѣнно поступить по высокопомянутому Монаршему указу для избавленія* восходящихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ отъ наглаго утѣсненія», т. е. обратиться къ высшимъ властямъ и къ самой императрицѣ. Кто могъ такъ писать, тотъ не могъ ласкательствовать и унижаться; да у Ломоносова было для того слишкомъ много самолюбія и сознанія собственнаго достоинства и значенія»....

«Кто внимательно обсудитъ всѣ обнародованные теперь свѣдѣнія о Ломоносовѣ, вдумается въ эту безпорно великую личность и результаты дѣятельности этой личности на разнообразныхъ поприщахъ его службы въ академіи, тотъ, конечно, не станетъ объяснять эти непрерывные протесты и жалобы одними личностями и безпокойнымъ характеромъ. Быть покойнымъ и молчать — легко, но не въ спокойствіи и молчаніи заключается честь и достоинство общественнаго дѣятеля. Ломоносову тѣмъ проще было оставаться покойнымъ зрителемъ академической неурядицы и молчать, что наука, съ ея необозримыми задачами, могла поглотить собою всю его дѣятельность; какъ глубокій спеціалистъ, онъ, конечно, могъ погрузиться въ страстно любимую имъ науку до полнѣйшаго отрѣшенія отъ окружающей его неурядицы, и въ такомъ случаѣ, можетъ быть, и Шумахеръ съ Таубертомъ были бы внимательнѣе къ его нуждамъ и требованіямъ; а предъ потомствомъ онъ явился бы съ большимъ числомъ ученыхъ трудовъ и открытій, а слѣдовательно и съ большимъ правомъ на уваженіе его ученой репутаціи. Но не таковъ былъ характеръ Ломоносова, *рожденнаго быть горячимъ общественнымъ дѣятелемъ*. Все его прошедшее, казавшееся ему самому чудеснымъ, внушало ему мысль *о призваніи служить дѣлу русскаго просвѣщенія*. Его горячая, страстная натура не дала ему замкнуться въ предѣлахъ однихъ ученыхъ изслѣдованій и непрерывно вызывала его *въ жизнь, въ общественную среду*»... *).

---

*) „О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ". Сочиненіе Н. Лавровскаго. Харьковъ. 1865. стр 11—14 и 261—262.

Ломоносовская школа.

Риторическая, или «классическая», школа, созданная Ломоносовымъ, какъ при его жизни, такъ и послѣ него долго была господствующею въ русской литературѣ. Стихи Ломоносова превозносились до небесъ; ихъ приводили въ примѣръ въ школахъ, наполняли ими риторики и піитики, и всѣ современные поэты и литераторы бросились подражать Ломоносову. Изъ литературныхъ дѣятелей Ломоносовскаго періода ближайшими послѣдователями его, на которыхъ болѣе всего отразилось его вліяніе и которые пользовались у современниковъ болѣе громкою извѣстностію, были:

1. Николай Никитичъ *Поповскій*, (1730 — 1760), — одинъ изъ даровитыхъ учениковъ Ломоносова, — былъ первымъ профессоромъ изъ Русскихъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ читалъ лекціи краснорѣчія и философіи. Какъ преподаватель московскаго университета, Поповскій замѣчателенъ тѣмъ, что въ рѣчи, которою открылъ свой курсъ философіи: «о пользѣ и важности философіи», онъ доказывалъ, что философія въ русскомъ университетѣ должна быть читаема порусски, а не полатыни, какъ ее читали до того времени въ духовныхъ училищахъ; потому что нѣтъ такой философской истины, такой мысли, которую нельзя бы было выразить на русскомъ языкѣ. Поповскій въ этой рѣчи своей сильно нападаетъ вообще на существовавшій въ то время ученый предразсудокъ о томъ, что философія должна употреблять непремѣнно одинъ только латинскій языкъ. Онъ зло смѣется надъ этимъ предразсудкомъ и такъ иронически о немъ выражается: «Кто хочетъ научиться философіи, тотъ долженъ искать стараго Рима, или яснѣе сказать, долженъ пять или больше лѣтъ употребить на изученіе латинскаго языка. Какой тяжелый доступъ! Но напрасно мы думаемъ, будто ей столь много латинскій языкъ понравился. Я чаю, что ей умершихъ и въ прахъ обратившихся уже Римлянъ разговоръ довольно наскучилъ. Она весьма соболѣзнуетъ, что при первомъ свиданіи никто полезнѣйшими совѣтами наслаждаться не можетъ», Далѣе Поповскій говоритъ, что всѣ прочія науки «дѣти» философіи, «съ народами разныхъ языковъ разговариваютъ, а мать, странствовавши чрезъ толикое множество лѣтъ, по толь многимъ странамъ, ни одного языка не научилась!.... Что же касается до Россійскаго языка, въ томъ передъ нами Римляне похвалиться не могутъ. *Нѣтъ такой мысли, кою-бы по-Россійски изъяснить было не возможно*» и проч. *).

Въ этой любви къ отечественному языку Поповскій имѣлъ примѣръ въ своемъ учителѣ, Ломоносовѣ, открывшемъ для послѣдующихъ русскихъ писателей богатство роднаго слова. Ему же слѣдовалъ Поповскій и во взглядѣ своемъ на науку, или точнѣе на философію, которая, по его ученію посредствомъ вѣрнаго познанія природы, приводитъ насъ къ познанію о бытіи Божіи. Какъ литераторъ, Поповскій болѣе извѣстенъ своими переводными трудами.

---

*) „Біографическій словарь Императ. Москов. Универс.“ и проч. М. 1852, ч. II, стр. 308 — 310.

Онъ перевелъ (съ французскаго) извѣстную дидактическую поэму англійскаго поэта Попа: «Опытъ о человѣкѣ». Лестный отзывъ объ этомъ переводѣ Ломоносова доставилъ Поповскому имя въ современной литературѣ. Поэтическаго дарованія Поповскій не имѣлъ, но онъ правильно и ясно передавалъ въ своихъ стихахъ идеи науки. Потому-то онъ и избралъ для своей литературной дѣятельности дидактическій родъ поэзіи, въ которомъ написалъ нѣсколько стихотвореній. Для развитія русской образованности Поповскій считалъ переводы съ иностраннаго настоятельно-необходимымъ дѣломъ и много трудился самъ въ переводахъ на русскій языкъ извѣстныхъ въ Европѣ сочиненій. Онъ перевелъ, между прочимъ, изъ Локка: «о воспитаніи дѣтей». Выборъ предметовъ для перевода и даже самые стихи Поповскаго доказываютъ, что онъ былъ человѣкъ талантливый и хорошо образованный для своего времени. Стихотворные переводы его очень цѣнились и уважались современниками. Новиковъ въ своемъ «Словарѣ о россійскихъ писателяхъ» превозноситъ похвалами его переводъ «Опыта о человѣкѣ», который имѣлъ нѣсколько изданій *). Вообще Поповскій у современниковъ считался искуснымъ стихотворцемъ. Штелинъ говоритъ, что переводъ «Опыта» Попа, сдѣланный Поповскимъ русскими стихами, такъ хорошъ, что княгиня Дашкова (см. ниже) и многіе знатоки признали этотъ переводъ столь же изящнымъ, какъ оригиналъ. Біографъ Поповскаго, упоминая о сочиненномъ послѣднемъ «письмѣ» въ стихахъ къ И. И. Шувалову: *О пользѣ наукъ и о воспитаніи въ оныхъ юношества*, справедливо находитъ, что письмо это написано «съ большимъ одушевленіемъ и сильнымъ русскимъ языкомъ» **).

Поповскій умеръ очень рано — на 30-лѣтнемъ возрастѣ (отъ нетрезвой жизни, какъ увѣряетъ Штелинъ въ указанномъ *дополненіи*) — и сжегъ передъ смертію свои переводы одъ Анакреона и римскаго историка Тита Ливія, будучи ими недоволенъ и опасаясь, чтобы послѣ его смерти они не явились въ печати.

---

2. Михаилъ Матвѣевичъ *Херасковъ*, (1733 — 1807) почти въ теченіе полувѣка пользовался славою русскаго Гомера и Виргилія за двѣ эпическія, или «героическія» поэмы свои: «Россіяду» и «Владиміра». Еще Дмитріевъ,

---

*) См. „Словарь“ Новикова въ новомъ изданіи г. *Ефремова*: „Матеріалы для исторіи русск. литер. и проч. СПб. 1867, и рецензію на нихъ проф. Тихонравова: „Отеч. Зап.“ 1667 г. кн. 10. Кромѣ „Словаря“ Новикова въ изданіи г. Ефремова помѣщенъ переводъ современной статьи: „Извѣстія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ“, появившейся въ одномъ заграничномъ журналѣ и написанной, какъ полагаютъ, Дмитревскимъ, и „записка“ Штелина о русскихъ писателяхъ; а въ рецензіи г. Тихонравова приведено *Дополненіе* того же Штелина къ упомянутому: „Извѣстію“ Дмитревскаго.

**) См. „Біограф. слов. Импер. Моск. Унив.“ ч II, стр. 312, и упомянутое *Дополненіе* Штелина.

одинъ изъ даровитыхъ и умныхъ писателей позднѣйшей эпохи, благоговѣя передъ славою Хераскова, написалъ:

Пускай отъ зависти сердца въ зоилахъ ноютъ;
Хераскову они вреда не нанесутъ:
Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

Но пророчество Дмитріева не сбылось: Херасковъ не вступилъ въ храмъ безсмертія съ своими поэмами, которыхъ давно никто не читаетъ; онѣ сдѣлались достояніемъ одной исторіи литературы, которая указываетъ на нихъ лишь какъ на фактъ безграничнаго господства въ нашей литературѣ XVIII вѣка ложно-классическихъ теорій. Въ смыслѣ этихъ теорій Херасковъ былъ первымъ русскимъ *эпикомъ* и творцомъ русской *эпической* поэзіи, потому что онъ подарилъ отечественной литературѣ двѣ оконченныя героическія поэмы, построенныя на основаніи классической теоріи объ искуственномъ эпосѣ. Было упомянуто выше о двухъ прежнихъ попыткахъ къ героической поэмѣ: о «Петридѣ» Кантемира и объ эпической поэмѣ Ломоносова: «Петръ Великій»; и одно, и другое сочиненіе, какъ извѣстно, остались неоконченными. Ломоносовъ оставилъ намъ только двѣ пѣсни своей «Петріады». Бѣлинскій, упоминая о томъ, что Ломоносовъ описываетъ въ своей героической поэмѣ «Петръ Великій» дворецъ Нептуна на днѣ Бѣлаго моря, дѣлаетъ, какъ намъ кажется, совершенно справедливо слѣдующее замѣчаніе: «Понятно, почему не кончилъ Ломоносовъ своей напыщенной поэмы: у него было отъ природы столько здраваго смысла и ума, что онъ не могъ кончить подобнаго tour de force воображенія, поднятаго на дыбы». (Соч. Бѣл. VIII, 104). Ну, а Херасковъ окончилъ не одну, а двѣ большія эпическія поэмы («Россіяду», 1779 г. въ 12 пѣсенъ и «Владиміръ Возрожденный», 1785 г. въ 18 пѣсенъ), и заслужилъ за то отъ современниковъ своихъ названіе «русскаго Гомера» *).

Впрочемъ уже критика 1815 года (Мерзлякова и П. Строева) указала на крайнюю искуственность, на невѣрное изображеніе эпохи и характеровъ и на антипоэтичность эпическихъ твореній Хераскова, которыя пользовались, между тѣмъ, такимъ уваженіемъ въ кругу современныхъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ, что когда Мерзляковъ, въ обширномъ разборѣ «Россіяды», сдѣлалъ на нее нѣсколько замѣчаній и нашелъ, что она не отвѣчаетъ вполнѣ требованіямъ современной ложно-классической піитики; то противъ него всѣ возстали. Вѣроятно, критику Мерзлякова и Павла Строева имѣлъ въ виду Дмитріевъ, когда писалъ въ приведенномъ нами четверостишіи къ портрету Хераскова о «завистливыхъ зоилахъ». Критика Строева была смѣлѣе и рѣшительнѣе критическихъ разборовъ Мерзлякова **). Онъ доказывалъ, что «Рос-

*) Галаховъ: И. Р. С. т I. стр. 476.

**) П. М. Строевъ, будучи еще студентомъ, въ издаваемомъ имъ журналѣ: „Современный Наблюдатель россійской словесности“ 1815 г. помѣстилъ неблагопріятный разборъ сочиненій Хераскова, и этимъ вооружилъ противъ себя всѣхъ поклонниковъ старой, „риторической“ школы и ея главныхъ авторитетовъ, однимъ изъ которыхъ

сіяда» — фальшивое поэтическое произведеніе и по своему содержанію и по формѣ и что въ ней нѣтъ и десяти стиховъ къ ряду, которые были бы хороши. Во всей поэмѣ онъ находилъ только одинъ стихъ поэтическимъ; въ описаніи зимы, которую чародѣй Нигринъ наводитъ на Казань и которая приходитъ къ намъ, по словамъ Хераскова, изъ «пещеръ кавказскихъ льдистыхъ горъ», гдѣ холодъ такъ великъ, что

Тамъ зримы въ воздухѣ вѣщаемы слова.

Поэмы Хераскова, лишенныя поэтическихъ достоинствъ и — подобно торжественной и хвалебной лирикѣ нашей XVIII вѣка — не имѣющія никакого историческаго значенія, составляютъ тѣмъ не менѣе предметъ историко-литературнаго изслѣдованія, на томъ основаніи, что онѣ долгое время пользовались славою и уваженіемъ въ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ и въ просвѣщенной части русскаго общества того времени: значитъ, онѣ удовлетворяли современнымъ литературнымъ потребностямъ и современному взгляду на изящное.

Сюжетомъ для обѣихъ эпическихъ поэмъ Хераскова послужили важныя событія изъ отечественной исторіи: въ «Россіядѣ» онъ воспѣваетъ покореніе Казани Иваномъ Грознымъ, а предметъ поэмы «Владиміръ» составляетъ крещеніе Руси; но какъ въ той, такъ и въ другой поэмѣ, кромѣ названій и именъ, нѣтъ ничего русскаго. Въ «Россіядѣ» Херасковъ даже съ фактической стороны невѣрно представилъ историческое событіе, послужившее основаніемъ для его поэмы, начинающейся извѣстными стихами:

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть Татаръ и гордость низложенну, и проч.

Русь освободилась отъ Татаръ не при Грозномъ, а гораздо ранѣе, и взятіе Казани — событіе важное само по себѣ въ нашей исторіи — не имѣло никакого значенія въ смыслѣ освобожденія Руси отъ монгольскаго ига, — значенія, которое Херасковъ старался насильственно ему придать, и потому назвалъ свою поэму «Россіядой». Фальшивый взглядъ на историческое событіе, которое воспѣваетъ нашъ эпикъ, совершенное отсутствіе въ немъ поэтическаго дарованія и вкуса и строгое слѣдованіе ложно-классической теоріи искуственнаго эпоса сдѣлали его поэму произведеніемъ фальшивымъ и до крайности тяжелымъ, отъ начала до конца. По взгляду Хераскова на эпическую поэму и по современному ученію о ней, она должна «воспѣвать битвы, рыцарскіе подвиги и чудесное»; и потому «Россіяда» переполнена описаніемъ рыцарскихъ подвиговъ и чудеснаго даже и тамъ, гдѣ ихъ вовсе не существовало. Тутъ есть русскіе и татарскіе витязи, которые говорятъ и дѣйствуютъ, какъ средневѣковые рыцари; а чудесное — сны, чародѣи, волшебники — собрано изъ языческаго, хри-

---

былъ, конечно, и Херасковъ. (См. записки, или: „Взглядъ на мою жизнь“ и проч. Дмитріева стр. 33—34. Замѣтимъ кстати: Дмитріевъ говоритъ здѣсь, что „Херасковъ, писавшій Россіяду девять лѣтъ, награжденъ былъ за трудъ свой отъ императрицы девятью тысячами рублей ходячею монетою“).

стіанскаго и магометанскаго міра. Нашъ эпикъ мало думалъ не только о естественности, но даже о поэтической возможности изображаемыхъ и описываемыхъ имъ лицъ, дѣйствій и событій. Его Іоаннъ, Адашевъ, Курбскій и его казанцы: Эдигеръ, Алей, Гидромиръ и друг. отличаются подвигами какихъ-то небывалыхъ, сверхъестественныхъ героевъ. Въ сущности они не принадлежатъ ни къ какой эпохѣ и ни къ какой народности. Въ нихъ мы находимъ черты героевъ Иліады, Одиссеи, Энеиды, Освобожденнаго Іерусалима Тасса, Божественной комедіи Данта и Генріады Вольтера, изъ *подражаній* которымъ *въ частностяхъ* составлена вся поэма Хераскова. Какъ у Гомера, Виргилія, Данта и Вольтера герои или снисходятъ въ адъ или въ сновидѣніяхъ видятъ своихъ потомковъ, такъ и у Хераскова пустынникъ Вассіанъ возводитъ Ивана Грознаго на гору, въ храмъ добродѣтели, и показываетъ ему его потомковъ — царей и императоровъ; очарованный волхвами казанскій лѣсъ, на вѣтвяхъ котораго

. . . вѣчные лежатъ густые мраки,
Прохожимъ дивные являющи призраки, —

снимокъ съ волшебнаго лѣса, описаннаго въ Освобожденномъ Іерусалимѣ; татарская героиня Сумбека и дворецъ Сумбеки напоминаютъ Армиду и ея волшебныя палаты; есть даже кораблекрушеніе, описанное въ Одиссеѣ и въ Энеидѣ: только здѣсь не море, а Волга «возноситъ къ облакамъ великія ладьи» на своихъ «ревущихъ струяхъ» и низвергаетъ ихъ въ геенну и т. п. Вся поэма состоитъ изъ подобныхъ неестественныхъ изображеній, описаній и характеровъ и написана до крайности напыщеннымъ и тяжелымъ риторическимъ языкомъ.

Другое эпическое твореніе Хераскова, которое онъ назвалъ: «Владиміръ Возрожденный, эпическая поэма», — весьма мало заключаетъ въ себѣ эпическаго, или повѣствовательнаго элемента; это скорѣе дидактическое сочиненіе, въ религіозно-мистическомъ родѣ, цѣль котораго — какъ объясняетъ самъ авторъ — изобразить «возрожденіе души, достигшей, послѣ многихъ искушеній, мірскихъ соблазновъ и сомнѣній, христіанскаго просвѣщенія». Эпическая же часть поэмы, т. е. разсказъ о томъ, какъ, послѣ явленія надъ Кіевомъ животворящаго креста и вопреки противодѣйствіямъ духа тьмы, волхва Зломира, побѣждаемаго апостоломъ Андреемъ, Владиміръ и вся Русь озаряются христіанствомъ, — страдаетъ тѣми же преувеличеніями и гиперболизмомъ и такъ же напыщенъ и невѣренъ дѣйствительности, какъ и эпическій разсказъ въ «Россіядѣ».

Херасковъ былъ чрезвычайно плодовитый писатель. «Творенія» его, въ 12 томахъ, издан. 1807 — 1812 г. не заключаютъ въ себѣ еще всѣхъ, написанныхъ Херасковымъ въ теченіе длиннаго періода его писательской дѣятельности произведеній, во всѣхъ литературныхъ родахъ. Многія изъ его стихотвореній издавались отдѣльно, помѣщались въ журналахъ и не вошли въ собраніе его сочиненій. Онъ сочинялъ торжественныя и хвалебныя оды, нравственныя басни, и проч. писалъ романы и повѣсти, трагедіи, комедіи, слезныя драмы и даже оперы.

Херасковъ написалъ нѣсколько стихотворныхъ и прозаическихъ романовъ и повѣстей, подражая въ нихъ повѣстямъ Флоріана и Фенелона, какъ-то: «Кадмъ и Гармонія», «Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи«, «Пилигримы, или искатели счастія», «Бахаріана, или неизвѣстный» и друг. Изъ нихъ повѣсть «Полидоръ», написанная въ 1794 году, любопытна потому, что Херасковъ дѣлаетъ въ ней намеки на французскую революцію, описывая въ мрачныхъ краскахъ какой-то народъ, зараженный вольнодумствомъ и стремящійся къ необузданной свободѣ и равенству. Осужденіе французской революціи высказано прямо и въ другой, стихотворной повѣсти его: «Царь, или спасенный Новгородъ» (написана въ 1800 году). Здѣсь Рюрикъ усмиряетъ буйныхъ Новгородцевъ, произведшихъ у себя анархію и обуреваемыхъ «бѣшенствомъ мнимой свободы и безумнымъ алканіемъ равенства». Въ повѣсти: «Нума, или процвѣтающій Римъ», появившейся въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II, при изображеніи благодѣтельнаго управленія римскаго царя Нумы Помпилія, Херасковъ хочетъ изобразить правленіе императрицы Екатерины. Кромѣ этихъ повѣстей, онъ написалъ еще нѣсколько дидактическихъ поэмъ, въ мистическомъ духѣ, какъ напр. «Вселенная», гдѣ подражалъ Мильтону и Клопштоку. Изъ *восьми* трагедій (въ стихахъ), написанныхъ Херасковымъ, нѣкоторыя были въ свое время въ большомъ ходу и давались очень часто на сценѣ, какъ напримѣръ: *Венеціянская монахиня* (написана 1758 г., но играна первый разъ въ Москвѣ въ 1780 г.) и въ особенности патріотическая трагедія: *Освобожденная Москва.* Разыгранная въ 1798 г. въ Москвѣ знаменитыми тогдашними актерами: Шушеринымъ, Плавильщиковымъ, Померанцовымъ, трагедія эта произвела сильное впечатлѣніе на московскую публику и потомъ часто повторялась на сценѣ, всегда возбуждая патріотическія чувства въ зрителяхъ — тѣми громкими стихами, которые произносятъ выведенные здѣсь первый разъ на сцену: Мининъ, Пожарскій, Трубецкой; какъ напримѣръ:

За вѣру да за тронъ безстрашно всѣ помремъ!

Россія въ крайности — идемъ ее спасать! и друг.

Изъ «слезныхъ» драмъ Хераскова вызывала большія рукоплесканія у зрителей драма: *Гонимые* (играна въ Москвѣ 1775 г. съ участіемъ Синявеной, Шушерина и Померанцова).

(О литературныхъ качествахъ всѣхъ этихъ драматическихъ произведеній Хераскова мы говоримъ ниже, при общемъ очеркѣ нашей драматической литературы XVIII столѣтія).

Скажемъ въ заключеніе, что не признавая за произведеніями Хераскова того первокласснаго значенія, которое придавалось имъ современниками, исторія русской литературы и русскаго просвѣщенія будетъ тѣмъ не менѣе относиться всегда съ уваженіемъ къ памяти Хераскова именно за его страсть къ литературѣ и за любовь къ просвѣщенію. Онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ

людей своего времени, и состоя долго кураторомъ (съ 1778 года) московскаго университета, принесъ дѣйствительную пользу этому заведенію, учредивъ при немъ учительскую семинарію, по мысли профессора Шварца, и благородный пансіонъ и благопріятствуя *Новикову* въ его трудахъ на пользу отечественнаго просвѣщенія *). Херасковъ оказывалъ покровительство молодымъ ученымъ и писателямъ, пользовался вообще уваженіемъ и имѣлъ большой авторитетъ въ средѣ современныхъ литераторовъ не только какъ писатель-вельможа, но и какъ человѣкъ.

---

3. Василій Петровичъ *Петровъ*, (1736 — 1799) послѣ Ломоносова былъ представителемъ торжественной лирики, и своими торжественными и хвалебными одами сдѣлался извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ. Петровъ былъ воспитанникъ московской духовной академіи и по окончаніи курса занимался въ ней преподаваніемъ риторики, піитики и греческаго языка. По рекомендаціи князя Потемкина, Петровъ получилъ мѣсто кабинетнаго переводчика и чтеца при государынѣ. Потомъ, по ея желанію, былъ отправленъ въ Англію для дальнѣйшаго образованія. Проживъ въ Англіи нѣсколько лѣтъ и выучившись англійскому языку, Петровъ подчинился вліянію англійской образованности и въ одномъ изъ своихъ стихотворныхъ посланій даже писалъ, что онъ желаетъ, чтобы «лучъ британскихъ умовъ озарилъ русскую грудь». Но вліяніе это не обнаруживается, однако, въ собственныхъ сочиненіяхъ Петрова. Въ своихъ одахъ онъ является не болѣе, какъ подражателемъ Ломоносова, съ тою разницею, что онъ не обладалъ ни его талантомъ, ни его знаніемъ языка, ни его искуствомъ въ версификаціи; и потому оды Петрова отличаются — по внѣшней формѣ — крайне грубыми и плохими стихами и тяжелымъ семинарскимъ языкомъ, а по своему характеру — холоднымъ риторизмомъ и напыщенною высокопарностію. Ода: «На побѣду россійскаго флота надъ турецкимъ, при Чесмѣ», доставившая Петрову громкую славу у современниковъ, принадлежитъ, быть можетъ, къ самымъ напыщеннымъ и самымъ неуклюжимъ по языку произведеніямъ во всей торжественной лирикѣ нашей XVIII вѣка. Кромѣ одъ, Петровъ писалъ сатиры, посланія и мелкія стихотворенія. Сатиры его доказываютъ, что онъ не былъ лишенъ сатирическаго таланта и остроумія, хотя языкъ ихъ тоже, большею частію, очень грубъ и тривіяленъ. Лучшая изъ его сатиръ: «Къ . . . ., изъ Лондона» осмѣиваетъ современную страсть къ писанію стиховъ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько остроумныхъ стиховъ и мѣткихъ выраженій, въ родѣ, напримѣръ, стиховъ: «Горацій онъ въ *Морской* и Пиндаръ въ *Милліонной*», и друг. Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ этой сатиры, онъ вѣрно опредѣлилъ характеръ собственной лиры, сказавъ, что друзья и знакомые его, которымъ онъ читалъ свои стихи, его «зывали *громомъ*».

Петровъ былъ серьезно образованный человѣкъ; современники называли его поэтомъ мысли; онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и извѣстенъ

---

*) О дѣятельности Новикова см. ниже.

еще своими переводами: «Энеиды», Виргилія и «Потеряннаго рая» Мильтона. Оба перевода сдѣланы съ подлинниковъ, и первый изъ нихъ стихами, а другой прозой.

Державинъ и его торжественная лирика.

Неподвижность русской литературы въ періодъ отъ Ломоносова до Державина. Общая характеристика екатерининскаго вѣка по отношенію къ литературѣ и образованности. — Когда умеръ Ломоносовъ, Державину было около 22 лѣтъ; онъ окончилъ свое школьное ученіе, былъ независимый молодой человѣкъ, служилъ въ военной службѣ и уже нѣсколько лѣтъ пописывалъ стихи, находясь подъ вліяніемъ одъ Ломоносова и сочиненій Сумарокова, чтеніе которыхъ любилъ съ ранняго дѣтства.

Русская Литература, въ періодъ отъ Ломоносова до Державина, сохраняла все тотъ же риторическій, школьный характеръ, какъ относительно внѣшней формы литературныхъ произведеній, такъ и относительно ихъ внутренняго содержанія, или богатства разработываемыхъ идей. Наука, о насажденіи которой заботилось государство, а не само общество, сохраняла характеръ государственный, оффиціальный; а потому и въ литературѣ, которая есть спутница науки, или лучше сказать, — просвѣщенія, оставалось все тоже высокопарное и пѣснопѣвческое направленіе, и она не сдѣлала большаго развитія ни относительно сближенія съ жизнію, съ дѣйствительностію, ни относительно своего вліянія на общество. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи и самъ Державинъ, не смотря на природное дарованіе къ поэзіи и на свой оригинальный поэтическій талантъ, не внесъ ничего новаго, ничего жизненнаго въ русскую литературу. Обогативъ ее нѣсколькими замѣчательными поэтическими произведеніями, онъ не имѣлъ никакого вліянія на ея дальнѣйшее развитіе и совершенство и прошелъ въ ней, можно сказать, безслѣдно.

Вторая половина XVIII столѣтія, по тѣмъ принципамъ и началамъ, которые со вступленіемъ на русскій престолъ умной и просвѣщенной правительницы, — императрицы Екатерины II, — стали выражаться и въ дѣятельности правительства, и въ литературѣ, составляетъ, нѣтъ сомнѣнія, замѣтный шагъ впередъ въ исторіи развитія русскаго просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе вѣкъ Екатерины, — выразителемъ котораго въ извѣстномъ отношеніи могутъ служить поэтическія произведенія Державина, — вѣкъ шумный и замѣчательный, полный внѣшняго блеска и величія, относительно существенныхъ сторонъ внутренняго развитія и образованности русскаго общества, относительно стремленій и понятій самого общества о просвѣщеніи, относительно взглядовъ на европейскую цивилизацію, на литературу и науку, — какъ мы замѣтили, — не ушелъ слишкомъ далеко отъ предыдущаго послѣпетровскаго періода. Не смотря на то, что императрица покровительствовала писателямъ и литературѣ, не смотря на то, что она сама занималась русской литературой, принимала участіе въ издававшихся журналахъ личными

литературными трудами, писала русскія комедіи и сатиры и т. п., — не смотря на все это, — въ современномъ русскомъ обществѣ были еще слишкомъ слабо развиты истинныя понятія и взгляды о достоинствѣ и значеніи литературы и науки. Литература не составляла еще общественной потребности; она была роскошью для небольшаго избраннаго кружка и поддерживалась меценатствомъ, т. е. покровительствомъ знатныхъ и могущественныхъ людей. Господствующими родами словесныхъ произведеній въ этой литературѣ были ода и сатира; первая сохраняла свой придворный, пѣснопѣвческій характеръ и то высокопарное направленіе, которое ей сообщилъ Ломоносовъ; а вторая, за немногими исключеніями, отличалась высокомѣрною моралью, и большею частію, имѣла видъ нравственныхъ поученій и дидактити; въ иныхъ же случаяхъ сатира второй половины XVIII вѣка была не болѣе, какъ прославленіемъ настоящаго порядка вещей и порицаніемъ старины, подобно сатирѣ Кантемира, — какъ мы это увидимъ ниже.

Біографія Державина. — Гавріилъ Романовичъ Державинъ (1743—1816) Державинъ родился въ Казани, въ небогатой и незнатной дворянской семьѣ *).

Средства для образованія, представлявшіяся Державину въ дѣтствѣ, были весьма скудны. Дома онъ выучился русской грамотѣ, а съ переѣздомъ его отца на службу въ Оренбургъ былъ отданъ въ школу какого-то ссыльнаго нѣмца, Розе, у котораго выучился нѣсколько нѣмецкому языку. Послѣ смерти отца, мать Державина переѣхала съ дѣтьми въ Казань; съ открытіемъ, въ 1758 году, казанской гимназіи, Державинъ поступилъ въ нее вмѣстѣ съ братомъ и оставался въ гимназіи около четырехъ лѣтъ. Здѣсь онъ стоялъ на ряду посредственныхъ учениковъ, и директоръ гимназіи, Веревкинъ, хотя и любилъ Державина, но часто журилъ его и называлъ *тупицею*. Сущность тогдашняго гимназическаго воспитанія, по словамъ Державина, заключалась въ томъ, чтобы научить воспитанниковъ «читать, писать и говорить сколько нибудь по грамматикѣ и быть обходительнымъ». Веревкинъ, при исполненіи данныхъ ему отъ начальства порученій — снять планъ г. Чебоксары и описать развалины древняго Болгара, — бралъ съ собою нѣкоторыхъ учениковъ гимназіи, между ними и Державина, для черченія плановъ. Уѣзжая потомъ въ Петербургъ, онъ забралъ съ собою черченія и планы учениковъ и представилъ ихъ И. И. Шувалову, куратору московскаго университета, въ вѣдѣніи котораго находилась казанская гимназія. Возвратившись въ Казань, Веревкинъ объявилъ молодому Державину, что по ходатайству его у Шувалова, онъ записанъ кондукторомъ въ инженерную службу, — чего желалъ и самъ Державинъ. Но вскорѣ его потребовали изъ гимназіи въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ на службу, куда, вмѣсто службы инженерной, записалъ его Шуваловъ солда-

*) Родъ Державиныхъ происходилъ отъ какого-то „Багрима-мурзы", вышедшаго въ Россію изъ Орды при Василіи Темномъ. О чемъ нашъ поэтъ не разъ упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ, называя себя „мурзою" и „потомкомъ Багрима".

томъ, по тогдашнимъ порядкамъ. Державинъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, и 28 мая 1762 г., въ ночь вступленія императрицы Екатерины II на престолъ, онъ уже, въ мундирѣ преображенскаго солдата, вмѣстѣ съ полкомъ, къ которому принадлежалъ, находился во дворцѣ *).

Такимъ образомъ, воспитаніе, которое пришлось получить Державину и дома, и въ школѣ, было очень ограничено, о чемъ онъ сознается и самъ въ своихъ «Запискахъ». Казарменная жизнь не могла, конечно, способствовать къ пополненію плохаго образованія Державина. Онъ говоритъ, однако, что занимался въ это время чтеніемъ книгъ по ночамъ и писалъ стихи — «единственно для себя.... Правила поэзіи почерпалъ я изъ сочиненій Тредьяковскаго, — прибавляетъ Державинъ,—а въ выраженіяхъ и словахъ подражалъ Ломоносову». Будучи произведенъ въ офицеры въ 1772 году и имѣя болѣе свободнаго времени, онъ занялся нѣмецкимъ языкомъ, съ котораго сталъ переводить, подражая посредственнымъ нѣмецкимъ поэтамъ: Галлеру, Клейсту, Гагедорну и даже Клопштоку. Въ это же время онъ познакомился съ нѣкоторыми писателями того времени: Херасковымъ, Хемницеромъ и директоромъ академіи, Домашневымъ; но самъ не былъ еще извѣстенъ какъ литераторъ, и уничтожилъ большую часть своихъ сочиненій, показывая только нѣкоторыя изъ нихъ близкимъ друзьямъ своимъ.

Въ 1773 году Державинъ, по собственному желанію, прикомандированъ былъ къ Александру Ильичу Бибикову, назначенному для усмиренія пугачевскаго бунта, — и оставилъ Петербургъ.

Возвратившись изъ похода, Державинъ искалъ за свою военную дѣятельность во время пугачевскаго бунта чина полковника и награжденія деревнями, и обращался съ просьбами о томъ къ разнымъ вельможамъ, между прочимъ и къ Потемкину. Но, по наговору своихъ недоброжелателей, — какъ онъ полагаетъ, — вмѣсто просимаго чина полковника онъ былъ перечисленъ въ статскую службу съ пожалованіемъ въ коллежскіе совѣтники и съ награжденіемъ тремя стами душъ въ Бѣлоруссіи

Перемѣнивъ, такимъ образомъ, противъ желанія поприще военное на гражданское, Державинъ сталъ искать мѣста. Бывая въ домѣ генералъ-прокурора сената, кн. Вяземскаго, и успѣвъ ему понравиться, онъ получилъ черезъ него должность экзекутора 1-го департамента въ сенатѣ, гдѣ его уважали сами сенаторы, потому что — по его словамъ — онъ часто бывалъ у кн. Вяземскаго, съ которымъ, «по вечерамъ, для забавы, игралъ въ карты, а иногда читалъ книги, большею частію романы, за которыми нерѣдко и чтецъ, и слушатель дремали. Для княгини писалъ стихи похвальные въ честь ея супруга», и проч.

Вскорѣ Державинъ, найдя, что его состояніе даетъ ему возможность «жить порядочнымъ домомъ», задумалъ жениться и вступилъ въ бракъ съ Бастидоновой, женщиной образованной, которая любила его стихи и которую онъ называлъ въ своихъ стихотвореніяхъ «Плѣнирою». (Во второй бракъ

---

*) „Записки Г. Р. Державина". М. 1860, стр. 21.

Державинъ вступилъ въ 1795 году, спустя годъ послѣ смерти первой жены, съ Дьяковой, которую воспѣвалъ въ своихъ стихахъ подъ именемъ «Милены»).

Находясь при Бибиковѣ, Державинъ не оставлялъ занятія стихотворствомъ, и какъ видно, въ этотъ періодъ своей жизни писалъ болѣе прежняго; но почти ничего не печаталъ. Только въ 1774 г., въ первый разъ напечаталъ онъ отдѣльную книжку своихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: «Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ» *), безъ означенія, однако, имени автора. «Читалагайскихъ» одъ Державина восемь; изъ нихъ первые четыре переведены прозой изъ сочиненій Фридриха Великаго; а четыре остальныя: «на великость», «на знатность» (передѣланная впослѣдствіи въ знаменитую оду «Вельможа»), «на смерть генерала Бибикова» и «на рожденіе Екатерины II», — принадлежатъ ему. Читалагайскія оды, отличаясь весьма плохимъ литературнымъ языкомъ и совершеннымъ отсутствіемъ поэтическаго содержанія, въ свое время прошли незамѣченными, не доставивъ нашему поэту литературной извѣстности. Самъ Державинъ сознавался, что эти оды «писаны весьма нечистымъ и неяснымъ слогомъ». Недостатки и промахи Читалагайскихъ одъ, говоритъ академикъ Гротъ, объясняются неблагопріятными для образованія условіями юности Державина; они выставляютъ еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ, по мнѣнію г. Грота, силу и смѣлость, съ какими онъ является послѣ, восторжествовавъ надъ всѣми препятствіями **).

До 1782 года Державинъ помѣщалъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотворевъ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ», который издавался Брайко. Въ это время были уже напечатаны тамъ извѣстнѣйшія изъ его одъ: «На смерть князя Мещерскаго» и «На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока». Но имя Державина все еще не было извѣстно въ литературѣ. Наконецъ, въ 1782 г. напечатана была въ «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова» ***) знаменитая его ода «Фелица», случайно сдѣлавшаяся извѣстною императрицѣ и быстро доставившая Державину шумную извѣстность и въ обществѣ, и въ литературѣ. Съ этой оды слава Державина, какъ поэта, распространилась по всей читающей Россіи и положеніе его въ свѣтѣ были упрочено. Онъ лично сталъ извѣстенъ императрицѣ, которая пришла въ восторгъ отъ оды Державина и по-

---

*) Гора Читалагай, по объясненію самаго Державина, находилась въ саратовской губерніи, въ колоніи Шафгаузенъ. См. „Сочиненіе Державина съ объяснит. примѣч. Я. Грота. Изданіе Императ. академіи. наукъ Т. III, стр. 171 и др.

**) Ibid. 273.

***) Повременное изданіе, выходившее при „Россійской академіи", подъ редакціей княгини Катерины Романовны Дашковой, которая, по желанію императрицы, долгое время занимала должность директора с.-петербургской академіи наукъ. Написавъ „Фелицу", Державинъ скрывалъ ее отъ публики, потому что въ ней были намеки на Потемкина, Орлова, Вяземскаго и другихъ важныхъ вельможъ. Дашковой какъ-то попался списокъ „Фелицы", и она его напечатала въ „Собесѣдникѣ", безъ вѣдома автора, а потомъ уже поднесла оду государынѣ.—См. тамъ-же извѣстное „Объясненіе" самаго Державина къ его стихотвореніямъ, стр. 600 — 602.

желала видѣть поэта, видѣть того, «кто бы могъ — по ея словамъ — такъ хорошо ее знать». Державинъ былъ представленъ ко двору и награжденъ богатымъ подаркомъ (золотою табакеркою съ изображеніемъ императрицы и 500 червонцевъ).

Вслѣдствіе непріятностей съ кн. Вяземскимъ, Державинъ долженъ былъ выйти въ отставку; но тутъ онъ снова поступилъ на службу и, по желанію самой императрицы, сдѣланъ былъ олонецкимъ губернаторомъ, а черезъ годъ былъ перемѣщенъ на мѣсто тамбовскаго губернатора. Природная горячность, выходившая нерѣдко у Державина изъ границъ благоразумія, не разъ вовлекала его въ непріятности, и онъ вездѣ наживалъ себѣ враговъ по службѣ, Въ Петрозаводскѣ онъ враждовалъ съ генералъ-губернаторомъ Тутолминымъ; а въ Тамбовѣ непріязнь къ нему генералъ-губернатора, графа Гудовича была причиною, что онъ не только лишился мѣста, но попалъ подъ слѣдствіе и долго находился подъ судомъ. Но Екатерина на поданную ей жалобу Державина о томъ, что его подвергли суду несправедливо, объявила ему свое благоволеніе и сказала, черезъ статсъ-секретаря Храповицкаго, что она не можетъ обвинить «автора Фелицы». Сенатъ оправдалъ Державина. Онъ, однако, долго оставался безъ мѣста. Наконецъ, въ 1791 г. императрица, черезъ графа Платона Зубова, опредѣлила его къ себѣ для принятія прошеній и сдѣлала своимъ статсъ-секретаремъ. Потомъ онъ былъ перемѣщенъ въ сенаторы и занималъ высшія должности въ государствѣ еще при императорахъ Павлѣ и Александрѣ.

Время отъ обнародованія Фелицы и до послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины II можно считать лучшею порою поэтической дѣятельности Державина. Въ эту эпоху онъ написалъ всѣ свои лучшія оды: *Видѣніе мурзы*, *Оду на счастіе*, *Водопадъ* и друг. Но съ тѣхъ поръ, какъ его сдѣлали статсъ-секретаремъ, служебное поприще, исканіе почестей, желаніе дышать придворной атмосферой и оставаться посреди знати — постоянно отвлекаютъ Державина отъ занятій поэзіи. Поэтическій талантъ его слабѣетъ къ старости: въ послѣдніе годы царствованія Екатерины и при императорахъ: Павлѣ и Александрѣ онъ уже почти ничего не пишетъ; время отъ времени откликнется лишь хвалебною, риторическою одою, по поводу какого либо торжественнаго событія, да, въ родѣ забавы, занимается сочиненіемъ «анакреонтическихъ» стиховъ и пишетъ весьма неуклюжія драматическія пьесы, — нимало не свойственныя роду его таланта. Императоръ Павелъ назначилъ Державина правителемъ канцеляріи государственнаго совѣта; но скоро смѣнилъ, потомъ сдѣлалъ президентомъ коммерцъ-коллегіи и наконецъ государственнымъ казначеемъ. А во время Александра, при образованіи министерствъ (1802), онъ назначенъ былъ министромъ юстиціи; но черезъ тринадцать мѣсяцевъ вышелъ въ отставку, съ большой пенсіей, и жилъ, какъ частный человѣкъ то въ Петербургѣ, то въ своемъ помѣстьѣ, *Званкѣ* (на берегу Волхова новгород. губерніи), гдѣ и умеръ, въ Іюлѣ 1816 года, на 73 году отъ рожденія.

Общая характеристика поэзіи Державина. — Разборъ сочиненій Дер-

жавина, въ связи съ обстоятельствами ихъ появленія, можетъ уяснить намъ всего ощутительнѣе сдѣланную нами выше характеристику екатерининскаго вѣка.

Въ первые годы своей поэтической дѣятельности Державинъ шелъ безусловно по слѣдамъ Ломоносова, избравъ его своимъ образцомъ и учителемъ въ поэзіи. Но онъ потомъ нашелъ стѣснительными для своего поэтическаго таланта узкія формы «классической» ломоносовской оды. Говоря о первыхъ стихотворныхъ опытахъ своихъ, самъ Державинъ выражается такъ: «Всѣхъ сихъ произведеній авторъ самъ не одобрялъ... Онъ хотѣлъ подражать Ломоносову, но чувствовалъ, что талантъ его не былъ внушаемъ одинаковымъ геніемъ: онъ хотѣлъ *парить*, но не могъ постоянно выдерживать *красивымъ наборомъ словъ свойственнаго россійскому Пиндару велелѣпія и пышности*; а для того въ 1779 году избралъ онъ *совершенно иной путь*, будучи предводимъ наставленіями Баттё и совѣтами друзей своихъ: Н. А. Львова, В. В. Капниста и И. И. Хемницера». Уже «наставленія Баттё» *) и слова Державина о «пареніи», о «красивомъ наборѣ словъ», о «велелѣпіи и пышности» свидѣтельствуютъ ясно, что онъ былъ недоволенъ собственно внѣшней формой, а не внутреннимъ содержаніемъ, не духомъ и направленіемъ своихъ стиховъ. Содержаніе стихотвореній Державина составляютъ: Богъ, Фелица (Екатерина II) и ея дѣла, бранныя побѣды и славные герои екатерининскихъ временъ; направленіе этихъ стихотвореній — торжественное, высокопарное. А тотъ *особый путь*, о которомъ говоритъ здѣсь Державинъ и который проявился въ одѣ «Фелица» и въ сродныхъ съ нею стихотвореніяхъ, — гдѣ величественный тонъ торжественной или хвалебной лирики перемѣшанъ съ тономъ шутливымъ или съ сатирой, — хотя дѣйствительно заключаетъ въ собѣ много оригинальной простоты и естественности; но тѣмъ не менѣе даже и эти самобытныя произведенія музы Державина, богатыя многими поэтическими частностями высокаго достоинства, переполнены риторики и гиперболическихъ возгласовъ, и по своему духу и направленію вполнѣ принадлежатъ къ придворной, пѣснопѣвческой литературѣ.

Оды Державина; дѣленіе ихъ по ихъ содержанію на три разряда; разборъ каждаго изъ нихъ. Оды нравственнаго и духовнаго содержанія. — Литературная критика справедливо дѣлитъ оды Державина, по ихъ содержанію, на три разряда: на оды нравственнаго и духовнаго содержанія, или на оды «нравственно-философическія» и «духовныя», на оды «торжественныя и хвалебныя», воспѣвающія бранные подвиги и знаменитыхъ героевъ отечества, и наконецъ на оды «съ сатирическимъ направленіемъ», каковы всѣ оды и стихотворенія, обращенныя къ Фелицѣ (Екатеринѣ II), оды: «На счастіе», «Вельможа» и нѣсколько другихъ.

Къ нравственнымъ или философскимъ одамъ принадлежитъ: «Гимнъ Богу»,

---

*) Баттё († 1780) авторъ нѣсколькихъ сочиненій по теоріи литературы, к. н. „Cours de belles-lettres“, „Principes de litérature“, и проч., въ которыхъ съ большою сухостію и схоластицизмомъ изложены ложноклассическія литературныя теоріи и правила.

«Гимнъ Солнцу», «Истина», «Добродѣтель», «Слава», «Безсмертіе души», «Христосъ», «Человѣкъ», прославленная ода «Богъ», и множество другихъ. Большую часть изъ этихъ одъ, въ строгомъ смыслѣ, даже нельзя назвать произведеніями поэтическаго творчества. Это скорѣе нравственно-религіозныя, или философическія разсужденія въ стихахъ, написанныя на заданную тему, нежели произведенія лирической поэзіи, внушенныя истиннымъ вдохновеніемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ непомѣрно длинны, и потому тяжелы и утомительны при чтеніи. Но и въ нихъ, какъ почти во всѣхъ одахъ Державина, посреди холодныхъ, сухихъ разсужденій и общихъ мѣстъ, выраженныхъ плохими стихами, нерѣдко встрѣчаются искры истинной поэзіи, поэтическая мысль или энергическая сила выраженія. Такъ напримѣръ, въ одѣ: «Безсмертіе души», начинающейся этими извѣстными стихами:

«Умолкни чернь непросвѣщенна, —
Слѣпые свѣта мудрецы!

(и занимающей въ академическомъ изданіи г. Грота почти 11 страницъ т. II, 1—11), встрѣчаются слѣдующіе замѣчательные стихи:

«Сей духъ въ пророкахъ возвѣщаетъ,
Паритъ въ піитахъ въ высоту,
Въ витіяхъ сонмы убѣждаетъ,
Съ народовъ гонитъ слѣпоту;

Сей духъ и въ узахъ не боится
Тиранамъ правду говорить:
Чего безсмертному страшиться?
Онъ будетъ и за гробомъ жить».

Ни одна изъ нравственныхъ, или духовныхъ одъ Державина не можетъ выдержать, въ цѣломъ, ни философской, ни эстетической критики, хотя въ каждой найдутся замѣчательныя мѣста и частности — въ томъ и въ другомъ отношеніи. Въ огромной и особенно нескладной одѣ: «Цѣленіе Саула», отличающейся тяжелыми и плохими стихами, встрѣчается, напримѣръ, эта замѣчательная картина первобытнаго хаоса:

«На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Божій духъ
Искони, до вѣковъ въ тихой тмѣ возносился,
Какъ орелъ надъ яйцомъ, надъ зародышемъ вкругъ
Тварей всѣхъ теплотой, какъ крылами гнѣздился.
Огнь, земля и вода и весь воздухъ въ борьбѣ
Межъ собой внутрь и внѣ безпрестано сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они всѣмъ являли въ себѣ,
Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ прорывались» *) и пр.

*) Соч. Державина (Грота) т. III, 16.

Къ одамъ нравственнаго и духовнаго содержанія причисляютъ обыкновенно и переложеніе псалмовъ Державина; но холодность, отсутствіе сильнаго чувства, которое вдохновляло царя-поэта, и плохіе стихи въ большей части изъ этихъ пьесъ ставятъ ихъ часто ниже ломоносовскихъ переложеній псалмовъ. Одно только прекрасное во всѣхъ отношеніяхъ переложеніе 81 псалма: «Властителямъ и Судіямъ», отличается энергіею чувства и особенною силою и красотою стиха.

Между одами Державина, въ основу которыхъ положена какая-либо нравственная или философская мысль, нѣкоторыя ярко рисуютъ сибаритскую жизнь и нравы извѣстной части современнаго русскаго общества, именно — жизнь и нравы вельможъ временъ Екатерины.

Ярче всего выступаетъ описаніе этой жизни въ одахъ: «На смерть Мещерскаго», «Приглашеніе къ обѣду», «Къ первому сосѣду» и друг. Эпикурейскій взглядъ на жизнь, чувство наслажденія жизненными благами и грустная, тяжелая дума о непродолжительности и непрочности земнаго счастія — составляютъ содержаніе и основную идею этихъ стихотвореній. — Къ послѣднему разряду стихотвореній Державина, воспѣвающихъ эпикурейство и пріятности жизни, можно отнести также и его «анакреонтическія пѣсни». Анакреонъ, пѣвецъ веселья и земныхъ наслажденій, вдохновлялъ Державина подъ старость, когда уже сошелъ со сцены шумный и блестящій вѣкъ Екатерины, съ его героями и вождями, которыхъ онъ воспѣвалъ въ пору силы и молодости своего таланта. Между «анакреонтическими» стихотвореніями Державина встрѣчаются, впрочемъ, не одни подражанія Анакреону: тутъ есть переводы и подражанія Сафо, Горацію, Петраркѣ и другимъ иностраннымъ поэтамъ (извѣстнымъ Державину изъ русскихъ и нѣмецкихъ переводовъ) и его собственныя стихотворенія, не принадлежащія къ торжественной лирикѣ. Здѣсь помѣщены такія піесы, какъ «Русскія дѣвушки», «Мельникъ» и друг. Въ предисловіи къ изданію своихъ анакреонтическихъ стихотвореній, Державинъ называетъ ихъ «издѣвочными сочиненіями» и объясняетъ, что онъ рѣшился издать ихъ въ свѣтъ потому только, что онъ теперь «свободенъ отъ должности», т. е. отъ государственной службы.

Оды торжественныя. — «Торжественныя» оды Державина считались въ свое время великими поэтическими произведеніями и долго приводились въ риторикахъ и въ піитикахъ, какъ образцы высокой поэзіи. Громъ пушекъ, бранныя побѣды, знаменитыя воинскія личности и герои екатерининскихъ временъ — Потемкинъ, Суворовъ, Румянцовъ — вотъ что настраивало лиру Державина на торжественный тонъ и что составляетъ главное содержаніе его торжественныхъ и хвалебныхъ одъ, къ которымъ принадлежатъ оды: «На взятіе Измаила», «На взятіе Варшавы», «На переходъ альпійскихъ горъ» и множество другихъ. Въ этихъ одахъ менѣе чѣмъ гдѣ-либо Державинъ является истиннымъ поэтомъ; онѣ лишены естественности и оригинальности и не отличаютъ Державина отъ прочихъ одописцевъ и громозвучныхъ пѣвцовъ риторической школы: трескотня, шумиха словъ, риторическіе возгласы и гиперболизмъ—вотъ ихъ характеристика; онѣ плодъ натянутаго риторическаго восторга, а не поэтитескаго вдохновенія,

и изъ нихъ мы не узнаемъ ни вѣка Екатерины, ни ея знаменитыхъ сподвижниковъ; въ нихъ нѣтъ ни поэтической, ни исторической правды, — хотя также встрѣчаются нѣкоторыя замѣчательныя описанія, картины и другія поэтическія частности.

Болѣе вѣрныя и удачныя изображенія современныхъ личностей и героевъ чаще встрѣчаются въ другихъ стихотвореніяхъ Державина, нежели въ его торжественныхъ, патріотическихъ одахъ, написанныхъ по поводу побѣдъ русскаго оружія. Таковы напримѣръ: блестящее изображеніе Потемкина въ одѣ «Водопадъ», которая признается одною изъ лучшихъ одъ Державина; но и въ ней излишняя величина, высокопарность и риторическая ложь заглушаютъ нерѣдко поэтическія мысли и истину чувства. Или же въ пьесѣ: «Снигирь», написанной по случаю смерти Суворова, слѣдующее — хотя внѣшнее, но мѣткое изображеніе этого полководца:

Кто теперь вождь нашъ? кто богатырь?
Сильный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?
Сѣверны громы въ гробѣ лежатъ.

Кто передъ ратью будетъ, пылая,
Ѣздить на клячѣ, ѣсть сухари;
Въ стужѣ и въ зноѣ мечъ закаляя,
Спать на соломѣ, бдѣть до зари *), и проч.

Оды сатирическаго направленія. — Въ одахъ «сатирическаго направленія», изъ которыхъ большая часть посвящена «Фелицѣ», т. е. Екатеринѣ II, поэтическій талантъ Державина является болѣе самобытнымъ и оригинальнымъ. Существенное отличіе этихъ одъ отъ прочихъ произведеній Державина заключается, главнымъ образомъ, въ ихъ внѣшней формѣ, въ слогѣ и въ выраженіи, въ которомъ языкъ и тонъ торжественной лирики соединяется съ «забавнымъ слогомъ», — по выраженію самаго Державина, — и наконецъ въ томъ, что здѣсь къ высокимъ предметамъ торжественныхъ воспѣваній поэта присоединена сатира на пороки и недостатки современной придворной и вельможной жизни. Такое нововведеніе, т. е. сочетаніе риторическаго языка торжественной лирики съ забавнымъ слогомъ и съ сатирой привело въ восторгъ современниковъ Державина, которымъ давно прискучили громозвучіе и однообразіе классической ломоносовской оды. Тѣмъ болѣе, что бездарные подражатели Ломоносова довели одописаніе до крайнихъ предѣловъ искуственности и бездушнаго риторизма. Ложный восторгъ, пышный наборъ громкихъ фразъ безъ внутренняго значенія и смысла, постоянное употребленіе однихъ и тѣхъ же школьныхъ формъ и размѣровъ стиха, а особенно — совершенная бездарность большей части современныхъ одописцевъ — превратили ложно-классическую оду въ самый скучный родъ риторической поэзіи и сдѣлали ее предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ журнальной критики, современной Державину. Мы ви-

*) Ibid III, 343.

дѣли собственное признаніе поэта о несовершенствѣ его первыхъ стихотворныхъ произведеній и что онъ рѣшился избрать *особый путь* въ поэзіи, руководимый наставленіями Баттё и совѣтами друзей Львова, Хемницера и Капниста. Этотъ «особый путь» и состоялъ собственно въ соединеніи величественнаго тона съ шутливымъ, риторическаго направленія съ сатирическимъ, которыхъ нельзя отдѣлить въ лучшихъ, оригинальныхъ стихотвореніяхъ Державина, т. е. тамъ, гдѣ онъ не шелъ рабски по слѣдамъ Ломоносова, относительно внѣшней формы своихъ стихотвореній. «Фелица» была первымъ произведеніемъ Державина въ этомъ родѣ, который современная критика приняла за «новый родъ стихотворства». Самъ Державинъ думалъ тоже самое, и въ примѣчаніи къ своему «Памятнику» говоритъ: «авторъ изъ всѣхъ россійскихъ писателей былъ первый, который въ простомъ забавномъ легкомъ слогѣ писалъ лирическія пѣсни и шутя прославлялъ императрицу, чѣмъ и сталъ извѣстенъ *). За «Фелицой» слѣдовали: «Видѣніе мурзы», «Изображеніе Фелицы», «На счастіе» и «Вельможа» — два лучшія сатирическія стихотворенія Державина — и нѣсколько другихъ.

Ода «Фелицѣ» вся написана въ шутливомъ тонѣ **). Назвавъ Фелицу «богоподобною царевной», и спрашивая у нея совѣта и наставленія какъ «честно и правдиво жить», поэтъ тонко восхваляетъ ея доблести: ея человѣчность и доброту сердца, ея любовь къ просвѣщенію, ея уваженіе къ законамъ и правосудію и ея мудрую снисходительность. И для того, чтобы эти доблести Фелицы выступали въ болѣе яркомъ свѣтѣ, онъ говоритъ сатирически о своихъ собственныхъ порокахъ, подъ видомъ которыхъ изображаетъ праздный и порочный образъ жизни «мурзъ» киргизъ-кайсацкой царевны. И здѣсь-то Державинъ дѣлаетъ намеки на нравы, прихоти и образъ жизни Потемкина, Ал. Орлова, Вяземскаго, Нарышкина и вообще продворныхъ вельможъ, окружавшихъ Екатерину. Вотъ почему Державинъ пришелъ въ большое безпокойство, узнавъ, что кн. Дашкова напечатала его оду въ «Собесѣдникѣ». Но «Фелица», какъ мы знаемъ, была весьма благосклонно принята государыней, и поэту нечего было опасаться вельможъ и сановныхъ лицъ. Екатерина собственноручно подчеркнула карандашемъ мѣста въ одѣ Державина, относившіяся къ тому или къ другому изъ ея вельможъ, и къ каждому изъ нихъ разослала подчеркнутые экземпляры Фелицы ***). Взысканный царскими милостями, обласканный императрицей, Державинъ, съ появленія «Фелицы», дѣлается исклю-

---

*) Ibid. III, 656.

**) Поэтъ такъ озаглавилъ свою оду: „Ода премудрой Киргизъ-Кайсацкой царевнѣ Фелицѣ, написанная татарскимъ мурзою, издавна въ Москвѣ поселившимся и живущимъ въ С.-Петербургѣ, переводъ съ арабскаго языка". А въ примѣчаніяхъ къ одѣ (эти примѣчанія Державинъ диктовалъ самъ; см: у г. Грота, т. III, 589 — 724). объяснено, что подъ именемъ Фелицы представлена императрица Екатерина и что она сочинила сказку „о царевичѣ Хлорѣ", котораго Фелица, т. е. богиня счастія, сопровождала на гору, гдѣ растетъ розв безъ шиповъ, и была путеводительницею Хлора въ храмъ добродѣтели".

***) См. тамъ же, въ „объясненіи" Державина и въ примѣчаніяхъ. г. Грота.

чительно придворнымъ поэтомъ, пѣвцомъ Екатерины II и ея царствованія. Въ этомъ самъ поэтъ видѣлъ свое назначеніе и свою заслугу и въ этомъ признавалъ онъ свое право на безсмертіе въ памяти потомства. Въ одѣ: «Видѣніе мурзы», которая появилась вслѣдъ за Фелицей, по поводу впечатлѣнія и толковъ, произведенныхъ ею въ публикѣ, поэтъ, обращаясь къ Екатеринѣ, восклицаетъ:

Какъ солнце, какъ луну поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Въ «Приношеніи» своихъ стиховъ Екатеринѣ II онъ выражется о своей лирѣ:

Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ,
Ты славою — твоимъ я эхомъ буду жить.

Тоже самое повторено въ стихотвореніяхъ: «Мой истуканъ», «Памятникъ» и въ другихъ, гдѣ поэтъ называетъ себя «пѣвцомъ Фелицы» и ея «добродѣтелей».

Общая оцѣнка и главныя элементы и мотивы поэзіи Державина; міросозерцаніе поэта; свойство его поэтическаго таланта; его гиперболизмъ. — И такъ Державинъ былъ «пѣвцомъ» Екатерины II и ея царствованія — и по собственному признанію, и въ мнѣніи своихъ современниковъ. Это названіе сохранитъ за нимъ, конечно, и потомство. Онъ дѣйствительно воспѣлъ весь внѣшній блескъ, всю роскошь и грандіозную обстановку царствованія Екатерины II; онъ «возглашалъ» о величіи и о добродѣтеляхъ Фелицы, о дѣлахъ ея государственнаго управленія и относился съ своими пѣснями ко всѣмъ замѣчательнымъ событіямъ ея двора и къ другимъ членамъ въ ея царственномъ семействѣ; онъ прославлялъ подвиги и дѣла знаменитыхъ ея сподвижниковъ: Потемкина, Суворова, Румянцова, Зубова, Рѣпнина и другихъ людей вѣка Екатерины. Но при всемъ томъ стихотворенія Державина, относящіяся къ Екатеринѣ II и къ историческимъ личностямъ и событіямъ ея царствованія, не представляютъ поэтически-вѣрнаго изображенія екатерининскаго вѣка, не заключаютъ въ себѣ истиннаго воспроизведенія современной дѣйствительности, и слѣдственно не даютъ намъ истиннаго понятія о внутреннемъ значеніи важнѣйшихъ событій и явленій царствованія Екатерины II. Какъ въ сатирическихъ — безспорно лучшихъ — произведеніяхъ Державина, такъ и въ произведеніяхъ его торжественной лирики, мы видимъ одну внѣшность, одно внѣшнее отношеніе поэта къ современнымъ явленіямъ, поражавшимъ его мысль, чувство и воображеніе, — и не видимъ той внутренней стороны, тѣхъ внутреннихъ побужденій и причинъ, которыми вызваны эти явленія на свѣтъ.

Міросозерцаніе его не отличается глубиною, кругъ его воззрѣній узокъ и мелоченъ. Увлекаемый внѣшнею стороною явленій, внѣшнимъ блескомъ и ве-

личіемъ, поражаемый внѣшнимъ проявленіемъ зла и пороковъ своего времени, онъ изображаетъ ихъ то въ великолѣпныхъ и громозвучныхъ, то въ насмѣшливыхъ и шуточныхъ стихахъ; но изображаетъ — безъ глубокаго проникновенія въ тайныя побужденія и причины, ихъ породившія, безъ яснаго пониманія ни наружнаго блеска и величія, передъ которыми падаетъ ницъ, ни причинъ зла и пороковъ своего времени, которые онъ хочетъ обличить и надъ которыми смѣется и шутитъ. «Хваля добро того времени — говоритъ Бѣлинскій — онъ не прозрѣвалъ связи его со зломъ, а нападая на зло, не провидѣлъ связи его съ добромъ». Державинъ — не былъ вообще поэтомъ-мыслителемъ; въ своемъ взглядѣ на современныя явленія онъ не умѣлъ возвыситься надъ взглядами толпы; онъ смотрѣлъ на явленія глазами рядоваго человѣка и выдѣлялся изъ толпы только своимъ поэтическимъ талантомъ; но раздѣлялъ съ нею вполнѣ и ея рутинныя понятія, и убѣжденія, и ея предразсудки.

Невѣрность въ изображеніи современныхъ явленій происходила у нашего поэта еще и отъ того, что онъ нерѣдко относился пристрастно къ предметамъ и судилъ о лицахъ и явленіяхъ по своимъ къ нимъ личнымъ отношеніямъ. Отсюда частію происходятъ встрѣчающіяся у него противорѣчивые отзывы объ одномъ и томъ же предметѣ. Отсюда же происходитъ, что похвалы и порицанія современности, щедро разсыпанныя въ произведеніяхъ Державина, не всегда искренни. Въ «Фелицѣ» и въ «Видѣніи мурзы» хотя не видно глубокаго взгляда поэта на дѣла Екатерины II, хотя онѣ и заключаютъ въ себѣ лишь одно внѣшнее перечисленіе ея доблестей и ея дѣлъ, безъ истиннаго пониманія ихъ внутренняго значенія; но здѣсь все же слышна еще искренность чувства въ восторженныхъ похвалахъ императрицѣ. Тогда какъ похвалы въ «Изображеніи Фелицы» отзываются больше холодною лестію, нежели искреннимъ чувствомъ, и дышатъ натянутымъ восторгомъ. И это потому, что Державинъ написалъ эту оду въ 1789 году, когда былъ безъ мѣста и заискивалъ расположенія къ себѣ гр. Пл. Зубова, надѣясь черезъ него войти въ милость къ императрицѣ и получить мѣсто. Объ этомъ онъ говоритъ самъ въ своихъ «запискахъ», разсказывая, какъ послѣ напрасныхъ усилій получить доступъ къ гр. Зубову, *ему не осталось другаго средства, какъ прибѣгнуть къ своему таланту.* Вслѣдствіе чего (продолжаетъ Державинъ) написалъ онъ оду «Изображеніе Фелицы», и къ 22 сентября, т. е. ко дню коронованія императрицы, передалъ черезъ Эмина, который въ олонецкой губерніи былъ при немъ экзекуторомъ и былъ какъ-то Зубову знакомъ *), и проч. Тутъ-же въ «запискахъ»

*) *Записки Гавріила Романовича Державина.* 1743 — 1812. Изданіе „Русской Бесѣды". М. 1860. См. 298, 379 и друг. Для характеристики Державина, какъ человѣка и писателя и вообще для характеристики его времени, записки" Державина представляютъ важный матеріалъ. Въ нихъ нѣтъ никакихъ литературныхъ достоинствъ, — онѣ даже написаны весьма плохимъ, неправильнымъ русскимъ языкомъ; въ нихъ мы видимъ то же отсутствіе глубины, ту же ограниченность во взглядѣ и пристрастныя сужденія поэта; но онѣ драгоцѣнны для изученія духа и характера того времени именно по своему наивному тону, по простой и безъискуственной—хотя, можетъ быть, - не всегда вѣрной и пристрастной передачѣ фактовъ.

Державинъ признается, что хотя онъ и далъ слово императрицѣ, по ея желанію, «писать въ честь ея болѣе въ родѣ Фелицы», но не могъ болѣе «такихъ ей *тонкихъ писать похвалъ*, каковы въ одѣ Фелицѣ . . . видя дворскія хитрости и *безпрестанные себѣ толчки*». Сколько онъ ни запирался въ своемъ кабинетѣ, сидя по недѣлѣ — по его словамъ, — но все, что писалъ, «выходило холодное, натянутое и обыкновенное, какъ у прочихъ, *цѣховыхъ*, стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства». Невѣрность и противорѣчія въ сужденіяхъ о многихъ личностяхъ екатерининскаго вѣка мы находимъ у Державина на каждомъ шагу. Онъ воспѣлъ Потемкина въ одѣ: «Побѣдителю» (1788), — въ самыхъ льстивыхъ и напыщенныхъ выраженіяхъ; и еще раньше въ одѣ «Рѣшемыслу» (1783), написанной въ честь Потемкина по просьбѣ кн. Дашковой, онъ представилъ этого вельможу обладающимъ всѣми высокими качествами души и ума. И тотъ же Потемкинъ изображенъ въ стихотвореніи «Вельможа» «вторымъ Сарданапаломъ», котораго вся жизнь протекла «средь игръ, средь праздности и нѣги», который жилъ «для себя лишь одного», не внимая слезамъ и голосу несчастныхъ. (Нужно еще замѣтить, что стихотвореніе «Вельможа» передѣлано изъ одной изъ раннихъ одъ Державина: «На знатность» — и появилось въ 1794 году, т. е. во время императора Павла, когда ни Потемкина, ни Екатерины II не было на свѣтѣ). Въ одѣ: «Памятникъ герою» Державинъ прославляетъ кн. Н. В. Рѣпнина, — дѣйствительно одного изъ лучшихъ и честнѣйшихъ людей своего времени; онъ его называетъ «прямымъ героемъ», чуждымъ человѣческихъ страстей, врагомъ почестей и богатствъ, правдивымъ, мудрымъ, великодушнымъ, человѣкомъ, который

Вѣсами-ль гдѣ, мечемъ ли правитъ,
Ни тамъ, ни тутъ онъ не лукавитъ.
Его царь — долгъ; его Богъ — правда.

И по тому, что Рѣпнинъ не захотѣлъ просить для Державина милости у императора Павла, онъ того же самаго Рѣпнина, котораго воспѣлъ въ такой пышной одѣ, называетъ въ своихъ «запискахъ» человѣкомъ, «который носилъ на себѣ личину благочестія и любви къ ближнему, а въ сердцѣ адскую гордость и лицемѣріе», и говоритъ, что «скоро низость души сего князя многіе узнали», и проч.

Причины указанныхъ нами явленій въ произведеніяхъ Державина, т. е. причины отсутствія глубины въ его воззрѣніяхъ и непониманія внутренняго значенія фактовъ и причины его невѣрнаго и пристрастнаго взгляда на предметы, заключаются: въ свойствахъ его стихотворнаго таланта, въ понятіяхъ современной литературной школы, въ скудной образованности, или лучше — въ полуобразованности Державина и наконецъ — въ природныхъ свойствахъ его личнаго характера и въ духѣ того времени.

Проблески истинной поэзіи встрѣчаются почти въ каждомъ, даже въ самомъ плохомъ и невыдержанномъ, стихотвореніи Державина: почти въ каждомъ изъ нихъ можно отмѣтить либо поэтическую мысль, либо силу и энергію чув-

ства; почти въ каждомъ изъ нихъ можно видѣть смѣлый полетъ и избытокъ фантазіи, помогавшей ему рисовать нерѣдко величавые поэтическіе образы и картины; почти въ каждомъ изъ нихъ васъ можетъ поразить мѣстами замѣчательная яркость, блескъ и сила поэтической рѣчи, по которой державинскій стихъ всегда легко отличить въ кучѣ громозвучныхъ произведеній всѣхъ прочихъ пѣвцовъ риторической школы. Всѣ исчисленныя нами качества поэзіи Державина безспорно свидѣтельствуютъ, что онъ не былъ лишенъ творческихъ способностей и обладалъ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ. Но — это былъ талантъ чисто внѣшній, лишенный внутренней силы; т. е. талантъ, способный понимать и изображать въ поэтическихъ образахъ и картинахъ одну лишь внѣшнюю сторону дѣйствительныхъ явленій, но неспособный постигать и воспроизводить поэтически ихъ внутреннюю жизнь, ихъ внутренній смыслъ и значеніе: эта внутренняя сторона явленій не занимала Державина и оставалась для него неразгаданною, ибо въ его талантѣ не заключалось на столько глубины и силы поэтическаго постиженія вещей. Всѣ, даже лучшія, оды Державина о Екатеринѣ II, какъ напримѣръ, «Фелица», не заключаютъ въ себѣ ничего болѣе, кромѣ внѣшняго перечисленія ея доблестей и ея дѣлъ, т. е. то же самое, что говорили о императрицѣ, въ болѣе или менѣе напыщенныхъ стихахъ, и всѣ прочіе современные одописцы. Вся разница между ихъ похвалами и похвалами Державина заключается лишь въ болѣе простомъ, болѣе искреннемъ обращеніи послѣдняго къ императрицѣ и въ его шутливомъ тонѣ, да наконецъ въ очень неглубокой сатирѣ на вельможъ, допущенной съ намѣреніемъ, чтобы доблести Фелицы казались болѣе яркими, а высказанныя ей похвалы не показались бы слишкомъ рѣзкими. Но и тутъ поэтъ не избѣжалъ риторики и гиперболическихъ возгласовъ. Напр.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.

Или:

Прошу великаго пророка
До праха ногъ твоихъ коснусь, и проч.

Собственно же о дѣлахъ Екатерины здѣсь повторяется то же, что говорилось въ ея многочисленныхъ указахъ и узаконеніяхъ. Поэтъ отъ себя не говоритъ ничего новаго, не бросаетъ новаго взгляда на предметы, не выясняетъ ихъ внутренняго значенія.

«Гиперболическій размахъ рѣчи», который Гоголь замѣтилъ у Державина, недоумѣвая, откуда онъ у него взялся, и вообще гиперболизмъ во взглядѣ и въ изображеніи предметовъ происходитъ также изъ свойства поэтическаго таланта Державина, способнаго создавать только подъ условіемъ внѣшняго возбужденія величавостію предметовъ. Когда сошелъ со сцены шумный вѣкъ Екатерины, съ его внѣшнимъ величіемъ и блескомъ, Державинъ не находитъ болѣе предметовъ для своихъ пѣснопѣній. Мы это видимъ изъ собственнаго признанія поэта и изъ его позднѣйшей стихотворной дѣятельности, — весьма слабой и лишенной всякихъ достоинствъ. Въ стихотвореніяхъ позднѣйшей

эпохи онъ то не знаетъ «кому посвятить звукъ своей торжественной лиры» и говоритъ, что теперь наступили «дни тихіе, какъ листы», въ которые не «слышно» болѣе «хоровъ трубъ»; то сознается, что

Холодна старость духъ, у лиры гласъ отъемлетъ,
Екатерины муза дремлетъ.
. . . . Пѣть
Ужъ не могу, и проч.

Къ природному гиперболизму Державина во взглядѣ и въ изображеніи предметовъ присоединялись еще тогдашнія понятія о лирической поэзіи, какъ о пѣснопѣвческомъ и хвалебномъ искуствѣ, и современный риторизмъ школы и наконецъ — ограниченность идей и понятій, происходившая отъ его малообразованности и недостаточной развитости въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи. Отъ малообразованности же происходило и то, что природныя свойства личнаго характера Державина — горячность, вспыльчивость, самолюбіе, — не сдерживаемыя твердостію нравственныхъ убѣжденій, заставляли его часто невѣрно смотрѣть на предметы и превратно изображать ихъ. Подъ условіемъ внѣшней впечатлительности и минутнаго настроенія, онъ часто является измѣнчивымъ въ своихъ мнѣніяхъ, въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. И наконецъ, оффиціальная лесть и стихотворныя похвалы, которыми переполнены произведенія Державина, были въ духѣ того времени. Все это вмѣстѣ было причиною тѣхъ несовершенствъ и недостатковъ въ стихотвореніяхъ Державина, вслѣдствіе которыхъ, не отличаясь большими достоинствами въ эстетическомъ отношеніи, они не могутъ имѣть и серьезнаго историческаго значенія, какъ невѣрное воспроизведеніе современныхъ фактовъ и явленій.

Произведенія Державина, имѣющія историческое значеніе; ихъ достоинства; сторона нравственная въ стихотвореніяхъ Державина. — Историческое значеніе имѣютъ только тѣ изъ стихотвореній Державина, въ которыхъ онъ описываетъ сибаритскую жизнь русскихъ вельможъ XVIII вѣка, ихъ лукулловскіе пиры и наслажденія, и потомъ — его сатиры, въ которыхъ вѣрно изображены пороки и темныя стороны современной ему придворно-вельможной жизни. Къ первымъ принадлежатъ, какъ мы уже упоминали, стихотворенія: «На смерть Мещерскаго», «Къ первому сосѣду», «Гостю» и друг. Эти стихотворенія и болѣе выдержаны въ цѣломъ, и болѣе прочихъ отличаются лучшими качествами державинской поэзіи: живостію и энергіею чувства, образностію и картинностію выраженій, и звучнымъ, энергическимъ стихомъ. Ода: «На смерть князя Мещерскаго» особенно замѣчательна по сильному и искреннему выраженію въ ней чувства отчаянія, при видѣ смерти, при мысли о ея неотразимомъ, всесокрушающемъ могуществѣ. Одного изъ счастливцевъ міра, — «сына роскоши, прохладъ и нѣгъ», у котораго «утѣхи, радость и любовь блистали вмѣстѣ съ здоровьемъ», вдругъ поражаетъ смерть, эта алчная смерть, которая грозитъ всѣмъ мірамъ, глотаетъ царства, отъ роковыхъ когтей которой не убѣгаетъ никакая тварь, ничто во вселенной; — и вотъ эта смерть наво-

дитъ Державина в. [illegible]я и грустныя думы о ничтожествѣ человѣка, о непрочности земныхъ [illegible] и заставляетъ восклицать:

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣжъ онъ? — онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? — не знаемъ.
Мы только плачемъ и вздыхаемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтѣ!

Этотъ ужасъ смерти и мысль о скоротечности жизни высказываются во многихъ стихотвореніяхъ Державина, и преимущественно въ тѣхъ, гдѣ объ руку съ ними выражается современный эпикурейскій взглядъ на жизнь. Потому, что умирать страшно, потому, что жизнь коротка — «И смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ», — нужно пользоваться благами жизни, нужно «устроить ее себѣ къ покою»:

Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ;
На свѣтѣ жить намъ время срочно.

Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безпрерывно въ жизни сей!

Въ подобныхъ стихотвореніяхъ нѣтъ, конечно, глубокаго содержанія: въ нихъ выражается ничтожный, легкомысленный взглядъ на жизнь и на смерть; но это былъ взглядъ вѣка, взглядъ той вельможной среды XVIII столѣтія, къ которой принадлежалъ Державинъ, жизнь которой протекала въ вальтасаровскихъ пирахъ и наслажденіяхъ, которая въ роскоши и великолѣпныхъ пиршествахъ видѣла всю цѣль и разгадку жизни; и потому, понятно, что «глаголъ временъ, металла звонъ» долженъ былъ поразить страшнымъ смущеніемъ души пирующихъ, понятно, что

У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь,

когда явилась «блѣдна смерть» и взглянула имъ въ глаза. Эти стихотворенія Державина, живо изображая черты и нравы современнаго вельможнаго быта, его эпикуреизмъ, «утѣхи и пріятности жизни» и вообще всю его роскошную внѣшность, и отличаясь искренностію чувства, — вѣрны дѣйствительности, и потому дышатъ хотя не глубокой, но истинной поэзіей.

Тѣ же черты изъ жизни барства екатерининскихъ временъ выставлены и въ сатирическихъ стихотвореніяхъ Державина. Главнѣйшія изъ его сатиръ: «На счастье» и «Вельможа» доказываютъ, что онъ обладалъ, если и не сильнымъ, то тѣмъ не менѣе замѣчательнымъ сатирическимъ талантомъ. Но онъ имъ мало пользовался, мало писалъ въ сатирическомъ родѣ и самъ смотрѣлъ на сатиру, какъ на шутку. Стихотвореніе: «На счастье» (1789) написано имъ

въ Москвѣ, когда онъ былъ отрѣшенъ отъ должности тамбовскаго губернатора. Въ негодованіи, что на него и на его просьбы объ оправданіи мало обращали вниманія и медленно освобождали его изъ-подъ суда, — онъ написалъ злую сатиру на современное свѣтское общество, сатиру, исполненную многихъ рѣзкихъ и удачныхъ намековъ и выходокъ противъ тогдашнихъ политическихъ и общественныхъ понятій и взглядовъ. Замѣчательна въ ней слѣдующая строфа, которая ярко рисуетъ и понятія самаго Державина, и современныя нравы. Поэтъ говоритъ, обращаясь къ счастію:

Бывало, ты меня къ боярамъ
Въ любовь введешь: беру все даромъ,
На вексель, въ долгъ безъ платежа:
Судьи, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюзжа,
Умильные мнѣ мещутъ взоры
И жаждутъ слова моего:
А я всѣхъ мимо по паркету
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету,
И въ грошъ не ставлю никого.

Вся сатира наполнена остроумныхъ намековъ и замѣтокъ о тогдашнемъ времени, и притомъ — выраженныхъ обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ, безъ риторическихъ прикрасъ, и съ допущеніемъ многихъ народныхъ словъ и выраженій. Напр.

Въ тѣ дни людскаго просвѣщенья,
. . . . . .
Канъ рѣзвости твоей примѣровъ,
Полна земля вся *кавалеровъ*
И цѣлый свѣтъ сталъ *бригадировъ*. . . .

Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ:
Политика и правосудье,
Умъ, совѣсть и законъ святой
И логика *пиры пируютъ*. . . .

Въ тѣ дни, какъ всюду ерихонцы
Не сѣютъ, но лишь жнутъ червонцы,
Ихъ денегъ *куры не клюютъ*;
Какъ вкусъ и нравы распестрились,
Весь міръ сталъ полосатый шутъ, и проч.

Въ сдѣланномъ нами очеркѣ мы старались выяснить всѣ главнѣйшіе элементы и мотивы державинской поэзіи. Мы не говорили только о ея моральной и дидактической сторонѣ. Моральный и дидактическій тонъ, нравственныя сентенціи и разсужденія входятъ дѣйствительно въ значительной степени почти во всѣ произведенія Державина, — но не составляютъ ихъ характеристической черты, не суть отличительныя свойства собственно державинской поэзіи. Поэзія

безъ нравоученія въ то время была не мыслима, и нравственныя сентенціи и поученія встрѣчаются въ такой же мѣрѣ, какъ у Державина, и у всѣхъ современныхъ ему стихотворцевъ. Изъ нихъ мы ничего не узнаемъ о личныхъ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ самого Державина; да и эти послѣднія, при отсутствіи въ душѣ поэта глубокаго содержанія, не могутъ имѣть большой важности и значенія. Притомъ же всѣ нравственно-философскія сентенціи въ его стихахъ и разсужденія объ умѣренности, о добродѣтели, объ истинѣ, о человѣчности, о правдѣ и т. д., по ихъ сухости и холодности, по водянистой растянутости и принужденности и наконецъ, — по бездушнымъ риторическимъ возгласамъ, которыми они преимущественно отличаются, за отсутствіемъ истиннаго чувства, составляютъ самую слабую сторону его произведеній. Самые стихи и языкъ въ подобныхъ піесахъ Державина по большей части бываютъ дурны, тяжелы и неправильны.

Еще Мерзляковъ находилъ, что въ стихахъ Державина «смѣло и открыто гремитъ голосъ правды»; за нимъ повторилъ проф. Шевыревъ, что въ поэзіи Державина выражается «идея правды» и недавно г. академикъ Гротъ назвалъ Державина «глашатаемъ правды». Но такое мнѣніе о Державинѣ едва ли не основано лишь на томъ, что онъ самъ себя постоянно выставляетъ поборникомъ и называетъ «глашатаемъ» правды. Слово «правда» повторяется на каждомъ шагу, безпрерывно и въ стихахъ Державина, и въ тѣхъ объясненіяхъ, которыми онъ постарался ихъ обогатить, и наконецъ въ его «запискахъ», написанныхъ съ цѣлію показать, что онъ претерпѣлъ въ своей жизни много непріятностей и обидъ именно изъ любви къ правдѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ собственно изъ стихотвореній Державина. Въ «Видѣніи мурзы» онъ говоритъ:

И въ шуткахъ правду возвѣщу;

въ «Памятникѣ»:

И истину царямъ съ улыбкой говорилъ;

въ стихотвореніи «Къ самому себѣ»:

Но я тѣмъ коль безполезенъ,
Что горячъ и въ правдѣ чортъ.

Во многихъ другихъ стихотвореніяхъ онъ повторяетъ, что «домогался лишь вездѣ единой правды», что онъ «судилъ, мирилъ, на сильныхъ мощь не зря» и «не давалъ волкамъ овечки скушать», что его «лишь правда научаетъ», что «лишь правда надъ вселенной царь», что

Долгъ поэта
Въ міръ правду вѣщать, и т. п.

Но между тѣмъ все, что мы знаемъ изъ долговременной жизни поэта удостовѣряетъ насъ, что слова его находились нерѣдко въ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣломъ и что онъ въ своей продолжительной стихотворной и служебной дѣятельности нерѣдко погрѣшалъ противъ правды. И послѣ того, какъ

въ настоящее время изданы его «записки», гдѣ дѣятельность Державина и его время обрисовались съ такою наивно-поразительною вѣрностію, — говорить о Державинѣ, какъ о «глашатаѣ правды» — было бы по малой мѣрѣ странно. Поэтъ самъ чувствовалъ, что нѣкоторыя изъ извѣстнѣйшихъ его стихотвореній плохо вяжутся съ чувствомъ правды, о которой онъ такъ много говорилъ въ своей жизни. Въ двухъ одахъ своихъ къ Храповицкому онъ сознается, что въ иныхъ стихотвореніяхъ его много *мглистаго виміама*, и говоритъ:

Извини-жъ меня, мой другъ, коль лестно
Я кого гдѣ воспѣвалъ:
Днесь скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я похвалялъ.

И все таки, какъ мы знаемъ, онъ писалъ Потемкину панегирики, а потомъ написалъ на него же сатиру.

Въ этой же одѣ къ Храповицкому находятся слѣдующіе два стиха, характеризующія понятія державинскаго времени:

За слова — меня пусть гложетъ,
За дѣла — сатирикъ чтитъ.

Гоголь передаетъ, что Пушкинъ прочитавъ эти стихи, сказалъ: «Державинъ не совсѣмъ правъ: *слова поэта суть уже его дѣла*». При этомъ самъ Гоголь, не смотря на все свое благоговѣніе передъ геніемъ Державина, обвиняетъ его въ легкомысленномъ обхожденіи со словомъ и тутъ же замѣчаетъ, что Державинъ «слишкомъ повредилъ себѣ, что не сжегъ по крайней мѣрѣ цѣлой половины одъ своихъ» *).

Взглядъ самого Державина и его времени на призваніе поэта. Внѣшняя форма и языкъ державинской поэзіи и значеніе ихъ въ литературѣ. Сужденіе Гоголя о Державинѣ. — Возгласы о правдѣ, объ умѣренности, о «священной добродѣтели», всѣ эти восклицанія, что «для возлюбившихъ правды гласъ лишь добродѣтели прекрасенъ», и т. п. какъ у Державина, такъ и у всѣхъ современныхъ стихотворцевъ употреблялись рѣшительно, какъ піитическія украшенія для оды и вытекали изъ того дидактическаго направленія и взгляда на литературные предметы, который смотрѣлъ на поэзію, не заключавшую въ себѣ нравственныхъ поученій, не иначе, какъ на «издѣвочныя сочиненія». Самъ Державинъ, въ противорѣчіе высказаннымъ имъ мыслямъ о высокомъ значеніи поэта, какъ напримѣръ: «Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ», «Въ могилѣ буду я, но буду говоритъ», «Я піитъ — и не умру», и проч., — въ другихъ мѣстахъ выражается о своихъ поэтическихъ занятіяхъ съ родомъ нѣкотораго пренебреженія и смотритъ на нихъ, какъ на шуточное дѣло. Такъ

*) Выбран. мѣста изъ переп. съ друз. (Соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. III, стр. 341 — 342).

въ «Видѣніи мурзы» онъ говоритъ, что ему царевны шлютъ дорогіе дары (намекъ на подарокъ императрицы за «оду Фелицѣ»)

За росказни, за ростабары,
За вирши, иль за что нибудь.

а въ стихотвореніи «Мой истуканъ» онъ выражается о своихъ стихахъ:

Мои бездѣлки
Безумно столько уважать.

И въ глазахъ общества, и въ глазахъ самихъ стихотворцевъ поэзія была или пріятною забавою или искуствомъ льстить и восхвалять своихъ милостивцевъ и благодѣтелей. Во времена Державина множество писателей пользовалось царскими милостями и наградами и царскимъ вниманіемъ; каждый поэтъ имѣлъ своего мецената, въ честь котораго сочинялъ торжественные стихи. Не смотря на покровительство самой императрицы, Державинъ постоянно заискивалъ благорасположенія и милостей у разныхъ сильныхъ магнатовъ, и для этого, какъ мы видѣли, нерѣдко не находилъ *другаго средства*, какъ прибѣгать къ своему *таланту*, т. е. къ сочиненію льстивыхъ одъ. Таковъ былъ духъ времени, и Державинъ въ этомъ отношеніи служитъ полнѣйшимъ его выраженіемъ. Понятно, однако, что поэты и писатели, которые искали милостей у знатныхъ и находились подъ покровомъ и подъ вліяніемъ меценатства, могли высказывать въ своихъ произведеніяхъ только то, что было полезно лично для нихъ самихъ. Такое служебное и зависимое положеніе поэтовъ и литераторовъ, конечно, не могло быть благопріятно для ихъ произведеній: искренность чувства, смѣлость и энергія мысли и возвышенность стремленій — существенныя свойства всякаго высокаго поэтическаго произведенія — не могли выражаться свободно и непринуждено въ ихъ твореніяхъ. И слѣдственно, такіе поэты и писатели не могли быть передовыми дѣятелями своего времени и своего народа, способствовавшими развитію общественнаго самосознанія, общественной мысли.

Принадлежа вполнѣ по содержанію и направленію своихъ произведеній къ школѣ «высокой», риторической поэзіи, Державинъ способствовалъ однако, въ извѣстной степени, къ водворенію въ русскомъ стихотворствѣ большей простоты и естественности относительно его внѣшней формы и выраженія, относительно стихотворнаго языка и слога. «Забавный слогъ» и «шутки», допущенные имъ въ нѣкоторыхъ одахъ, употребленіе разнообразныхъ метровъ стиха, разговорный языкъ и народныя слова и выраженія, которыхъ Державинъ также не чуждался, — вотъ тѣ нововведенія, которыя онъ внесъ своими произведеніями въ русское стихотворство второй половины XVIII вѣка. Но плохое образованіе и плохое знаніе законовъ и формъ языка мѣшали стихамъ Державина быть совершенными и со стороны ихъ внѣшней формы. Потому и здѣсь у него нѣтъ ни одного стихотворенія, которое было бы вполнѣ выдержано и закончено: «Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы», — по словамъ Пушкина: отсутствіе плана и связности

въ мысляхъ, быстрые переходы отъ одного предмета къ другому, прекрасные стихи на ряду съ плохими и тяжелыми встрѣчаются у него на каждомъ шагу.

И такъ, мы теперь не можемъ согласиться съ мнѣніями современниковъ Державина о достоинствахъ и значеніи его лирики, не можемъ согласиться съ мнѣніемъ лучшаго изъ современныхъ критиковъ (князя Вяземскаго), когда онъ говоритъ: «желательно, чтобы искусная рука, водимая вкусомъ и безстрастіемъ, собрала избранныя творенія Державина. Съ сею книжкою могли бы мы *смѣло вызвать на единоборство славнѣйшихъ лириковъ всѣхъ вѣковъ, всѣхъ народовъ, не опасаясь побѣдителя*». Но мы не можемъ не согласиться и не признать справедливыми слѣдующія слова, сказанныя критикомъ позднѣйшей эпохи (Шевыревымъ) о державинскомъ вѣкѣ и о державинской поэзіи: «Россія вѣка Екатерины была Россія пышная, роскошная, великолѣпная, убранная въ азіятскіе жемчуги и камни, *полудикая*, *полуварварская*, *полуграмотная*, — и *такова* — говоритъ Шевыревъ — *вся поэзія Державина во всѣхъ ея красотахъ и недостаткахъ*».

Въ заключеніе нашего очерка о Державинѣ мы приведемъ слѣдующее сужденіе о немъ Гоголя, который — замѣтимъ однако — въ гиперболизмѣ Державина напрасно видитъ какія-то «исполинскія» свойства его поэзіи, дающія ему преимущество надъ прочими нашими поэтами. Сказавъ, что Державинъ умѣлъ съ необыкновеннымъ искуствомъ соединять въ своемъ слогѣ самыя высокія слова съ самыми низкими и простыми, Гоголь прибавляетъ: «Но надобно сказать, что какъ это, такъ и всѣ другія «исполинскія» свойства Державина, дающія ему преимущество надъ прочими поэтами нашими, превращаются вдругъ у него въ неряшество и безобразіе, какъ только оставляетъ его одушевленіе. Тогда все въ безпорядкѣ: рѣчь, языкъ, слогъ, все скрипитъ, какъ телега съ невымазанными колесами, и стихотвореніе — точно трупъ, оставленный душою. Слѣды собственнаго, неоконченнаго образованія, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ, отразились очень замѣтно на его твореніяхъ».

И теперь, послѣ вновь изданнаго академіей наукъ полнаго собранія сочиненій Державина, въ пяти обширныхъ томахъ *), съ множествомъ примѣчаній и объясненій академика Грота, и послѣ сдѣланной г. Гротомъ оцѣнки Державина, какъ поэта, мы все таки не находимъ никакихъ, — для насъ убѣдительныхъ, — основаній къ тому, чтобы измѣнить въ чемъ-либо существенномъ взглядъ нашъ на Державина и сужденіе о немъ, какъ поэтѣ и человѣкѣ, высказанные нами при первомъ изданіи нашего труда.

Г. Гротъ, послѣ весьма тщательнаго и подробнаго изученія всѣхъ произведеній Державина, въ академической рѣчи своей: «Характеристика Державина,

---

*) V томъ вышелъ въ нынѣшнемъ, 1869 г. и заключаетъ въ себѣ весьма обширную переписку Державина съ различными лицами. Переписка эта, по отношенію къ самому Державину, не представляетъ, однако, ничего такого, что могло бы измѣнить или дополнить какими-либо новыми чертами характеристику личности поэта; хотя, какъ историческій матеріалъ, важный для знакомства съ духомъ и характеромъ времени, переписка эта драгоцѣнна въ такой-же степени, какъ и „записки“ Державина.

какъ поэта» *), высказываетъ слѣдующее мнѣніе о державинской поэзіи: 1) «Справедливость требуетъ прямо допустить, — говоритъ онѣ, — что поэзія Державина представляетъ много такого, чему новое время не можетъ сочувствовать. Намъ прежде всего не сочувственны духъ и цѣль оды XVIII столѣтія, съ которой неразлучно восхваленіе лицъ, легко впадающее въ угодливость и лесть изъ корыстныхъ видовъ. Но намъ не сочувственна и самая форма этой оды, — главная изъ тѣхъ формъ, въ которыя отливались созданія Державина. И 2) хотя «ода Державина вовсе не похожа на другія тогдашнія оды», по мнѣнію г. Грота, такъ какъ Державинъ «торжественный и важный тонъ смѣняетъ шуточнымъ и забавнымъ и къ похвалѣ примѣшиваетъ тонкую и остроумную сатиру; но справедливо однакожь и то, что въ одахъ его рядомъ съ глубоко-поэтическими красотами встрѣчается *много риторическаго паѳоса*, что онѣ вообще не выдержаны и часто слишкомъ длинны, что поэтъ иногда послѣ необыкновеннаго возвышенія вдругъ падаетъ; что языкъ его доходитъ мѣстами до высочайшей небрежности, что онъ тогда не можетъ совладѣть ни съ стихомъ, ни съ языкомъ. При такихъ неровностяхъ исчезаетъ *все, что могло бы еще мирить насъ съ искуственностію оды*, исчезаетъ стройность формы, гармонія зруковъ и правильность языка» **).

Мы думаемъ, что приговоръ этотъ въ сущности весьма мало разнится отъ представленнаго нами выше очерка и оцѣнки державинской поэзіи.

Начало русскаго театра. Псевдоклассическая трагедія и комедія на русской сценѣ и въ русской литературѣ. Сатира второй половины XVIII столѣтія.

Сумароковъ,—первый водворитель у насъ французской трагедіи и комедіи. Волковъ—основатель русскаго театра. Свѣдѣнія о жизни и театральной дѣятельности Волкова. — При обозрѣніи дѣятельности Ломоносова мы видѣли, что онъ, желая дать русской литературѣ образцы всѣхъ родовъ поэзіи, господствовавшихъ въ его время въ литературахъ западно-европейскихъ, сочинилъ двѣ «классическія или «героическія» трагедіи: «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ». Но произведенія эти, лишенныя всякаго драматическаго движенія, холодныя и тяжелыя, не могли имѣть успѣха даже у современниковъ Ломоносова, не смотря на то, что первая изъ названныхъ трагедій была поставлена на сцену на придворномъ театрѣ, при императрицѣ Елисаветѣ, — какъ это видно изъ одного письма Ломоносова къ Шувалову. И не Ломоносову, а его литературному сопернику, Сумарокову, обязана наша литература водвореніемъ въ ней французской классической трагедіи и комедіи, долго служившихъ образцами для дѣятельности послѣдующихъ драматическихъ писателей нашихъ и долго державшихся на русской сценѣ.

---

*) См. „Торжественное собраніе Импер. академіи наукъ“ 29 апрѣля 1865 г.
**) Тамъ-же, стр. 88—89.

Мы знаемъ въ какомъ состояніи находились до Сумарокова русская драма и сценическія представленія: весь театральный репертуаръ ограничивался духовными мистеріями, интермедіями и нѣсколькими переводами иностранныхъ піесъ, въ родѣ «Драгія Смѣяныя», — о которыхъ у насъ было говорено выше. Представленіе подобныхъ піесъ продолжалось и при Елисаветѣ, любившей и покровительствовавшей театральнымъ зрѣлищамъ. Въ это время, нѣмецкое вліяніе, начавшееся у насъ, какъ извѣстно, съ Петра, уступило мѣсто вліянію французскому и при дворѣ, и въ высшемъ классѣ общества: французскій языкъ становился разговорнымъ языкомъ образованнаго общества, и знакомство съ французской литературой считалось признакомъ образованности. При Аннѣ Ивановнѣ въ Петербургѣ давались нѣмецкія представленія и существовала итальянская опера и балетъ, а при Елисаветѣ была выписана французская труппа, которая давала трагедіи и комедіи; но постояннаго русскаго театра еще не существовало: русскія сценическія представленія происходили при дворѣ и въ «сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ», гдѣ играли кадеты. Сумароковъ учился въ этомъ корпусѣ, пописывалъ стихи и читалъ ихъ въ «обществѣ любителей русской словесности», составившемся тамъ изъ корпусныхъ офицеровъ и лучшихъ кадетовъ. Подобно всей молодежи того времени, стремившейся къ образованію, онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ французской литературы и въ особенности увлекался драматическими произведеніями: Корнеля, Расина и Вольтера, внушившими ему желаніе сочинить въ такомъ же родѣ русскую трагедію. Но Расинъ былъ его преимущественнымъ любимцемъ. Подражая Расину, онъ написалъ свою первую трагедію: «Хоревъ», которая имѣла огромный успѣхъ. Она была сыграна кадетами въ корпусѣ, а потомъ императрица пожелала видѣть ее разыгранною и во дворцѣ. Затѣмъ Сумароковъ написалъ еще нѣсколько трагедій, между которыми особенно славилась «Семира», и которыя также были играны кадетами и въ корпусѣ, и при дворѣ.

Съ именемъ Сумарокова — перваго русскаго драматическаго писателя — тѣсно связано имя *Волкова* (Ѳедора Григорьевича, 1729—1769) — перваго русскаго актера, оказавшаго важныя услуги русской сценѣ и русскому драматическому искуству вообще, при водвореніи его у насъ и при устройствѣ первыхъ общественныхъ театровъ въ Россіи. «Описаніе жизни Волкова (замѣтилъ справедливо еще митроп. Евгеній) есть почти исторія важнѣйшей эпохи русскаго драматическаго искуства» *).

Волковъ, сынъ костромскаго купца, родился въ Костромѣ. Мать Волкова, послѣ смерти его отца, вышла за ярославскаго купца, Ѳедора Полушкина и переѣхала вмѣстѣ съ дѣтьми отъ перваго брака (сыновьями: Ѳедоромъ, Гаврилой и Григоріемъ) на житье въ Ярославль. Купецъ Полушкинъ велъ большую торговлю съ Петербургомъ и въ Ярославлѣ, имѣя въ послѣднемъ сѣрнокупоросные и кожевенные заводы. Онъ полюбилъ дѣтей своей жены, какъ родной отецъ и, занявшись ихъ воспитаніемъ, вскорѣ замѣтилъ необыкновенныя способности своего пасынка, Ѳедора. Существуетъ извѣстіе о томъ, что перво-

*) „Словарь русск. свѣтск. писат.“ М. 1846. Т. I, стр. 86.

начальному развитію способностей Ѳ. Волкова много содѣйствовалъ нѣмецкій пасторъ, состоявшій при сосланномъ въ Ярославль Биронѣ, и что пасторъ этотъ, обучая молодаго Волкова, его братьевъ и другихъ сотоварищей ихъ нѣмецкому языку, не забывалъ при томъ общаго развитія своихъ учениковъ и сообщилъ имъ первыя понятія объ изящныхъ искуствахъ *). Объ этомъ обстоятельствѣ не упоминаютъ ни Новиковъ, ни митрополитъ Евгеній (въ своихъ «Словаряхъ») ; но оба они не упоминаютъ также и о томъ, что Волковъ обучался въ московской духовной академіи,—хотя это положительно извѣстно **). Новиковъ говоритъ только, что вотчимъ Волкова, «увидя остроту старшаго своего пасынка, отослалъ его *въ Москву для обученія музыкѣ и нѣмецкому языку, на которомъ онъ говорилъ, какъ природный Нѣмецъ* ***). Тоже самое почти повторяетъ и митр. Евгеній. ****). Въ академіи молодой Волковъ скоро опередилъ въ наукахъ всѣхъ своихъ соучениковъ, и въ часы, свободные отъ учебныхъ занятій, со страстію предавался изученію музыки и живописи, по неодолимой врожденной склонности къ наукамъ и художествамъ съ-издѣтства, какъ свидѣтельствуетъ митроп. Евгеній. Онъ игралъ хорошо на гусляхъ, на скрипкѣ и на «Давидовой» арфѣ, пѣлъ по нотамъ и порядочно рисовалъ, особенно пейзажи акварелью *****). Живописи Волковъ обучался—говоритъ Новиковъ — «самъ собою еще въ ребячествѣ, непрестанно рисуя и срисовывая всякіе виды; и въ разсужденіи живописи, онъ оставилъ множество картинъ своей выдумки и работы». Но «по живости и пылкости его духа, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, какъ выражается митроп. Евгеній — преимущественная склонность его была къ театральнымъ представленіямъ». (Словарь 94).

Эта господствующая артистическая склонность Волкова къ сценическому искуству могла получить свое первое развитіе въ духовной академіи, гдѣ, какъ мы знаемъ, студенты разыгривали, въ извѣстныя праздники, духовныя драмы и существовавшія въ то время переводныя съ нѣмецкаго и даже изъ Мольера театральныя піесы. Волковъ, по всей вѣроятности, принималъ самое живое участіе въ этихъ драматическихъ представленіяхъ студентовъ академіи.

Въ 1746 году купецъ Полушкинъ отправилъ семнадцатилѣтнаго пасынка своего въ Петербургъ, въ нѣмецкую торговую контору, съ тѣмъ, чтобы онъ изучалъ тамъ бухгалтерію и торговлю, и въ тоже время поручилъ ему торговые отпуски и разсчеты по своей кожевенной торговлѣ въ Петербургѣ. Хозяинъ конторы, полюбившій Волкова, взялъ его однажды съ собою въ итальян-

---

*) Энциклоп Лекс., Плюшара, подъ сл. „Волковъ", т. XVII.

**) Ibid. См. также извѣстія о жизни Волкова въ „Лѣтописи русск. театра", А. Арапова, М. 1861 и въ "Ярославскомъ литерат. сборникѣ", 1851 г., стат. г. Серебренникова.

***) Опытъ ист. сл. о рос. писат. изд. г. Еѳремова. стр. 20—21.

****) Словарь. рус. св. пис. стр. 93.

*****) Москов. Вѣд. 1858, № 44. См. здѣсь объ оставшихся послѣ Волкова образцахъ его живописныхъ работъ и рѣзьбы на деревѣ, — искуство, которому Волковъ выучился тоже самоучкой.

скую оперу, представленія которой давались на придворномъ театрѣ. Богатая постановка оперы и итальянское пѣніе произвели самое глубокое впечатлѣніе на артистическую душу молодаго Ярославца. Затѣмъ ему удалось какъ-то пробраться за кулисы небольшаго театра въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ, какъ мы сказали выше, воспитанники разыгрывали трагедіи Сумарокова. Въ тотъ вечеръ кадеты играли трагедію послѣдняго: «Синавъ и Труворъ», и вотъ что самъ Волковъ разсказывалъ потомъ одному изъ своихъ товарищей (Дмитревскому) по поводу игры кадета Бекетова въ роли Синава: «Увидя Никиту Аѳанасьевича Бекетова въ роли Синава, я пришелъ въ такое восхищеніе, что не зналъ, гдѣ былъ: на землѣ или на небесахъ? Тутъ и родилась во мнѣ мысль завести свой театръ въ Ярославлѣ» *). Тревожимый этою мыслію, Волковъ сталъ усердно посѣщать иностранные спектакли, которые часто давались находившимися въ то время въ Петербургѣ труппами—нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ актеровъ. Онъ свелъ знакомство со всѣми лучшими артистами этихъ труппъ и, зная уже хорошо по-нѣмецки, принялся за изученіе итальянскаго языка. Штелинъ **) разсказываетъ, что капельмейстеромъ *Арайя* привезены были около этого времени въ Петербургъ для придворнаго театра изъ Италіи пѣвцы: кастратъ *Салетти*, *Каресчини*, буффъ *Комнасы*, пѣвицы: *Манфредини* и *Нунціата*, живописецъ *Валеріани*, машинистъ *Жибелли* и друг. Посѣщая этихъ итальянцевъ и ихъ представленія, Волковъ сталъ присматриваться и вникать во всѣ подробности театральнаго устройства, срисовывалъ и чертилъ для себя размѣры сцены и декорацій и проч. распрашивалъ актеровъ о правилахъ театральной игры, замѣчалъ и записывалъ все, что только ему было необходимо для выполненія его твердаго намѣренія — устроить свой собственный театръ въ Ярославлѣ. Кромѣ того онъ не переставалъ заниматься по прежнему музыкой и живописью, переводилъ съ нѣмецкаго и съ итальянскаго театральныя піесы, и въ тоже время, говорятъ біографы Волкова, наблюдалъ исправно въ Петербургѣ за торговыми интересами своего вотчима, хотя и чувствовалъ вообще отвращеніе къ занятію торговлей.

Возвратившись въ Ярославль, съ твердою рѣшимостью основать тамъ собственный театръ, Волковъ успѣлъ образовать изъ своихъ братьевъ и знакомыхъ молодыхъ людей небольшую труппу актеровъ, занявшись предварительно ихъ обученіемъ и подготовкой для сцены. Кромѣ двухъ братьевъ Волкова въ импровизированной имъ труппѣ находились: сынъ протоіерея Дьяконова, *Ванюша Нарыковъ* (впослѣдствіи извѣстный Дмитревскій ***), Василій и Михаилъ

---

*) Ibid.

**) „Исторія русскаго театра, музыки и персонъ до 1767 г.“, въ журналѣ „С.-Петербургкій Вѣстникъ“ 1779 г. мѣсяцы: августъ, сентябрь и октябрь.

***) Иванъ Аѳанасьевичъ *Дмитревскій* (эту фамилію дала ему сама императрица, Елисавета, по сходству его съ польскимъ графомъ Дмитревскимъ, кавалеромъ посольства въ Петербургѣ)—одинъ изъ знаменитѣйшихъ русскихъ актеровъ прошлаго времени. Во время путешествія Дмитревскаго за границей, его таланту изумлялись, говорятъ, знаменитые въ то время въ Европѣ актеры: Лэкенъ и Гаррикъ. Дмитревскій, по мнѣнію современниковъ, не уступалъ въ своей игрѣ послѣднему. Дмитрев-

Поповы, *Чулковъ* (впослѣдствіи извѣстные писатели) и друг. Затѣмъ Волковъ устроилъ въ большомъ кожевенномъ сараѣ купца Полушкина первый театръ, и въ день имянинъ вотчима представилъ съ своею труппою переведенную съ нѣмецкаго драму: «Эсфирь», а потомъ пастораль: *Эдмонда* и *Бероа*, которую также самъ перевелъ съ нѣмецкаго. Представленіе это привело въ восторгъ зрителей, между которыми находились ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ и помѣщикъ Майковъ (отецъ извѣстнаго стихотворца В. И. Майкова); они успѣли убѣдить ярославскихъ дворянъ и купцовъ къ устройству постояннаго публичнаго театра въ городѣ. Волковъ самъ и приступилъ къ постройкѣ этого театра. Театръ былъ деревянный и могъ вмѣщать въ себѣ до 1000 человѣкъ (Словарь митр. Евгенія, 95). Устраивая первый русскій театръ по всѣмъ правиламъ тогдашняго искуства, Волковъ былъ его архитекторомъ, декораторомъ, капельмейстеромъ, режиссеромъ, директоромъ и первымъ актеромъ, и въ тоже время главнымъ драматическимъ писателемъ, который писалъ и переводилъ самъ почти всѣ піесы для своего театра. Для торжественнаго открытія своего театра (1750 г.) Волковъ перевелъ съ итальянскаго оперу Метастазіо: *Титово милосердіе* (Clemenza di Tito). Въ труппѣ Волкова, кромѣ поименованныхъ нами выше лицъ, изъ актеровъ, сдѣлавшихся потомъ извѣстными, находился въ то время еще Шумскій. Нарыковъ и М. Поповъ играли женскія роли.

Такъ былъ устроенъ первый *общественный* театръ въ Россіи, благодаря страсти къ искуству, талантамъ и настойчивой энергіи еще почти юноши, Ѳедора Григорьевича Волкова, и ярославскій театръ есть, такимъ образомъ, родоначальникъ всѣхъ нашихъ нынѣшнихъ театровъ.

Вѣсть о ярославскомъ театрѣ и о представленіяхъ Волкова дошла до императрицы Елисаветы, и онъ потребованъ былъ именнымъ указомъ 1752 г. ко двору со всею своею труппою. (Опытъ ист. слов. 23). Императрица встрѣтила ласково Волкова и всю ярославскую труппу и велѣла имъ играть на придворномъ комнатномъ театрѣ трагедію Сумарокова: *Хоревъ*. Государыня съ нетерпѣніемъ желала видѣть ихъ игру, сама присутствовала при приготовленіяхъ къ спектаклю и, въ день преставленія, сама убирала брилліянтами голову Нарыкова, игравшаго роль *Оснельды* *) и получившаго съ этого времени фамилію Дмитревскаго. Игра молодыхъ ярославскихъ актеровъ до того восхитила весь дворъ, что имъ велѣно сыграть еще разъ *Хорева* и потомъ другія трагедіи Сумарокова: *Синава и Трувора* и *Гамлета*. Императрица обласкала Волкова и приказала оставить его со всею труппою при дворѣ; но «для необходимаго театральнымъ артистамъ обученія словесности, иностраннымъ языкамъ

скій, какъ и Волковъ, былъ притомъ весьма хорошо образованный человѣкъ и писатель: онъ помѣщалъ стихи въ „Трудолюбивой Пчелѣ“ Сумарокова, перевелъ трагедію: *Беверлей*, оперы: *Рѣдкая вещь*, *Діанино Дерево*, комедіи: *Раздумчивый Демокритъ*, *Лунатикъ* и друг. Послѣ Волкова, Дмитревскій былъ назначенъ „первымъ актеромъ россійскаго театра“, былъ членомъ россійской академіи и друг. ученыхъ и литературныхъ обществъ. (Словарь митр. Евгенія, ч. I, 182—184“).

*) Моск. Вѣд. 1858, № 47.

и гимнастикѣ», повелѣла помѣстить способнѣйшихъ изъ этихъ молодыхъ людей въ кадетскій корпусъ.

Наконецъ, въ 1756 году, состоялся именной указъ объ учрежденіи «публичнаго Россійскаго театра» въ Петербургѣ, и директоромъ его пожалованъ былъ А. П. Сумароковъ, а «первымъ актеромъ»—Ѳ. Г. Волковъ. Тутъ выбраны были и первыя актрисы; «потому что, до того времени—по свидѣтельству митроп. Евгенія — женскія роли представляемы были большею частію мужчинами» *) «Тогда-то—говоритъ тотъ же авторъ—дарованія Волкова открылись въ полномъ своемъ видѣ. Въ немъ увидѣли великаго актера, и достоинство его признано было самими иностранцами». (Словарь, 97).

Устройство перваго русскаго театра въ Петербургѣ происходило при дѣятельномъ участіи Волкова, основательно изучившаго театральное дѣло и хорошо ознакомившагося со сценой, равно какъ и при участіи Сумарокова, который и до того завѣдывалъ русскими театральными представленіями при дворѣ и въ кадетскомъ корпусѣ. Назначеніе же его директоромъ перваго публичнаго театра въ Петербургѣ было сопряжено съ обязанностію ставить въ тоже время на театрѣ и піесы своего сочиненія.

Волковъ, какъ уже замѣчено выше, былъ посылаемъ для устройства и московскаго театра, въ 1759 г. Съ восшествіемъ на престолъ, въ 1762 году, императрицы Екатерины II, она пожаловала Волкова «за оказанныя имъ отличныя заслуги — говоритъ Новиковъ — россійскимъ дворянствомъ и деревнями. Сіе новое достоинство — продолжаетъ Новиковъ — ни мало не уменьшило склонности его къ театру; однакожъ послѣ сего удалось ему сыграть одинъ только разъ въ трагедіи *Семиръ* роль *Аскольда* въ Москвѣ, чѣмъ и окончилъ игру свою и жизнь». (Опытъ истор. слов. 24). Причиною смерти Волкова была простуда и потомъ горячка, которую онъ получилъ, распоряжаясь на воздухѣ и наблюдая, въ теченіе нѣсколькихъ зимнихъ дней, за выполненіемъ порученныхъ ему публичныхъ празднествъ, по случаю коронаціи императрицы и въ особенности—за публичнымъ шествіемъ сочиненнаго имъ самимъ на этотъ случай публичнаго маскерада, подъ именемъ: *Торжествующая Минерва*. Волковъ умеръ на 35 году отъ рожденія, «къ великому и общему всѣхъ сожалѣнію»,— говоритъ Новиковъ.

---

*) Первыми русскими актрисами были приняты: *Зарина* и А. М. *Михайлова* въ 1753 г.; но при дворѣ представленія давались все еще безъ участія женщинъ. Затѣмъ, въ 1756 г. къ этимъ двумъ первымъ актрисамъ, присоединены были еще три: двѣ сестры *Ананьины* (Марья и Ольга) и *Мусина-Пушкина*. Когда Волковъ посланъ былъ, въ 1759 г., для устройства театра въ Москву, онъ тамъ нашелъ хотя небольшой, но уже довольно устроенный театръ, находившійся подъ управленіемъ М. М. Хераскова, который и писалъ свои драматическія піесы для этого московскаго театра, дозволяя принимать участіе въ ихъ разыгриваніи и студентамъ университета. Но кромѣ того, Волковъ встрѣтилъ здѣсь замѣчательныхъ актеровъ и актрисъ: *Троепольскаго* и жену его *Татьяну Михайловну*, отличавшуюся особенно въ трагическихъ роляхъ, и *Михайлову*, амплуа которой были роли служанокъ въ комедіяхъ. Волковъ выхлопоталъ позволеніе, чтобы Троепольскую съ мужемъ и Михайлову перевести на петербургскую сцену (Моск. Вѣд., стр. 191).

Во всѣхъ отзывахъ Новикова о Ѳ. Г. Волковѣ слышится вообще какая-то особенная теплота и большое уваженіе къ личности, къ дарованіямъ и къ трудамъ основателя «россійскаго театра». Ясное доказательство того, какъ велико и сильно было вліяніе на современниковъ неподдѣльно-страстной и искусной игры Волкова *), равно какъ и самой его симпатической и замѣчательно даровитой личности. «Сей мужъ — говоритъ о немъ дальше Новиковъ—былъ великаго, обымчиваго и проницательнаго разума, основательнаго и здраваго разсужденія и рѣдкихъ дарованій, украшенныхъ многимъ ученіемъ и прилежнымъ чтеніемъ наилучшихъ книгъ. Театральное искуство зналъ онъ въ высшемъ степени; при семъ былъ изрядный стихотворецъ, хорошій живописецъ, довольно искусный музыкантъ на многихъ инструментахъ, посредственный скульпторъ и однимъ словомъ человѣкъ многихъ знаній въ довольномъ степенѣ. Съ перваго взгляда казался онъ нѣсколько суровъ и угрюмъ; но сіе исчезало, когда находился онъ съ хорошими своими пріятелями, съ которыми умѣлъ онъ обходиться и услаждать бесѣду разумными и острыми шутками. Житія былъ трезваго и строгой добродѣтели: друзей имѣлъ немногихъ, но найлучшихъ, и самъ былъ другъ совершенный, великодушный, безкорыстный и любящій вспомоществовать». (Опыт. ист. сл. 24—25).

Сочиненія Волкова, имѣвшія — по словамъ Новикова — «весьма много остроты», — утратились послѣ его смерти уже во время Новикова, который говоритъ: «изъ сочиненій Волкова остались извѣстными мнѣ только двѣ пѣсни: *Ты проходишь мимо кельы, дорогая*, и *Станемъ, братцы, пѣть старую пѣсню*, и одна эпиграмма» **).

Мы говорили выше, что Волковъ перевелъ нѣсколько піесъ для театра съ нѣмецкаго и итальянскаго. Есть еще извѣстіе, что онъ перевелъ также нѣсколько комедій съ французскаго, именно: четыре комедіи Мольера, одну Руссо и одну Данкура ***).

Свѣдѣнія о жизни Сумарокова. — Личность Александра Петровича *Сумарокова* (1718 — 1777), свойства его личнаго характера, какъ человѣка, рѣзко отразились въ его сочиненіяхъ, и во многихъ случаяхъ были главною побудительною причиною его писательской дѣятельности.

Мы представимъ поэтому здѣсь только краткій, общій очеркъ жизни Сумарокова; главнѣйшія же черты его личнаго характера, какъ человѣка и пи-

---

*) По свидѣтельству Штелина, Волковъ былъ одинаково силенъ и въ трагическихъ и въ комическихъ роляхъ; но „лучшая роль его на театрѣ была роль *бѣшенаго*". (Слов. митр. Евгенія, 99).

**) Вотъ эта эпиграмма Волкова, которую Новиковъ и привелъ въ своемъ Словарѣ:

„Всадника хвалятъ: хорошъ молодецъ!
Хвалятъ другіе: хорошъ жеребецъ!
Полно, не спорьте: и конь и дѣтина,
Оба красивы, да оба скотина.

***) Библіограф. Записки, 1868 г. стр. 208—209.

сателя, главнѣйшія жизненыя отношенія и положеніе его посреди современнаго русскаго общества, намъ уяснятся лучше всего при разборѣ нѣкоторыхъ писемъ его и сочиненій.

Сумароковъ принадлежалъ по рожденію къ дворянской фамиліи, — не особенно богатой, но довольно извѣстной въ тогдашнемъ служебномъ мірѣ; потому что отецъ его носилъ значительный чинъ — дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и былъ кавалеромъ св. Анны. Въ одномъ письмѣ Сумарокова, писанномъ въ 1763 году къ какому-то вліятельному лицу, онъ упоминаетъ о своемъ отцѣ и проситъ для него какой-то награды, говоря, что отецъ его «одинъ *въ своемъ чинѣ* оставленъ безъ прерасы», и здѣсь же пишетъ: «фамилія моя можетъ показать знаки вѣрности Петру Великому, котораго отецъ мой *крестникъ*» *). Это доказываетъ, что отецъ Сумарокова принадлежалъ къ дворянской партіи—приверженцевъ образованія на европейскій манеръ, распространявшагося тогда среди русскихъ дворянъ со времени петровской реформы. Вотъ почему, вѣроятно, онъ захотѣлъ дать своему сыну возможно лучшее воспитаніе и взялъ ему въ воспитатели нѣкоего Зейдлера, который былъ учителемъ императора Петра II. Подъ надзоромъ этого учителя Сумароковъ воспитывался дома до 14 лѣтняго возраста, а потомъ былъ отданъ въ «сухопутный шляхетный корпусъ», гдѣ получилъ, какъ свидѣтельствуетъ митроп. Евгеній, «лучшее образованіе въ знаніи языковъ нѣмецкаго и французскаго и слога россійскаго». (Словарь, 185). Несомнѣнно то, что корпусное воспитаніе имѣло вліяніе на развитіе способностей Сумарокова. Онъ здѣсь началъ писать сначала мелкія стихотворенія, и сдѣлался извѣстенъ въ особенности своими «любовными пѣснями» (См. тамъ-же). Потомъ здѣсь-же, какъ мы знаемъ, написалъ онъ и свою первую трагедію: *Хоревъ*.

Скоро послѣ выпуска изъ корпуса (1740 г.), Сумароковъ попалъ въ адъютанты къ извѣстному вельможѣ—фавориту елисаветинскихъ временъ, графу Александру Григорьевичу Разумовскому, черезъ что вошелъ въ кругъ тогдашняго высшаго общества, и своими стихами, своею трагедіею и страстію къ драматическому искуству обратилъ на себя вниманіе самой императрицы Елисаветы, любившей театръ, и потому весьма жаловавшей Сумарокова во всю свою жизнь. При графѣ Разумовскомъ Сумароковъ дослужился до чина бригадира, а императрица Екатерина II пожаловала его дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Анны, — что въ то время значило весьма много.

Мы уже упоминали, что Сумароковъ при открытіи въ Петербургѣ, въ 1756 году, перваго публичнаго театра, сдѣланъ былъ его директоромъ. Но къ концу царствованія Елисаветы, именно—въ 1761 году, онъ былъ уволенъ отъ этой должности. Въ этомъ увольненіи виноваты первѣе всего собственный неуживчивый характеръ Сумарокова, крайняя раздражительность его и способность заводить со всѣми ссоры. Если вѣрить современному извѣстію Штелина,

---

*) Русскій Архивъ, 1866 г., стр. 100.

то Сумароковъ былъ удаленъ отъ должности директора театра, по высочайшему повѣленію, вслѣдствіе ссоры своей съ русскими актрисами *). Но, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ писемъ Сумарокова **), причиною удаленія его отъ должности директора театра легко могло быть и нерасположеніе къ нему вообще нѣкоторыхъ невѣжественныхъ вельможныхъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на театръ и постоянно досаждавшихъ Сумарокову. Неурядица по устройству и управленію театромъ, недостатокъ знающихъ людей и въ особенности недостатокъ денегъ ***) причиняли, надо сознаться, много хлопотъ и огорченій Сумарокову, предавшемуся со страстію театральному дѣлу; но съ другой стороны его собственная нетерпѣливость, раздражительность и мелочное самолюбіе, выходившія у него нерѣдко изъ разумныхъ предѣловъ, дѣлали Сумарокова въ особенности тяжелымъ для лицъ, которыя имѣли начальство надъ театромъ, и авторитета которыхъ онъ никогда не хотѣлъ признавать.

Съ увольненіемъ отъ должности директора театра, Сумарокову сохранено было, однако, въ видѣ пенсіи за его услуги русскому театру, все прежнее директорское содержаніе, простиравшееся до двухъ съ половиною тысячъ руб. въ годъ****). Но безпорядочность въ его жизни дѣлала то, что онъ постоянно нуждался и постоянно находился въ затруднительномъ положеніи и надоѣдалъ императрицѣ и ея правительственнымъ лицамъ своими просьбами о денежныхъ пособіяхъ и т. п. Наконецъ онъ былъ оставленъ всѣми, даже собственнымъ семействомъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ отставки отъ должности директора петербургскаго театра, Сумароковъ переѣхалъ на житье въ Москву, надѣясь, что ему будетъ тамъ жить легче и дешевле, нежели въ Петербургѣ, и предался здѣсь исключительно авторству, заключилъ контрактъ съ содержателемъ вольнаго московскаго театра, Бельмонти, о постановкѣ своихъ трагедій на московскую сцену и довольно часто давалъ новыя піесы свои на театръ. Но и здѣсь, какъ въ Петербургѣ, у Сумарокова не обошлось безъ ссоръ то съ тѣмъ, то съ другимъ, то съ театральнымъ управленіемъ и актрисами, то съ московскими властями. Извѣстны его знаменитыя жалобы въ письмахъ къ императрицѣ Екатеринѣ на главнокомандовавшаго, графа П. С. Салтыкова, по поводу того, что содержатель театра Бельмонти нарушилъ заключенный съ нимъ контрактъ. (См. ниже.)

Живя въ Москвѣ, Сумароковъ разорилъ въ конецъ свое состояніе, впалъ въ долги, разстроилъ свое здоровье и умеръ въ бѣдности и одиночествѣ, всѣми оставленный.

---

*) Записка Я. *Штелина*, (въ „Матеріал." П. А. Ефремова), стр. 165).

**) См. письма Сумарокова, издан. Н. Гротомъ въ Записк. акад. наукъ 1861 г., т. I.

***) По вышеупомянутому именному указу объ открытіи въ С.-Петербургѣ публичнаго театра, — на его содержаніе повѣлено было отпускать всего 5.000 руб.; театральный же сборъ былъ въ первое время совершенно ничтоженъ.

****) См. такъ называемое нѣмецкое (лейпцигское) „Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ", стр. 134 (въ „Матеріал." г. Ефремова).

Во время своего директорскаго управленія петербургскимъ театромъ неурядицы по театру, о которыхъ мы упомянули, и огорченія, причиняемыя имъ Сумарокову, заставили его однажды, въ письмѣ къ И. И. Шувалову, сказать: «Удивительно ли, ваше пр—во, что я отъ моихъ горестей сопьюсь, когда люди отъ радостей спиваются»? — Подъ конецъ жизни, бѣдный Сумароковъ и въ-правду спился и дошелъ до крайне печальнаго положенія, какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи физическаго здоровья, и этимъ, конечно, ускорилъ свою смерть.

Трагедіи Сумарокова. — Кромѣ «Хорева» большою славою пользовались въ свое время слѣдующія трагедіи Сумарокова: «Синавъ и Труворъ», «Семира», «Димитрій Самозванецъ» и «Мстиславъ». *)

Французская классическая трагедія и преимущественно трагедіи Расина и Вольтера служили Сумарокову образцомъ; онъ не только передѣлывалъ, но заимствовалъ изъ французскихъ трагедій планъ, идеи, характеръ, даже цѣлыя сцены и монологи; такъ что дѣйствующія лица его трагедіи: Синавы и Труворы, Мстиславы и Ростиславы, — русскіе по названію, — были лишь слабыми копіями: Ипполитовъ, Британниковъ и Брутовъ французскихъ трагедій. Ломоносовъ въ одномъ письмѣ своемъ (о которомъ мы говорили выше) по поводу того, что Елагинъ назвалъ Сумарокова «россійскимъ Расиномъ», замѣчаетъ: «*Россійскимъ Расиномъ* Александръ Петровичъ по справедливости названъ, затѣмъ, что онъ его не токмо на-половину перевелъ въ своихъ трагедіяхъ по-русски, но и самъ себя Расиномъ называть не гнушался. Что не ложь, то правда». Защищаясь отъ подобныхъ обвиненій, Сумароковъ самъ сознается, что онъ «изъ сочиненій г. Вольтера, г. Расина и г. Корнеля не таясь заимствовалъ», что въ его «Хоревѣ» «есть подражанія, а стиховъ пять-шесть есть и переводныхъ», и оправдываетъ себя тѣмъ, что самъ Расинъ многое заимствовалъ для своихъ трагедій изъ греческихъ трагиковъ. Тредьяковскій, разобиженный тѣмъ, что Сумароковъ вывелъ его на сцену въ своей комедіи *Тресотиніусъ*, написалъ обширную критику, или «Письмо» **), на всѣ выданные до того времени Сумароковымъ сочиненія. О трагедіи его *Хоревѣ* онъ здѣсь говоритъ: «Что же до сея Трагедіи Хорева; она вся на́-все выбрана изъ многихъ Французскихъ Трагедій какъ Корнеліевыхъ, такъ Расиновыхъ, и Волтеровыхъ, хотя впрочемъ все ея существенное основаніе есть Расинова Федра. Читающіи Французскіи Трагедіи могутъ сами сіе сличить и видѣть: мнѣ ежелибъ сіе дѣлать; тобъ мое рассмотрѣніе въ пятеро увеличилось противъ Авторовыхъ сочиненій. Я токмо предложу одно здѣсь похищеніе изъ Волтеровы Трагедіи,

---

*) Вотъ названія остальныхъ трагедій Сумарокова, почитавшихся посредственными и у его современниковъ: *Артистона*, *Гамлетъ*, *Ярополкъ*, *Димиза и Вышеславъ*.

**) *Письмо, въ которомъ содержится рассужденіе о стихотвореніи, по нынѣ на свѣтъ изданномъ отъ автора двухъ одъ, двухъ трагедій, и двухъ эпистолъ, писанное отъ пріятеля къ пріятелю, 1750. Въ Санктпетербургѣ.* См. въ „Сборникѣ матеріал. для исторіи импер. академіи наукъ", изд. А. Куникомъ. СПб 1865. Ч. II, стр. 435—500.

названныя Меропа. Праведное солнце! Какъ же оно изгажено Авторовымъ переводомъ!» *) и проч.

Существенное свойство французской трагедіи — представлять главныхъ дѣйствующихъ лицъ или героями добродѣтели или чудовищами злодѣйства, т. е. изображать человѣка по одной какой-либо господствующей страсти (напримѣръ: любви, ревности, коварству и т. п.) и при томъ — въ моментъ исключительнаго ея господства надъ человѣкомъ,—это свойство доведено въ трагедіяхъ Сумарокова до крайнихъ предѣловъ неестественности и насильственнаго изображенія. Но тѣмъ не менѣе, его трагедіи пользовались большимъ успѣхомъ у современниковъ, величавшихъ его, какъ мы видѣли «россійскимъ Расиномъ» и т. п. Особенно трагедіи: «Хоревъ», «Семира» и «Димитрій Самозванецъ» собирали имъ автору богатую дань рукоплесканій. Когда давали Димитрія Самозванца, трудно было найти свободное мѣсто въ театрѣ; онъ давался на провинціальныхъ театрахъ еще въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и всегда привлекалъ многочисленную публику. А между тѣмъ — это едва-ли не самое лживое произведеніе и по отношенію неестественности выведенныхъ характеровъ и крайней искуственности въ ихъ развитіи и по отношенію невѣрности изображаемой дѣйствительности. Здѣсь самозванецъ изображенъ какимъ-то неслыханнымъ тираномъ и злодѣемъ,—(который, напримѣръ, говоритъ о себѣ самъ: «я — злодѣйствомъ разъяренъ, наполненъ варварствомъ и кровью обагренъ»), — но злодѣемъ — только на словахъ, а на дѣлѣ онъ является ничтожнымъ и мелкимъ трусомъ. Ксенія, дочь боярина Шуйскаго, которую полюбилъ самозванецъ, говоритъ высоко-патріотическія и напыщенныя рѣчи и проповѣдуетъ такія идеи, о которыхъ русская женщина того времени никогда не слыхивала, и т. п. Но всѣ эти громкія фразы и внѣшнія эффекты увлекали тогдашнихъ зрителей; нѣкоторые монологи и стихи изъ трагедій Сумарокова были извѣстны въ публикѣ наизусть; напыщенная и нелѣпая фраза, которую говоритъ, самозванецъ закалываясь:

Иди душа во адъ, и буди вѣчно плѣнна!
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна! —

приводила въ неописанный восторгъ и образованное общество, знакомое съ французской трагедіей, и необразованную публику.

Изъ одного монолога самозванца видно, что Сумароковъ былъ знакомъ съ Шекспиромъ **), — конечно, — въ передѣлкѣ французскихъ переводчиковъ, которые, какъ извѣстно, находили, что Шекспиръ писалъ безъ всякихъ правилъ, и потому передѣлывали и *очищали* его трагедіи, т. е. обезображивали ихъ на свой ладъ.

Изъ трагедій Сумарокова, конечно, нельзя заключить, чтобы онъ обладалъ

*) Тамъ-же, стр. 445.

**) Тоже самое доказываетъ и трагедія Сумарокова: „Гамлетъ". На критику Тредьяковскаго, что она переведена „съ французской прозы англійской Шекспировской трагедіи" – Сумароковъ отвѣчалъ: „Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ кончаніи 3-го дѣйствія и Клавдіева на колѣни паденія, на Шекспирову трагедію едва едва походитъ".

какимъ-нибудь особеннымъ талантомъ поэта-трагика; но нельзя также отвергать въ немъ большой способности изображать страстныя и эффектныя сцены и положенія. И этимъ-то эффектнымъ сценамъ, при игрѣ даровитыхъ актеровъ *), трагедіи Сумарокова обязаны тѣмъ успѣхомъ, которымъ они пользовались на современной сценѣ.

Комедіи, сатиры и прочія сочиненія Сумарокова. Свойство, характеръ и значеніе сумароковской сатиры. Вліяніе Сумарокова на современное общество и литературу. — Сумароковъ, сообразуясь съ духомъ времени и желая подражать Вольтеру, съ которымъ онъ былъ въ перепискѣ, писалъ во всѣхъ родахъ, въ стихахъ и въ прозѣ. Кромѣ трагедій, которыми онъ преимущественно прославился у своихъ современниковъ, и кромѣ торжественныхъ одъ, которыя онъ сочинялъ изъ соперничества съ Ломоносовымъ, Сумароковъ писалъ еще: комедіи, сатиры, басни, эпистолы, эклоги, и т. п., писалъ критическія статьи по литературнымъ и общественнымъ предметамъ и издавалъ журналъ: «Трудолюбивая Пчела».

Комедіи Сумурокова имѣли гораздо меньшій успѣхъ на современной сценѣ, нежели его трагедіи. Комедій написалъ Сумароковъ еще больше, чѣмъ трагедій. Вотъ ихъ названія: *Опекунъ*, *Лихоимецъ*, *Три брата совмѣстники*, *Ядовитый*, *Нарцисъ*, *Приданое обманомъ*, *Чудовищи*, *Тресотиніусъ*, *Пустая ссора*, *Рогоносецъ по воображенію*, *Мать совмѣстница дочери*, *Вздорщица*. Почти всѣ эти комедіи—такія же подражанія и передѣлки иноземныхъ образцовъ, какъ и трагедіи Сумарокова,—передѣлки и подражанія чужеземному, довольно грубо переложенному на русскіе нравы.

Подражалъ Сумароковъ въ своихъ комедіяхъ, въ большинствѣ случаевъ, Мольеру. Въ комедіяхъ этихъ нечего искать истинной комической силы или драматическаго дѣйствія и движенія; ихъ здѣсь нѣтъ, какъ нѣтъ и въ трагедіяхъ Сумарокова истиннаго трагизма или трагической борьбы, столкновенія страстей и естественнаго развитія, — на основаніи этихъ элементовъ, присущихъ всякой истинной трагедіи,—трагическаго дѣйствія и катастрофы, Но недостатокъ истиннаго комизма въ комедіяхъ Сумарокова замѣняется рѣзкими личностями и сатирическими выходками противъ современности. Лучшая изъ его комедій: «Опекунъ» — піеса вообще «очень замѣчательная,— какъ справедливо говоритъ князь Вяземскій — по юмористическимъ выходкамъ пылкаго и необузданнаго автора». Она заключаетъ въ себѣ много упомянутыхъ рѣзкихъ личностей и мелкихъ сатирическихъ нападокъ на современные недостатки и пороки русской жизни.

Главное дѣйствующее лицо этой комедіи — *Чужехватъ*, опекунъ, который грабитъ, разоряетъ и губитъ судьбу сиротъ и малолѣтнихъ, имѣющихъ несчастіе подпасть подъ его опеку; онъ нисколько не скрываетъ своихъ грабительскихъ дѣйствій и безнравственныхъ понятій въ жизни, и не боится говорить о нихъ гласно; но онъ пустосвятъ и сильно боится страшнаго суда: «Кнута я не боюсь, — говоритъ онъ, — да боюсь я вѣчной муки, а мнѣ ея, какъ видно,

*) Каковы были, напримѣръ, Волковъ и знаменитый Дмитревскій.

не миновать». Авторъ заставляетъ этого Чужехвата говорить, напримѣръ, такія вещи: «Кража не важная вина, пототу что она страсть общая слабости человѣческой. Мошна дѣло первое на свѣтѣ; пуста мошна, пуста и голова. Давать ради Христа спасительнѣе, нежели просить ради Христа. Честь да честь! Какая честь, коли нечего ѣсть? До чести-ли тогда, когда брюхо пусто? Пуста мошна, пустое и брюхо.—*Сострата.* Изрядное нравоученіе! *Чужехватъ.* Конечно изрядное! Такъ лучше по твоему поступать нравоученію? Намнясь я видѣлъ, какъ честный-то по вашему, и безчестный, а по моему — разумный и безумный принималися. Безчестный-отъ, по вашему, пріѣхалъ, такъ ему стулъ, да еще въ хорошенькомъ домѣ: все-ли въ добромъ здоровьѣ? Какова твоя хозяюшка? Дѣтки? Что такъ запалъ? Къ намъ не желуешь, ни къ себѣ не зовешь. А всѣ вѣдаютъ то, что онъ чужимъ и неправеднымъ разжился. А честнаго-то человѣка дѣтки пришли милостыни просить, которыхъ отецъ ѣздилъ до Китайчатова царства и былъ въ Камчатскомъ государствѣ, — и объ этомъ государствѣ написалъ повѣсть; однако сказку-то его читаютъ, а дѣтки-то его ходятъ по міру, а у дочекъ-то его «крашенинныя» бостроки, да и тѣ въ заплатахъ, даромъ то, что отецъ ихъ въ Камчатскомъ былъ государствѣ, а для тово то, что они въ крашенинномъ таскаются платьи, называютъ ихъ «крашенинками». Вся эта выходка о «крашенинкахъ» относилась къ тому современному обстоятельству, что дѣти профессора академіи наукъ *Крашенинникова* († 1755 г.), составившаго извѣстное «Описаніе земли Камчатки», находились, послѣ его смерти, въ крайней бѣдности, не смотря на извѣстность даже въ Европѣ и на полезныя заслуги русской наукѣ ихъ отца *).

Въ особенности ѣдки и злы сатирическіе нападки Сумарокова (встрѣчающіяся почти въ каждой его комедіи) — на подъячихъ, регистраторовъ, секретарей и проч., противъ которыхъ онъ ратуетъ какъ бы противъ своихъ собственныхъ, личныхъ враговъ, не только какъ противъ враговъ общественнаго благополучія.

Комедія: «Тресотиніусъ» вся основана на личностяхъ. Въ лицѣ тяжелаго и «незнающаго педанта», Тресотиніуса, который при этомъ еще влюбленъ въ Кларису и поетъ эротическія пѣсенки, Сумароковъ выводитъ на сцену Тредьяковскаго и смѣется надъ его учеными разсужденіями о буквахъ, о правописаніи, о стихотворныхъ метрахъ и проч. Названіе *Тресотиніуса* Сумароковъ взялъ у Мольера, у котораго есть живой типъ педанта—*Триссотинъ*, что замѣчаетъ и Тредьяковскій въ критикѣ на комедію Сумарокова, говоря, что эта «комедія почитай вся взята изъ сочиненій комическихъ Барона Голберга, а особливо персона Капитана самохвала, — и сей самый Тресотиніусъ—Моліеровъ Трисотинъ» **). Вообще Тредьяковскій, глубоко оскорбленный этой комедіей

*) См. „Семена Порошина Записки, служащія“ и проч. (СПб. 1844) подъ 1764 г. 20 октября, стр. 86.

**) *Гольбергъ* († 1754) основатель національнаго театра въ Даніи и замѣчательный драматическій и сатирическій датскій поэтъ прошлаго столѣтія. — О критикѣ Тредьяковскаго см. цитированное выше „Письмо“ въ сборникѣ академика Куника, стр. 441—442.

Сумарокова, написалъ упомянутую нами выше критику на всѣ сочиненія послѣдняго, гдѣ увѣряетъ, что «въ авторѣ этой комедіи больше было злости и остервененія къ ругательству, нежели въ Аристофанѣ», когда тотъ въ своей комедіи: *Облака* осмѣялъ Сократа, и что «она сочинена только для того, чтобы ей быть не язвительною токмо, но и почитай убійственною чести сатирою, или лучше новымъ, но точнымъ пасквилемъ, чего впрочемъ — замѣчаетъ ученый Тредьяковскій — на театрѣ во всемъ свѣтѣ не бываетъ: ибо комедія дѣлается для исправленія нравовъ въ цѣломъ обществѣ, а не для убіенія чести въ нѣкоторомъ человѣкѣ» *).

Какъ смотрѣлъ вообще на предметъ и назначеніе комедіи самъ Сумароковъ — показываютъ слѣдующіе стихи его:

Свойство комедіи — *издѣвкой править нравъ.*
Смѣшить и пользовать прямой ея уставъ.
Представь безумнаго подъячаго въ приказѣ,
Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ;
Представь мнѣ щеголя, кто тѣмъ вздымаетъ носъ,
Что цѣлый мыслитъ вѣкъ о красотѣ волосъ;
Который родился, какъ мнитъ онъ для амуру,
Чтобъ гдѣ нибудь къ себѣ склонить такую жъ дуру.
Представь латынщика на диспутѣ его,
Который не совретъ безъ *ergo* ничего, и проч.

Слѣдующее сужденіе князя Вяземскаго хорошо и вѣрно характеризуетъ сущность и значеніе комедіи Сумарокова: «Комедіи его бѣдны содержаніемъ, расположеніемъ, искуствомъ; но какая-то оригинальность, бѣглый огонь сатирическій, хотя и не драматическій, мѣстами искупаютъ въ нихъ главнѣйшіе недостатки. Въ умѣ его была живость, въ авторскомъ темпераментѣ раздражительность. Брюзгливыя выходки патріотизма, болѣе полицейскаго, нежели государственнаго, при видѣ частныхъ безпорядковъ и злоупотребленій, придаютъ многимъ сценамъ его странное движеніе. Онъ часто переносилъ *горячій памфлетъ въ свои холодныя комедіи.* Онъ иногда угадывалъ Бомарше» **). Какъ бы то ни было, но Сумароковъ первый сдѣлалъ попытку на комедію изъ русскихъ нравовъ, и этимъ, конечно, оказалъ услугу литературѣ, указавъ путь другимъ, болѣе способнымъ драматическимъ писателямъ. Замѣчательнѣе всего, что Сумароковъ написалъ большую часть своихъ комедій въ Москвѣ и думалъ писать ихъ для исправленія нравовъ Москвы и ея невѣжества, которымъ — по его словамъ — въ Москвѣ «всѣ улицы вымощены толщиною аршина на три». «Ста Мольеровъ требуетъ Москва, а *я* при другихъ дѣлахъ по моимъ управленіямъ *одинъ только*», — писалъ онъ въ одномъ письмѣ изъ Москвы къ Екатеринѣ II.

Комедіи Сумарокова, равно какъ и его сатиры и нѣкоторые эклоги, басни и критическія статьи, касаясь современныхъ нравовъ и понятій, осмѣивая и

*) Тамъ же, стр. 438—439.

**) „Фонъ-Визинъ", соч. кн. П. Вяземскаго (СПб. 1848) стр. 188.

преслѣдуя современныя слабости и пороки, въ высшей степени интересны для насъ при изученіи духа эпохи и современнаго общества. Въ стихотвореніи: «Піитъ и другъ» онъ говоритъ, что гдѣ бы онъ ни жилъ — въ Москвѣ, въ лѣсу или въ полѣ, будетъ ли онъ богатъ или бѣденъ, онъ нигдѣ не останется «безъ обличенія презрительныхъ вещей».

И такъ, поставивъ себѣ цѣлію — обличеніе и находя, что «презрительныя вещи», о которыхъ онъ говоритъ, происходили въ жизни русскаго общества того времени вслѣдствіе невѣжества и вслѣдствіе поверхностнаго, ложно-понятаго европейскаго образованія, Сумароковъ, со всею грубостію и цинизмомъ своего слога, преслѣдуетъ въ своихъ комедіяхъ и сатирическихъ статьяхъ — съ одной стороны дворянскую спѣсь, пороки стариннаго барства, ханжество и грубое невѣжество, лесть и лицемѣріе, жадность ростовщиковъ, самовластіе помѣщиковъ, взяточничество, казнокрадство и лицепріятіе въ судьяхъ и подъячихъ, которыхъ онъ постоянно называетъ то «крапивнымъ сѣменемъ», то «хамовымъ отродьемъ», и т. п., а съ другой — онъ рѣзко смѣется надъ современными модниками, или петиметрами (которыхъ — по его словамъ — преобразованіе Петра коснулось лишь тѣмъ, что они «изъ человѣковъ ненапудренныхъ превратились въ напудренную скотину»), надъ излишнимъ употребленіемъ французскаго языка и пренебреженіемъ роднаго и т. п. и наконецъ надъ учеными педантами, подъ именемъ которыхъ онъ вооружался не только противъ Тредьяковскаго, но и противъ Ломоносова.

Такимъ образомъ, съ Сумарокова русская сатира обогащается еще новой литературной формой: она появляетя въ формѣ комедіи; но содержаніе сумароковской сатиры остается почти тоже самое, какое мы видѣли и въ сатирѣ Кантимира. Измѣнились въ ней лишь нѣкоторыя внѣшнія черты, образовавшіяся въ русскомъ обществѣ, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ новыхъ понятій, внесенныхъ петровской реформой; какъ напримѣръ: появленіе ученыхъ педантовъ, французоманіи и т. п.

Что же касается до самаго характера и свойствъ сатиры Сумарокова, какъ въ его комедіяхъ, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ; то здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что хотя онъ является въ своихъ сатирахъ рѣшительнымъ поборникомъ просвѣщенія и гонителемъ современныхъ слабостей и пороковъ, хотя онъ жестоко нападаетъ на невѣждъ, на судей — грабителей, на пустосвятовъ, на глупыхъ модниковъ и т. д., но нетвердость нравственныхъ убѣжденій самаго сатирика, не глубокое усвоеніе, а лишь поверхностное знакомство съ идеями Вольтера и другихъ иностранныхъ писателей, которыми онъ щеголяетъ въ своихъ сочиненіяхъ (какъ напримѣръ: идеи противъ сословныхъ и другихъ предразсудковъ, идеи о гуманныхъ отношеніяхъ между людьми, о достоинствѣ человѣческой личности, и т. п.) и наконецъ свойства личнаго характера Сумарокова—смѣшное и чрезмѣрное самолюбіе, крайняя раздражительность, хвастовство и тщеславіе (которыя едва ли не были главнымъ стимуломъ его сатирическаго таланта), — все это не даетъ намъ права придавать сатирѣ Сумарокова слишкомъ серьёзное, общественное значеніе. Истинная сатира есть выраженіе негодованія души высокой и благородной, возмущаемой пороками и не-

дугами общественными, есть сознательное обличеніе и борьба со зломъ самаго сатирика, носящаго въ душѣ своей сознательный идеалъ добра и лучшей жизни. Тогда какъ сатирическія нападки Сумарокова на современность вытекали большею частію изъ инаго источника: личный нравъ сатирика, его личная раздражительность и личныя интересы играютъ въ нихъ едва-ли не главную роль. Обличая невѣжество, безнравственность, сословныя предразсудки, обезьянство европеизму и т. п. онъ вездѣ становится адвокатомъ своего дѣла, своихъ личныхъ интересовъ; всюду ставитъ собственную личность на первый планъ и выступаетъ съ раздражительными выходками своего самолюбія и сарказмами не столько противъ безнравственныхъ враговъ истиннаго просвѣщенія, сколько противъ своихъ собственныхъ враговъ или людей, непріятныхъ ему лично. Онъ, напримѣръ, ратуетъ противъ сословныхъ предразсудковъ въ слѣдующей филиппикѣ: «Слово чернь — говоритъ онъ — принадлежитъ низкому народу, а не слово *подлой народъ*; ибо подлой народъ суть каторжники и прочія презрѣнныя твари, а не ремесленники и земледѣлцы. У насъ сіе имя всѣмъ тѣмъ дается, которыя не дворяня. Дворянинъ! великая важность! Разумный священникъ и проповѣдникъ Величества Божія, или кратко Богословъ, Естествословъ, Астрономъ, Риторъ, Живописецъ, Скульпторъ, Архитектъ и протч. по сему глупому положенію члены черни. О несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія! Истинная чернь суть *невѣжды*, хотя бы они и великіе чины имѣли, богатство Крезово, и влекли бы свой родъ отъ Зевса и Юноны, которыхъ никогда не бывало, отъ сына Филиппова, побѣдителя, или паче, *разорителя вселенныя*, отъ Юлія Цесаря, утвердившаго славу римскую, или паче, *разрушившаго оную*», и проч. А между тѣмъ все это сказано Сумароковымъ изъ досады на московскую публику, которая хорошо приняла на театрѣ переведенную съ французскаго какимъ-то чиновникомъ мелодраму Бомарше: «Евгенія», — что Сумароковъ, не выносившій никакого литературнаго совмѣстничества, счелъ ущербомъ для своей славы русскаго драматическаго писателя и для своихъ трагедій и комедій. Здѣсь же, по поводу того, что во Франціи и у насъ началъ вводиться новый родъ драмы, которую осуждали классики и самъ Вольтеръ и которую Сумароковъ называетъ «новымъ и пакостнымъ родомъ слезной комедіи», — онъ говоритъ эти извѣстныя слова: «Неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему (переводчику драмы «Евгенія»), нежели г. Вольтеру и мнѣ»? — Мы знаемъ также, что, являясь съ протестами противъ дворянской спеси и противъ чванства чинами и происхожденіемъ, самъ Сумароковъ корилъ Ломоносова названіемъ «холмогорскаго мужика»; знаемъ, что онъ избилъ купца, который, видя его въ халатѣ, не сказалъ ему «ваше превосходительство». Его нападки на судей и подъячихъ имѣли источникомъ не одно только чувство негодованія противъ того, что святое дѣло правосудія было оскверняемо неправдою и лихоимствомъ, — а личныя непріятности, которыя испытывалъ самъ Сумароковъ, имѣя дѣло въ судахъ и дѣловыя сношенія съ приказными, причемъ онъ былъ вынужденъ дать одному дьяку взятку въ 50 рублей. Словомъ, личность автора, его личныя отношенія къ предметамъ и явленіямъ современности занимаютъ всегда самое видное мѣсто почти во всѣхъ

его сатирическихъ произведеніяхъ. Извѣстно, какъ онъ ревниво стоялъ за свою литературную славу и до какого доходилъ комизма, когда вопросъ касался его заслугъ русскому театру и вообще русской литературѣ. Тутъ его завистливость, хвастовство и раздражительное самолюбіе не знали предѣловъ *). Онъ хотѣлъ быть законодателемъ языка и литературы, и безъ церемоній говорилъ, что «авторъ въ Россіи не только по театру, но и по всей поэзіи онъ одинъ»; онъ постоянно хвастался своими сочиненіями, своимъ «перомъ», своею извѣстностію, перепискою съ «господиномъ Волтеромъ». «У насъ писатели очень безграмотны (пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ Екатеринѣ II изъ Москвы), — переводы скаредны, подлинники еще хуже, актеровъ надобно созидать, ибо

---

*) Лучше всего рисуетъ въ этомъ отношеніи характеръ Сумарокова любопытная война его по поводу упомянутой нами выше драмы: *Евгенія*. Войну эту онъ поднялъ со всѣмъ московскимъ обществомъ, съ главною московскою актрисой, съ содержателемъ театра и, главнымъ образомъ, съ фельдмаршаломъ Салтыковымъ. Выдавая свою вновь написанную трагедію: *Димитрій Самозванецъ* (1771 г.), Сумароковъ снабдилъ ее предисловіемъ, въ которомъ со свойственною ему запальчивостію и нервнымъ раздраженіемъ напалъ на вкусъ московской публики, на „слезныя комедіи" вообще (см. у насъ ниже), на драму: *Евгенія* въ частности и на ея переводчика. Въ началѣ предисловія Сумароковъ объясняетъ, что значитъ слово публика; „публика не знаменуетъ — по его словамъ — цѣлаго общества, но часть малую онаго: то есть, людей знающихъ и вкусъ имѣющихъ"; затѣмъ онъ говоритъ, что и „въ Парижѣ невѣждъ не мало, какъ и вездѣ, ибо вселенная по большей части ими наполнена", и что тамъ послѣ смерти Людовика XIV, который „далъ Парнасу золотой вѣкъ,—вкусъ публики сталъ мало по малу исчезать"; потому что и „тамъ ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій; но тамъ— онъ говоритъ — не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Моліерова: а у насъ по театру почти еще и начала нѣтъ; такъ такой скаредный вкусъ, а особливо вѣку Великія Екатерины не принадлежитъ". И вотъ, чтобы „не впустить онаго" (вкуса) — объясняетъ далѣе Сумароковъ — онъ писалъ объ этихъ драмахъ къ Вольтеру, который въ отвѣтѣ своемъ на его письмо вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ Сумарокова о драмахъ или слезныхъ комедіяхъ и выражается о нихъ такъ: *ces pièces batards ne sont ni tragédies, ni comèdies*. Но пока Сумароковъ велъ эту переписку съ Вольтеромъ (отвѣтъ послѣдняго онъ тутъ же приложилъ къ своему предисловію), — эти драмы — говоритъ онъ — „въ сіе короткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ: нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена Евгенія, и какъ нагло актриса подъ именемъ Евгеніи Бакханту ни изображала; а сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя драмы, *какой-то подьячій*, до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судьею Парнаса, и утвердителемъ вкуса Московской публики! Конечно, скоро представленіе свѣта будетъ. Но не ужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ; и неужели вкусъ жителей Московскихъ сходняе сего подъячаго! Подъячему соплетать похвалы вкуса Княжичей и Господичей Московскихъ, толь маломѣстно, какъ непристойно лакею, хоть и придворному, мои пѣсни, безъ моей воли, портить, печатать и продавать или противъ воли еще пребывающаго въ жизни автора портить его драмы, и за порчу собирать деньги, или съѣзжавшимся видѣть сатиру, сидѣть возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи, и думати, что когда за входъ заплачены деньги, можно въ партерѣ въ кулачки биться.... Вы путешествователи, бывшіе въ Парижѣ и въ Лон-

одинъ Сумароковъ и одинъ Дмитревскій къ совершенству театра еще недостаточны». Въ статьѣ «О путешествіяхъ» онъ говоритъ: «Каково мое перо, о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшіе въ Европѣ знаютъ... И что я Россіи сдѣлалъ честь моими сочиненіями, въ томъ я всѣхъ ученѣйшихъ людей во всей Европѣ свидѣтелями имѣю.... Еслибъ такимъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа; не дорого бы стало Россіи, ежели бы она и 300,000 рублевъ на это безвозвратно употребила. Я прошу о семъ (у правительства) не для себя, но для пользы моего отечества, а мой собственный прибытокъ изъ того только одна честь имени моему». и проч.

Нѣтъ сомнѣнія, что Сумароковъ въ своей сатирической дѣятельности

донѣ, скажите! Грызутъ ли тамъ во время представленія драмы орѣхи; и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ-ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, ко тревогѣ всего партера, ложъ и Театра" и проч. Эта нервная филиппика и раздражительные выходки Сумарокова не понравились московской публикѣ, и конечно, особенно не понравились переводчику драмы: *Евгенія*, который служилъ въ канцеляріи графа Салтыкова (Сумароковъ и называетъ его поэтому подъячимъ) и имѣлъ связи въ лучшемъ московскомъ обществѣ. Вслѣдствіе этого всѣ—и публика и актеры—сговорились отомстить Сумарокову тѣмъ, чтобы уронить на сценѣ представленіе которой-либо изъ его трагедій. Начальникъ Москвы, фельдмаршалъ гр. Салтыковъ, какъ видно, былъ также на сторонѣ сговорившихся; потому что содержатель вольнаго театра Бельмонти, по приказанію графа, далъ въ одинъ вечеръ представленіе *Синава* Сумарокова, безъ дозволенія послѣдняго, и вопреки заключенному съ нимъ контракту — не играть его трагедій безъ авторскаго разрѣшенія. Но пьеса была дана; актеры съ намѣреніемъ играли дурно, публика съ намѣреніемъ шумѣла и грызла орѣхи, — и трагедія потерпѣла позорное и совершенное паденіе. Тутъ Сумароковъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, глубоко оскорбленъ, обиженъ, и обиженъ самымъ несправедливымъ и недостойнымъ образомъ; и потому гнѣвъ и досада его не знали предѣловъ. Онъ послалъ къ императрицѣ Екатеринѣ II одно за другимъ три письма съ жалобой на фельдмаршала Салтыкова, пересказывая въ нихъ,—въ самыхъ рѣзкихъ и энергическихъ выраженіяхъ, — о „насиліи" и несправедливостяхъ къ нему Салтыкова во всей этой исторіи и прося государыню „унять" Салтыкова и его „защитить". Кромѣ того, Сумароковъ написалъ по этому поводу любопытную „элегію", въ которой изливаетъ свои горести и страданія, причиненныя ему паденіемъ трагедіи, и гдѣ проситъ императрицу избавить его отъ „гонителя художествъ и наукъ", разумѣя подъ этимъ гр. Салтыкова. И письма и стихи Сумарокова чрезвычайно характерны по отношенію къ его личности, и мы приведемъ здѣсь нѣкоторые отрывки изъ нихъ.

Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ, что послѣ того, когда трагедія его была розыграна дурно и упала, — его едва не разбилъ параличъ, что онъ и доселѣ еще крайне боленъ и что ежели онъ „отъ такого насилія умретъ, то смерть его изобразитъ то: можно ли, чтобы при начальникахъ, отличающихся такимъ невѣжествомъ, упрямствомъ и грубостію, процвѣтали въ Россіи свободныя художества." Екатерина II милостиво отвѣчала и успокоивала Сумарокова, совѣтуя ему „впредь избѣгать подобныхъ ссоръ. Такимъ образомъ — писала императрица — сохраните вы спокойствіе духа, нужное вамъ для вашихъ трудовъ, а мнѣ *всегда пріятнѣе будетъ видѣть изображеніе страстей въ вашихъ драмахъ, нежели читать ихъ въ вашихъ письмахъ*". Но это ни мало не успокоило Сумарокова. Онъ пишетъ снова къ императрицѣ и выражается еще рѣзче о Салтыковѣ: „Отъ Салтыкова, которому ни

является защитникомъ просвѣщенія и врагомъ невѣжества, что онъ ратуетъ за прогрессъ и движеніе общества; но современное состояніе русскаго общества и то жалкое положеніе, въ какомъ находился посреди его русскій писатель, да наконецъ шаткость убѣжденій самаго Сумарокова и его мелкая раздражительность лишаютъ его сатирическія произведенія того достоинства и значенія, которыми обыкновенно отличается истинная сатира, карающая недуги общественныя и нравственныя недостатки въ людяхъ съ разумнымъ сознаніемъ и вытекающая изъ чистыхъ стремленій къ идеальному добру.

Но при всемъ томъ дѣятельность и стремленія Сумарокова были далеко не безплодны для своего времени. Главная заслуга его заключается въ томъ,

---

до поэзіи, ни до драмъ, а особливо по его въ наукахъ крайнему незнанію, никакого дѣла нѣтъ, — за что мнѣ невинно терпѣть? — ибо онъ о томъ, что науки и понятія не имѣетъ, а побѣды его, (надъ Фридрихомъ II, подъ Кунерсдорфомъ) одержанныя по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, въ словесныя науки не входятъ, ниже его здѣшнее начальство" и проч. Екатерина надписала на этомъ письмѣ: „Сумароковъ безъ ума есть и будетъ". Но вообще Екатерина II очень щадила раздражительность Сумарокова. Въ одной запискѣ своей (1765), поручая своему кабинетъ-секретарю, Олсуфьеву написать Сумарокову, чтобы онъ остановилъ печатаніе какой-то своей басни, она говоритъ: „Mesurez bien vos termes dans cette lettre, car nous avons affaire à une tête chaude qui commence à perdre la tromontane si elle n'est pas déja perdue depuis longtemps" (т. е. „Взвѣсьте хорошенько ваши выраженія (въ письмѣ къ Сумарокову), потому что мы имѣемъ дѣло съ горячей головой, которая начинаетъ теряться, если ужъ давно не потерялась").

А вотъ отрывки изъ упомянутой выше „элегіи" Сумарокова:

Всѣ мѣры превзошла теперь моя досада:
Ступайте фуріи, ступайте всѣ изъ ада,
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою!
Въ сей часъ, въ который я терзаюсь, вопію,
Въ сей часъ среди Москвы *Синава* представляютъ,
И вотъ, какъ автора достойно прославляютъ:
Играйте, говорятъ, во мзду его ему,
Играйте пакастно за трудъ на зло ему.....
Слезами я кроплю, Вольтеръ, письмо твое,
Лишенный музъ, лишуся я и свѣта;
Екатерину зрю.... проснись Елисавета!.....
О Боже!.....
Подвигни къ жалости ты мысль императрицы,
Избави ею днесь *отъ варварскихъ мя рукъ*,
И отъ гонителя художествъ и наукъ, и проч.

Дмитріевъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что элегія эта была тогда же напечатана, не смотря на стихъ: „Екатерину зрю, проснись Елисавета" и на многіе колкіе намеки на фельдмаршала Салтыкова. (См. „Полное собраніе всѣхъ сочиненій А. П. Сумарокова" и проч. т. IV, стр. 62 (издан. 1787 г.). — „Очерки жизни и избран. сочиненія А. П. Сумарокова" изд. *С. Глинкою*. СПб. 1841 г. ч. ст. 8 стр. VIII. — „Сумароковъ и современ. ему критика", *Булича*, стр. 40—48. — „Русскій Архивъ", 1863 г. (изд. 2-е), столбецъ 437. — *Дмитріева*: „Взглядъ на мою жизнь" стр. 64—65, 100—101).

что въ своихъ сатирическихъ и критическихъ статьяхъ онъ затрогивалъ живые вопросы, прямо касавшіеся жизни и интересовъ общества. Нападая на современные нравы, разсуждая о предметахъ нравственныхъ, политическихъ и литературныхъ, онъ вносилъ въ оборотъ и распространялъ въ мало-образованномъ русскомъ обществѣ своего времени здравыя и полезныя понятія о многихъ вещехъ, а главное — зарождалъ въ немъ охоту къ чтенію и театру, — и этимъ, конечно, способствовалъ къ образованію общества. Въ этомъ отношеніи не только сатирическія сочиненія Сумарокова, но и самыя трагедіи его, не смотря на всю ихъ неестественность, на уродливое изображеніе историческихъ и даже просто человѣческихъ характеровъ, имѣли хорошее вліяніе на нравственное развитіе общества, особенно при искусной игрѣ даровитыхъ актеровъ. Когда Волковъ игралъ въ первый разъ при дворѣ Елисаветы *Синава*, императрица, утирая слезы, подозвала къ себѣ Сумарокова и подарила ему перстень съ своей руки.

Вотъ почему Сумароковъ былъ рѣшительнымъ любимцемъ современной публики и вотъ почему онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на современныя общество и литературу и почему сочиненія его пользовались продолжительнымъ и постояннымъ успѣхомъ въ теченіе всего прошедшаго столѣтія. Для современной эпохи сочиненія эти отличались вполнѣ жизненнымъ и общественнымъ направленіемъ.

Почти всѣ сочиненія Сумарокова написаны съ небрежностію и отличаются грубымъ, неправильнымъ, часто тривіальнымъ языкомъ,—и тѣмъ не менѣе это неизящество формы и небрежность слога и языка нисколько не препятствовали успѣху его сочиненій у современниковъ. Намъ становится понятенъ послѣ этого восторженный отзывъ Новикова о Сумароковѣ, когда онъ говоритъ, что Сумароковъ сочиненіями своими «пріобрѣлъ себѣ великую и безсмертную славу не только отъ Россіянъ, но и отъ чужестранныхъ академій и славнѣйшихъ иностранныхъ писателей» *).

Сатира Фонъ-Визина.

Свѣдѣнія о жизни Фонъ-Визина; характеристика его времени и среды, его окружавшей. — Сатира, играющая весьма видную роль въ нашей новой литературѣ, была начата у насъ, какъ мы видѣли, вслѣдъ за реформой Петра. Кантемиръ былъ первымъ представителемъ русской сатиры; затѣмъ сатирическое направленіе выразилось въ литературныхъ трудахъ Сумарокова и наконецъ проявилось съ гораздо большею полнотою и въ болѣе сильныхъ и рѣзкихъ чертахъ въ произведеніяхъ Фонъ-Визина и въ сатирическихъ журналахъ семидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія.

Денисъ Ивановичъ *Фонъ-Визинъ* (1744 — 1792) принадлежалъ по рожде-

---

*) Опытъ истор. слов. о рос. пис., стр. 102.

нію къ довольно старинному дворянскому роду. Онъ родился и воспитывался въ Москвѣ. Старикъ отецъ его, человѣкъ, пользовавшійся независимымъ состояніемъ и отличавшійся независимымъ характеромъ и честностію, *) очень рано выучилъ сына грамотѣ; будучи притомъ человѣкомъ религіозвымъ, онъ часто заставлялъ сына читать церковныя книги. Чтенію этому Фонъ-Визинъ приписывалъ впослѣдствіи свои познанія въ русскомъ языкѣ. На одинадцатомъ году, онъ, какъ дворянинъ , былъ записанъ, по тогдашнему обычаю, въ солдаты гвардіи и оставленъ дома для обученія наукамъ. Въ это время только что были основаны московскій университетъ и гимназія, въ которую и былъ отданъ молодой Фонъ-Визинъ, откуда потомъ перешелъ въ университетъ. Большихъ познаній онъ здѣсь не пріобрѣлъ, хотя и говоритъ самъ, что обучался языкамъ и разнымъ наукамъ, получилъ въ награжденіе медаль на экзаменѣ и былъ всегда на хорошемъ счету, какъ одинъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ воспитанниковъ; такъ что, когда начальству заведенія нужно было блеснутъ передъ кураторомъ университета (Шуваловымъ) успѣхами воспитанниковъ и представить ему лучшихъ изъ нихъ; то въ числѣ выбранныхъ и отправленныхъ къ нему въ Петербургъ съ этою цѣлію десяти воспитанниковъ находился и Фонъ-Визинъ. Въ Петербургѣ Фонъ-Визинъ, вмѣстѣ съ прочими воспитанниками, былъ представленъ ко двору, посѣщалъ театръ, въ домѣ Шувалова встрѣтился и познакомился съ Ломоносовымъ, а у своего дяди сошелся съ извѣстными тогда актерами — Волковымъ и Дмитревскимъ, — однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Дмитревскій сдѣлался впослѣдствіи другомъ Фонъ-Визина.

Возвратившись въ Москву, молодой Фонъ-Визинъ принялся за изученіе французскаго языка, и скоро мы видимъ его работающимъ на книгопродавцевъ. Въ 1759 г. Фонъ-Визинъ былъ произведенъ въ студенты, и сталъ посѣщать университетскій курсъ, по филологическому факультету. Здѣсь профессоръ Рейхель, издававшій журналъ: «Собраніе лучшихъ сочиненій», замѣтилъ способности Фонъ-Визина и помѣстилъ въ своемъ журналѣ нѣкоторыя изъ его переводныхъ статей. Въ 1761 г. былъ уже напечатанъ его переводъ «Басней Гольберга», а потомъ переводы: пользовавшагося въ то время извѣстностію романа аббата Веррасона: Sethos, подъ заглавіемъ: «Жизнь Сиоа, царя египетскаго», и трагедіи Вольтера «Альзира», — переводъ въ стихахъ и весьма плохой, который, по словамъ князя Вяземскаго — біографа Фонъ-Визина — долженъ быть признанъ за ученическое упражненіе въ стихотворствѣ и во французскомъ языкѣ. Въ 1762 году Фонъ-Визинъ вступилъ въ службу сержантомъ гвардіи и сдѣлался извѣстенъ вице-канцлеру, князю Голицыну, который перевелъ его въ иностранную коллегію. Тутъ онъ обратилъ на себя вниманіе канцлера, графа Воронцова, поручившаго ему переводъ важныхъ бумагъ. Въ награду за службу онъ въ томъ же году былъ посланъ съ порученіемъ къ шверинскому двору, а на слѣдующій годъ перешелъ на службу къ Елагину, бывшему тогда кабинетъ-министромъ и пользовавшемуся славою умнаго чело-

---

*) „О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина", ст. г. Пятковскаго въ изданіи „Сочиненій Фонъ-Визина" 1866 г. (Глазунова).

вѣка и писателя. При Елагинѣ служилъ также, въ должности секретаря, Лукинъ, авторъ извѣстныхъ въ свое время и нынѣ совершенно забытыхъ комедій, который, угадавъ въ Фонъ-Визинѣ опаснаго соперника, дѣлалъ ему большія непріятности по службѣ. Въ это же время онъ познакомился съ академикомъ Тепловымъ, который былъ впослѣдствіи сенаторомъ. Вслѣдствіе знакомства съ Тепловымъ онъ принялся за переводъ сочиненія знаменитаго англійскаго богослова Самуила Кларка: «Доказательства бытія Божія». Поводомъ къ этому переводу было особенное настроеніе души, въ которомъ въ эту эпоху находился Фонъ-Визинъ.

Высшій классъ русскаго общества временъ Екатерины, стараясь подражать во всемъ жизни современнаго французскаго общества, находился болѣе или менѣе подъ вліяніемъ идей и ученія философовъ-энциклопедистовъ XVIII вѣка, распространявшихся въ европейской публикѣ посредствомъ французскаго языка, который въ то время былъ языкомъ всего образованнаго общества въ Европѣ, а съ царствованія Елисаветы сталъ сильно распространяться и у насъ. Дворъ и нѣкоторые русскіе вельможи находились въ перепискѣ съ Дидро, съ Даламберомъ и въ особенности съ Вольтеромъ, съ которымъ императрица Екатерина вела дѣятельную и продолжительную переписку о важнѣйшихъ предметахъ государственнаго управленія. Даламбера императрица приглашала въ Россію, желая сдѣлать его воспитателемъ великаго князя, наслѣдника престола; Гельвецій посвятилъ ей свою знаменитую книгу «О человѣкѣ»; а Дидро, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, нашелъ радушный пріемъ и при дворѣ и во всѣхъ кружкахъ образованнаго общества столицы. Сочиненія: Монтескьё, знаменитаго итальянскаго криминалиста — Беккаріи, Вольтера и энциклопедистовъ, — которыхъ онъ признавался главою, — были болѣе или менѣе извѣстны русскимъ людямъ того времени, желавшимъ слыть образованными. Нѣкоторые изъ сочиненій названныхъ писателей были переводимы на русскій языкъ. Вотъ почему, духъ скептицизма и сомнѣній и взглядъ философовъ-матеріалистовъ XVIII столѣтія на многіе вопросы религіи и нравственности проглядывалъ во внѣшней жизни и въ образѣ мыслей нѣкоторыхъ личностей изъ русскаго образованнаго общества екатерининской эпохи. Но въ большинствѣ случаевъ этотъ скептицизмъ и идеи философовъ XVIII вѣка конечно были у насъ своего рода модою и щегольствомъ — также точно, какъ и самый французскій языкъ, посредствомъ котораго эти идеи врывались къ намъ и обращались въ извѣстной части современнаго общества. Понятно поэтому, что при такомъ порядкѣ вещей, знакомство наше съ тогдашними европейскими идеями могло быть только поверхностное, внѣшнее, — какъ это и было на самомъ дѣлѣ, — и наши «вольтеріанцы» прошлаго столѣтія, щеголявшіе скептическими идеями, отличались только легкостію нравовъ, порожденныхъ внѣшнимъ европеизмомъ, и прекрасно уживались и съ крѣпостнымъ правомъ, и со всею уродливою патріархальностію отношеній въ служащемъ сословіи, съ сословными и другими предразсудками, словомъ со всѣмъ тѣмъ, противъ чего собственно и вооружалась практическая философія XVIII вѣка и что накопилось въ русской жизни ходомъ предыдущей исторіи. Но въ настоящемъ случаѣ для

насъ важенъ тотъ фактъ, что во время Фонъ-Визина, посреди петербургскаго общества, существовали такъ называемые тогда «вольтеріанцы», величавшіе себя послѣдователями философскихъ идей Вольтера и энциклопедистовъ. Молодой Фонъ-Визинъ, попавъ въ ихъ среду, съ понятіями о религіи и нравственности, вынесенными изъ патріархально-русскаго дома родительскаго, невольно пришелъ въ смущеніе, услышавъ въ обществѣ мнѣнія рѣзкія и совершенно противоположныя его прежнимъ понятіямъ о многихъ важныхъ предметахъ. Отсюда-то происходитъ нѣкоторый родъ спектицизма и колебаніе въ мнѣніяхъ самаго Фонъ-Визина, отразившіеся отчасти и въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ, какъ напримѣръ, въ «Посланіи къ слугамъ моимъ». Но въ своемъ «Чистосердечномъ Признаніи» (авто-біографія Фонъ-Визина, которую онъ не успѣлъ окончить) онъ даетъ уразумѣть, какъ тяготило его такое состояніе души. И въ эту-то пору онъ познакомился съ Тепловымъ, который навелъ его на сочиненіе Самуила Кларка, — вѣроятно имѣвшее вліяніе на успокоеніе его душевнаго состоянія.

Около этого же времени, т. е. около 1764 или 1765, была напечатана комедія Фонъ-Визина «Бригадиръ», которая доставила ему извѣстность даровитѣйшаго изъ русскихъ писателей и имѣла полнѣйшій успѣхъ въ средѣ избраннаго петербургскаго общества. «Начиная отъ государыни — говоритъ кн. Вяземскій — и молодаго наслѣдника, всѣ первѣйшія лица Петербурга наперерывъ приглашали автора и слушали чтеніе его комедіи». Въ 1770 году Фонъ-Визинъ переходитъ на службу, въ должности секретаря, къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, который управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и которому императрица ввѣрила воспитаніе наслѣдника престола. Служба при графѣ Панинѣ имѣла для Фонъ-Визина чрезвычайно важное значеніе, открывъ его уму и способностямъ поприще дипломатической и политической дѣятельности. Графъ Панинъ считается въ исторіи русской дипломатіи однимъ изъ умнѣйшихъ дипломатовъ и замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей своей эпохи; заслугамъ его императрица Екатерина придавала весьма важное значеніе. Фонъ-Визинъ съ перваго знакомства съ гр. Панинымъ и до его смерти пользовался неограниченнымъ довѣріемъ этого министра и былъ постояннымъ посредникомъ между нимъ и главнѣйшими изъ современныхъ русскихъ дипломатовъ, ведя съ ними дѣятельную переписку то дѣловую, то совершенно дружескую.

Фонъ-Визинъ совершилъ въ теченіе своей жизни четыре заграничныхъ путешествія, много способствовавшихъ, безъ сомнѣнія, къ развитію его наблюдательнаго таланта и къ пополненію его образованія. Въ первый разъ, какъ мы видѣли, онъ ѣздилъ въ Шверинъ, съ порученіемъ по службѣ. Второе путешествіе онъ предпринялъ во Францію, вслѣдствіе нездоровья жены, и пробылъ около двухъ мѣсяцевъ въ Монпельё, который славился своимъ медицинскимъ факультетомъ. На пути онъ посѣтилъ многіе города Германіи и Франціи; изъ Монпельё онъ пріѣхалъ въ Парижъ и прожилъ тамъ нѣкоторое время. Въ эту поѣздку Фонъ-Визинъ написалъ свои извѣстныя «Письма изъ Франціи къ гр. П. И. Панину», отличающіяся тонкою наблюдательностію и

чрезвычайно рѣзкими суждениями о французской политикѣ и нравственномъ состояніи самого народа. Во Франціи онъ не тратилъ времени даромъ. Въ Монпельё *) къ нему ходилъ адвокатъ, съ которымъ занимался онъ изученіемъ юриспруденціи; въ Парижѣ онъ слушалъ курсъ физики у Бриссона, заводилъ знакомства съ учеными и литераторами, участвовалъ въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и принятъ былъ членомъ въ одно изъ нихъ. Многія изъ писемъ Фонъ-Визина этой эпохи, какъ полагаетъ князь Вяземскій, утрачены — вѣроятно во время московскаго пожара въ 1812 году. По возвращеніи изъ Франціи, Фонъ-Визинъ написалъ «Недоросля», и вскорѣ потомъ, по нездоровью, а можетъ быть и вслѣдствіе смерти гр. Панина, бросилъ службу. Въ 1784 году предпринялъ онъ третье путешествіе за границу. Проѣхавъ часть Германіи, черезъ Тироль прибылъ онъ въ Италію и въ восемь мѣсяцевъ успѣлъ объѣздить почти всѣ главныя города ея. Въ Италіи все вниманіе Фонъ-Визина привлекаютъ памятники искуствъ и художествъ; онъ посѣщаетъ картинныя галлереи и хранилища искуствъ, живетъ съ картинами и статуями и — по его словамъ — боится, чтобы «самому не превратиться въ бюстъ»; про храмъ св. Петра въ Римѣ онъ говоритъ, что храмъ этотъ, кажется ему «созданъ Богомъ для самого себя». Вообще письма и замѣчанія Фонъ-Визина объ Италіи не менѣе интересны его писемъ изъ Франціи и обличаютъ въ немъ человѣка серьёзно и хорошо образованнаго, хотя и нерѣдко — очень односторонняго въ своихъ сужденіяхъ. Мы впрочемъ еще будемъ говорить далѣе о его заграничныхъ письмахъ.

Возвратившись изъ путешествія, Фонъ-Визинъ подвергся удару паралича въ Москвѣ, отнявшему у него до самаго конца жизни свободное употребленіе языка, лѣвой руки и ноги. Онъ отъ природы былъ некрѣпкаго здоровья, а жизнь, довольно неумѣренная, вредила еще болѣе его здоровью. (Женившись въ 1774 году на богатой вдовѣ, Фонъ-Визинъ жилъ довольно открыто и часто принималъ и угощалъ у себя значительный кругъ своихъ пріятелей и знакомыхъ). Для излѣченія отъ болѣзни онъ ѣдетъ снова за границу (1780) къ германскимъ минеральнымъ водамъ, но на пути остается на нѣкоторое время въ Вѣнѣ. Онъ однако не находитъ и за границей большаго облегченія своимъ физическимъ страданіямъ. Едва въ сорокъ лѣтъ, въ самой порѣ мужественныхъ силъ, онъ лишается здоровья и страдая физически, разбитый, истощенный, медленно-угасающій, живетъ еще около семи лѣтъ; но морально, онъ все еще сохраняетъ бодрость духа, живость ума и веселость разговора; литература интересуетъ его до послѣдняго дня жизни. Разбитый параличемъ языкъ его произноситъ слова съ усиліемъ и медленно; но рѣчь его, по отзыву современниковъ (записки И. И. Дмитріева, стр. 59), была и въ это время жива и увлекательна. Кн. Вяземскій полагаетъ, что нѣкоторыя мелкія сатирическія статьи Фонъ-Визина написаны имъ именно въ эту эпоху болѣзненной и страдальческой жизни. Достовѣрно извѣсно, что въ это время онъ написалъ комедію: «Выборъ гувернёра» и собирался издавать журналъ: «Другъ честныхъ

*) Фонъ-Визинъ, кн. П. Вяземскаго стр. 140.

людей, или Стародумъ»; намѣреніе это не состоялось; но дошедшія до насъ статьи: «Разговоръ у княгини Халдиной», «Переписка Взяткина и Стародума» и друг. были заготовлены имъ для задуманнаго журнала. Фонъ-Визинъ умеръ 1 декабря 1792 года, проведя на-канунѣ вечеръ у Державина, гдѣ онъ, — какъ говоритъ Дмитріевъ въ своихъ запискахъ, — блисталъ своимъ остроуміемъ и словоохотливостію и заставлялъ не разъ всѣхъ смѣяться, и гдѣ была прочтена его новая комедія: «Гофмейстеръ», вѣроятно та*), которая напечатана потомъ подъ названіемъ «Выборъ гувернера»; потому что комедіи съ названіемъ «Гофмейстеръ» отъ него не осталось. «Мы разстались съ нимъ въ одинадцать часовъ, — прибавляетъ Дмитріевъ, — а на утро онъ уже былъ въ гробѣ». Тамъ же 60).

Оцѣнка таланта Фонъ-Визина. Характеръ и свойства его сатиры; связь ея съ сатирой предыдущей и съ просвѣтительною дѣятельностію правительства Екатерины II. Зависимость этой послѣдней дѣятельности отъ общаго умственнаго движенія въ Европѣ въ XVIII столѣтіи. Основныя начала и положенія этого движенія. — Фонъ-Визинъ жилъ не долго, и судя сравнительно, написалъ не много: истинныя заслуги его въ литературѣ основаны на двухъ комедіяхъ: «Недорослѣ» и «Бригадирѣ»; но литературная дѣятельность Фонъ-Визина имѣетъ важное значеніе въ исторіи русской литературы и въ исторіи развитія русскаго общества вообще.

Талантъ Фонъ-Визина — преимущественно талантъ сатирическій. Двѣ знаменитыя комедіи его — скорѣе злая, безпощадная сатира, въ формѣ комедій, на извѣстную часть современнаго общества, нежели художественныя сценическія произведенія, полныя драматической жизни и движенія и отличающія ихъ автора особенною творческою силою въ созданіи и въ развитіи характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Фонъ-Визинъ не былъ великимъ драматическимъ поэтомъ; но тѣмъ не менѣе его комедіи являются произведеніями въ высшей степени замѣчательными въ русской литературѣ; ибо это суть произведенія перваго истинно-даровитаго писателя, обладавшаго живымъ и превосходнымъ комическимъ и сатирическимъ талантомъ.

Кантемиръ, первый русскій сатирикъ новаго періода, уже возстаетъ въ своихъ сатирахъ, какъ мы видѣли, противъ невѣжества и грубости нравовъ своихъ современниковъ, то есть, противъ враговъ просвѣщенія и противъ тѣхъ, которые съумѣли перенять отъ Европы одну лишь внѣшнюю форму, внѣшній лоскъ общественной жизни народовъ образованныхъ. Тѣ же побужденія, ту же цѣль имѣетъ и сатира Фонъ-Визина. Разница только въ томъ, что сатирическій талантъ послѣдняго вытекаетъ изъ его натуры, живой, воспріимчивой и гораздо болѣе поэтической, нежели натура Кантемира. Сатиры послѣдняго не представляютъ ничего поэтическаго; это просто произведенія умнаго и просвѣщеннаго человѣка, ненавистника грубости и пороковъ, проистекавшихъ, по его мнѣнію, изъ невѣжества. Фонъ-Визинъ же былъ не только, подобно Кантемиру, человѣкъ просвѣщенный, но и передовой литературный

*) Или быть можетъ, и другая, истребленная пожаромъ вмѣстѣ съ другими бумагами Фонъ-Визина, — какъ допускаетъ г. Пятковскій. См. тамъ же, XXXIII.

дѣятель своей эпохи, и писатель съ рѣшительнымъ комическимъ дарованіемъ; и потому его комедіи имѣютъ не только историческое, но и художественное значеніе, по созданнымъ въ нихъ художественнымъ типамъ. Сатира Фонъ-Визина хотя и является въ формѣ комедіи, построенной по теоріи комедій французскихъ; но она близка къ дѣйствительности и совершенно самобытна по своему содержанію; языкъ его сатиры живъ, одушевленъ и оригиналенъ; въ немъ много комической силы; и потому сатира Фонъ-Визина и со стороны своего литературнаго значенія и со стороны вліянія, которое она должна была производить на современное общество, стоитъ гораздо выше сатиры Кантемира и сатирическихъ произведеній Сумарокова.

Но сходство сатиры Фонъ-Визина съ предыдущей сатирой заключается въ томъ, что она также является сатирою служебною, имѣвшею поучительную и просвѣтительную цѣль, т. е. ту цѣль, которая выражалась постоянно въ просвѣтительной дѣятельности самого правительства, начиная съ реформы Петра, а при императрицѣ Екатеринѣ проявилась въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ правительственныхъ мѣръ и узаконеній, предпринятыхъ и составленныхъ въ духѣ современныхъ философскихъ и политическихъ воззрѣній. Сатира Фонъ-Визина находилась въ тѣсной связи съ этими узаконеніями, принявъ на себя роль ихъ искренней и усердной помощницы и изъяснительницы.

При разборѣ сочиненій Державина мы сказали, что первая половина царствованія Екатерины II отличалась выраженіемъ въ дѣятельности правительства высокихъ принциповъ и либеральныхъ началъ.

Въ Европѣ XVIII вѣкъ былъ вѣкомъ практической философіи по преимуществу, — когда философія не оставалась однимъ только школьнымъ ученіемъ, но старалась проникать въ жизнь общественную и государственную и во всѣ житейскія отношенія, когда на основаніи философскихъ истинъ и положеній предпринимались и производились различныя общественныя и государственныя преобразованія. Вопросъ объ осуществленіи на практикѣ, о проведеніи въ жизнь философскихъ идей и либеральныхъ началъ занималъ всѣ серьезные умы эпохи, занималъ не только людей теоріи — философовъ, ученыхъ и поэтовъ,— но и людей практики — современныхъ политическихъ дѣятелей и правителей народовъ. Извѣстно, что Фридрихъ Великій, король прусскій, Іосифъ II, императоръ австрійскій, Густавъ III, король шведскій, Петръ Леопольдъ Тосканскій, министры: Португаліи — Помбаль и Испаніи — Аранда и другія коронованныя и правительственныя лица питали сочувствіе къ французскимъ философамъ и къ проповѣдуемымъ ими новымъ общественнымъ и политическимъ ученіямъ и идеямъ, и дѣлали попытки къ ихъ осуществленію въ своей законодательной и правительственной дѣятельности. Екатерина II также находилась съ ранней молодости подъ вліяніемъ сочиненій Вольтера и энциклопедистовъ и посвящала свое время на чтеніе философскихъ и другихъ серьезныхъ произведеній своего времени *). Сдѣлавшись повелительницей Россіи, она первыми же дѣйствіями

*) Княгиня Дашкова говоритъ въ своихъ запискахъ: „Въ то время, можно утвердительно сказать, что въ цѣлой имперіи не было двухъ женщинъ, которыя,

своего правительства пріобрѣла себѣ славу самой либеральной и просвѣщенной государыни въ Европѣ. Находясь подъ вліяніемъ западныхъ идей, она созываетъ въ 1766 году народныхъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій, званій и народовъ въ государствѣ и приказываетъ образовать изъ нихъ коммиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія для Россіи; въ руководство этой коммиссіи она пишетъ свой знаменитый «Наказъ», въ которомъ излагаетъ главнѣйшія основанія и теоретическія положенія для новаго уложенія, предоставивъ депутатамъ только дальнѣйшее развитіе ихъ и обработку для практическаго примѣненія. Вотъ въ этихъ-то основаніяхъ, составляющихъ главную сущность «Наказа» Екатерины II, какъ и въ самомъ актѣ созванія народныхъ депутатовъ, и выразилось вліяніе современныхъ идей и философскихъ ученій, которымъ она подчинялась безусловно въ первую половину своего царствованія. «Наказъ», данный въ руководство коммиссіи депутатовъ, — которая открыла свои засѣданія въ іюлѣ 1767 года и начала свои работы съ чтенія и изученія «Наказа», — есть подражаніе и, въ большей части случаевъ, буквальный переводъ знаменитой книги Монтескьё: «О духѣ законовъ» (*Esprit des Lois*) *) съ заимствованіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ сочиненія Беккаріи: «Трактатъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ». Сочиненіе Беккаріи, по своему человѣколюбивому взгляду, въ духѣ идей XVIII вѣка, на преступленія и наказанія, сильно

подобно великой княгинѣ (Екатеринѣ II) и мнѣ, серьезно занимались чтеніемъ". О себѣ же Дашкова свидѣтельствуетъ, что она съ 15 лѣтняго возраста предавалась чтенію серьезныхъ книгъ — со страстію, съ большимъ рвеніемъ — и что любимыми ея писателями были: Бэль, Монтескье, Вольтеръ и друг. Совершенное знакомство Екатерины II со всѣми замѣчательными произведеніями XVIII вѣка по части философіи, политики, права и т. д. видно. изъ ея собственныхъ, многочисленныхъ и разнообразныхъ сочиненій и переводовъ.

*) Вотъ для примѣра сравненіе статьи „Наказа" — объ изслѣдованіи дѣлъ по волшебству и еретичеству съ словами Монтескье о томъ же предметѣ. Въ „Наказѣ" (§ 497) говорится: Правило весьма важное и нужное: должно быть очень осторожнымъ въ изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и еретичествѣ. Обвиненіе въ сихъ двухъ преступленіяхъ можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть еще источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ оному не положено; ибо какъ сіе обвиненіе не ведетъ прямо къ дѣйствіямъ гражданина, но больше къ понятію воображаемому людьми о его характерѣ, то и бываетъ оно очень опасно, по мѣрѣ простонароднаго невѣжества. „У Монтескье (*Esprit des Lois*, liv. douz. chap. V): „Maxime importante: il faut être très-circonspect dans la poursuite de la magie et de l'hérésie. L'accusation de ces deux crimes peut extremement choquer la liberté, et être la source d'une infinité de tyrannie, si le legislateur ne sait la borner. Car, comme elle ne porte pas directement sur les actions d'un citoyen, mais plutôt sur l'idée que l'on s'est faite de son caractère, elle devient dangereuse à proportion de l'ignorance du peuple", etc. Изъ этого видно, что „Наказъ" только распространяетъ и объясняетъ смыслъ своего подлинника; но въ немъ есть многія мысли, принадлежащія собственно Екатеринѣ, именно мысли, касающіяся современнаго состоянія Россіи, постановленій Петра Великаго, положенія русскихъ крестьянъ, помѣщиковъ и проч. Екатерина II, впрочемъ, и не скрывала тѣхъ заимствованій изъ сочиненій иностранныхъ публицистовъ, которыя послужили ей матеріаломъ для составленія *Наказа*. Въ залѣ общаго собранія петербургскихъ департаментовъ

способствовало къ измѣненію почти во всей Европѣ прежней суровой системы уголовныхъ законовъ. Оттого «Наказъ» Екатерины II, принадлежа къ замѣчательнымъ памятникамъ нашего законодательства и отличаясь гуманными идеями и философскими воззрѣніями, имѣетъ для насъ не только законодательное, но въ тоже время и важное литературное значеніе: онъ находится въ прямомъ соотношеніи съ главнѣйшими литературными явленіями екатерининскаго времени и состоитъ въ связи съ тѣми философскими понятіями и воззрѣніями, которыя въ то время были въ большомъ ходу въ европейскихъ литературахъ. Собраніе депутатовъ и «Наказъ», переведенный на иностранные языки, прославили императрицу Екатерину на всю Европу: философы и писатели Франціи превозносили русскую государыню восторженными похвалами, называли ее «Семирамидой сѣвера», «сѣвернымъ сіяніемъ Европы», говорили: C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière, и т. п. Вольтеръ, въ своей перепискѣ съ императрицей, постоянно освѣдомлялся о ходѣ новыхъ законодательныхъ работъ, которыя должны были исходить изъ принциповъ и положеній, изложенныхъ въ «Наказѣ» и отличавшихся либеральными и человѣколюбивыми стремленіями, стремленіями — къ дарованію русскому народу наибольшаго счастія и процвѣтанія, къ созданію кроткихъ и мудрыхъ законовъ, справедливаго и человѣчнаго суда и просвѣщенной администраціи, къ водворенію терпимости въ вопросахъ религіи, къ искорененію невѣжества, къ улучшенію народной нравственности и къ водворенію вообще въ народѣ просвѣщенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Таковы были главнѣйшія положенія «Наказа», составительница котораго здѣсь прямо слѣдовала своимъ источникамъ. И такъ какъ эти послѣдніе и вообще философскія ученія того времени считали самымъ вѣрнымъ и надежнымъ орудіемъ для совершенства человѣческихъ обществъ — воспитаніе, то и въ «Наказѣ» трактуется довольно подробно о правилахъ воспитанія, на основаніи современныхъ философскихъ идей и мнѣній Монтескьё, Беккаріи и другихъ.

Вообще вопросъ о воспитаніи былъ, какъ извѣстно, великимъ вопросомъ XVIII вѣка. Достаточно припомнить новую систему воспитанія, созданную Ж. Ж. Руссо въ его «Эмилѣ», который въ свое время дѣлалъ такъ много шуму и имѣлъ сильное вліяніе на современные умы. Руссо и его послѣдователи признали прежнюю систему воспитанія, а съ нею вмѣстѣ и всю прежнюю образованность, слишкомъ искуственною, не естественною и не свойственною человѣку и почитали ее главною причиною всѣхъ несчастій и испорченности

правительствующаго сената—говоритъ г. Щебальскій — хранятся два экземпляра „Наказа", написанные ея рукою, изъ которыхъ въ одномъ (на стр. 124) мы читаемъ: „Матеріалы, кои служили къ сочиненію Наказа, выписаны изъ разныхъ книгъ на чужестранныхъ языкахъ, какъ явствуетъ изъ оригинала моей руки". Оригинальныя же рукописи эти Екатерины хранятся въ библіотекѣ петербургской академіи наукъ, съ надписью рукою императрицы: „Materieux dont les traductions sont dans les sénat et qui ont servi pour composer l'instruction de la commission établie pour faire le projet des lois". (См. „Екатерина II, какъ писательница", ст. I, 111—112 въ журналѣ: „Заря", 1869 г. февраль).

людей. Но еще раньше Руссо, родоначальникъ т. н. «опытной» философіи, англійскій философъ Локкъ въ спеціальномъ сочиненіи «о воспитаніи» (часть котораго была переведена порусски Поповскимъ) указалъ на главные недостатки старой схоластической методы воспитанія: по мнѣнію Локка и его послѣдователей, эта метода, при крайней и ненужной сухости и суровости школьныхъ пріемовъ и обращенія съ дѣтьми, только наполняла ихъ головы различными познаніями, а не воспитывала ихъ, не развивала путемъ естественнымъ и свободнымъ ихъ умственныхъ и душевныхъ способностей. Тогда какъ въ дѣлѣ воспитанія это собственно и требуется. И такъ какъ французскіе философы и писатели XVIII вѣка, въ сущности, можно сказать, только популяризировали тѣ идеи и ученія, которыя возникли въ Англіи съ половины семнадцатаго столѣтія, въ пору особенно сильнаго умственнаго движенія въ этой странѣ *); то Локкова система воспитанія, основанная на болѣе естественныхъ и раціональныхъ началахъ, встрѣчала себѣ вездѣ ревностныхъ послѣдователей и отчасти отразилась въ законодательной дѣятельности по части образованія народнаго нѣкоторыхъ современныхъ правительствъ. На основаніи новыхъ ученій и началъ,—всѣхъ лучшихъ людей времени начинаютъ тревожить та идея и тѣ его стремленія, что каждому человѣку, по естественному праву, должны быть доступны всѣ дары просвѣщенія и человѣческой свободы и что доступъ къ нимъ можетъ быть открытъ для каждаго только при помощи разумнаго и построеннаго на новыхъ началахъ воспитанія и образованія. Потому, весьма натурально, что идеи эти и стремленія отразились и въ преобразовательной дѣятельности императрицы Екатерины, находившейся, въ началѣ своего царствованія, какъ мы сказали, подъ вліяніемъ духа и ученій французскихъ философовъ XVIII вѣка.

Вопросъ объ образованіи народномъ, о произведеніи реформы въ системѣ воспитанія долженъ былъ получить у насъ еще большее значеніе, нежели въ западной Европѣ; потому что въ воспитаніи, въ образованіи народномъ, у насъ настояла еще бо́льшая надобность, нежели тамъ. Въ этихъ видахъ, Екатерина II задумала, въ широкихъ размѣрахъ, планъ новаго воспитанія и устройства для русскаго юношества сначала воспитательныхъ, а потомъ и общеобразовательныхъ заведеній. Выполненіе своего плана она поручила извѣстному *Бецкому*, президенту академіи художествъ, и въ его-то знаменитыхъ «докладахъ» императрицѣ, равно какъ въ современныхъ законодательныхъ памятникахъ по части воспитанія и въ собственныхъ сочиненіяхъ Екатерины II изложены главныя основанія и начала новой воспитательной системы. Въ силу этихъ началъ у насъ, также какъ и на Западѣ, — откуда они были главнымъ образомъ заим-

---

*) Главнѣйшими представителями этого умственнаго движенія были въ Англіи: Ньютонъ, Локкъ, школа т. н. „шотландскихъ“ философовъ и скептики: Юмъ и французъ Бель; а распространителями ихъ идей и ученій были французскіе философы, или писатели публицисты XVIII вѣка: Вольтеръ, Дидро, Даламберъ—главнѣйшіе изъ энциклопедистовъ, матеріалисты — Гольбахъ, Кондильякъ, Гельвецій и друг., политическіе писатели, какъ Монтескье и друг. и наконецъ самъ Ж. Ж. Руссо.

ствованы, — вѣрили вполнѣ и полагали, что воспитательныя заведенія, устроенныя по новымъ проэктамъ, должны сдѣлать рѣшительное преобразованіе русскаго общества, должны произвести «новую нороду людей», — какъ сказано въ докладѣ Бецкаго о воспитаніи юношества обоего пола.

Просвѣтительной дѣятельности Екатерины II, въ духѣ современной практической философіи, признававшей, что одно лишь истинное просвѣщеніе способствуетъ развитію и благу народа и направляетъ образъ дѣятельности правительства, вполнѣ сочувствовалъ образованный классъ людей того времени, въ особенности кружокъ современныхъ русскихъ писателей, выражавшихъ въ своихъ сочиненіяхъ живѣйшее сочувствіе къ этой сторонѣ дѣятельности правительства. Такое сочувствіе выразилось и въ произведеніяхъ Фонъ-Визина, какъ одного изъ главныхъ представителей современной литературной эпохи. Борьба съ невѣжествомъ и вопросъ объ «истинномъ» просвѣщеніи, къ которому должна была привести, по его мнѣнію, новая система воспитанія, противоположная прежнему воспитанію, составляютъ существенную сторону всѣхъ его литературныхъ трудовъ, и въ особенности двухъ главнѣйшихъ изъ нихъ, т. е. комедій: «Недоросль» и «Бригадиръ».

Комедіи: Недоросль и *Бригадиръ*; *ихъ художественное и современное значеніе.* — «Недоросль» и по внутреннему содержанію и по выполненію стоитъ выше «Бригадира», — быть можетъ потому, что онъ написанъ въ зрѣлые годы автора, спустя 18 лѣтъ послѣ «Бригадира»; тогда какъ «Бригадиръ» принадлежитъ къ первымъ произведеніямъ его молодости: онъ появился въ свѣтъ, когда Фонъ-Визину было не болѣе 20 лѣтъ отъ роду.

При опредѣленіи художественнаго значенія и литературныхъ качествъ этихъ комедій, мы должны постоянно имѣть въ виду классическую французскую комедію, по образцу которой онѣ построены въ главныхъ чертахъ своихъ. Этимъ мы не хотимъ однако сказать, что комедіи Фонъ-Визина, подобно комедіямъ Сумарокова или другихъ современныхъ русскихъ писателей, суть не болѣе какъ подражанія французскимъ комедіямъ или передѣлка ихъ на русскіе нравы. Сильный талантъ Фонъ-Визина помогъ ему, не смотря на подражательность условнымъ формамъ французской комедіи, мѣтко обрисовать и представить въ своихъ произведеніяхъ рѣзкую и живую картину нравовъ именно русскаго современнаго общества. Но тѣмъ не менѣе эти ложныя формы и правила классической комедіи: искуственность завязки и развязки, поучительная цѣль, торжество добродѣтели и наказаніе порока и происходящія отсюда — съ одной стороны сухое и безжизненное резонерство въ добродѣтельныхъ лицахъ комедій, а съ другой — преувеличенное изображеніе порочнаго и смѣшнаго въ комическихъ — отразились вполнѣ въ произведеніяхъ Фонъ-Визина и составляютъ ихъ существенный недостатокъ и несовершенство въ художественномъ отношеніи.

Въ «Бригадирѣ» главное дѣйствующее лицо не самъ бригадиръ, а его сынъ «Иванушка», баловень невѣжественной матери, получившій воспитаніе въ пансіонѣ, который содержалъ какой-то французъ, прежде бывшій кучеромъ. Иванушка доканчиваетъ свое образованіе, начатое такимъ менеромъ, въ Парижѣ

и возвращается домой съ чувствомъ полнаго презрѣнія ко всему русскому и родному. Другое важное комическое лицо піесы это Совѣтница, — женскій обращикъ той же модной образованности, которою щеголяетъ Иванушка. Оба они бредятъ Парижемъ и всѣмъ французскимъ, ненавидятъ все русское и внѣшнія формы французской жизни, внѣшній европеизмъ принимаютъ за истинную образованность.

Иванушка и Совѣтница — это прототипы цѣлаго поколѣнія русскихъ «щеголей» и «щеголихъ», безмыслено перенимавшихъ однѣ лишь внѣшнія стороны и привычки европейской жизни: французскій языкъ, покрой платья, моды и т. п. и вносившихъ въ прежнюю патріархальную русскую семью легкость нравовъ и супружескихъ отношеній. Все это уродливо передѣлывалось ими на русско-французскій ладъ и почиталось необходимою принадлежностію образованнаго общества. Такое заимствованіе нашими предками прошлаго столѣтія у европейцевъ однихъ лишь внѣшнихъ формъ и привычекъ ихъ жизни — легко объясняется. О водвореніи у насъ европейской образованности, со временъ реформы Петра, хлопотало, какъ мы видѣли, больше всего правительство, а не само общество, и потому-то образованность эта касалась русскаго общества только своею внѣшнею стороною. Вмѣсто того, чтобы почерпать у европейцевъ зрѣлыя понятія о гражданской и общественной жизни и человѣчныя идеи, русскіе такъ называемые образованные люди, по степени своей развитости, способны были перенимать у Европы прежде всего внѣшній лоскъ цивилизованной жизни и пороки европейской цивилизаціи. Сознавая нелѣпость подобнаго внѣшняго подражанія европеизму, Фонъ-Визинъ, въ лицѣ Иванушки и Совѣтницы, рѣзкими чертами изобразилъ всѣ дурныя и смѣшныя его стороны. Во многихъ изъ рѣчей Иванушки и Совѣтницы, относящихся до Парижа, до «несчастія быть русскимъ» и т. п. кн. Вяземскій видитъ преувеличенія и натяжки. Въ комедіи Фонъ-Визина встрѣчаются дѣйствительно многія преувеличенія и натяжки въ родѣ, напримѣръ, того, что бригадиръ удивляется: «какъ можно думать, что Богу, который все знаетъ, неизвѣстенъ будто нашъ табель о рангахъ? Стыдное дѣло!» (Бригад. Дѣйств. 1, явлен. 1) и т. п. Но едва ли въ названныхъ рѣчахъ можно видѣть большое преувеличеніе. Развѣ неизвѣстно, до какой крайности доходило въ русскомъ образованномъ обществѣ прежняго времени подражаніе и пристрастіе ко всему иностранному, преимущественно французскому? Развѣ болтовня на французскомъ языкѣ не почитается еще и теперь признакомъ образованности и не служитъ ли французскій языкъ и по настоящее время преимущественно языкомъ высшихъ слоевъ русскаго общества? — По смыслу комедіи Фонъ-Визина, слѣпое и смѣшное пристрастіе ко всему иностранному, презрѣніе ко всему отечественному и непониманіе того, что въ немъ есть хорошаго, — все это плоды дурнаго воспитанія.

Прочія комическія лица «Бригадира», какъ-то: Совѣтникъ, Бригадирша и Бригадиръ послужили автору для изображенія другихъ недостатковъ современнаго русскаго общества. Въ роли Совѣтника Фонъ-Визинъ возстаетъ противъ лихоимства и ябедничества, господствовавшихъ въ его время въ русскомъ служебномъ мірѣ. Совѣтникъ даетъ такой совѣтъ своему будущему зятю:

«Паче всего изволь читать уложеніе и указы. Кто ихъ, *будучи судьею, толковать умѣетъ*, тотъ, другъ мой зятюшка, нищимъ быть не можетъ». Противъ этого кривосудія, противъ этихъ золъ современной русской жизни было издано нѣсколько грозныхъ указовъ въ первые же годы царствованія Екатерины II. Такимъ образовъ, нашъ сатирикъ и здѣсь, какъ въ вопросѣ о воспитаніи, согласуется въ своей сатирической дѣятельности съ преобразовательною дѣятельностію правительства. Его Совѣтникъ, служившій въ какой-то коллегіи и принадлежащій къ разряду старинныхъ приказныхъ, — отъявленный взяточникъ и къ тому еще глубокій лицемѣръ и святоша. Онъ изъ взятокъ составилъ себѣ состояніе, пріобрѣлъ деревеньку и поселился въ ней, выйдя *въ отставку послѣ изданія указа противъ лихоимцемъ*. Эта послѣдняя черта въ изображеніи Совѣтника заключаетъ въ себѣ, однако, или иллюзію самаго автора или риторическое преувеличеніе, показывающее только зависимость фонъ-визинской сатиры отъ дѣятельности правительства. Изъ словъ комедіи, что *прошло то время*, когда, *подружась съ судьею*, всякій могъ получить милостивую резолюціею, нельзя, конечно, заключить что всѣ судьи и чиновники-взяточники, послѣ указа Екатерины о лихоимцахъ *), были удалены отъ службы и что лихоимство судей прекратилось. Свидѣтельство исторіи того времени ни мало этого не подтверждаетъ. Впрочемъ, о вліяніи просвѣтительной дѣятельности правительства и сатиры второй половины прошлаго вѣка и вообще о ихъ значеніи для современной дѣйствительности мы еще будемъ говорить далѣе.

Самый удачный и болѣе цѣльный характеръ въ разбираемой нами комедіи Фонъ-Визина — это характеръ Бригадирши, съ ея животною любовію къ своему дѣтищу, Иванушкѣ, съ ея скопидомствомъ и рутинною набожностію. Самъ авторъ сознается, что лицо Бригадирши имъ списано съ натуры, и хотя онъ и называетъ ее «дурой набитой», но черты характера, изображенныя имъ въ лицѣ Бригадирши, не представляются ни мало признаками ея природной глупости. Она, напротивъ, далеко не глупа. Когда Бригадиръ жалуется, напримѣръ, что она, ради домашней экономіи, «больше думаетъ о домашнемъ скотѣ, нежели о немъ», Бригадирша ему отвѣчаетъ: «да какъ же, мой батюшка? Вѣдь скотъ самъ о себѣ думать не можетъ, — такъ не надобно-ли мнѣ о немъ подумать? Ты, *кажется*, по умнѣе его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала». Въ подобныхъ рѣчахъ Бригадирши нѣтъ ничего глупаго. Въ ней выражаются скорѣе тѣ *типическія* черты, которыя впослѣдствіи, въ лицѣ Простаковой («Недоросль») Фонъ-Визинъ успѣлъ развить до полнаго *типа* русской провинціальной дворянки того времени, типа, образовавшагося подъ условіями нашей исторической жизни. Мнѣніе графа Панина, — интересовавшагося комедіями Фонъ-Визина, — о характерѣ Бригадирши подтверждаетъ наши слова. Онъ говорилъ, что Бригадирша «всѣмъ родня; никто не можетъ сказать,

---

*) Т. е. послѣ знаменитаго манифеста Екатерины II о лихоимствѣ, изданнаго черезъ нѣсколько дней (18 іюля 1762 года) послѣ ея воцаренія.

чтобы не имѣлъ у себя подобной или бабушки, или тетушки, или какой-нибудь свойственницы».

Лицо самаго Бригадира не представляетъ ничего особеннаго для смысла комедіи. Это простой и грубый, но не глупый старикъ, изъ отставныхъ военныхъ, для котораго военная служба, знаніе военныхъ артикуловъ и т. п. заключаютъ въ себѣ всю человѣческую мудрость. Въ изображеніи Бригадира есть много каррикатурнаго, какъ въ вышеприведенной выпискѣ и въ подобныхъ ей рѣчахъ; но есть и черты истинно-комическія и забавныя, каковы, напримѣръ въ сценѣ съ сыномъ слѣдующія мѣста: Бригадиръ. Да ты что за французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился. Сынъ. Тѣло мое родилось въ Россіи, это правда; однако духъ мой принадлежитъ коронѣ французской. Бригадиръ. Однако ты все таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ. Сынъ. Вотъ, батюшка, теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда строгость вамъ не удалась. Бригадиръ. Ну, не прямой-ли ты болванъ? Я тебя назвалъ дуракомъ, а ты думаешь, что я льщу тебѣ: эдакой оселъ! Сынъ. Эдакой оселъ! (въ сторону) Il ne me flatte pas... (Дѣйствіе III, явл. I), и друг.

Въ противоположность этимъ комическимъ и порочнымъ лицамъ выведены въ комедіи лица добродѣтельныя, — Добролюбова и Софьи, — дочери Совѣтника, которую хотятъ выдать за Иванушку, и которая выходитъ потомъ за Добролюбова. Ихъ взаимная любовь собственно и составляетъ то, что называютъ «сюжетомъ» комедіи, — но онъ плохо вяжется съ главной идеей, съ содержаніемъ и со всѣмъ ходомъ піесы. Добролюбовъ и Софья — «резонёры», лица резонерствующія и безжизненныя; участіе ихъ въ драмѣ ограничивается высказываніемъ сухихъ разсужденій и нравственныхъ сентенцій; это лица говорящія, а не дѣйствующія, и потому они скорѣе вредятъ, нежели способствуютъ драматизму и художественному значенію піесы. Но резонёры въ комедіяхъ Фонъ-Визина имѣютъ то значеніе, что они служатъ для выраженія главной идеи піесы, или для выраженія собственныхъ мыслей и взглядовъ автора, которые онъ старался развить и доказать въ своей комедіи. Въ лицѣ Иванушки и Совѣтницы онъ изобразилъ, по его мнѣнію, послѣдствія дурнаго воспитанія, а Добролюбовъ и Софья представляютъ у него образцы воспитанія хорошаго, или примѣры «благонравія», о которомъ заботилось и тогдашнее правительство въ своихъ преобразованіяхъ по части воспитанія. По замѣчанію князя Вяземскаго, такія лица «всѣхъ блѣднѣе и всѣхъ скучнѣе въ комедіи» Фонъ-Визина.

Въ «Недорослѣ» Фонъ-Визинъ представилъ живую и рѣзкую картину того дикаго невѣжества и той грубости нравовъ, которыми отличалось большинство провинціальнаго дворянства его времени. Князь Вяземскій, въ замѣчательной книгѣ своей: «Фонъ-Визинъ» (цитированной у насъ выше), представилъ вѣрную и прекрасную оцѣнку комедіи «Недоросль», которою мы и воспользуемся для нашего очерка. «Въ комедіи «Недоросль» — говоритъ онъ — авторъ имѣлъ уже цѣль важнѣйшую: гибельные плоды невѣжества, худое воспитаніе, злоупотребленіе домашней власти — выставлены имъ рукою смѣ-

лою и раскрашены красками самыми ненавистными. Въ «Бригадирѣ» авторъ дурачитъ порочныхъ и глупцовъ, язвитъ ихъ стрѣлами насмѣшки; въ «Недорослѣ» онъ уже не шутитъ, не смѣется, а негодуетъ на порокъ и клеймитъ его безъ пощады; если же и смѣшитъ зрителей картиною выведенныхъ злоупотребленій и дурачествъ; то и тогда внушаемый имъ смѣхъ не развлекаетъ отъ впечатлѣній болѣе глубокихъ и прискорбныхъ. И въ «Бригадирѣ» можно видѣть, что погрѣшности воспитанія русскаго живо поражали автора; но дурное воспитаніе, данное бригадирскому сынку, это полупросвѣщеніе, если и есть какое просвѣщеніе въ поверхностномъ званіи французскаго языка, въ поѣздкѣ въ чужіе края, безъ нравственнаго приготовительнаго образованія, должны были выдѣлать изъ него смѣшнаго глупца, чѣмъ онъ и есть. Невѣжество же, въ коемъ росъ «Митрофанушка» (Недоросль) и примѣры домашніе должны были готовить въ немъ *изверга*, какова мать его «Простакова». Именно говорю изверга и утверждаю, что въ содержаніи комедіи «Недоросль» и въ лицѣ Простаковой скрываются всѣ пружины, всѣ лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ.... Что можно назвать сущностію драмы Недоросля? Домашнее, семейное тиранство Простаковой, содержащей у себя, такъ сказать, въ плѣну Софью, которую приноситъ она въ жертву корыстолюбію своему, выдавая насильно замужъ сперва за брата, а потомъ за сына. Какъ характеризована она самимъ авторомъ? *Презлою фуріею, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома.* Всѣ прочія лица второстепенны: иныя изъ нихъ совершенно постороннія, другія только примыкаютъ къ дѣйствію. Авторъ, въ начертаніи картины, далъ лицамъ смѣшное направленіе, но смѣшное хотя у него и на первомъ планѣ, не мѣшаетъ разглядѣть гнусное, ненавистное въ перспективѣ. Въ семействахъ Простаковыхъ, когда, по несчастію, встрѣчаются они въ дѣйствительности, трагическія развязки не рѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочисленныя доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего, и патріотическая мысль, одушевлявшая оное, достойна уваженія и признательности. Можно сказать, что подобное исполненіе не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло: что впрочемъ можно примѣнить и ко всякому изящному творенію, ибо нѣтъ сомнѣнія, что оно всегда имѣетъ нравственное дѣйствіе» *).

Такова цѣль и идея «Недоросля», по словамъ князя Вяземскаго. Въ выполненіи этой идеи, въ постановкѣ картинъ, въ обрисовкѣ большей части характеровъ своихъ комическихъ лицъ, въ самомъ языкѣ ихъ и складѣ рѣчи Фонъ-Визинъ показалъ значительное дарованіе, большое знаніе человѣческаго сердца и наблюдательность. Простакова, этотъ образецъ грубой, жестокой и невѣжественной помѣщицы, презирающей всякую образованность, ненавидящей всякую науку, если наука эта не даетъ прямого умѣнья «достаточекъ нажить и сохранить»; этотъ идеалъ невѣжественной матери, отличающейся одною животною любовію къ своимъ дѣтямъ, и Митрофанушка, ея сынокъ, котораго

*) „Фонъ-Визинъ", стр. 209—211.

она воспитываетъ при помощи дьячка, отставнаго сержанта и бывшаго кучера изъ Нѣмцевъ,—эти типы грубаго невѣжества и варварской жестокости, — всегда сопутствующей невѣжеству, — суть точные снимки съ современной дѣйствительности и списаны съ натуры до того вѣрно, изображены до того рельефно, съ такою силою, что долго служили «нарицательными названіями» всего дикаго и невѣжественнаго, проявлявшагося въ жизни провинціальнаго дворянства прежняго времени и «употребляются и донынѣ — по замѣчанію кн. Вяземскаго — въ народномъ обращеніи». Второстепенныя комическія лица: братъ Простаковой — Тарасъ Скотининъ, во всемъ похожій на сестру, воспитанный точно такъ же, какъ она, который отъ роду ничего не читывалъ, и учители Митрофана: Кутейкинъ, Цыфиркинъ и Вральманъ — хотя и каррикатурны во многомъ (особенно Вральманъ), но тѣмъ не менѣе не противорѣчатъ современной дѣйствительности и заключаютъ въ себѣ многія характеристическія черты, взятыя именно изъ среды русскаго общества прошлаго столѣтія. А характеръ мамы Еремѣевны, съ ея непонятною, собачьею привязанностію къ барскому сынку, изъ-за котораго ее бьютъ и бранятъ постоянно, — удивительно вѣренъ: «въ немъ много русской холопской оригинальности», по словамъ кн. Вяземскаго. Также хорошъ и портной Тришка, котораго кн. Вяземскій называетъ «портной по неволѣ». Разговоръ его съ Простаковой принадлежитъ къ мастерскимъ сценамъ комедіи, исполненнымъ истиннаго комизма. Но рѣшительно лучшій, цѣльный характеръ во всей комедіи, выдержанный отъ начала до конца «съ неослабѣвающимъ искуствомъ, съ неизмѣняющеюся истинною» — это характеръ Простаковой. «Смѣсь наглости и низости — (опять говоритъ кн. Вяземскій) — трусости и злобы, гнуснаго безчеловѣчія ко всѣмъ и нѣжности, равно гнусной, къ сыну, при всемъ томъ невѣжество, изъ коего, какъ изъ мутнаго источника, истекаютъ всѣ сіи свойства, согласованы въ характерѣ ея живописцемъ смѣтливымъ и наблюдательнымъ». Особенно въ послѣднихъ явленіяхъ авторъ показалъ мно искуства и глубокаго человѣческаго сердца: когда Стародумъ прощаетъ Простакову и она, вставъ съ колѣней, восклицаетъ: «Простилъ! ахъ, батюшка, простилъ! Ну, теперь-то *дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ*». Послѣдняя черта довершаетъ полноту картины, сосредоточивая всѣ гибельныя, плоды *злонравія* ея и воспитанія, даннаго сыну. Лишенная всего, ибо лишилась власти дѣлать зло, она, бросаясь обнимать сына, говоритъ ему: «Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!» а онъ отвѣчаетъ ей: «Да отвяжись, матушка, какъ навязалась«! «Признаюсь — говоритъ кн. Вязямскій — въ этой чертѣ такъ много истины, эта истина почерпнута изъ такой глубины человѣческаго сердца, что по невольному движенію точно жалѣешь о виновной, какъ при казни преступника, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагиваешь за несчастнаго. Въ начертаніи характера Простаковой Фонъ-Визинъ былъ глубокимъ изслѣдователемъ и живописцемъ».

Все это совершенно справедливо и вѣрно сказано о характерѣ Простаковой, — если судить о немъ по нынѣшнимъ нашимъ понятіямъ, по современному взгляду на вещи, если смотрѣть на Простакову, какъ на явленіе случайное, исключительное, какъ смотрѣлъ на нее самъ Фонъ-Визинъ и какъ смот

ритъ кн. Вяземскій. Но если мы взглянемъ на характеръ Простаковой съ исторической точки зрѣнія, — какъ на него и слѣдуетъ глядѣть, — то мы увидимъ въ ней не исключительное явленіе, а лицо типическое, соединяющее въ себѣ всѣ характерныя, типическія черты своего сословія, своей страны, своего времени. Мы видимъ въ ней олицетвореніе понятій, нравовъ и жизни большинства той среды, къ которой она принадлежала и въ глазахъ которой она не была ни «презлою фуріею», ни «извергомъ», какъ ее называютъ самъ Фонъ-Визинъ и кн. Вяземскій: въ мнѣніи большинства тогдашняго русскаго общества Простаковы слыли скорѣе нѣжными и любящими матерями, заботливыми хозяйками и практическими, умными женщинами. Въ этомъ и заключается художественное достоинство созданнаго Фонъ-Визинымъ типа, — достоинство, котораго характеръ Простаковой не имѣлъ бы вовсе, если бы онъ представлялся явленіемъ исключительнымъ, случайнымъ въ изображенной авторомъ средѣ.

Другой разрядъ лицъ, выведенныхъ въ «Недорослѣ» и составляющихъ противоположность лицамъ комическимъ и порочнымъ, это тѣ же резонёры и образцы добродѣтели, по взгляду на нихъ автора, о которыхъ мы говорили, при разборѣ «Бригадира». Тогда какъ первый разрядъ лицъ изображаетъ у него примѣры «злонравія», происходящаго отъ дурнаго воспитанія или отъ невѣжества, — другой разрядъ, какъ-то: Стародумъ, Правдинъ, Милонъ и Софья суть образцы «добронравія», или «благонравія», т. е. люди, съ истиннымъ, хорошимъ воспитаніемъ. Но всѣ эти Стародумы и Правдины, лица говорящія длинныя и скучныя на сценѣ поученія и нравственныя сентенціи; всѣ эти Софьи и Милоны, лица добродѣтельныя, выведенныя въ противоположность лицамъ недобродѣтельнымъ, — очень безжизненны, блѣдны и сильно вредятъ дѣйствію и живости піесы. Хотя слѣдуетъ замѣтить, что такія лица, какъ Стародумъ и Правдинъ имѣли вообще значеніе для своего времени, по важности тѣхъ идей, которыя они высказываютъ и которыя выражали идеи самого автора и совпадали съ намѣреніями и дѣятельностію современнаго правительства. Роли Стародума самъ Фонъ-Визинъ придавалъ особенную важность. Онъ говоритъ (въ статьѣ: «Письмо къ Стародуму отъ сочинителя Недоросля»), что за успѣхъ своей комедіи въ публикѣ онъ собственно одолженъ Стародуму, его разговорамъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьей. На самомъ же дѣлѣ это лицо въ комедіи, какъ резонёрствующее, ни мало не служитъ къ оживленію дѣйствія и движенія драмы; но въ его разсужденіяхъ и сентенціяхъ ясно выражаются положительные идеалы самого автора, его идеальныя стремленія, его мораль и его взгляды на всѣ важнѣйшія жизненныя вопросы. Фонъ-Визинъ, словами Стародума, заявляетъ о тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, какими, по его мнѣнію, должны отличаться — совершенный человѣкъ, истинный гражданинъ, добрый и мудрый государь и объясняетъ, въ чемъ должны заключаться обязанности истинной матери, жены, хозяйки своего дома, воспитательницы своихъ дѣтей и т. д. Стародумъ является такимъ образомъ обличителемъ невѣжества и всѣхъ, проистекающихъ отъ него, послѣдствій, — чему онъ видитъ яркіе примѣры въ семействѣ Простаковыхъ.

Но странно то, какъ Фонъ-Визинъ не замѣчаетъ при этомъ противорѣчія, сдѣлавъ изъ главнаго обличительнаго лица своей комедіи — *стародума*, т. е. человѣка, съ стариннымъ образомъ мыслей, съ старымъ взглядомъ на вещи. Вѣдь Простаковы и Скотинины, по изображенію самаго Фонъ-Визина, собственно и служатъ представителями понятій о жизни *стараго времени*. Простакова говоритъ, что ея «покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ»; таковъ былъ и дядя Скотининыхъ — Вавилъ Фалилеевичъ: «о грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ»; отецъ Простаковой и Скотинина свирѣпо вооружался противъ школъ, заведенныхъ послѣ реформы: «прокляну ребенка, — онъ вопилъ — который что-нибудь перейметъ у *бусурмановъ*, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ». Оттого его собственныя дѣти остались безграмотны и ставили это себѣ въ какую-то честь: «Безъ наукъ люди живутъ и жили.... Батюшка мой, да что за радость и выучиться?» разсуждаетъ Простакова, опираясь на примѣры стараго времени и на современное положеніе дѣлъ въ окружавшемъ ее обществѣ. Вотъ тѣ условія и та среда, въ которыхъ росли и воспитывались Простаковы. Слѣдственно, Стародумъ не правъ и не послѣдователенъ, порицая невѣжество и — какъ плоды невѣжества — грубость нравовъ, жестокость и домашнюю тиранію въ семьѣ Простаковыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обращаясь къ прежнему времени за идеалами хорошаго воспитанія, т. е. за примѣрами «благонравія» и «добронравія», — о чемъ онъ постоянно твердитъ. Идеаловъ достойнаго, истиннаго «человѣка» и «дворянина» онъ ищетъ въ ту эпоху, когда онъ воспитывался самъ, т. е. во времена Петра. Главное украшеніе и благородство совершеннаго человѣка и достойнаго дворянина, по словамъ Стародума, заключается въ честности, въ пониманіи и выполненіи своей «должности» (т. е. своего нравственнаго долга). Но истинное пониманіе долга, истинное сознаніе своего человѣческаго достоинства и любовь къ ближнему являются не иначе, какъ съ истиннымъ просвѣщеніемъ, и такихъ идеаловъ, о которыхъ говоритъ Стародумъ, въ старое время, когда царило невѣжество предковъ Простаковыхъ, было, безъ сомнѣнія, еще меньше, нежели во времена Фонъ-Визина. Простакова, не смотря на все свое презрѣніе къ грамотѣ, къ наукѣ, все же нашла нужнымъ выучить чему-нибудь своего Митрофана, — и это затѣмъ, чтобы вывести его «въ люди», какъ она говоритъ; а при ея отцѣ и дѣдахъ выходили въ люди и безъ грамоты. Легкомысленное усвоеніе образованными русскими людьми того времени нравовъ, привычекъ, а вмѣстѣ съ ними и пороковъ западно-европейской жизни, заставило Фонъ-Визина броситься въ другую крайность и искать идеаловъ въ старинѣ. Это воззрѣніе онъ высказываетъ и въ разсужденіяхъ Стародума и въ своихъ заграничныхъ письмахъ, гдѣ нерѣдко старается доказать, что «у насъ все лучше», нежели въ странахъ западной Европы, которыя онъ посѣтилъ. Впослѣдствіи, въ своихъ «Вопросахъ» Собесѣднику (см. ниже) Фонъ-Визинъ поставилъ между прочими слѣдующій вопросъ: «Какъ истребить два сопротивные предразсудка: первый — будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй — будто въ чужихъ краяхъ все

дурно, а у насъ все хорошо?» И второму изъ этихъ предразсудковъ онъ самъ сильно подчиняется въ заграничныхъ письмахъ. Замѣтимъ вообще, что его «стародумовскіе» идеалы и мораль слишкомъ односторонни и несостоятельны, какъ въ умозрительномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи.

Какъ Стародумъ, такъ и другое резонёрствующее лицо въ Недорослѣ — Правдинъ, въ своихъ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ, основываются на началахъ, провозглашенныхъ въ Наказѣ и въ другихъ узаконеніяхъ Екатерины. Правдинъ беретъ въ опеку имѣнія Простаковыхъ за жестокое обращеніе ихъ съ людьми, дѣйствуя въ этомъ случаѣ, какъ правительственный чиновникъ и исполнитель «человѣколюбивыхъ видовъ высшей власти», выраженныхъ въ Наказѣ и въ «Учрежденіи для управленія губерній», гдѣ предписано «отвращать *злоупотребленія* рабства» и «пресѣкать тиранство и жестокости». Прямаго же отношенія къ дѣйствію драмы и участія въ ней Правдинъ не имѣетъ. «Онъ разрѣзываетъ — по словамъ кн. Вяземскаго — мечемъ закона сплетеніе дѣйствія, которое должно бы быть развязано соображеніями автора, а не полицейскими мѣрами намѣстника». Этими словами кн. Вяземскій вѣрно указываетъ на главный недостатокъ «Недоросля», какъ произведенія драматическаго, находя въ немъ «недостатокъ изобрѣтенія и неподвижность событія», то есть: искуственность развязки и завязки, искуственное отношеніе сюжета комедіи (любви Софьи и Милона) къ ея главной идеѣ и отсутствіе драматическаго дѣйствія и движенія.

Комедія: «Выборъ губернера» и «Разговоръ у княгини Халдиной» написаны также на тему о воспитаніи, какъ о необходимомъ началѣ гражданскаго благоденствія. Первая имѣетъ много сходнаго съ Недорослемъ по мыслямъ дѣйствующихъ лицъ — *Сеума* и *Нельстецова*; но по совершенному недостатку дѣйствія, она не годна для сцены. «Странно, что авторъ подражалъ въ ней самому себѣ — говоритъ кн. Вяземскій, — и подражалъ слабо». Разговоръ у кн. Халдиной замѣчателенъ по лицу *Сорванцова*, благородному и умному отъ природы, но извращенному дурнымъ воспитаніемъ. Сорванцовъ говоритъ о себѣ въ одномъ мѣстѣ: «Къ несчастію мнѣ не дано было воспитанія. Родители мои имѣли о семъ словѣ неправильное понятіе. Они внутренно были увѣрены, что давали мнѣ хорошее воспитаніе, когда кормили меня бѣлымъ хлѣбомъ, никогда не давая чернаго; словомъ, черезъ *воспитаніе* разумѣли *питаніе*» *) и проч.

Прочія сочиненія Фонъ-Визина; ихъ характеристика. «Вопросы» Фонъ-Визина и отвѣты на нихъ Екатерины II. — Но не одинъ вопросъ о воспитаніи занималъ Фонъ-Визина. Онъ считалъ только этотъ вопросъ одною изъ главнѣйшихъ основъ общественнаго и государственнаго благосостоянія. Всѣ живые интересы современнаго общества, все, что занимало лучшіе умы эпохи, все это, можно сказать, нашло отголосокъ въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина. И въ комедіяхъ своихъ, какъ мы видѣли, онъ, кромѣ примѣровъ дурнаго воспитанія, выставляетъ на позоръ и преслѣдуетъ: взяточничество, неправосудіе, или

*) Соч. Фонъ-Визина, изд. Глазунова, стр. 255.

«кривосудіе», барскую спесь и жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами. Но еще болѣе онъ вооружается противъ этихъ пороковъ въ своихъ мелкихъ статьяхъ, — большею частію сатирическаго содержанія. И мы не можемъ не признать въ немъ и здѣсь даровитѣйшаго и весьма просвѣщеннаго писателя своего времени, писателя, произведенія котораго полны сочувствія къ интересамъ общественнымъ и къ истиннымъ нуждамъ народнымъ, — въ томъ смыслѣ, конечно, какъ они понимались тогда и какъ были выражены въ гуманныхъ положеніяхъ «Наказа» и въ другихъ узаконеніяхъ современнаго правительства, составленныхъ въ духѣ Наказа. Въ «Вопросахъ», напечатанныхъ въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», онъ касается почти всѣхъ важнѣйшихъ предметовъ русской общественной и государственной жизни и русскаго народнаго характера, и вездѣ подаетъ смѣлый и честный голосъ человѣка, глубоко смотрѣвшаго на дѣла внутренней политики и внутренней жизни народа. Помимо своего внутренняго значенія и важности, большая часть изъ этихъ вопросовъ Фонъ-Визина и отвѣтовъ на нихъ Екатерины представляютъ яркія черты времени и его понятій. Фонъ-Визинъ, напримѣръ, ставитъ такіе вопросы: «Отчего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ? Отчего у насъ не стыдно ничего не дѣлать? Отчего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по большей части къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія? Отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства? Имѣя монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ — удостоиваться ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ? Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ, и весьма большіе», и проч. *) Фонъ-Визинъ смѣло ставилъ подобные вопросы «Собѣседнику», имѣя въ виду либеральный взглядъ Наказа (§ 484) на свободу мысли и слова и придерживаясь примѣровъ самаго «Собесѣдника», въ которомъ помѣщались статьи, рѣзко и смѣло нападавшія на современные недостатки, и на редакцію котораго сама Екатерина имѣла непосредственное вліяніе. Въ одномъ письмѣ, помѣщенномъ въ «Собесѣдникѣ», говорилось: «Держитесь принятаго вами единожды навсегда правила: не воспрещать честнымъ людямъ свободно изъясняться. Вамъ нѣтъ причины страшиться гоненій за истину подъ державой монархини, qui pense en grand homme, et qui permet qu'on pense.

Вслѣдствіе отвѣта Екатерины, что тяжбы и судебныя рѣшенія не печатались у насъ «отъ того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было» **), Фонъ-Визинъ, въ «Письмѣ къ сочинителю Былей и небылицъ» (Екатеринѣ)

---

*) См. тамъ-же, стр. 203 — 206. — Отвѣты на эти „Вопросы", напетачанныя также въ „Собесѣдникѣ", писала сама императрица.

**) Въ 1783 году изданъ былъ указъ о т. н. „вольныхъ" (частныхъ) типографіяхъ, дозволявшій заводить частныя типографіи во всѣхъ городахъ и печатать въ нихъ книги, русскія и иностранныя. А до того времени частныхъ типографій не существовало, были только казенныя и принадлежащія разнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, и то лишь въ столицахъ. (См. ниже.)

говоритъ: «Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно, съ душевною благодарностію, десницу правосуднѣйшія и премудрыя монархини. Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ тоже время и тѣмъ самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству. Способомъ печатанія тяжебъ и рѣшеній, гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судебнымъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ: воздастся достойная похвала праведнымъ судіямъ, возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ» и проч. Въ другой статьѣ — «Письмо отъ Стародума» — Фонъ-Визинъ также говоритъ о свободѣ, которую Екатерина дала русскимъ писателямъ безбоязненно высказывать свои мысли. «Она, — пишетъ Стародумъ къ автору Недоросля, — отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателя оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи.... Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества».

Но изъ нѣкоторыхъ уклончивыхъ отвѣтовъ Екатерины на вопросы Фонъ-Визина, онъ могъ видѣть, что на иные изъ нихъ она отвѣчала съ неудовольствіемъ. Въ послѣдніе годы своего царствованія Екатерина измѣнила свой взглядъ на предпринятыя ею вначалѣ, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ идей, преобразованія, и въ своей послѣдующей дѣятельности становилась нерѣдко въ прямое противорѣчіе съ ними (см. ниже). На послѣдній изъ приведенныхъ выше вопросовъ, Екатерина отвѣчала: «Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли; буде же бы и имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ«. Потому, Фонъ-Визинъ въ названномъ «Письмѣ« долженъ былъ оправдываться отъ обвиненія въ «свободоязычіи», «которое — писалъ онъ — ненавижу всею душею», и говорилъ, что вслѣдствіе такого обвиненія онъ отмѣнилъ печатаніе «заготовленныхъ имъ еще вопросовъ».

Всѣ статьи Фонъ-Визина, заготовленныя для журнала, который онъ хотѣлъ издавать, какъ-то: «Письма« къ Стародуму, названныя нами выше и отвѣты его, «Письма Взяткина» и друг. равно какъ и «Всеобщая придворная грамматика« обличаютъ въ немъ замѣчательнаго политическаго писателя и запечатлѣны всею силою его сатирическаго таланта. «Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Василіемъ въ селѣ П.« не менѣе примѣчательно, какъ сатира на несовершенство церковныхъ бесѣдъ нашихъ сельскихъ проповѣдниковъ и какъ указаніе на тѣ предметы, на которые они должны обращать вни-

маніе, бесѣдуя съ простымъ народомъ. Поученіе это — «статья образцовая въ своемъ родѣ: оно, по искуству въ отдѣлкѣ и по принаровкѣ къ понятіямъ простонароднымъ, подходитъ къ лучшимъ памфлетамъ *Курье*, знаменитаго виноградаря». — говоритъ кн. Вяземскій.

Мы уже говорили о заграничныхъ письмахъ Фонъ-Визина (къ сестрѣ и къ П. И. Панину). Князь Вяземскій строго осуждаетъ эти письма за ихъ крайнюю рѣзкость въ сужденіяхъ о характерѣ Французовъ, за ихъ желчный и неумѣренный тонъ,—и осуждаетъ совершенно справедливо. Ихъ слѣдуетъ еще осудить кромѣ того за крайне односторонніе и фальшивыя сужденія о нѣкоторыхъ современныхъ личностяхъ и явленіяхъ во Франціи, — явленіяхъ, — видимо непонятыхъ Фонъ-Визинымъ или — что и того хуже — видимо изображаемыхъ имъ въ искаженномъ видѣ. Таковъ, напримѣръ, его нѣсколько насмѣшливый тонъ, когда онъ разсказываетъ о тріумфѣ, съ которымъ встрѣтилъ народъ пріѣхавшаго въ Парижъ восьмидесяти-лѣтняго Вольтера. «Прибытіе Вольтера въ Парижъ — говоритъ онъ — произвело точно такое въ народѣ здѣшнемъ дѣйствіе, какъ бы сошествіе какого-нибудь божества на землю». (Соч. Ф.-В. 333, 343) *). Таковы его рѣзкіе и до нелѣпости несправедливые отзывы о людяхъ, подобныхъ Даламберу, Дидро и друг. Онъ говоритъ о нихъ, напримѣръ: «*Даламберты*, *Дидероты* въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны(?), какихъ видѣлъ я всякій день на бульварахъ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе», и проч. (тамъ же 343). Вслѣдъ за этимъ, въ подтвержденіе столь несправедливаго и страннаго мнѣнія своего о Даламберѣ, Мармонтелѣ и друг. Фонъ-Визинъ разсказываетъ случай, — ничего въ сущности не подтверждающій и ничего не доказывающій; а между тѣмъ онъ обвиняетъ этихъ людей, не обинуясь въ «подломъ поступкѣ», и на основаніи одного частнаго случая, дѣлаетъ, какъ мы видимъ, общее заключеніе о характерѣ всей ихъ жизни и дѣятельности. О Даламберѣ мы встрѣчаемъ еще въ этихъ письмахъ Фонъ-Визина вотъ какое дикое мнѣніе: «Изъ всѣхъ ученыхъ удивилъ меня д'Аламбертъ. Я воображалъ лице важное, почтенное, а нашелъ премерзкую фигуру и преподленькую физіономію» (тамъ же, 443). Ясная вещь, что всѣ эти странныя, рѣзкія и фальшивыя сужденія Фонъ-Визина вытекаютъ столько же изъ его односторонняго направленія и односторонняго взгляда на вещи, сколько и изъ его страсти къ каррикатурѣ. Эта страсть — все представлять въ каррикатурномъ видѣ,—весьма нерѣдко въ ущербъ истинѣ и ради того только, чтобы разсмѣшить читателя или слушателя —обнаруживается и въ комедіяхъ Фонъ-Визина, какъ мы видѣли, и въ другихъ его сочиненіяхъ. Эта же страсть видна и здѣсь въ приведенныхъ нами отзывахъ и во многихъ другихъ мѣстахъ его заграничной переписки, въ особенности же въ его огульныхъ осужденіяхъ всего французскаго народа, въ которомъ онъ не нашелъ ничего хорошаго. «Мыслятъ здѣсь мало,

*) Во всѣхъ нашихъ ссылкахъ на сочиненія Фонъ-Визина см. послѣднее изданіе Глазунова.

да и некогда, потому что говорятъ много и очень скоро. Обыкновенно отворяютъ ротъ, не зная еще, что сказать: а какъ затворить ротъ, не сказавъ ничего, было бы стыдно, то и говорятъ слова, которыя машинально на языкъ попадаются, не заботясь много, есть-ли въ нихъ какой нибудь смыслъ». — «Разсудка Французъ не имѣетъ и имѣть его почелъ бы несчастіемъ своей жизни». — «Французъ всегда молодъ, а изъ молодости переваливается вдругъ въ дряхлую старость: слѣдственно *въ совершенномъ возрастѣ* никогда не бываетъ» *). Эти и подобные имъ отзывы о характерѣ Французовъ мы встрѣчаемъ въ письмахъ Фонъ-Визина на каждомъ шагу. Не меньшею рѣзкостію сужденій отличаются и его письма изъ Германіи и изъ Италіи. Вездѣ онъ видитъ либо глупость, либо смѣшное, либо развращеніе нравовъ; такъ что отзывы Фонъ-Визина обо всемъ видѣнномъ имъ заграницей очень напоминаютъ отзывы о Нѣмцахъ того русскаго извощика, котораго онъ встрѣтилъ въ Лейпцигѣ и нанялъ для поѣздки въ Нюренбергъ. «Онъ такъ золъ на Нѣмцевъ — пишетъ про этого извощика Фонъ-Визинъ — и такую къ нимъ имѣетъ антипатію, что иногда мы, слыша его разсужденія, умирали со смѣху. По его мнѣнію, Русскихъ создалъ Богъ, а Нѣмцевъ чортъ. Онъ считаетъ ихъ наравнѣ съ гадиною и думаетъ, что раздавя Нѣмца, Бога прогнѣвить нельзя». (Тамъ же, 457).

Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ и односторонностяхъ, заграничнымъ письмамъ Фонъ-Визина нельзя все таки отказать въ нѣкоторыхъ замѣчательно вѣрныхъ наблюденіяхъ и сужденіяхъ, какъ напримѣръ: въ сужденіяхъ о политическомъ состояніи тогдашней Франціи, о крайней распущенности французской аристократіи и т. п. нельзя отказать наконецъ, въ томъ, что путешественникъ обращаетъ серьезное вниманіе на важнѣйшіе предметы жизни народа, на его нравы, общественный и государственный бытъ. Такъ вполнѣ справедливы и замѣчательны всѣ его наблюденія и замѣтки о продажѣ чиновъ во Франціи, о своеволіи современной французской администраціи, о королевскихъ «lettres de cachet», о злоупотребленіи духовной власти и т. п. Но единственная вещь, которая привела Фонъ-Визина въ восторгъ во Франціи — это французская комедія и театръ. О нихъ онъ отзывается такъ: «Чтожь принадлежитъ до спектаклей, то комедія возведена здѣсь на возможную степень совершенства. Нельзя, смотря на ее, не забываться до того, чтобы не почесть ее истинною исторіею, въ тотъ моментъ происходящею. Я никогда себѣ не воображалъ видѣть подражаніе натурѣ столь совершеннымъ», и проч. (тамъ же, 341).

Прочіе драматическіе и сатирическіе писатели; драматическая литература вообще въ прошломъ столѣтіи.

Княжнинъ (Яковъ Борисовичъ, 1742 — 1791). — *Свѣдѣнія о жизни.* — Княжнинъ, родственникъ Сумарокова, былъ его непосредственнымъ преемни-

*) Тамъ же, стр. 329, 342, 344.

комъ въ дѣлѣ развитія русской драматургіи прошлаго столѣтія. Какъ писатель съ рѣшительнымъ драматическимъ талантомъ и какъ человѣкъ истинно-просвѣщенный, Княжнинъ оказалъ большія услуги русскому театру и нашей драматической литературѣ вообще. Многочисленнымъ театральнымъ піесамъ своимъ онъ съумѣлъ сообщить тотъ возвышенный и благородный образъ мыслей, и тѣ высшія идеи и стремленія, которыми одушевляемъ былъ самъ и которыя одушевляли всѣхъ лучшихъ людей тогдашняго времени.

Княжнинъ родился въ Псковѣ. Отецъ его, — дѣйств. статс. совѣтникъ и достаточный помѣщикъ псковской губерніи, — постарался дать сыну отличное воспитаніе. До пятнадцатилѣтняго возраста, Княжнинъ воспитывался дома, а потомъ былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ воспитывался семь лѣтъ у профессора академіи наукъ Модераха и въ пансіонѣ Лави. Здѣсь онъ выучился по-французски, понемѣцки и поитальянски, и въ пансіонѣ еще написалъ многія мелкія — «изрядныя» — говоритъ митроп. Евгеній — стихотворенія. Начало службы Княжнина было по иностранной коллегіи, куда онъ былъ принятъ «юнкеромъ» и вскорѣ произведенъ въ переводчики. Изъ коллегіи онъ перешелъ въ канцелярію о строеніи домовъ и садовъ, и затѣмъ перемѣнилъ почему-то гражданскую службу на военную, въ которую былъ принятъ капитаномъ. Склонность къ стихотворству не оставляла, однако, Княжнина при этихъ служебныхъ перипетіяхъ. Въ 1869 году онъ написалъ свою первую трагедію: *Дидона*, и съ этого времени имя его дѣлается извѣстнымъ въ литературѣ. Трагедія Княжнина была играна въ Москвѣ, на придворномъ театрѣ, въ присутствіи Екатерины II, «съ лестною для сочинителя похвалою», по словамъ митроп. Евгенія. Самъ завистливый Сумароковъ отозвался хорошо о новомъ сценическомъ произведеніи молодаго поэта, и когда Княжнинъ пріѣхалъ въ Москву и поднесъ нашему первому трагику свою трагедію, Сумароковъ принялъ его весьма хорошо и черезъ нѣсколько времени породнился съ нимъ, выдавъ за него старшую дочь, Катерину, которая сама, по свидѣтельству Новикова, «писала весьма изрядныя стихотворенія, напечатанныя въ *Трудолюбивой Пчелѣ*» *). Съ этого времени склонность Княжнина къ драматической поэзіи развилась еще болѣе. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ написалъ трагедію: *Владиміръ и Ярополкъ* и двѣ комическія оперы: *Несчастіе отъ кареты* и *Скупой*. Затѣмъ разстройство состоянія и какія-то огорченія заставили Княжнина бросить военную службу; онъ уединился въ своемъ семейномъ кружкѣ и посвятилъ себя всего литературнымъ занятіямъ, работая спѣшно на книгопродавцевъ. Въ этотъ періодъ времени Княжнинъ перевелъ, по свидѣтельству митроп. Евгенія, нѣсколько трагедій Корнеля и Кребильона **), *Генріаду*, Вольтера — бѣлыми стихами, сантиментальный романъ *Графъ Комежъ*—прозой и отрывки изъ идиллій Геснера. Проведя, такимъ образомъ, около восьми лѣтъ внѣ службы и въ исключительныхъ занятіяхъ литературой, Княжнинъ поступилъ

---

*) Словарь, 59.

**) Ему приписываютъ напечатанныя въ 1779 году переложенія бѣлыми стихами трагедій Корнеля: *Сидъ*, *Цинна* и *Смерть Помпеева*.

снова на службу къ извѣстному И. И. Бецкому, предложившему ему у себя должность секретаря. Здѣсь Княжнинъ завѣдывалъ обширными письменными дѣлами Бецкаго по всѣмъ вѣдомствамъ его управленія, т. е. по смольному монастырю, по конторѣ о строеніи домовъ и садовъ и по воспитательному дому, многія постановленія котораго окончены и приведены въ порядокъ,—по словамъ митроп. Евгенія, — Княжнинымъ. Но мночисленность служебныхъ занятій, возобновленныя свѣтскія связи, посѣщеніе общества и открытая жизнь, которую онъ сталъ вести съ этого времени, не только не отклонили его отъ драматической поэзіи и отъ литературы вообще, но, напротивъ, еще усилили его литературную дѣятельность. Къ этой порѣ жизни Княжнина принадлежитъ именно сочиненіе его лучшихъ трагедій и комедій (кромѣ одной изъ его лучшихъ піесъ: *Несчастіе отъ кареты*, написанный, какъ мы замѣтили, еще прежде), упрочившихъ за нимъ славу перваго русскаго драматурга своего времени. Тутъ была написана имъ и дана на театрѣ съ блестящимъ успѣхомъ трагедія: *Росславъ*, доставившая Княжнину шумную извѣстность. При искусной игрѣ Дмитревскаго, трагедія эта произвела истинный фуроръ въ средѣ многочисленныхъ зрителей: «по окончаніи трагедіи публика единогласно потребовала сочинителя на сцену» *) и съ этого времени у насъ установился обычай вызывать авторовъ. Въ такой же восторгъ приведена была петербургская публика и другой трагедіей Княжнина: *Титово милосердіе*, написанной по желанію и по мысли Екатерины II. За эту трагедію Княжнинъ получилъ благоволеніе императрицы и въ подарокъ отъ нея — табакерку, усыпанную бриллiантами съ вензелемъ Екатерины II. Затѣмъ нашимъ авторомъ написаны были и играны съ успѣхомъ трагедіи: *Владисанъ и Софонисба*. Наконецъ послѣдняя трагедія Княжнина: *Вадимъ, князь Новгородскій*, написанная въ 1789 г. и хотя не игранная на театрѣ, хотя даже напечатанная уже не при жизни автора, надѣлала много шуму въ свое время,—вслѣдствіе особенныхъ, впрочемъ, обстоятельствъ (о которыхъ мы говоримъ дальше).

Истинный драматическій талантъ Княжнина высказывается, однако, не столько въ его трагедіяхъ, сколько въ его комедіяхъ и комическихъ операхъ, — какъ мы это увидимъ при ихъ разборѣ. Къ главнымъ комическимъ піесамъ его принадлежатъ двѣ комедіи: *Хвастунъ* и *Чудаки* и оперы: названная нами выше — *Несчастіе отъ кареты* и *Сбитеньщикъ*. Затѣмъ отъ него остались еще комическія оперы: *Скупой*, *Притворно-сумасшедшая* и *Мужья, женихи своихъ женъ* и комедіи: *Неудачный примиритель* и *Трауръ, или утѣшенная вдова*.

Не ограничиваясь дѣятельностію драматурга, Княжнинъ писалъ кромѣ того разныя стихотворенія, писалъ и переводилъ въ прозѣ разныя статьи для современныхъ журналовъ, въ особенности для *Собесѣдника* княгини Дашковой, принималъ участіе въ филологическихъ трудахъ Россійской академіи, говорилъ торжественныя академическія рѣчи, и въ тоже время, по порученію графа

---

*) Словарь митр. Евгенія, стр. 290.

Ангальта, преподавалъ русскую словесность кадетамъ сухопутнаго кадетскаго корпуса и началъ составлять для нихъ *Опытъ россійской риторики*, который не кончилъ.

Жизнь Княжнина была такимъ образомъ полна благородной дѣятельности и полезныхъ трудовъ какъ на поприщѣ литературномъ, такъ и на поприщѣ служебномъ. Но онъ умеръ очень рано (14 генваря 1791 г.) не достигнувъ и 50 лѣтъ и оставивъ по себѣ память, какъ о человѣкѣ истинно-гуманномъ и просвѣщенномъ, человѣкѣ, одаренномъ отъ природы мягкимъ и благороднымъ сердцемъ и прекрасными душевными качествами.

Трагедіи Княжнина. Такъ называемая «классическая» трагедія вообще и ходъ дальнѣйшаго развитія ея у насъ послѣ Сумарокова. — Если судить о трагедіяхъ Княжнина съ точки зрѣнія художественной и эстетической, то обо всѣхъ его трагедіяхъ можно сказать только то, что онѣ отличаются бѣдностію содержанія и искуства въ построеніи піесы и развитіи характеровъ, отсутствіемъ дѣйствія и драматическаго движенія и риторическою напыщенностію слога. О соотвѣтствіи героевъ трагедій изображаемымъ эпохѣ и національности — нечего и говорить: Росславы и прочія лица трагедій Княжнина, даже самъ римскій императоръ Титъ, говорятъ и думаютъ, какъ думали русскіе образованные люди екатерининскаго вѣка. Но трагедіи Княжнина важны и интересны для насъ не въ художественномъ, а въ историческомъ отношеніи, какъ выраженіе образа мыслей и идей одного изъ просвѣщенныхъ представителей своего времени. Въ свое время пользовались особенно-шумною славою и имѣли большой успѣхъ на сценѣ, какъ сказано выше, двѣ трагедіи Княжнина: «Титово милосердіе» и «Росславъ», — первая потому, что здѣсь подъ именемъ мудраго, кроткаго и милосерднаго Тита разумѣлась императрица Екатерина, а вторая — вслѣдствіе высокаго патріотическаго чувства, которымъ одушевленъ герой трагедіи, и вслѣдствіе искусной игры знаменитаго актера Дмитревскаго. Но Росславъ, подобно тому, какъ и всѣ герои въ трагедіяхъ Княжнина, о своемъ геройскомъ патріотизмѣ большею частію только говоритъ въ высокопарныхъ риторическихъ рѣчахъ, нежели показываетъ его на самомъ дѣлѣ.

Нечего и говорить о томъ, что трагедіи Княжнина представляютъ болѣе или менѣе близкое подражаніе или просто передѣлку, а мѣстами и переводы изъ того или другаго иностраннаго образца, т. е. Княжнинъ дѣлалъ тоже самое, что и Сумароковъ и что дѣлали тогда почти всѣ авторы русскихъ классическихъ трагедій. Если о трагедіяхъ Княжнина: *Росславъ* и *Вадимъ, князь Новгородскій*, — болѣе, чѣмъ другія самостоятельныхъ — нельзя сказать, что онѣ суть простые слѣпки съ одного какого-нибудь французскаго образца, то легко можно указать въ нихъ на многія отдѣльныя мѣста, мысли, монологи, стихи и проч. представляющіе не болѣе, какъ заимствованія и подражанія извѣстнымъ мѣстамъ въ трагедіяхъ Корнеля, Расина или Вольтера. И уже Мерзляковъ, въ своей критикѣ на «Росслава» (въ журн. «Вѣстникъ Европы», 1817 г. № 10) сказалъ, что Росславъ Княжнина, какъ молотомъ поражаетъ Христіерна (короля Даніи, одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ трагедіи)

высокими словами, заимствованными изъ трагедій Корнеля, Расина и Вольтера *).

Но почему же эти слѣпки съ французской классической трагедіи такъ сильно увлекали въ свое время театральную публику, не смотря на положительное отсутствіе въ нихъ драматическаго дѣйствія и движенія, не смотря на ихъ напыщенность и на неестественное изображеніе въ нихъ людей и характеровъ?—Причина такого увлеченія заключается, безъ сомнѣнія, въ самихъ свойствахъ настоящей французской трагедіи и первѣе всего — въ великихъ и блестящихъ талантахъ ея главныхъ представителей: Корнеля, Расина и Вольтера.

Въ трагедіяхъ Корнеля и Расина зрители увлекались тѣми торжественными, сильными или блестящими монологами и діалогами, въ которыхъ описываются высокія и рыцарскія чувства, воодушевляющія героевъ піесы, въ которыхъ изображаются волнующія ихъ страсти: любовь; ревность, гнѣвъ и т. п., въ которыхъ пересказываются наконецъ ихъ геройскіе подвиги — чести, долга, преданности, самоотверженія и т. п. Все это высказывается этими героями съ необыкновеннымъ жаромъ и одушевленіемъ, сдерживаемыми только тою утонченною, рыцарскою вѣжливостію въ словахъ, выраженіяхъ и поступкахъ, какая предписывалась строжайшимъ кодексомъ свѣтскихъ приличій и придворнаго этикета временъ Людовика XIV. Всѣ эти короли и королевы, принцы и принцессы, наперсники и наперсницы въ трагедіяхъ Корнеля и Расина умѣютъ выражаться съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, съ блестящимъ, чисто ораторскимъ искуствомъ и ловкостію, и пересказываютъ о своихъ чувствахъ и страстныхъ увлеченіяхъ въ самыхъ отборныхъ словахъ и выраженіяхъ, въ самыхъ звучныхъ стихахъ. Весь діалогъ поэтъ покрываетъ — по выраженію Тэна — какъ бы блестящимъ однообразнымъ лоскомъ и самой изысканной и правильной версификаціей, составленной изъ избранныхъ словъ и гармоническихъ риѳмъ **). Современная публика привыкла къ подобнымъ блестящимъ мѣстамъ въ трагедіяхъ Корнеля и Расина, и ихъ именно сдѣлала мѣркою достоинствъ для всякаго трагическаго произведенія, — что такъ вѣрно замѣтилъ въ свое время еще Карамзинъ. «Здѣшняя публика — писалъ онъ въ письмѣ изъ Парижа 29 апрѣля 1790 года — требуетъ отъ автора (трагедіи) прекрасныхъ стиховъ, *des vers à retenir; они* прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножить ихъ число, занимаясь тѣмъ — болѣе, нежели важностію приключеній» и проч. ***).

И такъ краснорѣчіе, блестящій свѣтскій діалогъ, а въ особенности пре-

---

*) О томъ, какимъ именно образцамъ подражалъ Княжнинъ въ своихъ трагедіяхъ, а равно и въ комедіяхъ см. „Истор. русск. словесн.“ А. Галахова, т. I, 440 и его же „Историч. Христ.“ т. I, примѣч. на стр. 436—439.

**) „Philosophie de l'art“, par H. Taine. Paris. 1865. p. 140. Здѣсь вообще. (См. стр. 139—144) представлена превосходная характеристика французской классической трагедіи.

***) „Письма русск. путеш.“ въ смирдин. изд. „Соч. Карамз.“ т. II, стр. 473.

красные стихи и такъ называемыя «сильныя мѣста» — вотъ главное, что тогда требовалось отъ трагедіи, написанной во вкусѣ и въ духѣ Корнеля и Расина. Въ трагедіяхъ же Вольтера, восхищаясь этими же блестящими качествами классической трагедіи, зрители и читатели находили еще тѣ религіозныя и политическія мнѣнія и идеи, пропагандой которыхъ такъ усердно занимался Вольтеръ вообще; ибо извѣстно, что трагедія, какъ наиболѣе доступная для массы и вліятельная литературная форма, служила для Вольтера, главнымъ образомъ, только орудіемъ для распространенія въ обществѣ тѣхъ или другихъ его мнѣній и идей. Вольтеровская трагедія, сохраняя всѣ главныя свойства французской классической трагедіи вообще, есть въ тоже время трагедія по преимуществу «тенденціозная, какъ равно и всѣ его другія, имѣющія чисто-литературную форму, произведенія: романы, повѣсти, стихотворенія и т. п.

Во время всеобщаго господства французской классической литературы, какъ мы уже знаемъ, вмѣстѣ съ другими ложно классическими литературными формами, перешла во всѣ западно-европейскія литературы, въ переводахъ или подражаніяхъ, и французская классическая трагедія, и въ теченіе XVII и XVIII столѣтій безраздѣльно царствовала во всѣхъ европейскихъ драматургіяхъ и на всѣхъ европейскихъ сценахъ, принадлежа къ любимѣйшимъ и безпорно лучшимъ театральнымъ произведеніямъ стараго времени. Тѣмъ-же точно путемъ, въ прошломъ столѣтіи, въ періодъ безусловнаго подражанія нашего ложно-классической литературѣ Запада, французская классическая трагедія перешла и къ намъ,—сначала въ довольно грубыхъ слѣпкахъ, въ трагедіяхъ Сумарокова, а потомъ въ видѣ болѣе совершенномъ, въ трагедіяхъ Княжнина. За двумя этими главными представителями нашей старой трагедіи стоялъ цѣлый рядъ подражателей и передѣлывателей французской трагедіи вообще (Херасковъ, Николевъ, Плавильщиковъ и многіе другіе, даже представитель торжественной лирики, Державинъ, какъ мы знаемъ), не обладавшихъ вовсе или обладавшихъ весьма посредственными способностями для драмы, способностями, которыя не могли идти въ сравненіе съ драматическими дарованіями Сумарокова и Княжнина. И только позднѣе, уже въ началѣ новаго литературнаго развитія, псевдоклассическая французская трагедія находитъ себѣ у насъ еще одного, болѣе талантливаго, представителя въ лицѣ Озерова, трагедіями котораго и завершается въ русской литературѣ и на русской сценѣ воспроизведеніе французской классической трагедіи.

Безошибочно можно утверждать, что всѣ безъ исключенія такъ называемыя «классическія» трагедія наши отличаются одними и тѣми же свойствами, характеромъ и направленіемъ и выражаютъ стремленіе—сравняться въ этихъ отношеніяхъ съ своими образцами, т. е. съ настоящей французской трагедіей. И кто поэтому познакомился съ одной изъ нашихъ старыхъ трагедій, тотъ можетъ смѣло сказать, что знаетъ ихъ всѣ. Различіе между ними заключается только въ выборѣ сюжета и въ болѣе или менѣе искусномъ подражаніи своимъ образцамъ, т. е. трагедіямъ Корнеля, Расина и Вольтера. Всѣ писатели этихъ трагедій кроили ихъ по одной мѣркѣ, по строго-ограниченнымъ ложно-классической тіеоріей правиламъ и слѣдовали однообразной системѣ въ построеніи, планѣ, въ за-

вязкѣ и развязкѣ піесы и въ изображеніи высокихъ чувствъ и сильныхъ страстей, которыми надѣляли своихъ героевъ Прогрессъ тутъ замѣчается только со стороны внѣшняго выраженія, со стороны языка и слога и болѣе или менѣе совершенной версификаціи: у Княжнина языкъ и стихъ чище и лучше, чѣмъ у Сумарокова; у Озерова, трагедіи котораго принадлежатъ уже, какъ мы сказали, на-половину къ другой литературной эпохѣ, слогъ и стихи несравнено чище и совершеннѣе, чѣмъ у Княжнина. Но вотъ и все. Какъ легко писались тогдашнія трагедіи, можно судить по тому одному примѣру, что Княжнинъ свою трагедію: *Титово милосердіе* написалъ всего въ три недѣли, по словамъ митроп. Евгенія; а между тѣмъ тотъ же писатель свидѣтельствуетъ, что за эту трагедію «публика изъявляла автору свою благодарность *частыми слезами*, которыя извлекали изъ очей ея многія *трогательныя* сей трагедіи явленія, и притомъ важная игра г. Дмитревскаго». (Словарь, 290).

Весьма натурально, что во время господствованія у насъ французской классической трагедіи, отъ нея стали требовать и у насъ, точно такъ-же, какъ на ея родинѣ, какъ и вездѣ, — преимущественно «сильныхъ мѣстъ» и «сильныхъ стиховъ», и чѣмъ больше было подобныхъ мѣстъ въ трагедіи, тѣмъ большимъ успѣхомъ пользовалась она на сценѣ. Разумѣется, что при этомъ пріобрѣтала особенно важное значеніе игра актеровъ, которые, замѣтимъ, по принятому тогда обычаю, обязаны были читать трагическіе стихи особеннымъ манеромъ, — на распѣвъ, съ особенной пѣвучей декламаціей, заимствованной также со французской сцены. И подобно тому, какъ во Франціи классическая трагедія создала такихъ трагическихъ актеровъ, каковы были Лекэнъ, Тальма и друг. подобно тому и у насъ появились свои знаменитости для трагическихъ ролей: Дмитревскій, Шушеринъ, Яковлевъ, Троепольская, Семенова и друг. о поразительной игрѣ которыхъ въ трагедіяхъ Сумарокова, Княжнина и Озерова сохранилось множество преданій. Тогдашняя публика, впрочемъ, требовала отъ трагическаго актера только, чтобы онъ читалъ стихи звучнымъ голосомъ и съ особеннымъ паѳосомъ, съ особенною силою и стремительностію передавалъ бы сильные стихи и патетическія мѣста въ піесѣ. Но была-ли эта сила поддѣльною, напускною и лишь только во внѣшнемъ выраженіи актера, или же дѣйствительно истекала изъ внутренняго чувства, изъ положенія или характера изображаемаго лица — такое различіе понимали тогда немногіе, — какъ говоритъ одинъ изъ современниковъ *).

---

*) Въ подтвержденіе нашихъ словъ приводимъ слѣдующее мѣсто изъ *Воспоминаній стараго театрала* С. Жихарева): „Публика была не очень взыскательна, а представляемые актерами небывалые на свѣтѣ персонажи, съ малымъ исключеніемъ, не имѣли ни опредѣлительнаго характера, ни физіономіи исторической. Достаточно было, если трагическій актеръ проговоритъ тираду вразумительно, яснымъ и звучнымъ голосомъ и подъ конецъ ея разразится всею силою своего органа, или въ роляхъ страстныхъ будетъ умѣть произнести съ нѣжностію выраженіе любви — и дѣло кончено: публика аплодировала... Замѣчательно по этому случаю признаніе самаго Яковлева. „Пытался я — говорилъ онъ — въ первые годы вступленія на

За недостаткомъ разнообразія въ содержаніи и истиннаго драматизма, трагедіи Княжнина по преимуществу отличаются «сильными» мѣстами и «сильными» стихами, которыми герои этихъ трагедій говорятъ о своихъ геройскихъ подвигахъ, о своихъ возвышенныхъ патріотическихъ чувствахъ, о нравственномъ долгѣ, о чести и т. п. или которыми они выражаютъ свои пылкія страсти. И такъ какъ языкъ и стихи новѣе и лучше въ трагедіяхъ Княжнина, нежели въ трагедіяхъ Сумарокова, то онѣ и стали нравиться публикѣ болѣе послѣднихъ, вытѣсняя ихъ мало по малу со сцены и будучи потомъ вытѣсненными въ свою очередь болѣе совершенными въ этомъ отношеніи трагедіями Озерова.

Мы сказали, что двѣ трагедіи Княжнина: *Росславъ* (1784) и *Титово милосердіе* (1785) пользовались наибольшимъ успѣхомъ въ свое время. Въ Росславѣ *) главные герои трагедіи: Христіернъ, «тиранъ, владѣющій Даніею и Швеціею», Зафира, «княжна, остатокъ рода прежнихъ шведскихъ правителей» и Росславъ, «полководецъ россійскій въ плѣну у Христіерна». Христіернъ — «свирѣпый, лютый» тиранъ завладѣлъ незаконно Швеціею и царствуетъ надъ шведскимъ народомъ, въ Стокгольмѣ, гдѣ и происходитъ дѣйствіе трагедіи. Законный же наслѣдникъ шведскаго престола, Густавъ, скрывается гдѣ-то «въ странахъ, въ Россіи заключенныхъ» и замышляетъ въ тишинѣ грозное предпріятіе противъ Христіерна. Въ защиту правъ Густава Россія послала было войско подъ предводительствомъ Росслава; но въ одномъ отчаянномъ сраженіи Росславъ, израненный и умирающій, былъ взятъ въ плѣнъ войсками Христіерна, у котораго теперь и находится. Держать въ плѣну Росслава для Христіерна важно потому, что одинъ Росславъ знаетъ и можетъ сказать ему, гдѣ скрывается Густавъ. Христіерну же необходимо вывѣдать эту тайну отъ Росслава.

Тогда бъ онъ могъ врага коварствомъ погубить;
А послѣ бъ силою и Россовъ подавить;

театръ играть (употреблю его собственныя выраженія) и-такъ-и-сякъ, да не въ попадъ; придумалъ я однажды произнести тихо, скромно, но съ твердостію, какъ слѣдовало: *Росславъ и въ лаврахъ я, и въ узахъ я Росславъ*—чтожъ? публика словно какъ мертвая, ни хлопанчика! Ну, постой же, думаю: въ другой разъ я тебя поподчую. И въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдующее представленіе *Росслава я* какъ рявкну на этомъ стихѣ, ниже самому стало совѣстно; а публика моя и пошла писать, всѣ почти съ мѣстъ повставали" и проч. (См. названную статью въ журн. „Отечеств. Запис." 1854 г. ноябрь. — Приведенный здѣсь стихъ изъ *Росслава* читается у Княжнина: „Росславъ я въ лаврахъ былъ, и въ узахъ я Росславъ". См. дѣйств. II, явл. I). Но съ другой стороны есть свидѣтельства о дѣйствительно поразительной игрѣ нашихъ трагическихъ актеровъ стараго времени. Современники разсказываютъ, что во время Дмитревскаго и Троепольской нашъ трагическій театръ „едвали не превосходилъ тогдашній французскій, по признанію самихъ французскихъ актеровъ" и что лучшія въ свое время французскія актрисы: *Лесажъ* и *Гюсъ*, „не разумѣя почти нашего языка, часто хаживали восхищаться божественною игрою" Дмитревскаго и „примѣчаемы были плачущими" во время представленія „россійскихъ трагедій". (См. *Сочиненія Петра Плавильщикова*. СПб. 1816. Ч. III стр. 97 и 111).

*) Соч. Княжн. смирд. изд. т. I, стр. 151—226.

Но Шведовъ ревностью къ Густаву устрашенный,
Не смѣетъ онъ разить, на Россовъ огорченный.
Онъ знаетъ, если мечъ въ Россію принесетъ,
Густавъ во слѣдъ себѣ все войско увлечетъ.

Вотъ на что нужна Христіерну тайна Росслава. Но Росславъ, какъ герой, воодушевленный высокою преданностію и любовію къ родинѣ, готовъ скорѣе на смерть и на всѣ мученія, нежели выдать тайну врагу Россіи. Кедаръ, полководецъ Христіерна и тайный врагъ Росслава, описываетъ его по этому поводу слѣдующими словами:

Но твердъ, не поколебимъ сей камень бѣдъ въ пучинѣ,
Не содрагаяся, противяся судьбинѣ,
Гремящи надъ главой онъ тучи презиралъ,
И волны ярости ногами попиралъ.

Русскій князь прислалъ къ Христіерну посла своего, съ предложеніемъ возвратить ему всѣ завоеванные у него города, если онъ дастъ свободу Росславу. Но Христіерну нужны не города, а тайна Росслава, выдачи который онъ требуетъ отъ своего плѣнника, угрожая ему въ противномъ случаѣ мученіями и смертію. Но Росславъ — герой чести, долга и любви къ отечеству — съ презрѣніемъ отвѣчаетъ на угрозы Христіерна. Онъ ему говоритъ:

Свобода, жизнь моя во власти суть твоей,
Но ты надъ чувствами души не властенъ сей,
Котора, честности уставы чтя едины,
Не можетъ упадать подъ игомъ злой судьбины,

И когда Христіернъ напоминаетъ ему о томъ, что онъ его плѣнникъ и рабъ и говоритъ о своемъ царскомъ самовластіи и величіи, Рославъ читаетъ ему въ отвѣтъ торжественную тираду, которая до такой степени раздражаетъ Христіерна, что онъ повелѣваетъ воинамъ надѣть оковы на Росслава и бросить его въ темницу.

Но у Христіерна есть еще другой, не менѣе важный поводъ ненавидѣть Росслава и желать его пагубы — это любовь къ Росславу княжны Зафиры. «Лютый» Христіернъ самъ пылаетъ страстію къ этой княжнѣ, и такъ какъ она остатокъ рода прежнихъ шведскихъ властителей, то онъ намѣренъ сдѣлать ее своею женою, и при помощи этого брака обладать уже какъ бы по праву Швеціей. Княжна Зафира, однако, ненавидитъ Христіерна и питаетъ сильнѣйшую страсть къ Росславу. Росславъ такъ же любитъ Зафиру, но онъ, какъ герой и горячій патріотъ, на которомъ лежитъ первѣе всего долгъ къ родинѣ, не хочетъ поддаться своему чувству любви. И тутъ, на

этомъ столкновеніи между личнымъ чувствомъ героя и долгомъ, между чувствомъ любви его къ женщинѣ и чувствомъ долга и любви къ отечеству авторъ хотѣлъ основать главнѣйшій интересъ своей пьесы и показать высокія патріотическія доблести своего героя. Въ желаніи изобразить эти послѣднія доблести и заключалась главная цѣль автора, какъ онъ объясняетъ это самъ въ посвященіи своего «Росслава», княгинѣ Е. Р. Дашковой, гдѣ говоритъ, что въ этой трагедіи его «не обыкновенная страсть любви, которая на россійскихъ театрахъ только одна была представляема, но *страсть великихъ душъ, любовь къ отечеству*, изображена» *). Высокіе порывы любви къ отечеству Росслава высказываются главнымъ образомъ въ сценахъ его съ Зафирой. Любовь свою къ нему Зафира описываетъ въ самыхъ пылкихъ и страстныхъ выраженіяхъ: она старалась облегчать оковы его плѣна; когда ему угражала смерть отъ «злодѣя» Христіерна, она «всѣ страхи за него и всѣ муки ощущала:

Не смѣя и рыдать, снѣдала горесть слезъ,
Въ тиранѣ возбудить я ревность опасаясь,
Носила въ сердцѣ смерть, покойною являясь.

Когда Росславъ ей говоритъ, что ей не нужна любовь къ плѣннику, что она будетъ супругой царя и взойдетъ на тронъ, Зафира отвѣчаетъ, что она никогда не будетъ супругой тирана и не отдастъ сердца своего мучителю:

Пустыня и Росславъ — вотъ счастье выше трона!
Твое мнѣ сердце — тронъ, твоя любовь — корона, и проч.

Росславъ сознается ей, что онъ любитъ ее равною любовію, но изъ любви къ отечеству онъ старается «истребить (въ себѣ) огонь страсти», и на ея предложеніе—вознестись съ нею вмѣстѣ на тронъ Швеціи, Росславъ отвѣчаетъ ей, что онъ, ради иноземнаго трона, не можетъ «забыть въ себѣ россійскаго гражданина»; потому что тогда,—онъ говоритъ:

Вселенна обо мнѣ съ презрѣніемъ речетъ:
Се царь, любовію на чуждый тронъ взнесенный,
Невѣрный гражданинъ и властелинъ презрѣнный, и проч.

Такъ Росславъ, во всѣхъ діалогахъ, до конца трагедіи, говоритъ этимъ пышнымъ языкомъ о любви къ отечеству, ради которой онъ безъ робости идетъ на смерть, о чести, долгѣ, добродѣтели: «О, добродѣтель! все заключено въ тебѣ!—онъ восклицаетъ, и т. п. Онъ постоянно повторяетъ: «Иль я

*) Тамъ-же стр. 146.

больше не Росславъ»? «Я Россъ!» «Я Россъ!» *) «О Россы!» — Наконецъ все оканчивается счастливо для героя трагедіи: Христіернъ, узнавъ отъ Зафиры о ея любви къ Росславу, хочетъ, въ порывѣ ревности, ее умертвить; но въ это время вбѣгаетъ стремительно Росславъ и спасаетъ ее отъ руки убійцы. Его освободилъ изъ темницы возмутившійся народъ, который возвелъ на престолъ появившагося въ Стокгольмѣ Густава,—и «тиранъ» болѣе уже тамъ не царствуетъ. Но Росславъ, какъ великодушный герой, даруетъ ему жизнь:

Узнай сей-часъ во мнѣ всѣ Россы каковы....
Тирана презиралъ, а слабому прощаю, —

говоритъ онъ Христіерну. Послѣдній не хочетъ, однако, принять жизнь отъ врага, какъ даръ; онъ бросается на Росслава съ кинжаломъ, но народъ становится между нимъ и Росславомъ, и Христіернъ закалывается самъ. Онъ умираетъ торжественно и парадно, какъ должны умирать всѣ добродѣтельные или порочные «герои» классической трагедіи, проговоривъ, умирая, пышную тираду, оканчивающуюся слѣдующимъ нравоученіемъ самому себѣ, которымъ оканчивается и трагедія:

Такъ есть на свѣтѣ власть превыше и царей,
Отъ коей и въ вѣнцѣ не избѣжитъ злодѣй.

Мы пересказали довольно подробно содержаніе трагедіи Княжнина: «Росславъ» и привели нѣкоторые болѣе характерные стихи изъ нея съ цѣлію уяснить читателю нагляднымъ образомъ тѣ свойства и характеристическія черты нашей «классической» трагедіи вообще, о которыхъ мы говоримъ выше. Нечего и повторять, что здѣсь нѣтъ ни дѣйствія, ни драматическаго движенія, ни развитія характеровъ, а все дѣло и весь интересъ піесы заключается въ отдѣльныхъ мѣстахъ, въ отдѣльныхъ возвышенныхъ мысляхъ и чувствахъ, высказываемыхъ героями, и въ сильныхъ стихахъ, въ родѣ тѣхъ, какіе приведены нами. Подробная передача содержанія и главной сущности трагедіи: «Росславъ» освобождаетъ насъ, такимъ образомъ, отъ обязанности говорить съ такою-же подробностію о прочихъ классическихъ трагедіяхъ не только Княжнина, но и другихъ современныхъ писателей; потому что всѣ эти трагедіи, какъ мы сказали выше, выкроены по одной мѣркѣ.

Послѣдней трагедіи Княжнина: *Вадимъ, князь Новгородскій* (1789), надѣлавшей въ свое время много шуму, какъ уже упомянуто, приписывали зна-

---

*) Передадимъ по поводу этого постояннаго повторенія въ *Росславѣ* выраженія: „я Россъ!“ слѣдующій анекдотъ, разсказанный въ книгѣ кн. Вяземскаго о Фонъ-Визинѣ (стр. 255). Во время одного чтенія трагедіи Княжнина,—долго слушая „выходки сего классическаго Норманца“—говоритъ кн. Вяземскій—Фонъ-Визинъ наконецъ спрашиваетъ автора: „Когда же выростетъ твой герой? Онъ все твердитъ: Я Россъ, Я Россъ. Пора бы ему и перестать расти!“ Но и Княжнинъ не остался въ долгу, и на эту остроту Фонъ-Визина отвѣтилъ ему такою же злою остротою: „Мой Росславъ совершенно выростетъ — отвѣчалъ Княжнинъ—когда твоего *Бригадира* произведутъ въ генералы!“..

ченіе, котораго она не имѣла и не могла имѣть. Весь шумъ произошелъ изъ-за содержанія «Вадима» и главнымъ образомъ изъ-за того, что трагедія эта была напечатана при академіи наукъ, по распоряженію княгини Дашковой, въ 1792 году, т. е. во время французской революціи. Главная сущность содержанія этой трагедіи Княжнина заключается въ томъ, что здѣсь новгородскій посадникъ Вадимъ возмущаетъ народъ противъ Рюрика, избраннаго самими Новгородцами въ самодержавные правители Новгорода. Вадимъ старается изобразить передъ народомъ Рюрика, какъ похитителя «новгородской вольности». Но трагедія оканчиваетя полнымъ торжествомъ Рюрика, полнымъ признаніемъ его власти со стороны всѣхъ Новгородцевъ, которые убѣждаютъ его управлять ими по прежнему и не покидать ихъ. «Характеръ Рюрика такъ великодушенъ, — говоритъ г. Лонгиновъ, — что очевидно авторъ имѣлъ цѣлію возвысить его, а противоборство его власти представилъ только какъ драматическій контрастъ, очень обыкновенный» *). По словамъ того же автора, въ *Вадимѣ* многое напоминаетъ *Цинну* Корнеля и вообще по своему содержанію трагедія эта не представляетъ ничего яркаго или особеннаго въ сравненіи съ другими трагедіями классической школы. Все дѣло и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ того же рода произведеніяхъ, заключалось въ отдѣльныхъ «сильныхъ» и смѣлыхъ стихахъ, которые нѣкоторыми «услужливыми чрезъ мѣру совѣтниками» (см. «Рус. Арх.») представлены были императрицѣ Екатеринѣ II, какъ «дерзкія и нелѣпыя изреченія» и особенно опасныя въ то время, вслѣдствіе волненій, произведенныхъ политической бурей во Франціи. Потому государыня повелѣла произвести слѣдствіе по дѣлу о напечатаніи *Вадима* и изъять эту трагедію изъ обращенія. Но представленная въ Москвѣ въ 1785 году трагедія *Николева*: «Сорена и Замиръ», также надѣлавшая много шуму и имѣвшая необыкновенный успѣхъ на московской сценѣ, не только не подверглась нареканію и запрещенію со стороны императрицы; но, напротивъ, она даже выразила свое удивленіе въ письмѣ къ московскому главнокомандующему, графу Брюсу, что онъ отмѣтилъ въ *Соренѣ* многіе стихи и испрашивалъ разрѣшенія государыни на запрещеніе этой трагедіи Николева. По справедливому замѣчанію г. Лонгинова, «причины необыкновеннаго успѣха Сорены должно искать въ игрѣ актеровъ и особенно во многихъ сильныхъ стихахъ, написанныхъ въ духѣ Вольтерова *Брута* или *Катилины*» **).

Изъ всего выше сказаннаго о трагедіи такъ называемой классической школы можно, какъ намъ кажется, составить себѣ вполнѣ удовлетворительное

---

*) См. его статью: „Як. Бор. Княжнинъ и его трагедія Вадимъ“ (Русск. Вѣстн. 1860 г. февр. книж. 2), гдѣ подробно и прекрасно разсказано все дѣло о трагедіи Вадимъ. Такъ же см. замѣтку г. *Стоюнина*: „Еще о Княжнинѣ и его трагедіи *Вадимъ* (тамъ-же, май, книж. 2) и въ „Русск. Арх.“ 1853 г. „Изъ розыскнаго дѣла о трагедіи Княжнина Вадимъ“ (столб. 605—610). Изъ названныхъ статей и документовъ обнаруживается, что разсказъ нѣкоторыхъ біографовъ Княжнина о томъ, что онъ пострадалъ за свою трагедію „Вадимъ“ и находился по этому случаю въ рукахъ „знаменитаго“ Шекновскаго,—не имѣетъ никакого основанія.

**) См. въ той-же статьѣ о „Соренѣ“ стр. 638—640.

понятіе о ея свойствахъ и характерѣ. Трагедіи прочихъ, второстепенныхъ писателей: *Хераскова*, *Майкова*, *Плавильщикова* *) и друг. отличались, безъ сомнѣнія, въ меньшей мѣрѣ достоинствами и въ большей мѣрѣ недостатками, заключающимися въ трагедіяхъ Сумарокова и Княжнина и въ ихъ первообразахъ — трагедіяхъ французскихъ. Трагедіи нѣкоторыхъ второстепенныхъ писателей имѣли также въ свое время большой успѣхъ, въ особенности трагедіи Хераскова, написанныя до крайности напыщеннымъ языкомъ; но игра актеровъ и отдѣльныя мысли и «сильныя» стихи, каковы напримѣръ, въ трагедіи Хераскова: *Освобожденная Москва*:

Порода знатная, безъ добрыхъ дѣлъ, ничто!
Тотъ въ мірѣ знаменитъ, полезенъ міру кто!.. и т. п.

— всегда увлекали зрителей.

Что касается до вліянія нашей старой трагедіи на публику и до ея историческаго значенія, то конечно вліяніе ея нужно почесть благотворнымъ по тѣмъ высокимъ идеямъ и благороднымъ, рыцарскимъ чувствамъ, проповѣдницей которыхъ она старалась быть по преимуществу, и которыя она старалась возбуждать въ зрителяхъ, съ одной стороны — изображеніемъ, въ блестящемъ свѣтѣ, всѣхъ геройскихъ подвиговъ: любви къ отечеству, человѣколюбія, преданности, благородной любви и т. п., а съ другой — жестокимъ порицаніемъ злодѣйскихъ дѣлъ и пороковъ въ людяхъ. Въ трагедіяхъ писателей екатерининскаго времени мы можемъ видѣть въ особенности ихъ благородный, либеральный образъ мыслей и тенденціи, и по нимъ можемъ себѣ составить понятіе о духѣ и направленіи тогдашней русской литературы вообще. Тутъ, безъ сомнѣнія, не могло имѣть никакого значенія то обстоятельство, что трагедіи эти были только подражаніями, а не произведеніями оригинальными. Митрополитъ Евгеній, какъ намъ кажется, весьма справедливо говоритъ слѣдующее, по поводу упрековъ, дѣлавшихся обыкновенно Княжнину въ подражательности: «Критики винили и винятъ его въ томъ, что онъ много заимствовалъ изъ иностранныхъ трагиковъ, какъ-то: изъ Метастазія, Расина, Корнеля, Вольтера, Мерета и другихъ. Но надобно бы вспомнить, что г. Княжнинъ писалъ не для ученыхъ критиковъ, а для публики, которой нѣтъ нужды до извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ей подлинниковъ, когда хорошія съ нихъ списки производятъ въ ней столь же пріятныя впечатлѣнія». (Словарь, 202).

Комедіи Княжнина. — Въ своихъ комедіяхъ Княжнинъ является даровитымъ драматическимъ писателемъ гораздо болѣе, нежели въ своихъ трагедіяхъ. Не смотря на то, что комедіи эти въ большинствѣ случаевъ представляютъ довольно близкое подражаніе или передѣлку на русскіе нравы комедій французскихъ, въ нихъ тѣмъ не менѣе схвачены и изображены очень вѣрно

---

*) Плавильщиковъ — извѣстный въ свое время актеръ и писатель — написалъ три трагедіи: *Рюрикъ* и *Тахмасъ-Кулыханъ* — въ стихахъ и *Ермакъ* — въ прозѣ (См. его соч. ч. I.) Послѣдняя изъ нихъ особенно оригинальна; здѣсь Ермакъ представленъ необыкновенно возвышеннымъ „ироемъ“ и нѣжнымъ влюбленнымъ рыцаремъ, который постоянно говоритъ объ „иройскихъ подвигахъ и о нѣжной страсти.

нѣкоторыя черты современной русской жизни, и изображены мѣстами въ истинно комическихъ сценахъ и съ большимъ остроуміемъ. Понятія Княжнина о комедіи — это господствовавшія въ его время понятія французской школы, т. е. черезъ осмѣяніе на сценѣ пороковъ и недостатковъ общества дѣйствовать на исправленіе нравовъ. И одна только «классическая» форма комедій Княжнина показалась бы, быть можетъ, странною, при постановкѣ ихъ въ наше время на сцену. Но по своему неподдѣльному комизму, по ѣдкимъ и остроумнымъ насмѣшкамъ надъ нѣкоторыми чертами современныхъ русскихъ нравовъ и наконецъ по нѣкоторымъ намекамъ на дѣйствительныя современныя явленія, комедіи Княжнина стоятъ несравненно выше большей части комическихъ произведеній нашей новѣйшей драматургіи. Вообще наша старая комедія не рѣдко являлась съ характеромъ личной сатиры, выводя на сцену извѣстныя личности своего времени. Новиковъ говоритъ о комедіи Лукина: *Мотъ, любовью исправленный* (1765), что «сочинитель ввелъ въ свою комедію два смѣшные подлинника, которыхъ представлявшіе актеры весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ, выговоромъ, ужимками и тѣлодвиженіями, также и сходственнымъ къ тому платьемъ, зрителей весьма смѣшили» *). Такіе же намеки на современныя личности встрѣчаются и въ другихъ старинныхъ піесахъ, и въ комедіяхъ Княжнина, особенно въ его комедіи *Чудаки*, которая, какъ кажется, представляетъ рядъ современныхъ комическихъ портретовъ.

Большою извѣстностію и успѣхами на современной сценѣ пользовались двѣ главныя комедіи Княжнина: *Хвастунъ* и *Чудаки*, — которыя принадлежатъ безпорно къ замѣчательнымъ театральнымъ піесамъ нашего стариннаго репертуара, и затѣмъ двѣ комическія оперы: *Несчастіе отъ кареты* и *Сбитеньщикъ*. Обѣ комедіи Княжнина, какъ комедіи классическія, написаны стихами. Главное дѣйствующее лицо въ Хвастунѣ мнимый графъ, который выдаетъ себя за важнаго и вліятельнаго вельможу при дворѣ, съ цѣлью жениться на богатой провинціальной дворянкѣ. Этотъ — «плутоватый дворянчикъ», Верхолетъ **), повѣсничаетъ, мотаетъ и «по-уши втюрился въ долги» — по словамъ его дяди Простодума; онъ дурачитъ всѣхъ окружающихъ; лжетъ и хвастаетъ своимъ значеніемъ и важнымъ вліяніемъ при дворѣ, своею перепискою съ «королями» и т. д. и притомъ у всѣхъ занимаетъ даньги, а вмѣсто отплаты — предлагаетъ свое покровительство у двора и обѣщаетъ разныя должности и положенія въ государствѣ: «Онъ губернаторства, какъ щепки, раздаетъ», — говоритъ его слуга Полистъ, произведенный имъ въ секретари и помогающій барину въ его плутняхъ и обманахъ. Посредствомъ такого хва-

*) Словарь, 67.

**) Манера — давать дѣйствующимъ лицамъ названія, выражающія ихъ главныя свойства, принадлежитъ вполнѣ нашимъ старымъ комедіямъ, въ которыхъ дѣйствовали: Злорадовы, Добросердовы, Доблестины, Урывай-Алтынины и т. п. Мы видѣли, что отъ этой манеры, по которой уже сама театральная афиша объясняетъ характеры, не былъ свободенъ и самъ Фонъ-Визинъ. Въ комедіяхъ Княжнина дѣйствующія лица носятъ названія: Верхолетовъ, Простодумовъ, Чванкиныхъ, Пролазовъ, Свирѣлкиныхъ, Тромпетиныхъ, Честоновъ и т. п.

стовства и при легковѣріи среды, въ которой дѣйствуетъ Верхолетъ, онъ едва не женится на дочери богатой, тщеславной и глупой госпожи Чванкиной; но полиція открываетъ его плутни, сажаетъ его въ смирительный домъ — и этимъ полагаетъ развязку комедіи. «Полицейская развязка въ нашей старой комедіи — самая обыкновенная. Въ нашихъ комедіяхъ начальство часто занимаетъ мѣсто *рока* (fatum) въ древнихъ трагедіяхъ», — замѣчаетъ кн. Вяземскій по поводу подобной же развязки въ «Недорослѣ», при вмѣшательствѣ намѣстникова чиновника, Правдина. Впрочемъ, этотъ обычай занесенъ къ намъ изъ старой французской комедіи.

При такомъ нехитромъ содержаніи и не глубокомъ взглядѣ автора на выведенные въ его комедіи характеры, она заключаетъ въ себѣ тѣмъ не менѣе много смѣшныхъ и занимательныхъ сценъ и многія остроумныя и ѣдкія нападки на недостатки и пороки современнаго общества. Полистъ, напримѣръ, говоритъ:

Люди всѣ рѣхнулись на чинахъ.
Портные, столяры всѣ одинакой вѣры;
Купцы, сапожники всѣ метятъ въ офицеры.
И кто безъ чина свой проводитъ темный вѣкъ,
Тотъ кажется у насъ совсѣмъ не человѣкъ, и проч. *)

Хотя глупость и легковѣріе Простодума и Чванкиной слишкомъ утрированы авторомъ, по примѣру французскихъ комедій — изображать все дурное и порочное въ преувеличенномъ и карикатурномъ видѣ, — но ихъ глупое тщеславіе, ихъ страстъ къ чинамъ и знатности, заглушающая въ нихъ всѣ человѣческія чувства и понятія, составляютъ характеристическія ствойства и вѣрныя черты нравовъ современнаго русскаго общества. Потому эти лица въ комедіи изображены удачнѣе другихъ и отличаются мѣстами неподдѣльнымъ комизмомъ. Простодумъ, увидѣвъ роскошную обстановку своего племянника, говоритъ въ восхищеніи:

Сердце прыгаетъ на знать такую глядя.
Какъ свѣтлый мѣсяцъ онъ, весь въ златѣ, въ серебрѣ.
Кого помщетъ Богъ....

Пользуясь этимъ восторгомъ дяди и обѣщая сдѣлать его сенаторомъ, племянникъ беретъ у него въ займы послѣднія деньги, которыя тотъ скопилъ всѣми неправдами:

Три тысячи скопилъ я дома лѣтъ въ десятокъ,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
Но кстати въ *рекруты торгуючи людьми.*
Сіятельнѣйшій графъ, пожалуй, все возьми,
Я послѣ получу. *)

---

*) Сочин. Княжн. (Смирд. издан.) т. I, 466.
**) Тамъ-же, 467.

Простодумъ, скрѣпя сердце, отдаетъ ему эти денежки, имѣя въ виду сдѣлаться сенаторомъ и знатнымъ вельможей—затѣмъ только, чтобы поприжать въ свою очередь богатыхъ деревенскихъ сосѣдей, которые его «своею спесью давятъ». Онъ заносится мечтами о своемъ будущемъ сенаторствѣ и представляетъ себѣ, какъ тогда эти спесивые сосѣди его «опустятъ крылышки, какъ мокры воробьи», а онъ будетъ держать ихъ покрѣпче въ рукахъ: «И какъ на собственныхъ, на ихъ косить лугахъ». Отвѣтъ Полиста Простодуму, недоумѣвающему, какъ тотъ могъ попасть въ секретари, не зная грамоты, не менѣе любопытенъ, какъ черта времени, въ которое такъ много хлопотали объ образованіи. На вопросъ Простодума: «Какъ же ты дѣла-то отправляешь?» (т. е. будучи безграмотнымъ), Полистъ отвѣчаетъ:

Пословицъ господинъ не помнитъ Простодумъ:
Вы это знаете, что *честь рождаетъ умъ*.
Какъ съ прочими въ чинахъ съ пустою головою,
Сія пословица сбылася и со мною.

Не менѣе замѣчательны многія черты въ описаніи Чванкиной. Восторгъ ея и счастіе видѣть свою дочь за графомъ, за «случайнымъ человѣкомъ» доводятъ ее до совершеннаго отупѣнія и слѣпоты. Она въ разговорѣ съ плутоватой служанкой, Мариной, высказываетъ глупое удивленіе, какъ дочь ея

Не видитъ счастья быть женою Верхолета.
Подумай, онъ какой случайный человѣкъ!
Онъ только при дворѣ проводитъ весь свой вѣкъ,
Богатства у него и знатности палата;
И графы и князья всѣ съ нимъ за-панибрата.

Марина старается поддержать ее въ этихъ понятіяхъ. Она говоритъ:

Къ намъ станутъ пріѣзжать графини да княгини,
И какъ сельскія всему дивясь разини,
Которымъ здѣшняя на-диво и коза,
На васъ, сударыня, какъ выпялятъ глаза.
А вы такъ и взглянуть на нихъ не захотите *).

Затѣмъ, когда Милена, дочь Чванкиной говоритъ, что она умретъ, если мать выдастъ ее за Верхолета, Чванкина отвѣчаетъ:

Пожалуй ты умри,
Да только лишь умри графиней.

Такія же изображенія нравовъ современнаго русскаго общества и остроумныя насмѣшки надъ его недостатками встрѣчаются и въ «Чудакахъ», — хотя эта комедія гораздо менѣе удачна и вся, главнымъ образомъ, вертится на выходкахъ противъ французоманіи, тщеславія и свѣтскости, изображенныхъ

*) Тамъ-же, 484—485.

въ лицѣ Вѣтромаха, который въ свою русскую рѣчь вставляетъ постоянно французскія слова и, подобно Иванушкѣ Фонъ-Визина, говоритъ: «Я русскій; — у меня на сердцѣ это грузъ»; и отчасти въ лицѣ Лентягиной, неизлѣчимую болѣзнь которой мужъ ея, Лентягинъ, опредѣляетъ этими словами:

У ней спѣсивая и знатна лихорадка.

Прочія же лица комедіи, или прочіе «чудаки»: Пріятъ, идиллическій вздыхатель, или «молодой весьма романическій дворянинъ», по опредѣленію автора, поэты — элегистъ Свирѣлкинъ и одописецъ Трумпетинъ, Улинька, дочь Лентягиныхъ — «вѣтреница» и друг. довольно ничтожны и карикатурны, не исключая и самаго главнаго въ комедіи — Лентягина, который плохо списанъ съ главнаго лица комедіи Детуша: «L'homme singulier». Лентягинъ — сынъ кузнеца, пробравшійся въ дворянство, при обладаніи своими несмѣтными богатствами, корчитъ изъ себя какого-то оригинала. По опредѣленію самаго автора, Лентягинъ — «недавно вышедшій въ дворянство, весьма богатый и *по своему философствующій* человѣкъ». Но въ піесѣ вовсе не выяснено, почему, на основаніи какихъ мотивовъ этотъ человѣкъ «философствуетъ» такъ своеобразно, дико? Почему, напримѣръ, Лентягинъ отъявленнаго плута, Пролаза, своего слугу, котораго знаетъ всего только одинъ день, дѣлаетъ своимъ другомъ и хочетъ даже выдать за него свою единственную дочь и т. п. Какъ кажется, впрочемъ, Лентягинъ — намекъ на какую-то дѣйствительную личность изъ современнаго русскаго общества.

Но тѣмъ не менѣе и комедія «Чудаки» заключаетъ въ себѣ не мало истинно комическихъ и остроумныхъ сценъ. Улинька, за которой увивается куча разнокалиберныхъ жениховъ, одного изъ нихъ, Пріята, описываетъ такимъ образомъ:

Я не хочу любить
Того, который все изподтишка вздыхаетъ;
Который робкими шагами подступаетъ;
Котораго любовь, какъ-будто хочетъ красть.
Онъ сердца не беретъ, а щиплетъ все по точкѣ;
Во франѣ мердоа и въ розовомъ платочкѣ,
По вечерамъ одинъ, задумчивъ и смущонъ,
Такъ томенъ и унылъ, какъ-будто селадонъ,
По рощамъ и лугамъ съ овечками гуляетъ;
Иль подъ окномъ моимъ по холодку пылаетъ.
Какъ скученъ! онъ меня до смерти залюбилъ *).

Такіе идиллическіе вздыхатели уже стали появляться тогда въ русскомъ обществѣ подъ вліяніемъ зачинавшейся у насъ сантиментальной литературы, и Княжнинъ очень мѣтко подсмотрѣлъ ихъ смѣшную сторону и хорошо обрисовалъ ихъ въ лицѣ Пріята. Но портреты стихотворцевъ: Свирѣлкина и Трумпетина вышли далеко не такъ удачны. Хорошъ еще очень Трусинъ,

*) Тамъ же, 610.

«пріятель всемірной, охотникъ безъ просьбы всѣмъ услуживать». Онъ глухъ и хромъ и занимается пріискиваніемъ жениховъ для Улиньки. Пролазъ, введенный этимъ Трусимомъ въ домъ Лентягина, на вопросъ Марины, служанки Улиньки: «Но какъ введенъ ты въ домъ?» — такъ описываетъ Трусима:

Вотъ этимъ чудакомъ,, *услужникомъ всесвѣтнымъ*,
Который, не смотря, что онъ и глухъ, и хромъ,
По улицамъ съ лицомъ таскаяся привѣтнымъ,
Надоѣдаетъ всѣмъ, стараясь угодитъ;
Который, всѣхъ ловя и кстати и некстати,
И суетяся всѣмъ безъ просьбы услужить,
Знакомъ и черни всей, и самой первой знати.

Ясно, что это живыя черты, подмѣченныя нашимъ комикомъ въ современномъ ему обществѣ.

Надъ французоманіей Княжнинъ смѣется еще въ другой своей піесѣ: въ оригинальной комической оперѣ — «Несчастіе отъ кареты». Но въ этой піесѣ у автора проглядываетъ болѣе серьёзная цѣль: обыкновенная сатира комедій Княжнина отзывается легкой шуткой и остроумной насмѣшкой французскихъ комедій; но въ «Несчастіи отъ кареты» (содержаніе которой взято изъ крестьянскаго быта), именно въ сѣтованіяхъ молодаго парня Лукьяна о своей горькой крестьянской долѣ и особенно въ наставленіяхъ его барина, Фирюлина, своему плуту-прикащику, слышится злая и ѣдкая сатира на крѣпостное право. Возмутительная торговля людьми, какъ скотомъ, продажа крѣпостныхъ людей въ рекруты, какъ мы видѣли изъ вышеприведенныхъ словъ Простодума, который сознается, что нажилъ деньги «кстати въ рекруты торгуючи людьми», совершались въ то время дворянами-помѣщиками сплошь и рядомъ. Вопросъ объ этой-то торговлѣ людьми и составляетъ главное содержаніе піесы Княжнина.

Вотъ какъ жалуется Лукьянъ на свою крестьянскую участь: «Боже мой! какъ мы несчастливы! намъ должно пить, ѣсть и жениться по волѣ тѣхъ, которые нашимъ мученіемъ веселятся и которые безъ насъ бы съ голоду померли» *). Здѣсь не важно то, что мотоватый баринъ, Фирюлинъ, помѣшался на парижскихъ модахъ и на французскомъ языкѣ. Конечно въ его словахъ, относящихся до галломаніи, заключается много комическаго и остроумнаго; онъ, напримѣръ, говоритъ по пріѣздѣ въ свою деревню: «Варварскій народъ! дикая сторона! Какое невѣжество! какія грубыя имена! Какъ ими деликатесъ моего слуха повреждается. Видно, что мнѣ самому нужно приняться за экономію и перемѣнить всѣ названія, которыя портятъ уши; это первое мое дѣло будетъ». Вслѣдствіе этого и въ знакъ своей «синьорской милости» онъ жалуетъ прикащика, котораго до того времени «глупымъ и варварскимъ именемъ Клементія безчестили», въ «Клеманы». Такую барскую милость прикащикъ заслужилъ за то, что въ угоду барину — русскому французу — большую

*) Тамъ-же, т. II, стт. 117.

часть крестьянъ одѣлъ по-французски, и т. п. Все это не важно, равно какъ не важно и то, что Фирюлинъ требуетъ отъ этого Клемана денегъ на покупку парижской кареты, не обращая вниманія на отговорки послѣдняго, что денегъ не откуда достать, что хлѣбъ не родился и проч. Но важно то, съ какимъ ужаснымъ цинизмомъ Фирюлинъ даетъ слѣдующій совѣтъ или приказаніе своему прикащику: «Мало ли есть способовъ достать денегъ! Напримѣръ, нѣтъ ли у васъ *на продажу* годныхъ людей въ рекруты? *Нахватай ихъ и продай*»- Эта опера Княжнина, принадлежащая, безъ сомнѣнія, къ его лучшимъ произведеніямъ, имѣла большой успѣхъ и долго держалась на сценѣ вслѣдствіе многихъ комическихъ мѣстъ и остроумныхъ выходокъ противъ безразсуднаго мотовства и галломаніи тогдашнихъ русскихъ бояръ.

Непосредственное вліяніе Екатерины II на современную русскую литературу. Комедіи и сатирическія статьи Екатерины II. — Екатерина II имѣла вліяніе на современную ей русскую литературу, какъ мы видѣли, посредствомъ тѣхъ принциповъ и началъ, которые изложены въ ея Наказѣ и которые вытекали изо всей ея преобразовательной дѣятельности. Но она, кромѣ того, имѣла и непосредственное вліяніе на литературу: многочисленныя и разнообразныя сочиненія, написанныя ею въ разное время, давали, такъ сказать, тонъ, служили примѣромъ и ободреніемъ для дѣятельности современныхъ ей русскихъ писателей. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи ея комедіи и мелкія сатирическія статьи, извѣстныя подъ именемъ «Былей и небылицъ». Если эти литературные труды Екатерины не отличаются особенными поэтическими и литературными достоинствами, то имъ никакъ нельзя отказать въ весьма важномъ историческомъ значеніи для своего времени.

Какова была цѣль Екатерины, что могло побуждать ее, въ ея царственномъ положеніи, посвящать свои досуги сочиненію комедій и мелкихъ сатирическихъ бездѣлокъ? — Въ одномъ изъ лучшихъ сатирическихъ стихотвореній Державина («На счастіе») есть слѣдующіе стихи, касающіеся комедій Екатерины II:

Въ тѣ дни, какъ мудрость среди троновъ,
. . . . . .
. . . . . перышкомъ своимъ искуснымъ,
Не ссоряся никакъ, ни съ кѣмъ,
Для общей и своей забавы,
Комедьи пишетъ, чиститъ нравы, и проч.

И такъ, по понятіямъ современниковъ, цѣль комедій Екатерины заключалась въ томъ, чтобы, «забавляя себя и другихъ, чистить нравы», т. е. — указывать на то, что, по мнѣнію автора комедій, было дурнаго въ нравахъ тогдашняго русскаго общества, съ намѣреніемъ исправлять ихъ. «Описывая пороки и дурачества, она *забавлялась и поучала*» — говоритъ

кн. Вяземскій («Фонъ-Визинъ» 198). Что комедіи Екатерины II имѣли именно поучительную цѣль — это говоритъ она сама словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ своей комедіи: *Имянины госпожи Ворчалкиной*. «Комедія представляетъ *дурные нравы* и осмѣхаетъ то, что смѣха достойно, а отнюдь лично не вредитъ. Потому, еслибъ я примѣтилъ въ ней себя самого представлена и узналъ чрезъ то, что смѣшное во мнѣ есть, то бъ я старался *исправиться и побѣдить мои пороки*; не сердился бы я за это, но, напротивъ того, почиталъ бы себя обязаннымъ». Изъ этого ясно, что Екатерина избрала литературную сатиру, какъ одно изъ орудій для дѣйствія на общество и для выраженія въ ней своихъ собственныхъ мыслей и желаній, относительно общественныхъ нравовъ и понятій.

Драматическихъ достоинствъ собственно, т. е. драматическаго дѣйствія и развитія характеровъ мы не найдемъ въ комедіяхъ императрицы Екатерины II, не найдемъ въ нихъ и полной картины или всесторонняго описанія нравовъ: онѣ представляютъ не болѣе, какъ современные портреты, и портреты, вѣроятно, по большей части списанные съ натуры *), и нужно замѣтить, — списанные чрезвычайно живо, остроумно, съ сохраненіемъ оттѣнковъ живой разговорной рѣчи, свойственной каждому дѣйствующему лицу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи комедіи Екатерины II стоятъ несравненно выше многихъ современныхъ имъ комическихъ произведеній. Потому слѣдующія слова Екатерины въ письмѣ къ Вольтеру, при посылкѣ къ нему комедій: «*О время!*» и «*Имянины госпожи Ворчалкиной*», заключаютъ въ себѣ довольно вѣрное сужденіе о достоинствахъ и недостаткахъ ея комедій. Она выражается въ этомъ письмѣ о себѣ, какъ объ авторѣ посылаемыхъ комедій такимъ образомъ: «авторъ имѣетъ много недостатковъ; онъ не знаетъ театра, интрига въ его піесахъ слаба; но нельзя сказать того же о характерахъ, изображенныхъ въ піесахъ; они взяты съ натуры и выдержаны. Притомъ у автора есть комическія выходки; онъ заставляетъ смѣяться; мораль его чиста и ему хорошо извѣстенъ народъ». Какъ бы то нибыло, но комедіи Екатерины II, равно какъ и ея сатирическія статьи, заключаютъ въ себѣ большой интересъ, если не по своимъ драматическимъ качествамъ, то въ историческомъ отношеніи, по ихъ близкому отношенію къ ея времени, по выраженію въ нихъ ея собственныхъ взглядовъ на современное общество и по тому вліянію, которое онѣ имѣли на современную литературную сатиру вообще.

Разсмотримъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ комедій.

Первыя изъ комедій Екатерины: «О время!», «Имянины г-жи Ворчалки-

---

*) На это есть указанія и въ самихъ комедіяхъ. Ворчалкина („Имянины г-жи В—ной") говоритъ: „Вотъ сказываютъ сдѣлана камедь намъ въ ругательство (ком. Екатерины: „О время!"); да играютъ ее. Что дѣлать. Дрямовъ. Вольно вѣдь вамъ брать на свой счетъ. Ворчалкина. Да какъ не возьмешь. Сказываютъ, что сватья моя, да кума тамъ представлены; да такъ точнёхонько тутъ описаны" и проч. (Тамъ-же, стр. 183). Комедіи Екатерины игрались на „эрмитажномъ театрѣ при дворѣ; часто нѣкоторые изъ гостей узнавали себя въ выведенныхъ портретахъ и должны были краснѣть и приходить въ смущеніе передъ вѣнценоснымъ авторомъ.

ной», «Г-жа Вѣстникова съ семьею» и нѣкоторыя другія, какъ упомянуто въ заглавіи,—были будто сочинены въ 1772 г., когда она удалилась въ Ярославль, во время чумы, и жила тамъ очень уединенно. Но это не вѣрно. По словамъ г. Лонгинова («Новиковъ и москов. мартинисты», стр. 28) — «это не болѣе, какъ шуточная выдумка для легкаго замаскированія настоящаго имени автора».

Въ комедіи «О время!» главное дѣйствующее лицо — *Ханжихина*. Уже это названіе показываетъ, что цѣль комедіи — подвергнуть осмѣянію ханжество и суевѣріе людей стараго покроя. Въ «Имянинахъ г-жи Ворчалкиной», одинъ изъ резонёровъ, Таларикинъ, говоритъ, что когда была представлена комедія «О время!», то зрители «смѣялись очень много, для того, что смѣшные изображены въ ней характеры... Сочинитель этой комедіи — прибавляетъ онъ — хотѣлъ вывести на театръ три порока и вывелъ ихъ въ образѣ трехъ женщинъ: одна была скупая, другая — взбалмочная вѣстовщица, третья суевѣрна». Скупость и суевѣріе изображены въ лицѣ Ханжихиной, которая живетъ въ Москвѣ; къ ней «наѣзжаютъ подобныя ей барыни, которыя обыкновенно забавляютъ ее вѣстями, изо всѣхъ угловъ города собранными», — какъ объясняетъ ея служанка Мавра. Между ними выведены на сцену: *Вѣстникова* и *Чудихина* — такія же суевѣрныя барыни, какъ и Ханжихина, сплетницы и вѣстовщицы, порицающія всѣ новыя порядки, особенно новое воспитаніе. Но главный интересъ піесы основанъ на характерѣ Ханжихиной: она «ханжитъ много, наполнена суевѣріемъ и пустосвятствомъ, но о добродѣтеляхъ ея не слышно», по словамъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ піесы (*Непустова*). Всѣ добродѣли ея заключаются «въ долгихъ молитвахъ и въ наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ». Ханжихина, по словамъ Мавры, слѣдующимъ образомъ проводитъ свой день: «Она встаетъ поутру въ 6 часовъ, и, слѣдуя древнему похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохи и поетъ стихъ: *Блажень, кто и скоты милуетъ!* А при семъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню поротъ батожьемъ, то подаетъ попу кадило, то со внучкою, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданнаго сжить»... *) и проч. Слѣдующая тирада Ханжихиной обрисовываетъ намъ ее окончательно вѣрно со стороны ея религіозныхъ понятій: «Изволь самъ разсудить — говоритъ она *Непустову*: — можно ли спокойному быть духу, если съ кѣмъ то случится, что сдѣлалось сегодня со мною? Я обѣщалась, чтобъ до вечерни положитъ пятьдесятъ поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя бабушка благословила покойную мою матушку, помяни ихъ, Господи! И лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ маминъ сынъ, и сталъ, какъ демонъ

*) Тамъ-же, стр. 12.

въ горницѣ. Я ему говорю: поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: поди ты, сатана, вонъ; а онъ, ничего не говоря, совъ мнѣ въ руку бумажку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете? Что въ этой бумажкѣ написано! О! несмысленная тварь! О демонское навожденіе!.... Онъ осмѣлился просить позволенія — жениться. Мнѣ, дескать, тридцать уже лѣтъ; мать-де моя умерла, обшить и обмыть некому, и для того женится! Экая негодница! И онъ жениться вздумалъ! Этимъ привелъ онъ меня въ такое сердце, въ такое, батька мой, сердце, что я и число поклоновъ позабыла, и не знаю сколько положила, и сколько еще класть надобно. Однакожь велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ: позабудетъ онъ у меня мѣшать мнѣ класть поклоны» *).

Когда соберутся къ Ханжихиной вѣстовщицы и сплетницы, «любимыя ея гостейки», по словамъ Мавры, то онѣ вмѣстѣ «переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ по христіанской любви всѣхъ на перечетъ». Къ тому еще Ханжихина отличается скаредною скупостію: она проповѣдуетъ своимъ людямъ «о молитвѣ, постѣ и воздержаніи» особенно во время раздачи положеннаго имъ содержанія («мѣсячины и указнаго») и не любитъ платить долговъ; занимаетъ деньги по шести процентовъ съ тѣмъ, чтобы отдавать ихъ въ ростъ по шестьнадцати. Она бранитъ нынѣшніе обычаи и называетъ свою горничную Мавру «басурманкой» за то, что та иногда читаетъ «Ежемѣсячныя сочиненія» **). Къ тому еще она и суевѣрна до крайности. Про рожденіе внучки свой, Христины, она говоритъ: «родилась она со всѣми счастливыми примѣтами, и въ сорочкѣ, и въ волоскахъ, и три раза, родясь, прокричала, и для того, сестрица, я всю надежду мою на старости въ ней полагаю». Въ рѣчахъ Чудихинной также выражается ропотъ и недовольство новыми преобразованіями и новымъ воспитаніемъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ совсѣмъ сталъ превратенъ — говоритъ она — и науки-то чужіе врагъ къ намъ принесъ, такъ все стало и дурно и время-то безтолково. Охъ-хо-хо! Хоть бы эту-то горесть ужъ съ рукъ сбыть, да пристроить бы малого-то куда-нибудь къ мѣсту! Никалашку-то моего бѣднаго... Онъ меня съѣдаетъ» ***). А Николашкѣ этому, своему 18-лѣтнему сыну, Чудихина даетъ такое же точно воспитаніе, какое получилъ Митрофанушка: она его откармливаетъ *тёшой* съ кислыми щами, а когда болѣнъ, то кромѣ блиновъ да сластей ничѣмъ другимъ не кормитъ. Всю зиму онъ у нея съ лежанки не слазитъ, и она увѣряетъ, что какъ глазъ свой бережетъ сына. «Какъ не беречь, свѣтъ мой? Онъ у меня одинъ, какъ порохъ въ глазу?» Въ грамотѣ же Николашка ея успѣлъ доучить только азбуку и готовился начать часословъ. Она возстаетъ и противъ того, что дѣвушекъ стали учить грамотѣ: «На что дѣвокъ учить грамотѣ? Имъ ни къ чему грамота не надобна; меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше врётъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться, что до пятидесяти лѣтъ пера

*) Тамъ-же, 14 — 15.

**) Періодическое изданіе. См. ниже.

***) Тамъ-же, стр. 50.

въ руки не возьму. Да полно что! Нынче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ.... Быть добру!» Но авторъ комедіи въ тоже время и самъ осуждаетъ нѣкоторыя явленія въ людяхъ новаго воспитанія, какъ напримѣръ: роскошь, мотовство, долги, жизнь «по модѣ», т. е. что «многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки дерзко противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются», — и восхваляетъ «старинную» искренность, вѣрность дружбы и честность.

Изъ этого разбора содержанія комедіи «О время!» мы видимъ, что сатира Екатерины была направлена, главнымъ образомъ, противъ ханжества, противъ суевѣрій и дикихъ понятій и вообще противъ недостатковъ воспитанія и нравственнаго безпорядка въ семейной жизни. Тѣ же мотивы сатиры повторяются болѣе или менѣе и во всѣхъ другихъ ея комедіяхъ. Такъ, въ «Именинахъ г-жи Ворчалкиной» представлена госпожа, отличающаяся безтолковою ворчливостію, которая порицаетъ всѣ новые порядки и преобразованія, — какъ это дѣлаютъ Ханжихина, Чудихина и Вѣстникова въ комедіи «О время!» Это — люди стараго воспитанія, недовольные новыми порядками — вслѣдствіе невѣжества, дикости и отсталости своихъ взглядовъ и понятій. Нужно допустить, судя по многимъ мѣстамъ въ рѣчахъ Ворчалкиной, что это главное дѣйствующее лицо въ комедіи Екатерины представляетъ намекъ на какую-нибудь дѣйствительную современную личность. «И, батюшка! говоритъ она:—свѣтъ нынче таковъ: всему дурному потачка есть. Кому смотрѣть? Кому запретить? и *самы мы*, кому бъ не допускать-то надобно, хохочутъ изо всей мочи, когда руганье другихъ слышатъ». — «Довольно уже, мой свѣтъ, видѣли мы всякой всячины... Видишь ты, каковъ нонче свѣтъ-атъ развратенъ: *подкидышковъ.... что ужъ этого больше?...* подкидышковъ подбираютъ, да кормятъ, да за ними ходятъ, какъ будто за благородными»... *) Послѣднія слова о подкидышкахъ явно относятся къ устроенному Екатериною воспитательному дому. Всѣ эти «ворчанія» госпожъ Ворчалкинныхъ показываютъ намъ, что не только реформа Петра, но и позднѣйшія преобразованія Екатерины II встрѣчали себѣ не мало антагонистовъ въ той же дворянской средѣ, большинство которой было все-таки за прогрессивное движеніе впередъ и относилось сочувственно къ преобразовательнымъ дѣйстіямъ правительства. Но въ той же комедіи Екатерины есть другой разрядъ лицъ, какъ напримѣръ: дочь Ворчалкиной, Олимпіада, и Фирлифюшковъ, которые представляютъ, напротивъ, образецъ новаго, но превратнаго воспитанія. Это — тѣ личности новаго времени, зараженныя ложнымъ европеизмомъ, французоманіей и т. п., которыя осмѣяны еще Фонъ-Визинымъ въ его «Бригадирѣ».

Тѣ же вопросы — о недостаткахъ воспитанія и о современномъ невѣжествѣ составляютъ болѣе или менѣе главную сущность и комедій Екатерины: «Вѣстникова съ семьею», «Передняя знатнаго барина» и другихъ, заключающихъ въ себѣ, кромѣ того, «придворныя и постороннія сплетни, пронырства

---

*) Тамъ-же 185 и 199.

и затѣи», которыя императрица любила обыкновенно осмѣивать своими комедіями. («Фонъ-Визинъ», кн. Вяземскаго, 198).

Съ особенною цѣлью, однако, написаны Екатериной II, въ 1786 году, три комедіи: «Обольщенный», «Обманщикъ» и «Шаманъ сибирскій». Мистическія ученія разнаго рода, какъ-то: теософизмъ, иллюминатизмъ, мартинизмъ и т. п., возникшія въ западной Европѣ, преимущественно какъ оппозиція матерьялистическимъ и скептическимъ философскимъ системамъ, начали находить себѣ сочувствіе и въ русскомъ обществѣ того времени, — какъ мы это увидимъ далѣе. Екатерина, по свойству своего положительнаго и практическаго ума и по склонности къ ученію энциклопедистовъ, не любившая мистиковъ, всегда преслѣдовала своими насмѣшками ихъ ученіе и ихъ таинственныя и неопредѣленныя стремленія. Ненависть ея къ мистикамъ еще болѣе усилилась послѣ того, когда пріѣздъ въ Россію (1777) и пребываніе въ Петербургѣ загадочной личности Каліостро произвели вліяніе на нѣкоторыхъ членовъ тогдашняго высшаго общества столицы. Всѣ три названныя комедіи собственно и направлены противъ Каліостро, изображеннаго въ нихъ шарлатаномъ, который своими продѣлками и фокусами успѣлъ увлечь многихъ легковѣрныхъ. Цѣль Екатерины была — показать смѣшную сторону мистицизма, по его отношенію къ человѣческому разуму и здравому смыслу, и выставить въ комическомъ положеніи приверженцевъ всѣхъ таинственныхъ обществъ и послѣдователей мистическихъ ученій. Потому она въ своихъ комедіяхъ преслѣдуетъ сарказмами съ одной стороны — таинственный и непонятный языкъ этихъ обществъ и ученій, ихъ странные обряды, ихъ занятія алхиміей, ихъ увѣренія въ сношеніи съ духами, въ призываніи мертвыхъ и т. п., а съ другой — зло смѣется, какъ надъ жертвами обмана, надъ тѣми, кого увлекали шарлатаны-мистики, подобные Каліостро; а между послѣдними находились люди очень извѣстные и пользовавшіеся вѣсомъ и значеніемъ въ современномъ обществѣ, какъ напримѣръ: И. П. Елагинъ, въ домѣ котораго Каліостро, кажется, и жилъ *), и графъ Ал. Серг. Строгоновъ.

Въ комедіи: «Обманщикъ» Каліостро представленъ въ лицѣ *Калифалкжерстона*, шарлатана, который своими обманами и фокусами совершенно обворожилъ богатаго господина Самблина и дѣлаетъ въ его домѣ, что хочетъ; онъ выманилъ у Самблина 4000 червонныхъ и много алмазовъ, обѣщая наварить изъ нихъ груды золота. «Три мѣсяца — говоритъ онъ — какъ уже котелъ г. Самблина на огнѣ съ чистымъ золотомъ день и ночь кипитъ; дней чрезъ семнадцать, то есть, при рожденіи новаго мѣсяца, я его сниму съ очага при свидѣтеляхъ, и тогда окажется неисчерпаемое богатство, въ ономъ теперь зрѣющее» **). Наконецъ этотъ шарлатанъ съ кучею выманенныхъ денегъ и драгоцѣнностей убѣгаетъ изъ дома Самблина, попадается въ руки полиціи, и всѣ убѣждаются, въ томъ, что онъ былъ не болѣе, какъ ловкій обманщикъ, хитро

*) Новиковъ и московскіе мартинисты. Изслѣдованіе М. Н. Лонгинова. М. 1867. ст. 133.

**) Соч. Екат. II (смирд. издан.) т. I, 566.

прикрывающій свои плутни разными мистическими бреднями: таинственнымъ и непонятнымъ языкомъ, духовидѣніемъ (Калиоалкферстонъ увѣряетъ, напримѣръ, что къ нему «приходилъ на часъ» Александръ Македонскій), и т. п. Всѣ эти продѣлки комедія Екатерины выводитъ наружу и зло смѣется надъ тѣми, кто былъ ими увлеченъ, намекая между прочимъ на московскихъ мистиковъ, или «мартинистовъ» (см. ниже) этими словами Марьи, служанки Самблиной: «господинъ мой знается.... только весьма потаенно.... съ какими-то людьми... мифъ... мишъ... мидъ... мыть... мяръ... март... марты.... чуть не сказала съ *мартышками*» *).

Въ другой комедіи: «Обольщенный», *Радотовъ* (отъ франц. radoter) увлеченъ въ одно мистическое общество, которое также занимается алхиміей, добываніемъ золота, вызываніемъ духовъ и т. п. Жена и домашніе Радотова опасаются, чтобы онъ не сошелъ съума; мысли его стали «необычайны» съ тѣхъ поръ, какъ онъ сошелся съ какими-то людьми, дурно одѣтыми, которые «говорятъ языкомъ невразумительнымъ» и съ которыми онъ сидитъ постоянно запершись *). Радотовъ и самъ скоро заразился всѣми ихъ мистическими бреднями, сталъ изъясняться какимъ-то непонятнымъ, таинственнымъ языкомъ и т. д. а потомъ оказывается, что онъ былъ обманываемъ точно также, какъ и Самблинъ въ комедіи «Обманщикъ». Комедія: «Обманщикъ» уже прямо метитъ на московскихъ мартинистовъ, которые не только осмѣиваются, но и прямо осуждаются здѣсь **).

Въ комедіи: «Шаманъ сибирскій» повторяются тѣже самыя насмѣшки надъ мистиками и ихъ послѣдователями, что и въ первыхъ двухъ комедіяхъ. Здѣсь шаманъ *Амбань-Лай* морочитъ людей разными кривляніями и странными выходками своими, говоритъ «сунбуръ» и т. п., а въ концѣ концовъ оказывается, что онъ только проводитъ и обманываетъ простяковъ, которые имѣютъ слабость дивиться ему и увлекаются его фальшивой таинственной мудростію и знаніями ***).

Между прочими драматическими піесами Екатерины II слѣдуетъ упомянуть еще о слѣдующихъ:

а) Комедія: *Недоразумѣнія* (1789)****) замѣчательна по лицу помѣщицы *Гостяковой*, въ которой авторъ подмѣтилъ и удачно изобразилъ двѣ вѣрныя черты современныхъ помѣщичьихъ нравовъ: *Гостякова*, во первыхъ — какъ показываетъ и самое названіе ея — всегда и «всякимъ гостямъ рада», кто бы они ни были, знакомые и незнакомые, лишь бы они постоянно наполняли ея домъ и развлекали бы ея праздную скуку; а во вторыхъ, Гостякова, проживавшая постоянно въ городѣ и только и возившаяся съ гостями, пріѣхавъ въ деревню, вздумала приняться за разныя хозяйственныя улучшенія въ то время, когда «въ хозяйствѣ разумѣніе у нея еще скудно весьма», по словамъ

*) Тамъ-же, 255.
**) Тамъ-же, стр. 606 (Дѣйствіе I. Явл. 1.)
***) Тамъ-же, стр. 435—565.
****) Тамъ-же, стр. 59—105.

ея дворецкаго. Потому — онъ говоритъ — у нея «затѣи новыя всякій часъ», затѣи, безъ сомнѣнія, безлтоковыя. «Вчерась приказала ленъ и пеньку сѣять на лучшихъ земляхъ... тутъ прежде росла рожь, а на изнуренныхъ десятинахъ безъ удобренія велѣла сѣять рожь... Кто слыхалъ подобное»!... *) Она заставляетъ своихъ крестьянъ боронить, когда повсюду пашутъ, а пахать, когда думаютъ боронить, у нея двѣ-три фабрики, нѣсколько заводовъ» **). Одному изъ своихъ гостей она говоритъ: «У меня бесѣда завсегда, такъ же я вамъ покажу мои заводы, сады, огороды... я сажаю ревень и скоро будетъ у меня хлопчатая бумага рости тутъ, гдѣ прежде сего кустарникъ одинъ безплодный видѣнъ былъ» (тамъ-же, 71). А какъ идутъ у Гостяковой всѣ эти новыя затѣи ея, фабрики, заводы и проч. можно судить по небольшой, но очень комической сценѣ ея съ дворецкимъ. Мы приведемъ поэтому эту сцену цѣликомъ: *Д*... «Не смѣю доложить, еще бы была нужда... *Г*. Въ чемъ? *Д*. Румянный заводъ остановился. *Г*. Отъ чего? *Д*. Румяны съ рукъ не идутъ никакъ, сударыня... *Г*. Кажется однако, что румяны хороши. *Д*. Хороши... но по деревнямъ ихъ не разбираютъ, говорятъ, дороги, а по городамъ не покупаютъ, для того, что не заморскія.. *Г*. Полотняная фабрика, надѣюсь, наградитъ убытокъ сей? *Д*. Да, сударыня... только недостатокъ тутъ лишь одинъ является... *Г*. А какой? *Д*. Поистинѣ сказать, пряжи нѣтъ. *Г*. Вели дѣвкамъ прясть поприлежнѣе. *Д*. День и ночь прядутъ, но совсѣмъ тѣмъ недостаточно. *Г*. Старайся покупать... *Д*. Промыслить еще бы можно... но тутъ паки встрѣчается нѣкоторое неудобство... *Г*. Что же такое? *Д*. Пряжу не отдаютъ иначе, какъ за денежную плату... денегъ же у насъ не изобильно... какъ сами знать изволите... *Г*. За деньгами въ будущее лѣто дѣло не остановится... ревень какъ выростетъ: онъ какъ золото. *Д*. Это хорошо... лишь опасаюсь я одного... *Г*. Чего? *Д*. Чтобъ ревень совокупно съ хлопчатою бумагою не побили морозы. *Г*. У тебя всегда тысячи опасеній... на все сыскать можно способы... напримѣръ, у крестьянъ вели отобрать старыя шубы и накрой отростки... *Д* Это не возможное дѣло, сударыня... десятину покроешь-ли скоро овчинными шубами?.. разводить нѣжныя таковыя растенія годится-ли едва тутъ, гдѣ зима болѣе полугода продолжается?... *Г*. Ты находишь не возможнымъ все то, что ты слышишь впервые... Мнѣ теперь идетъ на мысль другой способъ, какъ скорѣе достать денегъ... *Д*. Смѣть-ли спросить какой?... сударыня... *Г*. Въ моей деревнѣ близъ г. Можайска есть старыя палаты, вели ихъ разломать. *Д*. Для какой потребности? *Г*. А вотъ на что: заставь мужиковъ кирпичи возить по торговымъ днямъ на рынки къ Москвѣ для продажи, за нихъ достанешь деньги чистыя. Д. Какъ изволите... но, вопервыхъ, жаль палаты изломать, онѣ прадѣдовскія и весьма крѣпки... также людямъ и скоту не было бы сіе тягостно. *Г*. Палатъ мнѣ не жаль, въ нихъ водятся летучія мыши, крысы и совы стадами... *Д*. Добрымъ стараніемъ летучихъ мышей,

*) Тамъ-же, 82.
**) Тамъ-же, 66.

совъ и крысъ перевести бы можно было. *Г.* Самъ найди же способы, какіе хочешь... Когда тебѣ, простаку, воля говорить, тогда ты никогда не кончишь, пока не уйду». (Дѣйств. 1. Явлен. VIII).

Вообще лицо Гостяковой очерчено въ комедіи *Недоразумѣнія* очень хорошо; но за то прочія лица комедіи лишены значенія и безцвѣтны.

b) Комедія: *Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье!*—«вольное, но *слабое* переложеніе изъ Шекспира» *)—какъ замѣтила сама Екатерина въ заглавіи піесы, и замѣтила конечно, справедливо. Эта комедія и интересна собственно только въ томъ отношеніи, что она представляетъ передѣлку на русскіе нравы комедіи Шекспира: «Веселыя виндзорскія женщины» *(The Merry Wives of Windsor)*. Въ піесѣ сохранилось, однако, весьма мало шекспировскаго; сохранено, правда, нѣкоротое внѣшнее сходство въ приключеніяхъ, въ передѣлкѣ нѣкоторыхъ лицъ и именъ комедіи Шекспира: *Bordolph*, *Nym*, *Ford* и проч. передѣланы въ *Бордолина*, *Нумова*, *Фордова* и т. п. Но вотъ и все. Самъ же Фальстафъ, знаменитый шекспировскій типъ — преобразованъ въ комедіи Екатерины въ молодаго русскаго *Полкадова*, путешествующаго и кутящаго заграницей въ сообществѣ съ подобными же ему товарищами; они у другаго русскаго путешественника—*Шалова* перебили людей, перетоптали собакъ, дворъ взломали, племянника ограбили. Полкадовъ называетъ все это des simples tours de jeunesse и говоритъ, что, «chez nous à Paris такъ водится». Полкадовъ путешествуетъ по *Ерлопѣ* (онъ умышленно коверкаетъ это слово на французскій манеръ) съ единственною цѣлію побезображничать да познакомиться съ послѣдними парижскими модами. Ясно, что въ чертахъ Полкадова нѣтъ и намека на шекспировскаго Фальстафа. Но тѣмъ не менѣе весьма интересно и весьма важно, въ литературномъ отношеніи собственно, то обстоятельство, что въ то время, когда почти всѣ писатели русскіе, въ особенности же драматурги, еще благоговѣли передъ правилами и литературными понятіями ложно-классической школы, понятіями, по которымъ Шекспиръ признавался «варварскимъ писателемъ, гаеромъ и пьяницей» (мнѣніе Вольтера), — Екатерина II, почти первая изъ современныхъ ей русскихъ писателей обращается къ Шекспиру и подражаетъ ему въ своихъ драматическихъ опытахъ. Такой примѣръ для едва создавшейся русской литературы не могъ, конечно, остаться безплоднымъ.

c) Екатерина II подражала Шекспиру еще въ двухъ другихъ піесахъ своихъ серьезнаго содержанія, имѣющихъ драматическую форму: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика» (1786) и «Начальное правленіе Олега» (1786). Обѣ піесы названы въ заглавіи самимъ авторомъ *подражаніемъ Шекспиру*, «безъ сохраненія ѳеатральныхъ обыкновенныхъ правилъ» *). Въ заимствованіи для своихъ піесъ свободной формы историческихъ хроникъ Шекспира, авторъ, кажется, собственно и разумѣлъ все подражаніе Шекспиру; потому что по своему содержанію и по очерку историческихъ характеровъ, піесы эти весьма далеки отъ шекспировской манеры. Екатерина хотѣла только

---

*) Тамъ-же, стр. 367—434.

**) Тамъ-же, стр. 297—338 и 339—394.

высказать здѣсь нѣкоторые изъ своихъ политическихъ взглядовъ и идей. Рюрикъ, напримѣръ, изображенъ въ первой піесѣ, мудрымъ, милосерднымъ и «любящимъ правду» правителемъ; онъ милуетъ и прощаетъ возмутившагося противъ его власти Вадима. — Въ піесѣ: «Начальное правленіе Олега» — замѣчателенъ въ особенности третій актъ, который открывается свадебнымъ обрядомъ *Прекрасы* (нареченной невѣсты Игоря), «и почти все дѣйствіе сіе— какъ сказано въ «Предувѣдомленіи» къ піесѣ — занимается древнимъ обрядомъ, при свадьбѣ несоблюдаемомъ» *). Здѣсь дѣйствительно хоръ дѣвушекъ поетъ обыкновенныя свадебныя пѣсни и наряжаютъ невѣсту по старинному свадебному обычаю.

d) Патріотическія цѣли и желаніе показать достоинства и хорошія качества русской исторической жизни, русской старины и народности руководили Екатериной II и въ сочиненіи пяти слѣдующихъ комическихъ оперъ: 1) *Новгородскій богатырь Боеславичъ*, 2) *Февей*, названныя въ заглавіи «комическими операми, составленными изъ словъ сказки, русскихъ пѣсенъ и иныхъ сочиненій»; комическихъ оперъ 3) *Горебогатырь Косометовичъ* и 4) *Храбрый и сильный витязь Архидѣичъ* и наконецъ 5) просто оперы: *Федулъ съ дѣтьми*. Содержаніе первыхъ четырехъ, оперъ, какъ видимъ, заимствовано изъ русскаго сказочнаго міра; а небольшая (въ одномъ дѣйствіи) опера: *Федулъ съ дѣтьми* хочетъ изобразить крестьянскій бытъ; потому что здѣсь «ѳеатръ представляетъ видъ деревенской» и на сценѣ дѣйствуетъ: крестьянинъ Федулъ и пятнадцать человѣкъ его дѣтей, дочерей и сыновей, т. е. все ихъ дѣйствіе ограничивается собственно тѣмъ, что дѣти Федула составляютъ хороводы и поютъ пѣсни, представляющія иногда подражаніе пѣснямъ народнымъ, а самъ Федулъ говоритъ не иначе, какъ народными пословицами и прибаутками; такъ напримѣръ: «всѣ пѣсни перепѣли, одного шершня не допѣли»; «безъ матки пчелки, пропащи дѣтки»; «молоденькій умокъ, что вешній ледокъ» и т. п. Въ пѣсняхъ, которыя поютъ дѣти Федула, есть слова и выраженія, цѣликомъ заимствованныя изъ пѣсенъ народныхъ: «за вдову сватался дворянинъ, да съ Камышенки рѣчки мѣщанинъ; сватался за вдовушку съ Москвы скоморохъ; трое саночки бѣгутъ, — Акулина это что?» и проч. А заключительная пѣсня, которую поетъ одна изъ дочерей Федула, Дуняша, сдѣлалась народною. Это извѣстная пѣсня:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой,
Разыгралась, разплясалась
Красна дѣвица душа, и проч. **)

Опера оканчивается «балетомъ съ разными плясками». Богатая постановка на эрмитажномъ театрѣ, балетъ, введенный во всѣ оперы Екатерины, и музыка, писанная для иныхъ піесъ извѣстнымъ композиторомъ Сарти (Словарь

*) Тамъ-же, стр. 342.
**) Тамъ-же, стр. 546—548.

митроп. Евген. 309), безъ сомнѣнія, придавали операмъ императрицы большой интересъ.

Достойно вниманія, что одна изъ комическихъ оперъ Екатерины II, именно, опера: *Горебогатырь Косометовичъ* (1788) представляетъ современную политическую сатиру и злую насмѣшку надъ Густавомъ III шведскимъ **). Въ то время, когда вниманіе императрицы занято было войной съ Турціей, Густавъ III, расчитывая на то, что для войны этой Россіи потребны всѣ ея главныя силы, вздумалъ возвратить всѣ пріобрѣтенныя отъ Швеціи Петромъ I и Елисаветой провинціи по Ништатскому и Абосскому трактатамъ, и въ этомъ смыслѣ послалъ грозный ультиматумъ въ Петербургъ, въ которомъ требовалъ, кромѣ того, — возвратить Турціи Крымъ. Требованія, заявленныя въ ультиматумѣ шведскаго короля, показались для всѣхъ странными и высокомѣрными, и французскій посланникъ сказалъ по этому поводу, что подобныя требованія можно было бы заявить развѣ только послѣ трехъ большихъ побѣдъ. Императрица отвѣчала на это: «Еслибы король въ самомъ дѣлѣ одержалъ три большія побѣды, еслибы даже онъ овладѣлъ Петербургомъ и Москвой, я еще и тогда показала бы ему, что можетъ сдѣлать, во главѣ храбраго и преданнаго народа, рѣшительная женщина, на развалинахъ великой имперіи» *). Король шведскій смѣло готовился къ компаніи противъ Россіи, заранѣе увѣренный въ успѣхѣ, и самонадѣянно назначалъ время, когда онъ овладѣетъ Петербургомъ и отпразднуетъ тамъ побѣду торжественнымъ баломъ, на которой заранѣе приглашалъ дамъ. Но извѣстно изъ исторіи, какъ печально разыгралась для самого Густава III эта затѣянная имъ война противъ Россіи. Извѣстно, что онъ долженъ былъ прекратить едва начатую компанію и что шведскій народъ и офицеры, признавъ объявленную Россіи войну несправедливою, обвинили Густава въ нарушеніи конституціи, такъ что личное положеніе самого короля сдѣлалось крайне опаснымъ и ему было уже не до войны.

Вотъ это предпріятіе шведскаго короля, такъ шумно и самонадѣянно начатое и такъ печально окончившееся, и подало мысль Екатеринѣ посмѣяться надъ Густавомъ III въ своей оперѣ. Все событіе облечено здѣсь въ сказочную аллегорію. Горе-Богатырь, способный упражняться только въ дѣтскихъ забавахъ, «наслышавшись отъ сказальщиковъ о рыцарскихъ и богатырскихъ дѣлахъ», вздумалъ и самъ пуститься въ богатырскіе подвиги, обѣщая завоевать океанъ-море отъ края до края. «И какъ Океанъ-моремъ завладѣю (говоритъ Горебогатырь барскимъ барынямъ) и помрачу славу всѣхъ богатырей до сего бывшихъ, тогда сдѣлаю великолѣпный пиръ на берегу Океана-моря, на который васъ прошу» (намекъ на приглашеніе на балъ въ Петербургѣ) и проч. (Дѣйст. I, явл. V).

Но хвастливый герой оказался на дѣлѣ настоящимъ горебогатыремъ, и при одномъ видѣ опасности постарался поскорѣе вернуться домой, хвастаясь, однако, все таки своими небывалыми подвигами. Самая злая насмѣшка и приговоръ

**) См. указанную выше статью г. Щебальскаго въ журн. „Заря“ 1869 г. № 2

*) См. тамъ-же, стр. 111.

надъ Горебогат дующихъ стихахъ, которые поетъ
хоръ въ закл

ѣла.

вольно!

Представ аматическихъ сочиненій Екатерины II по-
казываетъ, ѣ слѣдуетъ отвести довольно видное мѣсто
не только в замѣчательной литературной дѣятельности
императрицы. русской литературѣ вообще. Осмѣивая своими
комедіями «п нія сплетни, пронырства и затѣи» (Слов.
митр. Евгені всегда руководилась здѣсь просвѣщенными,
поучительны о патріотическимъ чувствомъ. Если исторія
русской лите комедіяхъ не много драматическаго интереса
и художестве торія русской цивилизаціи отнесется къ нимъ
всегда съ у вѣнценосномъ авторѣ, рѣшившемся писать для
русскаго теа всегда одного изъ поборниковъ нашего про-
свѣщенія и изъ передовыхъ литературныхъ дѣятелей
своего врем

Что ка ирическихъ статеекъ Екатерины II, которыя
она назвала «былицами», то это не болѣе, какъ бѣглыя
замѣтки обо ось на глаза ихъ остроумному автору. «Были
и небылицы» *бесѣдникъ* княгини Дашковой. Сатирическимъ за-
мѣткамъ эти нѣнія, придавать значенія серьезной сатиры на
современные, торъ, по-видимому, не давалъ имъ такого значенія.
Они, правда, ахъ современнаго общества, о вліяніи на нравы
разныхъ пр преобразованій; въ нихъ дѣлается сравненіе,
современнаг тва съ прежнимъ, прежнихъ нравовъ и понятій
съ времен бо всемъ этомъ говорится слегка, въ юмористи-
ческомъ те четъ затрогивать самыя темныя стороны совре-
менной дѣ ь отказывается, напримѣръ, описать мадонна,
ябедника, ать человѣческаго тщеславія. Главный предметъ
насмѣшки сь все тѣ же недостатки воспитанія, безпоря-
дочная жиз дочность, мотовство, долги, смѣшное подражаніе
модамъ, — мое, противъ чего вооружаются и комедіи мно-
ратрицы. Во въ поученіяхъ какого-то дѣдушки, въ разсказахъ
и письмахъ очинителю Былей и небылицъ» отъ разныхъ им-
мышленныхъ портнаго и т. п. О «Былихъ и небылицахъ» мы
будемъ еще черкѣ нашихъ сатирическихъ журналовъ прошлаго
столѣтія.

Репертуаръ русскаго театра вообще и болѣе извѣстные, послѣ Сумарокова и Княжнина, русскіе драматурги прошлаго столѣтія. Характеристика и современное значеніе нашей старой комедіи. Комическая опера въ народномъ духѣ. — *Театральный репертуаръ.*—Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II (1786—1794) предпринято было при академіи наукъ, кажется, по идеѣ ея директора, княгини Дашковой, изданіе всѣхъ появившихся на русскомъ языкѣ драматическихъ и театральныхъ сочиненій. Оно выходило подъ заглавіемъ: Россійскій Ѳеатръ, *или полное собраніе всѣхъ Россійскихъ ѳеатральныхъ сочиненій*, и заключается въ сорока трехъ частяхъ. Да кромѣ того, въ Москвѣ, въ тотъ-же періодъ времени, издана была чрезвычайно интересная книга: Драматическій Словарь, *или Показаніе по алфавиту всѣхъ россійскихъ театральныхъ сочиненій и переводовъ, съ означеніемъ именъ сочинителей, переводчиковъ и слагателей музыки, которыя когда были представлены на театрахъ, и гдѣ, и въ которое время напечатаны. Въ пользу любящихъ театральныя представленія. Собранный въ Москвѣ, въ типографіи А. А. 1787 года.* Этотъ «Драматическій Словарь» даетъ еще болѣе, чѣмъ обѣщаетъ, не смотря на свое длинное заглавіе. Онъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ означенныхъ въ заглавіи свѣдѣній, еще краткія сужденія и замѣтки о достоинствахъ и недостаткахъ піесъ, о ихъ содержаніи, объ успѣхѣ или неуспѣхѣ ихъ на театрѣ и т. п. и представляетъ, такимъ образомъ, довольно удовлетворительныя данныя, на основаніи которыхъ мы легко можемъ судить о современныхъ театральныхъ вкусахъ и понятіяхъ.

Два такихъ изданія, какъ «Россійскій Ѳеатръ» и «Драматическій Словарь» лучше всего доказываютъ, *во-первыхъ*, то, что драматическая литература и театръ, во второй половинѣ XVIII столѣтія, представляли для современнаго русскаго общества несомнѣнный интересъ и, слѣдственно, играли ту или другую роль въ развитіи его умственной и литературной жизни; а *во вторыхъ*, названныя изданія доказываютъ то, что наша драматическая литература прошлаго столѣтія отличалась большою плодовитостію. Главнѣйшее богатство ея заключалось, безъ сомнѣнія, какъ это видно «изъ Россійскаго Ѳеатра» и «Драматическаго Словаря», — въ піесахъ, переведенныхъ съ французскаго. Затѣмъ слѣдовали многочисленныя подражанія этимъ французскимъ піесамъ и передѣлки или переложенія ихъ на русскія нравы, какъ мы это видѣли уже и въ піесахъ Княжнина. Но было небольшое число и піесъ оригинальныхъ, проникнутыхъ чисто русскимъ народнымъ элементомъ,—какъ мы это увидимъ далѣе.

Относительно переводныхъ піесъ слѣдуетъ упомянуть, что почти всѣ знаменитѣйшія произведенія главныхъ представителей старой французской трагедіи и комедіи, въ особенности же трагедіи Расина и Вольтера и комедіи Мольера имѣли у насъ въ то время по нѣскольку переводовъ и по нѣскольку изданій. Но театральный репертуаръ нашъ сталъ еще болѣе пополняться переводными пьесами къ концу столѣтія, особенно послѣ того, когда въ западноевропейскихъ литературахъ появились буржуазная, или т. н. «мѣщанская трагедія» и «слезная комедія», или «драма», — какъ начали ее называть впо-

слѣдствіи. Піесы главнѣйшихъ представителей этого новаго направленія въ европейской драмѣ, какъ-то піесы: Бомарше, Дидро, Мерьсе, Мариво, Детуша стали постепенно появляться въ русскихъ переводахъ—такъ-же точно. какъ и піесы Корнеля, Расина, Вольтера, Мольера и ихъ подражателей: Кребильона (старшаго), Реньяра и друг. Замѣтимъ при этомъ, что мѣщанская трагедія и слезная комедія, или *драма* не могла имѣть у насъ и вовсе не имѣла ни тѣхъ причинъ для своего появленія, ни того значенія, какими сопровождалось зарожденіе «драмы» въ литературахъ западно-европейскихъ. (см. ниже). На мѣщанскую трагедію, на слезную комедію, или на драму вообще у насъ смотрѣли какъ на «печальное» представленіе—не болѣе, и публика не дѣлала различія между драмой и трагедіей, хотя писатели и журналисты, воспитанныя на ложноклассическихъ правилахъ, и вели между собою жаркую полемику, отстаивая сказанныя правила; но подобная полемика не могла интересовать современную публику. Драма въ это время вовсе не вытѣснила у насъ классическую трагедію и комедію, какъ утверждаютъ нѣкоторые, и какъ это было на Западѣ. Появившись въ семидесятыхъ годахъ чисто вслѣдствіе одной подражательности, она существовала у насъ одновременно съ классической трагедіей и комедіей и пользовалась на театрѣ и въ публикѣ гораздо меньшимъ успѣхомъ, нежели эти послѣднія. Получила же у насъ нѣкоторый смыслъ и значеніе буржуазная драма уже впослѣдствіи только, т. е. въ послѣдующій литературный періодъ, находясь въ непостредственной связи съ развитіемъ въ нашей литературѣ такъ называемого «сантиментализма». Потому мы и говоримъ въ своей книгѣ о мѣщанской трагедіи и слезной комедіи при очеркѣ карамзинскаго періода. Въ этотъ періодъ драмы во вкусѣ Коцебу (см. ниже) и у насъ на театрѣ являются почти господствующими и пріобрѣтаютъ нѣкоторый успѣхъ въ публикѣ.

Болѣе извѣстные, послѣ Сумарокова и Княжнина, драматическіе писатели прошлаго вѣка. Значеніе нашей старой комедіи.—Переводами, а въ особенности передѣлкой и переложеніемъ иностранныхъ драматическихъ сочиненій на русскіе нравы занимались, у насъ въ прошломъ столѣтіи весьма многіе писатели. Изъ передѣлывателей и производителей болѣе или менѣе самостоятельныхъ комедій назовемъ имена тѣхъ писателей, піесы которыхъ пользовались особеннымъ успѣхомъ въ концѣ 60-хъ годовъ:

1) *Бибиковъ* (Василій Ильичъ), дѣйствительный камергеръ, былъ директоромъ «придворнаго россійскаго театра». Его комедія: *Лихоимецъ*, въ пяти дѣйствіяхъ, по свидѣтельству Новикова, почиталась «за одну изъ лучшихъ въ россійскомъ театрѣ, и давалась съ большимъ успѣхомъ на сценѣ». Но замѣчательны слѣдующія слова, которыя Новиковъ говоритъ въ похвалу этой комедіи Бибикова: авторъ, по его словамъ, «держась театральныхъ правилъ, сочинилъ ее (комедію) *точно въ нашихъ нравахъ;* характеръ всѣхъ лицъ его комедіи выдержанъ порядочно и *свойственно подлинникамъ*» и проч. (Слов., 15). Мы видимъ изъ этихъ словъ новое доказательство тому, что комедія и сатира прошлаго столѣтія постоянно имѣли въ виду *подлинники* (см. выше, стр. 431)

т. е. дѣйствительныя современныя личности, въ лицѣ которыхъ карала недостатки и пороки современнаго общества.

2) *Елчаниновъ* (Богданъ Егоровичъ), двѣ комедіи котораго: *Награжденное постоянство* и *Наказанная вертопрашка* (1767) написаны въ родѣ «слезной комедіи» или «драмы» и игрались съ успѣхомъ на придворномъ театрѣ. «Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ» (писанное, какъ сказано выше, актеромъ Дмитревскимъ, 1768, см. у г. Ефремова, стр. 139) говоритъ, что обѣ комедіи Елчанинова (первая изъ нихъ есть подражаніе піесѣ Вольтера, передѣланной изъ «Шотландки» Юма) нравились публикѣ, равно какъ и переведенныя имъ двѣ комедіи Дидро: *Чадолюбивый отецъ* (Père de famille) и *Побочный сынъ* (Fils naturel).

3) *Лукинъ* (Владиміръ Игнатьевичъ) замѣчателенъ тѣмъ, что онъ первый, въ предисловіяхъ къ своимъ комедіямъ, сталъ нападать на комедіи Сумарокова, обвиняя ихъ въ томъ, что онѣ «изъ чужихъ писателей неудачно взяты и по странному расположенію и сплетенію въ нашъ языкъ почти силою втащены». Лукинъ, въ предисловіяхъ къ своимъ драмамъ и комедіямъ, старался доказать, главнымъ образомъ то, что русскія драматическія сочиненія, писанныя для русскихъ зрителей, должны изображать *наши*, *русскіе*, а не чужеземные *нравы*; такъ какъ изображеніе этихъ послѣднихъ на театрѣ во-первыхъ, непонятно и мало интересно для русскихъ зрителей, а во-вторыхъ, оно не достигаетъ своей цѣли, т. е. исправленія нравовъ нашего, *русскаго* общества черезъ осмѣяніе его *собственныхъ* пороковъ и недостатковъ, а не пороковъ всеобщихъ или «чужеземныхъ», — что по большей части представляли почти всѣ тогдашнія комедіи русскія, по справедливому увѣренію Лукина. Основная мысль критики Лукина, какъ мы видимъ, совершенно справедлива, хотя онъ и подвергся за нее нападеніямъ со стороны всѣхъ почти писателей и журналистовъ того времени. Но дѣло въ томъ, что самъ Лукинъ внесеніе въ русскіе сценическія произведенія народнаго элемента понималъ самымъ ограниченнымъ, внѣшнимъ образомъ. Въ предисловіи къ своей піесѣ: *Награжденное постоянство*, Лукинъ говоритъ, что заимствуя и подражая иностраннымъ комедіямъ, должно *передѣлывать* ихъ и *склонять на наши нравы*. Но все дѣло этой «передѣлки» и «склоненія на наши нравы» заимствованаго чужаго Лукинъ ограничиваетъ лишь тѣмъ однимъ, что совѣтуетъ замѣнять иностранныя имена Клитандровъ, Дорантовъ, Клодинъ и т. п. именами русскими, не вводить въ піесы несвойственныхъ намъ обычаевъ, такъ напримѣръ—«нотаріуса или подъячаго для заключенія брачнаго контракта, вовсе намъ неизвѣстнаго» и т. п. Ясная вещь, что отъ подобныхъ перемѣнъ и передѣлокъ заимствованныя изъ иностраннаго піесы не могли еще дѣлаться русскими, если ихъ главное содержаніе, основа, и ихъ главная идея и понятія не почерпались изъ русской дѣйствительности, не согласовались съ русскою жизнію, а были заимствованы съчужа. И образцы піесъ, представленныхъ самимъ Лукинымъ и передѣланныхъ имъ по своей системѣ изъ разныхъ французскихъ комедій, весьма малымъ чѣмъ отличаются отъ множества другихъ передѣлокъ, сдѣланныхъ современными ему русскими драматическими писателями. Въ піесахъ Лукина, какъ напримѣръ, въ его пяти-

актной комедіи: *Мотъ, любовью исправленный*, считавшейся у современниковъ его лучшею піесою и имѣвшей успѣхъ на театрѣ, нѣтъ дѣйствительно именъ *Милоновъ*, *Драгимовъ* и т. п. но тамъ дѣйствуютъ тѣже *Злорадовы* и *Добросердовы*, что и въ другихъ современныхъ комедіяхъ, т. е. такія лица, которыя уже одними именами своими заранѣе говорятъ зрителю о своихъ характерахъ и душевныхъ качествахъ и не представляютъ въ сущности ничего особенно русскаго, національнаго. Но эта комедія Лукина замѣчательна, какъ мы уже знаемъ, особенно тѣмъ, что авторъ вывелъ въ ней двѣ смѣшныя современныя личности; игрѣ актеровъ, искусно скопировавшихъ на сценѣ эти личности, онъ одолженъ въ особенности успѣхомъ своей комедіи,—въ чемъ сознается и самъ въ предисловіи къ піесѣ.

Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ болѣе замѣчательными писателями комедій, пользовавшихся большимъ успѣхомъ на современной сценѣ, были: *Веревкинъ*, съ его дѣйствительно талантливой и умной комедіей: «Такъ и должно» (см. о ней въ книгѣ кн. Вяземскаго: «Фонъ-Визинъ», 194 – 196) *Ефимьевъ*, *Прокудинъ-Горскій*, *Клушинъ*, *Судовщиковъ*, *Плавильщиковъ*, *Капнистъ* *). —Изъ нихъ мы скажемъ подробнѣе о комедіи послѣдняго: «Ябеда».

Пятиактная комедія (въ стихахъ) *Капниста*: «Ябеда» принадлежитъ къ лучшимъ драматическимъ произведеніямъ прошлаго вѣка. Она была представлена первый разъ въ 1796 году и держалась на нашей сценѣ почти до позднѣйшаго времени, когда появился «Ревизоръ» Гоголя. Комедія Капниста пользовалась большимъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ по смѣлости своего содержанія и по той благородной цѣли, съ которою она написана. Въ посвященіи своей комедіи императору Павлу, авторъ говоритъ, что «обнаживъ всю гнусность *мздоимства* и *ябеды*, онъ отдаетъ ихъ на посмѣяніе свѣту». Потому «Ябеда» Капниста замѣчательна не какъ комедія въ собственномъ смыслѣ; ибо въ ней нѣтъ ни движенія, ни обыкновеннаго сценическаго дѣйствія, ни даже комизма; сюжетъ ея ничтоженъ и заключается въ свадьбѣ съ препятствіями; но она замѣчательна, какъ смѣлая и благородная сатира на неправосудіе, на «мздоимство и ябеду», — двѣ страшныя язвы, терзавшія русское общество прошлаго времени. Въ довольно оживленныхъ чертахъ и хорошимъ для своего времени языкомъ и стихомъ, авторъ смѣло изобразилъ грабительскіе нравы и инстинкты тогдашнихъ отправителей правосудія. Понятно, что своей комедіей авторъ возбудилъ въ извѣстной средѣ страшное неудовольствіе противъ себя и нажилъ себѣ много враговъ и недоброжелателей. По доносу, Капнистъ даже былъ сосланъ уже за свою комедію

---

*) *Капнистъ*, Василій Васильевичъ (1757—1844) написалъ и нѣсколько другихъ, — весьма впрочемъ посредственныхъ — комедій и извѣстенъ въ нашей литературѣ прошлаго вѣка, какъ поэтъ-лирикъ, въ стихахъ котораго тонъ торжественной державинской лирики начинаетъ уступать мѣсто элегическому и грустному тону; но Капнистъ, по словамъ Бѣлинскаго, въ своихъ элегическихъ одахъ „часто злоупотреблялъ своею грустію и слезами, ибо грустилъ и плакалъ въ одной и той же одѣ на нѣсколькихъ страницахъ“.

императоромъ Павломъ въ Сибирь, но потомъ дѣло объяснилось, и императоръ повелѣлъ возвратить его съ дороги. (*Библ Зап.* 1859 г. столб. 471.)

Ябедникъ *Праволовъ*, предсѣдатель гражданской палаты *Кривосудовъ* и всѣ члены ея, между которыми одинъ только и есть честный человѣкъ, повытчикъ *Добровъ*, и наконецъ прокуроръ *Хватайко*, который «не гнетъ и пальца даромъ», который въ пѣсенкѣ на пирушкѣ у предсѣдателя поетъ:

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На что жь привѣшаны намъ руки,
Какъ ни на то, чтобъ брать? —

всѣ эти лица изображены въ комедіи Капниста ярко и мѣтко, съ потрясающею вѣрностію дѣйствительности, съ ихъ циническимъ взглядомъ на дѣло правосудія, съ ихъ плутнями, грабительствомъ и продажностію. Честный повытчикъ *Добровъ* на вопросъ одного изъ «просителей», подполковника *Прямикова*, слѣдующими замѣчательными стихами описываетъ предсѣдателя гражданской палаты и членовъ, прокурора и секретаря:

Д. Извольте же про себя, сударь, вы вѣдать то,
Что дому господинъ (*Кривосудовъ, въ домѣ котораго происходитъ сцена*), гражданскій предсѣдатель,
Есть сущій истины Іуда и предатель.
Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ;
Что съ кривды пошлиной карманы начинилъ;
Что онъ законами лишь беззаконье удитъ; (*показывая будто считаетъ деньги*).
И безъ поличнаго довода дѣлъ не судитъ.
Однако хоть и самъ всей пятерней беретъ,
Но вящшую его супруга дань деретъ:
Съѣстное, питейцо—предъ нею нѣтъ чужаго;
И только-что твердитъ: даянье всяко благо.

П. А члены?

Д. Все одно:
У нихъ все на одинъ салтыкъ заведено....

П. А прокуроръ? ужь-ли и онъ....

Д. О! Прокуроръ,
Чтобъ въ риѳму мнѣ сказать, существеннѣйшій воръ,
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зѣтитъ онъ далёко.
Не цапнетъ лишь того, чего не досягнетъ.
За праведный доносъ, за ложный онъ беретъ;
Щечитъ за пропускъ дѣлъ, за голосъ, предложенья,

За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,
За поздній въ судъ приходъ, за пропущенный срокъ,
И даже онъ деретъ съ колодниковъ оброкъ.

П. А о Секретарѣ?

Д. Дуракъ, кто слово тратитъ.
Хоть голъ будь, какъ ладонь, онъ что нибудь да:
схватитъ.
Указы знаетъ всѣ, какъ пальцевъ пять своихъ.
Экстрактецъ сочинить безъ точекъ, запятыхъ,
Подчистить протоколъ, иль листъ прибавить смѣло,
Иль стибрить документъ — его все это дѣло....
(*Соч. Капн.* смирд. изд., стр. 19—12)

О «Ябедѣ» Капниста можно сказать то же, что о «Недорослѣ» Фонъ-Визина: она не только хорошее литературное произведеніе, но и доброе дѣло автора, смѣло обличавшаго и выставившаго на всеобщее посмѣяніе одинъ изъ господствующихъ пороковъ общества. «Ябеда» давалась на театрахъ столичныхъ и провинціальныхъ съ постояннымъ успѣхомъ.

«Ябеда» Капниста и нѣкоторыя другія, написанныя въ этомъ родѣ комедіи (какъ напримѣръ: комедія *Судовщикова*, «Неслыханное дѣло, или честный секретарь»), не отличаясь по формѣ отъ нашей, такъ называемой «классической комедіи» вообще, построенной по французской теоріи и лишенной дѣйствія и драматическаго движенія, принадлежатъ тѣмъ не менѣе, *по содержанію своему* и *по мысли*, къ замѣчательнымъ и чисто національнымъ явленіямъ въ нашей литературѣ прошлаго вѣка; потому что лица и нравы, изображенные въ этихъ комедіяхъ, точно такъ же, какъ и въ комедіяхъ Фонъ-Визина, взяты изъ русской жизни, довольно вѣрно и не безъ таланта обрисованы и соотвѣтствуютъ современной дѣйствительности. Остальная затѣмъ масса нашихъ старыхъ комедій представляетъ, въ большинствѣ случаевъ, подражанія и передѣлки французскихъ образцовъ и переноситъ чаще всего на нашу сцену нравы, обычаи и даже личности, несвойственныя нашей жизни. Таковы, напримѣръ, личности плутоватыхъ слугъ и служанокъ, на которыхъ держится иногда вся комедія, которые заправляютъ всей ея интригой, всѣми пружинами дѣйствія. Такіе слуги и служанки цѣликомъ заимствованы нашей старой комедіей изъ комедіи французской, потому что у насъ ихъ не существовало на дѣлѣ, въ современной дѣйствительности. Лукинъ, правда, еще при самомъ зарожденіи русской комедіи, заговорилъ о томъ, что она необходимо должна изображать, *наши*, а не чужіе нравы, характеры, рѣчи и всю внѣшнюю обстановку; но совѣты его не принесли, однако, большой пользы русской комедіи прошлаго вѣка; тѣмъ больше, что и самъ онъ принялся за выполненіе своей теоріи неумѣлымъ образомъ.

Но за то, по тѣмъ цѣлямъ, которыя постоянно преслѣдовала наша старая комедія, по тѣмъ мыслямъ, которыя она старалась распространить въ обществѣ, — она достойна всякаго уваженія, и въ этомъ отношеніи стоитъ несравненно

выше всей той массы драматическихъ піесъ (за извѣстными, безъ сомнѣнія, хотя и весьма немногими исключеніями), которыя даются у насъ на театрахъ въ настоящее время. Тутъ наша старая комедія честно выполняла свое дѣло Она постоянно имѣла въ виду свою высокую цѣль: во-первыхъ, преслѣдовать, бичевать и осмѣивать господствовавшіе въ обществѣ и происходившіе отъ его невѣжества и грубости недостатки, пороки и злоупотребленія, а во-вторыхъ, шутить надъ обыкновенными людскими слабостями. Она приносила, такимъ образомъ, прямую пользу малообразованному современному обществу, дѣйствуя непосредственно на его развитіе и образованіе. Выставляя на позоръ пороки и допуская ихъ осмѣяніе на сценѣ, старая комедія была чрезвычайно строга по отношенію къ тому, чтобы смѣхъ не ограничивался только безсодержательнымъ смѣхомъ, или же, чтобы смѣхъ не происходилъ вслѣдствіе какихъ-нибудь двусмысленныхъ шутокъ или остротъ, — шутокъ и остротъ, оскорбляющихъ нравственность или воспрещаемыхъ строгими правилами приличія. Общественная или же моральная цѣль, «исправленіе нравовъ», искорененіе извѣстнаго порока, у старой комедіи стоятъ всегда на первомъ планѣ; смѣшное она допускаетъ не иначе, какъ съ полезною цѣлью. Таковъ былъ въ то время взглядъ на комедію, которая, по тогдашней теоріи *), «забавляя, должна была просвѣщать, поучать». Сумароковъ, первый русскій комикъ, выразилъ этотъ взглядъ на комедію въ слѣдующемъ стихѣ своемъ: смѣшить *безъ разума* — даръ подлыя души», и этого правила держались неизмѣнно въ своихъ піесахъ всѣ послѣдующіе комики наши прошедшаго столѣтія. Подъ выраженіемъ «смѣшить безъ разума» авторъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ — смѣшить безъ разумной и благородной цѣли, а просто для того только, чтобы смѣшить. Нападая на злоупотребленія и пороки въ современномъ обществѣ и внося въ свое содержаніе *живые интересы современности*, старая комедія допускала, какъ мы видѣли, нерѣдко явные намеки на различныя современныя явленія и позволяла себѣ выводить на сцену извѣстныя современныя личности, или «подлинники», какъ говоритъ Новиковъ, — и изученіе съ этой стороны нашей старой комедіи, — которая представляетъ, такимъ образомъ, двойной историческій интересъ, — можетъ быть чрезвычайно любопытно. Кн. Вяземскій, представившій въ своей книгѣ о Фонъ-Визинѣ превосходный этюдъ о нашей старой комедіи (вся VII глава),

*) Какъ твердо вѣрили тогда не только у насъ, но и во Франціи, — откуда приходили къ намъ всѣ теоріи и понятія объ искуствѣ, — въ силу стараго изреченія, что „комедія, смѣясь исправляетъ нравы", можетъ показать слѣдующій, нѣсколько идеальный, взглядъ на этотъ предметъ Дидро: „Партеръ въ комедіи — говоритъ онъ, — это единственное мѣсто, гдѣ смѣшиваются слезы добродѣтельнаго и злаго. Тамъ злой возмущается противъ тѣхъ несправедливостей, которыя онъ совершилъ бы самъ, тамъ онъ сочувствуетъ несчастіямъ, которыя онъ способенъ былъ бы причинить самъ, тамъ онъ приходитъ въ раздраженіе и побуждается гнѣвомъ противъ человѣка своего же характера. Впечатлѣніе, такимъ образомъ, зрителемъ получено; оно остается въ насъ помимо нашей воли, и *злой выходитъ изъ своей ложи менѣе расположеннымъ дѣлать зло*, гораздо менѣе, чѣмъ еслибы онъ находился подъ вліяніемъ какого-нибудь строгаго и суроваго оратора". Encyclopedie, art. *De la poësie dramatique*.

справедливо говоритъ: «Къ чести нашей старой комедіи замѣтимъ, что она не въ бровь, а въ самый глазъ колола пороки и злоупотребленія, не щадя ни ихъ, *ни промышляющихъ ими*... Главныя пружины комедіи нашей были *злоупотребленія судей и домашней, т. е. помѣщичьей, власти*. И въ этомъ отношеніи она есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, *политическая комедія*, если нужно ее обозначить какимъ-нибудь особеннымъ именемъ».

Комедія-опера. — Мы сказали выше, что въ репертуарѣ нашего стараго театра находилось нѣсколько піесъ, проникнутыхъ чисто народнымъ элементомъ. Къ такимъ піесамъ принадлежали собствено «комедіи-оперы», или «комическія оперы», содержаніе которыхъ почерпалось изъ русскаго народнаго міра, изъ крестьянскаго или вообще изъ простаго народнаго быта. Комическая опера явилась у насъ также вслѣдствіе подражанія комической оперѣ Французовъ, въ драматическомъ искуствѣ которыхъ комическая опера, т. е. смѣсь музыки, пѣнія и разговора, есть явленіе самое національное. Французская комическая опера заимствовала почти всегда свое содержаніе изъ народной жизни, равно какъ и въ пѣніе ея входилъ всегда элементъ народной пѣсни, съ ея народными мотивами и мелодіями. Только въ вѣкъ Людовика XIV и во времена регентства, когда извращенное и притупленное въ своихъ вкусахъ французское дворянство потеряло вкусъ къ простой и здоровой натурѣ, и комическая опера стала изображать для него природу подкрашенную и нарумяненную. Такою она изображала преимущественно сельскую жизнь, жизнь поселянъ и сельскія удовольствія, принаравливая ихъ изображеніе къ вкусамъ современнаго высшаго общества. И «пейзаны» и «пейзанки», пастухи и пастушки во французской комической оперѣ того времени являлись не иначе, какъ изящными и кокетливыми балетными танцовщицами, въ газахъ, въ блесткамъ и въ лентахъ, на роскошныхъ зеленыхъ лужайкахъ, окруженныя красивыми овечками и т. п. Поселяне и пастухи эти пѣли нѣжные или остроумные куплеты, говорили о нѣжныхъ чувствахъ и выражались изысканнымъ языкомъ образованнаго общества. Все это было, безъ сомнѣнія, крайне неестественно, весьма далеко отъ настоящей натуры, отъ дѣйствительной жизни поселянъ и отъ современнаго сельскаго быта во Франціи.

Съ этимъ характеромъ — болѣе или менѣе — въ главныхъ чертахъ своихъ является и русская комическая опера и пользуется въ прошломъ столѣтіи весьма значительнымъ успѣхомъ на всѣхъ вновь возникавшихъ въ то время русскихъ театрахъ. Подобно оперѣ французской и наша комическая опера также заимствовала свои сюжеты изъ простонароднаго быта, преимущественно изъ жизни русскихъ крестьянъ, а въ пѣніи своемъ либо подражала русскимъ народнымъ пѣснямъ и напѣвамъ, либо прямо вводила въ свое содержаніе настоящія народныя пѣсни, съ музыкой на народные мотивы. Но почти во всѣхъ этихъ операхъ (за весьма немногими исключеніями, о которыхъ мы будемъ сейчасъ говорить) русскій крестьянскій бытъ и сельская жизнь представлены не натурально и также нѣсколько подкрашенными и подрумяненными, и изображены вообще съ малымъ знаніемъ этого быта и этой жизни, съ понятіями, воззрѣніями и рѣчами, весьма мало свойственными рус-

скому простонародному міру. Крестьяне и крестьянки этихъ оперъ болѣе похожи на современныхъ барышень и модныхъ молодыхъ людей, любившихъ говорить о нѣжной страсти и т. п., чѣмъ на настоящихъ русскихъ крестьянъ.

Исключеній въ этомъ отношеніи было весьма немного, какъ мы сказали, и однимъ изъ такихъ исключеній была первая появившаяся на русской сценѣ комическая опера: *Анюта* (1772 г.), Михайлы Попова.

М. Поповъ († 1790) прибылъ въ Петербургъ изъ Ярославля вмѣстѣ съ Волковымъ, въ числѣ молодыхъ людей, составлявшихъ ярославскую труппу актеровъ, и былъ отданъ для обученія, какъ мы это уже знаемъ, по приказанію императрицы Елисаветы, въ кадетскій корпусъ, откуда поступилъ въ число придворныхъ актеровъ. Затѣмъ Поповъ находился на службѣ, въ качествѣ секретаря при коммиссіи о сочиненіи уложенія.

Въ писательской дѣятельности своей,—довольно обширной и разнообразной, М. Поповъ обнаружилъ замѣчательную въ то время самостоятельность и направленіе—преимущественно народное. Онъ писалъ много стихотвореній и прозаическихъ статей и помѣщалъ ихъ въ современныхъ журналахъ; между стихотвореніями его въ особенности отличались его пѣсни, бывшія въ большомъ ходу, такъ что въ 1765 г. онъ выдалъ «Собраніе пѣсенъ» своихъ, а въ 1766 г. повторилъ это изданіе въ болѣе полномъ видѣ. Пѣсни М. Попова такъ близки къ пѣснямъ народнымъ по складу и языку и по своему внутреннему содержанію, что онъ, принявъ участіе въ изданіи русскихъ народныхъ пѣсенъ *Чулкова* *) («Собраніе разныхъ русскихъ пѣсенъ», 1780, 4 части; изданіе повторено въ 1788 г.) помѣстилъ здѣсь «многія свои собственныя» пѣсни, по словамъ митроп. Евгенія **). Въ собраніи и въ изданіи Чулковымъ же русскихъ народныхъ сказокъ («Сказки русскія народныя о богатыряхъ» и проч., 10 частей 1780 г.) также принималъ участіе М. Поповъ ***). Между многими сочиненіями и переводами М. Попова, перечисленными у митр. Евгенія, замѣтимъ въ особенности: 1) *Словарь, или описаніе древняго языческаго славянскаго баснословія*, 1768 2) Романъ: *Славянскія древности*, 3 ч. 1770—1771, вторично изданный въ 1778 г. подъ новымъ названіемъ: *Старинныя диковинки* и имѣвшій еще третье изданіе въ 1793 году и 3) переводъ оперы: *Севильскій цирульникъ*. Къ собственнымъ сочиненіямъ М. Попова принадлежитъ еще нѣсколько оперъ и комедій; но по словамъ Новикова, въ его время, «особливо заслуживали великую похвалу его (Попова) пѣсни и опера», вѣроятно, комическая опера *Анюта*, въ одномъ дѣйствіи, вся написанная стихами и уже извѣстная Новикову, хотя во время изданія его словаря (1772) она еще и не была напечатана.

Содержаніе оперы М. Попова: *Анюта* взято изъ крестьянской жизни, которая изображена здѣсь просто и естественно, безо всякихъ лишнихъ прикрасъ и сантиментальничанья, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей русскаго народнаго міровоззрѣнія и понятій, русской народной рѣчи и крестьянскаго говора. Всѣ

---

*) О Чулковѣ см. ниже.

**) Слов. свѣт. пис. стр. 134.

***) Тамъ же, 243.

аріи и пѣсни этой оперы, написанныя на народныя мотивы, по содержанію своему, близко подходятъ къ пѣснямъ народнымъ. Такова, напримѣръ слѣдующая пѣсня влюбленаго въ Анюту молодаго парня, Филята, батрака въ домѣ названныхъ родителей Анюты:

Бѣлолица, круглолица,
Красная дѣвица!
Изсушила, сокрушила,
Сердце надсадила.

Сдѣлаемъ еще небольшую выписку изъ оперы Попова, чтобы показать до какой степени она народна и по языку и по воззрѣніямъ дѣйствующихъ лицъ. Крестьянинъ Миронъ (Анюта его пріемышъ и думаетъ, что Миронъ и его жена настоящіе ея родители) спрашиваетъ у своего батрака Филата, который воротился съ крестьянской сходки:

М. А для чово сходъ былъ.

Ф. А вотъ, сте, староста сбиратца ѣхать въ городъ,
Такъ баялъ, чтобы всѣмъ складчину положить,
Алтынъ хоть по пятку; да міръ сталъ говорить,
Што нынѣ де у насъ, Пафнутьичъ, знашь вѣдь голодъ,
Такъ будіотъ-де съ души копѣіокъ и по шти,
Такъ станіотъ и тово довольно псамъ на шти.

М. А по што же їому и екая складчина?

Ф. Слышь, у подъячова жона родила сына.

М. Неужшто и робя приносы ужь беретъ!
Полно, не староста ль въ карманъ собѣ деріотъ? и проч.

Опера: *Анюта* была поставлена на сцену въ первый разъ, въ 1772 году. «Драматическій словарь» почему-то не упоминаетъ объ ея успѣхѣ на сценѣ; но, основываясь на вышеприведенныхъ словахъ Новикова и въ особенности на томъ обстоятельствѣ, что вслѣдъ за этой оперой появилось множество театральныхъ піесъ съ сюжетами изъ простонароднаго быта и съ пѣніемъ на мотивы народныхъ пѣсенъ, можно смѣло заключить, что *Анюта* М. Попова имѣла полный успѣхъ на сценѣ.

Послѣ *Анюты* М. Попова, другая замѣчательная піеса прошлаго столѣтія, по заключающемуся въ ней чисто-народному элементу, есть комическая опера, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, написанная Аблесимовымъ: *Мельникъ — колдунъ, обманщикъ и сватъ* Она представлена была въ первый разъ на московскомъ театрѣ въ 1779 году (хотя и написана гораздо раньше) и имѣла необыкновенный успѣхъ на сценѣ.

Существующія извѣстія о жизни, происхожденіи, воспитаніи, равно какъ и о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ *Аблесимова* (Александра Онисимовича, † 1784) чрезвычайно неполны, не смотря на то, что Аблесимовъ принадлежитъ къ та-

лантливѣйшимъ писателямъ нашимъ прошлаго вѣка. Относительно воспитанія Аблесимова митроп. Евгеній говоритъ, что «онъ успѣхами своими въ словесности обязанъ былъ *не воспитанію, котораго вовсе не имѣлъ*, а природнымъ дарованіямъ и случаю быть въ службѣ лейб-кампанской канцеляріи при А. П. Сумароковѣ, котораго стихотворенія часто переписывая на-бѣло, почувствовалъ и въ себѣ склонность быть стихотворцемъ». Почти тоже подтверждаетъ о воспитаніи Аблесимова и «Извѣстіе (нѣмецкое) о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ» писаное, какъ мы знаемъ, въ 1768 году. «Извѣстіе» это относится къ Аблесимову вообще слишкомъ свысока. Сообщая свѣдѣніе, что онъ былъ тогда «прапорщикъ и коммиссаръ при московскомъ театрѣ» и писалъ эпиграммы, эпитафіи и элегіи, *которыя не всѣ одинаковаго достоинства*», и что «онъ сочинилъ двѣ комедіи, которыхъ не отдалъ въ печать, можетъ быть изъ скромности, а можетъ быть изъ опасенія (критики). «Извѣстіе» прибавляетъ: «но къ нему можно и не быть слишкомъ строгимъ, ибо *онъ не знаетъ ни одного языка, кромѣ своего роднаго*, и потому можетъ образовать вкусъ свой только съ большими трудностями» *). Затѣмъ Новиковъ (въ Словарѣ) говоритъ объ Аблесимовѣ совершенно другимъ языкомъ. Онъ сообщаетъ, что Аблесимовъ служилъ въ то время (т. е. во время изданія Словаря, въ 1772 году) адъютантомъ въ штатѣ генералъ-маіора Сухотина и напечаталъ свои мелкія стихотворенія въ «Трудолюбивой пчелѣ» (Сумарокова) и въ «разныхъ другихъ книгахъ», что эти стихотворенія его и *сказки въ стихахъ* «довольно имѣютъ остроты». Затѣмъ въ Словарѣ говорится: «Онъ (Аблесимовъ) сочинилъ прозою три комедіи и одну комическую оперу въ одномъ дѣйствіи стихами: первая комедія *Подвяческая пирушка*, въ 5-ти дѣйствіяхъ, а другая въ 1 дѣйствіи: всѣ онѣ довольно хороши, а нѣкоторыя явленія и похвалу заслуживаютъ: ибо въ нихъ находится *много соли, остроты и забавныхъ шутокъ*. Онъ имѣетъ способность писать шуточныя сочиненія и перевороты, изъ которыхъ и написалъ многія довольно удачно; но они такъ, какъ и его комедіи, еще не напечатаны и на театрѣ не представлены». О названной здѣсь комедіи: *Подвяческая пирушка* (не напечатанной и не игранной), равно какъ и о другой комедіи Аблесимова: *Походъ съ непремѣнныхъ квартиръ*, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, (которая, по словамъ митр. Евгенія, была «часто играна въ Москвѣ съ успѣхомъ») не сохранилось никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній, такъ какъ обѣ комедіи эти утрачены и не дошли до насъ.

Далѣе извѣстно, что Аблесимовъ былъ въ чинѣ капитана и находился на службѣ при начальникѣ московской полиціи, извѣстномъ генералѣ Архаровѣ, вліянію котораго Аблесимовъ обязанъ тѣмъ, что его «Мельникъ» былъ принятъ и игранъ на московскомъ театрѣ. Успѣхъ этой оперы на сценѣ съ перваго же представленія былъ чрезвычайный, такъ что она тутъ же повторена была много разъ къ ряду. Піеса возбудила всеобщій восторгъ. «Драматическій Словарь», сообщая извѣстіе, что эта опера Аблесимова «представлена была

*) Въ изданіи г. Ефремова, стр. 157.

въ первый разъ на московскомъ театрѣ генваря 20 дня 1779 года,»—по поводу ея необыкновеннаго успѣха на сценѣ говоритъ слѣдующее: «Сія піеса столько возбудила вниманія отъ публики, что много разъ сряду была играна и завсегда театръ наполнялся; а потомъ въ Санкпетербургѣ была представлена много разъ у двора и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя г. Книпера была играна сряду 27 разъ, не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно: кратко сказать, что едва ли не первая русская опера имѣла столько восхитившихся спектаторовъ и плесканія».

Не смотря, однако, на всѣ эти успѣхи своего произведенія, Аблесимовъ умеръ въ Москвѣ, въ бѣдности, и еще въ совершенно зрѣлыхъ лѣтахъ, далеко не достигнувъ старости.

Причина постояннаго и продолжительнаго успѣха «Мельника» на русской сценѣ заключалась, безъ сомнѣнія, въ его чисто-народномъ направленіи. Сюжетъ Мельника взятъ изъ крестьянскаго быта, къ которому авторъ относится постоянно съ теплой симпатіей, и который онъ изображаетъ во всѣхъ подробностяхъ вѣрно, какъ міръ ему вполнѣ знакомый и сочувственный. Завязка и развязка оперы чрезвычайно просты и естественны. Все дѣло заключается въ томъ, что мужъ и жена крестьяне не сходятся въ томъ, за кого имъ выдать свою дочь, Анюту. Старикъ Анкудимъ хочетъ выдать ее за «своего брата крестьянина. — «За такого жь дурака, какъ самъ», — говоритъ ему жена Фетинья, которая происходитъ какъ-то изъ дворянской семьи и вслѣдствіе этого — ее гложетъ дворянская спесь; она не можетъ никакъ сжиться съ мыслію, что она замужемъ за крестьяниномъ и вѣчно ссорится съ мужемъ изъ-за своихъ сословныхъ предразсудковъ. «Таково-то быть не за ровней»! — жалуется она, и въ одной ссорѣ съ мужемъ говоритъ ему: «Опомнись, старый пёсъ! вѣдь ты знаешь, я рождена отъ благородной крови»!

Анкудинъ старается доказать своей старухѣ, что она блажитъ. Онъ увѣряетъ ее:

Не дуракъ нашъ братъ дѣтина
И работникъ онъ прямой.

Но все это ни мало не успокоиваетъ Фетинью. Она все твердитъ свое о зятѣ-дворянинѣ. Въ одномъ спорѣ съ мужемъ она говоритъ наконецъ: «Нѣтъ, нѣтъ ты хоть тресни, а я свои буду пѣть пѣсни; на зло тебѣ, дочь просватала въ село *Хлѣбородово*... — А... за каково бы тамъ? — За помѣщика деревни *Доброй Пожни*. — Вотъ на! да тамъ и помѣщиковъ та нѣту. — «Анъ лихъ есть... и проч. (дѣйствіе III, явл. III). Дѣло въ томъ, что молодой крестьянинъ Филимонъ, влюбленный въ Анюту, кручинится очень, что не можетъ на ней жениться изъ-за того только, — какъ онъ объясняетъ, — что «старухѣ-хлопотуньѣ», ея матери, «какъ-то изстари случилось быть дворянскаго отродья», и потому ей хочется непремѣнно выдать дочь «за дворянскаго сыночка»; тогда какъ мужу ея хочется выдать дочку «за дѣтину-хлѣбопашца». Филимонъ пришелъ къ Ѳаддею-мельнику кручину свою размыкать, и проситъ его «придумать,

пригадать», помочь, какъ ни на есть ему въ его горѣ, такъ какъ мельникъ по понятіямъ народнымъ бываетъ всегда «колдунъ» и «ворожей». Мельникъ-Ѳаддей говоритъ ему: «Это плёвое дѣло;.... дѣвка будетъ наша! что за работу»? — Филимонъ обѣщаетъ «четверть доброй ржи», и мельникъ дѣйствительно ловко обдѣлываетъ дѣло въ его пользу. Онъ берется быть сватомъ Филимона, и старухѣ Фетиньѣ выдаетъ его за дворянина, за «помѣщика деревни *Доброй Пожни*, изъ села *Хльбородова*», а старику Анкудиму — за рабочаго и зажиточнаго крестьянина того же села и изъ той же деревни. Но когда дѣло приходитъ къ развязкѣ и старикъ и старуха начинаютъ не доумѣвать, какъ это одинъ и тотъ же женихъ и дворянинъ и крестьянинъ, мельникъ ловко выпутывается изъ своего затруднительнаго положенія — слѣдующимъ образомъ. Наигривая на балалайкѣ, онъ имъ поетъ:

Ужъ какъ шли старикъ съ старухой изъ лѣсочка,
Изъ лѣсочка,
Съ ними дочка
Пригожайка.... 2.
На встрѣчу имъ попался сосѣдъ-мельникъ,
Сосѣдъ-мельникъ,
Не бездѣльникъ,
Ворожейка.... 2.
Сосѣдъ-мельникъ загадаетъ имъ загадку:...
Еще што да таково,
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ бояринъ,
Самъ и пашетъ, самъ орётъ
И съ крестьянъ оброкъ берётъ,
Отгадайте».... 2

Старики все таки не угадываютъ въ чемъ дѣло.

«Это знайте *(поетъ снова мельникъ)*
Это знайте,
Не вступайте
Больше въ спорецъ.
Ево знаютъ,
Называютъ
Однодворецъ.

«Слышали-ль.... онъ Однодворецъ, а Однодворецъ — и дворянинъ и крестьянинъ — все одинъ». (Дѣйств. III, явл. V).

Всѣ удовлетворены этимъ ловкимъ оборотомъ дѣла, старикъ и старуха перестаютъ спорить — и свадьба Анюты съ Филимономъ улаживается.

Вотъ и весь сюжетъ «Мельника». Но въ эти узкія рамки простой крестьянской жизни и сельскаго быта внесено столько жизненной правды и естественности, — явный признакъ непосредственнаго таланта въ авторѣ, — что ко-

медія-опера Аблесимова рѣзко выдѣлилась изъ всей массы современныхъ ей драматичечкихъ піесъ, выкроенныхъ по французскимъ образцамъ. Чисто-народныя сцены, простота и естественность въ изображеніи народныхъ нравовъ, живая народная рѣчь, а наконецъ пѣсни и куплеты на общеизвѣстные и любимые народные мотивы, — то на голоса пѣсенъ:

«Кабы знала, кабы вѣдала», «Какъ ходилъ гулялъ молодчикъ» и проч.,

то настоящія народныя (свадебныя) пѣсни *):

Што безъ бури, безъ вихоря
Ворота отпиралися,
Въ теремъ двери отворялися.

Тошненько мнѣ младой въ дѣвкахъ быть,
Тошнѣй того мнѣ за-мужъ иттить.

Вечоръ-то мнѣ косоньку матушка плела, матушка плела,
И жемчугомъ косоньку всю унизала, всю унизала и проч.

— все это невольно приводило въ восхищеніе русскихъ зрителей и упрочило на-долго успѣхъ піесы Аблесимова на русской сценѣ. Она держалась на театрѣ еще въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія. Плавильщиковъ, одинъ изъ извѣстныхъ современныхъ актеровъ и драматическій писатель, писалъ въ 1792 году, что Мельникъ Аблесимова «болѣе-двухъ сотъ полныхъ представленій выдержалъ и всегда съ удовольствіемъ принимается» **).

Такимъ чрезвычайнымъ успѣхомъ, какой имѣлъ «Мельникъ» Аблесимова, пользовалась на русской сценѣ прошлаго столѣтія еще только одна піеса, написанная въ томъ-же народномъ духѣ и направленіи. Это — *Гостинный дворъ*, (1791 г. комическая опера, въ 3-хъ дѣйств.) *Матинскаго*. О Матинскомъ извѣстно только, что онъ былъ крѣпостной человѣкъ графа Ягужинскаго и путешествовалъ по Италіи; но изъ того обстоятельства, что существуетъ нѣсколько переведенныхъ Матинскимъ съ французскаго и съ нѣмецкаго ученыхъ и литературныхъ сочиненій слѣдуетъ заключить, что онъ былъ человѣкъ съ порядочнымъ образованіемъ. Кромѣ оперы «Гостинный дворъ», Матинскій написалъ еще двѣ другія комическія оперы: *Перерожденіе*, которая была представлена съ успѣхомъ на московскомъ театрѣ въ 1777 году, и *Тунисскій Паша* о которой неизвѣстно была-ли играна когда и напечатана. Но опера: *Гостинный дворъ*, кромѣ того, что часто повторялась на театрѣ, имѣла три изданія въ прошломъ столѣтіи, послѣ перваго ея появленія на русской сценѣ.

---

*) Ихъ поетъ хоръ дѣвушекъ. См. дѣйств. 3, явл. I.

**) Соч. Плавильщ. часть 3 см. статью: „Нѣчто о врожденныхъ свойствахъ душъ Россійскихъ стр. 3. Статья эта была напечатана первоначально въ журналѣ „Зритель“ 1792 г.

Главныя свѣдѣнія объ авторѣ *Гостиннаго двора* и о необыкновенномъ успѣхѣ этой оперы на театрѣ заключаются въ «Драматическомъ Словарѣ», который говоритъ объ этомъ слѣдующее: *Гостинный дворъ* — сочинена на россійскомъ языкѣ путешествующимъ въ Италіи крѣпостнымъ человѣкомъ графа Ягужинскаго Матинскимъ, и на музыку, также имъ положена, *къ крайнему удовольствію нашего времени*. Успѣхъ сочинителя оной оперы, забавное зрѣлище и *народной спектакль въ россійскихъ древнихъ нравахъ* приносятъ честь сочинителю. Театръ представляетъ по обычаю россійскому древнему *подвяческую народную свадьбу*. Характеръ жениха играющій московскаго россійскаго театра актеръ г. Залышкинъ совершенно обращаетъ на себя вниманіе публики, принося ей забавное зрѣлище. *Часто сія піеса представляется на россійскихъ театрахъ*, акъ въ С.-Петербургѣ, такъ и Москвѣ. Когда въ первый разъ отдана была на театръ сочинителемъ въ С.-Петербургѣ содержателю вольнаго театра Книперу, то была представлена *до пятьнадцати разъ сряду, и никакая піеса не дала ему столько прибытка, какъ оная*».

Какъ показываетъ самое названіе оперы «Гостинный дворъ», содержаніе ея взято изъ городскаго быта. Авторъ имѣлъ въ виду изобразить темный міръ гостиннодворцевъ стараго времени, со всѣми ихъ плутнями и продѣлками въ торговлѣ и въ денежныхъ дѣлахъ, съ крайнею грубостію семейныхъ нравовъ, невѣжествомъ и проч., — и во многихъ мѣстахъ вполнѣ достигъ своей цѣли, обнаруживъ полное знакомство съ тѣмъ міромъ, изъ котораго онъ заимствовалъ содержаніе для своей піесы. Оттого въ языкѣ, во взглядахъ и понятіяхъ всѣхъ ея дѣйствующихъ лицъ,—взятыхъ изъ дѣйствительно русской жизни, а не скопированныхъ съ личностей, чуждыхъ нашимъ нравамъ, по иностраннымъ образцамъ, — и сохранился живой отпечатокъ современной дѣйствительности и современныхъ русскихъ нравовъ. Въ связи съ купеческимъ міромъ здѣсь также вѣрно изображенъ и міръ современныхъ подъячихъ, особенно въ личности Аксіона Филимоновича *Крючкодѣя*, «нарѣченнаго зятюшки» купца *Сквалыгина*, который выдаетъ за него свою дочь, имѣя въ виду при содѣйствіи этого искуснаго «крючкодѣя», ловко обдѣлывать разныя темныя дѣлишки свои. И мы видѣли изъ словъ «Драматическаго Словаря», что «забавное зрѣлище и народной спектакль, представляющій по древнему россійскому обычаю подъяческую народную свадьбу», въ особенности нравились публикѣ. При этомъ *Крючкодѣй* поетъ пѣсню:

Ахъ, что нынѣ за время!
Взятокъ брать не велятъ.

Успѣхъ на театрѣ піесъ изъ народнаго быта ясно показывалъ, къ чему собственно публика тогдашнихъ русскихъ театровъ питала сочувствіе и что ей нравилось преимущественно на театрѣ. Вслѣдствіе этого скоро появилось на театрѣ множество подражаній народнымъ піесамъ, въ особенности подражаній «Мельнику». Но даже лучшія изъ этихъ подражательныхъ піесъ не были проникнуты въ такой степени истинно-русскимъ, народнымъ элементомъ, какимъ отличался «Мельникъ» Аблесимова. Лучшими, послѣ названныхъ піесъ, слѣ-

дуетъ считать, разумѣется, двѣ комическія оперы Княжнина, написанныя въ народномъ духѣ. Первая изъ нихъ — это уже намъ извѣстная комическая опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ: *Несчастіе отъ кареты* (1772 г. музыка придворнаго капельмейстера *Пашкевича*, см. Слов. митр. Евгенія), а вторая: *Сбитеньщикъ* (1783 г. въ 3-хъ дѣйствіяхъ, музыка *Булана*). Плавильщиковъ, въ предисловіи къ небольшой комедіи своей *Мельникъ и Сбитеньщикъ-соперники* (1793 г.) говоритъ, что «Княжнинъ написалъ оперу *Сбитеньщикъ*, чтобы ею замѣнить *Мельника*; и хотя *Сбитеньщикъ*—прибавляетъ онъ — хорошо былъ принятъ на театрѣ, однакожь «Мельника» не уронилъ, и онъ остался навсегда въ прежней славѣ своей» и проч. *). А замѣнить «Мельника» чѣмъ-либо другимъ на русской сценѣ хотѣлось тогда нѣкоторымъ потому, что истиннымъ почитателямъ тогдашняго французскаго театра опера Аблесимова казалась слишкомъ грубою, простою и написанною безъ соблюденія общепринятыхъ для подобнаго рода піесъ правилъ. Тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, она нравилась русской публикѣ и ее обязаны были давать часто на театрѣ.

«Несчастіе отъ кареты», Княжнина, піеса — вполнѣ народная по мысли по теплой симпатіи къ долѣ крестьянина и по злой сатирѣ на офранцузившихся, современныхъ баръ, которые съ непонятнымъ легкомысліемъ рѣшались въ то время на возмутительную торговлю людьми, для удовлетворенія своихъ модныхъ вкусовъ и привычекъ, какъ напримѣръ, ради того, чтобы пріобрѣсть французскую карету. Но крестьяне въ этой оперѣ, въ особенности главныя лица въ ней *Лукьянъ* и *Анюта*, очень походятъ на господъ по своимъ рѣчамъ, по манерѣ говорить и по выражаемымъ ими чувствамъ и понятіямъ.

Въ оперѣ: *Сбитеньщикъ* сюжетъ взятъ изъ жизни купцовъ и вообще изъ быта горожанъ средняго и низшаго класса. Но здѣсь *Степанъ* сбитеньщикъ, пройдоха, который умѣетъ ловко обдѣлывать за деньги разныя людскія дѣлишки, не исключая и любовныхъ, съ двумя своими аріями, распѣвавшимися въ свое время повсюду:

Кажется не ложно,
Все на свѣтѣ можно
Покупать,
Продавать,
Только должно
Осторожно
Поступать, и проч.

и другою: Счастіе строитъ все на свѣтѣ;
Безъ него — куда съ умомъ.
Ѣздитъ счастіе въ каретѣ;
А съ умомъ идешь пѣшкомъ, и проч.

этотъ Степанъ сбитеньщикъ, говоримъ мы, больше походитъ на знаменитаго

*) Сочин. Плавильщ. ч. 4, стр. 133.

Фигаро (въ комедіи Бемарше) или на другое подобное лицо изъ французскихъ комедій, чѣмъ на русскаго сбитеньщика или на какую бы то ни было личность изъ русскихъ простонародныхъ нравовъ. Если продолжать сравненіе, то и въ купцѣ *Волдыревѣ*, ревнивомъ опекунѣ молоденькой *Паши*, въ которую онъ влюбленъ и на которой собирается жениться, можно, пожалуй, скорѣе видѣть Донъ-Бартоло, опекуна Розины, чѣмъ простаго русскаго купца, «называвшагося прежде Михеемъ». Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя истинно комическія сцены этой оперы, нѣкоторыя меткія черты въ изображеніи наивности *Паши*, глупости слуги Волдырева, *Ѳаддея* и т. п. дѣлали то, что *Сбитеньщикъ* долго оставался одной изъ любимѣйшихъ піесъ русскаго театральнаго репертуара и очень часто давался на театрѣ, съ постояннымъ успѣхомъ. Главная причина успѣха этой оперы, точно также, какъ и причина успѣха первой оперы Княжника: *Несчастіе отъ кареты*, заключалась, безъ сомнѣнія, въ превосходномъ комическомъ талантѣ автора, а потомъ—въ пѣніи и въ музыкѣ.

Народныя пѣсни съ ихъ оригинальными народными напѣвами или же аріи и куплеты, написанные въ подражаніе этимъ пѣснямъ и напѣвамъ, — составляя существенную часть нашихъ комическихъ оперъ и оперетокъ того времени, касавшихся крестьянскаго или вообще простонароднаго быта, —бывали почти всегда и главною причиною ихъ успѣха на сценѣ. Мы уже замѣтили это по поводу комическихъ оперъ императрицы Екатерины, которая ввела въ свои оперы, вмѣстѣ съ народнымъ пѣніемъ, сказочный и вообще старо-русскій историческій міръ, допустивъ пѣніе народныхъ пѣсенъ не только въ комическихъ, но и въ серьезныхъ драматическихъ піесахъ своихъ, какъ это мы видѣли.

Кромѣ поименованныхъ оперъ Княжнина, пользовались постояннымъ успѣхомъ на театрѣ еще и многія другія, вслѣдствіе введеннаго въ нихъ народнаго пѣнія. Упомянемъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ: *Любовникъ-Колдунъ*, (1772 г.), въ которой, по свидѣтельству «Драматическаго Словаря», удовольствіе приносила публикѣ музыка, исполнявшаяся *съ голосовъ русскихъ пѣсенъ;* двѣ оперы Николева (автора трагедіи: *Сорена*, см. выше): *Розана* и *Любимъ* и *Прикащикъ*. Крестьянская жизнь, въ ея соприкосновеніи съ помѣщичьей властью, составляющая содержаніе обѣихъ оперъ Николева, изображена въ нихъ еще менѣе вѣрно, нежели въ оперѣ Княжнина: *Несчастіе отъ кареты*. Языкъ, рѣчи, взгляды, понятія, самыя имена дѣйствующихъ лицъ (напримѣръ, въ первой оперѣ: *Розана*, *Милена*, *Любимъ*) — все здѣсь не крестьянское, вся крестьянская жизнь и обстановка изображены здѣсь фальшиво, приторно-сантиментально и безъ всякихъ сценическихъ достоинствъ. Но тѣмъ не менѣе обѣ оперы Николева играны были съ большимъ успѣхомъ на театрѣ, вслѣдствіе введеннаго въ нихъ пѣнія на мотивы изъ народныхъ пѣсенъ. Опера *Розана и Любимъ* была представлена въ первый разъ на московскомъ театрѣ, въ 1778 году, и была играна по словамъ «Драматическаго Словаря», «сряду четыре раза къ отмѣнному удовольствію публики, была много разъ аплодирована». Не малымъ успѣхомъ пользовались также на сценѣ оперы въ народномъ духѣ: *Счастливая тоня*, *Баба-Яга*, кн. Д. Горчакова, *Добрые солдаты*, Хераскова и друг.

Журнальная литература. Сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. Дѣятельность Новикова. Радищевъ.

Первые литературные журналы. — Мы уже знаемъ, что первоначальныя «русскія вѣдомости», основанныя въ царствованіе Петра, переданы были въ 1728 году въ завѣдываніе академіи наукъ. До того времени русскія вѣдомости издавались попеременно то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. Правильное же изданіе «С.-Петербургскихъ вѣдомостей» началось собственно съ поступленія ихъ въ завѣдываніе академіи и съ порученія ихъ редакціи академику *Миллеру*; а изданіе особыхъ вѣдомостей въ Москвѣ было возобновлено только съ основанія московскаго университета (1756), при которомъ стали съ того времени выходить постоянно «Московскія вѣдомости»; профессоры университета: *Поповскій* и *Барсовъ* считаются первыми редакторами «Московскихъ вѣдомостей». Но какъ тѣ, такъ и другія вѣдомости въ сущности были газетами политическаго содержанія и имѣли офиціальный характеръ. Хотя Миллеръ и выдавалъ къ С.-Петербургскимъ вѣдомостямъ «Примѣчанія», въ которыхъ помѣщалъ историческія, географическія и другія свѣдѣнія, необходимыя тогдашнимъ русскимъ читателямъ для яснаго пониманія политическихъ «вѣдомостей», и хотя онъ, по его словамъ, старался помѣщать въ примѣчаніяхъ все, «что пріятнаго и полезнаго изыщетъ» для своихъ читателей *); но не съ этихъ «Примѣчаній», а съ основаннаго тѣмъ же Миллеромъ, въ 1759 году, журнала: «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія» собственно начинается исторія русской журнальной литературы. «Ежемѣсячныя сочиненія» Миллера были первымъ у насъ «учено-литературнымъ» журналомъ, основаннымъ по образцу иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, изданій такого рода. Въ объявленіи объ изданіи своего журнала Миллеръ говорилъ, что онъ поставилъ себѣ за правило «писать такимъ образомъ, чтобы всякій, какого бы кто званія или понятія ни былъ, могъ разумѣть предлагаемыя матеріи». А «матеріи», предлагавшіяся въ его «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», состояли изъ статей научнаго и литературнаго содержанія, — согласно самому названію журнала, который хотѣлъ служить «не только для пользы, но и для увеселенія читателей», и потому помѣщалъ у себя не только статьи ученаго содержанія, но и «стихо-

---

*) „Примѣчанія“ эти были родъ литературныхъ прибавленій къ С.-Петербургскимъ вѣдомостямъ и заключали въ себѣ статьи самаго разнороднаго содержанія, изложенныя общедоступно. Они прекратились въ 1742 году и послѣ того уже не возобновлялись. См. въ Приложеніи къ XII т. Запис. имп. акад. наукъ статью: „Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ“, академика *П. Пекарскаго*. Авторъ говоритъ здѣсь, что „Примѣчанія“ Миллера такъ пришлись по вкусу читателей, что долгое время спустя послѣ ихъ прекращенія ихъ перепечатали и въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и что Миллеръ, въ концѣ 1754 года, заявилъ въ засѣданіи предложеніе президента академіи, гр. Разумовскаго, объ изданіи съ 1755 г. *ученаго періодическаго журнала* (de ephemeride quidam erudita) на русскомъ языкѣ, *по образцу издававшихся „Примѣчаній“ къ Вѣдомостямъ*. Этотъ ученый журналъ и былъ „Ежемѣсячныя сочиненія“.

творенія, нравоучительныя притчи, сны, повѣсти и подобныя тому описанія». Всѣ ученыя статьи излагались популярно; не допускались вовсе статьи богословскія, и вообще всѣ, касающіяся до вѣры, равно и статьи критическія, или такія, «которыми могъ кто-нибудь оскорбиться». Стихотворенія давали въ журналъ Миллера лучшіе тогдашніе стихотворцы: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ и другіе; а притчи, повѣсти и т. п. литературныя статьи, о которыхъ сказано въ программѣ журнала, состояли почти исключительно изъ переводовъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ журналовъ, и отличались большею частію нравственнымъ и поучительнымъ характеромъ.

Переименованіе статей, заключающихся въ которомъ-либо изъ томовъ *) «Ежем. Соч.», укажетъ читателямъ яснѣе всего на содержаніе этого перваго у насъ учено-литературнаго журнала. Въ январьской книжкѣ, напримѣръ, 1756 года помѣщены: 1) «Микромегасъ, повѣсть философская». Это переводъ одной изъ извѣстныхъ и замѣчательныхъ сатирическихъ повѣстей Вольтера. Имени переводчика не означено, но переводъ сдѣланъ правильно и довольно хорошимъ языкомъ; 2) затѣмъ слѣдуетъ шесть «Притчъ» (т. е басенъ, кажется, изъ Лафонтена), подписанныхъ А. С. (Александръ Сумароковъ); 3) «Сказка» (древняя, о бѣднякѣ, который видитъ себя во снѣ богатымъ и знаменитымъ). 4) «Письмо къ Г. В.... (стихотвореніе); 5) «Показаніе нѣкоторыхъ заблужденій, случающихся при наблюденіи теплоты тѣлесной и охраненіи отъ простуды»; (очень хорошая философско-гигіеническая статья, переведенная изъ «Гамбургскаго магазейна») и 6) «Разсужденіе о смерти (статья моральнаго содержанія). Въ прочихъ книжкахъ мы встрѣчаемъ статьи: «Историческое описаніе о мануфактурахъ», «Алегорія о противорѣчіяхъ въ любви», «Разсужденіе о пріятностяхъ сообщества» (переводъ Александра Воронцова; статья очень дѣльно трактующая объ обществѣ человѣческомъ, о значеніи женщины въ обществѣ и т. п.), «Г. деля Кондамина рѣчь о прививаніи воспы», «Описаніе о сибирскихъ торгахъ» (превосходная статья, кажется, самаго Миллера, заключающая въ себѣ описаніе звѣринаго промысла въ Сибири, разныхъ породъ пушныхъ звѣрей, торговли ими, торговли Сибири съ Китаемъ, описаніе главныхъ торговыхъ мѣстъ, путей и городовъ Сибири и т. п.). Любопытны очень и вообще хорошо написаны во многихъ книжкахъ журнала разборы вновь выходившихъ книгъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Разборы эти помѣщались подъ особой рубрикой: *извѣстій о ученыхъ дѣлахъ.*

В. А. Милютинъ, напечатавшій три большія статьи о «Ежем. соч. (въ «Современникѣ», 1851 г.), кажется, имѣлъ право сказать, что это «одинъ изъ лучшихъ журналовъ, какіе издавались въ Россіи и въ прежнее и въ настоящее время». Ученый отдѣлъ журнала, которому Миллеръ давалъ преиму-

---

*) Шесть книжекъ составляли томъ, въ концѣ котораго помѣщался алфавитный списокъ, или „*реестръ* достопамятнымъ вещамъ, содержащимся въ Ежем. соч. первыхъ шести мѣсяцевъ такого-то года". Каждая книжка состояла изъ шести печатн. листовъ. Цѣна журналу была назначена 2 руб. дешевле С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, за которыя годовые подписчики платили 2 р. 50 к. См. ст. г. Пекарскаго, стр. 7.

щество передъ отдѣломъ литературнымъ, какъ мы видимъ изъ названій приведенныхъ статей, наполнялся статьями оригинальными и переводами съ иностраннаго; переводили на русскій языкъ статьи для «Ежемѣсячныхъ сочиненій» офиціальные переводчики и студенты академіи *). Миллеръ здѣсь же помѣщалъ, въ цѣломъ, или въ отрывкахъ, и большую часть собственныхъ сочиненій, относившихся до исторіи Россіи: о «Несторѣ», о «Происхожденіи россійскаго народа», «Сибирская исторія», о «Запорожцахъ» и друг. Изданіе «Ежемѣсяч. сочинен.» прекратилось въ 1764 году, которымъ и заключилъ его Миллеръ, переѣхавшій, въ началѣ слѣдующаго года, въ Москву. Онъ желалъ, чтобы изданіе продолжалось и безъ него, для чего обѣщалъ доставить матеріала на цѣлый годъ; но, по его словамъ, «охотника къ принятію на себя трудовъ изданія между господами членами (академіи) не сыскалось» **).

Въ какой мѣрѣ этотъ первый у насъ учено-литературный журналъ удовлетворялъ потребностямъ тогдашняго общества и каково было вообще его вліяніе на тогдашнюю читающую публику, — объ этомъ, по недостатку положительныхъ свѣдѣній, мы не можемъ судить съ достовѣрностію. Нѣкоторыя современныя извѣстія, подтверждаемыя свидѣтельствомъ митрополита Евгенія, заставляютъ, впрочемъ, думать, что «Ежемѣсячныя сочиненія» имѣли успѣхъ и охотно читались современниками ***). При разборѣ комедій Екатерины II мы видѣли также, что одно изъ лицъ комедіи: «О время»! упоминаетъ о чтеніи «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Можно сказать вообще, что журналъ Миллера, при ничтожномъ развитіи у насъ въ то время литературнаго дѣла, по серьезности и дѣльности содержанія большей части своихъ статей, могъ принести существенную пользу современнымъ русскимъ читателямъ, знакомя ихъ съ тогдашнимъ состояніемъ и успѣхами наукъ и литературы на западѣ Европы, равно какъ и съ состояніемъ литературы отечественной и зачинавшейся у насъ науки.

Четыре года спустя послѣ появленія «Ежемѣсячныхъ сочиненій» появился и другой литературный журналъ, который сталъ издавать — также ежемѣсячно — Сумароковъ, подъ именемъ «Трудолюбивой пчелы». Кажется, журналъ Сумарокова пользовался большею популярностію и извѣстностію въ средѣ тогдашнихъ читателей, нежели «Ежемѣсячныя сочиненія», не смотря на то, что послѣднія издавались съ бо́льшимъ знаніемъ дѣла и что редакторъ ихъ обладалъ

---

*) Имена всѣхъ переводчиковъ и сотрудниковъ „Ежемѣс. соч.“ приведены въ упомянутой выше статьѣ академика Пекарскаго. Въ нихъ участвовали вообще „*всѣ* современные писатели, пользовавшіеся большею или меньшею извѣстностію“.

**) Тамъ же, стр. 12.

***) По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ статьѣ г. Пекарскаго, въ началѣ предположено было выпускать Е. С. въ количествѣ 2000 экземпл. Въ первый годъ ихъ расходилось ежемѣсячно отъ 600 до 700 экз.; въ послѣдующіе годы распродавалось отъ 500 до 700 экз. Потому академич. канцелярія распорядилась въ 1758 г. печатать журналъ въ количествѣ 1250 экземпл. Съ 1758 г. журналъ выходилъ подъ заглавіемъ: „Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе“; въ 1763 и 1764 гг. онъ назывался: „Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ“.

бо́льшимъ запасомъ научныхъ и литерагурныхъ свѣдѣній. Сумароковъ наполнялъ по большей части свою «Пчелу» собственными сочиненіями, направленными противъ недостатковъ и пороковъ современнаго общества, какавы напримѣръ: его нападки на неправедныхъ судей и приказныхъ или на «крапивное семя», —по любимому выраженію Сумарокова,—его «Сонъ о счастливомъ обществѣ», его перебранки съ своими литературными соперниками и т. п. Сатирическія и полемическія статьи Сумарокова придавали оживленный характеръ его журналу и нравились большинству читателей, такъ что «Трудолюбивая пчела» въ 1780 г. вышла вторымъ изданіемъ. Но въ остальныхъ частяхъ своихъ журналъ Сумарокова представлялъ весьма мало интереснаго или поучительнаго чтенія. Кромѣ собственныхъ сочиненій издателя, въ «Трудолюбивой пчелѣ» иногда помѣщались статьи: Козицкаго, Мотониса и даже Тредьяковскаго, не смотря на постоянную литературную вражду, которая существовала между нимъ и Сумароковымъ *). Изданіе «Трудолюбивой пчелы» прекратилось черезъ одинъ годъ, — если вѣрить запискѣ Штелина, — по винѣ самаго Сумарокова,—хотя онъ по своему обыкновенію, и обвинялъ въ этомъ «свое отечество» и въ особенности «академическую канцелярію». Штелинъ вѣроятную причину прекращенія журнала Сумарокова хочетъ видѣть въ томъ, что это было «ненужное изданіе» и что «и продажа его не соотвѣтствовала цѣнности содержанія и съ трудомъ покрывала издержки издателя» *). Но такое мнѣніе едва ли справедливо.

Одновременно съ Пчелой Сумарокова выходилъ въ Петербургѣ еще другой литературный журналъ, издатель котораго неизвѣстенъ: «Праздное время, въ пользу употребленное». Изданіе этого журнала продолжалось и въ 1760 г.

Послѣ того журнальная дѣятельность началась и въ Москвѣ. Тамъ появилось нѣсколько литературныхъ журналовъ: «Полезное увеселеніе», Хераскова, (съ начала 1760 по іюнь 1762 года) и его же: «Свободные часы» въ 1763 г. Въ томъ же году Богдановичъ сталъ издавать въ Москвѣ журналъ: «Невинное упражненіе», а въ слѣдующемъ 1764 году сталъ выходить журналъ Санковскаго: «Доброе намѣреніе». Въ 1762 г. профессоръ московск. университета, Рейхель, предпринялъ періодическое изданіе, выходившее при университетѣ, четыре раза въ годъ, подъ названіемъ: «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія, или смѣшанная Библіотека о разныхъ Физическихъ, Экономическихъ, такожъ до Манифактуръ и до Коммерціи принадлежащихъ вещахъ». Изданіе состояло изъ переводовъ многихъ ученыхъ любопытныхъ статей; переводчиками были студенты уни-

*) Ломоносовъ, жалуясь въ одномъ письмѣ къ Шувалову (1759), по поводу своихъ мозаическихъ работъ, на „явное безсовѣстіе своихъ недоброхотовъ", говоритъ: „Въ трудолюбивой, такъ называемой, Пчелѣ напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тр.... (Тредьяковскій) совокупилъ свое глубокое незнаніе съ подлою злостію, чтобы моему раченію сдѣлать помѣшательство: здѣсь видѣть можно цѣлой комплотъ: Тр.... сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ Пчелу», и проч,

**) См. въ „Матеріал." г. Еѳремова, стр. 165.

верситета *), и между ними, какъ мы знаемъ, находился Фонъ-Визинъ печатавшій въ журналѣ Рейхеля первые литературные труды свои.

Но, какъ видно, всѣ эти журналы не удовлетворяли живымъ потребностямъ тогдашняго грамотнаго люда, не пользовались большою извѣстностію и имѣли весьма ограниченный кругъ читателей. За исключеніемъ журнала Рейхеля,—имѣвшаго въ виду болѣе ученую цѣль,—остальные поименованные журналы не имѣли никакого опредѣленнаго характера и заслуживаютъ упоминанія только, какъ первыя по времени своего появленія у насъ періодическія литературныя изданія. Изданія эти и держались-то не долго: просуществовавъ годъ, два, они прекращались. Такъ туго принимались у насъ въ первое время литературные и ученые журналы: ясное дѣло, что вначалѣ они не имѣли еще достаточнаго количества читателей для своей поддержки. Въ 1764 году, какъ мы знаемъ, прекратилось и изданіе «Ежемѣсячн. сочин.» Миллера, и затѣмъ, до 1769 года, вся періодическая литература наша ограничивалась изданіемъ «Петербургскихъ» и «Московскихъ Вѣдомостей».

Сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. Исторія ихъ появленія и прекращенія; ихъ значеніе для литературы и для общества; ихъ цѣль, содержаніе и объемъ ихъ сатиры. Сатира новиковскихъ журналовъ и ея значеніе—Тѣмъ болѣе удивительнымъ представляется то любопытное въ исторіи нашей журналистики явленіе что въ одинъ 1769 годъ появляется у насъ вдругъ нѣсколько журналовъ— и притомъ журналовъ съ одинаковымъ и рѣзко опредѣленнымъ характеромъ. Это вообще одинъ изъ весьма интересныхъ эпизодовъ въ исторіи нашей журнальной литературы прошлаго вѣка: тутъ въ ней обнаруживается какая-то необыкновенная жизненность и движеніе; въ одинъ 1769 годъ основывается, какъ мы сказали нѣсколько періодическихъ листковъ и изданій, которые быстро появляются одинъ за другимъ и почти также одновременно и быстро прекращаютъ свое существованіе. Всѣ эти журналы отличались почти исключительно сатирическимъ направленіемъ и посвящали свою дѣятельность безпощадной критикѣ нравовъ и сатирическимъ нападкамъ на пороки и темныя стороны современнаго русскаго общества, состоя, такимъ образомъ, какъ-бы въ связи съ упомянутыми нами выше сатирическими статьями Трудолюбивой пчелы Сумарокова, но отличаясь отъ послѣднихъ несравненно большими литературными достоинствами, болѣе просвѣщеннымъ и гуманнымъ взглядомъ на вещи и большимъ разнообразіемъ своей критики.

Во всѣхъ существующихъ до настоящаго времени изслѣдованіяхъ о сатирическихъ журналахъ 1769 — 1774 годовъ **) ни мало не выяснена причина

---

*) Біограф. слов. проф. и препод. москов. универ. ч. II, стр. 344.

**) При составленіи настоящаго очерка я пользовался слѣдующими источниками: 1) *Сумароковъ*, и проч. Булича (см. выше); 2) *Русскіе сатирическіе журналы 1769 — 1774 годовъ, эпизодъ изъ исторіи литературы прошлаго вѣка.* соч. А. Аѳанасьева. М. 1859; 3) имъ же г. Аѳанасьевымъ перепечатанные сатирич. журналы: *Кошелекъ, Пустомеля, Поденьщина.* М. 1858. 4) *Истор. русск. слов.* соч. А. Галахова и его же *Историч. Христом.* т. I. (Примѣчанія), 5) *Живописецъ Н. И. Новикова*, изданіе седьмое, П. А. Ефремова. СПб. 1864. 6) его же изданіе: *Трутень Н. И. Новикова*, СПб. 1865; *Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Ека-*

такого внезапнаго появленія у насъ въ прошломъ столѣтіи, и въ такой короткій періодъ времени цѣлаго ряда повременныхъ сатирическихъ изданій — въ особенности же послѣ совершеннаго затишья и даже, можно сказать, послѣ отсутствія какой бы то ни было оживленной журнальной дѣятельности передъ этимъ. Одной случайностію и подражаніемъ первому появившемуся, въ началѣ 1769 года, сатирическому листку («Всякой Всячинѣ», см. предисловіе къ «Трутню». изд. г. Ефремова) этого любопытнаго обстоятельства объяснить, кажется, нельзя. Нельзя тѣмъ болѣе, что явившіеся за «Всякой Всячиной» сатирическіе журналы чрезвычайно быстро слѣдовали одинъ вслѣдъ за другимъ. Такъ: «Всякая Всячина» начала выходить по пятницамъ съ первой же недѣли января 1709 года; въ томъ же январѣ появилось «И то и се», въ февралѣ «Ни то ни се», въ мартѣ, съ 8-го «Поденщина», съ 10-го «Полезное съ пріятнымъ» и т. д. Не слѣдуетъ-ли поэтому допустить здѣсь какого-нибудь другаго объясненія? — Нельзя-ли въ этомъ случаѣ согласиться скорѣе съ нижеслѣдующимъ предположеніемъ г. Лонгинова, высказаннымъ въ его книгѣ: «Новиковъ и московскіе мартинисты». Въ этомъ прекрасномъ трудѣ своемъ, по поводу занимающаго насъ вопроса, г. Лонгиновъ замѣчаетъ: «Екатерина сама *завѣдомо поощряла ихъ* (сатирическихъ журналовъ) изданіе и, говорятъ, имѣла ихъ между прочимъ въ виду, какъ одно изъ средствъ для развлеченія ими вниманія столичной публики, устремленнаго на военныя дѣйствія, начатыя нашими войсками въ концѣ 1768 года противъ Турокъ не очень удачно», и проч. Повторяя затѣмъ это предположеніе въ другомъ мѣстѣ, г. Лонгиновъ говоритъ: «нельзя не замѣтить, что періодъ изданія сатирическихъ журналовъ, начавшійся съ открытіемъ первой Турецкой войны, *заключается немедленно послѣ ея окончанія*»; и далѣе: «несомнѣнно то, что всѣ эти изданія прекратились именно въ ту минуту, когда предполагаемая отъ нихъ польза (въ вышеупомянутомъ отношеніи) перестала быть ощутительною». (Стр. 21 и 33). Хотя предположенія своего г. Лонгиновъ и не выдаетъ за окончательный выводъ и заключеніе, но тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ, какъ намъ кажется, серьезнаго вниманія.

Почти всѣ сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ выходили еженедѣльно, (но были и изданія ежедневныя и ежемѣсячныя, какъ напримѣръ: «Поденьщина» и «Адская Почта») и назывались «еженедѣльниками», «еженедѣльными сочиненіями», или просто «еженедѣльными листками». Каждый нумеръ, или *листъ*, состоялъ большею частію, изъ одного печатнаго полулиста — не болѣе. Вотъ перечисленіе всѣхъ этихъ журналовъ, по времени ихъ появленія:

1) Всякая Всячина (1769—1770), офиціальнымъ редакторомъ которой былъ Козицкій, Григорій Васильевичъ, — „мужъ искусный, ученый и великаго просвѣщенія, знавшій въ совершенствѣ языки: славянскій, греческій, латинскій, фран-

---

терины II, академика П. Пекарскаго, СПб. 1863 (въ Прилож. къ III тому Зап. импер. акад. наукъ); 8) *Новиковъ и московскіе мартинисты*, изслѣдованіе М. Н. Лонгиновъ, М 1866; 9) *Библіограф. Записка*, 1858 и 1859 гг. и друг.

цузскій и нѣмецкій", — какъ говоритъ о немъ новиковскій Словарь. Козицкій учился въ кіевской духовной академіи, потомъ много путешествовалъ по Европѣ съ графами Гудовичами, и по возвращеніи изъ путешествія, былъ лекторомъ, а потомъ адъюнктомъ философіи и словесныхъ наукъ при с.-петербургской академіи наукъ. Онъ учавствовалъ въ „Трудолюбивой Пчелѣ" Сумарокова и извѣстенъ вообще въ литературѣ своего времени нѣкоторыми изданіями и переводами дѣльныхъ книгъ. Въ 1769 году, т. е. во время изданія „Всякой Всячины", Козицкій служилъ при императрицѣ у принятія прошеній, а впослѣдствіи Екатерина II взяла его себѣ въ статсъ-секретари.

2) **И то и сё** (1769), подъ редакціей Чулкова, Михайла Дмитріевича.—Подобно Мих. Попову, Чулковъ также находился въ ярославской труппѣ актеровъ Волкова; получивъ нѣкоторое образованіе, онъ поступилъ потомъ на гражданскую службу и былъ секретаремъ въ сенатѣ. Любя науку и литературу, Чулковъ сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ писателей своего времени. (Многочисленныя сочиненія и изданія его перечислены у митр. Евгенія). Мы уже знаемъ, что Чулковъ собралъ и издалъ, при участіи Попова, сборникъ русскихъ пѣсенъ и сказокъ. Онъ издалъ также „славянскія сказки", „словарь русскихъ суевѣрій" и былъ издателемъ разныхъ другихъ полезныхъ словарей. Профессоръ Тихонравовъ полагаетъ, и какъ кажется, очень основательно, что Н. И. Новиковъ составилъ свой словарь о русскихъ писателяхъ, между прочимъ, при дѣятельномъ сотрудничествѣ Чулкова *). Изъ собственныхъ сочиненій Чулкова замѣтимъ въ особенности: разные сатирическіе стихи его, много „сатирическихъ писемъ" (Новиковъ, 119), сатирическую поэму: *Плачевное паденіе стихотворцевъ*, стихи: „на качели". „на семикъ" и „на масляницу", статьи о народныхъ суевѣріяхъ и обычаяхъ, и проч. которыя онъ помѣщалъ въ своихъ сатирическихъ журналахъ: „И то и сё" и „Парнасскій Щепетильникъ".

3) **Ни то, ни сё** (1769), плохой журналъ, издатель — извѣстный въ свое время стихотворецъ, В. Г. **Рубанъ**.

4) **Поденьщина** (1769), ежедневное изданіе, состоявше изъ плохихъ „сатирическихъ писемъ" самого издателя, Тувова.

5) **Смѣсь** (1769), послѣ новиковскихъ, одинъ изъ лучшихъ сатирическихъ журналовъ; издатель неизвѣстенъ.

6) **Трутень** (1769—1770), издатель Н. И. **Новиковъ** (см. ниже).

7) **Полезное съ пріятнымъ** (1769), издатель неизвѣстенъ.

8) **Адская почта** (1769), издатель **Эминъ**, Ѳедоръ Александровичъ († 1770),—личность очень оригинальная и замѣчательная. Жизнь Эмина — это цѣлый романъ, состоящій изъ сплетенія разныхъ романическихъ и противорѣчащихъ одно другому приключеній. Новиковъ, представляя въ своемъ

---

*) Отеч. Зап. 1867 г. май, кн. 2, стр. 365.

Словарѣ описаніе жизни Эмина, говоритъ, что оно составлено „по изустному его (самого Эмина) о томъ объявленію". Между тѣмъ самъ Эминъ, черезъ полтора мѣсяца послѣ пріѣзда въ Петербургъ, въ просьбѣ, поданной на итальянскомъ языкѣ императрицѣ Елисаветѣ, о принятіи его въ россійскую императорскую службу, пересказываетъ совсѣмъ иначе о своемъ происхожденіи и о приключеніяхъ своей жизни *). Затѣмъ въ книгѣ Эмина: „Путь ко спасенію" (1798 г.), изданной послѣ его смерти, издатель сообщаетъ опять два различныя извѣстія о происхожденіи и о жизни автора, и одно изъ нихъ, какъ онъ говоритъ, составлено также на основаніи показаній самого Эмина. „Изо всѣхъ разнорѣчивыхъ сказаній, чему вѣрить, неизвѣстно", какъ справедливо замѣчаетъ митроп. Евгеній, передавая въ своемъ Словарѣ всѣ эти „сказанія" о жизни Эмина. Такимъ образомъ, нельзя сказать съ точностію, къ какой народности принадлежалъ Эминъ, гдѣ онъ родился и гдѣ воспитывался. По одному разсказу, онъ родился въ одномъ изъ пограничныхъ городовъ, между Польшею и Россіею, и случайно попалъ въ руки къ какому-то іезуиту, у котораго выучился латинскому языку и другимъ наукамъ, преподававшимся въ іезуитскихъ школахъ; а потомъ, вмѣстѣ съ этимъ іезуитомъ, пустился въ путешествіе по разнымъ государствамъ Европы и Азіи. Въ Турціи съ нимъ случилось какое-то приключеніе, „котораго онъ никому не хотѣлъ объявлять", но вслѣдствіе котораго, — чтобы „избавиться вѣчной неволи", — онъ вынужденъ былъ принять магометанство и поступить въ янычары. Потомъ, на одномъ англійскомъ суднѣ, онъ уѣхалъ тайно въ Англію и жилъ въ Лондонѣ, подъ именемъ *Могомета Эмина* (вѣроятно *Мегмет-Эмина*, имя чисто мусульманское). Находясь въ Лондонѣ и пожелавъ перейти въ греко-россійскую вѣру, онъ явился къ „россійскому министру" (посланнику), князю Александру Михайловичу Голицыну, у котораго въ домовой церкви былъ окрещенъ и вскорѣ отправленъ, по собственному желанію, въ Петербургъ. — По другому разсказу самого Эмина, онъ родился въ Константинополѣ отъ отца Поляка, бывшаго въ турецкой службѣ, и отъ матери невольницы-христіанки. Отецъ выучилъ его языкамъ латинскому и польскому, а потомъ отправилъ въ Венецію для обученія итальянскому языку. Возвратившись оттуда и узнавъ, что отецъ его находится въ ссылкѣ, на островѣ Мителино, молодой Эминъ отправился туда и жилъ тамъ три года съ отцомъ, съ которымъ бѣжалъ въ Алжиръ. Потомъ, послѣ разныхъ странствованій и приключеній, онъ попалъ въ Лиссабонъ, гдѣ у какого-то кардинала обучался догматамъ христіанской

*) Просьба эта, по словамъ митр. Евгенія (Словарь, 216), „хранится и до нынѣ (до 1812 г. когда написанъ былъ Словарь) въ Иностранной Архивѣ", т. е. въ архивѣ минист. иностр. дѣлъ.

вѣры и изучилъ языки португальскій и англійскій. Оттуда уже онъ уѣхалъ въ Лондонъ, явился къ кн. Голицыну и т. д. Въ Петербургѣ Эминъ былъ принятъ сначала учителемъ въ „сухопутн. шляхетскій корпусъ", а оттуда былъ опредѣленъ переводчикомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и наконецъ въ кабинетъ, и умеръ на этой должности, въ 1770 году.

Изъ прежней же жизни Эмина за вѣрное можно признать лишь то во-первыхъ, что онъ въ 1761 году пріѣхалъ въ Петербургъ дѣйствительно изъ Лондона, по выданному ему княземъ Голицынымъ паспорту, въ которомъ сказано, что онъ пріѣхалъ въ Лондонъ изъ Константинополя и до крещенія именовался *Мехметъ Эминъ*, а послѣ крещенія Ѳедоромъ; а во-вторыхъ то, что онъ дѣйствительно странствовалъ и жилъ во многихъ странахъ Европы и Востока, потому что на это указываетъ его знаніе мног. языковъ. По словамъ Новикова, Эминъ зналъ слѣдующіе европейскіе и восточные языки: французскій, итальянскій, испанскій, португальскій, англійскій, польскій, литовскій, валашскій, греческій, турецкій, арабскій и татарскій; а изъ древнихъ — латинскій. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ невѣроятно скоро выучился по-русски, и черезъ два года сдѣлался русскимъ писателемъ. Въ теченіе девятилѣтняго пребыванія своего въ Россіи Эминъ успѣлъ напечатать болѣе 25 книгъ — переводовъ и собственныхъ сочиненій разнаго рода. Въ числѣ ихъ находятся: 1) нѣсколько романовъ, между которыми въ одномъ: „Непостоянная фортуна, или похожденіе Мирамонда" (имѣлъ три изданія) онъ описалъ, какъ увѣряютъ, свои собственныя приключенія; 2) „Россійская Исторія", 3 части, 3) „Описаніе Оттоманской Порты". 4) „Польская Исторія", переводъ, 2 тома и проч. и проч. Наконецъ онъ издавалъ (ежемѣсячно) *Адскую почту*, — одинъ изъ лучшихъ сатирическихъ журналовъ, изданный вторично подъ заглавіемъ: „Адская почта, или Курьеръ изъ ада съ письмами" (1788). Новиковъ (знавшій, какъ видно, лично Эмина) говоритъ. что онъ „имѣлъ съ природы критическій и веселый нравъ". „Адская почта" свидѣтельствуетъ дѣйствительно, какъ увидимъ, что Эминъ обладалъ сатирическими способностями и большимъ остроуміемъ; а его „Россійская исторія" и нѣкоторыя другія сочиненія, не отличаясь вовсе учеными достоинствами, свидѣтельствуютъ тѣмъ не менѣе объ обширной начитанности автора.

9) **Пустомеля** (1770), издатель неизвѣстенъ.

10) **Парнасскій Щепетильникъ** (1770), издатель М. **Чулковъ**.

11) **Трудолюбивый Муравей** (1771), издатель В. **Рубанъ**.

11) **Вечера** (1772), издатель неизвѣстенъ.

13) **Живописецъ** (1772), издатель Н. И. **Новиковъ**.

14) **Старина и Новизна** (1773—1773), издатель В. **Рубанъ**.

15) **Мѣщанина** (1773), издатель неизвѣстенъ.

16) **Кошелёкъ** (1775), издатель Н. И. **Новиковъ**.

И такъ, въ одинъ 1769 годъ появилось *восемь* сатирическихъ журналовъ, а въ теченіе времени съ 1769 по 1774 годъ, — когда эти сатирическіе листы внезапно прекратились, — ихъ выходило всего *шестьнадцать*.

Не смотря на свое кратковременное существованіе, сатирическіе журналы, возникшіе въ 1769 г., прошли не безслѣдно въ исторіи развитія русской литературы и русскаго общества новаго времени. Появленіе ихъ представляетъ вообще замѣчательную черту въ умственной жизни нашего XVIII стол. Посреди сухой и безжизненной схоластики, посреди громозвучныхъ и льстивыхъ одъ и произведеній, переполненныхъ риторики, выкроенныхъ по рутинной мѣркѣ и по правиламъ французскаго классицизма, здоровый и трезвый голосъ сатирическихъ журналовъ составляетъ, безъ сомнѣнія, самое жизненное явленіе въ тогдашней литературѣ. Почерпая матеріалы для своихъ описаній и картинъ изъ дѣйствительной, повседневной жизни и изображая явленія послѣдней въ ихъ настоящемъ видѣ, безъ всякихъ прикрасъ и ложной идеализаціи, они много способствовали къ отрѣшенію литературы отъ ложно-классическихъ теорій и къ ея сближенію съ дѣйствительностію. Обращеніе сатирическихъ журналовъ къ вопросамъ общественнымъ и народнымъ — съ одной стороны расширяло кругъ литературныхъ изображеній и вносило въ литературу народныя стихіи, а съ другой — значительно увеличило массу русской читающей публики, и тѣмъ давало литературѣ большую возможность имѣть вліяніе и дѣйствовать на общество.

Главная цѣль всѣхъ названныхъ журналовъ заключалась, какъ мы сказали, въ обличеніи темныхъ сторонъ современной дѣйствительности; а главнымъ орудіемъ для обличенія имъ служила сатира, — болѣе или менѣе обширная, болѣе или менѣе рѣзкая и безпощадная, смотря по понятіямъ о сатирѣ ихъ издателей, по мѣрѣ предоставленной имъ свободы слова и по степени литературнаго таланта самихъ журналистовъ. Каждый изъ издателей тогдашнихъ журналовъ являлся въ своихъ сатирическихъ листкахъ бойцемъ за просвѣщеніе и науку, и во имя ихъ вступалъ въ борьбу съ невѣжествомъ, съ предразсудками и суевѣріями и съ дикими понятіями, господствовавшими въ обществѣ. Такимъ образомъ, темныя явленія и пороки тогдашней общественной и семейной жизни, проистекавшіе отъ невѣжества, во всѣхъ его видахъ, или отъ ложнаго просвѣщенія, подвергались обличенію сатирическихъ журналовъ. Они вооружались: противъ неправосудія и лихоимства судей и приказныхъ, противъ ябеды и крючкотворства, противъ недостатковъ воспитанія, противъ дурнаго воспитанія (французскихъ гувернеровъ и учителей), противъ внѣшняго европеизма и слѣпаго подражанія иностранцамъ, противъ усвоенія французскихъ нравовъ и языка, противъ пристрастія къ французскимъ модамъ и происходившихъ оттуда мотовства и роскоши, противъ различныхъ суевѣрій, предразсудковъ, ханжества и грубости нравовъ, противъ безпорядочной жизни въ супружествѣ.

Воодушевляясь тѣми гуманными принципами и стремленіями, которые съ воцареніемъ Екатерины II открыто провозглашались съ престола и стали выражаться до извѣстной степени въ законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ правительства, журнальная сатира (подобно сатирѣ Фонъ-Визина) тѣсно

примкнула къ его просвѣтительной дѣятельности, сдѣлалась его усердной союзницей и помощницей и, подъ покровомъ власти, смѣло вооружилась противъ обскурантизма и нравственныхъ и общественныхъ недуговъ современнаго общества, препятствовавшихъ, по мнѣнію сатириковъ, народному и государственному развитію отечества. Изъ этого ясна благородная, патріотическая цѣль сатирической литературы временъ Екатерины. Но такая тѣсная связь литературной сатиры съ дѣйствіями и предначертаніями правительства, составляя ея силу, стѣсняла въ тоже время объемъ и кругъ ея дѣятельности, ограничивала ея содержаніе и придавала ей характеръ и значеніе сатиры служебной, внушенной свыше и зависящей отъ внѣшнихъ вліяній,—а не сатиры самобытный и свободной, какова должна быть вообще всякая общественная сатира. Далѣе, въ своемъ очеркѣ мы приведемъ, насколько это возможно въ нашемъ изданіи, болѣе характеристическія выписки изъ лучшихъ сатирическихъ журналовъ, и читатель увидитъ самъ, какъ жива и занимательна была ихъ сатира и какимъ строгимъ единствомъ направленія была она проникнута, касаясь всегда самыхъ живыхъ интересовъ современнаго общества.

Рядъ сатирическихъ листковъ, появившихся въ 1769 году, начался съ *Всякой Всячины*, издателемъ которой считали Козицкаго. Но, по новѣйшимъ розысканіямъ г. Пекарскаго (см. въ III т. Записокъ акад. наукъ указанную статью), открывается, что на редакцію *Всякой Всячины* имѣла рѣшительное вліяніе сама Екатерина II, что она писала статьи для этого журнала и что нѣсколько чертъ, которыми обрисовываетъ себя въ предисловіи къ читателю неизвѣстный редакторъ этого журнала, вовсе нейдутъ къ Козицкому. *Всякая Всячина*, какъ и большая часть сатирическихъ журналовъ того времени, выходила еженедѣльными листками; первый листокъ ея появился съ такимъ объявленіемъ: «Симъ листомъ бью челомъ, а слѣдующій впредь изволь покупать». Въ листкахъ *Всякой Всячины* хотя и встрѣчаются тѣ же нападки на подъячихъ, тѣ же картины дурнаго воспитанія, невѣжества, суевѣрія, ханжества, мотовства дворянъ и т. п., но тѣмъ не менѣе — это былъ самый скромный изъ всѣхъ сатирическихъ журналовъ по своимъ обличеніямъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлію — «давать людямъ наставленія, забавляя ихъ». Въ предисловіи къ читателю его издатель говоритъ: «иногда дамъ вамъ полезныя наставленія, иногда будете смѣяться». *Всякая Всячина* болѣе всѣхъ другихъ журналовъ семидесятыхъ годовъ подражала иностраннымъ нравственно-сатирическимъ изданіямъ, въ особенности англійскимъ: Стиля и Аддисона *), нерѣдко заимствуя у нихъ матеріялы для своихъ статей и принаровляя ихъ къ русской жизни. Потому она помѣщала у себя статьи болѣе нравоучительнаго, нежели сатирическаго направленія, — хотя нельзя сказать, чтобы и въ ея ли-

*) Эти англійскіе журналы: „Tattler" (Болтунъ) „Spectator" (Зритель) и Guardian (Блюститель) породили много подобныхъ себѣ подражаній во Франціи и въ Германіи. См. характеристику этихъ журналовъ въ „Critical and Historical Essays," by *Macaulay*. Vol. V (Tauchn. edit.), статью: *The Life and Writings of Addison*. См. также *Гетнера*: „Исторія литерат. XVIII стол. т. I.

сткахъ не встрѣчались иныя, довольно рѣзкія, сатирическія выходки. Таковы въ особенности ея изображенія стариннаго дворянскаго быта, картины стариннаго воспитанія, ея нападки на приказныхъ, какъ напримѣръ: объясненіе выраженія «барашекъ въ бумажкѣ», означавшаго на приказномъ языкѣ взятку, или слѣдующія, составленныя ею десятъ «нравоучитеныхъ заповѣдей подъячимъ»: 1) «Не бери взятокъ. 2) Не волочи дѣла, отъ тебя зависящаго. 3) Не сотвори крючковъ. 4) Не обходися грубо съ людьми. 5) Не говори челобитчикамъ: *завтра*. 6) Не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣлъ и законовъ выписей. 7) Не давай наставленій въ ябедѣ. 8) Не напивайся пьянъ. 9) Чеши всякій день голову, ходи чисто. 10) Покинь трусость въ разсужденіи иныхъ, и дерзость въ разсужденіи другихъ».

Всякая Всячина сама не шла, однако, слишкомъ далеко въ своихъ обличеніяхъ, болѣе ограничиваясь отвлеченными моральными разсужденіями о порокахъ и добродѣтеляхъ и не нападая открыто на порочныя личности, и требовала того же отъ другихъ сатирическихъ изданій, вызванныхъ ея примѣромъ въ 1769 году. Изданія эти хотя и полемизировали со *Всякой Всячиной*, но въ большинствѣ случаевъ не выходили изъ ея собственной программы и направленія: она задавала имъ тонъ, указывала предметы для сатиры и совѣтовала имъ удерживать въ границахъ умѣренности ихъ ревность къ обличенію. *Всякой Всячинѣ* – говоритъ г. Пекарскій—замѣтно не нравилось размноженіе сатирическихъ листковъ, и тамъ высказано: «Мимоходомъ дадимъ примѣтить читателю, что современи размноженія у насъ земляныхъ яблокъ еще не было ничего такъ плодовито, какъ *потомстство Всякія Всячины* (т. е. появленіе вслѣдъ за нею многихъ сатирическихъ листковъ, къ которымъ она относилась нѣсколько презрительно, какъ къ своимъ подражателямъ). Но всего болѣе не нравились ей, по словамъ г. Пекарскаго, рѣзкость и рѣшительность обличеній своихъ собратовъ-издателей и она нерѣдко давала замѣтить, что имъ слѣдуетъ писать не все же одни обличенія, но также не пропускать «описывать твердаго блюстителя вѣры и закона, хвалить сына отечества, пылающаго любовію и вѣрностію къ государю» и т. п. Впрочемъ, подобные совѣты мало слушало журнальное «потомство» *Всякой Всячины*, такъ что ей самой пришлось взять на себя осуществленіе ихъ, почему она и помѣстила на своихъ страницахъ нѣсколько статеекъ, гдѣ уже нѣтъ и помину о сатирѣ, а есть похвалы и защита существовавшему порядку» *). Такое направленіе *Всякой Всячины*, при непосредственномъ сотрудничествѣ въ ней Екатерины II, достаточно объясняетъ важность ея значенія въ ряду сатирическихъ изданій семидесятыхъ годовъ, на характеръ и содержаніе которыхъ она должна была имѣть рѣшительное вліяніе.

Тѣмъ не менѣе лучшіе изъ этихъ журналовъ: *Адская Почта* Эмина, *Вечера* и *Смѣсь* неизвѣстныхъ, а въ особенности новиковскіе журналы: *Трутень* и *Живописецъ* не слушались наставленій *Всякой Всячины* и во многихъ

---

*) См. статью, указанную выше.

случаяхъ нападали рѣзко и смѣло на пороки и недостатки современнаго общества.

Формы, въ которыхъ проявлялись эти сатирическіе нападки названныхъ журналовъ, были самыя разнообразныя и пестрыя. *Адская Почта* Эмина въ этомъ отношеніи отличалась въ особенности остроумною формою своей сатиры. Она представляла «адскія вѣдомости», или *переписку* двухъ бѣсовъ, служившихъ въ адской республикѣ: *хромоногаго и криваго*. Идея адской переписки между бѣсами, вѣроятно, внушена была Эмину извѣстнымъ сатирическимъ романомъ *Лесажа*: «Хромоногій бѣсъ» (Le diable boiteux). Оба эти бѣса были отправлены изъ ада на землю и вели между собою переписку, въ которой изображались различныя пороки и недостатки въ общественныхъ и семейныхъ нравахъ русскаго современнаго общества. Такъ въ нихъ рисовались: портреты и характеристики взяточниковъ-секретарей, дурныхъ судей, казнокрадовъ и т. п. Самая злая изъ подобныхъ характеристикъ въ *Адской почтѣ* — это характеристика *таможенной крысы*. Обличеніе злоупотребленій на судѣ дѣлались прямо и открыто не только въ *Адской почтѣ*, но и во всѣхъ прочихъ сатирическихъ журналахъ. *Адская почта*, напримѣръ, разсказываетъ: У одного мясника увели быка. Какъ скоро узналъ мясникъ вора, онъ сейчасъ же отправился въ канцелярію, билъ челомъ секретарю и вѣдая канцелярскіе обычаи, впустилъ ему въ руки два *крестовика*. Секретарь сдѣлалъ истцу приличный выговоръ: «я, другъ мой, не такой человѣкъ, чтобы взятки брать», и *опустилъ деньги въ карманъ*. Воръ былъ отысканъ и представленъ, но отдѣлался имперіаломъ, а мясника началъ секретарь допрашивать *по формѣ*, т. е. о чемъ не надобно, и «завелъ матерію, которой мужикъ не разумѣлъ». Онъ началъ допросы почти отъ потопа. Мужикъ путался, отвѣчалъ не кстати, ибо не кстати его спрашивали. Наконецъ составлено судейское опредѣленіе, что мясникъ *въ рѣчахъ своихъ замѣшался*, и рѣшено его высѣчь за напрасное оклеветаніе ближняго. Мужикъ подалъ апелляцію, и *Адская почта* по поводу этой апелляціи замѣчаетъ: «Мало же добра будетъ мяснику, когда дѣло пошло на апелляцію. Ежели онъ молодъ, лѣтъ двадцати не больше, то, можетъ статься, дождется конца своего дѣла». Этотъ же журналъ разсказываетъ какими любопытными юридическими уловками старались въ то время обходить указъ, запрещавшій продажу крестьянъ въ рекруты. *Адская почта* замѣтила, что въ этомъ, равно какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, приказные «умѣютъ подбирать указы, какъ игроки карты». (Книга г. Афанасьева).

Взятка на прежнемъ подъяческомъ языкѣ называлась *акциденція* или *барашекъ въ бумажкѣ*. *Адская почта* по поводу взятокъ говоритъ: «Хотя многіе указы гласятъ, чтобъ приказные не брали взятокъ; но они увѣряютъ, что ничего не брать отъ просителей есть дѣло сверхъестественное... Теперь многіе изъ сихъ господъ выдумали средства воровать *политическимъ образомъ*, то есть сами взятокъ не берутъ», а берутъ черезъ своихъ женъ, заставляютъ просителей проигрывать себѣ въ карты большія суммы денегъ, и проч. «Прежде мужъ одинъ плутовалъ, а теперь съ женою»... теперь «нѣкоторые

приказные *грабятъ благороднымъ способомъ*», — замѣчаетъ *Адская почта*. (Тамъ-же).

Ябедѣ и крючкотворству особенно доставалось отъ сатирическихъ журналовъ. «Все поглощаетъ ненасытное время»! восклицаетъ журналъ *Вечера*: «не исчезаютъ однѣ ябеды и крючкотворства; они отъ потомства въ потомство переходятъ, узловатѣе становятся, крючки больше растутъ, подъячіе богатѣютъ»! (Тамъ-же).

Послѣ сатирическихъ портретовъ неправедныхъ судей и взяточниковъ, такіе же портреты современныхъ щеголей, или «петиметровъ»,—какъ тогда ихъ называли, — и щеголихъ, ведшихъ пустую, безсодержательную жизнь и тратившихъ на это громадныя суммы своихъ доходовъ, встрѣчаются постоянно почти во всѣхъ сатирическихъ журналахъ. Они безпощадно преслѣдовали мотовство и роскошь въ современномъ обществѣ. Такое же безпощадное обличеніе и сатирическія насмѣшки мы находимъ здѣсь противъ французовъ — гувернёровъ и гувернантокъ и иностранныхъ учителей вообще, проживавшихъ у русскихъ баръ, которые довѣряли имъ воспитаніе своихъ дѣтей. Журналы доказывали, что большинство этихъ учителей и учительницъ были совершенные невѣжды и скорѣе извращали, чѣмъ воспитывали русскихъ юношей и дѣвушекъ, вселяли въ нихъ презрѣніе ко всему родному, русскому и т. п. *Адская почта* и *Трутень* указывали примѣры, что многіе изъ иностранныхъ гувернёровъ и учителей занимаются въ Россіи больше торговыми спекуляціями, чѣмъ обученіемъ дѣтей.

Примѣры насмѣшекъ надъ современнымъ моднымъ свѣтомъ, надъ французами-гувернёрами и учителями приведены во множествѣ почти изо всѣхъ сатирическихъ журналовъ въ книгѣ г. Аѳанасьева.

Въ большинствѣ случаевъ журнальная сатира выражалась въ формѣ переписки между придуманными лицами, въ которыхъ рисовались портреты разныхъ порочныхъ личностей, носившихъ прозрачныя названія: *Нахрапцевыхъ*, *Вертяевыхъ*, *Стозмѣевыхъ*, *Самолюбовъ*, *Злорадовъ* и т. п. — прямо указывавшія на ихъ качества. Употреблялись еще формы «сатирическихъ вѣдомостей», діалоговъ издателя съ своими подписчиками, «картинъ», словарей, сатирическихъ объявленій, или же «лечебниковъ», гдѣ изображались различные нравственные недуги, для излѣченія которыхъ прописывались больнымъ «рецепты» (напримѣръ «рецептъ для его превосходительства г. Недоума», такіе же рецепты: судьѣ, купцу, *Злораду*, *Безразсуду*, *Недозрѣлу* и т. д.) Факты, вызывавшіе сатиру, подмѣченные издателями журналовъ и почерпавшіеся ими прямо изъ современной дѣйствительности, были теперь, конечно, многочисленнѣе и разнообразнѣе, нежели въ произведеніяхъ предыдущихъ сатирическихъ писателей. Но сущность журнальной сатиры, главные мотивы ея и предметы оставались почти тѣ же самые, что и у послѣднихъ. Какъ сатира Кантемира ратовала за дѣло Петра и преслѣдовала явленія русской жизни, противорѣчившія цѣлямъ правительственной реформы, такъ и сатира журналовъ семидесятыхъ годовъ вооружалась противъ тѣхъ сторонъ современной жизни, которыя противорѣчили реформамъ Екатерины II, и находилась, такимъ образомъ, въ тѣсной

связи съ преобразовательною дѣятельностію правительства,—какъ мы уже это сказали.

Между всѣми сатирическими журналами семидесятыхъ годовъ лучшими во всѣхъ отношеніяхъ были журналы Новикова: *Трутень* и *Живописецъ*. Ихъ талантливый издатель, горячо преданный дѣлу развитія народнаго (какъ мы увидимъ ниже), взглянулъ гораздо глубже и серьёзнѣе своихъ собратовъ-издателей на значеніе общественной сатиры и критику нравовъ. Обладая просвѣщеннымъ и свѣтлымъ взглядомъ на вещи и высокимъ чувствомъ истиннаго патріотизма, Новиковъ повелъ дѣло своихъ журналовъ смѣло и самостоятельно, не нуждаясь въ постороннихъ указаніяхъ на предметы и явленія, противъ которыхъ должна возвышать свой голосъ общественная сатира. Сатира, по мнѣнію Новикова, имѣя цѣлію исправленіе общественныхъ нравовъ, должна нападать не только на порокъ, въ его отвлеченномъ видѣ, но главнымъ образомъ — на порочныя личности и темныя явленія въ жизни общества, служа притомъ вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности, какова бы она ни была; потому что — какъ говорилъ Новиковъ — «зеркало не виновато, коли рожа крива». Его журналы подняли открытую борьбу противъ злоупотребленій и невѣжества, въ рѣзкихъ сатирическихъ статьяхъ, съ ѣдкой ироніей нападали на все грубое, безнравственное и безчеловѣчное въ жизни современнаго русскаго общества. Новиковъ первый затронулъ здѣсь важнѣйшіе изъ общественныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ, вопросъ о крѣпостномъ правѣ и о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти: въ нѣсколькихъ статьяхъ о тяжкомъ состояніи русскаго крестьянства того времени онъ отнесся съ искреннимъ чувствомъ любви къ ближнему и съ горячей симпатіей къ низшимъ классамъ народа, объ участіи къ которымъ, до Новикова, мы почти не встрѣчаемъ никакихъ заявленій во всей тогдашней литературѣ. Правда, противъ злоупотребленій помѣщиковъ вооружался и «Наказъ» Екатерины (§§ 269, 277, 370 и друг.), гдѣ говорится, что помѣщики облагали крестьянъ тяжкими оброками, отчего падало земледѣліе, уменьшалось народонаселеніе и нищалъ народъ; въ сочиненіяхъ Екатерины, равно какъ и въ сатирическихъ (не новиковскихъ) журналахъ тоже встрѣчаются нападки на жестокое обращеніе съ людьми, происходившее отъ грубости нравовъ и невѣжества; но ни тогдашнее правительство, ни литература не подымали такъ прямо и рѣшительно вопроса объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, какъ это сдѣлалъ Новиковъ въ названныхъ статьяхъ своихъ, помѣщенныхъ и въ *Трутнѣ* и въ *Живописцѣ*. Къ болѣе замѣчательнымъ изъ такихъ статей и по содержанію и по внѣшней формѣ изложенія принадлежатъ: «Копія съ крестьянскихъ отписокъ» и «Копія съ помѣщичьяго указа» въ *Трутнѣ*, «Письмо уѣзднаго дворянина къ Ѳалалею» и «Отрывокъ путешествія въ ***», И. Т. въ *Живописцѣ*. «Новиковъ первый — говоритъ профес. Тихонравовъ — показалъ оборотную сторону медали своего блистительнаго времени. Среди звуковъ торжественныхъ лиръ онъ заговорилъ о томъ, «какъ мало помѣщики имѣютъ попеченія о земледѣліи, и какъ велики недостатки тѣхъ *бѣдныхъ тварей*, которыя богатство и величество государства составлять должны». Изъ-за облачныхъ пареній онъ сводилъ читателя на дѣй-

ствительную почву, и отъ созерцанія «золотаго вѣка Астреи» возвращалъ къ тяжелымъ, можетъ быть, но всегда поучительнымъ наблюденіямъ надъ настоящимъ... «Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною во образѣ крестьянъ», говоритъ одинъ изъ новиковскихъ журналовъ, и Новиковъ могъ только думать о филантропическихъ учрежденіяхъ для будущаго этихъ «бѣдныхъ тварей»,—и восклицаетъ: «О солнце, лучами щедротъ своихъ Россію озаряющее! призри на сихъ несчастныхъ» *).

Вооружаясь противъ идиллическихъ поэтовъ и писателей своего времени, воспѣвавшихъ въ своихъ «пастушескихъ пѣсняхъ» и ложныхъ изображеніяхъ сельской жизни «блаженство дней» русскаго крестьянина, Новиковъ, смѣется съ ѣдкой ироніей, надъ однимъ изъ такихъ идиллическихъ поэтовъ (въ *Живописцѣ*): «Творецъ сего блаженства — говоритъ онъ — хотя знаетъ всю цѣну завидныя сея жизни, однакожь живетъ въ городѣ, въ суетахъ сего міра; а сіе, какъ сказываютъ, дѣлаетъ онъ ради двухъ причинъ: первое, что въ нашихъ долинахъ зимою много бываетъ снѣга; а второе, что ежели бы онъ туда переселился, то городскіе жители совсѣмъ позабыли бы блаженство пастушеской жизни. Читатель ему отвѣтствуетъ: «чужую душу въ рай, а самъ ни ногою». Бѣдный авторъ, ты и другихъ и себя обманываешь»! Подобныхъ бездарныхъ поэтовъ и писателей, изображавшихъ фальшиво дѣйствительную жизнь, рѣзко преслѣдовали новиковскіе журналы, и *Трутень* замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что скорѣе къ нимъ, нежели къ подъячимъ должно быть отнесено прозвище «крапивнаго сѣмени».

Сатира *Трутня* и *Живописца*, нападая на тѣ же темныя стороны современной жизни, противъ которыхъ вооружались и другіе сатирическіе журналы, отличалась, однако, отъ сатиры послѣднихъ своимъ рѣзкимъ, рѣшительнымъ тономъ и неумолимою безпощадностію и всегда умѣла указать на новую, важнѣйшую сторону вопроса. Нападки Новикова на грубость нравовъ, дурное воспитаніе, суевѣріе и предразсудки, ложную набожность, вельможную спесь, лихоимство и злоупотребленія судей и т. д. дышатъ гораздо большею силою убѣжденія и искреннею ненавистію сатирика ко злу, и даже по внѣшней формѣ своей, по способу изложенія и языку, — всегда простому, естественному и близкому къ разговорной рѣчи, — рѣзко отличаютъ сатирическія статьи Новикова отъ подобныхъ имъ обличительныхъ статей другихъ современныхъ писателей и указываютъ на его превосходный сатирическій талантъ. Письма: «Уѣзднаго дворянина къ его сыну» и «Сыну моему Ѳалалею» отъ его отца Трифона Панкратьевича, матери Акулины Сидоровны и дяди Ермолая Терентьевича (въ *Живописцѣ*), по ихъ лукавому юмору и злой ироніи и по ихъ живому языку, представляютъ въ этомъ отношеніи образецъ совершенства въ нашей сатирической литературѣ. Трофимъ Панкратьевичъ пишетъ своему Ѳалалеюшкѣ и такъ жалуется въ письмѣ на новыя времена и на новые порядки: «Да полно нынче и винцо-то въ сапогахъ ходитъ; экое времячко;

*) „Четыре года изъ жизни Карамзина", Н. Тихонравова, (Русск. Вѣстн. 1862 г. № 4-й, стр. 733—736).

вотъ до чего дожили, что и вина своего не льзя привесть въ городъ; пей де вино государево съ кружала, да дѣлай прибыль откупщикамъ. Вотъ какое разсужденіе! А говорятъ, что всіо хорошо дѣлаютъ; по этому скоро и изъ своей муки нельзя будетъ испечь пирога. Да што ужъ и говорить, житье то наше дворянское нынѣче стало очень худенько. Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: да чортъ-ли ето слыхалъ, прости Господи, какая вольность? Дали вольность, *а ничего не можно своею волею сдѣлать;* не льзя у сосѣда и земли отнять: въ старину то было намъ больше вольности, бывало отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ да проси, такъ еще десять полей потеряетъ; а вина бывало кури, сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашъ на сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его голову: то-то была воля-то!.... Нѣтъ ста, кто што ни говори, а старая воля лучше новой. Нынче только и воли, што можно вытить изъ службы, да поѣхать за море; а не слыхать што тамъ дѣлать? Хлѣбатъ мы и здѣсь ѣдимъ, да таковожъ живемъ. А изъ службы тогда хоть и невольно было вытить, такъ были на ето лѣкари: отнесешь ему *барашка въ бумажкѣ*, да судьѣ другова, такъ и отставятъ за болѣзнями. Да ужъ, бывало, какъ пріѣдешь въ деревню та, такъ ето наверстаешь: былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ сосѣди и не куркай. То-то было житье! Ты, Ѳалалеюшка, не запомнишь етого», и проч. (*Живопис.* издан. VII, стр. 92—93). Далѣе Трифонъ Панкратьевичъ сообщаетъ сыну: «Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ *Брюжжаловъ*, и привезъ съ собою какіе то печатные листочки, и будучи у меня читалъ ихъ. Что ето у васъ Ѳалалеюшка, дѣлается, никакъ съ ума сошли всѣ дворяне? чего они смотрятъ, да я бы ему проклятому и ребра живова не оставилъ. Што за живописецъ такой у васъ проявисля! Какой нибудь Нѣмецъ, а православной етова не написалъ бы. Говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называетъ ихъ тиранами, а того проклятой и не знаетъ, што въ старину тираны бывали не крещеные, и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Четы Минеи; а наши мужики вить не святые: какъ же намъ быть тиранами?» (Ibid. 94).

Тѣмъ же духомъ и тою же рѣзкостію и смѣлостію сатиры отличаются и вышеупомянутыя статьи: «Копія съ крестьянской отписки» и «Копія съ помѣщичьяго указа» въ *Трутнѣ* и «Отрывокъ изъ путешествія въ ***, И. Т.» въ *Живописцѣ*.

Въ обличеніи взяточниковъ, казнокрадовъ, судейскихъ злоупотребленій, или «судейской науки», — которая, по словамъ одного судьи въ *Трутнѣ*, «вся въ томъ и состоитъ, чтобы умѣть *искусненько пригибать указы по своему желанію*, въ чемъ и секретари намъ много помогаютъ», — новиковскіе журналы также пошли гораздо далѣе и рѣшительнѣе всѣхъ прочихъ сатирическихъ листковъ. Въ *Трутнѣ* разсказывалось, напримѣръ, какъ судьи того времени умышленно впутывали людей въ уголовныя дѣла, взводили на нихъ небывалыя преступленія, и чтобы вынудить въ томъ ихъ признаніе, самопроизвольно допускали пытки при судебныхъ разбирательствахъ. При одномъ изъ подобныхъ разсказовъ, Новиковъ восклицаетъ: «О просвѣщеніе, даръ небесный! расторгни скорѣе завѣсу незнанія и жестокости для защищенія человѣчества».

Трутень занималъ первое мѣсто между сатирическими журналами, появив-

шимся въ 1769 г. и имѣлъ большой успѣхъ въ публикѣ, такъ что черезъ шесть мѣсяцевъ потребовалось сдѣлать второе изданіе его. Но рѣзкость сатиры *Трутня* вызвала противъ него ярую полемику въ журналахъ противоположнаго направленія, особенно во «Всякой Всячинѣ», и уже во второе полугодіе своего существованія. *Трутень* сдѣлался гораздо слабѣе и не помѣщалъ болѣе сатирическихъ замѣтокъ, а къ концу года (т. е. въ апрѣлѣ 1770) долженъ былъ совершенно прекратиться. Въ этомъ же году, сдѣлавшись мало интересными и безцвѣтными въ своихъ обличеніяхъ, прекратились и другіе сатирическіе листки, —«вѣроятно вслѣдствіе равнодушія къ нимъ публики», замѣчаетъ г. Пекарскій.

Въ 1772 году Новиковъ опять, однако, принимается за изданіе сатирическаго журнала (*Живописца*). Данная въ это время на театрѣ комедія императрицы «О время»! гдѣ рѣзко осмѣивались современные пороки, представила Новикову благопріятный случай къ основанію новаго сатирическаго листка, который онъ и посвятилъ: «Неизвѣстному г. сочинителю комедіи О время»! т. е. Екатеринѣ II. Въ посвященіи онъ прямо объявилъ, что единственно только примѣръ этой комедіи заставилъ его вновь выступить въ свѣтъ съ сатирическимъ изданіемъ. Притворяя ь, что ему неизвѣстенъ авторъ комедіи, Новиковъ говоритъ: «Вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствующіе; вы первый заставили слушать съ пріятностію и удовольствіемъ ѣдкость сатиры, безпристрастно осмѣивающей и низкостепеннаго порочнаго человѣка и превосходительство, удрученное пороками; вы открыли мнѣ дорогу, вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единоземцемъ; безъ вашего примѣра не отважился бы я напасть на пороки», и проч. При этомъ Новиковъ прибавлялъ: «хотѣлъ бы я просить васъ, чтобы вы сдѣлали честь моему журналу сообщеніемъ какого-либо изъ вашихъ мелкихъ сочиненій». Екатерина, принявъ благосклонно посвященіе *Живописца*, въ остроумномъ отвѣтѣ на письмо Новикова (напечатанномъ въ *Живописцѣ* обѣщала ему «съ охотою» присылать свои сочиненія для помѣщенія въ его журналѣ.

Живописецъ возбудилъ къ себѣ еще большее сочувствіе публики, нежели *Трутень* и пользовался необыкновеннымъ успѣхомъ: грамотные люди читали его съ жадностію. Новиковъ, чтобы удовлетворить требованію публики на свой журналъ, сдѣлалъ пять изданій *Живописца* еще въ царствованіе Екатерины, включивъ въ три послѣднія изданія лучшіе сатирическіе очерки изъ *Трутня* и выбросивъ изъ нихъ всѣ безцвѣтныя и мало-интересныя статьи. Такой успѣхъ Живописца Новиковъ (въ предисловіи къ пятому изданію, 1793) объясняетъ тѣмъ, что журналъ его «пришелъ на вкусъ нашихъ мѣщанъ» (разумѣя подъ этимъ словомъ не только то городское сословіе, которое теперь оффиціально обозначается названіемъ мѣщанъ, но вообще «средній классъ»); «ибо — продолжаетъ Новиковъ — у насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ихъ чужестранныхъ языковъ, нравятся; напротивъ того, книги, на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ».

Въ первыя мѣсяцы изданія *Живописца* (выходившаго также еженедѣльными листками), сатира его была жива, остроумна и увлекательна. Въ превосходной статьѣ: «Авторъ къ самому себѣ», которой начинается листъ 2 й *Живописца*, и гдѣ авторъ говоритъ, что журналъ его принимаетъ названіе «такого» живописца, который будетъ «изображать *наисокровеннѣйшіе* въ сердцахъ человѣческихъ пороки», Новиковъ обратился къ самому себѣ съ такимъ требованіемъ: «Требую отъ тебя, чтобы ты въ сей дорогѣ (въ изданіи сатирическаго журнала) никогда не разлучался съ тою прекрасною женщиною, съ которою иногда тебя видалъ: ты отгадать можешь, что она называется *Осторожностію*». (Ibid. стр. 12). Но не смотря на то, что Новиковъ, наученный примѣромъ *Трутня*, былъ сколько возможно остороженъ въ своихъ сатирическихъ замѣткахъ, и не смотря на то, что онъ поставилъ себя и свой журналъ подъ защиту самой императрицы,—уже первые листки *Живописца* возбудили противъ него ярыя нападки. Новиковъ сдѣлался еще осмотрительнѣе, сатира его значительно ослабѣла, содержаніе его журнала становилось все менѣе и менѣе интереснымъ, а наконецъ *Живописецъ*, подобно *Трутню*, долженъ былъ къ концу годапрекратиться.

Начатое въ 1774 г. Новиковымъ сатирическое изданіе: *Кошелекъ* уже не представляло для публики того интереса и занимательности, которые она находила въ *Трутнѣ* и *Живописцѣ*. *Кошелекъ* почти исключительно былъ посвященъ сатирѣ на тѣ явленія въ жизни современнаго русскаго общества, которыя происходили отъ крайняго увлеченія всѣмъ иноземнымъ, — преимущественно французскимъ, — и преслѣдовалъ современную галломанію во всѣхъ ея проявленіяхъ: въ довѣріи воспитанія русскаго юношества невѣжественнымъ французскимъ гувернёрамъ и учителямъ, въ исключительномъ употребленіи французскаго языка, какъ языка разговорнаго, въ русскомъ обществѣ, въ подражаніи французскимъ модамъ въ одеждѣ, въ манерахъ и т. д. Словомъ Новиковъ вооружался въ своемъ журналѣ противъ тѣхъ явленій въ жизни тогдашняго русскаго общества, которыя за десятъ лѣтъ передъ тѣмъ уже были выставлены Фонъ-Визинымъ въ довольно яркихъ и рѣзкихъ картинахъ въ его *Бригадирѣ*.

Журнальная сатира послѣ 70-хъ годовъ. — Начавшись однажды, сатирическій элементъ въ нашей журнальной литературѣ не исчезалъ и послѣ прекращенія журналовъ семидесятыхъ годовъ. Сатира продолжалась въ «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова», — о которомъ мы говорили; въ журналѣ издававшемся нашимъ извѣстнымъ баснописцемъ, И Крыловымъ, тогда еще 20-ти лѣтнимъ юношей: «Почта духовъ», съ которымъ онъ выступилъ на литературное поприще въ концѣ пошлаго вѣка; а потомъ въ его же журналѣ «Зритель», въ «Сатирическомъ вѣстникѣ», Н. Страхова и въ другихъ.

«Собесѣдникъ» издавался по мысли и подъ редакціей директора академіи, кн. Дашковой, при дѣятельномъ участіи и сотрудничествѣ самой императрицы, которая печатала здѣсь, какъ мы знаемъ, свои сатирическія статьи. Державинъ, Фонъ-Визинъ почти всѣ извѣстнѣйшіе писатели того времени также помѣщали въ «Собесѣдникѣ» свои сочиненія. О характерѣ сатирическихъ статей императрицы Екатерины II: «Были и небылицы», помѣщавшихся въ Собесѣдникѣ, мы уже говорили. Затрогивая слегка ханжество и суевѣрія въ современныхъ

русскихъ нравахъ, нападая въ особенности на современныхъ модниковъ и модницъ, на мотовство и т. п., статьи эти оставляли въ сторонѣ собственно вопросы общественные, подслуживаніе и выслуженіе предъ высшими, грубость и жесткое обращеніе высшихъ съ низшими и другія неблаговидныя черты въ современныхъ русскихъ нравахъ, «Собесѣдникъ» начался въ маѣ 1783 года и прекратился въ сентябрѣ слѣдующаго 1784 года, выдавъ всего 16 ежемѣсячныхъ книжекъ, и занимаетъ вообще очень видное мѣсто въ литературѣ нашей прошлаго вѣка, по участію въ немъ всѣхъ литературныхъ знаменитостей того времени. Мы знаемъ, что здѣсь была напечатана впервые «Фелица» Державина и «вопросы» Фонъ Визина, съ отвѣтами на нихъ Екатерины. Но тѣмъ не менѣе «Собесѣдникъ» не имѣлъ, какъ кажется, большаго успѣха въ публикѣ. На это указываетъ и то обстоятельство, что продажная цѣна его книжекъ была постоянно понижаема: въ началѣ была объявлена цѣна каждой книжкѣ по 1 рублю, потомъ по 80 коп. и наконецъ по 50 коп. и все таки журналъ расходился плохо.

Въ «Почтѣ духовъ» *), по примѣру «Адской Почты» Эмина, помѣщалась переписка подземныхъ и другихъ безплотныхъ духовъ съ какимъ-то восточнымъ философомъ о томъ, что совершается на земли.

Въ перепискѣ этой встрѣчается мѣстами ѣдкая и язвительная сатира и живое затрогиваніе нѣкоторыхъ нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ, быть можетъ, даже намеки на современность. Но тѣмъ не менѣе и журналъ Крылова почему-то не имѣлъ успѣха. «Почта духовъ» прекратилась на 8-й книжкѣ и расходилось всего въ числѣ 80 экземпляровъ. Г. Гротъ объясняетъ это тѣмъ, что издатель ея (Крыловъ) былъ очень молодъ и еще не извѣстенъ въ литературѣ (стр. 220). Но это едвали такъ. Новиковъ, начавъ изданіе *Трутня*, былъ немногимъ чѣмъ старше Крылова и столько же, какъ и онъ мало извѣстенъ до того въ литературѣ; а между тѣмъ, мы видѣли, какимъ изумительнымъ успѣхомъ пользовались въ публикѣ его сатирическіе журналы.

Въ большинствѣ случаевъ журналы сатирическаго направленія въ восьмидесятыхъ годахъ преслѣдовали насмѣшками современную галломанію, господство моды, пристрастіе ко всему иноземному и т. п. Но общій характеръ и содержаніе журнальной сатиры, послѣ прекращенія журналовъ семидесятыхъ годовъ, были уже далеко не тѣ. За исключеніемъ одной «Почты духовъ», сатира послѣдущихъ журналовъ почти не затрогивала вопросовъ о судейскихъ или помѣщичьихъ злоупотребленіяхъ, или вообще вопросовъ общественныхъ въ той степени, въ какой затрогивали ихъ журналы новиковскіе.

Мы представили обзоръ дѣятельности Новикова, какъ журналиста, т. е.

---

* „Почта духовъ, или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами“ — таково полное заглавіе журнала, издателемъ котораго былъ молодой Крыловъ. Здѣсь помѣщались письма духовъ: *Зора*, *Буристона*, *Вѣстодава*, *Дальновида*, *Свѣтовида*, *Астарота* и проч. См о „Поч. дух.“ статью г. *Грота*: „Сатира Крылова и его „Почта духовъ“ въ „Вѣстн. Евр.“, 1868, кн. 3, и тамъ-же, кн. 5-я, статью г. *Пыпина*: „Крыловъ и Радищевъ“, гдѣ авторъ приводитъ указанія, свидѣтельствующія, что Поч. дух. въ большей мѣрѣ можетъ быть приписана Радищеву (см. ниже), чѣмъ Крылову.

какъ издателя сатирическихъ журналовъ. Но съ этихъ изданій только начинается честная и въ высшей степени замѣчательная дѣятельность Новикова на пользу русскаго народнаго образованія, — дѣятельность, — заслуживающая, какъ по своимъ результатамъ и значенію, такъ и по личнымъ качествамъ самого дѣятеля возможно полнаго обозрѣнія и оцѣнки.

Новиковъ. Черты его жизни и дѣятельности въ связи съ русскимъ масонствомъ. Профессоръ Шварцъ. «Дружеское ученое общество»; его дѣятельность; преслѣдованіе и распаденіе Дружескаго общества. — *Свѣдѣнія о жизни Новикова.* — Николай Ивановичъ *Новиковъ* (1744—1818), родился близъ Москвы (въ с. «Тихвинское-Авдотьино», бронницк. уѣзда) въ довольно старинной дворянской семьѣ, пользовавшейся вполнѣ обезпеченнымъ и независимымъ состояніемъ; но получилъ въ молодости весьма поверхностное и далеко не блестящее образованіе, по словамъ г. Лонгинова. Послѣ домашняго обученія, онъ былъ опредѣленъ въ дворянскую гимназію при московскомъ университетѣ, учрежденномъ въ 1755 году. Имя его значилось нѣсколько лѣтъ въ спискѣ гимназистовъ, записанныхъ во французкомъ классѣ. Но, какъ видно, молодой Новиковъ, учился здѣсь плохо, и въ 1760 году былъ исключенъ изъ гимназіи вмѣстѣ съ многими другими учениками (между прочимъ и Потемкинымъ) «за лѣность и нехожденіе въ классы». («Новиковъ и моск. мартинисты, стр. 10—11). Записанный съ ранней молодости, по обычаю дворянъ того времени, въ военную службу, Новиковъ, не имѣя еще восьмнадцати лѣтъ, былъ отправленъ въ Петербургъ, на дѣйствительную службу въ лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ. Для юноши, очутившагося на свободѣ, военная служба того времени представляла много соблазновъ и дурныхъ примѣровъ,—какъ это видимъ изъ чистосердечнаго разсказа о себѣ современника Новикова, Державина (см. его «Записки»). Молодой Новиковъ съумѣлъ не подчиниться вліянію дурнаго товарищества: въ продолженіе своей службы въ полку онъ не предался пустой и безпутной жизни, какую вело большинство тогдашней военной молодежи, а занялся, вѣроятно, чтеніемъ и пріобрѣтеніемъ серьёзныхъ познаній, способствовавшихъ развитію его природныхъ способностей, — чего не дали ему ни домашнее воспитаніе, ни школа. Новиковъ не выучился никогда иностраннымъ языкамъ: въ письмахъ къ Карамзину (1814 г.) онъ самъ называетъ себя невѣждой, «не знающимъ никакихъ языковъ, не читавшимъ никакихъ школьныхъ философовъ». При старости онъ любилъ говорить, что первымъ учителемъ его былъ Богъ. Служа еще въ гвардіи, Новиковъ былъ прикомандированъ для письменныхъ занятій въ коммиссію, составленную изъ народныхъ депутатовъ, по поводу сочиненія проэкта новаго уложенія. Онъ составлялъ дневныя записки по седьмому изъ двѣнадцати отдѣленій коммиссіи, именно по отдѣленію *о среднемъ классѣ людей*, и кромѣ того занимался веденіемъ журналовъ общаго собранія коммиссіи, которые и читалъ при докладахъ императрицѣ, узнавшей его тогда лично (тамъ-же, стр. 13). Важность занятій въ коммиссіи имѣла, по всей вѣроятности, свою долю вліянія къ утвержденію Новикова въ той серьезности направленія, которымъ отличаются уже самые молодые годы его жизни въ Петербургѣ, по-

священной имъ исключительно тяжелому труду самообразованія. Военная служба могла быть помѣхой Новикову въ предначертанномъ имъ планѣ дѣятельности на пользу отечественнаго просвѣщенія; и потому въ 1768 г. онъ выходитъ въ отставку, а въ слѣдующемъ году, не имѣя еще и 25 лѣтъ отъ роду, уже выступаетъ на литературное поприще съ своимъ превосходнымъ журналомъ «Трутень», который, какъ сказано выше, по смѣлому и энергическому протесту противъ всего пошлаго, низкаго и безнравственнаго, былъ рѣшительно лучшимъ между всѣми сатирическими журналами того времени и пользовался вначалѣ блистательнымъ успѣхомъ. Препятствія, встрѣченныя Новиковымъ къ продолженію своего сатирическаго изданія въ томъ смыслѣ, какъ онъ это понималъ, заставляютъ его прекратить изданіе «Трутня» на 53 листѣ, послѣ того какъ прекратились и всѣ, возникшіе въ одно время съ нимъ, сатирическіе листки. Въ послѣднемъ листкѣ онъ прощается съ читателями и шутливо объявляетъ, что «Трутень, съ превеликой печали по кончинѣ своихъ *современниковъ* (т. е. сатирическихъ изданій), и самъ умираетъ».

Учено-издательская дѣятельность Новикова. — Послѣ прекращенія *Трутня*, Новиковъ издаетъ составленный имъ «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» (1772) и въ слѣдующемъ году приступаетъ къ изданію громаднаго сборника древнихъ лѣтописей и другихъ памятниковъ русской страны, подъ заглавіемъ: «Древняя Россійская Вивліоѳика, или собраніе древностей россійскихъ, до россійской исторіи ,географіи и генеалогіи касающихся». Оба эти изданія очень примѣчательны и не утратили своего значенія до настоящаго времени. «Историческій словарь», кромѣ біографическихъ и библіографическихъ извѣстій о писателяхъ XVIII вѣка, представляетъ и критическіе взгляды на ихъ сочиненія, и мы въ нихъ видимъ теперь образецъ тогдашней литературной критики. Критика «Словаря» возбудила, однако, противъ Новикова негодованіе въ нѣкоторыхъ современныхъ писателяхъ. Такъ въ отзывѣ «Словаря» объ извѣстомъ лирикѣ В. Петровѣ, говорилось между прочимъ, что «хотя нѣкоторые и называютъ уже его (Петрова) вторымъ Ломоносовымъ, но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого-нибудь сочиненія, и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ или останется только Петровымъ и будетъ имѣть честь слыть подражателямъ Ломоносова». Этотъ отзывъ сильно разгнѣвалъ Петрова, и онъ въ своей сатирѣ, присланной изъ Лондона, въ желчныхъ и раздражительныхъ стихахъ, возсталъ противъ Новикова и несправедливо осуждалъ его въ пристрастіи. Онъ говоритъ:

Словарникъ знаетъ все, въ комъ умъ глубокъ, въ комъ мелокъ.
Кто съ нимъ ватажился, былъ другъ ему и братъ,
Во *святцахъ* тотъ его не меньше, какъ Сократъ, и проч.

«Словарь о рус. писателяхъ» Новикова, какъ трудъ добросовѣстно и тщательно составленный, является вообще драгоцѣнною книгою при изученіи русской литературы прошлаго вѣка.

Изданіемъ «Древней Россійской Вивліоѳики» (1773—1775, 10 ч.) Новиковъ оказалъ несомнѣнно важную услугу историческому изученію Россіи. Но, при

изданіи этого сборника древностей, имъ руководила и другая, повидимому, важнѣйшая для него, мысль: дѣлая доступнымъ для общества памятники родной старины, говорившіе о древней жизни, о нравахъ и обычаяхъ предковъ, онъ хотѣлъ противоставить легкомыслію и вольности нравовъ своихъ современниковъ («зараженныхъ—по его словамъ—Франціею, напоенныхъ *сенскимъ* (парижскимъ воздухомъ»), простоту жизни и нравственныя доблести нашихъ прапрадѣдовъ, —«великость духа ихъ, украшеннаго простотою»,—какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ «Вивліоѳикѣ». Изъ этого предисловія и изъ многихъ страницъ сатирическихъ журналовъ Новикова (преимущественно «Кошелька») видно, что онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими писателями екатерининскаго времени, раздѣлялъ тѣ же воззрѣнія на нравственное состояніе современнаго общества, о которыхъ мы говорили, при указаніи «стародумовскихъ» идеаловъ и морали Фонъ-Визина. Внѣшній европеизмъ и крайности французскаго вліянія выражались тогда многими уродливыми явленіями въ жизни образованныхъ, или считавшихъ себя образованными, классовъ тогдашняго русскаго общества. Кощунство и легкомысленное отношеніе къ предметамъ вѣры и нравственности, крайнее обезьянство, подражаніе всему чужеземному и презрѣніе ко всему русскому,—чѣмъ щеголяли, какъ вывѣской своей образованности, тогдашніе «господа наши полуфранцузы» и «молодые кощуны»,—по выраженію Новикова,—такія явленія не могли не возмущать людей, подобныхъ Новикову, хотѣвшихъ видѣть въ своемъ отечествѣ развитіе истинной, а не мнимой образованности. Эта полуобразованость представлялась имъ гораздо худшею и болѣе опасною для самостоятельности, для развитія умственныхъ и нравственныхъ силъ русскаго народа, нежели старинное невѣжество и отчужденіе до-петровской Руси отъ европейскаго просвѣщенія. Потому Новиковъ, при изданіи «Древней Вивліоѳики», и имѣлъ въ виду — указать «щеголямъ и петиметрамъ» своего времени, доходившимъ порою до крайней распущености и безобразія въ нравственномъ отношеніи, на «величіе духа ихъ предковъ, украшеннаго простотою». Но «стародумовство» Новикова не выражалось одними возгласами о древнихъ добродѣтеляхъ, не вытекало изъ любви къ застою и умственному коснѣнію. Напротивъ: онъ былъ человѣкъ движенія и жизни, былъ по истинѣ однимъ изъ «передовыхъ» людей своего времени, однимъ изъ замѣчательныхъ вождей русскаго просвѣщенія. Подъ негодностію нравственныхъ началъ современнаго общества, Новиковъ, главнымъ образомъ, разумѣлъ его разобщеніе съ народною жизнію, отдѣленіе его личныхъ интересовъ отъ интересовъ народныхъ. Высшіе классы общества, гордые своею фальшивою образованностію и внѣшнимъ лоскомъ европеизма, смотрѣли съ презрѣніемъ на народную массу, какъ на невѣжественную и варварскую; а между тѣмъ сохраняли къ ней отношенія властвующаго сословія и жили ея трудомъ. Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей, имъ были чужды заботы объ образованіи низшихъ классовъ народа, о ихъ развитіи и благосостояніи. Гуманныя и филантропическія идеи, о которыхъ такъ много говорили тогда съ чужаго голоса, но сущности которыхъ не понимали или не хотѣли понимать, были своего рода модою, щегольствомъ—точно также, какъ французское платье и французскій языкъ. Только для весьма немногихъ, избранныхъ личностей, такія

идеи были дѣломъ, глубоко прочувствованнымъ и сознаннымъ; и въ числѣ этихъ немногихъ первое мѣсто, по всей справедливости, принадлежитъ Новикову.

Издавъ затѣмъ въ свѣтъ нѣсколько отдѣльныхъ старинныхъ рукописей, относившихся преимущественно къ русской исторіи, Новиковъ, въ 1777 году, началъ ежедневное періодическое изданіе: *Санктпетербургскія ученыя вѣдомости*, посвященныя преимущественно ученой литературѣ и критикѣ.

Дѣятельность Новикова на пользу народнаго образованія и русскаго просвѣщенія вообще въ связи съ масонствомъ. Профессоръ Шварцъ — Мы видѣли, съ какою энергіею онъ вступилъ въ борьбу съ невѣжествомъ въ *Трутнѣ*, а потомъ въ Живописцѣ». Для искорененія невѣжества и грубости нравовъ онъ признавалъ необходимымъ образованіе массы народа. И когда обстоятельства поставили ему преграду къ продолженію борьбы съ невѣжествомъ своего времени, посредствомъ сатиры,—онъ весь отдался практическимъ трудамъ и заботамъ объ образованіи низшихъ классовъ народа. Забота о нравственномъ развитіи и образованіи народа была у Новикова не только живою мыслію, серьёзнымъ убѣжденіемъ, но живымъ и серьёзнымъ *дѣломъ* всей его жизни, дѣломъ, за которое онъ и пострадалъ. Эта сторона дѣятельности Новикова тѣсно связана съ такъ называемымъ «масонствомъ», появившимся въ Россію еще до царствованія Елисаветы, но распространившимъ у насъ свою дѣятельность съ особенною силою при Екатеринѣ II. Интересный историческій эпизодъ въ жизни русскаго XVIII вѣка, когда дѣйствовали масоны, только въ послѣднее время подвергая ученой обработкѣ и теперь только сдѣлались извѣстными нѣкоторые факты и обнародованы нѣкоторые документы, относящіеся къ этому важному періоду въ исторіи русскаго просвѣщенія *). Изъ нихъ, мы видимъ, что Новиковъ былъ главнымъ и важнѣйшимъ дѣятелемъ въ средѣ русскаго масонства. Членомъ масонскаго общества онъ былъ сдѣланъ въ 1775 году, и съ этого времени въ его литературной дѣятельности проявляется то религіозно-мистическое направленіе, которое составляетъ отличительное свойство масонскхъ ученій и весьма обширной масонской литературы, какъ за границей, такъ и у насъ. Предпринятый Новиковымъ, въ 1777 г. журналъ: «Утреній свѣтъ» уже не имѣлъ ничего общаго съ его прежними сатирическими изданіями. Это былъ, попреимуществу, сборникъ статей нравственнаго и религіознаго содержанія. Выручавшіяся отъ продажи книжекъ этого сборника деньги шли на устройство и содержаніе учрежденныхъ Новиковымъ въ Петербургѣ безплатныхъ школъ для воспитанія и первоначальнаго обученія бѣдныхъ дѣтей и сиротъ. Но планы

*) См. „Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйств тайн. сов. И. В. *Лопухина*, сочиненныя имъ самимъ". Москва, 1860; М. *Лонгинова*: „Новиковъ и Шварцъ" (Русск. Вѣст. 1857, № 19) и „Матерьялы для исторіи русскаго просвѣщ. и литерат. въ концѣ XVIII стол." (тамъ-же, 1859, № 19); проф. *Ешевскаго*: „Замѣчанія къ статьѣ „Новиковъ и Шварцъ" (тамъ-же, 1857, № 21); проф. *Тихонравова*: „Иванъ Григорьевичъ Шварцъ", (Біограф. словарь профессоровъ и преподав. московск. универс.), „Николай Ивановичъ Новиковъ", біографич. очеркъ, А. *Аванасьева* („Библіогр. Зап." 1858 г. № 6. столб. 161—181) и друг. См. въ особенности упомянутую выше книгу г. *Лонгинова*: „Новиковъ и московскіе мартинисты".

Новикова, относительно народнаго образованія были имъ задуманы на весьма широкихъ основаніяхъ; онъ сталъ приводить ихъ въ исполненіе только послѣ переѣзда въ Москву, въ 1779 г.

Книгопечатное дѣло и книжная торговля находились у насъ до Новикова въ крайне-жалкомъ состояніи. Уже въ своемъ «Живописцѣ» онъ указывалъ на это обстоятельство. Мы видѣли, съ какимъ жаромъ говорилъ онъ о просвѣщеніи и просилъ его для Россіи, какъ «дара небеснаго». Какъ на могучее орудіе для образованія народнаго, онъ указывалъ на учрежденіе частныхъ обществъ, которыя имѣли бы цѣлію распространеніе въ народѣ полезныхъ книгъ, расширеніе типографскаго дѣла, развитіе и правильную организацію книжной торговли въ государствѣ. Переѣздъ въ Москву и взятіе на откупъ на десять лѣтъ (1779—1789) университетской типографіи *) открыли ему наконецъ путь и доставили средства къ осуществленію этихъ его завѣтныхъ идей и стремленій. И несмотря на то, что Новиковъ и тутъ былъ остановленъ въ своихъ благородныхъ трудахъ и стремленіяхъ и не могъ провести своей дѣятельности до конца, не смотря на самый мистицизмъ, въ который онъ впалъ, подъ вліяніемъ масонства, его десятилѣтняя дѣятельность въ Москвѣ на пользу народнаго образованія, по своимъ благодѣтельнымъ результатамъ, достойна великаго уваженія и даетъ ему полное право па одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и литературы.

Одинаковость цѣли, одинаковыя пламенныя стремленія на пользу общую и любовь къ человѣчеству близко свели Новикова въ Москвѣ съ другимъ замѣчательнымъ лицомъ въ исторіи русскаго масонства профессоромъ Иваномъ Григорьевичемъ *Шварцомъ*, который скоро сдѣлался ревностнымъ поборникомъ его дѣла, его другомъ и учителемъ. О первомъ знакомствѣ своемъ съ нимъ самъ Новиковъ говоритъ такъ: «Въ одно утро пришелъ ко мнѣ Нѣмчикъ, съ которымъ я поговоря, сдѣлался во всю жизнь до самой его смерти неразлучнымъ; этотъ Нѣмчикъ былъ Шварцъ». Шварцъ пріѣхалъ въ Россію въ 1776 году, изучилъ русскій языкъ и литературу и, въ годъ пріѣзда Новикова въ Москву, былъ сдѣланъ профессоромъ университета. Онъ принадлежалъ къ масонскому ордену, какъ и Новиковъ, и былъ горячимъ послѣдователемъ масонскаго ученія, требовавшаго отъ своихъ адептовъ возвышенной любви къ человѣчеству, всеобщаго братства и высоко-нравственной жизни. Онъ обладалъ серьёзнымъ и полнымъ философскимъ образованіемъ. Но философія его, отличаясь строго-религіознымъ направленіемъ, была проникнута тѣми мистико-масонскими воззрѣніями, которыя онъ усвоилъ себѣ, какъ членъ масонскаго братства.

Замѣчательно, что тотъ-же XVIII вѣкъ, называемый вѣкомъ матеріалисти-

---

*) По словамъ г. Лонгинова, переѣхать въ Москву убѣдительно просили Новикова подружившіеся съ нимъ въ Петербургѣ московскіе масоны: князь Трубецкой и Херасковъ. Послѣдній, получившій въ 1778 году званіе куратора московскаго университета, сдѣлалъ Новикову предложеніе взять на откупъ университетскую типографію, бывшую въ жалкомъ видѣ и не приносившую почти никакого дохода (стр. 110). Вмѣстѣ съ типографіей, по контракту, должны были перейти къ Новикову университетская книжная лавка и изданіе „Московскихъ Вѣдомостей“.

ческой философіи по преимуществу, былъ ознаменованъ самымъ сильнымъ развитіемъ и распространеніемъ въ Европѣ различныхъ мистико религіозныхъ и таинственныхъ ученій и сектъ, между которыми масонство играетъ главнѣйшую роль. Мистицизмъ XVIII столѣтія является какъ бы реакціею современному матеріализму—и французская философія энциклопедистовъ находитъ себѣ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ въ послѣдователяхъ масонства и другихъ мистическихъ ученій. Противодѣйствіе вліянію французской философіи XVIII вѣка составляло одну изъ задачъ и русскаго масонства, въ средѣ котораго главнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи является Шварцъ: его философскія лекціи, направленныя противъ матеріалистическихъ и скептическихъ ученій вѣка и проникнутыя собственными мистико-религіозными убѣжденіями профессора, по свидѣтельству современниковъ, имѣли весьма сильное вліяніе на слушателей. Новиковъ первый вполнѣ подчинился ученію и идеямъ своего друга и учителя, и былъ однимъ изъ ревностныхъ распространителей его образа мыслей въ обществѣ, посредтсвомъ изданія многочисленныхъ мистико-религіозныхъ и нравственныхъ сочиненій. Оба друга, стремясь къ одной и той же возвышенной цѣли, соединивъ свои труды и знанія, въ весьма короткій періодъ времени, успѣли достигнуть до замѣчательныхъ результатовъ по отношенію къ дѣлу русскаго образованія и успѣли пріобрѣсть неотразимое вліянія въ той средѣ, въ которой имъ пришлось дѣйствовать.

Кругъ людей, раздѣлявшихъ убѣжденія Новикова и Шварца, былъ довольно значителенъ въ Москвѣ; образовавшіяся тамъ, послѣ ихъ пріѣзда, масонскія ложи состояли въ связи съ такими же ложами, распространившимся почти во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ провинцій, даже до отдаленныхъ мѣстъ Сибири. Въ московоскихъ ложахъ Новиковъ и Шварцъ пользовались особеннымъ уваженіемъ и имѣли на нихъ сильное, непосредственное вліяніе *). Новиковъ былъ, какъ кажется, «великимъ мастеромъ» центральной московской ложи, отъ которой зависѣли всѣ провинціальныя масонскія братства, руководившіяся тѣмъ же духомъ и тѣми же началами, которыя положены были Шварцомъ въ основаніе дѣятельности московскихъ ложъ.

Русскія масонскія общества конца XVIII вѣка не ограничивались, однако, однимъ распространеніемъ мистическимъ и туманныхъ теорій, созерцательныхъ взглядовъ на жизнь и т. п.—чѣмъ по большей части отличаются послѣдователи мистическихъ ученій всякаго рода. Дѣятельность московскихъ масоновъ потому именно и важна, что она была направлена и сильно вліяла на практическую сторону народной жизни. Новиковъ и его друзья стремились, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы посредствомъ подвиговъ добра и частной благотворительности

*) Центръ русскаго масонства былъ въ Петербургѣ вначалѣ, гдѣ и находилась „великая провинціальная ложа", въ которую Новиковъ былъ принятъ масономъ въ 1755 году. О масонскихъ ложахъ въ Москвѣ до переѣзда туда Новикова и послѣ того, о ложахъ въ другихъ провинціальныхъ городахъ, о значеніи Новикова вообще въ русскомъ масонствѣ см. подробности у г. Лонгинова, который говоритъ, что вмѣстѣ съ Новиковымъ и Шварцомъ значительную роль между московскими масонами игралъ еще и князь Н. Трубецкой (стр. 145).

произвести въ странѣ требуемыя временемъ улучшенія, которыя способствовали бы нравственному и умственному развитію народа и его благосостоянію. Устройство безплатныхъ школъ для распространенія грамотности въ народѣ,—какъ главнаго орудія образованія, печатаніе книгъ для народнаго чтенія, изданіе и распространеніе учебниковъ и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, заведеніе типографій, книжныхъ лавокъ, больницъ и аптекъ для бѣднаго класса народа, образованіе учителей и наставниковъ, покровительство литературныхъ трудовъ и дѣятельная помощь даровитымъ молодымъ людямъ — вотъ тѣ предметы, на которые была устремлена практическая дѣятельность Новикова и его друзей.

Взявъ на откупъ, въ половинѣ 1779 года, университетскую типографію и усовершенствовавъ ея механическія средства, Новиковъ поставилъ ее въ какіе-нибудь два года съ небольшимъ на степень одной изъ замѣчательнѣшихъ типографій, такъ что до 1782 года она уже успѣла напечатать многія тысячи экземпляровъ книгъ, большею частію учебниковъ также и книгъ религіозно-нравственнаго и мистическаго содержанія. Никогда въ Россіи въ столь короткій періодъ времени не появлялось такое множество книгъ. Чтобы пріохотить къ чтенію публику, Новиковъ не только бѣднымъ, но и богатымъ людямъ часто раздавалъ книги безденежно. До 1782 года однѣмъ семинаріямъ и другимъ училищамъ онъ подарилъ учебныхъ книгъ на 3,000 рублей. Книжной торговлѣ онъ сообщилъ движеніе и развитіе, которыхъ она до того не имѣла вовсе, открывъ нѣсколько книжныхъ лавокъ въ Москвѣ и во многихъ провинціальныхъ городахъ: Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Богородскѣ, Глуховѣ и Кіевѣ. Онъ основалъ (въ Москвѣ) первую у насъ публичную библіотеку, гдѣ недостаточные люди, любящіе чтеніе и науки, могли пользоваться книгами безплатно; библіотека эта сдѣлалась впослѣдствіи весьма обширною и стоила, какъ говорятъ, триста тысячъ рублей по тогдашней цѣнности денегъ.

Съ другой стороны другъ Новикова, Шварцъ, дѣйствуя, какъ ученый педагогъ и профессоръ, распространялъ въ обществѣ здравыя понятія о воспитаніи, читалъ философскія лекціи воспитанникамъ университета и занимался въ тоже время преобразованіемъ университетской гимназіи. По его настоянію учреждена была при университетѣ особая «педагогическая семинарія», для образованія учителей, куда рѣшено было принимать съ этою цѣлію лучшихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій и академій; въ первый годъ устройства этой семинаріи (1779) Новиковъ и его друзья выписали изъ рязанской духовной семинаріи одного изъ лучшихъ воспитанниковъ, М. *Невзорова*, который воспитывался здѣсь на ихъ счетъ. Педагогическая семинарія находилась подъ личнымъ руководствомъ Шварца, равно какъ и устроенныя имъ же вслѣдъ затѣмъ «собраніе университетскихъ питомцевъ» и «филологическая, или переводческая семинарія». Въ «собраніи», питомцы университета произносили сочиненныя ими рѣчи на ту или другую нравственную тему, читали свои сочиненія и переводы и подвергали ихъ критическому разбору, руководимые уроками и указаніями Шварца; а въ «филологической семинаріи» способные молодые люди занимались переводами на русскій языкъ лучшихъ и полезныхъ иностранныхъ сочиненій.

«Дружеское ученое общество»; его практическая дѣятельность; пре-

слѣдованіе, которому оно подвергалось, и его распаденіе. — Но для того, чтобы двигать всѣми поименованными предпріятіями, чтобы придать имъ наиболѣе широкіе размѣры, кромѣ настойчивой энергіи, силы воли и горячей любви къ ближнему,—въ чемъ, какъ мы видѣли, не было недостатка ни у Новикова, ни у Шварца,—необходимо было имѣть еще въ своемъ распоряженіи и значительныя матеріальныя средства. Въ числѣ московскихъ масоновъ, горячо преданныхъ идеямъ Новикова и Шварца, находились люди богатые и вліятельные по своему положенію въ обществѣ и въ административной сферѣ. Шварцъ успѣлъ убѣдить нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ 1781 году, пожертвовать значительные капиталы для образованія «Дружескаго ученаго общества», болѣе извѣстнаго у насъ подъ именемъ «Новиковскаго общества», потому что Новиковъ, вмѣстѣ съ Шварцомъ (а послѣ скорой кончины послѣдняго,—одинъ), былъ главнымъ дѣятелемъ и душою этого общества. Такимъ образомъ, планъ и желанія, которые оба друга давно лелѣяли въ душѣ, осуществились. Между членами образовавшагося общества считалось много людей просвѣщенныхъ, писателей, а главное—людей, искренно преданныхъ дѣлу добра и благотворительности и дѣлу нравственнаго и умственнаго образованія народа. Кромѣ Новикова и Шварца, стоявшихъ во главѣ общества, къ болѣе извѣстнымъ и дѣятельнымъ изъ его членовъ принадлежали: Лопухинъ (И. В.), Гамалѣя (С. И.), Тургеневъ (И. П.), и два брата князья Трубецкіе (Ю. Н. и П. Н.). Всѣхъ-же членовъ общества было впослѣдствіи едва ли не болѣе пятидесяти, по словамъ г. Лонгинова. «Дружеское ученое общество» было офиціально открыто въ 1782 году, въ присутствіи главнокомандующаго въ Москвѣ, графа Чернышева (З. Г.), который принадлежалъ къ масонскому братству и покровительствовалъ дѣятельности Новикова. Знаменитый московскій митрополитъ Платонъ принялъ общество подъ свое покровительство. Объ этомъ было напечатано въ «Московскихъ вѣдомостяхъ», въ объявленіи отъ начальства университета, по поводу торжественнаго открытія общества.

«Дружеское ученое общество» опредѣляло кругъ своей дѣятельности обширными нравственными, педагогическими, учеными и филантропическими цѣлями. Въ программѣ общества, составленной Шварцомъ, указывались слѣдующія цѣли и предметы его занятій: 1) найти пріятное и поучительное занятіе для праздныхъ часовъ, ибо умѣнье пользоваться досугомъ составляетъ самую трудную вещь, по словамъ одного греческаго мудреца; 2) въ видахъ общей пользы, соединить въ одинъ дружескій союзъ людей, разрозненныхъ обыкновенно возрастами, образомъ жизни и различіемъ занятій; 3) содѣйствовать распространенію знаній и наукъ, какъ-то: знанію латинскаго и греческаго языковъ, древностей и науки о свойствахъ и качествахъ вещей въ природѣ; 4) находить вездѣ и поощрять къ дѣятельности природныя молодыя дарованія и завести «филологическія» семинаріи, съ цѣлію приготовлять хорошихъ русскихъ учителей, какъ будущихъ воспитателей народа; наконецъ 5) посредствомъ печатанія, раздачи училищамъ и распространенія въ народѣ хорошихъ книгъ, способствовать вообще просвѣщенію народнаго духа въ своемъ отечествѣ. Всѣ эти отрасли дѣятельности общества, по словамъ программы, должны были имѣть цѣлію, въ общемъ результатѣ,— облагороженіе нравовъ и распространеніе знаній.

Мы видѣли, что Новиковъ и Шварцъ, еще до офиціальнаго открытія «Дружескаго ученаго общества» и формальнаго признанія его со стороны высшихъ властей, свѣтской и духовной, уже приводили въ дѣйствіе предначертанную программу по частямъ и по мѣрѣ своихъ скромныхъ средствъ. Но съ 1782 года кругъ практической дѣятельности его принимаетъ обширные размѣры. При своемъ открытіи, оно объявило, что будетъ содержать на свой счетъ въ педагогической семинаріи тридцать избранныхъ имъ молодыхъ людей. Многіе изъ молодыхъ людей, — преимущественно воспитанниковъ духовныхъ семинарій, — поступили такимъ образомъ въ число студентовъ двухъ «семинарій», открытыхъ при университетѣ Шварцомъ, продолжали свое образованіе подъ его руководствомъ и содержались на счетъ «Дружескаго общества». Оно слѣдило за способными русскими юношами въ семинаріяхъ, гимназіяхъ, университетахъ и не давало глохнуть природнымъ молодымъ талантамъ и внѣ учебныхъ заведеній: встрѣчалъ ли кто изъ его членовъ гдѣ-либо въ глуши нашихъ провинцій даровитаго молодаго человѣка, губившаго свои природныя дарованія въ жалкомъ бездѣйствіи и неизвѣстности, онъ старался вывести его на свѣтъ и принималъ подъ покровительство «Дружескаго общества», которое дѣлало такихъ молодыхъ людей участниками своихъ трудовъ и давало имъ средства продолжать образованіе. Нѣкоторые изъ нихъ бывали впослѣдствіи отправляемы на счетъ общества за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ.

Студенты, содержавшіеся насчетъ «Дружескаго общества», занимались преимущественно переводами иностранныхъ сочиненій, по указаніямъ и подъ руководствомъ Новикова и Шварца; переводы ихъ помѣщались въ изданіяхъ Новикова или печатались отдѣльно въ его типографіяхъ. Такая литературная работа, способствуя развитію талантовъ и образованію молодыхъ людей, доставляла имъ въ то же время и матеріальные выгоды; потому что общество, имѣя въ-виду поощреніе писательской дѣятельности, за всякій переводный или литературный трудъ платило значительныя деньги. Переведенныя, такимъ образомъ, питомцами общества или при его содѣйствіи книги, — преимущественно серьезнаго, религіозно-нравственнаго или философскаго содержанія, — простирались до громаднаго количества. Полезныя оригинальныя сочиненія, отвѣчавшія цѣлямъ общества, были имъ, конечно, еще болѣе поощряемы.

Молодые люди, получавшіе образованіе на счетъ «Дружескаго общества», помѣщались вмѣстѣ, въ принадлежащемъ ему домѣ и находились подъ непосредственнымъ руководствомъ Новикова и Шварца. Нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе этихъ возвышенныхъ личностей, знакомство и сношенія съ другими членами «Дружескаго общества», къ которому принадлежали лучшіе люди того времени, по ихъ нравственнымъ качествамъ, по уму и образованію, постоянное занятіе высшими вопросами жизни, серьезное чтеніе и бесѣды о тѣхъ жгучихъ философскихъ вопросахъ, которые тревожили и волновали въ то время европейское общество и которые всегда такъ обаятельно дѣйствуютъ на воспріимчивые молодые умы и сердца, нѣтъ сомнѣнія, говоримъ мы, что все это дѣйствовало весьма благотворно на нравственное и умственное развитіе кружка русской молодежи, пріютившейся около Новиковскаго общества. Философскія лекціи

Шварца производили особенно сильное вліяніе на молодежь. Университетскій курсъ Шварца состоялъ изъ эстетико критическихъ лекцій; студентамъ двухъ семинарій, учрежденныхъ при университетѣ, онъ читалъ кромѣ того, у себя на дому, лекціи исторіи философіи и еще успѣлъ прочесть, по воскреснымъ днямъ, у себя же на дому, «для людей всякаго рода и званія», семнадцать публичныхъ лекцій «о познаніяхъ: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ». Духъ и направленіе философскихъ лекцій Шварца отличались мистическимъ и строго-религіознымъ характеромъ; онъ вооружался въ нихъ, со всею силою убѣжденія, противъ философіи энциклопедистовъ и подвергалъ строгому разбору и осужденію всѣ матеріалистическія и скептическія ученія, господствовавшія въ то время въ Европѣ и вслѣдствіе того,—какъ ученія «модныя» и распространенныя повсюду,—имѣвшія многихъ поклонниковъ и у насъ. Лекціи Шварца приводили въ восторгъ его многочисленныхъ слушателей и имѣли благотворное вліяніе на молодое поколѣніе, въ томъ отношеніи, что отвлекали его отъ слишкомъ легкомысленнаго и односторонняго направленія, которымъ отличались образованные классы тогдашняго русскаго общества и которое проникало и въ тогдашнюю литературу. Слушатели и ученики Шварца питали къ нему чувство глубокой благодарности. Одинъ изъ нихъ (Лабзинъ) упоминалъ впослѣдствіи, «съ какою поразительною силою простое слово профессора дѣйствовало на его слушателей, исторгнувъ изъ рукъ многихъ изъ нихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось тогда, весь умъ заключался и помѣстивъ на мѣсто ихъ святую библію». Память о профессорѣ Шварцѣ свято чтилась его учениками и членами «Дружескаго общества»; въ его идеяхъ и направленіи они продолжали жить и дѣйствовать и послѣ того, когда не стало ихъ любимаго наставника, и во всю свою жизнь. Дмитріевъ (см. ниже) говоритъ въ своихъ «Запискахъ», что лучшими украшеніями квартиры молодыхъ людей, питомцевъ общества, были—изображеніе распятаго Спасителя и бюстъ Шварца.

Книжное дѣло Новикова, при возрастаніи средствъ и успѣховъ «Дружескаго общества», все болѣе и болѣе расширялось. Въ 1783 г., когда былъ изданъ указъ о вольныхъ типографіяхъ, Новиковъ, кромѣ университетской типографіи, завелъ свою собственную, а членъ общества, Лопухинъ, открылъ другую, на свой счетъ. Въ слѣдующемъ (1784) году главные дѣятели «Дружескаго общества» образовали изъ себя «Типографическую компанію», которая продолжала дѣло общества» въ томъ же духѣ и направленіи и устремляла свою дѣятельность на тѣ же самые предметы. Она открыла еще новую типографію въ Москвѣ и содѣйствовала къ заведенію типографій въ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ. Какъ кажется, многія изъ провинціальныхъ типографій, равно какъ и книжныхъ лавокъ, находились въ прямомъ распоряженіи «Типографической компаніи». Новиковъ завѣдывалъ всѣми дѣлами и былъ главнымъ распорядителемъ всѣхъ трудовъ компаніи. Ея дѣятельность приняла теперь весьма широкіе размѣры. Одинъ подробный списокъ книгамъ разнаго рода, напечатаннымъ въ четырехъ московскихъ типографіяхъ, которыя находились въ распоряженіи компаніи, могъ бы показать, какъ громадно количество книгъ, изданныхъ Новиковымъ, и какъ обширна была его книгопечатная

дѣятельность. Но полнаго списка этимъ книгамъ не сохранилось. Впрочемъ и изъ сохранившихся о нихъ свѣдѣній мы можемъ судить, до нѣкоторой степени, о томъ безпримѣрномъ рвеніи на пользу общую, объ энергической волѣ, умѣ и практическомъ тактѣ, съ которыми Новиковъ трудился у насъ на поприщѣ типографской и издательской дѣятельности *). Дѣятельность Новикова и до настоящаго времени составляетъ единственный примѣръ въ этомъ отношеніи въ исторіи русской образованности новаго времени.

Всѣ изданія Новикова отличались строгимъ единствомъ мысли и направленія и прямо отвѣчали тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовало «Дружеское общество». Важнѣйшая изъ этихъ цѣлей, какъ мы знаемъ и какъ опредѣляетъ ее одинъ изъ членовъ общества (И. В. Лопухинъ), заключалась въ томъ, чтобы «издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности истинно-евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ». И Новиковъ вполнѣ удовлетворялъ своими религіозно-нравственными изданіями этой цѣли своего общества. Все, что было сколько-нибудь замѣчательнаго въ этомъ отношеніи въ литературахъ: нѣмецкой, французской и англійской, — все это было переведено порусски, при заботливости Новикова, и имъ издано. Его компанія, по словамъ профес. Тихонравова, «распространила сотни общедоступныхъ духовныхъ книгъ, совершенно чуждыхъ исключительнаго схоластицизма и старалась замѣнить религіозную обрядность и догматическія тонкости богословія — дѣятельнымъ христіанствомъ. Новиковскій кружокъ умѣлъ изъ всѣхъ европейскихъ литературъ извлечь эти произведенія. Въ прошломъ столѣтіи библія была у насъ мало распространена и читалась одними раскольниками. Многіе правовѣрные жаловались, что начинали читать библію. Большин-

*) См. въ „приложеніяхъ" къ книгѣ г. Лонгинова „роспись" книгамъ, напечатаннымъ Новиковымъ до 1785 г. и „реестры" книгамъ, отобраннымъ у Новикова. Изъ этихъ росписей видно, что кромѣ книгъ мистическихъ и нравственно-религіозныхъ, Новиковъ напечаталъ множество книгъ учебныхъ, к. н. азбукъ, букварей, грамматикъ и словарей языковъ: русскаго, греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, французскаго, итальянскаго и новогреческаго; руководствъ — по математикѣ, исторіи, географіи и друг., много сочиненій историческихъ, литературныхъ, путешествій к. н. „Исторія о странствіяхъ вообще", 17 част. или „Повѣствованіе всеобщее о путешествіяхъ", 4 части, и проч. Новиковъ не издавалъ книгъ безполезныхъ или не соотвѣтствовавшихъ цѣлямъ общества. Если къ нему приносили рукопись какой-либо вредной или безнравственой книги, то онъ покупалъ ее и бросалъ въ огонь, чтобы она не была напечатана другимъ издателемъ. Авторъ или переводчикъ, явившись съ своей рукописью къ Новикову, могъ быть заранѣе увѣренъ, что его трудъ будетъ принятъ и что онъ получитъ за него вознагражденіе либо деньгами, либо книгами; иногда Новиковъ покупалъ безъ нужды два или три перевода одной и той же книги, и издавалъ только лучшій изъ нихъ; многія изъ пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ рукописей оставались, конечно, въ кладовыхъ общества и не были никогда изданными. Между изданіями Новикова встрѣчаются и нѣкоторыя классическія въ свое время сочиненія по части наукъ юридическихъ и соціальныхъ, к. н. „Истолкованіе англійскихъ законовъ", Блекстона, и друг. См. также у г. Лонгинова на стр. 207—221, о книгахъ чисто религіознаго содержанія, напечатанныхъ у Новикова.

ство убѣждено было, что отъ чтенія библіи люди сходятъ съ ума и приходятъ къ богохульству. Лабзинъ (одинъ изъ учениковъ Шварца, см. ниже) разсказываетъ, что мать больно высѣкла его однажды за чтеніе библіи. И вотъ компанія Новикова издаетъ, неслыханную на Руси, ручную, удобопонятную библію и поднимаетъ вопросъ о необходимости имѣть библію на русскомъ, всѣмъ понятномъ языкѣ» *). При этомъ компанія старалась продавать свои изданія духовныхъ и нравственныхъ книгъ по возможно низкой цѣнѣ и хлопотала о такъ называемыхъ «дешевыхъ изданіяхъ» для народа. Она развила вкусъ въ публикѣ къ чтенію книгъ религіознаго и нравственнаго содержанія, — дѣло въ то время весьма не легкое; потому что большинство тогдашнихъ русскихъ читателей предпочитало сочиненія, написанныя въ духѣ французской философіи XVIII вѣка. А между тѣмъ, Новиковъ достигъ до того, что многія изъ напечатанныхъ имъ нравственныхъ и духовныхъ книгъ выходили вторыми и третьими изданіями. Съ 1786 года «Типографская компанія» начала изданіе сборника духовныхъ сочиненій, подъ заглавіемъ «Избранной библіотеки для христіанскаго чтенія», которая имѣла чрезвычайный успѣхъ. Второе изданіе этого сборника, пущенное по весьма дешевой цѣнѣ, было названо въ придисловіи «изданіемъ для бѣдныхъ». Въ сборникѣ заключались сочиненія: «О подражаніи Христу Ѳомы Компійскаго», «О поклоненіи духамъ и истиною». «Простое наставленіе, какъ читать св. писаніе къ истинному своему назиданію» и т. п. духовныя статьи, большею частію мистическаго направленія. Въ томъ же мистическомъ духѣ и направленіи Новиковъ издавалъ въ Москвѣ четыре журнала: «Утренній свѣтъ», изданіе котораго онъ началъ еще въ Петербургѣ и продолжалъ въ Москвѣ; «Ежемѣсячное московское изданіе», »Вечерняя заря» и «Покоящійся трудолюбецъ». Здѣсь помѣщались переводы изъ древнихъ и новыхъ писателей и оригинальныя статьи, направленныя, главнымъ образомъ, противъ матеріалистовъ, — противъ «низкихъ любомудровъ нынѣшняго вѣка» и «умствованій вольномысленныхъ мудрецовъ», какъ говорилось въ «Московскомъ изданіи» объ ученіи энциклопедистовъ. Въ этихъ мистическихъ изданіяхъ Новикова участвовали большею частію студенты московскаго университета и молодые люди, воспитывавшіеся на счетъ новиковской компаніи. Особенно замѣчательно было еще одно, чисто-популярное изданіе Новикова: «Городская и деревенская библіотека или забава и удовольствіе для разума и сердца». Оно имѣло цѣлію доставлять публикѣ полезное и занимательное чтеніе, состоявшее изъ разныхъ переводныхъ статей, и выходило съ 1782 по 1786 годъ при «Московскихъ Вѣдомостяхъ». «Московскія Вѣдомости», редакція которыхъ также перешла къ Новикову, были имъ значительно усовершенствованы: онъ присоединилъ къ политическимъ извѣстіямъ другія разнообразныя статьи и сдѣлалъ вообще эту газету интересною для читателей. Кромѣ поименованнаго изданія, при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» выдавалось еще «Дѣтское чтеніе» — первый у насъ журналъ для дѣтей, имѣвшій большой успѣхъ.

---

*) „Четыре года изъ жизни Карамзина". О книгахъ чисто-мистическихъ, изданныхъ Новиковымъ или его друзьями, см. ниже.

Вотъ что говорилъ Карамзинъ, въ 1801 году, о книжной дѣятельности Новикова въ Москвѣ: «За 25 лѣтъ передъ симъ были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, которыя не продавали въ годъ и на 10,000 рублей. Теперь ихъ 20, и всѣ вмѣстѣ выручаютъ онѣ ежегодно около 200,000 рублей. Сколько же въ Россіи прибавилось любителей чтенія? Это пріятно всякому, кто желаетъ успѣховъ разума и знаетъ, что любовь къ чтенію всего болѣе имъ способствуетъ. Господинъ Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли. Взявъ на откупъ университетскую типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всячески старался пріохотить публику къ чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый голландскій или англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель: то есть, съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось московскихъ газетъ не болѣе 600 экземпляровъ: г. Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богатѣе содержаніемъ, прибавилъ къ политическимъ разныя другія статьи, и наконецъ выдавалъ при вѣдомостяхъ безденежно «Дѣтское чтеніе», которое новостію своихъ статей и разнообразіемъ матеріи, не смотря на ученическій переводъ многихъ піесъ, нравилось публикѣ. Число пренумерантовъ ежегодно умножалось и лѣтъ черезъ десять дошло до 4,000».

Дѣла благотворительныя въ собственномъ смыслѣ, какъ-то: помощь бѣднымъ, учрежденіе больницъ, аптекъ, заведеніе безплатныхъ школъ составляютъ другую сторону просвѣщенной практической дѣятельности Новиковской компаніи. Извѣстные факты ея благотворительности указываютъ на тѣ громадныя матерьяльныя средства, которыя находились въ распоряженіи Новикова и его компаніи. Иные изъ ея членовъ, изъ чувства высокой христіанской любви къ ближнему, составлявшей главную основу масонскаго ученія, жертвовали нерѣдко не только своими трудами, но и всѣмъ состояніемъ своимъ на дѣла благотворительныя. Такихъ примѣровъ нѣсколько. Во время неурожая и голода, свирѣпствовавшихъ въ Москвѣ въ 1787 году, когда цѣны на хлѣбъ возвысились до неимовѣрной степени *), Новиковъ говорилъ рѣчь въ собраніи общества, въ которой живыми красками описалъ бѣдствія и страданія, претерпѣваемыя народомъ отъ голода, и призывалъ присутствующихъ къ оказанію помощи бѣднымъ страдальцамъ. Задушевная рѣчь Новикова такъ сильно подѣйствовала на одного изъ членовъ компаніи, Г. М. Походяшина, что онъ отдалъ въ распоряженіе Новикова все свое милліонное состояніе (по словамъ Карамзина, Походяшинъ получалъ шестьдесятъ тысячъ годоваго дохода). Припомощи этого пожертвованія, Новиковъ открылъ безденежную раздачу хлѣба

*) По свидѣтельству кн. Щербатова (см. ниже), голодъ въ этомъ году свирѣпствовалъ не только въ Москвѣ, но во многихъ мѣстахъ имперіи. „Московская, калужская, тульская, казанская, бѣлгородская, тамбовская губерніи и вся Малоросія — пишетъ кн. Щербатовъ — претерпѣваютъ непомѣрный голодъ, ѣдятъ солому, мякину, листья, лебеду; но и сего уже не достаетъ: ибо, къ несчастію, и лебеда не родилась, и оной четверть по четыре рубля покупаютъ“, и проч.

въ Москвѣ и въ своей подмосковной деревнѣ многочисленному классу бѣднаго и нуждавшагося народа. Походяшинъ же въ этотъ годъ разорился и на старости лѣтъ жилъ почти въ бѣдности, содержа себя жалованьемъ отъ какой-то скромной должности и ни мало не сожалѣя о прежней роскоши и потерѣ состоянія.

Другой членъ «Дружескаго общества», И. В. Лопухинъ также употребилъ почти все свое состояніе на благотворительныя дѣла и на раздачу вспомоществованія бѣднымъ. Фельдмаршалъ кн. Репнинъ, находившійся въ дружбѣ съ Новиковымъ и многими членами его общества, будучи генералъ-губернаторомъ въ Бѣлоруссіи, во время голода въ этой странѣ, содержалъ на собственный счетъ всѣхъ бѣдныхъ двухъ ея обширныхъ губерній.

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о школахъ и больницахъ для бѣдныхъ, открытыхъ «Дружескимъ обществомъ» въ Москвѣ. Извѣстно только, что учрежденныя имъ школы и больницы въ то время, когда начались преслѣдованія Новикова и его друзей, должны были поступить, по распоряженію начальства, въ завѣдываніе приказа общественнаго призрѣнія.

Новикову не было, однако, суждено пройти, безъ серьезной опасности, по избранному имъ пути, на который онъ ступилъ съ такимъ рѣдкимъ самоотверженіемъ. Поставивъ свою общественную дѣятельность внѣ круга дѣятельности государственной и вліянія правительства и основывая ее на началахъ масонскаго ученія и на частной инициативѣ, онъ едва-ли могъ, при господствовавшемъ въ то время порядкѣ вещей, продолжать безпрепятственно свои труды въ томъ-же направленіи. Не смотря на всю благотворительность своей дѣятельности и на чистоту своихъ намѣреній, онъ не могъ избѣжать того, чтобы не навлечь на себя и на своихъ друзей прискорбныхъ подозрѣній правительства и не подвергнуться потомъ, вслѣдствіе разныхъ постороннихъ обстоятельствъ, серьёзнымъ несчастіямъ.

Стѣсненія дѣятельности Новикова и преслѣдованія «Дружескаго общества» начались въ то время, когда оно было преобразовано въ «Типографическую компанію», т. е. вскорѣ послѣ смерти проф. Шварца, случившейся въ 1784 г. Чрезмѣрныя занятія и душевныя огорченія разстроили здоровье Шварца и свели его въ преждевременную могилу. Одинъ изъ кураторовъ университета, Мелиссино, и профессоры Барсовъ и Шаденъ, изъ личной непріязни къ Шварцу, дѣлали ему постоянныя непріятности по службѣ. Послѣдніе два обвинили, въ глазахъ начальства, частныя лекціи Шварца по исторіи философіи въ вредномъ направленіи. Хотя Шварцъ и оправдался отъ этого обвиненія и хотя два другіе куратора университета: главный — Шуваловъ и Херасковъ ему покровительствовали, но тѣмъ не менѣе эти постоянныя преслѣдованія и огорченія заставили Шварца бросить службу въ университетѣ; а вскорѣ затѣмъ онъ умеръ.

Преслѣдованія Шварца не касались, однако, до времени, дѣятельности созданнаго по его идеѣ «Дружескаго ученаго общества». Его смерть была, дѣйствительно, важною потерею для общества; все бремя управленія дѣлами общества желало теперь на одномъ Новиковѣ. Дѣла общества шли тѣмъ не менѣе весьма успѣшно; оно увеличивало число своихъ членовъ и пріобрѣтало

все большее и большее вліяніе. Но въ концѣ 1784 умеръ графъ Чернышевъ, одинъ изъ просвѣщенныхъ покровителей Новикова, и на мѣсто его назначенъ главнокомандующимъ въ Москву графъ Брюсъ, который осуждалъ Чернышева и не считалъ нужнымъ покровительствовать дѣятельности Новикова *). Послѣ смерти Чернышева вышли въ отставку преданнѣйшіе члены «Дружескаго общества« и друзья Новикова: И. П Тургеневъ и С. И. Гамалѣя, изъ которыхъ, первый былъ адъютантомъ Чернышева, а второй правителемъ его канцеляріи. Лишившись, такимъ образомъ, покровительства и опоры въ административной сферѣ, новиковская компанія вскорѣ начала испытывать непріятности и придирки съ разныхъ сторонъ, не предвѣщавшія ей въ будущемъ ничего хорошаго Тѣмъ болѣе, что при своей многосторонней дѣятельности и при томъ вліяніи, которое Новиковъ и его друзья начинали пріобрѣтать на массы, они не могли не нажить себѣ многихъ недоброжелателей и враговъ.

Правительство Екатерины не видѣло вначалѣ ничего вреднаго и противнаго общественному порядку въ распространеніи масонства въ Россіи. Мы говорили, что «Дружеское общество», составившееся изъ главнѣйшихъ дѣятелей въ масонствѣ, было открыто торжественно, съ вѣдома начальства, и гласно принято митрополитомъ Платономъ подъ свое покровительство; потому что этотъ просвѣщенный архипастырь, въ благотворной и ученой дѣятельности общества, не находилъ ничего противнаго духу истиннаго христіанства. Масонскія ложи безпрепятственно, на глазахъ начальства, размножались повсюду въ имперіи и чувствительнымъ образомъ расширяли повсемѣстно свою практическую дѣятельность, въ духѣ и направленіи новиковскаго общества. Все, что было въ Россіи замѣчательнаго по уму, талантамъ, знаніямъ, — можно сказать смѣло, — принадлежало въ то время къ масонскому братству, считавшему въ своихъ рядахъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ, и ученыхъ, и литераторовъ, и людей всякаго званія и состоянія. Но послѣдніе годы царствованія Екатерины были временемъ реакціи противъ вліянія западныхъ идей, какъ мы уже имѣли случай замѣтить и какъ будемъ еще говорить ниже. И потому взглядъ Екатерины на многое, что было допускаемо и даже поощряемо въ первый періодъ ея царствованія, въ послѣднее время значительно измѣнился. Къ тому же императрица, будучи съ молоду поклонницей Вольтера и энциклопедистовъ, никогда не любила мистиковъ и масоновъ и всегда преслѣдовала ихъ своими насмѣшками. Кромѣ извѣстныхъ намъ комедій, направленныхъ противъ мистическихъ ученій и мистико-масонской практики, она около того же времени (1780) написала книжку: «Тайна противо нелѣпаго общества, открытая не причастнымъ оному» **): здѣсь императрица прямо нападаетъ на масон-

---

*) По свидѣтельству Бантыша-Каменскаго („Словарь достоп. людей русской земли") митрополитъ Платонъ сказалъ однажды за обѣдомъ, при всѣхъ, Брюсу, осуждавшему Чернышеву: „У насъ мало въ Россіи людей, подобныхъ Чернышеву и Румянцову; на кого ни посмотришь, все Брюсъ, да Платонъ".

**) Брошюра Екатерины: „Тайна противо-нелѣпаго общества" была написана на франц. языкѣ и переведена по-русски статсъ-секретаремъ Храповицкимъ Те-

ство и, во имя здраваго разсудка, подвергаетъ осмѣянію всѣ таинственныя масонскія обряды и стремленія. Эта то таинственность, въ которую облекали масоны внутреннюю жизнь своихъ обществъ и свое ученіе, странные внѣшніе обряды ложъ, символическія формы и мистическій, непонятный языкъ, — все это вмѣстѣ внушало къ нимъ недовѣріе и въ правительствахъ, и въ большинствѣ публики. «Въ глазахъ малообразованнаго большинства — говоритъ проф. Ешевскій — внѣшняя обстановка и странные обряды масонскихъ ложъ получали нелѣпое и ненавистное толкованіе, и подавали поводъ къ самымъ несправедливымъ обвиненіямъ. Самые дикіе слухи принимались иногда съ полною довѣрчивостію» *). Кромѣ нелѣпыхъ мнѣній толпы, Новиковъ и его общество всрѣтили себѣ сильныхъ враговъ въ людяхъ противоположнаго имъ направленія, въ поклонникахъ энциклопедистовъ, къ которымъ принадлежали въ то время многія значительныя лица.

При такихъ обстоятельствахъ и особенно послѣ того, когда мистико-масонскія общества были заподозрѣны въ политическихъ замыслахъ нѣкоторыми правительствами на западѣ Европы, легко нашлись люди, которые оклеветали Новикова и очернили его дѣятельность въ глазахъ правительства Екатерины. Это было тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что всѣмъ извѣстна была нелюбовь самой императрицы къ масонамъ и къ ихъ дѣятельности въ Россіи.

Въ 1785 она послала особый указъ графу Брюсу, повелѣвъ ему опечатать всѣ книги Новикова, остановить ихъ продажу и составивъ «роспись» всѣмъ, напечатаннымъ у него книгамъ, отослать ее, вмѣстѣ съ экземпляромъ каждой книги, къ московскому архіепископу Платону, которому поручила въ тоже время: «испытать Новикова въ законѣ нашемъ (т. е. въ вѣрѣ), равно и книги его типографіи освидѣтельствовать, — не скрывается-ли въ нихъ умствованій, несходныхъ съ простыми и чистыми правилами вѣры нашей православной и гражданской должности». Не смотря на то, что Новиковъ печаталъ книги не иначе, какъ «съ учрежденною цензурою», — о чемъ онъ показалъ при допросѣ въ губернскомъ правленіи и что видно изо всѣхъ вышедшихъ изъ

перь извѣстно, что она была издана въ 1780 г. хотя на ней и выставленъ 1759 г. свидѣтельствующій только, что уже въ это время существовали въ Россіи масонскія ложи. Общество масоновъ названо здѣсь „нелѣпымъ“ (absurde), а въ противоположность ему выставлено общество, руководствующееся правилами здраваго разсудка и названное поэтому „противо-нелѣпымъ“ (anti-absurde).

*) „Замѣчанія къ статьѣ Новиковъ и Шварцъ“. Въ мнѣніи большинства масоны, или *франкъ-масоны*, слыли еретиками, чернокнижниками и т. п. Державинъ разсказываетъ, напримѣръ, въ своихъ „Запискахъ“, какъ его тетка, Блудова, — „женщина — по его словамъ — по природѣ умная и благочестивая, но по тогдашнему вѣку непросвѣщенная“, узнавъ, что онъ былъ у Шувалова, дала племяннику страшную нагонку, запретя ему накрѣпко ходить къ Шувалову, котораго признавали главнымъ начальникомъ масоновъ; а масоновъ — говоритъ Державинъ — его тетка считала „отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которыхъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно, за нѣсколько тысячъ верстъ, непріятелей своихъ умерщвляютъ и тому подобныя бредни“.

его типографій книгъ, императрица повелѣла также опредѣлить особыхъ духовныхъ и свѣтскихъ цензоровъ, которые должны были наблюдать (какъ сказано въ рескриптѣ на имя архіеписк. Платона), чтобы въ книги, выходившія изъ новиковскихъ и другихъ вольныхъ типографій, «не вкрались какіе-либо расколы, колобродства и всякія нелѣпыя толкованія, о коихъ, нѣтъ сомнѣнія что они не новыя, но старыя, отъ праздности и невѣжества возобновленныя». Платонъ призывалъ къ себѣ Новикова, испытывалъ его въ догматахъ вѣры и донесъ о немъ государынѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Какъ предъ престоломъ Божіимъ, такъ и предъ престоломъ твоимъ, всемилостивѣйшая государыня императрица, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ. Что же касается до книгъ, напечатанныхъ въ типографіи Новикова и мною разсмотрѣнныхъ — писалъ Платонъ — я раздѣляю ихъ на три разряда. Въ первомъ находятся книги собственно-литературныя, и какъ литература наша доселѣ крайне еще скудна въ произведеніяхъ, то весьма желательно, чтобы книги, въ этомъ родѣ, были болѣе и болѣе распространяемы и содѣйствовили бы къ образованію. Во второмъ, я полагаю книги мистическія, которыхъ не понимаю, а потому не могу судить оныхъ. Наконецъ, въ третьемъ разрядѣ суть книги самыя зловредныя, развращающія добрые нравы и ухищряющіяся подкапывать твердыни святой нашей вѣры. Сіи-то гнусныя и юродивыя порожденія такъ-называемыхъ энциклопедистовъ слѣдуетъ исторгать, какъ пагубные плевела, взращающіе между добрыми сѣменами». (Лонгиновъ, стр. 262).

Это донесеніе Платона, вполнѣ благопріятное для Новикова, остановило на время направленныя противъ него преслѣдованія: черезъ годъ послѣ опечатанія книгъ Новикова императрица приказала дозволить продажу ихъ попрежнему, за исключеніемъ только шести книгъ, которыя были поименованы въ особомъ спискѣ, присланномъ къ графу Брюсу, и продажа которыхъ была запрещена (Ibid, 264). И любопытно то, что въ числѣ этихъ запрещенныхъ книгъ нѣтъ ни одной, которая принадлежала бы къ сочиненіямъ энциклопедистовъ, такъ строго осужденныхъ Платономъ: всѣ шесть книгъ — чисто-мистическаго содержанія или принадлежатъ къ масонской литературѣ, какъ напримѣръ «О заблужденіяхъ и истинѣ», соч. извѣстнаго Сенъ-Мартена (см. ниже), «Химическая псалтырь», Парацельса, «Апологія, или защищеніе В. К.» (вольныхъ каменьщиковъ, т. е. фран-масоновъ) и друг.

Новиковъ, оправданный отзывомъ Платона, не подозрѣвалъ, кажется, что въ будущемъ его ожидаютъ болѣе серьёзныя пораженія и несчастія. Получивъ дозволеніе продолжать свои труды, онъ принялся за нихъ съ прежнею, неутомимою дѣятельностію. Дѣла «Типографической компаніи» шли весьма хорошо въ четырехъ-лѣтній періодъ времени, съ 1786 по 1790 годъ, когда Новиковъ, не подвергаясь никакимъ преслѣдованіямъ или матеріальнымъ стѣсненіямъ въ своихъ дѣйствіяхъ, успѣлъ напечатать огромное количество книгъ разнаго рода. Но въ 1790 году главнокомандующимъ въ Москву былъ назначенъ кн. Про-

зоровскій, которому дана была инструкція строго слѣдить за всѣми членами новиковскаго общества. Онъ учредилъ надъ Новиковымъ и его друзьями особый надзоръ и писалъ въ Петербургъ разныя преувеличенныя донесенія о ихъ дѣйствіяхъ.

Вѣроято, эти преслѣдованія и стѣсненія кн. Прозоровскаго заставили наконецъ членовъ «Типографической компаніи», въ концѣ 1791 г., прекратить совершенно ея дѣйствія. Новиковъ переѣхалъ въ свое помѣстье Тихвинское-Авдотьино, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ апрѣлѣ 1792), былъ арестованъ, по распоряженію кн. Прозоровскаго, съ большими предосторожностями, и взятъ подъ тайную стражу. Въ тоже время его книжные склады и типографіи, равно какъ и всѣ книжныя лавки въ Москвѣ, были запечатаны, имѣнія Новикова и его компаніи были конфискованы, а самъ Новиковъ, доставленный въ Москву, черезъ три недѣли былъ отвезенъ. окольными дорогами, въ Шлиссельбургъ и заключенъ въ казаматы на пятьнадцать лѣтъ. Извѣстный въ то время Шишковскій ѣздилъ въ Шлиссельбургъ допрашивать Новикова, и показанія его (теперь напечатанныя) вполнѣ доказываютъ его невинность. (См. подробности въ книгѣ г. Лонгинова).

Объясненіе этой суровой участи, постигшей Новикова, заключается въ томъ, что онъ и его общество были заподозрѣны въ политическихъ замыслахъ, вредныхъ для государства. Карамзинъ въ «запискѣ», представленной въ 1818 г. императору Александру I, съ цѣлію обратить вниманіе на тяжелое положеніе семейства Новикова, послѣ его смерти, упоминаетъ о трехъ обстоятельствахъ, усилившихъ подозрѣнія, которымъ подверглись московскіе масоны: 1) одинъ изъ членовъ общества (архитекторъ Баженовъ) писалъ изъ Петербурга къ своимъ московскимъ друзьямъ, что при разговорѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, онъ удостовѣрился въ его добромъ мнѣніи о масонахъ. Государынѣ передали это письмо. Она могла думать, что масоны желаютъ преклонить къ себѣ великаго князя. 2) Удивлялись богатству Новикова, когда онъ, во время неурожая, роздалъ много хлѣба бѣднымъ земледѣльцамъ, не зная, что деньги на покупку хлѣба давалъ Новикову Походяшинъ. 3) Новиковъ велъ переписку съ прусскими масонами, хотя и не политическую, въ то время, когда нашъ дворъ былъ въ явной непріязни съ берлинскимъ. «Сіи случаи — прибавляетъ Карамзинъ — французская революція и излишнія опасенія московскаго градоначальника рѣшили судьбу Новикова». Сущность «записки» Карамзина *) вполнѣ подтверждается словами члена общества И. В. Лопухина о причинахъ несчастія, постигшаго Новикова и его общество (см. его «Записки»). Лопухинъ, И. П. Тургеневъ и кн. Н. Н. Трубецкой, какъ главные сообщники Новикова, были также допрашиваемы кн. Прозоровскимъ, по присланнымъ изъ Петербурга пунктамъ, и послѣдніе два, послѣ допроса, отправлены въ ссылку, на житье въ свои деревни, въ дальнія губерніи отъ Москвы, съ воспрещеніемъ выѣзжать изъ тѣхъ губерній; а Лопухинъ оставленъ, подъ

---

*) Записка Карамзина о Новиковѣ (20 декабря 1818 года) напечатана въ приложеніи къ XXIV главѣ книгѣ г. Лонгинова.

присмотромъ въ Москвѣ только во вниманіе къ болѣзненному состоянію и дряхлой старости его отца. Лопухинъ говоритъ, что «важнѣйшее» во всѣхъ предложенныхъ ему вопросахъ касалось сношеній московскихъ масоновъ съ заграничными обществами ордена и «существовавшей будто связи съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы» (т. е. велик. княз. Павла Петровича). «Прочіе вопросы — замѣчаетъ Лопухинъ — сочинены были только для расширенія той завѣсы, которая закрывала главный предметъ подозрѣнія, а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ». Аресту подверглись также и вытребованные изъ-за границы два студента, Колокольниковъ и Невзоровъ, отправленные, на счетъ компаніи, въ нѣмецкіе университеты для усовершенствованія въ наукахъ

Конфискація имущества и множества книгъ «Типографической компаніи» довела до разоренія главнѣйшихъ членовъ ея: Новикова, Лопухина и князя Н. Трубецкаго. Книжные склады компаніи разбирали нѣсколько лѣтъ и большую часть книгъ, т. е. мистическія, по словамъ Карамзина, сожгли.

Заключеніе въ крѣпости, гдѣ Новиковъ провелъ четыре съ половиною года, было крайне гибельно для его слабаго здоровья, особенно при нравственныхъ страданіяхъ и воспоминаніи о несчастіи друзей, оставленной семьѣ, — и тяжко отозвалось на всей послѣдующей его жизни.

Онъ былъ выпущенъ изъ крѣпости въ первый день восшествія на престолъ императора Павла I, и С. И. Гамалѣя говоритъ, что другъ его возвратился въ свое Тихвинское (въ ноябрѣ 1796) «дряхлъ, старъ, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ». Друзья Новикова, пострадавшіе вмѣстѣ съ нимъ, всѣ были также возвращены изъ ссылки и нѣкоторые изъ нихъ заняли важныя мѣста въ государственной службѣ. Лопухинъ былъ призванъ ко двору и назначенъ статсъ-секретаремъ, а потомъ пожалованъ въ сенаторы. Карамзинъ писалъ около этого времени изъ Москвы къ брату въ деревню: «Трубецкіе, И. В. Лопухинъ, Новиковъ награждены за претерпѣніе: первые пожалованы сенаторами, Лопухинъ сдѣланъ секретаремъ при императорѣ, а Новиковъ, какъ слышно, будетъ университетскимъ директоромъ». Но слухъ о Новиковѣ оказался не основательнымъ: онъ остался частнымъ человѣкомъ, жилъ въ своемъ Тихвинскомъ, въ неизвѣстности, почти въ бѣдности, страдая физически, но не утративъ бодрости духа и сохранивъ свои убѣжденія до конца жизни.

Лопухинъ. Черты жизни и дѣятельности. Мистическія сочиненія. Масонское ученіе и литература на Западѣ и у насъ. Значеніе и вліяніе русскаго мистицизма XVIII столѣтія на современное русское общество и на русскую литературу. Русскіе мистики и мистико-масонская литература въ первой четверти XIX столѣтія, — *Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Лопухина.* — Къ дѣятельнѣйшимъ членамъ московскаго «Дружескаго общества», послѣ самого Новикова, принадлежалъ *Лопухинъ*, Иванъ Владиміровичъ (1756—1816). Частная и общественоая дѣятельность Лопухина представляетъ рѣдкій

примѣръ гражданской доблести, непоколебимой твердости нравственыхъ правилъ и высокой, истинно-христіанской любви къ ближнему. Мы видимъ въ немъ одного изъ полнѣйшихъ представителей того направленія, которымъ отличались люди новиковскаго кружка и вообще одну изъ лучшихъ, возвышеннѣйшихъ личностей своего времени. Написанныя же Лопухинымъ, въ разное время сочиненія уясняютъ, до нѣкоторой степени, сущность мистическихъ ученій, бывшихъ въ ходу у русскихъ масоновъ и сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о дѣятельности Новикова и его общества. Въ этомъ отношеніи особенно интересны оставленныя Лопухинымъ «Записки», которыя ярко рисуютъ гуманную личность самого автора и даютъ живое представленіе о прожитой имъ эпохѣ.

Лопухинъ воспитывался въ домѣ отца своего, генералъ-поручика, — человѣка весьма достаточнаго и принадлежавшаго къ родовому русскому дворянству; но тѣмъ не менѣе онъ былъ воспитанъ,—какъ сознается самъ въ своихъ «Запискахъ»,—«въ большомъ небреженіи». Русской грамотѣ его училъ домашній слуга, а французскому и нѣмецкому языкамъ тѣ невѣжественные учители изъ иностранцевъ, которыхъ было такъ много въ то время на Руси. Такъ что, по окончаніи своего воспитанія, на 17 году, Лопухинъ не выучился ничему порядочно, не зналъ даже грамматическихъ правилъ роднаго языка, хотя, какъ онъ замѣчаетъ, ему и пришлось въ жизни много писать и даже сочинять книги на природномъ языкѣ. «Однимъ словомъ—прибавляетъ Лопухинъ—если я что знаю, то подлинно самоучкою». По обычаю того времени, онъ былъ записанъ въ гвардію, и въ 1775 году былъ уже произведенъ въ прапорщики преображенскаго полка. Слабость здоровья не позволила, однако, Лопухину долго оставаться въ военной службѣ: черезъ шесть лѣтъ, проведенныхъ имъ большею частію въ болѣзненныхъ страданіяхъ, онъ, по своей просьбѣ, «за болѣзнями, отставленъ изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи къ статскимъ дѣламъ полковникомъ». Это время физическихъ страданій,—«въ самыя бурныя лѣта молодости—говоритъ Лопухинъ—было для меня большою опытною школою терпѣнія и много послужило въ пользу охотѣ моей къ чтенію». Изъ отраслей гражданской службы, въ которую онъ готовился перейти, его особенно занимала уголовная часть—и онъ усердно занимался ея изученіемъ. При введеніи въ дѣйствіе (1782) новаго учрежденія о губерніяхъ, онъ былъ опредѣленъ совѣтникомъ московской уголовной палаты, а впослѣдствіи былъ сдѣланъ ея предсѣдателемъ. Должность уголовнаго судьи открывала обширное поле дѣятельности для врожденнаго чувства человѣколюбія и высокихъ человѣчныхъ стремленій Лопухина. Онъ поставилъ себѣ за правило въ этой должности—держаться умѣренности въ опредѣленіи наказанія виновнымъ, смягчать жестокость наказаній и соблюдать точность и строгій законный порядокъ въ изслѣдованіи дѣла, дабы не осудить невиннаго или не наказать виновнаго выше мѣры. Въ своихъ «Запискахъ» онъ излагаетъ тотъ взглядъ и понятія о сущности и цѣли наказаній, которыми онъ постоянно руководствовался во время своей юридической службы. «Въ правительствахъ христіанскихъ—говоритъ онъ исправленіе наказуемаго и обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ. Все же, что превосходитъ сію мѣру, есть только *без-*

плодное терзаніе человѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему, или лютости.... Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія къ человѣчеству и одно всегда безплодное тиранство.... Мщеніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплею не должно вливаться въ наказаніе». Руководствуясь этими основными понятіями о цѣли наказаній уголовныхъ, Лопухинъ возстаетъ противъ опредѣленія виновымъ «наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни» и противъ смертной казни. «Смертная казнь—говоритъ онъ—по моему мнѣнію, безполезна,—кромѣ того, что одному только Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую ее можно пресѣчь, не возмущая порядка его Божественнаго строенія». Относительно обязанностей судьи и въ предостереженіе того, чтобы онъ не подвергся умышленнымъ или неумышленнымъ ошибкамъ, Лопухинъ говоритъ, что судья обязанъ *дѣлать правду для самой правды, всѣмъ сердцемъ ее любя*, и въ каждомъ имъ судимомъ, *сердечно видѣть прямо ближняго своего.*

Вотъ тѣ высоко-гуманные и благородные принципы, которымъ слѣдовалъ Лопухинъ неуклонно во время своей юридической практики. Но для того, чтобы проводить въ то время эти принципы въ жизнь, Лопухину нужно было обладать большимъ запасомъ гражданскаго мужества и энергической стойкостію характера. Будучи еще совѣтникомъ палаты, онъ постоянно встрѣчалъ оппозицію въ своихъ товарищахъ, при опредѣленіи умѣренныхъ наказаній осужденнымъ, и только посредствомъ споровъ—«и часто весьма жаркихъ»—по его словамъ—могъ отстаивать свои человѣколюбивыя стремленія. Но когда онъ сдѣлался старшимъ въ палатѣ, то ему стало удобнѣе держаться неизмѣнно своихъ правилъ. Тѣмъ не менѣе эти благородныя и человѣчныя стремленія Лопухина возбуждали неудовольствіе противъ него не только въ тогдашней приказной сферѣ, сроднившейся съ совершенно иными взглядами на наказанія, но и въ мало-развитомъ тогдашнемъ обществѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Лопухинъ въ своихъ «Запискахъ»: «Неохотники до меня и столько жь, кажется, вообще до человѣчества, тамъ, гдѣ нѣтъ въ немъ ихъ интересовъ, вопіяли осужденіями такъ-называвшагося ими моего милосердія. Говорили, что я развожу злодѣевъ и воровъ. Однако, по счастію моему, что ли, гораздо ихъ меньше стало съ открытія въ Москвѣ уголовной палаты, при умѣренныхъ ея наказаніяхъ, заступившихъ мѣсто тѣхъ лютостей торговой казни, коими передъ тѣмъ московское правительство (т. е. прежніе московскіе уголовные судьи) нѣсколько лѣтъ отличалось и о которыхъ безъ ужаса вспомнить нельзя». Лопухинъ, не взирая ни на что, продолжалъ слѣдовать своимъ правиламъ умѣренности въ наложеніи наказаній, и главнокомандующій въ Москвѣ, гр. З. Г. Чернышевъ всегда давалъ свое согласіе на его приговоры. Но когда, послѣ смерти Чернышева, на его мѣсто былъ назначенъ графъ Брюсъ, не расположенный къ обществу мартинистовъ, скоро сдѣлавшійся гонителемъ Лопухина, то онъ прямо возсталъ противъ его системы смягченія наказаній и не утверждалъ приговоровъ палаты: «Первое неудовольствіе его собственно противъ меня—говоритъ Лопухинъ—было за то, что малое число ударовъ (преступникамъ) палатой опредѣлялось». Лопухинъ, однако, и тутъ не уступалъ и мужественно

отстаивалъ свои принципы и приговоры уголовной палаты. Брюсъ долженъ былъ потомъ съ ними соглашаться, покоряясь нравственной твердости и доводамъ Лопухина,—хотя онъ тѣмъ не менѣе не переставалъ его преслѣдовать, и Лопухинъ вынужденъ былъ наконецъ оставить службу.

Послѣ выхода въ отставку, именно съ 1785 г., Лопухинъ принимаетъ самое живое участіе въ филантропической и издательской дѣятельности «Типографической компаніи». Къ этому времени относится и большая часть его собственныхъ литературныхъ трудовъ (см. ниже), написанныхъ съ цѣлію объяснить большинству сущность масонскаго ученія и защитить отъ нареканій московское «Дружеское общество», которымъ нерѣдко подвергалась его дѣятельность въ публикѣ. Лопухинъ упоминаетъ въ своихъ «Запискахъ», что онъ имѣлъ «большую дирекцію и переписку по обществу». Вообще извѣстно, что дѣятельность его имѣла большое значеніе въ средѣ членовъ «Дружескаго общества» и «Типографической компаніи». Онъ былъ великимъ мастеромъ одной изъ масонскихъ ложъ въ Москвѣ и не только посвящалъ свое время и свои труды, но отдавалъ и все свое состояніе на пользу филантропическихъ учрежденій, для распространенія грамотности и образованія въ народѣ и для вспомоществованій бѣднымъ, которыми бывалъ почти всегда наполненъ огромный дворъ его наслѣдственнаго дома въ Москвѣ. Въ этомъ же домѣ, приходившемъ въ разрушеніе отъ ветхости, жилъ онъ самъ. О благотворительности Лопухина долго сохранялись преданія въ Москвѣ. Мы упоминали выше, что для содѣйствія успѣхамъ своего Общества, Лопухинъ открылъ собственную типографію въ Москвѣ. На его же счетъ были посланы за границу, для усовершенствованія въ наукахъ, студенты Невзоровъ и Колокольниковъ.

Мы уже знаемъ, что Лопухинъ, какъ дѣятельнѣйшій членъ московскаго «Дружескаго общества», подвергся преслѣдованію за свое участіе въ немъ. Онъ сообщаетъ въ своихъ «Запискахъ» весьма важныя свѣдѣнія о дѣятельности и цѣляхъ этого общества и о постигшей его катастрофѣ, главную причину которой Лопухинъ видитъ въ придворныхъ интригахъ и въ невѣжественныхъ обвиненіяхъ самой публики. «Мы столько были невинны—говоритъ онъ—что и не старались оправдываться, а только при случаяхъ говорили правду о цѣли и упражненіяхъ нашего Общества, но намъ не вѣрили».

Выше было сказано, что со вступленіемъ на престолъ императора Павла, Лопухинъ былъ вызванъ въ Петербугъ и сдѣланъ статсъ-секретаремъ. А до того времени, послѣ уничтоженія «Дружескаго общества», онъ жилъ въ Москвѣ, занимаясь литературными трудами и отдавшись попеченію о своемъ больномъ отцѣ, который, въ годы глубокой старости, лишился зрѣнія.

Лопухинъ, при упрямой стойкости своихъ убѣжденій, почти всегда рѣзко высказываемыхъ, не могъ, однако, долго оставаться въ придворной сферѣ: онъ былъ скоро удаленъ отъ должности секретаря при государѣ и получилъ мѣсто сенатора въ Москвѣ, съ пожалованіемъ въ тайные совѣтники. Юридическая практика Лопухина въ сенатѣ отличалась точно тѣмъ-же человѣлюбивымъ характеромъ и благородными стремленіями, которые намъ извѣстны изъ его службы въ уголовной палатѣ: строгая, неподкупная правда, прямота и чест-

ность убѣжденій, мягкость суда и наказанія—были девизомъ его служебной дѣятельности въ сенатѣ, какъ и прежде въ уголовной палатѣ. Защищая свои убѣжденія, онъ шелъ не разъ противъ мнѣній большинства сенаторовъ и генералъ-прокурора, и нерѣдко успѣвалъ склонить всѣхъ къ своему мнѣнію. Но были дѣла, гдѣ и Лопухинъ, не смотря на всю гуманность и чистоту своихъ стремленій, является человѣкомъ съ господствующими въ его время взглядами и предразсудками. Это именно дѣла по вопросу о крѣпостномъ правѣ, существованіе котораго онъ признавалъ необходимимъ для сохраненія общаго порядка и спокойствія; и потому помѣщичья власть надъ крестьянами находила себѣ въ Лопухинѣ одного изъ своихъ прямыхъ поборниковъ и защитниковъ. Исторія не осудитъ, конечно, Лопухина за то, что онъ, слѣдуя рутинному взгляду и понятіямъ своего вѣка, горько заблуждался въ настоящемъ случаѣ и тѣмъ какъ-бы становился въ прямое противорѣчіе съ собственными убѣжденіями и съ духомъ истиннаго христіанства, которымъ запечатлѣна вся его общественная и частная дѣятельность. Онъ, однако, и тутъ высказывалъ со свойственною ему прямотою и честностію свои отжившіе для нашего времени взгляды и понятія по вопросу о крѣпостномъ правѣ. «Я первый, можетъ быть, желаю—говоритъ онъ—чтобъ не было на русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, еслибъ только то безъ вреда для нея возможно было. Народъ требуетъ обузданія,—и для собственной пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ». Ложность такого убѣжденія, осужденнаго историческимъ ходомъ самой жизни, безъ сомнѣнія, не требуетъ опроверженія въ наше время. Но Лопухинъ былъ тѣмъ не менѣе человѣкъ истино-гуманный, глубоко преданный дѣлу народа и искренно заботившійся объ улучшеніи его участи и о нуждахъ народныхъ. Это намъ доказываетъ вся его дѣятельность на гражданскомъ поприщѣ и особенно его дѣятельность при ревизіи губерній, поручавшихся ему, какъ сенатору. Одна изъ такихъ ревизій была поручена ему еще при Павлѣ. Въ 1800 г. онъ былъ посланъ, вмѣстѣ съ сенаторомъ Спиридовымъ, для обревизованія губерній: вятской, казанской и оренбургской. При своей ревизіи, Лопухинъ лично входилъ въ подробности о положеніи и о нуждахъ крестьянскаго сословія, заботился объ уменьшеніи сборовъ, разбиралъ жалобы крестьянъ и защищалъ ихъ отъ притѣсненій и чиновничьяго насилія. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи одинъ изъ случаевъ другой ревизіи Лопухина, порученной ему уже императоромъ Александромъ I, который имѣлъ большое довѣріе къ Лопухину. Въ 1801 г. онъ былъ посланъ, вмѣстѣ съ сенатоторомъ Нелединскимъ-Мелецкимъ, для осмотра слободско-украинской (т. е. харьковской) губерніи, гдѣ ему пришлось разбирать дѣло о раскольнической сектѣ «духоборцевъ», поселенныхъ въ той губерніи. Подробности этого дѣла изложены Лопухинымъ въ его «Запискахъ» и крайне интересны какъ для его собственной характеристики, такъ и потому, что представляютъ живую картину современныхъ нравовъ и понятій. Въ донесеніяхъ мѣстной администраціи о духоборцахъ они представлялись всегда возмутителями, не признающими никакихъ властей, и потому противъ нихъ употреблялись постоянно мѣры жестокихъ преслѣдованій и наказаній. Лопухинъ, ознакомившись

лично съ духоборцами и разсмотрѣвъ ихъ дѣло, нашелъ въ нихъ, напротивъ, людей мирныхъ, исполненныхъ только «безмѣрными, фанатическими предразсудками» своей секты. Но—говоритъ Лопухинъ—«сила духа вѣры въ нихъ замѣчательная и общая; никто почти изъ нихъ грамотѣ не знаетъ хорошенько, писать изъ многихъ, бывшихъ у насъ, худо умѣлъ только одинъ, а всякій о законѣ говоритъ, какъ книга». Они полюбили Лопухина, были съ нимъ откровенны и наконецъ подали ему прошеніе, съ изъявленіемъ своей вѣрности и усердія къ государю. Лопухинъ остановилъ всѣ распоряженія мѣстныхъ властей, свѣтскихъ и духовныхъ, относительно мнимаго усмиренія духоборцевъ и ихъ увѣщанія, доказалъ, что безпокойства въ ихъ средѣ всегда возбуждались тѣмъ, что начинали ихъ «увѣщевать не вовремя, безъ нужды, неискусно, ожесточали ихъ, и не такъ понимали». Въ донесеніи государю онъ защитилъ ихъ противъ обвиненій въ возмутительствѣ и представлялъ о необходимости дѣйствовать на нихъ мѣрами кроткими, въ духѣ истинной терпимости. Но такая благородная терпимость и мѣры благодушной кротости въ обращеніи съ раскольниками мало согласовались съ тогдашними понятіями: немногіе отзывались хорошо о дѣствіяхъ Лопухина, большею же частію осуждали его и бранили. «Впрочемъ—говоритъ онъ—при всемъ производствѣ онаго дѣла о духоборцахъ, съ начала самаго, не ожидалъ я себѣ пріятности по службѣ, а предметомъ имѣлъ я оказать услугу общей государству пользѣ и человѣчеству, хотя бы самому и много потерпѣть за то досталось». Императоръ Александръ, однако, вполнѣ одобрилъ дѣствія Лопухина: онъ получилъ благодарственный рескриптъ отъ государя, а образъ его дѣйствій поставленъ въ примѣръ губернаторамъ и указанъ имъ для общаго руководства въ дѣлахъ о раскольникахъ. Духоборцамъ же государь повелѣлъ выдать необходимое пособіе и дозволилъ имъ поселиться отдѣльно, сообразно съ ихъ желаніемъ и представленіемъ Лопухина, на Молочныхъ-Водахъ (въ нын. тавр. губ.), гдѣ ихъ поселенія сдѣлались скоро лучшими и богатѣйшими въ цѣломъ краю. Такимъ образомъ, Лопухинъ обезпечилъ матеріальное благосостояніе этихъ людей и защитилъ ихъ отъ жестокихъ гоненій, которымъ они такъ часто подвергались въ прежнее время.

Въ царствованіе Александра Лопухину давались и другія важныя порученія—и нигдѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ, онъ не измѣнялъ себѣ или своимъ правиламъ; вездѣ онъ являлся защитникомъ праваго дѣла и интересовъ народа, человѣкомъ, одушевляемымъ сильнымъ чувствомъ христіанской любви къ ближнему и отличавшимся твердыми, непоколебимыми нравственными убѣжденіями.

Въ 1812 году, за два дня до вступленіями въ Москву Французовъ, Лопухинъ выѣхалъ изъ города въ свое помѣстье с. Савинское (въ 37 верст. отъ Москвы), въ которомъ провелъ и послѣдніе годы своей жизни.

Мистическія сочиненія. Масонство на Западѣ и у насъ. Масонская литература—Большая часть сочиненій Лопухина относится къ мистической или къ такъ-называемой масонской литературѣ. Онъ не имѣлъ оригинальнаго литературнаго таланта; онъ самъ сознается въ этомъ не разъ въ своихъ «Запискахъ». Появленіе въ свѣтъ того или другаго изъ его сочиненій почти всегда

обусловливалось какою-либо случайностію, относившеюся къ дѣятельности или къ выясненію направленія того кружка людей, къ которому онъ принадлежалъ. «Писалъ я — говоритъ Лопухинъ — всегда по нуждѣ или для препровожденія времени, для пріятелей, или то, что, по моему мнѣнію, могло принести пользу». Лопухинъ прибѣгалъ къ литературѣ, какъ къ средству для защиты и для распространенія въ массѣ идей и нравственныхъ началъ того ученія, которому онъ слѣдовалъ самъ и изъ котораго вытекала, главнымъ образомъ, практическая дѣятельность людей новиковскаго кружка. Ученіе это было *масонство*, или *франмасонство*, перенесенное къ намъ, подобно другимъ западнымъ ученіямъ, изъ Европы еще до времени царствованія императрицы Елисаветы, — какъ мы уже замѣтили выше *):

---

*) Масонство, въ томъ видѣ, какъ оно проявилось въ Европѣ въ XVIII столѣтіи, т. е. какъ тайное общество людей, связанныхъ между собою братскимъ союзомъ, открыто посвящавшихъ свою дѣятельность нравственнымъ и филантропическимъ цѣлямъ, но облекавшихъ глубокою тайною и странными символическими формами и обрядами тѣ вѣрованія и убѣжденія, во имя которыхъ они соединялись и дѣйствовали, — въ этомъ видѣ масонство стало распространяться въ западной Европѣ также не ранѣе первыхъ годовъ прошлаго вѣка. „Великая" масонская ложа въ Лондонѣ была открыта въ 1717 году; во Францію масонство было принесено въ 1725 г. лордомъ Дервентъ-Вотерсомъ, однимъ изъ приверженцевъ Стюартовъ, а сильное развитіе его въ Германіи началось только около 1740 года. Сами же масоны относятъ происхожденіе своего ордена къ незапамятнымъ временамъ (за 4000 лѣтъ до Христа) и указываютъ на его таинственную связь съ нѣкоторыми великими эпохами и замѣчательными событіями всемірной исторіи: такъ они ведутъ свое начало то отъ таинствъ древняго Египта и Греціи, то отъ времени построенія Соломонова храма, то отъ рыцарскаго ордена Тампліеровъ и т. п. Вѣроятно лишь то, что масоны заимствовали организацію ордена, его названіе, символическіе знаки (молотокъ, кожанный передникъ, угломѣръ, ватерпасъ и проч.) и обряды отъ строительнаго цеха среднихъ вѣковъ, члены котораго собственно и назывались „свободными каменьщиками" (free masons, franc-maçons, Freimaurer). Эта братская ассоціація средневѣковыхъ строителей каменьщиковъ пользовалась въ свое время большими привиллегіями, имѣла свой судъ и находилась подъ особеннымъ покровительствомъ папъ и королей. Она содержала въ строгой тайнѣ свои познанія въ строительномъ искуствѣ, открывая ихъ своимъ членамъ послѣ долгихъ испытаній и подъ условіемъ соблюденія строжайшей тайны. Когда же, съ успѣхомъ человѣческихъ знаній, искуство строить и всѣ архитекторскіе пріемы, долго хранившіеся въ тайнѣ, сдѣлались наконецъ извѣстными и доступными для всѣхъ; то и ассоціація привиллегированныхъ средневѣковыхъ каменьщиковъ должна была утратить свой первоначальный смыслъ и значеніе. Тѣмъ не менѣе, однако, она продолжала существовать въ тѣхъ же внѣшнихъ формахъ, но уже съ иными цѣлями и характеромъ, сохранивъ отъ прежней организаціи своей одинъ лишь принципъ братства и прежніе символическіе знаки и обряды. Въ число членовъ преобразовавшагося, такимъ образомъ, союза свободныхъ каменьщиковъ стали поступать уже не одни только архитекторы, или строитили, но свободные и образованные люди всѣхъ сословій. Новый союзъ пересталъ быть ремесленнымъ цехомъ. Онъ сдѣлался союзомъ чисто-человѣческимъ и сталъ преслѣдовать общечеловѣческія цѣли. Первые слѣды масонства въ этомъ видѣ появляются въ Англіи, откуда оно потомъ распространилось во всѣхъ странахъ свѣта, сохраняя почти вездѣ одина-

Масонское ученіе имѣло преимущественно характеръ нравственно-религіозный и практическій. Оно силилось перенести изъ области теоріи въ практическую жизнь тѣ идеи и ученія, которыя выработывались въ школѣ англійскихъ философовъ, со времени Локка. Въ основныхъ началахъ своихъ оно сходилось съ мнѣніями такъ-называемыхъ «деистовъ», провозгласившихъ ученіе о религіи разума, или о «естественной» религіи, требовавшихъ отъ человѣка, во имя этой религіи, высоко-нравственной жизни и дѣятельности и отвергавшихъ всякій догматизмъ въ дѣлахъ вѣры, проповѣдывавшихъ о свободѣ совѣсти, о религіозной терпимости и о равенствѣ гражданскихъ правъ, не взирая на различіе вѣроисповѣданій. На этихъ-то именно основаніяхъ широкой терпимости и дѣятельной любви къ ближнему и человѣчеству франмасонство думало воздвигнуть свою религію,—одну общечеловѣческую религію, во имя которой оно хотѣло создать великое дружеское братство между людьми, основанное единственно на началахъ свободы совѣсти, братской любви и человѣческаго равенства: масонскій союзъ былъ открытъ одинаково для всѣхъ, члены союза называли себя братьями и клялись всегда и вездѣ помогать другъ другу, каковы бы ни были ихъ индивидуальныя религіозныя вѣрованія, ихъ національность, или ихъ общественное положеніе.

Пламенная религіозность и мистицизмъ составляли притомъ основныя свойства масонскаго ученія. Своими религіозно-мистическими тенденціями франмасонство становилось, такимъ образомъ, въ рѣшительный контрастъ, съ скептицизмомъ и матеріалистической философіей вѣка, отвергавшей всякую таинственность и всякую религію и не признававшей въ человѣкѣ его духовной стороны и духовныхъ стремленій.

Обширная мистическая литература, посредствомъ которой западное масонство вело борьбу съ матеріалистами и атеистами, усердно переводилась на русскій языкъ заботами московскихъ масоновъ, старавшихся распространять въ массѣ читателей религіозно-мистическія воззрѣнія и тенденціи своего ордена. Къ этому-же роду литературы принадлежали и собственныя сочиненія нашихъ

ковую организацію и раздѣляясь на множество небольшихъ группъ, называемыхъ *ложами*. Дѣятельность западнаго масонства получила особенно сильное развитіе съ половины XVIII вѣка, когда оно замѣшалось въ философское и политическое движеніе эпохи и примкнуло къ разнымъ мистическимъ ученіямъ и тайнымъ обществамъ того времени. Это обстоятельство, таинственность, въ которую всегда облекали масоны основные догматы своего ученія и свои „работы" въ ложахъ, и наконецъ ихъ тайныя собранія внушали къ нимъ недовѣріе въ правительствахъ и въ публикѣ и подвергали ихъ преслѣдованіямъ почти во всѣхъ странахъ Европы, не смотря на то, что къ масонскому ордену принадлежали, въ разныя времена, извѣстныя, знатныя и даже коронованныя лица, какъ напримѣръ: Фридрихъ II, прусскій, Густавъ III, король шведскій, Фердинандъ. владѣтельный герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, бывшій въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка почетнымъ главою масонскихъ ложъ большей части Европы, и мног. друг. Подробности о франкъ-масонахъ, ихъ ученіи, сектахъ и проч. какъ на Западѣ, такъ и у насъ см. въ книгѣ г. Лонгинова и въ „Исторіи всеобщей литературы XVIII вѣка", *Гетнера*. Т. I.—Тотъ кружокъ московскихъ мартинистовъ, который составлялъ „Дружеское общество", весь принадлежалъ по масонству къ „розенкрейцерамъ", или къ ордену „Злато-розоваго Креста", учрежденному въ Москвѣ профес. Шварцомъ (Лонг. 177 и д.).

масоновъ,—впрочемъ далеко не такъ многочисленныя, какъ переводы произведеній западныхъ мистическихъ писателей. Въ числѣ извѣстныхъ намъ въ настоящее время оригинальныхъ сочиненій московскихъ масоновъ важное мѣсто занимаютъ книги Лопухина: 1) *Нравоучительный катихизисъ истинныхъ франкъ-масоновъ*, 2) *Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и различныхъ путяхъ заблужденія и гибели* и 3) *Духовный рыцарь, или ищущій премудрости.*

Цѣль изданія и распространенія въ публикѣ катихизиса, по словамъ самого Лопухина, заключалась въ томъ, чтобы представить въ самыхъ истинныхъ и краткихъ чертахъ всѣ начала науки и нравственности масонскаго общества. «Сіе мнѣ случилось нечаянно,—говоритъ Лопухинъ: часто бывалъ я тогда у преосвящ. Платона, митрополита московскаго, котораго отличнымъ благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего общества, однакожъ разставались мы всегда пріятелями. Однажды, разговаривая съ нимъ, при возраженіяхъ на его критику, родилась у меня мысль объ ономъ катихизисѣ, и я его тутъ же составилъ такъ, что, пріѣхавъ домой, тотчасъ его написалъ и переведя на французскій языкъ, я напечаталъ его въ типографіи компаніи нашей и отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ». Такимъ образомъ французскій переводъ катихизиса Лопухина *) появился прежде русскаго подлинника, который не былъ имъ изданъ отдѣльно, а помѣщенъ при двухъ другихъ его сочиненіяхъ, названныхъ нами выше: «Духовный рыцарь» и «О внутренней церкви». Въ послѣдней книгѣ катихизисъ этотъ помѣщенъ съ нѣкоторыми исключеніями и прибавками и названъ *краткимъ изображеніемъ качествъ и должностей истиннаго христіанства.* Масонскій катихизисъ Лопухина ограничивается, однако, по большей части, краткимъ изложеніемъ простыхъ христіанскихъ истинъ и общей морали и не заключаетъ въ себѣ какихъ-либо характеристихъ особенностей, по которымъ можно бы было судить объ основныхъ убѣжденіяхъ и догматахъ масонскаго ученія, хотя въ немъ и употребляются нѣкоторыя мистическія формулы и выраженія, какъ напримѣръ, о «средоточіи солнца» и т. п. Въ подтвержденіе сказаннаго, приводимъ нѣкоторыя выписки изъ катихизиса Лопухина, на чисто христіанскій характеръ котораго уже указываетъ самый эпиграфъ его, выбранный авторомъ изъ Евангелія «Аще Сынъ вы свободитъ, тогда свободни будете».

В. Чѣмъ наипаче отличается истинный Ф. М.?

О. Духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ христіанскимъ.

В. Какой главный долгъ истиннаго Ф. М.?

О. Любить Бога паче всего, и ближняго, какъ самого себя или еще болѣе.

В. Какое должно быть главное упражненіе (работа) истиннныхъ Ф. М.?

О. Послѣдованіе Іисусу Христу.

---

*) Съ заглавіемъ: Cathéchisme moral pour les vrais F. M. (Francs-Maçons) — небольшая брошюра, въ 16 стран.

В. Какія суть самыя вѣрныя знаки послѣдованія Іисусу Христу.

О. Чистая любовь, преданность и крестъ.

В. Какая должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего государя?

О. Онъ долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не только доброму и кроткому, но и строптивому.

В. Когда перестанетъ всякій трудъ и работа? (т. е. работа истинныхъ Ф. М.)

О. Когда не останется на земли ни единной воли, которая бы не совершенно предалась Богу; когда золотой вѣкъ, который Богъ хощетъ прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, распространится вездѣ и явится внѣшне, и когда царство самой натуры освободится отъ проклятій и возвратится въ средоточіе солнца. (См. «Записки» Лоп., стр. 24—40).

Въ «Духовномъ рыцарѣ», по словамъ Лопухина, «представлены краткими чертами главные пункты *герметической* науки *), образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка, начала самопознанія и глубокой морали». Но—образъ святилища герметической науки и ходъ внутренняго обновленія человѣка весьма мало выясняются изъ «Духовнаго рыцаря» Лопухина; потому что всѣ разсужденія автора объ этихъ предметахъ отличаются тою же туманностію изложенія и несвязностію идей, какія свойственны вообще всѣмъ мистическимъ произведеніямъ. Это сочиненіе Лопухина, равно какъ и его книга «О внутренней церкви», свидѣтельствуютъ только, что русскіе масоны не были чужды тѣхъ странныхъ теософско-мистическихъ ученій и теургическихъ мечтаній, которыя проповѣдывались извѣстнѣйшими изъ западныхъ мистиковъ и теозофовъ. Сочиненія Якова Бёма и его послѣдователей **) пользовались боль-

---

*) *Герметическая* наука, *герметическое* искусство, *герметическая* философія — этими названіями обозначали вообще алхимію, — одну изъ тѣхъ тайныхъ наукъ, которая, вмѣстѣ съ тайной медициной, астрологіей и магіей, до раціональныхъ успѣховъ химіи и вообще наукъ естественныхъ, долго царствовала въ Европѣ и имѣла жаркихъ адептовъ. Изобрѣтателемъ алхиміи считаютъ Гермеса Трисмигиста, египетскаго Меркурія, отъ котораго она и получила названіе. Алхимики, или герметическіе философы, стремились проникнуть во всѣ тайны творенія, толковали о „сѣмени всѣхъ вещей", о „стихійныхъ вещахъ и духахъ", объясняли всѣ естественныя дѣйствія тремя главными дѣятелями — солью, сѣрой и ртутью, занимались перетвореніемъ неблагородныхъ металловъ въ благородные, съ химирическою цѣлію — дѣлать золото и отыскать *панацею*, или всеобщее лѣкарство для безконечнаго продленія человѣческой жизни. Всемогущій дѣятель, къ отысканію котораго устремлялись всѣ усилія алхимиковъ и при помощи котораго они думали производить всѣ названныя чудеса, извѣстенъ подъ именемъ *философскаго камня*. Въ рядахъ герметическихъ философовъ пользовались большею славою: монахъ Рожеръ Баконъ, Альбертъ-Великій, Парацельсъ и друг. Послѣдній прославился приложеніемъ алхиміи къ медицинѣ.

*) *Яковъ Бёмъ*, или *Бёме* (Bœhme) принадлежитъ къ числу самыхъ туманныхъ нѣмецкихъ *теозофовъ* XVIII вѣка, составляющихъ особый разрядъ мистическихъ философовъ, которые, въ дѣлѣ познанія истины, руководствовались внутреннимъ чувствомъ и непосредственнымъ вдохновеніемъ, а не философскимъ мышленіемъ и наукой. Къ выводамъ разума, къ опытамъ науки они относились обыкновенно съ

шимъ уваженіемъ и почитались важнѣйшими догматическими книгами у московскихъ мистиковъ новиковскаго кружка. Русскіе переводы сочиненій Бёма: «О тройственной жизни», «О благодатномъ избраніи», «Mysterium magnum» обращались между ними въ рукописяхъ и кромѣ того у нихъ былъ распространенъ отдѣльный сборникъ, составленный изъ всѣхъ сочиненій Бёма, при содѣйствіи Новикова и Гамалѣи, подъ заглавіемъ: «Серафимскій цвѣтникъ, или духовный экстрактъ изъ всѣхъ писаній Іакова Бёма».

Изъ послѣдователей Бёма любимыми писателями московскихъ масоновъ были: англійскій мистикъ, докторъ Пордеджъ и Сенъ-Мартенъ, называвшій себя «неизвѣстнымъ философомъ» (le philosophe inconnu). Пордеджъ, жаркій послѣдователь Бёма, старался привести въ систему ученіе и идеи своего учителя, и съ этою цѣлію написалъ нѣсколько сочиненій. Извѣстнѣйшія изъ нихъ: «Мистическое богословіе» и «Божественная и истинная метафизика», которая была переведена порусски съ нѣмецкаго и напечатана у насъ, безъ означенія года и мѣста печати. Въ основѣ весьма страннаго ученія Сенъ-Мартена лежатъ также идеи Бёма, главнѣйшія сочиненія котораго онъ и перевелъ на французскій языкъ. Изъ многочисленныхъ мистическихъ произведеній Сенъ-Мартена была переведена порусски его книга: «О заблужденіяхъ и истинѣ» (Des erreurs et de la verité) *) и напечатана, въ 1785 году, въ типографіи Лопухина. Адепты ученія, сходнаго съ идеями Сенъ-Мартена, получили названіе *мартинистовъ*, которые появились первый разъ въ Парижѣ около 1768 года. Но основателемъ секты мартинистовъ былъ не Сенъ-Мартенъ, а нѣкто Мартинецъ Паскалисъ **), португальскій еврей, ученіе котораго заключалось въ безпорядочномъ смѣшеніи вѣрованій еврейской кабалы съ понятіями гностическими и христіанскими. Секта мартинистовъ, основанная Мартинецомъ Паскалисомъ, имѣла въ виду преимущественно чудеса и таинства теургіи, т. е. различныя сверхъестественныя дѣйствія и явленія, сношенія съ міромъ невидимыхъ силъ

презрѣніемъ. Я. Бёмъ, прозванный „philosophus teutonicus", служитъ главнѣйшимъ представителемъ такого теософскаго мистицизма. Башмачникъ по ремеслу, онъ съ дѣтства былъ посѣщаемъ разными видѣніями, и подъ наитіемъ своего болѣзненнаго вдохновенія написалъ множество (около 20-ти) самыхъ непонятныхъ мистическихъ сочиненій, представляющихъ вообще странную смѣсь метафизики, богословія, алхиміи и астрологіи. Изъ нихъ болѣе извѣстны: „Восходящая Аврора, или корень философіи", „О трехъ началахъ божественной сущности", „О тройственной жизни человѣка", „Сорокъ вопросовъ о душѣ", „Зерцало вѣчности" и проч. Бёмъ имѣлъ послѣдователей вездѣ, даже у насъ въ старину. См. любопытную статью: „Русскіе переводы Якова Бёма", С. П—ва въ *Библіогр. Зап.* 1858 г. № 5, столб. 129—137.

*) Вольтеръ, упоминая по слуху (въ письмѣ къ маршалу Ришелье 1776) о книгѣ Сенъ-Мартена: Des erreurs et de la verité, прибавляетъ: „S'il est bon, il doit contenir cinquante volumes in-folio pour la première partie et une demie-page pour la seconde. Но когда онъ прочелъ эту книгу, то, въ письмѣ къ Даламберу написалъ о ней: „Je ne crois pas qu'on ait jamais rien imprimé de plus absurde, de plus obscur, de plus fou et du plus sot".

**) См. „Du mysticisme au XVIII siècle". Essai sur la vie et la doctrine de Saint-Martin, le philosophe inconnu, par E. *Caro*. Paris, *1852*, *p.* 25—28.

и духовъ, и проч. Сенъ-Мартенъ же хотя и принадлежалъ вначалѣ къ этой сектѣ и раздѣлялъ ея убѣжденія, но потомъ создалъ свою собственную доктрину, которую онъ самъ называетъ «чистымъ спиритуализмомъ» (le spiritualisme pur), но которая въ сущности не отличается отъ мистическихъ мечтаній Якова Бёма и основана на весьма странныхъ и произвольныхъ метафизическихъ вѣрованіяхъ и гипотезахъ. Книги Лопухина: «Духовный рыцарь» и «О внутренней церкви» явно написаны подъ вліяніемъ сочиненій Сенъ-Мартена, ученіе котораго если не вполнѣ раздѣлялось, то близко подходило къ убѣжденіямъ русскихъ масоновъ, или *мартинистовъ*, какъ они у насъ въ то время неправильно назывались. Впрочемъ трудно опредѣлить съ точностію главную сущность убѣжденій и вѣрованій нашихъ мартинистовъ и масоновъ и трудно сказать опредѣлительно, въ чемъ они сходились и въ чемъ расходились съ общими вѣрованіями и убѣжденіями мистическихъ обществъ Европы. Трудно вопервыхъ потому, что мистическія ученія, по самому ихъ свойству и разнообразію въ частностяхъ, едва-ли были приведены гдѣ,—а тѣмъ болѣе у нашихъ мистиковъ XVIII вѣка,—въ стройную и строгую систему. Лопухинъ, опредѣляя цѣль и занятія общества русскихъ мартинистовъ, говоритъ: «Члены общества сего упражнялись въ познаніи самаго себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости, *) содержащимся въ библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ. Возможность откровенія онаго во всѣ времена несомнительна для всякаго разумнаго и вѣрующаго христіанина». («Записки», стр. 15). Всѣ эти познанія, о которыхъ говоритъ здѣсь Лопухинъ, т. е. познаніе самого себя, творенія и Творца, познаніе «начала всѣхъ вещей» и «натуры вещей» собственно и составляли главный предметъ исканій и главную цѣль почти всѣхъ мистическихъ и теософическихъ ученій и большей части мистическихъ обществъ западной Европы. Мистики учили, что для пріобрѣтенія упомянутыхъ познаній нужна не школьная мудрость,—которая въ ихъ глазахъ не имѣла никакого значенія,—а непосредственное вдохновеніе, или внутреннее откровеніе. Нужно, говорили они, погрузиться въ самого себя, во внутреннее святилище своей души, нужно прислушиваться только къ своему внутреннему голосу, чтобы понять всѣ высшія тайны бытія, всю сущность божескихъ и человѣческихъ вещей. Но для этого необходимо совершенное нравственное перерожденіе человѣка и возвращеніе его къ первобытному божественному состоянію, отъ котораго онъ удалился вслѣдствіе грѣхопаденія. Путь, ведущій къ такому возрожденію,—удаленіе отъ грѣха и отъ соблазновъ матеріи, самопознаніе, самоуглубленіе, постоянная работа

---

*) „Сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе не ложное, познати составленіе міра и дѣйствіе стихій, начало, и конецъ и средину временъ, возвратовъ перемѣны и измѣненія временъ, лѣтъ круги и звѣздъ расположеніе, естество животныхъ и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиліе и помышленія человѣковъ, разнство лѣтораслемъ и силы корений“. (Премуд. Солом. VII, 17—22).

надъ своимъ «внутреннимъ человѣкомъ» и высоко-нравственная жизнь. Вотъ условія, при которыхъ дается человѣку внутреннее откровеніе — этотъ таинственный голосъ, открывающій ему всѣ тайны естества и соединяющій его съ божествомъ; ибо постоянныя стремленія и цѣль мистицизма заключались — въ возвышеніи души отъ созерцанія человѣка и природы къ ихъ общему началу— къ Богу.

Убѣжденія и вѣрованія московскихъ мистиковъ, — насколько мы можемъ судить о нихъ по тѣмъ книгамъ, которыя обращались у нихъ и вообще по мистической литературѣ, служившей ихъ органомъ, — кажется, сходились, въ общихъ чертахъ, съ этими основными положеніями западнаго мистицизма. Исканіе истины для пользы и для просвѣщенія человѣчества, развитіе человѣческой природы, во всей ея естественной красотѣ и благородствѣ, дѣятельная нравственная жизнь и дѣятельная любовь къ ближнему и къ человѣчеству — вотъ существенныя черты ученія и дѣятельности и западнаго масонства и нашихъ мартинистовъ, но съ тою, однако, существенной разницею, что для нашихъ мартинистовъ христіанство, всѣ догматы и обряды православной церкви оставались неприкосновенной святыней. Вся жизнь и практическая дѣятельность людей, стоявшихъ во главѣ русскихъ мартинистовъ, равно какъ и сочиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ, ясно свидѣтельствуютъ о ихъ уваженіи и строгомъ почитаніи уставовъ и обрядовъ своей церкви и о томъ глубокомъ религіозномъ чувствѣ, которымъ они были одушевлены. Мы видѣли это изъ приведенныхъ выше выписокъ изъ катихизиса Лопухина. Тѣми же чертами пламенной религіозности отличаются и другія сочиненія Лопухина, какъ напр. «Духовный рыцарь», гдѣ авторъ поставляетъ первой обязанностію каждаго *духовнаго рыцаря, ищущаго премудрости*—«рачительное и вѣрное исполненіе уставовъ и обрядовъ своей религіи». А въ своихъ «Запискахъ» Лопухинъ дѣлаетъ прямое различіе между тайными обществами и философскими системами въ западной Европѣ и дѣятельностію и системою ученія общества московскихъ мартинистовъ. Онъ говоритъ (стр. 21): тѣ общества и системы «были совсѣмъ не похожи на наши. Нашего общества предметъ былъ: добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства, при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; а система наша, что Христосъ—начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и въ будущей». Тогда какъ система западной философіи, по словамъ Лопухина, заключалась въ томъ, чтобы «отвергать Христа. А обществъ оныхъ предметъ: заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству».

Это рѣзкое отличіе, дѣлаемое Лопухинымъ въ характерѣ ученія и стремленій мистическихъ обществъ въ Европѣ и у насъ, въ сущности совершенно справедливо. Но нельзя сказать того же о нѣкоторыхъ частностяхъ мистическаго ученія, которыя были общи какъ западнымъ, такъ и нашимъ мистикамъ.

Масонское ученіе на западѣ не удержалось, какъ извѣстно, въ строгой чистотѣ своего первобытнаго направленія: въ него скоро вмѣшались всякаго рода политическія интриги и, что еще хуже, здѣсь нашли свою прибыль даже

творившіе чудеса фокусники и алхимики*). Мы знаемъ, что наши мартинисты и масоны прежде всего заявляли свою преданность и покорность властямъ и остерегались отъ всякаго вмѣшательства въ политическія дѣла. Но вѣра въ «тайныя» ученія, вмѣстѣ съ теософскимъ мистицизмомъ,—какъ мы можемъ судить по нѣкоторымъ чертамъ, — проникла и къ нимъ и раздѣлялась такими людьми, какъ Шварцъ, Новиковъ, Лопухинъ, и друг. Правда, изъ масонской переписки Новикова**) видно, что призываніе духовъ и прочія таинственныя чудеса, въ которыхъ упражнялись нѣкоторыя заграничныя масонскія ложи, имъ строго осуждаются во имя религіи. Онъ говоритъ, что — «призываніе духовъ не что иное есть, какъ мерзость Ваалова, или такъ называемая какомагія, проклинаемая во многихъ мѣстахъ св. писанія». Лопухинъ также вооружается (въ книгѣ «О внутренней церкви») противъ людей, «принадлежащихъ къ тайнымъ наукамъ, къ упражненіямъ въ буквахъ теософіи, кабалы, алхиміи», и проч. Онъ называетъ преданныхъ этимъ наукамъ «духовными сластолюбцами» и причисляетъ ихъ къ церкви антихристовой. Но онъ вооружается только противъ тѣхъ, кто прилѣпляется къ тайнымъ наукамъ *не по любви къ истинѣ*, а лишь «для удовлетворенія своего самолюбія, любопытства, корыстолюбія и себялюбія». Слѣдственно Лопухинъ возстаетъ только противъ злоупотребленія тайными науками; самъ же онъ не только вѣритъ въ ихъ истинность, но и придаетъ имъ важное значеніе: онъ тутъ же говоритъ, что *истинная* химія, служитъ «для высшаго просвѣтленія человѣка». А названія—«истинная» химія, «истинная» физика, на языкѣ мистиковъ, означали все ту же средневѣковую «герметическую» науку, о которой говорено выше. Химія же и физика и вообще естествознаніе, въ ихъ раціональномъ и строго-научномъ значеніи, не пользовались вовсе уваженіемъ мистиковъ. Новиковъ, въ извѣстныхъ письмахъ къ Карамзину, рѣзко вооружался подъ старость противъ новыхъ открытій и современныхъ успѣховъ въ естественныхъ наукахъ и относился къ нимъ съ совершеннымъ недовѣріемъ. Новиковъ и его товарищи по мистицизму смотрѣли на изслѣдованіе природы съ точки зрѣнія средневѣковой науки и герметическихъ философовъ. Неудивительно поэтому, что открытія и изслѣдованія знаменитаго Лавуазье—о газахъ, о воздухѣ, о водѣ,—произведшія рѣшительный переворотъ въ химіи и физикѣ и разрушившіе окончательно старую систему естествознанія, казались мистикамъ не болѣе, какъ «бреднями«. Въ первомъ письмѣ къ Карамзину Новиковъ говоритъ: «Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими-то газами, т. е. пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни смысла... Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыхъ Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій, за то только, что, по ихъ высокой наукѣ, что можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота и какое нищенское понятіе о стихіяхъ!» Съ такою же рѣзкостію онъ выражается и противъ современныхъ открытій въ астрономіи,

---

*) Геттнеръ, т. I, стр. 203.

**) См. „Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія“, *Ешевскаго*, стр. 380 (Русск. Вѣстн. 1864, № 8-й).

сдѣлавшихся въ настоящее время аксіомами науки: «Съ позволенія нашихъ почтенныхъ астрономовъ,—говоритъ онъ,—они изволятъ бредить, находя болѣе семи планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды и жалуя ихъ въ солнцы,» и проч.

Понятно послѣ этого, что мистико-масонское ученіе не могло не возбуждать негодованія и насмѣшекъ въ послѣдователяхъ истинной науки. Масоны презирали «школьную мудрость», смѣялись надъ схоластикой, а сами между тѣмъ бросались въ мечтательныя теософскія и мистическія теоріи. Они отвергали знанія, добытыя путемъ человѣческаго опыта и положительной науки, находя этотъ познавательный путь мелкимъ и ограниченнымъ, а сами вдавались въ таинства алхиміи и герметической философіи. Мистицизмъ не могъ, конечно, устоять, со стороны своихъ фантастическихъ теорій и мнимыхъ знаній, въ борьбѣ съ раціонализмомъ и дѣйствительной наукой. Уважаемая во многихъ мистико-масонскихъ обществахъ книга Сенъ-Мартена: Des erreurs et de la verité встрѣтила себѣ даже у насъ въ провинціи дѣльное и систематическое опроверженіе со стороны цѣлаго общества любителей наукъ, напечатавшихъ въ Тулѣ (1790) сочиненіе: «Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Сочинено особливымъ обществомъ одного губернскаго города». Это «особливое общество» просвѣщенныхъ людей города Тулы, основываясь на результатахъ и истинахъ положительной науки и опираясь на сочиненія Коперника, Ньютона, Локка и друг., опровергаетъ всѣ странныя метафизическія мечтанія Сенъ-Мартена и справедливо называетъ ихъ «вымышленными, пустомысленными, суесловными мудроположеніями».

Съ другой стороны, мистико-масонское ученіе не могло не возбуждать къ себѣ непріязни и недовѣрія и въ средѣ духовенства. Правда, масоны преклонялись передъ высокимъ ученіемъ Христа; правда, они проповѣдовали высшую нравственность и ихъ ученіе представляло рѣшительный контрастъ съ ученіемъ матеріалистовъ и атеистовъ, съ которыми они, также какъ и само духовенство, находились въ открытой враждѣ. Но масонство, требуя отъ людей чистой и добродѣтельной жизни и дѣятельной любви къ ближнему и человѣчеству, выводило эти требованія свои не изъ ученія и заповѣдей религіи, а изъ деистическихъ и филантропическихъ воззрѣній, основывая добродѣтель единственно на самой природѣ человѣка, на его естественномъ свойствѣ. Притомъ же нѣкоторыя мистическія сочиненія (какъ напр. соч. Бёма и друг) распространяемыя масонами, заключали въ себѣ нерѣдко странныя метафизическія положенія, нелѣпыя объясненія природы и человѣка, произвольное толкованіе текстовъ св. писанія, исканіе въ нихъ таинственнаго смысла и т. п. Все это прямо противорѣчило догматическому христіанству и не могло быть согласовано съ ученіемъ православной церкви *). Поэтому православное духовенство имѣло

*) Къ такимъ сочиненіямъ принадлежитъ, между прочимъ, и самая книга Лопухина. „О внутренней церкви, возбудившая къ себѣ горячее сочувствіе въ такихъ записныхъ нѣмецкихъ мистикахъ, какъ Эккартсгаузенъ и Юнгъ-Штилингъ и встрѣтившая порицанія нѣкоторыхъ изъ нашихъ духовныхъ, „намѣревавшихся, по сло-

полное право смотрѣть подозрительно и вооружаться противъ мистико-масонской литературы и распространяемыхъ ею ученій и вѣрованій. Оттого, мы видѣли выше, что московскій митрополитъ Платонъ, отличавшій Новикова, Лопухина и многихъ членовъ «Дружескаго общества», какъ людей высокихъ нравственныхъ достоинствъ, и громко высказавшій свое высокое мнѣніе о первомъ изъ нихъ, «очень возставалъ, однако, въ разговорахъ противъ ихъ общества»,—какъ упоминаетъ объ этомъ самъ Лопухинъ.

О значеніи и вліяніи русскаго мистицизма XVIII столѣтія на нравственное и умственное состояніе современнаго русскаго общества. — Созерцательныя теоріи и мечтанія русскихъ мистиковъ XVIII вѣка, съ ихъ неопредѣленными и неясными для нихъ самихъ «откровеніями», съ ихъ странными претензіями на проникновеніе во всѣ «таинства натуры», и т. п. конечно не заслуживаютъ сами по себѣ серьёзнаго вниманія и не могутъ имѣть для насъ теперь никакой важности и значенія. Тѣмъ болѣе, что теоріи эти, ограничиваясь въ сущности пустыми и невинными мистико-поэтическими мечтаніями, съ теченіемъ времени, могли бы или совершенно видоизмѣниться и принять болѣе осязательный, жизненный характеръ, или же вовсе исчезнуть. Но важно то, что русскій мистицизмъ XVIII вѣка имѣлъ несомнѣнно весьма большую долю участія въ развитіи современнаго ему русскаго общества и русской литературы. Если на западѣ Европы союзъ «свободныхъ каменьщиковъ», не смотря на всѣ его уклоненія и перемѣнчивую судьбу *), по словамъ Гёттнера, глубоко дѣйствовалъ втеченіе долгаго времени на всѣ важнѣйшія

вамъ Лопухина, воздвигнуть гоненіе на нее". Мы не находимъ нужнымъ упоминать о другихъ масонскихъ книгахъ, выходившихъ во множествѣ изъ новиковскихъ типографій, равно какъ и о тѣхъ, которыя еще въ большемъ количествѣ обращались между масонами въ рукописяхъ. Всѣ эти произведенія мистико-масонской литературы отличаются однимъ и тѣмъ-же характеромъ и рѣдкимъ единствомъ духа и направленія. Нѣкоторыя подробности о рукописной и печатной литературѣ у насъ любопытные могутъ найти въ указанныхъ выше статьяхъ Ешевскаго и въ книгѣ г. Лонгинова.

*) Геттнеръ говоритъ въ своей книгѣ (на стр. 203), что проникшія въ масонскій орденъ, чуждыя ему направленія хитро съумѣли воспользоваться для своихъ эгоистическихъ цѣлей выгодами его устройства и замкнутой формой. Такъ, дѣйствительно воспользовался масонами, для своихъ цѣлей, орденъ „иллюминатовъ", основанный въ Баваріи проф. Вейсгауптомъ. Иллюминаты вступали въ масонскія ложи и, дѣйствуя съ величайшею тайною, старались пріобрѣсти вліяніе и завязать связи съ замѣчательнѣйшими членами масонства. Иллюминаты назывались еще „невидимыми" по той глубочайшей тайнѣ, которою они прикрывали всѣ свои дѣйствія. Орденъ иллюминатовъ, основанный вначалѣ съ филантропическою цѣлію, принялъ впослѣдствіи чисто политическій характеръ и былъ обвиняемъ въ проповѣдываніи антирелигіозныхъ и антисоціальныхъ идей. Вслѣдствіе чего онъ былъ уничтоженъ (1781) по повелѣнію баварскаго курфирста, а самъ Вейсгауптъ былъ изгнанъ изъ Баваріи и нашелъ убѣжище при дворѣ саксенъ-готскаго герцога, Эрнеста-Людвига, считавшагося въ числѣ пяти владѣтельныхъ принцевъ Германіи, преданныхъ иллюминатизму. Вейсгауптъ умеръ въ 1822 г. Русскіе масоны конца прошлаго вѣка

жизненныя отношенія»: то тѣмъ сильнѣе и тѣмъ благотворнѣе должны были дѣйствовать нравственныя и гуманныя начала масонства на мало-образованное и мало-развитое, въ нравственномъ отношеніи, русское общество XVIII вѣка.

Не смотря на преобразованія и просвѣтительную дѣятельность правительства, сущность европейскаго просвѣщенія и цивилизаціи въ то время все еще плохо понималась у насъ. Просвѣтительныя идеи туго прививались къ русской почвѣ. Мы указывали на это не разъ въ нашихъ предыдущихъ обозрѣніяхъ. Мы видѣли, что насаждавшееся просвѣщеніе весьма слабо дѣйствовало на нравы и понятія русскаго общества XVIII вѣка. Отсутствіе серьёзной образованности, отсутсвіе основныхъ нравственныхъ убѣжденій, господство произвола и случайности, а вслѣдствіе этого—слабое развитіе чувства человѣчности и гуманныхъ отношеній между людьми—характеризуютъ собою, въ исторической жизни русскаго общества, не только эпоху, слѣдовавшую непосредственно за Петровскимъ переворотомъ, но также и вторую половину XVIII столѣтія—какъ мы это видѣли выше при очеркахъ дѣятельности сатирическихъ писателей этого времени. Въ нравахъ общества, усвоившаго себѣ внѣшнія формы европейскаго быта и цивилизаціи, подъ блестящей оболочкой, обнаруживались чаще всего бездушіе, эгоизмъ, внутренняя пустота и отсутствіе твердыхъ нравственныхъ правилъ и понятій. Поверхностное знакомство съ идеями французской философіи XVIII в. могло только усиливать въ такомъ обществѣ себялюбивыя стремленія и наклонность къ эпикуреизму и нравственной распущенности. Нѣтъ сомнѣнія, что новиковскій мистицизмъ, при такихъ обстоятельствахъ, долженъ былъ принести большую пользу современному обществу и имѣть благотворное вліяніе на общественные нравы и понятія. Отвергая теоріи матеріалистовъ, низводившихъ человѣка на степень животнаго, поставлявшихъ эгоизмъ единственнымъ двигателемъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, московскіе мистики стремилось, напротивъ, къ развитію въ человѣкѣ его нравственной, духовной стороны. Они требовали отъ человѣка высоконравственной жизни и дѣятельной любви къ ближнему. и для этого обращались къ сердцу, къ чувству человѣка. Мистики учили, что побужденіемъ для всякой дѣятельности человѣческой должны служить не самолюбіе и эгоизмъ, а стремленіе къ полному и свободному развитію нравственныхъ совершенствъ человѣческой природы. Мистицизмъ былъ принятъ въ русскомъ обществѣ XVIII столѣтія небольшимъ меньшинствомъ людей, преданныхъ добру, тревожимыхъ благородною жаждою знанія, пламеннымъ желаніемъ сдѣлаться полезными своимъ ближнимъ и своему отечеству. Люди эти, по своимъ нравственнымъ и религіознымъ стремленіямъ и наклонностямъ, не могли

удаляясь отъ всякихъ политическихъ видовъ, признавали секту иллюминатовъ „подлино вредною", были ея врагами, принимали „строгія мѣры осторожности" противъ нея и даже сочинили „планъ, какъ остерегаться отъ всякаго прикосновенія оной секты, и мѣры къ сему прилежно внушены были каждому члену". (См. „Записки" Лопухина, стр. 43 и статью Ешевскаго: „Московскіе масоны 80-хъ годовъ прошл. стол.", стр. 28, Русск. Вѣстн. 1865, № 3).

сочувствовать господствовавшему ученію энциклопедистовъ и не могли, съ другой стороны, удовлетвориться одною религіозною обрядностію и сухимъ догматизмомъ. Становясь въ рѣшительную оппозицію французской философіи и проповѣдуя дѣятельное христіанство, мистицизмъ поэтому вполнѣ отвѣчалъ ихъ требованіямъ и стремленіямъ. Къ тому же своею заманчивою таинственностію и обѣщаніемъ дать отвѣты на всѣ запросы пытливой человѣческой мысли, мистицизмъ, проповѣдуемый съ жаромъ и, повидимому, съ новыми идеями, имѣлъ всегда привлекательность для умовъ созерцательныхъ и всегда находилъ отголосокъ въ душахъ благородныхъ, возвышенныхъ, исполненныхъ энтузіазма. Все это вмѣстѣ объясняетъ намъ причину того значительнаго успѣха, которымъ пользовался мистицизмъ въ русскомъ обществѣ и того сильнаго вліянія, которое онъ производилъ на него. А что вліяніе это было благотворно, доказательствомъ тому служатъ, во первыхъ,—представленный нами выше очеркъ практической дѣятельности Новикова и его общества на пользу народнаго образованія и русской литературы; а во вторыхъ, тѣ въ высшей степени гуманные принципы и стремленія и тѣ непоколебимо-твердыя нравственныя начала и убѣжденія, которыми руководствовались во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни и дѣятельности лучшіе представители мистическаго направленія. «Проповѣдывать дѣятельное христіанство, и словомъ и дѣломъ, сдѣлаться добродѣтельными людьми и добрыми христіанами, содѣйствовать благу и просвѣщенію человѣчества и жертвовать всѣмъ своимъ временнымъ благомъ для пользы и просвѣщенія человѣчества»,—вотъ тѣ благородныя стремленія и высокія нравственныя правила, которымъ слѣдовали неуклонно въ практической жизни русскіе мартинисты и масоны конца XVIII столѣтія. Правила эти были не фразой, а истиннымъ дѣломъ, главною задачею жизни для каждаго изъ нихъ. Многіе изъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей конца XVIII и начала XIX столѣтія образовались въ школѣ Новикова и его друзей. И вездѣ—въ литературѣ, въ обществѣ, въ частной и государственной дѣятельности—люди эти отличались своею безкорыстною любовію къ просвѣщенію и благородными стремленіями; вездѣ ихъ дѣятельность оставляла по себѣ положительное добро, какъ плодъ ихъ просвѣщенныхъ трудовъ и честныхъ усилій.

Возрожденіе мистико-масонской литературы и русскіе мистики въ первой четверти XIX столѣтія. — Въ началѣ XIX столѣтія мистико-масонская литература снова пришла у насъ въ движеніе,—вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ,—и опять стали безпрепятственно открываться масонскія ложи въ обѣихъ столицахъ и въ провинціи. Но и движеніе мистической литературы и масонство XIX столѣтія во многомъ не походили на мистическое движеніе восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка и далеко не имѣли того же благодѣтельнаго вліянія на русское общество, представляя, однако, весьма характеристическій и любопытный моментъ въ его историческомъ развитіи. Мы скажемъ здѣсь же

о мистическемъ движеніи XIX столѣтія *), чтобы представить по возможности, въ одномъ цѣльномъ очеркѣ обозрѣніе мистицизма, господствовавшаго одно время въ нашей литературѣ и производившаго вліяніе на общество, и чтобы затѣмъ уже не возвращаться болѣе къ этому предмету.

Слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что мистицизмъ—въ самыхъ его крайнихъ проявленіяхъ—и мистическое направленіе, сообщенное литературѣ московскими мартинистами и масонами, возродились у насъ снова, въ первой четверти настоящаго столѣтія, съ такою силою и значеніемъ, что угрожали одно время насильственно вторгнуться во внутреннюю жизнь общества и имѣть вліяніе на всю систему общественнаго образованія. И это потому, что возрожденіе мистицизма послѣдовало теперь въ той общественной средѣ, которая по своему высокому и вліятельному положенію въ государствѣ имѣла силу и возможность непосредственно вліять на теченіе общественной жизни, а въ особенности — вліять на общественное образованіе.

Съ воцареніемъ императора Павла не только прекращены были преслѣдованія и снята была опала съ московскихъ мартинистовъ, — какъ мы уже упоминали объ этомъ,—и положеніе масоновъ и розенкрейцеровъ не только улучшилось, но и «обѣщало даже одно время сдѣлаться блестящимъ съ перемѣною царствованія». (Лонгин. 363). Съ освобожденіемъ Новикова и его друзей, люди его кружка и вообще прежніе масоны и мартинисты стали получать видныя мѣста по службѣ, а нѣкоторые изъ нихъ были призваны ко двору и получили высшія должности въ государствѣ. (Ibid. 364 и д.).

Начало царствованія императора Александра I, отличавшееся, какъ извѣстно, направленіемъ въ высшей степени либеральнымъ **), стало временемъ еще болѣе свободнымъ для дѣятельности масоновъ. Масонскія ложи стали открываться

---

*) Для желающихъ познакомиться подробнѣе съ мистическимъ движеніемъ въ царствованіе императора Александра I, сообщаемъ указаніе статей и книгъ, относящихся къ этому предмету: 1) „Россійское Библейское Общество", А. Н. *Пыпина*, въ „Вѣстн. Евр." 1868 г. книги: 8, 9, 11, и 12-я; 2) „Г-жа Крюднеръ", его же тамъ-же, 1869 г. книги: 8 и 9; 3) тамъ же, книга 10: „Императоръ Александръ I и квакеры", А. П.; 4) „Встрѣча съ мартинистами" (Воспоминанія изъ петербургской жизни) С. Т. *Аксакова*, въ „Русск. Бес." 1859 г. кн. 1-я; 5) „А. Ѳ. Лабзинъ". Литературно біографическій очеркъ, П. *Безсонова* и „Воспоминаніе о Лабзинѣ". Изъ записокъ М. А. *Дмитріева* („Русск. Архивъ" 1866 г. № 6-й); 6) „Макс. Иванов. Невзоровъ", П. *Безсонова* („Русск. Бес." 1856 г. кн. 3-я); 7) „Воспоминанія Вигеля", 3 ч.; 8) „Обзоръ русской духовн. литературы", преосв. *Филарета*, кн. 2-я, № 126: Фотій (архимандр. Юрьев. мон., стр. 232—238) и отрывки изъ „Записокъ" архимандр. *Фотія* въ „Чтеніяхъ" въ московск. обществѣ духовнаго просвѣщенія. Приложеніе. Стр. 104—111; 9) „Воспоминанія Панаева", (т. III и IV Вѣстн. Евр. 1867); 10) „Записки адмирала А. С. Шишкова" (въ *Чтен. москов. обществ. ист. и древн. рос.* 1868 г. кн. 3-я); 11) „О Лабзинѣ и Невзоровѣ, объ ихъ журналахъ, сочиненіяхъ и переводахъ см. также въ „Историч. Христом." А. *Галахова*, т. II.

**) *Богдановичъ*: „Исторія императора Александра и Россіи въ его время", 4 ч. СПб. 1869. Ср. особенно т. I и II и *Ковалевскій*: „Графъ Блудовъ и его время". СПб. 1866. См. со стр. 23 и д.

снова и дѣйствовать свободно, вѣроятно, еще при императорѣ Павлѣ *); но совершенно свободное и значительное распространеніе ихъ относится къ эпохѣ императора Александра I, сильно покровительствовавшаго мистико-религіозному направленію, во вторую половину своего царствованія,—такъ какъ религіозный мистицизмъ игралъ, какъ извѣстно, въ эту эпоху, въ собственной жизни и дѣлахъ императора весьма важную роль. Вмѣстѣ съ свободнымъ развитіемъ масонскихъ ложъ начала снова развиваться свободно и прежняя, находившаяся нѣкоторое время подъ запретомъ, мистико-масонская литература. Мистическія книги, о которыхъ мы говорили выше, стали снова перепечатываться и появляться въ значительномъ количествѣ въ обращеніи. Да кромѣ того, къ нимъ присоединились еще сочиненія позднѣйшихъ мистиковъ, появившіяся тогда въ западныхъ литературахъ, преимущественно сочиненія извѣстныхъ нѣмецкихъ мистиковъ: *Юнга Штилинга* **) и *Эккартсгаузена*, которые нашли себѣ самыхъ усердныхъ почитателей и переводчиковъ въ средѣ русскихъ мистиковъ первой четверти XIX вѣка. Главнымъ дѣятелемъ въ этой возобновленной ми-

---

*) Невзоровъ говоритъ: „Вступивши въ отправленіе должности члена канцеляріи университета, услышалъ я, что въ Москвѣ *заводятся опять* масонскія ложи . . . .“ Членомъ же канцеляріи университета Невзоровъ былъ назначенъ въ январѣ 1801 года, — слѣдственно, еще при императорѣ Павлѣ, который оказалъ особенную заботливость къ судьбѣ и положенію Невзорова. (Объ этомъ упоминается въ отрывкѣ изъ его „посланія“, помѣщенномъ въ *Библіогр. Зап.* 1868 г. № 21, 643—659

**) Краткую характеристику *Юнга Штиллинга* и его сочиненій см. въ статьѣ А. Н. Пыпина: „Г-жа Крюднеръ“, стр. 608—611. Перечисленіе сочиненій Штиллинга, переведенныхъ порусски, равно какъ и сочиненій *Эккартсгаузена* см. въ упомянутой выше біографіи Лабзина, г. *Безсонова* и въ „Историч. Христом.“ г. *Галахова*, т II. (Примѣчанія). Изъ сочиненій Эккартсгаузена въ то время были въ особенности распространены: „Путешестіе молодаго Костиса отъ Востока къ Полудню“ и „Ключь къ таинствамъ натуры“ (первая книга имѣла три, а послѣдняя два изданія). Обѣ книги переведены Лабзинымъ и наполнены самыми туманными объясненіями и размышленіями обо всемъ „таинственномъ“ и необъяснимомъ въ мірѣ и въ человѣкѣ, — размышленіями, которыя въ сущности представляютъ не болѣе, какъ самую сумасбродную и нелѣпую мистическую діалектику. Для образца этой діалектики мы приведемъ наудачу какой-нибудь отрывокъ, хотя, напримѣръ, изъ послѣдней книги. Въ главѣ: „*образъ дѣйствованія вообразительной силы*“ мы здѣсь читаемъ: „Всѣ страсти въ человѣческомъ тѣлѣ происходятъ отъ разныхъ движеній *жизненныхъ духовъ* (?). Жизненные духи различны: одни болѣе сходны съ воздухомъ, другіе съ огнемъ. Свойство жизненныхъ духовъ: увеличиваться, *отлагать грубѣйшее и соединяться съ тончайшимъ*. Каждый *запертый* жизненный духъ, не могши соединиться съ своимъ подобнымъ, разжижается. Чѣмъ болѣе жизненные духи умножаются, тѣмъ болѣе они сгущаются. Чѣмъ болѣе они теряются, тѣмъ болѣе разжижаются. Изъ сего можно теперь *объяснить* (?) разныя дѣйствія страстей въ человѣческомъ тѣлѣ. Всѣ страсти могутъ быть раздѣлены на классы, по расширенію, разжиженію, сгущенію, разгоряченію, прохлажденію и охлажденію тончайшихъ жизненныхъ духовъ“ и т. д. *Ключь къ таинствамъ натуры*. Соч. Эккартсгаузена. СПб. 1804, въ 4 ч. См. ч. II, стр. 97. Вся книга наполнена подобными же нелѣпостями и трактуетъ весьма серьёзно о видѣніяхъ, о магіи, о кабалѣ, объ „азбукѣ для таинствъ“, о „законахъ происхожденія числъ въ чувственныхъ вещахъ“ и т. п.

стической литературѣ и представителемъ русскаго мистицизма этой эпохи является *Лабзинъ* (Александръ Ѳедоровичъ, 1766—1825).

Лабзинъ обучался въ московскомъ университетѣ, въ который поступилъ изъ гимназіи, и въ 1780 году признанъ былъ студентомъ. Въ это время, какъ мы знаемъ, готовилось въ Москвѣ формированіе «Дружескаго ученаго общества», и молодой Лабзинъ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ учениковъ Новикова и Шварца. Приватныя лекціи послѣдняго по философіи Лабзинъ слушалъ «бывъ еще 15 лѣтъ», — по его словамъ, — и отзывался о нихъ впослѣдствіи съ большимъ восторгомъ и благодарностію. Занятія свои въ литературѣ Лабзинъ началъ, находясь еще въ университетѣ, съ участія въ журналѣ мистическаго направленія «Вечерняя Заря», который издавался, подъ руководствомъ Новикова, университетскими студентами. Но въ то время Лабзинъ не посвящалъ еще, какъ впослѣдствіи, всей своей литературной дѣятельности исключительно мистической литературѣ. Находясь въ Москвѣ, онъ между прочимъ писалъ стихи и написалъ «Торжественную пѣснь Екатеринѣ II на прибытіе въ Москву изъ предпріятаго путешествія въ пріобрѣтенную, въ благословенное ея царствованіе, Тавриду и другія области», и поднесъ эту пѣснь императрицѣ, въ день восшествія на престолъ, 28 іюня 1787 года. Въ этомъ же году Лабзинъ перевелъ знаменитую комедію Бомарше: «Le Mariage de Figaro» и напечаталъ свой переводъ подъ заглавіемъ: «Фигарова женидьба», комедія въ 5 дѣйствіяхъ соч. Петра Августина Карона де Бомарше, пер. съ франц. (М. 1787). Уже самый выборъ для перевода этой замѣчательной комедіи Бомарше, которая играна была въ Парижѣ въ первый разъ только за три года передъ тѣмъ (1784),—и играна съ такимъ шумнымъ и неслыханнымъ дотолѣ успѣхомъ *),—и которая, по смѣлости и по ѣдкости своей остроумной и убійственной насмѣшки надъ всѣмъ строемъ и порядкомъ старой жизни, по справедливости считалась и считается предвѣстницей французской революціи **),—уже одинъ выборъ, говоримъ мы, этой комедіи для перевода свидѣтельствуетъ о томъ, какъ далекъ былъ въ это время Лабзинъ отъ тѣхъ исключительныхъ и крайнихъ мистическихъ тенденцій, которыми отличался впослѣдствіи во всю свою жизнь.

Г. Безсоновъ въ упомянутой біографической статьѣ своей о Лабзинѣ, говоритъ, что названная выше «Торжественная пѣснь» Лабзина послужила къ тому, что императрица Екатерина II обратила на него вниманіе, и что онъ, въ теченіе послѣдующей службы своей, не однократно былъ отъ нея награждаемъ денежными наградами. Еще въ большей степени пользовался Лабзинъ высочайшимъ вниманіемъ государей Павла и Александра I и двигался въ ихъ царствованіе съ весьма большимъ успѣхомъ по службѣ, будучи весьма щедро награждаемъ отъ нихъ не только за служебные, но и за литературные труды

---

*) „Beaumarchais et son temps. Etudes sur la societé en France au XVIII siècle", par Louis de *Loménie*. Paris. 1866. 2 vol. См. ч. I, стр. 323 и д.

**) Извѣстно, что Наполеонъ I, говоря о Фигаро, сказалъ однажды: „c'était la révolution déjà en action".

свои. Занимая, въ 1789 году, должность переводчика при конференціи московскаго университета, онъ перешелъ съ этой должности на службу въ «секретную экспедицію» с.-петербургскаго почтамта, «и съ этой эпохи—говоритъ его біографъ — блистательно шелъ впередъ». (столб. 822). Когда императоръ Павелъ принялъ на себя званіе гроссъ-мейстера мальтійскихъ рыцарей ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, Лабзинъ сдѣланъ былъ въ то время «исторіографомъ» ордена, и ему повелѣно было, вмѣстѣ съ тѣмъ, написать полную исторію этого рыцарскаго ордена. Лабзинъ и составилъ по этому поводу вмѣстѣ съ А. Вахрушовымъ: «Исторію ордена св. Іоанна Іерусалимскаго» и издалъ ее въ 1799 — 1801 годахъ, получивъ за это изданіе *) отъ императора Павла значительныя награды. Въ царствованіе императора Александра I Лабзинъ занималъ значительныя должности по службѣ, и его служебная, равно какъ и литературная дѣятельность были вознаграждаемы теперь еще болѣе, нежели въ два предыдущія царствованія. Онъ вскорѣ былъ произведенъ въ дѣйствит. статск. совѣтники, получилъ нѣсколько награжденій орденами, былъ сдѣланъ вице-президентомъ академіи художествъ, при которой служилъ конференцъ-секретаремъ еще съ 1799 года, занимая при этомъ и другія важныя должности (к. н. директора департамента въ морскомъ-министерствѣ); а въ 1816 году онъ получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени, при высочайшей грамотѣ, въ которой именно было сказано, что награда эта дается Лабзину «за изданіе на отечественномъ языкѣ духовныхъ книгъ».

Въ должности вице-призедента академіи художествъ,—въ которой Лабзинъ имѣлъ и свое помѣщеніе, — онъ находился до 1822 года, т. е. до того времени, когда онъ былъ отставленъ отъ службы и высланъ изъ Петербурга на житье въ г. Сенгилей (симбир. губ.) Но вскорѣ онъ получилъ дозволеніе переѣхать въ Симбирскъ, и ему назначена была отъ государя пенсія въ 2000 руб. Здѣсь и умеръ Лабзинъ, въ началѣ 1825 года, на 59 году отъ рожденія, и похороненъ въ Покровскомъ монастырѣ.

Причина ссылки Лабзина не относилась ни къ его служебной, ни къ его литературной дѣятельности, а заключалась просто въ непозволительной рѣзкости выраженій, употребленныхъ Лабзинымъ относительно одного изъ тогдашнихъ государственныхъ людей. (См. подробности въ «воспоминаніи» М. Дмитріева, 837—838).

Самостоятельная мистико-литературная дѣятельность, которой посвятилъ себя Лабзинъ исключительно, началась собственно въ Петербургѣ, гдѣ въ первой четверти настоящаго столѣтія сосредоточились почти всѣ главные представители мистицизма и масонства, подобно тому, какъ въ концѣ XVIII сто-

---

*) Книга выдана была въ 5 ч. и составляетъ, въ настоящее время, по словамъ академика Грота, библіографическую рѣдкость, такъ что въ Имп. Публ. Библіот. находится теперь только одинъ экземпляръ ея, и тотъ неполный. Г. Гротъ говоритъ, что это изданіе Лабзина есть не болѣе, какъ переводъ сочиненія Верто. См. „примѣчанія“ ко II т. Соч. Державина, стр. 203 и дал., а также стр. 718, гдѣ сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о Лабзинѣ, представляющія, впрочемъ, въ сокращенномъ видѣ, указанное выше „воспоминаніе о Лабзинѣ“ изъ записокъ М. Дмитріева.

лѣтія центромъ дѣятельности людей мистическаго направленія была Москва. Мистицизмъ и мистико-религіозная литература получили особенное значеніе и начали играть значительную роль въ обществѣ, въ особенности послѣ 1812 г., именно въ тотъ періодъ времени, когда усиленно стало расширять свою дѣятельность основанное въ этомъ году «Россійское библейское общество» (мы говоримъ о немъ ниже), къ которому въ скорости примкнули почти всѣ последователи и поборники мистицизма.

Но Лабзинъ началъ подвизаться на поприщѣ мистической литературы еще до основанія «Библейскаго общества». Съ 1801 года начинаетъ появляться и распространяться въ публикѣ цѣлый рядъ предпринятыхъ имъ переводовъ на русскій языкъ извѣстнѣйшихъ въ европейскихъ литературахъ мистическихъ сочиненій — самаго крайняго направленія. Лабзинъ перевелъ, такимъ образомъ, и выдалъ въ свѣтъ, въ теченіе своей петербургской жизни, едва-ли не всѣ — или по крайней мѣрѣ — всѣ главнѣйшія сочиненія упомянутыхъ нами выше нѣмецкихъ мистиковъ: Эккартсгаузена и Юнга Штиллинга, къ которымъ питалъ особенное сочувствіе. Съ этими двумя корифеями современной нѣмецкой мистики — самаго туманнаго и крайняго направленія — Лабзинъ находился въ дружеской перепискѣ, дѣлился съ ними совѣтами и утѣшеніями и переводилъ на русскій языкъ нѣкоторыя изъ ихъ сочиненій, еще не напечатанныя въ оригиналѣ и пересылавшіяся къ нему отъ авторовъ въ рукописи. При этомъ Лабзинъ не позабылъ возобновить и сочиненія прежнихъ мистиковъ. Такъ онъ перевелъ часть сочиненій знаменитаго нѣмецкаго теософа XVII столѣтія, *Якова Бёма*, и выдалъ ихъ подъ заглавіемъ: «Cristosophia», или Путь ко Христу, въ девяти книгахъ, твореніе Іакова Бёма, прозваннаго тевтоническимъ философомъ». (Перев. съ нѣмец. СПб. 1815). Мы уже упоминали, что сочиненія этого знаменитаго нѣмецкаго визіонера, или «тевтонскаго философа», были въ большой чести и у прежнихъ масоновъ, или у московскихъ розенкрейцеровъ; но сочиненія Бёма обращались между ними преимущественно въ рукописи, хотя и существуетъ преданіе, что извлеченныя изъ этихъ сочиненій молитвы были напечатаны Н. И. Новиковымъ для практическаго употребленія въ мистическихъ обществахъ *). Лабзинъ снабдилъ свой переводъ Бёма чрезвычайно любопытнымъ предисловіемъ, въ которомъ относится съ глубочайшимъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ переводимому автору и сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о томъ, что »почти всѣ сочиненія Бемовы переведены на нашъ языкъ однимъ достопочтеннымъ старцемъ» (вѣроятно, С. И. Гамалѣей, восторженнымъ почитателемъ Бёма) **) и хранятся въ рукописи, и что нѣкоторыя сочиненія Бёма обращались въ Россіи, въ славяно-русскомъ переводѣ, еще въ XVII столѣтіи. Сочиненія Бема — говоритъ Лабзинъ — «давно извѣстны въ Россіи, и предки наши отнюдь не были чужды сихъ понятій, кои нынѣ называютъ новизнами; лѣтъ тридцать

*) См. въ „Библіогр. Зап.“ 1858 г. № 5: „Русскіе переводы Якова Бёма“, столб. 132.

**) Говорятъ, что Гамалѣя перевелъ „всѣ творенія Бёма (остающіяся въ рукописи) въ 22-хъ томахъ“. (Лонг. 164).

тому назадъ, когда я едва зналъ имя Бёма, я видѣлъ въ Москвѣ славянскую рукопись, которой содержаніе не помню, но въ которой читалъ я крупными буквами написанныя слова: «иже во святыхъ отца нашего Іакова Бемена». Лабзинъ относитъ эту рукопись ко времени извѣстнаго Кульмана, «почитателя Бёмова», который былъ сожженъ въ Москвѣ (1689), «по оговору лютеранскаго пастора въ еретичествѣ». («Путь ко Христу». Предисловіе. XXIII—XIV). Кромѣ сочиненій: Бёма, Эккартсгаузена и Ю. Штиллинга, Лабзинъ перевелъ еще и нѣкоторыя другія мистическія книги *), такъ что всѣ собственные его переводы изъ западныхъ мистиковъ составляютъ не одинъ десятокъ томовъ; да кромѣ того, онъ принималъ еще «главное и дѣятельнѣйшее участіе» въ переводахъ и изданіи мистическихъ сочиненій, предпринимавшихся и другими лицами. (Безсоновъ, 829). Свои мистическія изданія Лабзинъ не подписывалъ въ печати своимъ именемъ, а означалъ постоянно выбраннымъ себѣ шифромъ: У. М. т. е. «Ученикъ Мудрости». (Безсон. 824 и Лонг. 377).

Строго мистическое направленіе всей литературной дѣятельности Лабзина достаточно выражается уже въ переводѣ всѣхъ этихъ мистическихъ и мистико-религіозныхъ книгъ, которыя онъ снабжалъ въ изобиліи собственными мистическими размышленіями, объясненіями и примѣчаніями. Но вполнѣ охарактеризовываетъ Лабзина и его мистицизмъ его ежемѣсячный журналъ: «Сіонскій Вѣстникъ», изданіе котораго предпринялъ онъ съ января 1806 года. Всѣ почти статьи этого журнала (за небольшими исключеніями) принадлежали самому Лабзину, хотя онъ ихъ и не подписывалъ или же подписывалъ псевдонимомъ: «Ѳеопемптъ Мисаиловъ»,—и имѣли строго-опредѣленный и одинъ и тотъ же мистико-религіозный характеръ. Лабзинъ сообщалъ въ своемъ журналѣ извѣстія объ успѣхахъ мистическаго ученія какъ за границей, такъ и въ Россіи, о препятствіяхъ, какія ему поставлялись повсюду, помѣщалъ жизнеописанія и различныя свѣдѣнія, относившіяся къ извѣстнѣйшимъ дѣятелямъ мистицизма и ихъ сочиненіямъ, и велъ жаркую полемику съ противниками мистическаго ученія и съ противоположными ему ученіями скептиковъ и матеріалистовъ. Статьи, относящіяся къ мистическому толкованію различныхъ явленій изъ внутренней жизни человѣка, изъ міра религіознаго и нравственнаго составляли главное основаніе «Сіонскаго Вѣстника»; а главная цѣль, которую преслѣдовалъ его издатель, заключалась—въ пропагандѣ мистическихъ идей и понятій о нравственности, объ истинахъ христіанства и о предметахъ религіи вообще. Въ основу проповѣдуемыхъ имъ идей и понятій Лабзинъ, безъ сомнѣнія, бралъ ученія своихъ любимыхъ учителей: Бёма, Эккартсгаузена и Ю. Штиллинга, которыхъ онъ такъ усердно переводилъ порусски; потому многія изъ его собственныхъ статей отличаются тою же туманностію, тѣмъ же дикимъ и необузданнымъ мистицизмомъ, какіе составляютъ главный и существенный характеръ ученій этихъ прославленныхъ мистиковъ,—какъ это можно видѣть уже и изъ приведеннаго у насъ выше небольшаго обращика изъ «Ключа къ таин-

*) Подробныя свѣдѣнія см. въ статьѣ г. Безсонова, столб. 825—830.

ствамъ натуры» Эккартсгаузена, переведеннаго Лабзинымъ. Подобныхъ вещей можно много найти и въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ», тамъ, въ особенности, гдѣ рѣчь идетъ о явленіяхъ міра духовнаго или религіознаго, либо о таинственныхъ силахъ и дѣйствіяхъ природы. Въ журналѣ Лабзина встрѣчаются очень часто туманныя—или просто—безсмысленныя мистическія вещи, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: «Премудрость Божія обрѣла единственный способъ къ разрѣшенію трудности въ поднятіи падшаго. Явилась существовавшая всегда умственно между сими двумя линіями *ипатенуза*, произвела свой *квадратъ*, и заключила въ ономъ полное дѣйствіе и правосудія и любви Божеской».

Такъ какъ «Сіонскій Вѣстникъ» постоянно любилъ трактовать объ истинахъ христіанскихъ и о предметахъ вѣры, толкуя слова св. писанія въ смыслѣ и въ духѣ мистицизма, а не въ смыслѣ и въ духѣ ученія и догматовъ православной церкви *); то весьма естественно, что журналъ Лабзина встрѣчалъ препятствія къ своему свободному выходу со стороны духовной власти. Уже первыя книжки его нерѣдко опаздывали, и на апрѣльской книжкѣ журналъ было пріостановился. Лабзинъ хотѣлъ, въ маѣ, совсѣмъ прекратить его изданіе, но «пособія высшаго начальства поддержали его». (Безсон. 833). Выпустивъ майскую книжку «Сіонскаго Вѣстника», Лабзинъ заявилъ, что покровительство и доброжелательство «важныхъ особъ» спасли его журналъ. Тѣмъ не менѣе, въ сентябрѣ мѣсяцѣ перваго же года, изданіе «Сіонскаго Вѣстника» все таки было прекращено. Лабзинъ объявлялъ въ послѣдней, сентябрьской, книжкѣ, что онъ рѣшается на прекращеніе своего журнала «по обстоятельствамъ немаловажнымъ и не отъ его воли зависящимъ». Быть можетъ, впрочемъ, прекращеніе «Сіонскаго Вѣстника» произошло и отъ того, что онъ въ первый годъ своего изданія имѣлъ весьма ограниченный кругъ читателей и очень плохо расходился: въ первые мѣсяцы онъ расходился всего въ количествѣ 93 экземпляровъ. (Безсон. 833). Затѣмъ, до 1817 года, Лабзинъ занимался переводами мистическихъ книгъ, о которыхъ мы говорили и за которыя онъ получилъ, въ 1816 году, отъ императора Александра I вышеупомянутую награду. Это была именно пора самого широкаго развитія дѣятельности «Россійскаго библейскаго общества», въ которой и Лабзинъ имѣлъ не малую долю участія, а потомъ — это былъ періодъ, въ который самъ императоръ Александръ I находился подъ сильнымъ вліяніемъ мистико-религіозной мечтательности **). Вотъ отчего самому «государю было угодно, чтобы опять возобновилось изданіе «Сіонскаго Вѣстника»: онъ самъ побудилъ къ возобновленію этого журнала, и Лабзинъ, съ апрѣля 1817 года, началъ издавать его вторично, въ полной надеждѣ на успѣхъ, за который ручались не только покровительство, но и самое

*) См. „Обз. рус. дух. лит.“ преосв. Филарета (черниговскаго). Кн. 2, стр. 236. Преосвящ. Филаретъ, указывая здѣсь на несогласіе многихъ идей и ученій „Сіонск. Вѣстн.“ съ ученіемъ церкви, говоритъ: „При желаніи ввесть въ общество жизнь христіанскую на мѣсто жизни разгульной, мистики, разорвавъ связь съ древнею церковію, вводили христіанство свое, а не Христово“.

**) См. въ „Вѣстн. Евр.“ три выше названныя статьи А. Н. Пыпина.

желаніе государя». («Воспоминаніе о Лабз.» М. Дмитріева, 842). «Сіонскій Вѣстникъ» Лабзина появился теперь съ удивительнымъ и, можно сказазать, совершенно неприличнымъ (хотя М. Дмитріевъ и думаетъ противное) посвященіемъ: «Господу Іисусу Христу, бывшему, сущему и грядущему». Число подписчиковъ на журналъ Лабзина было, въ этотъ разъ, — какъ и слѣдовало ожидать,—весьма значительно; ибо, подъ покровительствомъ власти и открывшихся повсемѣстно отдѣленій «библейскаго общества», онъ расходился по всѣмъ, самымъ отдаленнымъ мѣстамъ Россіи. Изданіе «Сіонскаго Вѣстника» продолжалось и въ слѣдующемъ 1818 году. Но, какъ видно, прежнихъ препятствій со стороны духовной цензуры Лабзинъ никакъ не могъ устранить и теперь. Жалуясь въ февральской книжкѣ на холодность, съ которою встрѣчали *нѣкоторые* въ публикѣ его журналъ, Лабзинъ писалъ: «Причина сей холодности не новая... Есть причины гораздо важнѣйшія, которыя долженствовали бы побудить меня оставить сіи труды и дать успокоиться угнетенному и часто изнемогающему моему духу: но я ожидаю другихъ *охотниковъ*, которые захотѣли бы вступить на сіе поприще, и тогда я тотчасъ и съ удовольствіемъ оставлю имъ сіе *поле ратное*». (С. В. ч. VII, стр. 280).

Но охотниковъ выступить на «ратное поле», на которомъ ратовалъ такъ усердно Лабзинъ, какъ видно, не оказалось, и онъ прекратилъ изданіе своего «Сіонскаго Вѣстника», на іюньской книжкѣ 1819 года. Такимъ образомъ всѣхъ книжекъ «Сіонскаго Вѣстника», выданныхъ Лабзинымъ въ 1806, 1817 и 1818 годахъ, вышло 24.

Прекративъ изданіе журнала, Лабзинъ не прекратилъ, однако, своей дѣятельности переводчика и продолжалъ дѣлать новые переводы мистическихъ книгъ и выдавать новыми изданіями переводы прежніе. Переводы эти, вмѣстѣ съ 24 книжками »Сіонскаго Вѣстника» и нѣкоторыми другими оригинальными мистическими статьями его издателя составляютъ огромный запасъ, цѣлую библіотеку мистическихъ книгъ, самаго крайняго направленія, выпущенныхъ въ свѣтъ однимъ Лабзинымъ.

Изъ представленнаго нами краткаго очерка мистико-литературной дѣятельности Лабзина уже можно видѣть, что мистицизмъ, какъ ученіе, стремящееся извѣдать «оный невѣдомый и таинственный міръ», какъ особенная точка зрѣнія въ области нравственно-религіозной жизни, какъ цѣлая система особеннаго міровоззрѣнія, что мистицизмъ этотъ, говоримъ мы, нашелъ себѣ въ Лабзинѣ самаго полнаго представителя и самаго дѣятельнаго поборника въ средѣ русскаго общества XIX столѣтія. Жаркій послѣдователь и проповѣдникъ ультра-мистическихъ идей и всякой мистической фантастистики и сумазбродствъ Я. Бема, Эккарстгаузена и Ю. Штиллинга, со всѣми ихъ мистическими экстазами, видѣніями и умственнымъ созерцаніемъ, какъ высшими средствами для познанія всего сущаго, для духовно-нравственнаго усовершенствованія себя и т. п.—вотъ что такое въ сущности былъ Лабзинъ, вотъ какимъ мы его только и знаемъ по его исключительной мистико-литературной дѣятельности; а по ней одной мы только и можемъ, только и должны судить о немъ; потому что за нимъ нѣтъ никакой другой дѣятельности, отъ которой произошелъ бы благодѣтельный *практиче-*

скіе результаты для общественнаго просвѣщенія, для науки и литературы или для умственнаго и нравственнаго подъятія народныхъ массъ, погруженныхъ въ невѣжество.

Мистическое направленіе XVIII вѣка важно для насъ — какъ мы уже говорили объ этомъ — именно по своимъ *практическимъ* результатамъ, по тому, что изъ него вытекала благотворная дѣятельность Новикова и его друзей — мартинистовъ, что оно благотворно дѣйствовало на общественное развитіе и образованіе. Одни эти практическіе результаты — говоримъ мы — собственно и составляютъ важную и существенную сторону во всей дѣятельности Новикова и его друзей; а не тѣ туманныя теософскія теоріи и невинныя мистическія бредни, которымъ предавались также и московскіе розенкрейцеры въ своихъ масонскихъ «работахъ». За этими мистическими теоріями у Новикова всегда стояло на первомъ планѣ нѣчто другое,—что собственно и сдѣлало память о немъ незабвенною для каждаго русскаго, кому дороги успѣхи отечественнаго развитія. Выше мы представили достаточно полный, какъ намъ кажется, очеркъ дѣятельности этого необыкновеннаго человѣка, — полный, конечно, настолько, насколько это нужно для нашей цѣли и насколько это возможно въ изданіи, подобномъ нашему. Потому мы не станемъ повторять уже сказаннаго; но мы не можемъ не повторить здѣсь того, что замѣчательная и въ высшей степени полезная для Россіи дѣятельность Новикова, — дѣятельность, изумительная для того времени и для силъ одного, частнаго, человѣка, — составляетъ фактъ безпримѣрный въ исторіи русскаго просвѣщенія и русской литературы и до настоящаго времени. Не даромъ проф. Шварцъ, по прибытіи въ Россію, «съ особенною любовію остановился на изданіяхъ Новикова и видѣлъ въ немъ — по его словамъ — *особенную любовь къ просвѣщенію и горячую любовь къ отечеству*: Шварцъ созналъ въ его литературной дѣятельности живую сторону, благородную, рѣзко опредѣлившуюся цѣль». («Біогр. сл. проф. и преп. моск. унив.» ч. II, 577). И въ самомъ дѣлѣ, сколько высказалось во всей дѣятельности и во всѣхъ стремленіяхъ Новикова, имѣвшихъ единственную цѣль — распространить образованіе въ Россіи во всѣхъ сословіяхъ народа, — сколько высказалось у этого замѣчательнаго человѣка энергіи, смѣлости, предпріимчивости, горячей и безкорыстной любви къ отечественному просвѣщенію и къ литературѣ, насколько своею дѣятельностію сообщилъ онъ *движенія* и *оживленія* современной литературѣ и просвѣщенію вообще, насколько элементарныя школы и масса изданныхъ Новиковымъ азбукъ, букварей и элементарныхъ учебниковъ увеличили число грамотныхъ людей, насколько изданныя имъ книги — самаго разнообразнаго содержанія—при помощи заводимыхъ имъ же книжныхъ лавокъ не только въ городахъ, но и въ *селахъ* (Лонг. 209) размножили число читателей на Руси — все это ясно само собою и все это видно уже изъ приведенныхъ въ нашемъ предыдущемъ очеркѣ указаній. Г. Лонгиновъ въ прекрасномъ изслѣдованіи своемъ о жизни и трудахъ Новикова справедливо замѣчаетъ: «Вся издательская, журнальная, типографская и книгопродавческая дѣятельность Новикова краснорѣчиво говоритъ сама за себя. Движеніе, данное Новиковымъ *всѣмъ этимъ отраслямъ просвѣщенія, является какъ бы чѣмъ-то осязательнымъ тому*,

кто знакомится съ литературою его эпохи... Новиковъ могъ не безъ гордости смотрѣть на то, что имъ совершено, а потомство не можетъ не сохранить о немъ признательной памяти». (стр,. 295 — 6).

Такимъ образомъ, масса изданныхъ и напечатанныхъ Новиковымъ и въ его типографіяхъ книгъ (а также и журналовъ) вовсе не принадлежала къ книгамъ исключительно мистическимъ или мистико-религіознымъ, какъ мы это уже знаемъ изъ приведенныхъ выше указаній. Онъ напечаталъ множество книгъ свѣтскихъ и беллетрическихъ, книгъ самаго разнообразнаго содержанія, онъ издалъ «небывалое дотолѣ количество» (Лонг. 123) книгъ ученыхъ, учебныхъ и элементарныхъ руководствъ для первоначальнаго обученія. Замѣчательно, что, вступивши уже въ масонство, Новиковъ дѣлаетъ два лучшихъ изданія своего «Живописца»: *третье* , 1775 и *четвертое*, 1781 года, «вновь пересмотрѣнныя, исправленныя и умноженныя». Онъ внесъ въ эти изданія лучшія сатирическія статьи изъ «Трутня» и исключилъ изъ него всѣ статьи безцвѣтныя и не имѣющія сатирическаго направленія, такъ что это изданіе «Живоцисца» представляетъ *чисто-сатирическій* сборникъ. (*Живоп.* изд. VII. Предисл. XIII). Да кромѣ того, это же изданіе «Живописца» Новиковъ снабдилъ тѣмъ остроумнымъ предисловіемъ, въ которомъ говоритъ: «Если бы я былъ самолюбивъ, то скорой сей расходъ Живописцу неотмѣнно поставилъ бы на щетъ достоинствъ моего сочиненія; но будучи о дарованіяхъ своихъ весьма умѣреннаго мнѣнія, лучше соглашаюсь вѣрить тому, что сіе сочиненіе попало на вкусъ мѣщанъ нашихъ» и проч. и гдѣ онъ такъ иронически смѣется надъ людьми, «разумы свои знаніемъ Французскаго языка просвѣтившими, которые, «полагая книги въ число головныхъ уборовъ, довольствуются всѣми головными уборами, привозимыми изо Франціи: какъ-то пудрою, помадою, *книгами*» и проч. (*Ibid.* XI — XII). Въ это же время (т. е. въ пору своей масонской дѣятельности) Новиковъ два раза издаетъ полное собраніе сочиненій Сумарокова, которыя онъ всегда предпочиталъ сочиненіямъ самого Ломоносова, конечно, на томъ основаніи, что большинство сочиненій Сумарокова отличалось сатирическимъ и жизненнымъ направленіемъ и еще прямо могло относиться къ современной дѣйствительности.

Слѣдственно, Новиковъ и въ самую дѣятельную пору масонства и розенкрейцерства не былъ исключительнымъ мистикомъ и не предавался исключительно туманнымъ мистико-религіознымъ теоріямъ масонства. Его упрекали не разъ друзья-масоны — и даже самый близкій изъ нихъ — Шварцъ — въ «холодности къ ордену и къ братству, которымъ онъ не занимался слишкомъ усердно и постоянно», такъ какъ *онъ посвящалъ почти все свое время трудамъ по изданію и печатанію книгъ и журналовъ*. (Лонг. 200. Прилож. 077, 087, 0109). Масонство, бывшее во второй половинѣ XVIII вѣка въ такомъ большомъ ходу во всей Европѣ, манило къ себѣ всѣхъ своими слишкомъ смѣлыми и обманчивыми обѣщаніями — разрѣшить всяческія сомнѣнія, манило въ особенности тѣхъ, кто одушевляемъ былъ, подобно Новикову, пламенными стремленіями къ добру и къ общему благоденствію человѣчества; оно указывало пути и бралось вести людей къ этой высокой и прекрасной цѣли. Вступивъ въ масонство, въ минуту мучительныхъ сомнѣній, которыя приходится переживать

всякой искренней и благородной натурѣ, подобной натурѣ Новикова,—его, безъ сомнѣнія, обольщала эта—дѣйствительно возвышенная, хотя и мечтательная цѣль масонства — привести людей къ общему братству, къ *общему просвѣщенію* и благоденствію; ибо такую именно цѣль въ концѣ концовъ указывало своимъ адептамъ впереди масонское братство изъ-за туманныхъ теософскихъ и алхимическихъ теорій и странныхъ аллегорическихъ формъ, которыми оно себя окружало. Что Новикова увлекала болѣе всего эта чисто практическая сторона масонства—это доказывается самымъ нагляднымъ образомъ всей его просвѣтительной дѣятельностію. Образовать умъ и сердце людей, распространить образованіе во всѣхъ классахъ народа, во всѣхъ возрастахъ и полахъ, — вотъ чему такъ усердно, такъ безкорыстно и съ такою энергіею посвящалъ Новиковъ всѣ свои журнальные, учено-литературные, педагогическіе и издательскіе труды. Вотъ почему онъ, между прочимъ, въ дѣлѣ образованія народнаго, придавалъ такое большое значеніе вліянію женщины. «Новиковъ чрезвычайно высоко цѣнилъ вліяніе женщины на образованіе ума и сердца людей — свидѣтельствуетъ г. Лонгиновъ — и говорилъ: *грамотная мать и въ игрушку будетъ давать своему дитяти книги, а такимъ образомъ и мы пойдемъ впередъ — съ молокомъ, а не съ сѣдинами.* Поэтому онъ былъ всегда покровителемъ — говоритъ тотъ же авторъ — всякой женщины, занимавшейся чтеніемъ русскихъ книгъ; во время издательской дѣятельности своей онъ съ особенною охотою печаталъ литературные труды женщинъ и входилъ въ письменныя сношенія съ тѣми дамами и дѣвицами, которыя занимались словесностію и науками». («Новик. и моск. мартин.» 383).

Если же подъ старость Новиковъ предается совершенно мистицизму и во имя масонскихъ теорій порицаетъ новыя открытія истинной науки (письма къ Карамзину, около 1815 года, о которыхъ мы упоминали выше) *), то это весьма понятно: понятная вещь, что больной, хилый и разслабленный старикъ, претерпѣвшій при томъ гоненіе за свои убѣжденія, теперь упорно стоитъ за эти убѣжденія и проповѣдуетъ о тщетѣ человѣческихъ знаній и науки, не признаетъ теоріи Лавуазье, опровергаетъ ее на основаніи библейскихъ истинъ, говоритъ: «*всѣ* науки сходятся въ религіи» и т. п. (Лонг. 384). Полуразрушенному и быстро приближавшемуся къ могилѣ старику только и оставалось тогда, что искать успокоенія въ религіи да утѣшать себя разными мистическими мечтаніями и обольстительными иллюзіями розенкрейцерства. Но само собою разумѣется, что было бы совершенно несправедливо старческія понятія Новикова переносить на всю его предыдущую дѣятельность.

Таково было значеніе, по отношенію къ общественному образованію и развитію въ Россіи, Новикова и его друзей, московскихъ мартинистовъ,—какъ главныхъ представителей дѣйствовавшаго у насъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка мистицизма. Что же сдѣлали въ этомъ отношеніи мистицизмъ и масонство, возникшіе въ первой четверти XIX столѣтія, и сродные по своимъ

---

*) Напечатаны въ собраніи писемъ *Гамальи.*

теоріямъ съ масонствомъ новиковскимъ?—По общему отзыву, главнымъ и наиболѣе даровитымъ представителемъ мистицизма и масонства этой эпохи былъ ученикъ новиковскаго кружка, Лабзинъ. Ума, образованія и способностей у Лабзина было столько же—если еще не болѣе,—сколько у Новикова. Какую же пользу Лабзинъ съ своимъ мистицизмомъ, въ теченіе почти двадцати-лѣтней своей дѣятельности, успѣлъ принести дѣлу общественнаго образованія и развитія Россіи?

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о дѣятельности масонскихъ ложъ этой эпохи. Если вѣрить Вигелю, то ложи въ Петербургѣ отличались пустымъ времяпровожденіемъ и совершенною «безвинностію», такъ что самому Вигелю занятія тогдашнихъ масоновъ (къ числу которыхъ принадлежалъ и онъ самъ) не только «наскучили», но даже «огадились», — по его словамъ. («Воспом.» ч. 5. Русск. В. 1865, январь, 106—211). О тогдашнихъ московскихъ ложахъ сохранилось также извѣстіе, весьма мало для нихъ благопріятное. Извѣстіе это принадлежитъ старому масону и воспитаннику «Дружескаго общества», М. Невзорову, который въ «посланіи» къ одному изъ прежнихъ товарищей по масонству *) пишетъ, что «правители новозаводимыхъ масонскихъ ложъ» въ Москвѣ не впушаютъ ему никакого довѣрія; онъ называетъ эти новозаводимыя ложи «дикими поростями масонства» и говоритъ, что члены собраній этихъ «занимаются *пустою суетностію* и какими-то загадочными познаніями, кабалистическими, алхимическими и тому подобными, которыхъ, — прибавляетъ Невзоровъ, — какъ навѣрное можно сказать, они ни сами не разумѣли, и другихъ только въ грѣхъ невѣденія вводили».

О роли и дѣятельности самого Лабзина собственно по тогдашнимъ масонскимъ дѣламъ до сихъ поръ не издано подробныхъ извѣстій; но о характерѣ этой дѣятельности и о значеніи Лабзина въ средѣ тогдашнихъ масоновъ мы можемъ составить себѣ удовлетворительное понятіе изъ тѣхъ любопытныхъ свѣдѣній, которыя сообщаетъ о немъ покойный С. Т. Аксаковъ въ упомянутой нами выше, чрезвычайно интересной, статьѣ своей: «Встрѣча съ мартинистами». Авторъ говоритъ здѣсь, что Лабзинъ «былъ великій братъ и начальникъ секты масоновъ или мартинистовъ», и затѣмъ изображаетъ самую личность Лабзина и нѣкоторые эпизоды, въ которыхъ онъ является посреди подчиненныхъ ему масоновъ. Надо сознаться, что изображеніе Лабзина, сдѣланное Аксаковымъ, представляетъ намъ «великаго брата и начальника» мартинистовъ первой четверти XIX столѣтія въ чертахъ крайне непривлекательныхъ. Въ вѣрности самаго изображенія едва ли можно усомниться, такъ какъ за него ручается извѣстная писательская добросовѣстность и превосходный художническій талантъ С. Т. Аксакова.

Главная господствующая черта въ личномъ характерѣ Лабзина — это непомѣрное самолюбіе и страсть властвовать надъ людьми — слабыми, пассивными или же окончательно отупѣвшими подъ вліяніемъ чтенія тѣхъ мистиче-

---

*) См. „Отрывокъ изъ посланія М. И. Невзорова къ О. А. Поздѣеву". („Библ. Зап. 1858 г. № 21, столб. 658).

скихъ тумановъ, главнымъ производителемъ которыхъ и былъ самъ Лабзинъ. Властолюбіе Лабзина и деспотическіе инстикты, которые онъ обнаруживалъ всякій разъ въ своихъ сношеніяхъ съ «братьями», т. е. съ масонами, живо и наглядно изображены въ интересномъ разсказѣ Аксакова. По словамъ автора, при встрѣчѣ съ Лабзинымъ, вся фигура послѣдняго и его »голосъ, въ которомъ слышна была привычка повелѣвать», произвели на него сильное впечатлѣніе. Мы не станемъ утомлять вниманія читателей перечисленіемъ тѣхъ подробностей, которыми Аксаковъ обрисовываетъ далѣе властолюбивую и самолюбивую натуру Лабзина (любопытствующій читатель найдетъ ихъ самъ въ статьѣ «Встрѣча съ мартинистами»). Мы повторимъ только слѣдующія слова автора: «Въ обращеніи его (Лабзина) съ «братьями» слышенъ былъ *тонъ господина*, а «братья» . . . относились къ нему *почтительно, какъ будто къ существу высшей породы*» (стр. 51), и скажемъ, что слова эти вполнѣ подтверждаются всѣмъ послѣдующимъ разказомъ Аксакова и тѣми сценами, гдѣ онъ представляетъ Лабзина посреди покорныхъ ему и благоговѣющихъ передъ нимъ масоновъ. Въ невѣрной же передачѣ самихъ фактовъ или въ извращеніи ихъ С. Т. Аксакова заподозрить, конечно, нельзя.

Непомѣрное самолюбіе Лабзина подтверждается, впрочемъ, и другими современными свидѣтельствами *); оно выражается и въ его журнальной и литературной дѣятельности, въ его подписи «Ученикъ Мудрости», въ его удивительномъ посвященіи «Сіонск. Вѣстн.»: «Іисусу Христу» и проч. Проповѣдуя въ теоріи (въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ» и въ предисловіяхъ къ своимъ мистическимъ изданіямъ) евангельское смиреніе и уничиженіе, онъ тутъ же и въ то же время ратовалъ—нерѣдко съ большою запальчивостію,—противъ людей противоположныхъ мнѣній, ставилъ себя авторитетомъ въ вопросахъ вѣры и истиннымъ истолкователемъ библіи и словъ св. писанія и т. д. По словамъ М. Дмитріева, который сошелся съ Лабзинымъ очень близко, во время его жительства въ Симбирскѣ **), «любимымъ и преимущественнымъ чтеніемъ Лабзина были —

---

*) Сперанскій, напримѣръ, въ интимномъ письмѣ къ близкому человѣку (Цейеру) писалъ: „Тебѣ извѣстно, что я съ Лабзинымъ не имѣлъ никакой связи, а терпѣлъ за него очень много. Впрочемъ и его гонятъ, мнѣ кажется, безъ всякой причины, развѣ за *самолюбіе*“ и проч. („Русск. Арх.“ 1867 г. № 3, столб. 437). — Извѣстный архим. Фотій въ письмѣ къ Державиной писалъ о Лабзинѣ на своемъ макароническомъ языкѣ: „Помяни, о святая душе! *Гдѣ гордый Лабзинъ, отецъ и ересіархъ?* — Якова (віс) трава, яко прахъ погибе: то будетъ и дѣткамъ его нечестивымъ и буйнымъ (?)“ (*Ibid.* 1863 г. Изд. 2-е, столб. 851). — Уязвленное самолюбіе (и только самолюбіе) проглядываетъ наконецъ и въ отрывкахъ изъ собственныхъ писемъ Лабзина, приведенныхъ въ „воспоминаніи“ М. Дмитріева. (*Ibid.* 1866, № 6, столб. 851).

**) Замѣтимъ кстати, что М. Дмитріевъ въ упомянутомъ „воспоминаніи о Лабзинѣ“ (Русск. Арх. 1866, № 6) является его усерднымъ почитателемъ и поклонникомъ. Онъ пишетъ, что еще до личнаго знакомства съ Лабзинымъ, онъ „уважалъ труды его, по ихъ направленію“, но только по „какому-то инстинкту, по какому-то темному и безсознательному чувству питалъ къ нимъ уваженіе“, не смотря на то, что въ домѣ, „гдѣ жилъ, слышалъ только насмѣшки надъ ханжествомъ издателя „Сіон-

кромѣ *такъ называемыхъ* (?) книгъ новѣйшихъ мистиковъ — сочиненія *аскетовъ* о внутренней жизни, и между ними чрезвычайно дорожилъ онъ извѣстнымъ сборникомъ, изданнымъ на славянскомъ языкѣ, подъ названіемъ *Добротолюбіе*»; но что тѣмъ не менѣе — говоритъ авторъ — это не мѣшало Лабзину «быть самымъ веселымъ старикомъ, который любилъ и забавное, и невиныя шутки» и проч. (Р. А. 845). Какъ это вязалось одно съ другимъ, какъ мирились въ Лабзинѣ суровый аскетизмъ съ шутками — это трудно себѣ объяснить. Гдѣ-нибудь да былъ тутъ недочетъ. *Главнѣйшая работа жизни* Лабзина состояла въ томъ — по словамъ М. Дмитріева — чтобы «воспитывать свою душу», т. е. состояла въ томъ, — объясняетъ авторъ — что аскетическіе писатели называютъ «умнымъ дѣланіемъ», или въ «наукѣ древнихъ отшельниковъ». Но «наука» (если это можно назвать наукой) древнихъ отшельниковъ и аскетовъ писалась, какъ извѣстно, въ суровыхъ пустыняхъ или по мрачнымъ кельямъ пустынныхъ монастырей, и писалась не для свѣтскихъ людей, въ средѣ которыхъ Лабзинъ жилъ самъ и хотѣлъ пропагандировать свои аскетическія и мистическія идеи.

Надо полагать, впрочемъ, что многое можетъ быть объяснено и въ жизни и въ ультра-мистическомъ настроеніи и дѣятельности Лабзина тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ эпилептикъ *).

Такова была характеристическая личность «великаго брата и начальника» мартинистовъ начала XIX столѣтія. Строго говоря, намъ было бы мало дѣла собственно до личныхъ свойствъ и характера Лабзина,—еслибы эти свойства и характеръ не выразились всѣми господствующими чертами своими во 1-хъ въ собственной мистико-литературной дѣятельности Лабзина, а во 2-хъ въ дѣятельности русскаго «Библейскаго общества, принявшаго вскорѣ,—вслѣдствіе участія въ немъ Лабзина и людей его убѣжденій,—чисто мистическій характеръ.

скаго Вѣстника", особенно надъ его посвященіемъ — казавшимся совершенно неумѣстнымъ". Затѣмъ, М. Дмитріевъ свидѣтельствуетъ, что послѣ сближенія съ Лабзинымъ, послѣдній имѣлъ на него сильное и благодѣтельное, по его словамъ, вліяніе. Лабзинъ открылъ ему — говоритъ авторъ — „такой широкій объемъ христіанской религіи, такую связь духовнаго міра съ вещественнымъ и законъ, соединяющій видимое съ невидимымъ, земное съ небеснымъ, — какихъ онъ, М. Дмитріевъ, и не подозрѣвалъ", и прибавляетъ, что Лабзинъ „многихъ ввелъ въ *глубину тайнъ христіанской религіи*" и т. п. (столб. 841 и 853). Ясно, что тутъ рѣчь идетъ о мистическихъ умствованіяхъ Лабзина, которыя онъ почерпалъ у Бёма, Эккартсгаузена и Юнга Штиллинга; ибо въ какой значительной степени религіозныя идеи и толкованія издателя „Сіонскаго „Вѣстника" не согласны съ догматическимъ ученіемъ православной церкви — на это положительно указываетъ преосвящ. Филаретъ (черниговскій) въ своемъ „Обз. рус. дух. лит." ч. 2, стр. 236. Потому, къ „воспоминанію о Лабзинѣ" М. Дмитріева, равно какъ и къ помѣщенной въ томъ же № „Рус. Арх." статьѣ Безсонова—(въ тѣхъ частяхъ ея особенно, гдѣ авторъ говоритъ о великомъ и благодѣтельномъ значеніи мистическихъ изданій Лабзина) — слѣдуетъ относиться не иначе, какъ критически.

*) „Онъ (Лабзинъ) подверженъ былъ падучей болѣзни, и вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Симбирска имѣлъ сильный припадокъ: три дня почитали его почти уже умершимъ" и проч. („Воспом. М. Дмитр.", 852).

Первое русское «Библейское общество» основано было въ Петербургѣ, какъ общество мѣстное, въ концѣ 1812 года, не только по примѣру «Британскаго и иностраннаго Библейскаго Общества» (British and Foreign Bible Society, 1804 г. дѣйствующее и понынѣ), но и по первоначальному возбужденію послѣдняго, «возложившаго на члена своего пастора Патерсона попеченіе объ образованіи въ С.-Петербургѣ библейскаго общества», — если на то послѣдуетъ соизволеніе императора *).

Всеподданнѣйшій докладъ съ проэктомъ объ учрежденіи библейскаго общества въ Петербургѣ, представленный главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и оберъ-прокурорамъ св. синода (впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ) княземъ А. Н. Голицинымъ,—былъ утвержденъ императоромъ Александромъ I, и въ началѣ 1813 г. петербургское «Библейское Общество» было открыто и начало свою дѣятельность.

Въ президенты «общества» выбранъ былъ тотъ-же кн. А. Н. Голицынъ. Онъ оставался президентомъ «Библейскаго Общества» до самого прекращенія его дѣятельности и былъ во все время его существованія самымъ сильнымъ и главнымъ его двигателемъ. Затѣмъ, въ члены общества поступили многіе первостепенные сановники и вообще лица значительныя по своему общественному положенію или по вліянію въ администраціи, а равно и высшіе іерархи русской церкви и — что замѣчательно по отношенію къ идеѣ религіозной терпимости, которую русское «Библейское общество» прямо заимствовало отъ «Общества Британскаго»: на ряду съ русскими митрополитами и архіереями въ собраніяхъ «общества» засѣдали, въ качествѣ его членовъ и дѣятелей, и главные духовные представители иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій въ Россіи: католическаго, протестантскаго, армянскаго и друг.

Цѣль и задача русскаго библейскаго общества, безъ сомнѣнія, должны были быть тѣ же самыя, которыя преслѣдовало и «Британское и Иностранное Библейское Общество», — такъ какъ инициативѣ послѣдняго русское «общество» обязано было и своимъ возникновеніемъ. Главнѣйшею цѣлію его было и есть—распространеніе библіи между *всѣми* народами, на ихъ природномъ языкѣ, въ видахъ религіознаго воспитанія народныхъ массъ, въ видахъ поднятія христіанскаго образованія въ средѣ народовъ христіанскихъ и наконецъ въ видахъ христіанской пропаганды между язычниками и другими народами нехристіанскихъ исповѣданій. Для осуществленія этой главной задачи своей,— т. е. для распространенія и развитія чистаго христіанскаго ученія между всѣми народами міра, — «Британское общество» поставило правиломъ: во 1-хъ—распространять библію безъ всякихъ *примѣчаній* и *объясненій*, чтобы ею могли пользоваться, не стѣсняясь исповѣдными различіями, народы всѣхъ христіанскихъ исповѣданій; а во 2-хъ—распространять библію и книги писанія въ возможно большемъ количествѣ, посредствомъ распродажи книгъ по самымъ де-

---

*) „Русск. Библ. Об.“ А. Н. Пыпина. См. ст. I.

шевымъ цѣнамъ или же посредствомъ даровой ихъ раздачи — съ тою цѣлію, чтобы слова писанія удобнѣе и легче могли достигать до тѣхъ, кто наиболѣе нуждается въ религіозномъ воспитаніи и въ утѣшеніяхъ христіанской религіи, какъ-то: до народныхъ массъ, находящихся въ грубомъ и дикомъ невѣжествѣ, до всѣхъ бѣдныхъ, несчастныхъ и страдающихъ, до преступниковъ и заключенныхъ въ тюрьмахъ и т. д. Такимъ образомъ, осуществленіе главной цѣли «Британскаго Библейскаго Общества» естественнымъ путемъ и тѣсно связывало его основную библейскую дѣятельность съ трудами миссіонерскими, филантропическими и чисто-образовательными. И на всѣхъ этихъ поприщахъ «Британское общество», при его громадныхъ средствахъ, при энергическихъ трудахъ и безкорыстномъ рвеніи его многочисленныхъ дѣятелей, успѣло оказать многія великія услуги человѣческому развитію и христіанской цивилизаціи. Тысячи его миссіонеровъ и агентовъ, разошедшіеся по всѣмъ, самымъ отдаленнымъ, уголкамъ земнаго шара на христіанскую проповѣдь, милліоны экземпляровъ распространенныхъ ими библій и книгъ св. писанія, на всѣхъ языкахъ міра, заводимыя ими во множествѣ школы для первоначальнаго обученія *), воскресныя школы и вообще школы для бѣдныхъ — вотъ тѣ дѣла «Британскаго Библейскаго Общества», посредствомъ которыхъ оно распространяло и продолжаетъ распространять — преимущественно въ массахъ простаго и необразованнаго народа или посреди дикихъ языческихъ племенъ—первые плоды христіанскаго просвѣщенія и благотворенія.

Тѣ же самыя цѣли и задачи стало преслѣдовать — сказали мы — и русское «Библейское общество» съ тою только разницею, что оно ограничивало объемъ своей дѣятельности собственно предѣлами русской имперіи. Оно также старалось распространять «библіи или книги св. писанія ветхаго и новаго завѣта на разныхъ языкахъ, за самыя умѣренныя цѣны, а бѣднымъ безъ платы»; оно также объявляло, что будетъ заботиться и о томъ, чтобы «библію доводить и до рукъ азіатскихъ народовъ въ Россіи, изъ магометанъ и язычниковъ» на ихъ языкѣ; также старалось доставлять библіи всѣмъ «страждущимъ и бѣдствующимъ»: разореннымъ отъ непріятеля (въ войну 1812 г.), военнопленнымъ, заключеннымъ въ тюрьмахъ, ссыльнымъ, находящимся въ больницахъ, въ богадѣльняхъ и т. п.

При началѣ дѣйствій «Библейскаго общества», оно встрѣчало почти повсюду большое сочувствіе къ своимъ прекраснымъ цѣлямъ и къ своей библейской дѣятельности. Оно быстро пріобрѣло нужныя ему для покупки и печатанія библій на разныхъ языкахъ денежныя средства, посредствомъ подписки отъ членовъ и единовременныхъ пожертвованій. Государь императоръ, по донесеніи ему объ открытіи дѣйствій комитета Общества, назначилъ Обществу отъ себя пожертвованіе въ 25,000 руб. единовременно и по 10,000 ежегодно.

---

*) Школы взаимнаго обученія, или такъ называемыя „ланкастерскія“ школы, приспособленныя для обученія многихъ бѣдныхъ дѣтей въ одной школѣ и при одномъ учителѣ, распространены были повсюду собственно миссіонерами и дѣятелями „Бр. биб. об.“, которые заводили ихъ вездѣ, гдѣ только ни появлялись.

Въ члены Общества поступали лица изъ всѣхъ сословій, по всѣмъ почти городамъ имперіи: почти всѣ начальники епархій, архіереи, многіе губернаторы и прочія чиновныя власти въ провинціяхъ, равно какъ и многія достойныя лица изъ духовенства принимали на себя охотно званіе членовъ «Библейскаго общества». Оно быстро открывало, одно вслѣдъ за другимъ, свои «отдѣленія» по многимъ городамъ и имѣло почти вездѣ корреспондентовъ — даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири, Кавказа и т. д. Такъ что, когда Общество было закрыто, послѣ 12 лѣтняго существованія, то число отдѣленій его простиралось до 57, а сотовариществъ до 233, всего 289—частныхъ отдѣловъ, посредствомъ которыхъ Общество распространило свою дѣятельность на всю Россію.

Императоръ Александръ I сильно и постоянно покровительствовалъ «Библейскому обществу». Уже въ 1814 изъ «с.-петербургскаго» оно было переименовано, по высочайшему повелѣнію, въ «Россійское Библейское Общество». Въ 1816 году императоръ «соизволилъ принять на себя званіе члена Рос. Библ. Общ.»; въ томъ же году онъ подарилъ Обществу домъ въ Петербургѣ и пожертвовалъ 15,000 руб. для его перестройки и затѣмъ подарилъ Обществу также домъ и въ Москвѣ. Отчеты Общества постоянно упоминали объ этомъ особенномъ и щедромъ покровительствѣ и благоволеніи къ нему императора Александра I, равно и о томъ, что дѣятельность Общества постоянно поощряется государемъ и пользуется его ближайшимъ вниманіемъ.

И дѣятельность эта, по печатанію и по переводамъ на разныя языки или всей библіи или отдѣльныхъ книгъ св. писанія, была въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно обширна и возрастала почти ежегодно. Въ отчетѣ Библейскаго общества за 1822 годъ было представлено обозрѣніе его десяти-лѣтней дѣятельности *), изъ котораго видно, что Общество пріобрѣло или напечатало само библій, книгъ новаго завѣта и отдѣльныхъ частей св. писанія на 41 языкѣ; изъ нихъ оно печатало переводы книгъ св. писанія между прочимъ на языкахъ: латышскомъ, финскомъ, эстскомъ, калмыцкомъ, корельскомъ, монгольскомъ, мордовскомъ, самогитскомъ, черемисскомъ, чувашскомъ и проч. Переводы книгъ писанія на 12 языкахъ произведены были собственными попеченіями «Россійскаго Библейскаго Общества». По 1823 годъ оно успѣло распространить 427,704 экземпляра книгъ св. писанія и изъ нихъ роздано было безденежно 29,000 экз. Въ 1826 году, когда «Библ. Об.» было окончательно **) закрыто, имущество его по оцѣнкѣ простиралось до 2,000,000 руб. ас.

Самое замѣчательное изъ дѣлъ «Россійскаго Библейскаго Общества» — это предпринятый имъ, по иниціативѣ самого императора, («Рос. Библ. Общ.» ст. I, стр. 673) переводъ книгъ св. писанія на *русскій языкъ*. Имъ переведены были и напечатаны книги новаго завѣта и псалтырь. Первое полное изданіе на русскомъ языкѣ книгъ новаго завѣта и книги псалмовъ послѣдовало въ 1821 г.

---

*) „Рос. Библ. Об." г. Пыпина, ст. 1-я, стр. 700—701,

**) Прекращеніе дѣятельности „Биб. Об." нужно считать собственно со времени удаленія отъ должности президента кн. А. Н. Голицына; потому что затѣмъ, до 1826 г., общество существовало только по имени.

Переводъ произведенъ былъ трудами петербургской духовной академіи, подъ надзоромъ ея ректора, архимандр. Филарета (впослѣдствіи митрополита московскаго). Надъ переводами на русскій языкъ книгъ ветхаго завѣта трудились духовныя академіи московская и кіевская, и было уже напечатано пятикнижіе Моисея, но выпускъ его былъ остановленъ.

Изъ всего вышесказаннаго о быстромъ развитіи и о видимыхъ успѣхахъ «Россійскаго Библейскаго общества», казалось бы, слѣдовало заключить, во 1-хъ, что оно прочно укоренилось у насъ и нашло себѣ всеобщее сочувствіе въ странѣ; а во 2-хъ, что учрежденіе его послужило съ пользою для отечественнаго развитія и для религіозно-нравственнаго образованія народныхъ массъ, — такъ какъ по основной идеѣ своей, заимствованной у «Британскаго Библейскаго Общества» (см. выше), учрежденіе его могло бы дѣйствительно принести большую пользу странѣ въ этихъ отношеніяхъ. Но на самомъ дѣлѣ это было, къ сожалѣнію, далеко не такъ.

Заслуга «Росс. Библ. Общ.», заслуга,—безъ сомнѣнія, важная и осязательная,—заключается въ сдѣланныхъ его попеченіями переводахъ: новаго завѣта на русскій языкъ и отдѣльныхъ книгъ св. писанія на языки разныхъ инородцевъ, живущихъ въ Россіи. Если переводы эти не оказали всего своего дѣйствія и вліянія на народныя массы тогда же (и не оказываютъ ихъ еще даже и теперь) вслѣдствіе почти поголовной безграмотности этихъ массъ и совершеннаго недостатка въ школахъ; то дѣйствіе и вліяніе этихъ переводовъ на религіозно-нравственное воспитаніе народа будетъ несомнѣнно въ то время, когда грамотность разольется широко во всей массѣ народа, —конечно, въ такомъ случаѣ, когда переводы эти годны и хороши (мы не говоримъ о русскомъ переводѣ, въ достоинствахъ котораго не сомнѣваются); ибо преосв. Филаретъ черниговскій говоритъ, что «переводы св. писанія (сдѣланные въ «Библ. Общ.») на разные мѣстные языки Россіи совершались поспѣшно и въ нихъ допущено множество ошибокъ»: такъ недавно, по словамъ автора, принуждены были сдѣлать новый переводъ евангелія на татарскій языкъ (напечатанный въ Казани 1860 г.), «а прежній оказался до крайности плохимъ». («Обзоръ», ч. II, 238) *). Тѣмъ не менѣе,— нужно повторить, — что переводы книгъ св. писанія на русскій и на разныя мѣстныя народныя языки въ Россіи составляютъ большую заслугу, которой у русскаго «Библ. Общ.» отрицать нельзя. Но, помимо этого переводнаго дѣла, во всемъ остальномъ дѣятельность «Росс. Библ. Общ.»,—вслѣдствіе принятаго вскорѣ ею направленія и характера,—распоряженія, посредствомъ котораго оно приводило въ исполненіе свои задачи, и вліяніе его дѣятельности далеко не могутъ быть признаны благотворными и полезными. Общество, главнымъ образомъ, отклонилось въ скорости отъ своей главной цѣли и отъ своихъ прекрасныхъ задачъ, т. е. отъ религіозно-нравственнаго воспитанія народа, въ духѣ истиннаго христіанства, посредствомъ распространенія одной библіи и книгъ

*) Недавно сдѣланъ также *новый переводъ на мордовскій языкъ* евангелія отъ Матѳея и разрѣшенъ св. Синодомъ къ изданію. Переводъ принадлежитъ проф. тамбовской семинаріи *Тюменеву*. („Православн. Обозрѣн.“ 1862 г. апрѣль).

писанія, безъ всякихъ объясненій и толкованій, и посредствомъ возможно большаго размноженія школъ грамотности, которыя только и могли бы открыть народу возможность *читать* распространяемыя въ средѣ его книги писанія. Вмѣсто этого, дѣятельность «общества» приняла скоро направленіе и характеръ чистаго мистицизма въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ проповѣдывался Лабзинымъ и подобными ему крайними мистиками. Самъ президентъ «общества», кн. Голицынъ, его главный руководитетель, отличавшійся мистическими тенденціями еще до учрежденія «Библ. Общ.», отдавался теперь вполнѣ мистицизму — въ самыхъ его крайнихъ и даже нелѣпыхъ проявленіяхъ *). Лабзинъ сдѣлался директоромъ и членомъ комитета «Библейскаго Общества» уже съ 1814 г. и съ того времени принималъ постоянно самое живое и дѣятельное участіе въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ комитета. Затѣмъ, почти всѣ главные дѣятели «Библ. Общ.» и вліятельные члены комитета принадлежали къ числу людей крайняго мистическаго направленія, раздѣлявшихъ вполнѣ взгляды и ученія Лабзина. Естественно, послѣ этого, что эти взгляды и ученія стали выражаться во всѣхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ «Библейскаго Общества» и заслонили собою мало по малу его простую и благотворную цѣль и задачи, руководствуясь которыми оно приступило вначалѣ къ своей религіозно-воспитательной роли. Распространенность и вліяніе всякихъ мистическихъ идей и ученій и даже самой мистической практики между членами и дѣятелями «Библ. Общ.» дошло до того, что время «Библейскаго Общества» — по словамъ г. Пыпина — «стало временемъ крайней мистики и піетизма» **). Люди, становившіеся въ ряды библейскихъ дѣятелей, скоро втягивались въ этотъ мистицизмъ и піетистическую практику и пріобрѣтали какой-то особенный отпечатокъ выставляемой на видъ, — и потому сомнительной — религіозности, весьма близкой къ ханжеству и лицемѣрію. Произведенія лабзинской мистической литературы теперь страшно размножались, распространялись наравнѣ съ библіями и составляли какъ-бы характеристическую литературу собственно «Библейскаго Общества». Потому совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ изслѣдованія: «Россійскаго Библейскаго Общества», что развитіе мистицизма въ средѣ «Библ. Общ.» *жалкимъ образомъ* извратило его основную цѣль и произвело его солидарность съ необузданной мистикой Лабзина и компаніи» ***).

Преосв. Филаретъ (черниговскій) не одобряетъ въ своемъ «Обзорѣ» и

---

*) Кн. Голицынъ посѣщалъ собранія извѣстнаго сектаторскаго общества, гдѣ „верховной жрицей“, — по словамъ Вигеля, была нѣкая госпожа *Татаринова*. См. въ „Вѣстн. Евр.“ 1868, кн. 9, изслѣдованіе г. Пыпина, который говоритъ, что „собранія общества Татариновой были странной религіозной оргіей, напоминающей шамановъ, хлыстовъ и т. п.“ и что „*наиболѣе ревностные друзья Татариновой и участники ея изувѣрныхъ вакханалій нашлись именно между членами Библейскаго Общества*; *главнѣйшіе изъ этихъ друзей были*: Лабзинъ и В. М. Поповъ, одинъ — *директоръ*, другой — *секретарь* Б. О“ и кромѣ того еще многіе другіе (стр. 283).

**) „Росс. Библ. Общ.“ Вѣстн. Евр. 1868, кн. 9, стр. 272.

***) *Ibid.* 256. Мы представляемъ лишь общій очеркъ и общую характеристику дѣятельности русскаго библ. общества и не можемъ входить тутъ въ большія по-

самой дѣятельности «Библейскаго Общества» по усиленному распространенію книгъ библіи и новаго завѣта въ народѣ. Но неодобреніе это, какъ кажется, совершенно несправедливо, и развѣ можетъ относиться только къ тому способу и къ тѣмъ распоряженіямъ, посредствомъ которыхъ дѣятели библейскаго «общества» распространяли въ народѣ книги св. писанія. Способъ этотъ былъ чисто чиновническій, офиціальный: продажею и раздачею библій занимались нерѣдко полицейскіе и другіе чиновники по предписаніямъ своихъ начальниковъ, изъ которыхъ большею частію состояли и въ столицахъ и провинціи комитеты, отдѣленія и сотоварищества библейскаго общества. (См. подробности въ изслѣдованіи г. Пыпина).

Въ этомъ отношеніи справедливы, конечно, сказанныя далѣе преос. Филаретомъ слова: «Продажа и безденежная раздача библій и новаго завѣта—говорить онъ—вовсе не означали того, что читали ихъ съ жаромъ». («Обзоръ», ч. II, 237). Не читали ихъ много и «съ жаромъ» въ народѣ главнымъ образомъ, еще и потому, что *не умѣли* читать. Библейскіе дѣятели, ударившись въ мистицизмъ и расположая мистическую литературу, вовсе позабыли объ устройствѣ элементарныхъ школъ для народа, которыя давали бы ему возможность читать распространяемыя въ средѣ его библіи. И здѣсь нельзя не повторить слѣдующаго упрека, сдѣланнаго Е. Ковалевскимъ (въ цитированной выше его книгѣ: «Графъ Блудовъ и его время», стр. 111) мистикамъ Библейскаго Общества. Упоминая объ «арзамасцахъ», (см. ниже) или молодыхъ писателяхъ и молодыхъ образованныхъ людяхъ, принадлежавшихъ къ партіи Карамзина: Блудовѣ, Дашковѣ, Жуковскомъ, Уваровѣ и друг. Ковалевскій говоритъ: «Не походили они (арзамасцы) на тѣхъ нравственно-болѣзненныхъ личностей, которыя въ отчужденіи отъ свѣта и совершенномъ непониманіи его интересовъ,--- хлопотали о разсылкѣ библій къ Самоѣдамъ и Тунгузамъ вмѣсто того, чтобы *озаботиться разсылкой букварей своимъ же крестьянамъ*».

Но крайней мистикой, фальшивой или искренней піетистической практикой и болѣзненно-религіозными экстазами еще не ограничивалось зло, которое сѣяли въ извѣстной средѣ общества болѣе усердные дѣятели Библейскаго Общества. Оно пріютило у себя и дало почетное мѣсто въ рядахъ своихъ дѣятелей еще и такимъ вреднымъ лицемѣрамъ и гасителямъ, каковы были *Магницкій* — мрачной памяти — и подобныя ему личности, печальное вліяніе которыхъ на образованіе общественное угрожало, одно время, по словамъ Карамзина (въ его письмахъ къ Дмитріеву) «умноженіемъ у насъ числа лицемѣровъ» и серьезными «*бѣдами* нашему просвѣщенію» *). Здѣсь не мѣсто распространяться о слишкомъ извѣстныхъ теперь дѣлахъ Магницкаго и его сотрудниковъ и единомышленниковъ, какъ-то: о проэктѣ Магницкаго закрыть

дробности. За ними мы отсылаемъ читателя къ историческому изслѣдованію А. Н. Пыпина: „Росс. Библ. Общ.“ — статьѣ прекрасно и добросовѣстно составленной и исполненной живаго интереса.

*) „Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву“, съ примѣч. и указат. составл. *Я. Гротомъ* и *Пекарскимъ*. СПб. 1866. стр. 204, 258.

Казанскій университетъ, о его управленіи казанскимъ учебнымъ округомъ, и проч. *). «Подвиги» Магницкаго и его сотоварищей, конечно, останутся навсегда отмѣчены черными чертами въ исторіи русскаго просвѣщенія. Упоминая объ этихъ подвигахъ, мы хотѣли только указать на тотъ неоспоримый фактъ, что Магницкій и его соумышленники, пріютившись въ средѣ Библейскаго Общества и принадлежа къ числу его ревностнѣйшихъ членовъ, собственно дѣйствовали во имя тѣхъ началъ и тенденцій, которыя такъ скоро усвоило себѣ «Общество», — и прикрывали ими всѣ темныя дѣла свои.

Понятно теперь, почему лучшіе люди времени: Карамзинъ, Дмитріевъ, Уваровъ и друг. относились съ негодованіемъ и презрѣніемъ къ мистикамъ и обскурантнымъ дѣятелямъ Библейскаго Общества. Да они были поняты наконецъ и всѣми. Въ статьѣ г. Пыпина приводится объ этомъ одно очень любопытное свидѣтельство, принадлежащее слободско-украинскому епископу Павлу, который въ донесеніи 1825 г. къ с.-петербугскому митрополиту Серафиму о библейскихъ дѣлахъ, между прочимъ, писалъ, что «*всѣ сословія свѣтскаго состоянія терпѣть не могутъ* библейскихъ обществъ, и что сборъ денегъ и продажа книгъ производятся по всей епархіи, *по его распоряженію*, *посредствомъ одного духовенства*, да и то *по принужденію*» **).

Понятна также теперь и та значительная разница, которая существуетъ между мистическимъ направленіемъ Новикова и людей его круга и между мистицизмомъ Лабзина и библейскихъ дѣятелей. Мы не говоримъ о теоріяхъ. Теоріи, быть можетъ были однѣ и тѣже, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ. Но во первыхъ: Новиковъ и его друзья, московскіе розенкрейцеры, хранили болѣе про себя свои пустыя созерцательныя теоріи, а не занимались ихъ исключительной пропагандой и не обращали всей своей дѣятельности и трудовъ на исключительное проповѣдываніе мистическихъ тумановъ и аскетическаго піетизма, какъ это дѣлалъ Лабзинъ и ему подобные; во вторыхъ: мистика людей новиковскаго кружка никогда не доходила до тѣхъ крайнихъ и положительно вредныхъ безобразій, съ какими она проявлялась у Лабзина и другихъ главнѣйшихъ библейскихъ дѣятелей; и наконецъ, въ третьихъ: мы уже сказали выше, что для насъ важны одни *практическіе результаты* дѣятельности нашихъ мистиковъ XVIII вѣка, а не ихъ пустыя мечтательныя теоріи, до которыхъ намъ нѣтъ никакого дѣла; теоріи ихъ, мы сказали (см. выше стр. 518) могли бы современемъ видоизмѣниться и принять болѣе дѣятельный, жизненный характеръ въ соприкосновеніи съ фактами русской жизни, или же и совершенно исчезнуть; слѣдственно, вся

---

*) Факты и документы о мрачной дѣятельности Магницкаго въ настоящее время болѣе или менѣе извѣстны изъ напечатанныхъ въ „Журналѣ Минист. Народ. Просв.“ 1865—1866 гг. *Матерьяловъ для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I*, проф. Сухомлинова и изъ книги *Е. Феоктистова*: „Магницкій“ (СПб. 1885). Кромѣ того см. въ „Вѣстн. Евр.“ изслѣдованіе г. Пыпина и записки Панаева и въ „Журн. Мин. Народ. Просв.“ 1869 г. январь, статью академ. Никитенко: „Александръ Ивановичъ Галичъ, бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета“.

**) Вѣстн. Евр.“ 1868, кн. 9, стр. 735.

важность вопроса заключается никакъ не въ теоріяхъ, а единственно лишь въ томъ, что новиковскій мистицизмъ дѣйствовалъ *благотворно* на общество и образовалъ цѣлое общественное направленіе — въ высшей степени честное и благородное, и что мистико-религіозное настроеніе и проповѣдуемая людьми новиковскаго кружка дѣятельная любовь къ ближнему и къ человѣчеству принесли положительную пользу отечественному развитію; ибо обнаруживались въ жизни дѣлами просвѣщенія и истинно-христіанскаго благотворенія, — а не дѣлами мрака и вреднымъ мистическимъ фанатизмомъ.

Имѣя все это въ виду, мы, слѣдовательно, не безъ основанія сказали въ первомъ изданіи нашего труда, — и повторяемъ это теперь, — что мистицизмъ Лабзина является мистицизмомъ совершенно иного порядка (т. е. по сравненію его съ мистицизмомъ новиковскимъ и разумѣя тутъ не мистическія теоріи, а собственно практическіе результаты, происшедшіе отъ мистицизма того и другаго). Лабзина занимали *исключительно* созерцательныя теоріи, а не дѣйствительная жизнь; онъ проповѣдывалъ экзальтированную религіозность; ему не только не было дѣла до дѣйствительности, но питаясь самъ духомъ аскетовъ и туманами Эккартсгаузена и Ю. Штиллинга, онъ готовъ былъ исковеркать эту дѣйствительность, въ смыслѣ самой крайней реакціи. Потому мистицизмъ Лабзина есть по справедливости тотъ мрачный, всеподавляющій мистицизмъ, который, путемъ самоотреченія и самоуничиженія, вовсе не христіанскимъ смиреніемъ и подавленіемъ человѣческой личности, доводитъ своихъ послѣдователей до нравственнаго ничтожества, до какого-то фатализма и убиваетъ въ нихъ свободу воли и человѣческаго разума; при помощи таинственнаго языка и пустой метафизико-богословской діалектики онъ внушаетъ своимъ адептамъ вѣру и поклоненіе началу неподвижности и въ концѣ концовъ проповѣдуетъ полнѣйшій обскурантизмъ. Понятно, что мистицизмъ этого рода могъ пользоваться сочувствіемъ только весьма немногихъ и не могъ пріобрѣсть вліянія на общество и имѣть въ немъ большое число послѣдователей.

Вообще пора мистицизма начинала проходить и на западѣ и у насъ, когда измѣнились тѣ особенныя историческія условія, при которыхъ онъ проявился съ такою силою въ предыдущемъ столѣтіи. Въ обществѣ возникли иные интересы, жизнь начинала принимать иной оборотъ, въ литературѣ родились новые вкусы, заявлены были новыя требованія. Мистическая литература отошла на задній планъ и начала возбуждать къ себѣ однѣ насмѣшки или негодованіе. Мистики жаловались на равнодушіе, на нелюбовь общества къ ихъ произведеніямъ, даже на гоненія и преслѣдованія. Такъ другой воспитанникъ новиковскаго общества — *Невзоровъ*, Максимъ Ивановичъ († 1827), издававшій въ Москвѣ около семи лѣтъ журналъ педагогическаго и нравственнаго содержанія, въ духѣ мистико-христіанскомъ, подъ заглавіемъ: «Другъ юношества» (къ которому потомъ прибавлено: «и всякихъ лѣтъ»), постоянно жаловался, что журналъ его публика находитъ скучнымъ, вооружался противъ новой философіи, которую онъ называлъ «заразой, опаснѣйшей всякой чумы». Ожесточенные нападки Невзорова на тогдашній литературный вкусъ въ обществѣ къ повѣстямъ, романамъ и вообще къ произведеніямъ «такъ называемой изящной

словесности» и «такъ называемыхъ беллетристовъ»,—по его выраженію,—ясно свидѣтельствуютъ объ измѣненіи литературныхъ понятій общества въ его время. Невзоровъ былъ, впрочемъ, личность въ высшей степени честная, простая, стремившаяся къ добру, и отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ.

Новыя масонскія ложи, противъ которыхъ возставалъ Невзоровъ, были закрыты въ Россіи въ 1822 году, по повелѣнію императора Александра I, вслѣдствіе записки, поданной во время Веронскаго конгресса русскому и австрійскому императорамъ и прусскому королю министромъ послѣдняго, графомъ Гаугвицомъ. Въ запискѣ своей графъ Гаугвицъ, нѣкогда одинъ изъ самыхъ ревностныхъ масоновъ, говорилъ объ опасностяхъ, грозившихъ государству со стороны масонскихъ ложъ и о необходимости ихъ уничтоженія. Въ тоже время масонскія ложи были уничтожены и въ Австріи, но въ Пруссіи и въ другихъ государствахъ Европы и Америки онѣ оставлены и продолжаютъ существовать до настоящаго времени.

Вліяніе французской философіи XVIII вѣка. Радищевъ и его книга; черты жизни и характеристика сочиненій. — Заимствуя изъ Европы готовые плоды тамошней образованности, стараясь усвоить себѣ ея литературу и науку, русскій XVIII вѣкъ естественно долженъ былъ отражать, въ большей или меньшей степени, и тѣ направленія, въ которыхъ выражалось въ то время усиленное движеніе европейской мысли. Вольтеръ и *энциклопедисты* *) были въ то время неотразимой силой въ Европѣ, господствовали надъ цѣлымъ образованнымъ міромъ своими идеями и ученіемъ. Сущность этихъ идей и ученія и главное значеніе ихъ заключалось въ признаніи естественныхъ правъ человѣка и въ устраненіи того, что мѣшало свободному развитію человѣческій личности

---

*) „Энциклопедистами" названъ былъ кружокъ знаменитыхъ французскихъ писателей, поборниковъ просвѣщенія XVIII стол. Дидро признается главою энциклопедистовъ, на томъ основаніи, что, по его мысли и плану и при участіи названнаго кружка писателей, онъ вмѣстѣ съ Даламберомъ издавалъ „Энциклопедію", или громадный алфавитный сборникъ статей по всѣмъ отраслямъ знаній. Энциклопедія издавалась втеченіе 20 лѣтъ (1751—1772); первое изданіе ея заключалось въ 27 том. и вышло подъ заглавіемъ: *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et métiers, par une société de gens de lettres, mis en ordre par* Diderot, *quant à la partie mathématique par* Dalembert. Душою предпріятія былъ Дидро, которымъ и написаны главнѣйшія статьи по предметамъ философіи, религіи, исторіи и искуствъ. Кромѣ Дидро и Даламбера, главными участниками въ Энциклопедіи были: Вольтеръ, Бюффонъ, Монтескье, Кондильякъ, Тюрго, Гельвецій, баронъ Гольбахъ, Мореле и друг. Всѣ основныя статьи Энциклопедіи написаны въ духѣ скептической и матерьялистической философіи вѣка и отличаются строгимъ единствомъ направленія. Изъ энциклопедистовъ поборниками крайняго матерьялизма являются: Гельвецій, Гольбахъ и Кондильякъ. Вольтеръ, какъ философъ, былъ послѣдователемъ англійскихъ деистовъ и раціонализма; но его могущественный талантъ и безграничное вліяніе на современниковъ дѣлали его представителемъ энциклопедистовъ и вообще французской философіи XVIII вѣка.

и благосостоянію всѣхъ и каждаго. Полагая препятствіемъ къ развитію человѣчества прежніе средневѣковые авторитеты, новая философія возстала противъ всѣхъ старыхъ авторитетовъ и традиціонныхъ ученій и требовала на мѣсто ихъ признанія однихъ правъ человѣческаго разума. Въ новомъ ученіи было, безъ сомнѣнія, много преувеличеній и нелѣпыхъ излишествъ; но вліяніе его было тѣмъ не менѣе широко и сильно въ западной Европѣ. Никогда, можетъ быть, вліяніе литературы на жизнь не было такъ велико въ Европѣ, какъ втеченіе XVIII столѣтія, особенно во второй половинѣ его.

Но у насъ вліяніе французской философіи восьмнадцатаго вѣка было и не настолько глубоко и сильно, какъ въ остальной Европѣ и не имѣло той же важности и значенія въ исторіи развитія нашей литературы и нашей частной и общественной жизни. О характерѣ этого вліянія мы уже имѣли случай говорить выше. Оно было чисто внѣшнимъ, поверхностнымъ и ограничивалось у насъ, по большей части, порожденіемъ пустаго вольнодумства и скептическаго отношенія къ важнѣйшимъ предметамъ религіи и нравственности. Ходячій скептицизмъ русскихъ «вольтеріанцевъ» не вытекалъ изъ серьезнаго нравственнаго чувства, не былъ плодомъ пытливой мысли, мучимой тяжелыми сомнѣніями. Это было—не болѣе какъ плодъ внѣшняго подражанія, мода и щегольство новыми идеями, которыя не находили себѣ никакого сочувствія въ массѣ общества, относившагося къ нимъ скорѣе отрицательно и даже враждебно. Масса не была подготовлена къ воспринятію этихъ идей, особенно въ томъ видѣ, какъ онѣ проповѣдывались нашими «вольтеріанцами»: онѣ не отвѣчали потребностямъ общества, и потому не могли дѣйствовать на его развитіе. Съ другой стороны ученіе Вольтера и энциклопедистовъ и въ томъ видѣ, въ какомъ оно у насъ обнаруживалось, встрѣтило себѣ сильный отпоръ и у насъ, какъ вездѣ, вопервыхъ, въ сочиненіяхъ духовенства, которое не могло оставлять безъ обличенія скептическія взгляды и кощунство въ дѣлѣ вѣры,—какъ бы они ни были ничтожны,—а вовторыхъ, въ произведеніяхъ мистико-масонской литературы, какъ мы упоминали объ этомъ выше.

Такимъ образомъ, степень вліянія просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка на образованіе русскаго общества и на литературу второй половины XVIII столѣтія не могла быть, и не была дѣйствительно, значительною. Хотя у насъ и обращались переводы нѣкоторыхъ сочиненій Вольтера и энциклопедистовъ, хотя имя перваго изъ нихъ и пользовалось въ то время на Руси нѣкотораго рода популярностію; но обращавшіяся у насъ сочиненія французскихъ философовъ не принадлежали, вопервыхъ, къ роду тѣхъ, въ которыхъ излагалась главная сущность ихъ ученія, а вовторыхъ,—не существуетъ достаточнаго количества данныхъ, чтобы утверждать о значительномъ распространеніи собственно въ массѣ русскихъ читателей философскихъ сочиненій Вольтера и энциклопедистовъ. Мы знаемъ, напротивъ, что сочиненія эти не пользовались доброю славою въ обществѣ и почитались вредными и опасными. Правда, у насъ встрѣчаются въ то время двѣ-три личности, вполнѣ увлекшіяся французской философіей XVIII вѣка и, быть можетъ, ея крайностями; но люди эти понимали въ то же время, во всей широтѣ и ея лучшую сторону, т. е. понимали все просвѣтительное

значеніе новоевропейскаго образованія и новыхъ идей и ученій, подъ вліяніемъ которыхъ повсюду въ Европѣ стремились въ то время къ коренному измѣненію житейскихъ отношеній и житейскаго устройства. Но такія личности стояли у насъ тогда совершенно одиноко. Ихъ порывы и стремленія, не встрѣчая сочувствія въ массѣ общества, не могли имѣть на него значительнаго вліянія и могли только оканчиваться дурными послѣдствіями для нихъ самихъ. Къ такимъ одинокимъ явленіямъ въ нашей литературѣ прошлаго столѣтія принадлежитъ и Радищевъ, съ его извѣстной книгой: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (1790).

Книга Радищева,—какъ справедливо замѣтилъ г. Стоюнинъ,—уже потеряла для насъ, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, то политическое значеніе, какое имѣла въ былое еще недавнее время, и сохраняетъ теперь только интересъ историческій. Потому г. Стоюнинъ, опредѣливъ общій характеръ и значеніе этой книги, указываетъ на мѣсто Радищева въ исторіи нашей литературы, при объясненіи того факта, что идеалы нашихъ писателей екатерининской эпохи, составленные на основаніи европейскихъ идей, которыя были внушаемы и покровительствуемы вначалѣ самой императрицей, являются впослѣдствіи въ совершенномъ разладѣ съ современною дѣйствительностію *).

Радищевъ, Александръ Николаевичъ (1749—1802) былъ сынъ достаточнаго русскаго помѣщика, воспитывался въ пажескомъ корпусѣ и, по должности пажа, бывалъ часто при дворѣ Екатерины. Чрезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи Радищева въ корпусъ, при дворѣ явился молодой графъ В. Г. Орловъ, братъ извѣстныхъ въ нашей исторіи Орловыхъ—Григорія и Алексѣя (Чесменскаго). Владиміръ Орловъ пробылъ три года въ чужихъ краяхъ, воспитывался въ лейпцигскомъ университетѣ и возвратился въ Россію человѣкомъ образованнымъ, съ свѣдѣніями и европейскимъ взглядомъ на вещи, что очень понравилось императрицѣ, и она опредѣлила послать (1766) въ лейпцигскій университетъ, на три года, на казенный счетъ, двѣнадцать молодыхъ русскихъ дворянъ для изученія юриспруденціи. Въ числѣ избранныхъ молодыхъ людей находился и Радищевъ. Онъ тѣсно сдружился, во время студенчества въ Лейпцигѣ, съ двумя изъ своихъ товарищей: Ѳ. Ушаковымъ и А. Кутузовымъ,—которому Радищевъ посвятилъ въ послѣдствіи свою книгу: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.» Ушаковъ уже находился на службѣ при статсъ-секретарѣ Тепловѣ и, изъ желанія учиться, бросилъ службу и отправился съ другими молодыми людьми въ университетъ. Сколько можно судить изъ его біографіи, написан-

*) *Вл. Стоюнина* „О преподаваніи русской литературы". СПб. 1864. Стр. 232—238. О Радищевѣ и его книгѣ см. кромѣ того: въ *Чтен. моск. об. ист. и древ.* 1865 г. книга 3-я, документы по дѣлу Радищева, т. е. „замѣчанія" на его книгу импер. Екатерины II, „вопросные пункты" и „отвѣты" на нихъ Радищева; извѣстную статью Пушкина: „Александръ Радищевъ"; въ „Словарѣ достопамятн. людей русской земли", Бантыша-Каменскаго; въ Современникѣ 1856 г. № 8., г. Лонгинова: „А. М. Кутузовъ и А. Н. Радищевъ"; въ Русск. Вѣстн 1858, № 23: „А. Н. Радищевъ" и въ Библіограф. Записок. 1859 г. № 17: „Русскіе студенты въ лейпцигскомъ университетѣ".

ной Радищевымъ («Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова», 1789) Ушаковъ былъ—натура пылкая и способная страстно увлекаться. На него и на Радищева произвела сильное впечатлѣніе книга Гельвеція «О разумѣ» и оба они съ жадностію предались изученію философіи энциклопедистовъ. Ушаковъ, не окончивъ курса, умеръ въ Лейпцигѣ (1768), на 21 году своего возраста, — какъ полагаетъ г. Лонгиновъ, — вслѣдствіе невоздержной жизни *). Другой товарищъ и другъ Радищева, Ал. Мих. Кутузовъ извѣстенъ въ нашей литературѣ, какъ переводчикъ «Мессіады» Клопштока и какъ другъ Карамзина. Кутузовъ былъ мистикъ и принадлежалъ къ обществу Новикова, гдѣ Карамзинъ и сошелся съ нимъ. Мистицизмъ наложилъ яркую печать на характеръ Кутузова. Карамзинъ упоминаетъ о немъ нѣсколько разъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» (см. ниже).

Радищевъ, по окончаніи курса въ университетѣ, вернулся въ отечество съ большимъ запасомъ разнообразныхъ познаній и съ основательнымъ юридическимъ образованіемъ. Поступивъ въ Петербургѣ въ гражданскую службу, онъ пріобрѣлъ серьезное практическое знаніе законовъ и въ тоже время занимался литературой, будучи хорошо знакомъ со всѣми классическими произведеніями древнихъ и новѣйшихъ европейскихъ писателей и съ литературой отечественной.

«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» издано Радищевымъ въ 1790 году; а до того времени изъ его сочиненій была извѣстна въ печати только біографія Ушакова, о которой мы упомянули выше. Самъ же Радищевъ пользовался въ это время въ обществѣ извѣстностію болѣе какъ человѣкъ просвѣщенный, благороднаго образа мыслей, въ высшей степени честный, кроткій, отличавшійся неусыпною дѣятельностію по службѣ и совершеннымъ безкорыстіемъ —добродѣтелью, въ то время рѣдкою въ служебномъ мірѣ. Такого же добраго мнѣнія было о Радищевѣ и правительство. Онъ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, управлялъ въ это время с.-петербургскою таможнею, по назначенію самой императрицы и получилъ крестъ св. Владиміра 4-й степени **).

Главная сущность «Путешествія» Радищева заключалась въ изображеніи тяжелаго состоянія крѣпостныхъ людей и поражавшихъ его въ дорогѣ разнаго рода злоупотребленій и неправдъ. Но все это высказано въ рѣзкомъ сатирическомъ духѣ и сопровождалось соображеніями и размышленіями автора о благѣ народномъ, съ точки зрѣнія естественнаго права, гуманныхъ и филантропическихъ началъ.

---

*) Услышавъ отъ врача свой смертный приговоръ и страдая нестерпимо отъ жестокаго воспаленія, Ушаковъ попросилъ Кутузова дать ему яду, но его просьбы не исполнили. И Радищевъ, посвящая, біографію своего умершаго друга Кутузову, говоритъ въ ней: „Если еще услышишь гласъ стенящаго твоего друга, если гибель ему предстоять будетъ необходимая и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли о любезнѣйшій мой“, и проч. Такъ увлеченіе крайностями матерьялистической философіи извратило понятія обоихъ друзей: они допускали въ извѣстныхъ случаяхъ самоубійство, какъ родъ какой-то необходимости или даже доблести.

**) Русск. Вѣстн. 1858 г., № 23: „Алекс. Никол. Радищевъ“, стр. 404.

Радищевъ напечаталъ свое «Путешествіе» въ своемъ домѣ, въ собственной типографіи «съ дозволенія Управы Благочинія» (которой въ то время принадлежала цензура книгъ); но при печатаніи книги, уже послѣ цензуры, позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, о которыхъ при допросѣ показалъ такъ: «послѣ цензуры перемѣнилъ онъ нѣкоторыя только рѣченія, а въ другихъ мѣстахъ и листы, въ которыхъ однакоже важности не заключалось; потомъ въ завѣщаніи своемъ онъ повторяетъ: «при самомъ печатаніи я иныя мѣста исправлялъ, если мнѣ казалось, что не хорошее, а прибавленія къ оной (т. е. книгѣ) не велики, какъ я о томъ объявилъ, въ чемъ можно удостовѣриться, если въ отданномъ запечатанномъ пакетѣ всѣ листы находятся» (вѣроятно, въ пакетѣ, отданномъ имъ при началѣ слѣдствія). Далѣе въ этомъ завѣщаніи Радищевъ показываетъ («сколько изъ головы могу вспомнить» — говоритъ онъ) и къ какимъ именно «статьямъ» сдѣлалъ прибавленія.

Вскорѣ книга Радищева произвела шумъ и сдѣлалась извѣстною императрицѣ, которая была сильно раздражена ея содержаніемъ, подозрѣвая въ сочинителѣ злоумышленника, стремившагося произвести нарушеніе общественнаго порядка. Статсъ-секретарь императрицы Екатерины II, Храповицкій въ извѣстныхъ «запискахъ» своихъ записалъ подъ 1790 годомъ (26 іюня) слѣдующія слова императрицы о книгѣ Радищева: „Тутъ разсѣяніе заразы французской, авторъ мартинистъ, бунтовщикъ, хуже Пугачева: онъ хвалитъ Франклина, какъ зачинщика и себя такимъ-же представляетъ».

По повелѣнію императрицы, Радищевъ былъ арестованъ и преданъ суду. Онъ былъ закованъ въ кандалы и посаженъ въ крѣпость. Строжайшее слѣдствіе надъ нимъ повелѣно было произвести извѣстному Шишковскому; услышавъ имя послѣдняго, Радищевъ упалъ въ обморокъ *).

Екатерина II сама разобрала книгу Радищева и написала на нее подробныя замѣчанія (помѣщенныя теперь въ «Чтеніяхъ»), по которымъ Шишковскій и производилъ допросы Радищеву. Замѣчанія эти очень характеристичны и обличаютъ не только взглядъ императрицы на «Путешествіе» Радищева и на самаго автора, но и тогдашнюю перемѣну во взглядахъ Екатерины II вообще. Главнымъ образомъ она видѣла въ авторѣ книги человѣка, который «исполненъ и зараженъ *французскимъ заблужденіемъ* (т. е. революціей), ищетъ всячески и вынашиваетъ все возможное къ умаленію почтенія къ *власти* и къ властямъ.... Онъ же едва ли не мартинистъ, знаніе имѣетъ довольно и многихъ книгъ читалъ. Сложенія (темперамента) унылаго и все видитъ въ темно-черномъ видѣ»...

Радищевъ былъ преданъ суду с.-петербургской уголовной палаты, а потомъ—сената, и осужденъ за свой проступокъ и за содержаніе своего «Путешествія» какъ палатой, такъ и сенатомъ,—по тогдашнимъ жестокимъ законамъ, —къ смертной казни, которая замѣнена императрицей ссылкою въ Сибирь, «въ Илимскій острогъ, на десяти-лѣтнее безъисходное пребываніе», съ лишеніемъ чиновъ, ордена и дворянства. Всѣ экземпляры его книги были конфискованы

---

*) См. указанную ст. П. *Радищева* въ „Русск. Вѣстн.", стр. 430.

и истреблены. Продажа и перепечатаніе книги были воспрещены *). Безъ сомнѣнія, бурныя событія, совершавшіяся въ это время во Франціи, имѣли большое вліяніе на рѣшеніе императрицы и на участь Радищева.

Радищевъ былъ отправленъ въ Илимскъ. Здѣсь онъ занялся литературными трудами и написалъ большую часть своихъ сочиненій; нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ описанію Сибири, къ торговлѣ съ Китаемъ, и проч. **). Послѣ смерти Екатерины II, императоръ Павелъ разрѣшилъ Радищеву возвращеніе изъ ссылки (1796) и дозволилъ жить въ своихъ деревняхъ, въ одной изъ которыхъ онъ и жилъ безвыѣздно до 1801 года, когда императоръ Александръ I, вспомнивъ о Радищевѣ, возвратилъ ему чины, дворянство и крестъ, дозволилъ пріѣздъ въ столицу и опредѣлилъ на службу членомъ коммиссіи составленія законовъ. Въ коммиссіи поручено было Радищеву составить проэктъ по части гражданскаго законодательства, и онъ съ жаромъ принялся за исполненіе этой работы. Въ разговорахъ съ предсѣдателемъ коммиссіи Радищевъ, со всею откровенностію и смѣлостію своихъ убѣжденій, высказывалъ свои мысли относительно порученнаго ему труда, мысли, не соотвѣтствовавшія взглядамъ и мнѣніямъ его начальника и казавшіяся ему слишкомъ восторженными; такъ что онъ далъ почувствовать Радищеву, что этотъ восторженный образъ мыслей можетъ подвергнуть его новому несчастію. Счелъ ли Радищевъ это угрозой, или по другой причинѣ, но онъ вдругъ, послѣ этого обстоятельства, сдѣлался задумчивъ, впалъ въ тревожное состояніе, день отъ дня увеличивавшееся, сталъ даже лѣчиться; но душевная болѣзнь развивалась все болѣе и болѣе. «Однажды въ припадкѣ ипохондріи — говоритъ его сынъ — онъ сказалъ собравшимся своимъ дѣтямъ:» Ну что, дѣтушки, если меня опять сошлютъ въ Сибирь?» (Рус. Вѣстн., 422). Наконецъ, въ одно утро, принявъ лѣкарство, Радищевъ вдругъ схватилъ большой стаканъ съ *крѣпкой водкой*, приготовленной для вытравленія мишуры поношенныхъ эполетъ старшаго его сына, и выпилъ разомъ. Чрезъ нѣсколько часовъ онъ скончался ***).

Книга Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву« — «причина несчастія и славы» ея автора, по выраженію Пушкина, имѣетъ теперь для насъ, какъ мы сказали, интересъ историческій. Содержаніе этой книги болѣе или менѣе извѣстно изъ критическаго разбора и обширныхъ выписокъ изъ нея, представленныхъ Пушкинымъ въ двухъ статьяхъ его: «Александръ Радищевъ» и «Мысли на дорогѣ» ****).

---

*) Въ 1868 году запрещеніе это снято, по высочайшему повелѣнію и дозволено перепечатаніе „Путешествія“ Радищева, только съ небольшими исключеніями.

**) Сочиненія Радищева (кромѣ „Путешествія“) изданы послѣ его смерти (1807—1811) въ Москвѣ, въ шести частяхъ, и заключаютъ въ себѣ: разсужденіе „О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи“, „Письмо о китайской торговлѣ въ Кіахтѣ“, отрывокъ изъ „Сокращеннаго повѣтствованія о пріобрѣтеніи Сибири“, мелкія стихотворенія, одну пѣснь поэмы въ стихахъ „Бова“, взятой изъ народной сказки, отрывокъ изъ поэмы въ прозѣ „Ермакъ“, и друг.

***) Русск. Вѣстн., стр. 422—423.

****) Сочиненія Пушкина. (Изданіе П. В. Анненкова) VII дополнит. томъ, стр.

«Путешествіе» Радищева имѣетъ эпиграфомъ слѣдующій стихъ изъ Телемахиды Тредьяковскаго, изображающій Цербера:

«Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй»

и раздѣлено на 23 главы, названныя именами станцій между Петербургомъ и Москвой, кромѣ первой главы, которая называется «Выѣздъ». Въ каждой главѣ авторъ высказываетъ рядъ мыслей и размышленій, относящихся къ важнѣйшимъ вопросамъ частной и общественной жизни. На эти мысли и размышленія наводятъ его разные случаи и столкновенія съ народною жизнію, встрѣчавшіеся ему на пути. Онъ тутъ разсказываетъ сонъ, въ которомъ видитъ себя какимъ-то великимъ властителемъ народовъ; его тронъ окружаютъ съ подобострастіемъ толпы вельможъ, льстецовъ, народа. Всѣ превозносятъ до небесъ его мудрое правленіе, его величіе и дѣла, которыми онъ сдѣлалъ счастливыми подвластныхъ ему народовъ; всѣ льстятъ ему на-перерывъ. Но на самомъ дѣлѣ выходило, что его жестоко и безтыдно обманывали; ибо страна и народы, ему подвластные, весьма далеки были отъ блаженства, и дѣла управленія страною находились въ сильнѣйшемъ разстройствѣ.

Преимущественнымъ предметомъ размышленій и изображеній автора служатъ страданія народа и его тяжелое состояніе, происходившее вслѣдствіе злоупотребленій современной администраціи и крѣпостнаго права, противъ котораго, главнымъ образомъ, и направлена сатира книги Радищева и всѣ сѣтованія ея автора. Торговля людьми въ рекруты, публичная продажа людей, насильственные браки и всѣ несчастія крестьянскаго сословія, причиною которыхъ были самовластіе помѣщиковъ и потворства администраціи, находятъ въ Радищевѣ жаркаго обличителя, нравстенное чувство котораго глубоко возмущается всѣми явленіями этого рода. Въ главѣ «Черная-грязь» онъ говоритъ: «Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость притвориться опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ опредѣленныхъ вступить въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ, и властію господъ влекутся на казнь, къ олтарю отца всѣхъ благъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И сіе называется союзомъ божественнымъ!» и проч.

Въ защиту крестьянъ отъ насилія и жестокаго обращенія помѣщиковъ слышались въ то время голоса въ «Наказѣ» Екатерины, составленномъ въ духѣ гуманныхъ европейскихъ идей, и въ сатирическихъ журнахъ семидесятыхъ годовъ. Но никто, кромѣ Новикова, какъ мы замѣтили, не затрогивалъ вопроса о самомъ принципѣ крѣпостнаго права, признававшагося законнымъ. Радищевъ первый въ литературѣ открыто поднимаетъ этотъ вопросъ, указывая на несправедливость и безнравственность рабскихъ отношеній одного человѣка къ другому и на необходимость даровать русскому крестьянину человѣческое

---

50 и т. VI стр. 75. Мѣста, выпущенныя издателемъ изъ статьи „Мысли на дорогѣ", были напечатаны въ „Библіограф. Записк." 1859 г. № 6. Въ статьяхъ Пушкина помѣщены или вполнѣ или въ буквальныхъ извлеченіяхъ главы изъ книги Радищева: Черная-грязь, Клинъ, Городня, Тверь и проч.

и гражданское полноправіе, которое ему даровано только въ наши дни Положеніемъ 19-го февраля 1861 года. Радищевъ представляетъ въ своей книгѣ (въ главѣ «Хотиловъ») и свой практическій проэктъ «къ постепенному освобожденію земледѣльцевъ въ Россіи», съ отдачею имъ въ собственность участковъ земли, — и къ уничтоженію «сельскаго (крѣпостныхъ крестьянъ) и домашняго (дворовыхъ) рабства». До сихъ поръ — говоритъ онъ — «земледѣльцы между нами рабы; мы въ нихъ не познаемъ согражданъ, намъ равныхъ, забыли въ нихъ человѣка... Они «загрубѣли въ рабствѣ»... Они «работаютъ лѣниво и нерадиво», потому что нива, которую они обрабатываютъ, принадлежитъ не имъ, и проч.

Касаясь различныхъ вопросовъ частной и общественной жизни и имѣя въ виду единственно счастіе и благоденствіе народа, которое возможно, по мнѣнію Радищева, при господствѣ идей правды и добра, при любви къ своимъ собратіямъ и при равныхъ отношеніяхъ между людьми, Радищевъ выходитъ изъ идей и ученія французскихъ философовъ, которыми онъ увлекался во время своей молодости. На его сочиненіи преимущественно отражается вліяніе филантропическихъ и гуманныхъ идей Ж. Ж. Руссо. Ново-европейское образованіе и гуманныя идеи не были внѣшнимъ подражаніемъ и щегольствомъ у Радищева, а обратились у него въ сознанныя и глубоко прочувствованныя убѣжденія, осуществленіе которыхъ онъ хотѣлъ видѣть въ дѣйствительности. Со стороны искренности своихъ убѣжденій, горячей любви къ народу и къ добру и горячей ненависти къ пороку, Радищевъ высоко поднимается надъ понятіями массы и большинства тогдашнихъ писателей. Пушкинъ, который такъ недружелюбно и пристрастно отнесся къ личности и къ сочиненію Радищева, съ явнымъ противорѣчіемъ самому себѣ во многихъ мѣстахъ своей статьи и съ незнаніемъ или извращеніемъ фактовъ, не могъ, однако, не сказать слѣдующихъ словъ при разборѣ книги Радищева, по поводу одной картины, изображенной авторомъ изъ современнаго быта крѣпостныхъ людей: «Слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна! Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но *искреннихъ* мечтаніяхъ, съ которыми на сей разъ *соглашаюсь по неволѣ*». «Порывы чувствительности», надъ которыми смѣется Пушкинъ, называя ихъ «тогдашнимъ моднымъ краснословіемъ», дѣйствительно входятъ значительною долею въ сочиненіе Радищева. Сантиментальность развилась въ тогдашней французской литературѣ подъ вліяніемъ краснорѣчивыхъ сѣтованій и горькихъ нападокъ Ж. Ж. Руссо на испорченность, неправду и на нестроеніе современнаго цивилизованнаго общества. А вліяніе Руссо было тогда такъ же могущественно, какъ и вліяніе Вольтера. Неудивительно поэтому, что оно отразилось и въ сочиненіи Радищева, воспитаннаго на французской литературѣ. «Первая мысль написать книгу въ сей формѣ — (говоритъ Радищевъ въ своемъ «завѣщаніи») — пришла мнѣ, читая путешествіе Іорика. Я такъ ее и началъ. Продолжая ее, на мысль мнѣ пришли многіе случаи, о которыхъ *я слыхивалъ*, и дабы не много рыться, я вознамѣрился ихъ помѣстить въ книгу сію». Изъ этихъ словъ видно, что извѣстное «Сентиментальное Путешествіе», *Стерна*, о которомъ Радищевъ говоритъ здѣсь, дало

ему только форму для его книги, а содержаніе ея онъ взялъ изъ современной русской дѣйствительности, изъ наблюденій и случаевъ, которые ему попадались въ жизни. Книга Радищева имѣетъ поэтому историческое значеніе при изученіи современности. Но «сантиментальность» у Радищева находила себѣ исходъ — по словамъ г. Стоюнина — не въ сладенькомъ изліяніи чувства при видѣ прекрасной природы или какой-либо умилительной сцены, какъ у Карамзина, а обращалась въ болѣзненную раздражительность, такъ какъ явленія жизни постоянно оскорбляли его нравственное чувство».

Внѣшняя форма сочиненія Радищева, т. е. его языкъ и слогъ и способъ изложенія мыслей отличаются неровностію и раздражительностію, обличая внутреннее, неспокойное настроеніе духа автора. Онъ многорѣчивъ, языкъ его тяжелъ и устарѣлъ, и потому сочиненія Радищева утомительны при чтеніи; нужно, однако, замѣтить, что такимъ языкомъ написано большинство тогдашнихъ литературныхъ произведеній. Но замѣчательно, что тамъ, гдѣ Радищевъ передаетъ свои наблюденія надъ дѣйствительностію, гдѣ описываетъ, напримѣръ, разныя встрѣчи и столкновенія свои съ крестьянами и передаетъ ихъ жалобы, ихъ взгляды и мысли ихъ собственными словами,—тамъ вездѣ его языкъ и рѣчь просты, естественны и вполнѣ народны, безъ всякой поддѣлки или аффектаціи. Вотъ, напримѣръ, разговоръ съ крестьяниномъ, пахавшимъ ниву въ воскресенье (изъ главы: «Любань»): «Богъ въ помощь, сказалъ я, подошедъ къ пахарю, который, не останавливаясь докапчивалъ зачатую борозду. — Богъ въ помощь, повторилъ я, — Спасибо, баринъ, говорилъ мнѣ пахарь, отряхая сошникъ и перенося соху на новую борозду. — Ты, конечно, раскольникъ, что пашешь по воскресеньямъ. — Нѣтъ, баринъ, я прямымъ крестомъ крещусь, сказалъ онъ, показывая мнѣ сложенные три перста. А Богъ милостивъ, съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья. — Развѣ тебѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и въ самый жаръ. — Въ недѣлѣ-то, баринъ, шесть дней; а мы шесть разъ въ недѣлю ходимъ на барщину.... — Велика-ль у тебя семья? — Три сына и три дочки. Первинькому-то 10-й годокъ. — Какъ же ты успѣваешь доставать хлѣбъ, коли только праздникъ имѣешь свободнымъ? — Не одни праздники и ночь наша. Не лѣнись нашъ братъ, то съ голоду не умретъ. Видишь ли, одна лошадка отдыхаетъ, а какъ эта устанетъ, возьмусь за другую, дѣло-то и споро. — Такъ ли ты работаешь и на господина своего? — Нѣтъ, баринъ, грѣшно бы было такъ работать. У него на пашнѣ сто рукъ для одного рта, а у меня двѣ для семи ртовъ, — самъ ты щетъ знаешь. Да хоть растянись на барской работѣ, то спасибо не скажутъ. Баринъ подушныхъ не заплатитъ, ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступитъ». и проч.

Перемѣна во взглядахъ и дѣятельности Екатерины II. Славянофильство екатерининскихъ временъ. Князь Щербатовъ. — Было замѣчено выше, что преобразованія въ духѣ просвѣтительныхъ европейскихъ идей, пред-

принятыя Екатериною II въ первую половину царствованія, впослѣдствіи пріостанавливаются, и послѣдніе годы ея правленія являются даже временемъ сильнѣйшей реакціи противъ вліянія европейскихъ идей. «Наказъ», написанный императрицей для руководства народныхъ депутатовъ при составленіи новаго уложенія, такъ и остается недосягаемымъ идеаломъ, и между тѣми изъ русскихъ писателей, которые силились провести въ жизнь идеи «Наказа», и между самимъ авторомъ «Наказа» обнаруживается подъ конецъ явное противорѣчіе въ стремленіяхъ и цѣляхъ. Радищевъ, напримѣръ, говоря въ своей книгѣ, о гражданской свободѣ и полноправіи гражданъ, прямо ссылается на «Наказъ»: «но я очень помню — говоритъ онъ въ главѣ «Тверь» — что въ Наказѣ и въ сочиненіи новаго уложенія говоря о вольности сказано: *вольностію назвать должно то, что все одинаковымъ повинуется законамъ*». Такъ же точно Радищевъ разумѣетъ вездѣ человѣколюбивыя идеи «Наказа», вооружаясь противъ тѣлесныхъ наказаній, противъ пытокъ, защищая религіозную терпимость и свободу совѣсти и проч.

Предыдущіе очерки наши въ достаточной степени объясняютъ эту перемѣну во взглядѣ Екатерины II на всѣ преобразованія въ духѣ просвѣтительныхъ европейскихъ идей. Безъ сомнѣнія, современные ужасы французской революціи имѣли большое вліяніе на перемѣну мнѣній императрицы, дѣйствовавшей въ первую половину своего царствованія въ духѣ совершенно противоположномъ, въ духѣ просвѣтительныхъ идей Монтескье, Ж. Ж. Руссо, Дидро, Вольтера и друг. Преосвящ. Филаретъ (черниговскій) порицая въ своемъ «Обзорѣ» (II, 158—160) людей свѣтскихъ, которые слишкомъ увлекались, по его словамъ, въ екатерининское время, философіей энциклопедистовъ и переводили сочиненія ихъ на русскій языкъ, замѣчаетъ: «Когда въ Парижѣ революція начала уже поливать улицы потоками крови человѣческой, тогда только Екатерина сказала: «я ошиблась; это не бунтъ, это Богъ знаетъ что такое; закроемъ высокоумныя наши книги и примемся за буквари». (Записки Дашковой у С. Глинки, въ «Русск. Чтен.» 2, 73 — 76). Неудивительно, что современники государственнаго переворота во Франціи, — не исключая и Екатерины II, — могли еще думать, что французская революція была произведена «философіей энциклопедистовъ»; но трудно понять, какъ могъ думать тоже самое, въ наше время, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ архипастырей и духовныхъ писателей русскихъ?

Къ сказанному въ предыдущихъ очеркахъ по вопросу о реакціи въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II мы прибавимъ, что и тѣ изъ реформъ по части распространенія народнаго образованія, которыя были уже предприняты и приводились въ исполненіе, — или не удались или были остановлены. Такъ обширный проэктъ Бецкаго о воспитаніи, которое должно было создать «новую породу людей», не могъ быть приведенъ въ исполненіе, по недостатку денежныхъ средствъ и необходимаго числа учителей. Потому закрытыя воспитательныя заведенія были основаны только въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а не во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Россіи, какъ предполагалось по проэкту Бецкаго. Изданный въ 1786 г. указъ объ открытіи «по всѣмъ горо-

дамъ россійской имперіи *народныхъ училищъ*» также не достигъ своей цѣли, и открытіе народныхъ училищъ, равно какъ и гимназій, послѣдовало только въ царствованіе Александра I. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ александровской эпохи говоритъ: «*Главныя* и *малыя* училища, которыя повелѣла устроить Екатерина II въ городахъ, *въ послѣднее время числились только на бумагѣ*; Александръ преобразовалъ первыя въ гимназіи, вторыя—въ уѣздныя училища; сверхъ того учреждены приходскія училища» *). «Вольныя типографіи», т. е. типографіи, заведенныя частными людьми, которыя, на основаніи указа 1783 года, дозволено было открывать всѣмъ и каждому, повсемѣстно въ имперіи, и которыя такъ много способствовали къ развитію у насъ книжнаго дѣла, указомъ 1796 г. велѣно было упразднить, и тѣмъ же указомъ былъ ограниченъ ввозъ иностранныхъ книгъ и организована духовная и свѣтская цензура въ столицахъ и въ пограничныхъ приморскихъ городахъ. Открытымъ, на основаніи этого указа, цензурнымъ комитетомъ въ Петербургѣ, Ригѣ и Одессѣ предписано было предавать огню вредныя книги, привозимыя изъ-за границы.

Изъ перемѣны во взглядѣ Екатерины II на европейскія идеи и европейскую образованность вытекаетъ и та любопытная черта въ собственной литературной дѣятельности императрицы, которая выразилась въ ея позднѣйшихъ занятіяхъ по части русской исторіи и въ сужденіи объ историческихъ явленіяхъ прежней русской жизни. Черта эта заключается въ опроверженіи невыгодныхъ мнѣній западныхъ писателей о древней Россіи и въ нѣкотораго рода осужденіи реформы Петра, или по крайней мѣрѣ — не въ такомъ восторженномъ взглядѣ на нее, какой былъ въ то время почти всеобщимъ. Въ своихъ «Запискахъ касательно россійской исторіи» **) Екатерина поставила себѣ цѣлію — изобразить всѣ явленія и факты древне-русской жизни въ весьма благопріятномъ свѣтѣ, имѣя въ виду исключительно «прославленіе государства»,— какъ она говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ Мордвинову (1790). Она замѣчаетъ здѣсь, что «большей части иностранныхъ писателей свойственно предубѣжденіе противъ Россіи — все видѣть касательно ея съ дурной стороны и утверждать, что Россія до Петра перваго не имѣла ни законовъ, ни устройства, *между тѣмъ какъ существовало совсѣмъ тому противное*». Такое же осужденіе реформы Петра и прославленіе «достопочтенныхъ качествъ нашихъ предковъ» встрѣчается и въ «Запискахъ» княгини Дашковой (см. Отеч. Записки, 1859 г.: «Екатерина Романовна Дашкова», г. Иловайскаго). Въ разговорѣ

---

*) Графъ Блудовъ и его время". (Царствованіе императора Александра I). *Е. Ковалевскаго*, стр 29. См. такъ же въ „Пермскомъ сборникѣ" (поврем. изд. кн. I. М. 1859) статью г. *Ѳирсова*: „Открытіе народныхъ училищъ въ Пермской губерніи" стр. 180, 183 и друг. гдѣ показано, какъ туго и неуспѣшно шло и самое первоначальное открытіе екатерининскихъ народныхъ училищъ, по указу 1786 г., которымъ повелѣвалось открыть училища непремѣнно 22-го сентября, въ день коронаціи императрицы.

**) Эти „Записки" печатались сначала въ „Собесѣдникѣ любит. рус. слова", а потомъ изданы особо (1793, въ 6 ч.).

съ первымъ министромъ австрійскаго императора Іосифа II, знаменитымъ княземъ Кауницомъ, кн. Дашкова рѣзко опровергала мнѣніе Кауница, назвавшаго Петра I творцомъ Россіи; она утверждала, что такое мнѣніе родилось отъ предразсудковъ и невѣжества иностранныхъ писателей и строго осуждала преобразованія и дѣятельность Петра, съ явнымъ предпочтеніемъ передъ ними дѣятельности Екатерины II. (*Ibid.* ст. 2-я, 433).

Это осужденіе реформы Петра и сочувственное обращеніе къ старинѣ, высказываемое Екатериною II и княгинею Дашковою, — какъ видимъ, — съ особеною цѣлію, съ предвзятымъ намѣреніемъ, слышится, однако, не только у нихъ. Оно повторялось нѣсколькими писателями XVIII столѣтія и было, можно сказать, воззрѣніемъ цѣлой партіи, недовольной преобразованіями Петра. Оно проявлялось, такъ или иначе, съ самаго начала реформы и систематически проведено у одного писателя екатерининскаго времени, князя Щербатова; но проведено совершенно съ иной точки зрѣнія: кн. Щербатовъ порицаетъ реформу Петра вовсе не за то, за что ее порицаютъ кн. Дашкова и Екатерина II.

Князь *Щербатовъ* (Михаилъ Михайловичъ, 1733 — 1790) долгое время былъ извѣстенъ у насъ, какъ историкъ (объ историческихъ трудахъ его см. ниже) и только недавно (1855) открытъ цѣлый рядъ его сочиненій, остававшихся до того неизвѣстными *) и представляющихъ намъ въ кн. Щербатовѣ одного изъ замѣчательныхъ публицистовъ нашихъ XVIII вѣка, который былъ занятъ изслѣдованіемъ важнѣйшихъ вопросовъ современной ему государственной и общественной жизни Россіи. Кн. Щербатовъ еще въ молодости отличался серьезностію своего направленія и былъ выбранъ въ депутаты со стороны дворянства ярославской губерніи въ знаменитую коммиссію о сочиненіи проэкта новаго уложенія. Потомъ онъ служилъ при дворѣ, въ званіи камергера, былъ президентомъ каммеръ-коллегіи и наконецъ сдѣланъ былъ сенаторомъ. Екатерина II уважала его за ученость, — хотя, говорятъ, не любила его, какъ и большая часть ея придворныхъ, за рѣзкость его сужденій, высказываемыхъ имъ прямо и смѣло; она наименовала его «исторіографомъ» и довѣрила ему разборъ всѣхъ бумагъ Петра Великаго. Слѣдственно, по своему положенію, кн. Щербатовъ могъ знать хорошо о дѣлахъ и лицахъ, о которыхъ трактуетъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, имѣющихъ характеръ современныхъ «записокъ», или мемуаровъ.

---

*) Нѣкоторыя изъ вновь открытыхъ сочиненій кн. Щербатова напечатаны: въ „Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древн.“ 1859 и 1860, въ „Библіогр. Зап.“ 1859 и въ „Отеч. Зап. 1859 года. Разборъ важнѣйшаго изъ нихъ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ представленъ проф. Ешевскимъ въ „Атенеѣ“ 1858 г., № 3. Вотъ названія другихъ сочиненій Щербатова: „Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, о способахъ тому помочь и впредь предупредить подобное нестастіе“; „Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостію изглаголованныхъ словъ“; „Разныя разсужденія о правленіи“; „Прошеніе Москвы о ея забвеніи“; „Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго“; „О статистикѣ въ разсужденіи Россіи“, и друг.

Политическія и политико-экономическія сочиненія кн. Щербатова обличаютъ въ немъ одного изъ умнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, искренно преданнаго благу и интересамъ своего отечества. Какъ добросовѣстный писатель и горячій патріотъ, онъ судитъ самостоятельно и своеобразно о современныхъ явленіяхъ, хотя и смотритъ на нихъ односторонно, съ аристократической точки зрѣнія, — но всегда и вездѣ искренно и смѣло высказываетъ свои сужденія, — хотя и въ крайне тяжелой формѣ изложенія. Отличительное свойство каждаго изъ его сочиненій заключается въ томъ, что онъ всегда старается представить реальную, существенную сторону дѣла. Взглядъ кн. Щербатова на реформу Петра высказанъ, между прочимъ, въ одномъ изъ важнѣйшихъ его сочиненій, подъ заглавіемъ: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Сущность этого взгляда заключается въ томъ, что кн. Щербатовъ признаетъ законность реформы Петра и выражаетъ глубокое уваженіе къ личности и къ самой дѣятельности преобразователя; но онъ не признаетъ законнымъ и тѣ крутыя и рѣзкія мѣры и то неуваженіе къ преданіямъ и обычаямъ старины, которыми сопровождалась реформа. Поврежденіе нравовъ въ Россіи было, по мнѣнію Щербатова, прямымъ слѣдствіемъ преобразованія, но Петръ лично не виновенъ въ этомъ. «Во истину могу я сказать, — говоритъ онъ, — что если вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, намъ ничего не оставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ, мы подлинно въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать, удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ *поправленію нашихъ внѣшностей*. Но тогда же гораздо съ вящей скоростію бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ». Въ древней Руси для кн. Щербатова было особенно сочувственно положеніе и значеніе въ государствѣ боярскихъ родовъ, т. е. «замѣщеніе всѣхъ высшихъ должностей въ государствѣ людьми родовитыми». Въ этомъ, какъ и въ духѣ и въ главной основѣ всего сочиненія кн. Щербатова, обнаруживаются его аристократическія тенденціи и стремленія. Подъ ихъ вліяніемъ онъ не одобряетъ даже того нововведенія Петра, по которому личныя заслуги и способности стали давать право на высшія должности и почетъ въ государствѣ, а не порода и происхожденіе,—какъ было въ до-петровской Руси. Это нововведеніе кн. Щербатовъ также считаетъ одною изъ причинъ «поврежденія нравовъ въ Россіи» и оправдываетъ тутъ даже старое мѣстничество. «Разрушенное мѣстничество (вредное, впрочемъ, службѣ и государству) — говоритъ онъ—и не замѣненное *ни какимъ правомъ знатнымъ родамъ*, истребили мысли благородной гордости въ дворянахъ, ибо стали *не роды почтены, но чины и заслуги и выслуги*, и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удается прямыя услуги учинить, то за недостаткомъ заслуги стали стараться *выслуживаться, всякими образами льстя и угождая государю и вельможамъ*». (*Ibid.*, 141). Эти аристократическіе наклонности и вкусы кн. Щербатова высказываются почти во всѣхъ сочиненіяхъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ сильно возстаетъ противъ «позволенія дѣвкамъ благороднымъ выходить въ замужество за низкаго состоянія людей съ сохраненіемъ своего права (т. е. своихъ сословныхъ

привиллегій), отчего нравы повреждаются и *смѣшиваются состоянія*», ибо — говоритъ авторъ—через «вмѣщеніе въ разные классы дворянства разныхъ чиновъ людей—самое сословіе дворянское *уподляется*». (*Библ. Зап.* 1859 г. № 13, столб. 401).

Но не смотря на весь аристократизмъ кн. Щербатова, на непониманіе истиннаго значенія мѣстничества и на странное смѣшеніе понятій о мѣстнической чести съ понятіемъ о чести вообще, — какъ разбираемое нами, такъ и всѣ другія сочиненія кн. Щербатова проникнуты честнымъ патріотическимъ чувствомъ, которое, главнымъ образомъ, руководитъ всею его писательскою дѣятельностію. Не соглашаясь съ его односторонними и своеобразными взглядами и заключеніями, съ его рѣзкими и иногда несправедливыми сужденіями, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не уважать и не цѣнить его ученыхъ и литературныхъ трудовъ за ихъ честное направленіе и цѣли. А тѣмъ болѣе, что личность самого автора является въ нихъ личностію «очень замѣчательною по образованію и по нравственнымъ достоинствамъ», — какъ справедливо замѣтилъ покойный профессоръ Ешевскій.

Не менѣе замѣчателенъ кн. Щербатовъ и по оригинальнымъ, личнымъ воззрѣніямъ своимъ на екатерининское время, воззрѣніямъ, которыя стоятъ въ рѣзкой противоположности съ общепринятымъ мнѣніемъ всѣхъ панегиристовъ-писателей этой этохи и ея позднѣйшихъ историковъ. Эти оригинальныя и вполнѣ самостоятельныя воззрѣнія и сужденія кн. Щербатова высказываются смѣло и рѣзко въ тѣхъ сочиненіяхъ его въ особенности, въ которыхъ онъ касается собственно экономическихъ и общественныхъ явленій или же, гдѣ онъ говоритъ о правительственныхъ дѣлахъ и правительственныхъ взглядахъ своего времени.

Особенно замѣчательно сочиненіе кн. Щербатова: «Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго». Сочиненіе это явно написано съ полемическою цѣлью и направлено противъ тѣхъ современныхъ взглядовъ, которые старались находить недостатки въ преобразованіяхъ и въ дѣлахъ Петра I и вообще уменьшить ихъ цѣну и значеніе и возвысить на счетъ ихъ дѣятельность Екатерины II. Кн. Щербатовъ является въ названномъ сочиненіи ревностнымъ защитникомъ памяти преобразователя, всей его преобразовательной дѣятельности и самой личности и характера Петра Великаго. Начинается это сочиненіе такъ: «Сплетать хвалы своимъ государямъ несть дѣло охудительное, лишь бы оныя были основаны на истинѣ и искреннее бы усердіе, а не лесть и похлебство перо писателя и пѣснь пѣвца направляли» (*Библ. Зап.*, 1859 г. № 12, 352). Далѣе онъ разсматриваетъ подробно всѣ дѣла Петровы: учрежденіе флота, арміи, устройство торговли, промышленности, дѣла просвѣщенія и проч. Всѣми этими дѣлами Петръ, по словамъ автора, поставилъ Россію въ короткое время на такую степень, что «чюжестранные народы удивляются». Затѣмъ, приступая къ изъясненію «пороковъ и самовластія» Петра, онъ обращается какъ бы къ нему лично и объясняетъ, что будетъ говорить о «порокахъ» преобразователя, «не для охуленія твоего (Петра), но для защищенія твоего имени, дабы показать коль ихъ (т. е. пороки) добродѣтели

превосходили—и желая *порочить тѣмъ сердца тѣхъ, которые, забывъ твои услуги къ отечеству, дерзаютъ многія хулы на тебя изблевывать*». (*Ibid.* 357). Далѣе авторъ говоритъ, что «пороки» Петра слѣдуетъ разсматривать «сообразя съ обстоятельствами времени, въ разсужденіи тогдашняго *умоначертанія* Россіянъ и тогдашнихъ нравовъ»; нѣкоторые пороки — говоритъ онъ — «тогда и пороками не считались», а происходили «отъ тогдашней грубости нравовъ и отъ тогдашняго воспитанія». Становясь, такимъ образомъ, на вѣрную историческую точку зрѣнія, кн. Щербатовъ объясняетъ нравами и понятіями времени всѣ крутыя и жестокія мѣры Петра при введеніи реформы. «Россія, — говоритъ онъ, — очень недавно освободившаяся отъ раздоровъ и бунтовъ, сохраняла еще ту *жестокость*, которая отъ междоусобій рождается. Кары смертныя, пытки, убійства — были обыкновенны въ Россіи. Петръ Великій *при такомъ умоначертаніи воспитанъ былъ*». (*Ibid.*, 358). Далѣе такимъ образомъ рисуетъ онъ это «*умоначертаніе* (т. е. понятія и взгляды) и состояніе Россіянъ» до-петровскаго времени: «Вельможи и весь народъ, погруженъ былъ въ суевѣріе, и всѣ другіе народы такъ погаными считалъ, что за грѣхъ почиталъ съ кѣмъ не единовѣрцемъ имѣть какое сообщеніе... Бояре были горды, суевѣрны, несообщительны... Лѣность, *увалчивость*, привязанность къ домамъ крѣпко вкоренились, и загрубѣлость и привязанность къ старымъ обычаямъ яко естественнымъ понятіемъ въ нихъ учинились»... Не было войска постояннаго: «стрѣльцы имѣли всѣ пороки турецкихъ янычаръ, не имѣя ихъ храбрости»... Не было въ Россіи наукъ и не только побужденія, но паче отвращеніе что познать... То, что теперь наижесточайшій тиранъ въ Европѣ постыдится учинить, то тогда въ Росссіи могло простительно казаться, въ Россіи, гдѣ и должность палача не была безчестна и гдѣ наказанный палачемъ могъ опять въ чины и въ должности выходить... При Петрѣ побои не инако, какъ по болѣзни (т. е. по причиняемой боли) почитали, не считая ихъ себѣ въ безчестіе, хотя бы тѣ и *кацкими* руками (руками палача) были учинены». Потому — заключаетъ авторъ—всѣ пороки самовластія, всѣ крутыя и жестокія мѣры Петра «не въ порокъ особѣ Петра Великаго должно приписать, но въ порокъ умоначертанію тогдашняго времени». И Россія — говоритъ онъ — безъ крутой реформы Петра, сама собою, не могла бы — «*яко нѣкоторые мудрствуютъ*», — скоро достигнуть даже положенія гораздо худшаго, нежели въ какомъ она находится теперь, «и то если бы государи ея всегда способствовали» ея прогрессивному развитію, «а сосѣди тому не воспрещали бы» (Ibid. 359 — 365).

Изъ сдѣланныхъ нами выписокъ видно ясно, что осужденіе реформы Петра и «славянофильскіе взгляды» кн. Щербатова не имѣли ничего общаго съ такимъ же осужденіемъ реформы и съ славянофильствомъ кн. Дашковой и самой Екатерины II. И слѣдуетъ сознаться, что за исторической точкой зрѣнія на реформу кн. Щербатова, точкой зрѣнія, — вполнѣ согласной съ требованіями науки,—равно какъ и за сужденіями его въ этомъ случаѣ нельзя не признать полнаго превосходства надъ взглядами и сужденіями, высказываемыми по тому же

предмету въ сочиненіяхъ кн. Дашковой и императрицы Екатерины II—съ предвзятыми и чуждыми для науки цѣлями.

Въ прочихъ сочиненіяхъ своихъ, теперь извѣстныхъ, какъ-то: «Разсужденіе о нынѣшнемъ, въ 1787 году, повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи», «Состояніе Россіи въ разсужденіе денегъ и хлѣба, въ началѣ 1788», «Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостію изглаголанныхъ словъ» и друг. кн. Щербатовъ является истиннымъ и многосторонне образованнымъ публицистомъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, и горячимъ патріотомъ, которому дорого благо своего отечества. Многія современныя явленія и дѣйствія современныхъ правительственныхъ дѣятелей находятъ себѣ здѣсь въ кн. Щербатовѣ самаго строгаго критика и не подкупнаго, неумолимо суроваго, — и потому не всегда справедливаго, — судью. Послѣднее изъ названныхъ нами сочиненій: «Оправданіе» и проч. служитъ какъ бы объясненіемъ и коментаріями на всѣ прочія его сочиненія. Здѣсь авторъ объясняетъ и причины всѣхъ рѣзкихъ нападокъ и обвиненій, которымъ онъ подвергалъ современныхъ политическихъ дѣятелей въ Россіи, и за которыя, вѣроятно, тогда же подвергался самъ многимъ упрекамъ. Онъ говоритъ здѣсь, что всѣ его нападки происходятъ «отъ любви къ отечеству, противъ слабости, лести, неучастія о пользѣ ближняго и подлаго подобострастія». Если это «порокъ» — говоритъ атворъ — то онъ лучше желаетъ остаться при своемъ «порокѣ», «нежели забыть отечество, не быть чувствительну къ тягостямъ ближняго, лгать отъ лести и подло раболѣпствовать». (*Ibid.* 394). — Далѣе онъ выражается объ этомъ съ чувствомъ еще болѣе энергическимъ: «Въ презельномъ страданіи сердца моего . . . ворвенія якобы показываю озлобленіе; но се есть озлобленіе отъ истинныя любви происходящее, — озлобленіе, подобное друга искренняго, терзающагося о проступкахъ своего друга, озлобленіе сердца родительскаго, терзающагося видя проступки сына своего; то озлобленіе-ли сіе? то преступленіе-ли сіе? — *И не болѣе-ли есть преступленіе на все сіе не участнымъ окомъ взирать*»? (*Ibid.* 406), спрашиваетъ подъ конецъ авторъ.

Высоко-нравственная и честная личность нашего замѣчательнаго публициста и историка XVIII столѣтія весьма ярко рисуется въ этихъ прекрасныхъ словахъ.

Кромѣ интересныхъ личныхъ взглядовъ, мнѣній и сужденій кн. Щербатова о современности, сочиненія его, по словамъ проф. Ешевскаго, заключаютъ въ себѣ еще богатый матеріалъ и весьма важный историческій источникъ для исторіи администраціи, для опредѣленія характера нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей и въ особенности для ознакомленія съ жизнію современнаго высшаго общества.

Карамзинъ и его школа.

Сороко-лѣтняя литературная дѣятельность Карамзина имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи русской литературы и образованности русскаго общества. Карамзинъ выступилъ на литературное поприще послѣ Новикова, въ концѣ

XVIII столѣтія. Самостоятельная дѣятельность его въ литературѣ и его литературная извѣстность начинаются съ 1791 года, т. е. именно съ той эпохи, когда Новиковъ сошелъ со сцены и основанное имъ Дружеское общество распалось. Карамзинъ не былъ продолжателемъ дѣла Новикова въ практическихъ трудахъ и стремленіяхъ послѣдняго къ развитію образованія народнаго. Новиковъ не оставилъ послѣ себя въ этомъ отношеніи прямыхъ послѣдователей, — хотя вліяніе его направленія и отразилось до нѣкоторой степени въ дѣятельности Карамзина. Карамзинъ былъ исключительно литераторъ—и «литераторъ, безпорно замѣчательнѣйшій, въ лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова», — по выраженію Плетнева. Посредствомъ литературныхъ трудовъ своихъ онъ производилъ сильное вліяніе на своихъ современниковъ; потому эти труды Карамзина и имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи русской литературы и въ исторіи развитія русскаго общества вообще.

Свѣдѣнія о жизни Карамзина. — Карамзинъ, Николай Михайловичъ родился въ 1766 году, 1-го декабря, въ приволжской сторонѣ (въ нынѣшней Оренб. губ. бузул. у.) въ с. Михайловкѣ (Преображенскомъ), принадлежавшемъ его отцу, небогатому русскому помѣщику. О ранней молодости и воспитаніи Карамзина сохранилось немного извѣстій. Извѣстно, впрочемъ, что онъ рано лишился матери, обучался сначала дома, въ деревни, рано выучился читать и рано принялся за чтеніе переводныхъ романовъ. Въ Симбирскѣ, въ домѣ отца, Карамзинъ учился, по свидѣтельству Дмитріева, нѣмецкому языку у тамошняго пятидесятилѣтняго врача изъ Нѣмцевъ. Уже въ эту пору дѣтскаго развитія въ Карамзинѣ замѣчались слѣды той чувствительности, которая сдѣлалась впослѣдствіи существеннымъ ствойствомъ его литературныхъ произведеній. Раннее чтеніе романовъ, которому самъ Карамзинъ придавалъ впослѣдствіи большое значеніе въ своемъ первоначальномъ развитіи, возбуждая дѣтское воображеніе, конечно, способствовало къ усиленію въ мальчикѣ его природной впечатлительности. Если справедливо, впрочемъ, что одна изъ повѣстей Карамзина: «Рыцарь нашего времени» (помѣщена была въ его журналѣ: «Вѣст. Европы», 1803 г.) основана на *воспоминаніяхъ* о собственной молодости автора и заключаетъ въ себѣ черты изъ его собственнаго дѣтства; то самъ Карамзинъ признавалъ, что раннее чтеніе рамановъ имѣло скорѣе хорошее, нежели дурное вліяніе на его первоначальное развитіе. Описывая дѣтство героя этой повѣсти, Леона, и называя «важной эпохой въ образованіи его ума и сердца» ту именно эпоху, когда Леонъ началъ съ жадностію читать: «Даиру», (восточная вѣсть, перев. съ франц.), «Селима и Дамасина«, (африканская повѣсть, перев. съ франц) «Мирамонда» (см. выше), Ѳ. Эмина и т. п. романы, Карамзинъ говоритъ: «Сіе чтеніе не только не повредило его (Леона) юной души, но *было еще весьма полезно для образованія въ немъ нравственнаго чувства*». Во всѣхъ этихъ романахъ «герои и героини, не смотря на многочисленныя искушенія порока, остаются добродѣтельными; всѣ злодѣи описываются самыми черными красками; первые наконецъ торжествуютъ, послѣдніе, наконецъ, какъ прахъ исчезаютъ. Въ нѣжной Леоновой душѣ непримѣтнымъ образомъ, но буквами неизгладимыми, начерталось слѣдствіе: «и такъ любезность и

добродѣтель одно! и такъ зло безобразно и гнусно! и такъ добродѣтельный побѣждаетъ, а злодѣй гибнетъ!... Ахъ! Леонъ въ совершенныхъ лѣтахъ часто увидитъ противное, но сердце его не разстанется съ своею утѣшительною системою; вопреки самой очевидности онъ скажетъ: «нѣтъ, нѣтъ, торжество порока есть обманъ и призракъ»! *)

Но, нѣтъ сомнѣнія также, что подобное чтеніе въ ребенкѣ съ пылкимъ воображеніемъ, — каковъ и былъ Карамзинъ въ дѣтствѣ, — могло способствовать къ усиленной дѣятельности дѣтскаго воображенія и къ его болѣзненному развитію. Нельзя назвать нормальными, конечно, въ развитіи Леона тѣ черты, которыми Карамзинъ изображаетъ его десяти-лѣтнее дѣтство: мальчикъ въ эти годы уже отличался мечтательностію и склонностію къ меланхоліи, задумывался, могъ по два часа — говоритъ авторъ — *играть воображеніемъ* и строитъ замки на воздухѣ, любилъ грустить безъ причины **) и проч. Самъ Карамзинъ тутъ же замѣчаетъ весьма справедливо объ этомъ: «Не смотря на маленькую слабость мою къ романамъ, признаюсь, что ихъ можно назвать *теплицею для юной души*, которая отъ сего чтенія *зрѣетъ преждевременно*; а это, если вѣрить философическимъ медикамъ, бываетъ вредно... по крайней мѣрѣ для здоровья». (*Ibid.*) Можно, кажется, вполнѣ согласиться, съ «философическими медиками» Карамзина, что подобное чтеніе бываетъ положительно вредно и для физическаго и для нравственнаго здоровья дѣтей. Такъ, безъ сомнѣнія, думалъ впослѣдствіи и самъ Карамзинъ. Но какъ бы то ни было, эта склонность къ меланхоліи и избытокъ чувствительности, проявившіеся въ Карамзинѣ еще съ дѣтства и находившіе себѣ тогда пищу въ раннемъ чтеніи романовъ, отразились впослѣдствіи невыгодно на его сочиненіяхъ.

По словамъ Дмитріева, — «съ приближеніемъ юношескаго возраста» (полагаютъ, на 14-мъ году ***), Карамзинъ былъ отправленъ въ Москву и отданъ въ пансіонъ Шадена, одного изъ лучшихъ профессоровъ московскаго университета. Находясь въ пансіонѣ, онъ посѣщалъ нѣкоторое время университетскія лекціи. У Шадена Карамзинъ учился языкамъ: древнимъ — греческому и латинскому и изъ новыхъ — не только французскому и нѣмецкому, но англійскому и итальянскому. Впрочемъ французскій и нѣмецкій языки онъ успѣлъ изучить основательно только во время своего заграничнаго путешествія. Въ университетѣ Карамзинъ слушалъ лекціи логики и психологіи, всеобщей и русской исторіи и иностранныхъ литературъ; но не былъ записанъ въ число студентовъ. Безъ сомнѣнія, кругъ тогдашняго пансіонскаго и даже университетскаго преподаванія былъ довольно ограниченъ; но все таки это школьное ученіе послужило Карамзину основаніемъ для его будущаго развитія, дало толчекъ его обширнымъ способностямъ и возбудило любовь къ знанію и къ труду.

---

*) „Сочин. Карамз. (смирд. изд.), т. III, 255 — 256.

**) Тамъ-же, 265—266

***) „Взглядъ на мою жизнь“ и проч. И. И. Дмитріева, стр. 39 и „Ник. Мих. Карамзинъ“. Матеріалы для его біографіи, съ примѣч. и объясн. М. Погодина. М. 1866. Ч. I, стр. 16.

Окончивъ курсъ ученія въ Москвѣ, молодой Карамзинъ хотѣлъ ѣхать въ Германію и заняться науками въ лейпцигскомъ университетѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, во время своего заграничнаго путешествія, въ письмѣ изъ Лейпцига, онъ писалъ: «Сюда стремились мысли мои за нѣсколько лѣтъ предъ симъ; здѣсь хотѣлъ я собрать нужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ мое сердце. Но судьба не хотѣла исполнить моего желанія. Воображая, какъ бы я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя, такъ-сказать, образуется душа наша, и какъ я провелъ ихъ, чувствую горесть въ сердцѣ и слезы на глазахъ». Вѣроятно, по желанію родныхъ, Карамзинъ долженъ былъ уѣхать изъ Москвы въ Петербургъ и поступить прямо на службу въ гвардію, вмѣсто лейпцигскаго университета, — какъ онъ этого хотѣлъ. Но какъ только умеръ его отецъ, онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ на родину, въ Симбирскъ. Въ періодъ своей службы въ гвардіи Карамзинъ подружился съ своимъ землякомъ и дальнимъ родственникомъ, И. И. Дмитріевымъ, находившимся на службѣ въ томъ же гвардейскомъ полку (преображенскомъ), въ которомъ былъ записанъ и Карамзинъ. Одинаковая склонность къ литерарурѣ, къ чтенію, сблизила молодыхъ людей. Дмитріевъ занимался иногда переводами мелкихъ статей, которыя отдавалъ въ тогдашніе петербургскіе журналы и печаталъ особо. Карамзинъ захотѣлъ послѣдовать примѣру товарища, и принялся самъ за переводы. Дмитріевъ свидѣтельствуетъ поэтому случаю въ своихъ «запискахъ, что первымъ литературнымъ опытомъ Карамзина былъ переведенный имъ съ нѣмецкаго «Разговоръ австрійской Маріи Терезіи съ русской императрицей Елисаветой въ Елисейскихъ поляхъ». Въ вознагражденіе за этотъ первый литературный трудъ свой Карамзинъ получилъ отъ книгопродавца Миллера — говоритъ Дмитріевъ — двѣ книжки романа Фильдинга: «Томъ Джонсъ», въ русскомъ переводѣ Харламова. Но этотъ первый переводъ Карамзина не отысканъ. Потомъ Карамзинъ перевелъ идиллію Геснера «Деревянная нога» (1783), которая и считается его первымъ литературнымъ опытомъ, появившимся въ печати.

Разсѣянная свѣтская жизнь, которую велъ Карамзинъ въ Симбирскѣ, не охладила его, однако, къ словесности, по словамъ Дмитріева. Онъ задумывалъ переводить повѣсть Вольтера «Бѣлый быкъ», а между тѣмъ предавался свѣтскимъ удовольствіямъ и игралъ уже въ симбирскомъ «большомъ свѣтѣ»—по замѣчанію Дмитріева —«ролю надежнаго на себя въ обществѣ: опытнаго за вистовымъ столомъ, любезнаго въ дамскомъ кругу и оратора передъ отцами семействъ, которые хотя и не охотники слушать молодежь, но его слушали» *). Разсѣянная свѣтская жизнь Карамзина въ Симбирскѣ продолжалась, однако, очень не долго. Счастливая случайность скоро спасла его отъ внутренней пустоты этой жизни и не дала заглохнуть безплодно и безслѣдно его замѣчательнымъ дарованіямъ. Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ «Дружескаго общества», И П. Тургеневъ, посѣтивъ Симбирскъ и замѣтивъ въ молодомъ Карамзинѣ счастливыя

*) „Записки", стр. 40.

природныя способности, предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Москву, съ цѣлію продолжать образованіе на счетъ ихъ общества и принять участіе въ его трудахъ. Карамзинъ принялъ предложеніе. По пріѣздѣ въ Москву, Тургеневъ познакомилъ его съ Н. И. Новиковымъ, и Карамзинъ былъ введенъ (1785) въ кружокъ молодежи, которая содержалась на счетъ «Дружескаго общества» и помѣщалась вмѣстѣ, въ старинномъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ Обществу, у Меньщиковой башни. «Для Карамзина начиналась новая жизнь,—говоритъ г. Тихонравовъ. Не много далъ ему пансіонъ Шадена, въ которомъ онъ воспитывался. Теперь Карамзинъ снова отдавался наукѣ, товарищескому молодому кружку, студенчеству. Впечатлѣнія, вынесенныя Карамзинымъ изъ этого коротенькаго періода, остались въ немъ на всю жизнь. Правда, многое развѣялось впослѣдствіи и затерялось подъ другими вліяніями, взгляды его разошлись съ воззрѣніями «Дружескаго общества»; но образы нѣсколькихъ личностей, окружавшихъ Карамзина въ эти годы ученья, хранились всегда въ его благодарной памяти. Эти люди ввели его въ сферу философскихъ и литературныхъ вопросовъ, всегда привлекательныхъ для ума. Читая деистовъ и матеріалистовъ, Карамзинъ въ тоже время занимался переводами сочиненій совершенно противоположнаго направленія» *).

Четыре года, проведенные Карамзинымъ въ «Дружескомъ обществѣ», нѣтъ сомнѣнія, имѣютъ большое значеніе въ его жизни и въ исторіи его нравственнаго и умственнаго развитія. Здѣсь началось—какъ справедливо замѣчаетъ Дмитріевъ въ своихъ «запискахъ»—не только авторское, но и нравственное образованіе Карамзина. Дмитріевъ нашелъ въ немъ теперь большую перемѣну, послѣ свиданія съ нимъ въ Симбирскѣ. «Это былъ уже—говоритъ онъ—не тотъ юноша, который читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою воина, мечталъ быть завоевателемъ чернобровой, пылкой черкешенки; но благочестивый ученикъ мудрости, съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ человѣка. Тотъ же веселый нравъ, та же любезность, но между тѣмъ главная мысль, первыя желанія его стремились къ высокой цѣли».

Подготовка къ литературной дѣятельности, которая опредѣлилась для Карамзина уже съ этой эпохи и которой онъ посвятилъ потомъ всю свою жизнь, началась съ переводовъ. По порученію «Дружескаго общества», онъ перевелъ дидактико-теологическую поэму Галлера: «О происхожденіи зла»—вопросъ, который долго занималъ философовъ XVII и XVIII столѣтія (см. у Геттнера, стр. 57, 178, 211). Въ поэмѣ Галлера вопросъ о происхожденіи зла разрѣшается съ точки зрѣнія христіанскаго ученія и проводится та мысль, что существованіе зла не противорѣчитъ божественной благости (скептики и матерьялисты доказывали противное). Потому поэма Галлера согласовалась съ мнѣніями «Дружескаго общества», сильно ратовавшаго, какъ мы знаемъ, противъ ученія матеріялистовъ. Переводъ Карамзина былъ напечатанъ въ 1786 г., и переводчикъ снабдилъ его своими объяснительными примѣчаніями, которыя показываютъ,

---

*) „Четыре года изъ жизни Карамзина". Русск. Вѣст. 1862, № 4.

что онъ находился въ это время подъ сильнымъ вліяніемъ мистицизма. Да и Дмитріевъ упоминаетъ въ своихъ «запискахъ», что переводческія работы Карамзина находились въ связи съ мистическими изданіями Новикова.

При московскихъ вѣдомостяхъ Новиковъ издавалъ «Дѣтское чтеніе», посвященное «благородному россійскому юношеству». Это изданіе состояло изъ переводныхъ статей Кампе, Вейсе, г-жи Жанлисъ и другихъ нѣмецкихъ и французскихъ авторовъ, писавшихъ для дѣтей, въ духѣ «филантропической педагогики», основанной на идеяхъ Руссо. Статьи эти переводили Карамзинъ и его другъ, Петровъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ воспитанниковъ «Дружескаго общества». Карамзинъ горячо привязался къ Петрову, живя долгое время съ нимъ вмѣстѣ и признавая его не только другомъ, но и учителемъ своимъ. Его вліянію и дружескимъ бесѣдамъ съ нимъ о литературныхъ и философскихъ предметахъ Карамзинъ обязанъ, по его собственному признанію, первымъ развитіемъ своихъ эстетическихъ понятій и взгляда на искуство и поэзію. Извѣстія, сохранившіяся о Петровѣ, показываютъ, что онъ обладалъ рѣдкимъ для того времени образованіемъ. Онъ былъ знакомъ — говоритъ Дмитріевъ — съ древними и новыми языками, при глубокомъ знаніи отечественнаго слова, одаренъ былъ необыкновеннымъ умомъ, способностію къ здравой критикѣ и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ и пониманіемъ изящнаго. Но знакомство съ мистицизмомъ наложило рѣзкую печать на нѣжную организацію Петрова: онъ былъ угрюмъ, молчаливъ и подъ часъ насмѣшливъ; онъ умѣлъ утѣшать друзей, «но самъ никогда не требовалъ утѣшенія», по словамъ Карамзина. Тяжелыя сомнѣнія рано запали ему въ душу и глубоко волновали его молодую мысль: «Вопросы, что я есть и что я буду? всего меня занимаютъ и бѣдную мою голову, праздностію разслабленную, кружатъ и въ большое неустройсуво приводятъ» *) писалъ онъ Карамзину. Петровъ, отправившись въ Петербургъ на службу, умеръ тамъ въ молодыхъ лѣтахъ, и Карамзинъ написалъ въ это время статью свою: «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона» — родъ прозаической элегіи, въ которой онъ описываетъ своего друга и оплакиваетъ его раннюю потерю.

Въ это же время и, конечно, подъ вліяніемъ идей, господствовавшихъ въ томъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ Карамзинъ, онъ перевелъ трагедію Шекспира: «Юлій Цезарь» (съ французскаго) и драму Лессинга «Эмилія Галотти». Въ предисловіи къ первой изъ нихъ Карамзинъ высказалъ здравыя сужденія о Шекспирѣ и отнесся искренно и свободно къ великому англійскому поэту, вопреки господствовавшимъ тогда на него воззрѣніямъ Вольтера и вообще ложно-классической критики.

Въ 1789 г. Карамзинъ разстается съ «Дружескимъ обществомъ» и предпринимаетъ путешествіе за границу. Онъ посѣщаетъ Германію, Швейцарію, Францію, Англію и рядомъ писемъ своихъ изъ-за границы («Письма русскаго путешественника») производитъ сильное впечатлѣніе на русскую читающую публику.

---

*) Русск. Арх. 1863 г. (2-е изд.) 891. См. здѣсь семь писемъ Петрова къ Карамзину и примѣч. о Петровѣ г. Лонгинова.

Послѣ возвращенія изъ путешествія, Карамзинъ поселяется въ Москвѣ и предается исключительно литературѣ. Черта примѣчательная для того времени, что молодой русскій дворянинъ, прекрасно образованный, не ищетъ счастія въ службѣ, а посвящаетъ себя литературѣ и дѣлаетъ ее главнымъ дѣломъ своей жизни. Конечно, на такую рѣшимость Карамзина имѣла вліяніе та подготовка, которую онъ получилъ въ «Дружескомъ обществѣ», и которая указала ему на его истинное призваніе. Но съ другой стороны обстоятельство это указываетъ, что взглядъ современнаго Карамзину русскаго общества на литературу и на писателей начиналъ измѣняться. Мы знаемъ, какъ смотрѣли тогда на литературу, какъ смотрѣлъ на свою поэзію самъ Державинъ, который былъ еще живъ въ это время и признавался одною изъ великихъ литературныхъ знаменитостей. И Карамзинъ не ошибся, послѣдовавъ своему призванію. Своимъ литературнымъ и ученымъ трудамъ онъ обязанъ тою славною извѣстностію, которою пользовался между современниками и въ потомствѣ; литература доставила ему почетъ и уваженіе двухъ русскихъ государей и цѣлой Россіи и дала прочное обезпеченіе въ матеріальномъ отношеніи.

Самостоятельная литературная дѣятельность Карамзина началась съ дѣятельности журналиста. Въ 1791 онъ предпринялъ изданіе «Московскаго журнала», въ которомъ первый разъ появились его «Письма русскаго путешественника» и небольшія повѣсти: «Бѣдная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Прекрасная царевна и счастливый карло». Вслѣдъ за появленіемъ этихъ первыхъ произведеній Карамзина литературная слава его росла быстро и разносилась по всей Россіи. Въ его журналѣ принимали участіе: Державинъ, Дмитріевъ, Херасковъ и всѣ болѣе извѣстные писатели эпохи. Но Карамзинъ, черезъ два года, прекращаетъ изданіе «Московскаго журнала» и объявляетъ, что онъ намѣренъ издавать не срочно «въ маленькихъ тетрадкахъ, подъ именемъ, напримѣръ, *Аглаи*, одной изъ любезныхъ грацій», родъ альманаховъ, или литературныхъ сборниковъ. Такъ имъ изданы два сборника: «Аглая» (2 книжки, 1794) и «Аониды» (3 книжки, 1796). «Аглая» была какъ бы продолженіемъ «Московскаго журнала», отличавшагося преимущественно своимъ литературнымъ отдѣломъ. Здѣсь Карамзинъ помѣстилъ отрывки изъ «Писемъ русскаго путешественника», другія свои повѣсти и прозаическія статьи и нѣсколько стихотвореній. «Аониды» же заключали въ себѣ исключительно собраніе стихотвореній—самаго Карамзина и почти всѣхъ извѣстныхъ въ то время стихотворцевъ. Затѣмъ Карамзинъ напечаталъ лишь нѣсколько переведенныхъ имъ повѣстей Мармонтеля и другихъ мелкихъ вещей; а въ 1802, когда послѣ воцаренія императора Александра I появилось нѣсколько новыхъ журналовъ, выступилъ снова на журнальное поприще и началъ изданіе «Вѣстника Европы». Этотъ журналъ представлялъ замѣчательное явленіе для того времени. Редакторъ придалъ ему видъ и значеніе европейскихъ «обозрѣній» и къ литературному отдѣлу присоединилъ отдѣлъ политическій, въ которомъ разбиралъ вопросы внутренней и внѣшней политики. При тогдашнемъ политическомъ состояніи Европы и начинавшихся у насъ внутреннихъ реформахъ, журналъ Карамзина возбуждалъ большой интересъ въ читателяхъ.

Изданіемъ «Вѣстника Европы», продолжавшимся всего два года, заканчивается первый періодъ дѣятельности Карамзина, какъ литератора и журналиста. Съ 1803 г. онъ посвящаетъ себя исключительно дѣятельности ученой и приступаетъ къ сочиненію русской исторіи, — какъ видно, давно, занимавшей его мысли. Около этого времени онъ написалъ панегирикъ, или «Историческое похвальное слово Екатеринѣ II», посвятивъ его императору Александру I; а въ «Вѣстникѣ Европы» помѣстилъ нѣсколько статей, относившихся къ русской исторіи: «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», «Историческія воспоминанія на пути къ Троицѣ», историческую повѣсть «Марѳа Посадница, или покореніе Новгорода», и друг.

Рѣшившись предпринять сочиненіе полной исторіи Россіи и сознавая въ себѣ силы для выполненія такого великаго труда, Карамзинъ, по своему тогдашнему положенію, считалъ, что можетъ совершить этотъ трудъ только при помощи содѣйствія правительства. Литературная слава Карамзина была въ это время уже твердо упрочена; онъ былъ любимцемъ публики, его признавали почти безусловно первымъ корифеемъ русской литературы; онъ успѣлъ овладѣть всѣмъ литературнымъ движеніемъ своего времени и образовалъ цѣлую школу послѣдователей. Сознаніе своего значенія и заслугъ литературѣ самъ Карамзинъ высказываетъ въ интересномъ письмѣ своемъ (1803) *) къ Мих. Ник. Муравьеву, воспитателю императора Александра I, бывшему тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и попечителемъ московскаго университета. «Будучи весьма небогатъ — пишетъ Карамзинъ—я издавалъ журналъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы принужденною работою пяти или шести лѣтъ купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы—однимъ словомъ сочинять русскую исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ всю душу мою. Теперь слабые глаза не дозволяютъ мнѣ трудиться по вечерамъ и принуждаютъ меня отказаться отъ «Вѣстника». *Могу* и *хочу* писать исторію, которая не трубуетъ спѣшной и срочной работы, но еще не имѣю способа жить безъ большой нужды. Съ журналомъ я лишаюсь шести тысячъ рублей доходу. Если вы думаете, милостивый государь, что правительство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, который способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе публики, и котораго бездѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ, то нельзя ли при случаѣ доложить императору о моемъ намѣреніи написать исторію, *не варварскую и не постыдную для его царствованія*». Затѣмъ Карамзинъ проситъ о назначеніи ему пенсіи на пять или на шесть лѣтъ, втеченіе которыхъ онъ надѣялся окончить задуманную исторію.

Желаніе Карамзина было исполнено. По ходатайству Муравьева, повелѣно было производить ему, изъ кабинета государева, по двѣ тысячи рублей ежегоднаго пенсіона, въ качествѣ «исторіографа» (какъ сказано въ выданномъ по

---

*) „Н. М. Карамзинъ", М Погодина. Ч. II, стр 17—19.

этому случаю именномъ указѣ Александра I) и открыть доступъ во всѣ государственные архивы и книгохранилища, для разбора и обозрѣнія подлинныхъ историческихъ актовъ и документовъ, какъ-то: лѣтописей, грамотъ и т. д.

Съ этого времени Карамзинъ весь отдается своему труду, ведетъ жизнь кабинетнаго ученаго, работаетъ съ неутомимымъ рвеніемъ и черезъ двѣнадцать лѣтъ (1816) представляетъ государю первые восемь томовъ своей «Исторіи государства россійскаго». Императоръ Александръ принялъ благосклонно его трудъ, весьма щедро наградилъ автора, повелѣлъ напечатать «Исторію государства россійскаго» безъ цензуры и выдать деньги для ея напечатанія, въ большомъ количествѣ экземпляровъ, предоставивъ всю выручку въ пользу автора. По приглашенію государя, Карамзинъ оставляетъ Москву (1816) и переѣзжаетъ на жительство въ Петербургъ, а лѣто постоянно проводитъ въ Царскомъ Селѣ, посвящая всѣ свои силы и труды исключительно своей исторіи, за продолженіемъ которой его застаетъ и самая смерть. Въ Петербургѣ Карамзинъ написалъ и выдалъ въ свѣтъ 9, 10 и 11 томы своей исторіи, но 12 не успѣлъ дописать, и онъ былъ выданъ недоконченнымъ, уже послѣ его смерти, его другомъ, графомъ Блудовымъ.

Въ послѣдній періодъ своей жизни Карамзинъ пріобрѣлъ полное довѣріе и расположенность императора Александра, который видѣлъ въ немъ честнаго гражданина, горячо преданнаго интересамъ своей страны, и человѣка высокой мысли и высокихъ нравственныхъ достоинствъ. Александръ вообще умѣлъ цѣнить заслуги и труды своего исторіографа, и съ участіемъ слѣдилъ за ходомъ сочиненія послѣднихъ томовъ его исторіи, нерѣдко прочитывая ихъ въ рукописи. Но постоянные, усиленные труды и сидячая жизнь сильно разстроили здоровье Карамзина. Извѣстіе о кончинѣ императора Александра, котораго Карамзинъ любилъ въ свою очередь и какъ человѣка и какъ своего державнаго покровителя, глубоко поразило его и подѣйствовало на его растроенное здоровье. Для поправленія его здоровья «было рѣшено—говоритъ Жуковскій — что онъ отправится въ южную Францію, былъ готовъ фрегатъ для перевезенія его въ Марсель, и онъ ни мало не подозрѣвалъ, чтобы смерть его была такъ близка; онъ занимался настоящимъ, думалъ о будущемъ, думалъ о довершеніи великаго труда своего». Щедрою царскою милостію императора Николая Карамзинъ былъ избавленъ отъ всякаго безпокойства о судьбѣ своего семейства: по случаю его отъѣзда за границу для излѣченія, ему было назначено по 50,000 рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы эта сумма, обращенная ему въ пенсію, послѣ него была производима сполна его женѣ, а по смерти ея также сполна и дѣтямъ,— сыновьямъ до вступленія всѣхъ ихъ въ службу, а дочерямъ до замужества послѣдней изъ нихъ. Но Карамзинъ не успѣлъ совершить предположенной поѣздки за-границу: черезъ десять дней послѣ неожиданной для него царской милости и благоволенія новаго государя онъ скончался, 25 мая 1826 года.

Дѣятельность Карамзина.—Карамзинъ имѣетъ главное значеніе въ исторіи русской литературы, вопервыхъ какъ журналистъ или *литераторъ* во-

обще, и вовторыхъ, какъ историческій писатель. Обладая замѣчательными дарованіями, обширнымъ умомъ и образованностію, онъ не былъ, однако, ни поэтомъ, съ творческимъ талантомъ, ни исключительно ученымъ.

Какъ журналистъ и литераторъ вообще, Карамзинъ расширяетъ область журнальной дѣятельности въ Россіи. Независимо отъ статей литературныхъ, историческихъ и критическихъ онъ первый вноситъ въ нашу журналистику вопросы общественные и политическіе и первый говоритъ о предметахъ, имѣвшихъ живой и современный интересъ для читателей. Онъ въ тоже время расширяетъ область и содерженіе русской литературы вообще и сообщаетъ ей, направленіе такъ называемой «сантиментальности», или «чувствительности», которое замѣняетъ прежнее, ложно-классическое направленіе. Своими литературными сочиненіями, переводами и журнальными статьями Карамзинъ возбуждаетъ интересъ къ литературѣ въ большей массѣ читателей, сближаетъ литературу съ жизнію и создаетъ для массы современныхъ читателей легкое и общедоступное чтеніе, которое удовлетворяетъ ихъ нравственно-эстетическимъ и умственнымъ потребностямъ и имѣетъ поэтому общеобразовательное значеніе для общества.

Карамзинъ-историкъ первый представляетъ въ систематически-стройномъ литературномъ изложеніи событія русской исторіи, и своей «Исторіей государства россійскаго» оказываетъ важную услугу русскому отечествовѣденію и русской наукѣ и литературѣ вообще.

Стараясь увеличить число читателей и внося въ литературу новыя понятія и взгляды, Карамзинъ производитъ вмѣстѣ съ тѣмъ преобразованіе и въ русскомъ литературномъ языкѣ. Нашъ книжный, или литературный языкъ созданъ Ломоносовымъ; онъ первый установилъ для него правила, первый указалъ законы его развитія. Но своими примѣрами Ломоносовъ сковываетъ построеніе русской книжной рѣчи тяжелыми и несвойственными ей латинско-нѣмецкими, формами. А Карамзинъ разбиваетъ эти формы и представляетъ образцы легкаго литературнаго языка, близкаго по строенію рѣчи къ языку разговорному. Вотъ въ чемъ заключается главная сущность литературной дѣятельности Карамзина и существенныя заслуги, оказанныя имъ русской литературѣ. Разсмотримъ ихъ подробнѣе.

Журнальная и собственно литературная дѣятельность Карамзина. — Русская журналистика, послѣ сатирическихъ журналовъ семидесятыхъ годовъ и послѣ дѣятельности Новикова, представляется крайне безжизненною и лишенною всякаго литературнаго, а тѣмъ болѣе общественнаго интереса. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ существовало, правда, нѣсколько журналовъ; но журналы эти мало интересовали общество; они не служили выраженіемъ его потребностей, они выражали скорѣе интересы ограниченнаго кружка писателей. Потому общество оставалось къ нимъ равнодушнымъ и даже едва знало ихъ названія, — какъ упоминаетъ объ этомъ Вигель въ своихъ «запискахъ». Даже болѣе примѣчательные журналы конца XVIII столѣтія, какъ: «С.-Петербургскій Вѣстникъ», издателемъ котораго былъ Брайко, гдѣ помѣщались стихотворенія Державина и нѣкоторыя очень не дурныя для своего времени научныя и кри-

тическія статьи, «Зритель» (1792) и «С.-Петербургскій Меркурій» (1793), издававшіеся Клушинымъ и Крыловымъ, и извѣстные по своимъ полемико-литературнымъ статьямъ, —весьма мало были распространены въ публикѣ и расходились между читателями въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Но большая часть тогдашнихъ журналовъ наполнялась почти исключительно плохими стихотвореніями и переводами разнаго рода, дѣлавшимися безъ всякаго разбора, безъ опредѣленной цѣли и направленія.

Не то представляли журналы Карамзина, сразу обратившіе на себя вниманіе читателей и скоро доставившіе издателю громкую извѣстность и,—какъ онъ говоритъ въ письмѣ къ Муравьеву — «лестное благоволеніе россійской публики». «Московскій журналъ» (1791—1792, выходилъ ежемѣсячно),—изданіе котораго предпринялъ Карамзинъ вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Россію изъ заграничнаго путешествія,—по своей жизненности и пригодности для вкуса современной читающей публики сразу напомнилъ ей оживленную эпоху сатирическихъ журналовъ, хотя онъ отличался совершенно инымъ характеромъ и не имѣлъ того строго опредѣленнаго направленія, какое имѣли, напримѣръ, журналы новиковскіе. Въ объявленіи, напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ концѣ 1790 г. Карамзинъ извѣщалъ публику, что составъ его журнала будетъ слѣдующій: 1) *Русскія сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ*. Намѣреваясь печатать въ этомъ отдѣлѣ свои заграничныя «письма» Карамзинъ говоритъ о нихъ здѣсь такъ: «Одинъ пріятель мой, который изъ любопытства путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы, — который вниманіе свое посвящалъ *натурѣ и человѣку*, *преимущественно предъ всѣмъ прочимъ*, и записывалъ то, что видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ и мечталъ, — намѣренъ записки свои предложитъ почтенной публикѣ въ моемъ журналѣ, надѣясь, что въ нихъ найдется что-нибудь занимательное для читателей». 2) *Разныя небольшія иностранныя сочиненія* «въ чистыхъ переводахъ, — съ извѣстіями о новыхъ важныхъ книгахъ», выходящихъ за границей. 3) *Критическія разсматриванія русскихъ книгъ*. «Худое и хорошее — говоритъ здѣсь издатель—замѣчено будетъ безпристрастно. Кто не признается,— прибавляетъ онъ, — что до сего времени немногія книги были у насъ надлежащимъ образомъ *критикованы*» 4) *Извѣстія о театральныхъ пьесахъ*, съ замѣчаніями на игру актеровъ. 5) *Описаніе разныхъ происшествій*, разные анекдоты, и особливо изъ жизни славныхъ писателей». Изъ плана своего журнала издатель исключалъ «только піесы теологическія, мистическія, слишкомъ ученыя, педантическія и сухія» *).

Программа эта уже ясно показываетъ, что Карамзинъ прекрасно понялъ потребности современной публики. Онъ ей давалъ въ своемъ журналѣ сборникъ статей занимательныхъ и разнообразныхъ, доставлялъ ей чтеніе легкое, общедоступное, интересное и въ тоже время поучительное. Находясь еще подъ впечатлѣніями своего заграничнаго путешествія, Карамзинъ хотѣлъ представить русской публикѣ образецъ журнала, какіе существовали тогда въ образованныхъ

*) „Н. М. Карамз.“, Погодина, ч. I, стр. 169—172 и дал. см. подробное обозрѣніе книжекъ „Моск. Журн.“

странахъ Европы, сообразуясь при этомъ, конечно, со степенью развитія русской читающей публики, — и вполнѣ достигалъ своей цѣли. Выдавъ первую книжку «Московскаго журнала», въ особомъ «предувѣдомленіи» къ ней онъ говоритъ: «Вотъ начало — издатель употребитъ всѣ силы, чтобъ продолженіе было лучше и лучше. *Журналъ выдавать не шутка*, и знаю, однакожь чего не дѣлаетъ охота и прилежность. Множество иностранныхъ журналовъ лежитъ у меня передъ глазами: ни одинъ не возьму я за точный образецъ, но всѣми буду пользоваться». И въ пользованіи своимъ матеріаломъ Карамзинъ показалъ большое умѣнье. Онъ не только знакомилъ тогдашнюю публику посредствомъ своего журнала съ новыми идеями, понятіями и чувствами, но и заговорилъ съ нею новымъ языкомъ: послѣ тяжелыхъ ломоносовскихъ періодовъ она услышала легкую карамзинскую рѣчь, близкую къ рѣчи разговорной — и пришла въ восхищеніе. Журналъ имѣлъ рѣшительный успѣхъ *). Существенною частію «Московскаго журнала» были собственныя произведенія Карамзина: его «Письма русскаго путешественника» и повѣсти, (въ 1792 г. онъ напечаталъ здѣсь свою знаменитую «Бѣдную Лизу», а потомъ «Наталью боярскую дочь») — повѣсти, имѣвшія такой громадный успѣхъ и произведшія переворотъ въ литературѣ не только по отношенію къ ея внѣшней формѣ, т. е. литературному языку, но и по отношенію къ самому содержанію ея, — о чемъ рѣчь будетъ ниже. Въ отдѣлѣ стихотвореній, которыми начинались книжки «Московскаго журнала», помѣщались стихотворенія: Хераскова, Державина, самого Карамзина, Нелединскаго-Милецкаго и друг. Между стихотвореніями «Московскаго журнала» нельзя не упомянуть о романсахъ и пѣсняхъ самого Карамзина, Дмитріева, Нелединскаго-Милецкаго и другихъ. Сентиментальные романсы и пѣсни, какъ напр.: «Стонетъ сизый голубочикъ» (Дмитріева); «Кто могъ любить такъ страстно» (Карамзина); «Вечеркомъ румяну зорю» (Николева) и друг. вдругъ получили громкую извѣстность и разнеслись по всей Россіи (Погодинъ I, 185), отвѣчая, конечно, современнымъ вкусамъ и настроенію въ обществѣ. Эти сантитентально-романическія пѣсни и стихотворенія имѣютъ такое же историческое значеніе въ нашей литературѣ, какъ и сантиментальныя повѣсти Карамзина. Они составляютъ какъ бы переходъ къ той «сердечной», общечеловѣческой лирикѣ, которая началась у насъ, можно сказать, только съ Жуковскаго, и которая по тону, характеру и содержанію своему уже не имѣла ничего общаго съ пареніемъ и бездушнымъ риторизмомъ прежней торжественной лирики Державина.

Такимъ образомъ, успѣхъ «Московскаго журнала», съ котораго собственно начинается самостоятельная дѣятельность Карамзина, былъ успѣхъ вполнѣ

*) Хотя успѣха этого нельзя мѣрять успѣхомъ нынѣшнихъ журналовъ: „Моск. Журн.“ имѣлъ „300 субскрибентовъ“, которые, по словамъ Карамзина, „едва платили ему за напечатаніе двѣнадцати книжекъ“, и онъ желалъ на слѣдующій годъ имѣть 500 подписчиковъ для улучшенія своего журнала (см. у г. Погод. *Ibid.* стр. 189). Такъ ничтожна была въ то время потребность въ чтеніи посреди русскаго „образованнаго“ общества.

заслуженный. Журналъ этотъ показалъ, что его издатель былъ превосходно подготовленъ для того, чтобы дѣйствовать на свою публику въ духѣ образовательномъ. Серьезное направленіе мысли, вынесенное изъ новиковскаго масонскаго кружка, обширная начитанность, умъ и блестящія природныя способности вмѣстѣ съ природною чувствительностію и стремленіями быть полезнымъ людямъ, вмѣстѣ съ любовію къ европейскому просвѣщенію и къ представителямъ европейской мысли—все это Карамзинъ заявилъ уже въ этомъ первомъ своемъ журналѣ и все это рѣзко выдѣляло его изъ среды всѣхъ тогдашнихъ литературныхъ дѣятелей въ Россіи, между которыми онъ скоро и долженъ былъ занять по праву первенствующее мѣсто.

Но, утомившись-ли срочной журнальной работой (слѣдуетъ помнить, что Карамзинъ издавалъ свой «Московскій журналъ» одинъ, почти безъ всякихъ сотрудниковъ)—или по другимъ причинамъ, Карамзинъ въ декабрьской книжкѣ «Московскаго журнала» вдругъ объявилъ о его прекращеніи и о своемъ намѣреніи выдавать несрочно рядъ литературныхъ сборниковъ, или альманаховъ. Такъ имъ выданы были: *Аглая* (1793 — 1794 г., двѣ книжки) и *Аонида* (1796 — 1799 г., три книжки). Онъ объявлялъ, что въ «Аглаѣ» будутъ заключаться одни *русскія* сочиненія и помѣстилъ здѣсь нѣсколько своихъ литературныхъ разсказовъ и легкихъ философскихъ разсужденій («Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона», «Что нужно автору», «Нѣчто о наукахъ, искуствахъ и просвѣщеніи», «Островъ Борнгольмъ», переписку «Милодора съ Филалетомъ» продолженіе «Писемъ русскаго путешественника», нѣсколько мелкихъ стихотвореній, сказку въ стихахъ: «Илья Муромецъ» и друг.) Въ эту же эпоху своей дѣятельности Карамзинъ издалъ «Пантеонъ иностранной словесности» (1798, 3 ч.) состоящій изъ разныхъ переводныхъ статей литературнаго и учено-литературнаго содержанія какъ изъ древнихъ, такъ и изъ новыхъ писателей.

Аглая была, такимъ образомъ, по своему содержанію, какъ-бы продолженіемъ «Московскаго журнала»; альманахъ-же *Аонида*, по примѣру заграничныхъ Almanach des Muses, заключалъ въ себѣ собраніе стихотвореній самого Карамзина и другихъ современныхъ стихотворцевъ. Альманахи эти имѣли такой же успѣхъ и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, что и «Московскій журналъ» Карамзина.

Литературныя статьи свои изъ «Московскаго журнала» Карамзинъ издалъ потомъ особо, подъ заглавіемъ: «Мои бездѣлки» (1794 — 1797, 2-е изданіе 1801). Да и весь «Московскій журналъ» былъ перепечатанъ вторично въ 1802 — 1803 г. Второе изданіе «Аглаи» потребовалось въ 1796 г. Около этого же времени изданы были отдѣльно и всѣ «Письма русскаго путешественника» (въ 6 част. 1797 — 1801).

Такимъ образомъ, послѣ прекращенія «Московскаго журнала», Карамзинъ занимался изданіемъ своихъ прежнихъ сочиненій и переводами. Но и этимъ литературнымъ трудамъ онъ не могъ предаваться въ то время свободно, при тогдашнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ для русской мысли, полагавшихъ

до того серьезныя препятствія полезной дѣятельности Карамзина, что онъ одно время хотѣлъ бросить совершенно занятія литературой.

При изданіи «Пантеона иностранной словесности» Карамзинымъ руководила вѣрная и прекрасная мысль — составить нѣчто въ родѣ обширной христоматіи изъ всѣхъ лучшихъ иностранныхъ писателей. «Я работаю (писалъ онъ въ письмѣ къ Дмитріеву 1 марта 1798 г.), то есть перевожу *лучшія мѣста изъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ*, древнихъ и новыхъ; иное для идей, иное для слога. Греки, Римляне, Французы, Нѣмцы, Англичане, Итальянцы: вотъ мой магазинъ, въ которомъ роюсь каждое утро часа по три». Но въ другихъ за тѣмъ письмахъ къ своему другу Карамзинъ высказываетъ свои жалобы о невозможности продолжать задуманный трудъ: «Я перевелъ нѣсколько рѣчей Демосѳена, которыя могли бы украсить *Пантеонъ*, но цензоры говорятъ, что Демосѳенъ былъ республиканецъ, и что такихъ авторовъ переводить не должно и Цицерона также — и Саллустія также .... Что же выдетъ изъ моего Пантеона? *Планъ издателя разрушился*... Странное дѣло! прибавляетъ Карамзинъ: у насъ есть академія, университетъ, а литература подъ лавкою ...»

Въ другихъ письмахъ жалобы усиливаются: «Цензура, какъ черный медвѣдь стоитъ на дорогѣ; къ самымъ бездѣлкамъ придирается. Я, кажется, и и самъ могу знать, что позволено и чего не должно позволить; досадно, когда въ безгрѣшномъ находятъ грѣшное». Наконецъ, сообщая Дмитріеву (письмо 11 октября 1798), что тогдашніе московскіе цензоры дѣлали ему затрудненія даже по новымъ изданіямъ его прежнихъ сочиненій, Карамзинъ пишетъ, что готовъ бросить все: «я, какъ авторъ, могу исчезнуть за-живо», говоритъ онъ съ горестію. Такъ тяжело было въ то время и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ неблагодарно было занятіе литературой даже для такого писателя, каковъ былъ Карамзинъ. Хотя онъ и писалъ Дмитріему, что выдаетъ *Пантеонъ* «для подспорья кошельку своему»; но тутъ же онъ говоритъ своему другу: «я разсмѣялся твоей мысли жить переводами. Русская литература ходитъ по міру съ сумою и съ клюкою: худая пожива съ нея».

Но съ восшествіемъ на престолъ императора Александра I положеніе измѣнилось, и Карамзинъ рѣшился выступить снова на журнальное поприще съ новымъ журналомъ. Журналъ этотъ былъ: «Вѣстникъ Европы», который онъ издавалъ въ 1802 и 1803 гг. «Вѣстникъ Европы» Карамзина получилъ еще большее образовательное значеніе для современной публики, нежели «Московскій журналъ», и имѣетъ вообще важное значеніе въ исторіи русской журнальной литературы и публицистики.

Въ объявленіи на 1803 годъ о цѣли своего журнала Карамзинъ говоритъ: «Вѣстникъ будетъ сообразно съ его титуломъ, содержать въ себѣ главныя европейскія новости *въ литературѣ и въ политикѣ*». Изъ этого мы видимъ, что «Вѣстникъ Европы» Карамзина явился журналомъ не только литературнымъ, — каковымъ былъ почти исключительно его «Московскій журналъ», но и журналомъ политическимъ, и притомъ—политическимъ гораздо болѣе, нежели литературнымъ; потому что въ немъ на первомъ планѣ стояли и имѣли первенствующее значеніе статьи по вопросамъ высшей политики, внутренней

и внѣшней, статьи по вопросамъ общественнымъ и наконецъ статьи историческаго содержаніе; въ этихъ статьяхъ собственно выразились духъ и направленіе журнала и личныя убѣжденія самого издателя, - какъ главнаго и почти единственнаго въ немъ дѣятеля. Относительно политики въ этомъ же объявленіи издатель заявлялъ, что «въ политическомъ отдѣленіи (его журнала) будутъ какъ извѣстія, такъ *и разсужденія*», и согласно этому, представлялъ каждыя двѣ недѣли («Вѣстн. Европы» выходилъ книжками, два раза въ мѣсяцъ) свои политическія обозрѣнія, въ которыхъ подвергалъ разбору и обсужденію, по примѣру европейскихъ публицистовъ, современныя явленія внутренней и внѣшней политики. Въ прежнихъ газетахъ и журналахъ русскихъ политическія новости и извѣстія сообщались не иначе, какъ въ видѣ сухаго перечня событій. Тогда какъ въ «Вѣстникѣ Европы» и самая передача политическихъ новостей представлялась въ стройномъ и занимательномъ разсказѣ о ходѣ и состояніи политическихъ дѣлъ въ данной моментъ времени. Введеніе въ литературный журналъ *постояннаго* политическаго отдѣла, въ которомъ подвергались обсужденію, съ точки зрѣнія самого журнала, вопросы внутренней и внѣшней политики, было совершенною новостію въ русской періодической литературѣ, которою она обязана Карамзину.

Литературный отдѣлъ «Вѣстника Европы» не отличался отъ литературнаго отдѣла «Московскаго журнала». Здѣсь также помѣщались переводы, оригинальныя повѣсти и другія небольшія статьи Карамзина, какъ напримѣръ: «Моя исповѣдь», «Рыцарь нашего времени», — гдѣ изображены нѣкоторыя черты изъ жизни самого автора,—какъ мы знаемъ, — въ періодъ его дѣтства, «Чувствительный и хладнонравный» и друг. Собственно литературныя статьи самаго Карамзина, какъ-то: повѣсти и т. п. отличались и здѣсь тѣмъ-же сантиментальнымъ или морально-дидактическимъ направленіемъ. И наконецъ Карамзинъ началъ помѣщалъ здѣсь свои историческія статьи, о которыхъ упомянуто выше. Между ними историческая повѣсть: «Мароа посадница» произвела такой же энтузіазмъ въ публикѣ, какъ и «Бѣдная Лиза». Начальныя слова повѣсти: «Раздался звукъ *Вѣчеваго колокола*, и вздрогнули сердца въ Новгородѣ» — повторялись всѣми и цѣлыя тирады изъ «Мароы посадницы» многимъ были извѣстны на память.

Взглянемъ теперь поближе на важнѣйшія и болѣе характеристическія изъ журнальныхъ статей Карамзина, въ которыхъ высказались его основныя убѣжденія, какъ публициста, его мысли и взгляды на современность и на частную и общественную жизнь вообще. Къ такимъ статьямъ Карамзина слѣдуетъ отнести во-первыхъ нѣкоторыя статьи, помѣщенныя въ прежнихъ сборникахъ его, какъ-то: «Нѣчто о наукахъ, искуствахъ и просвѣщеніи», «Переписку Мелодора съ Филалетамъ», «Разговоръ о счастіи» и друг. и наконецъ всѣ статьи общественнаго и политическаго содержанія, помѣщавшіяся въ «Вѣстникѣ Европы», какъ: «О любви къ отечеству и народной гордости», «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи», «Пріятные виды, надежды и ожиданія нынѣшняго времени» и друг.

Статья «Нѣчто о наукахъ, искуствахъ и просвѣщеніи» важна потому,

что она служитъ выраженіемъ взглядовъ автора на науки и просвѣщеніе вообще. Она написана Карамзинымъ еще въ 1793. Поводомъ къ ея сочиненію была — какъ онъ объясняетъ въ примѣчаніи — «нечаянно попавшаяся ему въ руки пьеса одного неизвѣстнаго нѣмецкаго автора, въ которой *бѣдныя науки страдаютъ ужаснымъ образомъ*». Эта статья нѣмецкаго автора заставила Карамзина перечесть внимательно знаменитый трактатъ Руссо: Discours sur la question proposée par l'academie de Dijon, si le rétablissement des Sciences et des Arts a contribué à epurer les mœurs (способствовало ли возстановленіе наукъ и искуствъ къ исправленію нравовъ *)? Извѣстно, что Руссо на тему дижонской академіи даетъ отрицательный отвѣтъ и доказываетъ весьма оригинально, съ блестящимъ и задушевнымъ краснорѣчіемъ, свою парадоксальную мысль, что образованіе, науки и искуства не сдѣлали человѣка нравственнѣе и счастливѣе. Извѣстно также, что въ то время многихъ привели въ ужасъ кровавыя сцены французской революціи, и что многіе, не стараясь осмыслить причины, вызвавшія эти сцены, и не видя ихъ въ предыдущемъ ходѣ французской исторіи, склонны были думать, что причины революціи заключались въ усиленномъ передъ тѣмъ развитіи во Франціи наукъ, искуствъ и просвѣщенія вообще. Думавшіе такимъ образомъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія нерѣдко ссылались на названное парадоксальное сочиненіе Руссо, какъ на авторитетъ. Вотъ противъ подобныхъ мнѣній и людей возсталъ Карамзинъ въ своей статьѣ. Статья написана съ увлеченіемъ, съ энтузіазмомъ, и Карамзинъ является въ ней жаркимъ апологистомъ наукъ, искуствъ и просвѣщенія. Исторія, логика и естественное состояніе человѣчества представляютъ ему доводы для опроверженія той основной мысли сочиненія Руссо, что «просвѣщеніе для насъ вредно и науки несовмѣстны съ добродѣтелью». Онъ говоритъ въ началѣ статьи, что «невѣжды читаютъ это сочиненіе Руссо (оно было переведено и порусски) — *самые тѣ, которые ничего болѣе не читаютъ*, и подъ эгидою *славнаго женевскаго гражданина* злословятъ просвѣщеніе. Естьли бы — прибавляетъ Карамзинъ — небесный Юпитеръ отдалъ имъ на время громъ свой, то великолѣпное зданіе наукъ въ одну минуту превратилось бы въ пепелъ». (*Ibid.* стр. 374).

Доказывая, что науки не только не ведутъ къ «порочнымъ нравамъ» и не способствуютъ развращенію народовъ, но что, напротивъ, именно однѣ науки только и искуства содѣйствуютъ къ облагороженію людей и къ разумному развитію людскихъ обществъ, Карамзинъ говоритъ: «Искуства и науки, показывая намъ красоты величественной натуры, возвышаютъ душу; дѣлаютъ ее чувствительнѣе и нѣжнѣе, обогащаютъ сердце наслажденіями, и возбуж-

*) См. „Сочиненія Карамзина" (смирд. изданіе) т. 3, стр. 373—403 Въ выноскѣ къ этой статьѣ своей Карамзинъ говоритъ: „Примѣчанія мои не важны, но они по крайней мѣрѣ не выписаны ни изъ Готье, ни изъ Лаборда, ни изъ Мену (французскіе писатели, возставшіе противъ диссертаціи Ж. Ж. Руссо), которыхъ я или совсѣмъ не читалъ или совсѣмъ забылъ. Что же касается до господина Нѣмецкаго Анонимуса, то онъ кромѣ злобы, тупоумія и несноснаго Готшедскаго слога ничѣмъ похвалиться не можетъ; на такія сочиненія нѣтъ отвѣта".

даютъ въ немъ *любовь къ порядку, къ гармоніи*, къ добру, слѣдственно, *ненависть къ безпорядку, разгласію и порокамъ, которые разстраиваютъ прекрасную связь общежитія*». (*Ibid.* стр. 398). Въ заключеніе Карамзинъ обращается къ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ находятся судьбы людей, съ этими словами: «Такъ! просвѣщеніе есть палладіумъ благонравія — и когда вы, вы, которымъ вышняя Власть поручила судьбу человѣковъ, желаете распространить на землѣ область добродѣтели, то любите науки, и не думайте, чтобы онѣ могли быть вредны; чтобы какое нибудь состояніе въ гражданскомъ обществѣ долженствовало пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ — нѣтъ! всѣ могутъ наслаждаться плодами искуства и науки — и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается *лучшимъ человѣкомъ и спокойнымъ гражданиномъ*» ... и проч. (*Ibid.* 400).

Таковы были взгляды Карамзина на науки и просвѣщеніе. Онъ высказалъ ихъ еще прежде въ «Письмахъ русскаго путешественника» и развивалъ потомъ и проводилъ послѣдовательно во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Въ этихъ взглядахъ есть много сантиментальнаго и «оптимистическаго» (см. ниже); тѣмъ не менѣе Карамзинъ являлся всегда и вездѣ истиннымъ другомъ просвѣщенія и наукъ; онъ всегда требовалъ образованія для всѣхъ сословій и состояній народа и утверждалъ, что отъ просвѣщенія и доброй нравственности (которая бываетъ неминуемымъ слѣдствіемъ просвѣщенія) зависитъ благо и счастіе и цѣлаго народа и каждаго отдѣльнаго человѣка.

Карамзинъ опровергаетъ затѣмъ, шагъ за шагомъ, всѣ мысли и доводы Руссо, направленные противъ научнаго и артистическаго образованія и противъ наукъ и искуствъ вообще и доказываетъ, что для блага человѣчества, существуетъ одинъ только путь — просвѣщеніе. И когда просвѣщеніе озаритъ всю землю, когда оно проникнетъ во всѣ классы народа, снизойдетъ и въ сельскія хижины, тогда только люди достигнутъ до всеобщаго общественнаго блага, «тогда, можетъ быть, настанетъ, златой вѣкъ поэтовъ» — говоритъ онъ — и вездѣ будетъ царствовать добродѣтель. Но человѣчество идетъ къ просвѣщенію *медленнымъ ходомъ и должно подвигаться къ нему постепенно, безъ скачковъ и сильныхъ потрясеній*. Во имя этого принципа, *всякое движеніе, нарушающее существующій порядокъ*, строго осуждается Карамзинымъ.

Въ статьѣ: «Пріятные виды, надежды и ожиданія нынѣшняго времени», которая появилась въ одной изъ іюньскихъ книжекъ «Вѣстника Европы» 1802 года, — т. е. послѣ того, какъ французская революція была подавлена Бонапартомъ и онъ, въ качествѣ перваго консула, сдѣлался властителемъ Франціи, — высказываются вполнѣ основныя политическія убѣжденія и взгляды Карамзина. Онъ здѣсь между прочимъ говоритъ: «Революція объяснила идеи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ, что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства, что разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти; что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать новые законы нравственному и политическому

міру, должны остаться въ книгахъ вмѣстѣ съ другими болѣе или менѣе любопытными произведеніями остроумія; что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума; что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправлять несовершенства гражданскихъ обществъ, и что съ сею довѣренностію къ дѣйствію времени и къ мудрости властей должны мы, честные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и дѣлать всевозможное добро вокругъ себя». Тоже самое Карамзинъ высказалъ еще гораздо ранѣе, въ пору первой молодости, когда ему было не болѣе 24 лѣтъ. Въ одномъ письмѣ изъ Парижа (1790 г.) онъ писалъ: «Утопія *) будетъ всегда мечтою добраго сердца или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ... Всякія насильственныя потрясенія гибельны... Легкіе умы думаютъ что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой перемѣны и живутъ тихо... Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнія: оно, конечно, имѣетъ свой планъ», и проч. Покорность и довѣренность къ волѣ Провидѣнія приводятъ Карамзина къ оптимистическимъ взглядамъ на жизнь, которые довольно послѣдовательно проведены въ такъ-называемыхъ «философическихъ разсужденіяхъ» его, особенно въ перепискѣ «Мелодора съ Филалетомъ» и въ «Разговорѣ о счастіи». Хотя въ одной изъ небольшихъ статей своихъ («О счастливѣйшемъ времени жизни») онъ самъ говоритъ: «оптимизмъ **) есть не философія, а игра ума; философія занимается ясными истинами, хотя и печальными, отвергаетъ ложь, хотя и пріятную»; но оптимизмъ, такъ же какъ и сантиментальность составляютъ главный, существенный характеръ почти всѣхъ сочиненій Карамзина.

Оптимизмомъ и сантиментальностію пропитаны и всѣ статьи, въ которыхъ высказываются взгляды Карамзина на современную ему русскую дѣйствительность, какъ напримѣръ: «Письмо сельскаго жителя» или упомянутая выше статья: «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени», гдѣ очень много говорится о благоденствіи помѣщичьихъ крестьянъ, о распространеніи просвѣщенія, о спокойствіи сердецъ Россіянъ, духъ которыхъ возвышается отъ развивающихся болѣе и болѣе между ними благородныхъ, человѣческихъ идей и успѣховъ разума. Между тѣмъ факты современной дѣйствительности, приводимые въ этихъ же статьяхъ Карамзина, мало подавали поводъ къ такому оптимистическому взгляду на вещи. Въ «Письмѣ сельскаго жителя» упоминается, напримѣръ, что нѣкоторые помѣщики, участвуя въ винныхъ откупахъ, способствуютъ къ размноженію «храмовъ русскаго неопрятнаго Бахуса», въ

---

*) „Или *царство счастія*, сочиненіе Моруса". *Примѣч. Карамзина.*

**) „Оптимизмъ" (отъ латин. optimus. *лучшій*)—философское ученіе, исходнымъ пунктомъ котораго служитъ положеніе, что все въ мірѣ устроено наилучшимъ образомъ и ведетъ къ высшему благу. Въ новой философіи представителями оптимистическаго ученія считаются Малебраншъ и Лейбницъ. Оптимизмъ подвергнутъ безпощадной насмѣшкѣ въ романѣ Вольтера „Кандидъ", который Карамзинъ называетъ (въ „Письмахъ р. п.") „остроумнымъ и безобразнымъ романомъ".

которыхъ народъ пропиваетъ свои деньги, умъ и здоровье. «Не мое дѣло осуждать (скромно замѣчаетъ «Сельскій житель») сей легкій и модный способъ умножать свои доходы; не смѣю вообразить, чтобы онъ былъ несогласенъ съ достоинствомъ благороднаго и великодушнаго патріота; ибо вижу многихъ почтенныхъ людей, которые прибѣгаютъ къ нему безъ зазрѣнія совѣсти и хвалятся искуствомъ въ семъ важномъ промыслѣ. Мнѣнія и вкусы различны». Въ статьѣ «Пріятные виды» и проч. дѣлаются намеки на безпорядочность въ хозяйствѣ, на господство безразсудной роскоши и мотовства между дворянами, отчего нерѣдко многіе изъ нихъ разоряются. А «человѣкъ, разорясь—говоритъ Карамзинъ—прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы спастись отъ бѣдности, и къ самымъ неморальнымъ; онъ скорѣе другихъ *можетъ* притѣснять своихъ крестьянъ», и проч. Но въ этой же статьѣ выше говорилось, что просвѣщеніе истребляетъ злоупотребленіе господской власти, «которая и по законамъ нашимъ не есть тиранская, а ограниченная»; что чужестранные писатели, «которые безпрестанно кричатъ, что земледѣльцы у насъ (т. е. крѣпостные) несчастливы», удивились бы, еслибъ могли видѣть возрастающее благосостояніе и богатство многихъ такъ называемыхъ «рабовъ», и проч.

Въ журнальныхъ статьяхъ своихъ, касающихся русскаго просвѣщенія, Карамзинъ высказываетъ обыкновенно много прекрасныхъ мыслей и благородныхъ патріотическихъ стремленій. Онъ вездѣ является, какъ мы замѣтили, искреннимъ и ревностнымъ поборникомъ просвѣщенія и наукъ. Такъ въ статьѣ «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи», помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» (1803), онъ съ радостію привѣтствовалъ указъ Александра о заведеніи новыхъ народныхъ училищъ и распространеніи наукъ въ Россіи. «Учрежденіе сельскихъ школъ—говоритъ онъ здѣсь, между прочимъ — несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть важнѣйшій въ глазахъ философа». Но всегда чрезмѣрная сантиментальность и панегирическій тонъ подобныхъ статей вредятъ общности ихъ впечатлѣнія.

Убѣжденія и мысли, руководившія Карамзинымъ въ періодъ его журнальной дѣятельности, обратились въ твердыя и неизмѣнныя убѣжденія всей послѣдующей его жизни и дѣятельности, получивъ только болѣе полное развитіе съ полнымъ развитіемъ его таланта. Перемѣна въ послѣдующихъ мнѣніяхъ Карамзина произошла лишь по одному предмету: подъ вліяніемъ настроенія умовъ въ извѣстной части современнаго общества, онъ измѣнилъ свой взглядъ на реформу Петра, и изъ жаркаго защитника реформы, какимъ былъ въ молодости, сдѣлался впослѣдствіи ея порицателемъ, примкнувъ къ такъ называемымъ «славянофильскимъ» мнѣніямъ (см. ниже).

Что общественное настроеніе имѣло вліяніе на литературную дѣятельность Карамзина—это лучше всего доказывается его собственно-литературными, или бельлетрическими произведеніями, которыми онъ умѣлъ съ такимъ искуствомъ угодить вкусу и современнымъ потребностямъ читающей публики.

Для большей ясности дѣла и для уразумѣнія характера и значенія «сантиментальной» школы, мы должны представить здѣсь очеркъ той борьбы, ко-

торая поднялась на Западѣ противъ псевдоклассицизма и сдѣлала на нѣкоторое время сантиментальное направленіе господствующимъ въ европейскихъ литературахъ.

Тощая сухость ложно-классической поэзіи, ея натянутый и напыщенный тонъ, громозвучныя оды и изображенія неестественныхъ и небывалыхъ героевъ и царей—давно всѣмъ прискучили. Масса безсознательно искала и требовала отъ искуства простоты, естественности и правды. Она инстинктивно угадывала всю фальшь и неестественность псевдоклассической поэзіи,—которая, впрочемъ, и не имѣла въ виду массы общества. Классическая поэзія находилась въ полномъ разрывѣ съ народомъ и его интересами, и была исключительно поэзіею вельможно-придворнаго и ученаго кружка. Но уже въ первой половинѣ XVIII столѣтія почти вездѣ въ Европѣ обнаружилась сильнѣйшая реакція противъ французскаго классицизма и противъ созданной имъ напыщенной и ходульной поэзіи,—этого «чужаго оранжерейнаго растенія, криво привитаго къ классической древности и удобреннаго грѣховною тиною двора»,—какъ справедливо выражается о ней Шерръ въ своей «Всеобщей исторіи литературы». Въ Англіи, гдѣ форменная, сухо-разсудочная поэзія, казалось, прочно утвердилась примѣрами Драйдена и Попе и критикою Самуэля Джонсона, прежде всего началось движеніе противъ господства французскаго классицизма. Въ англійской литературѣ были открыто заявлены около этого времени нѣкоторыми учеными и поэтами стремленія—противоставить модной велико-свѣтской поэзіи Попе поэзію природы и истиннаго чувства и дать англійской поэзіи то народное и вмѣстѣ общечеловѣческое содержаніе, которое отличало великія произведенія Шекспира и было замѣнено потомъ безсодержательною правильностію и бездушіемъ французскаго псевдоклассицизма. Но переворотъ въ этомъ смыслѣ удается произвести — не только въ англійской, но и во всѣхъ почти европейскихъ литературахъ—сантиментально-поучительному, «семейному» роману Ричардсона и такъ называемой «мѣщанской» драмѣ, появившихся почти одновременно въ Англіи *). Романы Ричардсона произвели глубокое впечатлѣніе на европейскую публику, и дѣйствіе ихъ тотчасъ же распространилось вездѣ, съ поразительною быстротою и силою. Дидро и Руссо во Франціи, Лессингъ въ Германіи приняли ихъ подъ свою защиту и сдѣлались ихъ ревностными сторонниками.

«Мѣщанская» драма стоитъ въ самой тѣсной связи съ нравственно-семейными романами Ричардсона. Дидро и Лессингъ возводятъ послѣднюю въ теорію и противопоставляютъ ее классической трагедіи; они же и даютъ ей названіе «мѣщанской, буржуазной, или семейной трагедіи» и «слезной комедіи» (tra-

*) Знаменитые нѣкогда романы Ричардсона появились: „Памела, или награжденная добродѣтель", въ 1740, „Кларисса", въ 1748 и „Грандисонъ", въ 1753 годахъ. А первая мѣщанская драма Джоржа Лилло (George Lillo): „Георгъ Барнвель, или Лондонскій купецъ", имѣвшая такой блестящій и повсемѣстный успѣхъ, несмотря на свою ничтожность въ художественномъ отношеніи, была представлена первый разъ на дрюрилленскомъ театрѣ въ Лондонѣ, въ 1731 г., появившись, такимъ образомъ, только десятью годами ранѣе „Памелы".

gedie bourgeoise ou domestique, comedie larmoyante, das bürgerliche Trauerspiel), выражая этимъ, что драма, какъ высшій родъ псевдоклассической поэзіи, должна «перейти наконецъ отъ высокаго котурна героическихъ исторій къ страданіямъ и радостямъ ближайшей среды, къ мелкимъ, но тѣмъ не менѣе поэтически-глубокимъ результатамъ повседневной домашней жизни.» (Геттнеръ, стр. 384).

Въ сущности и семейный романъ и мѣщанская драма были стремленіемъ европейской литературы къ изображенію въ поэзіи жизненной правды, высшей истины, стремленіемъ къ возврату отъ искуственнаго и ложнаго классицизма къ истинной природѣ, къ чувству и національному духу. Это стремленіе было такъ естественно въ тотъ вѣкъ, который заявлялъ требованія о человѣчности, о человѣческихъ правахъ и человѣческомъ достоинствѣ. Поэзія не могла оставаться замкнутою въ прежнія условныя формы вельможно-придворнаго и аристократическаго міра, не могла ограничиваться одними изображеніями условныхъ интересовъ этого привиллегированнаго міра. Права всѣхъ сословій народа на полноту жизни, на полное участіе въ ея радостяхъ и горестяхъ, права «мѣщанства», или «буржуазіи», права народа, «черни»,—къ которымъ аристократизмъ относился всегда съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, были теперь заявлены и признаны. Потому и поэзія должна была спуститься въ міръ дѣйствительный, повседневной жизни народа и изображать ее, какъ она есть, и вмѣстѣ съ тѣмъ должна была отрѣшиться отъ тѣхъ условныхъ стѣсненій, которыя наложилъ на нее своею искуственною, фальшиво-разукрашенною манерою и натянутымъ подражаніемъ Грекамъ и Римлянамъ французскій классицизмъ.

Романы Ричардсона и мѣщанская драма составляли прямую противоположность поэтическимъ произведеніямъ прежнихъ господствовавшихъ направленій. Прежніе романы—говоритъ Вальтеръ Скоттъ въ біографіи Ричардсона — «писались въ старо-французскомъ стилѣ, состояли въ безконечныхъ любовныхъ исторіяхъ принцевъ и принцессъ и излагали холоднымъ, напыщеннымъ языкомъ самыя безсмысленныя понятія. Въ этихъ смертельно-скучныхъ произведеніяхъ не было ни малѣйшаго слѣда *истиннаго чувства*, ни малѣйшей попытки *изображать жизнь и людей съ натуры*; *все было преувеличено*, *холодно и натянуто*». Тогда какъ Ричардсонъ дѣлаетъ героями своихъ романовъ уже не принцевъ и принцессъ, а беретъ свои сюжеты изъ будничной, повседневной жизни обыкновенныхъ людей, и рисуетъ ихъ характеры, чувства, мысли, всѣ малѣйшія ихъ ощущенія и дѣйствія, стараясь быть вѣрнымъ, до послѣднихъ мелочей, непосредственной дѣйствительности.

Мѣщанская драма, или трагедія изъ частной жизни была еще большею противоположностію и по содержанію и по формѣ прежней, то есть французской, или классической трагедіи. Она вводитъ въ область трагедіи частную жизнь, страданія и радости обыкновенныхъ людей, а не только полубоговъ, историческихъ героевъ и царей, которые одни, по законамъ господствовавшей французской трагики, имѣли привиллегію являться въ трагедіяхъ. Тѣми же законами предписывались для трагедіи—величавый александрійскій стихъ и

строгое соблюденіе знаменитыхъ трехъ единствъ; а мѣщанская трагедія, вопреки этому, пишется прозой и часто мѣняетъ время, мѣсто и дѣйствія.

Ричардсонъ писалъ свои романы съ преднамѣренною, нравственною цѣлію, чтобы поучать и трогать, «дѣлать ненавистнымъ порокъ и внушать любовь къ добродѣтели». Являясь, такимъ образомъ, проповѣдникомъ назидательной морали, онъ долженъ былъ нерѣдко отступать отъ условій поэтической истины. Оттого лица его романовъ представляютъ иногда не живые характеры, а какія-то вывѣски той или другой добродѣтели, того или другаго порока, — смотря по цѣли автора. Романы Ричардсона страдаютъ, кромѣ того, крайними длиннотами и излишествами. Но тѣмъ не менѣе явленіе Ричардсона было до такой степени ново и его преимущества въ сравненіи съ пустымъ притворствомъ господствовавшихъ литературныхъ направленій были такъ ясны, что романы его встрѣтили глубокое участіе со всѣхъ сторонъ и имѣли самый невѣроятный успѣхъ у современниковъ. «Памела», въ первый же годъ, имѣла четыре изданія въ Англіи. Переводы ея и затѣмъ переводы «Клариссы» и «Грандисона» распространялись во Франціи, Германіи и повсюду съ изумительною быстротою и читались съ жадностію. Непосредственная дѣйствительность и трогательное изображеніе борьбы, страданій и радостей домашней жизни очаровали всѣхъ. Цѣлый вѣкъ плакалъ съ Ричардсономъ добродѣтельными слезами о награжденіи добрыхъ и наказаніи злыхъ, говоритъ Геттнеръ.

Не менѣе изумительнымъ успѣхомъ пользовалась и мѣщанская трагедія, хотя также лишенная глубокой художественной идеи и общечеловѣческаго значенія, до котораго умѣлъ достигнуть одинъ только Лессингъ въ своихъ драмахъ: «Миннѣ-фонъ Барнгельмъ», «Миссъ Сарѣ Сампсонъ», «Эмиліи Галотти» и особенно въ «Натанѣ Мудромъ».

Почти одновременно съ семейнымъ романомъ Ричардсона англійская литература обогатилась романами Фильдинга и Смоллета, гдѣ уже встрѣчается реальное, прямое изображеніе дѣйствительной жизни, какъ она есть, и наконецъ юмористическими произведеніями Стерна, въ которыхъ, по словамъ Шерра, «весь міръ и человѣчество со всѣми ихъ слабостями, глупостями и печалями отражаются въ фокусѣ любящей души автора, постоянно сопровождающей сатирическую усмѣшку слезою сантиментальности». Стернъ—первый своей «Сантиментальной поѣздкой по Франціи и Италіи» (Sentimental Journey through France and Italy) ввелъ въ употребленіе слова «сантиментальность».

Эти явленія англійской литературы прошлаго вѣка, выражавшія, главнымъ образомъ, стремленіе къ природѣ, къ естественности и самобытности и освобожденію отъ господствовавшей, лживой манеры французскаго классицизма, имѣли повсемѣстную силу и вліяніе въ Европѣ. Стремленія къ природѣ и къ истинному чувству и борьба противъ классицизма выражались также порывисто и пылко во французской, какъ и въ нѣмецкой литературахъ этого времени. «Новая Элоиза» Ж. Ж. Руссо, романъ въ письмахъ, по образцу романовъ Ричардсона, появившійся въ 1759 г., былъ самымъ живымъ проявленіемъ этихъ реформаторскихъ стремленій во Франціи. Романъ Руссо, не будучи художественнымъ произведеніемъ, а только реформаторскимъ трактатомъ въ

поэтической формѣ, имѣлъ, однако, огромное значеніе для французской поэзіи тѣмъ, что перенесъ ее изъ условной сферы салоновъ въ область природы, представивъ замѣчательныя красоты въ описаніи природы и естественнаго человѣка; а съ другой стороны «Новая Элоиза» имѣетъ всемірно-историческое значеніе по тому вліянію, которое она производила на современниковъ своимъ горячимъ призывомъ къ человѣческому чувству и своимъ искреннимъ, глубоко-прочувствованнымъ протестомъ противъ неестественности и искуственности общественной жизни. Въ Германіи стремленіе къ возрожденію національной жизни проявилось съ особенною силою въ такъ называемый «геніальный» періодъ въ нѣмецкой литературѣ, или «періодъ бурныхъ стремленій» (Sturm- und Drang-Periode) въ который появляются первыя молодыя произведенія Гёте и Шиллера. Стремленіе къ природѣ и непосредственности, жажда природы и независимости въ жизни и въ искуствѣ — вотъ въ чемъ заключался девизъ людей «бурныхъ стремленій». Гёте, подъ вліяніемъ бурныхъ стремленій, написалъ, какъ извѣстно, свой знаменитый романъ въ письмахъ: «Страданія Вертера» (1774), г., романъ, пропитанный значительною долею сантиментализма и производившій сильное, неслыханное впечатлѣніе на современниковъ.

Но въ то время, когда указанныя нами крупныя явленія въ западныхъ литературахъ, своимъ призывомъ къ природѣ и къ чувству и борьбою противъ всякой форменной сухости и пошлости въ жизни и въ литературѣ, успѣли произвести переворотъ въ понятіяхъ и во взглядахъ европейскаго общества, успѣли затронуть и сильно подѣйствовать на сердечную, чувствительную сторону людей и образовать въ обществѣ такъ называемое «сантиментальное», или чувствительное настроеніе,—настроеніемъ этимъ быстро воспользовалась бездарность и ограниченность и опошлила его до крайней степени, наводнивъ литературу своими слезливо-трогательными произведеніями, жалкими и безвкусными по содержанію и по формѣ, пошлыми и ограниченными по мыслямъ и направленію. Вскорѣ послѣ «Вертера» явилась извѣстная повѣсть Миллера: «Зигвартъ» (1776). Миллеръ былъ одинъ изъ «бурныхъ геніевъ»; въ его стихахъ и романахъ, по словамъ Шерра, бурныя стремленія чувства высказались не только мягко и чувствительно, но совсѣмъ плаксиво. Въ безконечной слезливости его «Зигварта», говоритъ тотъ же авторъ, собрались всѣ ингредіенты тогдашней чувствительности и мечтаній о добродѣтели и дружбѣ. За «Вертеромъ» же появился цѣлый рядъ безконечно вялыхъ, безконечно длинныхъ и безконечно пошлыхъ чувствительныхъ романовъ Авг. Лафонтена; за ними слѣдовали такія же фабричныя произведенія Юнгера, Штарка и многихъ другихъ. Послѣ возвышенно-благородныхъ произведеній Лессинга, положившаго основаніе мѣщанской драмѣ въ Германіи, этотъ родъ драмы имѣлъ теперь представителями въ нѣмецкой литературѣ Иффланда, Шредера и Коцебу. Произведенія этихъ драматурговъ, особенно многочисленныя драмы и комедіи Коцебу, служатъ образцомъ плаксиво-трогательныхъ пьесъ, въ которыхъ выражалась сантиментальная настроенность времени. Пьесы Коцебу, жалкія по содержанію и по направленію, проповѣдовали пошлую, филистерски-ограниченную мораль, крайнюю ограниченность понятій и узость интересовъ. Коцебу, говоритъ Шлоссеръ въ своей

«Исторіи XVIII столѣтія», отличался своимъ талантомъ въ консервативномъ и полицейскомъ искуствѣ — представлять человѣкомъ сумасшедшимъ, опаснымъ нравственности, религіи и государству каждаго, кто осмѣливается нападать на существующее и господствующее, хотя бы оно было пошло и лживо». А между тѣмъ, Коцебу долго и почти безраздѣльно господствовалъ на нѣмецкой сценѣ, и вообще вся эта сантиментально-пошлая литература была господствующею въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія не только въ Германіи, но почти вездѣ въ Европѣ. Всѣ произведенія любимыхъ тогдашнихъ романистовъ и сценическихъ писателей страждутъ, по словамъ Шлоссера, тою же пошлостію, сантиментальностію и стараніемъ угодить ложному вкусу времени.

Мысль о простотѣ и естественности, которая привела паденіе псевдоклассицизма въ европейскихъ литературахъ, начала отражаться и у насъ еще задолго до Карамзина. Безъ сомнѣнія, начинавшаяся въ нашей литературѣ враждебность къ классицизму не имѣла въ своемъ основаніи тѣхъ же историческихъ причинъ, отъ которыхъ явленіе это произошло на Западѣ. У насъ оно произошло не въ силу внутренняго, естественнаго хода литературнаго развитія, а просто въ силу подражанія. Ставъ однажды въ ряды европейскихъ народовъ и заимствовавъ у Европы ея готовую литературу и образованность, мы старались не отставать отъ нея и переносили къ себѣ всѣ новыя и господствующія въ тамошнихъ литературахъ направленія. Какъ бы то ни было,—для насъ интересенъ тотъ фактъ, что еще въ то время, когда Ломоносовъ, Херасковъ и Державинъ были во всемъ блескѣ своей поэтической славы, современная литературная критика,—какъ она ни была слаба и ограничена въ объемѣ своихъ эстетическихъ понятій,—уже возвысила голосъ противъ одописцевъ и противъ пустоты и неестественности ихъ громозвучныхъ пѣснопѣній. Конечно, она еще робко высказывалась и тщательно выгораживала изъ своихъ осужденій имена Ломоносова, Хераскова и даже Петрова, нападая только на ихъ подражателей; но уже критическія нападки на самый характеръ торжественной лирики говорили ясно, что она не удовлетворяла болѣе общественному вкусу. Сатирическіе журналы 1769 года первые открыли войну противъ пышныхъ одъ Изъ нихъ «Парнасскій щепетильникъ», «Вечера» и «Трутень», сильно возставали на неестественное представленіе дѣйствительности современными стихотворцами и въ особенности нападали на одописцевъ, которые «гремѣли безъ разума» и «лѣзли въ облака». Такія нападки повторялись потомъ очень часто и въ другихъ журналахъ и сдѣлались обыкновенными у тогдашнихъ писателей и журналистовъ, хотя торжественныя и громозвучныя оды продолжали тѣмъ не менѣе появляться во множествѣ, не смотря даже на «Чужой толкъ» Дмитріева, гдѣ русскіе одописцы подвергнуты самой безпощадной и злой, но тѣмъ не менѣе справедливой сатирѣ.

Въ тоже время критика преслѣдовала и другой родъ тогдашней лирической поэзіи,—какъ неестественный и ложный: эклоги, идилліи, вообще такъ называемую пастушескую, или буколическую поэзію, которая перешла къ намъ

вмѣстѣ съ торжественной лирикой и была такимъ же порожденіемъ псевдоклассицизма, какъ и послѣдняя. Ложный родъ буколической поэзіи образовался у Французовъ изъ подражанія буколикамъ и идилліямъ древнихъ, подражанія, не имѣвшаго никакого смысла въ приложеніи къ развратнымъ нравамъ дворовъ Людовика XIV и въ особенности его правнука, Людовика XV. Эти пастушескія стихотворенія, — гдѣ играли роль, подъ именами Дафнъ, Хлой, Дамоновъ и Титировъ, переодѣтые въ пастуховъ и пастушекъ придворные, — по приторной сантиментальности и пустому притворству, заключали въ себѣ, конечно, еще менѣе истинной природы и естественности, нежели всѣ другіе роды псевдоклассической поэзіи. Въ идиллическомъ родѣ стихотвореній отличались въ XVIII столѣтіи во Франціи: Г-жа Дезульеръ, Флоріанъ и другіе, а въ Германіи—особенно Геснеръ; ихъ эклоги и идилліи усердно переводились у насъ. Еще Сумароковъ началъ писать у насъ эклоги и посвятилъ ихъ «прекрасному россійскаго народа женскому полу». Затѣмъ число воспѣвателей пастушескаго «златаго вѣка» и число идиллій, эклогъ и тому подобныхъ стихотвореній увеличилось до того въ нашей литературѣ прошлаго вѣка, что надъ ними стали смѣяться въ журналахъ и въ комическихъ піесахъ. Мы упоминали выше (стр. 480) съ какою злою ироніей «Живописецъ» Новикова смѣялся надъ писателемъ, который «сочиняетъ пастушескія сочиненія и на нѣжной своей лирѣ воспѣваетъ златой вѣкъ». Мы видѣли, что Княжнинъ въ своей комедіи «Чудаки» очень зло смѣялся надъ идиллическими вздыхателями— *Пріятами* и надъ грустно-пасторальными произведеніями поэтовъ *Свирѣлкиныхъ*, которые стали появляться уже въ то время. Въ журналѣ «Зритель», который издавали, въ 1792 г. Крыловъ и Клушинъ, встрѣчаются также самыя безпощадныя насмѣшки какъ надъ идилликами, такъ и надъ одописцами. Въ помѣщенной здѣсь сатирической статьѣ Крылова: «Каибъ, восточная повѣсть» выставлены въ крайне смѣшномъ видѣ «халифы», которые судятъ о жизни настоящихъ пастуховъ и пастушекъ по приторно-сладкимъ описаніямъ ихъ въ нелѣпыхъ произведеніяхъ идилликовъ. Крыловъ не только остроумно смѣется здѣсь надъ фальшивыми произведеніями тогдашнихъ поэтовъ, но онъ видитъ въ нихъ безнравственную ложь и осуждаетъ тѣхъ стихотворцевъ, кототорые «отводятъ непремѣнныя квартиры добродѣтелямъ тамъ, куда онѣ заглянуть боятся, и ставятъ престолъ разуму въ такой головѣ, въ которой свищетъ сквозной вѣтеръ.» Насмѣшки «Зрителя» надъ романами въ родѣ Ричардсоновыхъ доказываютъ, что романы эти были тогда значительно распространены у насъ и что уже въ восьмидесятыхъ годахъ стали появляться русскія подражанія имъ. Такъ П. Львовъ написалъ «Россійскую Памелу, или приключеніе Маріи, добродѣтельной поселянки», появившейся гораздо раньше «Бѣдной Лизы» Карамзина.

Почти всѣ упомянутыя нами выше новыя явленія въ западныхъ литературахъ, бывшія предвѣстниками паденія классицизма, переходили и къ намъ въ переводахъ, еще въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. За романами Ричардсона появились переводы произведеній Стерна, «Павелъ и Виргинія» Бернардена де Сенъ-Пьера и друг. Мѣщанская драма и французская слезная

комедія, отъ «Лондонскаго купца» Лилло, «Игрока» Мура *) и драмъ: Мерсье, Мариво и Детуша и до «Сары Сампсонъ» и «Эмиліи Галлоти» Лессинга—все это было тогда же переведено и у насъ.

Слѣдственно, почва была подготовлена для сантиментализма: русскій читающій людъ искалъ новаго рода чтенія. Карамзинъ, обладавшій отъ природы нѣжнымъ, чувствительнымъ сердцемъ и развивавшійся съ дѣтства на чтеніи тѣхъ современныхъ писателей, у которыхъ преобладалъ этотъ модный въ то время сантиментализмъ,—съ большимъ талантомъ умѣлъ угадать и воспользоваться этимъ настроеніемъ тогдашней читающей публики, и въ своихъ «Письмахъ русскаго путешественника» и въ «Бѣдной Лизѣ» далъ ей именно такое чтеніе, которое отвѣчало ея вкусу. Карамзинъ вноситъ, такимъ образомъ, сантиментализмъ въ повѣсть, какъ въ литературное произведеніе — наиболѣе читаемое, въ свои путевыя впечатлѣнія и описанія, въ свои стихотворенія, а затѣмъ и въ свои журнальныя статьи — философскаго и даже политическаго содержанія, — въ свою «Исторію Государства Россійскаго» и въ другія серьезныя сочиненія; потому онъ по справедливости считается распространителемъ въ русской литературѣ и въ обществѣ сантиментальнаго направленія.

Содержаніе «Бѣдной Лизы» ничтожно: русская крестьянская дѣвушка влюбляется платонически въ барина, который обманулъ ее и потомъ бросилъ; дѣвушка не можетъ пережить обмана и оканчиваетъ жизнь самоубійствомъ. Все здѣсь фальшиво и неестественно—и содержаніе, и характеры, и мотивъ и колоритъ разсказа. Повѣсть не заключаетъ въ себѣ ни одной черты, которая отвѣчала бы современной русской дѣйствительности. А между тѣмъ «Бѣдная Лиза» произвела самое сильное впечатлѣніе на тогдашнюю русскую публику, такое же точно впечатлѣніе, какое на Нѣмцевъ производили романы Ав. Лафонтена и драмы Коцебу, какое въ Англіи произвели романы Ричардсона. Какъ въ Англіи Гампстидъ, гдѣ происходила исторія Клариссы, сталъ цѣлію пилигримства; такъ у насъ, послѣ появленія «Бѣдной Лизы», всѣ любители моднаго сантиментализма стали посѣщать Симоновъ монастырь и его окрестности, гдѣ, по словамъ повѣсти Карамзина, жила бѣдная Лиза и гдѣ находился прудъ, въ который она бросилась, и который сталъ называться потомъ «Лизинымъ прудомъ». Уровень эстетическихъ и литературныхъ понятій въ обществѣ былъ до такой степени низокъ, что никому не казалась странною явная несообразность исторіи бѣдной Лизы съ русскою жизнію и русскими нравами; никто не замѣчалъ, что на мѣсто истиннаго чувства тутъ играла роль «трогательная» и «умилительная» чувствительность, что здѣсь не было истинной природы, а природа мнимая, поддѣльная. Но Карамзинъ взялъ сюжетъ своей повѣсти изъ частной русской жизни, ввелъ русскія имена, описывалъ русскую мѣстность,

---

*) Перевелъ съ французской передѣлки актеръ Дмитревскій, подъ именемъ „Беверлея", (1773)—главнаго лица въ пьесѣ. Своею игрою въ роли Беверлея, Дмитревскій собиралъ богатую дань рукоплесканій. Пьеса эта держалась на нашей сценѣ, особенно на сценахъ провинціальныхъ театровъ, еще въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

а потомъ—онъ говорилъ здѣсь, съ свойственною ему чувствительностію, о внутренней жизни, о *жизни сердца*, о чувствахъ, о страданіяхъ и радостяхъ обыкновенныхъ людей, и говорилъ легкимъ, разговорнымъ языкомъ, — все это было совершенною новостію для русскихъ читателей того времени, въ романѣ или въ повѣсти, написанной съ талантомъ.

Такое же трогательное и чувствительное отношеніе къ природѣ и къ людямъ, къ европейской жизни, къ наукамъ и искуствамъ и къ ихъ представителямъ въ Европѣ встрѣчается и въ «Письмахъ русскаго путешественника». Легкость содержанія есть другое существенное свойство этихъ писемъ, — чего, однако, нельзя считать ихъ недостаткомъ для своего времени. Напротивъ, въ этомъ заключалось ихъ существенное достоинство для современности и въ этомъ именно заключается ихъ историческое значеніе въ нашей литературѣ. «Письма русскаго путешеств.» потому именно и были прочтены всѣми, потому и возбудили такой восторгъ въ современныхъ читателяхъ, что *легко* и *пріятно* знакомили ихъ съ Европой, съ нравами и обычаями, съ образомъ частной жизни ея жителей и давали понятіе о европейской цивилизаціи. Карамзинъ пробылъ за границей полтора года, успѣлъ объѣхать Германію, Францію, Швейцарію и Англію, и впечатлѣнія, произведенныя на него самаго этими странами, ихъ природою, ихъ жизнію и европейскою цивилизаціею вообще передавалъ въ своихъ «Письмахъ» къ близкимъ друзьямъ своимъ *) со всѣмъ энтузіазмомъ молодости и съ тою чувствительностію, которая составляла основное, природное свойство его души. «Онъ сказывалъ друзьямъ своимъ» — по его собственнымъ словамъ **) — «что ему приключалось, что онъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ... Много не важнаго, мелочи — соглашаюсь» — говоритъ самъ Карамзинъ тутъ же — «но кто въ описаніи путешествій ищетъ однихъ статистическихъ и географическихъ свѣдѣній, тому, вмѣсто сихъ писемъ, совѣтую читать Бюшингову географію,» — прибавляетъ онъ.

По своему сантиментальному направленію, по своей мягкой, артистической натурѣ, Карамзинъ въ особенности сочувствуетъ внѣшнимъ удобствамъ европейской жизни и цивилизаціи и съ большимъ восторгомъ говоритъ о красотахъ природы (Саксоніи, Швейцаріи, береговъ Рейна и проч.), о свободѣ и объ удовольствіяхъ путешествовать по цивилизованнымъ странамъ и находить «во всякой землѣ всѣ возможныя удобности жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя», вслѣдствіе той «мудрой связи общественной», по которой «жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ трудовъ, своей промышленности, и призываютъ меня учавствовать въ своихъ забавахъ, и въ своихъ весельяхъ...» ***) Но вмѣстѣ съ тѣмъ его живо и близко интересуютъ всѣ литературные вопросы времени: интересы иностранныхъ литературъ и поэзіи, новости театра и искуствъ вообще, интересы наукъ, въ особенности наукъ нравственныхъ и философскихъ, трактующихъ о «цѣляхъ бытія», о состояніи чело-

*) Плещеевымъ.

**) Въ предисловіи къ отдѣльному изданію „Пис. рус. пут.“ 1796 г.

***) Соч. Кар. т. II, 184.

вѣческой нравственности — стоятъ въ его письмахъ всегда на первомъ планѣ. Онъ высказываетъ тутъ полное знакомство со всѣми этими литературными и научными вопросами и особенную любовь къ нимъ, обнаруживаетъ большую начитанность, свои блестящія способности и умъ, способный наблюдать и судить обо всемъ, достойномъ вниманія человѣка просвѣщеннаго. При этомъ молодой русскій путешественникъ, въ качествѣ европейски образованнаго человѣка и страстнаго почитателя европейскаго просвѣщенія, выражаетъ въ своихъ «Письмахъ» какую-то особенную любовь и высокое уваженіе ко всѣмъ представителямъ этого просвѣщенія, и преимущественно дорожитъ тѣмъ, чтобы познакомиться лично съ тогдашними литературными и учеными знаменитостями Европы. Такъ онъ посѣщаетъ Канта, Гердера, Виланда, Платнера, извѣстнаго журналиста и книгопродавца Николаи, какъ «друга Лессингова и Мендельсонова», Боннета, Лафатера и многихъ другихъ ученыхъ и литераторовъ Германіи, Швейцаріи и Франціи. Потому Карамзинъ и говорилъ въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ сочиненій о цѣли своего заграничнаго путешествія: «путешествіе сдѣлалось потребностію моей души; желаніе видѣть природу въ великолѣпномъ ея разнообразіи, *видѣть тѣхъ великихъ мужей*, которыхъ творенія *сильно дѣйствовали на мои чувства*, превратились въ совершенную страсть» у него, по его словамъ *). Эта-то страсть къ европейскому просвѣщенію и глубокое уваженіе къ его представителямъ составляютъ рѣзко-опредѣленную черту заграничныхъ писемъ Карамзина и ихъ главную характеристику. Господствующая мысль этихъ «Писемъ», — мысль, которой Карамзинъ никогда не измѣнялъ и впослѣдствіи, — это та, что въ просвѣщеніи, — непремѣнно ведущемъ (по искреннему убѣжденію Карамзина) къ усовершенствованію человѣческой нравственности и къ добродѣтели, — заключается главное и единственное средство къ благоденствію и *счастію* людей. Счастіе же онъ считаетъ назначеніемъ человѣка: «мы *созданы* быть счастливыми», говоритъ онъ въ одномъ письмѣ **). Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: «Какъ ясно было небо, такъ ясна была душа моя. Я видѣлъ вездѣ *благоденствіе*, *счастіе* и миръ. Птички, которыя порхали и плавали по чистому воздуху надъ головою моею, изображали для меня веселье и безпечность. Онѣ чувствуютъ бытіе свое, и наслаждаются имъ! Каждый поселянинъ, идущій по лугу, казался мнѣ *блогополучнымъ смертнымъ, имѣющимъ все то, что потребно человѣку*. Онъ здоровъ трудами, — думалъ я, — веселъ и счастливъ въ часъ отдохновенія, будучи окруженъ мирнымъ семействомъ, сидя подлѣ вѣрной жены своей, и смотря на играющихъ дѣтей. Всѣ его желанія, всѣ его надежды ограничиваются обширностію его полей; цвѣтутъ поля, цвѣтетъ душа его...» и проч. ***). Подобныя идиллическія мечтанія о счастливой жизни поселянъ, особенно поселянъ Германіи и Швейцаріи весьма часто встрѣчаются въ «Письмахъ» Карамзина. Но это постоянное идиллическое и чувствительное настроеніе нашего путешественника дѣлало то, что

*) Соч. Кар. т. III, 363.
**) *Ibid.* 108—109.
***) Изъ Дрездена, 12-го іюля. См. *Ibid.* т. II, 107.

его наблюденія и знакомство съ народною жизнію выходили очень поверхностными и неглубокими. Письмо, изъ котораго мы сей-часъ привели отрывокъ, писано изъ Саксоніи. А поселяне въ Саксоніи, въ концѣ XVIII столѣтія, находились еще въ большой нищетѣ, послѣ тѣхъ страшныхъ опустошеній и крайняго обѣдненія, которымъ подверглась вся Саксонія, во 1-хъ вслѣдствіе войнъ Фридриха II прусскаго, а во 2-хъ вслѣдствіе неслыхано-разорительнаго управленія этою страною двумя ея правителями: Августомъ II и Августомъ III. Извѣстно, что громадныя контрибуціи въ Саксоніи доставляли Фридриху всѣ главныя средства его для веденія войны; извѣстно также, что Августъ II, а потомъ Августъ III и въ особенности министръ послѣдняго, — Брюль, смотрѣли на народъ, на его трудъ и богатство единственно какъ на источникъ налоговъ, которыми Саксонія, во времена Брюля, отягчена была до такой степени, что моргенъ земли, приносившій, напримѣръ, дохода не болѣе $1\frac{1}{2}$ талера, платилъ подати два талера и т. п. Увеличившійся, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, государственный долгъ Саксоніи и постоянно возвышавшіеся подати и налоги, доведя до крайняго истощенія и обѣдненія всю страну, лежали тяжкимъ бременемъ на саксонцахъ еще и въ концѣ XVIII столѣтія *). Если бы Карамзинъ присмотрѣлся поближе, во время путешествія своего по Саксоніи, къ жизни тамошнихъ поселянъ и припомнилъ бы указанные нами историческіе факты, то, безъ сомнѣнія, идиллическія картины его о «счастіи и благоденствіи» этихъ поселянъ, гдѣ «молодая крестьянка съ посошкомъ», представлялась нашему путешественнику «аркадскою пастушкою, спѣшившею къ своему пастуху» («Пис. рус. пут.» стр. 109), — приняли бы у него тогда совершенно иной характеръ.

«Письма русскаго путешественника», представляя вообще замѣчательно дѣльныя и вѣрныя сужденія и понятія о нѣкоторыхъ литературныхъ предметахъ и произведеніяхъ искуствъ и такія же вѣрныя отвлеченныя замѣтки о современномъ просвѣщеніи и цивилизаціи, о ихъ значеніи для нравственнаго и умственнаго развитія и для «счастія» людей, — почти не касаются вовсе или касаются очень поверхностно экономическаго и соціальнаго быта и общественно-политической жизни народовъ и странъ, посѣщенныхъ путешественникомъ. Отсутствія въ его «Письмахъ» замѣтокъ и сужденій объ этомъ предметѣ, конечно, нельзя объяснять тѣмъ, что Карамзинъ былъ очень молодъ во время своего заграничнаго путешествія (23 — 24-хъ лѣтъ), или же тѣмъ, что онъ предназначалъ свои «Письма» для свѣтскихъ друзей своихъ (семейства Плещеевыхъ). Предметъ этотъ просто не входилъ въ программу его замѣтокъ и наблюденій: онъ на-

---

*) См. въ „Исторіи XVIII столѣт.“ Шлоссера, гдѣ говорится подробно о бѣдности и тяжеломъ положеніи народа въ Саксоніи, въ концѣ XVIII вѣка, происшедшихъ вслѣдствіе управленія страною людьми, подобными министру Брюлю, который составилъ себѣ незавидную славу въ исторіи, какъ разоритель Саксоніи, и вслѣдствіе контрибуцій Фридриха II, который въ семилѣтнюю войну, напримѣръ, взялъ съ одного небольшаго лейпцигскаго округа 2 *милліона талеровъ* контрибуціи, а съ одного небольшаго же города Лейпцига *1.100.000 талеровъ*.

блюдалъ и замѣчалъ то, что его больше интересовало, что было ему болѣе близко и сочувственно. По мнѣнію г. Погодина, Карамзинъ отзывался (въ письмахъ своихъ) о «политикѣ съ особенною осторожностію потому, что французская революція, бывшая тогда въ полномъ разгарѣ, распространила вездѣ ужасъ, и императрица Екатерина принимала у себя строгія мѣры» (ч. I, 166). Это также весьма вѣроятно, тѣмъ болѣе если мы примемъ во вниманіе тогдашнее отношеніе Карамзина къ новиковскому обществу, на счетъ котораго и по инструкціи котораго,—какъ полагаютъ нѣкоторые, — Карамзинъ и путешествовалъ заграницей. Вслѣдствіе этого онъ и самъ находился нѣкоторое время подъ надзоромъ.

Тѣмъ не менѣе молодой и образованный русскій путешественникъ не могъ не говорить въ своихъ путевыхъ письмахъ о французской революціи, какъ о такомъ политическомъ событіи, которое волновало въ то время всѣ умы въ Европѣ и имѣло міровую важность и значеніе. Карамзину пришлось притомъ быть очевиднымъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ явленій 1790 г. во Франціи; онъ даже видѣлъ и слышалъ въ Парижѣ нѣкоторыхъ изъ самыхъ извѣстныхъ политическихъ дѣятелей того времени *). Мы привели выше одно мѣсто изъ «Писемъ русск. путеш.» съ сужденіемъ Карамзина о политическомъ переворотѣ XVIII столѣтія во Франціи. Въ письмахъ изъ Страсбурга, изъ Ліона, изъ Парижа и нѣкоторыхъ другихъ упоминается еще нѣсколько разъ о французской революціи; но всѣ мысли и замѣтки Карамзина объ этомъ предметѣ въ сущности ни мало не отличаются отъ вышеприведеннаго нами отрывка изъ одного парижскаго письма его.

Находясь, напримѣръ, въ Ліонѣ, Карамзинъ присутствовалъ въ театрѣ во время представленія извѣстной трагедіи Мари Жозефа Шенье: «Карлъ IX». Трагедія Шенье (гдѣ выведена на сцену Варѳоломеевская ночь),—совершенно

---

*) См. письмо изъ Парижа, іюня 1790 („Пис. рус. пут.", стр. 643—645). Карамзинъ говоритъ здѣсь о своемъ посѣщеніи „Парижскаго народнаго собранія" и о томъ, что онъ „видѣлъ одно изъ самыхъ бурныхъ его засѣданій".—„Депутаты духовенства — продолжаетъ Карамзинъ—предлагали, чтобы католическую религію признать единственною или главною во Франціи. *Мирабо* оспаривалъ, говорилъ съ жаромъ и сказалъ: „я вижу отсюда то окно, изъ котораго сынъ Катерины Медицисъ стрѣлялъ въ протестантовъ". Аббатъ *Мори* (впослѣдствіи знаменитый кардиналъ) вскочилъ и закричалъ: „вздоръ! ты отсюда не видишь его". Члены и зрители захохотали во все горло. Вообще въ засѣданіяхъ нѣтъ ни малой торжественности, никакого величія; но многіе риторы говорятъ краснорѣчиво. Мирабо и Мори вѣчно единоборствуютъ, какъ Ахиллесъ и Гекторъ" (стр. 644). Вотъ все, что передаетъ Карамзинъ о засѣданіяхъ народнаго собранія. Онъ находился въ Пирижѣ, когда въ собраніи происходили оживленныя пренія по нѣкоторымъ важнѣйшимъ статьямъ новой конституціи: к. н. по устройству духовенства, послѣ отнятія духовныхъ и монастырскихъ имуществъ, по новому устройству судебной части и суда присяжныхъ, по уничтоженію титуловъ и всякихъ сословныхъ отличій, по большимъ приготовленіямъ къ знаменитому народному торжеству 14 іюля, на Марсовомъ Полѣ и проч. См. Mignet: „Histoire de la Révolution française". Paris. 1855. T. I, pp. 146, 153, 155 и друг.)

ничтожная въ художественномъ отношеніи, — имѣла большой успѣхъ только по своему приложенію къ современнымъ событіямъ Франціи и вслѣдствіе политическаго настроенія тогдашняго французскаго общества. Но Карамзинъ упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ какъ-то не хотя и вскользь. Вотъ что онъ говоритъ: «Ударило шесть часовъ, театръ былъ наполненъ зрителями, я сѣлъ въ ложѣ, подлѣ двухъ молодыхъ дамъ. Представляли новую трагедію: «Карлъ IX», сочиненную г. Шенье... Дѣйствіе ужасно; но не всякій ужасъ можетъ быть душою драмы. Великая тайна, которую Шекспиръ похитилъ во святилищѣ человѣческаго сердца, пребываетъ тайною для французскихъ поэтовъ, и Карлъ IX холоденъ, какъ ледъ. Авторъ имѣлъ въ виду *новыя происшествія, и всякое слово, относящееся къ нынѣшнему состоянію Франціи, было сопровождаемо плескомъ зрителей.* Но отнюдь сіе *отношеніе* — и піеса показалась бы скучною всякому, даже и Французу. На сценѣ только разговариваютъ, а не дѣйствуютъ... C'est terrible! говорили дамы, подлѣ меня сидѣвшія», и проч. Здѣсь, какъ мы видимъ, все вниманіе путешественника обращено исключительно на художественную сторону піесы; но въ чемъ заключалось это «отношеніе» піесы къ «новымъ происшествіямъ», о которомъ онъ упоминаетъ? Почему это «отношеніе» именно и доставило такой большой успѣхъ на сценѣ плохой трагедіи Шенье? Въ чемъ заключалась причина этого исключительно политическаго настроенія всей массы тогдашняго французскаго общества? — На всѣ подобные вопросы, которые раждаются сами собою при чтеніи упоминаемаго письма Карамзина, «Письма русскаго путешественника» не даютъ отвѣта, и авторъ не старается уяснить эти вопросы ни себѣ самому, ни своимъ читателямъ.

Понятная вещь, что Карамзинъ, по своимъ строго-консервативнымъ принципамъ и убѣжденіямъ, какъ врагъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ и потрясеній, нарушающихъ существующій порядокъ, не могъ относиться и къ французскому государственному перевороту XVIII столѣтія иначе, какъ съ словомъ строгаго осужденія. Но дѣло вотъ въ чемъ. Осуждая переворотъ и въ самомъ его принципѣ и въ способѣ его выполненія, — заслуживающемъ безъ сомнѣнія, всякаго осужденія,—Карамзинъ не старается, однако, вникнуть въ главные мотивы, которыми переворотъ этотъ былъ вызванъ на свѣтъ и которые заключались въ общемъ строѣ предыдущей государственной и общественной жизни Франціи *).

Къ Парижу приближался Карамзинъ съ особенною радостію и восхищеніемъ: «Сердце мое билось», — пишетъ нашъ путешественникъ, когда на обширной равнинѣ открылся его взорамъ Парижъ: — «Вотъ онъ!.. Я его увижу, я буду въ немъ! — Ахъ, друзья мои! сія минута была одною изъ пріятнѣйшихъ моего путешествія»!—«*Я въ Парижѣ!*—говоритъ онъ затѣмъ въ слѣдующемъ письмѣ:—«Эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особливое, быстрое, неизъяснимое, пріятное движеніе... *я въ Парижѣ!* говорю самъ себѣ, и бѣгу изъ Тюльери въ Поля Елисейскіе...» и проч. («П. р. п.» 438, 442). Но

*) См. книгу Токвиля: „L'ancien Régime et la Révolution. Paris 1856.

«Парижъ нынѣ не то, что онъ былъ — сѣтуетъ далѣе Карамзинъ: «Грозная туча носится надъ его башнями, и помрачаетъ блескъ сего нѣкогда пышнаго города. Златая роскошь, которая прежде царствовала въ немъ, какъ въ своей любезной столицѣ — златая роскошь, опустивъ черное покрывало на горестное лицо свое, поднялась на воздухъ и скрылась за облаками... Ужасы революціи выгнали изъ Парижа самыхъ богатѣйшихъ жителей; знатнѣйшее дворянство удалилось въ чужія земли...» Его знакомый, аббатъ Н*, далѣе поясняетъ ему, что «онъ опоздалъ пріѣхать въ Парижъ», что «счастливыя времена исчезли; пріятные ужины кончились; *хорошее общество* (la bonne compagnie) разсѣялось по всѣмъ концамъ земли... Порядочный человѣкъ не знаетъ теперь, гдѣ дѣваться, что дѣлать и какъ *провести вечеръ*», по словамъ аббата. Французы разучились давно веселиться, какъ они веселились во время Людовика XIV; блескъ остроумія, любезность, пріятныя шутки парижанъ и проч. — все это исчезло при всеобщемъ увлеченіи — сначала ассигнаціями Джона Лоу и биржевою игрою, потомъ «страшною» карточною игрою, «потомъ — говоритъ аббатъ — вошли въ моду попугаи и экономисты, *академическія интриги* и энциклопедисты, *каламбуры* и магнетизмъ, химія и драматургія, метафизика и политика... и я не знаю къ чему бы мы наконецъ должны были прибѣгнуть *отъ скуки*,—прибавляетъ аббатъ, — еслибы вдругъ не грянулъ надъ нами громъ революціи». (*Ibid.* 455 — 458).

Въ слѣдующемъ за этимъ письмѣ Карамзинъ возвращается къ революціи. «Можно ли было ожидать — восклицаетъ онъ — *такихъ сценъ* въ наше время отъ *зефирныхъ* Французовъ, которые славились своею любезностію...?» Укоряя за эти сцены современныхъ Французовъ, онъ говоритъ далѣе: «Французская монархія производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирною сѣнію возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей, *бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ*, *богатый наслаждался своимъ избыткомъ*... Но дерзкіе подняли сѣкиры на священное дерево, говоря: *мы лучше сдѣлаемъ*»! (*Ibid.* 460 и 463).

Такъ говоритъ Карамзинъ о положеніи французскаго народа во времена старой монархіи. Но большая часть историческихъ мемуаровъ и нѣкоторые замѣчательные государственные умы и лучшіе люди самой Франціи представляютъ намъ картину положенія французской націи далеко не въ томъ видѣ и не въ такихъ привлекательныхъ чертахъ,—хотя бы, напримѣръ, въ самую эпоху Людовика XIV, царствованіе котораго считается у нѣкоторыхъ историковъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ исторіи Франціи. Для доказательства назовемъ хотя знаменитаго полководца Людовика XIV, маршала *Вобана*, человѣка, принадлежавшаго къ сословію высшаго дворянства Франціи и притомъ искренно преданнаго французской монархіи. Въ одной книгѣ своей, представленной королю, маршалъ Вобанъ говоритъ, что послѣ внимательнаго изученія внутренняго состоянія Франціи и послѣ путешествій своихъ по всей странѣ, втеченіе болѣе полустолѣтія, онъ положительно убѣдился, на основаніи собранныхъ имъ самимъ статистическихъ данныхъ, что большая часть французскаго народа находится въ

страшной бѣдности и нищитѣ. По его свидѣтельству, десятая часть всей французской націи, въ блестящее царствованіе Людовика XIV, *положительно нищенствовала*, и людей обезпеченныхъ во всей Франціи (считая тутъ дворянство, духовенство, чиновничество, военное и гражданское и проч.) едвали можно насчитать и сто тысячъ семействъ,—по словамъ Вобана. Далѣе этотъ знаменитый воинъ-филантропъ яркими красками описываетъ страданія простаго народа во Франціи, подъ бременемъ самыхъ произвольныхъ и тяжелыхъ налоговъ, — народа, который былъ притомъ сильно угнетенъ и находился во всеобщемъ презрѣніи у привиллегированныхъ классовъ; а между тѣмъ эти послѣдніе классы, въ силу своихъ сословныхъ привиллегій, избавлены были отъ всякихъ податей и повинностей въ пользу государства. Потому Вобанъ прямо называетъ эти привиллегіи вопіющею несправедливостію и злоупотребленіемъ.

Во времена регентства и Людовика XV многіе современники изображаютъ внутреннее состояніе Франціи въ видѣ еще болѣе печальномъ. И стоитъ прочесть хотя бы только извѣстныя «записки» маркиза *д'Аржансона* *), чтобы не сомнѣваться въ вѣрности этого изображенія. Маркизъ д'Аржансонъ принадлежалъ къ высшей аристократіи Франціи **), и въ преданности династіи французскихъ королей не уступалъ самому Вобану. И не смотря на то, представленная имъ (въ «запискахъ» и въ другихъ сочиненіяхъ) картина бѣдственнаго положенія народа, — (т. е. непривиллегированныхъ его классовъ), — во Франціи еще мрачнѣе той, какую изобразилъ Вобанъ. Онъ называетъ Францію всеобщей богадѣльней, гробомъ раскрашеннымъ, внутри котораго, подъ фальшиво-блестящей оболочкой, дурно скрыто гніющее тѣло; онъ говоритъ, что въ 1740-й, довольно урожайный, годъ бѣдность въ провинціяхъ была такова, что множество людей питалось одною травою, и потому люди умирали вокругъ массами, какъ мухи. Всѣ бѣдствія и страданія страны и народа д'Аржансонъ прямо приписываетъ гнёту и необузданному произволу французскаго дворянства, которое, по словамъ д'Аржансона, было одинаково врагомъ и короля и народа.

Эта печальная картина, въ какой д'Аржансонъ изобразилъ внутреннее состояніе Франціи при старомъ порядкѣ вещей, нашла себѣ, какъ извѣстно, полное подтвержденіе почти у всѣхъ новѣйшихъ изслѣдователей и историковъ французскаго государственнаго переворота XVIII столѣтія. Въ особенности замѣчательна въ этомъ отношеніи названная нами выше книга Токвиля, который, цѣлымъ рядомъ добросовѣстныхъ историческихъ изслѣдованій, приходитъ къ тому заключенію, что изъ стараго порядка неминуемо должна была произойти

---

*) „Mémoires et Journal inedit du marquis d'Argenson, ministre des affaires étrangères sous Louis XV". Paris. 1857—1858. 3 vol. (*Bibliot. elzevir.*) См. Т. III.

**) Онъ былъ сынъ графа д'Аржансона, знаменитою „garde de sceaux" (т. е. канцлера, министра финансовъ) и перваго организатора парижской полиціи, которымъ изобрѣтены знаменитые королевскіе „lettres de cachet". Маркизъ д'Аржансонъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, занималъ высшія должности въ государствѣ и былъ хорошо знакомъ съ его состояніемъ.

сама собою революція *). На это же самое указывали, впрочемъ, не только собственно такъ называемые «философы» и писатели XVIII вѣка, но и нѣкоторые болѣе просвѣщенные государственные люди и писатели Франціи —уже въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV.

Такимъ образомъ, Карамзинъ и въ «Письмахъ русск. пут.» и потомъ позднѣе въ «Вѣстникѣ Европѣ», гдѣ онъ явился первымъ—и безпорно замѣчательнымъ—русскимъ публицистомъ, во взглядахъ своихъ на основные мотивы французской революціи, расходился съ сей-часъ приведеннымъ нами мнѣніемъ французскихъ писателей и слѣдовалъ въ этомъ случаѣ за тѣми современными политиками, которые видѣли въ революціи только одну ея сторону, именно,—тѣ ужасы и безчеловѣчныя жестокости, которыми сопровождалось выполненіе переворота, и которые произошли, по словамъ Токвиля, отъ того, что революція, подготовленная самыми высшими и просвѣщенными классами Франціи, была приведена въ исполненіе классомъ народа самымъ невѣжественнымъ, грубымъ и одичалымъ. (Кн. III, гл. VIII). Во всякомъ случаѣ, Карамзинъ и не могъ, въ своей дѣятельности публициста, выражать иные взгляды на насильственный государственный переворотъ во Франціи; не могъ, вопервыхъ какъ чувствительный филантропъ, живо сочувствовавшій бѣдствіямъ человѣческаго рода, а вовторыхъ какъ послѣдователь строго-охранительныхъ убѣжденій, осуждавшій всякіе насильственные перевороты и потрясенія — какъ мы это показали выше — и искренно убѣжденный въ томъ, что истинное развитіе, истинный прогрессъ есть только тотъ, который совершается постепенно и путемъ законнымъ. Отсюда проистекало, что Карамзинъ, не питая никакого сочувствія къ личности и къ дѣятельности Бонапарте, признавая въ немъ «искуснаго генерала, хитраго политика», но никакъ не «великаго, т. е. героически-добродѣтельнаго человѣка», хвалитъ его тѣмъ не менѣе безусловно за подавленіе революціи. Въ статьѣ «Вѣстн. Европы»: «Взоръ на прошедшій годъ», (помѣщенной въ № 1 этого журнала на 1803 годъ, и представлявшей обозрѣніе политическихъ событій прошедшаго года), передавая со словъ «англійскихъ и нѣмецкихъ журналистовъ», извѣстіе о томъ, что «число ревностныхъ обожателей Наполеона весьма уменьшилось въ Европѣ», съ тѣхъ поръ какъ явно обнаружились его виды сдѣлаться императоромъ, Карамзинъ говоритъ: «Естьли же мы, переставъ на

---

*) L'anc. Rég. et la Rév.“ См. кн. III, гл. V. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что книга Токвиля написана съ чисто аристократической точки зрѣнія и проникнута аристократическимъ духомъ и тенденціями автора. Онъ, напримѣръ, говоритъ, что чрезвычайно тяжкіе налоги на французскомъ крестьянинѣ были для послѣдняго въ особенности невыносимы потому, что крестьяне, съ усиленіемъ королевской власти, вовсе были изъяты отъ управленія дворянъ и помѣщиковъ и находились въ полной зависимости отъ королевскихъ чиновниковъ, и что въ то время, когда крестьяне управлялись помѣщиками, — феодальныя права послѣднихъ будто казались крестьянамъ не въ такой степени невыносимыми, и проч. (Liv. II, ch. V p. 34 и слѣд.). На самомъ дѣлѣ было далеко не то, какъ извѣстно: народъ именно возставалъ противъ остатковъ феодальныхъ правъ и кастовой исключительности, которыя хотѣли сохранить за собою сеньёры и дворянство.

минуту быть эхомъ иностранныхъ крикуновъ, называемыхъ журналистами, должны объявить собственное мнѣніе о Консулѣ, то скажемъ, что онъ, умертвивъ чудовище революціи, заслужилъ вѣчную благодарность Франціи, даже Европы. Въ семъ отношеніи будемъ всегда съ *удовольствіемъ хвалить* его, какъ великаго медика, излѣчившаго головы отъ опаснаго круженія» *) и проч.

Изъ всего сказаннаго нами выше о собственно литературной дѣятельности Карамзина ясно само собою, что дѣятельность эта была рѣшительнымъ прогрессомъ и значительнымъ шагомъ впередъ въ исторіи развитія русской литературы, по сравненію ея съ литературою предыдущей, и что въ особенности тутъ имѣетъ важное историческое значеніе собственно журнальная и публицистическая дѣятельность Карамзина. Самъ Карамзинъ съ своего «Вѣстника Евр.» вступаетъ въ новый періодъ, въ періодъ высшей учено-литературной дѣятельности, и является здѣсь въ высшемъ развитіи своихъ силъ и таланта, съ твердо установившимися убѣжденіями и взглядомъ на вещи,—и съ его «Вѣстника Европы», строго говоря, начинается только русская журналистика въ ея настоящемъ смыслѣ и значеніи, т. е. въ томъ смыслѣ и значеніи, какіе мы придаемъ журналистикѣ теперь, въ наше время; ибо «Вѣстникъ Европы» Карамзина былъ *первымъ* настоящимъ *общественнымъ органомъ* въ Россіи, въ которомъ его издатель первый у насъ сталъ касаться жизненныхъ, интересующихъ все общество вопросовъ и сталъ подвергать ихъ *самостоятельному* обсужденію, съ извѣстной точки зрѣнія, стараясь дѣйствовать посредствомъ своего журнала и на правительство и на общество, стараясь заявить передъ первымъ о потребностяхъ и нуждахъ общественныхъ и народныхъ, — какъ онъ ихъ понималъ,— о желаніяхъ и стремленіяхъ общества, и стараясь уяснить послѣднему всѣ важнѣйшіе вопросы современности: вопросы и явленія общественной и политической жизни, вопросы нравственные, философскіе, литературные, — все имъ затронуто и на все читатель находилъ тотъ или другой отвѣтъ въ его журналѣ. Вотъ въ чемъ заключается главное значеніе — и значеніе весьма важное — «Вѣстника Европы» Карамзина въ исторіи русской журналистики и, слѣдственно, въ исторіи развитія русскаго общества: подвергая самостоятельному обсужденію важнѣйшіе вопросы и явленія современной жизни и важнѣйшія мѣропріятія правительства, Карамзинъ дѣйствовалъ, такимъ образомъ, на развитіе у насъ *самостоятельнаго общественнаго мнѣнія.* Точка зрѣнія Карамзина, какъ публициста, не всегда можетъ согласоваться съ нашими, современными понятіями о прогрессѣ и развитіи; его мнѣніе напримѣръ, о крестьянскомъ дѣлѣ кажется теперь отсталымъ и т. п. Но на всѣ публицистическія сужденія и мнѣнія Карамзина необходимо смотрѣть вопервыхъ, не иначе какъ исторически, а вовторыхъ, необходимо имѣть при этомъ въ виду ту степень развитія и образованности русскаго общества, въ какомъ оно находилось за 60 и болѣе лѣтъ тому назадъ, когда дѣйствовалъ Карамзинъ. По своимъ взглядамъ и сужденіямъ онъ стоялъ въ то время не только выше понятій обра-

*) Соч. Кар. т. I, 548 — 552.

зованнаго общества, но и выше понятій большинства тогдашнихъ писателей, и его мнѣнія и взгляды казались тогда до того либеральными, что за нихъ ему грозила не разъ серьезная опасность: въ царствованіе императора Павла на Карамзина были сдѣланы два раза ложные доносы, въ которыхъ онъ былъ выставленъ какъ человѣкъ, разсѣевающій «вольныя мысли (въ «Письмахъ русск. пут.» (?) и вредный для правительства» *).

Что же касается до вопросовъ литературныхъ, то мы уже говорили, что Карамзинъ, по своимъ критическимъ и литературнымъ взглядамъ и по своему литературному образованію, стоялъ несравненно выше современниковъ, и первый высказалъ на Руси здравыя литературныя сужденія, напримѣръ: о Шекспирѣ, о французской и англійской драмѣ (въ «Пис. рус. пут.»), о поэзіи (въ предисловіи къ «Аонидамъ») и т. п.

Страннымъ кажется только то обстоятельство, что Карамзинъ и въ «Письмахъ русскаго путешественника» и въ своихъ журнальныхъ статьяхъ высказываетъ очень дѣльныя литературныя понятія и взгляды и стоитъ несравненно выше всѣхъ прежнихъ и современныхъ ему критиковъ; но въ тоже время въ собственныхъ литературныхъ вкусахъ, въ собственныхъ литературныхъ трудахъ,—какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ,—онъ мало руководствуется высказанными имъ-же самимъ эстетическими и реальными требованіями отъ литературныхъ произведеній. Онъ говорилъ, напримѣръ, что «поэзія заключается не въ надутыхъ описаніяхъ, а въ *живости* мыслей и чувствъ». Онъ вѣрно судилъ, какъ мы видѣли выше, о французской трагикѣ и говорилъ, что у французскихъ поэтовъ нѣтъ «глубокаго чувства натуры», что они щеголяютъ лишь «красотою слога и блестящими стихами» и представляютъ «Грековъ и Римлянъ à la française». Онъ утверждалъ, что тѣ только красоты писателя прочны, которыя основаны на знаніи «сердца человѣческаго и на природѣ вещей», и потому увлекался въ молодости Шекспиромъ, въ которомъ находилъ «откровеніе человѣческаго сердца и великія мысли». Высказывая эти и подобныя имъ здравыя сужденія о поэтическомъ творчествѣ, Карамзинъ въ тоже время восхищается риторическими идилліями Галлера, Геснера, Томсона, Маттисона, которые были его любимыми поэтами. Тогда какъ описательныя стихотворенія этихъ, посредственныхъ и для своего времени, поэтовъ лишены всякой жизни и естественности. Сантиментально-идиллическое настроеніе подобныхъ писателей и такъ называемый «пасторальный сантиментализмъ» отражаются въ полной силѣ и на собственныхъ сочиненіяхъ Карамзина (повѣстяхъ, «Письмахъ», стихотвореніяхъ и друг.). Для своихъ переводовъ онъ выбираетъ бездарныя и

---

*) Погодинъ: „Н. М. Кар.“ ч. I, 283. Тѣмъ-же, кажется, лицемъ сдѣланъ былъ доносъ на Карамзина уже въ царствованіе императора Александра I (1810 г.), т. е. въ то время, когда Карамзинъ былъ „россійскимъ исторіографомъ“, былъ занятъ исключительно своей „Исторіей“ и высоко стоялъ и въ мнѣніи самаго государя и въ мнѣніи общества. А между тѣмъ доносчикъ, не задумавшись писалъ, что сочиненія Карамзина „исполнены вольнодумическаго и якобинскаго яда“, что онъ „явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе“ и т. п. (См. *Ibid.* ч. II, стр. 62—64).

скучныя повѣсти Мармонтеля и г-жи Жанлисъ,—конечно потому, что сочиненія ихъ признавались «моральными». Но едва ли не слѣдуетъ согласиться съ мнѣніемъ Шерра *) о той ограниченной и довольно сомнительнаго свойства морали, которую проповѣдовали въ своихъ повѣстяхъ и романахъ Мармонтель и г-жа Жанлисъ. Вліянія Шекспира не замѣтно ни на одномъ сочиненіи Карамзина, не смотря на то, что онъ такъ вѣрно судилъ о немъ и восторгался суровымъ геніемъ британскаго поэта. Переводъ «Юлія Цезаря» былъ сдѣланъ имъ въ ранней молодости, съ французскаго перевода Латурнёра, которому и принадлежатъ мысли о Шекспирѣ, высказанныя въ предисловіи къ этому переводу. Конечно Карамзинъ въ то время раздѣлялъ эти мысли, находясь подъ вліяніемъ Петрова, страстнаго поклонника Шекспира. Это пламенное уваженіе къ Шекспиру, сообщилось быть можетъ, обоимъ друзьямъ отъ Рейнгольда Ленца, одного изъ «бурныхъ геніевъ» нѣмецкой литературы, у которыхъ уваженіе къ Шекспиру доходило до какого-то обоготворенія. Не смотря на свои неудачныя подражанія драмамъ Шекспира, Ленцъ обладалъ сильнымъ поэтическимъ талантомъ; но жизнь сломала его,—онъ сошелъ съ ума. Въ послѣдніе годы своей жизни Ленцъ былъ въ Москвѣ, гдѣ Петровъ и Карамзинъ познакомились съ нимъ **). Карамзинъ нѣсколько разъ упоминаетъ въ своихъ заграничныхъ письмахъ о «несчастномъ» Ленцѣ (См. разговоръ съ Виландомъ, въ письмѣ изъ Веймара, и друг.).

Ученые труды Карамзина. «Исторія Государства Россійскаго». — Въ пору зрѣлости и возмужалости своего таланта Карамзинъ принимается за сочиненіе исторіи Россіи,—труда многолѣтняго и добросовѣстно выполненнаго, къ которому безпристрастная критика не можетъ относиться безъ уваженія и благодарности. Въ похвалу автора «Исторіи государства россійскаго» говоритъ уже то одно обстоятельство, что всѣ достоинства его труда принадлежатъ лично ему,—его талантамъ и трудолюбію, а всѣ недостатки его исторіи относятся болѣе къ понятіямъ и взглядамъ его времени на историческую науку.

Слова Карамзина въ письмѣ къ Муравьеву о томъ, что онъ намѣренъ написать исторію «не варварскую и не постыдную для царствованія Александра» ясно свидѣтельствуютъ о точкѣ зрѣнія Карамзина на исторію. Эту же мысль, что русская исторія—«не варварская» и «достойна вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ», Карамзинъ высказываетъ нѣсколько разъ и въ «Письмахъ русск. пут.». Онъ здѣсь еще старается доказать, что русскую исторію можно сдѣлать «привлекательною и пріятною», и что у насъ были

---

*) Вотъ это мнѣніе: „Ж. Ф. Мармонтель,—непріятно-приторный болтунъ, который въ своихъ „Contes moraux“ и „Nouveaux contes moraux“ прикрывалъ всякаго рода развратъ сколькою софистикою чувства; такую дерзость онъ и другіе выдавали за нравственность“.—А „въ романахъ педагогической болтуньи Жанлисъ (говоритъ Шерръ) вовсе невидно никакой здравой и хорошей натуры за липкимъ моральнымъ клеемъ, которымъ она смазывала ихъ пошлость“. (Ист. всеоб. лит., 170 и 192).

**) „Четыре года изъ жизни Карамзина“, стр. 746

«свои Карлы-Великіе, Людовики XI, Кромвели» и т. д. Этотъ основной взглядъ Карамзина на русскую исторію развивается съ большимъ краснорѣчіемъ и въ предисловіи къ «Исторіи государства россійскаго». По смыслу предисловія, главная цѣль національной исторіи должна заключаться въ *назиданіи* и *прославленіи отечества*. Потому Олегъ и Игорь называются здѣсь «великанами сумрака», Димитрій Донской—«героемъ-юношей, дѣйствующимъ на воображеніе и сердце», Иванъ III—«достойнымъ жить и сіять въ святилищѣ исторіи» и т. п.

По своимъ основнымъ воззрѣніямъ на исторію, Карамзинъ принадлежитъ къ той школѣ историковъ романтическаго направленія, которые видятъ въ исторіи не болѣе, какъ художественное, систематически-стройное и изящное повѣствованіе объ историческихъ личностяхъ и событіяхъ. Представителемъ этой школы въ Германіи можно назвать Іоганна фонъ-Мюллера *), манерѣ котораго и слѣдовалъ Карамзинъ въ изложеніи историческихъ событій. Съ этой точки зрѣнія трудъ Карамзина выполненъ блестящимъ образомъ. *Литературныя достоинства* «Исторіи государства россійскаго» являются еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ, при сравненіи труда Карамзина съ трудами его предшественниковъ на поприщѣ русской исторіи.

При очеркѣ дѣятельности Ломоносова мы не упоминали о его «Древней россійской исторіи», — первой попыткѣ написать русскую исторію научнымъ образомъ. Ломоносовъ успѣлъ довести этотъ трудъ свой только до 1054 года, до смерти Ярослава. Но изъ написаннаго имъ уже видно, что онъ смотрѣлъ на исторію, какъ на риторическое искусство. Потому «Древняя россійская исторія» его есть не болѣе, какъ связная передача лѣтописныхъ извѣстій, украшенныхъ цвѣтами риторическаго краснорѣчія.

«Исторія россійская» Татищева, слѣдовавшая за трудомъ Ломоносова, тоже не была еще «исторіей» Россіи, какъ мы говорили о томъ выше (см. стр. 290—292).

Затѣмъ русской исторіей занимались: извѣстный намъ Эминъ, издатель «Адской почты» и *Елагинъ*, Иванъ Перфильевичъ († 1796). Эминъ въ полномъ смыслѣ слова *сочинилъ* свою «Россійскую исторію» (доведенную лишь до 1113 г.). Заботясь исключительно о томъ, чтобы писать украшеннымъ, высокимъ штилемъ, онъ, для красоты слога, выдумывалъ небывалыя событія и заставлялъ героевъ своей исторіи говорить собственнаго сочиненія витіеватыя рѣчи, на томъ основаніи, что если они въ дѣйствительности такихъ рѣчей и не говорили, то по его соображеніямъ, «должны были говорить что-нибудь

---

*) І. Мюллеръ написалъ „Исторію швейцарскаго союза„ (1786) въ 5 ч. и „Исторію европейскаго человѣчества", въ 24 ч. Первая почиталась образцомъ изящнаго историческаго слога. „Всѣ удивлялись — говоритъ Шлоссеръ—слогу швейцарской исторіи Мюллера, но читали развѣ только его всеобщую исторію, которая, какъ панегирикъ рыцарству и патриціятству, совершенно недостойна ученаго человѣка, хотя Мюллеръ и славился много лѣтъ въ цѣломъ мірѣ, какъ нѣмецкій Ѳукидидъ".

подобное». Елагинъ, современникъ Ломоносова и Сумарокова и весьма почтенный писатель, предпринялъ «Опытъ повѣствованія о Россіи» (доведенъ до 1389 г.) уже «въ зиму лѣтъ» своихъ, будучи «согбеннымъ старцемъ», какъ онъ говоритъ самъ въ «приношеніи» своего труда «Премудрости» (божественной *Софіи*). Въ своемъ «Опытѣ» Елагинъ также держался риторической повѣствовательной манеры и даже превзошелъ въ витійствѣ своихъ предшественниковъ, которыхъ онъ упрекаетъ за недостатокъ жара и краснорѣчія въ ихъ историческомъ слогѣ.

Другимъ характеромъ отличаются историческіе труды кн. Щербатова и *Болтина*, Ивана Никитича († 1792),—людей замѣчательно умныхъ и хорошо образованныхъ, хотя также не историковъ-спеціалистовъ, а скорѣе дилетантовъ въ дѣлѣ русской исторіи. Щербатовъ написалъ «Исторію россійскую отъ древнѣйшихъ временъ» (15 частей, доведенныхъ до 1610 г.), которая является трудомъ гораздо болѣе удовлетворительнымъ, нежели всѣ до того времени появлявшіяся «россійскія» исторіи.

Въ исторіи Щербатова (имѣющей преимущество передъ предыдущими исторіями и въ томъ, что она доведена до царствованія Михаила Ѳедоровича) уже проявляется стремленіе къ критикѣ фактовъ и источниковъ и желаніе объяснить внутренній смыслъ и причины историческихъ событій. Притомъ же Щербатовъ присовокупилъ къ своему труду обширныя примѣчанія, въ которыхъ обнародовалъ въ первый разъ множество важныхъ историческихъ документовъ. Но способъ изложенія и слогъ «Россійской исторіи» кн. Щербатова до того тяжелъ и неуклюжъ, что она не могла сдѣлаться общедоступнымъ чтеніемъ для большинства.

Болтинъ извѣстенъ болѣе всего своими «Примѣчаніями на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка»,—французскаго медика, жившаго долгое время въ Россіи и напечатавшаго, по возвращеніи въ отечество, свою: Histoire de la Russie ancienne et moderne (6 т. 1783—1794). Примѣчанія Болтина имѣютъ главнымъ образомъ въ виду «ложь, клевету, пристрастіе и безчисленныя и грубыя ошибки», которыя, по словамъ автора, заключаются въ исторіи Россіи Леклерка. Обличая «ошибки и злоумышленныя отъ истины устраненія» Леклерка, Болтинъ говоритъ, что онъ въ тоже время «старался показать вещи въ точномъ ихъ видѣ». Болтинъ является въ своихъ примѣчаніяхъ однимъ изъ славянофиловъ Екатерининскаго времени. Онъ касается многихъ фактовъ древней и новой русской жизни и высказываетъ (особенно на счетъ послѣдней) много меткихъ и рѣзкихъ сужденій. Онъ сильно возстаетъ противъ «французо-русскихъ петиметровъ», и заведенную, со временъ Петра, образованность на европейскій манеръ называетъ, не обинуясь, «мнимымъ просвѣщеніемъ», приписывая ей, такъ же, какъ это дѣлаетъ и Щербатовъ, современную испорченность нравовъ. Но въ своемъ славянофильскомъ рвеніи Болтинъ доходитъ до того, что защищаетъ, напримѣръ, существовавшій въ древней Руси запретъ для Русскихъ выѣзжать за-границу, безусловную власть, которую уложеніе Алексѣя Михайловича давало мужу надъ женою и т. п. (О научномъ значеніи трудовъ названныхъ нами писателей и объ отношеніи ихъ къ труду Карам-

зина см. превосходную статью проф. С. Соловьева: «Писатели русской исторіи XVIII вѣка», помѣщенную въ «Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній», 1858 г., издав. г. Калачевымъ).

Изъ сказаннаго мы видимъ, что до Карамзина по части русской исторіи у насъ было сдѣлано весьма немного. Къ самому изданію памятниковъ, а тѣмъ болѣе къ ихъ критической разработкѣ, было едва только приступлено. Нѣсколько памятниковъ было издано Татищевымъ и Щербатовымъ, но безъ всякаго ученаго и критическаго изслѣдованія. Нѣмцы-академики: Байеръ, Миллеръ и Шлецеръ первые занялись серьезными научными изысканіями по русской исторіи и разрабатывали преимущественно варяго-русскій періодъ. Но за свои ученыя мнѣнія о скандинавскомъ происхожденіи Руси они, какъ извѣстно, были сильно преслѣдуемы, въ особенности Ломоносовымъ, который, въ избыткѣ ложно-понятаго патріотизма, считалъ такое мнѣніе «предосудительнымъ для славы Россовъ». Карамзинъ долженъ былъ, такимъ образомъ, большею частію самъ собирать источники, свѣрять ихъ, подвергать критикѣ и въ тоже время писать исторію, — трудъ неимовѣрно-великій. М. П. Погодинъ говоритъ справедливо, что съ первыхъ же шаговъ, какъ только Карамзинъ приступилъ къ дѣлу, ему «встрѣчаются затрудненія, задержки, остановки, а вокругъ мракъ Киммерійскій, зги Божіей невидно, хоть глазъ выколи» *). Оттого Карамзинъ, надѣясь сначала, какъ онъ писалъ въ письмѣ къ Муравьеву, «въ пять, шесть лѣтъ дойти до Романовыхъ», не успѣлъ дойти до этой эпохи русской исторіи и въ двадцать пять лѣтъ, при самыхъ усиленныхъ трудахъ за своей книгой, посвятивъ ей все свое время, всю свою остальную жизнь.

И то, что успѣлъ сдѣлать Карамзинъ въ это время, не смотря на всѣ указанныя затрудненія, по-истинѣ изумительно. Онъ *первый вѣрно представилъ факты русской исторіи до междуцарствія, подтвердивъ каждый изъ нихъ несомнѣнными свидѣтельствами историческихъ документовъ, русскихъ и иностранныхъ и снабдивъ свою исторію многочисленными и до настоящаго времени драгоцѣнными примѣчаніями. Онъ первый вывелъ факты древне-русской жизни изъ легендарнаго мрака, первый передавалъ ихъ въ стройной и послѣдовательной связи, первый представилъ имъ болѣе или менѣе вѣрную оцѣнку и первый излагалъ историческія событія художественнымъ, изящнымъ языкомъ, которымъ до Карамзина еще не писалъ никто въ русской литературѣ.*

Отсюда понятны, и *значеніе* «Исторіи государства россійскаго» въ нашей литературѣ, и тотъ всеобщій восторгъ, съ которымъ она была встрѣчена въ русской публикѣ, первый разъ познакомившейся изъ нея съ отечественной исторіей, и наконецъ то *вліяніе*, которое она имѣла на ходъ дальнѣйшаго развитія русской литературы и образованности. Появленіе исторіи Карамзина сдѣлало эпоху въ нашей новой литературѣ, произвело въ ней рѣшительный

---

*) „Н. М. Кар." и пр. ч. 2. См. стр. 24—26 подробности о томъ, въ какомъ состояніи находились источники и пособія для сочиненія русской исторіи до Карамзина и что было сдѣлано имъ въ этомъ отношеніи.

переворотъ и опредѣлило характеръ всего послѣдующаго ея развитія. Патріотическое одушевленіе, которымъ проникнута исторія Карамзина, и его взгляды на древне-русскую жизнь, на событія и личности русской исторіи сообщились цѣлой литературѣ и долго оставались въ ней господствующими.

Но изложеніе историческихъ событій, болѣе или менѣе стройное и послѣдовательное, болѣе или менѣе краснорѣчивое и художественное, не есть еще исторія въ смыслѣ изображенія вѣрной и полной картины минувшей жизни народа; ибо *такая* картина *только* и можетъ быть названа исторіей въ собственномъ значеніи этого слова. Современное состояніе исторической науки требуетъ отъ историка, чтобы его произведеніе, помимо фактической вѣрности и полноты, помимо точнаго, беспристрастнаго критическаго изслѣдованія фактовъ и помимо мастерскаго изложенія, было бы вѣрнымъ возсозданіемъ минувшихъ событій, во всей ихъ исторической правдѣ; было бы вѣрнымъ воспроизведеніемъ прошедшей жизни народа, со всѣмъ добромъ ея и зломъ, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Историкъ долженъ, поэтому, умѣть понять внутреннюю, причинную связь событій, очистивъ ихъ отъ всего случайнаго и не важнаго и изобразивъ лишь главное, существенное, лишь то, въ чемъ собственно заключается внутренняя правда прошедшей жизни. Потому главное дѣло историка—умѣть понять внутренній смыслъ событій, мысль, ихъ движущую, историческую идею, имъ присущую, и потомъ—умѣть изобразить ее въ своемъ разсказѣ просто, естественно и наглядно. Съ свѣточемъ неподкупной критики въ рукахъ историкъ долженъ произнести судъ и оцѣнку историческимъ лицамъ и событіямъ, съ правильной и независимой точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія однихъ общечеловѣческихъ интересовъ, не увлекаясь никакими посторонними цѣлями, никакими личными взглядами, не навязывая прошедшему своихъ собственныхъ идей, не дѣлая, словомъ, изъ исторіи орудія для политическихъ, нравственныхъ, религіозныхъ или какихъ бы то ни было благонамѣренныхъ видовъ.

Ясно, однако, что такія требованія неприложимы къ труду Карамзина. Неприложимы уже потому, что историческая наука выработала ихъ только въ позднѣйшее время. «Исторія государства россійскаго» отвѣчала потребностямъ того общества, посреди котораго явилась, и отвѣчала понятіямъ и взглядамъ своего времени на исторію. Но, при настоящихъ научныхъ требованіяхъ, трудъ Карамзина, какъ *исторія* Россіи, какъ *вѣрное воспроизведеніе прошедшей жизни русскаго народа*, не можетъ быть удовлетворителенъ.

Невѣрность взгляда Карамзина на древне-русскую жизнь и недостатки его исторіи для насъ теперь ясны сами собою. Одинъ изъ главныхъ и капитальныхъ недостатковъ ея заключаются въ томъ, что въ ней за исторіей государственной не видно вовсе исторіи народа. Занимаясь судьбами государства и ища его даже тамъ, гдѣ его не было и быть не могло (какъ напримѣръ, въ рюриковскій или въ удѣльный періодъ), повѣствуя о междоусобіяхъ и династическихъ интересахъ князей, о войнахъ, о подвигахъ государственныхъ, Карамзинъ какъ-бы позабываетъ о жизни народной. Онъ строго и послѣдовательно проводитъ, съ самаго древнѣйшаго періода, одну идею,—идею объ образованіи

и развитія государства, но не показываетъ, въ тоже время, въ какомъ отношеніи стояла къ идеѣ государственной идея жизни народной, каковъ былъ ходъ историческаго развитія послѣдней, что задерживало и что способствовало развитію народной жизни? Въ связи съ политическими судьбами россійскаго государства, онъ не рисуетъ намъ картины *внутренней* жизни русскаго народа, не представляетъ его религіознаго, нравственнаго, умственнаго, юридическаго и матеріальнаго быта. Послѣ обозрѣнія политическихъ и государственныхъ событій извѣстнаго періода, онъ говоритъ, правда, каждый разъ о внутреннемъ «состояніи Россіи», упоминаетъ о просвѣщеніи, литературѣ, духовныхъ дѣлахъ, торговлѣ этого періода и т п; но для обзора всѣхъ этихъ отраслей общественной и народной жизни всегда отводитъ очень небольшое мѣсто, да и тутъ чаще и болѣе говорится о политическомъ значеніи, о славѣ Россіи между иноземцами, нежели о внутреннемъ бытѣ народа.

Другой существенный недостатокъ исторіи Карамзина—это сантиментализмъ, перенесенный имъ и въ исторію, наклонность къ идеализаціи фактовъ и чрезмѣрное краснорѣчіе. Вслѣдствіе чего онъ идеализировалъ всю древне-русскую жизнь, и многія личности и событія нашей исторіи имѣли въ немъ самаго краснорѣчиваго панегириста, въ явный ущербъ исторической истинѣ «Исторія государства россійскаго» полна примѣрами невѣрнаго взгляда Карамзина на лица и событія и невѣрными ихъ изображеніями. Такъ напримѣръ, Святославъ вышелъ у Карамзина какимъ-то героемъ-завоевателемъ, романтическимъ рыцаремъ-паладиномъ,—что совершенно противорѣчитъ простотѣ лѣтописнаго разсказа о Святославѣ. Вотъ какъ изображаетъ его лѣтопись:

«Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти, многи и храбры, и легко ходя аки пардусъ, войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочіи вои его вси бяху.» («Полн. собр. русск. лѣт.» Т. I, стр. 27: Древній текст. лѣт. Нестора)

А вотъ какимъ торжественнымъ тономъ и разукрашеннымъ языкомъ передаетъ «Исторія государства россійскаго» эти простыя слова лѣтописи:

«Сей князь (Святославъ), возмужавъ, думалъ единственно о подвигахъ великодушной храбрости, пылалъ ревностію отличить себя дѣлами и возобновить славу оружія россійскаго, столь счастливаго при Олегѣ; собралъ войско многочисленное и съ нетерпѣніемъ юнаго героя летѣлъ въ поле. Такъ суровою жизнію онъ укрѣпилъ себя для трудовъ воинскихъ, не имѣлъ ни становъ, ни обоза; питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей, и самъ жарилъ его на углахъ; презиралъ гладъ и ненастье сѣвернаго климата; не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба: войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло изголовьемъ. Каковъ былъ военачальникъ, таковы и воины».

Ясно, что изъ этого краснорѣчиваго описанія читатель не вынесетъ вѣрнаго понятія ни объ истинномъ, историческомъ Святославѣ, ни о характерѣ времени, ни объ образѣ жизни тогдашнихъ русскихъ князей. Желаніе украшать событія и лица, проводить параллели и сравнивать факты и дѣятелей русской

исторіи съ фактами и историческими дѣятелями другихъ народовъ, особенно Грековъ и Римлянъ, манера смотрѣть на прошлую историческую жизнь съ точки зрѣнія современныхъ понятій, не дѣлать различія между историческими эпохами, сопровождать описанія историческихъ событій и дѣятелей сантиментальными возгласами или сухими моральными сентенціями,—все это было въ духѣ того времени и въ манерѣ большинства тогдашнихъ историческихъ писателей, и все это отразилось на исторіи Карамзина, составляя ея недостатки, которыя,—замѣтимъ это,—вовсе не казались недостатками для своего времени: «въ его время (т. е. во время Карамзина), — говоритъ г. Погодинъ, — также была странна природа и простота, какъ нынѣ искуственность и щегольство». (ч. II, 191).

Но всѣ недостатки «Исторіи» Карамзина не уменьшаютъ ни мало ея достоинствъ для своего времени и ея важнаго значенія въ нашей литературѣ вообще. Она *во первыхъ*, познакомила, какъ мы сказали выше, русское общество съ отечественной исторіей и возбудила интересъ и любовь къ ней въ русскихъ людяхъ, смутно знакомыхъ до того съ минувшими судьбами своего отечества. Потому выраженіе Пушкина, сказавшаго, что «древняя Россія открыта Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ» имѣетъ въ этомъ отношеніи истинный смыслъ. «Исторія государства россійскаго», кромѣ своего научнаго и литературнаго значенія, получала, такимъ образомъ, еще и значеніе патріотическое. *Во-вторыхъ*, она давала, въ первый разъ, удовлетворительное понятіе о фактахъ русской исторіи, въ которой Карамзинъ старался объяснить многія темныя и непонятныя мѣста,—и многое имъ угадано вѣрно и передано въ настоящемъ свѣтѣ, сдѣлавшись потомъ достояніемъ русской литературы и науки. *Въ-третьихъ*, появленіе исторіи Карамзина пробудило въ русскомъ обществѣ мысль о самопознаніи и стремленіе объяснить свое настоящее и искать ему начало въ прошедшемъ; сообщило надолго *движеніе* литературѣ и сдѣлало возможнымъ дальнѣйшее *историческое изученіе* Россіи и ученую разработку памятниковъ, не бывшихъ даже извѣстными до Карамзина.

Слѣдственно, «Исторія государства россійскаго», не удовлетворяя насъ теперь, какъ исторія, т. е. какъ точная и вѣрная картина минувшей жизни русскаго народа, сдѣлала, однако, свое дѣло и сдѣлала его честно, съ высокимъ талантомъ и съ высокимъ патріотическимъ чувствомъ, которымъ воодушевленъ былъ самъ авторъ, и которое онъ старался возбудить и въ массѣ читателей. И замѣтимъ, что книга Карамзина, написанная изящнымъ языкомъ (см. ниже), изложенная стройно, величественно и съ надлежащею полнотою, и теперь еще читается и будетъ читаться до тѣхъ поръ, пока русская литература не представитъ произведенія болѣе совершеннаго въ этомъ родѣ; а какъ книга для справокъ, она никогда не потеряетъ своего значенія.

Участіе и заслуга Карамзина въ преобразованіи русскаго литературнаго языка и слога. — Обыкновенно говорятъ, что Карамзинъ произвелъ реформу въ русскомъ литературномъ языкѣ. Еще современники Карамзина назвали его преобразователемъ русскаго слога. Это, конечно, справедливо, но справедливо въ извѣстномъ отношеніи. Реформу Карамзина въ языкѣ надо понимать въ

томъ смыслѣ, что онъ произвелъ ее не какъ ученый филологъ: онъ не создавалъ никакихъ теорій о языкѣ, не писалъ никакихъ правилъ. Онъ совершилъ преобразованіе въ литературномъ языкѣ примѣромъ собственныхъ литературныхъ сочиненій, какъ талантливый литераторъ, который обладалъ природнымъ вкусомъ и умѣлъ угадать духъ и свойства русскаго языка. «Карамзинъ — говоритъ Пушкинъ — освободилъ языкъ отъ чужеземнаго ига и возвратилъ ему свободу, *обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова*». Подъ освобожденіемъ русскаго языка изъ подъ чужеземнаго ига Пушкинъ разумѣетъ здѣсь тѣ тяжелыя формы латинскаго синтаксиса, которыя были сообщены нашему книжному языку Ломоносовымъ, или ту «схоластическую (по словамъ Пушкина же), полу-славянскую, полу-латинскую величавость, сдѣлавшуюся было необходимостію» литературнаго языка послѣ Ломоносова. Но Ломоносовъ первый, какъ мы знаемъ, указалъ дорогу къ формированію правильнаго книжнаго языка, не устраняя изъ него и стихіи, или «источниковъ живаго народнаго слова». На *мысли объ оживленіи и сближеніи книжнаго языка съ живою народною рѣчью* собственно основывается и та реформа, которая произошла въ литературномъ языкѣ подъ вліяніемъ примѣровъ Карамзина.

Формы рѣчи Карамзина въ первомъ же литературномъ произведеніи его, обратившемъ на него всеобщее вниманіе, т. е. въ «Письмахъ русск. пут.» явились несравненно болѣе живыми и легкими, нежели та литературная проза, которою до него писали почти всѣ тогдашніе литераторы, находившіеся подъ вліяніемъ ломоносовскаго ученія о высокомъ и низкомъ слогѣ. Само время, впрочемъ, и ходъ литературнаго развитія уже настоятельно требовали преобразованія въ русскомъ литературномъ языкѣ, который по своимъ тяжелымъ схоластическимъ формамъ и по обилію вносимыхъ въ него церковно-славянскихъ словъ и оборотовъ, постоянно удалялся отъ живой разговорной рѣчи. И уже Новиковъ, какъ мы знаемъ, писалъ живымъ и мѣстами изящнымъ языкомъ. Многіе изъ его статей въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ» превосходны по языку, весьма близкому къ народной рѣчи. Въ комедіяхъ Фонъ-Визина и нѣкоторыхъ другихъ драматическихъ писателей, равно какъ и у нѣкоторыхъ журналистовъ, языкъ также разговорный, хотя и отзывающійся кое-гдѣ книжностію. Но никто изъ названныхъ писателей не стремился съ сознательною цѣлію, подобно Карамзину, писать *легкимъ* и *пріятнымъ* слогомъ. Онъ самъ говоритъ (1801) *), что только «съ *нашего* времени образуется *пріятность* слога, называемая Французами élégance». Обративъ все вниманіе на сообщеніе легкости и пріятности своему слогу, и находясь подъ сильнымъ вліяніемъ французскихъ образцовъ,

---

*) Въ „Пантеонѣ россійскихъ авторовъ", гдѣ сообщаются краткія извѣстія и критическія замѣчанія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ. Изъ древнихъ тутъ есть свѣдѣнія о Несторѣ, Никонѣ, Симеонѣ Полоцкомъ и другихъ, а изъ новыхъ Карамзинъ упоминаетъ только о писателяхъ умершихъ. Сужденія Карамзина о сочиненіяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. Сумарокова, отличаются вѣрностію взгляда, но высказываются нерѣшительно, съ свойственною ему мягкостію и уклончивостію.

Карамзинъ нерѣдко вводитъ въ языкъ своихъ первыхъ сочиненій галлицизмы, иностранныя слова и даже не русскіе обороты рѣчи *). Слогъ этихъ сочиненій вышелъ дѣйствительно легкимъ, плавнымъ и пріятно изумилъ современниковъ; но онъ лишенъ былъ силы, энергіи и выразительности, свойственныхъ русскому слову, и отличался безцвѣтностію. Толпа подражателей Карамзина довела недостатки его слога до крайнихъ предѣловъ. Противъ нововведеній Карамзина и его послѣдователей возсталъ извѣстный *Шишковъ*, любитель церковно-славянскаго языка и приверженецъ ломоносовской литературной школы. Въ своей книгѣ: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка» (1803) Шишковъ выходитъ изъ ложнаго воззрѣнія о совершенномъ тождествѣ русскаго языка съ церковно-славянскимъ и ратуетъ за старинный слогъ; но не смотря на мелочность придирокъ, на отсутствіе знанія и всякаго вкуса, въ книгѣ Шишкова встрѣчаются и нѣкоторыя основательныя замѣчанія относительно недостатковъ слога у Карамзина и писателей новой школы: онъ справедливо, указываетъ, напримѣръ, на нелѣпость подражанія въ литературѣ всему французскому, на испещреніе новыми писателями ихъ слога ненужными иностранными словами и оборотами. Въ литературѣ образовались, такимъ образомъ, двѣ партіи: *Шишковистовъ* и *Карамзинистовъ*, завязавшихъ между собою жаркую полемику, которая, однако, не шла далѣе препираній и споровъ о слогѣ **). Самъ Карамзинъ держалъ себя въ сторонѣ отъ этихъ споровъ и не принималъ участія въ полемикѣ. Онъ воспользовался тѣмъ, что было дѣльнаго въ замѣчаніяхъ Шишкова, и въ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ постоянно совершенствовалъ свой слогъ и языкъ, которые, напримѣръ, въ его «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II» и за тѣмъ въ статьяхъ «Вѣстн. Европы», по грамматическимъ оборотамъ, по синтаксическому строю рѣчи, по свойственной духу русскаго языка свободѣ въ разстановкѣ словъ въ предложеніи и наконецъ по своему благозвучію и выразительности,—уже доведены были до значительной степени совершенства, до полной правильности, свободы и гладкости рѣчи. А въ послѣднихъ томахъ «Исторіи Г. Р.» слогъ и языкъ Карамзина пріобрѣтаютъ какое-то величіе и тор-

---

*) Напримѣръ: „къ француженкѣ у меня не лежитъ сердце, *для того*, что ея физіогномія и ухватки мнѣ не нравятся,“ „я *съ примѣчаніемъ* смотрѣлъ на портретъ твой, любезный Вейсе“; „я *имѣлъ любопытство* видѣть“, и др. („Письма рус. пут.“, 17, 130, 201). Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что галлицизмы и иностранныя слова и до Карамзина были уже въ довольно значительномъ употребленіи у нѣкоторыхъ русскихъ писателей, не исключая и самого Фонъ-Визина.

**) Г. Гротъ въ весьма обстоятельной статьѣ своей: „Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка“ (*Журн. Мин. Нар. Прос.*, апрѣль, 1867 г.) справедливо замѣтилъ: „Говоритъ, что Шишковъ, въ сущности, ратовалъ не за языкъ, а за чистоту вѣры и нравственности. Съ этимъ нельзя согласиться: сначала не было и рѣчи о чемъ либо иномъ, кромѣ *слога*, котораго порча приписывалась только пристрастному предпочтенію французскаго языка и французскому воспитанію; потомъ уже, въ концѣ своего *Разсужденія*, Шишковъ, чувствуя недостаточность прямыхъ доводовъ, прибѣгнулъ къ другимъ и задѣлъ своихъ противниковъ опасеніемъ за ихъ религіозныя и патріотическія чувства. Чѣмъ далѣе шла полемика, тѣмъ болѣе пользовался онъ этой уловкой“, и проч. (стр. 42—43).

жественность. Знакомство съ памятниками древне-русской письменности, при сочиненіи исторіи, и съ образцами народной поэзіи (пѣснями, сказками и т. п.) имѣло, конечно, большое вліяніе на образованіе слога позднѣйшихъ сочиненій Карамзина.

Такимъ образомъ, карамзинскій слогъ отличается большимъ изяществомъ и всѣми совершенствами стилистической отдѣлки: онъ легокъ, плавенъ и благозвученъ; предложенія и періоды построены и авильно, хорошо округлены и закончены. Но, при всѣхъ этихъ совершенствахъ, слогу Карамзина не достаетъ простоты, а иногда силы и энергіи: онъ слишкомъ отзывается искуственностію и однообразіемъ. Ритмическое благозвучіе его періодовъ и предложеній, — по большей части, съ дикталическимъ окончаніемъ, съ прилагательными послѣ существительныхъ *), — дѣлаетъ нерѣдко его рѣчь до крайности монотонною и манерною. Подражаніе древне-русскому языку во многихъ мѣстахъ «Исторіи государства россійскаго», съ употребленіемъ старинныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, иногда не удавалось Карамзину и кажется неестественнымъ.

Слогъ исторіи Карамзина имѣлъ большое и, безъ сомнѣнія, благотворное вліяніе на нашу литературу: своею чистотою и правильностію онъ много способствовалъ къ совершенству новаго литературнаго языка. Слогъ этотъ долго признавался въ грамматикахъ и учебникахъ за образцовый: «но дальнѣйшіе успѣхи нашего языка въ сочиненіяхъ Грибоѣдова, Крылова, Пушкина (говоритъ г. Буслаевъ въ предисловіи къ своей «Историч. грамматикѣ») уже не нашли себѣ оправданія въ руководствахъ, принявшихъ за образецъ карамзинскую рѣчь. Вслѣдствіе чего, первый художникъ и знатокъ русскаго слова, Пушкинъ, увидѣлъ себя въ странномъ противорѣчіи со многими параграфами принятой въ его время грамматики».—(Кромѣ упомянутой выше статьи г. Грота о языкѣ и слогѣ Карамзина см. еще рѣчь проф. Н. А. Лавровскаго: «Карамзинъ и его литературная дѣятельность». Харьковъ 1866).

Такъ называемое «славянофильство» Карамзина.—Мы упомянули выше о наклонности Карамзина, въ позднѣйшую пору его дѣятельности, къ такъ называемымъ славянофильскимъ мнѣніямъ. Наклонность эта замѣтна въ послѣднихъ томахъ его исторіи и въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ, какъ напримѣръ, въ запискѣ, озаглавленной: «Мнѣніе русскаго гражданина», и касающейся польскаго вопроса (Напеч. въ «Неизданныхъ сочин. и перепискѣ Н. М. Карамзина», ч. I. Спб. 1862). Но мнѣніе противъ реформы Петра, Карамзинъ высказываетъ прямо и рѣзко въ извѣстной запискѣ своей «О древней и новой Россіи» **). Записка эта направлена, главнымъ образомъ, противъ предпри-

*) Какъ напр. въ приведенномъ нами выше описаніи Святослава: „возобновить славу оружія *россійскаго*“; „укрѣпилъ себя для трудовъ *воинскихъ*“, и т. п. Въ сочиненіи г. Буслаева: „О преподаваніи отечеств. языка“, (М. 1844) приведено много такихъ примѣровъ изъ сочиненій Карамзина, равно какъ и примѣровъ изъ его исторіи словамъ и оборотамъ заимствованныхъ изъ старинныхъ памятниковъ.

**) Записка „О древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ“ написана въ 1811 г. и была прочтена Александромъ. Она обращалась въ рукописи и вполнѣ не напечатана до настоящаго времени. Часть ея была по-

нятыхъ императоромъ Александромъ, въ первое десятилѣтіе своего царствованія, преобразованій государственнаго управленія, душею которыхъ былъ знаменитый Сперанскій. Въ видѣ вступленія къ этой главной части записки, Карамзинъ дѣлаетъ вначалѣ краткое обозрѣніе исторіи Россіи до конца царствованія Екатерины II. Вся записка имѣетъ рѣзкій, полемическій характеръ, какого не замѣчается ни въ одномъ сочиненіи Карамзина. Введеніе, или первая часть ея, есть не болѣе, какъ идеализація всей древней Руси и краснорѣчивое изображеніе ея доблестей, патріархальныхъ нравовъ, государственной крѣпости. Являясь безусловнымъ защитникомъ и приверженцомъ стараго порядка, Карамзинъ находитъ что-то доблестное и похвальное даже и въ томъ, напримѣръ, что предки наши, еще передъ временемъ Петра, «оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный Россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а *Святая Русь* первое государство». Дойдя до Петра, Карамзинъ рѣзко осуждаетъ всю его преобразовательную дѣятельность. Главный упрекъ его реформѣ заключается въ томъ, что Петръ коснулся неприкосновенности древнихъ обычаевъ, нарушивъ ихъ своими уставами: «предписывать обычаямъ уставы есть насиліе беззаконное», — говоритъ Карамзинъ.—Мы уже знаемъ отчасти взглядъ записки Карамзина на реформу (см. выше стр. 249). Онъ здѣсь говоритъ, что Россія и до Петра «въ нѣдрахъ своихъ заключала обильные источники силы и благоденствія, обнаруживала очевидное стремленіе къ благоустройству и образованію, знакомилась, сближалась съ Европою, и хотя медленно, но твердымъ и вѣрнымъ шагомъ подвигалась къ той же цѣли, къ которой такъ *насильственно* увлекъ ее Петръ Великій, не пощадивъ ни нравовъ, ни обычаевъ, ни основныхъ началъ народности». Этими словами не только осуждается преобразовательная дѣятельность Петра, но и отвергается самая необходимость и законность его реформы.

Совершенно иначе Карамзинъ смотрѣлъ на Петра и на его реформу въ первый періодъ своей дѣятельности. Въ 1790 г. онъ вотъ что говорилъ (въ «Письмахъ русскаго путешественника») въ защиту реформы и противъ мнѣнія тѣхъ, которые обвиняли Петра въ безусловномъ подражаніи всему иноземному: «Путь образованія и просвѣщенія *одинъ* для народовъ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ... Иностранцы были умнѣе Русскихъ, и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами... Избирать во всемъ лучшее есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ... Всѣ жалкія *Іереміады* объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіогноміи—или не что иное какъ шутки, или происходятъ отъ недостатка въ размышленіи. Мы не

мѣщена при пятомъ изданіи исторіи Карамзина (Эйнерлинга, въ 3 т. 1843); а нѣкоторые отрывки изъ главной части ея, заключающей въ себѣ критику и осужденіе преобразовательной дѣятельности Сперанскаго, приведены въ книгѣ барона М. Корфа: „Жизнь графа Сперанскаго“ (Спб. 1861, стр. 132—144). О „запискахъ“ Карамзина см. также Ег. Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ“ и проч. Приложеніе. Стр. 231—233.

таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состоянiи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченiю разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствiямъ. Все *народное* ничто передъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ *)», и проч.

Измѣнивъ впослѣдствiи этотъ взглядъ свой на реформу Петра, Карамзинъ сошелся въ мнѣнiи съ взглядами о ней Екатерины II, кн. Дашковой, Болтина, кн. Щербатова. Онъ не только сходится съ послѣднимъ въ славянофильскихъ мысляхъ и тенденцiяхъ, не даже повторяетъ его выраженiя въ своей запискѣ: «Чѣмъ болѣе мы успѣвали въ людкости, въ обходительности, тѣмъ болѣе слабѣли связи родственныя», и проч. Не сходится Карамзинъ съ Щербатовымъ лишь въ мнѣнiи относительно царствованiя Екатерины II, вся дѣятельность которой подвергается рѣзкому осужденiю и находитъ самаго суроваго судью въ авторѣ сочиненiя «О поврежденiи нравовъ въ Россiи». Карамзинъ же, напротивъ, представляетъ екатерининское время въ идеальномъ свѣтѣ и ставитъ его постоянно въ образецъ своему времени, какъ бы не замѣчая того, «что, при всемъ блескѣ государствованiя Екатерины II, — какъ говоритъ баронъ Корфъ, — многое изъ дѣйствительно въ немъ совершавшагося, особенно въ послѣднiе его годы, находилось въ постоянномъ противорѣчiи съ тѣми великими идеями, которыя провозглашались съ престола». (Жизнь гр. Сперан. стр. 142).

Вторая и главнѣйшая часть записки Карамзина, заключающая въ себѣ критику реформы Сперанскаго, по своему содержанiю, не относится до нашего обозрѣнiя. Но мы не можемъ оставить здѣсь безъ вниманiя двухъ обстоятельствъ: вопервыхъ, что Карамзинъ порицаетъ реформу Сперанскаго, во многихъ мѣстахъ своей записки, во имя устарѣлыхъ началъ и симпатiй къ старому порядку вещей; а вовторыхъ, что въ своихъ порицанiяхъ реформы Сперанскаго онъ повторяетъ мнѣнiя невѣжественной и отсталой реакцiонной партiи, интриги которой собственно и были причиною паденiя и несчастiя Сперанскаго,—какъ это превосходно изложено въ книгѣ барона Корфа.

Послѣдователи Карамзина; сантиментальная школа; Дмитрiевъ; общая характеристика сантиментальной школы. Озеровъ. — Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтiя сантиментальная школа, представителемъ которой былъ Карамзинъ, сдѣлалась господствующей въ нашей литературѣ. Карамзинъ, какъ мы видѣли, не былъ изобрѣтателемъ или основателемъ сантиментализма: онъ только распространилъ его у насъ, посредствомъ своихъ сочиненiй, которыя пришлись по вкусу тогдашнимъ читателямъ и доставили Карамзину множество подражателей. Образовалась цѣлая школа сантиментальныхъ

*) „Письма русск. пут.“, 515.

писателей, для которыхъ Карамзинъ сдѣлался исключительнымъ образцомъ и законодателемъ *вкуса*, *слога* и *направленія* въ литературѣ. Онъ былъ звѣздою первой величины въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ. Ему давали названія «чувствительнаго, нѣжнаго, любезнаго, привлекательнаго, новаго Стерна, нашего Стерна» и т. п. Одни только литературные старовѣры, во главѣ которыхъ стоялъ адмиралъ *Шишковъ*, А. С. (1754—1841), возставали противъ новаго направленія карамзинской школы. Но дѣло Шишкова, защищавшаго преимущественно чистоту русскаго языка отъ французскаго вліянія и старыя литературныя традиціи, не могло быть выиграно; потому что на сторонѣ новой школы были всѣ симпатіи общества. Для противодѣйствія новому направленію, Шишковъ образовалъ литературное общество, подъ именемъ «Русской бесѣды», къ которой принадлежали всѣ его единомышленники. Партія молодыхъ литераторовъ, приверженцевъ Карамзина, составила въ свою очередь свой литературный кружокъ, подъ названіемъ «Арзамаса». Борьба, которая велась между обѣими литературными партіями, ограничивалась, впрочемъ, большею частію мелочными спорами о слогѣ, о внѣшнихъ литературныхъ формахъ и пріемахъ, о вкусѣ и т. п. и заключалась какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, въ болѣе или менѣе остроумныхъ насмѣшкахъ, шуточныхъ стихахъ, комедіяхъ, самое существованіе которыхъ давно позабыто и не оставило послѣ себя никакихъ серьёзныхъ слѣдовъ ни въ литературѣ, ни въ обществѣ.

Вторымъ представителемъ сантиментальной школы, послѣ Карамзина, признается *Дмитріевъ*, Иванъ Ивановичъ (1760—1837). Онъ пользовался въ свое время славою одного изъ первокласныхъ поэтовъ. Но Дмитріевъ не имѣлъ поэтическаго таланта, не владѣлъ ни творческой фантазіей, ни истиннымъ чувствомъ. Онъ самъ чистосердечно признается въ этомъ въ своихъ «запискахъ». «Въ стихахъ моихъ — говоритъ онъ здѣсь — примѣчается скудость въ идеяхъ, болѣе живости и украшеній, чѣмъ глубокомыслія и силы»... «Часто приходило мнѣ даже на мысль, что я совсѣмъ не поэтъ, а пишу только по какому-то случайному направленію, по одному навыку къ механизму» *). Что у Дмитріева не было дѣйствительно истиннаго призванія къ поэзіи, это доказывается уже тѣмъ, что какъ только онъ достигъ высокихъ должностей и чиновъ по службѣ и высокаго положенія въ обществѣ, онъ бросилъ занятія стихотворствомъ и пересталъ писать стихи. «Авторская моя жизнь кончилась» — говоритъ онъ въ «запискахъ», послѣ полученія званія сенатора (*Ibid.* стр. 90). А это было еще въ началѣ столѣтія (1806), и «Дмитріевъ жилъ послѣ того болѣе тридцати лѣтъ.

Понятіе же его о поэзіи, по его собственнымъ словамъ, были вотъ каковы: «Одну только плавность стиха и богатую риѳму я считалъ *красотой* и *совершенствомъ* поэзіи, — говоритъ онъ, и тутъ-же замѣчаетъ: «Но въ то

---

*) „Взглядъ на мою жизнь", стр. 92.

время у насъ едва ли не также думали не только читатели, но и самые *первостепенные* стихотворцы» (*Ibid.*, 91 значитъ, Державинъ и друг.).

Стихотворенія Дмитріева отличаются въ самомъ дѣлѣ отъ произведеній предшествовавшихъ ему стихотворцевъ одними внѣшними преимуществами, т. е. болѣе легкимъ языкомъ и болѣе совершенной версификаціей. Онъ первый началъ писать легкіе для своего времени стихи, и этимъ сдѣлалъ такое же усовершенствованіе въ русскомъ стихотворномъ языкѣ, какое Карамзинъ сдѣлалъ въ русской прозѣ. Вотъ въ чемъ заключается все значеніе Дмитріева въ исторіи нашей литературы. Большая часть его стихотвореній принадлежитъ къ переводамъ или къ передѣлкѣ съ французскаго. Въ своихъ одахъ, изъ которыхъ славились: «Ермакъ», «Освобожденіе Москвы» и «Гласъ патріота», Дмитріевъ является послѣдователемъ риторической школы, также какъ и самъ Карамзинъ, который въ первой періодъ своей дѣятельности писалъ стихи. Но прочія стихотворенія Дмитріева: посланія, пѣсни (которыя вмѣстѣ съ пѣснями Мерзлякова и Нелединскаго-Мелецкаго были въ большой модѣ), элегіи и разныя мелкія стихотворенія теперь для насъ кажутся слишкомъ приторными по своей карамзинской чувствительности, хотя для своего времени стихотворенія эти имѣли, — какъ мы уже сказали выше,—такое же значеніе, какъ и сантиментальныя повѣсти Карамзина.

Болѣе достоинствъ имѣютъ сатирическія стихотворенія Дмитріева, какъ напримѣръ, его умная и злая сатира на плохихъ стихотворцевъ: «Чужой толкъ», его басни, сатирическія повѣсти, и проч. Но объемъ сатиры Дмитріева весьма ограниченъ: она имѣетъ въ виду однѣ мелкія человѣческія слабости или смѣшныя наклонности людей и не отличается ни глубинною, ни силой, ограничиваясь болѣе или менѣе остроумной и колкой насмѣшкой.

Дмитріевъ оставилъ послѣ себя «записки», — единственное сочиненіе, написанное имъ въ прозѣ. Записки эти подъ заглавіемъ: «Взглядъ на мою жизнь» напечатаны вполнѣ только въ 1866 году и заключаютъ въ себѣ большой историческій интересъ по многимъ характеристическимъ чертамъ, которыя въ нихъ сообщаются о времени императоровъ Павла и Александра I, о многихъ современныхъ лицахъ, о современной литературѣ и т. п. Занимая важныя должности на государственной службѣ, между прочимъ, должность министра юстиціи, Дмитріевъ имѣлъ возможность знать многое, что было не доступно для другихъ. Тѣмъ не менѣе «записки» его не отличаются особеннымъ богатствомъ подробностей о важнѣйшихъ современныхъ явленіяхъ, въ особенности же—о явленіяхъ жизни общественной, о наиболѣе жизненныхъ вопросахъ и интересахъ современности, и еще менѣе отличаются проницательностію, либо глубиною взгляда на прожитое, на видѣнное и слышанное авторомъ въ длинный періодъ его жизни. Мемуары эти, напротивъ, какъ-то безжизненно-сухи, сдержанны и мелочны, и въ сужденіяхъ своихъ о характерахъ, лицахъ и явленіяхъ времени ни мало не представляютъ жизненной наблюдательности, или глубокаго знанія и пониманія вещей, не рисуютъ передъ нами вполнѣ даже самой личности автора со стороны его симпатій и антипатій, какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ «запискахъ» Державина или въ мемуарахъ князя Щербатова. Достоинства

«записокъ» Дмитріева, — помимо того значенія, какое имѣютъ всякіе мемуары вообще, т. е. какъ источникъ или матеріалъ для изученія извѣстной исторической эпохи, — заключаются въ искренности, простотѣ и правдивости ихъ разсказа, обличающихъ въ авторѣ человѣка высокой честности, образованнаго и благородно-мыслящаго

Сантиментальная школа представляетъ затѣмъ еще цѣлый рядъ болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей и литераратурныхъ дѣятелей. (Замѣтимъ, что представляемая нами здѣсь характеристика относится собственно къ такъ называемой «изящной» литературѣ или беллетристикѣ; о развитіи же журналистики послѣ Карамзина и о нѣкоторыхъ выдающихся въ ней явленіяхъ мы говоримъ во II томѣ нашего труда). Но всѣ эти писатели были не болѣе, какъ подражателями Карамзина и довели его сантиментализмъ и искуственную чувствительность до крайнихъ предѣловъ и до смѣшнаго, какъ напримѣръ, князь *Шаликовъ*, надъ приторною чувствительностію котораго смѣялись почти всѣ послѣдователи школы, а сами, между тѣмъ, отличались такою же плаксивою сантиментальностію въ своихъ сочиненіяхъ.

Обширная переводная литература сантиментальнаго направленія имѣла тотъ же характеръ мелочности и ничтожества, какъ и литература оригинальная. Для переводовъ выбирались преимущественно сочиненія: Коцебу, Авг. Лафонтена, г-жи Жанлисъ, Мармонтеля, г-жи Коттень, Дюкредюмениля и тому подобной жалкой посредственности. Пушкинъ, который въ живую пору молодости гораздо вѣрнѣе судилъ о вещахъ, нежели въ пору возмужалости своего таланта, когда онъ подчинился рутиннымъ взглядамъ и понятіямъ, — вотъ что говорилъ о литературѣ конца XVIII и начала XIX столѣтія: «Ничтожество общее; французская обмельчавшая словесность овладѣла всѣмъ (envahit tout). Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Доратъ, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, m-me Жанлисъ овладѣваютъ русскою словесностію« *). Самъ Карамзинъ относился впослѣдствіи къ этой литературѣ, развившейся подъ его вліяніемъ, съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ. Въ письмахъ къ Дмитріеву изъ Петербурга онъ писалъ, что не читаетъ почти ничего «отечественнаго» и «не восхищается нашей литературой». Дмитріевъ, въ свою очередь свидѣтельствуетъ, что Карамзинъ, предавшись весь исторіи, «даже *охолодѣлъ къ тогдашней* нашей литературѣ». («Зап.», 89).

Сочиненія писателей сантиментальной школы, не представляя, такимъ образомъ, ничего новаго, поучительнаго или интереснаго въ какомъ бы то ни было отношеніи, послѣ сочиненій Карамзина и Дмитріева, — не могутъ поэтому слу-

---

*) „Сочиненія Пушкина" (изд. Анненкова) т. I, стр. 158—159.. Эти слова (писанные въ 1825 г.) г. Анненковъ приводитъ изъ программы, набросанной Пушкинымъ для статьи о русской литературѣ. Тутъ же приведено мнѣніе Пушкина въ эту пору его развитія о Дмитріевѣ и Богдановичѣ, въ которыхъ онъ не признавалъ поэтическаго таланта, объясняя ихъ славу, какъ поэтовъ, общимъ, отчасти слѣпымъ, соглашеніемъ.

жить для насъ и предметомъ подробнаго разбора или изученія. Вообще же о сантиментальной школѣ въ нашей литературѣ можно замѣтить, что она не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго и замѣчательнаго ни въ національномъ, ни въ общечеловѣческомъ смыслѣ. Все тутъ мелочно и ограничено: она не отличается ни широтою взгляда, ни серьезностію направленія; ибо серьезность направленія исключаетъ всякую сантиментальность. На первомъ планѣ у дѣятелей этого періода русской литературы стояла округленная и звучная фраза и пріятность слога. Внутреннее же содержаніе ихъ сочиненій, не отличаясь ни глубиною мысли, ни силою чувства, проникнутаго идеями и убѣжденіями времени, заключалось въ одной чувствительной фразеологіи и изліяніи потоковъ слезъ. Они подражали европейскимъ писателямъ, но подражали самымъ посредственнымъ и ничтожнымъ изъ нихъ, — о которыхъ мы говорили выше, — а не шли въ своихъ подражаніяхъ за тѣми изъ могучихъ дѣятелей въ тогдашней западной литературѣ, которые были главными носителями идей и задушевныхъ вѣрованій своего времени. Нѣсколько плохихъ переводовъ изъ Гёте и Шиллера не имѣютъ тутъ никакого значенія; а Ж. Ж. Руссо былъ тогда понимаемъ единственно, какъ «чувствительный» писатель, котораго называли, — какъ В. Измайловъ, напримѣръ, — «своимъ любезнымъ женевцемъ» или просто — «Иваномъ Яковлевичемъ Руссо» *), не проникая въ то, что было главнымъ и существеннымъ въ идеализмѣ сердца и въ пламенныхъ мечтаніяхъ Руссо о первобытной жизни. Оттого, вся литература наша этого времени отличается ложью и натянутостію чувства, неискренними и неестественными потоками слезъ и приторною, до крайности манерною сантиментальностію, нимало не исключавшею риторики. Тутъ еще не было сближенія съ дѣйствительностію, съ жизнію; тутъ не было истинной природы, а была только природа фиктивная, жизнь разрумяненная. Правда, были заявлены права на дѣйствительность и естественность, и литература должна была спуститься съ прежней олимпійской высоты; упрощался нѣсколько языкъ и внѣшнія литературныя формы. Вотъ въ чемъ и заключается все значеніе сантиментальной школы и наконецъ въ томъ еще, что она обратилась къ массѣ читателей и значительно размножила число людей, интересующихся литературой. Но нельзя не сказать, что, при своемъ направленіи, она была плохою образовательницею общества и не давала своимъ читателямъ здоровой умственной и нравственной пищи. И едвали прежніе переводы произведеній французскихъ классиковъ не внесли съ собою въ нашу литературу болѣе образовательныхъ началъ, нежели всѣ произведенія сантиментальной школы. Трагедіи Расина и Вольтера или комедіи Мольера, не смотря на все свое риторическое декламаторство и ложно-классическія формы, безъ сомнѣнія, заключали въ себѣ гораздо болѣе просвѣтительныхъ идей, нежели всѣ драмы и романы Коцебу, Ав. Лафонтена, Мармонтеля и другихъ, вмѣстѣ взятые.

Озеровъ. — Къ времени господства въ нашей литературѣ сантиментальной

*) „Литературные дѣятели прежняго времени", Е. Колбасина, СПб. 1859 стр. 50

школы принадлежитъ и дѣятельность одного изъ талантливѣйшихъ нашихъ драматурговъ прежняго времени, третьяго русскаго трагика—*Озерова*, Владислава Александровича (1770—1816). На его трагедіяхъ, не смотря на то, что онѣ по своему направленію, по развитію характеровъ и по своему построенію, принадлежатъ еще къ прежнему, «классическому» роду трагедій, на нихъ тѣмъ не менѣе отразилось въ значительной степени сантиментальное настроеніе времени и тотъ романтическій элементъ, который скоро сдѣлался господствующимъ во всѣхъ родахъ русской изящной литературы.

Озеровъ написалъ пять трагедій *). Лучшая изъ нихъ: «Эдипъ въ Аѳинахъ» была представлена первый разъ въ 1804 году и произвела такое сильное впечатлѣніе на зрителей, какого не производили ни трагедіи Сумарокова, ни трагедіи Княжнина. Въ трагедіяхъ своихъ Озеровъ слѣдовалъ французской классической школѣ, какъ и первые русскіе трагики — Сумароковъ и Княжнинъ. Но онъ стоитъ неизмѣримо выше ихъ обоихъ, какъ по созданію и обработкѣ характеровъ, по плану и расположенію своихъ піесъ, такъ и по языку и по строенію стиха. Существенное отличіе трагедій Озерова отъ предъидущихъ заключается въ элементѣ чувствительности, который входитъ значительною долею во всѣ его трагедіи и составляетъ ихъ основный характеръ. Глубокая, раздражительная чувствительность была личнымъ свойствомъ самого Озерова, какъ человѣка и писателя. Не безъ основанія приписываютъ этой раздражительности Озерова и его преждевременную смерть. Но этой же трогательной чувствительности и нѣжнымъ, сантиментальнымъ сценамъ трагедіи Озерова обязаны тѣмъ блистательнымъ успѣхомъ на сценѣ, которымъ онѣ пользовались въ свое время, и которому способствовали, кромѣ того, блестящій и легкій для того времени стихъ Озерова и игра знаменитыхъ актеровъ—Яковлева и Шушерина и актрисы Семеновой, которая дебютировала въ «Эдипѣ».

Озеровъ обладалъ, безъ сомнѣнія, драматическимъ талантомъ; но талантъ его, во всякомъ случаѣ ниже той славы, которую составили ему восторженные современники. Таланта Озерова ставало на столько, чтобы быть удачнымъ подражателемъ посредственнаго французскаго трагика Дюси **), немилосердно искажавшаго трагедіи Софокла и Шекспира. Лучшая трагедія Озерова: «Эдипъ въ Аѳинахъ» есть не только подражаніе, но и переводъ цѣлыхъ сценъ и монологовъ изъ трагедіи Дюси: «Эдипъ Колонскій» (Œdipe à Colon), которая у Дюси составляетъ въ свою очередь заимствованіе и передѣлку трагедіи Софокла того же имени.

«Эдипъ» Озерова имѣлъ огромный успѣхъ на сценѣ. Болѣе эффектные и

---

*) „Ярополкъ и Олегъ", „Эдипъ въ Аѳинахъ", „Фингалъ", „Димитрій Донской", „Поликсена".

**) Дюси (J-F Ducis † 1816) передѣлалъ на французскій манеръ Шекспировыхъ: „Гамлета", „Ромео и Юлію", „Короля Лира", „Макбета" и „Отелло". Любопытно, что Дюси содержаніе одной изъ двухъ своихъ оригинальныхъ трагедій заимствовалъ изъ русской жизни,—но представилъ ее въ крайне искаженномъ видѣ. Піеса эта носитъ заглавіе: „Fœdor et Wladimir, ou la famille sibirienne".

громкіе монологи и рѣчи заучивались въ публикѣ наизусть; монологъ Тезея: «Мой мечъ—союзникъ мнѣ», и проч. слова Антигоны: «Онъ слѣпъ, а я слаба», и проч. и многія другія патетическія мѣста трагедіи покрывались громомъ рукоплесканій.

Такой успѣхъ заставилъ Озерова написать другую трагедію: «Фингалъ», сюжетъ которой онъ взялъ изъ поэмы «Фингалъ», приписываемой шотландскому барду III вѣка, Оссіану. Какъ доказано теперь, «старинная шотландская поэзія», приписываемая Оссіану, есть не болѣе, какъ искусная поддѣлка Макферсона. Тѣмъ не менѣе поэзія эта, при появленіи своемъ, произвела сильное впечатлѣніе повсюду въ Европѣ, служа предвѣстникомъ зараждавшагося романтизма (см. ниже.) Вслѣдствіе чего, и въ «Фингалѣ» Озерова является преобладающимъ романтическій элементъ. Нашъ поэтъ отступилъ здѣсь даже отъ узаконенныхъ пяти актовъ классической трагедіи и написалъ свою трагедію въ трехъ актахъ. Романтическая нѣжность, или «унылость», какъ говорили тогда, мечтательная грусть Моины, невѣсты Фингала, и меланхолическое рыцарство самаго Фингала, по новости подобныхъ изображеній въ русской литературѣ, доставили большой успѣхъ «Фингалу» Озерова, хотя трагедія эта и вооружила противъ себя приверженцевъ классической школы. Но еще большимъ успѣхомъ пользовалась слабѣйшая изъ трагедій Озерова: «Димитрій Донской», представленная въ первый разъ (1807) передъ прейсишъ-эйлаускимъ сраженіемъ. Вслѣдствіе патріотическаго воодушевленія, которымъ проникнута эта піеса, и примѣненія къ современнымъ политическимъ обстоятельствамъ и вслѣдствіе эфектныхъ сценъ и громкихъ стиховъ она была принята публикой съ неописаннымъ восторгомъ. Здѣсь, въ борьбѣ Димитрія съ Мамаемъ,—на которой основана трагедія,—авторъ хотѣлъ представить тогдашнія политическія отношенія Александра къ Наполеону, между которыми тогда ждали неизбѣжнаго столкновенія. Потому стихи Димитрія, съ которыми онъ обращается къ Мамаеву послу:

«Иди къ пославшему и возвести ему,
Что Богу русскій князь покоренъ одному,
Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ конечно мой». (Д. I. Явл. III).

или молитва Димитрія, съ которой онъ обращается къ Богу, послѣ побѣды надъ Мамаемъ, и гдѣ говоритъ:

«Прославь и утверди и возвеличь Россію!
Какъ прахъ земной сотри враговъ кичливыхъ выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки вѣдайте — великъ Россійскій Богъ!

— и всѣ подобныя мѣста въ піесѣ возбуждали такой шумный патріотическій восторгъ въ зрителяхъ, что театръ дрожалъ отъ рукоплесканій, по свидѣтельству современниковъ.

Нечего и говорить, что въ трагедіяхъ Озерова, — какъ въ трагедіяхъ классической французской школы,—дѣйствующія лица и краски ни мало не

отвѣчаютъ описываемымъ времени и мѣсту. Его шотландская Монна и русская княжна Ксенія, въ выраженіи волнующихъ ихъ чувствъ, нисколько не отличаются, напримѣръ, отъ древней гречанки Поликсены (въ плохой трагедіи того же имени); его Димитрій Донской—какой-то влюбленный, сантиментальный рыцарь, который восклицаетъ:

«Всю жизнь отечеству и Ксеніи все чувство
Я съ восхищеніемъ на вѣки посвятилъ».

Но человѣческое чувство любви, хотя и доведенное до сантиментальности, элементъ романтики, оживленныя эффектныя сцены и въ особенности — прекрасный для своего времени и благозвучный русскій стихъ — все это ставило трагедіи Озерова неизмѣримо выше трагедій Княжнина, и все это приводило въ восторгъ современныхъ зрителей. Вотъ что говоритъ одинъ изъ нихъ про первое представленіе «Эдипа» на московской сценѣ (1805 г.): «Такой трагедіи, какова «Эдипъ въ Аѳинахъ», конечно, у насъ еще не бывало ни по стихамъ, ни по правильному расположенію... Мысли прекрасны, чувства бездна; есть сцены до того увлекательныя, что невольно исторгаютъ слезы... Театръ былъ полонъ, и восторгъ публики былъ единодушный... При стихахъ:

.... Мой мечъ союзникъ мнѣ
И подданныхъ любовь къ отеческой странѣ;
Гдѣ на законахъ власть царей установленна,
Сразить то общество не можетъ и вселенна.

театръ поколебался отъ рукоплесканій, браво» и проч.... *).

Жуковскій.

Расширилъ предѣлы русской литературы и оживилъ русскую поэзію, давъ ей новое содержаніе, Жуковскій, владѣвшій истиннымъ и высокимъ поэтическимъ талантомъ и принадлежащій къ числу важнѣйшихъ историческихъ дѣятелей нашей литературы.

Свѣдѣнія о жизни. — Жизнь *Жуковскаго*, Василія Андреевича (1784 — 1852) не богата разнообразіемъ внѣшнихъ событій и обстоятельствъ. «Она сосредоточена была, по словамъ его біографа (Плетнева) въ тишинѣ кабинета, на трудахъ мысли и вдохновенія».

Жуковскій родился въ селѣ Мишенскомъ, тульской губ. бѣлев. уѣз., и воспитывался сначала дома, въ деревнѣ, въ кругу многочисленнаго семейства

---

*) „Записка Современника съ 1805 по 1819. Ч. I. Дневникъ студента" СПб. 1859. Стр. 160, 162.

своихъ родныхъ, состоявшемъ изъ однѣхъ женщинъ, и потому онъ сдѣлался любимцемъ всей семьи *).

Въ годы самаго ранняго дѣтства Жуковскій лишился своего отца, помѣщика А. И. Бунина, и оставался на попеченіи его вдовы. Сестры были гораздо старѣе его, по свидѣтельству того же біографа, такъ что дочери ихъ сдѣлались его сановоспитанницами. «Эти семейныя обстоятельства — говоритъ Плетневъ — подѣйствовали вопервыхъ на образованіе души Жуковскаго, которая всегда отличалась нѣжностію, благородствомъ, набожностію и какимъ-то рыцарствомъ, во вторыхъ на укрѣпленіе самой чистой любви и дружбы между нимъ и его племянницами». (Стр. 17—18). Дѣло въ томъ, что вліяніе женскаго воспитанія, вліяніе женщинъ вообще, посреди которыхъ протекли дѣтство и молодость Жуковскаго, семейныя отношенія и замѣшавшееся тутъ чувство любви, разрѣшившейся несчастливо для нашего поэта — сначало препятствіями къ соединенію съ любимой женщиной, а потомъ — ея смертію **) — все это, при нѣжной, кроткой, впечатлительной и склонной къ меланхоліи натурѣ Жуковскаго и при сантиментальномъ настроеніи эпохи, наложило на всю его поэзію тотъ отпечатокъ мечтательной, романтической грусти, съ которымъ знакома намъ всѣмъ поэзія Жуковскаго.

Послѣ неудачнаго обученія въ одномъ частномъ пансіонѣ въ Тулѣ и въ тамошнемъ народномъ училищѣ, Жуковскій, на 14 лѣтнемъ возрастѣ, отвезенъ былъ въ Москву и отданъ для окончательнаго образованія и воспитанія въ «Московскій университетскій благородный пансіонъ». Курсъ этого пансіона,— равно какъ и курсы «благородныхъ» пансіоновъ, устроенныхъ потомъ по его примѣру и при другихъ университетахъ исключительно для дѣтей привиллегированныхъ классовъ,—былъ гораздо ниже университетскихъ; но пансіоны эти тѣмъ не менѣе давали своимъ питомцамъ такіе же привиллегіи, какъ и университеты **).

Уже въ тульскомъ народномъ училищѣ Жуковскій обнаружилъ наклонность къ поэзіи и не любилъ математики. Въ благородномъ пансіонѣ онъ имѣлъ полную возможность удовлетворять этой наклонности своей, пользуясь уроками профессоровъ университета (к. н. Сохацкаго), возбудившихъ въ немъ любовь

---

*) Объ обстоятельствахъ рожденія и о первоначальномъ воспитаніи и дѣтскомъ развитіи Жуков. см. „Очеркъ развитія поэтической дѣятельности В. А. Жуковскаго", д-ра *Зейдлица* (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г. кн. апрѣль, май и іюнь), а также: „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго", П. А. *Плетнева*. СПб. 1853 г.

**) См статью д ра Зейдлица.

***) Моск. унив. панс. учрежденъ въ 1770 году и существовалъ до 1830 г., когда преобразованъ въ гимназію, названную въ 1833 г. „дворянскимъ институтомъ" и въ 1849 г. преобразованную въ 4-ю гимназію. См. о немъ книгу Н. В. *Сушкова*: „Московскій университетскій благородный пансіонъ" и проч. Изд. 2-е М. 1858 См. также „Литературные Воспоминанія", И. *Панаева* („Современ." 1860, ч. 1, гл. I.). Авторъ говоритъ здѣсь по поводу „благородн. пансіона при петерб. универс." гдѣ онъ воспитывался: „Курсъ *благородныхъ пансіоновъ* едвали былъ не ниже настоящаго гимназическаго курса, и между тѣмъ эти пансіоны пользовались равными съ университетомъ привиллегіями". Стр. 122.

къ нѣмецкимъ и англійскимъ писателямъ. Изучивъ языки: французскій, нѣмецкій и англійскій, Жуковскій скоро познакомился и съ литературами этихъ языковъ. Онъ былъ принимаемъ и любимъ, какъ родной въ домѣ начальника пансіона и директора московскаго университета, И. П. Тургенева, сыновья котораго, Александръ и Андрей, любили и занимались литературой и сдѣлались друзьями Жуковскаго. Въ домѣ Тургенева онъ сдѣлалъ знакомство и съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ, обратившееся впослѣдствіи въ тѣсную дружбу. Слѣдственно, обстановка первой молодости Жуковскаго вполнѣ благопріятствовала его наклонности къ поэзіи и къ литературнымъ занятіямъ, которыя вообще очень поощрялись въ благородномъ пансіонѣ, гдѣ обращалось преимущественное вліяніе на развитіе литературнаго образованія. Жуковскій оставался въ пансіонѣ пять лѣтъ.

По окончаніи курса, живя то въ Москвѣ, то въ деревнѣ у родственниковъ, Жуковскій занимался переводами и работалъ для тогдашнихъ московскихъ журналовъ. Въ 1802 г. онъ перевелъ элегію англійскаго поэта Грея: «Сельское кладбище», которая была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы», издававшемся въ то время Карамзинымъ. Жуковскій самъ называетъ эту элегію своимъ *первымъ напечатаннымъ* стихотвореніемъ; потому что прежніе его, дѣтскіе и юношескіе, опыты въ стихахъ и въ прозѣ не заслуживаютъ вниманія. Элегія «Сельское кладбище» имѣетъ значеніе въ русской литературѣ, какъ первое, художественно написанное элегическое стихотвореніе. Она произвела впечатлѣніе въ свое время и доставила извѣстность Жуковскому. Въ 1808, 1809 и 1810 г. Жуковскій издавалъ,—сначала одинъ, а въ послѣдній годъ, въ сотрудничествѣ съ проф. Каченовскимъ,—«Вѣстникъ Европы», гдѣ помѣщалъ свои стихотворенія и разныя статьи въ прозѣ. Въ 1812 году, во время отечественной войны, Жуковскій поступилъ въ ополченіе, и въ лагерѣ подъ Тарутиномъ написалъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ». Это патріотическое стихотвореніе доставило Жуковскому громкую славу и популярность и сдѣлало его извѣстнымъ при дворѣ. Онъ скоро переѣхалъ въ Петербургъ и находился постоянно въ числѣ приближенныхъ ко двору. Въ 1817 году онъ былъ избранъ для преподаванія уроковъ русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, впослѣдствіи русской императрицѣ. А въ 1825 г. Жуковскій былъ назначенъ въ наставники при воспитаніи Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора. Исполнивъ эту высокую обязанность, Жуковскій находился при Государѣ Наслѣдникѣ, во время его путешествія (1837 и 1838) по Россіи и по Европѣ. Еще до этого времени, Жуковскій совершилъ два заграничныхъ путешествія, проживъ нѣкоторое время въ Германіи и въ Швейцаріи, близъ Женевскаго озера. Слабость здоровья заставляла его совершать частыя поѣздки за границу. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ онъ женился (1841) на молодой дѣвушкѣ, дочери друга своего, живописца Рейтерна, жившаго тогда въ Дюссельдорфѣ. Послѣ женидьбы, Жуковскій и самъ поселился за границей, ведя тихую семейную жизнь и раздѣляя свое время между поэтическими занятіями и воспитаніемъ своихъ дѣтей. Онъ жилъ сначала въ Дюссельдорфѣ,

потомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, а послѣ 1848 переѣхалъ въ Баденъ-Баденъ, гдѣ и умеръ.

Поэтическая дѣятельность Жуковскаго. Романтизмъ.—Не только любовь къ поэзіи, но и самый характеръ и направленіе поэзіи Жуковскаго ясно опредѣляются, можно сказать, съ самыхъ первыхъ литературныхъ опытовъ его, и потомъ остаются неизмѣнными втеченіе всей пятидесятилѣтней дѣятельности его на поприщѣ русской литературы. Между первыми юношескими произведеніями Жуковскаго, печатавшимися въ соременныхъ московскихъ журналахъ, мы находимъ его прозаическія піесы: «Мысли при гробницѣ» и «Мысли на кладбищѣ», самое заглавіе которыхъ говоритъ о ихъ характерѣ; а въ стихотвореніи: «Къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ», написанномъ, когда поэту исполнилось всего только 19 лѣтъ, мы встрѣчаемъ эти стихи:

Мое младенчество сокрылось;
Увы вянетъ юности цвѣтокъ:
Безъ горя сердце истощилось.

Тоскливое, элегическое чувство, меланхолія, мечтательная грусть, заключающіяся въ переведенной Жуковскимъ, около этого же времени, элегіи Грея: «Сельское кладбище» составляютъ *основные элементы* и *мотивы* почти всѣхъ его послѣдующихъ стихотвореній.

Сказанному нами о неизмѣняемости характера и направленія поэзіи Жуковскаго не противорѣчитъ то обстоятельство, что большая часть стихотвореній изъ перваго періода его дѣятельности отзывается то карамзинскимъ сантиментализмомъ, то вліяніемъ риторической школы; равно какъ и то, что подъ конецъ своего поэтическаго поприща Жуковскій переводитъ Гомера и самъ говоритъ, что онъ «изъ мечтателя романтика сдѣлался трезвымъ классикомъ». Какъ въ первыхъ, такъ и въ послѣднихъ произведеніяхъ своихъ, Жуковскій тѣмъ не менѣе остается романтикомъ,—что бы ни говорили тѣ писатели, которые въ романтической поэзіи Жуковскаго хотятъ видѣть нѣчто особенное и отличное отъ нѣмецкаго романтизма, возродившагося на германской почвѣ въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Духъ, главное направленіе и даже внѣшнюю обстановку именно этого, «нѣмецкаго», романтизма вноситъ Жуковскій въ русскую поэзію и въ русскую литературу, и *романтическій элементъ* составляетъ главное, существенное свойство всей его поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ—его важнѣйшую услугу русской литературѣ.

Въ чемъ же заключается этотъ «романтическій элементъ, этотъ «романтизмъ», представителемъ котораго у насъ не безъ основанія считаютъ Жуковскаго?

«Романтическая» школа *) родилась въ Германіи, въ концѣ прошлаго столѣтія, и имѣла тамъ значительное—впрочемъ весьма не долговременное—

---

*) Ново-романтическое движеніе, возникнувъ въ нѣмецкой литературѣ, отразилось и въ литературахъ англійской и французской. Названо оно „романтическимъ“ или „романтизмомъ“, въ подражаніе средневѣковому романтизму, или рыцарской средневѣковой поэзіи, возникшей на *романскомъ* языкѣ, который образовался, въ

вліяніе не только на литературу и науку, но и на самую жизнь современниковъ. У насъ же подъ именемъ романтизма привыкли обыкновенно понимать новую литературную школу, противодѣйствовавшую французскому классицизму. Въ этомъ смыслѣ «романтизмъ» противоставлялся «классицизму», и у насъ явились свои «романтики» и свои «классики». Противъ такого смутнаго и неопредѣленнаго пониманія романтизма возставалъ Бѣлинскій. Но въ свою очередь онъ придалъ романтизму слишкомъ широкое и странное значеніе, утверждая, что «романтизмъ есть не что иное, какъ внутренній міръ души человѣка, сокровенная жизнь его сердца» и что «проявленіе или дѣйствіе романтизма есть чувство, любовь и всѣ неопредѣленныя стремленія души и сердца къ лучшему, къ возвышенному», и т. п. (См. Сочин. Бѣлин. ч. 8, стр. 151 и дал.). Выходя изъ этихъ основныхъ понятій своихъ о романтизмѣ, Бѣлинскій находитъ романтизмъ и въ миѳахъ древняго Востока и въ древней Греціи, у Гомера и Платона, и наконецъ говоритъ о средневѣковомъ романтизмѣ, который воскрешенъ былъ, по его словамъ, въ Германіи Шиллеромъ (?), самимъ Гёте (?) и партіею братьевъ Шлегелей, Тика и Новалиса.

Такимъ образомъ, со словъ Бѣлинскаго, у насъ стали считать Шиллера однимъ изъ главнѣйшихъ представителей романтической школы. И такъ какъ Жуковскій, симпатизируя современнымъ ему нѣмецкимъ и англійскимъ поэтамъ, многое переводилъ изъ нихъ и между прочимъ прекрасно перевелъ нѣкоторыя піесы Шиллера; то поэзію Жуковскаго и находили родственною съ «романтическою» поэзіею Шиллера.

Можно смѣло сказать, что никто лучше Бѣлинскаго не угадалъ и не опредѣлилъ съ такою ясностію и талантомъ существенныхъ свойствъ и характера поэзіи Жуковскаго, равно какъ и его значенія въ нашей литературѣ. Но тѣмъ не менѣе сужденія Бѣлинскаго о романтизмѣ отзываются понятіями о немъ современныхъ нѣмецкихъ эстетикъ, писанныхъ самими романтиками, потому и не могутъ быть признаны основательными.

Братья Шлегели (Фридрихъ и Августъ Вильгельмъ), стоявшіе во главѣ романтической школы, признаются ея основателями. Шлегели, своими критическими и полемическими статьями, при помощи основаннаго ими журнала «Атеней» и при главномъ участіи Тика и Новалиса (фонъ-Гарденберга), хотѣли произвесть въ нѣмецкой литературѣ такой же радикальный переворотъ, какой произвелъ въ ней Лессингъ, изгнавъ изъ нея господство французскаго псевдоклассицизма и обративъ ее къ естественности и къ національнымъ началамъ. Опираясь на новую идеалистическую философію (сначала Фихте, а потомъ Шел-

---

началѣ среднихъ вѣковъ, во Франціи изъ смѣшенія простонароднаго латинскаго языка съ разными германскими діалектами. Средневѣковая романтическая поэзія была, такимъ образомъ, поэзіею народною для западной Европы. Такъ какъ поэзія эта развилась у народовъ, называемыхъ *романскими* (преимущественно у Французовъ и Испанцевъ), и по своему содержанію, по духу и направленію, рѣзко отличалась отъ древней римской, или латинской, поэзіи; то, въ отличіе отъ послѣдней, она и названа *романтическою*.

линга), на свою первоначальную страсть къ эллинизму и на сочиненія Гёте, Шлегели рѣзко возстали противъ вліянія въ нѣмецкой литературѣ и наукѣ такъ называемыхъ «просвѣтителей», или послѣдователей популярной философіи, основанной на ученіи англійскихъ деистовъ и на идеяхъ французскихъ энциклопедистовъ. Шлегели считали вліяніе этой философіи, (господство которой названо въ Германіи временемъ «просвѣщенія», Aufklärung) вреднымъ для нѣмецкой мысли и для нѣмецкой жизни и справедливо признавали развившуюся, въ семидесятыхъ годахъ, въ Германіи сантиментальную литературу — пошлою, по ея направленію и тенденціямъ. Потому они преслѣдовали въ своихъ критическихъ и полемическихъ статьяхъ, со всею силою насмѣшки и сарказма, съ одной стороны — слишкомъ практичный, сухой раціонализмъ «просвѣтителей» (Николаи и другихъ) и даже сухую систематику и терминологію философіи Канта, а съ другой—произведенія Коцебу, Лафонтена, Маттисона и другихъ писателей, любимыхъ тогдашней нѣмецкой публикой и извращавшихъ ея литературныя понятія и вкусъ. Шлегели ставили на ихъ мѣсто идеальную философію Фихте и произведенія Гёте, превознося по праву всеобъемлющій геній послѣдняго надъ всѣмъ тогдашнимъ литературнымъ міромъ Германіи. Шиллера не жаловали вначалѣ братья Шлегели; но потомъ, когда послѣдовало сближеніе между обоими великими поэтами Германіи, Шлегели отдали должную дань уваженія и генію Шиллера. «Если спрашивали—говоритъ Шерръ—чего же положительно хотѣла новая школа (т. е. романтическая, основанная Шлегелями), то отвѣтъ былъ почти такой: она хотѣла понять, провозгласить и утвердить единство поэзіи и жизни; она хотѣла внести идеалъ въ реальную жизнь, къ чему, правда, стремились уже Гёте и Шиллеръ своимъ путемъ; она хотѣла міръ дѣйствительности пропитать духомъ поэзіи; освободить этимъ общество отъ всякаго филистерскаго ограничиванія и ограниченности и возвести общество въ такую сферу воспитанія и образованія, гдѣ бы жизнь и искусство встрѣчались и сливались въ высшемъ единствѣ религіи». Преслѣдуя такую цѣль, «романтики—по словамъ Шерра — не съумѣли сдѣлать ничего лучшаго, какъ обратиться къ романтизму среднихъ вѣковъ; они утверждали, что въ немъ христіанство связывало въ единство—государство, церковь, народъ, науку, искусство и жизнь. Громко было возвѣщено, что «въ средніе вѣка всѣ интересы и направленія сходились въ высшемъ пунктѣ религіи», и поэзія, вытекавшая изъ религіи, «вездѣ сопровождала и проникла всю разнообразную, многоцвѣтную жизнь; что поэтому въ средніе вѣка, не смотря на рѣзкое разъединеніе сословій феодальнаго государства, всѣ явленія жизни пріобрѣли тѣсную связь съ народною жизнью, и такъ какъ эта народная жизнь есть единственный и неисчерпаемый источникъ поэзіи, то съ возстановленіемъ средневѣковаго романтическаго міра въ церкви, государствѣ и народной жизни неминуемо должна обновиться также поэзія и наука». (Всеоб. ист. лит., стр. 590—591).

Ступивъ на эту дорогу, главы романтиковъ стали съ презрѣніемъ относиться къ жизни настоящаго и наконецъ ко всякой дѣйствительности. Основаніемъ для новой романтической поэзіи они ставили *смутное воспоминаніе прошедшаго* и

смутное предчувствіе будущаго. Такимъ образомъ, всѣ ихъ стремленія направлялись къ тому, чтобы возстановить старину въ новомъ видѣ. Романтики принялись со страстію за разработку и воспроизведеніе средневѣковой жизни, литературы и науки—во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, начали собирать средневѣковыя легенды, сказанія, миѳы, народныя пѣсни. Все это послужило романтическимъ поэтамъ богатымъ матеріаломъ для сочиненія ихъ многочисленныхъ балладъ и романсовъ въ средневѣковомъ духѣ. Изъ стремленій романтиковъ къ возстановленію старины во всякомъ видѣ вытекала и ихъ дѣятельность при развитіи идей Гердера и Гёте о всемірной литературѣ: они принялись за переводы поэтическихъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ, перенесли формы южно-романской поэзіи въ нѣмецкую литературу, въ переводахъ Данте, Баккачіо, Кальдерона; перевели Шекспира и бросились наконецъ въ изученіе и переводы восточной поэзіи, ибо-по словамъ Ф. Шлегеля—«на востокѣ должны мы искать высшаго романтизма». Туманный средневѣковый романтизмъ, со всѣми его мистико-религіозными, рыцарскими и фантастическими тенденціями, овладѣвалъ нѣмецкой литературой. Къ романтической школѣ примкнули многія замѣчательныя дарованія,—хотя она имѣла въ то же время и многихъ жаркихъ противниковъ.

Такъ, презирая настоящимъ и дѣйствительною жизнію, уносясь въ очаровательное для нихъ прошедшее и ища въ немъ идеаловъ для неопредѣленнаго будущаго, романтики послѣдовательнымъ путемъ пришли къ туманному мистицизму и сдѣлались защитниками католической теократіи и возобновленнаго феодализма. Они стали врагами всякаго погресса и всякаго свободнаго развитія духовной дѣятельности человѣка, такъ что теперь—по словамъ Шерра—«реакція и романтизмъ—понятія совершенно равнозначащія». Опоэтизировавъ католичество и феодализмъ и презирая будничную, обыкновенную жизнь настоящаго, романтики создали свою аристократическую литературу, наполненную разными безпорядочными фантазіями. Многіе изъ адептовъ романтизма переходили въ католичество, и «отвернувшись отъ жизни простыхъ людей, подобно своимъ предшественникамъ, трубадурамъ и миннезингерамъ—по словамъ Шлоссера—они натурально искали хорошаго общества при дворахъ и въ дворцахъ, потому изъ свободныхъ людей стали они льстивыми прислужниками»,—какъ Фридрихъ Шлегель, напримѣръ, который продался подъ конецъ Меттерниху и «защищалъ въ Австріи ломкими опорами риторики и софистики всѣ духовныя и свѣтскія учрежденія среднихъ вѣковъ, при всей несообразности ихъ съ духомъ новаго времени». (Ист. XVIII стол· Т. VII, 64—65).

Отношеніе Шиллера и Гёте къ романтической школѣ скорѣе было враждебное, нежели дружественное. По великости ихъ генія, они никогда не могли вдаваться въ тѣ крайности, до которыхъ дошелъ романтизмъ. Дѣятельность романтиковъ подвергалась не разъ рѣзкимъ осужденіямъ Гёте и Шиллера. Въ своихъ сатирическихъ стихотвореніяхъ, называемыхъ «Ксеніями», они преслѣдовали Шлегелей безпощадными насмѣшками. Гёте же произнесъ рѣшительный приговоръ надъ «ново-нѣмецкой религіозно-патріотической», романтической

школой *), и вліяніе этого приговора было таково, что все живое и бодрое въ Германіи, все, требующее отъ поэзіи жизни и правды,—отвернулось совершенно отъ романтиковъ: романтическая школа медленно умерла въ Германіи отъ дѣйствія приговора Гёте—къ тому времени, когда вліяніе ея стало обнаруживаться въ нашей литературѣ. Правда, на нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеніяхъ Шиллера и Гёте отразилось, въ извѣстной степени, вліяніе романтическихъ идей. Но связь—весьма впрочемъ слабая—между романтиками и Шиллеромъ и Гёте существовала лишь въ самомъ началѣ возникновенія романтизма, когда романтическая критика была дѣйствительно полезною, и романтики вносили новый, жизненный элементъ въ литературу и давали ей живое содержаніе. Впослѣдствіи же Шиллеръ и Гёте относились съ презрѣніемъ къ романтикамъ. Романтическій элементъ отразился только на двухъ слабѣйшихъ драмахъ,—Шиллера: «Маріи Стюартъ» и «Орлеанской Дѣвѣ» и наконецъ—въ его превосходныхъ балладахъ и романсахъ, за сочиненіе которыхъ онъ принялся одновременно съ Гёте, и число которыхъ весьма незначительно, по отношенію къ главнѣйшимъ и многочисленнѣйшимъ произведеніямъ обоихъ великихъ поэтовъ Германіи. Притомъ же поэтическое воспроизведеніе предметовъ изъ средневѣковой жизни въ балладахъ Шиллера и Гёте совершенно не имѣло того значенія, какой придавали этому воспроизведенію романтики.

Вотъ въ чемъ собственно заключается новый романтизмъ и вотъ какъ смотрятъ на него теперь лучшіе нѣмецкіе писатели: Гервинусъ, Шлоссеръ, Геттнеръ, Шерръ, Руге, Генрихъ Гейне,—который самъ находился въ первое время своей дѣятельности подъ вліяніемъ идей романтической школы,—и многіе другіе.

Въ началѣ XIX столѣтія романтическое движеніе сильно обнаружилось и въ литературахъ англійской и французской. Но тутъ явилась преимущественно поэзія *разочарованія*, *байронизмъ* и скептическая поэзія разочарованныхъ, обуреваемыхъ духомъ сомнѣнія, французскихъ ново-романтиковъ. Эта поэзія европейскаго разочарованія имѣла также вліяніе на нашу литературу; но о немъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Жуковскій же внесъ къ намъ не поэзію *разочарованія*, а собственно нѣмецкій романтизмъ, со всѣми его *неопредѣленными стремленіями въ туманное прошедшее*, *порываніями отъ земли къ небу*, *съ фантастическимъ царствомъ разныхъ таинственныхъ силъ и видѣній*, *съ мистическою вѣрою въ чудесное и сверхъестественное*. Жуковскій бралъ эти основные мотивы своей поэзіи и у нѣмецкихъ и англійскихъ романтиковъ, и у поэтовъ не-романтиковъ—у Шиллера, Гёте и другихъ или лучше сказать—онъ заимствовалъ мотивы для своей поэзіи у тѣхъ европейскихъ поэтовъ, въ произведеніяхъ которыхъ находилъ эти существенные элементы нѣмецкой романтики, эти стремленія къ незримому и ко всему таинственному, это «стремленіе уноситься въ заоблачное, чуждое

*) Въ статьѣ: „О новѣйшемъ нѣмецкомъ искуствѣ, христіанскомъ и патріотическомъ", помѣщенной въ періодическомъ изданіи Гёте: „Искуство и древность" (Kunst und Alterthum).

всего видимаго», это «новое, дотолѣ незнакомое, нашей поэзіи стремленіе въ область незримаго и тайнаго», — какъ опредѣляетъ Гоголь главное, характеристическое свойство поэзіи Жуковскаго *). Въ ново-романтизмѣ нѣмецкомъ Жуковскій нашелъ, такимъ образомъ, мотивы, родственные его собственному душевному настроенію, которымъ онъ отличался еще съ дѣтства,—и сталъ переносить ихъ въ свою поэзію. Будучи притомъ истиннымъ поэтомъ, одареннымъ отъ природы творческою способностію, онъ съ удивительно вѣрнымъ поэтическимъ чутьемъ понималъ и проникался мыслію и представленіями тѣхъ поэтическихъ произведеній, которыя соотвѣтствовали его собственному душевному настроенію. Вотъ отчего всѣ переводы Жуковскаго на столько глубоко-прочувствованныя и художественно-возсозданныя поэтическія произведенія, что они скорѣе могутъ быть названы оригинальными, нежели переводными твореніями нашего поэта.

Первые переводы Жуковскаго изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ начали появляться еще тогда, когда онъ находился подъ вліяніемъ карамзинской школы и писалъ сантиментальныя стихотворенія («Идиллія», «Дружба», пѣсни: «Мальвина», «Мой другъ, хранитель-ангелъ мой», и друг.) Первые же прозаическія сочиненія Жуковскаго: «Марьина Роща», «Три сестры», его критическія статьи: «О баснѣ и басняхъ Крылова», «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира» и проч. — были рѣшительнымъ подражаніемъ, подобнымъ статьямъ Карамзина. Но въ это же время Жуковскій переводитъ изъ Гёте: «Моя богиня», гдѣ возвышенная красота мысли соединена съ эллинскою простотою формы, и такія же стихотворенія, въ эллинскомъ духѣ, изъ Шиллера: «Касандра» и «Счастіе». Самый стихъ Жуковскаго въ этихъ послѣднихъ стихотвореніяхъ рѣзко отличается отъ вялаго стиха въ его сантиментальныхъ піесахъ, и уже напоминаетъ тотъ изящный и поэтическій стихъ, который онъ выработалъ въ своихъ послѣдующихъ стихотвореніяхъ.

Въ 1808 г. Жуковскій написалъ свою первую балладу: «Людмила», которая есть не болѣе, какъ передѣлка на русскіе нравы нѣмецкой баллады Бюргера: «Ленора». Затѣмъ слѣдовали: «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», старинная повѣсть, въ двухъ балладахъ: «Громобой» и «Вадимъ». Содержаніе послѣдней баллады заимствовано изъ плохаго нѣмецкаго романа Шписа: «Старикъ вездѣ и нигдѣ» и такие какъ въ «Людмилѣ» пріурочено къ «старинной» русской жизни. Третья оригинальная баллада Жуковскаго: «Свѣтлана» хотя и не заимствована ни откуда, но въ ней русскаго—только имена и мѣсто дѣйствія; а по духу своему и характеру «Свѣтлана», какъ и первыя двѣ баллады, вполнѣ принадлежатъ къ разряду нѣмецкихъ романтическихъ балладъ, въ которыхъ привидѣнія, мертвые выходцы изъ гробовъ, вообще фантастическое и чудесное играютъ главную роль. Эти три баллады Жуковскаго чрезвычайно нравились въ свое время и производили сильное впечатлѣніе на современниковъ; по нимъ Жуковскаго называли «балладникомъ» (въ посланіи поэта Батюшкова къ Жуковскому) и «пѣвцомъ Свѣтланы». Въ историко-литературномъ

---

*) Соч. Гоголя (изд. Кулиша) СПб. 1857, т. III, стр. 445 и 446.

отношеніи эти баллады имѣютъ то значеніе, что съ нихъ началось внесеніе въ нашу литературу элементовъ нѣмецкаго романтизма, съ его туманными, таинственными и чудесными мечтами, грезами и преданіями. Съ этого времени характеръ и направленіе поэзіи Жуковскаго вполнѣ выяснились, и онъ преимущественно посвящаетъ свою поэтическую дѣятельность переводамъ изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ.

Нельзя согласиться съ мнѣніемъ, господствующимъ у насъ и теперь, что Жуковскій служитъ представителемъ въ нашей литературѣ шиллеровской поэзіи, и что онъ переводилъ «преимущественно» Шиллера. Это не вѣрно вопервыхъ, уже и съ одной внѣшней стороны, — не говоря о внутренней, — какъ мы это сейчасъ покажемъ. Число піесъ, переведенныхъ Жуковскимъ изъ Шиллера (всего около 20, считая вмѣстѣ съ драмой «Орлеанская дѣва») очень не велико и никакъ не превышаетъ произведеній, которыя переведены Жуковскимъ изъ другихъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. А вовторыхъ, баллады, нѣкоторыя лирическія піесы и «Орлеанская дѣва» Шиллера, переводы которыхъ сдѣланы Жуковскимъ, вовсе не принадлежатъ къ главнымъ и *характеристическимъ* произведеніямъ Шиллера. Значеніе и существенный характеръ поэзіи Шиллера заключаются вовсе не здѣсь. Шиллеру доставили безсмертіе прежде всего его знаменитыя драмы изъ перваго, «бурнаго» періода его дѣятельности: «Разбойники», «Фіэско» и «Коварство и любовь», — произведенія, полныя самой смѣлой и безстрашной поэзіи, въ которыхъ, по мнѣнію Шлоссера, едва ли не больше геніальности и оригинальности, чѣмъ въ позднѣйшихъ, внимательнѣе отдѣланныхъ и болѣе выдержаныхъ въ философскомъ тонѣ, произведеніяхъ Шиллера; а потомъ—къ безсмертнымъ твореніямъ Шиллера принадлежатъ такія лирическія піесы его, какъ «Боги Греціи» (die Götter Griechenlands), — эти «ясные, радостные» боги,—которые потому и были такъ любезны нѣмецкому поэту, что, управляя смертными, давали имъ радостную, веселую и полную наслажденій жизнь на землѣ *), какъ «Художникъ» (die Künstler),—какъ «Пѣснь о Колоколѣ» (das Lied von der Glocke) и друг. и наконецъ великія драмы: «Валленштейнъ» и послѣдняя изъ нихъ: «Вильгельмъ Телль», въ которой, — по словамъ Шерра, — «Шиллеру суждено было кончить такъ, какъ онъ началъ — пѣвцомъ и проповѣдникомъ свободы и человѣческихъ правъ». Вотъ тѣ произведенія, въ которыхъ заключается вся сущность и все значеніе поэзіи Шиллера. Вотъ здѣсь высказались вся сила и все могущество поэтическаго генія Шиллера, его возвышенные общечеловѣческіе идеалы и его обширный поэтическій міръ, вмѣщающій въ себѣ все человѣческое, безъ всякой примѣси романтической фантастики и сверхъестественнаго. Эти-то произведенія Шиллера собственно и имѣли могущественное нравственное вліяніе на свое время. Но изъ этихъ характеристическихъ произведеній Шиллера, не свойственныхъ духу поэзіи Жуковскаго, онъ и не перевелъ ни одного. Потому Жуковскій и Шиллеръ никакъ не могутъ быть сближаемы по отношенію къ широтѣ ихъ

*) Schiller's sämmtliche Werke. Stuttg. und Tübing. 1847. I, 87—91

поэтическаго міросозерцанія и ихъ общечеловѣческихъ идеаловъ и по отношенію къ силѣ и свойству ихъ поэтическаго таланта. Но у Шиллера были и такія произведенія, характеру и содержанію которыхъ вполнѣ симпатизировалъ Жуковскій, и потому стихотворенія эти переведены нашимъ поэтомъ превосходно. Таковы его переводы шиллеровыхъ балладъ, въ средневѣковомъ духѣ: «Графъ Габсбургскій», «Кубокъ», «Перчатка» и друг. Таковъ переводъ драматической поэмы: «Орлеанская дѣва», гдѣ Шиллеръ, подчиняясь взглядамъ романтиковъ, сдѣлалъ изъ Жанны д'Аркъ,—восторженной патріотки, увлеченной пламенною любовію къ родинѣ,—какую-то сантиментальную дѣву и идеально-религіозную энтузіастку. Таковы же и безукоризненно-прекрасные переводы превосходныхъ балладъ Шиллера изъ эллинской жизни: «Торжество побѣдителей», «Жалоба Цереры», «Элевзинскій праздникъ». Здѣсь Жуковскій передалъ съ поразительною вѣрностію и внутреннее содержаніе, и духъ и внѣшній колоритъ піесъ Шиллера.

Мечтательнымъ и идеальнымъ романтизмомъ,—выражающимъ то стремленія души отъ земли къ небу, то романтическую грусть, то элегическое настроеніе,—проникнуты и всѣ переводы Жуковскаго изъ другихъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ, изъ которыхъ онъ бралъ только то, что было родственно его душѣ. Иной разъ Жуковскій беретъ содержаніе, мотивъ изъ произведенія другаго поэта и сообщаетъ своему переводу совершенно иной характеръ,—характеръ своей собственной, *мечательной и грустной поэзіи*. Таковы большею частію всѣ его переводы изъ Гёте и Байрона. Поэтическая повѣсть Байрона: «Шильонскій узникъ», переведенная Жуковскимъ, при всей *внѣшней* вѣрности подлиннику, при удивительной силѣ и красотѣ стиха, получила въ переводѣ Жуковскаго иной духъ и характеръ: страшная картина мрачнаго и холоднаго отчаянія, изображенная Байрономъ, замѣнена здѣсь покорнымъ и тоскливымъ страданіемъ и безвыходною скорбію. Сопровождающій же у Байрона эту поэму замѣчательный гимнъ къ свободѣ вовсе не переведенъ Жуковскимъ.

Достаточно изучить два или три стихотворенія Жуковскаго,—все равно переводныхъ или оригинальныхъ,—чтобы по нимъ опредѣлить всѣ существенные признаки и отличія его поэзіи. Болѣе характеристическими піесами для такого изученія могутъ служить: «Сельское кладбище», «Эолова арфа», прекрасное элегическое стихотвореніе: «Опять ты здѣсь, мой благодатный геній»,—вольный переводъ, или подражаніе (какихъ у Жуковскаго много) «посвященію» Гёте передъ второю частію Фауста; элегія «Теонъ и Эсхинъ», «Узникъ», «Таинственный посѣтитель» и друг.

Конечно, всѣ романтическія свойства поэзіи Жуковскаго, вытекающія изъ личнаго (субъективнаго) чувства поэта, изъ непосредственныхъ вѣрованій его души, — это вѣчное недовольство и отчужденіе отъ земнаго и отъ дѣйствительности, это «стремленье въ оный таинственный свѣтъ», эта «тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ», эти мистическія предчувствія и вѣчныя исканія прочной любви и счастія лишь по ту сторону гроба, — конечно, все это проистекаетъ изъ крайне односторонняго и ложнаго взгляда на жизнь, которымъ отличались вообще романтики. Ибо истинный взглядъ на жизнь

требуетъ не отчужденія отъ всего земнаго, не отрицанія дѣйствительности; а напротивъ,—онъ требуетъ утвержденія правъ человѣка на земное счастіе, на дѣйствительность. Отрицаніе же несовершеннаго настоящаго—отрицаніе—вполнѣ законное и справедливое—служитъ только выраженіемъ стремленій человѣческихъ къ идеалу, т. е. къ совершенству.

По тѣмъ не менѣе романтическая поэзія Жуковскаго была весьма значительнымъ шагомъ впередъ въ ходѣ развитія нашей литературы, въ расширеніи предѣловъ русской поэтической мысли. Это была уже истинная, *человѣческая* поэзія. Она внесла впервые въ нашу литературу живую мысль, живое чувство и давала ей живое, *общечеловѣческое* содержаніе. Она уже говорила объ истинной жизни сердца, о внутреннемъ мірѣ души человѣческой, анализировала этотъ міръ и напоминала обществу, занятому исключительно грубыми, матеріальными интересами, о болѣе возвышенныхъ и благородныхъ цѣляхъ жизни, объ идеальныхъ стремленіяхъ—хотя сама и уносилась въ какую-то туманную и неопредѣленную даль и криво смотрѣла на внутренній міръ человѣка.

Вотъ въ этомъ введеніи въ поэзію просто *человѣка*, въ этотъ *раскрытіи въ поэзіи внутренняго міра души человѣческой* и заключается важнѣйшая услуга, оказанная Жуковскимъ русской литературѣ, посредствомъ его переводовъ и подражаній европейскимъ поэтамъ, въ произведеніяхъ которыхъ онъ находилъ родственную его душѣ романтическую стихію. Само собою разумѣется, что внося эту романтическую стихію въ русскую поэзію, Жуковскій бралъ изъ нея только то, что въ ней было вообще *человѣческаго* (см. выше), а не мѣстнаго, западно-европейскаго, какъ напримѣръ, воскрешеніе средневѣковаго католичества, феодализма, рыцарства и т. п. проявленій нѣмецкаго романтизма, въ которыя онъ выродился подъ конецъ. Стремленія къ воскрешенію у насъ не нашего прошедшаго не могли имѣть, конечно, никакого смысла, и когда мы говоримъ, что Жуковскій внесъ къ намъ элементы нѣмецкаго романтизма, никто, конечно, не станетъ разумѣть, что онъ вносилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ нашу поэзію и всѣ средневѣковыя тенденціи европейскихъ ново-романистовъ.

Въ позднѣйшій періодъ своей дѣятельности Жуковскій обратился къ эпической поэзіи, къ ровному и спокойному эпическому разсказу. Въ это время онъ перевелъ прекрасными стихами романтическую сказку де-Ламоттъ Фуке: «Ундина», изъ Рюккерта: индійскую повѣсть «Наль и Дамаянти» (эпизодъ изъ индійской эпической поэмы «Магабарата») и героическую повѣсть «Рустемъ и Зорабъ», — также эпизодъ изъ персидской эпической поэмы: «Шахъ-Намэ», Фирдуси. Въ этихъ переводахъ стихъ и языкъ Жуковскаго достигли до высокаго совершенства, простоты и изящества. Вообще Жуковскій первый создалъ русскій поэтическій, истинно-художественный стихъ и съ большимъ мастерствомъ владѣлъ русскимъ языкомъ, искусно употребляя въ своихъ стихахъ самые разнообразные метры.

Послѣдній важный трудъ Жуковскаго былъ переводъ «Одиссеи» Гомера, сдѣланный съ подстрочнаго нѣмецкаго перевода. Изъ прежнихъ попытокъ переводить Гомера заслуживаетъ вниманія только трудъ *Гнѣдича*, Николая Ива-

новича (1784—1833), который перевелъ съ греческаго «Иліаду» (1830), размѣромъ подлинника, т. е. гекзаметрами.

Переводъ Гнѣдича отличается чрезвычайною близостію къ подлиннику; онъ почти буквально вѣренъ; но существенный недостатокъ этого перевода тотъ, что онъ написанъ высокопарнымъ, риторическимъ языкомъ и ярко-цвѣтистою рѣчью; тогда какъ рѣчь Гомера дышетъ удивительною простотою и ясностію, Гомера переводить вообще чрезвычайно трудно: переводчику гомерическихъ пѣсень,—самыхъ народныхъ и поэтическихъ, какія только намъ завѣщала древность,—кромѣ глубокаго знанія эллинскаго языка и глубокаго изученія эллинской жизни, необходимо еще обладать сильнымъ поэтическимъ талантомъ, котораго у Гнѣдича не было. Допуская, по теоріи своего времени, что торжественная высокопарность есть необходимое условіе эпической поэмы, Гнѣдичъ перевелъ своего Гомера изысканнымъ языкомъ; онъ употреблялъ многіе церковнославянскіе слова и обороты и тяжелые, имъ самимъ созданные и неупотребительные эпитеты («воло-окій», «румяно-ланитый», «шлемо-блещущій» и т. п.), и тѣмъ лишилъ Гомера свойственной ему величавой простоты и нѣжной прелести греческаго стиха. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе долгаго и глубокаго изученія Гомера, Гнѣдичъ сообщилъ мѣстами своему гекзаметру духъ истинной эллинской рѣчи. Трудъ Гнѣдича, во всякомъ случаѣ,—весьма почтенный трудъ, заслуживающій большаго уваженія; онъ не былъ оцѣненъ по достоинству вслѣдствіе слабаго развитія у насъ знаній по классической древности.

Жуковскій въ переводѣ Гомера превзошелъ своихъ предшественниковъ въ томъ отношеніи, что своимъ тонкимъ поэтическимъ чутьемъ умѣлъ угадать многія отличительныя свойства, красоты и духъ Гомерова эпоса, и передалъ ихъ гекзаметромъ вполнѣ изящнымъ. Но въ свою очередь онъ сообщилъ гомерической поэзіи мѣстами несвойственныя ей романтическія черты, черты какой-то романтической, задумчивой «меланхоліи», которою по мнѣнію Жуковскаго, «все проникнуто» въ Одиссеѣ, и которой въ сущности тамъ вовсе не замѣчается. Языкъ Жуковскаго въ переводѣ «Одиссеи»,—большею частію, простой и изящный,—отзывается мѣстами литературнымъ стилемъ новаго времени и не чуждъ тривіальности. Мѣстами также онъ не избѣжалъ недостатка Гнѣдича въ употребленіи изысканныхъ эпитетовъ и тяжелыхъ, вновь изобрѣтенныхъ словъ («широко-шумящій», «горо-огромный», «башне-вѣнчанный», и проч. См. объ искуственно-составленныхъ словахъ въ переводѣ Одиссеи Жуковскаго: Историч. грамат. Буслаева, ч. II, стр. 154). Переводомъ «Одиссеи» Жуковскій, безъ сомнѣнія, оказалъ важную услугу русской литературѣ и русской образованности *).

Для полной характеристики Жуковскаго не должны быть забыты его посмертныя сочиненія: неконченная поэма «Агасверъ, вѣчный жидъ», размышленія и замѣчанія» и другія прозаическія статьи, напечатаныя въ X—XIII т.

---

*) Подробности о достоинствахъ и недостаткахъ переведенной Жуковскимъ „Одиссеи" см. въ превосходномъ разборѣ этого перевода, представленномъ въ книгѣ г. *Водовозова*: „Новая русская литература" (СПб. 1866). Стр. 50—54.

полнаго собранія его сочиненій (издан. 5-е, 1857). Поэма «Агасверъ» имѣетъ чисто нравоучительный и религіозный характеръ и замѣчательна по смѣлости и оригинальности идеи—связать извѣстную легенду о вѣчномъ жидѣ съ личностію Наполеона I. Здѣсь вѣчный жидъ, повѣстію о своихъ безконечныхъ страданіяхъ, долженъ былъ смирить отчаяніе и гордость великаго сентъ-еленскаго плѣнника, который, изнемогая подъ бременемъ своей судьбы, уже готовъ былъ покончить жизнь самоубійствомъ. Главная идея поэмы — не только внушить покорность волѣ Провидѣнія и безропотное перенесеніе земныхъ страданій и несчастій, но и доказать, что страданія эти благотворно дѣйствуютъ на твердую душу, не зараженную чувствомъ гордости. По внѣшней формѣ своей, поэма «Агасверъ» отличается строгою, какою-то величественною простотою и изяществомъ языка и чрезвычайно сильными, превосходными стихами. Сильный, энергическій и выразительный стихъ Жуковскаго въ этой поэмѣ скорѣе напоминаетъ лучшіе стихи Пушкина, нежели мягкій, мелодическій и чрезвычайно разнообрзный по своимъ размѣрамъ стихъ Жуковскаго, къ которому мы обыкновенно привыкли. Приводимъ, для образца, замѣчательное, по своей изобразительности, описаніе острова св. Елены, гдѣ томился умирающій Наполеонъ,

. . . онъ, вождь побѣдъ недавно
И страхъ царей, теперь царей колодникъ,

по весьма меткому и смѣлому выраженію Жуковскаго.

Есть островъ; онъ скалою одинокой
Подъемлется изъ бездны океана;
Вокругъ него все пусто: безпредѣльность
Водъ и безпредѣльность неба.
Когда вода тиха, а небеса
Безоблачны, онъ кажется тогда,
Въ сіяньи дня, уединенно-мрачнымъ
Пустынникомъ въ лазури безконечной;
Въ ночи жъ, спокойнымъ моремъ отраженный
Между звѣздами, въ двухъ кругомъ него
Пучинахъ блещущими, онъ чернѣетъ,
Какъ сумрачный отверженецъ созданья.
Когда жъ на небѣ тучи, въ морѣ буря,
И на него со всѣхъ сторонъ изъ бездны
Бросаются, какъ змѣи, вихри волнъ,
А съ неба молніи въ его бока
Вонзаются, ихъ ребръ не сокрушая,
Онъ кажется, въ семъ боѣ недвижимый,
Всемірнаго хаоса господиномъ *).

*) Соч Жук. X, 9—10.

Тѣмъ же духомъ христіанскаго смиренія и покорности передъ путями Провидѣнія, которым проникнута поэма «Агасверъ», отличаются и всѣ разсужденія и статьи Жуковскаго, помѣщенныя въ послѣднихъ томахъ собранія его сочиненій, какъ-то: «Наука», «Энтузіазмъ и Энтузіазты», «Письма: къ Гоголю, къ графу Ш. о происшествіяхъ 1848 года, къ Стурдзѣ», «О смертной казни«, «Нѣчто о привидѣніяхъ», «Іосифъ Радовицъ» и друг. Они указываютъ на христіанско-мистическое направленіе Жуковскаго, въ которое перешелъ у него, въ послѣднее время его жизни, нѣмецкій романтизмъ, и объясняютъ многія характеристическія черты въ его поэтической дѣятельности. Въ названныхъ статьяхъ заключаются сужденія и мысли Жуковскаго о различныхъ предметахъ: о религіи, наукѣ, поэзіи, нравственности, политикѣ. Здѣсь высказываются основныя убѣжденія нашего поэта, его образъ мыслей, его взгляды на всѣ эти предметы и на современныя явленія европейской жизни, за которыми слѣдилъ и которыми живо интересовался Жуковскій, проживая постоянно въ Германіи въ послѣдній періодъ своей жизни. На всѣ явленія въ сферахъ политики, нравственности, философіи, поэзіи и проч. Жуковскій смотритъ здѣсь не иначе какъ съ религіозно-мистической точки зрѣнія, которая и составляетъ главную основу всѣхъ его убѣжденій *).

Изъ свойства романтической поэзіи, внесенной въ нашу литературу Жуковскимъ изъ-внѣ, ясно само собою, что въ ней нѣтъ — или по крайней мѣрѣ очень мало — русскихъ, народныхъ элементовъ. Попытки Жуковскаго обрусить нѣмецкія баллады, равно какъ и его сказки, взятыя изъ сказокъ народныхъ: «Объ Иванѣ царевичѣ», «О царѣ Берендеѣ» и друг. оказались неудачными: здѣсь преобладаютъ романтическая мечтательность и нѣмецкая отвлеченность, вовсе не свойственныя духу русской народной поэзіи. Въ патріотическихъ же стихотвореніяхъ своихъ, каковы: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», піеса, составившая славу Жуковскаго и исполненная благороднѣйшаго

---

*) Д-ръ Зейдлицъ, близкій другъ Жуковскаго, находившійся въ постоянной перепискѣ съ нашимъ поэтомъ, въ названной выше статьѣ своей объясняетъ теперь, что въ „міросозерцаніи" Жуковскаго, въ послѣдній періодъ его жизни въ Германіи, „произошла большая перемѣна", и что онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ піэтистическихъ и религіозно-мистическихъ понятій, господствовавшихъ въ извѣстныхъ кружкахъ и ученіяхъ Германіи. См. „Журн. Мин. Нар. Пр. 1869, іюнь, стр. 297, 299, 300—301, 306, 314—315 и друг. Это обнаруживается дѣйствительно весьма ясно во всѣхъ взглядахъ и сужденіяхъ названныхъ нами выше прозаическихъ статей Жуковскаго,—крайне несочувственно и даже враждебно относящихся ко всему новому движенію къ новымъ явленіямъ въ жизни и въ литературѣ западной Европы. Таковы напр. въ 3-мъ письмѣ къ Гоголю всѣ взгляды на сущность и цѣль поэзіи, на Байрона, на Генриха Гейне; таковы же понятія и взгляды въ письмахъ къ Стурдзѣ, гдѣ Жуковскій говоритъ, между прочимъ: „направленіе нынѣшней литературы и въ особенности французской для меня *ненавистно*"; въ другомъ письмѣ къ нему же изъ Бадена онъ пишетъ: „Здѣсь, пользуясь уединеніемъ и стараясь заткнуть уши отъ *сатаническаго визга нашего времени*, и снова принялся за переводъ Одиссеи",—которымъ поэтъ хотѣлъ загладить, по его словамъ, „свой *грѣхъ*" въ томъ, что былъ „*родителемъ на Руси нѣмецкаго романтизма*". (Соч. Жук. ч. 11-я, стр. 151—170, ч. 13. стр. 243, 252—253).

патріотизма, «Пѣснь барда на гробѣ Славянъ побѣдителей, «Бородинская годовщина» и друг. Жуковскій является послѣдователемъ державинской риторической школы, и потому въ нихъ также нѣтъ національныхъ элементовъ.

Батюшковъ.—Въ одно почти время съ Жуковскимъ выступилъ на поприще русской литературы *Батюшковъ*, Константинъ Николаевичъ (1787 — 1855), человѣкъ съ замѣчательно-сильнымъ и свѣжимъ поэтическимъ талантомъ, хотя онъ далеко не имѣлъ того вліянія въ литературѣ, какимъ пользовался Жуковскій. Изъ области туманнаго романтизма и односторонняго направленія поэзіи Жуковскаго, Батюшковъ хотѣлъ свести русскую поэзію на землю, къ дѣйствительной жизни. Это была натура живая, исполненная реальныхъ, жизненныхъ стремленій; но, къ сожалѣнію, его поэтическая дѣятельность прекратилась очень рано и не достигла полнаго развитія (*). Батюшковъ былъ по преимуществу пѣвцомъ земныхъ благъ и античной красоты; его антологическія стихотворенія не утратили своего значенія и теперь. (Таковы превосходныя стихотворенія: «Источникъ», «Вакханка» и друг.). Въ антологическомъ родѣ стихотвореній Батюшковъ является поэтомъ самостоятельнымъ, а въ своихъ элегіяхъ и другихъ стихотвореніяхъ онъ подражалъ Жуковскому. Увлекаясь вначалѣ легкой, эпикурейской поэзіей французской школы, онъ потомъ изучилъ итальянскихъ поэтовъ (Аріоста, Тассо, Петрарку, Боккачіо) и наконецъ обратился къ греческой антологіи, выразивъ въ немногихъ антологическихъ стихотвореніяхъ своихъ живое сочувствіе къ эстетическому міру древнихъ и живое пониманіе античной красоты. Г. Никитенко вѣрно охарактеризовалъ поэзію Батюшкова, сказавъ: «жизнь въ глазахъ Батюшкова не есть ни тайна, ни подвигъ; она есть наслажденіе». Стихъ Батюшкова полонъ жизни и чрезвычайно живописенъ.

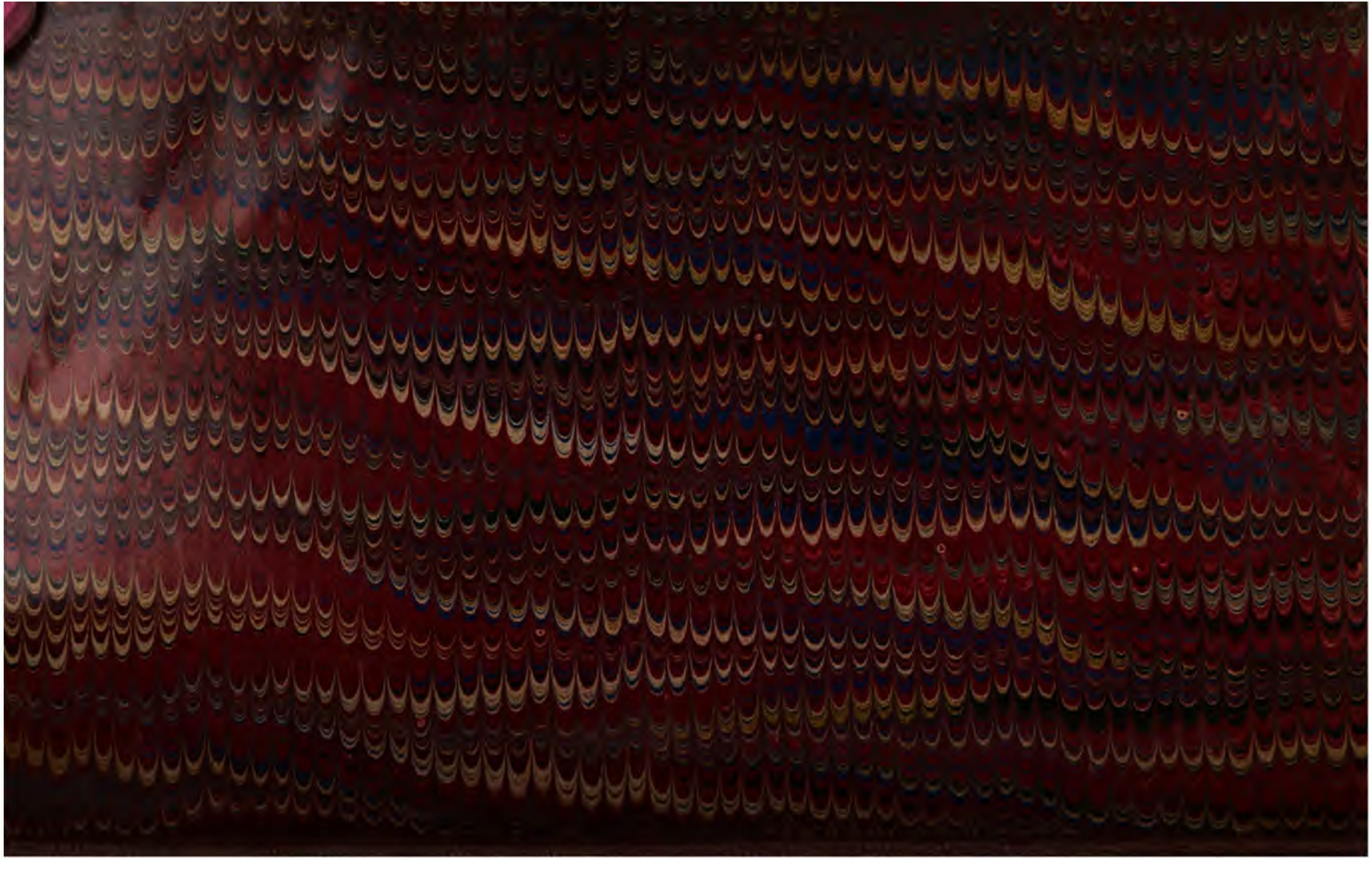
КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

---

*) Батюшкова постигла душевная болѣзнь, сопряженная съ умственнымъ разстройствомъ, и съ 1820 г. онъ умеръ для поэзіи. См. о Батюшковѣ Русск. Арх. 1867 года, №№ 10 и 11: „Констан. Никол. Батюшковъ. Его письма и очерки жизни“.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ И НЕДОСМОТРЫ.

Напечатано:				Должно читать:
СТРАН.	СТРОКА			
4	сн.	6	Святославговачъ	Святославговичъ
6	св.	14	семли	земли
13	„	19	говорятъ	говоритъ
25	сн.	18	свѣерной	сѣверной
26	„	1	какіе	какія
34	св.	6	ясно	явно
39	сн.	7	поганныхъ.	поганыхъ
45	св.	6	*тожи*	*тожи*
51	„	2	*въ Ордѣ.*	*въ Ордѣ отъ царя*
53	„	10	мѣстахъ,	мѣстахъ
54	„	6	въ словѣ и	въ словѣ о
56	„	7	и намъ	и къ намъ
83	„	18	натяжкам	натяжками
125	сн.	18	переводились	переписывались
135	св.	9	для	два
186	сн.	6	А. Д.	Д. А.
186	„	8	всей въ	всей
193	св.	3	драмматическія	драматическіе
272	сн	14	честная	честныя
280	въ вын.	„ 2	есть	есть отвѣтъ на
285	„	19	мѣткими	меткими
315	„	2	обладающій	обладавшій
325	„	13	версификаціи	версификація
347	св.	7	цитированнымъ	цитированныхъ
377	„	2	онѣ	онъ
423	сн.	2	тіеоріей	теоріей
429	въ вын.	„ 2	Шекновскій	Шешковскій
445	св.	8	несоблюдаемомъ	соблюдаемомъ
452	„	19	же	жъ
471	„	18	трупѣ	трупѣ
483	„	3	статьй	статьѣ
493	„	1	*подвергались*	*подвергалось*
498	сн.	2	желало	лежало
502	въ вын.	„ 2	книгѣ	книги
528	„	1	произошелъ благодетельный	произошли благодѣтельные
528	„	5	души	душѣ
528	„	12	рамановъ	романовъ
574	„	2	теорін	теоріи
592	св.	14	установившимся убѣжденіямъ	установившимися убѣжденіями
612	сн.	9	эффектныя	эфектныя
621	„	19	выдержаныхъ	выдержанныхъ



This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

FEB 20 '76 H

5158289

DEC 16 '60 H

JAN 7 '61 H

JAN 21 '63 H

FEB 25 '63 H

DUE '66 H

975784

CANCELLED